БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Крестовые походы

(1096–1291 гг.)

Составитель

М. М. СТАСЮЛЕВИЧ

3-е издание, исправленное и дополненное

ПОЛИГОН

Санкт-Петербург
АСТ • Москва
2001

ББК 63.3 (0) 4
И 90

История Средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон»; М.: ООО «Фирма «Издательство «АСТ», 2001.– 592 с., ил. – (Библиотека мировой истории).
И 90
ISBN 5-89173-099-5 («Полигон»)
ISBN 5-17-009291-1 («АСТ»)

Третья книга капитальной хрестоматии М. М. Стасюлевича «История Средних веков» охватывает XII—XIII века и посвящена событиям эпохи Крестовых походов. При изложении их истории составитель использовал сочинения не только христианских авторов, но и мусульманские источники. Хрестоматия М. М. Стасюлевича уже почти полтора столетия считается незаменимой книгой для тех, кто преподает и изучает историю этого периода.

ББК 63.3 (0) 4

ISBN 5-89173-099-5 («Полигон»)
ISBN 5-17-009291-1 («АСТ»)

Из предисловия к первому изданию

Предшествующие две книги охватывают собой 600 лет средневековой истории; третья книга посвящена XII–XIII столетиям. Содержание этих 200 лет несравненно богаче и знаменательнее: XII и XIII вв. были временем самого блестящего и полного развития феодального общества, когда оно успело, наконец, выработать известный исторический тип, цельный, своеобразный, каким был прежде тип греческой и римской образованности, основанный, впрочем, на началах прямо противоположных цивилизации Древнего мира. *Феодал* и *civis romanus* остаются и до сих пор единственными, самыми полными и вместе самыми крайними пунктами развития двух идей, на которых некогда зиждился весь общественный строй; через эти два типа прошло человечество прежде, нежели вступило в свою новую фазу, к которой принадлежат последние поколения и которая при всех своих великих преимуществах тем не менее в отношении полноты и законченности не может равняться с теми двумя колоссальными предшественниками, отошедшими в вечность.

Время от падения Древнего мира до начала Крестовых походов было темной эпохой постоянной подготовки и разработки феодальных начал; собственно, только в XII и XIII столетиях выходит на сцену все то, что мы привыкли называть средневековым.

При составлении третьей книги мы старались, не ограничиваясь приведением отдельных отрывков из трудов писателей, брать каждое историческое произведение в его целости – от начала, от посвящения, от пролога и до самого конца, представляли отпускаемые места в анализе и останавливались на полном переводе того, что в сочинении каждого писателя являлось замечательным. Таким образом, мы нашли средство не только дать обширные извлечения из работ таких писателей, как Вильгельм Тирский, Бернард Казначей, Виллардуэн, Жан Жоанвиль, Марин Санудо и другие, но вместе с тем и представить полное содержание их трудов в целости. Мы обратили в этот раз особенное внимание на посвящения и прологи, потому что они дают самое лучшее понятие о литературных вкусах того времени, объясняют многое из жизни писателей и служат их автобиографией. При изложении истории Крестовых походов мы использовали сочинения не только латинских писателей, но привели также показания важнейших византийских историков и те отрывки из мусульманских источников, которые могли быть нам доступны по их французским или латинским переводам.

В заключение позволяем себе выразить надежду, что приписанное нам стремление заменить своим трудом употребление руко-

водств, вероятно, рассеется теперь само собой при одном взгляде на обширность нашего труда: даже и три тома, уже появившиеся в печати, из которых в каждом может удобно поместиться по объему два-три учебника, не могут служить учебником предмета, преподаваемого всего только один год. Но никакая обширность нашего издания нисколько не препятствует преподавателю пользоваться им, а учащемуся прочесть вне урока по указанию преподавателя то или другое место из Жоанвиля или Виллардуэна, которое дополнит классную работу и даст уму и воображению самую здоровую пищу.

Но мы и теперь по-прежнему считаем недостаточным в деле исторического преподавания ограничиваться одной катехизацией предмета в учебнике; впрочем, и наши противники, по-видимому, склонились, наконец, в пользу этого мнения. По крайней мере, мы не так давно читали, хотя и в другом ежедневном издании, но выходящем под той же редакцией, которая поместила в своем ежемесячном журнале («Русский вестник», 1863 г.) разбор первого тома нашего труда, а именно следующее: «Учебники истории, – говорит одна из передовых статей газеты (№ 238, 1864 г.), – никогда не сообщат им (учащимся) чувства истории; учебники истории дадут им только ряды слов и чужих воззрений, которые коснутся их лишь поверхностно. Но, усваивая шаг за шагом букву и дух древних языков, учащиеся самолично входят в мир истории и овладевают первоначальными источниками исторического ведения. Они усваивают себе историю на самом деле всеми способностями и инстинктами. Они овладевают действительно бывшим, а не заучивают чужие рассказы и рассуждения в учебнике, переложенном с немецкого».

Мы говорили два года тому назад другими словами, но то же самое и заключили так: «Кто прочел Тацита, Эгингарда, Фроассара, тот лучше знает историю и более *исторически* образован, нежели тот, кто усвоил себе целое историческое руководство». Тогда нас упрекнули в стремлении заплатить дань духу времени; но теперь мы видим, что все это было одно недоумение, ибо наши противники также думают, что только в чтении источников «учащиеся усваивают себе историю на самом деле, всеми способностями и инстинктами, овладевают действительно бывшим» и т. д.

Пусть учебники остаются на *своем* месте, пусть совершенствуется в них форма катихизации и пусть они делаются более удобными для памяти; но мы нисколько не повредим учебникам, если пополним то, чего недоставало в нашей литературе и чего не могли никаким образом заменить никакие учебники.

В конце этой книги приложена *родословная таблица латинских королей и князей Палестины в XII и XIII вв.*, составленная по «Stammtafeln zur Geschichte der Europaeischen Staaten» *von Voigtel* (Braunschweig, 1864), с исправлением вкравшихся в них ошибок и с дополнениями по показанию современников. *Карта земного круга,* составленная в самом конце эпохи Крестовых походов для практического руководства крестоносцев венецианским патрицием Марином Санудо, служит наглядным изображением географических представлений того времени.

18 марта 1865 г.

ВВЕДЕНИЕ

Ипполит Тэн

ОБ ОТНОШЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ КАЖДОЙ ЭПОХИ К ЕЕ ИСТОРИИ
(в 1863 г.)

Историческая наука в Германии преобразовалась лет сто тому назад, во Франции лет шестьдесят и только благодаря тому обстоятельству, что начали изучать литературу.

При этом успели заметить, что ни одно литературное произведение не может быть рассматриваемо, как простая игра воображения, мимолетный каприз разгоряченного мозга: оно служит снимком с нравов своего времени и знаком известного настроения умов. На основании такого наблюдения заключили, что возможно при помощи литературных памятников дойти до восстановления способов чувствовать и мыслить, которыми обладали люди несколько веков тому назад. Сделан был тому опыт, и опыт удался.

Размышляя об этих способах чувствовать и мыслить в различные эпохи, дошли наконец до убеждения, что именно они-то и составляют исторические факты первого порядка. Их влияние заметили на самых великих событиях; они объяснили их и сами в свою очередь объяснились ими: потому сделалось необходимо на будущее время дать им место в истории и притом одно из самых высших. Так и было поступлено, и с той поры все изменилось в истории: предмет, метод, средства, понимание законов и причин. Это-то преобразование, как оно совершилось и должно было совершиться, мы и постараемся изложить здесь.

1. Исторические памятники служат только указанием, при помощи которого предстоит воссоздать физического и осязаемого человека. Когда вам случает-

---

ИППОЛИТ АДОЛЬФ ТЭН (HYPPOLIT TAINE. 1828–1893). Тэн – один из замечательнейших критиков Франции. Окончив курс в École normale, он получил степень доктора за свои две диссертации: «De personis Platonicis» и «Essai sur les fables de La Fontaine» (Par., 1853). В следующем году Парижская академия дала ему премию за его новый труд «Essai sur Tite Live». Последующие литературные этюды Тэна были изданы вместе под заглавием «Essais de critique et d'histoire» (Par., 1857). В 1863 г. он окончил свое самое капитальное произведение «Histoire de la litterature anglaise», в 4 томах.

ся переворачивать окоченелые страницы фолианта, пожелтевшие листы манускрипта, короче, поэму, кодекс, завет, какое будет при этом ваше первое замечание? Вы заметите прежде всего, что это еще не главное. Это только форма, в которую отливалось нечто другое, подобная ископаемой раковине, оттиску, который остается на камне от животного, исполненного некогда жизни и теперь погибшего. Под раковиной находилось животное, и под формой литературного памятника жил прежде человек. К чему бы изучать раковину, если бы мы не могли при ее помощи составить себе понятие о животном. Точно так же вы изучаете памятник, чтобы через то узнать человека: раковина и памятник есть не что иное, как омертвелые обломки, и имеют ценность, как указание на цельное и живое существо. До этого-то существа следует достигнуть, и именно его-то необходимо воссоздать. Весьма ошибаются те, которые изучают памятник для него самого. Это значило бы работать в качестве присяжного ученого и заразиться библиоманией. Собственно говоря, не мифология, не язык должны обращать на себя наше внимание, но только люди, которые построили слова и образы, соответственно нуждам своих органов и первобытному складу ума. То или другое общее положение само по себе ничего не значит; обратите внимание на людей, которые его установили, и тогда, например, образ XVI в. в Англии предстанет перед вами в строгой и энергичной фигуре архиепископа или английского мученика. Все, что существует, существует в виде определенной личности; а потому нужно стараться познать ее. Когда установлена связь между догматами, когда состоялось распределение частей поэмы, – или развитие конституций, или преобразование языка, – тогда можно сказать не более, как только то, что почва готова; истинная история выходит на сцену, когда историк начинает на расстоянии времен различать человека живого, действующего, одаренного страстями, вооруженного силой привычки, с известным голосом и своеобразной физиономией, с известными телодвижениями, в одежде, столь же отличной и полной, как одежда человека, которого мы только что оставили на улице. Мы должны стараться сократить, насколько возможно, тот громадный промежуток времен, который препятствует нам видеть человека собственными глазами, *глазами нашей головы.* Что скрывается под изящными страничками сатинированной бумаги новейшей поэмы? Новейший поэт, то есть человек, подобный Альфреду Мюссе, Гюго, Ламартину или Гейне, кончивший, как они, курс наук, совершивший путешествие в черном фраке и перчатках, хорошо принятый в дамском обществе; в один вечер он сделает до полсотни приветствий и выпустит в свет двадцать острых слов; утром читает журналы; обыкновенно помещается во втором этаже; не предается излишним восторгам, потому что он нервен и притом потому, что в этой непроницаемой демократии, в которой живем мы, французы, презрение к официальным достоинствам преувеличило свои притязания и возвысило свою важность, а также и потому, что утонченность обычных чувствований дает каждому охоту принимать себя за бога. Вот что мы успеваем подметить во всех так называемых méditations, размышлениях или новейших сонетах. Точно так же под трагедией XVII в. скрывается поэт, поэт, как, например, Расин, изящный, расторопный, куртизан, мастер говорить, в величественном парике и башмаках с бантом, ройялист и христианин от всего сердца, «получивший от Бога дар не краснеть ни в каком обществе, ни в обществе короля, ни за евангелием»; он умеет забавлять своего властелина, переводить ему на отличный французский язык «le gaulois d'Amyot»; к вельможам весьма почтителен и всегда умеет перед ними «оставаться на своем месте»; угодлив и осторожен в Марли, как и в Версале, среди предписанных удовольствий природы подстриженной и декорационной, реверансов, грации и тонкого обхождения вельмож в шитье, которые встают пораньше, чтобы заслужить назначение на должность в случае чьей-нибудь смерти, и очаровательных дам, которые рассчитывают по пальцам генеалогии, чтобы добиться табурета. О всем этом вы найдете довольно у С. Симона и на эстампах Перелля, как сейчас видели то

у Бальзака и в акварелях Лами. Равным образом, когда мы читаем греческую трагедию, наши первые усилия должны быть направлены к тому, чтобы представить себе греков, то есть людей, которые живут полунагими в своих гимназиях или на публичных площадях под светлым небом, имея перед глазами чудные виды; они заняты сообщением своему телу силы и ловкости, болтовней, прениями, подачей голосов или патриотическим пиратством; в остальном – праздные и воздержные, они имеют в доме три кружки для меблировки и два анчоуса в глиняном горшке, наполненном маслом; им служат рабы, благодаря которым у них остается много свободного времени для украшения своего духа и упражнения своих членов; у них нет другой заботы, кроме желания иметь у себя самый красивый город, самую прекрасную процессию, самые прекрасные идеи и самых красивых людей. Все это растолкует вам больше, нежели множество диссертаций и комментарий, одна статуя, как Мелеагр или Тезей в Парфеноне, или, еще лучше, вид сияющего голубого Средиземного моря, эта шелковая туника, из которой выплывают острова, как куски мрамора; и к этому возьмите каких-нибудь двадцать мест, выбранных у Платона и Аристофана. Равным образом, чтобы понять индийскую *пурану,* начните с того, что представьте себе отца семейства, который, «увидев сына на коленях сына», удаляется по закону в пустыню с секирой и сосудом, под банановое дерево на берегу ручья, перестает говорить, удваивает посты, живет нагишом между четырех огней, имея над собой пятый огонь, – я подразумеваю палящее солнце, которое беспрерывно пожирает и воспроизводит живые существа. По очереди и целыми неделями он вперяет свой взор на ступню Брамы, потом на его колено, лядвею, пуп и так далее, пока в результате усилий напряженного воображения не появятся галлюцинации, пока все формы существующего, перемешавшись и слившись друг с другом, не заколеблятся в этой голове, одержимой кружением, и пока неподвижный человек, сдерживая дыхание, вперив свой взор, не увидит, как вселенная, наподобие дыма, исчезнет над всеобъемлющим и бессодержательным существом, в котором он ищет распуститься сам. В этом отношении путешествие по Индии было бы всего назидательнее; но за недостатком лучшего оно может быть заменено рассказами путешественников, географическими сочинениями, ботаникой и этнологией. Во всяком случае, прием исследования должен быть тот же. Язык, кодексы, законодательный и религиозный, есть не что иное, как абстракты; полнота заключается в человеке действия, в человеке физическом и осязаемом, который ест, ходит, борется, работает; оставьте в стороне теории конституций и их механизм, теории религий и их систему, а постарайтесь увидеть людей в их мастерских, в их конторах, за плугом на полях, вместе с их небом, почвой, домами, одеждой, привычками, пищей, как вы то делаете, высадившись в Англии и Италии, когда вы всматриваетесь в лица и телодвижения, глядите на тротуары и таверны, на горожанина, как он прогуливается, на мастерового, как он пьет. Вся наша забота должна быть направлена к тому, чтобы по возможности всякое наблюдение было бы для нас очевидно, лично, непосредственно и осязательно, хотя бы оно относилось и к прошедшему: это единственный путь к познанию человека; сделаем же прошлое настоящим; чтобы судить о каком-нибудь предмете, постараемся, чтобы он был нам присущ; отсутствующее не может подлежать наблюдению. Конечно, такое воспроизведение прошедшего всегда останется неполным; оно приведет к незаконченным суждениям; но надобно покориться этому неудобству; лучше познание недовершенное, чем пустое или ложное, а нет средства постигнуть до некоторой степени деятельность прошедшего времени, как до некоторой степени *увидеть* людей тех эпох.

Но это только первый шаг в истории; его сделали в Европе при возрождении творческого воображения в конце прошлого столетия, благодаря инициативе Лессинга, Вальтера Скотта; во Франции, несколько позже, пошли тем же путем Шатобриан, Августин Тьерри, Мишле и многие другие. Но вот еще второй шаг.

2. Человек физический и осязаемый служит только указанием, при помощи которого предстоит изучить внутреннего и неосязаемого человека. Когда вы наблюдаете человека осязаемого, чего вы ищете в нем? Человека неосязаемого. Его слова, достигающие до вашего уха, его телодвижения, одежда, поступки, видимые дела служат для вас только выражением чего-то другого; все это говорит о чем-то ином, о душе. Человек внутренний скрыт в человеке внешнем, и последний свидетельствует о первом. Вы осматриваете его дом, его мебель, одежду, но вы ищете во всем этом следы его привычек и вкуса, хотите судить о степени его развития или простоты, расточительности или экономии, ограниченности или утонченности ума. Вы прислушиваетесь к его разговору и замечаете даже интонацию его голоса и принимаемые им позы опять для того, чтобы заключить о его энергии, развязности, веселости или о натянутости. Вы изучаете произведение его пера или искусства, его финансовые или политические предприятия с единственной целью: определить силу и пределы его рассудительности, находчивости, присутствия духа, открыть распорядок, род и обычную мощь его идей, как он мыслит и определяет свою волю. Все внешнее служит только тропинками, ведущими к центру, и вы пускаетесь на поиски, чтобы достигнуть этого центра; там пребывает истинный человек – я подразумеваю сумму способностей и чувствований, производящих все остальное. Вот новый мир, мир беспредельный, ибо всякое видимое действие влечет за собой бесконечный ряд заблуждений, тревог, прежних и новых ощущений, содействовавших к тому, чтобы вызвать его наружу, и которые, подобно высоким скалам, пустившим глубокие корни в землю, достигают в этом действии своей вершины и выплывают на поверхность. Этот подземный мир и составляет второй предмет, собственно предмет историка. Если его критическое образование удовлетворительно, то он будет способен открыть под всяким украшением архитектуры, под всякой чертой картины, под всякой фразой литературного произведения то своеобразное чувствование, под влиянием которого явились то украшение, та черта или та фраза; он присутствует при внутренней драме, которая совершалась в артисте или в писателе; выбор слов, краткость или длина периода, характер метафор, ударение в стихе, порядок в рассуждении – все служит ему указанием; в то время как его глаза читают текст, его душа, его ум следят за беспрерывным потоком и цепью волнений и ощущений, из которых вытекал сам текст; это – *психология.* Если вы хотите наблюдать за таким процессом, обратите внимание на того, кто вызвал и послужил сам образцом всей великой современной образованности, на Гете, который, прежде чем сел за свою *Ифигению*, употребил целые дни на то, чтобы копировать лучшие статуи; наконец, пресытив свой взор благородными формами античного искусства и напоив свой дух гармоничной красотой древней жизни, он дошел до такого верного воспроизведения в самом себе привычек и наклонностей греческой фантазии, что мог подарить Антигоне Софокла и богиням Фидиаса сестру, почти их близнеца. Такие приемы обновили в наше время историю; в прошлом столетии их почти совершенно не знали; люди всех рас и веков представлялись почти без всякого различия; грек, варвар, индус, человек эпохи Возрождения и человек XVIII в., все это отливалось в одну форму по известному абстрактному представлению, которое прикладывалось ко всему человеческому роду. Знали человека, но не знали людей; не достигали до души, не видели бесконечного разнообразия и изумительной ее сложности; не догадывались, что моральное построение народа или эпохи есть нечто своеобразное и отличительное, как физическое построение какого-нибудь семейства растений или известной породы животных. Ныне история, как и зоология, открыла свою анатомию, и какова бы ни была ветвь исторических занятий – филология, лингвистика или мифология, – все трудятся по этому пути, желая добиться новых результатов...

Моральное построение народа или эпохи зависит от трех первобытных причин: от *расы*, *данной среды* и *данного момента.* Историку остается исследовать, каким

Император Роман IV и императрица Евдокия.
Византийская резьба по слоновой кости. XI в. Париж. Национальная библиотека

образом распределяется их влияние на народ или на эпоху. Источник, вытекая из возвышенного места, пробивает себе русло соответственно покатостям, с одной террасы на другую, пока наконец не достигнет самых низших слоев земли; точно так же и расположение умов или духа, произведенное в народе расой, известной средой и известным моментом, распространяется в различной пропорции и постепенно, по тем фактам, из которых состоит цивилизация. Когда чертят географическую карту страны, начиная с того пункта, где разделяются воды, то от общего источника образуется пять или шесть главных бассейнов, потом каждый из них распадается на множество второстепенных и так далее, пока водная сеть со всеми своими разветвлениями не покроет всей страны. Равным образом, если начертить психологическую карту событий и восприятий человеческой цивилизации, то окажется сначала пять или шесть резко разделяющихся областей: религия, искусство, философия, государство, семейство, промысел; потом каждая из этих областей распадется на естественные департаменты; в департаментах откроются небольшие территории и так далее, пока мы не дойдем до тех бесчисленных подробностей жизни, которые мы наблюдаем ежедневно в себе и около себя. Если теперь исследовать и сравнить между собой те различные группы фактов, то нельзя не заметить, что они состоят из частей и что все они имеют общие стороны. Возьмем сначала три главных продукта человеческого разума – религию, искусство и философию; что такое философия, как не постижение природы и ее первичных причин в форме абстракта и формул? Что лежит в сущности религии и искусства, как не постижение той же самой природы и тех же первичных причин в форме символов более или менее точных и личностей более или менее определенных, с тем различием, что в первом случае верят, что они существуют, а во втором убеждены, что они не существуют? Пусть читатель подумает о тех великих созданиях духа в Индии, Скандинавии, Персии, Риме, Греции, и он увидит, что повсюду искусство является чем-то вроде философии, сделавшейся осязательной, религия – какой-то поэмой, принимаемой за истину, а философия – искусством и религией, высушенными и приведенными к чистым идеям. Итак, в центре этих трех групп есть один общий элемент, а именно: постижение природы и ее начал, и в то же время они отличны друг от друга, потому что к общему элементу присоединяют свой отличительный элемент: в одном сила восходит до абстрактов, в другом является способность олицетворять и верить, наконец в третьем – олицетворять, не веря. Возьмем далее два главных продукта ассоциации людей: семейство и государство. Что такое государство, как не чувство повиновения, в силу которого масса людей собирается под властью одного главы? И что такое семейство, как не чувство повиновения, в силу которого жена и дети действуют под руководством отца и мужа? Семейство есть природное государство, первобытное и узкое; точно так же как государство есть семейство искусственное и широкое; при различии, которое производится числом, происхождением и условием, в которое поставлены члены, в самом маленьком обществе, как и в большом, замечается то же самое расположение основного духа, которое сближает и соединяет всех. Теперь предположите, что этот общий их элемент получает от расы, от известной середины и момента, своеобразный характер, и будет ясно, что *все эти группы должны будут видоизмениться в известной пропорции*. Если чувство повиновения есть не что иное, как страх, вы встретите, как то бывает в большей части азиатских государств, жестокость деспотизма, разнообразие пыток, истощение подданного, раболепие в нравах, беззащитность собственности, обеднение промыслов, рабство женщины и все привычки гаремной жизни. Если чувство повиновения имеет свой корень в инстинкте дисциплины, общественности и чести, вы найдете, как то является во Франции, удивительную военную организацию, превосходную административную иерархию, недостаток публичного духа вместе со вспышками патриотизма, готовную покорность подданного вместе с революционной нетерпеливостью, преклонение придворно-

го с оппозицией благородства, все удовольствия изящной беседы и светской жизни с дрязгами жизни домашней, равенство супругов и брачные страдания под неизбежным гнетом закона. Если, наконец, чувство повиновения вытекает из инстинктов субординации и идеи долга, вы заметите, как то бывает у народов германской расы, безопасность и счастье домашней жизни, прочность ее, медленное и неполное развитие жизни светской, врожденное уважение к установленным властям, суеверную привязанность к прошлому, поддержание социального равенства, страх естественный и привычный перед законом. Равномерно в каждой расе вместе с различием общих идей религия, искусство и философия проявляются различно. Если человек склонен к широким всемирным воззрениям и вместе с тем любит возмущать их нервностью своего раздраженного организма, то мы увидим, как в Индии, изумительное богатство гигантского религиозного творчества, роскошное процветание чрезмерной и призрачной эпопеи, странную запутанность утонченного и фантастического философствования, и в то же время все они столь тесно связаны между собой и столь проникнуты общей идеей, что по одной их широте, окраске и самому беспорядку можно тотчас их признать продуктом одного и того же климата и одного и того же духа. Если, напротив, человек от природы здравый и обладающий равновесием сил, ограничит добровольно мир своих восприятий с тем, чтобы точнее определить форму, тогда перед нами явится, как в Греции, теология артистическая и повествовательная, отдельные божества, совершенно отрешенные от вещей и преобразованные в точные личности; чувство всеобъемлющего единства почти сглаживается и едва-едва сохраняется в неопределенном представлении Судьбы; философия – более утонченная и сжатая, нежели величественная и систематическая, но зато несравненная в своей логике, софистике и морали; поэзия и искусство превосходят своей ясностью, естественностью, размером, истиной и красотой все, что когда-нибудь видели до тех пор. Если, наконец, человек, придя к узким восприятиям и лишившись всей умозрительной тонкости, окажется в то же время поглощенным и проникнутым в целости практическими стремлениями, тогда мы встретим, как в Риме, простых богов с пустыми именами, годных для обозначения мельчайших подробностей сельского быта, деторождения, хозяйства, брака, фермы, и вследствие того мифологию, философию, поэзию ничтожную или заимствованную. В этом случае, как и везде, применяется *закон взаимной зависимости*. Цивилизация составляет собой тело, и ее части совокупляются наподобие частей органических тел. Как в животном его инстинкты, зубы, члены, кости, мускулы связаны между собой, и изменение в одном влечет за собой соответствующую перемену в другом, так что искусный натуралист может по нескольким обломкам воссоздать почти весь остов; точно так же и в цивилизации религия, философия, семейный быт, литература, искусство составляют систему, в которой всякая местная перемена производит всеобщую перемену, и опытный историк, изучив отдельную часть, знает вперед и наполовину угадывает характер остального. В этой обоюдной зависимости нет ничего неопределенного. В живом организме эта зависимость выражается в ее стремлении осуществить известный первобытный тип, и необходимость быть в согласии с самим собой, чтобы жить и владеть органами, необходимыми для удовлетворения своих потребностей. В цивилизации она определяется присутствием в каждом великом человеческом творчестве производительного элемента, присущего всему окружающему; я понимаю под этим известную способность, навык, заметное расположение, которое, отличаясь ему свойственным характером, проникает во все отправления и по мере своего видоизменения видоизменяет всякое дело, в котором принимает участие.

Histoire de la litterature anglaise.
Introduction.

Т. Н. Грановский

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА XII И XIII вв. (в 1851 г.)

Мы привыкли понимать под *Средними веками* тысячелетие, отделяющее падение Западной Римской империи от открытия Нового Света и начала Реформации. Но идея и формы, составляющие характерную особенность Средних веков, принадлежат не всем отделам этого обширного периода. Феодализм, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готические соборы, поэзия трубадуров и миннезингеров, одним словом, главные явления, в которых вполне сказалось внутреннее содержание средневековой истории, составляющие как бы цвет и плод ее, развились большей частью не ранее XI и отцвели к концу XIII столетия. Пять предшествующих веков можно назвать периодом образования, приготовления отличительных форм средневековой жизни; два последних века, XIV и XV, представляют нам эпоху разложения; они служили переходом к новой истории.

Нетрудно будет угадать общий характер того общества, о котором здесь идет речь, взглянув на него с его наружной стороны. Перенеситесь мыслью в любое из государств тогдашней Европы, бросьте на него хоть беглый взгляд, и вы тотчас поймете, что война составляет главное занятие, почти исключительную заботу всего населения. Начнем с городов, этих средоточий деятельной жизни и промышленности для народов Древнего и Нового мира. Средневековый город обнесен зубчатой стеной и окружен рвом. На колокольне или башне стоит недремлющий сторож, озирающий беспокойными глазами окрестность. Отдельные дома похожи на крепости. Через улицы на ночь протягивают цепи. Это обилие предосторожностей обличает вечную опасность, постоянную возможность нападения. Враг грозит отовсюду. Когда его нет вне города, купившего деньгами или кровью минутный покой у соседних баронов, тогда он подымается внутри стен: цехи воюют с патрициями, одна часть общины идет на другую. Переходя от городского к сельскому населению, мы встретим те же явления. Почти каждый холм, каждая крутая возвышенность увенчана крепким замком, при постройке которого, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы называем комфортом, а безопасность была главной целью. Воинственный характер общества резко отразился на этих зданиях, которые вместе с железным доспехом составляли необходимое условие феодального существования. К высоким башням господского замка робко жмутся бедные, ждущие от него защиты и покровительства, хижины вилланов. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убежище своим жителям. Подобно городу и замку, монастырь был часто окружен укреплениями, свидетельствовавшими, что святое назначение места недостаточно защищало его против хищности окрестных владельцев или наемных дружин, которые в мирное время обращались в разбойничьи шайки. Внутреннее содержание соответствовало наружному виду. В средневековой Европе не было народов в настоящем смысле слова, а были враждебные между собой сословия, начало которых восходит к эпохе распадения Западной Римской империи и занятия ее областей германскими племенами. Из пришельцев образовались почти исключительно высшие, из туземного населения – низшие классы новых государств. Насильственное основание этих государств провело резкую черту между их составными частями. Граждане французской общины принимали к сердцу дела немецких или итальянских городов, но у них не было почти никаких общих интересов с феодальной аристократией собственного края. В свою очередь барон редко унижал себя сознанием, что в городе живут его соотечественники. Он стоял неизмеримо выше их и едва ли с большим высокомерием смотрел на беззащитного и бесправного виллана. При таким особенностях быта у каждого сословия должно было развиться собственное воззрение на все жизненные отношения и высказаться в литературе. Рыцарские эпопеи проникнуты этим исключительным духом. Возьмите любой роман каролингско-

го или прочих циклов: вы увидите, что в нем нет и не может быть места героям другого сословия, кроме феодального. То же самое можно сказать о рыцарской лирике. Она поет не простую, доступную каждому человеческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственного быта, понятное только рыцарю да еще, может быть, горожанам Южной Франции и Италии. Зато среди городского населения процветала своя, неприязненная феодализму, литература. Здесь-то родилась сказка (fabliau), в которой язвительный и сухой ум горожанина осмеивал не одни только идеи и доблести, составлявшие как бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще все идеалы, все поэтические стороны Средних веков. В труверах можно узнать праотцов Рабле и Вольтера. Была, по-видимому, одна сфера, где утомленный раздором и войной ум находил покой и примирение. Мы говорим о науке, выросшей под сенью западных монастырей и носящей название схоластики. Это слово, означающее собственно науку Средних веков, не пользуется большим почетом в наше время. Под ним привыкли понимать пустые, лишенные живого содержания диалектические формы. Не такова была схоластика в эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственных битв столь же смелая и воинственная, как то общество, среди которого ей суждено было совершить свое развитие. Заслуга и достоинство схоластики заключаются именно в ее молодой отваге. Бедная положительным знанием, она была исполнена веры в силы человеческого разума и думала, что истину можно взять с бою, как феодальный замок, что для смелой мысли нет ничего невозможного. Не было вопроса, перед которым она оробела бы, не было задачи, перед которой она сознала бы свое бессилие. Она, разумеется, не решила этих вопросов и задач, поставленных роковой гранью нашей любознательности, но воспитала в европейской науке благородную пытливость и крепкую логику, составляющие ее отличительные приметы и главное условие ее успехов. Вот права схоластики на вечную признательность новых поколений, хотя нам нечему более учиться в огромных фолиантах, которые содержат в себе труды средневековых мыслителей.

Папа Пасхалий II вручает Генриху V императорские регалии

Из этой короткой характеристики вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная действительностью мысль не обретала покоя и в той области, где по-настоящему должны разрешаться все противоречия нашего существования, в ясном сознании их примиряющего закона. В науке шла та же борьба, что и в жизни. В конце XI столетия уже начался спор между реалистами и номиналистами, отозвавшийся вскоре в богословии и получивший впоследствии великое значение. В XIII в., то есть в эпоху, о которой мне предстоит сегодня беседовать с вами, этот спор перешел на другую почву. Парижский университет, отстаивая логический элемент в средневековой науке, вел ожесточенную борьбу с мистическими стремлениями францисканцев и доминиканцев. О направлении тогдашнего

мистицизма можно судить по уцелевшим отрывкам из сочинений генерала Францисканского ордена, Иоанна Пармского. Он произносит безусловный приговор над светским государством, над семейством, над собственностью и призывает всех к жизни исключительно созерцательной, дабы скорее свершились земные судьбы человека. Папа должен был положить конец этим прениям, тем более опасным, что они находили сочувствие вне школы, в народных массах, жадно принимавших всякое новое учение, толкуя его сообразно своим понятиям. В начале XIII столетия подавлена была ересь альбигенская. Та же участь постигла немецких штедингов и разнообразные, но равно враждебные западной церкви секты, возникшие во Фландрии и в Италии. Папство одолело, опираясь на светские власти; но побежденные ереси продолжали существовать втайне, не отказывались от своих надежд и ждали только удобного случая, дабы восстать со свежей силой. Неужели этому хаотическому, но исполненному бесконечной энергии миру суждено было истощить свои силы в безвыходной борьбе и неразрешимых вопросах? Отдельный человек и целое общество равно нуждаются в порядке и законе; для них равно невыносимо безначалие в области несвязанных никаким единством явлений. Такое единство пытались дать средневековому миру вожди его: император и Папа. Поставленные развитием истории и глубоким сознанием нравственных потребностей своего времени во главе общественного мнения Западной Европы, наместники св. Петра стремились к одной цели с преемниками Карла Великого. Но каждая из этих властей требовала себе первенства и главной роли в задуманном деле. К прежним раздорам присоединился новый, причиной которого была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римским папам, ни германским императорам не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и в Крестовых походах. Это движение носит двоякий характер: с одной стороны, оно было вызвано преобладанием религиозного чувства; с другой – современным состоянием европейского общества. Все тогдашние сословия с равным жаром устремились в страну, освященную земной жизнью Искупителя, и каждое несло с собой свои надежды. Каждое из них думало осуществить на той священной почве свой политический идеал. Горожане и вилланы уходили от феодального гнета; барона манила возможность создать чистое феодальное государство, не стесняясь обломками исторических учреждений, уцелевших в Европе, идеалом клерика, возложившего на себя знамение крестоносцев, было теократическое государство, не удавшееся Григорию VII. Цели эти не были достигнуты. Горько обманутые в своих надеждах, народы Запада перестали думать о завоевании Азии и устремили свою деятельность в другую сторону, на другие предметы. Если бы Европу XIII столетия могла привести к единству одна гениальная личность, то задача была бы скоро решена. В таких личностях не было недостатка. Вспомните о предпоследнем императоре из дома Гогенштауфенов, о Фридрихе II. Эта странная, можно сказать, страдавшая избытком сил, личность не нашла себе места в современной ей обстановке. Ни по идеям, ни по взгляду на жизнь Фридрих не принадлежал тому поколению, среди которого жил, и на расстоянии нескольких веков он протягивал руку людям нового времени. Отсюда произошли все его неудачи. Великий законодатель, мыслитель, воин, поэт стоял вне своей эпохи, был в ней представителем только идей отрицательных, враждебных средневековому порядку вещей. Современники ненавидели и любили его страстно, но всем без исключения был он непонятен, всем равно внушал недоверие и страх. Я приведу здесь один многознаменательный пример. Последнее войско, которое Фридрих вел в 1250 г. против Рима, состояло большей частью из арабов и других магометанских наемников. Надобно, однако, прибавить, что и римские первосвященники в борьбе с императорами не всегда употребляли средства, дозволенные христианскому пастырю.

Среди этих воинственных и бурных поколений суждено было действовать Людовику IX. Сравнивая с суровыми лицами других деятелей того времени задумчивый и скорбный лик Людовика, мы невольно за-

даем себе вопрос об особенном характере его деятельности. В чем заключалась тайна его влияния и славы? В великих ли дарованиях? Нет. Многие из современников не только не уступали, но превосходили его дарованиями. В великих ли успехах и счастьи? Нет. Дважды, при Мансуре и под Тунисом, похоронил французский король цвет своего рыцарства. В новых ли идеях, которых он был представителем? Но он не внес никаких новых идей в государственную жизнь Франции, а напротив, употребил все свои силы на поддержание и укрепление существовавших до него учреждений. Значение его было другого рода. Позвольте мне рассказать вам одно, исполненное дивной красоты, средневековое сказание. Это сказание о святой чаше (Graal). У Иосифа Аримафейского была драгоценная, выдолбленная им из цельного камня чаша: из нее, говорит сказание, вкушал Спаситель последнюю земную пищу свою за тайной вечерей; в нее же пролилась божественная кровь с креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человек, смотрящий на нее, не стареет, не знает земных немощей и не умирает, хотя бы сладостное созерцание продолжалось двести лет, говорит легенда. Но доступ к чаше труден: он возможен только высочайшему целомудрию, благочестию, смирению и мужеству, одним словом, высшим доблестям, из которых сложился нравственный идеал Средних веков. Таковы должны быть блюстители Грааля. Молитва и война составляют их призвание и подвиг в жизни, но война священная, за веру, а не из суетных житейских целей. В стремлении приблизиться к такому идеалу западная церковь облагородила феодализм до рыцарства и соединила последнее с монашеством в известных орденах тамплиеров, странноприимцев[1] и других, возникших в эпоху Крестовых походов. Но всякий орден есть общество, следовательно, нечто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Средних веков не могла быть вполне удовлетворена военно-духовными братствами, в которых отдельная личность постоянно стояла ниже возлагаемых на нее требований и как бы оправдывала собственную немощь заслугами целого ордена. С другой стороны, нам известно, как рано изменили эти ордена своему первоначальному назначению и поддались искушениям политического могущества и светских наслаждений. Примером могут служить тамплиеры. Идеалу средневековой доблести суждено было воплотиться в лице Людовика IX.

Сочинения Т. Н. Грановского. М., 1857,
т. I, с. 437–445.

КОММЕНТАРИЙ. О Т. Н. Грановском и его сочинениях см. во2-м томе. Приведенный текст составляет вступление одной из четырех публичных лекций, читанных московским профессором в 1851 г.: о Тимуре, Александре Великом, Людовике IX и Бэконе. В своем сжатом очерке характера тех двух столетий, которые составляют зенит развития средневекового общества, профессор Грановский выказал весь свой талант мыслителя и живописателя, так что и теперь мы должны повторить сказанное нами еще в 1852 г., по поводу критики этих его лекций, а именно, что в них Т. Н. Грановский обнаружил те же достоинства, которые мы привыкли встречать во всем, что выходило из-под его пера; а сделанные нами замечания относительно частностей нисколько не препятствуют нам назвать словами нашего же профессора его чтения «достойными вкладами русской мысли и русского слова». Мы затруднились бы и в западной исторической литературе приискать что-нибудь такое, что могло бы служить лучшей прелюдией к крестоносному времени и что в таких немногих словах могло бы так удобно ввести читателя в новый мир, который открывают собой XII и XIII столетия. Чтобы лучше понять взгляд Грановского именно на Крестовые походы, сравните статью Гегеля (ниже), где он говорит о том, как крестоносцы не достигли тех целей, к которым стремились, но как зато человечество достигло того, чего пилигримы XII и XIII столетий не имели и в виду.

[1] Госпитальеры, или иоанниты.

ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

XII–XIII вв.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЭПОХИ

Спустя 300 лет после смерти Карла Великого его обширная монархия, положившая начало единству Западной Европы, как в отношении политическом, так и в отношении образовательном, расширила свои внешние пределы завоеванием земель на востоке у славян, на юге – у арабов, а норманны, вышедшие из Карловой монархии, включили в ее пределы Англию и Южную Италию.

На всем этом пространстве – от берегов Средиземного моря до южного прибрежья Балтики, и от Карпат и течения Вислы до берегов Англии – господствовали две власти, признаваемые в различных степенях, но выражавшие собой, тем не менее, единство, наложенное на Западную Европу Карлом Великим, а именно власть римского императора и власть римского первосвященника, которые после вековой борьбы, закончившейся в начале XII в., думали разделить между собой Вормсским конкордатом область своего влияния.

Но между тем, как императоры и папы вели ожесточенную борьбу за пределы своей власти, действительные интересы общественной жизни, не находя себе удовлетворения в разрешении вопроса, где начинается и где кончается власть императора и Папы, страдали настоятельными, крайними нуждами, и общество, повергнутое в нищету, начало искать себе исхода вне полуученой и полубиблейской теории императоров и пап, и было таким образом брошено на новую и самостоятельную дорогу, которая после 400-летней борьбы, переворотов привела Западную Европу к пределам новой истории.

Эти *два столетия* (XII и XIII) открывают *третий* и *последний* период истории Средних веков (XII–XV столетия), когда средневековая образованность, достигнув высоты своего развития и в отношении политическом, и в отношении социальном, и в отношении интеллектуальном, и в отношении художественном, пала с необыкновенной быстротой, уступив место новым понятиям и новому порядку вещей. В отношении политическом и социальном этот период представляет нам все крайние стороны развития феодального общества в его трех великих органах, духовенстве, дворянстве и среднем сословии, с их орденами и коммунами; в отношении интеллектуальном схоластическая наука со своим особенным и ей одной доступным языком, со своей беспредельной пытливостью породила целый мир особых понятий; в отношении художественном феодальное общество выработало свою архитектуру, и ее соборы, ратуши, замки стоят еще до сих пор памятниками какой-то чуждой нам эпохи, но некогда самостоятельной и полной жизненных сил.

Собственно говоря, только XII и XIII столетия были временем прогрессивного движения средневековой образованности и представляли окончательное ее развитие; в XIV и XV вв. она начинает колебаться и вырождаться, уступая место другим понятиям о жизни.

Эпоха Крестовых походов, охватывая собой XII и XIII столетия, была самым блестящим временем полного и всестороннего развития средневековой образованности. Борьба пап с императорами, раздоры феодальных сюзеренов с баронами и баронов между собой, опустошение Англии норманнами – все это довело западное общество до того крайнего положения, в котором человек видит себя, лишенным всякой гарантии для своего имущества и даже для самой жизни. Ничего не оставалось, как посреди такого хаоса создать новую власть, которая не была бы заинтересована чьей-нибудь личной выгодой, поставить себе новую цель, которая вытекала бы не из сословных выгод, но из побуждений более общечеловеческих, образовать какую-нибудь новую силу, которая не служила бы эгоистическим видам отдельных лиц или званий. Такой новой властью сделался *Божий мир*; новой целью – освобождение Гроба Господня; новой силой – так называемое войско Господне, или армия пилигримов, принявших крест. При таком общественном настроении Крестовые походы, которые по своей идее вовсе не были чем-нибудь новым, приобрели политическое значение и вместе сделались средством к довершению переворота в средневековом обществе.

Западная Европа в течение двух веков высылала на Восток целые армии одну за другой; пилигримы возвращались назад, принося с собой новые познания и вместе закалившись в трудной боевой и походной жизни, как впоследствии из Америки возвращались в Старый Свет те же самые люди, но с другими идеями и требованиями от общественной жизни.

Потому эпоха Крестовых походов представляет два главных явления: 1) сам факт Крестовых походов и 2) то развитие, которое произошло в Западной Европе в крестоносную эпоху, а именно успехи политической жизни, общественной, интеллектуальной и промышленной: народная монархия, городские общины, ганзы, университеты, схоластика, искусства, литература – все это получило свое происхождение именно в XII и XIII столетиях.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СОБЫТИЙ

Время Крестовых походов, в собственном смысле этого слова, заключает в себе XII и XIII столетия, точнее 1096–1291 гг.

К концу XI столетия положение исторического Востока было следующее: Восточная империя, или Византийская, утратила к тому времени почти все свои владения в Африке и Азии, вдоль берегов Средиземного моря. Переворот, произведенный Магометом в степях Аравии (622 г.), где он успел собрать рассеянные силы номадов в одно целое, и, с другой стороны, постепенное разложение и деморализация византийского общества и правительства, позволили, ничтожной вначале, горстке людей создать новый мусульманский мир, охвативший собой громадное пространство от берегов Инда до Эбро в Испании, и притом менее, чем в каких-нибудь 100 лет (622–711 гг.). Но к концу XI в. сам мусульманский калифат не только распался на три части: Кордовский в Испании, Египетский, или Фатимидов, в Африке и Багдадский в Азии, но, кроме того, сама власть багдадского калифа ограничивалась почти одним городом Багдадом; управление же провинциями предоставлялось вождям наемных войск, набираемых по большей части в Туркестане. Перед началом Крестовых походов предводители турок-сельджуков управляли всей

Передней Азией от имени калифа, и когда в 1092 г. умер Малек-шах, один из таких предводителей и наместник багдадского калифа, то он разделил калифатство на султанства между своими родственниками: 1) *Иран*, от Тигра до Инда, достался его старшему сыну, Баркиароку; 2) *Иконий*, в Малой Азии, где правил Килидж Арслан, и в Сирии, 3) *Алеппское* и 4) *Домасское* султанства. Каждое из них еще подразделялось на бесчисленное множество отдельных владений, управляемых дальними родственниками султанов; так, внутри Дамасского султанства, в Иерусалиме, правил Орток, племянник Малек-шаха. Их междоусобия и притязания Фатимидов отнять у Багдадского калифата некогда принадлежавшую им Сирию довели мусульманский мир до величайшего расслабления; один Килидж Арслан, ближайший сосед империи, тревожил недавно перед тем утвердившуюся династию в Византии, а именно Комнинов. Правивший в то время император Алексей Комнин обратился с просьбой о помощи к западным христианам, воображение которых уже было подготовлено жалобами пилигримов, испытавших на себе всю жестокость новых владетелей Иерусалима, турок-сельджуков. Петр Пустынник подействовал особенно на умы своих единоверцев и остался главным героем начала Крестовых походов в народном воображении.

Папа Урбан II созвал собор в Клермоне в 1095 г., и поход был определен. Нетерпеливые желали отправиться без дальнейших приготовлений и погибли вместе со своими предводителями, Вальтером Неимущим и др. Спасся один Петр Пустынник. Только в августе 1096 г. собралось несколько армий, которые различными дорогами прибыли в Византию; так явились туда один за другим Готфрид, герцог Лотарингский, с братьями Балдуином и Евстафием; Роберт Нормандский и Роберт Фландрский; Стефан Блоа и Раймунд Тулузский; Боэмунд Тарентский, Танкред и др. Встреченные неприязненно подозрительными греками, они дали присягу Алексею Комнину и переправились в Малую Азию, где поход их открылся осадой Никеи (май 1097 г.). По взятии Никеи крестоносцы прошли через всю Малую Азию и достигли Антиохии. Но один из князей, Балдуин, брат Готфрида, оставил общее дело и, получив приглашение от жителей Эдессы, удалился на Евфрат и там основал первое Латинское княжество.

Между тем крестоносцы осаждали Антиохию и только в половине 1098 г. овладели городом; будучи сами, в свою очередь, осаждены турецким предводителем Кербогой, они едва спаслись и после того продолжали свой путь далее через Сирию к Иерусалиму, куда и прибыли в июне 1099 г. В половине июля того же года Иерусалим был взят.

Так окончился *Первый Крестовый поход*, и началась история нового Иерусалимского королевства.

Главой всех христианских владений был провозглашен *Готфрид* (1099–1100 гг.); но сами земли были разделены по началам феодальным; вассалами иерусалимской короны были: князь Эдесский Балдуин, Антиохийский – Боэмунд, Триполийский – Раймунд Тулузский и Галилейский – Танкред. Их владения были, в свою очередь, подразделены, и так далее до последнего замка. Новое устройство этого феодального государства составило отдельный кодекс под названием *Ассиз Иерусалимского королевства,* или *Писем Гроба Господня*. Впоследствии, в Иерусалиме, явилось новое сословие, три военно-духовных братства: тамплиеров, иоаннитов и тевтонов, со своими великими магистрами.

В самом начале правления Готфрида египетский калиф сделал попытку к отнятию Иерусалима, но был разбит христианами при Аскалоне (август 1099 г.). Менее чем год спустя после этой битвы, Готфрид скончался, и на место его был избран брат его, *Балдуин I* (1100–1118 гг.), а после него – его родственник *Балдуин II Бурржский* (1118–1131 гг.).

Правление первых Балдуинов, несмотря на порчу нравов между самими крестоносцами, было лучшим временем для Иерусалимского королевства. Распространению оружия христиан много содействовало падение господства Сельджукидов после смерти Баркиарока; еще при нем в его владениях образовалась опасная секта ассасинов, руководимая своим вождем Гор-

ным Старцем, фанатизм которой держал в страхе всех султанов, напрасно боровшихся со своим невидимым врагом. Пользуясь всем тем, Балдуин I завоевал Птолемаиду, или Аккон (ныне St. Jean d'Acre), Берит, Сидон и другие, а при Балдуине II сдался и Тир. В руках мусульман оставались в Сирии Дамаск и Алеппо, окруженные со всех сторон христианскими владениями.

Балдуинами кончается мужская линия Готфрида и вместе цветущее состояние Иерусалимского королевства.

Балдуину II наследовал его зять *Фулько Анжуйский* (1131–1143 гг.), родоначальник нового Анжуйского дома (король английский, Генрих II Плантагенет, был его внуком). Внутренние смуты вместе с переменой династии и малолетство его преемника и сына, Балдуина III (1143–1162 гг.), остановили успехи христиан, а между тем в мусульманском мире произошел весьма выгодный для него переворот.

Один из мелких правителей турецких Эмадеддин Ценги и его сын Нуреддин, владетели Мосула, соединили в своей власти разрозненные земли султанств Алеппо и Дамаска и, пользуясь раздорами христиан, после смерти Фулько отняли у них Эдессу (1144 г.).

Слух о взятии Эдессы вызвал новых проповедников, и Папа Евгений III поручил обратиться к князьям и народам св. Бернарду, аббату Клерво. Крест приняли Людовик VII, король Франции, и Конрад III, король Германский, вместе со своим племянником герцогом Фридрихом Барбароссой. Их *Второй крестовый поход* (1147–1149 гг.) остался без результатов; прибыв в Палестину, они осадили Дамаск, но, не успев овладеть им, возвратились в Европу.

После удаления крестоносцев королевство Иерусалимское, предоставленное одним собственным силам, начинает быстро клониться к падению, вследствие внутренних междоусобий при последних королях Анжуйского дома. Хотя *Амальрик I* (1162–1173 гг.), брат Балдуина III, успешно отражал нападения сарацин, но малолетство его преемников: сына, *Балдуина IV* (1173–1185 гг.) и внука, *Балдуина V* (1185–1186 гг.), увеличило общественные бедствия. По смерти Балдуина V его отчим, *Гвидо Лузиньян* (1186–1192 гг.), женатый на его матери, Сивилле, провозгласил себя королем Иерусалима, но его враги противопоставили ему Раймунда, графа Триполи.

Император в полном парадном облачении

Ввиду междоусобия претендентов мусульманский мир начал возникать с прежней славой, благодаря завоеваниям Нуреддина, овладевшего Дамаском. Его полководец Ширку и племянник последнего Саладин завоевали ему Фатимидский калифат, а после смерти Нуреддина Саладин соединил в своей власти почти всю Сирию и Египет, окружив со всех сторон владения христиан. Саладин поддерживал Раймунда Триполийского, а после, воспользовавшись оскорблением, нанесенным ему христианами, вступил с ними в открытую борьбу, и при Тивериаде (1187 г.) разбил их. Король Гвидо попался в плен, но после получил свободу. Иерусалим сдался (1187 г.); в ру-

Печать императрицы Матильды

ках христиан остались только три значительных города: Антиохия, Тир и Триполи. Гвидо, желая возвратить утраченную власть, собрал войско и осадил Птолемаиду, а граф Тирский, Конрад Монферратский, женатый на Изабелле, младшей сестре Балдуина IV, несмотря на права Гвидо, принял на себя титул иерусалимского короля.

В таком положении была Св. земля, когда начался *Третий крестовый поход* (1189 г.); монархия Саладина, простираясь от Тигра до Нила, заключала в себе Месопотамию, Сирию и Египет; Иерусалимского королевства не существовало, но зато было два иерусалимских короля, Гвидо и Конрад; государство Гвидо состояло в лагере под стенами Птолемаиды, а Конрад господствовал в Тире; Антиохии угрожали вместе и турки, и византийские греки.

Известие о взятии Иерусалима было причиной двух новых попыток возвратить св. город христианству; но *Третий* (1189–1192 гг.) и *Четвертый* (1204 г.) крестовые походы остались без результатов для Палестины, и от крестоносцев пострадала одна Византийская империя: во время третьего похода она потеряла Кипр, а четвертый поход окончился завоеванием самой Византии и основанием на ее развалинах латинских государств.

Третий крестовый поход предприняли Фридрих I Барбаросса, германский император, с сыном Фридрихом Швабским, Ричард Львиное Сердце, король Англии, и Филипп II Август, король Франции. Фридрих I отправился прежде (1189 г.), но по дороге утонул в Каликадне (в Киликии); сын его Фридрих довел войско до Птолемаиды, куда явились на помощь к Гвидо короли Англии и Франции, поссорившиеся еще на пути, в Сицилии. Филипп II прибыл прежде, потому что Ричарда задержало завоевание у греков Кипра. Несмотря на раздоры англичан и французов, Птолемаида скоро сдалась (июль 1191 г.); но Филипп II не хотел более оставаться в Палестине и возвратился в Европу, и Леопольд Австрийский, сменивший умершего Фридриха Швабского, будучи оскорблен Ричардом, ушел из Палестины. Оставшись один, Ричард продолжал героическую борьбу с Саладином, и только слухи об интригах Филиппа II вынудили его заключить с Саладином мир и возвратиться в отечество (1192 г.). На обратной дороге он попался в плен к императору Генриху VI и был выкуплен своими вассалами (1194 г.).

В результате мирного договора Ричарда с Саладином христиане получили береговую полосу от Тира до Яффы и право посещения Гроба. Так как Конрад Тирский умер, то Ричард отдал иерусалимскую корону *Генриху Шампанскому* (1192–1197 гг.) вместе с рукой жены Конрада, Изабеллы, а Гвидо Лузиньян получил в вознаграждение о. Кипр с титулом короля. На следующий год после удаления Ричарда умер Саладин (1193 г.); но его брат, Малек Адель, соединив разделенную им монархию и избрав своей столицей Каир, продолжал вражду с христианами и отнял у них Яффу, причем погиб и сам король Иерусалимский, Генрих. Его вдова Изабелла вышла в четвертый раз замуж – за *Амальрика II* Лузиньяна, короля Кипра (брата умершего Гвидо Лузиньяна). Он правил Иерусалимским королевством от 1197 до 1210 г.

В правление Альмарика II сделана была вторичная попытка к освобождению Иерусалима. По благословению Папы Иннокентия III Фулько Нельи проповедал поход, и крест приняли Балдуин Фландрский и Бонифаций Монферратский. Не имея средств для переезда, они поступили на службу

Лук, меч, палица, боевой топор являлись основным оружием сражений времен Крестовых походов. Иллюстрация начала XIII в.

Крестоносцы в походе: пилигриммы и рыцари. Миниатюра из рукописи конца XIII или начала XIV в. «De Passagiis in Terram Sanctam». Венеция

к Дандоло, дожу Венеции, к которому явился и царевич Алексей, сын императора Исаака из фамилии Ангелов, сменивших (1185 г.) династию Комнина. Исаак был свергнут и ослеплен своим братом Алексеем III (1195–1203 гг.); молодой Алексей спасся бегством и искал помощи у Венеции и крестоносцев. Крестоносцы подошли к Византии, сначала возвели на престол Исаака Ангела и его сына, но, вследствие народного восстания, овладели городом (1204 г.) и всей империей и, разделив ее между собой на лены, избрали императором Балдуина I Фландрского.

Таким образом, Палестина оставалась забытой, и Амальрик II умер, не дождавшись помощи. После его смерти палестинские христиане избрали королем *Иоанна Бриенния* (1210–1225 гг.), женатого на дочери Изабеллы, Иоланте. Это был последний король Иерусалимский, имевший свою резиденцию в Палестине. Он употребил все усилия, чтобы вызвать западных христиан на помощь Св. земле; но на Западе охладели к подобным предприятиям; одни дети составили армию, и этот поход детей (1212 г.) кончился их погибелью. Наконец король Венгрии Андрей II предпринял поход (1217 г.), но скоро возвратился, предоставив часть своего войска королю Иоанну. Таким образом, Иоанн один предпринял *Пятый Крестовый поход* (1218–1221 гг.). Так как после смерти Малек Аделя его монархия распалась, и Иерусалим достался на долю египетского султана, то крестоносцы напали на Дамиетту и овладели ею (1219 г.). Мусульмане предложили в обмен Иерусалим, но папский легат воспротивился, а между тем разлитие Нила затопило лагерь крестоносцев, и они были вынуждены сдать Дамиетту даром.

После того Иоанн решился лично отправиться в Европу и успел склонить в пользу Св. земли короля Германского, *Фридриха II*, выдав за него свою дочь Иоланту и уступив ему, вместе с ее рукой, титул иерусалимского короля (1225 г.).

Это обстоятельство наложило на *Фридриха II*, как короля Иерусалимского, обязанность подать помощь Палестине, и повело к *Шестому Крестовому походу* (1228–1229 гг.). Опасаясь за свои владения в Италии и боясь вражды пап, Фридрих II медлил, но, наконец, был вынужден исполнить обет. При вражде султанов Дамаска и Египта он овладел Иерусалимом, не обнажив меча. Но Фридрих встретил более опасных врагов в о́рденах и в папах, а потому, оставив в Иерусалиме наместника, поспешно возвратился в Европу (1229 г.).

После удаления Фридриха II Иерусалим сохранял независимость благодаря одним распрям мусульман; христиане держались всегда союза с дамасским султаном, что их и погубило. Еще в начале XIII столетия началось движение татар, или монголов; они вытеснили ховарезмийцев (из Хивы), чем и воспользовался египетский султан. Он принял последних к себе на службу и при их помощи завоевал Дамаск, а вместе и Иерусалим (1244 г.). Христиане спаслись попрежнему в Тире и Птолемаиде, которые с того времени оставались последним их убежищем.

Известие о новом взятии Иерусалима не произвело почти никакого впечатления на Западную Европу, и королю Французскому Людовику IX Святому стоило больших усилий склонить своих вассалов предпринять *Седьмой Крестовый поход* (1248–1254 гг.). Высадившись в Египте и овладев Дамиеттой, французы двинулись далее; но при

Мансуре (1250 г.) были разбиты, и сам Людовик попал в плен к мамелюкам. Султан взял с Людовика выкуп, но мамелюки были недовольны тем, и их предводитель Либарс, умертвив последнего преемника Саладина, основал новую династию. Людовик получил дозволение отправиться в Палестину, где он провел 4 года, укрепляя города и приготовляясь к борьбе с мусульманами; но слух о беспорядках во Франции и смерти его матери Бланки, управлявшей в его отсутствие государством, принудили Людовика возвратиться домой (1254 г.).

После удаления Людовика IX, хотя христиане и нашли себе нового союзника – монголов, все равно Бибарс разбил их и овладел Антиохией (1268 г.). Один Людовик был встревожен этим последним известием и предпринял *Восьмой Крестовый поход* (1270–1271 гг.) вместе с английским принцем Эдуардом, сыном короля Генриха III. Но по просьбе своего брата, Карла Анжу, короля Неаполитанского, Людовик выступил сначала против Туниса, где и умер от заразы. Несмотря на то, Эдуард продолжал начатое дело и прибыл в Птолемаиду; но покушение ассасина на его жизнь и известие о смерти отца принудили его возвратиться в Англию, прежде чем он успел сделать что-нибудь для Палестины.

Так закончились попытки западных христиан освободить Гроб Господень; 20 лет спустя после удаления Эдуарда мамелюки овладели Птолемаидой (18 мая 1291 г.); другие города, как Тир, Сидон и Берит, сдались без сопротивления; тевтоны еще прежде удалились в Пруссию; тамплиеры ушли во Францию; иоанниты утвердились на о. Родосе, откуда в XVI в. они были вынуждены перейти на о. Мальту, и мусульмане изгнали окончательно западных христиан из Палестины.

До какой степени все оставались равнодушными к участи Св. земли, о том можно судить по тщетным усилиям Марина Санудо в начале XIV в. побудить королей и пап к завоеванию Востока. Религиозное настроение прошло, внутренние причины, вызывавшие Крестовые походы, ослабли, а научные соображения Санудо, его торговые и политические расчеты были еще преждевременны для XIV столетия.

ИЕРУСАЛИМСКИЕ КОРОЛИ

Готфрид. 1099–1100 (*Первый* Крестовый поход)
Балдуин I. 1100–1118
Балдуин II. 1118–1131
Фулько Анжуйский. 1131–1143

Балдуин III. 1143–1162 (*Второй* Крестовый поход)
Амальрик I. 1162–1173
Балдуин IV. 1173–1185
Балдуин V. 1185–1186

Гвидо Лузиньян. 1186–1192 (*Третий* Крестовый поход)
Генрих Шампанский. 1192–1197

Амальрик II Кипрский. 1197–1210 (*Четвертый* Крестовый поход)

Иоанн Бриеннский. 1210–1225 (*Пятый* Крестовый поход)

Фридрих II Гогенштауфен. 1225–1250 (*Шестой* Крестовый поход)

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

История Иерусалимского королевства до взятия Эдессы. 1095–1147 гг.

Радульф Глабер

НАСТРОЕНИЕ УМОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПЕРЕД НАЧАЛОМ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ (в 1047 г.)

ПЯТЬ КНИГ
истории своего времени, от избрания Гуго Капета в короли до 1046 г.[1]

Пролог

Величайшему из великих людей, Одилону, отцу аббату Клюни[2] – *монах Радульф Глабер*.

Я часто разделял справедливые сожаления трудолюбивой братии нашего ордена и ваши собственные о том, что никто из современников не займется тем, чтобы передать каким-нибудь образом потомству многообразные события, которых мы были свидетелями, как в церкви Господней, так и в народе. Они совершались не для того, чтобы быть преданы забвению, и Спаситель сам объявил, что с помощью Отца и при участии Св. Духа, Он не перестанет действовать в мире до последнего часа последнего дня. На пространстве 200 лет, а именно от священника Бэды в Британии и Павла (см. о них выше) в Италии, не нашлось ни одного писателя, который попытался бы начертать историю для потомства[1]. И эти два историка говорили только о своем собственном народе и отечестве. Между тем, нет сомнения, что вся Римская империя (так в Галлии называли Италию и Германию), заморские страны (то есть восток) и земли варваров (венгерские и славянские земли) представляли зрелище множества событий, которые были бы весьма полезны для людей, если бы их изложить, и послужили бы каждому прекрасным уроком благоразумия и осмотрительности. То же самое можно сказать о событиях, которые толпятся с необычайной оживленностью около *1000 г.* от воплощения Спасителя нашего Христа. По вашему совету и по желанию братии, я хочу

---

[1] Заглавие в оригинале: *Glabri Radulphi.* «Cluniacensis monachi, Historiarum sui temporis Libri V, ab electione Hugonis Capeti in regem, ad annum usque MXLVI».

[2] См. о нем во 2-м томе.

[1] Из этих слов видно, как ограничено было сознание людей XI в., весь период времени – от Карла Великого до Крестовых походов; наш автор прямо переходит к себе от Павла Дьякона и ничего не знает о других историках.

попытаться рассказать эти события, ограничиваясь одним беглым очерком прошедших времен; хотя семьдесят толковников не совершенно согласны с историческими книгами евреев относительно счисления времени от сотворения мира, но можно полагать с полной уверенностью, что 1002 г. от воплощения Слова совпадает с первым годом правления Генриха II (императора), короля саксов, и 1000 г. н. э. соответствует 13-му году правления Роберта (сына Гуго Капета), короля французов. Эти два государя считались в свое время самыми благочестивыми и самыми могущественными на материке. Первый же из них, Генрих, получил даже Римскую империю; вот почему я избираю эпоху их правления как самую определенную, чтобы руководствоваться ею при означении времени. Впрочем, так как мне предстоит охватить в этом сочинении события *всех четырех стран света* (на языке того времени так обозначали всю Римскую империю в древних ее пределах), то я считаю своей обязанностью, особенно обращаясь к лицам духовным, предпослать своему труду, предпринимаемому во имя Господне, некоторые подробности относительно таинственного учения о *божественной четверице* (divina quaternitas), ее отношениях и гармонии.

Книга первая начинается потому объяснением четверицы, то есть мистического значения числа 4, которое, по замечанию автора, играет повсюду важную роль: так, существуют только 4 Евангелия, 4 стихии, 4 реки в раю и т. д.; наконец, 4 эпохи в истории человечества: от Сотворения мира до Потопа – царство разума; от Потопа до Моисея – царство кротости; от Моисея до Иисуса Христа – царство силы; и от Иисуса Христа до времени автора – царство правды. Затем следует краткий очерк последних событий истории Германии и Италии, после чего автор заключает свою первую книгу следующим характерным рассуждением о будущих судьбах мира, которые в ту эпоху занимали умы всех людей:

«Господь посвятил шесть дней на создание мира и в седьмой день опочил по совершении своего подвига; точно так же в течение шести веков Он творил чудеса для назидания ими человеческого рода; действительно, во все предыдущие века постоянно встречаются чудесные знамения, совершенные предвечным Провидением, до самого времени, когда Божество воплотилось в человечестве, то есть до шестого тысячелетия, к которому принадлежит и наше время; полагают теперь, что в седьмом тысячелетии труды мира должны покончиться для того, чтобы мир также опочил от дел своих и нашел свой конец в том, кто дал ему существование».

Крестоносцы в море. На одном из кораблей – флаг с навершием в форме креста. Миниатюра из рукописи конца XIII или начала XIV в. «De Passagiis in Terram Sanctam». Венеция

Книга вторая посвящена изложению событий истории Франции от Гуго Капета до 1000 г.

Третья книга

I. Около этого времени (то есть около 1000 г.) венгры, жившие на берегу Дуная, вместе со своим королем приняли христианскую веру. Этот государь при своем крещении получил имя Стефана и сделался весьма добрым католиком. Он женился на сестре императора Генриха (II). С этого времени все итальянские и галльские пилигримы, намеревавшиеся посетить храм Господень в Иерусалиме, перестали ездить по морю, как прежде, и предпочитали проходить по владениям этого короля. Благодаря заботам Стефана, дорога сделалась совершенно безопасна. Он принимал всех, как братьев, и щедро оделял их. Это обстоятельство побудило бесчисленное множество знатных и простых людей предпринять странствование в Иерусалим.

Конец этой главы посвящен войне Византии с Южной Италией; в главе II автор продолжает историю Франции в начале XI в. при Роберте; но с главы III начинаются снова отступления по поводу кометы, восстановления церквей по всему миру (IV), построения монастырей (V), открытия мощей (VI) и, наконец, в главе III

автор останавливается на одном, хотя отдаленном событии, но которое потрясло всех и указало на близость Крестовых походов.

VII. В это же время, а именно в 1009 г. (вернее, 1010 г.), церковь Иерусалимская, заключавшая в себе гробницу Господа нашего Спасителя, была разрушена до основания по приказанию вавилонского владетеля (Гакем, калиф Египта). Теперь сделались известны причины этого печального события. Вот как началось это: изумительное стечение верующих со всех концов земли в Иерусалим, желавших узреть священный памятник, оставленный Спасителем на земле, привело в зависть дьявола, который решился и на этот раз обратиться к евреям, своему любимому народу, и излить яд своей злобы на служителей истинной религии. В королевском городе Орлеане жило большое число евреев, еще более завистливых, гордых и дерзких, нежели весь остальной их народ. Посовещавшись вместе о своем преступном замысле, они подкупили за деньги какого-то бродягу по имени Роберт, беглого раба из монастыря св. Марии в Мутье, который, переодевшись в другую одежду, скрывался; евреи отправили его тайно к владетелю Вавилона (то есть Каира) с письмами на еврейском языке; они тщательно вложили их в его посох и прибили гвоздями из опасения, чтобы они случайно не выпали. Посланный отправился и передал поручение в руки владетеля. Это было дело самое вероломное и злодейское: они предупреждали калифа, говоря, что, если он не разрушит священный храм христиан, то христиане вскоре овладеют его государством и лишат его всех почестей. Прочитав это, владетель Вавилона пришел в ярость и отправил в Иерусалим воинов с приказанием разрушить храм до основания. Его воля была исполнена в точности, и клевреты его пытались даже разбить молотом саму гробницу, но их усилия были тщетны. В то же время они срыли в Рамле церковь блаженного мученика св. Георгия, бывшего прежде страхом сарацин, ибо, говорят, он поражал их зрение всякий раз, когда они намеревались овладеть церковью и ограбить ее. Некоторое время спустя узнали наверное, что в том бедствии виновна злоба евреев, и когда тайна их обнаружилась, все христиане решили единодушно изгнать евреев до последнего человека из своих земель и городов. Таким образом, они сделались предметом всеобщего отвращения. Одни из них были изгнаны, другие умерщвлены мечом, потоплены в воде или преданы всякого рода пыткам. Многие решились на самоубийство; так что вследствие такой справедливой мести во всем римском мире едва насчитывали несколько человек из евреев. Предписания епископов запрещали христианам всякую торговлю с ними. От такого приговора освобождались только те евреи, которые изъявили желание обратиться к благодати крещения и совершенно отречься от еврейских обычаев. Многие подчинились этому условию, но более по любви к земной жизни и из страха смерти, нежели в надежде вкусить радость вечной жизни; ибо все те, которые домогались тогда с ложной ревностью такой благодати, вскоре самым бесстыдным образом возвратились к своим древним заблуждениям[1].

Эти примеры правосудия не должны были внушить мысли о безопасности посланному Роберту, когда он возвратился на родину. Однако он начал заботливо отыскивать, не встретится ли ему кто-нибудь из его соучастников. Он нашел в Орлеане весьма небольшое число, да и те жили в постоянной тревоге; с ними Роберт вступил в прежние отношения. Но один чужеземец, бывший с ним всю дорогу и знавший хорошо цель его путешествия, случайно явился в Орлеан; заметив тесную дружбу Роберта с евреями, он немедленно объявил всем о том преступном поручении, которое было возложено на этого презренного человека ценой денег евреев. Его немедленно схватили, наказали розгами немилосердно, и он сам признался в своем преступлении. Королевские служители вытащили его за город и там на глазах всего народа бросили в пламя, где он и сгорел. Между тем евреи, пережившие ту катастрофу, сначала блуждали и бегали

---

[1] Это сказание если и не имеет никакого исторического основания, то во всяком случае оно весьма важно, как объяснение той ужасной роли, которая досталась евреям во время Крестовых походов.

из одного места в другое, скрываясь в отдаленных убежищах; но вскоре, лет пять спустя после разрушения храма, они начали снова появляться небольшими группами в городах; необходимо, чтобы несколько их всегда оставалось на земле; пусть они служат живым доказательством того срама и преступления, с которым они пролили божественную кровь Христа; вот почему Божеское правосудие приостановило на время раздражение христиан против них. Как бы то ни было, по Божественной благости, мать вавилонского князя, Мария, бывшая ревностной христианкой, приказала в тот же год выстроить из ровных и обтесанных камней храм, разрушенный ее сыном. Говорят, что ее муж, отец вавилонского князя, как второй Никодим, втайне исповедовал христианскую веру. С того времени можно было видеть, как бесчисленные толпы верующих торжественно стекались со всех сторон в Иерусалим и охотно делали пожертвования для восстановления храма Божия.

После нового отступления в главе VIII об ереси, появившейся в Орлеане в 1017 г. (см. эту главу в т. 2), автор в IX, последней, главе возвращается к главному предмету и говорит о семейных несогласиях при дворе Роберта, распущенности нравов и внутренних междоусобиях.

Четвертая книга содержит в I главе рассказ о переговорах пап с византийским двором о супрематии; далее говорится о новой ереси в Италии (II), о появившемся обманщике, который продавал простые кости вместо мощей (III); о страшном голоде 1033 г. (IV, эта глава в т. 2); о заботах церкви вследствие того прекратить насилия учреждением Божьего мира, и о новом падении нравов в середине XI столетия, которое повлекло за собой внутренние беспорядки и увеличение числа пилигримов (V).

VI. В то же самое время шли бесчисленные толпы со всех концов мира для посещения св. Гроба Спасителя в Иерусалиме. Никогда не поверили бы прежде, что это место произведет такое изумительное стечение народа. Сначала отправлялся туда простой народ, потом зажиточные люди; далее – могущественные короли, графы, маркизы, прелаты; наконец, чего прежде не бывало, странствование предпринимали многие женщины, богате и бедные; встречались и такие люди, которые желали лучше умереть там, нежели возвратиться на родину. Бургундец по имени Лиутбальд, из земли Оттона, совершил пилигримство в сопровождении большого числа людей. Когда он узрел святое место, достигнув высоты Масличной горы, откуда Господь поднялся на небо в виду многочисленных и достоверных свидетелей, обещая прийти судить живых и мертвых, он пал на землю ниц и распростер руки в форме креста. Проливая потоки слез, Лиутбальд чувствовал, что его душа наполняется невыразимым восторгом, приближающим его к Богу. Некоторое время спустя, став на ноги, он протянул руки к небу, стараясь удержаться на месте, и выразил в следующих словах желание своего сердца: «Господи Иисусе,– говорил он,– ты удостоил нас снизойти с высоты своего величия на землю для спасения людей; ты с этих мест, представляющихся моему взору, оставил мир в виде человека, чтобы возвратиться на небеса, откуда пришел; молю тебя именем твоей могущественной благодати, дозволь мне не удаляться отсюда, если моя душа должна в этом же году разлучиться с телом; я желаю умереть в виду тех мест, которые были свидетелями твоего вознесения: как мое тело следовало по твоим стопам, идя на посещение твоей гробницы, так может быть и душа будет иметь счастье беспрепятственно последовать за тобой в рай». После этой молитвы он возвратился вместе со спутниками к своему хозяину. Пошли обедать. Все сели за стол; но он с удовольствием лег на постель для отдыха, ибо, казалось, им овладевал сон. Действительно, он вскоре и заснул. Неизвестно, что ему представилось, но он внезапно закричал: «Слава тебе, Господи, слава тебе!» Спутники, услышав то, хотели разбудить его, чтобы поесть вместе с ним; но он отказался, повернулся на другую сторону и начал жаловаться на недуг. Так он оставался лежать до вечера. Тогда он подозвал к себе спутников, приобщился в их присутствии животворящих Тайн, кротко простился со всеми и отдал свою душу Богу. Без сомнения, такой человек предпринял свое путешествие в Иерусалим не из тщеславия, как многие другие, которые идут, чтобы по возвраще-

нии гордиться тем; а потому Бог Отец не отказал ему в милости, которую он просил именем его Сына Иисуса. Я получил все эти подробности из уст самих спутников Лиутбальда, которые мне рассказывали то во время моего пребывания в монастыре Бэз.

Около того же времени Одальрик, епископ Орлеана, находившийся в Иерусалиме, был свидетелем одного чуда, о котором он сообщил мне и которое стоит быть помещенным здесь. В день великой Субботы, когда весь народ собирается, ожидая огня, который нисходит чудным образом по действию Божественной благодати, и он присутствовал при этом торжестве вместе с другими. День склонялся уже к вечеру; вдруг в то время, когда надеялись, что немедленно появится огонь, какой-то сарацин из среды неверных, которые всякий раз стекались толпой на это зрелище, закричал: *«Agios, kyrie eleison»,* – слова, которые христиане пели тотчас, когда появлялся огонь. После того этот бесстыдник начал хохотать во все горло, вырвал из рук христианина свечку, которую тот держал, и бросился бежать. Но им овладел нечистый дух, и он начал испытывать страшные мучения. Христианин преследовал его и отнял у него свечку; а сарацин в жестоких муках умер немедленно на руках своих единоверцев. Этот случай внушил справедливый ужас неверным и сделался предметом великой радости для христиан. В ту же минуту появилась Божественная благодать: огонь показался на одной из семи лампад, повешенных в том месте, и быстро воспламенил остальные. Епископ Одальрик купил одну лампаду у Иордана, патриарха Иерусалимского, вместе со священным маслом за один фунт золота. Он принес ее в Орлеан для украшения своей церкви, где она оказывала много пользы больным. Вместе с тем епископ представил королю Роберту значительный кусок досточтимого Креста Спасителя. Константин, император греков, прислал этот подарок вместе с большим числом одежд, все из шелка, королю французов, от которого он сам получил через посредство того же епископа меч с золотой рукояткой и ящик из того же металла с богатейшими камнями.

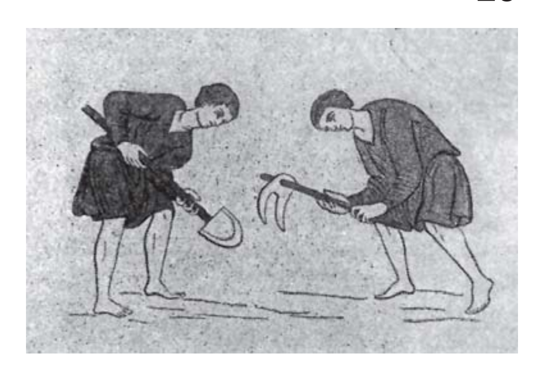
К числу иерусалимских странников следует также отнести Роберта, герцога Нормандии, который отправлялся в путь с большим числом своих подданных, неся с собой богатые подарки золотом и серебром для раздачи по дороге. На обратном пути он умер в городе Никее (1035 г.), где его и похоронили. Смерть его поразила невыразимой печалью все подвластные ему народы. Особенно сожалели о том, что он не оставил после себя законных детей для управления страной. Роберт был женат на сестре Кнуда, короля англов, но она сделалась ему до того ненавистна, что он удалил ее. Между тем он имел сына от наложницы, названного Вильгельмом (Завоеватель) по имени его деда. Перед отправлением в странствование Роберт принудил всех князей своего герцогства дать воинскую клятву, которой они обязывались признать своим государем его побочного сына, если его постигнет смерть на дороге. Действительно, они единодушно сдержали данное слово, получив на то согласие Генриха (I), короля французов. Мы уже и прежде замечали, что норманны, со времени прибытия своего в Галлию, имели почти всегда государей, рожденных, как и Вильгельм, вне брака. Впрочем, не следует слишком порицать этот обычай, если вспомнить, что дети наложниц Иакова, несмотря на свое рождение, наследовали вполне достоинства отца, как и остальные их братья, и пользовались титулом патриархов. Не следует также забывать, что и во времена империи Елена, мать первого римского императора, была также наложницей.

Некоторые начали беспокоиться, видя такое изумительное стечение народов у св. Гроба в Иерусалиме, и всякий раз, когда их спрашивали о причине такого неслыханного стремления, они благоразумно отвечали, что это верный знак, предвещающий появление презренного антихриста, которого люди ожидают к концу веков, как то предсказано в Священном Писании, и что все народы стремятся на Восток, его родину, чтобы выступить навстречу ему. Так должно исполниться предсказание Господа: «Тогда и избранные, если возможно, будут прельщены» (Матв., 24, 24). Впрочем, я не намерен, говоря так, отрицать, что верные

не должны получить от верховного судьи награды за их благочестивое странствование[1].

Следующие две небольшие главы (VII и VIII) посвящены описанию войны христиан с неверными в Африке и похода против языческих леттов на севере.

IX. В том же, 1000 г. (автор считает время не от Р. Х., а от распятия: следовательно, 1000 год соответствует 1033 г.), 29 июня, в 28-й день луны, произошло страшное затмение солнца, которое продолжалось от шестого до восьмого часа дня. Солнце получило желтоватый цвет и сверху, казалось, имело вид последней четверти луны. Лица всех были бледны, как смерть, и все предметы сделались желтоватыми, как шафран. Изумление и страх наполнили сердца всех, и при виде такого предзнаменования ожидали с ужасом какого-нибудь события, весьма печального для рода человеческого. Действительно, в тот самый день, то есть в день рождения апостолов, римские вельможи, образовав союз против Папы, явились в церковь св. Петра, чтобы умертвить его. Им не удалось исполнить своего кровавого замысла, но зато они успели лишить Папу престола. Император, прибыв в Италию для наказания дерзости римлян, как в этом случае, так и во многих других, восстановил первосвятителя в его достоинстве. В это время во всей вселенной, как в церкви, так и в мире, господствовало презрение к законам и правосудию. Все предавались самым грубым увлечениям страстей. Никто не мог быть ни в чем уверен: честность, эта твердая основа всего доброго, не признавалась никем. Так что нельзя более сомневаться, что земные грехи скоро утомят небо, и по слову пророка (Ос., IV, 2), неправда народов умножилась до того, что делали убийства за убийствами. Порок вошел в честь у всех классов в государстве. Спасительные меры непреклонной строгости пришли в забвение, и к нашим народам можно было,



Крестьяне. Миниатюра из французской рукописи XII в.

по справедливости, отнести известные слова апостола (I Коринф. ап. Павла, V, 1): «Есть верный слух, что у вас завелось блудодеяние, и такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников». Бесстыднейшая корысть овладела сердцами всех; вера потрясена, и отсюда проистекли самые постыдные пороки, срамота, убийства, ослепленная борьба страстей, грабеж и блуд. О, небо! Кто поверит тому? Никто не решился бы произнести над собой приговора, а между тем никому не приходило в голову отказаться от преступных дел.

Четыре года спустя (ошибка: шесть лет спустя) произошло снова солнечное затмение 22 августа, в шестом часу, в 28-й день луны, по обыкновению. В том же году умер Конрад (II), император римлян, в Саксонии. Его сын Генрих (III), носивший еще при нем титул короля, управлял империей после него. Вильгельм, граф Поатье, получив за деньги свободу у Готфрида, сына Фулько, прозванного *Молотом*, который взял его в плен на поле битвы и держал у себя три года, возвратился в свои владения и умер в том же году. Гуго, епископ Оксерра, знаменитый человек, окончил также свою жизнь. Райнольд, граф того же города, сын графа Ландри, женатый на дочери короля Роберта, человек отважный, пал жертвой от руки одного рыцаря ничтожного происхождения, который умертвил его. Этот убийца, справедливо опасаясь заплатить жизнью за свое преступление, воспользовался остатком дней своих, чтобы основать в честь Спасителя аббатство, в котором он был погребен и которое было им отдано в вечное

[1] Эти слова нашего автора доказывают, что еще перед началом Крестовых походов в обществе проявлялась им оппозиция, и, действительно, в XI столетии начали издаваться постановления, запрещавшие отправляться в Палестину.

владение монастырю блаженного и св. Германа. Наконец, граф Анжера, Фулько, совершив троекратное странствование в Иерусалим, умер по возвращении в Метце. Его тело было перенесено и погребено с почестями в монастыре Лош, которого он был основателем (1040 г.).

Пятая книга

I. Среди превратностей и разнообразных событий, непостоянство которых ослепляло взоры, поражало и утомляло умы всех людей, дух злобы нередко являлся людям. Весьма часто плодом таких неожиданных посещений были полезные откровения.

Какой-то монах увидел ночью, в час, когда звонят к заутрене, отвратительное существо, вступившее с ним в разговор и дававшее ему следующие советы: «Зачем вы, монахи, налагаете на себя такие бдения, посты, лишения, молитвы и тысячи других унижений в противность обычаям прочих людей? Не думаете ли вы, что то бесчисленное множество светских, упорствующих до конца своей жизни во всевозможных увлечениях, наследуют вследствие того менее вечную жизнь, на которую вы делаете притязания? Одного дня, одного часа достаточно для приобретения блаженства, которое вы ожидаете в награду за ваши добродетели. Вот, например, ты: я не могу довольно изумляться, с какой заботой ты соскакиваешь со своей постели при первом знаке, с какой решимостью ты вырываешься из объятий сна, несмотря на то, что ты мог бы вкушать сладость покоя до третьего удара колокола. Я хочу сообщить тебе чудесную тайну. Я оказываю тем плохую услугу своему делу, но моя нескромность может быть полезна тебе. Знай, что ежегодно, в тот день, когда Христос, воскреснув из мертвых, дал новую жизнь человеческому роду, он выводит из тартара все души, населяющие его, и переселяет их в горние пределы. Итак, вам нечего бояться; вы можете удовлетворять в полной безопасности своим наклонностям, страстям и чувственности». Таковы были вероломные слова, которыми дьявол-искуситель пытался обмануть доброго монаха, и он успел своим коварством обольстить его до того, что он пропустил одно утро и не явился в собрание братий. Относительно же клеветы, которую произнес дьявол по поводу воскресения Спасителя, то опровержением сему служат сами слова св. Евангелия (Матв., 27, 52): «И многие тела святых усопших воскресли». Сказано: *многие*, но Евангелие не говорит – все; и католическая религия исповедует то же учение. Если же самые наглые демоны могут иногда, по закону Божественной премудрости, возвещать истину, то при этом все, что они говорят от себя, остается ложью и обманом; если их предсказания сбываются отчасти, то потому, что их появление не совсем бесполезно для людей, особенно, когда Провидение позаботится устранить действие их козней.

Не так давно я сам по милости Божьей имел подобные же видения. Когда я жил еще в монастыре св. Легерия мученика, называемом также аббатством Шампо, передо мной явилось ночью до заутрени у кровати маленькое и отвратительное чудовище, едва имевшее подобие человека. Насколько я мог рассмотреть, оно было небольшого роста, с длинной и тощей шеей, испитым лицом, черными глазами; лоб морщинистый и узкий, плоский нос, огромный рот, толстые губы, подбородок короткий и заостренный, козлиная бородка, уши прямые и острые, волосы грязные и торчащие, собачьи зубы, затылок суживающийся, выдающаяся грудь, горб на спине, отвислый зад и грязная одежда; все его тело казалось в судорожном движении. Чудовище схватилось за край кровати, где я лежал, страшно потрясло ее и начало кричать: «Ты недолго останешься здесь». Я проснулся в ужасе и увидел перед собой ту фигуру, которую я описал. Коварный щелкал зубами, повторяя: «Ты недолго останешься здесь». Я соскакиваю с кровати, бегу в монастырь; распростираюсь у подножия алтаря св. отца Бенедикта и, пораженный страхом, долго остаюсь в таком положении. Тогда я начал перебирать тщательно в моей памяти все прегрешения и тяжкие проступки, совершенные мной с детства или по невниманию, или по дурным наклонностям. Я припомнил со страхом особенно то обстоятельство, что до тех пор я тоже никогда не приносил покаяния из любви к Господу или

из страха перед его правосудием. Я был глубоко смущен и вместо молитвы мог обратиться к Богу только со следующими словами: «Господи Иисусе, пришедший спасти всех грешных, сжалься надо мной по твоему бесконечному милосердию». Впрочем, я не боюсь теперь исповедать, что не только мои родители развили во мне склонность к греху, но и мой собственный характер был непреклонен, а мое поведение было в высшей степени преступно. Я имел дядю монаха, который силой вырвал меня из суеты мирской жизни, соблазнявшей меня более других. Мне было почти двадцать лет, когда я облекся в монашескую одежду.

Но, увы, с принятием этой одежды я не изменил сердца: всякий раз, когда мои духовные отцы и братья давали мне мудрые советы, внушаемые святой благодатью, дух мой раздувался строптивой гордыней и становился щитом против спасительных увещаний. Чувствуя себя неловким со старцами, лишним для монахов моего возраста и обременительным для молодых, я сознавал всегда, что мое присутствие всех стесняет, а отсутствие радует. Все эти причины и некоторые другие побудили братию монастыря св. Легерия изгнать меня из своей общины; впрочем, они знали, что мои литературные сведения, известные им лично, доставят мне легкое убежище повсюду.

Когда я был помещен впоследствии в монастыре св. Бенигна мученика в Дижоне, подобный же дьявол, или, скорее, тот же самый, явился мне в опочивальне братии. Это было на рассвете. Он вышел из отхожего места и начал кричать: «Где мой ученик? Где это мой ученик?» На следующий день почти в том же часу молодой монах легкомысленного характера по имени Теодорих убежал из монастыря, бросил монашескую одежду и вступил на некоторое время в свет. Впрочем, после его сердце почувствовало раскаяние, и он возвратился к тому святому порядку, от которого бежал.

Третий случай произошел, когда я находился в монастыре Мутье, посвященном блаженной Марии Приснодеве. Ночью, когда ударили к заутрене, я не проснулся тотчас, как то следовало бы, ибо я был утомлен, не помню, какой-то работой накануне; впрочем, услышав знак, я поднялся. Некоторые из братии, не могшие избавиться от дурных привычек, остались со мной, тогда как другие побежали в церковь. Едва эти последние оставили опочивальню, как дьявол, запыхавшись, поднялся по лестнице и прислонясь к стене и заложив руки за спину, повторил два или три раза: «Я, я останусь с теми, которые остаются». Этот голос меня разбудил; я поднял голову и узнал того дьявола, который являлся мне уже два раза. Три дня спустя один из братии, имевший привычку оставаться спокойно в постели, уступая внушениям дьявола, осмелился выйти из монастыря и оставался 6 дней с мирянами, разделяя с ними их бурную жизнь; но в седьмой день его взяли и привели в монастырь. Впрочем, так как подобные явления, по свидетельству св. Григория, извещают одних о их погибели, а другим служат предостережением для изменения образа жизни, то да обратятся посланные мне видения на спасение моей души. Вот о чем я прошу в своих молитвах Иисуса нашего Спасителя и нашего Искупителя. Но одно обстоятельство заслуживает обращения на себя внимания потомства; а именно: всякий раз, когда кто-нибудь имел видение злых или добрых духов, за этим чудом следовала его смерть, для которой то видение служило предзнаменованием. В доказательство того я могу представить тысячи примеров; но достаточно рассказать некоторые, чтобы убедить людей в подобном случае быть весьма внимательными и не впасть в обман.

Весь конец этой главы и посвящен примерам видений, за которыми следовала смерть. Последующие же главы (II–V) этой книги заключают в себе отрывочные рассказы о внутренних междоусобиях при короле Генрихе I, о новом солнечном затмении, о несогласиях в епископстве Лионском по поводу смерти епископа Бургарда; и в заключение приводится эдикт Генриха I против симонии и упоминается о вступлении на папский престол Григория VI в 1044 г. На этом событии завершается труд автора.

Historiarum sui temporis Libri V.

КОММЕНТАРИЙ. О жизни Радульфа Глабера, его сочинениях, их изданиях и переводах см. в т. 2. В последней, пятой, книге автор приводит некоторые сведения из своей жизни, дополняющие наш очерк.

Вильгельм Тирский

ПАЛЕСТИНА ПЕРЕД НАЧАЛОМ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ И ПЕТР ПУСТЫННИК (между 1170 и 1184 гг.)

НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ ДЕЯНИЙ, *совершившихся в странах заморских, от времени преемников Магомета до года от воплощения Господня 1184-го, написанная преподобным Вильгельмом Тирским, архиепископом.*

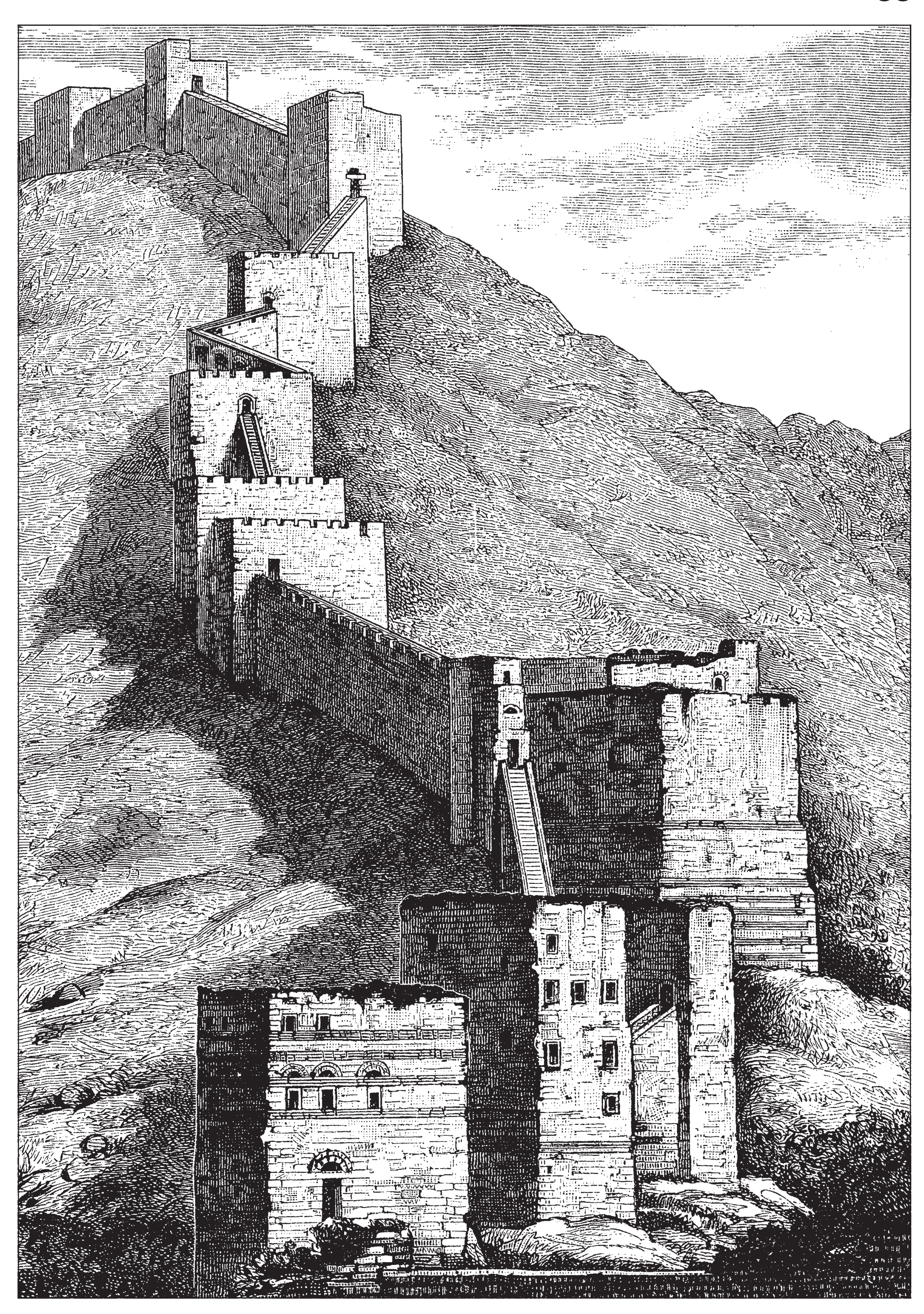
Пролог

Вильгельм, Божеским милосердием, святой Тирской церкви недостойный служитель, преподобным во Христе братиям, до которых дойдет настоящий труд, желает вечного спасения!

Никто из людей благоразумных не усомнится в том, что описывать деяния королей и опасно, и весьма рискованно (grandi plenum alea). Помимо работ, усилий, бессонных ночей, с которыми бывает сопряжен труд подобного рода, историку угрожают еще пропасти с обеих сторон, и едва ли кому удастся избегнуть одной без того, чтобы не попасть в другую: уйдя от Харибды, он встретится со Сциллой, которая, будучи опоясана собачьими головами, умеет не хуже первой подвергнуть крушению. Историк или стремится исследовать истину содеянного и таким образом разжигает ненависть к себе во многих; или, желая избегнуть неудовольствия, умалчивает о целом ряде событий, но это уже порок, ибо стараться обойти истину и иметь намерение скрыть ее признается противным обязанностям историка. Отступить же от обязанностей, без всякого сомнения, значит впасть в вину, если только справедливо разумеют под обязанностью такую деятельность лица, которая вполне согласуется с обычаями и постановлениями отечества. Но исследовать деяния, не искажая их и не отступая от правил истины, значит, всего чаще, вызывать негодование, как то выражено в старинной поговорке: «Друзей – угодливость, а истина врагов родит». Итак, историку предстоит или отступить от обязанностей своего призвания, выказывая недостойную угодливость, или, преследуя истину, ему придется вызвать ненависть, матерью которой и бывает истина. Вот те две опасности, которым подвергаются историки и которые по очереди преследуют их. И наш Цицерон выразился так по этому предмету: «Тяжела истина, ибо из нее рождается ненависть, эта отрава дружбы; но еще более тяжела угодливость, снисходительная к пороку, ибо она ввергает друзей в пропасть»; эти слова, очевидно, относятся к тому, кто из угодливости, против долга и обязанности, скрывает истину. Если же кто, льстя другому, бесстыдно примешивает к случившемуся ложь, то такой поступок считается до того унизительным, что подобный историк не должен быть допускаем в число писателей. Утаивать истину деяний непозволительно и противно обязанностям писателя; тем более грешно пятнать истину ложью и ложное передавать легковерному потомству. Есть еще одна и даже более ужасная опасность, которой нужно избегать всеми силами тем, которые пишут историю: а именно, они обязаны не допускать, чтобы сухость речи и бедность содержания унизили достоинство деяний. Слово должно соответствовать делу, о котором идет речь, и язык писателя не должен отставать от возвышенности предмета. Потому следует весьма опасаться, чтобы богатство содержания не утратило чего от скудости изложения и чтобы неумение рассказчика не сделало ничтожным и вялым того, что само по себе важно и полновесно. По словам[1] нашего знаменитого оратора (то есть Цицерона) в его первой книге «Тускуланские беседы» (гл. 3), «взять на себя облечение в литературную форму своих размышлений и не уметь ни расположить их, ни отделать, ни обставить интересно для читателя, может один человек, невоздержанный на досуг и писательство».

---

[1] На эти же слова ссылается Эгингард в гл. I, «Жизнь Карла Великого», императора; см. т. 2.



Сохранившиеся укрепления Антиохии

По-видимому, и нам в настоящем труде предстоит и та же дилемма, и те же многообразные опасности. В том, что у нас теперь лежит под руками, мы сказали многое о нравах королей (то есть иерусалимских), их жизни, привычках; иное в этом заслуживает похвалу, иное вызывает осуждение, но мы говорим обо всем подряд: быть может, их преемники прочтут то с неудовольствием и нападут незаслуженным образом на бытописателя, обвиняя его в зависти и лжи, но, видит Бог, мы избегаем всего подобного, как язвы. Зато мы не будем оправдываться, если нас обвинят в том, что мы имели бесстыдство принять на себя труд не под силу и что наша речь не довольно достигла уровня событий; тем не менее, однако, мы сделали кое-что. Люди, слабые в живописи и не посвященные в таинства искусства, обозначают только один контур (prima liniamenta) и сначала наводят фон (luteos colores substernere); затем рука мастера отделывает начисто; подобно тому и мы употребили весь наш труд на то, чтобы заложить фундамент, на котором более искусный архитектор, соблюдая все правила истины, от которых и мы ни в чем не отступали, выведет красивое здание. Конечно, среди стольких затруднений и двойных опасностей было бы безопаснее успокоиться, смолчать и положить на отдых свое перо; но тут является настоятельная любовь к отечеству, за которое честный человек, если только того потребует необходимость, обязан пожертвовать жизнью. Эта самая любовь со свойственной ей силой и требует от нас, чтобы мы не допустили овладеть забвению тем, что у нас совершилось в последние почти сто лет и что оставалось под спудом молчания; мы должны все это, тщательно обработав, передать памяти потомства. Итак, мы повиновались и приложили свою руку к труду, от которого не могли отказаться без оскорбления своей чести; мы не много думали о том, что скажет о нас потомство и чего заслужит наша ничтожная речь о таком великом предмете. Дай Бог, чтобы мы повиновались с успехом, равным нашей охоте, и столь же достойно, сколько благоговейно! Мы более принимали в расчет нежное влечение к *родному месту* (natalis soli magis tracti dulcedine – на основании этих слов заключают, что автор родился в Палестине), нежели соразмеряли свои силы с предпринимаемым трудом; мы полагались не на умственные свои средства, но на теплоту и искренность наших чувств.

Ко всему этому присоединилось повеление государя короля Амальрика (Amalrici, Иерусалимского) славной и благочестивой памяти – да насладится покоем его святая душа – и я не мог не уважить такого повеления; его настояния, повторявшиеся несколько раз, особенно побудили меня взяться за труд. По его же предложению я написал другую историю от времен обольстителя Магомета до года от воплощения Господня 1184-го, охватывающую 570 лет; сам Амальрик доставил мне для того арабские манускрипты. Я следовал главным указаниям преподобного мужа Сеида (Seith, то есть Seid-ben Batrik, более известный под именем Евтихия), александрийского патриарха. В настоящем же труде, не имея такого главного руководителя ни в греческой, ни в арабской литературе, я излагал по одним преданиям, за исключением немногого, виденного мной самим; исход доблестных мужей и князей, Богом возлюбленных, которые, выйдя по призыву Господню из западных стран, сильной рукой завоевали Обетованную землю и с ней почти всю Сирию, я принял за начало и довел с великим тщанием до правления государя Балдуина Четвертого, который в порядке королей занимает седьмое место, включая в это число государя герцога Готфрида, бывшего первым на царстве, – всего 84 года.

Чтобы дать любознательному читателю полное понятие о состоянии восточных стран, я предпослал в кратких словах объяснение, в какое время и каким образом эти страны подпали игу рабства; каково было положение в то время верных, живших среди неверных, и по какому случаю, после продолжительного рабства западные князья, стремясь к освобождению тех стран, возложили на себя столь великое бремя пилигримства (peregrinationis). Если кто обратит внимание на мои утомительные и разнообразные занятия, как по делам возлюбленной

и богоспасаемой Тирской метрополии, во главе которой я стою не по избранию за достоинства, но по одному Божескому милосердию, равно и по делам государя короля, при дворе которого я занимаю место канцлера, и по другим заботам, которые увеличиваются с каждым днем, то, конечно, всякий окажет мне снисхождение, если случайно найдет в моем труде, что могло бы по справедливости его оскорбить. Ум, занятый многими предметами, вдруг является утомленным для тщательного обсуждения отдельных вопросов и, рассеянный по всему пространству, не может так внимательно сосредоточиваться на частностях, как бы то можно было при специальной работе (unis et singularis studiis), когда ум бывает направлен к одной цели; а потому мой труд заслуживает тем более извинения.

Я разделил все сочинение (volumen) на 23 книги (libros), из которых каждую подразделил на главы (capitula), чтобы тем легче было читателю отыскать требуемый для него отдел (articulum), и предположил, если продлится мой век, присоединить ко всему описанному историю настоящего времени, от которого зависит превратность будущего, и увеличить число книг сообразно увеличению материала. Я уверен и не обманываю себя в том, что настоящий мой труд останется памятником моей неопытности; исполняя свой долг и берясь за перо, я выдаю свои недостатки, которые остались бы скрытыми при молчании; я предпочел обнаружить в себе недостаток знания, которое вызывает гордость, нежели недостаток любви, которая нас назидает. Без знания многие вошли на брачный пир и были найдены достойными царского стола; но тому, кто очутился среди гостей без любви, пришлось услышать вопрос: «Как ты вошел сюда не в брачной одежде?» (Матф., XXII, 12). И да избавит милосердный Господь меня, чтобы со мной не случилось того же, ибо для него одного то возможно. Зная, однако, что «многословие не избавлено от греха» (Прит., X, 20) и что язык бедного человека, поставленного в опасность говорить, всегда легко заслуживает наказание, я братски прошу и убеждаю о Господе своего читателя, если он найдет повод к справедливому упреку, то пусть при этом сохранит умеренность и любовь, чтобы, исправляя меня, в то же время и самому наследовать награду жизни вечной: пусть он, помянув меня в своих молитвах, упросит Бога, чтобы мне не было вменено в смертный час то, чем я мог прегрешить в настоящем труде; да снизойдет ко мне Спаситель в своей неистощимой благости; мы, презренные и бесполезные рабы в его доме, мучимые голосом совести, не без причины трепещем его суда.

Кончается пролог.

Начинается Книга первая

В первых десяти главах автор делает краткий очерк исторической судьбы Палестины от времени Магомета, когда персы в первый раз при Хозрое (начало VII в.) овладели Иерусалимом; император Ираклий (610–641 гг.) вскоре успел отнять у них Крест, и 14 сентября 628 г. воздвигнул его на прежнем месте, отстроив при этом древний храм Воскресения. Но 10 лет спустя, в 638 г., первые почитатели Магомета, при Омаре, овладев всей Аравией, положили конец соперничеству Персии и Византии за Палестину: они овладели Иерусалимом и завоевали саму Персию. С того времени Палестина разделяла судьбу своих властителей и только благодаря междоусобию калифов багдадских и египетских она пользовалась некоторой свободой, особенно при Гарун аль-Рашиде, в конце VIII и начале IX в. В X в. Палестина принадлежала калифам Египта и испытала в первый раз религиозные преследования при Гакеме (996–1021 гг.); в 1009 г. он приказал разрушить до основания храм Воскресения; но его сын Дагер восстановил свободу религии, и с его разрешения и при помощи императора Константина Мономаха в 1048 г. был снова отстроен храм Воскресения, как он и сохранился до начала Крестовых походов. Таким образом, до середины XI в. Палестина, оставаясь 400 лет под игом мусульман, по выражению нашего автора, «походила на больного, который то задыхался, то вздыхал свободно, смотря по состоянию погоды», и христиане то преследовались, то снова пользовались некоторой свободой религии. Но в начале XI в. и христиане Палестины, и их властители, египетские калифы, встретились с общим врагом, который изменил весь Восток; это были турки, завоевавшие Персию и отнявшие Палестину у Египта; потому и наш автор после беглого очерка о Палестине от середины VII до середины XI в. останавливается подробнее на событии, которое ускорило необходимость Крестовых походов.

VII. Так как в течение всего моего труда мне придется часто говорить о том, что сделали турки против наших, и о тех великих и изумительных подвигах, которые были совершены нашими против них, а они и до сих пор (то есть до конца XII в.) с чрезвычайной дерзостью упорствуют в борьбе с нашими, потому, я полагаю, было бы кстати поместить здесь несколько подробностей о происхождении этого народа и представить ход событий, доведших их до той степени могущества, которым они пользуются уже много лет. Народ *турков,* или *туркоманов* – у них одно происхождение – вышел первоначально из северных стран, был вполне варварским и не имел постоянного жилища. Кочуя и переходя с места на место, смотря по удобству пастбища, они не имели ни городов, ни селений, ни другой какой оседлости. Предпринимая путь, турки одного колена собирались вместе, имея во главе одного из старейших в своем колене как князя; все споры между лицами одного и того же колена обсуждались им, и каждая из сторон была обязана ему повиновением; никто не мог бы безнаказанно уклониться от того. При своем передвижении, они несли с собой имущество, вели коней, вьючный и домашний скот, рабов и рабынь; все это составляло их богатство. Нигде они не занимались земледелием; торговые сделки им были неизвестны, и только меной приобретали все необходимое для жизни. Если хорошие луга внушали им намерение раскинуть палатки на известном месте и спокойно остановиться там, то они обыкновенно посылали умнейших из своей среды к владетелю страны, в которую они являлись, заключали обоюдные договоры, обязываясь платить известную установленную сумму, и располагались среди пастбищ и лесов.

Бесчисленное множество этих турок, зайдя вперед и отделившись от остального населения, достигло границ Персии и нашло для себя местность вполне пригодную. Пришельцы вносили правителю, который тогда правил там, условленную, со времени их прихода, подать и оставались на месте несколько лет, долее нежели как они то делали обыкновенно. Население их значительно увеличилось, и этому увеличению не было конца. Король персов (калиф Багдадский) и туземцы, опасаясь за свое будущее, страшились такого размножения турок. На совете было определено изгнать их из пределов государства с помощью оружия, но вскоре это намерение было оставлено: считали более благоразумным отягощать их всякого рода требованиями и присоединить новые чрезвычайные налоги к обыкновенным, пока все это не заставит их самих удалиться. Несколько лет они переносили все эти оскорбления и тяжкое бремя налогов, которые требовали от них, но, наконец, они решились более не подчиняться, и король персов, уведомленный о том, отправил к ним вестника с повелением выйти из его владений в назначенный для того срок. Турки перешли р. Кобар (между Месопотамией и Персией), которая, с этой стороны, образует границу государства, и при этом в первый раз получили возможность убедиться в своей многочисленности, чего они не могли знать прежде, так как они жили всегда рассеянно и не имели понятия ни о своем числе, ни о своем могуществе. Они сами удивились, каким образом такой многочисленный народ мог переносить притеснения со стороны какого бы то ни было владетеля и подчиняться таким требованиям и налогам, столь обременительным. В первый раз турки удостоверились, что они не уступают персам и никому другому ни в численности, ни в силе и что для подчинения соседей оружием им недостает только правителя, какого имеют другие народы. Выразив желание избрать себе короля по общему согласию, они сделали перепись всему своему многочисленному народу и нашли в его среде сто семейств, отличавшихся своей знаменитостью перед прочими; было приказано каждому такому семейству представить стрелу, и по их числу образовался пук из ста стрел. Накрыв пук, призвали невинного ребенка и приказали ему, подсунув руку под полотно, вытащить одну стрелу; предварительно же они условились, что король будет избран из того семейства, которому будет принадлежать извлеченная стрела. Ребенок вытащил стрелу фамилии *Сельджуков* (Selduci). Тогда всем было объявлено, на основании прежде заключен-

ного условия, что из этого колена будет избран князь. Затем они постановили, что из той же фамилии должны быть избраны сто человек, которые отличаются между своими родичами возрастом, характером и доблестью; каждый избранный представил стрелу со своим именем; снова образовался пук стрел, который был покрыт самым тщательным образом: ребенок – тот же самый, а может быть и другой, но также невинный – получил приказание вытащить наудачу стрелу, и та, которую он извлек, имела на себе надпись: *Сельджук* (автор говорит таким образом об известном Тогрул-беке, сыне Михаила, сына Сельджука, который действительно был первым султаном того племени турок, которое получило название его колена, то есть Сельджуков, и правил от 1038 до 1063 г.). Был же тот Сельджук муж весьма знатный, благородный и славный в своем колене, возрастом стар, но силами цветущий; он был весьма опытен в военном деле и при своей красивой наружности имел величественный вид могущественного государя. Турки с общего согласия поставили его во главе и возвели на королевский престол, оказав все подобающие его сану почести; для утверждения же его власти они, заключив с ним общий договор, сверх того лично дали ему клятву в повиновении. Он же, воспользовавшись немедленно врученной ему властью, разослал во все стороны глашатаев с приказом перейти через реку обратно с тем, чтобы все полки захватили Персию, только что ими оставленную, и овладели окрестными странами из опасения, чтобы его народ не был снова принужден блуждать по отдаленным странам и нести на себе тяжкое иго иноплеменников. В несколько лет они завоевали не только Персию, но и все другие восточные государства, подчинив арабов и прочие народы, принадлежавшие империи (principatus, то есть Восточной). Таким образом, презренный и ничтожный народ достиг быстро такого могущества, что господствовал над всем Востоком. Случилось же это за каких-нибудь 30 или 40 лет до того времени (то есть между 1060 и 1070 гг.), когда наши западные князья предприняли странствование, историю которого я намерен описать. А чтобы сделать различие в имени людей того племени, которое, избрав короля, снискало себе великую славу, и тех, которые, не изменяя прежнего образа жизни, оставались в своей первобытной дикости, первые назывались *турками*, а последние сохранили древнее название *туркоманов*. Турки, подчинив себе весь Восток, вторглись в могущественный Египет; они спустились в Сирию и овладели Иерусалимом (1076 г.) вместе с несколькими приморскими городами; и, как я уже сказал, верные, находившиеся там, были подчинены игу, несравненно более суровому, и претерпели более жестокие притеснения, нежели какие испытывали до тех пор (то есть под игом багдадских и египетских калифов).

Женщина, погоняющая верблюдов. Миниатюра XIII в.

VIII. Но не только на Востоке верные страдали от нечестивых, но и на Западе, и даже во всем мире; вера ослабла среди тех, которые называли себя верными, и страх Господень уничтожился; в судах не было правды; правосудие уступило место насилию, которое одно господствовало среди народов. Обман, хитрость, коварство утвердились повсюду; всякая добродетель исчезла и казалась излишней: до того все было проникнуто злобой. Казалось, мир приближается к своей кончине и настает второе пришествие Сына человеческого. Любовь

к ближнему погасла у большей части людей; на земле не было веры; все перевернулось в общем беспорядке, и можно было думать, что мир возвращается к древнему хаосу. Самые могущественные государи, обязанные управлять подданными путями мира, забывали обязательства мира и враждовали по ничтожному поводу, предавая пламени целые страны, производя грабежи и жертвуя имуществом бедных жадности своих клевретов. Среди стольких опасностей никто не был уверен в своем имуществе; едва лишь кого-нибудь подозревали в том, что он чем-нибудь владеет, и это было уже достаточным поводом, чтобы его влечь в темницу, заковывать в железо и предавать самым постыдным истязаниям. Церковные и монастырские имущества были не лучше обеспечены: привилегии, дарованные благочестивыми государями, не давали никаких преимуществ владениям святых; они не могли ссылаться ни на прежние льготы, ни на свое прошлое достоинство. Взламывали ризницы и уносили оттуда предметы, посвященные на служение небу; святотатственная рука не отличала светского от святого, и, в этом хаосе, чаши Господни, одежды священников и налои алтарей – все делалось предметом добычи. Те, которые убегали вовнутрь храмов Божиих, в неприступную святыню, под колоннаду базилик, насильно вытаскивались и влеклись на смерть и истязания; общественные дороги были заняты вооруженными разбойниками, которые делали засаду путешественникам и не щадили ни пилигримов, ни духовных. Ни в городах, ни в укрепленных местах не было убежища от насилия; улицы и площади, оскверненные убийцами, сделались опасными для честных людей; чем лучше был человек, тем более он подвергался козням. Повсюду, не краснея и безнаказанно, производились всякого рода бесчинства, как что-нибудь дозволительное. Узы брака не были священны даже для самих родственников и ближних. Целомудрие, ценимое Богом и небожителями, удалилось, как нечто никуда не годное. Бережливость и трезвость не могли устоять рядом с роскошью, пьянством и ненасытной жаждой игры, распространенной не только на всех перекрестках, но и во внутренности домов. Духовенство не отличалось от светского общества правильной жизнью, и жило, по словам пророка (Осия, IV, 9): «Каков народ, таков и священник». Епископы сделались небрежны, как ленивые псы, которые не в силах лаять, лицеприятны, с головой умащенной елеем грешника, продавая, как наемники, своих овец кровожадным волкам и не помня слов Спасителя, который сказал: «Даром получили, даром и давайте» (Матф., X, 8). Не уклонялись от еретической симонии и были запятнаны всякой грязью. Что к этому прибавить? Скажу коротко: «Все стояло над бездной порока» и «Всякая плоть сокрушала жизнь свою» (Моис., VI, 11). Небесные и земные знамения раздраженного божества не могли остановить людей, устремленных ко злу. Повсюду царствовала чума и голод; небо грозило, потрясалась земля, и многое другое совершилось, что Господь исчислил в своем Евангелии (Матф., XXIV, 7). Но люди упорствовали в своих мертвых делах, как свинья в грязи (II, Петр, II, 22), гнили, как животное, лежа на своем собственном помете, и злоупотребляли Божеским долготерпением, подобно тем, о ком сказано в Писании (Иерем., V, 3): «Поразил их, и не болели они; исправлял их, и не исправились».

IX. Но гнев Господа, вызванный всем этим, не ограничился только тем, что одни верные, населявшие Обетованную землю, осуждены были переносить иго печального рабства и преследование свыше сил человеческих; он пошел далее и поднял могущественного врага, бич народов, молот, повисший над вселенной, даже и против тех, которые, по-видимому, наслаждались свободой и о которых можно было сказать, что они во всем успевают по своему желанию. В то время, когда Роман, прозванный Диогеном, царствовал над греками (от 1068 до 1071 г.) и в полном благополучии управлял Константинопольской империей, могущественный сатрап персов и ассириян (то есть багдадских калифов) по имени *Бельфет* (так автор называет известного Альп Арслана, иконийского султана турок, правившего от 1063 г. до 1072 г.) вышел из самых отдаленных пределов Востока, ведя за со-

бой бесконечное множество неверующих народов, которым не было и числа и которые могли покрыть собой всю земную поверхность. С кибитками и лошадьми, с вьючным и домашним скотом сатрап со всем великолепием приблизился к пределам империи (то есть Восточной), подчиняя своей власти все встречавшееся на пути: деревни, селения и даже города, окруженные стенами, и самые укрепленные места. Никто не оказывал сопротивления, никто не старался преграждать пути и не думал бороться за свою жизнь, жену, детей и – что всего дороже – за свободу. Между тем императора известили об угрожающем мече, о приближающемся насилии, о вражеской армии, опустошающей христианскую империю. Заботясь о безопасности государства, император приготовляет отряд конницы, собирает пехоту в числе, соответствующем угрожающей опасности и средствам империи. Когда пехота и конница собрались, император двинулся навстречу неприятелю; а турки уже перешли границу и вошли вовнутрь государства. Надеясь на свою силу, но лишенный Божественной благодати, Роман вступает в бой. С обеих сторон дерутся отважно; силы почти равные, но христиане оказывают большую ярость, какую обыкновенно внушает ревность к вере и соболезнование о совершенном святотатстве. Впрочем, к чему говорить много об этом?! Христианская армия поражена, ряды верных опрокинуты, кровь, искупленная кровью Христа, льется под мечом нечестивых, и, что всего хуже, император в плену. Спасшиеся от поражения возвращаются поодиночке и рассказывают о бедствии. Все, узнав о том, приходят в отчаяние, предаются печали и не надеются ни на жизнь, ни на спасение. Между тем неверный, торжествуя такой успех и гордясь своей победой, повелевает представить себе императора. Для унижения имени и веры христиан он садится на трон и требует, чтобы пленник распростерся у его ног; тело императора служит ему ступенью, когда он всходит и спускается с престола в присутствии своих князей. Ценой такого унижения император покупает себе свободу и позволение удалиться вместе с несколькими вельможами, разделявшими его плен. Но князья империи, узнав о случившемся, поставили себе другого императора, полагая, что тот, кто перенес лично те унижения, не может достойно носить скипетр и пользоваться верховным саном; даже выкололи ему глаза и подвергли поруганию, едва дозволив жить частным человеком. С того времени вышеупомянутый враждебный князь, не встречая сопротивления, занял все страны, Лаодикееэю в Сирии и до Геллеспонта, омывающего стены Константинополя, на пространстве 30 дней пути в длину, и от 10 до 15 – в ширину, вместе с городами и селениями, а жителей полонил: «Предал их Господь в руки врага, и овладели ими ненавидящие их (Псал., CV, 39)». Между такими городами подчинился последним из всех город – самый благородный, правивший многими провинциями, главный город, первопрестольный город князя апостолов, и сделался податным рабом (то есть Антиохия). Вследствие такого вторжения, в руки победителя достались Келесирия, обе Киликии, Исаврия, Памфилия, Ликия, Писидия, Ликаония, Каппадокия, Галатия, оба Понта, Вифиния и часть Малой Азии, знаменитые провинции, богатые всяким добром и населенные народом верных; люди отведены в плен, церкви разрушены и дух истребления преследует христианское богопочитание. Если бы неприятель имел в своем распоряжении корабли, то, конечно, и Константинополь не ушел бы от них; успехи турок навели такой страх на греков, что они не смели полагаться на защиту стен; даже море, отделявшее их от завоевателей, не казалось им достаточным ручательством.

Все эти события и бедствия, последовавшие за ним, довершили страдания верных, обитавших в Иерусалиме и его окрестностях, и повергли их в бездну отчаяния. Пока благоденствовала империя, как я заметил то выше, императорский дом не переставал оказывать им помощь среди их бедствий; хорошее положение империи, нетронутой ни с которой стороны, цветущее состояние соседних городов и в особенности Антиохии поддерживало в них надежду рано или поздно возвратить себе свободу. Теперь же подавленные и собственными несчастьями, и несчастиями своих соседей, убитые

Арабы, навьючивающие верблюда. Миниатюра XIII в.

страшными слухами, доходившими до них со всех сторон, предпочитая смерть жизни, они падали духом и видели перед собой одно бесконечное рабство.

X. Среди опасностей всякого рода в это бедственное время в Палестину стекались во множестве греки и латины по обету поклонения святым местам. Пройдя по неприятельской земле через тысячу смертей, они являлись к городским воротам, но не могли войти в них, не заплатив предварительно в виде подати одного золотого привратникам. Потеряв все на пути и едва успев сохранить жизнь, чтобы достигнуть желанной цели, они не имели чем заплатить подати. Вследствие того, тысячи пилигримов, собравшись в окрестностях города и ожидая возможности войти, доходили до совершенной наготы и погибали от голода и нищеты. Для несчастных же жителей города и живые, и мертвые составляли одинаково невыносимую тяжесть. С трудом могли они позаботиться о доставке припасов для живых; но им нужно было позаботиться и о погребении мертвых; все подобные труды превышали их силы. Получившие право входа за плату обращались еще в предмет величайших забот. Надобно было бояться, что, ходя без предосторожностей при посещении св. мест, они могут быть избиты, оплеваны и даже где-нибудь задушены. Заботясь о предупреждении таких несчастий и воодушевленные братской любовью, иерусалимские граждане ходили постоянно за пилигримами, чтобы наблюдать за их безопасностью и защищать от нечаянных нападений. В городе был Амальфийский монастырь, *ныне* (в конце XII в.) называемый монастырем св. *Марии Латинской*, и рядом с ним гостеприимный дом (xenodochium) с небольшой молельней, основанный в честь блаженного Иоанна Элеймона, александрийского патриарха, и вверенный заботам аббата того монастыря. Несчастные странники получали там милостыню или от монастыря, или от щедрот верующих. Из тысячи пилигримов едва ли один мог сам удовлетворять своим нуждам, потому что они теряли все путевые запасы и с трудом спасали жизнь среди стольких опасностей и трудов. Таким образом, жители не имели покоя ни вне, ни дома, смерть угрожала им каждый день, и, что хуже всякой смерти, они падали под бременем невыносимого рабства. Наконец, к довершению всех этих бедствий, их церкви, охраняемые и возобновляемые не без труда, подвергались ежедневно жестоким нападениям. Во время богослужения неверные, наводя на христиан ужас своими криками и бешенством, вбегали неожиданно в храм, садились на алтари, не делая различия в местах, опрокидывали чаши, топтали ногами сосуды, посвященные служению Господу, ломали мрамор и наносили духовенству оскорбления и побои. С самим владыкой патриархом обращались как с лицом презренным и ничтожным, хватали его за бороду и волосы, свергали с престола и бросали на землю. Нередко они овладевали им и, таща его, как последнего раба, без всякой причины сажали в темницу, лишь бы тем огорчить народ, соболезновавший своему пастырю.

Таково было то жестокое рабство, которое приходилось испытывать народу Божьему в течение 490 лет, как я сказал выше. Он переносил все с благочестивым терпением, обращая к небу стоны и вздохи и присоединяя горячую молитву к Господу, прося его в своем милосердии пощадить тех, которые исправятся, и отклонить от них бич своего гнева. Так дошли они до крайних

пределов злосчастья, и только тогда, как «пропасть открывает пропасть» (Пс., XLI, 8), пропасть бедствий открыла перед ними пропасть милосердия; они были услышаны тем, кто есть Бог всякого утешения. С высоты своего преславного трона Господь удостоил бросить на них взгляд сострадания, положил предел их несчастьям и вознамерился в своей отеческой любви послать им помощь, которой они ожидали. Чтобы увековечить между верными служителями Христа память о том, я и предпринял в настоящем труде описать способ и предначертания Божественной воли, которыми Господь восхотел избавить свой народ от долговременного бедствия.

Десятой главой автор завершает введение, объясняющее причины Крестовых походов, и приступает к основной теме своего труда.

XI. В то время, когда вышеупомянутый и Богом любимый город (то есть Иерусалим), как я сказал выше, был подвергнут стольким страданиям, между теми, которые приходили туда по обету и для молитвы в святых местах, явился один священник по имени *Петр* из королевства франков, из Амьенского епископства, *Пустынник* (Heremita) и по прозванью, и на деле; его привлекла в Палестину та же ревность. Он был весьма небольшого роста и имел жалкую наружность, но в малом теле царила великая доблесть. Он был ума быстрого, проницательного взгляда и говорил приятно и свободно. По общему закону, тяготевшему над всеми христианами, искавшими право входа, Петр внес при вратах города требуемую подать и нашел себе убежище у одного верующего, который был из числа христовых исповедников. Расспрашивая настойчиво своего хозяина, человека деятельного и ревностного, о положении христиан, он узнал от него не только то, что относилось к печальному настоящему, но и о тех преследованиях, которые испытывали предки в течение долгого времени. Если рассказ был не полон, то собственное наблюдение досказало Петру остальное. Оставаясь несколько времени в городе и посетив все церкви, он нашел полное подтверждение всему услышанному от братии. Узнав также, что патриарх Иерусалимский был человек благочестивый и богобоязненный, он пожелал говорить с ним о настоящем положении дел и узнать подробности по некоторым вопросам: явившись к нему, он был представлен одним другом из числа верующих, и они оба остались весьма довольны своими совещаниями. Имя патриарха было Симеон: узнав по речам Петра, что это был человек осторожный, весьма опытный и сильный не только словом, но и делом, он начал говорить ему с большей откровенностью о тех бедствиях, которые испытывает народ Божий, населяющий святой город. Петр, слушая его, был тронут братским сочувствием и в своей печали не мог удержаться от слез; потом он спросил, нельзя ли найти какого-нибудь средства к спасению от стольких бедствий? Праведный муж отвечал ему: «Петр, наши грехи составляют единственную преграду к тому, чтобы всеправедный и милосердный Господь удостоил внять нашим стонам и воздыханиям и осушить наши слезы: мы нисколько не сложили с себя нашей неправды, а потому бичи неба не перестают нас поражать. Но щедрое милосердие Господа хранит силы вашего народа и у вас процветает широко и далеко страшная сила для наших врагов; если ваш народ, искренне служащий Господу и воодушевленный братской любовью, захотел бы сжалиться над нашим злосчастьем и даровать нам облегчение или если бы он пожелал по крайней мере молиться за нас Христу, то мы приобрели бы надежду увидеть вскоре конец нашим бедствиям. Империя греков, гораздо более близкая нам и по кровным связям, и по положению местности, и притом богатая, не может нам подать ни надежды, ни утешения. Греки едва могут защищать самих себя; как вы сами могли слышать, брат мой, их силы истощились до того, что в течение нескольких лет они потеряли больше половины своего государства. Петр отвечал ему: «Знай, святой отец, если бы Римская церковь и западные князья узнали от человека деятельного и заслуживающего веры о всех ваших бедствиях, то без сомнения они попытались бы облегчить вашу

участь и словом, и делом. Пиши же обстоятельно владыке Папе и Римской церкви, королям и князьям Запада и подкрепи свое показание печатью. А я не откажусь взять на себя это дело для спасения своей души: с помощью Господа я готов идти к ним ко всем, умолять их, рассказывать им со всей ревностью о великих ваших бедствиях и просить каждого о поспешной помощи вам». Патриарху понравился такой ответ и он его одобрил вместе с теми верными, которые присутствовали в собрании. Воздав великую благодарность Божьему человеку за его сострадание, они вручили ему требуемую грамоту.

XII. Поистине велик Господь Бог наш; и его милосердие беспредельно! Поистине благий Иисусе, не постыдятся надеющиеся на тебя! Откуда могла явиться в таком жалком, бедном и лишенном всяких средств пилигриме, притом удаленном от пределов родины, уверенность столь великая, что он осмелился предпринять дело, превышающее его силы, и надеяться на осуществление своих желаний? Конечно, оттого, что он обращал свои помыслы к тебе, своему покровителю; горя огнем благости, любя ближнего, как самого себя, ему было достаточно того, чтобы исполнить закон. Где не хватает сил, там помогает любовь; то, что возложили на него его братия, могло казаться трудным и даже невозможным, но любовь к Богу и ближнему облегчила дело, потому что «любовь сильна, как и смерть» (Песн., VIII, 6). «Вера, действующая любовью» (Галат., V, 6), вмениться тобой в заслугу, и заслуга твоя не останется у тебя бесплодной. Ты не допустишь твоего раба долго колебаться, сам явишься ему и своим откровением подкрепишь его, дабы не отшатнулся он, исполнив его своего духа (apocalypsim insinuans), ты воздвигнешь его сильным на подвиг любви. Однажды, когда служитель Божий был особенно преисполнен забот, помышляя о возвращении на родину и об исполнении своего поручения, он захотел обратиться с полной преданностью к источнику всякого милосердия и вошел в церковь св. Воскресения. Наступила ночь; утомленный молитвой и продолжительным бдением, усталый Петр распростерся на полу, чтобы предаться сну, который его удручал. Когда на него напал самый глубокий сон (как то обыкновенно бывает), явился ему Господь наш Иисус Христос, стал перед ним и возложил на него то же поручение, говоря: «Встань, Петр; спеши: исполни мужественно все, что было на тебя возложено; я пребуду с тобой, ибо настало время очистить святые места и подать помощь моим служителям». Петр, встав укрепленный видением Господним и горя желанием повиноваться предписанному свыше, не хотел медлить и изготовился в дорогу. Исполнив обычную молитву, простившись с владыкой патриархом и получив его благословение, он отправился к морскому берегу и нашел там купеческий корабль, готовый к отплытию в Апулию. Он садится на корабль и после благополучного плавания приезжает в г. Бар. Оттуда он отправляется в Рим и в окрестностях города находит владыку, Папу Урбана (II); предоставив ему грамоту патриарха и верных из Иерусалима, он излагает Папе бедствия и неистовства, совершаемые в святых местах нечестивыми народами, и исполняет свое поручение с точностью и одинаковым благоразумием.

В начале главы XIII автор делает краткий очерк о борьбе за инвеституру при предшественниках Урбана II, Григория VII Гильдебранде и Викторе, которая продолжалась и при Урбане II в то время, когда к нему явился Петр Пустынник.

XIII. После Виктора (преемника Григория VII Гильдебранда), который был на престоле всего два месяца, вступил *Урбан* (II); чтобы избегнуть ярости Генриха (V), сына Генриха (IV), упорствовавшего в том же заблуждении, он жил, укрываясь в укрепленных местах среди своих верных и нигде не находил надежного убежища. Видя себя в таком несчастном положении, Урбан благосклонно встретил и принял упомянутого Петра, преподобного мужа, после возвращения его из Иерусалима с известным поручением. Именем Бога Слова, которого он был опорой, Папа обещал в свое время оказать ему ревностное содействие. Петр, сжигаемый думой о Боге, проходит всю Италию, отправляется за Альпы, посещает всех

князей Запада поодиночке, настоятельно просит, убеждает, и с помощью Божьей благодати ему удается склонить некоторых поспешить с помощью братиям, которые падают под игом, и не допускать более, чтобы святые места, прославленные присутствием Спасителя, подвергались осквернению неверных. Петр полагал, что недостаточно обращаться к князьям и что необходимо проповедовать народу и людям низшего класса. Так он прошел все страны, благочестиво ходатайствуя, посетил все государства, обращался к бедным и самым темным людям и благовествовал повсюду. Господь в награду за столь пламенную веру наделил его такой благодатью, что весьма редко он претерпевал совершенную неудачу в своем обращении к народам. Петр был чрезвычайно полезен своей проповедью Папе, который и последовал за ним безотлагательно. Он, как предтеча, приготовлял умы слушателей к повиновению Папе, и последний, предпринимая свои увещания, достигал скорее цели и тем легче привлекал к себе сердца всех.

XIV. В год 1095-й от воплощения Господня, четвертого индикта, царствования же государя Генриха IV, короля германцев и императора римлян, 43-й год и 12-й его императорского достоинства, и при славном короле франков, государе Филиппе (I), сыне Генриха (I), владыка Папа Урбан, видя, что злоба людей превзошла всякую меру, порядок низвергнут и все направляется ко злу, созвал собор в Плаценции для всей Италии, сделавшийся необходимым вследствие извращения людей, а потом, избегая преследований императора, оставил Италию, перешел Альпы и явился в королевстве франков. Он узнал там, судя по тому, что говорилось, что в Галлии все Божественные законы попраны ногами, учение евангельское не признается и презирается; вера, любовь и все добродетели угасли и что в то же время власть врага и князя тьмы распространяется повсюду. Отыскивая заботливо, по долгу своего звания, средства к противодействию столь безобразным порокам и бесчисленным грехам, которые роились по всем направлениям и наполняли собой весь мир, он решился созвать Вселенский собор сначала в Везеле (Vigiliacum), а потом в Пюи (Podium). Но, по-новому распоряжению, собор епископов и аббатов, пришедших из всех трансальпийских провинций, был созван божьей милостью в Клермоне (Clarum montem), городе Оверни, в ноябре; некоторые из князей окрестных стран явились также на собор. Сначала с согласия прелатов и людей богобоязненных были составлены определения с целью поддержать поколебавшуюся церковь и обнародованы каноны, которые могли бы содействовать исправлению нравов, искоренению величайших злоупотреблений и в особенности восстановлению мира, погибшего в мире, как выражался Петр, который сохранял прежнюю заботливость о своем предприятии; в заключение Папа обратился к собору с увещаниями.

Почти вся глава XV посвящена речи Урбана II; в следующих же главах, от XV до XXX, которыми заканчивается первая книга, автор приводит список принявших крест, рассказывает о первых неудачных попытках Петра Пустынника, Вальтера Неимущего и других весной 1096 г. проникнуть в Палестину и о их гибели на пути в Венгрию, Болгарию и Малую Азию. Со следующей, второй, книги автор приступает к изложению Первого Крестового похода (см. продолжение ниже).

Belli sacri historia, libri XXIII. Кн. I.

Мишо

О СОСТОЯНИИ ПАЛЕСТИНЫ ПЕРЕД НАЧАЛОМ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ И ЕЕ ПЕРВЫЕ ПИЛИГРИМЫ. XI в. (в 1811 г.)

До середины VII в. Палестина оставалась провинцией Византийской империи; но в 637 г. она была отторгнута от нее арабами, и калиф Омар овладел Иерусалимом. С того времени и до половины X в., в течение 300 лет, Палестина находилась постоянно под игом аббасидских мусульман, несмотря на все усилия византийских императоров возвратить христианству его главную святыню. Наконец, в 975 г. император Иоанн Цимиский (969–976 гг.), овладев всей Сирией и перейдя Ливан, покорил все города Иудеи; при этом и Иерусалим был освобожден из рук неверных. Но он умер внезапно от отравы, и его смерть была спасением для исламизма, возвратившего скоро все утраченные им владения. Греки, занятые другим, забыли свои победы; Иерусалим и все земли, только что исторгнутые из власти неверных, подпали снова под власть калифов Фатимидов, утвердившихся на берегах Нила; они воспользовались замешательствами на Востоке, чтобы распространить свою власть. Новые владетели Иудеи сначала обращались с христианами, как с союзниками; в надежде обогатить свою казну, они покровительствовали торговле европейцев и пилигримству к святым местам. Рынки франков[1] были попрежнему восстановлены в Иерусалиме; христиане вновь построили госпитали (то есть гостиницы) для странников и восстановили церкви, лежавшие в развалинах; подобно рабу, которого облегчает одна простая перемена господина, они были довольны подчиняться новым законам повелителей Каира и тем легче верили в окончание своих бедствий, что в Египте вступил на трон калиф Гакем, родившийся от христианки, и дядя которого с материнской стороны был патриархом святого города. Но Бог, по выражению современников, хотел испытать доблесть верных и, сделав тщетными их надежды, подверг их новым гонениям.

[1] На Востоке, под словом «франк» подразумевали вообще западных европейцев.

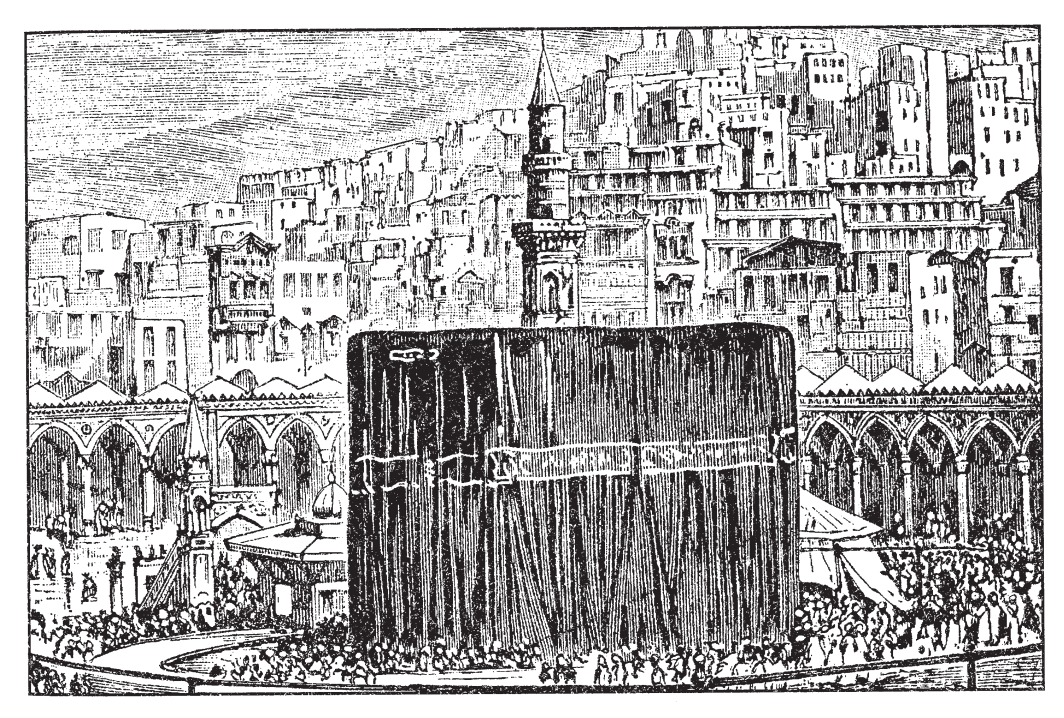
МИШО (MICHAUD). Родился в 1767 г. В самом начале революции, переехав в Париж, Мишо предался журналистской деятельности, которая при его ройялистских убеждениях едва не привела его на эшафот. По вторичном возвращении в Париж в эпоху империи Мишо занялся книжной торговлей и литературной работой. Плодом последних его занятий был труд «История Крестовых походов» (Par., 1811–1822, 5 vol., 6 издан.; Par., 1840–1841, 6 vol.; посмертное издание с приложением, написанным Huilard-Brèholless, Par. 1854. 4 vol.). Поводом к этому капитальному труду, как рассказывал сам Мишо, послужила просьба m-me Cottin написать историческое предисловие к ее роману «Mathilde» из эпохи Крестовых походов. В дополнение к своей истории Мишо издал в 4 томах подробный анализ главнейших источников той эпохи, латинских, византийских и арабских под заглавием «Bibliothéque des Croisades» (Par., 1829). После окончания своего труда Мишо совершил путешествие на Восток с целью проверить на месте свои исследования; результатом того было издание его писем с Востока (Par., 1833–1835, 7 vol.), по которым была исправлена и его «История Крестовых походов» в своих последних изданиях. Кроме того, Мишо трудился вместе с Poujoulat над изданием обширного сборника: «Collection de Memoires pour servir à l'histoire de Françe, depuis le XIII siècle jusqu'au XVIII siècle» (Par., 1836–1844, 32 vol). Впрочем, это издание не пользуется авторитетом из-за ошибок в тексте и небрежности редакции. Наконец Мишо положил основание обширному изданию «Biographie universelle». За свои труды он был избран в 1811 г. членом Французской академии. «История Крестовых походов» – одно из лучших сочинений по этому предмету. Однако достоинства данного произведения от-

Гакем, третий из фатимидских калифов, обозначил свое правление всеми крайностями фанатизма и безумия. Не зная сам, чего он желает, и не принадлежа ни к одной религии, новый калиф то покровительствовал христианам, то преследовал их. Он не уважал ни постановлений своих предшественников, ни собственных своих законов; сегодня переменял постановленное вчера и производил повсюду беспорядок и замешательство. В своем легкомыслии и увлечении властью он доводил безумие до того, что считал себя божеством. Страх доставлял ему почитателей; ему воздвигали алтари в окрестностях старого Каира, который был им предан пламени. 16 тысяч его подданных падали перед ним ниц и молились ему как властителю живых и мертвых. Гакем презирал магометан, но не смел преследовать мусульман из-за их многочисленности. Этот бог трепетал за свою верховную власть и обратил весь свой гнев на христиан, которых он и выдал на жертву их врагам. Раздача административных мест христианам и злоупотребления при сборе податей, который препоручался им, навлекли на них ненависть всех мусульман. Когда калиф Гакем подал знак к преследованию, христиане находили себе повсюду палачей. Сначала преследовали только тех, которые злоупотребляли властью, а потом взялись вообще за христианскую религию, и самые благочестивые становились самыми виновными. Кровь христиан проливалась во всех городах Сирии и Египта; их мужество среди пыток только увеличивало ненависть гонителей. Их жалобы и молитвы принимались за восстание и наказывались, как самые преступные покушения.

Весьма вероятно, что при преследовании христиан фанатизм соединялся с политическим страхом. Герберт, архиепископ Равенны, известный под именем Папы Сильвестра II (см. о нем выше), видел бедствие верных во время своего странствования в Иерусалим; возвратившись, он побуждал западные народы поднять оружие против сарацин. Все были тронуты жалобами и стенаниями Сиона. В конце X в. пизанцы, генуэзцы и король Арелата Бозон предприняли морской поход против сарацин и сделали набег даже на берега Сирии. Подобные неприязненные действия и увеличивавшееся с каждым годом число пилигримов внушали справедливые подозрения властителям Востока. Невозможно,

---

носятся более к таланту писателя, нежели к его исследовательскому методу. Мишо использует документальные источники без пристального разбора. В первых двух томах следует исключительно Вильгельму Тирскому и Альберту Ахенскому; говорит часто об искусных речах как о достоверных документах; наконец, сам впадает по временам в лирическое настроение и риторику, так, например, когда он картинно говорит о роли Петра Пустынника на Клермонском соборе, между тем как едва ли Пустынник и присутствовал на нем. Но несмотря на все это, Зибель (см. о нем ниже) признает, что Мишо искупает вполне те недостатки «изумительным трудолюбием, пластичностью своей фантазии, способностью размышлять и отличным даром выражаться». Но главная заслуга Мишо состоит в том, что он был первый из тех, кто старался отнестись беспристрастно к Крестовым походам, после того искажения, которое они испытали в XVIII в. под влиянием господствовавшего тогда во французской литературе скептицизма: Вольтер (Essai sur les moeurs) и его последователи не хотели видеть в Крестовых походах ничего, кроме варварства, корыстолюбия и жажды грабежа. «Были писатели,– говорит Мишо в своем введении,– которые не видели в этих походах ничего, кроме самых плачевных заблуждений, не доставивших никакой выгоды последующим векам… нельзя, конечно, отрицать, чтобы Крестовые походы не послужили для своих современников источником слез; но как и всякое другое зло и невзгоды человеческой жизни делают человека лучшим и усовершенствуют его ум, эти походы ускорили зрелость народов, и хотя они на минуту поколебали общество, но впоследствии они же послужили к упрочению его основ».



Храм Каабы в Мекке. Конец XIX в.

говорит один из главных историков Крестовых походов Вильгельм Тирский, изобразить все роды преследований, которые претерпевались в то время христианами. Одна из жестокостей, испытанных христианами, дала Тассу материал для трогательного эпизода об Олинде и Софронии (см. ниже). Какой-то злейший враг христиан, чтобы увеличить к ним ненависть преследователей, бросил ночью в одну из главных городских мечетей издохшую собаку; первые, вошедшие туда для молитвы, увидели с ужасом такое осквернение; по городу начали раздаваться угрозы; толпа с шумом обступила мечеть; обвиняли христиан и клялись их кровью смыть оскорбление, нанесенное Магомету. Все верные предназначались жертвой мести мусульман, и они уже готовились к смерти, как один молодой человек, имя которого не сохранилось в истории, стал в их среде: «Самым большим несчастьем,– говорил он,– была бы погибель церкви в Иерусалиме; пример Спасителя поучает нас, что один должен жертвовать собой для спасения всех; обещайте мне благословлять мое имя ежегодно, почтить мое семейство, и я, с Божьей помощью, пойду и отвращу смерть, которая грозит всем христианам». Верные приняли эту жертву великодушного мученика человечества и клялись во веки благословлять его имя. Для оказания почестей его семейству было на месте определено, чтобы при ежегодном праздновании Пасхи во время торжественного шествия каждый из его родных нес вместе с ветвями пальмы ветку оливы, посвященной Спасителю. Довольный тем, что он получал в обмен за свою временную жизнь, юноша оставил собрание, заливавшееся слезами, отправился к мусульманским судьям и взял на одного себя преступление, возводимое на всех почитателей Христа. Судьи, нимало не тронутые подобным геройством, произнесли над ним одним жестокий приговор; с тех пор меч более не висел над головой верных, «и так полагая душу свою за братьев, тот юноша благочестиво опочил, восприял наилучшую благодать о Господе» (Вильгельм Тирский, кн. I).

Между тем христиан Палестины ожидали и другие бедствия: все религиозные процессии были запрещены; большая часть церквей обратилась в конюшни; храм Гроба Господня был разрушен до основания. Христиане, изгнанные из Иерусалима, рассеялись по всему Востоку. Древние историки рассказывают, что вселенная покрылась печалью о святом городе и была объята ужасом. В тех странах, где не знали зимы, сделались страшные холода; по Босфору и Нилу шел лед; в Сирии и Малой Азии повторялись землетрясения в течение двух месяцев и разрушили много больших городов. Когда известие о разорении святых мест дошло до Запада, глаза христиан увлажнялись слезами. В хронике монаха Глабера (см. о нем выше) мы читаем, что в Европе обнаруживались признаки, предвещавшие великое бедствие: в Бургундии выпал каменный дождь, на небе показывались кометы и грозные метеоры. Все христианские народы волновались; однако никто не поднял оружия против неверных, и месть христиан обрушилась на евреев, которых Европа обвиняла в возбуждении ярости мусульман (см. выше).

Бедствия святого города делали его еще более уважаемым в глазах верных; преследования удваивали благочестивый фанатизм тех, которые шли в Азию взглянуть на город, покрытый развалинами, и один вид пустого Гроба доставлял им наслаждение. В Иерусалиме, облеченном в траур, думалось им, Бог ниспосылает особенную благодать, и только там ему угодно сообщать свою волю. Шарлатаны часто спекулировали такими убеждениями христианских народов и вводили в заблуждение суеверную толпу. Для подтверждения своих слов им было достаточно показать письма, падавшие, по их словам, в Иерусалиме с неба. В ту эпоху предсказания о светопреставлении и близком сошествии Иисуса Христа в Палестине увеличивали уважение народов к святым местам. Западные христиане толпами стекались в Иерусалим с намерением или умереть там, или ждать прибытия верховного Судьи. Монах Глабер показывает, что приток пилигримов превзошел все, что можно было ожидать от благочестия того отдаленного времени. Сначала там появлялись бедные и простые люди, потом графы, бароны и князья, не ставившие ни во что земное величие.

Но Провидение, наконец, как бы сжалилось над бедствиями христиан: злой калиф Гакем, говорит Вильгельм Тирский, переселился из этого мира; Дагер, наследовавший ему, смягчил жестокие распоряжения своего отца и дозволил верным возобновить церковь Гроба Господня. Иерусалимские христиане, не имея средств на такую постройку, обратились к щедрости византийского императора, и он доставил им из собственных денег необходимую сумму. Таким образом, 37 лет спустя по разрушении храма Воскресения, он был внезапно воздвигнут, «как некогда сам Спаситель, торжествуя над смертью, вышел со славой из мрака могилы».

В XI в. латинская церковь заменила пилигримством церковное покаяние[1] ; согрешившие осуждались оставить отечество и должны были скитаться, подобно Каину. Такая форма покаяния вполне соответст-

---

[1] Пилигримство в Палестину началось с древнейших времен христианства, и уже в III и IV в. странствования в Св. землю сделались до того часты, что влекли иногда за собой злоупотребления. Св. Августин (Serm. III, de martyr. verb) говорил по этому поводу: «Господь не сказал: иди на восток и ищи правды, плыви на запад и получишь отпущение». Он же говорит в другом месте (Serm. I): «Не замышляй отдаленных путешествий; будь там, где веруешь, ибо к тому, кто вездесущ, приходят не морем, но любовью». Св. Григорий из Ниссы в письме под заглавием: «De euntibus Hierosolymam» восстает еще более резко против пилигримства: по его мнению, женщины на своем пути встречают много случаев к греху; Иисус Христос, Св. Дух не обитают в одном месте более, нежели в другом; в этом же письме он отзывается с горечью о нравах самих жителей Иерусалима, предававшихся самым тяжким преступлениям, несмотря на то что они имели всегда перед глазами Лобное место и другие места, посещаемые пилигримами. Св. Иероним, хотя и сам странствовал в Палестину, но тем не менее разделял тот взгляд на пилигримство и в одном письме выразился так: «Небесное Царство одинаково открыто, как из Иерусалима, так и из Британии». Он же говорил, что бесчисленное множество святых и богословов наслаждаются вечной жизнью, никогда не видав Иерусалима (II, Eclaircissem).

вовала деятельному и беспокойному характеру западных народов; впрочем, пилигримство было допускаемо и поощрялось всеми религиями древними и новыми, так оно близко к самым естественным чувствованиям человека. Если вид местности, в которой жил герой или мудрец, несмотря на то, что их жизнь не связана ни с каким из наших верований, вызывает в нас благородные трогающие воспоминания; если дух философа волнуется при взгляде на языческие развалины Пальмиры, Вавилона или Афин, то как глубоко должны были чувствовать христиане, видя места, освященные присутствием их Божества и представлявшиеся их глазам и воображению, как колыбель живой веры, которая их воодушевляла?

Западные христиане, почти все бедствовавшие на родине и забывавшие свое горе во время странствований, были заняты мыслью об отыскании на земле следов спасительного Божества или какой-нибудь святой личности. Не было страны, которая не имела бы мученика или апостола для обращения к ним с мольбой о помощи; не было города или местечка, где не сохранялось бы воспоминание о суде, и не было бы капеллы открытой для богомольцев. Самые тяжкие грешники или более ревностные из верных подвергали себя и большим опасностям, предпринимая более отдаленные странствования. Иногда они направляли благочестивый путь в Апулию и Калабрию, посещая Гаргано, знаменитый чудом св. Михаила, или Кассино, прославленный чудесами св. Бенедикта; иногда они переходили Пиренеи и в стране, принадлежавшей сарацинам, ходили молиться над мощами св. Иакова, в Галисию. Одни, как король Французский Роберт, отправлялись в Рим, чтобы распростерться над могилой Петра и Павла; другие шли в Египет, где Иисус Христос провел свое детство, и странствовали по пустыням Мемфиса, где были ученики Павла и Антония. Но наибольшее число богомольцев шло в Палестину; они входили в Иерусалим Ефраимскими воротами, где вносилась подать сарацинам. Изготовившись постом и молитвой, они вступали в церковь Гроба Господня, покрытые саваном, который сохранялся ими всю жизнь и в котором их погребали после смерти. Со священным благоговением посещали они гору Сион, Масличную гору, долину Иосафата; из Иерусалима богомольцы ходили в Вифлеем, где родился Спаситель мира, на гору Фавор, где он преобразился, и по всем тем местам, которые были свидетелями его чудес. После того они отправлялись омыться в реке Иордан и собирали на земле Иерихона пальмы, с которыми возвращались на Запад.

Таков был дух благочестия в X и XI вв., и большая часть христиан обвинили бы себя в неуважении к религии, если бы не было ими предпринято то или другое странствование. Кто избегал опасности и одерживал победу над врагом, тот брал посох пилигрима и шел к святым местам; кто спас молитвами жизнь отца или сына, шел благодарить небо далеко от родины в страны, освященные религиозными преданиями. Часто отец предназначал своего сына еще в колыбели к богомолию, и первой обязанностью сына, когда он приходил в возраст, было исполнить обет родителей. Нередко сновидение или явление во время сна налагало на христианина обязанность предпринимать странствование. Таким образом, мысль о богомолии проистекала из религиозного чувства, но примешивалась ко всем доблестям и слабостям человеческого сердца, ко всем печалям и радостям земной жизни. Пилигримов принимали везде, и вместо платы просили у них только молитв, бывших часто единственным сокровищем, которым они запасались в дорогу. Один из таких, желая сесть в Александрии на корабль, отходивший в Палестину, явился с посохом и котомкой и вместо перевозной платы предлагал Евангелие. Пилигримы не имели на своем пути другой защиты от нападения злых людей, кроме креста, и путеводителями считали ангелов, «которым Бог предписал охранять детей» и «наставлять их на всех их путях». Преследования, испытанные на дороге, только увеличивали славу пилигрима и внушали верным особое к ним уважение. Фанатизм побуждал их даже вызывать

опасности; история повествует об одном монахе Ричарде, аббате св. Витона, в Вердюне, как он, придя в страну неверных, останавливался перед городскими воротами, отправлял богослужение и, испытывая постоянные оскорбления и насилия со стороны мусульман, вменял себе в славу переносить всякого рода бедствия во имя Иисуса Христа.

В глазах верных, после пилигримства, считалось важнейшей заслугой посвящать себя на службу пилигримам. Для приема странников устраивались госпитали (hospes, гость гостиницы) на берегах рек, на вершинах гор, среди городов и местах пустынных. С IX в. пилигримы, отправлявшиеся из Бургундии в Италию, находили себе приют в монастыре, устроенном на горе Ценис. В следующем столетии два монастыря для заблудившихся странников заменили языческие храмы на горах Юпитера (montes Jovis), которые с того времени утратили свои языческие наименования и получили новые в честь своего святого основателя Бернарда из Ментоны. Христиане, ходившие в Иудею, имели много пристанищ, основанных благочестием на границах Венгрии и в странах Малой Азии...

Пилигрим считался привилегированным лицом среди прочих верных. По окончании своего странствования он приобретал особенную святость; его отправление и возвращение сопровождалось религиозными обрядами. Когда он шел в дорогу, священник подавал ему вместе с котомкой и посохом полотно с изображением креста; его одежды окроплялись святой водой, и духовенство провожало его с процессией до следующего прихода. Возвратившись на родину, пилигрим воздавал хвалу Богу и представлял священнику пальмовую ветвь для возложения ее на церковный алтарь в знак счастливо оконченного предприятия[1].

Богатые предпринимали, однако, отдаленные странствования только по одному тщеславию, и потому монах Глабер замечает, что многие христиане ходили в Иерусалим с целью изумлять собой и рассказывать по возвращении о виденных ими чудесах. Многих увлекала также любовь к праздности и перемене; иные желали увидеть новые страны. Были и такие христиа-

---

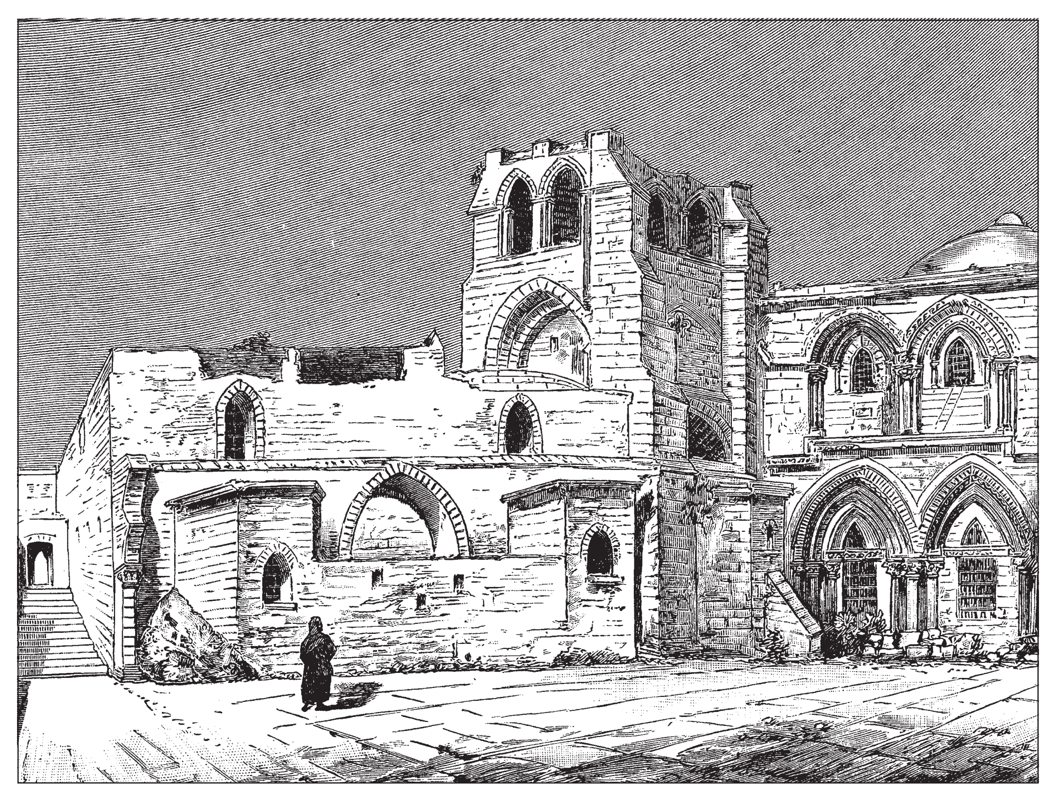
[1] Дю Канж в своем *Glossarium* под словом *Peregrinatio* объединил все, что в Средние века относилось к правам и обязанностям пилигрима. Когда кто-нибудь решался отправиться в Св. землю, он должен был получить согласие родственников и дозволение своего епископа; сначала обсуждали его жизнь и нравы и исследовали, не вследствие ли пустого любопытства видеть чужие страны идет он в Св. землю: в этом отношении соблюдалась особенная строгость к лицам духовным; боялись, что в них пилигримство было одним предлогом возвратиться к светской жизни. Когда оканчивались все подобные справки, пилигрим получал за обедней из рук епископа посох, котомку и благословение; ему давался сверх того род паспорта, которым рекомендовали странника монастырям, священникам и всем правоверным. Такие паспорты писались в следующей обычной форме, которая сохранилась до нас.

«Ко всем святым, достопочтенной братии, королям, властителям, епископам, графам, аббатам и проч. и ко всему христианскому народу, как в городах, деревнях, так и в монастырях! Во имя Бога мы свидетельствуем сим Вашему Величеству, или Вашему Сиятельству, что предъявитель сего, наш брат (такой-то) просил у нас дозволения идти с миром на богомолие (туда-то), или для отпущения грехов, или для молитвы о нашем спасении; а посему мы вручили ему настоящую грамоту, в которой, приветствуя Вас, просим именем любви к Богу и св. Петру принять его как гостя и быть ему полезным на пути, как туда, так и оттуда, чтобы он возвратился здоров и невредим в дом свой; и по Вашему доброму обычаю, дайте ему счастливо провести дни свои. Да хранит Вас Бог присно царствующий в своем царствии. Мы приветствуем Вас от всего сердца». Затем следовала печать епископа или сюзерена. Получив такой паспорт, пилигрим должен был отправляться немедленно под страхом быть объявленным клятвопреступником; один епископ, и то в крайнем случае, мог разрешить от обета. В назначенный день родственники, друзья и все благочестивые люди провожали пилигримов на известное расстояние от города: там они получали благословение и пускались в дальнейший путь. На дороге странник освобождался от всяких пошлин; его принимали в каждом замке и отказ считали вероломством; со странником обходились, как с капелланом, за столом которого он ел, если только по смирению не предпочитал сам оставаться наедине. На кораблях с пилигрима брали самую умеренную цену, а марсельцы перевозили даром на своих судах (II, Eclaircissem).

не, которые проводили всю жизнь в странствованиях и посещали Иерусалим по нескольку раз. Так как каждый пилигрим должен был иметь с собой паспорт, то беспорядки не могли иметь места, и действительно, история не представляет сначала ни одного случая насилия со стороны пилигримов, несмотря на то, что целые толпы их покрывали дорогу на Восток. Один мусульманский правитель, видя множество пилигримов, проходивших через Эмессу, говорил: «Они оставили свои жилища без всякого худого намерения и исполняют тем свой закон». Известно, что мусульмане имели еще более христиан наклонности к пилигримству, и это обстоятельство внушало им иногда чувство терпимости к благочестивым странникам Запада. Часто врата Иерусалима открывались вместе и для последователей Корана, пришедших на поклонение мечети Омара, и для учеников Евангелия, которые шли поклониться Гробу Спасителя; и те, и другие находили одинаковое покровительство, пока сохранялся мир на Востоке, и пока перевороты или военные предприятия не внушали недоверия властителям Сирии и Палестины.

Ежегодно в праздник Пасхи бесчисленные толпы пилигримов стекались в Иудею для празднования тайны искупления и для присутствия при чуде священного огня, который, по верованию пилигримов, сходил с неба на лампаду св. Гроба (см. ниже). Не было такого преступления, которое не могло бы быть искуплено странствованием в Иерусалим для поклонения Гробу Господню. Из «Деяний святых» видно, что такое убеждение утвердилось среди франков еще со времен Лотаря в IX в. Один древний рассказ из той эпохи, сохраненный монахом из Редона, повествует нам, как могущественный герцог Бретани, Фротмонд, убийца своего дяди и младшего из братьев, явился в одежде кающегося и предстал перед королем франков и собранием епископов. Король и прелаты, связав его крепко железной цепью, предписали ему отправиться на Восток и обойти Святую землю с головой, посыпанной пеплом, и с власяницей на теле. Отвратительный вид, который представляли пилигримы, обнаженные и в цепях, заставил Карла Великого одно время запретить такое публичное покаяние, но скоро этот обычай приобрел новую силу. Фротмонд, сопровождаемый служителями и участниками преступления, отправился в Иерусалим. Пробыв там некоторое время, он прошел по пустыне, явился на берегах Нила, оттуда по берегу Африки достиг Карфагена и переехал в Рим, где Папа Бенедикт III (ум. в 858 г.) советовал ему снова предпринять странствование для полного отпущения грехов. Фротмонд посетил вторично Палестину, проник до берегов Черного моря, три года провел на горе Синае и ходил в Армению, чтобы увидеть гору, на которой остановился ковчег Ноя после Потопа. По возвращении в отечество он был принят, как святой, заключился в монастыре Редоне и умер, оплакиваемый иноками, которых он назидал рассказами о своих странствованиях.

Много лет спустя после смерти Фротмонда Ценций, префект Рима (см. о нем выше), оскорбивший Папу Григория VII в церкви св. Марии Старшей, свергший его с престола и бросивший в темницу, должен был для искупления своего святотатства предпринять странствование в Св. землю. Граф Анжу, Фулько Черный, живший в то же время (XI в.) был обвинен в том, что он умертвил свою первую жену и часто обагрял руки невинной кровью. Преследуемый общественной ненавистью и голосом совести, он часто видел, как тени жертв его мести или самолюбия выходили из могил и беспокоили его сон. Чтобы освободиться от такого тяжелого кошмара, преследовавшего его повсюду, Фулько покинул свое государство и отправился, одетый пилигримом, в Палестину. Буря у берегов Сирии напоминала ему гнев Провидения и удвоила его религиозный жар. Прибыв в Иерусалим, он шел по улицам св. города с веревкой на шее; служители бичевали его и при этом громко произносили: «Господи, сжалься над неверным и вероломным христианином, над грешником, странствующим далеко от своей земли!» Во время пребывания в Палестине Фулько раздавал щедрую милостыню,



Храм Гроба Господня (южный портал). Церковь была построена крестоносцами на месте, почитаемом христианами как место погребения Христа. До 1808 г., когда это здание разрушил пожар, оно не претерпевало значительных изменений. После пожара его грубо восстановили греки. В этом состоянии оно и изображено

облегчал бедствия пилигримов и оставил везде воспоминания о своем благочестии и милосердии. Современные хроники рассказывают при этом с удовольствием тот благочестивый обман, к которому прибегнул граф Анжу, чтобы выхлопотать у сарацин дозволение посетить Гроб Господень:

«Граф предложил сарацинам большое количество золота, чтобы быть допущенным в храм Гроба Господня, но они не соглашались, если он не сделает того же, что они требовали от других христианских князей. Фулько имел такое сильное желание войти туда, что обещал сделать все, что они ни захотят. Тогда сарацины объявили ему, что они впустят его только в таком случае, если он даст клятву осквернить гроб своего божества. Граф, если б было то возможно, предпочел бы умереть тысячу раз, нежели решиться на что-нибудь подобное; но видя в то же время, что иначе он не будет допущен в святое место, к которому он питал столь нежную привязанность и для посещения которого прибыл из отдаленной страны со столь великими трудами и опасностями, Фулько дал согласие, и между ними было условлено, что он войдет завтра. С вечера граф Анжу лег в своем жилище, а утром на следующий день взял небольшую склянку, довольно плоскую, и, наполнив ее чистейшей и благоуханной розовой водой (или белым вином, как полагают другие), поместил ее в складках своих панталон: с этим он явился к обещавшим ему доступ, заплатив сумму, которую неверные безбожники потребовали от него, и был впущен в то желанное место Гроба Господня, в котором Господь наш опочил после

своих торжественных страстей; ему сказали, что он должен теперь исполнить обещанное или будет изгнан. Тогда граф, изъявив готовность, облил Гроб Господень той чистой и душистой розовой водой. Язычники, полагая, что он помочился на деле, начали смеяться над ним; но благочестивый граф не обращал внимания на их насмешки и с плачем и слезами распростерся у Гроба Господня. После, приблизившись для облобызания самого Гроба, граф увидел, что Божественное милосердие благосклонно приняло его ревность, потому что камень Гроба, твердый и крепкий, при лобызании сделался мягок и гибок, как воск, разогретый на огне. Граф кусил камень и незамеченный неверными унес во рту большой кусок; после того он спокойно посетил все другие святые места (Gesta consulum Andeg. Spicoleg., t. X, p. 463)»[1].

Возвратившись в свои владения, граф Анжу хотел иметь постоянно перед глазами места, которые он посетил, и с этой целью построил около замка Лош (Loches), церковь, подобную храму Воскресения. Там он молился каждый день, но его мольбы еще не смягчили Божественное милосердие. Вскоре он снова почувствовал то смятение сердца, которое тревожило его прежде. Фулько отправился вторично в Иерусалим и там выражениями своего раскаяния и суровостью истязаний наставлял верующих. На обратной дороге в Европу через Италию он освободил Папу от страшного врага, опустошавшего римские владения. Папа вознаградил его ревность, хвалил за благочестие и дал полное отпущение всех грехов. Благородный пилигрим возвратился наконец в свое графство, неся с собой огромное количество мощей, которыми он украсил церкви Лоша и Анжера. С того времени он занимался в мире постройкой монастырей и городов, что и доставило ему прозвание *великого строителя*. Такие заслуги и благодеяния доставляли ему благословение церкви и народа, который благодарил Бога, обратившего владетеля страны на путь кротости и добра. По-видимому, Фулько не мог более бояться ни суда Божеского, ни человеческого; но голос совести и душевные волнения были так велики, что угрызения не могли быть ничем заглушены, ни даже двукратным пилигримством к Гробу Господню. Несчастный граф решился предпринять в третий раз странствование в Иерусалим; снова Палестина увидела его обливающим новыми слезами Гроб и оглашающим своими стенаниями св. места. Посетив Палестину и поручив свою душу молитвам отшельников, на которых было возложено принимать и утешать странников, он оставил Иерусалим, чтобы возвратиться в отечество, которое не суждено было ему видеть: он заболел и умер в Метце. Тело его было перенесено и предано земле в церкви Гроба Господня, построенной им близ Лоша. Сердце покойного положили в церкви Метца, где, спустя столько веков после его смерти, можно видеть еще и теперь мавзолей, называемый гробницей Фулько, графа Анжу.

В то же время около половины XI столетия Роберт Фландрский и Беренгард II, граф Барселонский, предприняли для очищения себя от грехов странствование в Палестину. Последний не мог перенести тяжких испытаний, возложенных им на себя, и умер в Азии. Роберт вернулся в свое государство, где его подвиг возвратил ему расположение духовенства, которое он намеревался ограбить. Еще до них ходил в Палестину Фридрих, граф г. Вердюна, принадлежавший к фамилии, которая впоследствии считала одним из своих героев Готфрида Бульонского. Отправляясь в Азию, Фридрих отказался от земного величия и уступил свое графство епископу Вердюна. По возвращении в Европу он решился окончить дни свои в монастыре и умер приором аббатства святого аббата Васта, около Арраса.

Даже слабый и боязливый пол не был удерживаем затруднениями и опасностями длинного пути. Елена, родившаяся в знатном семействе в Швейцарии и заподозренная в убийстве своего зятя, оставила родину и отправилась пешком на Восток. Посетив св. места, она возвратилась на родину и погибла жертвой неприязни родственни-

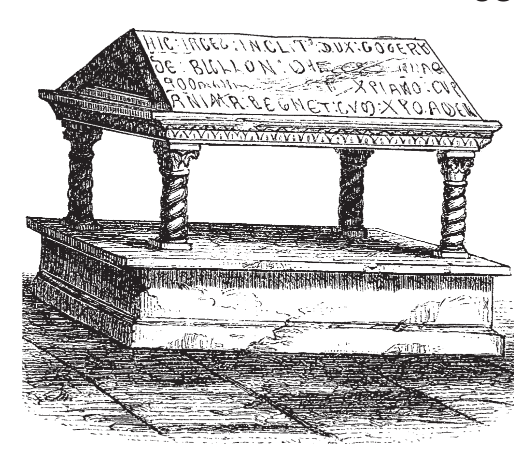
---

[1] Это место из летописи Анжуйской автор поместил в своих Eclaircissem.

ков и соотечественников, снискав пальму мученичества, по словам одной древней легенды. Несколько верующих, тронутых ее благочестием, воздвигли в ее память капеллу на острове Зеландии, близ фонтана, который и до сих пор называется фонтаном св. Елены. Северные христиане долгое время ходили на богомолье в те места и посещали грот, в котором жила Елена перед отправлением в Иерусалим.

Между знатными пилигримами того века считают также Роберта, герцога Нормандии, отца Вильгельма Завоевателя. История обвиняет его в отравлении своего брата Ричарда. Угрызения совести привели его в Палестину; он прибыл туда сопровождаемый большим числом рыцарей и баронов, с котомкой и посохом в руке, босоногий и покрытый саваном покаяния. Роберт, как он выражался сам, ставил бедствия, испытываемые им за Иисуса Христа, выше лучшего города в своем герцогстве. Прибыв в Константинополь, он презрел роскошь и подарки императора и явился ко двору простым пилигримом. Заболев в Малой Азии, он отказался от услуг христиан своей свиты и дал сарацинам нести себя на носилках. Нормандский пилигрим, встретив его, спрашивал, не имеет ли он поручить ему приказаний для его подданных. «Иди сказать моему народу,– отвечал он,– что ты видел, как дьяволы несли христианского князя в рай». Прибыв к вратам Иерусалима, он нашел там толпу пилигримов, которые не имели чем заплатить за вход пошлину неверным. Роберт внес за каждого из них по золотой монете и вступил вместе с ними посреди восклицаний христиан. Во время своего пребывания он отличался благочестием и в особенности щедростью, которая распространялась даже на неверных. На обратном пути в Европу он умер в Никее, в Вифинии, занятый мыслью единственно о мощах, которые он вынес из Палестины, и сожалея о том, что не кончил своих дней в святом городе.

Величайшим счастьем для пилигрима, о котором он молил небо, как о награде за труды и утомление, было умереть, как и Иисус Христос, в св. городе. Когда богомольцы являлись ко Гробу Господню, они обыкновенно говорили следующую молитву: «Ты, умерший за нас и погребенный в этом святом месте, сжалься над нами и возьми нас ныне от этой юдоли слез». История рассказывает об одном христианине, родившемся около г. Отён (Autune), который, придя в Иерусалим, искал смерти в чрезмерных постах и умерщвлениях плоти. Однажды он оставался долгое время на Масличной горе с глазами, обращенными к небу, и поднятыми руками; ему казалось, что Бог призывает его к себе. Возвратившись в странноприимный дом, он воскликнул троекратно: «Слава тебе, Господи»,– и внезапно умер на глазах своих спутников, которые остались пораженными чудом его смерти.



Гробница Готфрида Бульонского. Храм Гроба Господня в Иерусалиме

Стремление достигнуть святости путешествием в Иерусалим сделалось наконец до того всеобщим, что толпы пилигримов ужасали своим числом те страны, по которым они проходили; хотя они еще не искали битв, но им уже давали название *войска Господня* (exercitus Domini), и многие памятники свидетельствуют о том, что христиане весьма часто во время своих странствований в Иерусалим носили на себе изображение креста, как впоследствии то делалось во время войн, предпринятых для освобождения Гроба Господня. В 1054 г. Лиутберт, епископ Камбрэ, отправился в Св. землю, сопровождаемый более чем 3 тысячами пилигримов. Когда он пустился в дорогу, народ и духовенство сопровождали

его за городом на расстоянии трех лье, и со слезами на глазах молили Бога о благополучном возвращении их епископа и их братьев. Пилигримы прошли Германию, не встретив неприятеля; но в Болгарии им попались дикие люди, населявшие леса и жившие грабежом. Бóльшая часть их была убита варварами, а иные умерли от голода среди пустынь. Лиутберт с трудом достиг Лаодикеи, сел на корабль вместе с уцелевшими спутниками и был выброшен бурей на берега Кипра. Он видел, как погибла большая часть пилигримов; другим угрожала нищета. Возвратившись в Лаодикею, они узнали, что самая главная опасность ждет их еще впереди, на дороге к Иерусалиму. Епископ Камбрэ чувствовал что его оставляет мужество, и полагал, что сам Бог противится его пилигримству. Преодолев тысячи препятствий, он возвратился на родину, где и построил церковь во имя Гроба Господня, которого он не мог увидеть.

Десять лет спустя после Лиутберта с берегов Рейна отправились в Палестину 7 тысяч христиан, в числе которых находились архиепископ Майнцский и епископы Регенсбургский, Бамбергский и Утрехтский. Этот многочисленный караван, предвещавший близость Крестовых походов, прошел через Германию, Венгрию, Болгарию и Фракию и был принят в Константинополе императором Константином Дукой. Посетив храмы Византии и поклонившись многочисленным их мощам, предмету почитаний греков, западные пилигримы прошли безопасно всю Малую Азию и Сирию; но при приближении к Иерусалиму богатства их возбудили корысть арабов-бедуинов, одной беспорядочной орды, не имевшей ни отечества, ни жилищ и сделавшейся ужасной среди междоусобий Востока. Арабы напали на пилигримов и принудили их укрыться в одном покинутом укреплении. Засев в его развалины, они отражали три дня нападения варваров, силы которых возрастали с каждым часом и наконец дошли до 12 тысяч. Пилигримы, истощенные голодом и усталостью и не имея для защиты ничего кроме камней, предложили начать переговоры о сдаче. Но эти переговоры повели к ссоре, которая была бы весьма печальна для христиан, доведенных до отчаяния, если бы не подоспел к ним на помощь эмир Рамлы, предуведомленный беглецами: он спас им жизнь и сокровища и за умеренную подать дал им конвой, который сопровождал их до самых ворот св. города. Молва о их битвах и опасностях предшествовала им в Иерусалиме: они были приняты весьма торжественно патриархом и отведены в храм Гроба Господня при звуке цимбалов и при свете факелов. Гора Сион, Масличная гора, долина Иосафата были свидетелями их благочестивого восторга. Они не могли посетить берегов Иордана и других прославленных мест Иудеи, из опасения набега со стороны арабов. Потеряв на пути всего 3 тысячи человек, они возвратились в Европу рассказывать о своих трагических приключениях и опасностях странствования в Св. землю.

Между тем западным пилигримам и палестинским христианам угрожали еще большие бедствия. Варварская нация, бич других народов, «молот наковальный, тяготевший над всей землей», как выразился Вильгельм Тирский, была выдвинута на них гневом Господним. Уже несколько веков сряду богатые страны Востока подвергались беспрерывным нападениям орд, выходивших из Татарии. По мере того, как одни воинственные колена изнеживались роскошью и слабели от недеятельности мира, их замещали новые толпы, приносившие с собой всю необузданность и варварство степей. Турки, вышедшие из стран, лежавших по ту сторону Оксуса, овладели Персией, где их поместил и терпел султан Махмуд по своей непредусмотрительности. Сын Махмуда вступил с ними в битву, в которой он сделал чудеса храбрости; «но судьба,– говорит Фериста (писатель Индии, XVII в.), – обратилась против него; он оглядывался вокруг себя во время сражения, и, исключая его отряда, вся остальная армия поглотила путь бегства». На самом месте победы турки приступили к выбору султана. Множество стрел были собраны в один пук; на каждой стреле было написано название колена, семьи и воина. Ребенок вытянул три стрелы в присутствии всего войска, и судьба предоставила коро-

ну Тогрул-беку, внуку Сельджука. Тогрулбек (1038–1063 гг.), честолюбие которого равнялось его храбрости, уверовал вместе со своей дружиной в Магомета, и вскоре к титулу завоевателя Персии присоединил имя покровителя религии мусульманской.

В то время берега Тигра и Евфрата были возмущаемы восстанием эмиров, которые делили между собой остатки Багдадского калифата. Калиф Кайем просил помощи у Тогрула и обещал новому повелителю Персии завоевание всей Азии. Тогрул, наименованный временным наместником, отправился в поход, рассеял мятежников, опустошил провинции и явился в Багдад, чтобы пасть к ногам калифа, который торжествовал победу своих освободителей и утвердил их право на власть. Во время этой важной церемонии Тогрул был по очереди облечен в семь одежд; ему подарили семь рабов, рожденных в семи климатах арабских владений; в знак его власти над Востоком и Западом ему подпоясали два меча и на голову возложили две короны.

Страны, на которые указал наместник Магомета честолюбию новых завоевателей, были вскоре завоеваны их оружием. В правление Альп Арслана (1063–1072 г.) и Малек-шаха, преемников Тогрула, семь ветвей династии Сельджуков разделили между собой обширные провинции Азии. Едва прошло 30 лет со времени завоевания Персии турками, как их военные и пастушеские поселения распространились уже от Оксуса до Евфрата и от Инда до Геллеспонта. Наместник Малек-шаха пронес свое оружие до берегов Нила и овладел Сирией, подвластной калифам Фатимидским. Палестина подпала также под власть турок; на стенах Иерусалима развевалось черное знамя Аббассидов. Победители не щадили ни христиан, ни детей Али, которых багдадский калиф считал врагами Аллаха. Египетский гарнизон был вырезан; мечети и церкви разграблены. Св. город утопал в крови христиан и мусульман. При этом история вместе с Писанием может сказать, что Бог «предал детей своих ненавидящим их». Так как власть новых завоевателей Сирии и Иудеи была еще новая и не успела утвердиться, то она обнаруживала беспокойство, ревность и насилие. Христианам пришлось переносить бедствия, каких не испытывали и их отцы под управлением калифов Багдада и Каира.

Когда пилигримы Латинской церкви, пройдя враждебные страны и подвергнувшись тысячам опасностей, являлись, наконец, в Палестину, ворота св. города открывались только тем, которые могли заплатить золотую монету; а так как пилигримы были большей частью бедны и лишались последнего от грабежа во время пути, то им приходилось бродить под стенами Иерусалима, для которого они пожертвовали всем. Большая часть их погибала от голода, жажды, наготы или от неприятельского меча. Даже и те, которые успевали попасть в город, не были обеспечены от опасностей; угрозы и оскорбления со стороны мусульман преследовали их на Лобном месте, на горе Сионе и в других местах, которые они посещали. Когда случалось им собираться в храмах св. города, яростная толпа являлась прерывать своими криками божественную службу, топтала ногами священные сосуды; иные садились на алтари, оскорбляли и били розгами духовных, облеченных в пастырские ризы. Чем более верные обнаруживали свою благочестивую ревность, тем усиленнее становилась ярость мусульман. Их исступленное варварство являлось во всей силе особенно во время торжественных дней; и каждый год, дни самые уважаемые в церкви христианской, как-то: рождества, смерти и воскресения Спасителя, были обозначаемы преследованиями и смертью его учеников. Пилигримы, возвратившись в Европу, рассказывали все, что они видели и что претерпели. Их рассказы, преувеличенные еще молвой, перелетавшей из уст в уста, исторгали слезы верующих.

Пока турки под начальством Тутуша и Ортока опустошали Сирию и Палестину, другие колена этого народа, предводительствуемые Солиманом, племянником Малек-шаха (Килидж Арсланом), проникли в Малую Азию. Они овладели всеми провинциями, через которые обыкновенно проходили западные пилигримы, следовавшие

в Иерусалим. Все эти страны, где христианская религия распространила свой первый свет, и города, имя которых прославилось в летописях первоначальной церкви, подпали игу неверных. Знамя пророка Мекки развевалось над стенами Эдессы, Икония, Тарса, Антиохии. Никея сделалась столицей мусульман, и там ругались над именем Христа, где первый Вселенский Собор провозгласил Символ веры. Стыдливость дев была оскорбляема варварством победителей. Дети обрезались тысячами; повсюду коран вытеснял законы Греции и Евангелие. Черные палатки и белые палатки турок покрывали собой долины и горы Вифинии и Каппадокии, и их стада бродили среди развалин монастырей и церквей.

Histoire des Croisades. Par., 1925, т. I, с. 39–77.

Роберт

КЛЕРМОНСКИЙ СОБОР 18–26 ноября 1095 г. (в 1118 г.)

Предисловие автора

Всех, которые прочтут эту историю или послушают, как ее будут читать, и выслушанное уразумеют, умоляю извинить мне, если они найдут в ней что-нибудь грубо изложенным (inurbane compositum), потому что я писал только из повиновения. А именно: аббат по имени N, одаренный большими сведениями и известный чистотой нравов, доставил мне историю, написанную об этом предмете, но она ему не совсем нравилась — отчасти потому, что ей недоставало начала, где говорилось об определениях Клермонского собора, а отчасти и вследствие того, что в этой истории порядок в изложении столь превосходного предмета оставался не обработанным и обороты речи хромали. Потому-то он и приказал мне, как *присутствовавшему* на Клермонском соборе, приставить голову к безголовому сочинению и поправить сам слог. Так как у меня не было писца, кроме самого себя, то я сам и диктовал, и писал: рука повиновалась мысли, руке – перо и перу – страница. Если кому-нибудь вскормленному философией академиков не понравится моя книга, может быть, за то, что, выражаясь тяжелым слогом, я грубо говорил правду, то замечу таким людям, что я предпочитал простой речью выставлять на свет скрытое, чем, философствуя, затемнять ясное. Тому, кто пожелает знать место, где была эта история писана, скажу, что она писалась в келье монастыря св. Ремигия, что в Реймсском епископстве; если же кто потребует имя автора, то его зовут Роберт.

РОБЕРТ (ROBERTUS MONACHUS. XI в). Монах Роберт сам рассказал нам все, что теперь мы знаем о его жизни и обстоятельствах, побудивших его взяться за свой труд, в своем предисловии к «Иерусалимской истории», которая в лучших сохранившихся манускриптах делится обыкновенно на 8 книг и охватывает собой события от 18 ноября 1095 г., когда был созван Клермонский собор, и до 12 августа 1099 г., дня знаменитой битвы при Аскалоне, где Готфрид, месяц спустя по взятии Иерусалима, разбил наголову египетскую армию. На этом останавливается автор, потому что тут же заканчивается и рукопись, которая у него лежала под руками и о которой он говорит в предисловии; только в заключении книги VIII автор добавляет от себя топографическое описание Иерусалима, весьма краткое. Как видно из указаний, сделанных Робертом, он не только присутствовал на Клермонском соборе, но и впоследствии ходил в Иерусалим, где он слышал от пленного турка рассказы об Аскалонской битве, помещенные им в сочинении. Потому в его труде особенно замечательна одна первая книга, где автор является очевидцем описываемого. Помещенная им речь Урбана II находится у всех ис-

Пролог

Между всеми историографами Ветхого и Нового Заветов первое место занимает святой *Моисей*, который, будучи наделен божественным даром пророчества, описал сотворение мира еврейскими буквами, которых он сам и был изобретатель. Он изложил чудные дела первой и второй эпохи (то есть до и после изгнания из рая) и сообщил нам деяния патриархов. Его примеру последовали *Иисус Навин*, *Самуил* и *Давид*, из которых первый написал *Книгу Иисуса*, а последние двое – Книги царств. Из тех произведений можно с ясностью понять, что было благоугодно Богу сообщить письменно своим верным о дивном творении на земле, которое он определил еще до начала времен. Но после сотворения мира, если исключить тайну спасительного распятия, что было изумительнее в новейшее время того, что совершили на своем походе наши иерусалимцы? Чем кто внимательнее изучает это событие, тем более немеет его ум. Было то дело не человеческих рук, но Божеских. А потому оно должно быть передано самым тщательным образом разумению как современных, так и будущих поколений, чтобы через то более укрепилась христианская надежда на Бога, и слава его росла в душах верных. Ибо кто из королей или князей мог подчинить себе столько городов и крепостей, защищенных природой, искусством или умом человека, столько подчинил себе святой народ франков (то есть западных христиан), его же возлюбил Господь Бог и избрал своим наследником на земле. И да поможет мне премудрость Господня, ибо я пишу для прославления имени Бога, и да знают мои читатели или слушатели, что мной не рассказано ничего, что было бы нелепо, ложно или вздорно: одна только правда!

Кончается пролог.

Начинается книга первая

В год от воплощения Господня 1095-й на пределах Галлии торжествовался великий собор, а именно в Оверни (Alvernia), в городе, именуемом Клермон (Clarus mons). На нем присутствовал Папа Урбан II, с епископами и кардиналами. Был же этот собор знаменит большим стечением галлов и германцев, как епископов, так и князей. Устроив предварительно церковные дела, владыка Папа выступил (26 ноября) на широкую площадь, потому что не было здания, стены которого могли бы вместить в себе всех присутствовавших. Обращаясь ко всем с приятной сладостью риторики, он произнес:

«Народ франков, народ загорный (transmontana gens), народ, как то явствует из ваших многочисленных деяний, возлюбленный и избранный Богом, а по положению своих земель, и по вере католической, и по чествованию святой церкви, отличенный от всех в мире наций! К вам обраща-

---

ториков того времени, но каждый приводит свою редакцию; если Роберт не мог также привести подлинных слов Папы и писал почти 25 лет спустя, то, во всяком случае как очевидец, он мог составить ее, хотя не буквально, но соответственно духу подлинных слов. По обычаю того времени автор приводит речь на латинском языке, хотя, вероятно, она была сказана на южногалльском наречии, тем более, что и Папа был галльский уроженец и мог говорить скорее на родном языке со своими земляками, нежели на искусственном и мертвом языке тогдашней ученой литературы. Сравнение, сделанное историком первого Крестового похода Зибелем, текста Роберта с текстом компиляции одного монаха Клюни, Гило, писавшего после 1118 г., привело к убеждению, что Роберт писал именно по Гило, и, следовательно, после 1118 г.

Издание: лучшее у *Bongars.* Gesta Dei per Francos. Hanov., 1611. 2 тома в одной книге – I, c. 30–81 (у Bongars книга VII подразделена, и потому всего не VIII, но IX книг). Переводы: франц. у *Guizot*. Collect. XXIII, 299–476, Par., 1825. Исследование: помещено в «Geschichte des ersten Kreuzugs», von Heinr. Sybel. Düsseld. 1841, c. 41 и след.

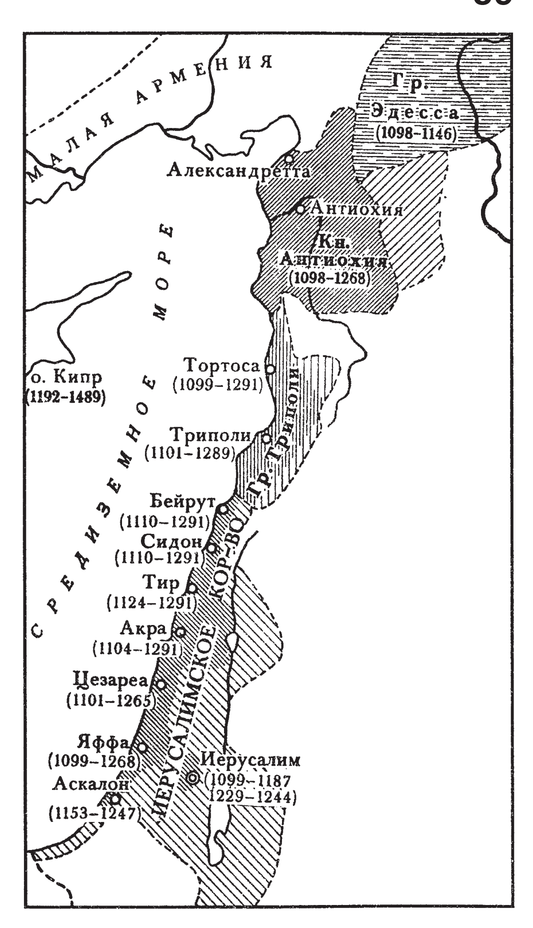
ется моя речь, к вам несутся слова моих убеждений. Я хочу вам поведать, что привело меня стать перед вами. От пределов Иерусалима и из города Константинополя к нам пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народ *Персидского* царства, народ проклятый, чужеземный, далекий от Бога, отродье, сердце и ум которого не верит в Господа, напал на земли тех христиан, опустошил их мечом, грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил поносной смертью, церкви же Божии или срыл до основания или обратил на свое богослужение. Они ниспровергли алтари, осквернив их своей нечистотой, силой обрезали христиан и мерзость обрезания раскидали по алтарям или побросали в сосуды крещения. Кого хотели позорно умертвить, прокалывали в середине насквозь, урезывали, привязывали к рукам палку и, водя так, бичевали, пока несчастные, выпустив из себя внутренности, не падали на землю. Других же, привязав к дереву, умерщвляли стрелами; иных раздевали и, наклонив шею, поражали мечом, чтобы испытать: можно ли убить с одного удара. Что сказать о невыразимом бесчестии, которому подвергались женщины? Но об этом хуже говорить, нежели молчать. Империя греков до того обрезана ими и подчинена их власти, что завоеванное нельзя обойти в два месяца. Кому же может предстоять труд отомстить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам, которых Бог одарил перед всеми народами и славой оружия, и великим духом, и телесной силой, и доблестью к покорению сопротивляющихся вам? Вас побуждают и призывают к подвигам предков величие и слава короля Карла Великого, сына его, Людовика (Благочестивого), и других ваших властителей: они разрушили царство турок и на их счет распространили пределы святой церкви. В особенности же вас должна вызывать святая гробница Спасителя и Господа нашего, которой владеют ныне нечестивые народы, а святые места обесчещены ими и замараны их нечистью. О, храбрейшие воины, потомство непобедимых предков, не унизьте себя и вспомните о доблести своих отцов. Если вас удерживает нежная привязанность к детям, родителям и женам, то подумайте о том, что сказал Господь в Евангелии: «Кто любит отца или мать больше Меня, недостоин Меня. Всякий, кто оставит дом или отца, или мать, или жену, или детей, или землю во имя Мое, тому воздастся сторицей и жизнь вечную наследует». Да не увлекает вас какое-нибудь стяжание или забота о домашних делах, потому что земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесной при вашей многочисленности; богатствами она необильна и едва дает хлеб своим обрабатывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко Гробу святому; исторгните ту землю у нечестивого народа и подчините ее себе. Земля та была дана Богом во владение сынам Израиля и, по выражению Писания, «течет медом и млеком», Иерусалим – плодоноснейший перл земли, второй рай утех. Спаситель рода человеческого прославил его своим присутствием, украсил своей жизнью, освятил страданиями, смертью искупил и погребением превознес. И этот царственный город, расположенный в центре земли, держится теперь в неволе у своих врагов и пресмыкается перед народом, неведущим Бога. Он просит и ждет освобождения и непрестанно молит вас о помощи. А всякая помощь исходит от вас, потому что, как я уже сказал, Бог перед всеми народами вас одних одарил славой оружия. Пуститесь же в этот путь во отпущение грехов своих с уверенностью наследовать незапятнанную славу Царствия Небесного!»

Когда Папа *Урбан* в своей *искусной* речи (Papa *Urbanus urbano* sermone: *urbanus* – городской, образованный, искусный – игра слов, возможная только в латинском языке) говорил все это и многое другое в этом роде, все присутствовавшие были до того проникнуты одной мыслью, что в один голос воскликнули: «Так хочет Бог, так

хочет Бог!»[1]. Услышав это, преподобный владыка римский, возведя очи к небу, принес благодарение Господу и, дав рукой знак к молчанию, продолжал:

«Сегодня, любезные братья, на вас оправдалось то, что сказал Господь в Евангелии: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди их». Если бы Господь Бог не был присущ вашим помыслам, то вы не могли бы все возгласить в одно слово. Хотя у вас бесчисленное множество голосов, но источник голоса был один. Потому говорю вам: слово, которое Господь произнес вашими устами, было напечатлено в вашей груди, и да будет на войне это слово вашим военным возгласом, ибо оно произнесено Богом. Когда вступите в бой с врагом, поднимайте один крик: «Так хочет Бог, так хочет Бог!» Но мы не убеждаем и не уговариваем старцев, больных и неспособных к оружию предпринять этот путь; и женщины не должны отправляться без мужей, братьев или каких-нибудь законных свидетелей. Они составят больше препятствия, чем помощи, и будут тяжестью, а не пользой. Богатые пусть помогут бедным и поведут с собой на войну, снарядив их на свой счет. Священники и духовные всех орденов не могут идти без разрешения епископа, ибо их странствование не принесет пользы, если они не будут иметь на то позволения. Даже и мирянам не следует идти в пилигримство без благословения священника. Тот же, кто вознамерится предпринять странствование, даст обет Богу и себя принесет ему в живую и святую жертву, должен носить на челе или на груди изображение Креста Господня. Тот же, кто намерен вступить в лагерь обетования, пусть возложит его между плеч. Всем этим они исполнят заповедь Господню, как она предписана в Евангелии: «Кто не несет крест свой и не пойдет за Мной, недостоин Меня».

После того один из кардиналов по имени Григорий сказал исповедь от лица всех присутствовавших, которые лежали распростертыми на земле. Ударяя себя в грудь, они



Государства крестоносцев на Ближнем Востоке. Редкой штриховкой показана территория крестоносных государств в период их наибольшей экспансии (XI–XII вв.); частой штриховкой – в первой половине XIII в.; указаны годы установления и падения власти крестоносцев

молили об отпущении грехов и благословении. Получив то и другое, они просили дозволения возвратиться домой. Для того чтобы верующие убедились, что их поход есть дело рук Божеских, а не человеческих, в тот самый день, как мы слышали после от многих, когда все то происходило на соборе, молва о нем потрясла весь мир, так что на самых отдаленных островах океана сделалось известно, что на соборе был определен Иерусалимский поход (Jerosolymitanum iter). Христиане вследствие того покрылись славой и исполнились радостью,

[1] Deus, vult, Deus vult! – перевод с народного языка той эпохи, который употреблялся в Южной Галлии: Dieu li volt! или Dies le volt!

а языческими персами и жителями Аравии овладели страх и печаль. Первые возвеличились духом, а последние побледнели и растерялись; небесная труба прогремела так, что все народы, враждебные христианам, пришли в трепет. Из всего этого явствовало, что предпринятое было делом не человеческой мысли, а Духа Божия, наполняющего собой весь мир. Между тем все миряне разошлись по домам; а Папа Урбан на следующий день (27 ноября) созвал на совет одних епископов; в их присутствии был решен вопрос, кому принять управление множеством людей, выразивших желание странствовать, так как между ними не было никого из князей. Единогласно был избран епископ города Пюи (Podiensis episcopus, Адемар), которого считали весьма искусным и в человеческих, и в Божеских делах, чрезвычайно сведущим в науках обоего рода (то есть в богословских и в светских) и осмотрительным в своих поступках. И он, хотя против воли, предпринял, подобно второму Моисею, начальство и управление Божьим народом и благословение Папы и всего собора. О, как были различны возраст, состояние и богатство тех людей, которые взяли крест на этом соборе и дали обет предпринять путь к св. Гробу! Из Клермона весть об этом знаменитом походе разнеслась по всем землям, и его определение дошло до слуха королей и князей. Всем оно было угодно, и более 30 тысяч в мыслях решились на поход и старались то исполнить, как каждому дал Бог к тому средства. Народ франков волновался толпами, проникнутый одним духом, и его доблестная ярость мысленно уже боролась с турками.

Был в те дни некто по имени *Петр*, известный Пустынник; его высоко ценили светские люди, и даже он возносился своей религиозностью над самими настоятелями и аббатами. Он не употреблял в пищу ни хлеба, ни мяса и, довольствуясь вином и всякими другими яствами, воздерживался от всяких удовольствий. В то время (весной 1096 г.) он собрал около себя немалое число пеших и конных людей и направил свой путь через Венгрию. Впоследствии он присоединился к некоему немецкому герцогу (duci Teutonicorum) по имени Готфрид, который был сыном графа Бульонского Евстахия, но по обязанностям своего звания считался немецким герцогом (то есть вассалом германских королей). Готфрид был красивой наружности, высок ростом, красноречив, кроток нравом и до того добр, что более походил на монаха, нежели на рыцаря (miles). При встрече с неприятелем перед началом битвы он воспламенялся и, как рыкающий лев, был неудержим. Какой щит или панцирь мог выдержать удар его меча? Вместе со своими братьями, Евстахием и Балдуином, и с огромным войском рыцарей и пехоты, Готфрид пошел через Венгрию, и по дороге, которую некогда сделал Карл Великий, несравненный король франков, направился к Константинополю.

Historia Hierosolymitana usque ad a. 1099.
Libri VIII. Кн. I.

Ордерик Виталий

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КЛЕРМОНСКОГО СОБОРА. 1095 г. (в 1142 г.)

ТРИНАДЦАТЬ КНИГ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
в трех частях[1]

Пролог

С древнейших времен наши предки изучали внимательно стремительное течение веков и отмечали добро и зло, которое приносили им различные эпохи, смотря по образу жизни людей. Желая быть полезными потомству, они собирали том за томом: в справедливости этого убеждают нас не только книги Моисея, Даниила и других священных писателей, но и сочинения Дареса — фригийца, Трога Помпея и других языческих историков: то же самое мы можем заметить относительно Евсевия Кесарийского, Павла Орозия, англичанина Бэды (Преподобного) Павла из Монте-Кассино (то есть Дьякона), и других церковных писателей. Их рассказы были для меня наслаждением: я восхищаюсь, я изумлен изяществом и смыслом их произведений и могу только убеждать умных людей нашего времени воспользоваться плодом их важных трудов. Не имея права приказывать кому бы то ни было, я имею право сам стараться избегать бесплодной праздности и, предпринимая ныне труд в размере своих слабых сил, употреблю все старания, чтобы быть приятным одним своим властям. Насколько то может зависеть от меня, я попытаюсь, по приказанию Рожера, аббата Утического монастыря (Uticense coenobium, ныне Ouche, или монастырь св. Эвруля), рассказать историю возобновления этого монастыря и высказать откровенно свое мнение о сильных мира сего, и о добрых и о злых,– мира ныне извращенного; если я лишен богатства знаний и красноречия, то меня поддержит намерение сохранить добрую волю. Я буду говорить о предметах, которые мы видели или от которых мы потерпели. Без сомнения, нет ничего справедливее, как то, чтобы ежедневно совершающиеся события были писаны для прославления Бога; как наши предки сообщали нам известия о древних деяниях, так и мы, современники, должны передать потомству все достопамятное, чему нам пришлось быть свидетелями.

Будучи смиренным сыном церкви, я намерен говорить с откровенностью о церковных делах и, тщательно следуя примеру наших древних отцов, насколько то мне позволят мои слабые силы, постараюсь изложить все новейшие события, относящиеся к христианству. Вот почему я решился назвать свой беспорядочный труд *Церковной историей*. Хотя я не считаю себя обязанным исследовать происходившее в Александрии, Риме или Греции, ибо, как монах, заключенный по собственному обету в пределах монастыря, я ненарушимо должен следовать монашеским правилам; однако, при помощи Божией, я постараюсь представить на суд нашего потомства события, как виденные нами в наше время, так и те, которые совершались в соседних странах и дошли до моего сведения. Без колебания я пишу свои соображения о делах прошедших, пока не явится кто-нибудь одаренный большей проницательностью и более способный здраво судить о предметах и деяниях великого рода, совершающихся на земле; быть может, он почерпнет из моих страниц и из сочинений, подобных моим, все, что нужно для достойного изложения истории, предназначаемой в назидание потомства.

Мне внушает более всего доверенности то обстоятельство, что я начал свой труд по приказанию достопочтенного старца Рожера, и теперь вам, мой достойный отец Герин, законно ему наследовавший по уставам церкви, посвящаю его, чтобы вы исключили в нем лишнее, исправили ошибки – и авторитетом своего просвещения придали бы ему вес. Я начну говорить о начале всех вещей, которое не имело никакого начала (ordior de principio sine

[1] Заглавие оригинала — «Historiae ecclesiasticae Libri XIII, in tres partes divisi».

principio) и при помощи которого я желал бы дойти до конца, не имеющего конца (ad ipsum finem sine fine); но, в то же время, я намерен вечно петь вместе со своими властями хвалу Богу, этой *альфе* и *омеге* всего существующего.

Первая и вторая книги составляют сжатое и отрывочное сокращение «Церковной истории», начиная от Р. Х. и до 1140 г.

С третьей и до восьмой книги изложена история Нормандии в ее связи с историей Франции и Англии, от 678 г. и до начала Крестовых походов в 1096 г.

ДЕВЯТАЯ КНИГА

Пролог

Предвечный создатель правит мудро и спасительно круговращением времен и событий; он не располагает и не видоизменяет человеческих деяний по мыслям безумных, но с благостью блюдет их, мощной рукой содействует всему и гармонически распределяет все. Мы видим ясные примеры тому и зимой, и летом, и в стужу, и в жару, и при рождении всякой вещи, и в бесконечном разнообразии дел Божеских. Отсюда проистекает то разнообразие истории в событиях всякого рода, происходящих ежедневно в мире и доставляющих красноречивым историкам широкое поле для рассуждений. Я глубоко обсудил в самом себе все подобные события и теперь намерен изложить на письме плод своих размышлений. Действительно, в наше время совершаются неожиданные перевороты, и деятельности писателей открывается готовое поприще для изумительных рассказов. Разве не ясно, что Иерусалимский поход был предпринят по внушению свыше; огромное число народов Запада чудесным образом соединяется в одно тело и, образуя из себя единое воинство, идет в восточные страны, чтобы сражаться с язычниками. Св. Сион, освобожденный своими сынами, вышедшими из стран отдаленных, вырван из рук побежденных сарацин, которые топтали ногами святой город и преступно оскверняли святыню Божью. Нечестивые сарацины попущением Господа переступили некогда пределы земель христианских, вторглись в святые места, предали смерти верующих и замарали своей нечистотой храм и другие священные предметы: но по прошествии долгого времени они нашли себе достойное наказание от меча заальпийских народов. Я не думаю, чтобы когда-нибудь философам представлялся при описании войн предмет более славный того, который доставлен теперь Господом нашим поэтам и писателям по случаю его торжества над восточными язычниками и притом рукой небольшого числа христиан, увлеченных с места их жительства сладостным желанием странствия. Бог Авраама повторит перед нами свои древние чудеса; он очаровал верующих обитателей Запада одной страстью посещения гроба Мессии; открыл им свои намерения устами Папы Урбана (II), без всякого содействия со стороны королей и принуждения мирской власти; извел их от всех концов земли и островов морей, как некогда извел евреев из Египта рукой Моисея; провел до Палестины через земли чуждых племен; победил королей и князей, стоявших во главе многочисленных народов, и смирил их, подчинив христианам города и неприступные крепости.

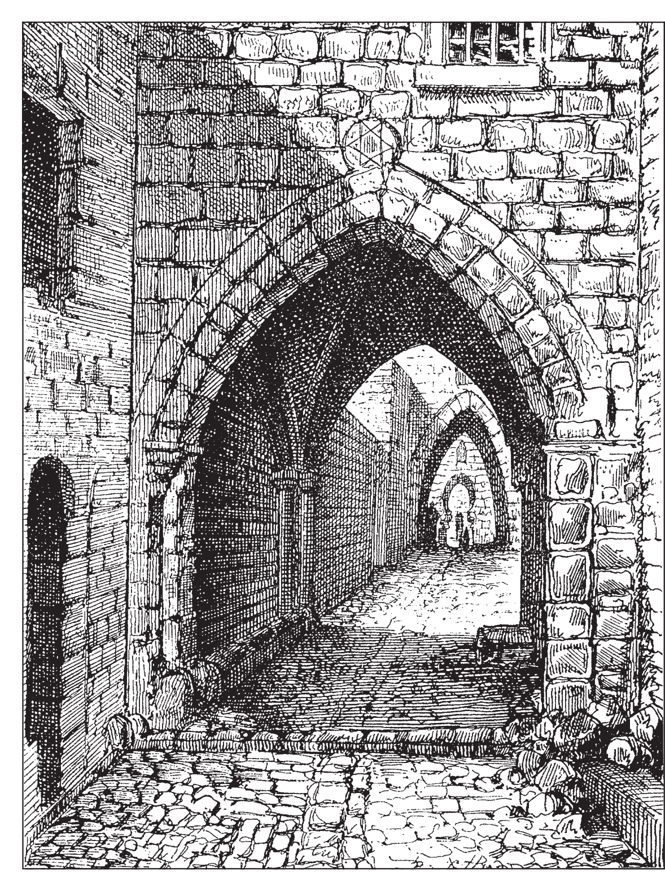
Фулькерий Шартрский[1], капеллан Готфрида, герцога Лотарингского, разделявший труды и опасности этого достопамятного похода, издал в свет верное и обстоятельное описание преславного предприятия армии и Христа. *Бальдерик*[2], епископ Дольский, написал изящным слогом четыре книги, в которых он рассказывает с таким же правдолюбием, как и красноречием, все подробности дела, начиная с первых дней похода до первого сражения после взятия Иерусалима. Многие и другие писатели, как латинские, так и греческие, говорили об

---

[1] О Фулькерии Шартрском и его сочинениях, послуживших источником нашему автору, см. ниже.

[2] Бальдерик Дольский, сочинениями которого пользовался наш автор, хотя жил в эпоху Первого крестового похода, но не принимал в нем личного участия, и писал по Тудебоду (см. о нем ниже) и Роберту Монаху (см. о нем выше), которые были очевидцами описываемых ими событий. Вся заслуга Бальдерика состоит в том, что он исправил дурной слог своих предшественников, но вместе с тем уничтожил в них и оригинальность воззрений.

этом приснопамятном событии и в своих бессмертных творениях передали потомству блестящие подвиги героев. И я, последний из тех, которые идут по стопам Господа в своей религиозной жизни, высоко ставя отважных сподвижников Христа и желая прославить их великодушные деяния, намерен также рассказать, во имя нашего Спасителя, этот поход христиан в своем сочинении, которое я начал описанием церковных дел. Я не осмеливаюсь предпринять отдельного труда о святом походе: я не могу и обещать такого трудного дела, но не знаю, возможно ли пройти молчанием столь высокий предмет. Меня удерживает старость: мне шестьдесят лет; я взрос в правилах монастырской жизни и был монахом с детства. Притом я не могу переносить большого письменного труда и не имею при себе писцов, которым можно было бы диктовать; вот почему я тороплюсь окончить свой труд. Я начинаю теперь свою *девятую* книгу, в которой постараюсь рассказать связно и правдолюбиво некоторые обстоятельства из истории Иерусалимского похода, если Бог пошлет мне необходимую для того помощь. В пустынях Идумеи я взываю к тебе, благий Иисусе, царь Назарета, и прошу твоего могущественного содействия. Надели меня способностью, чтобы достойно превознести твою великую мощь, силой которой ты возвеличил своих людей и распростер ниц мятежников. Ты вождь и правитель верующих; ты покровительствуешь им в несчастье, помогаешь и раздаешь награды победителям. Боже всесильный, я тебе поклоняюсь и ныне молю о Твоей помощи. Царю царствующих вечная слава, во веки веков. Аминь!



Постройки в Триполи (Сирия)
времен Крестовых походов

В год от воплощения Господня 1094-й смута и бранная тревога волновали почти всю вселенную: смертные безжалостно наносили друг другу величайшие бедствия убийствами и грабежами. Злоба во всех видах дошла до крайних пределов и причиняла тем, которые были исполнены ею, бесчисленные беды. В то же время страшная засуха сожгла траву на лугах; она истребила жатву и овощи и тем произвела ужасный голод. Император Генрих (IV) объявил войну Римской церкви и Божиим попущением пал под ударами многочисленных неприятелей, которые по праву восстали против него. Папа Урбан II созвал собор в Плаценции и на нем занимался утверждением мира и другими вопросами, полезными для церкви.

В год от воплощения Господня 1095-й, в среду, 4 апреля, в 25-й день луны многие видели такое сильное движения между звездами, что, не будь они светлы, их можно было бы принять за град. Некоторые думали, что все эти звезды падали во исполнение слов Писания, где сказано: «Звезды падут с неба».

Гизельберт, епископ в Лизье, старец, сведущий в медицине и опытный во многих науках, имел обычай с давнего времени на-

блюдать по ночам течение звезд; будучи весьма искусен в составлении гороскопа, он умел отмечать их течение. С большим беспокойством он наблюдал и то небесное чудо и позвал к себе стража, который оставался на здании в то время как все спали. «Готье,– сказал он ему,– видишь ли ты эти чудесные знаки?» – «Я вижу,– отвечал страж,– но не понимаю их значения». Старец продолжал: «Я думаю, они предзнаменуют переселение народов из одного государства в другое. Многие отправятся, чтобы никогда не возвратиться, пока звезды не войдут в тот круг, из которого они ныне падают, как то мне представляется ясно. Другие же останутся на месте святом и высоком, как те звезды, которые горят на тверди небесной». Этот Готье, родом из Кормейля, много лет спустя рассказывал мне сам, что он узнал о блуждании звезд из уст того мудрого медика в ту минуту, когда совершалось то чудо.

Филипп (I), король французов, похитил Бертраду, анжуйскую графиню, и, покинув свою благородную супругу, постыдно женился с нарушительницей брачного союза. Упрекаемый прелатами Франции за произвольное оставление своей жены и за оставление Бертрадой мужа, он отказался принести покаяние в столь ненавистном преступлении и удрученный летами и болезнью плачевно кончил жизнь, упорствуя в прелюбодеянии.

Во время правления этого Филиппа прибыл во Францию Папа Урбан II; он посвятил алтарь св. Петру в монастыре Клюни и в силу своей апостольской власти основал многие церкви святых и построил их во славу Христа. В то время Нормандия и Франция были отягчены великой смертностью, опустошившей много домов, а крайний голод довел бедствия до последних пределов.

В том же году, в ноябре, этот же Папа созвал всех епископов Франции и Испании и открыл великий собор в Клермоне, городе Оверни, который в древности назывался Арверном. На этом соборе многое было преобразовано по эту сторону Альп и издано немало постановлений с целью улучшить нравы. На этом соборе присутствовали 13 архиепископов и 225 епископов со множеством аббатов и других лиц, которым были вверены заботы о святых церквах.

Постановления Клермонского собора были выражены следующим образом:

«Да пребудет церковь католической чистой и свободной; католической – по отношению веры и общения святых, чистой – от всякой заразы зла и свободной – от светской власти.

Епископы, аббаты и все члены духовенства не должны получать никакого церковного достоинства из рук князей и светских лиц.

Клерики не могут пользоваться титулами или пребендами в двух городах или церквах.

Никто не может быть вместе епископом и аббатом.

Ни один священник, дьякон, поддьякон или каноник, какому бы ордену он ни принадлежал, не может вступать в плотские связи.

В противном случае священник, дьякон или поддьякон лишаются своих должностей.

Никто не может продавать церковных или канонических достоинств.

Впрочем, купившие себе звание каноника, по незнанию постановления, получают прощение; но совершившие то заведомо, покупкой или по наследству от родственников, лишаются своего звания.

Ни один мирянин, по получении священного пепла (в первый день поста), не должен есть мяса от начала поста до Пасхи; то же и в отношении клериков; первый пост Четырех времен года отправляется на первой неделе поста; в субботу на Пасхе служба кончается по закату солнца; второй пост соблюдается в неделю Пятидесятницы.

Божий мир[1] хранится от праздника Р. Х. до восьмого дня после Богоявления, от Семидесятницы до восьмого дня Пятидесятницы и во всякое другое время от четвертого дня недели по закате солнца до второго дня при восходе солнца.

Кто задержит епископа, будет объявлен вне закона; кто возьмет в плен или ограбит монаха, клерика или другого духовного, да будет предан анафеме.

---

[1] См. подробности о Божьем мире в т. 2.

Кто вступит в брак с родственницей в седьмом колене – анафема.

Никто не может быть избран в епископы, не будучи прежде священником, дьяконом или поддьяконом; если же он не благородного происхождения, то утверждать его только в крайнем случае и то с разрешения верховного первосвятителя; детей же священника или наложницы не ставить священниками, если такое лицо прежде не поступило уже в духовное звание.

Кто убежит в церковь или к подножию креста, предается в руки правосудия, если он в чем виновен, и получает уверение в целости жизни и членов; если же он невинен, то отпускается на свободу.

Телу и крови Христовой приобщаться отдельно.

Каждая церковь получает свою десятину и не может при помощи подарков захватить себе права другой.

Никто из светских не смеет ни продавать, ни удерживать в свою пользу десятину.

За погребение мертвых не требовать и не давать никакой платы.

Никто из светских владетелей не может иметь капеллана, если он не был ему дан епископом.

Если капеллан в чем-либо преступил, то он наказывается епископом и замещается другим».

Папа Урбан объявил эти постановления всенародно на Клермонском соборе и употребил все усилия к тому, чтобы побудить людей всех состояний к исполнению Божественных законов. После того он изложил со слезами на глазах все свое горе ввиду того отчаянного положения, в котором находятся христиане на Востоке; он рассказал те бедствия и кровавые обиды, которые претерпевались христианами от сарацин. Выражая свою печаль, оратор пролил перед всеми потоки слез во время своей святой речи об осквернении Иерусалима и святых мест, где жил во плоти Сын Божий со своими св. учениками. Этим он вызывал слезы у большого числа своих слушателей, глубоко взволнованных и тронутых благочестивым состраданием к своим угнетенным братьям. Красноречивый первосвятитель сказал присутствовавшим длинную и полезную речь; он приглашал знатных, подданных и поборников закона сохранять между собой неразрывный мир, возложить на правое плечо знамение спасительного креста и показать всю свою воинскую доблесть против язычников, которые представят к тому довольно случаев. Действительно турки, персы, арабы и агаряне овладели Антиохией, Никеей, даже Иерусалимом, прославленным Гробницей Христа, и многими другими городами христиан. Они вторглись с огромными силами даже в Греческую империю; обеспечив за собой Палестину и Сирию, подчиненные их оружию, они разрушали церкви и закалывали христиан, как агнцев. В храмах, где прежде христиане отправляли Божественную службу, язычники поместили свой скот, учредили идолопоклонство и постыдно изгнали христианскую религию из зданий, посвященных Богу; тиранство язычников овладело имуществом, предназначенным на священное служение; а то, что пожертвовали богатые в пользу бедных, эти жестокие властители обратили недостойным образом в свою пользу. Они увели в далекий плен, в свою варварскую страну, большое число верных, которых запрягают для полевых работ: ставят их в плуг, как быков, чтобы обрабатывать их тяжкими трудами землю, и бесчеловечно обременяют работами, которые отправляются животными и приличествуют более скотам, нежели людям. При таких беспрерывных трудах, среди стольких мук наши братья получают жестокие удары плетью, их погоняют рожном и подвергают всякого рода мукам. В одной Африке разрушено 96 епископств, как то рассказывается приходившими из тех стран.

Едва Папа Урбан окончил свое красноречивое увещание, как благодать Господа соизволила воспламенить в бесчисленном множестве присутствовавших невероятную ревность к отправлению к чужие страны: он уговорил их продать свое имущество и оставить во имя Христа все, чем кто владел. Изумительное стремление идти в Иерусалим или помочь тем, которые отправлялись, одинаково воодушевляло и богатых, и бедных, мужчин

и женщин, монахов и стариков, горожан и поселян. Мужья оставляли дома возлюбленных жен, а они, рыдая и расставаясь с детьми и богатствами, страстно желали последовать за своими мужьями в поход. Все пожитки, до того времени дорогие, продавались за ничтожную цену, и на эти деньги покупалось оружие, предназначенное для божественной мести сарацинам. Воры, пираты и другие злодеи, от прикосновения Духа Божия, возвышались из глубины неправды, отказывались от преступления и, примиряясь с Богом, отправлялись на чужбину. Папа в своей мудрости возбуждал к войне с врагами Господа всех, кто мог нести оружие, раздавал дарованную ему от Бога властью отпущение грехов кающимся с того часа, когда они возьмут крест, и благодушно освобождал их от всех телесных лишений, требуемых постом, и других истязаний плоти. Как искусный и добрый медик, Папа благоразумно размышлял, что тем, которые отправятся в поход, придется часто на пути страдать от беспрерывных, ежедневных переходов и быть постоянно подвергнутыми всякого рода приключениям, приятным и неприятным, почему достойные служители Христа нуждаются в очищении от всех мерзостей греха.

В то время, когда Папа торжественно проповедовал среди собора и настоятельно убеждал детей Иерусалима освободить свою святую матерь, муж громкого имени Наимар (то есть Адемар), епископ Пюи, встал со своего места в присутствии всех: приблизившись к апостолическому Папе, он преклонил колено, просил дозволения отправиться, умолял о благословении и, ко всеобщему удовольствию, получил то и другое. Папа наистрожайше повелел, чтобы все повиновались этому прелату, и поставил его апостолическим наместником похода Господня; Наимар же был человек знатного происхождения, великих заслуг и редкой доблести. Вслед за ним выступили послы Раймунда Беренгария, графа Тулузского, и возвестили Папе, что они намерены также отправиться в сопровождении нескольких тысяч воинов из своей страны. Они даже объявили собору, что их князь уже принял крест. Итак вот, Божьей милостью, два вождя добровольно и с радостью предложили себя христианам, изъявившим желание отправиться. Церковь и империя, сословие духовное и светское, согласились руководить Господним ополчением. Епископ и граф изображают нам Моисея и Аарона, сопутствуемых Божественным покровительством. Во второй день февраля произошло лунное затмение, продолжавшееся от полуночи до восхода солнца; затмилась именно северная его сторона.

Все дальнейшее, как то: поход Петра Пустынника и славное шествие армии крестоносцев ее борьба с неверными, взятие Антиохии, Иерусалима и наконец описание Аскалонской битвы 12 августа 1099 г., составляет содержание девятой книги; но этот текст нашего автора есть не что иное, как сокращение истории Иерусалимского похода, написанной его другом Бальдериком Дольским, который, в свою очередь, списал его у двух современников-очевидцев[1].

Historiae ecclesiastiace Libri XIII. Кн. I–XI.

---

[1] См. продолжение ниже.

Гвиберт Ножанский

СБОРЫ К ПОХОДУ И ПЕТР ПУСТЫННИК. 1096 г. (около 1124 г.)

ИСТОРИЯ, НАЗЫВАЕМАЯ GESTA DEI PER FRANCOS[1]
и написанная преподобным владыкой Гвибертом, аббатом монастыря св. Марии Ножанской

Пролог[2]

Предпринимая написать этот ничтожный труд, я возлагал надежды не на свои познания в светских науках, притом весьма ограниченные, но на пример истории духовной. Духовная история, как я всегда полагал, начертана единственно могуществом Божиим через посредство людей, избранных Господом; а потому мне нельзя было сомневаться в том, что такая история может быть написана также людьми самыми невежественными, которых было угодно Богу предназначить к тому. Если Бог руководил своими служителями во время их похода (то есть Первого крестового) среди стольких препятствий и отклонял от них постоянно грозившие им опасности, то и я непоколебимо верю в то, что он даст мне познать истину совершившихся событий теми средствами, какими заблагорассудит, и не откажет мне в изящном слоге, соответственно описываемому мной предмету. Это правда, что история тех событий была уже написана, но столь простым слогом и с таким частым нарушением правил грамматики, что она нередко надоедала читателю своим бессмыслием. Конечно, новость предмета доставляет еще некоторый интерес тем, которые сами малообразованны и не обращают никакого внимания на достоинство слога; я понимаю, что автор и не должен был говорить иначе, обращаясь к такого рода лицам. Но те, которые любят вкушать от яств красноречия, по выражению поэта, или задремлют или улыбнутся, увидав перед собой небрежный рассказ о предмете, требующем витиеватого слога, сжатый док-

[1] То есть деяния Бога через франков.

[2] Прологу предшествует еще небольшое послание автора епископу Суассонскому Лизиарду, которому он посвятил весь свой труд, в высокопарных по обычаю того времени выражениях своей преданности.

ГВИБЕРТ (GUIBERTUS. 1053–1124). Аббат монастыря св. Марии в Ножане (abbas monasterii S. Mariae Novigenti, ныне Nogent sous Couci) Гвиберт родился в Клермоне, близ Бове и принадлежал к одной из знатных фамилий. Он был отдан в монастырь на 12-м году жизни; в 1104 г. его избрали аббатом монастыря св. Марии в Ножане, принадлежавшем епархии г. Лана. Из сочинений Гвиберта особенно замечательны два: «Historia Hierosolimitana quae dicitur Gesta Dei per Francos. Libri VIII. 1095–1100 a.», то есть «Иерусалимская история, называемая Деяния Бога через франков. Книга VIII. 1095–1100 гг.»; в прологе к ней автор сам обстоятельно излагает причины, побудившие его взяться за труд, и свои источники. Это сочинение служит самым верным отражением того, как понимали в Западной Европе современники Первого крестового похода значение восточных войн. «De vita sua Libri III», то есть «Три книги своей жизни» – самая полная автобиография, в которой собственно только первая книга относится к лицу автора; вторая – излагает историю Ножанского монастыря, а третья – историю происхождения коммуны г. Лана. Это один из самых любопытных памятников XII в., напоминающий собой позднейшие мемуары; особенно замечательна третья книга – единственное наглядное изложение истории происхождения коммун.

Издания: «Автобиография» – у *Achery*. Par., 1651; «Иерусалимская история» – там же и у *Bongars*. Hanoviae. 1611. Переводы: франц. у *Guizot*. Collect. IX и X. Критика: у *Зибеля*. Geschichte d. erst. Kreuz. Düsseld. 1841, с. 33 и след.; и у *Michaud*. Biblioth. des Croisades, I, с. 123 и след.

Тамплиер (храмовник) в полном вооружении и орденском плаще. Рисунок XIX в.

лад дела там, где нужны широкоречивость и изобретательное разнообразие, и когда предпринятая история влачится однообразно, без всяких украшений; вообще образованному читателю делается противной дерзкая речь безрассудного писателя, когда он поймет, что предмет должен был излагаться в другой форме. Нет сомнения, что язык оратора должен всегда соответствовать предмету, который его занимает: так, военные события нужно излагать с некоторой суровостью в словах; для божественных же предметов необходим слог более приятный и более спокойный. Если бы мои силы равнялись моей воле, то мне следовало бы удовлетворить обоим тем условиям, так чтобы и кичливый бог войны (то есть Марс) не встретил в моем рассказе ничего недостойного своих славных подвигов и чтобы в предметах священных благоразумие Меркурия не нашло чего-нибудь противного важности, требуемой самим предметом. Быть может, я не выполнил на деле тех правил, но при всем том не могу также одобрить того, что сделал тот писатель, а еще менее последую его примеру. Итак, я, увлеченный своей чрезвычайной дерзостью, но побуждаемый к тому единственно привязанностью к вере, решаюсь предать себя на суд людей посторонних; быть может, найдут, что моя вторая попытка, со стремлением поправить первую, оказалась сама хуже первой. Но видя, как со всех сторон с жаром начинают многие предаваться изучению грамматики, а увеличивающееся число школ делает то доступным для людей самых невежественных, я считал для себя стыдом не рассказать, если не так, как то должно, то по крайней мере как для меня возможно, о славе нашего времени, и оставить историю под ржавчиной дурно изложенного сочинения. Видя, как Господь в наши дни совершил чудесные дела, каких не знало прежнее время, и как эти драгоценные камни покрылись постыдной пылью, я не мог более переносить такого презрения и старался при помощи языка, какой только мог у меня найтись, извлечь эти богатства они драгоценнее всякого золота, из тьмы забвения, в которое они были повергнуты. Впрочем, предпринимая такой труд, я увлекался не одним потоком своих собственных мыслей: при этом я уступил также и требованию некоторых лиц, выразивших мне свои живейшие желания. Одни хотели, чтобы я писал в прозе, но большая часть требовала, чтобы я изложил свой труд в стихах, зная, что в своей юности я предавался подобного рода упражнениям, и, может быть, более, чем то следовало. Но теперь (около 1124 г.), придя в возраст более зрелый и опытный, я не полагал, чтобы следовало подобный предмет описывать звучным языком поэзии и употреблять для того музыку стихов; напротив, я имел убеждение, что если найдется человек, кому соизволит Бог ниспослать милость говорить прилично о таком предмете, то ему следует выражаться слогом более важным, чего до сих пор не делали историки походов в Палестину. Я сознаюсь, что уже тотчас по взятии Иерусалима (1099 г.), и с того времени, как начали возвращаться домой принимавшие участие в этом великом походе, я возымел мысль писать эту историю; некоторые неблагоприятные обстоятельства за-

ставили меня отложить намерение. Но так как, наконец, по соизволению Бога – не знаю, с одобрения ли его – я нашел возможность взяться за труд, то я приступил к своему благочестивому предприятию, и, может быть, буду осмеян всеми; но я презираю шумный смех и насмешки иных, лишь бы мне, среди этих криков, удалось осуществить обет, давно носимый мной в сердце. Если найдется какой охотник до смеха, то пусть он, однако, не осуждает меня, трудившегося по мере сил и с добрым намерением, пусть не осуждает поспешно моего языка, а если уже он решительно недоволен им, то пусть, отложив в сторону пустой спор на словах, поправит то, что у меня сделано худо и даст нам образчик хорошего письма. Если кто-нибудь меня обвинит в том, что я иногда темно выражаюсь, то пусть он подумает, не свидетельствует ли он тем о ничтожестве своей способности понимать; ибо я имею уверенность, что во всем моем сочинении нет ничего такого, что подало бы повод человеку, сколько-нибудь сведущему в литературе, сделать мне подобный упрек. Имея в виду своей историей послужить образцом другим – не знаю, быть может, скажут: порчей,– я полагал необходимым сначала изложить причины и обстоятельства, вынудившие к такому походу, как я слышал о том, и затем я приступил к самому рассказу событий. Частое разногласие, которое заметят между мной и автором, писавшим до меня, которому я следовал, произошло оттого, что я черпал свои сведения из рассказов людей, участвовавших в походе. Сравнивая рассказ той книги со словами очевидцев, я убедился в их противоречии; если я что прибавил, то единственно что слышал от очевидцев или в чем убедился сам. Если окажется, что мне рассказывали иначе, чем то было в действительности, то тщетно коварный критик станет обвинять меня во лжи, ибо я могу призвать Бога в свидетели, что я не сказал ничего с намерением обмануть. Удивительно ли, что мы впадаем в обман, рассказывая события по показаниям других, если мы не в состоянии, не говорю, выразить словами, но спокойно отдать отчет самим себе в собственных мыслях и поступках? Что же после того сказать о намерениях, которые так сокровенны, что человек, наиболее одаренный проницательностью, с трудом распознает их в самом себе? Итак, пусть не обвиняют меня строго, если я ошибался по незнанию; величайшую хулу заслуживает только тот, кто намеренно сплетает ложь или с целью обмануть, или по испорченности своих нравов.

Затем автор длинно объясняет принятую им, хотя тривиальную, географическую номенклатуру, но более доступную для публики того времени, нежели ученая номенклатура древних географов; так, он объявляет, что вместо Кавказ *у него употреблено* Корозан, турки *вместо* парфяне. *В заключение пролога автор указывает на другие недостатки своего труда и заканчивает так:*

Я долго колебался относительно имени епископа города Пюи (то есть Адемара, наместника Папы в первом Крестовом походе); только в конце своей работы я наконец разузнал то, а в экземпляре книги, которую я имел у себя, этого имени не было. Да будет мой читатель снисходителен к недостаткам моего слога, так как я положительно имел время только продиктовать, а потому не мог пересмотреть своих табличек (ceris) и, как что было, с помарками, заносил на пергамент (membranis). Я дал заглавие своему сочинению такое, которое не имеет притязаний, но послужит во славу народа: «Dei gesta per Francos» (Дела Бога через франков.)

Начинается книга первая

I. Есть некоторые между смертными, которые, хотя не всегда, но иногда имеют дурную привычку превозносить прошедшие века и осуждать все деяния людей новейшего времени (modernorum facta). Без сомнения, у древних можно прославлять их благоденствие, основанное на умеренности, и деятельность, направляемую мудростью; но ни один рассудительный человек не подумает каким-нибудь образом поставить доблести нашего времени ниже того счастья исключительно мирского. Если, с одной стороны, безупречная доблесть отличала древних, то, с другой стороны, она не иссякла и в нас, живущих в конце веков. Справедливо про-

славляют деяния, совершенные в древние времена, из уважения к юности той эпохи, но еще большей славы заслуживают подвиги людей простых, приведшие к такому блестящему результату (то есть взятию Иерусалима), в то время, когда мир падал в расслаблении. Мы приходим в восторг от того, как прославлялись чуждые нам государства своими великими войнами; мы изумляемся сценам резни, произведенной Филиппом (Македонским) и его кровавым победам, когда человеческая кровь лилась реками; мы превозносим в высокопарных выражениях неистовство (rabiem) Александра (Великого), разлившееся от очага Македонян (de camino Macedonum) по всему Востоку; и о силах Ксеркса при Фермопилах и Дария (Истаспа) в борьбе его с Александром, судим по количеству бесчисленных покоренных ими народов. У Трога Помпея и у других знаменитых писателей мы удивляемся гордыне халдеев, упрямству греков, мерзостям египтян, бродячей жизни жителей Азии; мы смотрим на древние учреждения римлян, как на нечто полезное общественным интересам государства и содействовавшее увеличению их могущества. И однако, если бы кто захотел основательно исследовать характер тех различных времен, то, конечно, найдутся причины восхвалять отвагу живших в ту пору людей, но в то же время есть причины покрыть бесславием то неистовство, с которым они везде разносили войны, не имея другой цели, как порабощение мира. Всмотримся ближе и внимательнее в эти потоки грязи прошедших веков, на которые мы взираем только издалека, и тогда мы убедимся, говоря шутливым языком одного короля, что наш маленький палец толще целой спины наших предков и что мы их прославляем более, нежели то благоразумно делать. Действительно, если мы исследуем со тщанием войны язычников, если мы обратимся к истории государств, опустошенных их оружием, то мы увидим, что ни их усилия, ни их успехи не могут быть сравнены с тем, чем прославило наших Божеское милосердие. Мы знаем, что Бог был превознесен еврейским народом; но мы имеем неопровержимые доказательства и тому, что Иисус Христос, как он прежде жил и управлял нашими предками, так он и ныне существует и управляет людьми нового времени. В прежние времена короли, князья, диктаторы, консулы собирали тучи народов, чтобы наносить войну повсюду, и силой своих указов поднимали со всех сторон и у всех народов многочисленные армии. Но люди, составлявшие эти армии, собирались под влиянием страха. Что же сказать о тех, которые в наше время, отправившись без руководителя, без верховного вождя, по одному внушению Бога, не только переступили пределы родины и государства, из которого они происходили, но проникли через множество обитавших народов и говоривших различными языками, и от последних пределов Британского океана (Атлантического) пронесли свое оружие и палатки до самого центра земли? Я говорю так о несравненной победе, одержанной недавно в Иерусалимском походе (то есть Первом крестовом, 1096 г.), победе столь достославной в глазах каждого, кто не потерял рассудка, что мы не можем достаточно восхищаться, видя, что наш век прославился так, как то не удавалось прошедшим временам. Наши современники не были побуждаемы к своему предприятию своекорыстием или жаждой расширить пределы своих владений, чем обыкновенно руководятся и руководились всегда разносившие войну повсюду, так что к ним можно применить те слова поэта:

Quis furor, o cives, quae tanta licentia ferri
Gentibus invisis proprium praebere cruorem?

и также другие;

Bella geri placuit nullos habitura triumphos.

Если бы они брались за оружие для защиты свободы или общественного дела, то, без сомнения, нашли бы себе оправдание в такой причине; ибо, когда вторжение язычников или варваров угрожает опасностью, то ни один рыцарь не может по справедливости отказаться от боя; при отсутствии же таких причин война делается законной, если ее предпринимают на защиту святой церкви. Но так как люди давно перестали воодушевляться такими благочестивыми стремлениями, и их сердца воспламенены необуздан-

ной жаждой приобретения, то Бог воздвигнул в наше время священные войны, чтобы дать новые средства спасения и рыцарям, и народам, которые, по примеру древних язычников, раздирали друг друга и избивали, и не вынуждать их, для отречения от света, к посвящению себя, по принятому обычаю, монастырской жизни или другим религиозным обязанностям; таким образом, оставаясь при своих привычках и исполняя обычные должности, люди могли до некоторой степени заслужить Божеское благоволение. Вследствие подобных внушений Бога мы и видели, как взволновались все нации и, закрыв свое сердце для всех других влияний привычки и привязанности, удалились в изгнание, чтобы ниспровергнуть врагов имени Христа и выйти из латинского круга (orbem latinum excedere) и из пределов известной земли, притом с таким жаром и радостью, какие никогда не обнаруживаются людьми, отправляющимися на пиршество или торжественный праздник. Никто не обращал внимания ни на почести знатных, ни на владение замками и городами; пренебрегали самыми красивыми женщинами, как засохшим и безжизненным цветком; залоги брака, в прежнее время более ценные самых дорогих камней, становились предметом отвращения; и при этом внезапном изменении воли каждый охотно предавался предприятию, к которому никто не мог принудить силой, ни склонить убеждением. Ни один духовный не имел надобности говорить в церквах, чтобы воодушевлять народ к походу, ибо каждый давал обет отправиться в путь дома или на улице и ободрял других своими речами и примером. Все выражали один и тот же жар, и люди, лишенные всяких средств, по-видимому, находили их так же легко, как и те, которые, продав свои огромные имущества и долгим временем накопленные богатства, запасались большими средствами. Так исполнялись со всей точностью слова Соломона: «Саранча не имеет царя, а ходит строем» (Прит., XXX, 27). Оставаясь в своей неправде окоченелой и застывшей, она не может сделать ни скачка, ни другого доброго дела; но пригретая лучом солнца правды, саранча пускается лётом вследствие одного природного побуждения,

Монета императора Генриха V (1106–1125 гг.)

оставляет отеческий дом и семью и, очищаясь новыми помыслами, принимает новые нравы. И у них (то есть крестоносцев) не было короля, ибо всякий верный считал Бога своим руководителем и смотрел на себя, как на его союзника; никто не сомневался в том, что Господь ему предшествует; поздравляли себя с тем, что путь предпринимается по его воле и вдохновению, и радовались в надежде иметь Господа помощником и утешителем в нужде. То движение инстинкта, которое побуждает саранчу выходить толпами, чем оно может быть у людей, как не добровольным стремлением, которое направляет многочисленнейшие народы к преследованию одной и той же цели? Хотя, по-видимому, приглашения со стороны апостольского престола были обращены исключительно к народу франков, но какой народ, живущий под христианским законом, не выступил толпами, и, считая себя наравне с франками обязанным перед Богом, не употребил всех усилий для присоединения к ним и участия в их опасностях? Тут видели и шотландцев, свирепых у себя, но не знавших внешней войны, с голыми ногами, облеченных в шерстяную хламиду, с котомкой за плечами; они явились толпой от пределов своей туманной родины, и эти люди, оружие которых возбуждало смех по сравнению с нашим, спешили к нам помочь своей вере и исполнить обет. Клянусь Богом, я слышал, что в одну из наших гаваней прибыли люди какой-то неизвестной варварской нации, говорившие языком до того непонятным, что они, не имея возможности объясниться, складывали пальцы в форме креста, чтобы тем дать понять, что и они намерены отправиться в поход за дело

веры[1]. Впрочем, я буду еще иметь случай говорить о том с большими подробностями. Теперь же займемся рассмотрением положения церкви Иерусалимской, или Восточной, каково оно было в ту эпоху.

Последние главы первой книги (II–IV) посвящены автором описанию в общих чертах положения Востока перед началом Крестовых походов; автор видит главную причину бедствий восточных христиан в том, что они удалились от Латинской церкви и распались на множество ересей, к числу которых он относит и учение Магомета (Mathotus); он рассказывает ходившие слухи о Магомете, его деятельности и пожрании его свиньями; наконец, в заключение говорит о просьбе греков помочь им и о коварстве императора Алексея.

Книга вторая

В первых пяти главах автор, перейдя внезапно от Востока к Западу, говорит о Папе Урбане, о покорности папскому престолу Франции, о сопротивлении ему со стороны Германии и наконец приводит приблизительно речь Урбана II на Клермонском соборе.

VI. По закрытии Клермонского собора – а собор был созван в ноябре (1095 г.), в восьмой день после праздника св. Мартина – по всем провинциям пронеслась молва о нем, и едва только куда-нибудь достигали повеления Папы, люди сами шли к своим соседям и родственникам, убеждая предпринять «путь Господень», как называли тогда ожидаемый поход. Высшие графы были заняты той же мыслью; желание выступить овладело и низшим рыцарством; даже бедные были до того воспламенены рвением, что никто не обращал внимания на скудость своих доходов и не спрашивал себя, может ли он оставить свой дом, виноградники и поля. Всякий считал долгом продать лучшую часть имущества за ничтожную цену, как будто бы он находился в жестоком рабстве или был заключен в темницу и дело шло о скорейшем выкупе. В ту эпоху был всеобщий голод; даже богатые испытывали крайнюю нужду в хлебе, и некоторые из них, имея надобность приобрести многое, не имели ничего, или почти ничего, чтобы удовлетворить своим потребностям. Большое число бедных пыталось кормиться корнями диких растений, и так как хлеб был очень редок, то они искали повсюду новых средств к пропитанию, чтобы заменить испытываемое ими лишение. Самые важные люди подвергались угрозам бедности, на которую все жаловались, и каждый, видя, как терзается голодом бедный народ, осуждал себя на крайнюю бережливость, в страхе расточить свои богатства излишней роскошью. Вечно ненасытные скупцы радовались времени, благоприятному для их бесчеловечной жестокости, и, бросая взгляды на старые запасы накопленного хлеба, делали каждый день новые расчеты той суммы, которую они присоединят к прежним кускам золота, по продаже своего хлеба. Таким образом, когда одни испытывали тяжкие страдания, а другие предавались расчетам корысти, которая подобно «бурному дуновению сокрушает на море корабли» (Пс., 47, 8), Христос занимал сильно умы всех, и тот, кто освобождает скованных цепями из драгоценных камней, разрушил и оковы жадности, спутывавшие людей в этом отчаянном положении. Как я сказал, каждый уменьшил, как можно более, свое потребление в такое голодное время; но едва Христос внушил этим бесчисленным массам людей намерение пойти в добровольное изгнание, немедленно обнаружились богатства большей части из них, и то, что казалось дорого в спокойное время, продавалось по самой низкой цене, когда все тронулись с места для предпринятия того пути. Так как многие торопились окончить свои дела, то произошло удивительное явление, которое послужит образчиком внезапного и неожиданного падения всех цен: за денарий можно было купить семь овец. Недостаток хлеба превратился в изобилие, и каждый, заботясь всеми средствами собрать более или менее денег, продавал все, что имел, не по его стоимости, а за все, что давали, лишь бы не оставаться последним в предпринятом пути Божием. Таким образом, в то время произошло изумительное явление: все покупали дорого и продавали дешево; при всеобщем стремлении дорого покупалось все, что было необходимо для дороги, а то, чем сле-

---

[1] Это были скандинавы.

довало покрыть издержки, продавалось весьма дешево. В прежнее время темницы и пытки не могли бы вырвать силой того, что теперь отдавалось за безделицу. Но вот еще одно обстоятельство не менее забавное: многие из тех, которые не имели ни малейшего намерения отправиться, шутили и смеялись над теми, которые продавали свои вещи так дешево, и утверждали, что им предстоит жалкий путь и что еще более жалкими они вернутся домой; а на другой день эти же самые люди, одержимые внезапно тем же желанием отдавали все свое имущество за ничтожные деньги и шли вместе с теми, над кем только что смеялись. Что сказать о детях и старухах, приготовлявшихся идти на войну? Кто исчислит дев и старцев, подавленных тяжестью лет? Все воспевают войну, если не все принимают в ней участие; все ждут мученичества, на которое они идут, чтобы пасть под ударами мечей; и говорят: «Вы, юноши, вступайте в бой, а нам да будет позволено заслужить перед Христом своими страданиями». И так как они были вдохновлены пламенным желанием приобрести Бога, хотя и не имели в себе света науки, то Бог, увенчивающий часто счастливым успехом самые безрассудные предприятия, дал спасение и этим простодушным людям в награду за их добрые намерения. При этом случае можно было увидеть самые забавные приключения, вызывавшие смех: бедные, подковав быков, как то делают с лошадьми, запрягали их в двуколые телеги, на которых помещались их небольшие пожитки вместе с малолетними детьми, и тащили все это за собой; когда эти дети видели перед собой замок или город, то поспешно спрашивали, не Иерусалим ли это, к которому они идут.

В небольшой седьмой главе автор делает отступление, чтобы сказать несколько общих слов о печальном внутреннем состоянии Франции.

VIII. Пока князья, нуждавшиеся в службе людей, составлявших их свиту, продолжительно и мешкотно собирались в дорогу, чернь, бедная средствами, но богатая числом, собралась около одного человека, называвшегося Петром Пустынником, и изъявила ему повиновение, как своему вождю, по крайней мере на то время, пока все это происходило в нашей стране. Я разузнал о нем, что он был, если не ошибаюсь, из города Амьеня (Ambianensis) и вел сначала жизнь пустынника под одеждой монаха, не знаю, в какой именно части Верхней Галлии (ныне Северная Франция). Выйдя оттуда, не знаю, с каким намерением, он, как мы видели, ходил по городам и селам и повсюду проповедовал. Народ окружал его толпами, приносил ему дары и прославлял его святость с таким усердием, что я не помню, чтобы когда-нибудь и кому были оказаны такие почести. Петр обнаружил большое великодушие при раздаче имущества, которым наделяли его. Он возвращал мужьям их жен, потерявших честь, присоединяя к этому дары, и восстановлял мир и согласие между людьми, поссорившимися с властью. Все, что он ни делал, ни говорил, обнаруживало в нем божественную благодать; так что многие выдергивали шерсть из его мула, чтобы хранить то как святые останки: я рассказываю это не потому, что считаю истиной, но больше для простых людей, которые любят все новенькое (quod nos non ad veritatem, sed vulgo referimus amanti novitatem). Он носил на голом теле шерстяную тунику, на голове капюшон (cucullus) и сверх всего грубую мантию до пят; руки и ноги оставались голыми; хлеба он не ел или почти не ел, а питался вином и рыбой. Этот-то человек, собрав многочисленную армию, увлеченную отчасти общим потоком, а отчасти его проповедями, решился направить свой путь через землю венгров.

В последующих главах до конца второй книги автор рассказывает о печальном исходе похода первых крестоносцев и говорит о приготовлениях князей, принявших участие в Первом крестовом походе.

Книга третья *и последующие до* шестой *включительно излагают историю похода до появления крестоносцев под стенами Иерусалима, в* седьмой *и последней книге автор описывает взятие Иерусалима, правление Готфрида и начало царствования его брата Балдуина I; в заключение этой книги он присоединяет отрывочные дополнения к прежнему изложению, по мере того как являлись к нему новые пилигримы с новыми рассказами, которых он не успел включить в текст.*

Gesta Dei per Francos. Lib. VII. Ed. Bongars. 1611. Кн. I и II.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО: ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ ТОГО ВРЕМЕНИ И МОНАСТЫРЬ. 1053–1104 гг. (около 1124 г.)

Книга первая

В первых трех главах автор, оставивший нам описание собственной жизни, которое охватывает вторую половину XI в. и начало XII в., по обычаю того времени начинает обращением к Богу, говорит об отношениях Божества к человеку, кается в своих прегрешениях и исчисляет все благодеяния Господа, которыми он был осыпан и в числе которых на первом месте стоит то обстоятельство, что у него была благочестивая мать, не увлекавшаяся при своей красоте обольщениями мира, и в заключение рассказывает ее тяжелые роды, что побудило отца дать обет Богу посвятить новорожденного – а это и был наш автор,– монастырской жизни.

IV. Родившись таким образом, как то рассказано мной, едва я начал понимать удовольствие, доставляемое детскими игрушками, как ты, о Боже милосердый, долженствующий заменить мне место отца, сделал меня сиротой. Только что прошел восьмой месяц от моего рождения, как мой отец по плоти скончался; и при этом я должен, Господи, благодарить тебя, что ты допустил его умереть с христианскими чувствами, ибо он, если бы остался в живых, непременно воспротивился бы видам твоего помысла на меня. И так как развитие моего роста и естественная живость младенца казались ему предназначенными более для светской жизни, то никто не сомневался в том, что лишь только наступит время для меня заниматься науками, отец уничтожит данный им обет. Но ты, премудрый устроитель всего, ты спасительно распорядился обоими нами, и я не лишен познания твоих заповедей, и отец не нарушил данного тебе обещания.

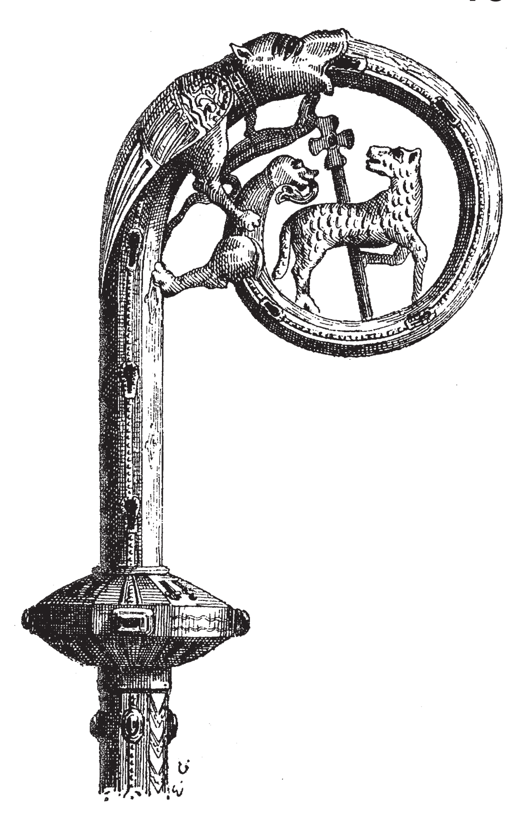
Между тем та, которую ты оставил вдовой, воспитывала меня с самыми нежными заботами. Наконец она избрала день св. Григория, чтобы отдать меня в обучение. Она слыхала, Господи, что есть один святой муж, твой служитель, который превзошел свой век, изумительной мудростью и беспредельными познаниями: вследствие того при помощи щедрой благостыни она не раз умоляла своего духовного отца, чтобы он, одаренный тобой всякими познаниями, вдохновил и мое сердце жаждой наук. С того времени я начал обучаться грамоте; едва я успел усвоить себе первые начала, как моя мать, в своей жажде образовать меня, решилась поручить то учителю грамматики.

Незадолго перед этим, да даже еще и теперь, учителя грамматики были так редки, что почти ни одного нельзя было найти в селах, и в городах с трудом отыскивались немногие, притом и эти были столь слабы в науке, что их невозможно и сравнивать с теми грамотеями (clericis), которые ныне странствуют по селам. Мой же учитель, которому мать поручила меня, сам учился грамматике в позднем возрасте и был тем менее знаком с этой наукой, что обучался ей слишком поздно; но он был столь скромен, что эта добродетель вознаграждала ему слабые познания. Через посредство некоторых из клериков, которые под именем капелланов отправляли у моей матери Божественную службу, она просила его принять на себя занятия со мной: он же в то время занимался с одним из моих двоюродных братьев; жил в замке вместе с ним у его родственников и был им весьма необходим; хотя он и был тронут просьбами моей матери и расположен к ней за ее добродетели и чистоту нравов, но он не решался удалиться от моих родственников в опасении их оскорбить и переехать к моей матери. Одно видение, о котором я расскажу, положило предел его колебаниям.

Ночью, когда он лежал в своей комнате – я помню очень хорошо, эта была та самая комната, в которой все учившиеся у него собирались в замке,– тень какого-то старца с седой головой и наружностью, внушающей уважение, остановилась на пороге, держа меня за руку и, по-видимому, имея намерение ввести в комнату. Действительно, этот старец, остановившись при входе и указывая мне на маленькую кровать, на которой тот держал свои вещи, сказал мне: «Подойди к этому человеку, ибо он должен

очень любить тебя»; сказав это, он отпустил мою руку и позволил отойти от себя; я подбежал к тому, на кого он мне показал и так расцеловал его, что он проснулся. С тех пор он почувствовал ко мне такую привязанность, что без дальнейшего колебания и страха оскорбить моих родственников, которым он вместе со всеми своими был вполне предан, согласился наконец переехать к моей матери.

Ребенок, которого он воспитывал до того дня, был очень красив собой и хорошего рода; но он имел такое отвращение к наукам, был так неспособен к обучению, столь лжив для своего возраста, с такой наклонностью к воровству, что, несмотря на весь надзор за ним, он никогда не был за работой и проводил целые дни, спрятавшись в виноградниках. Получив отвращение к такому испорченному ребенку, прельщенный дружбой, которую выражала ему моя мать, и особенно побуждаемый видением, о котором я говорил выше, он бросил заниматься воспитанием того ребенка и весьма основательно освободился от господ, в зависимости от которых жил до того времени; но все это не прошло бы ему даром, если бы его не спасло уважение, которым пользовалась моя мать, и ее влияние.



Посох аббатов Клервоских. Лиможская работа XII в. Париж. Музей Клюни

V. С той минуты как я был отдан ему на руки, он назидал меня с такой чистотой, так искусно ограждал меня от всех пороков, которыми обыкновенно сопровождается младший возраст, что я был тем избавлен от беспрерывных опасностей. Он меня не пускал никуда от себя; я не мог отдыхать нигде, как только подле матери, ни получать подарков без его позволения. Он требовал от меня, чтобы я действовал с осторожностью, точностью, вниманием, тщанием, так что, казалось, он желал, чтобы я вел себя, не только как клерик, но как монах. Действительно, в то время, когда мои сверстники бегали там и сям в свое удовольствие и имели позволение время от времени пользоваться своей свободой, я, оставаясь вечно на привязи, укутанный, подобно клерику, смотрел на толпу играющих, как существо, поставленное выше их. Даже по воскресеньям и по праздникам меня принуждали следовать такому жестокому правилу; редко давалось мне несколько минут отдохновения и никогда я не имел целого дня, всегда одинаково подавленный тяжестью труда; мой учитель обязался учить только меня и не имел права заниматься ни с кем другим.

Каждый, видя, как он побуждает меня к труду, надеялся сначала, что такие чрезвычайные упражнения изощрят мой ум; но эта надежда скоро уменьшилась, ибо мой учитель был очень неискусен в чтении стихов и сочинении их по всем правилам. Между тем он осыпал меня почти каждый день градом пощечин и пинков, чтобы заставить силой понять то, что он никак не мог растолковать сам.

Я мучился в этих бесплодных усилиях почти 6 лет, не достигнув никаких результатов своего учения; но зато в отношении

правил морали не было минуты, которой бы мой наставник не обращал в мою пользу. По части скромности, стыдливости, хороших манер он употребил весь труд, всю нежность, чтобы я проникся этими добродетелями. Только дальнейший опыт уяснил мне, в какой степени он превышал всякую меру, стараясь для моего обучения держать меня в постоянной работе. Я не буду говорить об уме ребенка, но и взрослый человек, чем его более лишают отдыха, тем он более тупеет; чем он с большим упорством предается какому-нибудь труду, тем силы его более ослабевают от излишка работы, и чем сильнее принуждение, тем жар его скорее остывает.

Таким образом, необходимо щадить наш ум, утомленный и без того оболочкой нашего тела. Даже и на небе устанавливается правильно тишина ночи именно потому, что в этой жизни наши силы не могут оставаться совсем без отдыха и нуждаются иногда в созерцательном состоянии: точно так же и дух не может быть в вечной подвижности, каково бы ни было дело, которым он занят. Вот почему, какому занятию мы ни были бы преданы, я полагаю, необходимо разнообразить предмет нашего внимания, чтобы дух, переходя от одного предмета к другому, возвращался обновленным и свежим к любимой работе; чтобы наша природа, легко утомляющаяся, находила в перемене труда род некоторого облегчения. Припомним, что и Бог не дал времени одну и ту же форму и захотел, чтобы его превращения: дни и ночи, весна, лето, зима и осень служили человеку отдохновением. Итак, пусть тот, кто берется быть учителем, обратит внимание на то, чтобы распределять обязанности детей и юношей, воспитание которых возложено на него; ибо я не думаю, чтобы их должно вести иначе по сравнению с теми, ум которых взрос и окреп.

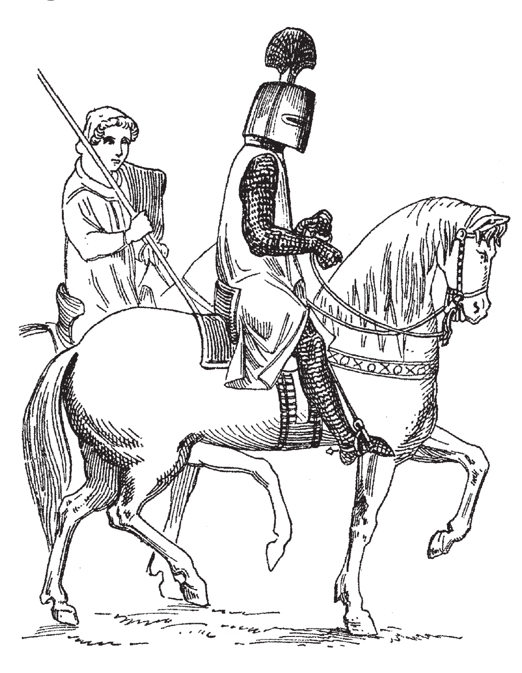
Мой учитель питал ко мне гибельную дружбу, чрезмерная его строгость достаточно обнаруживалась в несправедливых побоях, которыми он меня наделял. С другой стороны, точность, с которой он наблюдал за каждой минутой работы, превышала всякое описание. Он бил меня тем несправедливее, что, если бы у него был действительно талант к обучению, как он полагал, то я, как и всякий другой ребенок, понял бы легко каждое толковое объяснение. Но так как он выражался с трудом, то часто и сам не понимал того, что силился объяснить; вращаясь в кругу тесных и простых понятий, он не отдавал себе ясного отчета и даже не понимал, что говорил, почему совершенно напрасно вдавался в рассуждения. Действительно, его ум был до того ограничен, что если он что дурно понял, учась в позднем возрасте, как я выше сказал, то ни за что не решался отказаться от своих прежних понятий, и если ему случалось высказать какую-нибудь глупость, то, считая себя непогрешимым, он поддерживал ее и в случае надобности защищал кулаками; но я думаю, он мог бы легко не впадать в такую ошибку... (пропуск в манускрипте) ибо, как выразился один ученый, для ума, не довольно еще укрепленного наукой, нет большей славы, как говорить только о том, что знаешь, и молчать о том, чего не знаешь.

Обращаясь со мной столь жестоко только потому, что я не знал того, что было ему самому неизвестно, он должен был бы понять, как несправедливо требовать от слабого ума ребенка того, что не было в него вложено. Как умный человек с трудом может понять, а иногда и совсем не понимает слов дурака, так и те, которые, не зная науки, утверждают, что они знают ее и хотят еще учить других, запутывают свою речь по мере того, как они стараются сделать себя более понятными. Нет ничего труднее, как рассуждать о том, чего не знаешь: темно и для себя, и для того, кто слушает, так что оба столбенеют. Все это, Господи, я говорю не для того, чтобы запятнать имя друга столь дорогого для меня, но чтобы каждый, читая наш труд, понял, что мы не должны выдавать другим за верное то, что существует в нашем воображении, и не должны покрывать сомнительного мраком своих догадок.

VI. Хотя мой учитель держал меня очень строго, но во всех других отношениях он показывал всеми средствами, что любит меня, как самого себя. Он занимался мной с такой заботливостью, так внимательно следил за моей безопасностью, что ничто враждебное не достигало меня, с таким вни-

манием он ограждал от влияния дурных нравов людей, окружавших меня, так мало позволял матери заботиться о блеске моей одежды, что, казалось, он исполнял обязанности не воспитателя, а отца, и беспокоился не о моем теле, а о душе. И я испытывал к нему такое чувство дружбы, хотя и был для своего возраста несколько тяжеловат и робок, и хотя иногда моя нежная кожа носила без всякой причины на себе следы плети, что не только не питал к нему страха, естественного в том возрасте, но забывал всю жестокость и повиновался ему с неподдельной любовью. Вот почему мой учитель и моя мать, видя, какое оказывал я почтение им обоим, старались делать опыты, чтобы убедиться, кого я больше слушаюсь, и давали мне вместе приказания. Но вскоре представился им случай, независимо от их намерения, решить этот вопрос окончательно. Однажды, когда меня побили в школе – школой же называлась одна из комнат нашего дома, ибо мой учитель, взявшись воспитывать меня одного, оставил всех прежних своих учеников, как того требовала моя рассудительная мать, согласившись, впрочем, увеличить его жалованье и дав ему значительную прибавку, – прекратив на несколько часов вечером мои занятия, я сел на колени своей матери, жестоко избитый и наверно более, чем заслуживал. На обычный вопрос моей матери, били ли меня в этот день, я, не желая выдать учителя, утверждал, что нет. Но она, заворотив против моей воли ту часть одежды, которую называют рубашкой, увидела, что мои ручонки все почернели и кожа на плечах вздулась и распухла от розог. При этом виде, жалуясь, что со мной обращаются так дурно в нежном возрасте, она воскликнула со слезами, в смущении и вне себя: «Я не хочу больше, чтобы ты был клериком и чтобы для знакомства с науками тебе приходилось испытывать подобное обращение». При этих словах, смотря на нее с гневом, как только мог, я ей отвечал: «Если бы мне пришлось умереть, то я не перестану учиться, чтобы сделаться клериком». Действительно, она мне обещала, как только я приду в возраст и пожелаю того, сделать меня рыцарем и доставить мне оружие и прочее одеяние. Когда же я с пренебрежением отверг подобное предложение, твоя достойная служительница, о Господи, выслушала свое несчастье с такой признательностью и столь радостно ожила духом, что сама передала мой ответ моему наставнику. Оба они пришли в восторг, что я обнаружил столь пламенную преданность знанию, которому посвятил меня мой отец; с большой быстротой я изучил науки, не отказывался от церковных обязанностей, когда того требовало время или дело, даже предпочитал их еде. Но так это было только в то время. Ты же, Господи, знаешь, как впоследствии я изменился в своих намерениях, с каким отвращением я ходил на церковную службу, и только побои могли меня к тому принудить. В те же времена, о Боже, у меня было, без сомнения, не религиозное чувство, вытекавшее из души, но каприз ребенка, которым я увлекался. Когда юность развила во мне дурные семена, которые я носил в себе от природы, и внушила мне помыслы, разрушившие все прежние намерения, моя наклонность к благочестию совершенно исчезла. Хотя, о Боже, в ту эпоху, твердая воля или, по крайней мере, подобие твердой воли, по-видимому, возбуждала меня, но вскоре она пала, извращенная самыми пагубными помыслами.

VII. Моя мать употребляла все средства, какие от нее зависели, чтобы доставить мне церковную бенефицию (то есть доход с церковных имений). Но подобное желание было не только неблагоразумно, но даже преступно. У меня был младший брат, рыцарь и гражданин города Клермона, находящегося в двух... (пропуск нескольких слов в манускрипте)... перед замком, который стоит между Компьенем и Бове. Мой брат ожидал получить деньги от сеньора того места, не знаю, в качестве ли дара или феодальной повинности; но так как сеньор медлил с уплатой за недостатком денег, то, как я догадываюсь, некоторые из моих родных пожелали дать мне (автору было в то время около 12 лет) место каноника, в виде пребенды, при той церкви, которая в противность каноническим декретам находилась в его власти, с тем, чтобы брат перестал мучить его деньгами, которые он был ему должен.



Рыцарь и оруженосец. С миниатюры XII в.

В ту эпоху (около 1065 г.) только что вышло определение апостольского престола против женатого духовенства; и вследствие того на женатых поднялась такая буря со стороны завистливых клериков, что они с яростью требовали, чтобы женатые духовные были лишены церковных бенефиций и чтобы им было запрещено отправлять требы. При таком стечении обстоятельств племянник моего отца, человек, стоявший выше всех своих и по могуществу, и по образованности, предавался столь постыдно распутству, что не желал ни с кем связывать себя брачными узами. По поводу того канона он напал с яростью на женатое духовенство, как будто особенное чувство стыдливости вынуждало его вооружаться против брака. Так как он был светский и не мог быть удержан никакими законами, то чем более он давал себе свободы, тем более ею злоупотреблял. Действительно, он никогда не вступал в брачные узы и не соглашался надеть на себя такое ярмо. Подобное поведение составило ему повсюду худую славу; но огромные богатства, ставившие его выше других, защищали его по принятому порядку в свете с такой силой, что он, не опасаясь упреков за свой собственный разврат, не прекращал яростные нападки против женатого духовенства.

Найдя случай быть мне полезным на счет одного богатого священника, он, как говорят, ходатайствовал у владельца замка – на него же он имел большое влияние по причине услуг, которые мог ему оказать,– чтобы этот пригласил меня, пользуясь отсутствием духовенства и не призывая его в собрание, и дал мне инвеституру на должность каноника; владетель же замка с согласия епископа и в противность всякому праву и закону исправлял весьма некстати обязанности аббата той церкви; не будучи сам каноником, он требует от каноников исполнения канона. В ту эпоху нападали не только на браки духовных первых трех орденов и каноников, но и считали преступным всякую покупку церковных должностей, даже бенефиций без паствы, как-то: пребенды, обязанности регента хора, главы капитула и других того же рода, а потому не только лица, имевшие важные должности, но и такие, которые занимались внутренними делами аббатства или держали сторону клерика, потерявшего свою пребенду,– одним словом, большое число моих современников начали роптать по поводу симонии и отлучений, известие о которых только что распространилось в то время. Священник, пребенда которого была отдана мне и который имел жену и не желал отказаться от нее, несмотря на отлучение, перестал, однако, служить обедню. Так как он ставил свою плоть выше Божественной литургии, то и был справедливо наказан, хотя думал освободиться от наказания воздержанием от священнодействия. Лишенный звания каноника, он, однако, служил обедню, где бы ему ни вздумалось, и притом держал при себе жену. В то время распространился слух, что он во время службы отлучил от церкви мою мать и все ее семейство. Тогда моя мать, робея всегда перед священными лицами и страшась наказаний, уготованных грешникам, трепетала при мысли оскорбить кого бы то ни было и потому дала знать ему, что она возвращает несправедливо приобретенную пребен-

ду, а для меня удержит у сеньора города первую вакансию, которая очистится по случаю смерти клерика. Но это значило спастись от железа, чтобы погибнуть от меди. Купить имущество, которым придется владеть только вследствие смерти владетеля, не может значить ничего другого, как каждый день наталкивать кого-нибудь на человекоубийство...

В следующих главах, от VIII до XVI, автор делает сначала большое отступление, в котором излагает печальное состояние монашества в ту эпоху и рассказывает в назидание жизнь некоторых личностей, поддерживавших своей святостью это учреждение; потом снова возвращается к собственной истории и говорит, как мать на 12-м году его жизни отдала его на попечение одному аббату, а сама удалилась в монастырь; как автор, увлеченный сначала страстями, а после побуждаемый раскаянием, вступил в монашеское звание, и затем как и в монастыре он снова пал нравственно.

XVII. Между тем, и в монастырях, предавшись с такой необузданностью писать стихи, что я предпочитал эту достойную осмеяния суету всем книгам божественного писания, я дошел наконец до того, что, увлекаемый своим легкомыслием, имел притязание подражать поэтическим произведениям Овидия, буколикам, и хотел воспроизводить всю нежность любви в созданиях собственного воображения и в сочинениях, которые писал. Мой дух, забыв всю строгость, которой он должен подчиняться, и отбросив всякий стыд религиозной профессии монаха, так много питался обольщениями отравляющей распущенности, что я занялся только тем, чтобы в поэзии воспроизвести все то, что говорилось в наших собраниях, не обращая внимания на то, как оскорбительны были для устава нашего священного ордена все подобные упражнения. Таким образом, я был весь проникнут той страстью и так помрачен обольстительными выражениями поэтов, что многое придумывал собственным воображением; иногда эти выражения производили во мне такое волнение, что я чувствовал дрожь по всему телу. А так как мой дух был постоянно возбужден и забывал всякое воздержание, то в моих произведениях раздавались только такие звуки, какие могли быть вызваны подобным настроением мысли.

Кончилось тем, что моя страсть до того возмутила всю мою внутренность, что я иногда позволял себе непристойные слова и писал небольшие сочинения, в которых не было ни ума, ни сдержанности, ни благородных чувств. Когда это дошло до сведения моего учителя, то он был в высшей степени тем огорчен, и однажды ему случилось уснуть под впечатлением грусти, которую я ему причинил. Когда он задремал, ему представилось следующее видение. Он увидел перед собой седовласого старца, смею думать, того самого, который прежде подводил меня к нему и уверял, что моя любовь к учителю останется неизменной; этот старец объявил ему строгим голосом: «Я требую от тебя отчета по поводу этих сочинений, ибо рука сочинявшего их не одна и та же с рукой, которая их писала». Когда мой учитель рассказал мне это видение, мы оба сошлись в способе его толкования. Возлагая нашу надежду на тебя, Господи, мы были опечалены, но вместе и радовались, видя, с одной стороны, доказательство твоего отеческого гнева, а с другой – уверенные, что это видение возвещало хорошую перемену в моих наклонностях к постыдному. Действительно, если старец объявил, что рука сочинявшего и писавшего не одна и та же, то из этого прямо следовало, что эта рука не станет упорствовать в столь позорном поведении. Это была та моя рука, которая оставалась моей, когда я употреблял для порока, но она делалась неспособной к воспроизведению столь недостойных ее предметов, когда я предавался почитанию добродетели. Но ты, Господи, знаешь, а я исповедую, что в ту эпоху ни страх перед тобой, ни стыд, ни то знаменитое и святое видение не могли возвратить меня к чистоте нравственной. С тем же бесстыдством, которое овладело мной внутренне, я продолжал писать те зазорные произведения. Втайне я сочинял стихи того же рода, хотя и не осмеливался показывать их всем, или показывал только людям, подобным мне; очень часто, скрывая имя автора, я прочитывал их встречным и радовался выслушивать похвалу от тех, которые разделяли мои

чувства, что препятствовало мне еще более назвать свои имя; так как похвала не относилась к автору, то мне приходилось втайне наслаждаться плодами или скорее стыдом греха. Но, мой Отец, ты наказал такие дела, когда того восхотел. Действительно, на меня воздвиглись несчастья по поводу этих произведений; ты препоясал мою душу, преданную тем заблуждениям, поясом бедствий и удручил мое тело болезнями плоти. Тогда наконец меч дошел до самой души, ибо несчастье поражает самый рассудок человека.

Таким образом, с тех пор, как муки греха надоумили меня, тогда я бросил свои пустые занятия; не будучи в силах оставаться праздным и покинув игру воображения, я предался духовным предметам и перешел к занятиям, более полезным. Так я начал, хотя и поздно, с ревностью работать над тем, на что мне часто указывали многочисленные и превосходные писатели, а именно: я обратился к комментариям Священного Писания, и особенно изучал беспрестанно произведения Григория, в которых более нежели где-нибудь заключен ключ науки; потом я начал, по методе древних писателей, объяснять слова пророков и евангельских книг, толкуя сначала их аллегорический или нравственный смысл, а потом мистический. Более всех меня поощрял к подобным работам Ансельм, аббат в Беке, сделавшийся впоследствии архиепископом в Кентербери и бывший уроженцем заальпийской страны, из города Аосты; это был несравненный человек и по познаниям, и по великой святости своей жизни. Когда он был еще приором вышеназванного монастыря, он открыл мне свои познания, и так как я, будучи мальчиком, находился в первой поре возраста и развития, то он старался с чрезвычайным благодушием наставить меня, как я должен руководить в себе внутреннего человека и управляться правилами разума для власти над своим маленьким телом. Прежде чем он сделался аббатом и управлял только монастырем, он часто навещал монастырь Флавиньи, в котором я был помещен во внимание его научного и религиозного процветания, и с такой ревностью сообщал мне плоды своей учености, с такой заботливостью старался отпечатлеть их во мне, что казалось – я был единственной целью его посещений.

В конце этой главы автор говорит об учении Ансельма и о других своих работах по толкованию Св. Писания. В остальных же главах первой книги (XVIII–XXVI), рассказав о неожиданном своем избрании в аббаты монастыря св. Марии в городе Ножане, автор записывает легенды о монахах Флавиньи, который им был оставлен. Вторая книга посвящена специально истории Ножанского монастыря; наконец, в третьей и последней книге изложена история коммуны города Лана, к епархии которого принадлежал и Ножанский монастырь – самый любопытный документ из внутренней жизни коммун начала XII в.

De vita sua, sive Monodiarum libri II. Кн. I.

Альберт Ахенский

ДВИЖЕНИЕ ПЕРВЫХ ПИЛИГРИМОВ ДО НАЧАЛА ПОХОДА. 1095–1097 гг. (около 1120 г.)

Начинается

ИСТОРИЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО ПОХОДА,
написанная каноником и хранителем Ахенской церкви Альбертом

Книга первая

I. Начинается *первая книга* Иерусалимского похода, где рассказаны достославные деяния светлейшего герцога Готфрида: его подвигами и трудами святой город освобожден от неверных и возвращен сынам св. церкви.

Давно уже и так до сего дня те неслыханные и приводящие в изумление события внушали мне горячее желание примкнуть лично к тому походу и помолиться там. Но мое намерение не могло быть осуществлено по различным препятствиям, и потому я возымел дерзость, по крайней мере, передать воспоминанию потомства все, что мне рассказывали и объясняли участвовавшие в самом походе; я думал таким образом, не оставаясь праздным, быть в некотором смысле соучастником подвига, если не телом, то помыслами души. С этой целью я предпринял по мере своих сил описать неопытной и, так сказать, ребяческой рукой труды и бедствия, непоколебимую веру и благой заговор (bona conspiratio) из любви к Христу мужественных властителей и других мужей; а именно: как они оставили отечество, родных, жен, сыновей и дочерей, города, замки, поля, царства и все блага мира сего, верное для неверного и искали изгнания во имя Христа; как они отважно и с силой великой совершили путь в Иерусалим и, торжествуя, победили тысячи тысяч полков турецких и сарацинских; и как сделали доступным вход к св. Гробу Господа нашего Иисуса Христа, уничтожив налоги и подати с пилигримов, желавших вступить в Иерусалим.

После объяснения в этой первой главе причин, побудивших взяться за литературный труд, и после изложения программы сочинения, автор в следующих главах (II–VI) весьма коротко говорит о Петре Пустыннике, о его странствовании в Палестину, о проповеди в Европе и только упоминает о том, что был Клермонский собор, определивший предпринять Крестовый поход. Видно, что автор до сих пор имел мало сведений под рукой и притом считал главным предметом рассказа само странствование крестоносцев, к которому он и приступает с главы VII.

АЛЬБЕРТ АХЕНСКИЙ (ALBERTUS AQUENSIS. XII в.). Как видно из его собственных слов, он не был очевидцем описанных им событий, но, как современник Первого крестового похода, излагал по показаниям людей, участвовавших в завоевании Иерусалима. Вот как характеризует Гизо историческое значение его «Chronicon Hierosolymitanum de bello sacro»: «Ни один историк не сохранил нам столько подробностей о Первом крестовом походе, как Альберт, или Альберик, каноник и страж, по мнению одних, кафедральной церкви в городе Э, в Провансе, а по другим – в городе Ахене (Aquae), и что мне кажется более вероятным. (Автор, говоря в одном месте о Франции, называет ее страной, лежащей на западе, что можно сказать скорее жителю Ахена, нежели города Э (Aix). Мы не имеем о нем никакого известия; не знают ни года его рождения, ни смерти; достоверно только то, что он еще жил в 1120 г., потому что на этом годе останавливается его произведение. В походе он не участвовал и никогда не бывал в Св. земле; но, исполненный энтузиазма, вместе со всей Европой, к подвигам крестоносцев, он тщательно собрал все рассказы, беседовал с толпами пилигримов, возвращавшихся из Иерусалима, и воспроизвел их похождения и чувства, если не на хорошем языке, то, по крайней мере, с чрезвычайной любовью и живостью сильно потрясенного воображения. Другой, позднейший историк Крестовых походов, Виль-

VII. В год от воплощения Господня 1095-й (по нашему счислению, где с января начинается новый год, это происходило уже в 1096 г.), четвертого индикта, в 43-й год королевства и 13-й империи Генриха IV, как короля, и третьего, как императора римлян и Августа, при Папе Урбане II – прежде же звали его Одо (Odardus) – в восьмой день марта, Вальтер (Walterus, откуда нов. франц. форма Gauthier) по прозванию *Неимущий* (Senzevehir, то есть Sans avoir), знаменитый рыцарь, сопровождаемый великим числом пеших франков из Галлии (Francigenae, то есть французов) и имея с собой всего восемь рыцарей, вступил, по убеждениям Петра Пустынника, в Венгрию и направил свой путь к Иерусалиму. Государь Каломан, христианнейший король венгров, узнав о его мужественных предприятиях и их цели, встретил его благосклонно и дал ему позволение пройти в мире по землям своего государства и право делать закупы. Так он и прошел, не встретив никакой вражды или неприятности, до самой Белеградвы (Belegrava, ныне Белград), города болгар, миновав Малевиллу (Malevilla, ныне Землин), местечко, расположенное в пределах Венгрии. Там он на судах переехал весьма спокойно реку Мароэ (Maroe, ныне Морава); но 16 человек из его дружины, без ведома самого Вальтера, остались еще в Малевилле для закупки оружия, между тем как он сам находился на другой стороне реки. Несколько беспутных венгров, видя, что Вальтер и его армия удалились, отняли у них оружие, одежды, золото и серебро и, обобрав таким образом, отпустили нагишом. Приведенные в отчаяние и лишившись оружия и имущества, они ускорили шаги и явились в Белград, где Вальтер и его войско раскинули палатки вне стен для отдыха; там они рассказали в подробностях все испытанное ими бедствие. Вальтер перенес это известие, потому что не имел охоты возвращаться для мести. В ту же ночь, когда присоединились к нему его ограбленные спутники, он просил у князя болгар и у городского магистрата позволения купить у них для себя и для своего войска съестных припасов; но те, приняв их за бродяг и мо-

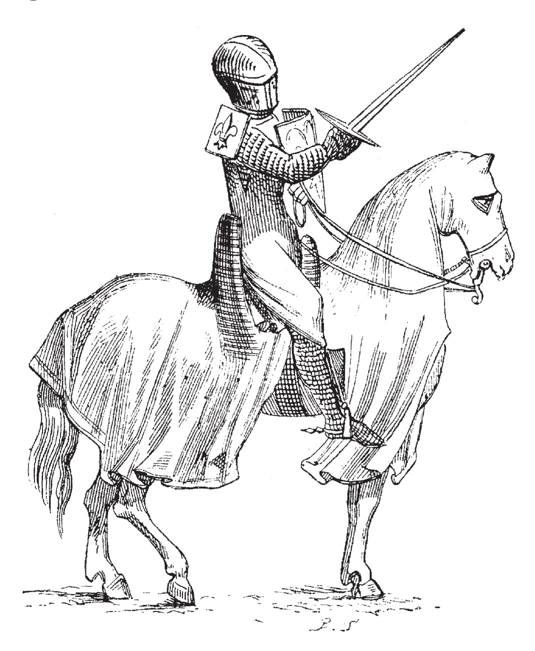
---

гельм Тирский был свидетелем уже падения королевства Иерусалимского; это зрелище, высокое общественное положение автора, просветили его относительно причин несчастья франков; он смотрел и судил их историю в ее целости и потому рассказывал о первых подвигах франков под влиянием своей опытности. Напротив того, Альберт рисует события Первого крестового похода как человек, который не знает и не предвидит никакой превратности, отдавшись вполне впечатлениям восторга, доверия и радости. Потому его рассказ наивнее и даже оживленнее; в нем отразились идеи и воодушевление самих крестоносцев, сохранился весь их пыл. Нет никаких стремлений к обобщению, никакого следа ученых исследований и литературных сочетаний; автор разделяет вполне предрассудки, ненависть, невежество крестоносцев и стремится превознести их славу, их век и их веру. Это обстоятельство сообщает труду Альберта высокий интерес и особенную прелесть; но он богат историческими и географическими ошибками и не отличается литературными достоинствами. Зато рассказ живой и обстоятельный; описания походов, битв, приключений блестящи и поэтичны; автор живописует не всегда с талантом, но с чрезвычайной любовью к истине. Читая его, можно подумать, что слышишь беседу возвратившихся пилигримов, рассказывающих своим друзьям о том, что они видели, выстрадали, и сообщающих без всякого умысла своим слушателям те впечатления, которые они испытали и которые им приятно вызывать снова в самих себе» (Collect. des m moires rel. à l'hist. de Françe, t. XX).

«Иерусалимская хроника о священной войне» состоит из XII книг и охватывает собой время от начала проповеди Петра Пустынника, 1095 г., и до второго года правления третьего Иерусалимского короля Балдуина II Буржского, 1121 г. Издания: у *Bongars*. Gesta Dei, I, p. 184–381. Переводы: *Guizot*. Collect., t. XX и начало XXI (Par., 1824). Критика: v. *Sybel*. Gesch. des ersten Kreuzzuges, c. 72–107.

шенников, не пустили их на рынок. Вальтер и его дружина, оскорбленная таким отказом, бросились на быков и баранов, которые бродили рассеянно, выпущенные на паству, и хотели увести их с собой; тогда между болгарами и пилигримами завязалась серьезная ссора и дело дошло до оружия. Между тем как число болгар все росло до того, что достигло 140 тысяч, несколько пилигримов, отделившись от остальной массы, были захвачены ими в одной молельне, где они думали укрыться. Болгары, увеличив свои силы, в то время, как Вальтер терял людей и бежал с остальными, напали на молельню и сожгли в ней 60 человек; другие с трудом успели спастись, защищая свою жизнь, но бóльшая часть их имела ранения. После этого несчастного приключения, стоившего ему множества людей, Вальтер, оставив свое войско рассеянным, скрывался 8 дней в лесах Болгарии и наконец прибыл в весьма богатый город Ниссу, лежащую в центре этой страны. Найдя там ее герцога и князя, он принес ему жалобу на нанесенные обиды. Князь в своем милосердии признал его правым во всем и в знак миролюбия снабдил его деньгами и оружием. Сверх того он дал ему провожатых для мирного прохода по всем городам Болгарии, Стерницу, Финополю и Адрианополю, и право делать закуп припасов, пока он не придет вместе с войском в императорский город Константинополь, столицу всего государства греков. Прибыв туда, Вальтер просил смиренно и убедительно государя императора о позволении жить в мире в его владениях и покупать съестные припасы, пока не присоединится к нему Петр Пустынник, по убеждению которого он предпринял странствование; собрав вместе тысячи народу, они могли бы тогда переправиться на судах через морской рукав Св. Георгия (ныне Босфор) и были бы гораздо более в состоянии вступить в борьбу с турками и другими язычниками. Действительно, государь император по имени Алексей (Комнин), отвечал благосклонно на эту просьбу и согласился на нее.

VIII. Несколько времени спустя после отправления Вальтера пошел в Иерусалим и Петр, сопровождаемый бесчисленной армией, как песок морской, которая сошлась около него из различных государств и состояла из французов (Francigenae), швабов, баваров и лотарингов. Направляясь к королевству венгров, он вместе со следовавшей за ним армией раскинул палатки перед вратами города Цицерон. Разместившись там, Петр отправил послов к правителю Венгрии, прося дозволения войти в эту страну и совершить по ней путь вместе со своими людьми. Разрешение было дано, с условием, чтобы армия не предавалась грабежу и мирно следовала по дороге, покупая все необходимое без ссор и брани, за деньги. Петр был весьма обрадован таким знаком благорасположения короля к нему и его спутникам и проходил мирно по королевству венгров, платя и принимая все вещи в должном числе, по правде, в законном весе; так он шел вместе со своей армией без всяких задержек до Малевиллы. Но приблизившись к земле этого города, он и все его люди узнали по слухам, что граф этой страны по имени Гуц (Guz), один из вельмож короля венгров, увлекаемый корыстью, собрал отряд вооруженной конницы и вместе с герцогом Никитой, князем болгар и правителем города Белграда, решился на самый бесчестный поступок, а именно: они определили, чтобы Никита, собрав свою отважную пехоту, напал на авангард армии Петра, а Гуц с конницей взялся атаковать арьергард; таким образом, они могли бы легко разграбить все имущество такой многочисленной армии, состоявшее в лошадях, золоте, серебре и одеждах, которые предполагалось разделить. Узнав о том, Петр не хотел верить, что венгры и болгары, народ христианский, осмелились совершить такое преступление. Но подойдя к Малевилле, он и его спутники увидели на стенах города еще висевшие трофеи и оружие тех 16 человек из армии Вальтера, которых венгры захватили, как отставших позади, и безжалостно ограбили. Видя такое оскорбление, нанесенное их братьям, и узнав их оружие и трофеи, Петр побуждает своих спутников к мести. Немедленно зазвучали трубы, и они с поднятыми знаменами бросились к стенам, осыпали тучей стрел занимавших укрепление и поражали их без устали та-



Рыцарь конца XIII в. Реконструкция Виолле-ле-Дюка по рукописи из Национальной библиотеки в Париже.

ким множеством дротиков, что венгры, не имея сил сопротивляться ярости осаждавших галлов, оставили стены и не смели думать помериться с ними силами даже внутри самого города. Тогда некто Готфрид по прозванию Бурель, уроженец города Этампа (de Stampis), начальник двухсотенного отряда пехоты и знаменосцев, человек крепких сил, видя, что бегущий неприятель бросил укрепления, схватил случайно найденную им лестницу и кинулся на стену. Райнольд из замка Брея (de Breis), знаменитый рыцарь, накрыв голову каской и одев панцирь, следует за Готфридом на укрепления, и в то же время все другие рыцари и пешие люди стараются всеми силами ворваться. Видя себя стесненными и в великой опасности, венгры соединились для защиты в числе 7 тысяч человек; выйдя из города восточными воротами, они удалились на вершину крутой скалы, у подошвы которой протекает Дунай и которая с этой стороны была неприступна. Но бóльшая часть из них, не имея возможности спастись вследствие узкого прохода ворот, была убита на месте; других умертвили пилигримы во время их бегства на скалу; наконец, многие, бросившись с высоты, утонули в волнах Дуная: большинство же спаслось, переплывая реку на лодках. В этом деле пало до 4 тысяч венгров; пилигримы потеряли всего 100 человек, кроме раненых. После одержания такой победы Петр и его люди оставались шесть дней в Малевилле, найдя там огромные запасы хлеба, скота вьючного и мелкого, наполненных бочек и множество лошадей.

IX. Об этой победе пилигримов и об избиении венгров герцог Никита был извещен множеством трупов, обезглавленных и изувеченных, которые были принесены течением Дуная к Белграду, где река, описав дугу, продолжает свой путь, в расстоянии одной мили от Малевиллы. Герцог созвал своих и держал с ними совет; но пораженный страхом, он не решился выжидать Петра в Белграде и сделал все приготовления к тому, чтобы удалиться со всеми сокровищами из Белграда в Ниссу, надеясь, что там ему будет лучше защищаться против сил французов, римлян (то есть итальянцев) и немцев, так как этот город был окружен твердыми стенами. Своим же согражданам он приказал бежать вместе со стадами в леса, горы и неприступные места, чтобы иметь время призвать на помощь константинопольского императора и принять меры к сопротивлению дружинам Петра, а вместе отомстить за венгров, на основании дружественного договора и союза, соединявшего его с Гуцом, графом и князем Малевиллы. Шесть дней спустя к Петру явился поспешно гонец из города от франкских колонистов (advenae); извещая об угрожающей опасности, он ему сказал: «Король венгров собрал всю свою армию и идет, чтобы отомстить за своих; наверное, никто из вас не уйдет от его оружия, ибо король и все родственники и друзья умерщвленных вами возмущены и оплакивают их избиение; торопитесь перейти Мораву и уходите отсюда скорее». Петр и его спутники немедленно оставили Малевиллу; унося с собой богатую добычу и ведя стада и всех лошадей, они приступили к переправе через Мораву. Но на всем берегу они нашли не более 150 судов, что

было весьма недостаточно для спасения такого множества пилигримов в опасности, угрожавшей им в случае прибытия короля со всеми его силами. Потому большое число, для которых не хватило судов, употребили все усилия для переправы и изготовили плоты из бревен, перевязанных ивовыми прутьями. Пока они переплывали через реку и, не имея руля, были уносимы и часто отделялись от своих спутников, *пинценары*, населявшие Болгарию, умертвили многих стрелами. Петр, видя, что его люди тонут, приказал баварам, швабам и другим немцам, напоминая им о клятве повиновения, подать помощь французам, своим братьям. Они сели немедленно на семь судов и потопили семь барок с пинценарами, из которых семеро только были захвачены в плен; приведя их к Петру, они умертвили пленных по его приказанию. Отомстив таким образом за своих и переправившись через Мораву, Петр вступил в обширные леса Болгарии, ведя за собой обоз со съестными припасами и добычей, похищенной в Белграде. Идя семь дней по тем неизмеримым лесам, он подошел наконец вместе со своими людьми к городу Ниссе, защищенной твердыми стенами. При этом пилигримы перешли каменный мост по какой-то реке, протекающей перед городом, заняли громадный луг, покрытый прекрасной зеленью, и раскинули палатки по берегу той реки.

X. Устроив таким образом полчища пилигримов, Петр в своей предусмотрительности и с согласия старейших из своих спутников отправил посольство к герцогу Никите, князю Болгарии, находившемуся в том городе, просить у него позволения делать закупки. Герцог благодушно согласился с условием, чтобы ему дали заложников; он опасался, что эта многочисленная ватага может причинить оскорбления и насилия, как она поступила в Белграде. Вальтер, сын Валерамна, из замка Бретейль (Breteil), что близ Бове (Beluatium, ныне Beauvais), и Готфрид Бурель из Этампа были выданы герцогу в залог. Они отправились и герцог их принял; пилигримы получили дозволение покупать все, а те, которым нечем было заплатить, были наделены щедрой милостыней жителей города. Ночь прошла спокойно, и князь с верностью возвратил Петру полученных от него заложников. Сто человек из немцев, имевших накануне вечером ничтожный спор с каким-то болгаром по поводу покупок и продажи, остались позади армии, которую повел Петр. Они подожгли семь мельниц на реке под мостом, обратили их в пепел; они сожгли сверх того несколько домов, построенных за городской чертой и тем удовлетворили свою необузданность. Жители, увидев свои дома в пламени, пошли все сообща к своему герцогу Никите, говоря, что Петр и его спутники – лжехристиане, воры, а не мирные люди, ибо они, умертвив герцогских пинценаров в Белграде и избив множество венгров в Малевилле, осмелились теперь поджечь здания и забыли благодарность, к которой они были обязаны множеством благодеяний.

XI. Герцог, выслушав жалобы своих людей и узнав о нанесенном им оскорблении, приказал всем взяться за оружие и приготовил конницу, собранную им в Ниссе еще когда он узнал о нападении и взятии Малевиллы, с тем, чтобы пуститься в погоню за пилигримами и воздать им все причиненное ими зло. Выслушав слова герцога Болгарии, команиты и множество венгров вместе с пинценарами, присоединившимися к ним для защиты города за известное жалованье, схватились за свои роговые и костяные луки, надели кольчуги и, привязав значки к своим копьям, пустились в погоню за Петром, который шел спокойно со своей армией. Отсталые и те, которые следовали в арьергарде, были убиты без всякой пощады; двигавшиеся медленно телеги и повозки остановлены; женщины, девицы и юноши уведены: оставаясь пленниками и в изгнании до настоящего времени в земле болгарской, они были похищены со всем своим имуществом и стадами, которые следовали за ними. Среди тревоги и убийств, неожиданных для пилигримов, какой-то Ламберт, спасенный быстротой коня, догнал Петра, который ничего не знал о случившемся. Он рассказал ему все подробности и прибавил, что те ужасы и бедствия произошли от немцев, которые сожгли мельницы. Петр, идя на одну милю впере-

ди, не имел никаких других известий; встревоженный выслушанным рассказом, он немедленно созвал мудрейших и более смышленых мужей своего войска, и сказал им:

XII. «Нам угрожает страшная беда вследствие неистовства бессмысленных немцев; множество наших и самих немцев пало под стрелами и ударами герцога Никиты и его войск в наказание за пожар, о котором я ничего не знал. Враги захватили наши повозки, наши богатства и наши стада. Мне кажется, будет лучше всего вернуться к герцогу и заключить с ним мир, так как наши были несправедливы к нему именно в то время, когда его сограждане доставили нам миролюбиво все, в чем мы нуждались». На основании такого мнения и слов Петра вся армия вернулась к городу Ниссе и снова раскинула палатки на том же месте, где они стояли прежде, с тем, чтобы Петр принес извинение за себя и шедших впереди сподвижников и, успокоив герцога, возвратил бы пленников и повозки. Но пока он вместе с мудрейшими из мужей был занят приведением в исполнение своего плана и готовился принести извинение в обдуманных наперед словах, толпа бессмысленных юношей в тысячу человек, исполненная легкомыслия и задора, народ неукротимый и необузданный, перешли без всякого повода и причины каменный мост и без оглядки бросились на стены к городским воротам. Тысяча же других молодых людей, таких же взбалмошных, пустились вброд и по мосту, понеслись на помощь первым со страшными криками и бранью, несмотря на голос Петра, своего предводителя, напрасно запрещавшего им идти вперед и желавшего вместе с благоразумными людьми восстановить мир. В минуту такого ужасного неповиновения вся остальная армия, исключая тех двух тысяч человек, осталась с Петром, не одобрившим того нападения, и никто не тронулся с места, чтобы помочь тем последним. Болгары, видя такое разногласие в народе и понимая, что им будет легко справиться с теми двумя тысячами, вышли из двух ворот, вооруженные стрелами и пиками, наносящими широкие раны, и бросились вперед в большом числе; они стеснили пилигримов и обратили их в бегство; двадцать из них свалились с моста в воду и утонули; другие, в числе трехсот, побежали к мосту вниз искать неизвестного им брода и погибли от оружия и волн. Наконец те, которые оставались с Петром на другом берегу реки и которым он помешал принять участие в том безумном предприятии, видя такую жестокую погибель своих, не могли отказать себе в удовольствии поспешить им на помощь и, надев шлемы и панцири, полетели к мосту, не обращая внимания на Петра. С обеих сторон завязалась упорная битва: стрелы, мечи и копья были пущены в дело. Но так как болгары овладели прежде и мостом, и бродом, то пилигримы не могли перейти на другую сторону и были вынуждены обратиться в бегство. Петр, видя своих побитыми и обращенными в бегство, отправил послом к герцогу Никите одного болгара, который решился предпринять святой поход в Иерусалим, с просьбой вступить с Петром в личные переговоры и условиться о заключении мира именем Господа; так то и случилось.

XIII. Когда весть о мире была объявлена народу Петра и восстание успокоилось в ожидании восстановления полного согласия, пешая чернь, мятежная и неисправимая, захватив и нагрузив телеги и повозки, пустилась в дорогу. Напрасно Петр, Фулько и Райнольд останавливали их и убеждали дождаться окончательного восстановления мира, они не могли отвратить тех безумных мятежников от предпринятого ими намерения. Хотя граждане и видели, что Петр и другие главные вожди старались воспрепятствовать отправлению и удержать телеги и повозки, но им казалось, что они заранее уговорились с народом, чтобы устроить бегство. Вследствие того, выйдя из городских ворот вместе с всадниками герцога, они начали их преследовать изо всех сил, и на пространстве двух миль убили множество народа и захватили отставших в плен. Повозка, которая везла сокровищницу Петра, наполненную огромным количеством золота и серебра, была захвачена; ее взяли и, отвезя вместе с пленниками в Ниссу, поместили в казнохранилище герцога; остальная добыча была разделена между

всадниками. Болгары убили множество народу; они увели детей с матерями и бесчисленное количество замужних женщин и незамужних. Петр и те, которым удалось спастись, рассеялись по широким и мрачным лесам; одни по пустыням, другие через пропасти, все бежали поспешно, как овцы, преследуемые волками. Наконец Петр, Райнольд из Брея, Вальтер, сын Валерамна Бретейльского, Готфрид Бурель и Фулько Орлеанский соединились случайно на вершине какой-то горы с 500 воинами, и с первого раза можно было подумать, что это было все, что осталось от 40 тысяч человек. Петр, видя, до чего доведена была его армия, и предаваясь печальным размышлениям, тяжело вздыхал; ему было грустно видеть свои полки истребленными, тогда как болгарам дело стоило жизни одного человека, и не мог поверить, чтобы из 40 тысяч рассеянных и бежавших никто не пережил поражения. По его совету собравшиеся с ним на вершине горы начали подавать знаки и трубить в рога, чтобы пилигримы, разбежавшиеся по горам, лесам и пустыням, могли услышать крики Петра и его людей и присоединиться к ним для продолжения пути. Еще не кончился день, а уже 7 тысяч человек, услышав подаваемые знаки, явились к ним. Собравшись вместе с разных сторон, они отправились в путь и прибыли к городу, в котором не нашли ни людей, ни вещей; там они расположились лагерем и поджидали, не подойдут ли к ним другие спутники. Но не найдя в оставленном жителями местечке никаких съестных припасов, они впали в большую крайность; они лишились более двух тысяч телег и повозок с пшеницей, житом и мясом, годным для пищи, и не встречали никого, кто мог бы их снабдить чем-нибудь. Это несчастье приключилось с ними в июле, когда хлеб и всякие плоды поспевают в той стране и желтеют перед жатвой. Пока народ мучился голодом, люди, более находчивые, придумали жарить зерна, поспевшие в окрестностях оставленного города, и питать ими томившийся голодом народ. Три дня они держались этой пищей, а между тем рассеявшиеся беглецы сошлись в числе около 30 тысяч; 10 тысяч погибли.

XIV. Этим временем посланные герцога прибыли в Константинополь к государю императору и донесли ему о бедствиях, испытанных болгарами; они рассказали ему, как армия пилигримов избила венгров в Малевилле и как, прибыв к городу Ниссе, они заплатили ее жителям злом за добро, хотя, впрочем, и были наказаны за то. Император, узнав о случившемся, отправил послов к Петру, который уже вышел из оставленного жителями города, так что послы нашли его вместе со всей армией в городе Стернице, и в силу приказания императора передали ему следующее: «Петр! До государя императора дошли тяжкие обвинения против тебя и твоего войска, ибо в пределах его собственного государства вы производили грабежи и беспорядки. Вот почему император запрещает тебе оставаться в городах до самого прибытия в Константинополь более трех дней. На основании императорского указа мы предпишем всем городам, через которые ты будешь проходить, чтобы они в мире продавали тебе и твоим людям все необходимое и ни в чем не препятствовали тебе на пути, потому что ты христианин и все твои люди также христиане. Император прощает тебе вполне те преступления, которые совершили твои люди по своей необузданности и ярости против герцога Никиты, ибо они дорого заплатили за нанесенные им обиды». Петр, выслушав это мирное посольство государя императора, весьма обрадовался и, пролив слезы восторга, возблагодарил Бога, который после строгого, но заслуженного наказания, доставлял ему благополучие представиться вместе со своими людьми великому и именитому императору.

XV. Повинуясь его приказаниям, Петр оставил Стерниц и со всем своим народом отправился к городу Финополю. Там, рассказав в присутствии греческих горожан свои бедствия, он получил именем Божиим и Христа ради большие подарки византийской монетой, серебром, лошадьми и мулами: так были тронуты все жители его рассказом. Когда наступило третье утро, он, снабженный всем необходимым, радостно отправился к Адрианополю. Там он оста-

вался два дня, которые и провел вне города, а в третий день отправился далее. Между тем явилось новое посольство от императора с приглашением торопиться в Константинополь, ибо император горел желанием увидеть Петра вследствие тех рассказов, которые он о нем слышал. Когда он прибыл к этому городу, его войско получило приказание расположиться в отдалении от стен, но ему было дано полное право покупать для себя все необходимое.

XVI. Петр, человек небольшого роста, но великого сердца и сильный словом, был вместе с Фулько приведен послами к императору, желавшему убедиться, таков ли был Петр, как о нем шла молва. Петр, войдя к императору с самоуверенностью, приветствовал его именем Господа Иисуса Христа и потом рассказал в подробности, как он из любви и по милости Христа оставил отечество, чтобы посетить св. Гроб; изложил бедствия, испытанные им в последнее время, и возвестил о том, что могущественные и благородные графы и герцоги идут по его следам, горя желанием предпринять поход в Иерусалим и поклониться св. Гробу. Император, видя теперь сам Петра и услышав из его уст его обеты, спросил его, чего он хочет и чего он желает от него. Петр просил его дать ему в своей милости, чем прокормить себя и своих, присоединив к тому, что он потерял бесчисленные богатства, вследствие неблагоразумия и мятежа своего войска. Выслушав эту униженную просьбу и тронутый сочувствием, император приказал отсчитать ему двести золотых византийской монеты, а для его войска выдал одну меру монет, называемых *тартаронами*. После этого свидания Петр удалился из дворца императора, и, заслужив его благорасположение, оставался еще 5 дней в лагере под Константинополем. Вальтер Неимущий раскинул палатки в том же самом месте, и с этой минуты они соединились и делили между собой съестные припасы, оружие и все необходимое для жизни. По прошествии пяти дней, собрав свои палатки и переплывя пролив Св. Георгия на судах, которые были доставлены императором, они вступили в пределы Каппадокии и через горы прибыли к Никомедии, где и переночевали. После того они расположились лагерем у гавани, называемой Цивитот. Купцы являлись туда беспрерывно, подвозя на кораблях съестные припасы, хлеб, вино, масло, жито и сыр, и продавали пилигримам свой товар, не дорожась и не обмеривая. Пока они наслаждались изобилием всего съестного, занятые исключительно восстановлением истощенных сил, послы христианнейшего императора явились к Петру и его армии и принесли запрещение идти горами к Никее, опасаясь засад и козней турок, и приказали ждать, пока увеличатся силы прибытием новых христиан. Петр и с ним весь христианский народ приняли с готовностью приказание и советы императора и провели в пирах два месяца, живя в мире и радости и засыпая в полной безопасности от нападений всякого врага.

XVII. Но по истечении двух месяцев пилигримы, распустившись от праздной жизни и изобильной пищи и не слушая слов Петра, даже действуя против его воли, отправились через горы на земли города Никеи и во владения султана (ducis) Турецкого Солимана (то есть Килидж Арслана); награбив крупного, мелкого скота, быков, овец и козлов, принадлежавших грекам, которые были в рабстве у турок, они привели их к своим спутникам. Видя такие поступки, Петр был поражен глубокой печалью; он знал, что все это не пройдет им безнаказанно, и очень часто предупреждал, убеждая следовать советам императора и отказаться от подобных предприятий; но напрасно он говорил мятежному и бессмысленному народу. Так как первое предприятие им удалось, то они не опасались более препятствий к грабежу, и молодые люди, столь же храбрые, сколько и легкомысленные, решились взять с собой несколько вооруженных шаек и на глазах у самих турок искать добычи на лугах и пастбищах, расположенных у самых стен города Никеи, и возвратиться с ней в лагерь. Они соединились в числе 7 тысяч пехоты и только 300 хорошо вооруженных рыцарей и, с шумом подняв знамена, пошли на добычу и успели похитить 700 быков и множество мелкого скота на лугах Никеи, потом, возвратившись в лагерь Петра, они задали большое

пиршество и продали много скота грекам и матросам, подданным императора. Немцы, видя, как хорошо удалось предприятие римлян и французов (Romanis et Fracigenis, то есть жителям Италии и Галлии) и как они несколько раз возвращались, не встретив препятствий и обогащенные добычей, воспылали сами подобной же корыстью и составили отряд из 3 тысяч человек пехоты и всего 200 всадников; распустив красные и пурпуровые знамена, они прошли по проложенным дорожкам в горах и явились к замку, принадлежавшему самому Солиману, человеку богатому, герцогу и князю турок; замок был расположен на месте, где заканчивались горы и лес, в трех милях от города Никеи. С военными криками они напали на замок, овладели им и перебили всех его обитателей, исключая греков-христиан, которые были пощажены; но все другие, найденные ими в замке, были умерщвлены или изгнаны. Овладев замком и очистив его от жителей, они были обрадованы находившейся в нем богатой добычей. Упоенные победой, они решились с общего согласия занять это место, откуда им было бы легко овладеть всей землей и всем княжеством Солимана и куда они могли бы сносить со всех сторон добычу и съестные припасы, постоянно ослабляя Солимана и выжидая армию высоких князей, о которых говорили, что она уже приближается.

XVIII. Между тем Солиман, герцог и князь турок, осведомленный о прибытии христиан и их грабежах, собрал 15 тысяч своих людей во всей Романии и в царстве Хорозане, искусных воинов, вооруженных роговыми и костяными луками, и отличных стрелков. Два дня спустя после победы немцев он явился в Никею, спеша из отдаленных стран и ведя за собой многочисленную дружину. Его досада и гнев увеличились, когда он узнал, что немцы овладели его замком, избив или изгнав всех бывших в нем. На третий день с восходом солнца Солиман выступил со своей дружиной и отправился к укреплению, занятому немцами. Его знаменосцы вместе со стрелками бросились храбро на приступ и осыпали стрелами немцев, мужественно защищавшихся с высоты стен; но, не имея возможности противиться более и будучи вынуждены сойти со стен, чтобы спастись от стрел, осыпавших их градом, изнеможденные и лишенные всех средств, они удалились вовнутрь укрепления, где могли бы укрыться от дротиков. Турки, видя, что немцы отошли от стен, начали готовиться к решительному приступу; но осажденные, засев внутри и защищая свою жизнь, противопоставляли копья всякому, кто только показывался на стенах; другие же поражали мечом и обоюдоострыми топорами, так что турки не смели продолжать приступа. Убедившись, что их стрелы при всей многочисленности не могли повредить немцам при новом способе их защиты, осаждавшие нанесли всякого рода дерева к воротам замка, подложили огня, и ворота замка вместе со многими внутренними зданиями загорелись; наконец пожар распространился во все стороны: одни из осажденных сгорели, другие бросились с высоты стен и искали спасения. Но турки устремились на беглецов и истребили их мечом; около 200 молодых людей, красивых и статных, были взяты и уведены в плен; все остальные погибли от меча и стрел.

XIX. Отомстив так жестоко, Солиман возвратился вместе со своими и пленными немцами; и весть об этом кровавом побоище скоро достигла лагеря Петра. Смерть товарищей возбудила в пилигримах чувство самой живой скорби и поразила их сердца. Удрученные горем, они часто совещались друг с другом, идти ли им немедленно отомстить за братьев или дождаться возвращения Петра. Петр за несколько дней перед тем отправился в Константинополь просить императора в пользу своей армии об уменьшении цен на предметы первой необходимости. Когда пилигримы держали между собой совет, Вальтер Неимущий решительно отказался идти для отомщения, пока дело не будет узнано обстоятельнее и пока не вернется Петр, советам которого следовали во всем. Этот отказ сдерживал народ в течение 8 дней, и все ожидали возвращения Петра; но Петр не мог никаким образом получить от императора дозволения возвратиться. В восьмой день турецкие всадники, люди прославленные в военном искусстве, вышли из Никеи в числе ста че-

ловек и объехали всю страну и города, расположенные в горах, чтобы собрать точные известия о добыче, награбленной французами (Galli). Говорят, что в тот же день они отрубили голову многим пилигримам, которые бродили рассеянно, партиями в 10, 15 и более человек. В лагере Петра распространился слух, что турки находятся по соседству и убивают пилигримов, рассеянных по стране, но сначала никто не верил, чтобы неприятель мог так далеко отойти от Никеи. Однако многие предлагали отправиться для преследования турок, если они окажутся поблизости.

XX. Удостоверившись наконец в истине слуха, народ пришел в большое волнение; все пешие люди отправились к Райнольду из Брея, Вальтеру Неимущему, Вальтеру из Бретейля и Фулько Орлеанскому, бывшим главными вождями армии Петра, и требовали у них отомстить смерть братьев и положить предел дерзости турок. Но сначала вожди решительно отказались идти, пока не придет Петр и не выскажет своего мнения. Готфрид Бурель, начальствовавший пехотой, услышав такие ответы, объявил, что эти знаменитые рыцари слишком робки в военном деле, и горько упрекал всех, кто препятствовал своим товарищам отомстить туркам за кровь своих братьев. Вожди, не имея сил переносить более оскорбления и упреки Готфрида и его единомышленников и исполненные негодования и озлобления, объявили, что они готовы презреть силы и засады турок, хотя бы то стоило им жизни. Рано утром в четвертый день рыцари и пешие люди, соединившись в лагере, получили приказание вооружиться; зазвучали рога, и все собрались на войну. В лагере остались только те, которые не могли носить оружия, расслабленные женщины в несчетном множестве. Вооруженные люди вместе составили армию в 25 тысяч пехоты и 500 тяжеловооруженных рыцарей и пошли к Никее, чтобы вызвать на битву герцога Солимана и турок, утомленных войной, и отомстить за смерть братьев. Разделившись и образовав шесть отрядов, из которых каждый имел свое знамя, они разошлись направо и налево. Удалившись на три мили от гавани и стоянки при Цивитоте,– а Петра все не было, и он ничего не знал,– они, исполненные гордости, с величайшим криком и шумом вступили в леса и горы; тем временем и Солиман вошел в тот же лес, но с противоположной стороны; идя из Никеи с бесчисленной армией, он намеревался напасть неожиданно на французов в их лагере, застать их врасплох и всех истребить мечом. Но услышав крик и шум, произведенный христианами, Солиман сначала был изумлен, не зная, что это за шум, ибо намерение пилигримов ему было совершенно неизвестно. Узнав же, что сами христиане приближаются к нему, он сказал своим: «Вот те франки здесь, к которым мы идем; будьте уверены, они идут для борьбы с нами; оставим поспешно лес и горы и выйдем на широкую равнину, где нам свободно будет биться, и они не найдут для себя убежища». При этих словах турки поспешно повиновались и с величайшей тишиной оставили лес и горы.

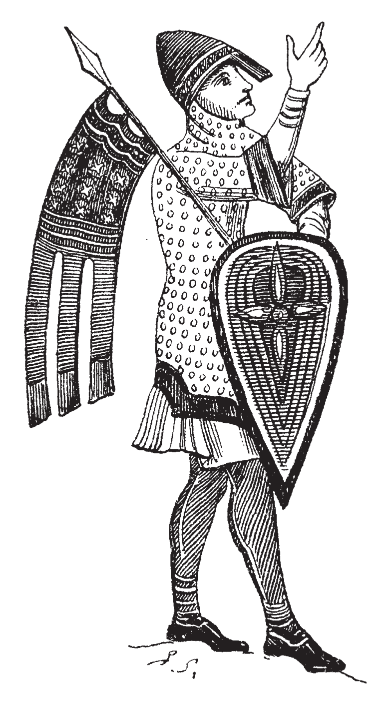
XXI. Между тем французы, не зная ничего о появлении Солимана, выступили также из леса и гор с криком и гамом и неожиданно увидели в долине армию Солимана, изготовленную к бою. Ободряя друг друга именем Божиим, они сначала выпустили вперед два отряда, составленные из 500 рыцарей. Солиман, видя приближение этих двух отрядов, опустил поводья лошади; его люди сделали то же и поразили католических рыцарей неслыханным и невыносимым криком. Затем турки, устремившись на два отряда и осыпав их градом стрел, рассеяли и отделили от армии, шедшей за ними. Услышав стук оружия и крики турок, преследовавших с жестокостью их братьев, пилигримы, находившиеся в арьергарде и потому не успевшие выйти из лесу, соединились вместе в узком проходе, которым они следовали, чтобы загородить его и не допустить турок в горы. Два первых отряда, отрезанные турками от главной армии, опрокинулись на них, но, не имея возможности попасть в лес и горы, направились в сторону Никеи. Потом, возвратившись внезапно и испуская страшные крики, они снова бросились в середину турок и, ободряя друг друга, конные пеших и пешие конных, убили в корот-

кое время до 200 турецких всадников. Заметив, что рыцари берут над ними верх, турки начали стараться ранить лошадей стрелами, и таким образом спéшили могучих атлетов Христа.

XXII. Вальтер Неимущий пал, пораженный семью стрелами, которые пронзили его панцирь и дошли до самого сердца. Райнольд из Брея и Фулько Шартрский (Carnutensis), мужи именитые в своих странах, испытали ту же мученическую смерть под ударами неприятеля; но они пали, нанеся и туркам чувствительную потерю. Вальтер из Бретейля, сын Валерамна, и Готфрид Бурель, начальник пехоты, успели убежать кустарниками и чащами и присоединились к армии в узком проходе, где она стояла, не принимая участия в бою. Пилигримы лишь только узнали о их бедствии и поражении, бросились спасаться по дороге к Цивитоту, по той самой, которой они пришли, не заботясь нисколько о защите от неприятеля. Турки же, торжествуя свою победу, преследовали несчастных пилигримов и умерщвляли их, нанося им смерть на пространстве трех миль, до самого лагеря Петра. Ворвавшись в лагерь, они поражали мечом слабых, больных, клериков, монахов, пожилых женщин, грудных детей, не щадя никакого возраста и сохраняя в живых только молодых девиц и монахинь, черты и красота которых производили на них впечатление; они уводили с собой также несовершеннолетних юношей, отличавшихся особенно красивым лицом; равным образом они увезли в Никею серебро и одежды и овладели лошадьми, мулами и всеми драгоценными вещами, даже палатками. На морском берегу, недалеко от Цивитота, находится древняя и оставленная крепость, туда-то и бросились три тысячи пилигримов в надежде укрыться в ней. Но не найдя там ни ворот, ни застав и не имея никакой помощи, в страхе за жизнь они заложили вход щитами, накатили громадных камней и мужественно защищались копьями, деревянными луками, бросая каменья рукой. Турки, не видя возможности добраться до осажденных, окружили укрепление со всех сторон, и так как оно не имело кровли, то начали бросать стрелы на воздух, чтобы они, падая сверху, могли поражать и убивать несчастных и чтобы остальные, устрашенные тем, принуждены были сдаться. Говорят, что действительно многие христиане были ранены и убиты таким образом; но так как они еще более боялись жестокости со стороны нечестивых, то ничто не могло заставить их решиться выйти из укрепления.

XXIII. Солнце достигло половины пути, когда христиане вошли в укрепление и турки напали на них. Но так как первые защищали свою жизнь мужественно, то никакие ухищрения неприятеля, ни самый мрак ночи не могли принудить их оставить свое убежище. Наконец какой-то грек, верующий и католический, ночью переправился за море и рассказал Петру, находившемуся еще в столице, о бедствиях, которые испытываются его спутниками, и о поражении всей остальной его армии. Узнав о том со скорбным сердцем, Петр отправился молить императора, Христа ради, о помощи той жалкой горстки пилигримов, последнему остатку от стольких тысяч народу, и не допустить их погибнуть без утешения и в терзаниях под ударами тех палачей. Император был тронут, услышав рассказ Петра и узнав, что его спутники осаждены, и приказал собрать отовсюду *туркополов* и другие войска из всех наций своего государства; им было повелено с поспешностью переплыть пролив, помочь бежавшим и осажденным христианам и принудить турок снять осаду. Действительно, турки, узнав об указе императора, ночью оставили крепость и увели с собой пленных и с ними добычу. Таким образом, запертые и осажденные пилигримы-рыцари спаслись от рук нечестивых.

В главах XXIV и XXV автор, окончив рассказ о судьбе армии Петра и Вальтера Неимущего, возвращается в Европу, чтобы описать новый поход немецкого священника Годескалька *с 15 тысячами лотарингов, швабов, бавар и других; но все они почти до одного человека погибли в Белграде от рук венгров за бесчинства, которым они предавались в стране. После того автор переходит к описанию похода графа Эмико, который отличался от всех предыдущих походов.*



Немецкий воин XII в. По миниатюре из немецкой рукописи XII в.

XXVI. В начале лета того же самого года (1096 г.), когда Петр и Годескальк отправились в путь со своим войском, выступили в поход и другие бесчисленные дружины христиан из различных государств и земель, а именно из Франции, Англии, Фландрии и Лотарингии. Пылая огнем божественной любви и возложив на себя знамение креста, они стекались толпами со всех сторон, неся с собой хозяйство, съестные припасы, оружие,– все, что было необходимо для их пути в Иерусалим. Эти люди, выходя из своих государств и городов отдельными партиями, соединялись потом в одно целое, но они не воздерживались от предосудительных и чувственных страстей, были неумеренны в пище и увеселялись вместе с женщинами и девушками, которые оставили свои дома с тем же легкомыслием и под предлогом пилигримства предавались всякому безрассудству.

XXVII. Не знаю, по воле ли Божества или вследствие умственного заблуждения, они восстали с жестокостью против иудейского народа, рассеянного по всем городам, и жестоко избили его, особенно в Лотарингии, утверждая, что тем они полагают начало своему походу и борьбе с врагами веры Христовой. Такое избиение иудеев совершили первые граждане города Кёльна, напав неожиданно на то небольшое число их, которое обитало там; они переранили и изувечили почти всех самым бесчеловечным образом, срыли их дома и синагоги и разделили между собой множество денег. Устрашенные такими жестокостями, иудеи в числе 200 бежали и ночью переплыли на судах в Дейтц (Nussia); но встреченные пилигримами и крестоносцами (cruce signati) были все умерщвлены и ограблены, так что не спаслось ни одного человека.

XXVIII. Вскоре после того пилигримы, сообразно своему обету, отправились в путь и прибыли в Майнц, соединившись там в огромном числе. Граф Эмико, муж весьма знатный и могущественнейший в той стране, с большим отрядом немцев ждал в городе пилигримов, которые стекались туда по королевской дороге со всех сторон. Иудеи, населявшие Майнц, узнав об избиении своих братьев и желая спастись от насилия, явились в надежде сохранить жизнь к епископу Ротгарду и поручили его охранению все свои огромные сокровища; они рассчитывали много на его покровительство, так как он был епископом города. Первосвятитель Майнца тщательно укрыл несметные деньги, принесенные ему иудеями, а их самих поместил на обширной платформе своего дома, чтобы спасти от Эмико и его спутников; свое жилище он считал самым безопасным местом в то время. Но Эмико и его толпища по совещании друг с другом выступили с восходом солнца и, пуская стрелы и копья, напали на иудеев, заключенных в том месте, возвышенном и открытом. Потом, сломав запоры и ворота, они ворвались и убили мечом до 700 тщетно защищавшихся против превосходящих сил; женщины и младенцы были также перерезаны. Иудеи, видя, что христиане вооружились против них и против детей, не щадя пола, обратили свои силы друг на друга, на своих единоверцев – детей, жен, матерей и сестер, и убивали себя. Матери –

страшно говорить – перерезывали ножом горло грудным младенцам, других прокалывали, предпочитая губить их собственными руками, нежели отдать на жертву мечу необрезанных.

XXIX. Весьма немногие из иудеев спаслись от смерти, и некоторые приняли крещение, более по страху, нежели из любви к вере христианской. Граф Эмико, Кларебольд из Вандейля, Фома и все это отвратительное сборище мужчин и женщин вместе с огромной добычей отправились в Иерусалим через королевство венгров, где было принято давать пропуск пилигримам по королевской дороге. Но когда они прибыли к крепости короля, называемой Мезербургом и окруженной болотами, образуемыми разливом Дуная и Лейты (Lintax), мост и ворота оказались запертыми по приказанию короля Венгрии, ибо венгры находились в великом страхе, после того как они убили пилигримов (то есть спутников Вальтера, Петра и Годельскалька), трупы которых заражали еще воздух при появлении новой армии. Она была сильнее всех предыдущих и состояла из 200 тысяч пехоты и конных людей: но конных было не более 3 тысяч. Найдя ворота запертыми и не имея возможности проникнуть в страну, они расположились лагерем в долине и отправили к королю посольство с мирными предложениями; но ни на их просьбы, ни на их обещания не было обращено никакого внимания. Эмико, Кларебольд и Фома, люди прославившиеся своими подвигами, держали тогда совет с мудрейшими из своих и определили опустошить все окрестные владения короля и до тех пор не оставлять свои позиции, пока не будет устроен мост через болото и Лейту, чтобы иметь возможность приблизиться к стенам крепости, разрушить их и открыть таким образом проход себе силой. Долго они стояли перед крепостью, начиная с половины июля, и строили мост, беспокоя часто осажденных; но ее защитники мужественно сопротивлялись, отвечали дротиками повсюду, и с обеих сторон пало много людей. Иногда более отважные выходили из крепости, откидывали франков за мост на другую сторону реки; иногда перевес был на стороне франков, и они, потеснив неприятеля и нанеся многим раны, загоняли венгров в укрепление. Но однажды в девятом часу Фома, Кларебольд и Вильгельм вышли с 300 рыцарей, одетых в панцири и шлемы и ловких наездников, и устроили засаду в том месте, где венгры обыкновенно переплывали на судах для защиты своей земли, с тем, чтобы сразиться с ними, если представится к тому удобный случай, или увести скот, если попадется такой на полях. Следуя по течению реки в этой надежде, они встретили 700 всадников короля венгров, на боевых конях и отлично вооруженных, они шли на рекогносцировку (ad explorandum) христианской армии. Видя невозможность разойтись с галлами, они бросились на их отряд и дали сражение, но побежденные и израненные, были опрокинуты; потом они пустились в бегство по местам им хорошо известным и, с горем и печалью переплыв на судах, возвратились домой. В этой схватке Вильгельм, столкнувшись с начальником венгерского отряда, родственником короля по боковой линии, мужем знаменитым, с белоснежными волосами на голове, лишил его жизни. Эта победа исполнила радостью всю армию; вся ночь прошла в празднествах, и в лагерь привели множество пленных венгров.

XXX. После целого ряда битв такого рода, которые с каждым днем увеличивали потерю людей, армия начала утомляться, чему много содействовал недостаток съестных припасов; но наконец мост был готов, и по нему прошло множество вооруженных людей, сражаясь с противниками, а другие пустились по болоту, чтобы мужественно напасть на Мезербург. Поставив машины (applicitis ingeniis), они пробили стену в двух различных местах, стеснили венгров и старались во многих пунктах сделать отверстия на тот случай, если осажденные продержатся до следующего дня. Король Каломан и вся его дружина сели поспешно на коней с готовностью бежать в *королевство Россию* (vesrus regnum Russiae), если вся сила галлов по овладении крепостью вторгнется в их страну. С этой целью они починили мосты, пришедшие в ветхость, чтобы беспрепятственно перейти болота и реки, отделявшие их

от России, если нужда принудит к тому. Но в ту минуту, когда они уже сделали огромный пролом в стене, не знаю, по какому случаю или по какому несчастью, во всей армии распространился такой ужас, что все обратились в бегство, рассеялись в различные стороны и понеслись, как овцы, преследуемые волками, ища повсюду убежища и забывая о своих собратьях. Венгры, видя, что эти грозные витязи исчезли мгновенно и торопливо бежали, вышли толпой за королем, начали преследовать бегущих, умерщвляя множество, забрали немало пленных и без устали преследовали остальных в течение большей части ночи. Пеших людей обоего пола было побито столько, что воды Дуная и Лейты побагровели. Огромное число несчастных, желая спастись от угрожающей смерти, со слепым мужеством бросались в волны Дуная и погибали от быстроты течения. Удивительное дело: потонуло такое число народу, что местами в реке исчезала вода под трупами, которые она несла на себе! Эмико, Фома, Кларебольд, Вильгельм и некоторые другие, лошади которых были в состоянии бежать, ушли целы и невредимы; некоторые же укрылись в болотной траве и в кустарниках или ушли, благодаря ночной темноте. Эмико вместе со своими людьми ушел обратной дорогой и возвратился домой; Фома, Кларебольд и многие из их людей направились в Каринтию и Италию. Так рука Промысла поднялась на пилигримов, потому что они прегрешили перед очами его, предаваясь безмерно чувственным наслаждениям и убив жестоко иудеев, народ, конечно, изгнанный и враждебный Христу, но они убили их более по корысти, нежели из мести за Бога, ибо Господь есть судья праведный и не принуждает никого силой и против воли наложить на себя иго католической веры.

XXXI. Встречались и другие омерзительные преступления среди того громадного сборища людей безумных и легкомысленных, преступления очевидно ненавистные Господу, и верующие не осмелятся даже представить себе, что это могло случиться. Некоторые признавали *гуся* и *козу,* одинаково наделенными даром Духа святого, и брали этих животных руководителями на пути в Иерусалим; им оказывалось почтение, и эти люди, сами подобные животным, оставались в своем заблуждении с совершенным спокойствием души. Да убоятся сердца верующих подумать, что Господь Иисус желает, чтобы Гроб, где лежало его святейшее тело, был посещен бессмысленными глупыми животными, и чтобы эти животные руководили христианскими душами, которые он искупил ценой крови и омыл от нечистоты идолослужения: возносясь на небо, он поставил вожатыми и наставниками своего народа святых епископов и аббатов, людей, достойных Божества, а не грубых скотов, лишенных разума! Не удивительно ли, что в наше новое время встречаются такие ужасы и такой срам среди стольких тысяч человек, на голову которых Господь и обратил наказание? Если во времена Моисея, Иисуса Навина и других служителей Божиих неправда жила посреди праведных, то она была наказана и очищена лозой величия того, кто есть Бог возмездий[1] .

Chron. Hierosolymit. de bello sacro hist. libri XII. 1095–1121. Кн. I.

---

[1] Продолжение см. ниже.

Оттон Фрейзингенский

ВЕНГРИЯ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Автор собственно писал биографию императора Фридриха Барбароссы, но в первой книге, делая исторический очерк предшествовавшего времени, он должен был коснуться Второго крестового похода при Конраде III, в котором он сам участвовал, и потому посвятил всю главу XXXI этой книги описанию Венгрии, через которую крестоносцы шли вместе с автором по дороге в Византию (см. само описание похода ниже).

XXXI. Венгрия, вследствие того, что она со всех сторон замкнута лесами, горами и в особенности Апеннинами, издревле называлась Паннонией; внутри эта страна представляет широкую равнину полей, перерезанную течением больших и малых рек; ее леса населены разнообразными породами диких зверей; по причине же красоты местоположения и богатству лугов Венгрия представляется Божьим раем и может быть названа Египтом. Как я сказал, она изобилует красами природы, но по варварству ее населения в ней редко высятся стены и здания, и сами границы не столько опоясываются горами и лесами, сколько очерчиваются руслами больших рек. На востоке она доходит до Савы, знаменитой реки, впадающей в Дунай; с запада граничит с Болгарией, Моравией и Восточной Маркой тевтонов (Австрией); с юга – с Кроацией, Далмацией, Истрией, или Каринтией, на севере лежат Богемия, Польша и Русь (Rutenia)... Сами венгры имеют злобный вид, ввалившиеся глаза и малы ростом; по нравам же и языку – жестокие варвары, так что справедливо можно обвинять судьбу или удивляться Божескому долготерпению, которое предоставило столь восхитительную страну не скажу людям, но выродкам человеческим. В одном только они подражают грекам, а именно в том, что не предпринимают ничего важного без частых и длинных совещаний. Так как они в городах и селах имеют самые жалкие жилища только из тростника, редко из дерева и весьма редко из камня, то бóльшая часть лета и осени проводится ими в палатках. Когда вельможи сходятся ко двору короля, то каждый приносит с собой свои седалища и все деятельно совещаются о государственных делах; то же самое происходит и зимой в жилищах. Своему государю они повинуются в такой степени, что не только никто не осмелится раздражить его открытым сопротивлением, но даже и тайный ропот считается непозволительным. Государство разделено на 70 и более графств; от судебных дел две трети дохода поступают в казну, а одна треть предоставляется графу; на всем этом огромном пространстве, кроме короля, никто не смеет взимать денег или собирать податей. Если кто-нибудь из графов нанесет самое ничтожное оскорбление королю или будет им обвиняем даже несправедливо, то последний из придворных служителей, посланный королем, идет схватить такого среди его стражи, налагает на него оковы и подвергает всякого рода пыткам. Никаким образом нельзя просить короля, как у нас, чтобы он явился на суд пэров (per pares suos); даже запрещено обвиненному оправдываться; воля короля считается законом. Если король желает выступить в поход, все без малейшего возражения соединяются около него, как один человек. Поселяне (coloni), живущие в селах, когда явится надобность, обязаны доставлять 9 человек из 10 или, по крайней мере, 7 из 8 и снабжать их всем необходимым для войны; другие же остаются для обработки земли. Принадлежащие же к военному сословию только по весьма уважительной причине осмеливаются оставаться дома. В самом королевском войске есть еще наемные воины (hospites), число которых весьма велико и которые называются у них князьями (principes): они охраняют короля. Все они имеют грозный вид и страшно вооружены, за исключением тех, которые родились от них или были ими воспитаны и которые потому уже обладают если не внутренним развитием, то внешним блеском образованности, и только в способе вооружения, равно как и в воинском искусстве, подражают нашим князьям и наемникам. Но довольно об этом и того, что мы сказали (см. продолжение ниже).

De gestis Friderici, I, 31.

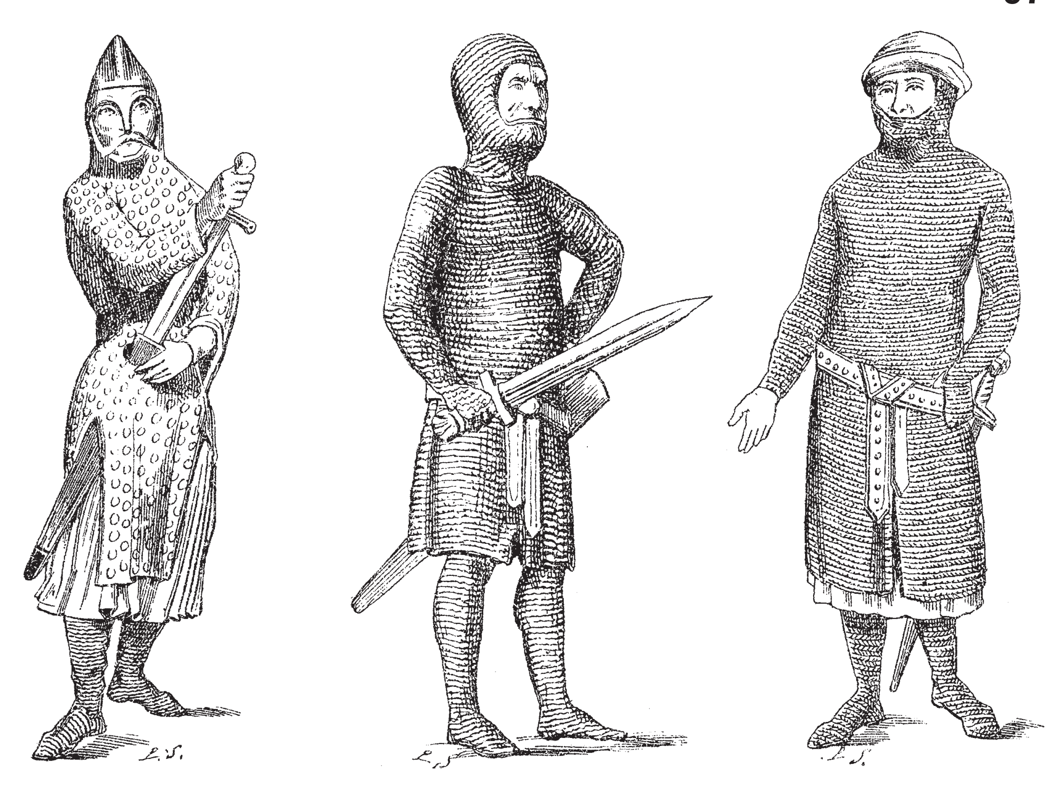
Генрих фон Зибель

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О ПЕТРЕ ПУСТЫННИКЕ (в 1841 г.)

Между тем как князья делали свои приготовления к Первому Крестовому походу, вассалы собирались вокруг них, а рыцари и воины, сюзерены которых не принимали во всем этом участия, обращались к другим вельможам по своему соседству, и в низших классах народа, давно отвыкшего от военного дела, возбужденное однажды движение пошло далее вперед и по недостатку законных путей к своему выходу произвело насильственные взрывы. Состояние сельского населения во Франции было в ту эпоху весьма печально; городское устройство еще только зарождалось и не могло защищаться против притеснений со стороны поземельных собственников, или ленных владельцев. В Германской империи низшие сословия умели улучшить свой быт благодаря целому ряду деятельных правителей (то есть Оттонов в X и Генрихов в XI столетии); но долговременная борьба государства с церковью (при Генрихе IV) снова вызвала величайшую грубость нравов во всех ее частях. Безначалие в Италии и жестокий деспотизм в Англии, обрушившийся более всего на низшие классы населения, повели к тем же результатам, и потому Восток являлся повсюду утешительной надеждой на освобождение. Поселяне стекались толпами, особенно во Франции; выходили на дорогу целыми деревнями, продавали все, что имели, запасались, как могли, оружием и всем необходимым для странствования, и были готовы немедленно отправиться в путь, предпринимаемый именем Господа. Но голод предшествовавшего года истощил совершенно страну, и это было особенно чувствительно для низших классов; они увидели себя вынужденными распродавать свое имущество за самую ничтожную цену: мы читаем, что 12 овец продавались за 7 денариев; то, в чем более нуждались, оружие и т. п. от всеобщего запроса вздорожало, а потому в короткое время и те ограниченные средства, которыми каждый располагал, должны были истощиться. В случае обращения к князьям их принимали дурно, ибо ни у кого не хватало денег прокормить такие огромные массы. Сверх того, эти массы далеко не состояли из людей, способных носить оружие: там находились женщины, дети, беглые монахи и целые толпы ничем не обуздываемого сброда. Чтобы не погибнуть от голода, им следовало безотлагательно вступить в неприятельскую землю, ибо они могли прокормить самих себя только войной.

Между тем эти толпища вовсе не имели в виду примкнуть к благоустроенным армиям, руководимым князьями. Если бы они даже и были хорошо снабжены, то и в таком случае не согласились бы ждать; они

ГЕНРИХ ФОН ЗИБЕЛЬ (HEINRICH VON SYBEL. 1817–1895). Профессор истории в Мюнхенском, а потом в Боннском и Мюнхенском университетах, Генрих фон Зибель принадлежит к числу самых замечательных немецких историков. К капитальным его произведениям относится «Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795» (первое издание 1853 г.). Во время пребывания в Мюнхене Зибель принимал самое деятельное участие в изданиях Исторической комиссии Мюнхенской академии наук, где помещено весьма много его собственных отдельных трудов. Наконец, профессору Зибелю историческая наука обязана единственным и превосходным специальным для нее журналом «Historische Zeitschrift», который выходил с 1859 г. четырьмя книжками в год и содержит в себе, сверх монографии и исследований лучших немецких историков, библиографический указатель всех новых книг в истории, выходивших как в Германии, так и в других странах, с разбором важнейших из них. Сочинение, из которого заимствована сама статья, а именно «История Первого крестового похода», состоит из двух отделов: критика историков и литературы и история и легенды Крестового похода.



Эволюция рыцарского вооружения в XI–XIII вв. Реконструкция Виолле-ле-Дюка по различным памятникам. *Слева направо:* рыцарь – конец XI в.; рыцарь – середина XII в.; рыцарь – начало XIII в.

думали, что стоят на прямой дороге к блаженству в здешнем и будущем мире. Они не считали необходимым откладывать дело в ожидании знати, под властью которой томились до тех пор, и торопились свергнуть с себя иго. Внешний быт того общества побуждал его изменить обычный порядок гражданской жизни, и народ поддавался этому побуждению с каким-то диким восторгом и фанатическим воодушевлением. Все были убеждены, что сам Бог явится их вождем и заступником и рассчитывали на него, а не на светских и им ненавистных предводителей. Воинству Господню надлежало ожидать величайшего счастья на земле; Бог позаботится о них и предаст в их руки богатства неверных и нечестивых. Одним словом, этот народ оторвался от всех светских условий своей родины и даже всеми возможными средствами вступал с ними в борьбу.

Если мы обратимся теперь к исследованию вопроса, как относилась эта аскетическая ревность к Папе или, говоря вообще, к иерархическим стремлениям той эпохи, то мы заметим если не открытую ненависть, то полнейшее равнодушие. Конечно, нет тому фактических выражений, ибо почтительный страх к апостольскому престолу успел уже укорениться, но тем не менее замечателен исторический взгляд того времени на возникновение Крестовых походов, который мог явиться только в ту эпоху и был направлен к тому, чтобы приписать наибольшую часть папского влияния какому-то фанатику, служившему идеалом аскета. Такое направление легенды о Петре Пустыннике – а ее-то именно я и имею теперь в виду – само по себе очевидно; но для доказательства того, что она не может иметь ни малейшего притязания на историческую достоверность, необходимо ближайшее ее

рассмотрение и критический разбор ее источников.

Петр Амьенский Пустынник по преданиям, записанным у Альберта Ахенского и укоренившимся благодаря Вильгельму Тирскому, пользуется славой человека, который вызвал весь Запад к Крестовым походам и своим воодушевлением увлек самого Папу. «Глубоко опечаленный при виде языческого варварства,– так рассказывает Альберт,– он среди молитвы уснул в храме св. Гроба; в это время является перед ним Спаситель в небесном сиянии и говорит ему, слабому и смертному существу: “Петр, дражайший мой сын, восстань, иди к патриарху и возьми от него послание моим именем. Ты должен на родине рассказать о бедствиях св. мест и подвигнуть сердца всех к тому, чтобы они очистили Иерусалим и избавили святых от рук язычников. Ибо врата рая открыты тем, кого я избрал и призвал”. Петр рано проснулся и отправился к патриарху за грамотой. Патриарх вручил ему требуемое, весьма благодарил его, и Петр отправился, переплыл с большими затруднениями море и пришел в Бари; а оттуда в Рим. Там Папа в смирении и радостно выслушал воззвание и пошел в Верчелли, а оттуда в Клермон проповедовать путь Господень. И поднялись все земли и все князья и рыцари целой Франции на освобождение Гроба Господня; 8 марта 1096 г. вступил в могущественное государство Венгрию Вальтер Неимущий, доблестный рыцарь, с великим числом пеших людей и с 8 всадниками; он был первым, предпринявшим путь в Иерусалим».

Мне кажется, нельзя ошибиться в характере этого рассказа, это история чуда, святая легенда, какая когда-либо существовала. Является сам Христос, Спаситель мира, чтобы предписать Крестовый поход; он произносит слово, и дело осуществилось, едва только Петр успел провозгласить это слово. Узнает о том Папа; он говорит другим, и 8 марта без дальнейших размышлений первые крестоносцы уже в Венгрии. Это было делом рук Божиих, исполнителем которого является ничтожный Пустынник; Папа стоит на третьем месте, и то без особенного значения.

Вильгельм Тирский взял на себя труд связать эту легенду с данными исторических источников. Петр задумывает предприятие по личному побуждению; чудесный сон утверждает его в намерении, и вот он у Папы. Урбан тотчас принимает его сторону и берет на себя руководить делом; но прежде чем он оставил Италию, Пустынник проходит все страны и возбуждает сердца. Никто не может противостоять его огненным речам; красноречие Петра воспламеняет мужественных и воодушевляет малодушных; таким образом он сделал уже половину дела, когда прибыл в Клермон Урбан и торжественно провозгласил предприятие. У Вильгельма, мы видим, мистический тон легенды ослаблен; не исключая сна Петра, который также лишен чудесной обстановки, у Вильгельма все идет строго рационально и самым простым человеческим образом. Альберт Ахенский выставляет вперед именно то, что Господь явился слабому и смертному существу; у Вильгельма прославляется живость его духа и необыкновенное красноречие. Альберт переходит прямо от Господних повелений к внешним событиям; Вильгельм наполняет этот пробел пространным рассказом промежуточных событий. Я думаю, что последние можно признать без нарушения истины чистой выдумкой; но прежде чем я попытаюсь изобразить дело на основании источников, нам нужно будет упомянуть о третьей форме предания.

Анна Комнина (см. о ней ниже) рассказывает, что в Палестине находился Пустынник по имени Кукупетр, которого глубоко оскорбляли притеснения турецких властей. Возвратясь, он, отчасти из ненависти к язычникам, а отчасти из страха, пустился в дорогу один, склонил всех к походу и привел в движение Запад. В этом изложении нет ни малейшего следа чуда; о Папе не упоминается вовсе; перед нами Петр, человек весьма впечатлительный сам и одаренный способностью возбуждать других; ему одному приписывают заслугу предприятия или упрек за него (то есть с византийской точки зрения, враждебной крестоносцам). Я не думаю, что такой характер легенды был личным воззрением писательницы; чтобы убедиться в противном, стоит припомнить,

каким образом в Константинополе должны были встретить Петра. Туда явились сначала толпища Вальтера Неимущего, собранные Петром; это были люди особой закваски, среди которых их апостол считался святым, а об участии Папы, быть может, никто ничего и не знал. Если они и слыхали, что Урбан напутствовал пилигримов своим благословением, то тем не менее перед их телесными и духовными очами носился живой образ Пустынника: они провозглашали его славу; он, по их убеждению, возбудил весь мир, и по отношению к своему собственному миру они были совершенно правы. Ими была подготовлена Византия, когда этот прославленный герой явился туда с новыми многочисленными толпами: император потребовал его к себе, узнал, что он из Палестины, а имел ли он видение о том, не могло быть много и речи; Пустынник подтвердил, что он проповедовал во всех землях; о Папе не говорится ни слова – да и к чему, если, быть может, Петр никогда и не видал его, и если он верил, что его миссия проистекает из более высшего источника, нежели каким был оратор Клермонского собора (Урбан II).

Но обратимся к положительным данным, которые могли побудить нас к подобному отрицанию, обратимся к историческим источникам, которые могли бы внушить нам доверие к Петру и его деятельности. Если мы откроем, что исторические писатели того времени и в особенности те, которые жили ближе к его родине, молчат и не приписывают ему славы виновника Крестовых походов, то в таком случае одно это молчание укажет нам на характер господствующего рассказа и на необходимость другой точки отправления. Что же оказывается? Кроме трех вышеупомянутых источников (Альберт Ахенский, Вильгельм Тирский и Анна Комнина), нет ни одного, который жил бы в ту эпоху и в той местности (около Амьеня) и, занимаясь простым изложением событий, знал бы что-нибудь о Петре, посланнике Божием, предтече Папы, возбудившем весь Запад. Северные французы говорят о нем как о проповеднике толпы, подобно тому, как они говорят о Готшальке, Фолькмаре и Эмико. Немцы, англичане и итальянцы не говорят о нем вовсе и едва только упоминают в числе предводителей первых толпищ. Вся его роль в первом Крестовом походе ограничивается следующим: один раз выступает он на сцену действующим лицом, именно при переговорах с Кербогой (под Антиохией), а другой раз является беглецом из лагеря вместе со многими другими, и историки при первом случае не отзываются о нем с особой похвалой и даже не выражают упрека во втором случае. Сам Радульф, нормандский писатель (или Рауль Канский), упоминая в первый раз о Петре, далеко не является его почитателем, а при втором случае забывает назвать его имя вместе с прочими. Есть некоторые известия о его смерти, а именно, что он умер в Гюи, в монастыре, основанном им же самим по своем возвращении; более ни слова: но как же мог бы его соотечественник и современник сообщить это известие в такой форме, если бы рассказ Альберта имел под собой хотя в чем-нибудь историческую почву? Между тем ничего, решительно ничего не сказано по поводу его смерти. Вся эта легенда сообщает нам не факт, но служит только доказательством, какой силой обладало воображение мечтателей той эпохи. То направление, которое господствовало целых 100 лет в кельях отшельников, старалось овладеть всем Крестовым походом и потому поставило во главе его не Папу, но Пустынника.

Geschichte des ersten Kreuzzuges. Düsseld. 1841, с. 236–242.

Вильгельм Тирский

ПОХОД ГОТФРИДА, ГЕРЦОГА ЛОТАРИНГСКОГО, ДО ВЗЯТИЯ НИКЕИ. 1097–1098 гг. (между 1170 и 1184 г.)

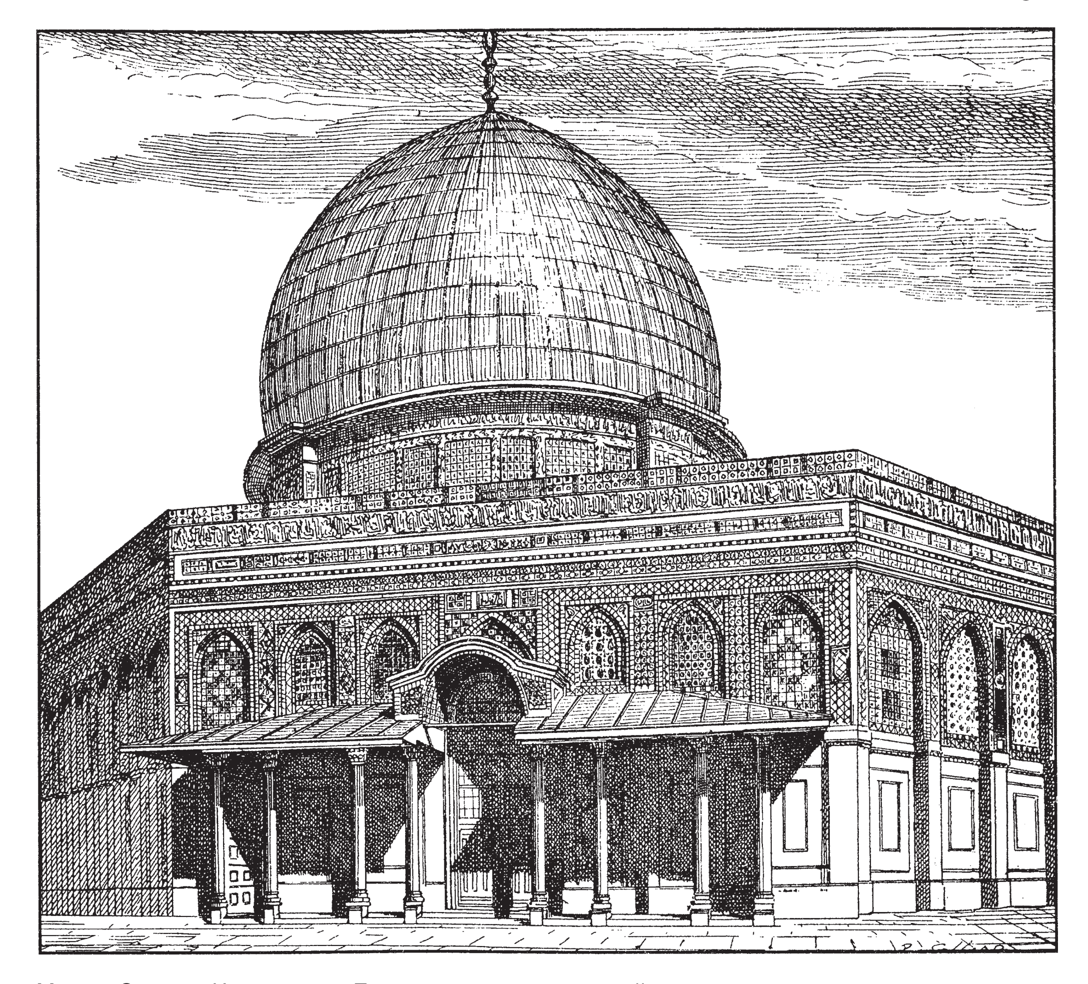
Начинается книга вторая[1]

I. В том же самом году, а именно в год от воплощения Господня 1096-й, в августе, 15-го дня этого месяца, выступил в поход великий и светлейший *Готфрид*, герцог Лотарингии, после того как войско Петра Пустынника удалилось и имело уже печальный конец и после того, как было поражено войско Годескалька, и другие следовавшие за ними толпы испытали в Венгрии своего рода бедствия; собрав своих спутников и снабдившись по обычаю провиантом (sarcinis), герцог пустился в дорогу. В его лагере находились следующие достославные и благороднейшие мужи, достойные вечной памяти: государь (dominus) *Балдуин*, брат герцога с материнской стороны; государь *Балдуин Монтский* (de Montibus, ныне Mons), граф Геннегау (Hamaucorum comes); государь *Гуго*, граф св. Павла (ныне St. Pol) и его сын *Энгельрам*, юноша отличных способностей; государь *Вернер* (Garnerus, нов. Garnier); граф Грэ (Gray); государь *Ренард*, граф Тулский (Toul) и его брат *Петр*; государь *Балдуин* Буржский (Bourg), родственник герцога; государь *Генрих* из Аша (Hache) и его брат *Готфрид*; *Дудо* из Кона (Cons, ныне Конти); *Куно Монтэгю* (de Monte acuto, ныне Montaigu) и многие другие, которых ни имени, ни числа мы не знаем. Все они, составив одну нераздельную дружину, прибыли 20 сентября (1096 г.) здравы и невредимы в страну, называемую Австрией (Osterich), к местечку Толленбургу (у других Massburg или Altenburg, на Дунае, несколько ниже Вены); р. Лейта (Lintax) отделяет там империю от пределов Венгрии. Прибыв туда, они держали совет, каким образом всего безопаснее достигнуть цели, ибо то, что рассказывали о погибели полчищ Годескалька, весьма озабочивало их. Наконец единогласно определили: отправить посольство к королю Венгрии для разузнания настоящих причин, вследствие которых войско предшествовавших им братьев погибло, и заключить, не поминая старых неудовольствий, мирный договор для свободного прохода через Венгрию. Ибо всякая другая дорога при начатом ими пути была бы большим обходом. В посольство назначили Готфрида из Аша, брата Генриха, так как он с давних времен состоял в дружбе с королем Венгрии, а в спутники дали ему нескольких благородных и уважаемых людей. Прибыв к королю и сказав ему должное приветствие, он в силу данного ему поручения сказал следующее:

II. «Великий и светлейший муж! Государь Готфрид, герцог Лотарингии, и все другие богобоязненные князья, посвятившие себя вместе с ним на служение Богу, отправили нас к вашему высочеству (vestram eminentiam), чтобы через нас разведать, по какой причине народ верующих, остатки которого нам попадались на дороге, нашел у вас, причисляемых также к верующим, столь дурной прием, что ему было бы безопаснее идти по неприятельской земле. Была ли вина тех людей столь велика, что они заслужили вполне всю строгость наказания, а в таком случае пославшие меня перенесут равнодушно их погибель, ибо справедливая казнь не раздражает и должна быть вынесена с терпением; случилось ли то иначе, и вы напали и убили без всякой причины невинных, тогда наши не оставят без внимания бедствия служителей Божиих и будут скорее готовы отомстить за кровь своих братьев. Теперь они ждут ответа на мое посольство и сообразно с тем направят свои действия». Король, окруженный своими, говорил на это так: «Мы рады, что ты, Готфрид, с которым мы в дружбе и которому мы давно оказывали по заслугам благоволение, пришел к нам, отчасти потому, что мы можем ныне возобновить нашу дружбу, а также и потому, что мы легко можем оправдаться перед человеком столь

---

[1] См. предыдущее выше.



Мечеть Омара в Иерусалиме. По традиции, закладка этой мечети приписывается праведному халифу Омару (634–644). В действительности построена в 691 г. на месте храма Соломона, над священной скалой, где якобы произошло жертвоприношение Авраама. Купол в 1190 г. перестроен

правдивым, как ты. Без сомнения, мы относим себя, как ты выразился, к числу верующих и стараемся на деле оправдать свое название, но те, которые приходили до вас под предводительством Петра Пустынника и Годескалька и которые завоевывали в пределах нашего королевства крепости и хотели насильственно ворваться в нашу землю, не были христианами ни по своим деяниям, ни по своему имени. Сначала мы приняли дружелюбно Петра и его войско и давали им продовольствие или даром, или за ничтожную цену, но они, как змея в запазухе или как мышь в мешке, дурно заплатили за благодеяние своих гостеприимных хозяев. Ибо на последней границе нашей страны они, вместо благодарности, овладели насильно одним из наших городов, истребили до конца его население и ушли оттуда, как разбойники, вместе с его крупным и мелким скотом. Мы дозволили беспрепятственно пройти по нашей стране и войску Годескалька, как будто бы мы не испытали никаких оскорблений от его предшественников; но когда они не убоялись среди самой страны грабить, чинить насилия жите-

лям, жечь и за всякую безделицу проливать кровь, то и навлекли на себя гнев Господень за свои чрезмерные злодеяния. Мы не могли также терпеть, чтобы наши были утесняемы; мы должны были думать о помощи и защите. А потому, предупрежденные примером прежних толпищ, мы сочли за лучшее, чтобы не пострадать в третий раз от этого ужасного сброда, скорее не допускать в наше государство таких безбожных людей, нежели претерпеть от них зло или быть вынужденным бороться с ними. Все это может достаточно оправдать нас в глазах такого благоразумного и прозорливого мужа, как ты, и, клянусь Богом, мы сказали тебе сущую правду». Он приказал затем угостить послов самым почетным и дружелюбным образом, а сам начал совещаться со своими и назначил людей для сообщения герцогу удовлетворительного ответа. Вместе с прибывшими к нему послами были им отправлены верные люди, а вместе с ними следующий письменный ответ герцогу и князьям: «Мы узнали уже давно по слухам, что ты совершенно заслуженно считаешься у своих великим, знаменитым и славным князем, и в дальних землях умные люди изумляются твоему беспорочному и строгому благочестию и достохвальной твердости твоего характера[1]. А потому и мы, увлеченные славой твоего имени и той благочестивой ревностью, с которой ты действуешь, хотели, несмотря на всю отдаленность, выразить тебе знаки нашего уважения. Но мы уверены, что и благородные твои спутники, воодушевленные той же ревностью, питают одинаковые с тобой благочестивые намерения. Потому мы намерены не упустить случая к услугам, которыми снискиваются друзья, и даже готовы доказать всем братскую привязанность нашими делами. Пользуясь настоящим случаем, мы предлагаем тебе явиться в наш замок Циперон (ныне Oedenburg, у венгров Soprany), чтобы удовлетворить нашему давнишнему желанию побеседовать с тобой и удовлетворить вполне твоим просьбам».

III. Герцог, выслушав посольство короля и посовещавшись со своими, явился в назначенный день на условленное место с 300 рыцарями, выбранными из его дружины. Король вышел навстречу ему на мост и принял его дружественно и весьма почетно. Наконец, высказав друг другу взаимные приветствия, они определили, что герцог выдаст заложников из числа своих благородных людей, получит свободный проход вместе с войском через королевство, старые обиды будут забыты и мир утвержден вполне. Таким образом, король, чтобы иметь более верное ручательство в том, что огромные полчища, допущенные им в государство, не сделают при этом нападения, рассчитывая на свою храбрость и многочисленность, и не произведут беспорядков в Венгрии, потребовал себе заложником брата герцога, государя Балдуина и его жену вместе со свитой. Герцог согласился на это, выдал на известных условиях заложником своего брата и вступил со своей армией в королевство. Король остался верным своим обещаниям и приказал всем провинциям, через которые им надлежало пройти, чтобы они доставляли им припасы по дешевой цене, не обмеривая и не обвешивая, и чтобы за пилигримами следовали постоянно маркитанты с предметами торговли. Герцог же возвестил через глашатаев по всему лагерю и в каждом отряде особенно, чтобы никто под страхом смертной казни и лишения имущества не осмеливался делать насилий, несправедливости или грабить приходящих в лагерь; напротив того, каждый обязан совершать куплю или продажу в мире и братской любви. И по Божественному предвидению случилось так, что при переходе нашей армии через Венгрию никто не был обижен даже словом. Король же следовал рядом с нашей армией, слева, сопровождаемый многочисленными полками и ведя за собой заложников, с тем, чтобы своим присутствием уничтожать могущие возникнуть беспорядки. Наконец, при Малевилле (ныне Землин), они остановились на берегу р. Савы (Savoa), чтобы сделать приготовление к переходу через нее. Так

---

[1] Готфрид, как известно, был сторонником Генриха IV в борьбе его с Григорием VII, собственноручно убил антикороля Рудольфа и при взятии Рима императорскими войсками первый взошел на городские стены.

как для столь многочисленного народа не было достаточного количества судов, то связали плоты; сначала перевезли тысячу тяжеловооруженных рыцарей, чтобы обеспечить противоположный берег от неприятеля и доставить народу, по его переходе, спокойную стоянку. Едва переправились войска и немногие из благородных, как явился король с большой свитой и возвратил государю герцогу государя Балдуина с женой и остальными заложниками, как то было первоначально условлено. Почтив государя герцога и других князей богатыми подарками, он возвратился назад. Герцог же, переправившись с частью князей и народа, который еще оставался на этой стороне реки, расположился лагерем вместе со всем войском перед болгарским городом Белградом. Потом, изготовившись к дальнейшему пути, христиане проникли через большие болгарские леса сначала до Ниссы, а потом до Стралиции (ныне София, по болгарски Триадитца, в Верхней Македонии).

В главах IV и V автор описывает географическое положение и политическое состояние Восточной Римской империи при появлении крестоносцев, когда ею правил (с 1081 г.) Алексей Комнин, «недостойный и коварный человек», затем говорит, как герцог Готфрид двигался далее через Филиппополь и Адрианополь к Константинополю и, узнав о том, что Гуго Великий, брат французского короля Филиппа I, пройдя через Альпы и по Адриатическому морю, прибыл раньше его в Грецию и был отведен пленником в Византию, он вступил в переговоры с Алексеем; не получив удовлетворительного ответа, Готфрид разграбил окрестности Адрианополя и тем вынудил императора выдать пленников; при приближении крестоносцев к стенам Константинополя Гуго Великий, Дрого Нейльский, Вильгельм Карпентарий и Кларембальд из Вандейля были выпущены навстречу герцогу и приняты им радушно.

VI. Но едва они (то есть герцог Готфрид и освобожденные пленники) успели обнять друг друга и отдохнуть в приятельской беседе, как явились к герцогу послы от императора с приглашением отправиться к нему с небольшой свитой. Герцог держал по этому случаю совет и счел за лучшее уклониться от этого свидания. Император, раздраженный этим отказом, запретил всякую торговлю с войсками, сопровождавшими герцога. Но князья, видя, что вследствие того произошел большой недостаток в съестных припасах, решились, по общему приговору, пройти с большими отрядами по окрестностям города во всех направлениях и привели в лагерь такое количество стад и животных, что даже и бедные увидели себя в изобилии. Когда император узнал, что вся страна опустошена огнем и мечом, то возобновил торговые сношения, опасаясь, чтобы не случилось чего-нибудь худшего. В ту пору приблизился торжественный день Рождества Господня (25 декабря 1096 г.), и потому наши князья определили между собой во имя религии воздержаться в течение тех 4 дней от грабежа и всякого насилия. После того как праздники были проведены в мире и тишине, явилось посольство от императора с миролюбивыми предложениями, впрочем, исполненными коварства, а именно, князьям предоставлялось перейти вместе с войсками мост у дворца Влахерны и разместить своих людей в зданиях, которые тянутся по берегу Босфора. Императору было нетрудно склонить князей к принятию подобного предложения, ибо зимнее время сопровождалось большими затруднениями, и дождь лил такой неслыханный, что палатки не могли более выдерживать, и съестные припасы вместе с другим багажом гнили и портились от постоянной сырости. Ни люди, ни вьючный скот, ни другие животные не могли выносить пронзительного холода и беспрерывного проливного дождя; и все это шло, увеличиваясь и превышая всякие силы. Казалось, император почувствовал к ним сожаление, но на деле в мыслях у него было совсем другое: он имел в виду, что в том узком месте войско слишком будет сдавлено, чтобы расходиться по сторонам, и он сам легче сдержит их силой по своему произволу. А чтобы все это было более понятно, я должен вставить несколько слов о положении вышесказанного города (Византии).

Но автор в следующей, VII, главе останавливается долго на описании Черного моря, Геллеспонта и Пропонтиды, объясняя происхождение их названий по древним греческим мифам, и только в конце главы коротко приводит топографию Византии, чтобы объяснить невыгодное

стратегическое положение крестоносцев между стенами и морским берегом; император Алексей, видя невозможность принудить Готфрида к личному свиданию, на этот раз не ограничился запрещением продавать съестные припасы и выслал ночью стрелков, которые издалека перебили многих крестоносцев, ходивших по берегу или смотревших из окошек зданий.

VIII. Когда герцог узнал о том (то есть об избиении своих греками), он созвал князей народа и по общему приговору дал своему брату (Балдуину) поручение поспешно занять вместе с отрядом войска мост, который вел к ним, чтобы им не отрезали пути и не нанесли тем вреда. Балдуин немедленно взял с собой 500 тяжеловооруженных рыцарей и силой овладел тем мостом. Между тем против них выступили враждебно не только те, которые были высланы, но и почти весь город вооружился на них. Наши же, видя, что противники вооружились не с добрым намерением и что все граждане бросились к оружию на погибель им, предали огню все здания, в которых они были помещены, на пространстве 6 или 7 миль, и которые принадлежали частью императору, частью же гражданам. Затем они собрались по трубному звуку из своих квартир и не медля пошли за герцогом, который, построив поспешно ряды войска, потянулся к мосту. Люди более опытные в военном деле особенно опасались того, чтобы неприятель не занял моста, через что они могли бы быть на узком пространстве весьма стеснены; вследствие того там была выставлена поспешно вся конница, прежде чем могли собраться пехотные полки. Но государь Балдуин, брат герцога, как сказано выше, выступил вперед, овладел мостом, несмотря на сопротивление неприятеля, обратил врагов в бегство и обеспечил нашим противоположный берег реки. Тогда переправился через мост и герцог вместе со всем войском и багажом и расположился без всякого затруднения на свободном и широком месте, перед городом. Там завязалась с неприятелем борьба, между церковью св. мучеников Космы и Дамиана – ныне (то есть в конце XII в.) это место называется обыкновенно *замком Боэмунда* – и новым дворцом Влахерной, который построен в углу города, подле ворот; дело кончилось тем, что греки нигде не могли устоять против наших и к вечеру должны были отступить в город. Наши же, мужественно удержав за собой поле битвы, расположились, как победители, лагерем в удобном для себя месте. Вероятно, горожане напали бы снова, и при обоюдном раздражении произошла бы более жестокая схватка и более сильное кровопролитие, если бы наступившая ночь не положила предела борьбе обеих сторон. Тогда только в первый раз обнаружилось несомненным и очевидным образом то намерение, с которым тот вышеупомянутый недостойный император перевел лагерь наших в другое место, а именно: у него было в виду держать их заключенными на узком пространстве и таким образом иметь в своей власти.

IX. С наступлением дня было возвещено народу подняться и вооружиться: одна часть под предводительством известных вождей должна была пойти по окрестностям, чтобы добыть всякого рода съестные припасы, продажу которых запретил император: случится ли то за деньги или силой, так или иначе, они должны забирать крупный и мелкий скот, не щадя запасов с плодами и другими жизненными потребностями; другая же часть осталась с герцогом и другими князьями для защиты лагеря. Так как они по опыту узнали коварство императора и его людей, то и решились принять все меры предосторожности против его козней. Кончилось тем, что отряды, вышедшие на фуражировку в большом числе, как конные, так и пешие, опустошив в течение 6 дней окрестности города на пространстве 60 миль, возвратились в восьмой день с таким множеством съестных припасов, что трудно поверить: с трудом могли они гнать перед собой стада быков и повозки.

X. Пока все это происходило в лагере, к герцогу явился посол от государя Боэмунда (князя Тарентского) и представил ему письмо следующего содержания: «Знай, благороднейший из мужей, что тебе пришлось иметь дело со злейшим зверем и негоднейшим человеком, который решился никогда не быть правдивым и чистосердечным и преследовать до смерти всеми спо-

собами латинский народ (Latinorum nationem). Со временем ты сам убедишься, что мое мнение о нем справедливо. Я же знаю злобу греков и их упорную и непреодолимую ненависть к латинскому имени. А потому, если ты согласен со мной, отступи к Адрианополю и Филиппополю или отведи свое войско, которое вручил тебе Господь, в те богатые страны, чтобы дать ему отдохнуть в изобилии припасов, которое вы там найдете. А я, с Божьей помощью, в начале весны поспешу к тебе, своему государю, и с братской любовью дам совет и окажу содействие против безбожного владетеля греков». Прочтя это письмо и обдумав его содержание, Готфрид, по общему приговору князей, отвечал через посла и также письменно: «Я знаю, возлюбленный брат, и давно уже слышал, что коварные греки преследуют наш народ с непримиримой ненавистью, и если бы я не был достаточно в этом убежден до сих пор, то собственный опыт доказал мне то вполне; я не сомневаюсь в справедливости твоего негодования против них; ты имеешь верный взгляд на их льстивость; но по страху Господню и вследствие своего намерения бороться с неверными я не могу обратить оружия на христианский народ. Прибытия же твоего и других богоспасаемых князей наш возлюбленный Богом народ ожидает с нетерпением».

XI. В это время император со своими приближенными и друзьями находился в величайшем страхе, отчасти потому, что он видел разорение своей страны и слышал жалобы на то и стоны своих людей, отчасти же потому, что до него дошло известие о посольстве государя Боэмунда и о его скором прибытии. Вследствие того он начал снова стараться о свидании с государем герцогом, ибо опасался, что если он не сойдется с ним, а ожидаемые князья придут прежде, чем он склонит герцога на свою сторону, то все они соединятся на его погибель. Потому император старался всеми силами расположить герцога в свою пользу, просил его прийти к нему и, чтобы уничтожить в нем всякое сомнение, предложил ему в заложники своего сына Иоанна Порфирородного. Это предложение было одобрено князьями, и Куно Монтэгю (de Monte acuto) вместе с Балдуином Бургским отправились за сыном императора; поручив своему брату охрану заложника и передав ему войско, Готфрид отправился вместе с прочими князьями в город и обрадовал императора своим давно уже ожидаемым прибытием. Его приняли с большими почестями в собрании знатнейших людей, которые желали видеть того мужа, о котором они так много слышали и отчасти знали по собственному опыту. Также и князья, прибывшие с ним, были приветствуемы императором, соответственно достоинству каждого, и вместе допущены к поцелую мира (ad pacis osculum); император заботливо осведомился о их здоровье и, называя каждого по имени, чтобы тем расположить в свою пользу, был со всеми приветлив и разговорчив. Наконец, приблизившись к герцогу, он говорил ему так: «Наша империя, любезный герцог, знает, что ты могущественнейший в среде своих князей, и ей небезызвестно твое благочестивое предприятие, которое ты взял на себя, воодушевленный достохвальной ревностью о вере; но что еще важнее – о тебе носится далекая слава, что ты – муж твердый характером и чистый верой. Потому ты за свои благородные нравы снискал благосклонность многих, которые тебя никогда не видали в глаза. И мы со своей стороны намерены оказать тебе всю нашу любовь и уважение, и с этой целью определили в присутствии всех вельмож нашего священного двора усыновить тебя и передать тебе нашу империю; да сохранится она тобой неприкосновенно и невредимо вместе с предстоящим и грядущим потомством». Сказав это, он облачил его с известными обрядами, свойственными той стране, в императорские одежды, и усыновил себе; таким образом, с обеих сторон были восстановлены вполне мир и согласие.

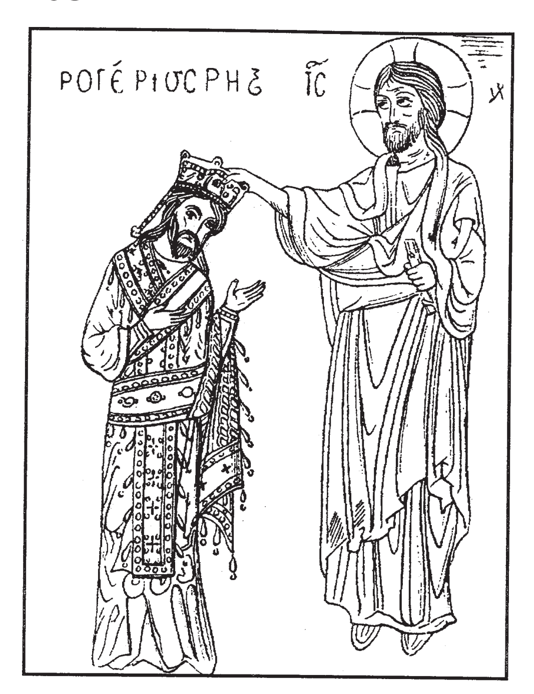
XII. После того император открыл свои сокровища государю герцогу и его спутникам и одарил их щедро золотом, драгоценными камнями, шелком и дорогими сосудами, которые своей работой и материалом превосходили всякую цену, так что они, отягченные дарами, удивлялись и необыкновенному богатству, и щедрости импера-

тора. Но он был щедр к герцогу не только на этот раз, и от праздника Богоявления до Вознесения доставлял ему от двора каждую неделю столько золотой монеты, сколько двое могли снести на плечах, и десять мер медных денариев. Герцог не брал ничего для себя лично и раздавал щедро благородным и народу, сколько, по его мнению, кому было нужно. Выйдя от государя императора, они простились с ним на время и возвратились в лагерь. После того они отпустили к отцу с почетной свитой Иоанна, сына императора, которого держали заложником у себя до возвращения государя герцога. Император же объявил всенародно, что под страхом смертной казни должно быть доставляемо все необходимое войску герцога по дешевой цене и верному весу. И герцог, со своей стороны, запретил через глашатая под страхом смертной казни чинить насилие или неправду кому-либо из людей императора. Таким образом, уживаясь довольно хорошо друг с другом, они продолжали в тишине свои отношения. Наконец, в середине марта (1097 г.), так как начали прибывать другие князья и находились уже вблизи, то герцог по требованию императора и также сообразно желанию народа и благородных сел на приготовленные корабли, перевез свое войско через Геллеспонт в Вифинию – первую азиатскую провинцию, и расположился лагерем в окрестностях Халкедона. Это тот самый город Вифинии, в котором при государе Папе Льве Старшем и императоре Маркиане был созван четвертый Вселенский Собор из 636 отцов против лжеучения монаха Евтихия и александрийского патриарха Диоскура. Это место весьма близко от Константинополя и отделяется одним Босфором; они могли видеть оттуда город (Византию), и кто имел важное дело, тот мог без затруднения три или четыре раза в день отправляться из лагеря в город и обратно. А то, что император побуждал герцога ускорить переправой, происходило не от его религиозной ревности, а по свойственной ему хитрости; именно: он боялся, что войско может усилиться новыми пришельцами, и по той же причине побуждал всякий раз тех, которые являлись после, отправляться поспешно на кораблях, не ожидая следовавших за ними, чтобы таким образом никогда не соединялись перед городом две армии.

В следующих двух главах, XIII и XIV, автор, оставив на время Готфрида и его войско в лагере у Халкедона, обращается к другим крестоносцам и говорит именно, каким образом Боэмунд, князь Тарентский, сын Роберта Гвискара, вместе с Танкредом, своим племянником, и другими итальянскими и галльскими владетелями, сделал переход через Адриатику в Дураццо и оттуда через Эпир и Македонию прибыл в Константинополь; при этом автор приводит примеры нового коварства Алексея, который в одно и то же время пишет самые лестные письма Боэмунду, приглашая его к себе, и приказывает своим войскам тайно нападать на крестоносцев и истреблять их; при р. Вардаре греки напали на отставших, но были разбиты; однако Боэмунд, не уступавший в хитрости Алексею, не обращал на то внимания, скрыл свое неудовольствие и поспешил к императору, показывая вид, что он торопится воспользоваться дружеским его приглашением.

XV. Пройдя всю Македонию и Иллирию, Боэмунд спешил далее, но потихоньку, и таким образом стал приближаться к городу (Константинополю). Когда он прибыл туда, был уже четверг перед Пасхой (в апреле 1097 г.) и император снова просил его через послов отправиться к нему в город без войска, в сопровождении одних приближенных. Опасаясь коварной злобы императора, он стоял долгое время и колебался принять приглашение. Пока он находился в такой нерешимости, явился к нему в сопровождении блестящей свиты князей знаменитый муж герцог Готфрид, которого настоятельно просил император пойти навстречу Боэмунду и привести его к себе, чтобы тот ничего не мог опасаться. Обнявшись и искренне облобызав друг друга, они дружески беседовали и расспрашивали взаимно о том и другом; наконец герцог посоветовал Боэмунду воспользоваться приглашением императора. Сначала Боэмунд упрямился и не хотел слышать никаких убеждений герцога, но после уступил благородным речам герцога и отправился доверчиво в его сопровождении к императору. Император облобызал его в знак мира и показал ему все знаки любви и почета; потом они дружески беседовали, и тогда

Воины армии Саладина XI–XII вв.



Христос, благословляющий Рожера II, короля Сицилии (1129–1154). С мозаики в церкви Санта-Мария дель Аммирале (Палермо)

Боэмунд, как говорят, сделался вассалом (homo) императора, протянув руку в знак верности и дав клятву телом (juramento praestito corporaliter), как то делают вассалы (fideles) по отношению к своим сюзеренам (dominis suis). Вслед за этим ему были поднесены из императорской казны подарки золотом, одеждами, сосудами и драгоценными камнями, которые по своему блеску и стоимости были несравненны. Пока таким образом улаживалось дело и Боэмунд оставался во дворце, Танкред, муж, достойный хвалы во всех отношениях, его племянник по сестре, избегавший всеми мерами свидания с императором, переправился со всем войском в Вифинию и стал лагерем по ту сторону Босфора, в окрестностях Халкедона, где уже давно находилось войско государя герцога, в ожидании следовавших за ним. Когда император узнал, что государь Танкред отклонил таким образом свидание с ним, то он весьма огорчился, но, как умный человек, скрыл свое неудовольствие и отпустил князей, бывших у него, на другую сторону Босфора, в их лагерь, с великими почестями и богатыми дарами, что было потом повторено несколько раз. Там соединились обе армии и дружелюбно стали в виду Константинополя, поджидая прибытия других князей, чтобы продолжать поход вместе. Народу же доставлялось все необходимое не только в достаточном количестве, но даже в изобилии, как из императорского города, так и из окрестностей.

В главе XVI автор возвращается к Роберту Фландрскому и описывает его путь, повторяя то же самое, что он сказал о Боэмунде, потому что Роберт шел по тем же странам, точно так же дал присягу императору и затем немедленно переправился через Босфор, где и соединился с первыми двумя армиями. Затем автор обращается к четвертой армии и говорит, что вслед за Робертом прибыл посол, известивший о прибытии в Константинополь Раймунда, графа Тулузского, и Адемара, епископа г. Пюи, который был вместе с тем наместником Папы и его представителем в Первом крестовом походе. Описав в следующих двух главах, XVII и XVIII, их путь через Ломбардию, Истрию и Далматию до Дураццо и оттуда через Эпир и Македонию до приморского города на Геллеспонте, Родосто, вблизи Константинополя, автор рассказывает, как туда прибыло посольство от императора и князей с просьбой к Раймунду оставить армию в Родосто и идти немедленно одному на свидание с императором.

XIX. Граф (Тулузский), уступая как настояниям императора, так и представлениям князей, которые убеждали его не медлить, поручил свое войско заботам епископов и других благородных людей, находившихся в лагере, и отправился в сопровождении немногих в Константинополь, где он и представился императору после многих приглашений, сопутствуемый императорскими послами, которые ему предшествовали. Там его встретил сам император и вельможи, окружавшие его, самым почетным образом, выражая ему свою дружбу и расположение. Император старался всяческой лестью склонить его, подобно предшественникам, дать ему клятву в верности, но граф упорствовал с твердостью. Пока все это происходило в Константинополе, император с досады, что граф не хочет, как другие, сделаться его вассалом, тайно прика-

зал напасть с быстротой на войско графа и причинить ему как можно более зла; было предписано не щадить их и нанести им сильное поражение. Император решился на то в уверенности, что все другие князья присягнули ему на верность и также потому, что войска их были по ту сторону моря и нелегко могли бы возвратиться назад: а именно – все корабли, которые пристали к другому берегу с товарами или на которых перевозили войска, должны были немедленно удалиться, так чтобы там не стояло в запасе кораблей, и они тщетно желали бы вернуться. Вот почему император старался всегда льстивыми и коварными убеждениями склонять князей к тому, чтобы они являлись в Константинополь поодиночке, а не соединенными силами. Как я уже заметил, прибытие наших вообще было для него подозрительно, а всего более он опасался, чтобы они не сошлись все вместе. Если он оказал такую щедрость князьям, то, конечно, не из великодушия и не из любви к ним, а вследствие отчаянного страха и коварных козней. Наших же, при их простоте и незлобии, трудно было убедить в злобе греков и в хитрости и коварстве их недостойного императора, главным образом потому, что он оказывал в отношении их так много щедрости и льстивой дружбы.

XX. Между тем сотники, пятидесятники и отрядные (centuriones, quinquagenarii et numeris militaribus praepositi), получив приказание императора, изготовили свои полки и, приводя в исполнение данное им предписание, напали тайно ночью на лагерь графа. При неожиданности их появления им было легко избить большую часть войска, и затем последовало постыдное бегство и бесстыдное поражение, прежде чем люди успели проснуться и схватиться за оружие. Но наконец по призыву благоразумных они опомнились, собрались с духом и нанесли большое поражение воровским клевретам императора. Хотя наши и мужественно отстояли себя, но затруднительности похода, которые им пришлось преодолеть, и беспрерывные нападения, направляемые на них ежедневно, до того утомили их, что они начали раскаиваться в предпринятом походе и все более и более охлаждались к начатому им подвигу. Тяжкие труды, понесенные ими, произвели в них такое отвращение к самому предприятию, что многие, не только из простого народа, но и из высших лиц, выражали сомнение относительно успеха в будущем и, несмотря на свои обеты, хотели возвратиться назад. Только убеждения епископов и духовенства воспламенили их и склонили настаивать на предпринятом, не оставлять войска и не возвращаться на родину, что также было небезопасно. Граф, получив о том известие, был глубоко смущен; жалуясь на измену, он приказал через послов, отправленных к императору, выразить ему упрек за такое коварство, противное всяким добрым нравам, и объяснить ему, что он вооружил своей людей против его войска в то время, когда граф, сообразно его желаниям и вследствие неоднократных приглашений, послушно находился у него. Он дал знать и князьям, по просьбе и по желанию которых он отправился впереди своего войска, о несчастии, испытанном его людьми, и о явных кознях императора, прося их, как братьев, о мести. Если бы у графа было столько же силы, сколько пламенного желания отомстить за своих, то его не удержали бы такие угрозы и никакое посредничество князей. Он считался человеком отважным и именно таким, который никогда не забывал обиды и настаивал на своем. Император, раскаиваясь в своем поступке и видя, что он далеко зашел, пригласил к себе государя герцога, государя Боэмунда и государя графа Фландрского, которые находились на том берегу при своих войсках, желая при их посредничестве примириться с графом. Они явились на его зов и, сознавая, что было не время мстить, хотя и осуждали все происшедшее, взялись идти к государю графу и уговорить его оставить без внимания нанесенное ему оскорбление, которое они считали общим; они указывали на то, что месть отнимет много времени и замедлит их следование по пути Господню. Наконец благочестивым речам князей удалось укротить раздраженного графа, так как он был человек рассудительный; он последовал совету князей и отдался в их распоряжение. Они пришли к императору и единогласно выразили ему свое неудовольствие на

случившееся. Император, видя их негодование и твердость взаимного союза, согласился в присутствии графа, других посторонних и всего своего двора просить извинения и клялся, и заверял, что все то произошло не только без его повеления, но и без его ведома, и что он готов, несмотря на свою невинность, дать графу удовлетворение. Так, со дня на день становилось нашим очевиднее коварство греков и вероломство императора; всем князьям сделалось ясно, как солнце, что он преследует ненавистью наш народ и озлоблен против всех латин. Но так как их стремления были направлены на другое и они имели в виду богоугодное дело, то они полагали лучше не обращать внимания на оскорбления, нанесенные им, нежели оставить свое благочестивое предприятие или затруднить начатое дело.

XXI. Таким образом, граф по совету князей снова примирился с императором и дал ему клятву в верности того же содержания, как и другие князья; вследствие того он возвратил себе опять расположение императора и был щедро оделен им огромными подарками, которых нельзя ни перечесть, ни измерить. И другие князья получили при этом снова подарки, потом простились и вернулись за Геллеспонт назад к своим войскам; графа же они особенно просили последовать за ними, ни мало не медля. Между тем прибыло в Константинополь войско графа и по его приказанию неотлагательно переехало в Вифинию, где и соединилось с прочими. Граф оставался по личным делам еще несколько дней в городе и, как человек рассудительный, деятельно старался как о собственном, так и об общественном благе. А именно, он, сообразно с волей князей, усиливался склонить императора, как то делали и другие до него, дать обещание присоединиться к походу и взять на себя достоинство *герцога* и *правителя* (dux et moderator) Господней армии. Но император, убеждаемый не раз каждым из наших князей, и в особенности государем графом Тулузским, принять достоинство герцога и правителя Господней армии и сделаться главой народов, посвятивших себя служению Богу, отказывался от того, говоря, что ему предстоит защищать свое государство от жестоких врагов, болгаров, куманов и пинценатов (то есть печенегов), которые при всяком случае врываются в пределы его государства и нарушают спокойствие. А потому, хотя он и имеет желание принять участие в таком пилигримстве и в наградах будущей жизни, но он не может отложить заботы о своем государстве и допустить своих враждебных соседей причинять ему зло. Но все, что он говорил, было коварством и злоумышлением: он искал только предлога к тому, чтобы лишить наших своей помощи, так как он завидовал их успеху и делал им на пути всевозможные препятствия. Между тем государь Готфрид, государь Боэмунд и государь граф Роберт Фландрский вместе с епископом Пюи, переплыв море и собрав обоз, приготовились в поход и определили идти пешком к Никее, чтобы там ожидать следовавших за ними. Когда они после целого дня пути прибыли к Никополису, главному городу провинции Вифинии, к ним вышел навстречу достопочтенный пастырь Петр Пустынник из ближайших местечек, где он спасался от суровости зимы с немногими уцелевшими из его дружины, приветствовал князей и присоединился к ним. Принятый всеми дружелюбно, на вопросы об участи своих он изложил им все по порядку и рассказал, что следовавшие за ним люди были упрямым, безверным и непокорным народом и что их несчастье главным образом должно быть приписываемо им самим. Князья приняли большое участие в нем и, сострадая несчастью его людей, оказали ему и его дружине большую щедрость. Когда, таким образом, армия увеличилась и число ее, благодаря Богу, возросло от присоединившихся отрядов, наши двинулись вперед, не торопясь, и подошли к Никее. Там они раскинули кольцеобразно лагерь, оставив место для князей, которые должны были прийти, и начали осаду города в 15-й день мая (1097 г.). Граф же Тулузский, устроив свои дела в Константинополе, простился с императором, оделившим его снова с необыкновенной щедростью, и с быстротой поспешил к вышеупомянутому городу, ведя за собой своих, которых он удержал при себе.

В главе XXII автор, оставив крестоносцев под Никеей, возвращается к пятой и последней армии, которая шла позади всех под начальством Роберта, графа Нормандии, и где находились Стефан Блоа из Шартра, Евстафий, брат Готфрида, Рожер из Барневиля, Конан Бретанский и многие другие. Они вышли осенью 1096 г. вместе с Робертом Фландрским и Гуго Великим, но, опасаясь зимы, отстали от них и перезимовали в Южной Италии; весной 1097 г. Роберт Нормандский переплыл с армией в Дураццо и известной дорогой прибыл в Константинополь, дал также присягу императору и немедленно переправился в Никею, куда и прибыл к началу осады. В заключение первой книги автор говорит о мерах, принятых императором для наблюдения за армией крестоносцев.

XXIII. К лагерю присоединился некто грек по имени *Танин* (у Анны Комниной: Татикий; у других латинских писателей – Татин), доверенное лицо императора, низкий и вероломный человек, у которого в знак его подлости были вырваны ноздри. На просьбы наших дать им для верности проводника, император назначил его путеводителем и спутником (dux itineris et comes futurus). Он был избран потому, что должен был хорошо знать местность, и император вполне рассчитывал на его коварство и хитрость. Танин присоединился к князьям вместе с отрядом из своих для того, чтобы, как говорится, «гусь шипел между лебедей и проклятая ехидна среди угрей». О всем, что делалось в лагере и что каждый сказал, он доносил императору, сопровождая то превратными толкованиями, и от него через вестников получал весьма часто коварные инструкции.

Там, при Никее, в первый раз из отрядов, которые шли различными путями в разное время и под предводительством различных князей, составилась одна армия Бога живого, собравшаяся с разных концов и сложившаяся в одно целое. Со времени оставления родины боголюбивые князья и вожди войска встретились в первый раз в лагере при вышеупомянутом городе; до того же они не видались друг с другом и никогда не совещались об общем деле. При поверке числа войск оказалось, что армия состояла из 600 тысяч пеших людей обоего пола и из 100 тысяч тяжеловооруженных всадников. Все они, расположившись при вышеупомянутом городе (Никее), изо всех сил старались овладеть им, посвящая благочестиво Господу первый плод своих трудов.

Кончается книга вторая.

Начинается книга третья

В первых шести *главах третьей книги автор говорит о Вселенских Соборах, бывших в городе Никее, о его положении, а именно: Никея была окружена с трех сторон горными лесами и болотами, и с запада ее стены омывались непосредственно водами большого озера; далее автор рассказывает о приготовлениях владетеля города Солимана (то есть Килидж Арслана) к защите, как он, собрав в Персии армию, напал на осаждавших, но был разбит; как крестоносцы, построив осадные орудия, начали громить стены города и какие происходили при этом отдельные стычки, кто был убит и каким образом; но все усилия крестоносцев были напрасны, потому что озеро оставалось свободным и осажденные легко получали съестные припасы и все необходимое.*

VII. Тогда наши возлюбленные Богом князья собрались и вместе совещались относительно вопроса, как бы лучше помочь этому злу (то есть сообщению осажденных с Солиманом по озеру), и нашли необходимым отправить большую часть войска с несколькими конными отрядами к морскому берегу (то есть Геллеспонту) и при помощи телег или передков и других средств перетащить в озеро суда целиком или по частям; без того, полагали они, при всех их усилиях, трудах и расходах, их предприятие им не удастся. Прибыв к морю, посланные нашли, при помощи Господа, который руководил их путями в своем милосердии, суда средней величины. Император уступил их без затруднений, и они, вытащив суда на берег, связали три-четыре телеги, как того требовала длина судов, положили их сверху и в одну ночь благополучно перетащили, на пространстве семи или более миль, в вышеупомянутое озеро, при этом тащили все – и люди, и лошади. Христианское войско было чрезвычайно обрадовано, когда привезенные суда были спущены на воду; предводители сбежались все на берег и созвали туда как людей, которые знали как управлять веслами и кораблем, так и тех,

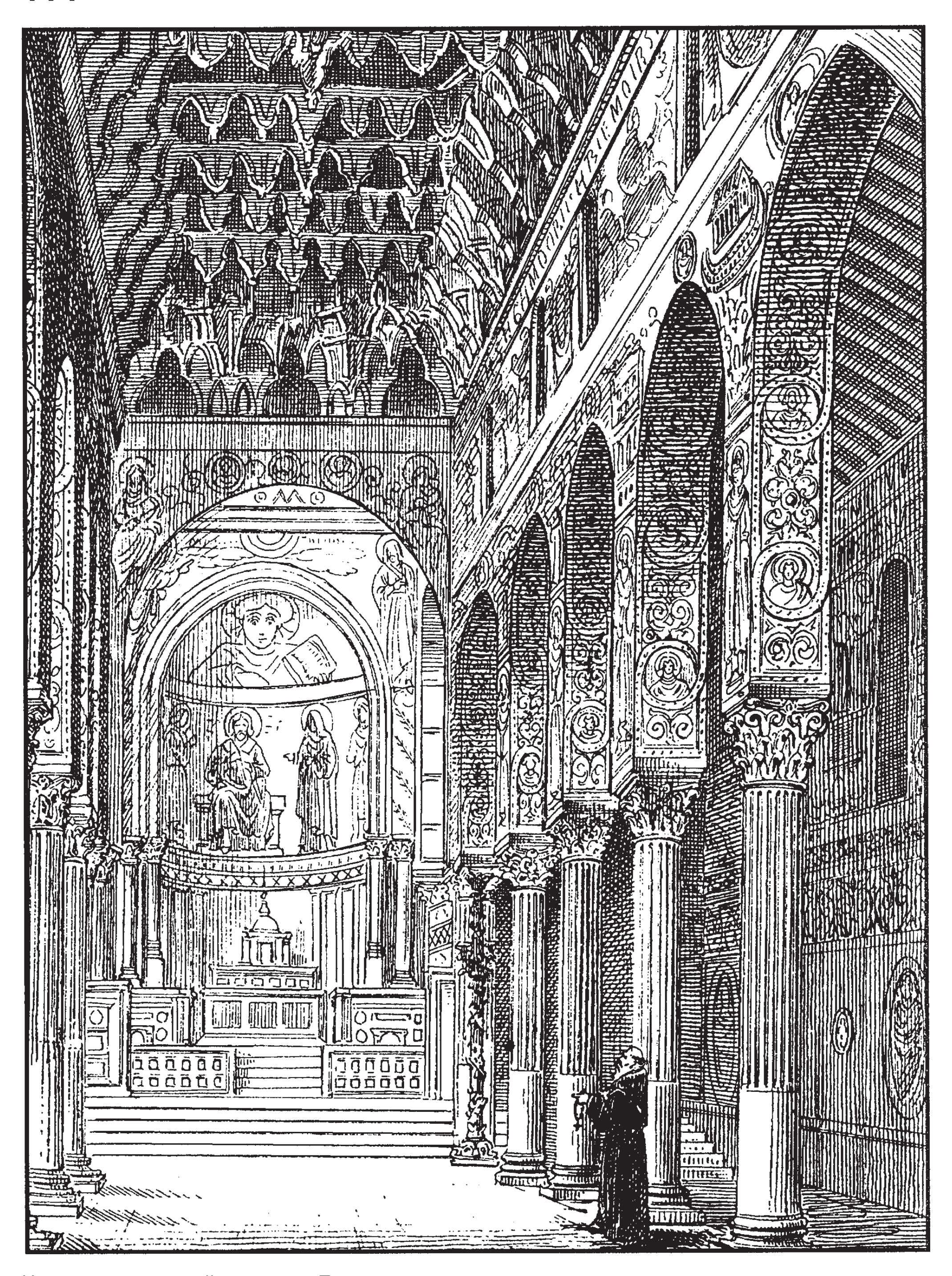
которые искусно владели оружием и отличались мужеством, и вследствие того все были уверены, что с Божьей помощью можно будет в непродолжительном времени овладеть городом. Жители же города, увидев на озере количество судов больше обыкновенного, удивлялись и не знали, враг ли это или свои спешат к ним на помощь. Но узнав наконец, что наши притащили суда волоком с моря и спустили в озеро, они изумились и их уму, и их силе, с которой они осуществили дело отчаянное и почти невозможное.

VIII. Когда таким образом жителям города преградили плавание по озеру, было всенародно объявлено и через глашатаев возвещено, чтобы все отряды, под чьим бы начальством они ни находились в ту минуту, изготовились мужественно к приступу и чтобы они стеснили жителей, насколько то возможно, действуя с большой настойчивостью, нежели как они действовали до сих пор. Каждый князь убеждал свои полки и вел их на приступ отлично вооруженными; потому нападение на этот раз было сильнее всех предыдущих. Они действовали отважно и машинами: одни старались подкопать стены, другие хотели потрясти их и пускали в них огромные камни. С южной стороны, откуда вел осаду государь граф Тулузский, находилась башня, самая высокая и толстая из всех; вблизи ее помещалось жилище жены упомянутого Солимана; уже несколько дней граф употреблял все усилия к овладению этой башней, но тщетно. Он поставил против нее две метательные машины, которые работали беспрерывно; но стены были так крепки, что ему не удалось отбить ни одного камня. Он удвоил потому метательные орудия, чтобы не быть вынужденным отказаться от предприятия, приказал бросать в большом количестве камни и обломки скал необыкновенной твердости, так что стена дала трещину и камни начали от ударов обсыпаться. Когда войско заметило это, все бросились через ров, воодушевляя друг друга, и стали перед самой стеной с тем, чтобы или разрушить башню, или по крайней мере сделать брешь (perforare). Жители же города, увидев, что башне угрожает падение, наполнили ее внутри камнями и цементом, на случай, если от подкопов или метательных машин обрушится башня, то можно будет вместо старого противопоставить осаждающему неприятелю новое укрепление. Тогда наши под прикрытием прочной осадной кровли (sud testudine), которую они с большими усилиями поднесли к самой стене, начали усердно подкапывать башню. И наконец им удалось после тяжкого труда пробить железными орудиями такое отверстие, что два вооруженных человека могли войти рядом. Жители города дали единодушно отпор устремившемуся с жаром неприятелю, противопоставляя хитрость хитрости, силу силе, и старались всяческим оружием – луками, метательными машинами, пращами – отбить противников назад и защититься от их нападения.

IX. Между защитниками стен находился один воин, который был ненавистнее других и отличался между всеми ростом и силой; он произвел своим луком страшное опустошение в наших рядах. Он до того возгордился своим продолжительным счастьем, что смеялся и ругался над нашими, называя их презренными и упрекая в трусости. Этот человек свирепствовал на той части стены, которая была предметом нападения государя герцога и его людей: государь Готфрид не мог долго переносить того, выискал удобное место, взял пращ, прицелился в лжеца и поразил его так, что он пал замертво, справедливо поплатившись за все зло, которое он причинил нашим. Вследствие того его товарищи, одушевленные его примером и мужественно сопротивлявшиеся, были испуганы до того, что сделались воздержаннее и на свои стрелы, и на свою брань. Но другие, находившиеся в других частях города и отчаянно защищавшиеся, не знали ничего о том, и с высоты своих стен и башен, где им удобно было укрываться, переранили и убили многих из наших, лили на наши машины смолу, масло, жир и другие горючие вещества и, бросая потом зажженные факелы, разрушили большую их часть там, где наши не подумали о хорошем их прикрытии. Но те из наших, которые были заняты вышеупомянутой башней, ревностно продолжали свои усилия; видя,

однако, что вчерашний их подкоп в ближайшую ночь уничтожался, они начали охладевать и убедились, что им не будет удачи. Когда они хотели уже совсем отказаться от своего предприятия, в это время явился благородный и мужественный рыцарь из войска графа Нормандского; в шлеме и панцире, прикрытый щитом, идет он за вал, желая своим примером воодушевить других, с целью разрушить стену, которую горожане поставили ночью, и снова пробить брешь, которую наши сделали вчера. Но так как неприятель отчаянно защищался, стоя на стенах, то никто не осмелился помочь ему, и он не мог выполнить своего намерения; у самой стены перед глазами наших, которые не могли ему помочь, он был раздавлен массой камней, которыми забросали его. Железными крюками стащили они его бездыханное тело к себе наверх и бросили вниз за стеной, чтобы их люди могли надругаться над ним, и потом выкинули к нам назад без шлема и без панциря. Похоронив его с надлежащими почестями, народ оплакал его; его мужество было превозносимо, и все говорили, что смерть его есть заслуга перед очами Господа и что дух его без сомнения приобщится к душам избранных; ибо, как я сказал выше, все были одинаково убеждены, что павшие подобным образом в битве наследуют жизнь вечную и прославятся светом святых.

X. Между тем вожди нашего войска сделали обычное собрание; видя, что им ничего не удается, что они даром теряют труды и усилия, они совещались друг с другом, что предпринять в этой крайности, и в то время, когда они были заняты и весьма озабочены, явился к ним какой-то лангобард (то есть житель Северной Италии), который говорил, что он видел, как было пристыжено все остроумие мастеров и как все их усилия оставались бесплодными; он между тем знаком с осадным искусством, и если ему дадут из общественной казны необходимую и достаточную сумму для исполнения своего замысла, то при помощи Божьей он опрокинет ту башню в несколько дней, не причинив нашим никакого вреда, и сделает такую широкую брешь, что всякий, кому угодно, будет в состоянии пройти. Когда ему из общественной казны даны были достаточные средства и сверх того обеспечено вознаграждение за труд, также доставлены и все требуемые материалы, он построил машину изумительного искусства. Помещавшиеся в этой машине могли безопасно, при всем противодействии неприятеля, приблизиться к стене, а те, которые были скрыты внизу, имели возможность, не опасаясь ничего, вести подкоп, и произведенный опыт доказал то вполне. Когда по его плану машина была вполне отстроена, он вместе с отважными и тяжеловооруженными людьми, которые запаслись железными орудиями для подкопа стены, сел внутрь и превосходно и весьма ловко подкатил ее вместе с рабочими через вал к самой стене. Жители города с прежним рвением начали бросать вниз камни и огонь, но так как все это скатывалось по причине крутизны кровли и покатости стен и не причиняло вреда находившимся в машине, то они стали сомневаться в действенности обыкновенных средств и изумились как крепости сооружения, которое они не могли разрушить, так и уму художника, который построил машину. Те же, которые были скрыты под осадной кровлей, работали в полной безопасности от неприятеля и изо всех сил старались пробить стену и опрокинуть башню; выбив камень, они вставляли на его место дерево, чтобы при подрытии нижней части стены не обрушилась верхняя и не раздавила машины, которая не могла бы вынести такой тяжести и силы падения. Таким образом, они подрылись под башню настолько, насколько то было нужно, чтобы опрокинуть ее, приделали подставы, которые должны были на время поддерживать башню, подложили огня и горючих материалов и, оставив с поспешностью машину, удалились к своим. Так и случилось, что почти в полночь, когда подставы сгорели и обратились в пепел, башня повалилась с таким шумом, что в самых отдаленных местах пришли в ужас и великий страх; как бывает то при землетрясении. Наше же войско, пробудившись от треска, бросилось к оружию и приготовилось, как бы идя брать город приступом.



Интерьер дворцовой часовни в Палермо

XI. Жена Солимана, переносившая до того времени с твердостью все тяжести, которым подвергается осажденный город, была, по свойству женщины, до того испугана падением башни, что с семейством и рабынями тайно оставила город и хотела удалиться в безопасное место. Но те из наших, которые стояли на озере на кораблях, наблюдая за тем, чтобы жители не могли ни войти, ни выйти, заметили при своем внимании бежавших и захватили их в плен. Пленная вместе с двумя еще весьма малолетними сыновьями была отведена к князьям и отдана вместе с другими пленными под крепкий присмотр. Сделанный пролом и плен столь важного лица привели жителей в такое замешательство, что у них пропало всякое доверие к собственным силам; они отправили посольство и просили у князей перемирия для того, чтобы начать переговоры о сдаче. Но Танин, о котором мы говорили выше, как человек хитрый, предвидел, что сделают жители, потеряв надежду на защиту, и потому, вступив в переговоры с важнейшими гражданами, убеждал их сделать честь императору и сдаться ему. Это войско пилигримов, говорил он, спешит с другим предприятием и осадило город не по намерению, составленному заранее, но случайно и мимоходом; императора же они имеют всегда вблизи, и от его милосердия они должны ожидать всего и на все надеяться. А потому им лучше предпочесть императора этим невежественным и варварским людям и предаться в его руки, чего им избежать нельзя; и таким образом город, недавно отнятый турками несправедливо у императора, при их помощи снова возвратится в его законную власть. Такими и подобными увещаниями он уговорил собрание сдать императору город, себя и все свое имущество, под условием личной неприкосновенности. И наши князья согласились на то, ибо их помыслы направлялись к другому; они не хотели там оставаться, и притом надеялись, что по договору город будет отдан вполне на добычу войску в вознаграждение за понесенные труды и лишения. Между тем наши братья, которых взял в плен столько Солиман при Цивитоте (Кибет), где он разбил войско Петра Пустынника, частью же гражданами Никеи во время осады, должны были быть выданы нашему войску до начала переговоров о мире, и до того наши не хотели ничего слышать. Потом по определению князей и с согласия народа были отправлены послы к императору со следующим предложением: «Князья и христианское войско, подвизавшееся верно при осаде Никеи из любви к имени Христа, с Божьей помощью и ревностными усилиями овладели городом. Мы просим потому твою светлость и убеждаем всеми средствами послать сюда, не откладывая, кого-нибудь из твоих князей с достаточным войском, чтобы вступить во владение городом от твоего имени и принять множество пленных. Мы же, сдав город в руки твоего высочества, намерены с Божьей помощью продолжать предпринятый нами путь».

XII. Император, обрадованный тем, послал несколько доверенных лиц, на верность и усердие которых можно было положиться, вместе с огромным войском в ту страну, чтобы принять город и немедленно укрепить его, а имущество пленных, золото, серебро и все прочее присвоить себе. Князьям же он отправил каждому отдельно большие подарки и письменно, и словесно выражал им похвалу и великую благодарность за их благородную услугу, вследствие которой его государство получило такое приращение. Но народ и менее важные лица (secundae manus homines), которые столь много трудились при осаде в надежде вознаградить свою потерю добычей, отобранной у пленных жителей, и различным имуществом, которое окажется в городе, видя, как император несправедливо ценит их труд и забирает в свою пользу и в пользу казны все, что по договору составляет общее достояние, чувствовали себя обиженными до того, что раскаивались в своих усилиях и бесполезно понесенных ими тратах. Князья также настаивали на том, что император действует злонамеренно в противность смыслу договора. А именно между прочими статьями договора, заключенного с императором, стояло следующее условие: «Если удастся им с Божьей помощью овладеть одним из городов, принадлежавших прежде империи, по всей их дороге до Си-

рии, то такой город с прилежащей областью должен быть возвращен императору, и вся добыча и прочее имущество жителей отданы без всяких препятствий войску в виде награды за его труды и как уплата за издержки». Хотя нашим не стоило бы никакого труда выгнать людей императора из города и с пустыми руками отправить к своему государю и хотя они были вправе действовать так, ибо несправедливо хранить верность тому, кто поступает в противность договорам, но при всем том, имея перед собой страх Господень и спеша к более важному, они скрыли свое неудовольствие, успокоили раздраженный народ благородными речами и склонили его приготовиться к дальнейшим предприятиям. Посланные же греки вошли в город, отобрали оружие у граждан и, когда сдача кончилась, явились в лагерь к князьям и просили пощадить жизнь граждан и оставить их неприкосновенными, так как они возвратили город государю императору и склонили выю под его власть. Так взят был город и для защиты его поставили в нем значительный гарнизон; жена же Солимана с обоими детьми и множеством пленных была отправлена в Константинополь, где она была не только милостиво принята, но и великодушно содержима; через несколько дней ей дали свободу. Это последнее император сделал для того, чтобы выиграть расположение турок и вместе своими благодеяниями вооружить их против наших; сверх того он имел в виду, чтобы и другие города в случае такой же осады не боялись сдаваться подобным же образом.

Таким образом, город Никея был взят в год от воплощения Господня 1097-й, в 20-й день июня. Князья же по окончании осады дали войску приказ, чтобы оно, приготовив обоз, выступило 29 июня (1097 г.) в дальнейший поход.

Последние главы третьей книги, от XIII до XXV, и все остальные книги, четвертая – седьмая, составляют описание дальнейшего пути крестоносцев от Никеи через Малую Азию и Сирию до самого Иерусалима, куда они прибыли два года спустя, 7 июня 1099 г. Сама осада Иерусалима составляет содержание восьмой книги, см. ниже.

Belli sacri historia, libri XXIII. Кн. II и III.

Анна Комнина

СВИДАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСЕЯ КОМНИНА С БОЭМУНДОМ ТАРЕНТСКИМ. 1096 г. (около 1140 г.)

О ДЕЯНИЯХ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСЕЯ КОМНИНА, *дочери его Анны Порфирородной,* *или* АЛЕКСИАДА

Пролог

1. Время, как стремительный и беспрерывный поток, опрокидывает и уносит за собой все совершающееся на земле: оно погружает в пучину забвения и ничтожное, и великое, достопамятное; как в трагедии, оно выводит наружу сокровенное и известное покрывает мраком. Но слово истории, как твердейший оплот, останавливает этот поток времени, преграждает путь его стремительному падению и, сохраняя в памяти совершенные деяния, хранит их и спасает от забвения. Размышляя о всем этом, я, Анна, дочь императоров Алексея и Ирины, вознамерилась описать в этих книгах деяния своего отца, которые, конечно, не заслуживают быть унесенными потоком времени в море забвения, и притом как те, которые он совершил по вступлении на престол, так и все то, что было им сделано до того времени, при других императорах. Я была порфирородной (то есть родилась по вступлении на престол отца) и получила такое воспитание, что не только научилась грамоте, но и могла отлично владеть самым образованным греческим языком; не пренебрегала также и риторическими упражнениями; читала произведения Аристотеля и разговоры Платона и вообще укре-

пила свой ум четырьмя главными науками. Не из хвастовства, но для объяснения дела, я говорю столь открыто о всем, чем я обязана таланту и изучению наук, что ниспослано мне свыше и что я приобрела, пользуясь благоприятными обстоятельствами.

2. Я хочу писать, впрочем, не с той целью, чтобы представить образчик своей учености, но чтобы не лишить потомства сведений о столь важной эпохе; самые великие события, если они не были записаны, покрывались молчанием и мраком. Мой отец был, как то видно из самих его деяний, человек, умевший повелевать и выслушивать повинующихся, насколько то следовало. Но, принимаясь за описание его деяний, я опасаюсь заслужить упрек и укоризну: быть может, кто-нибудь подумает, что в своих рассказах об отце я намерена служить своему домашнему делу, и примет мою историю за панегирик, если я буду изумляться величию его подвигов. Если же мне придется о чем-нибудь отозваться дурно, без желания оскорбить отца, а потому, что того потребует дело, то боюсь опять, что злые языки укажут мне на пример Хама, сына Ноя, и сделают меня, как сказал Гомер, без вины виноватой. Но тот, кто принял на себя обязанности историка, не должен поселять ни ненависти, ни дружбы, хвалить врагов, где того потребует дело, и по необходимости упрекать самых близких людей, если их ошибки вызывают на то. А потому следует друзей обвинять и врагов хвалить, не колеблясь. Впрочем, я приглашаю успокоиться и тех, которые будут мной оскорблены, и тех, кому придется мне угодить, потому что я намерена ссылаться на показания самих очевидцев, которыми я пользовалась: все живущие ныне, и отцы, и деды, видели описанное мной своими глазами.

В двух последних главах пролога Анна объясняет еще одну причину, побудившую ее взяться за биографию отца, а именно, то, что ее муж, Никифор Бриеннский, предпринял уже попытку описать деяния Алексея Комнина и начал с императора Диогена, когда первому было еще 14 лет от роду, но довел свой труд до Никифора Ботаниата и умер, не успев перейти к главному предмету; таким образом, Анна решилась исполнить волю покойного мужа. Объяснив это обсто-

---

АННА КОМНИНА (ANNA KOMNENE 1083–1148). Порфирородная цесаревна Анна Комнина (Αννα η Κομνηνα Πορφερογεννητης Καισαρισσα) – дочь императора Алексея Комнина и Ирины. В своем прологе Анна говорит сама о полученном ею отличном образовании (см. выше) и о своей наклонности к исторической литературе, которую она могла получить от мужа, Никифора Бриеннского, любимца ее отца. Никифор начал уже писать историю правления Алексея, но не дошел до его времени, и Анна решилась осуществить намерение своего мужа. После смерти отца Анна, увлеченная честолюбием, хотела возвести Никифора на престол, в ущерб правам своего брата Иоанна, но ее попытка не удалась, и она должна была лишиться всякого значения при дворе и заняться исключительно литературой. Плодом ее литературных трудов и была «Алексиада», панегирик отцу, в XV книгах. Как дочь и как женщина, оскорбленная в своем честолюбии преемником отца, Иоанном, она постаралась преувеличить значение времени Алексея и по той же причине в истории Первого крестового похода изобразила и его, и двор самыми блестящими красками, в противоположность латинским варварам, о которых она постоянно отзывается с презрением. Но тем не менее, как лицо постороннее в отношении описываемого предмета, она обнаружила большую наблюдательность и занесла в свой труд многие черты, дополняющие собой известия латинских писателей. Сверх того, ее «Алексиада» замечательна по своему классическому изложению и превосходному языку.

Издания: полное с латинским переводом сделал *Possinus* (Par., 1651); такое же помещено в «Corpus hist Byzant». Bonn. 1839, т. XXXVI (только первые девять книг). Переводы: франц. *Cousin* (Par., 1655) и нем. в Schiller’s histor. Memoir. Bd. 1 и 2. Исследования: *Wilken*. Rerum ab Alexsio I etc. gestarum libri IV. Heidelb. 1811; *Wilmens*. Anna Comnena verglichen mit Guillelm. Apul, в Pertz’ Archiv. X, с. 93 и след.

ятельство, Анна предается лирическому описанию достоинств своего отца и того горя, которым она исполнилась вследствие его смерти.

В первых девяти книгах «Алексиады» Анна Комнина описывает молодость отца, его службу при своих предшественниках, начиная с императора Диогена (1068 г.), когда Алексею было уже 14 лет; потом вступление его на престол и наконец первый период правления, от 1081 до 1096 г., когда появились первые крестоносцы. Эта часть сочинения Анны наполнена целым рядом войн Алексея, который открылся борьбой с итальянскими норманнами, принявшими сторону самозванца Михаила, выдававшего себя за императора Михаила VII, свергнутого предшественником Алексея, Никифором Ботаниатом. Война с норманнами в Италии перемежалась борьбой с турками сельджуками в Малой Азии, и к 1095 г. положение империи было столь стеснительно, что Алексей думал даже воспользоваться движением крестоносцев, чтобы поддержать свою власть. Вследствие того Анна Комнина в десятой книге обращается к истории Крестовых походов и излагает их, хотя со своей исключительной византийской точки зрения, редко сохраняя беспристрастие, о котором было говорено ею в прологе, но с такими подробностями, которые могли броситься в глаза только иноземному наблюдателю.

Книга десятая

Начало этой книги посвящено опять внутренней истории Византии в эпоху, непосредственно предшествующую Крестовым походам, следовательно, в последние годы XI столетия. Между прочим, Анна Комнина описывает борьбу своего отца с новым самозванцем Лжедиогеном, вовлекшую его в войну с половцами, к которым бежал Лжедиоген, после окончания войны с половцами император ушел в Вифинию для отражения нападения турок; едва он успел возвратиться оттуда в Византию, чтобы отдохнуть от последних трудов, как пришел слух о каком-то движении на Западе: это и были приготовления к крестовым походам, заставившие и Анну Комнину обратить все свое внимание на такое новое явление в истории Византии.

Когда император Алексей отдыхал от своих великих трудов (то есть борьбы с самозванцем, с половцами и турками), до него дошла молва, переходившая из уст в уста, о том, что идет бесчисленное войско франков (τῶν Κελτῶν). Это известие не было приятно Алексею, который со справедливой боязнью смотрел на этот подозрительный народ. Приобретя достаточную опытность в борьбе с Робертом (Гвискаром), он знал крайнюю запальчивость франков, легкость, с которой они решаются на что-нибудь и снова изменяют свои намерения, и их чрезвычайную вкрадчивость; подобные и другие качества, как дар природы, этот народ несет с собой безотлучно, в какую бы страну он ни являлся; а потому Алексей основательно страшился оскорблений с его стороны для своего государства. Предусмотрительность императора и его страх оправдывались и общественной молвой, всегда заключающей в себе долю истины; сверх того, что он сам знал по опыту, о франках говорили повсюду, что они умеют сплетать козни, а если и заключат договор, то нарушат его под самыми ничтожными предлогами. По всем этим причинам император не только не дремал ввиду подобных обстоятельств, но повелел тщательно вооружить войско и обучать его, чтобы иметь в готовности армию на всякий случай. Впоследствии дело показало, что весь этот страх был не лишен основания. Действительно, в то время подвинулся весь Запад, то есть все варварские народы, живущие от Адриатического моря до Геркулесовых столбов; целая Европа, неожиданно воспрянув со своего седалища, обрушилась на Азию. Вот повод или причина такого движения народов. Некто, родом франк по имени Петр, а по прозвищу *Кукупетр* (Κουχουπετρος – Петр Кукушка, назван так по капюшону, который он носил на голове), предприняв еще в прежнее время пилигримство для поклонения св. Гробу, испытал на пути тяжкие оскорбления со стороны турок и сарацин, и едва мог возвратиться в отечество. Вспоминая об обидах, нанесенных неверными, которые воспрепятствовали ему исполнить долг религии, он решился снова предпринять неудавшееся дело, но с большими средствами и усилиями. Наученный опытом своих бедствий, он не решился отправиться в путь один, как прежде, но возымел благоразумную мысль собрать около себя толпу. Он начал проповедовать по всем латинским странам, что его послал Бог ко всем князьям франков; что по воле Господней все должны, оставив родину, спешить на поклонение св. Гробу; и что потому необходимо исторгнуть священный город Иерусалим из

рук неверных агарян. Его проповедь имела такой успех, какого никто не мог ожидать. Франки были потрясены его голосом; все горели одним желанием и отовсюду стекались с оружием, лошадьми и другими военными припасами. Какая удивительная готовность и какой жар! Общественные дороги покрылись собиравшимся со всех концов народом. Сверх полков и отрядов франкских, шла безоружная чернь, превышая своим числом песок и звезды, с женами и детьми. Они носили на плечах красные кресты; это было знамение и вместе военное отличие. Войска сходились и сливались вместе, как воды рек стекаются в один бассейн. Приходившие к нам следовали обыкновенно через Дакию. Им, так сказать, указывала путь саранча, которой они равнялись по числу и которая им предшествовала на большом расстоянии. Но в этой саранче было удивительно то, что она щадила жатву и истребляла виноградники. Гадатели объясняли это так, что франки будут вредны одним сарацинам, преданным пьянству и поклонению Бахусу и Венере; но они пощадят христиан, воздержанию которых служит символом хлеб.

После того Анна Комнина подробно рассказывает о походе Петра, его поражении, прибытии Готфрида Бульонского; ссоре латин с греками в Византии; говорит о том, как Готфрид наконец дал присягу императору Алексею, и как император, видя приближение новых отрядов, а между прочим и отряда итальянских норманнов под предводительством своего личного врага Боэмунда Тарентского, решился принудить всех крестоносцев дать ему подобную же присягу.

Император (видя многочисленность крестоносцев) начал заботиться о том, чтобы и прочие герцоги и графы дали ему присягу, подобную той, которая была незадолго перед тем дана ему Готфридом (Бульонским). В надежде на это он призывал их к себе поодиночке и, беседуя с ними, употреблял различные средства; одни оказались сговорчивыми, но другие упорствовали и все его старания были напрасны: князья поджидали Боэмунда и весьма рассчитывали на него. Но они скрывали такую причину своей медлительности и не высказывали ее. Между тем латины придумывали различные новые требования и предъявляли их императору в надежде выиграть время, пока будут идти споры. Но император, которого трудно было обмануть, понял и разгадал все: различными мерами действуя на каждого поодиночке, он успел наконец склонить в свою пользу всех франкских князей, чему много содействовал пример Готфрида. Для Готфрида было важно то, чтобы их упорство не обратилось в осуждение его собственного поступка, и потому хотя он уже отплыл вперед до Пеликана, но возвратился назад, чтобы присутствовать при присяге латинских князей. Когда все собрались для этой церемонии во дворец и дали присягу, какой-то латинский граф, вероятно, благородного происхождения, взойдя на императорский трон, сел на него. К нему подошел Балдуин, граф (Фландрский), и, взяв за руку оскорбителя царского трона, с бранью сказал: «Как ты смеешь, поступив на службу и дав присягу императору, и следовательно, признав его своим господином, сесть теперь с ним рядом? Разве ты не знаешь, что римские императоры не имеют обычая разделять трона с людьми, которые служат им и считают себя их подданными? Если и не это, то вообще следует держаться правил той страны, в которой живешь». Выслушав это, он не ответил ничего Балдуину; но, взглянув сердито на императора, проворчал на своем языке, что в переводе на наш язык значит: «Вот мужик-то (χωριτης): сидит себе один, в то же время, когда такие знаменитые герцоги стоят перед ним!» Движение губ его не скрылось от императора; подозвав к себе переводчика и услышав сказанное тем графом, он ничего не заметил ему; но когда по окончании присяги графы начали уходить и прощаться с императором, Алексей подозвал к себе того дерзкого и бесстыдного латина и спросил его, кто он, откуда и где родился. На это латин отвечал: «Я родом истый франк (Φραγγος), происхождения благородного, и знаю только одно: в моем отечестве на распутье стоит церковь, построенная еще в древности; кто желает отыскать себе противника для поединка, идет туда, молится и ждет, пока явится кто-нибудь, чтобы помериться с ним. Я долго стоял на этом рас-

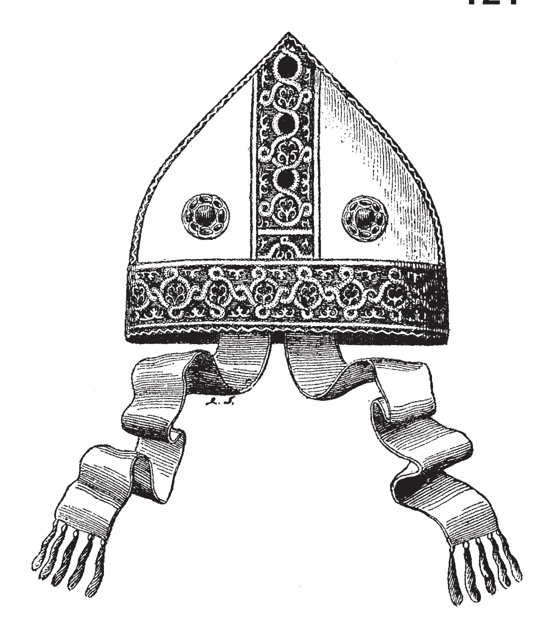
путье, и не нашлось никого, кто осмелился бы принять мой вызов». Выслушав это, император отвечал: «Тогда ты, отыскивая неприятеля, не нашел никого, но теперь тебе предстоит боевое время, и ты будешь иметь вволю противников. Но если ты хочешь меня послушать, то не становись ни в задних, ни в передних рядах войска, которые действуют копьем; я знаю по опыту военные приемы турок. И то, и другое место опасно; ты же укройся в середине, где, окруженный своими, будешь спасен от неприятельских ударов»[1]. Алексей дал такой полезный совет не только ему одному, который того не стоил, но и другим рассказывал, что их ожидает в походе, и особенно убеждал не преследовать турок в случае победы, ибо они весьма искусны в устроении засад. Но довольно о Готфриде, Рауле (один из его спутников) и их сподвижниках.

Между тем Боэмунд (Тарентский) вместе с прочими графами пристал к Апру (греческому городу): сознавая, что он не может равняться с прочими князьями франкскими своим происхождением и не имеет довольно денег, чтобы содержать большую армию, он для восполнения таких недостатков решился сблизиться с императором и прибыл в Константинополь вперед, сопровождаемый только десятью франками; прочих же графов оставил позади себя. Император, зная хорошо нравы этого человека и его ум, скрытный и преисполненный козней, также желал переговорить с ним отдельно от прочих, прежде чем прибудут другие графы, чтобы выведать в разговоре его тайные намерения и затаенные помыслы, вместе с тем он хотел требовать от Боэмунда переправы его войск до прибытия прочих, опасаясь, что, по известной своей злобе, он может в соединении с другими причинить вред императору. При появлении Боэмунда Алексей ласково принял его и расспрашивал о совершенном им пути и о том, где он оставил своих сподвижников. Получив от него на все желаемый ответ, император старался дружеской речью уничтожить воспоминание о делах под Диррахиумом и Лариссой, о их войнах и прежней вражде. При этом тот коварный хитрец говорил: «Признаюсь, тогда я был твоим врагом и действовал неприязненно; но теперь я являюсь к вам как верный друг вашего величества, и, что всего важнее, таким и останусь на будущее время». Император продолжал его испытывать на разных предметах и, переговорив о многом, выразил свое удовольствие. Условившись достаточно о присяге, император сказал ему наконец: «Впрочем, не желаю тебя удерживать дальнейшей беседой: ты с дороги устал; потому иди и позаботься об отдыхе; нам будет еще время поговорить». Отправившись в часть города св. Космы, где ему приготовили пристанище, он нашел стол, богато убранный и установленный всякого рода яствами. После того к Боэмунду явились повара и кондитеры, по приказанию императора, и предоставили ему огромное количество сырого мяса и птицы домашней и лесной, говоря при этом: «Мы изготовили все, что ты видишь на столе, сообразно своему искусству и обычаю своей страны; но если ты привык есть иначе, то тебе не понравятся наши приправы; потому вот тебе сырая пища и пусть ее изготовят по твоему вкусу, кому ты прикажешь». Так распорядился император, отличавшийся необыкновенным умением обращаться с людьми. Постигая замыслы людей по одному выражению их лица и по телодвижению, он тотчас понял всю хитрость и подозрительность характера Боэмунда, и предвидел, что если ему будет предложена пища людьми императора, бывшего его врага, то он из опасения яда не дотронется до нее. Император не обманулся в своей догадке: Боэмунд не только не попробовал, но и не коснулся пищи концом пальца, скрыл подозрение под предлогом любезности и раздал все приготовленное тем, которые его окружали. Поистине, он оказал небольшую услугу своим, угостив их пищей, по его мнению, отравленной. Впрочем, он недолго скрывал свое коварство, как человек самоуверенный и презирающий всех; когда он наелся мяса, изготовленного его поварами по отечественному обычаю, то на

---

[1] Впоследствии Анна Комнина замечает с удовольствием, что этот дерзкий латин был убит при Дорилее; на этом основании полагают, что это был Роберт, граф Парижский.

следующий день спросил у своих: каково их здоровье после вчерашнего угощения? Они отвечали, что чувствуют себя превосходно и совершенно здоровы. «А я,– говорил он, сознаваясь в своем коварстве,– припомнил прежние войны с императором, когда я обратил его в бегство, и потому не хотел есть изготовленного по его же приказанию, опасаясь найти в пище яд». Сказать это было неблагоразумно; он показал тем большое пренебрежение к своим, и мог быть из мести выдан ими или оставлен; при всей своей хитрости Боэмунд поступил тогда весьма оплошно. Впрочем, редко, как я заметила сама из продолжительного опыта, бесчестные люди думают или действуют правильно; мудрые люди справедливо говорили, что кто отступает от добродетели, для того не опасна никакая крайность, ибо он во всяком случае далек от всего честного. Несмотря, однако, на то, император, призвав к себе Боэмунда, потребовал от него такой же присяги, как и от прочих латин. Боэмунд нисколько не колебался и не медлил; но не знаю почему: потому ли, что, считая свое происхождение менее знатным и не имея ни богатств, ни большой дружины, он не видел причины уклоняться от того, на что согласились более важные князья франков; или он, как человек, воспитанный в презрении к религии и от частых повторений сделавшийся вероломным по природе, считал смешным долго отказываться от присяги. Но император, видя такую готовность с его стороны дать присягу, дал ему новые доказательства своего расположения. А именно, он повелел наполнить одну комнату во дворце богатствами до того, чтобы весь пол был покрыт монетами, ожерельями и редкими пурпуровыми тканями; стены же завесить до потолка драгоценными одеждами, золотом, серебром и всякого рода блестящим металлом; приказано было наносить такое множество вещей, чтобы нельзя было ступить, из боязни затоптать ногами ту или другую драгоценность. Отдав приказ сопровождать Боэмунда как гостя, при осмотре дворца император повелел ввести его, между прочим, и в ту комнату, и сделать все это так, чтобы вызвать сначала его изумление; он хотел ослепить его неожиданностью, и не ошибся в расчете. Пораженный нечаянным зрелищем, Боэмунд мог только произнести следующее: «Если бы я был господином всех этих богатств, то уже давно покорил бы своей власти многие города и страны». На это ему отвечал проводник: «Это все твое, Боэмунд; император дарит тебе это сегодня от своих щедрот». Боэмунд принял подарок с радостью и много благодарил. Но после, когда он пришел в себя, возвратясь домой, и увидел перед собой носильщиков, доставивших ему дары, этот хитрец почувствовал стыд от своего корыстолюбия и, как бы сожалея о выраженном им изумлении, воскликнул: «Я никогда не думал, что император может так оскорбить меня. Отнесите все это тому, кто вас прислал». Император, зная непостоянство латин, с улыбкой повторил народную поговорку: «Зло обращается на своего виновника», и приказал отнести все снова к Боэмунду, который на этот раз был спокойнее и благосклонно принял от носильщиков дары, которыми он только что пренебрегал. Но это не было с его стороны легкомыслие или непостоянство, а скорее обдуманная хитрость не решаться вдруг ни на что. Я заме-



Митра немецкого архиепископа XII в. Хранится в Бамбергском соборе

тила в этом человеке два отличительных качества: хитрость и отвагу, которыми он превышал всех проходивших через Константинополь латинских князей настолько же, насколько он уступал им богатством и численностью своих войск...

Между тем император, наградив франков дарами и осыпав почестями, обратился к ним с речью, так как они торопились с отъездом, и воссел на престол. Подозвав Боэмунда и всех графов, он беседовал с ними о многих предметах относительно их похода: о способе войны с турками, о нравах и искусстве этого народа и о их военных приемах; научил, как нужно быть осторожным с их хитростями; как строить против них войско и делать засады; советовал не преследовать их, если они обращаются с умыслом в бегство; все это он изложил им дружески, на основании собственного опыта, приобретенного в частых войнах с турками. Император надеялся, что и подарки, и его советы могут внушить к нему дружбу или уважение этому варварскому и враждебному племени. После того он отпустил всех и дозволил им отплыть, удержав при себе одного Зангеллу. Император отличал его перед всеми, за его благоразумие, откровенность и удивительную чистоту нравов и жизни: никакими дарами нельзя было склонить его к обману или ко лжи. Эти добродетели, которыми Зангелла отличался перед всеми латинами, как солнце перед звездами, делали его любезным Алексею, и он потому удержал его при себе, между тем как прочие прощались и уходили. Когда другие переплыли Пропонтиду и пристали к Доманию, император беседовал с ним и рассуждал о том, чего ожидает он от латин. Даже он дошел до такой откровенности, что, высказав все свое подозрение относительно их, открыл ему совершенно все врата своей души; он просил его помощи и совета против злых умыслов Боэмунда, чтобы от козней и вероломства этого князя не пострадала империя. Зангелла отвечал на это императору так: «Боэмунд от отцов наследовал коварство и вероломство, а потому было бы удивительно, если бы он на этот раз не изменил клятве. Я же со своей стороны, насколько могу, не оставлю тебя и с верностью позабочусь о том, чтобы он исполнил свои обязанности». Сказав это, он удалился и, откланявшись императору, пошел на соединение с прочими войсками франков. Сначала и император имел намерение сам отправиться вместе с франками и идти с ними на варваров; но, опасаясь многочисленности их войск, счел удобнее дойти до Пеликана и оставаться там; а оттуда ему было легче и скорее знать, что происходит у франков и что замышляют турки, как в крепости, так и вне ее, ибо Пеликан находился по соседству с Никеей. Он не считал достойным своей славы, ни даже безопасным, оставаться спокойно дома, не выходить в поле и не воспользоваться таким образом тем или другим случаем, чтобы получить Никею прямо от варваров; он желал овладеть этим городом так, чтобы ему уступили сами варвары, а не франки, несмотря на то, что последние обязались передать императору все, что они покорят. Но эту мысль император не высказывал никому, и кроме Бутумита никто не знал, чего хочет император и почему он так действует. Этого Бутумита Алексей давно уже знал, как человека самого надежного и самого расположенного к себе, притом весьма деятельного и особенно способного для предприятий подобного рода. Ему было поручено вступить в сношение с варварами, обещав им полную безопасность и неприкосновенность, и в то же время искусно грозить преувеличенными бедствиями, которые их будто бы ожидают в случае, если город будет взят франками. Все это как было сначала задумано, так впоследствии и исполнено.

В книге XI автор излагает всю историю Первого крестового похода: взятие Никеи, Антиохии, Иерусалима; избрание Готфрида, его правление и смерть; вступление на престол его брата Балдуина I и начало войн императора с турками, а потом и с крестоносцами.

В книгах XII–IV рассказывается о дальнейшей борьбе Алексея с латинами в Сирии и Италии, перемежавшейся войнами с северными народами; наконец, в книге XV изложена последняя война Алексея с турками, которые должны были просить мира, и внутренняя борьба с сектой богумилов, за уничтожением которой вскоре последовала смерть императора Алексея в 1118 г.

'Αλεξιας. Кн. X.

Фулькерий Шартрский

ПОХОД РОБЕРТА НОРМАНДСКОГО ЧЕРЕЗ ИТАЛИЮ И ВИЗАНТИЮ ДО НИКЕИ. 1096 г. (в 1127 г.)

Пролог

Для живых наслаждение и выгода для усопших, если будут читаться описания деяний доблестных мужей, особенно тех, которые сражались за Бога, или рассказываться посреди верных то, что сохранено о том в памяти; ибо оставшиеся в живых на земле еще более воодушевятся ревностью и любовью к Богу, когда узнают благочестивые подвиги верующих, своих предшественников, и то, что они оставили, презирая мирские почести, своих родителей, жен и имущества, как бы они ни были велики, с целью прилепиться к Богу и идти за ним по правилам Евангелия. А выгода для усопших состоит в том, что верующие при рассказе о их достославных и благочестивых подвигах благословят их память и, не зная их, станут их именем раздавать милостыню с молитвой. Вот почему побужденный некоторыми из своих товарищей, я решился однажды составить или изложить в порядке историю знаменитых деяний франков, совершенных ими во хвалу Божию, когда они по повелению Господню отправились с оружием в руках для странствования в Палестину. Правда, я рассказываю все, что заслуживает памяти, грубым слогом, но правдивым, как могу и как я видел то своими глазами. Конечно, я не смею сравнивать подвиги наших пилигримов со знаменитыми деяниями израильтян, Маккавеев, и иных, прославленных Богом в изумительных чудесах; но я считаю их немного ниже, ибо и среди них совершались чудеса Господни, которые я и предпринял рассказать. И действительно, чем отличаются от подвигов Израиля, или Маккавеев, деяния тех, которые и в их земле, и в странах отдаленных, из любви к Христу, были изувечены, распяты, задушены, пронзены стрелами или разрублены на куски и погибли среди всякого рода мучений, не сдавшись ни на угрозы, ни на ласки? Можно сказать, что из любви к Христу многие из наших были бы не прочь от смерти, если бы меч палачей сам не утомился. О, сколько тысяч мучеников погибли счастливой смертью во время этого похода! Какое же сердце будет настолько каменным, чтобы при рассказе о таких божественных подвигах не испустить благоговейного вздоха и не воздать хвалы Богу? Кому не будет удивительно, что мы, ничтожный народ, посреди столь враждебных стран, могли не только сопротивляться им, но и сохранить существование? Кто слыхал о чем-нибудь подобном? С одной стороны, Египет и Эфиопия; с другой – Аравия, Халдея, Сирия; тут – Ассирия и Лидия; там Парфия и Месопотамия; а там – Персия и Скифия. Пространное море отделяло нас от христианства и предавало, если бы Господь то попустил, в руки наших палачей; но мощная десница Всевышнего милосердно защитила нас. Счастлив народ, которого Господь есть Бог! Последующая история объясняет форму и план настоящего труда, и покажет, каким образом все население Запада, подвигнутое к предприятию такого дальнего странствования, отдалось ему всецело с головой и руками.

Первую главу автор начинает, как и бóльшая часть историков той эпохи, с описания Клермонского собора, приводит весьма длинную речь Урбана II и объясняет, почему Папа, задержанный борьбой со своим противником Гвибертом Равеннским, которого защищал император Генрих IV, не мог не принять личного участия в Первом крестовом походе.

II. В 1096 г. от воплощения Господня, в марте, который последовал за Овернским собором (то есть в Клермоне), о чем говорилось выше, и который происходил в ноябре, те, кто успел скорее собраться, начали свой поход; другие последовали в апреле, мае, июне или июле, и даже в августе, сентябре и, наконец, в октябре, смотря по тому, как было им удобно или как кто успел собрать деньги. В этом году все страны земли наслаждались миром и изобиловали хлебом и вином. Так было угодно Богу, что-

Проповедь Крестового похода. Рисунок изображает св. Бернарда, проповедующего Второй крестовый поход на Рождество 1146 г. в Шпейерском соборе в присутствии Конрада III, первого императора из Гогенштауфенов

бы принявшие крест, сообразно его повелениям, и последовавшие за его знаменем не погибли в дороге от недостатка хлеба. Было бы излишне по этому случаю перечислять тщательно имена всех вождей пилигримов. Я приведу только сначала *Гуго Великого*, брата Филиппа (I), короля Французского; будучи первым из всех этих героев, он переплыл море и высадился вместе со своими людьми около Дураццо, города Болгарии; но, имев неосторожность приблизиться к этому месту в сопровождении небольшой дружины, он был схвачен жителями и препровожден к императору Константинополя, который держал его некоторое время в городе, не давая ему полной свободы. После него отправился *Боэмунд Апульский* (то есть Тарентский), сын Роберта Гвискара, родом норманн, той же дорогой. *Готфрид*, герцог Лотарингский, пошел во главе многочисленной армии по Венгрии. *Раймунд Провансальский* (Тулузский), с готами и басками, и *епископ Пюи* (Адемар) прошли по Славонии. Некто *Петр Пустынник*, сопровождаемый толпой пеших людей, но с малочисленной конницей, еще прежде направился на Венгрию; это войско было впоследствии предводительствуемо *Вальтером Безденежным*, превосходным рыцарем, который потом был убит турками вместе со многими из своих спутников между городами Никомидией и Никеей в сентябре. *Роберт*, граф Нормандии, и сын Вильгельма (I), короля Англии, пустился в поход, собрав предварительно большую армию из норманнов, англов и бретонов; вместе с ним шел еще *Стефан*, граф Блоа, сын Тибо, и *Роберт*, граф Фландрский;

к ним присоединилось множество и других знатных людей. Так громадно было это сборище, отправившееся из западных стран. Мало-помалу и ежедневно эта армия разрасталась на дороге новыми армиями, стекавшимися со всех сторон; вся эта масса людей говорила на различных языках и собралась со всех сторон: но она соединилась в одно целое не раньше нашего прибытия в Никею.

Что могу еще сказать? Все острова, моря и все государства земли были приведены тогда в движение десницей Божьей, чтобы таким образом исполнилось пророчество Давида, сказавшего в одном из своих псалмов (85, 9): «Все народы, сколько Ты сотворил, придут и поклонятся Тебе, Господи, и прославят Тебя»; а также для того, чтобы те, которые достигнут Св. земли, могли справедливо воскликнуть: «Мы поклоняемся Тебе, Господи, там, где отпечатлелись следы ног Твоих». Впрочем, в пророчествах есть много и других мест, которыми предсказано это святое странствование. Но сколько сердец надорвалось от печали, от вздохов, пролило слезы и разразилось рыданиями, когда муж покидал свою возлюбленную жену, своих детей, свой дом, отца, мать, братьев и других родственников! И между тем, когда остававшиеся проливали потоки слез в присутствии самих странников, эти последние не осмеливались обнаруживать своих чувств и, нимало не колеблясь, оставляли из любви к Господу все, что считается самым драгоценным, ибо они были убеждены, что они выиграют стократ, получив награду, обещанную Господом своим последователям. При последнем прощании муж назначал жене вперед точное время своего возвращения, уверял ее, что, если он проживет, то еще увидит и родину, и ее через три года; препоручал жену Всевышнему, нежно ее обнимал и еще раз обещал возвратиться; но жена, опасаясь не увидеться больше с мужем, удрученная горем, не в состоянии была выдерживать, падала без признаков жизни на землю и оплакивала своего друга заживо, так как будто бы он уже умер. Можно было подумать, что муж не имеет никакой жалости, хотя на деле ему было жаль жены; но, тронутый до глубины сердца, он, казалось, не обращал внимания ни на жену, ни на детей, ни на самых близких приятелей; с душой твердой и непоколебимой он пускался в путь. Горе было уделом остававшихся, а отходившими овладевала радость. Что на все это сказать? «От Господа было сие, и дивно в очах наших!» (Псал., 117, 23).

Мы же, западные франки (норманны и бретоны), мы прошли всю Галлию и направились в Италию. Когда мы дошли до Лукки, то встретили у этого города Урбана (II), наместника апостолов; с ним беседовали герцог Роберт Нормандский, граф Стефан и все прочие, кто пожелал того. Получив его благословение, мы пошли радостно по дороге в Рим. При нашем входе в базилику блаженного Петра, мы нашли перед алтарем приверженцев Гвиберта, этого безумного Папы; с мечом в руках они отбирали силой приношения от верных на алтарь; другие же, забравшись на балки, служившие потолком монастыря, бросали сверху вниз камни в то место, где мы, смиренно распростершись, молились. Едва они замечали кого-нибудь из партии Урбана, как ими овладевало желание задушить его на месте. Между тем в башне этого монастыря засели люди Урбана, охранявшие ее весьма заботливо из преданности к святителю, и всеми силами сопротивлялись приверженцам Гвиберта. Нам было больно видеть, что в таком святом месте совершается столь великое нечестие; но мы ничего не могли сделать и только желали, чтобы Господь отомстил за все. В Риме многие из тех, которые до того времени шли вместе с нами, постыдно вернулись домой, не думая идти дальше; а мы, пройдя через Кампанию и Апулию, прибыли в Бари, значительный город, расположенный на морском берегу. Там, помолившись Богу в церкви св. Николая, мы отправились в гавань в надежде немедленно сесть на суда, чтобы переплыть море; но нам недоставало матросов, и сама судьба была против нас. Тогда начиналась зима, и нам говорили, что на море будет опасно. Потому Роберт Нормандский отступил в Калабрию и там перезимовал. Но Роберт Фландрский вместе со своим войском переплыл море. В это время многие из

наших, люди бедные и менее решительные, опасаясь в будущем бедности, продали свои луки, вооружились посохом и возвратились домой. Это удаление унизило их в глазах Бога и людей и покрыло несмываемым стыдом.

III. В 1097 г. от воплощения Господня, когда март принес с собой весну, граф Нормандии и Стефан, граф Блоа, ожидавший вместе с Робертом благоприятного времени для плавания, отправились снова на морской берег. Когда флот был готов и когда наступило 5 апреля, на которое в тот год падал праздник Пасхи, оба графа, вместе со своими людьми, сели на корабли в Брундизии. О, как неисповедимы пути Господни! Между прочими судами мы видим одно судно, которому не угрожала никакая особая опасность, было вследствие какого-то случая опрокинуто волной и разбито у берега. При этом погибло около 400 лиц обоего пола; но это несчастье дало нам скоро повод вознести хвалу, приятную Господу: свидетели этого крушения, вытащив сколько можно было безжизненных трупов на берег, заметили на лопатке некоторых из них знаки, изображавшие крест, оттиснутый на коже. Богу было угодно, чтобы люди, умершие на его службе, сохранили на своем теле, как знак своей веры, победоносное знамение, носимое ими при жизни на одежде; это чудо ясно возвестило всем, которые его видели, что эти люди в минуту своей смерти воспользовались милосердием Божиим и заслужили вечный покой, дабы все убедились, что слова Писания исполнились во всей своей истине: «Смерть, постигающая праведного, введет его в прохладный покой». Из их спутников, боровшихся со смертью, весьма немногие спасли жизнь; их лошади и мулы были поглощены волной, и при этом случае пошло на дно большое количество денег. При виде такого бедствия мы были поражены столь великим страхом, что многие, еще не севшие на корабль и слабые духом, отказались от странствования и возвратились домой, говоря, что они никогда не решатся поручить себя обманчивым волнам. Но мы, возложив все упование на Бога, подняли якорь, воздали хвалу Господу при трубном звуке и пустились в открытое море, поручив себя воле Всевышнего и ветру, который слегка надувал наши паруса. За безветрием мы простояли три дня в море; на четвертый день мы достигли земли близ города Дураццо, который от нас отстоял миль на десять, и весь наш флот поместился в двух гаванях. Тогда, исполнившись радости, мы отправились сухим путем, прошли мимо того города и далее через всю страну болгар, идя постоянно по странам пустынным и по скалистым горам. Потом мы все сошлись вместе на берегах быстрой реки, которую туземцы справедливо называют рекой Дьявола; действительно, в этой дьявольской реке наши люди, надеявшиеся перейти ее вброд, были унесены течением и погибли, прежде чем свидетели их несчастья могли подоспеть к ним на помощь. Тронутые состраданием, мы пролили о их судьбе потоки слез; и если бы конные люди на своих огромных боевых лошадях не пособили пешим, бросившись в реку, то многие из этих последних точно так же потеряли бы жизнь. Расположившись лагерем на берегу, мы провели ночь в этом месте, где со всех сторон около нас поднимались высокие горы, не населенные никем. С рассветом следующего дня зазвучали трубы, и мы, пустившись в поход, перешли гору Багулар; далее, оставив горы за собой, мы прибыли к р. Вардар. До тех пор ее не переходили никогда иначе, как на судах; но с помощью Бога, который всегда и везде присущ своим людям и подает им средства, мы перешли и эту реку вброд. Одолев последнее препятствие, мы раскинули на следующий день палатки перед городом Фессалоникой, изобилующим всякого рода богатствами.

VI. Пробыв в том месте четыре дня, мы прошли потом через всю Македонию; идя далее долиной Филиппа и мимо городов Лукреции, Хризополя и Христополя и других местечек Греции, мы прибыли наконец к Константинополю. Раскинув наши палатки перед этим городом, мы оставались там для отдыха 14 дней, не имея, однако, права входить в город. На то не соглашался император, опасавшийся каких-нибудь ухищрений с нашей стороны против него; а потому мы должны были покупать ежедневно за стенами все необходимое, что нам доставляли жители по распоряжению импера-

тора. Он не дозволял даже нам, многим вместе посещать Константинополь; но, чтобы оказать нам внимание, было разрешено в известный час пускать в церкви от 5 до 6 человек вместе, из самых знатных лиц армии.

Какой знатный и красивый город этот Константинополь! Сколько там монастырей и дворцов, отстроенных с удивительным искусством! Какие любопытные предметы находятся на площадях и на улицах! Было бы длинно и утомительно рассказывать в подробностях о том изобилии всякого рода богатств, золота, серебра, различных материй и святых мощей, которые можно найти в городе, куда во всякое время многочисленные корабли приносят все необходимое для нужд человека. Сверх всего прочего там постоянно содержится и живет, как я полагаю, около 20 тысяч евнухов. Отдохнув порядочно после продолжительного утомления, наши главные вожди, посоветовавшись со всеми, дали присягу императору и заключили с ним договор, как он еще прежде требовал того от них. Те, которые шли перед нами, а именно Боэмунд и герцог Готфрид, сделали то же самое и подтвердили клятвой подобный же договор; но граф Раймунд отказался подписать его; граф же Фландрский дал такую же клятву, как и другие. Нашим вождям было необходимо вступать с императором в дружеские отношения, чтобы получать, и теперь, и на будущее время, советы и помощь как для себя, так и для тех, которые последуют за нами тем же путем. По заключении этого договора император наделил их вволю монетой со своим изображением и дал им лошадей, материи и серебра из своей сокровищницы, в чем они и нуждались для совершения столь дальнего пути. Окончив все эти дела, мы переплыли море, которое называется рукавом Св. Георгия, и поспешно отправились к городу Никее. Еще с половины мая Боэмунд, герцог Готфрид, граф Раймунд и граф Фландрский осаждали этот город, занятый турками, восточными язычниками, народом великой храбрости и искусным в стрельбе из лука. Выйдя из Персии лет 50 тому назад эти варвары перешли р. Евфрат и покорили Романию до города Никомедии. Сколько голов и человеческих костей мы нашли раскиданными по дороге за этим последним городом! Это были все наши, еще новички или даже совершенные невежды в искусстве стрелять из арбалета, и турки перерезали их в этом году. Когда осаждавшие узнали о прибытии наших князей, Роберта, графа Нормандии, и Стефана, графа Блоа, они вышли нам навстречу с торжеством и отвели нам место против южной части города, где мы и раскинули наши палатки.

Окончание этой главы и все последующие, от V до XXI включительно, посвящены автором на изложение дальнейшего похода крестоносцев, после взятия Никеи, до самого Иерусалима, и на рассказ о завоевании Иерусалима и первом годе правления Готфрида до его смерти, 17 июля 1100 г. Но автор посреди пути отделился от армии вместе с Балдуином, к которому он перешел капелланом, а потому, оставшись в Эдессе, писал по слухам и весьма коротко. С главы XXII начинается правление Балдуина в Иерусалиме, куда перешел и автор; оттого с этой главы его хроника приобретает снова значение, как труд очевидца (продолжение см. ниже).

Gesta peregrinantium Francorum cum armis Hierusalem pergentium 1095–1127. Гл. I–IV.

Рауль Канский

ПОХОД ТАНКРЕДА ДО ПРИБЫТИЯ ЕГО В ЛАГЕРЬ ПОД НИКЕЕЙ. 1096–1097 гг. (между 1112 и 1118 гг.)

Пролог

Благородное дело рассказывать о подвигах знаменитых князей! Оно спасает от забвения всякое событие; прославляя мертвых, мы воодушевляем тем переживших их и готовим добрый урок потомству, еще прежде чем оно успело явиться на свет. Таким образом оживает прошедшее, рассказываются победы, прославляются победители, клеймится трусость, возвышается доблесть, преследуется порок, внушается добродетель; одним словом, оказываются важнейшие услуги. Потому мы должны со вниманием читать то, что было написано, и писать, что заслуживает чтения, дабы, читая древнее и описывая новое, мы могли бы в древнем удовлетворить свою любознательность и приготовить что-нибудь подобное же для потомства.

Когда я предавался часто подобным размышлениям, передо мной предстало воспоминание о том счастливом странствовании, о том поте, который мы пролили для возвращения Иерусалимской церкви, нашей матери, ее наследия, и для истребления идолопоклонства и возвеличения веры, так чтобы каждый мог справедливо рукоплескать, восклицая: «Смотри, Иерусалим, к тебе пришли издалека твои сыны и твои дочери; Иоппе и многие другие разрушенные города восстали».

Из всех тех, которые содействовали такому славному предприятию, мне довелось сражаться в звании *рыцаря* под начальством Боэмунда (Тарентского), когда он осаждал Дураццо, и несколько позже под начальством *Танкреда*, когда он освободил Эдессу, осажденную турками. Ежедневные разговоры их беспрестанно вращались около того, как там-то турки были обращены в бегство, а там-то франки мужественно сопротивлялись; как в одном случае неприятель был перерезан, а в другом – как отнимаемы были у него города; как Антиохия была взята ночью посредством хитрости и как завоевали Иерусалим среди белого дня силой оружия. Но, увы! Припоминая таким образом прошлое, они говорили также, что нас пожирает леность, между тем как поэты древности находили в литературных занятиях величайшее наслаждение. А между тем они писали баснословные выдумки; почему же люди нашего времени, эта толпа лентяев, жужжащих наподобие улейного роя, молчат о победах воинства Христова?

Когда оба этих князя, бывало, начнут рассказывать о всех событиях, мне всегда казалось, не знаю почему, они бросали взгляды на меня, как бы желая тем сказать: «Мы говорим для тебя, мы на тебя рассчитываем». Таким образом, они оба поощряли меня к труду, но особенно Танкред, благосклоннее которого не было между князьями, ни великодушнее, ни обязательнее. Когда он меня настойчиво побуждал взяться за дело, сердце мое всякий раз отвечало ему втихомолку: «То, о чем ты просишь меня при жизни, получишь не иначе, как после смерти, если я переживу тебя; я не буду хвалить тебя заживо, но я тебя похвалю после смерти; я вознесу тебя, когда ты завершишь свои подвиги; ибо только в таком случае ни гордыня не овладеет тем, кого хвалят, ни тот, кто хвалит, не унизится до лести. Тогда и завистливый смолкнет, и ропот прекратится, потому что с твоей смертью прекратятся те подарки, которыми ты беспрестанно осыпаешь меня при жизни; и ядовитые языки не будут иметь право называть меня продавцом, а тебя – покупателем сказок».

К этому побуждению отложить мой труд присоединилось еще и другое обстоятельство. Не доверяя собственным силам, я ожидал, что кто-нибудь другой, более способный или еще более обласканный Танкредом, посвятит себя горячо этому же труду.

Но я вижу, что они не обращают никакого внимания на это дело, другие завязли в своей лени, а некоторые – о преступление – ропщут и отказываются от участия. Увы! К чему привели все ласки, щедроты и подарки Танкреда, славы князей, которыми

он осыпал иногда людей ничтожных, прощал виновных, обогащал бедных? Итак, я беру на себя этот труд не потому, что считаю себя недостойным его выполнить, но негодуя на тех, которые, хотя и достойны, однако, пренебрегают им, и, как сказал о том поэт, я буду помнить: «Est quoddam prodire tenus, si non detur ultra!»

Хотя мне и приходится передать потомству труд весьма несовершенный, но я надеюсь, что оно благосклонно украсит то, что мне люди нашего времени передавали без всяких прикрас. Итак, о читатель, мы обязываемся друг перед другом взаимно: я обязан тебя покорно просить, а ты извинишь меня, если мой рассказ окажется сухим, если моя Минерва, ныне довольно отъевшаяся, как говорят, останется далеко ниже своего блестящего предмета, ибо приходится неопытному языку рассказывать лепеча то, на что едва ли достало бы сил у Вергилия. В этом отношении я признаю себя слабым, но я возлагаю все свое упование на того,– я имею в виду Христа – чей знаменосец будет мной воспет. Затем я избрал тебя, ученейший патриарх (Иерусалимский) Арнульф[1] , своим наставником с тем, чтобы ты выкинул у меня лишние страницы, пополнил пробелы, объяснил темное и переделал сухое; так как я знаю, что ты не чужд всяким наукам, то твои поправки будут для меня слаще меда; о, если бы я, которого ты был наставником в детстве, будучи сам еще молодым, мог теперь, возмужав, найти в твоей старости руководителя, который исправил бы мои ошибки!

I. Танкред, знаменитая отрасль знаменитого корня, считал виновником своих дней *маркиза* и Эмму[2] ; по отцу он сын благородного происхождения, а по братьям матери еще более знаменитый племянник: предки его с отцовской стороны довольствовались славой между соседями своей земли, а его дяди со стороны матери пронесли молву о своих подвигах далеко за пределы отечества, то есть Нормандии. Кто не знает отваги Гвискара, которого победные знамена, говорят, заставили трепетать в один день императора Греческого и Немецкого? Одним своим появлением он избавил Рим от немцев. Его воинственное племя, восторжествовав над греками, покорило себе всю страну. Остальные братья Гвискара, в числе 11, довольствовались завоеванием Кампании, Калабрии и Апулии. Отсюда должно исключить Рожера, который, победив язычников (мусульман) в Сицилии, приобрел себе такую славу, что его считают вторым после Гвискара. Но все это меня задерживает, а главный предмет моего рассказа не дозволяет мне останавливаться дольше.

Я возвращаюсь к Танкреду. Ни отцовские богатства не расположили его к изнеженности, ни могущество родственников не породило в нем гордыни. С первых лет отрочества он начал превосходить своих сверстников искусством владеть оружием, а старцев – солидностью нравов, и то одним, то другим подавал новые примеры доблести. С такого раннего времени сделавшись прилежным исполнителем заповедей Господних, он тщательно хранил в себе все, чему его учили, и применял то к жизни, насколько было то возможно при современных ему нравах. Он не унижался злословием даже и тогда, когда злословили о нем; даже делал больше, и, становясь сам глашатаем отваги своего противника, говорил обыкновенно, что врага следует поражать, но не терзать. В отношении себя он никогда не говорил ничего, но ненасытно жаждал, чтобы говорили о нем; а потому он предпочитал бдение сну, работу – отдыху, голод – насыщению, учение – праздности и, наконец, все полезное – излишнему. Одна страсть к славе волновала его юную душу, и с каждым днем он приобретал на нее новые права; он мало обращал внимания на опасность частых ран, и не щадил ни своей, ни вражеской крови. Но в то же

[1] Арнульф был капелланом Роберта, герцога Нормандского, и по завоевании Иерусалима его избрали первым латинским патриархом.

[2] Автор не называет по имени отца Танкреда, который современникам, вероятно, был хорошо известен по своему достоинству маркиза, которое заменяло ему имя; полагают, что его звали Одо Добрый; но во всяком случае он был туземный владетель Сицилии и вступил с пришельцами в родство, женившись на Эмме, дочери Танкреда Готвилльского и сестре его двенадцати сыновей. Итак, Танкред был племянник Гвискара и двоюродный брат Боэмунда.

время его душа, преисполненная мудрости, испытывала внутренние мучения и трепетала при мысли, что его рыцарские битвы находятся в противоречии с правилами Господа. Действительно, Господь повелел тому, кого ударили по щеке, подставлять другую щеку врагу, а светское рыцарство предписывает не щадить крови даже родственников. Господь повелевает отдать и рубашку, и мантию тому, кто нас ограбил; а рыцарь, по своей обязанности, должен отнять и остальное, с кого он взял уже и рубашку, и мантию. Это противоречие правил рыцарства с заповедями Божьими умеряло иногда отвагу этого героя, исполненного мудрости, но настолько, насколько то необходимо для отдохновения. Но когда проповедь Урбана (II) возвестила отпущение грехов всем христианам, которые пойдут на борьбу с неверными, мужество Танкреда встрепенулось от своего усыпления; он собрал все свои силы, открыл глаза, и отвага его удвоилась. До того времени, как я сказал, дух его, колеблясь между двумя путями, не знал, по которому следовать: по пути ли Евангелия, или по мирскому пути; но когда его призвали теперь к оружию во имя Христа, такой случай сразиться рыцарем и христианином воспалил в нем ревность, которую было бы трудно выразить. Сделав все приготовления к походу, он в короткое время собрал все, что было необходимо; и, без сомнения, он не делал больших трат для того, привыкнув с детства отдавать все другим, не помышляя о себе. Впрочем, он собрал в достаточном числе рыцарское вооружение, лошадей, мулов и съестные припасы, в количестве, необходимом для своих сподвижников.

В главах II и III автор распространяется в похвалах Боэмунду Тарентскому и говорит о договоре, заключенном им с Танкредом по поводу похода в Палестину, в силу которого Танкред обязался сражаться под его начальством, как герцог подчиняется королю, и быть в армии вторым.

Следующие главы (IV–IX) описывают сам поход Боэмунда по Греции, и именно первое его блестящее дело с греками при переправе через Вардар, где главное место принадлежало Танкреду; воспев в стихах этот подвиг своего героя, автор говорит дальше о страхе императора Алексея и о письме, которым он пригласил Боэмунда оставить армию и поспешить к нему лично, обещая ему при этом горы золота.

X. Послы императора Алексея, вооруженные таким льстивым письмом и исполненные коварства, идут, приходят, являются и вступают в переговоры с Боэмундом. Боэмунд, упоенный медовой наружностью их речей, не заметил яда, скрывавшегося под ними, и позволил себя обмануть обещанием богатств Константинополя, за которые он уже давно обагрял кровью и море, и землю. Напротив того, он был даже рад, что получает столь легко то, что ему часто не удавалось при нападении на греков. Таким образом, он решился пойти первым туда, куда его призывали, сопровождаемый ничтожной свитой, между тем как Танкред продолжал медленно двигаться с остальной армией. Все это дело нисколько не радовало сына маркиза, когда его известили о том, ибо он имел отвращение к вероломной дружбе греков, как ястреб боится тенёт или как рыба – удочки; презирая подарки, он решился даже совсем избежать свидания с императором. Распорядившись относительно того, кто должен был следовать за ним и кто остаться, Боэмунд отправился из замка, называемого Кимпсалой. Полученные обещания волновали его дух, дух пробуждал рыцаря, рыцарь пришпоривал коня, и они в несколько дней прибыли в Константинополь. Там Боэмунд, представившись Алексею, подчинил себя игу, называемому обыкновенно *homagium* (вассальная подчиненность). Без сомнения, это было ему неприятно, но он в то же время получил в дар обширную землю в Романии, в длину – насколько может пробежать лошадь в 15 дней и 8 дней – в ширину. Вслед за тем крылатая молва принесла известие о том Танкреду и шепнула ему: «Тебе, как идущему сзади, предстоит такая же сделка, но она будет еще унизительнее, как уже менее выгодная».

XI. Танкред, получив это известие, опечалился за Боэмунда и испугался за себя, ибо, видя дом соседа объятым пламенем, он был уверен, что и ему угрожает пожар. Тогда он начал ломать себе голову, искать и рассуждать с собой, какой дорогой можно

было бы выйти из такого положения, каким средством избегнуть и как наказать коварство вероломного императора. При этом он взвешивает, с одной стороны, свои силы, с другой – его хитрость; свою отвагу – и мощь противника; сравнивает своих рыцарей с богатствами императора, и видит в первом случае малочисленность, во втором – безмерность. Что делать? Сражаться? Но неприятель могуч. Явиться с мольбой? Но неприятель неумолим. Переплыть прямо? Но и тому препятствует бурное море. Видя, как предводители франков пойманы подарками, Боэмунд обойден хитростью, а он сам мучим собственным недоумением, Танкред углубился в себя и говорил в своем сердце:

«О, преступление! Где теперь найти верность? Куда девалась мудрость? О человеческое сердце! У одного оно вероломно, у другого безумно; один не имеет стыда, чтобы не делать зла, другой – предусмотрительности, чтобы познать это зло. Боэмунд отправился за богатствами, обольщенный и увлеченный именем сына (так называл его в своем письме Алексей), чтобы броситься в объятия отца. Он шел царствовать, а нашел иго; он шел возвысить себя, а послужил к возвышению другого и унизился сам. Слишком малознакомый с обманом, он поддался обманчивым ласкам. Ему было приказано оставить армию и пойти с небольшой свитой, под предлогом облегчить его движение, избавив от массы. Но не было бы лучше силой изобличить все эти хитрости? Одна такая решимость ниспровергла бы все ухищрения и открыла бы нам все дороги. Но Боэмунд отправился с небольшой свитой, как будто бы руки без оружия обеспечивают безоружную руку. Что сказать о предводителях Галлии, которые при своей многочисленности могли бы не только избавить себя от вассальной присяги, но даже сделаться властелинами всякого, кто обнаружил бы неповиновение? Я сострадаю и вместе стыжусь за людей, которые, однако, сами не имели ни стыда, ни сострадания к себе. Я уже теперь вижу, чем это кончится, когда они, истратив свои богатства, останутся при одном наказании, лишениях и раскаянии. Действительно, им придется раскаяться, когда они увидят себя вынужденными к неправде, подавленными необходимостью и без всякого утешения. Тогда, говорю я, они раскаются; но какая польза в раскаянии, когда нечем будет заплатить пеню? И каким бы способом они это сделали? Разве можно не исполнить того, в чем раз клялся? Могут ли они опираться на право, когда добровольно отдали себя в руки другого? Продав себя, будут ли они оставаться свободными? Кто более раб: тот ли, кто сам себя продал, или тот, кого продали вследствие насилия разбойников? Справедливо будут наказаны те, которые, с беспечностью смотря на будущее, ограничиваются мыслью о настоящем».

XII. Оплакав таким образом участь Боэмунда, козни Алексея и иго, которому подчинились князья Галлии, Танкред решается благоразумно не встречаться с первым, наказать второго и спасти последних. Вследствие того, прибыв к Константинополю, он не идет, как другие, представляться императору, не посылает впереди себя глашатая, не трубит в трубы, а уходит секретно. Сняв рыцарские одежды, он облекается в пехотинца, чтобы грубая одежда, скрыв Танкреда, обманула в то же время Алексея. Корабль, гребцы, северный ветер надувает парус; Европа позади пловцов и Азия представляется их жадным взорам. В это время потомок Гвискара поощряет мореходов, сидевших за веслами, и сам бьет веслом по лазурным волнам Геллеспонта. Вскоре нос корабля ударяется о берег давно желанный, и быстрота переезда совпадает с пламенными желаниями странников. Тогда сын маркиза, будучи в полной безопасности, принимает свое настоящее имя и одежду; так как другие вожди изготовлялись в дорогу к Никее, то и он присоединился к ним для этого странствования.

Между тем Боэмунд не покинул еще берегов Фракии. Он оставался там по настоянию Раймунда Тулузского, а последнему было необходимо продолжить свое пребывание в Константинополе, потому что он пришел поздно, и император желал обязать его теми же условиями, которыми он сковал его предшественников. Но граф предпочитал умереть, нежели согласиться на то; вот почему присутствие Боэмунда было ему необходимо, чтобы выйти из этого затруд-

нения. Когда Алексей был предуведомлен через шпионов, что племянник Гвискара тайно отплыл, он, огорченный обманом, требовал отсутствовавшего от присутствовавших, обвинял их в коварстве и говорил, что они сговорились похитить у него Танкреда. Его взгляды, походившие от гнева на взгляды раздраженной мачехи, обращались особенно к Боэмунду. Между тем как император метал молнии, а с языка его неслись угрозы, Боэмунд нехотя давал клятву, что он вернется, чтобы вложить руки Танкреда в руки императора; в противном случае ему не будет безопасно ни оставаться на месте, ни идти вперед.

XIII. Пока все это происходило, Танкред отправил в Константинополь двух рыцарей, Атропа и Гарина, с поручением упрекнуть Боэмунда за промедление и известить его, что война с турками уже близка; если он не поторопится, то все его надежды будут ниспровергнуты, ибо неприятель будет побежден без его содействия. Но это известие нельзя было передать Боэмунду так, чтобы о том не проведал император. Алексей призвал к себе вестников, желая вступить с ними в разговор относительно Танкреда и принудить их выдать тайну тем страхом, который должно было навести его присутствие. Получив вопрос, кто они, кому принадлежат и зачем посланы, они отвечали с твердостью, что они норманны и пришли от Танкреда пригласить Боэмунда к соединению с ними. Император, видя твердость их языка и неустрашимость, отпустил их без всякого наказания, сознавая что такое наказание не принесет ему никакой пользы.

Когда Танкред узнал о всем случившемся, как от послов, которые вернулись первыми, так и от Боэмунда, который прибыл за ними, трудно сказать и нелегко поверить, до какой степени он был огорчен и опечален, видя, что все усилия его предусмотрительности разбились о беспечность другого. Так растопленная печь не может удержать в себе огня; буря раздувает повсюду с треском и колеблет по воле ветров огненные языки. Действительно, говорят, что в ту пору Танкред облегчал тайное горе своей души жалобами, которые он выразил следующим образом:

«Увы! Как ослеплен ум человека и как темно для него будущее! Когда, по-видимому, он вполне доволен, ему приходится иногда еще только что начинать. Мудрость ничтожна, если ревнивая судьба объявляет себя против; и наоборот, тщетно было бы противиться тому, кому покровительствуют боги. Я полагал, что мною были приняты все меры предосторожности, и беспечность или презренная робость не будут в состоянии мне повредить. Я презрел подарками; я убежал один; я обманул бдительность лазутчиков и ускользнул из расставленных мне сетей; мне удалось то, о чем я едва смел помыслить. Но увы! К чему послужило мне то, что я безвредно проник мимо врагов и прошел сквозь сети, которые не пропускают и самых невинных без того, чтобы не изувечить их. Я видел людей благородных, сыновей герцогов и королей, как они, променяв свои владения на добровольное изгнание, шли с миром в поход; и пустынные страны, варварские королевства, открывались перед ними при их появлении; ни море, ни земля не противопоставляли им препятствий. Но когда они пришли к этому чудовищу, более кровожадному, чем сама трехглавая Химера, не нашлось Пегаса, который спас бы их и унес на себе в минуту беды. Все вынуждены были пройти, так сказать, под копье своего повелителя и дать клятву, которую им продиктовали. Что касается меня, то я, считая себя более достойным строгого судьи, я опасался и более строгого наказания: мне нужно было употребить более усилий, чтобы уйти, так как я пылал большей местью; я отказался от управления войском, отказался от самого себя, чтобы не преклониться, подобно другим, и иметь свободу отомстить за обиду других. Теперь к чему послужит сетовать на человека, наложившего на меня оковы, которые я разбил сам? Ему мало было склонить свою голову; он захотел склонить и мою; могут ли мои уста воздержаться, чтобы не сказать, что он позавидовал моему благополучию? Но это все говорят, и последствия доказали ясно, что клятва Боэмунда за меня была дана им в зависти. Сам же он, по-видимому, не сознает, по лености или по слабоумию, что он вверг меня

в эту пропасть горя. Но и то, и другое должно было быть велико; оба эти качества явились злыми мачехами моего счастья. Правда, он говорит, что его принудили погубить меня таким образом; но его слова не могут замаскировать его ревности, укротить моего негодования, извинить то, что он сделал, и простить того, кто это сделал. Так, он старается уверить в своей невинности, но и его слова не могут оправдать его в промедлении, ни снять с него того преступления, что он позволил себе уснуть в праздности. Хорошо же! Я беру на себя его клятву: я искуплю вероломного; на свой страх я искуплю вероломство другого. Я был обманут, но не побежден вследствие собственной же беззаботности; меня захватили чужой слабостью и для освобождения родственника. Если я останусь в живых, победитель опечалится, увидев, что мой гнев разнуздан, что он не сумел прийти к миру. Я не буду много думать о том, чтобы нарушить клятву, которую я дал не сам добровольно, но к которой меня вынудили против воли, насилием тирана, и нарушу тем скорее, что соблюдение такой клятвы было бы общественным несчастьем; не обратив на нее внимания, я окажу услугу общественному благу».

XIV. Но отложим в сторону и эти, и им подобные жалобы сына маркиза; дадим ему минуту вздохнуть и займемся описанием, как была обложена Никея, вымерим лагерь, приведем имена, происхождение и качества князей, осаждавших город.

Автор приводит в остальной части этой главы и в главе XV список князей, осаждавших Никею, с их краткой характеристикой. В главе XVI рассказывается коротко об осаде Никеи, причем на первом плане – подвиги Танкреда. В главе XVII, упомянув о том, что Никея сдалась и была вручена императору, автор говорит, как Боэмунд взял Танкреда с собой и привел его к императору; но Танкред в своей речи объявил, что он даст присягу императору, если император отправится вместе со всеми к Иерусалиму и поможет крестоносцам. Император, недовольный таким условием, воспользовался подкупом.

XVIII. Алексей, видя, что Танкред пренебрегает деньгами и не может быть, как другие, закован в золотые цепи, принужден был принять его условия и одобрить их. Тогда они подали друг другу правую руку; но сын маркиза чувствовал внутри себя чрезвычайное изумление, а извне свирепые его взоры обнаруживали негодование. По совершении церемоний, соблюдаемых при заключении подобного договора, Танкреду предложили просить у императора всего, чего он пожелает, без опасения отказа; а между тем все были уверены, что он захочет золота, серебра, драгоценных камней и других подобных предметов, которые необходимы для похода и вместе могут льстить его самолюбию. Но, презирая деньги и помышляя в сердце своем об отличиях царских, он отказался от всего того, пожелав почести, от которой всякий другой отказался бы, если бы даже ему ее и предложили, как от предмета весьма обременительного, и объявил, что из всего императорского имущества ему нравится только одна вещь. У императора была палатка удивительной работы; она поражала и искусством и материалом; в эту палатку входили, как в город, воротами, защищенными башней; 20 верблюдов едва могли перевозить ее и были ею тяжко обременены; в ней могло помещаться множество народа; наконец вершина палатки возвышалась над всеми прочими, как высится кипарис над плакучей ивой. Это был единственный дар, который мог увлечь сердце великодушного племянника Гвискара, единственный дворец, который ему хотелось бы приобрести: в настоящую минуту такой дар казался даже обременительным, но он мог впоследствии сделаться славным знаменем. Как рассказывают, Алексей, узнав о его желании, пришел в великий гнев, как некогда бог Делоса (Аполлон) рассердился на Фаэтона (который просил у отца его колесницу); но у Аполлона был родительский страх, а у Алексея обнаружилось одно негодование врага. Феб сокрушался, предвидя опасности, угрожавшие его сыну, а Алексея досадовало высокомерие Танкреда. Феб просил сына избрать менее пагубный дар, а Алексей отказал единственно для того, чтобы иметь случай выразить Танкреду свой гнев в следующих выражениях:

«Итак, сын маркиза осмеливается равняться со мной и просить себе царских

Испанский дворянин XII в. и западноевропейский рыцарь XII–XIII вв.

отличий? Ему надоело обыкновенное, и вот он домогается дворца, принадлежащего мне, единственной работы в целом свете! Если он достигнет своей цели, что ему останется еще, как не сорвать с головы моей корону и возложить ее на себя? Без сомнения, у него не хватает прихожих, чтобы вместить всех своих просителей, и рыцарская его дружина не может быть помещена в обыкновенном здании. Вот почему он просит королевского жилища, которое могло бы удовлетворить нуждам такого знатного господина. Но если он и получит желаемое, то откуда ему взять мулов и погонщиков для перевоза такой тяжести? Конечно, получив такой дар, ему ничего не останется, как пойти самому пешком. Но пусть он вспомнит об участи осла, который погиб от того, что вздумал нарядиться в львиную шкуру; желая тем внушить ужас, он имел только ту выгоду, что познакомился с тяжелой рукой крестьянина. Приняв эту историю в соображение, пусть он думает под тенью моего имени устрашать других: те, которые откроют обман, не найдут ничего больше, как Танкреда. Пусть он снимет мерку с себя и выкроит себе палатку по своему росту; но от этой ему необходимо отказаться. Если он оскорбится таким отказом, то мне мало дела до его гнева и угроз. Глупое самолюбие этого человека открывает мне все более и более его замыслы; пока он молчал его можно было принять за философа, но лишь только он открыл рот, как и обнаружилось его безумие. Итак, сын маркиза, ты можешь обрушить на мою голову все твои хитрости, козни, гнев и ярость; я ожидаю от тебя всякого рода выходок, но никогда не удостою тебя считать ни неприятелем, ни другом!»

Говоря таким образом под влиянием гнева и коварства, Алексей, с одной стороны, прикрывал свой страх, и с другой – старался излить желчь, которая теснила его сердце. Но Танкред, как бы продолжая речь императора, подхватил только одни последние его слова и с веселым лицом отвечал: «А я удостою тебя быть моим неприятелем, но не другом». С этими словами они разошлись и никогда уже более не встречались.

В следующих главах, от XIX до CXI, наш автор описывает движение крестоносной армии от Никеи до Антиохии, взятие этого города и дальнейший поход к Иерусалиму; весь рассказ отличается от подобного же рассказа других писателей того времени тем, что Танкред везде является главным действующим лицом; говоря коротко об общем ходе событий, автор с любовью останавливается на личных подвигах своего героя, и весь этот отдел заключен гимном, который был будто бы пропет Танкредом при виде Иерусалима. (Рассказ автора о подвигах Танкреда во время осады св. города см. ниже.)

Gesta Tancredi etc. Гл. I–XVIII.

ПИСЬМО СТЕФАНА БЛОА К ЖЕНЕ АДЕЛИ ИЗ ЛАГЕРЯ ПОД НИКЕЕЙ (июнь 1097 г.)

Граф *Стефан* графине Адели, нежному другу, супруге своей, желает всего, что может придумать его ум лучшего и счастливого!

Знайте, возлюбленная моя, что я прибыл в Рим со всем почетом и в полном телесном здравии. Из Константинополя я старался тебе описать все мое житье-бытье и все приключения странствования; но, опасаясь, что посланный мог встретиться с каким-нибудь несчастьем, пишу тебе вторично о том же. Благодаря Богу я прибыл в Константинополь с величайшей радостью. Император (Алексей Комнин) принял меня по достоинству с великим почетом, как родного сына, щедро наделил дарами, и вообще говоря, во всей божьей рати нет ни одного герцога, ни графа, ни другого значительного лица, кому бы он более верил или был более благосклонен, нежели ко мне. Да, моя возлюбленная, его императорское величество часто убеждал меня и убеждает вручить ему одного из наших сыновей: он обещал осыпать его такими почестями, что он не будет завидовать даже и нам. Скажу тебе по правде, что в наше время нет на земле человека, который был бы подобен императору. Он щедро наделяет наших князей, всех воинов осыпает дарами и кормит всех бедных.

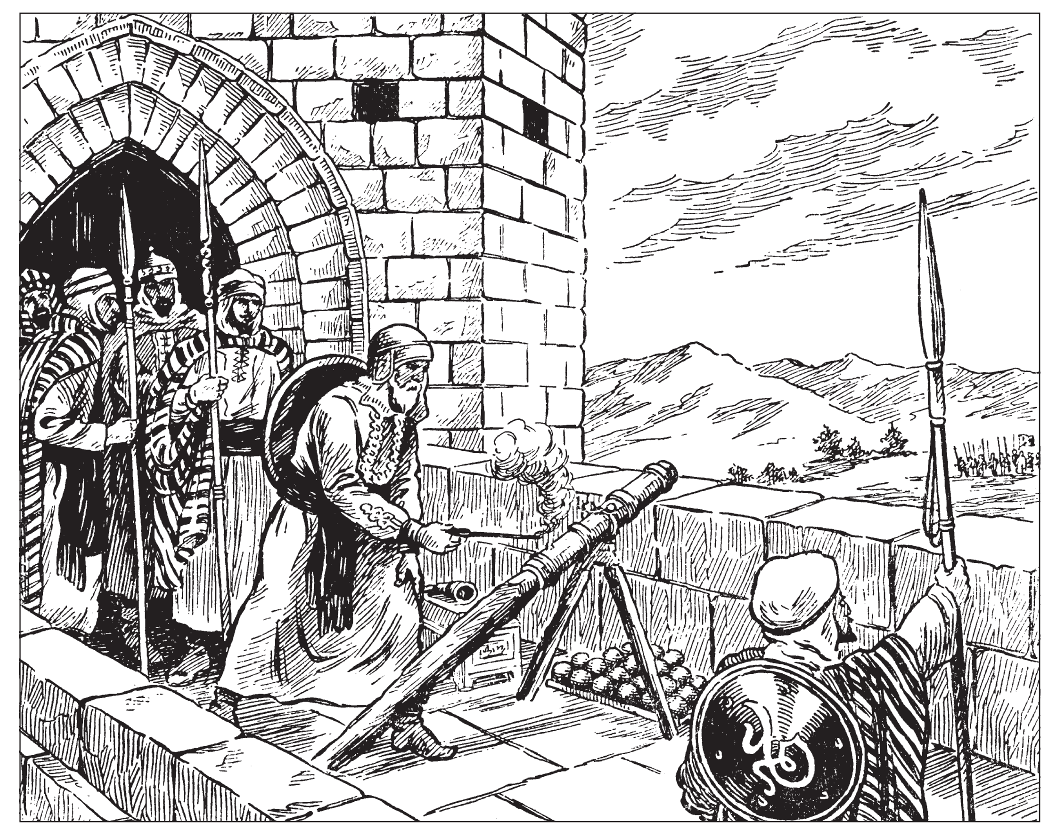
Близ Никеи находится укрепление Цивитот; недалеко от него лежит рукав моря, по которому ходят днем и ночью собственные корабли императора вплоть до самого Константинополя; на них доставляется в лагерь подаяние бесчисленным бедным и ежедневно им раздается. В наше время, как мне кажется, во всей вселенной не найдется государя столь знаменитого своими доблестями. Твой отец, моя возлюбленная, раздавал много, но все это ничто по сравнению с ним. Мне было приятно сказать тебе что-нибудь об императоре, чтобы ты знала, что это за человек.

Дней через 10, в продолжение которых он удерживал меня с почетом, я простился с ним, как с отцом. Он сам распорядился приготовить мне корабли, при помощи которых я быстро переплыл спокойный рукав моря, омывающий Византию. Рассказывали, что этот Константинопольский рукав бурен и опасен; но это выдумка, ибо по нему можно плавать так же спокойно, как у нас по Марне или Сене.

Оттуда мы вошли в так называемый рукав Св. Георгия и направили свой путь к Никомедии, городу, опустошенному турками, где блаженный мученик Панталеон пострадал за Христа и где тот морской рукав имеет свое начало и конец. Потом мы поспешили, благословляя Бога, к великому городу Никее. Никея же, моя возлюбленная супруга, окружена более чем 30 башнями и удивительными стенами. Мы нашли в ней турок, отважных защитников, и бесчисленную рать Господню, которая уже в течение четырех недель вела с никейцами смертельную борьбу. Незадолго до нашего прибытия в лагерь Солиман (Килидж Арслан), султан Турецкий, приготовившись к войне, напал неожиданно с огромным войском на наших, имея в виду прорваться в город и помочь своим; но по Божественному милосердию случилось иначе, нежели он думал. Наши, выйдя с поспешностью, жестоко приняли турок, и они, обратив тыл, ударились в бегство. Продолжая настойчиво преследование, христиане многих из них перебили и гнали на большом пространстве, нанося бегущим раны и смерть. Если бы не скалистые горы, неизвестные нашим, то в этот день враг испытал бы великое и невознаградимое бедствие. Из наших же при этом никто не погиб. После мы соединенными силами сделали несколько отчаянных приступов и метательными орудиями и луками умертвили многих турок, и даже знатных. Из наших были убиты некоторые, но весьма немногие: из именитых рыцарей (nominativus miles nullus) никто, кроме Балдуина, графа Ганца из Фландрии.

Наши богоспасаемые князья, видя, что Никея находится в отчаянном положении, но простым оружием взять ее нельзя, построили высокие деревянные башни с бойницами и всякого рода снадобьями. Турки же, заметив то, отправили в страхе гонцов к императору с предложением сдать город в его руки, с условием вывести их из города, хоть нагими, и наложить оковы, но с сохранением жизни. Узнав о том, император, уважаемый всеми, явился к нам, но побоялся войти в город, чтобы народная толпа, любившая его, как доброго отца, не задушила от радости.

СТЕФАН,ГРАФ БЛОА (ETIENNE, COMTE DE BLOIS). Граф Блоа – известен также под другим именем Генрих Блоа – наследовал своему отцу, Тибо Блоа, и принадлежал к числу самых богатых участников Первого крестового похода. Он считался одним из образованнейших людей своего времени и особенно прославился как поэт, так что современники называли его Цезарем на войне и Вергилием в поэзии. Его жена, Адель, или Алиса, дочь Вильгельма Завоевателя, была знаменита также своим творчеством; о ней говорили: copia dictandi torrens. Сын их, Стефан Блоа, в 1135 г. вступил на английский престол. Во время похода в Палестину он писал своей жене три раза: первое письмо из Константинополя утрачено и сохранились только два последних, из Никеи и Антиохии. Никейское письмо помещено в собрании Мабильона, ученого XVIII в.: Museum Italicum. Par., 1724. T. I, с. 237. Оно замечательно как почти единственный латинский памятник, в котором император Алексей Комнин находит для себя панегирик, в противоположность показаниям других западных писателей той эпохи.



Арабский ученый Шамс уд-Дин Мохаммед описал в XII столетии огнестрельное оружие, называвшееся модфа. Оно состояло из короткого металлического ствола на древке. Заряжалось это подобие мортирки пороховой мякотью и метало снаряд, называвшийся бондок, что по-арабски означает орех. Стрелок, действовавший таким оружием, назывался бондактор. Из модфы стреляли с сошек. Заряд зажигали от руки

Он пристал недалеко от нас на одном острове; все наши князья, кроме меня и герцога Тулузского, поспешили к нему, чтобы разделить с ним радость победы; он принял их, как то и следовало, с великим удовольствием. Особенно его обрадовало то, что я остаюсь при городе, на случай, если бы турки вздумали напасть на Никею или на наш лагерь. Оставаясь на том же острове, великий император распределил добычу так, чтобы все драгоценнейшее, а именно золото, камни, серебро, одежды, лошадей и тому подобное разделить между рыцарями; все же съестное отдать пешим людям. Кроме того, он сам наградил князей из своей сокровищницы.

Таким образом, 17 июня (1097 г.), при помощи Божьей, великая Никея сдалась. В книгах написано, что св. отцы первоначальной церкви организовали в Никее св. собор и, истребив арианскую ересь, утвердили, руководясь внушением Св. Духа, Святую Троицу. Теперь же этот город, служивший некогда гнездом заблуждений, Божьей милостью сделался, усилиями слуг Господних, служителем истины. В заключение скажу тебе, моя возлюбленная, что если нас не задержит Антиохия, то через пять недель мы будем в Иерусалиме.

Будьте здоровы!
Стефан, граф Блоа.

Epistola Stephani Comitis Carnotensis ad Adelam, uxorem suam, scripta ex castris obsidionis Nicaenae.

Альберт Ахенский

ДВИЖЕНИЕ КРЕСТОНОСЦЕВ ОТ НИКЕИ К АНТИОХИИ. 27 июня – 21 октября 1097 г. (около 1120 г.)

Вторая книга

Первые 37 глав второй книги[1] автор посвящает описанию сбора крестоносцев для первого похода в Константинополь, говорит о их переправе в Малую Азию и рассказывает об осаде Никеи крестоносцами до взятия города, в конце июня 1097 г. Затем с главы XXXVIII и далее он весьма подробно описывает последующее движение крестоносной армии от стен Никеи через всю Малую Азию и до Антиохии, к которой она прибыла 21 октября того же года, после четырехмесячного пути.

XXXVIII. На следующий день (27 июня 1097 г.) весь народ пришел в движение и, взяв с собой все необходимое, продолжал свой путь по середине *Романии* (то есть Малой Азии), не опасаясь в будущем никаких бедствий. Пилигримы, идя два дня соединенной армией по ущельям гор и узким проходам, решились потому подразделить свое многочисленное войско с тем, чтобы иметь более простора для расположения лагеря и чтобы легче добывать съестные припасы для самих себя и корм для лошадей. Соединившись снова между двух высоких гор, они перешли по мосту какую-то реку, и Боэмунд со своей дружиной отделился вторично от герцога Готфрида. Боэмунда сопровождали самые именитые вожди, Роберт, граф Нормандии, Стефан, князь Блоа, и все они вместе, взяв направо (у Вильгельма Тирского налево), держались так, чтобы не отдаляться от прочих товарищей более как на одну милю. Сам же герцог и сопровождавшие его, епископ Пюи (Адемар) и граф Раймунд подвигались вперед, идя направо (ошибка, см. выше). После такого разделения Боэмунд и вся армия прибыли в девятом часу в долину Доргогана (ныне Горгона), которая в новейшее время называется Озелли; пилигримы немедленно разошлись по лугам и берегу ручейков, чтобы раскинуть свой лагерь, отдохнуть и подкрепиться пищей и прочим необходимым.

XXXIX. Но едва Боэмунд и другие отважные мужи сошли с лошадей, как Солиман, собравший после своего бегства от стен Никеи союзные силы в Антиохии, Тарсе, Алеппо и других городах Романии между турками, рассеянными по стране, быстро появился перед ними с огромной армией. Немедленно и без малейшего отдыха он напал на войско христиан, и его люди, распространившись по всему лагерю, умерщвляли всех встречавшихся им на пути; одни погибали от стрел, другие от меча; многих же жестокий неприятель забирал в плен. Народ был объят ужасом и поднял крики; замужние и незамужние женщины погибали вместе с мужчинами и детьми. Роберт Парижский, стремясь на помощь несчастным, был поражен стрелой и немедленно умер. Боэмунд и другие вожди, озадаченные этим неожиданным поражением, вскочили на лошадей, поспешно надели панцири и, соединив остаток армии в одно целое, защищались мужественно, несмотря на неожиданность нападения, и долгое время выдерживали борьбу с неприятелем. Вильгельм, брат Танкреда, молодой человек необыкновенной красоты, полный отваги и только еще начинавший военное поприще, храбро сопротивлялся и часто наносил туркам удары копьем, но стрела опрокинула его на глазах Боэмунда. Танкред также отважно защищался и с трудом спас жизнь, оставив за собой значок, который был привязан к копью, и тело убитого брата. Турки, предводительствуемые своим князем Солиманом, взяв верх, устремились в лагерь, поражая своими роговыми луками и стрелами и избивая пеших людей, пилигримов, девиц, женщин, старцев и детей, не щадя никакого возраста. Придя в ужас от таких жестокостей и опасаясь для себя ужасной смерти, молодые девушки, и даже самые благородные, поспешили надеть на себя лучшие одежды и явились перед турками, в надежде, что они, укрощенные и вместе воспламененные их красотой, почувствуют жалость к своим пленницам.

---

[1] Первую книгу см. выше.

XL. Пока стадо верующих оставалось в отчаянии, а сам Боэмунд, атакованный врасплох, вместе со своими людьми, начал сопротивляться с меньшим жаром, уже около 4 тысяч человек христианской армии пали под ударами неприятеля, вестник, оседлав быстрого коня, летел над пропастями гор и прибыл печальный, задыхаясь, к герцогу. Готфрид, выйдя в ту минуту из палатки, шел навестить своих товарищей по оружию. Заметив издалека вестника, летевшего изо всех сил с лицом бледным и искаженным, он спросил его о причине такой поспешности, чтобы передать о всем случившемся другим вождям. Неся важную и печальную новость, гонец отвечал ему: «Наши князья и сам Боэмунд выдерживают в эту минуту всю тяжесть утомительной битвы; над народом, следовавшим за ним, уже произнесен смертный приговор, который скоро обрушится и на голову всех князей, если вы не поспешите к ним на помощь. Турки ворвались в наш лагерь; спустившись с долины, называемой *Озелли*, то есть *Ужасной*, в долину Догоргану, они без устали умерщвляют пилигримов; Роберт Парижский убит и ему отрублена голова; статный юноша Вильгельм, сын сестры Боэмунда, пораженный насмерть, заслуживает нашего сожаления. Вот почему все союзники приглашают вас на помощь; не медлите и ускорьте свои шаги».

XLI. Узнав о бедствии своих братьев и о дерзости турок, герцог приказал трубить во все стороны, созвать всех своих спутников, схватиться за оружие, поднять знамена и лететь на помощь пилигримам, не давая себе отдыха. Немедленно и как бы идя на веселое пиршество, христиане спешат взяться за оружие, надеть панцири, подпоясаться мечом, взнуздать и оседлать лошадей, захватить свои щиты, и 60 тысяч рыцарей выходят из лагеря, сопровождаемые толпами пехоты. День был уже в полном блеске, солнце сияло великолепно; его лучи отражались на золотых щитах и железных панцирях; знамена и привязанные к пикам пурпуровые значки, разукрашенные драгоценными камнями, сверкали, развеваясь; всякий пришпоривал быстрого коня; никто не поджидал брата или товарища и спешил, как мог, на помощь христианам, чтобы отомстить за них. Видя наших, поспешавшими на помощь своим братьям и пылавшими жаждой битвы, притом в большом числе, покрытых железом и с распущенными по ветру знаменами, блестящими боевыми значками, турки обратились в бегство; пораженные ужасом и оставив убийство, одни спасались по полям, другие бросились по тропинкам, им известным. Но Солиман, предводительствуя сильным отрядом, отступил на вершину горы и, остановившись там, начал готовиться к новой схватке с христианами.

XLII. Герцог Готфрид, имея под собой быстрого коня, прибыл первым с 50 своими соратниками, выстроил народ, следовавший по его стопам, и не медля двинулся на вершину горы, чтобы вступить врукопашную с турками; а турки, собравшись на горе, стояли неподвижно и готовились к сопротивлению. Наконец, соединив всех своих, Готфрид бросился на выжидавшего неприятеля, направил на него все копья и громким голосом увещевал соратников нападать неустрашимо. Тогда турки и их предводитель Солиман, видя, что герцог Готфрид и его люди с мужеством настаивают на битве, опустили поводья лошадям и быстро побежали прочь с горы. Готфрид преследовал их на расстоянии 6 миль, поражая одних мечом, других забирая в плен, захватывая богатую добычу и вырывая из их рук девиц, юношей и все, что они старались унести и увести с собой. Герард из Керизи, преследуя также неприятеля на прекрасном коне, завидел турка, остановившегося на вершине горы с уверенностью в собственные силы, и бросился отважно на него; но турок, пронзив стрелой его щит, поразил его между печенью и легкими и, опрокинув замертво на землю, увел с собой его лошадь. Балдуин, граф Геннегау (comes Hamaicorum, откуда нов. Hainaut), муж славный щедрой милостыней, и Роберт Фландрский обратили турок в бегство и, разъезжая во все стороны, ободряли беспрестанно своих с тем, чтобы они били без устали и чтобы никто из них не останавливался в преследовании и не отказывался от резни. Балдуин Буржский, Фома из замка

Ферия, Райнольд Бовезский, Вала Кальмонтский, Готард, сын Готфрида, Гаст из Беарна (Berdeiz) и Рудольф – все они трудились с одинаковым рвением и, как храбрые рыцари, беспрестанно преследовали турок и истребляли их под своими ударами. Бока лошадей поднимались от ускоренного дыхания, и пар от них выходил облаком из рядов. Время от времени турки, в надежде на свою многочисленность, собрав силы, давали мужественный отпор и бросали в воздух стрелы, ниспадавшие частым градом. Но едва только эта туча стрел рассеивалась, как верные, сохраняя постоянно в руках копья, которыми они поражали неприятеля, бросались на него снова и, разнося смерть по его рядам, принудили, наконец, турок, побежденных и поставленных вне возможности защищаться, бежать над пропастями гор и спасаться по тропинкам, им одним известным...

XLIII. Победоносные христиане овладели всем, что турки везли за собой; в награду за это дело они захватили хлеб, множество вина, буйволов, быков, баранов, верблюдов, ослов, мулов, лошадей и, кроме того, драгоценное золото, неизмеримое количество серебра и палатки, покрытые украшениями и удивительной работой. Торжествуя счастливый успех битвы, Боэмунд и все другие князья, поименованные мной и бывшие вождями и опорой войска, соединились в величайшем согласии и держали совет, на котором постановили, начиная с этого дня, единодушно собирать съестные припасы и сложить их в одно место; и это было сделано сообразно с тем постановлением. Во время схватки и пока турки бежали, несколько рыцарей христианских погибло от стрел; турки, как рассказывают, потеряли три тысячи человек. После такой жестокой битвы витязи Христа отдыхали три дня на берегу реки, чтобы подкрепить свои утомленные члены, и питались добычей, которую им оставили в изобилии убитые турки. Находившиеся там епископы, священники и монахи предали земле тела умерших, читая молитвы, и, распевая псалмы, поручали души верных Господу Иисусу Христу. Солиман, побежденный и с трудом спасшийся, перешел горы Романии; он не мог более рассчитывать на город Никею и горько оплакивал свою жену, детей и всех, кого он прежде потерял на никейских полях от меча галлов, а равно и тех, которых он недавно лишился в долине Горгоны и которые или попались в плен, или пали во время битвы.

Книга третья

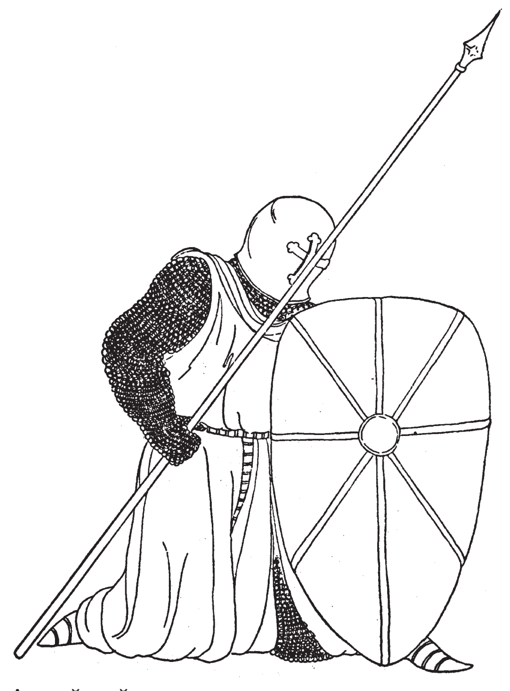
I. В четвертый день по отступлении неприятеля с рассветом французы, лотаринги, швабы, бавары, фламандцы и весь немецкий народ вышли из лагеря и, захватив с собой все необходимое, равно как и добычу, отнятую у турок, расположились на вершине *Черных Гор*, где и провели ночь. На следующее утро норманны, бургунды, бретоны, швабы, бавары, немцы, одним словом, вся армия, спустились в долину *Малабиумас* и оставались там несколько дней, как по затруднительности пути в узких горных проходах, так и по причине своей многочисленности и чрезмерной жары августа (1097 г.). В один из дней шабаша (sabbati) этого месяца оказался недостаток в воде более обыкновенного, так что в тот самый день, по словам присутствовавших при этом, около 500 человек обоего пола погибли в муках жажды. Лошади, ослы, верблюды, мулы, быки и другие животные пали от той же самой причины.

II. Мы узнали не только по слухам, но из достоверных рассказов лиц, которые сами пострадали от того бедствия, что мужчины и женщины претерпели в этом печальном положении такие муки, которые могут исполнить ужасом всякого и рассказ о которых поразил бы сердце чувством страха. Многие беременные женщины, с запекшимися губами и пылавшими внутренностями, с нервами, истомленными от невыносимого жара солнечных лучей и раскаленной почвы, разрешались при всех и на том же месте бросали новорожденных. Другие несчастные, оставаясь возле тех, кого они произвели на свет, валялись на дороге, забыв всякий стыд и не имея сил противиться ярости, возбуждаемой в них всепожирающими муками. Эти роды были преждевре-

менны, ранее срока, назначенного природой; солнечный жар, томительность пути, мучение продолжительной жажды, отдаленность воды – причины таких несвоевременных родов; по дорогам валялись младенцы, мертвые или едва сохранившие дыхание. Мужчины, ослабевшие от чрезмерной испарины, бродили с открытым ртом, чтобы больше вдыхать в себя воздуха и уменьшить муки жажды, но все это не облегчало их. Потому, как я сказал, в этот день погибло много народа. Соколы и другие охотничьи птицы, составлявшие радость знатных и благородных господ, околевали от жажды и жары на руках тех, которые носили их, и собаки, приученные к охоте, падали у ног своих владетелей. В то время, когда все были мучимы таким страшным бедствием, показалась вода той реки, которую так искали и так страстно желали. Все бросились к тому месту, и в толпе, бежавшей вдруг, каждый старался опередить другого; никто не обнаружил умеренности и множество людей и животных пострадало и, наконец, погибло от излишества в утолении жажды.

III. Выйдя наконец из этих скалистых ущелий, пилигримы при своей многочисленности решили с общего согласия разделить войско на несколько отрядов. Танкред и Балдуин, брат герцога Готфрида, отделившись вместе со своими людьми, прошли посреди Озелли. Танкред, идя впереди со своим отрядом, приблизился к двум соседним городам Гераклее и Иконии (Reclei и Stancona), где жили христиане под игом турецких подданных Солимана. Балдуин же, следуя по извилистым горным тропинкам, почувствовал вскоре ужасный недостаток в съестных припасах; лошади, лишенные корма, с трудом передвигали ноги и еще менее могли нести на себе всадников; герцог Готфрид, Боэмунд, Роберт, Раймунд шли вдалеке по королевской дороге и, направляясь к Малой Антиохии, соседней Гераклее, решились остановиться там около девятого часа дня. Наступил вечер; герцог Готфрид и главные вожди раскинули свои палатки поблизости горы на хорошем месте, среди лугов, изумляясь красоте и богатству страны, в которой они нашли превосходную охоту, любимую потеху и упражнение рыцарства. Утвердившись там, сложив свое оружие и добычу и видя перед собой лес, наполненный дичью, они взяли свои луки и колчаны, подпоясались мечом и отправились туда искать дичь при помощи чутья собак, чтобы погоняться и добыть чего-нибудь.

IV. Когда они углублялись таким образом в лес, каждый следовал своей дорогой, чтобы поместиться в засаде, герцог Готфрид заметил громадного медведя, наружность которого приводила в ужас. Зверь напал на бедного пилигрима, собиравшего лозняк, и преследовал его, чтобы сожрать, вертясь около дерева, на котором несчастный искал убежища; судя по рассказам тех, кто успевал спастись, этот медведь имел обычай гоняться таким образом за пастухами и за всеми, кто входил в лес. Герцог, привыкший и всегда готовый подать помощь христианам, своим братьям, в их несчастье, извлекает немедленно меч и, дав сильно шпоры коню, летит вырвать несчастного из когтей и зубов кровожадного зверя: испустив громкий крик, он устремился через густой кустарник и становится лицом к лицу с жестоким врагом. Медведь, заметив, что на него несется конь с всадником, уверенный в своей ярости и в раздирающей силе своих когтей, немедленно идет навстречу герцогу, раскрывает пасть, как бы желая разорвать его на части, поднимается на дыбы, чтобы защищаться или, скорее, чтобы напасть, выпускает свои когти, принимает меры для обороны головы и лап от ударов меча и постоянно увертывается от герцога, заносившего на него руку; в то же время рев зверя потрясает лес и горы, и слышавшие его не могли довольно надивиться тому. Герцог, видя, что злой и хитрый зверь сопротивляется с дерзостной отвагой, в волнении и с негодованием обращает на него острие меча, неосмотрительно наскакивает на зверя и в яростном ослеплении старается проколоть врага. К несчастью, зверь и на этот раз увернулся от удара и, запустив когти в тунику герцога, схватил его в лапы, стащил с лошади и, бросив на землю, был готов растерзать его своими зубами. В этой ужасной крайности герцог, вспомнив свои многочисленные подвиги и опасности, от



Английский рыцарь

которых он до того дня благородно избавлялся, и полный отчаяния ввиду того, как ему предстояло быть раздавленным и постыдно умереть под зубами дикого зверя, собрал все силы и быстро стал на ноги. В минуту неожиданного падения с лошади, когда он боролся с разъяренным животным, меч его запутался между ног; хотя он успел схватить его за рукоятку и бросился, чтобы заколоть врага, но еще прежде того он нанес себе широкую рану в ляжку и нервы, которые там проходят. Кровь полилась обильно и сокращала его силы; однако он не уступал зверю и оставался на ногах, защищаясь с отчаянием. Наконец один из его свиты по имени Гузекин, услышав пронзительный крик того бедняка, который был избавлен от смерти, и страшный рев медведя, разносившийся по лесу, быстро понесся на помощь герцогу; обнажив меч и вместе с герцогом напав на свирепое чудовище, он пронзил ему грудь и бок. Наконец дикий зверь пал, и герцог, почувствовал тогда в первый раз боль от раны и ослабев от значительной потери крови, побледнел и потерял чувство. Все войско было встревожено этой печальной новостью. Всякий спешил к месту, откуда несли раненого могучего витязя, главу совета и вождя пилигримов. Князья войска, положив его на носилки, отправили тотчас в лагерь и прибыли, пораженные печалью, среди плача мужчин и стона женщин. Призвали лучших медиков позаботиться о его исцелении; мясо же зверя было разделено между князьями, и все единогласно признали, что им никогда еще не случалось видеть медведя такой величины.

V. Пока герцогу мешала его тяжелая рана, армия подвигалась весьма медленно. Танкред, опередив прочих, следовал по королевской дороге и, оставив позади Балдуина, брата герцога, направился к морскому берегу. Перейдя через скалы и долину Бутрент, он явился к вратам Иуды, и таким образом достиг города Тарса, называемого обыкновенно Турсольтом; этим городом и его башнями владели турки, поставленные Солиманом. Армянин, знавший Танкреда, по случаю пребывания у него, обещал ему склонить жителей города, страдавших под тягостным игом турок, выдать город Танкреду с осторожностью и тайно от неприятеля, если представится к тому удобный случай. Но жители, устрашенные присутствием и бдительностью турок, не торопились исполнить предложение армянина, и потому Танкред двинулся вперед, опустошил морской берег, соседний городу, приобрел много добычи для того, чтобы предпринять осаду, и, воротившись, раскинул палатки вокруг стен. Оттуда, угрожая беспрестанно туркам, занимавшим укрепления и башни, он дал им знать о прибытии Боэмунда с сильной армией, следовавшей за ним, и объявил, что его войско до тех пор не прекратит своих нападений, пока не овладеет городом и всеми жителями, как то случилось в Никее; но если, напротив того, они покорятся и откроют ворота, то не только будут пощажены Боэмундом и сохранят свою жизнь, но еще получат много подарков и будут признаны достойными владеть этим городом и другими крепостями.

VI. Увлеченные этими обещаниями, может быть уж слишком широкими, турки дали слово Танкреду выдать город с усло-

вием, что они не подвергнутся ни малейшей опасности и не испытают никакого насилия от войск, которые могли бы явиться после него, прежде чем город и крепость будут сданы Боэмунду. Танкред, не отвергая таких условий, заключил с ними договор, по которому его знамя должно было быть поставлено турками на самом высоком месте укрепления, как знак, который возвестит Боэмунду, при его появлении, что Танкред овладел городом, и таким образом они останутся в совершенной безопасности. Между тем Балдуин, брат герцога Готфрида, Петр, граф Стене (Stadeneis), Райнольд, граф Тула, человек весьма ловкий, и Балдуин Бургский, знаменитый юноша, будучи соединены дружбой, уклонились на другую дорогу и в течение трех дней не имели сообщения с армией, блуждая по горам, в местах пустынных и совершенно неведомых, терпя при том недостаток в припасах. Сбившись таким образом с пути, они были наконец приведены случаем на вершину горы. Оттуда они завидели палатки Танкреда, раскинутые в долине перед стенами Тарса, и их объял ужас, так как они приняли своих за турок. Со своей стороны и Танкред почувствовал большой страх, заметив вдалеке людей на вершине горы, и полагал, в свою очередь, что то были турки, спешившие на помощь осажденным соотечественникам. Между тем, когда первые начали спускаться, трепеща за свою жизнь и почти умирая от голода, Танкред, как доблестный витязь, объявил своим, что дело идет о защите жизни. Турки, соединившись в числе 500 на укреплениях и в башнях, с целью обозреть долину и позаботиться о защите, также заметили Балдуина и его войско и также приняли его за своего союзника, а потому разразились в упреках и угрозах Танкреду, говоря: «Смотри, к нам идут на помощь; напрасно ты думал, что мы в твоих руках; напротив, ты и все твои будут истреблены нашей силой. А потому ты можешь считать недействительным договор, который мы напрасно заключили с тобой. Если мы оставляли тебя спокойным в лагере, то только потому, что у нас была надежда на помощь, и это войско, которое ты видишь, идет на твою погибель и на погибель твоих». Танкред, юноша непоколебимой храбрости, не обратил большого внимания на угрозы турок и отвечал им: «Если это ваши рыцари или князья, то, клянусь Богом, мы не боимся их и отважимся идти им навстречу; когда милостью Божьей мы победим их, ваше хвастовство и кичливость не останутся безнаказанными. Если же за свои грехи мы не устоим против них, то это не спасет вас от рук Боэмунда и его армии». С этими словами Танкред, собрав своих спутников, покрытых блестящим оружием, панцирями, шлемами и сидевших на быстрых конях, идет навстречу Балдуину. Турки же с высоты своих стен громко трубят в рога и звучные трубы с намерением испугать Танкреда. Но вскоре обе стороны узнали христианские знамена. Видя перед собой братьев и соотечественников, пилигримы залились слезами радости и поздравляли друг друга с избавлением Божьей милостью от опасности, которая им угрожала. Оба отряда немедленно соединились и с общего согласия раскинули свои палатки перед городскими стенами; быки и бараны – добыча, собранная христианами в горах этой страны, были зарезаны, мясо поставлено на огонь; голод, мучивший их с давнего времени, научил их есть мясо без соли, и все одинаково были вынуждены обойтись без хлеба. Город был укреплен со всех сторон; в нем считалось много жителей и он был расположен в плодоносной равнине, орошаемой красивыми ручейками и покрытой чудесными лугами; пилигримы изумлялись крепости стен, неодолимых для человека, если Бог не поможет их предприятию.

VIII. На следующий день, с рассветом, Балдуин и его дружина, встав, направились к стенам крепости и заметили хорошо им известное знамя Танкреда, развевавшееся на самой высокой башне укрепления, вследствие договора, который был им заключен с турками. Исполненные чрезмерного негодования и воспламененные гневом, они тотчас же разразились бранью и оскорблениями против Танкреда и его людей, обнаруживая при этом свое презрение к гордости и притязаниям Танкреда и Боэмунда и топча их в грязь. Такие речи довели бы до открытой борьбы, если бы люди более благо-

разумные не выразили намерения отправить с обеих сторон послов к армянским жителям с вопросом, кому они предпочитают подчиниться и кого они больше желают. Все заявили немедленно, что они доверяют Танкреду более, нежели какому-нибудь другому князю; но они говорили так не по убеждению, а по страху, который внушало им известие о скором прибытии Боэмунда: и не нужно удивляться тому, ибо еще задолго до похода Боэмунд составил себе громкую военную славу в Греции, Романии, Сирии, между тем как имя герцога Готфрида только что начинало приобретать известность.

IX. Услышав такой ответ, пылкий Балдуин предался полному увлечению гнева против Танкреда и в его присутствии произнес туркам и жителям города грозные слова, которые и были переведены толмачами: «Не воображайте себе, чтобы Боэмунд и этот Танкред, которых вы чтите и боитесь, были самые знатные и могущественные люди в христианской армии, и чтобы они могли сравняться с моим братом Готфридом, герцогом и князем воинства всей Галлии или с кем-нибудь другим в его фамилии. Мой брат герцог считается князем великого государства и вассалом августейшего императора римлян, в силу прав, наследованных им от благородных предков, и пользуется уважением всего войска, все, от мала до велика, повинуются его голосу и советам, ибо он всеми избран и поставлен главой и господином. Знайте, что вы и все, что вам принадлежит, будет разрушено и истреблено огнем и мечом по приказанию герцога, и ни Боэмунд, ни этот Танкред не выступят за вас и не явятся вашими защитниками. Сам Танкред, в пользу которого вы объявили себя, не уйдет сегодня от наших рук, если вы не свергните знамени со своей башни, которое он воздвиг на оскорбление нам и для своего возвеличения, и если вы не откроете нам ворот вашего города. Удовлетворите нашему желанию, сбросив знамена и сдав крепость, тогда и вы будете поставлены нами над всеми жителями этой страны, получите почести в присутствии моего господина и брата герцога и подарки, достойные вас». Увлеченные такими надеждами и сладкими речами, турки и граждане, без ведома Танкреда, заключили дружественный договор с Балдуином; вслед за этим знамя Танкреда было снято с высокой башни и постыдно брошено прочь от стен в болото, а на его месте немедленно водрузили знамя Балдуина.

X. Танкред, увидев, что его знамя исчезло и уступило место знамени Балдуина, был тем весьма опечален, но терпеливо перенес обиду. Поняв, что такое обстоятельство повлечет за собой раздор между их людьми и зная, что его войско уступает сопернику и числом, и вооружением, он не желал продолжать несогласия и отправился в соседний город, называемый Азарой (Аден в Малой Армении), хорошо укрепленный и богатый. Найдя городские ворота запертыми, он не мог получить дозволения войти в город. Городом же этим владел некто Вельф, уроженец королевства Бургундского, знаменитый рыцарь, который победил и изгнал турок, овладел этим местом, найдя в нем золото, серебро, драгоценные одежды, съестные припасы, быков, вина, масло, пшеницу, жито и все необходимое. Вельф выступил навстречу армии с отрядом. Танкред, найдя ворота запертыми и узнав, что город занят христианским предводителем, отправил к нему послов и просил через них настоятельно быть допущенным в город с тем, чтобы воспользоваться гостеприимством и закупить на выгодных условиях все, в чем они нуждались. Вельф, приняв это предложение, приказал открыть ворота, ввести в город предводителя и его спутников и доставить им все необходимое.

XI. По удалении Танкреда Балдуин обратился снова к туркам с предложениями и обещал им, именем герцога, почести и великие награды, а именно поставить их не только над Тарсом, но и над многими другими городами, если они откроют городские ворота и впустят его с людьми, а он даст им клятву, протянув правую руку. Турки и армяне, видя, что Танкред удалился и Балдуин удержал один за собой власть, приняли это предложение; дав и получив обоюдно клятву, они открыли ворота и впустили Балдуина с его людьми. Но в то же время они объявили, что намерены сохранить свой

гарнизон во всех укреплениях до прихода герцога Готфрида и его армии, чтобы, сообразно обещаниям Балдуина, договориться с ним самим о подарках и других знаках милости герцога, равно о сдаче крепости и о других пунктах, пожелают ли они сами принять христианскую веру или предпочтут остаться с обрядами язычества. Потому они сдали Балдуину только две главные башни, где он мог бы утвердиться и пребывать с полной безопасностью; остальная же его армия была размещена по домам и в различных частях города. Когда пилигримы и их вождь Балдуин вступили в город и расположились на покой, к вечеру, в следующий день после того, к городским стенам подошло 300 пилигримов из племени и свиты Боэмунда, отделившихся от армии и шедших по следам Танкреда в шлемах и вооружении. По приказанию Балдуина и по совету его вельмож ворота были заперты перед ними. Утомленные большим переходом и истощив все запасы, они умоляли о гостеприимстве и о дозволении купить все необходимое; простой народ (plebeji ordinis) из войска Балдуина просил о том же, говоря, что они братья и такие же христиане. Но Балдуин решительно отказал в этой просьбе, потому что пилигримы шли на помощь Танкреду, и кроме того он обязался в своем договоре с турками и армянами не допускать в город никакого войска до прибытия герцога Готфрида.

XII. Собратья и пилигримы дружины Балдуина, видя, что новые пришельцы не могут никаким образом получить право входа, сжалились над ними и решились бросить им за ворота и спустить по веревке хлеба и мяса для пищи. Подкрепив свои силы, они, подавленные усталостью, предались сну в ночной тишине; турки же, оставшиеся по договору в башнях, отчаявшись в своем спасении и не доверяя вполне Балдуину и его спутникам во Христе, держали между собой тайный совет и в числе трехсот вместе с сокровищами и имуществом перешли по известному им одним броду реку, протекавшую по середине города; они вышли в совершенной тишине, между тем как Балдуин и его люди крепко спали, и оставили за собой в башнях всего 200 человек соплеменников из своего слабого отряда, чтобы не возбудить никакого подозрения в христианах. Едва они вышли, как напали неожиданно на пилигримов, которые расположились в равнине против города и искали во сне отдохновения от усталости; одним отрубив голову, других умертвив, иных проколов стрелами, они не оставили в живых ни одного, или почти ни одного, из тех, которые прибыли накануне.

XIII. Когда наступило утро, христиане, находившиеся в крепости, пробудились и отправились на стену посмотреть, там ли еще на равнине их братья, но они увидели всех их умерщвленными оружием турок, и кровь их еще текла по равнине. Так обнаружилось вероломство и коварство турок. Немедленно взволновался народ католический по всему городу; все побежали к оружию, чтобы отомстить за убитых изменниками братьев. Поспешно выламывают ворота башен и истребляют всех находившихся там; их крики и трубные звуки еще более возбуждают ярость нападавших. Удивленный странными криками и волнением раздраженного народа, Балдуин выходит из своей башни, садится на коня и несется по городу, приглашая военных людей окончить бой и разойтись по квартирам, чтобы не нарушать утвержденных обоюдно условий договора, пока он сам не разведает подробностей об избиении христиан. Но смятение продолжалось, увеличиваясь все более и более; народ был раздражен смертью пилигримов и в своих шумных восклицаниях называл Балдуина виновником всего за то несчастное распоряжение, которое он сделал; наконец против него восстало такое множество народа и в него стали пускать столько стрел, что он был вынужден удалиться в башню и там искать убежища для спасения своей жизни. Придя в себя и укротив свою ярость, он удовлетворил народ, извинившись и объявив, что он ничего не знал о жестокости турок и что если он не допустил в город людей Бога живого, то только потому, что он обязался перед турками и армянами клятвенно принимать одних своих людей до прибытия герцога. Извинив себя таким образом и примирившись с народом, Балдуин напал на башни, в ко-

торых еще находились турки, остаток того слабого отряда; вместе с ним напали и его люди и, мстя за смерть своих братьев, отрубили головы, по крайней мере, двумстам человек. Многие знатные женщины в городе обвиняли этих самых турок и показывали свои урезанные уши и ноздри за отказ прелюбодействовать с ними. Такое бесславие и такие обвинения воспламенили еще более народ Христов против турок и побудили к большому кровопролитию.

XIV. Спустя несколько дней люди Балдуина, рассеявшись по стенам, увидели вдалеке, около трех миль от морского берега, большое число кораблей различной формы; их громадные и вызолоченные мачты сияли под солнечными лучами. Люди, плававшие на этих кораблях, сошли на морской берег и делили между собой богатую добычу, которую они собрали в течение долгого времени, а именно около семи лет. Заметив их, пилигримы сначала подумали, что это были неприятели, призванные теми, которые бежали ночью, по избиении христиан. Бросившись к оружию и отправясь толпой на берег, одни верхом, другие пешком, они спрашивали их громким и твердым голосом, зачем они прибыли туда и какой они нации. Иностранцы отвечали, что они христианские рыцари из Фландрии, Антверпена, Фрисландии и других частей Галлии и вот уже 8 лет до настоящего дня ведут жизнь пиратов. Потом они, в свою очередь, спросили пилигримов, что побудило их оставить Римскую и Немецкую земли и пойти в изгнание к варварским народам. На это те рассказали о предмете своего пилигримства и объявили, что они идут в Иерусалим на поклонение Господу. Узнав друг друга по языку и разговору, они, протянув руки, обязались вместе совершить путешествие в Иерусалим. Начальником и вождем товарищества в этом морском ополчении был некто Винемар родом из Булони, один из домочадцев графа Евстафия, богатого владетеля той земли. Соединившись друг с другом узами верности, пришельцы оставили корабли, унесли с собой свою богатую добычу и имущество и поднялись с Балдуином к городу Тарсу, где и оставались несколько дней, наслаждаясь всеми земными благами, предаваясь радости и пируя в изобилии. Потом, после совещания, для защиты города было оставлено 300 моряков, и кроме того Балдуин отделил для той же цели 200 из своих людей. Сделав такие распоряжения, Балдуин вышел из Тарса вместе со своими людьми и иностранцами, и все они, соединив свои силы, пошли по королевской дороге при звуке труб и рогов.

В последующих четырех главах, XV–XVIII, автор, возвращаясь к оставленному им Танкреду, говорит, как он из Азары двинулся к городу Мамистре и овладел ею; но вскоре туда прибыл и Балдуин. Между ними произошла битва, в которой Танкред был разбит; однако христиане, ввиду главной своей цели, решились прекратить личные междоусобия. Далее автор описывает подвиги Балдуина, который при Мамистре отделился от армии с 700 рыцарей, получив приглашение из Армении, где он овладел Турбайсселем и Равенелем и вместе подчинил своей власти всю страну. Но в это время дружина Балдуина получила новое приглашение, отклонившее ее совершенно от главной цели, то есть похода в Иерусалим, и имевшее своим последствием основание первого Латинского государства на Востоке.

XIX. Несколько дней спустя (по овладении Турбайсселем), когда слава Балдуина распространилась во все стороны и разнесла между неприятелями молву о его подвигах, владетель (dux) города Роас, иначе называемого Эдессой и лежащего в Месопотамии, отправил к Балдуину епископа этого города с двенадцатью его старейшинами, составлявшими совет, который заведовал всеми делами страны, и приглашал его явиться к ним вместе с галльскими рыцарями для защиты земли от вторжения турок, опустошавших ее беспрестанно, за что предлагалось ему участие в верховной власти и доходах и податях, которыми пользовался владетель. Балдуин, посоветовавшись, принял это предложение и отправился всего с 500 рыцарей, оставив другие свои силы в Турбайсселе, Равенеле и в других местах, подчинившихся его власти по изгнании турок. Пока он поспешно шел к Евфрату и уже намеревался перейти эту большую реку, турки и другие враги, собравшиеся со всех сторон, приблизились в числе 20 тысяч человек с целью преградить переход. Узнав их силу и многочисленность кавале-

рии, Балдуин, не имея возможности одолеть столько тысяч неприятелей, пошел обратно дорогой в Турбайссель. Но лишь только турки разошлись и вернулись в свои укрепления, как Балдуин снова пустился в поход с 200 рыцарей и направился к Эдессе, имея путеводителями нескольких верных; он совершил свой путь, не встречая никаких препятствий, ни врагов, и весьма счастливо перешел через Евфрат.

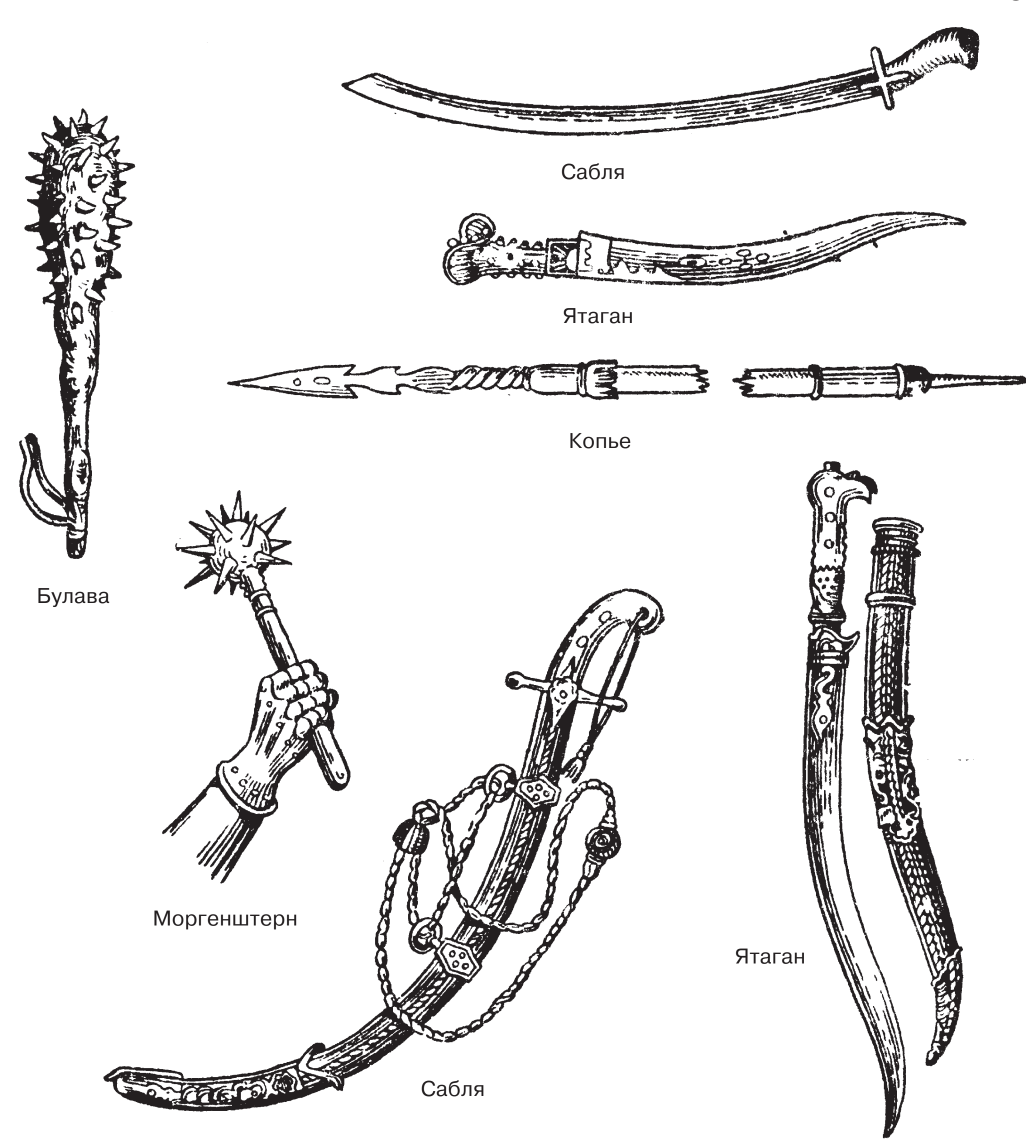
XX. Едва только распространилось в городе известие о прибытии столь славного и знаменитого князя, как сенаторы и все узнавшие о том исполнились радостью: и малые, и большие вышли вместе навстречу ему с трубами и музыкой всякого рода и ввели его с торжеством в город, оказывая ему почести, какие подобают столь великому мужу. Вследствие такого славного приема, когда Балдуин и его люди вошли и расположились внутри города, владетель его, сам призвавший Балдуина, по совету своих 12 сенаторов, для лучшей защиты от неприятеля, будучи оскорблен похвалами и почестями, которые народ и сенаторы расточали пришельцам, почувствовал скоро в глубине своего сердца сильную зависть и никак не хотел, чтобы Балдуин управлял страной и городом и пользовался равной частью доходов и податей. Впрочем, он объявил в то же время, что он дает ему золота, серебра, пурпура, мулов, лошадей и оружия в изобилии, если тот пожелает защищать его, жителей и страну против козней и нападений турок, и отправится, как союзник, в назначенное место. Но Балдуин решительно отказался от всех подарков владетеля при таких унизительных условиях и ограничился просьбой препроводить его назад в полной безопасности, чтобы он мог вернуться здрав и невредим к своему брату герцогу Готфриду, не подвергаясь никаким опасностям и не боясь злобных козней. Двенадцать знатных сенаторов, первейшие граждане города и весь народ, узнав, что ни золото, ни серебро, ни другие многоценные подарки не могут склонить Балдуина остаться, отправились к владетелю и настоятельно просили его не отвергать такого благородного мужа, не допускать столь могущественного защитника удалиться, но, напротив того, пригласить его к участию во власти и управлении городом, чтобы, пользуясь покровительством и защитой такой могучей длани, город и вся страна были обеспечены, и чтобы Балдуин не был обманут в данных ему обещаниях.

XXI. Владетель Эдессы, видя то постоянство и величайшее расположение, которое оказывали Балдуину двенадцать сенаторов и все его сограждане, уступил против воли их просьбе и усыновил его с соблюдением обычаев, принятых в той стране и у того народа, а именно: прижал его к своей обнаженной груди, надел ему на голое тело свою собственную рубашку, и оба после того разменялись клятвой в верности. Когда таким образом между ними были установлены отношения отца к сыну, владетель пригласил однажды Балдуина в качестве сына созвать всех своих рыцарей за известное жалованье и вместе с гражданами Эдессы отправиться в укрепление Самосату (Samusart), расположенную на Евфрате, для изгнания Балдука, турецкого князя, который напал и несправедливо занял Самосату, зависевшую от Эдессы. Балдук причинял жителям этого укрепления невыносимое зло: он принудил угрозами выдать ему в заложники большое число сыновей знатных граждан для обеспечения уплаты налогов и податей византийской монетой, которые были выплачиваемы жителями за их виноградники и жатвы. Балдуин не отклонил от себя этого первого требования со стороны владетеля и главнейших граждан; он взял с собой 200 человек из своей дружины и всех пеших и конных людей, каких только мог найти в городе, и пошел для нападения на Самосату, доверяясь храбрости своих, которой было достаточно для причинения зла неприятелю. Но Балдук и его люди выступили ему навстречу при трубном звуке и осыпали прибывших к ним градом стрел, которые остановили их первый порыв. Огромное число тех женоподобных армян, которые дрались трусливо и вяло, было поражено, а Балдуин потерял не более шести из своих храбрых и могучих рыцарей. Они были погребены по христианскому обряду, и смерть их возбудила плач и сожаление всех жителей города. Балду-

ин, видя, что ему будет невозможно овладеть крепостью Самосатой, занятой турками, неутомимыми и мужественными в бою, оставил своих людей, облеченных в панцири и шлемы, с их лошадьми в здании св. Иоанна, расположенном недалеко от крепости, чтобы они могли постоянно действовать против турок и утомлять их беспрестанно; сам же, сопровождаемый только 12 галлами, возвратился в Эдессу.

XXII. Несколько дней спустя сенат и все граждане, видя мудрость и твердость, с которой Балдуин противился всем замыслам турок, и убежденные, что город и их укрепления будут безопасны, пока находятся в его руках, пригласили с гор Константина, человека весьма могущественного, для совета с ним, и вследствие того определили погубить своего владетеля, чтобы возвести на его место Балдуина и признать его своим вождем и господином. Прежний владетель был в постоянной борьбе с ними; он причинял им всякое зло и отнял у них неслыханное количество золота и серебра. Если кто-нибудь пытался противиться, то он не только возбуждал против такого злобу турок, подвергая его всяким опасностям, но, кроме того, побуждал их сжигать виноградники и жатву и уводить стада. Вследствие того определения, все жители города, и большие, и малые, бросились однажды к оружию и, надев панцири, пошли к Балдуину просить его содействовать погибели владетеля и вместе объявили, что ими решено, с общего согласия, провозгласить его самого вождем и господином. Но Балдуин решительно отказался участвовать в таком преступлении, потому что владетель усыновил его, и он сам, не оскорбленный ничем, не может иметь повода согласиться или принять участие в низвержении его. «С моей стороны,– говорил он,– было бы непростительным преступлением перед Богом, если бы я без всякой причины поднял руку на того, кого я признал своим отцом и кому дал клятву в верности. Потому прошу вас позволить мне не марать себя его кровью и смертью и не унижать мое имя среди имен других князей христианской армии. Дайте мне право пойти переговорить с ним лично в той башне, где он живет до сего дня с того времени, когда вы его провозгласили». Балдуин получил согласие и, поднявшись на башню, говорил герцогу так: «Все граждане и начальники города замыслили покушение на твою жизнь и в ярости бегут к этой башне, захватив с собой оружие. Мне прискорбно видеть все это и я огорчен; но я употребил все меры, чтобы ты мог спастись или предупредил свою погибель, отказавшись от всего, что принадлежит тебе». Едва владетель выслушал эти слова, как множество народу окружило башню, чтобы ею овладеть, и осаждающие решились овладеть стенами и воротами, осыпая их ударами стрел и камней. Владетель, доведенный до отчаяния, открыл Балдуину свои несметные сокровища, состоявшие в пурпуре, золотых и серебряных вазах и огромном количестве византийской монеты, умоляя его принять все это в награду за его защиту перед гражданами и просить их даровать ему жизнь и позволение удалиться из башни и уйти, отказавшись от всего. Балдуин, согласившись на его просьбы и тронутый состраданием к его отчаянному положению, отправился к начальникам города с настоятельными убеждениями пощадить владетеля, не наносить ему смерти и согласиться разделить между собой огромные сокровища, которые он ему показал. Но сенаторы и все граждане не хотели слушать ни слов, ни обещаний Балдуина и кричали единогласно, что никакое предложение, никакое вознаграждение не спасут ему жизнь, и он не уйдет от них цел; в то же время они приводили все оскорбления и бедствия, испытанные ими от него лично или от турок по его наущению. Тогда владетель, отчаиваясь спасти жизнь и видя бесполезность просьб и предложения выдать свои сокровища, отпустил Балдуина из башни и вышел сам, спустившись сверху из окошка при помощи тонкой веревки; но его немедленно поразили тысячами стрел и бросили посреди площади; потом ему отрубили голову и на конце пики носили по всем улицам города, подвергая оскорблениям со стороны каждого.

XXIV. На следующий день Балдуин, несмотря на упорный отказ и сопротивление, был провозглашен герцогом и князем горо-



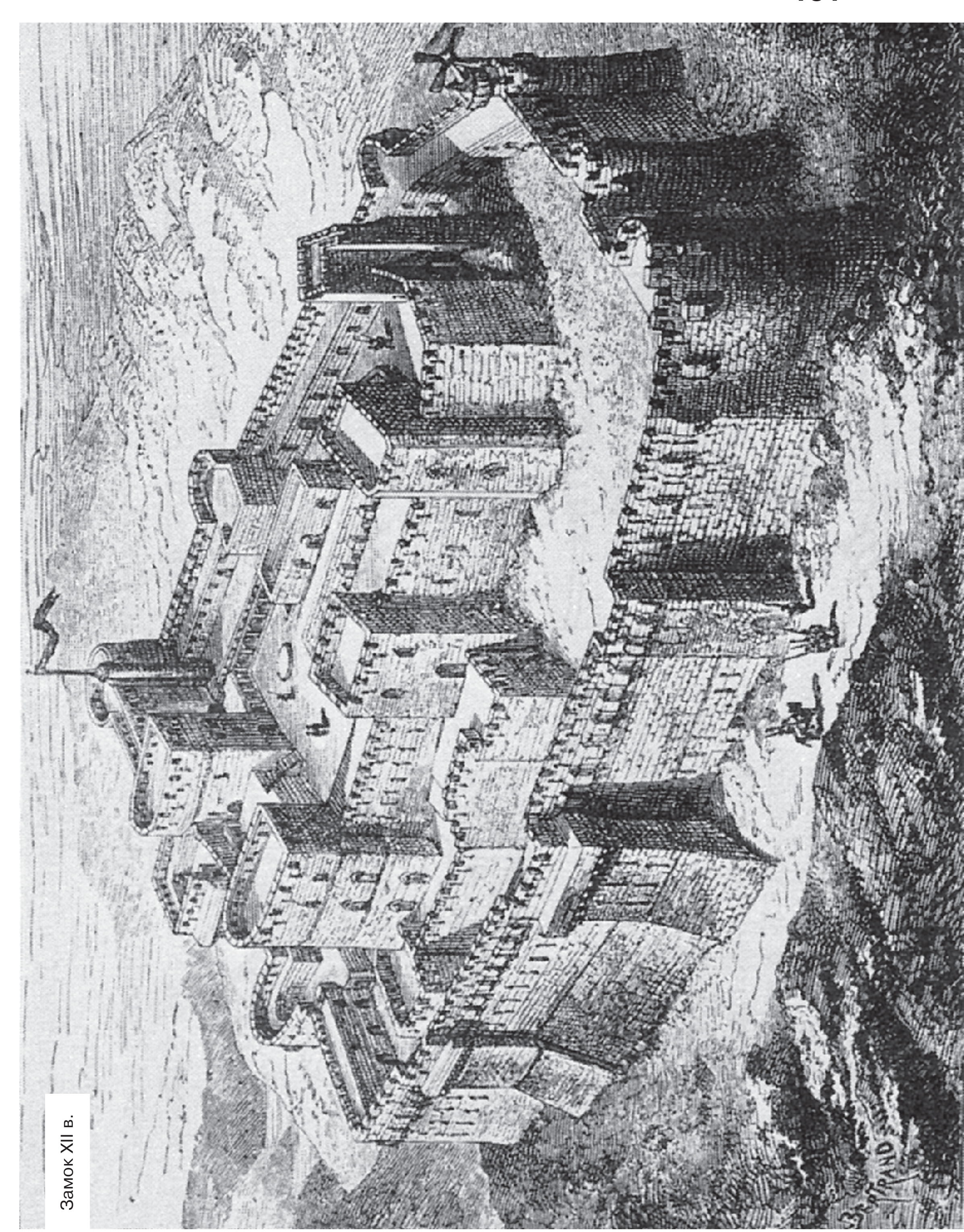
Оружие воинов турецкого Сельджукского государства в XI–XII вв.

да; граждане вверили ему охрану той неприступной башни и всех сокровищ, которые в ней были заключены, и дали ему клятву, как верноподданные. Балдук, узнав о таком возвышении Балдуина, был охвачен ужасом и опасался, что он во главе галлов, народа воинственного, снова нападет на него в замке Самосате и овладеет им. Потому он отправил к Балдуину послов с предложением продать крепость за 10 тысяч византийских монет, поступить к нему на службу и сражаться за него на условии известного жалованья. Но Балдуин не обратил внимания на такие предложения, потому что Балдук неправдой отнял у христиан ту крепость, которая незадолго перед тем принадлежала городу Эдессе. Балдук, видя непреклонную твердость герцога Балдуина в отношении его, объявил, что он предаст замок огню, отрубит голову многочисленным за-

ложникам из граждан и начальников, которые находятся в его руках, и не перестанет ни днем, ни ночью строить козни Балдуину. Наконец, после большого промежутка времени Балдуин, посоветовавшись со своими, дал Балдуку талант золота и серебра, драгоценных пурпуровых одежд, лошадей и мулов на значительную сумму и таким образом выкупил Самосату из рук неприятеля. С этого дня и на будущее время Балдук сделался подданным Балдуина и был причислен к его дому, как свой (condomesticus et familiares), наряду с прочими галлами. Балдуин, овладев крепостью, вверил охрану ее своим вассалам и возвратил найденных там заложников начальникам и гражданам. Впоследствии, так как язычники и христиане не могли никак сойтись и постоянно не доверяли друг другу, Балдуин потребовал у Балдука в залог верности его жену и детей. Хотя Балдук и согласился на это, но каждый день придумывал новые предлоги, чтобы промедлить выдачей заложников.

В следующих десяти главах, от XXV до XXXV, автор рассказывает о мелких войнах Балдуина с владетелями окрестных крепостей; потом возвращается к описанию других отдельных набегов Танкреда и Роберта Фландрского, который завоевал город Артазию, лежащую в 10 милях от Антиохии; но его осадили турки, поспешившие из Антиохии; между тем явилась и главная армия Готфрида; она отразила турок от Артазии и, соединив все свои рассеянные силы, за исключением дружины Балдуина Эдесского, двинулась наконец в полном составе на Антиохию; при р. Ферне (ныне Оронт) турки, желавшие воспрепятствовать переходу, были разбиты, и путь к Антиохии для крестоносцев был свободен.

XXXVI. На следующий день (то есть после битвы при р. Оронте) Готфрид, Боэмунд и другие вожди христианской армии поднялись с восходом солнца и, облекшись в панцири и шлемы, приказали всем двинуться вперед, чтобы подойти к Антиохии со всеми пожитками, скотом всякого рода и повозками со съестными припасами для нужд столь многочисленной армии. Когда все было приготовлено к походу, наместник (antistes, то есть папский; это был Адемар, епископ города Пюи) со свойственной ему предусмотрительностью сказал им: «Мужи, братья, возлюбленные сыны! Выслушайте тщательно мое слово и вы не будете сожалеть о внимании к моим советам. Город Антиохия вблизи нас, и мы отделяемся от нее не более, как четырьмя милями. Этот изумительный город, подобного которому мы не видали ничего, был построен царем Антиохом из громадных камней и снабжен башнями; их считают до 360. Мы знаем, что Антиохия управляется *Сансадонией*, сыном короля Дарсиана (у Вильгельма Тирского называется Акциан), могущественным владетелем; и мы еще узнали, что, кроме того, там находятся четыре князя, столь благородных и сильных, что их можно принять за королей; они явились туда по приказанию Дарсиана: их принудил собраться там вместе с многочисленной армией страх, внушенный нашим появлением. Их зовут: Адорносий, Копатрикс, Росилеон и Каркорнут; говорят, что Дарсиан считается всех их королем, вождем и господином. Из тридцати городов, расположенных вдалеке и вблизи Антиохии и принадлежащих ей в качестве данников короля Дарсиана, те четыре предводителя владеют четырьмя самыми богатыми городами, как бенефицией, полученной в дар и в знак милости Дарсиана; притом каждый из них, кроме тех городов, имеет по сто замков. А потому приглашенные самим Дарсианом, королем Сирии и всей Армении, они явились с огромными силами для борьбы с нами и для защиты города, владеющего всеми прочими городами и государствами. Вследствие того нам необходимо подвигаться вперед с осмотрительностью и в добром порядке. Вы знаете, что мы вчера сражались весьма поздно, мы устали и силы наших лошадей истощены. Пусть, построив ряды, идут вперед во главе армии герцог Готфрид, Боэмунд, Райнольд из Тула, Петр из Стене, Эверард из Пюизе, Танкред, Вернер из Грэ, Генрих из Аша; если же наш совет будет одобрен, то сзади пусть следуют и начальствуют конницей и пехотой Роберт Фландрский, Роберт, граф Нормандии, Стефан Блоа, граф Раймунд, Татин, придворный (familiaris) константинопольского императора, Адам, сын Михаила и Ротгер из Барневиля».



Замок XII в.

XXXVII. Когда все было устроено по указанию наместника (папского) и сведущих людей, войско, следуя королевской дорогой, направилось вместе к грозным стенам Антиохии; неся перед собой сияющие щиты, позолоченные, зеленые, красные и других различных цветов, с развернутыми золотыми и пурпуровыми знаменами с богатой вышивкой, на великолепных боевых конях, одетые в панцири и блестящие шлемы, они шли раскинуть свои палатки на месте, называемом Альталон. Расчистив топорами и лопатами место, заросшее кустарниками и деревьями, они скоро покрыли все это пространство своими палатками. Устроившись таким образом, войско предалось отдыху; оглашая воздух на далеком пространстве звуком тысяч рогов и отыскивая по всем сторонам добычу и корм для лошадей, они кричали так, что, по рассказам, их можно было слышать за милю. Впрочем, это и неудивительно, ибо эта огромная армия, без всякого сомнения и по уверению всех, состояла из шестисот тысяч человек, способных к бою, не считая женщин и детей, которые следовали за ними и которые составляли еще несколько тысяч. В этот день, когда христиане подходили, чтобы обложить город осадой, в городе царствовала такая тишина, что в нем не было слышно никакого шума, ни малейшего движения, и можно было подумать, что он остался совсем без защитников; между тем, напротив того, все башни и все укрепления были набиты языческим войском и всякого рода оружием.

XXXVIII. Был четвертый день недели (то есть среда, 21 октября 1097 г.), когда христиане вступили на земли Антиохии и обложили ее стены. В этот самый день Танкред первый расположился при Альталоне; Ротгер из Барневиля стал по сторонам вместе с Адамом, сыном Михаила, и теми, кто следовал за ними, чтобы лишить турок возможности получать что-нибудь с этой стороны. Боэмунд с отрядом храбрых людей занял место против ворот, которые смотрят в Персию и где кончается горная цепь; укрепив свою позицию, он находился в полной безопасности. Татин, придворный императора, имея в виду бегство, раскинул палатки в некотором отдалении от города, на поле, называемом Комбр. Перед Татином стоял Балдуин, граф Геннегау, вместе со своим отрядом. Далее следовали Роберт, граф Нормандии и Роберт Фландрский со своими рыцарями. Рядом с ними расположился Стефан Блоа, опоясывая таким образом стены. При этой осаде находился и Гуго Великий, брат короля Франции Филиппа, в сопровождении своих людей.

Последние главы третьей книги, от XXXIX до LXVI, и вся четвертая книга посвящены автором описанию осады Антиохии крестоносцами, взятию ее и осаде самих крестоносцев в Антиохии Кербогой, султаном Хоросана, до поражения последнего, которое спасло христиан от опасности и дало им возможность следовать далее к Иерусалиму.

Chron. Hierosol. de bello sacro hist. libri XII. Кн. II и III.

Раймунд Агильский

ОСАДА АНТИОХИИ И ПОХОД К ИЕРУСАЛИМУ. Октябрь 1097 – июнь 1099 г. (в 1099 г.)

Пролог

Своему владыке, епископу в Виваре, и всем православным, *Понтий Баладунский* и *Раймунд*, каноник города Пюи (Podiensis), желают здравия и доброго внимания к их труду!

Мы сочли необходимым сообщить вам и всем живущим за Альпами великие дела, совершенные Богом, и которые он не перестает совершать ежедневно вместе с нами, в знак своей обычной любви к нам; предприняли же мы это потому, что презренные и трусливые люди, дезертировав от нас, употребляют все усилия, чтобы выдать ложь за истину. Пусть тот, кто узнает о их отступничестве, не слушает их речей и избегает их общества; ибо Божье войско, хотя оно и было поражено за свои грехи лозой Господней, но, по милосердию Бога, вышло с победой из борьбы с язычеством. Но так как между нашими одни прошли по славянским землям (per Sclavoniam, то есть по землям южных славян, живущих у берегов Адриатического моря), другие по Венгрии, иные по Ломбардии, а иные по морю, то было бы нам скучно писать о том, что случилось с каждым отрядом в отдельности: вот почему, оставляя других в стороне, мы ограничимся рассказом только того, что относится к графу св. Эгидия (St. Giles, то есть к Раймунду, графу Тулузскому), епископу города Пюи (Адемару) и их армии (то есть провансальцам).

История франков, завоевавших Иерусалим

Автор на первых четырех страницах (так как эта хроника не разделена на главы, то мы считаем по страницам печатного издания in-folio Бонгара, где вся хроника занимает 44 страницы) рассказывает весьма коротко о переходе провансальской дружины Раймунда Тулузского и епископа Адемара из Южной Франции по землям славянским у берегов Адриатического моря в Константинополь и о бедствиях, испытанных ими от жестокости варваров и коварства греков; потом еще короче описывает переезд в Малую Азию, взятие Никеи, поход в Сирию и только с четвертой страницы начинает обстоятельное изложение осады Антиохии, которой он сам был очевидцем.

Когда мы начали приближаться к Антиохии (в октябре 1097 г.), многие из князей не хотели приступать к осаде или потому, что была близка зима, или потому, что армия была рассеяна по окрестным замкам, и кроме того ее изнурила летняя жара. Они говорили, что следует подождать им императора и новой армии из Франции, прибытие которой было уже возвещено, и потому им было желательно расположиться на зимних квартирах до весны. Другие же князья, в числе которых был и *граф* (Раймунд Тулузский), утверждали противное: «Мы пришли по внушению Бога; его милосердием мы овладели весьма укрепленным городом Никеей; его же волей мы одержали победу над турками, обеспечили себя, сохранили мир и согласие в нашей армии; а потому мы во всем должны положиться на Бога; мы не должны бояться ни королей, ни князей королевских, ни места, ни времени, ибо Господь уже часто избавлял нас от опасностей». Итак, мы отправились к Антиохии и раскинули палатки (21 октября 1097 г.) столь близко от города, что нередко неприятель с высоты своих башен наносил раны лошадям и людям даже в самих палатках.

Если мне представился теперь случай говорить о городе Антиохии, то необходимо сказать несколько слов о расположении этого города, чтобы те, которые не видали тех мест, могли легко понять происходившие там битвы и приступы.

В горах Ливана находится долина, которую пройти пешком в ширину нужно целый день, а в длину – полтора дня. С запада она окружена болотом, а с востока часть ее омывается рекой (Оронтом), которая течет после к подножию гор, расположенных на юге той долины, так что между рекой и горами не остается никакого прохода; далее воды текут в Средиземное море, от которо-

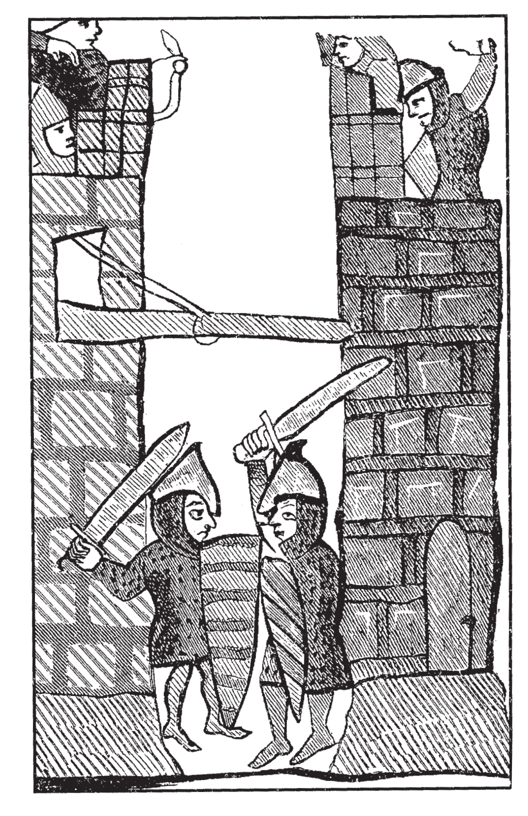
го Антиохия находится довольно близко. В той теснине, которую образует река, протекая у подошвы гор, и расположен город Антиохия. Таким образом, река на западе течет вдоль нижней стены и отделяется от города на пространство полета стрелы. При таком положении город поднимается на восток и в своей черте заключает вершины трех гор: гора, которая опоясывает город с севера, отделяется от остальных двух огромной пропастью, так что сообщение между ними невозможно или, по крайней мере, чрезвычайно трудно. На вершине северной горы помещается замок, называемый по-гречески *Colax*; на третьей горе видны только башни. Город занимает в длину протяжение 2 миль и до того укреплен стенами, башнями и выступами, что не боится никаких усилий машин, ни приступа людей, хотя бы против него вооружился целый мир. Этот-то город, укрепленный таким образом, армия франков осадила с севера. Хотя она состояла из 300 тысяч людей, способных носить оружие, но тем не менее она не решилась пойти на приступ и ограничилась тем, что раскинула вблизи свой лагерь. Внутри города находилось 2 тысячи добрых всадников, 4 или 5 тысяч наемных и 10 тысяч, или более, пехоты. Стены и без того высокие, были еще защищаемы рвом и болотами, так что если хорошо охранять городские ворота, то об остальном нечего было беспокоиться.

По прибытии сначала мы расположились весьма неосмотрительно; если бы знал о том неприятель, то мог бы легко отрезать некоторых из нас, ибо в нашей армии никто не позаботился о часовых и вообще никогда не думали о правильном устройстве бивуаков (modus hospitandi). Кроме того, так как все замки этой страны и соседние города сдались нам или по страху, который внушало наше войско, или по желанию свергнуть турецкое иго, то наши силы, вследствие того, были чрезвычайно разбросаны, и каждый ставил на первое место свои личные интересы, не думая нимало об общественном благе. Те из наших, которые оставались в лагере, имели в изобилии съестные припасы, так что у быка вырезали одно боковое и плечное мясо, и только некоторые, весьма немногие, ели грудинку; хлеб же и вино добывались с необыкновенной легкостью.

Далее автор рассказывает о нескольких незначительных стычках между крестоносцами и неприятелем, пытавшимся делать вылазки в течение первых дней осады.

В это время пристали к берегу генуэзские корабли в десяти милях от нашего лагеря, у места, называемого гаванью Св. Симеона. Между тем неприятель, привыкнув мало-помалу выходить из города, начал избивать оруженосцев и крестьян, которые пасли лошадей и быков по ту сторону реки, и отводил добычу в крепость. Мы же расположили палатки на берегу и построили мост на судах, найденных в том месте. Но город имел также мост, расположенный почти в углу западной черты, а против нас на пригорке стояли две мечети (bafumariae) и небольшие надгробные памятники. Мы упоминаем о таких подробностях, чтобы сделать понятнее события, которые происходили с этой стороны. Как мы выше сказали, неприятель все более ободрялся, и наши, выходя из лагеря с неустрашимостью, не опасались на них нападать, хотя и уступали им в числе. Турки были часто разбиваемы и обращались в бегство; но они возвращались снова или потому, что лошади их были весьма быстры и сами они не были обременены, не нося другого оружия, кроме стрел, или потому, что у них всегда была надежда убежать за мост, о котором мы говорили, и возможность поражать нас стрелами издалека, с высоты пригорка; мост же их отстоял от нашего на одну милю. Мы сталкивались беспрестанно с ними на этом пространстве, отделявшем мосты, и боролись там каждый день. При начале осады граф (Тулузский) и епископ Пюи (Адемар) расположились на берегу реки и, будучи ближе к неприятелю, чаще подвергались его нападениям. Вследствие постоянных столкновений, все люди потеряли лошадей, потому что турки не знают, как драться копьями и мечами; они пускают стрелы и потому одинаково опасны и когда бегут, и когда преследуют.

В третий месяц осады (конец декабря 1097 г.), когда съестные припасы начали дорожать, Боэмунд и граф Фландрский были выбраны для того, чтобы идти с отрядом на поиски, а граф (Тулузский) и епископ Пюи остались охранять лагерь, ибо граф Нормандский находился в отсутствии, а герцог (Готфрид) был весьма болен. Неприятель, узнав о том, возобновил свои обычные нападения. Потому граф увидел себя в необходимости идти против него; поставив свою пехоту по принятому обычаю в порядок, он двинулся сам с несколькими рыцарями преследовать нападающих, взял у них и убил двух человек у подошвы самого пригорка, а прочих принудил отретироваться к мосту. Едва наши пешие люди заметили то отступление, как оставили свою позицию и знамена и толпой побежали к мосту. Укрепившись там и считая себя в совершенной безопасности, они начали бросать камни и дротики в тех, которые защищали мост; но турки, построившись в порядок, перешли к мосту и в брод, находившийся под ним, чтобы броситься на наших. В это время наши всадники пустились по направлению к мосту преследовать лошадь, седок которой был сбит. При этом пехота, думая, что всадники обращены неприятелем в бегство, сама повернула назад, и турки, преследуя наших без устали, убили несколько человек. Франкские рыцари попытались было сопротивляться и защищать своих товарищей, но, сдавленные многочисленными пехотинцами, которые в бегстве хватились за их оружие, за гривы и хвосты лошадей, одни были сброшены на землю, другие, желая спасти своих, обратились в бегство. Неприятели же, пользуясь своим преимуществом, без устали и без сострадания били живых и грабили мертвых. Между тем наши не только побросали оружие и, забыв чувство чести, бежали, но многие бросились в реку, чтобы быть побитыми камнями, стрелами или потонуть в реке. У кого доставало силы и умения плавать, тот попадал на другую сторону и по берегу реки являлся в лагерь, чтобы соединиться со своими товарищами. Другие же продолжали бегство от неприятельского до нашего моста. В этом деле погибло, по крайней мере, 15 всадников и около 20 пеших. Там же остался и благородный юноша Бернгард Раймунд из Безьера.



Бой на улицах и укреплениях итальянского города. Миниатюра из генуэзской лицевой хроники XII в.
Из бойницы башни тараном пробивают противоположную стену. Стрелки, стоящие наверху, укрываются за плетеными брустверами

Да не обвинят нас служители Божии и не прогневаются на нас за то, что мы так откровенно рассказываем о сраме своей армии; ибо Бог, который хотел наказать и привести к покаянию людей, виновных в распутстве и грабеже, в то же время был благосклонен к тем из наших, которые отправились в другую сторону. Молва, вышедшая из нашего лагеря, принесла Боэмунду и его товарищам известие, что будто мы имели успех и что граф одержал блестящую победу. Такой слух оживил в них бодрость. Пока Боэмунд занимался нападением на одну виллу, он услышал вдруг среди своих крестьян крики и за-

метил готовность бежать. Посланные им рыцари увидели вдалеке армию турок и арабов. Впереди всех, отправившихся разведать причины отступления и слышанных криков, был граф Фландрский и с ним несколько провансальцев: весь народ из Бургундии, Оверни, Гасконии и готы (испанцы) назывались одинаково *провансалами* (Provinciales), а прочие – французами (Francigenae); таковы были названия, употребляемые в армии, но неприятель называл нас всех франками. Граф Фландрский, как мы сказали, полагая, что постыднее будет давать знать о приближении неприятеля, нежели напасть на него, бросился с яростью в ряды турок; они, не привыкнув биться мечами, искали спасения в бегстве, и граф не опускал меча в ножны, пока не положил на месте до ста неприятелей. Возвращаясь победителем к Боэмунду, он заметил, что 12 тысяч турок идут по его следам, а на возвышении слева поднимается бесчисленная масса пехоты. Посовещавшись с другими вождями и получив новое подкрепление, он мужественно напал на врага. Боэмунд следовал за ним в отдалении с остальной армией и охранял арьергард, ибо турки имеют обычай, даже уступая численностью, обходить своего противника; так хотели они поступить и в настоящем случае, но Боэмунд своей мудростью предупредил такое движение. Турки и арабы, напавшие на графа Фландрского, обратились в бегство, убедившись, что они не могут сражаться, пуская издалека стрелы, и что придется вступить в рукопашный бой мечом. Граф преследовал их на протяжении двух миль, и ты увидел бы, на всем этом пространстве земля была уложена пораженными трупами, как бывает усеяно поле колосьями после жатвы. Так были разбиты и обращены в бегство те полчища врагов, нападение которых должен был отрезать Боэмунд. Та же бесчисленная масса пехоты, о которой мы говорили выше, побежала по такой местности, на которой лошади не могли ее преследовать. Если бы можно было порицать безрассудство такого сравнения, то я осмелился бы поставить эту битву выше битвы Маккавеев. Если Маккавей с 3 тысячами человек разбил армию в 48 тысяч, то в этом случае 400 человек обратили в бегство армию, превышавшую в 60 тысяч. Но чтобы не унижать Маккавея и не превозносить мужества наших рыцарей, мы скажем только одно, что Бог был прославлен десницей Маккавея, а десницей наших еще более прославился.

Замечательно, что после поражения неприятеля храбрость наших уменьшилась, и они не осмелились преследовать бежавших в беспорядке. Так наша армия возвратилась с победой, но без продовольствия, и потому в лагере недостаток дошел до того, что одному человеку не хватало в день хлеба на два солида, и все прочие припасы продавались так же дорого. Бедные начали оставлять лагерь; многие из богатых, опасаясь бедности, также ушли; а те, которые по чувству долга остались, видели с грустью, как их лошади околевали ежедневно от голода; соломы было мало, а сено было так дорого, что для корма одной лошади на ночь не хватало семи и даже восьми солидов. Армии угрожало еще и другое бедствие: Боэмунд, прославившийся последним походом, объявил, что он намерен уйти, ибо он пришел сюда для чести, а между тем его люди и лошади погибают каждый день; он говорил, что он не богат и его собственное состояние не позволяет ему оставаться более при осаде. Впоследствии мы узнали, что он делал все это по честолюбию, которое заставляло его страстно домогаться звания князя города Антиохии.

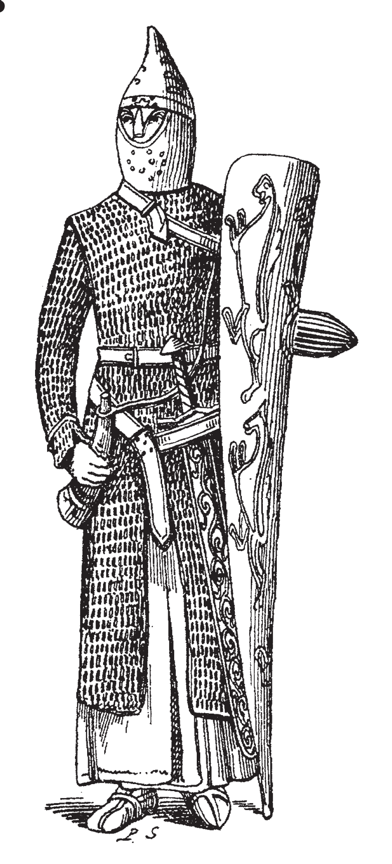
Этим заканчивает автор свое описание осады в 1097 г.; на следующих страницах он продолжает рассказ с января и до начала марта 1098 г., излагая по-прежнему эпизодами: то он говорит о том, как в христианском лагере укоренились роскошь и разврат, как убежал из лагеря грек Татин, распустив слух, что идет встречать армию императора, и как князья обещали отдать город Боэмунду и дали клятву продолжать осаду семь лет, то обращается к описанию новых стычек с неприятелем: князь Алеппо напал на лагерь с тыла в то время, когда осажденные сделали вылазку; рыцари разбили наголову князя, а пехота отразила вылазку. В начале марта определено было построить башню близ неприятельского моста, чтобы стеснить осажденных; но это обстоятельство вынудило турок сделать последние усилия, и они произвели отчаянную вылазку, в которой были жестоко разбиты, и крестоносцы едва не ворвались в город. Эта знаменитая битва у моста дала автору случай пуститься в некоторые подробности.

В этой битве (то есть при мосте, в начале марта 1098 г.) особенно прославился герцог Лотарингский (Готфрид). Он нагнал неприятеля у моста и, заняв одно возвышение, разрубал приближавшихся пополам. Прославив свою победу многочисленными криками радости, наши возвратились в лагерь, обремененные добычей и ведя за собой множество лошадей. В этом деле случилось одно достопамятное происшествие, и о, если бы те, которые следят за нами мысленно, могли быть свидетелями того! Турецкий всадник, боясь смерти, бросился с лошадью в глубину реки, но в него вцепились многие из его соотечественников, стащили с лошади и вместе с ним утонули в волнах реки.

Стоило в то время посмотреть на наших бедняков, как они возвращались в лагерь после победы. Одни бегали по палаткам, ведя за собой несколько лошадей, и показывали товарищам все, что может утешать их в крайности; другие, надев на себя три-четыре шелковые одежды, прославляли Бога, даровавшего им победу и эту добычу; иные, неся на руках три-четыре щита, выставляли их напоказ в знак своего торжества. Но, выставляя нам все эти предметы, они говорили тем только о победе, но не могли доставить сведений о точном числе убитых, ибо победа была одержана ночью, и потому нельзя было снести головы убитых в лагерь. На следующий день, когда приступили к постройке укрепления перед мостом, нашли во рву несколько турецких трупов; это возвышение послужило сарацинам как кладбище. Раздраженные при виде этого бедняки разломали памятники и вырыли турок, так что более не могло быть сомнения об обширности победы. Насчитали до 1500 трупов; и я не говорю еще о тех, которые были погребены в городе или потонули в реке. Но так как запах от них был вреден работавшим при постройке укрепления, то их оттащили и бросили в воду. Матросы, которые были обращены в бегство или ранены, пораженные ужасом, не хотели верить победе. Но когда они увидели множество трупов, то, подобно выздоравливающему, восхвалили Бога, который любит наказывать и миловать своих сынов. Таким образом, по Божескому определению случилось так, что те, которые отдавали привозивших съестные припасы на съедение зверям и хищным птицам, умертвив их на берегу моря или реки, были сами и на том же месте отданы в добычу тем же зверям и птицам. Эта победа сделалась весьма известной и много прославлялась; новое укрепление было также окончено, и с того времени (с марта 1098 г.) Антиохия была обложена с севера и с юга.

Далее автор останавливается на описании новой борьбы, которая завязалась между турками и Раймундом Тулузским, взявшим на себя защиту укрепления у моста, и таким образом в подобной мелкой борьбе проходит апрель, май и начало июня, когда крестоносцы окружили со всех сторон Антиохию; Танкред построил новую башню на развалинах монастыря, в горах, против ворот св. Георгия, и угрожал с тыла. Но в это время, когда конец осады казался близким, пришло известие о том, что идут на помощь осажденным.

Между тем (в начале июня 1098 г.) начали приходить частые известия о приближении помощи неприятелям. Эти известия приносились нам не только армянами и греками, но и те, которые жили в городе, сообщали то же самое. Так как турки занимали Антиохию 14 лет подряд, то они, имея надобность в служителях, брали молодых армян и греков и *туркизировали* (turcaverant) их, давая им жен; но эти юноши, как только представлялся им случай, перебегали к нам вместе с лошадьми и оружием. Когда слух о прибытии помощи нашим неприятелям распространился, множество робких людей из нашей среды, равно и армянские купцы, начали убегать из лагеря. В это же время мужественные рыцари, рассеянные по замкам, возвратились в армию и стали хлопотать о покупке оружия, изготовлении и приведении его в порядок. Таким образом, когда малодушие одних заставляло удаляться из лагеря, а люди храбрые, всегда готовые подвергаться опасности вместе с братьями и за них, старались соединиться с армией, один из туркизированных (turcatis) юношей, живший в городе, известил наших князей, через посредство Боэмунда, что он может



Воин начала XII в. Реконструкция XIX в.
На воине полузакрытый шлем переходного типа; длинная кольчуга с разрезом спереди и сзади; в руках большой щит, расписанный геральдическими фигурами, и рог

выдать нам крепость. Князья, посовещавшись, отправили Боэмунда, герцога Лотарингского и графа Фландрского, посмотреть, что можно сделать. Они подошли в полночь к одной из городских башен, и тот, кто должен был им выдать, послал вестника со словами: «Подождите, пока пройдет фонарь»; ибо трое или четверо ходили всю ночь по стенам с фонарями, чтобы поддерживать и оживлять внимание стражи. После того наши, приблизившись к стене и уставив лестницу, начали лезть. Первым был франк по имени Фулько, брат Буделля Шартрского; он бросился вперед с неустрашимостью; за ним следовал граф Фландрский, который звал к себе Боэмунда и герцога; когда все торопились, снаряжали друг друга, лестница обломилась. Тогда те, которые уже успели подняться, спустились в город и побежали открыть калитку (posterulam); все наши вошли в нее вдруг и не брали никого из попадавшихся навстречу в плен. Когда начало светать, они подняли громкие крики; весь город пришел в ужас от шума, а женщины и дети расплакались. Наши, находившиеся в укреплении графа (Тулузского), как самые близкие к городу, проснулись от крика и говорили друг другу: «Это идут на помощь врагу»; на что другие отвечали: «Кажется, это крики не торжества». Между тем сделалось совершенно светло, и на южном возвышении города показались наши знамена. Жители пришли в смятение, увидев наших над собой, на горе; одни старались убежать через ворота, другие устремились в пропасть; никто не оказывал сопротивления, ибо Господь помутил их рассудок. Для нас долгое время было приятное зрелище, когда те, которые защищали Антиохию против нас, не могли теперь сами уйти из города; если кто и пытался бежать, то все же он не спасался от смерти. Между тем произошел случай для нас утешительный и поистине приятный. Несколько турок, бежавших через пропасти, отделявшие эту гору от северной части, и искавших спасения, встретились с нашими; вынужденные отступить, турки были опрокинуты и снова обратились в бегство с такой поспешностью, что все попадали в пропасть. Для нас был истинный восторг смотреть, как они летят; но мы должны были поплатиться тремястами лошадей, которые погибли в этом деле.

Мы не можем с точностью определить, сколько пало сарацин и турок, и было бы жестоко рассказывать о всех родах смерти, которыми они погибали или были свергнуты. Трудно также сказать о количестве добычи, которая была собрана внутри Антиохии; представьте себе, сколько можете, а к этому еще прибавьте. Те же из неприятелей, которые занимали среднее укрепление на горе, видя, что их товарищи убиты и что наши не нападают на них, удержали за собой свою позицию. Кассиан (князь Антиохии; у Альберта Ахенского – Дарсиан; см. выше) ушел калиткой и, будучи схвачен ар-

мянскими крестьянами, лишился головы, которую они представили нам; я полагаю, что это случилось по особому Божескому предначертанию, ибо Кассиан отрубил голову многим среди этого народа. Город Антиохия был взят 3 июня (1098 г.), а осада его началась около 21 октября (1097 г.).

Пока наши отлагали нападение на верхнее укрепление, чтобы заняться приведением в известность количества добычи, захваченной ими, и пока они давали блестящие пиршества, заставляя плясать перед собой языческих жен, и таким образом забыв совершенно Бога, который осыпал их благодеяниями, в восьмой день июня (1098 г.) они увидели, что их самих осадили язычники, и те самые люди, которые при помощи Божией осаждали столь долгое время турок антиохийских, были в свою очередь, по определению Бога, окружены турками; и к большому нашему ужасу, крепость, о которой мы говорили и которая служила защитой города, по-прежнему оставалась в руках неприятелей. Таким образом, побуждаемые страхом, наши решились приступить к осаде крепости.

С самого начала своего прибытия *Корбара* (известный обыкновенно под именем Кербога; у Вильгельма Тирского: Корбгоат), турецкий владетель, желая вступить немедленно в битву, раскинул свои палатки вблизи города, около двух миль расстояния; потом, построив свои полки, он пододвинулся к мосту. С первого дня наши позаботились укрепить замок графа (Тулузского), опасаясь, что если дойдет до дела, то неприятель, находившийся внутри, может овладеть тем местом, или если мы оставим укрепление перед мостом и враг займет его, то у нас будет отнята возможность сражаться и производить вылазки.

Затем автор рассказывает отдельные случаи из приступов Кербоги в течение первых 5 дней осады до 14 июня, когда крестоносцы были доведены до крайности и готовы были уже уступить, как их спасло неожиданное обстоятельство.

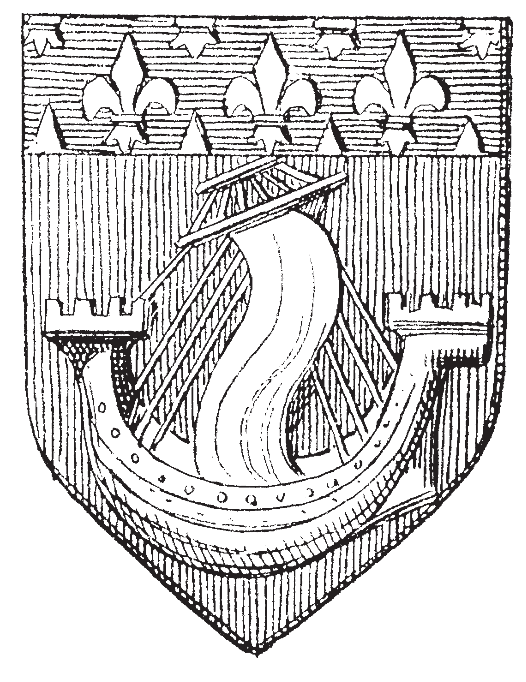
Таким образом, когда наши были доведены до отчаяния и совершенно растерялись, явилось на помощь им Божественное милосердие, которое, наказав своих чад, предавшихся распутству, употребило следующее средство, чтобы утешить их в крайней печали.

После взятия города Антиохии Господь, выказывая свое могущество и благость, избрал бедного крестьянина, родом провансальца, который возвратил нам всем силу; он обратился к графу (Тулузскому) и епископу Пюи со следующими словами:

«Андрей, апостол Бога и нашего Господа Иисуса Христа, четыре раза являлся мне и повелевал идти к вам и вручить после взятия города *копье*, которым был прободен наш Спаситель. Но сегодня, когда я вышел с другими сражаться за городскую черту, на обратной дороге меня сбили с ног два всадника и едва не раздавили: печальный и усталый, я сел на камень; горе и страх привели меня в изнеможение. Тогда опять явился мне блаженный Андрей вместе со своим спутником и обратился ко мне, страшно угрожая, если я не потороплюсь вручить вам копье».

Тогда граф и епископ Пюи просили его рассказать им подробно все об откровении и явлении апостола, и он им отвечал:

«Еще во время землетрясения в Антиохии, когда ее осаждала армия франков, я был объят таким ужасом, что мог проговорить только слова: “Господи, спаси!” Это случилось в полночь; я лежал и в моей палатке не было никого, кто мог бы своим присутствием ободрить меня. Так как мое замешательство продолжалось и все более увеличивалось, предо мной явились два человека в блестящих одеяниях: один был постарше с седыми и побелевшими волосами, глаза черные и выразительные, борода белая, широкая и длинная, сам же среднего роста. Другой был помоложе, но выше и так хорош, как не бывают сыны человеческие. Старший спросил меня: “Что ты делаешь?” Я же трясся всеми членами, зная, что со мной никого не было; но я ему отвечал: “Кто ты?” И он заговорил: “Встань, не бойся и послушай, что я тебе скажу: я – апостол Андрей. Собери епископа Пюи, графа св. Эгидия (Тулузского) и Петра Раймунда из Готпуля (Altopullo, ныне Hautpoul) и скажи им: почему епископ не обращает внима-



Одно из ранних изображений герба города Парижа

ния на проповедь и не увещевает, благословляя народ крестом, который он носит на себе? Все это было бы весьма полезно" – и потом он продолжал: "Пойдем, я покажу тебе копье нашего отца Иисуса Христа, которое ты отдашь графу, ибо Господь ему предназначил его с самого дня его рождения". Я встал и пошел за ним в город, не имея на себе никакой одежды, кроме рубашки. Он ввел меня туда северными воротами, и мы вошли в церковь блаженного Петра, обращенную сарацинами в мечеть. В церкви были зажжены две лампады, которые давали столько света, что было ясно как в полдень; он мне сказал: "Подожди здесь" – и приказал прислониться к колонне, которая была ближайшей к ступеням, ведшим к алтарю с южной стороны; а его товарищ остановился поодаль перед ступенями алтаря. Спустившись под землю, св. Андрей извлек оттуда копье, подал его мне в руки и сказал: "Вот копье, которым был прободен бок, откуда вышло спасение всему миру". Держа копье в руке и обливаясь слезами радости, я сказал ему: "Владыко, если ты желаешь, я отнесу его и вручу графу"; а он мне ответил: "Ты поступишь так, нимало не откладывая, тотчас по взятии города; тогда ты придешь сюда с 12 свидетелями и отыщешь копье на том месте, где я его взял и куда кладу снова". И он его положил. После того он меня провел через стены домой, и они оба удалились от меня. Тогда, подумав о себе и о своей бедности, и о вашем величии, я побоялся идти к вам. После того, отправясь к одному замку близ Эдессы для приискания съестных припасов, в первый день поста, когда петух пропел в первый раз, блаженный Андрей явился мне в тех же одеяниях и с тем же спутником, как тогда; мой дом осветился большим блеском, и апостол мне сказал: "Спишь ты?" Пробудившись, я ему отвечал: "Нет, мой владыко, я не сплю". И он мне говорит: "Сказал ли ты, что я давно уже велел тебе сказать?" Я отвечал: "Владыко, не просил ли я тебя отправить другого, а не меня: трепеща в своем ничтожестве, я не осмелился идти к ним". И он мне ответил: "Разве ты не знаешь, зачем Бог привел вас сюда, как он вас любит и что вы его избранники? Он вас привел сюда, потому что его здесь презрели, и для того, чтобы вы отомстили за своих. Бог вас возлюбил так, что святые, давно уже почившие, зная вперед, какая ожидает вас благодать, желали бы теперь быть во плоти и соединиться с вами. Бог избрал вас среди прочих наций, как хлебный колос выделяется из сорной травы; вы своими заслугами и благодатью выше всех, кто был до вас и будет после вас, как золото драгоценнее серебра". После того они удалились, и я впал в такую болезнь, что потерял зрение и остался при ограниченных средствах своей бедности. Тогда я начал рассуждать и подумал, что это бедствие постигло меня справедливо за пренебрежение к явлению апостола. Успокоившись, я возвратился к осаждающим. Но там при своем крайнем ничтожестве я опасался, что если пойду к вам, то вы примите меня за проголодавшегося человека, который придумал свой рассказ, как средство к жизни, и на этот раз снова промолчал. Между тем прошло еще несколько времени; мне случилось быть в гавани Св. Симеона (близ

Антиохии); я лежал в палатке с моим господином Вильгельмом Петром, и блаженный Андрей предстал опять предо мной вместе с тем же спутником и в той же одежде, как я видел прежде, и говорил мне: "Почему ты не сказал, что я тебе велел объявить епископу, графу и прочим?" Я отвечал: "Разве я не просил тебя, владыко, послать вместо меня другого, более умного, и которого бы выслушали? Кроме того, турки владеют всей дорогой и убивают всех проходящих". И св. Андрей говорил: "Не бойся, они тебе не сделают зла. Ты скажешь еще графу, что, когда он прибудет к Иордану, пусть он не купается в нем, но переплывет в лодке; и после того, оставаясь в рубашке и полотняных исподних, пусть прикажет облить себя водой реки: когда же белье высохнет, он должен его снять и хранить вместе с Господним копьем". Мой господин, Вильгельм Петр слышал эти слова, хотя и не видел апостола. Уверенный, таким образом, в безопасности я возвратился в армию, и когда хотел передать все случившееся, то не мог найти вас всех вместе. Так я отправился в гавань Мамисту; там, когда я хотел отплыть за съестными припасами к острову Кипру, блаженный Андрей обратился снова ко мне с величайшими угрозами, если я не вернусь немедленно и не донесу о том, что он предписывает. Я раздумывал, как бы вернуться в лагерь, а гавань отстояла от нашей армии около трех дней пути; не видя никаких средств возвратиться, я горько заплакал. После того, по приглашению своих спутников и моего господина, я сел на корабль и мы поехали к Кипру; плывя целый день до заката солнца с помощью ветра и на веслах, мы встретились с бурей, и в один или два часа очутились в гавани, из которой отплыли. Там я подвергся тяжкой болезни. Когда же Антиохия была взята, я пошел к вам, и теперь, если желаете, поверьте в мои слова».

Епископ думал, что это были только одни слова, но граф (Тулузский) тотчас поверил и поручил того, кто рассказывал, заботам своего капеллана, Раймунда (то есть нашего автора).

В следующую ночь сам Господь Иисус Христос явился одному известному священнику по имени Стефан, оплакивавшему смерть свою и своих товарищей, которая казалась ему близкой и неизбежной; он был напуган людьми, рассказывавшими, что они видели, как турки спускались с горы в город, победив наших и обратив их в бегство. Вследствие того священник, желая умереть перед лицом Бога, вошел в церковь блаженной Марии Приснодевы, исповедался, получил отпущение и начал петь псалмы вместе со своими товарищами. Другие уснули, а он один бодрствовал, и когда он произнес: «Господи, кто населит твои кущи, или кто опочит на твоей святой горе» (Псал. VI, 1), какой-то человек, красоты, превосходящей всякую другую красоту, явился перед ним и сказал: «Послушай, какой это народ вступил в город?» И священник отвечал: «Христиане». «Какие христиане?» – продолжал тот. На это священник говорил: «Люди, верующие во Христа, рожденного Девой, который пострадал на кресте, умер, был погребен, воскрес в третий день и вознесся на небо». Тогда неизвестный спросил: «Если они христиане, то почему же они боятся этого множества язычников? – и присоединил к тому:– Узнаешь ли меня?» Священник отвечал: «Я не знаю тебя, но вижу, что ты красивее всех». Тогда неизвестный промолвил: «Посмотри на меня пристально». Священник, взглянув на него со всем вниманием, заметил, что над его головой поднялся крест, превосходящий блеском само солнце, и потому отвечал ему: «Мы называем изображениями Господа нашего Иисуса Христа те образа, которые походят на тебя». На это тот сказал: «Ты прав: это – я. Не о мне ли сказано, что я всемогущий Господь, Господь сильный в брани? А кто начальник вашей армии?» Священник отвечал: «Господи, мы никогда не имели одного начальника, но больше доверяем епископу». И Господь сказал: «Скажи епископу: этот народ своим дурным поведением удалил Меня от себя, и потому объяви ему: вот что говорит Господь: обратитесь ко Мне, и Я возвращусь к вам. И когда они вступят в бой, то пусть говорят: наши враги собрались и кичатся в своем могуществе; истреби и рассей их силы, Господи, ибо ничто не защитит нас, кроме Тебя, о Боже

наш. И скажи им еще: если вы сделаете то, что Я предписываю вам, то через пять дней Я сжалюсь над вами». Пока Он говорил все это, выступила вперед какая-то женщина, лицо которой горело необыкновенным светом, и, устремив своих взоры на Господа, она сказала ему: «Господи, что Ты говоришь этому человеку?» И Господь отвечал ей: «Владычица, Я спрашиваю у него, какой это народ вошел в этот город?» На это женщина сказала: «О, мой Владыко, это именно те, о которых я молю Тебя непрестанно».

Тогда священник толкнул своего товарища, который спал возле него, чтобы в нем иметь свидетеля столь чудного видения; но лица, явившиеся ему, исчезли. Наступило утро; священник поднялся на гору, где находились князья в виду турецкой крепости, кроме герцога, который охранял укрепление, расположенное на северной горе. Созвав всех, он рассказал о случившемся нашим князьям и, чтобы удостоверить в истине, клялся на кресте, а для убеждения неверующих изъявлял готовность подвергнуть себя испытанию огнем или броситься с башни. Тогда князья дали клятву не удаляться от Антиохии и выходить из города только с общего согласия, ибо народ думал, что в настоящем случае князья решились бежать к гавани. Этим они внушили всем доверие. В предшествовавшую ночь немногие оставались верными своему долгу и не искали случая бежать, так что если бы епископ и Боэмунд не заперли ворот, то в городе остались бы весьма немногие. Но Вильгельм из Грандуны вместе с братом убежал в сопровождении большого числа светских и духовных. Ускользнув из города с величайшей опасностью, многие из них попали в руки турок и навлекли на себя тем огромные бедствия.

В это самое время мы имели много и других откровений через наших братьев, и, кроме того, нам явился на небе чудесный знак. В полночь над городом остановилась большая звезда; разделившись потом на три части, она упала на турецкий лагерь.

Ободренные всем этим, наши ждали пятого дня, который был возвещен им священником. Накануне же того, сделав должные приготовления вместе с тем крестьянином, который говорил о копье, и удалив всех из церкви блаженного Петра, мы начали рыть. В числе 12 человек, для того назначенных, находились епископ из Оранжа (Aurasicensis) *Раймунд*, капеллан графа, который пишет это (то есть наш автор), сам граф (Тулузский), Понтий из Баладуна (товарищ нашего автора) и Фаральд из Туара. Занимаясь раскопкой целый день, к вечеру некоторые стали отчаиваться в возможности найти копье. Граф удалился для охраны крепости, и на место его, равно как и других, которые утомились от работы, мы пригласили новых лиц с тем, чтобы деятельно продолжать раскопку. Юноша, рассказавший о копье, видя, что мы устали, снял пояс и обувь и спустился в рубашке в яму, прося нас молить Бога о вручении копья, которое воодушевит его народ и дарует ему победу. Наконец Господь, в своем милосердии, послал нам копье, и я, который пишу это, поцеловал его, как только конец показался изпод земли. Не могу сказать, каким восторгом и какой радостью исполнился тогда весь город. Копье было найдено 14 июня (1098 г., то есть в шестой день после осады крестоносцев Кербогой).

Следует небольшое отступление о новых видениях и беседах того крестьянина из Прованса с апостолом Андреем.

В то время (то есть когда было найдено копье) голод был так велик в городе, что голова лошади, и еще без языка, продавалась по два и по три солида, внутренности козы – пять солидов и курица – семь или восемь. Нечего говорить о хлебе: чтобы утолить голод одного человека, мало было купить его на 5 солидов. Но эти цены не были чрезмерны и тяжелы для тех, которые за все могут платить дорого, имея довольно золота, серебра и драгоценных одежд; эта же дороговизна происходила главным образом оттого, что рыцарям недоставало мужества. С фиговых деревьев собирали неспелые плоды, варили их и продавали по высокой цене. Этим же способом варили бычьи и лошадиные кожи, и другие кожи, давно уже заброшенные, и продавали их очень дорого, так что каждый мог их есть на два солида. Большая часть рыцарей не

имела другой пищи, кроме лошадей, но, надеясь на милосердие Бога, они не хотели еще их убивать. Таковы были бедствия, которые тяготели над осажденными; другие же несчастья было бы трудно и исчислить. Но самое высшее бедствие состояло в том, что многие из наших убегали к туркам и говорили им о той крайности, которая господствует в городе, и турки, поощряемые такими известиями и другими обстоятельствами, тем более теснили нас. Однажды в полдень около 30 турок влезли на одну из наших башен и причинили нашим великий ужас. Однако мы сразились с ними, и с помощью Божией одних умертвили, а других сбросили с укрепления. Из-за этого случая все дали клятву повиноваться Боэмунду в продолжение 15 дней после битвы, возложив на него охрану города и приготовления к битве, ибо в то время граф и епископ были весьма больны, а граф Стефан, которого другие князья избрали диктатором, еще до взятия города, узнав об исходе войны, убежал.

Следует опять отступление о новой таинственной беседе того же провансальца с апостолом Андреем, и затем автор рассказывает о битве крестоносцев с Кербогой, накануне Петрова дня, следовательно, две недели спустя после нахождения копья, во время которой наш автор сам нес это копье, и христиане одержали полную победу, принудив Кербогу снять осаду; в то же время и гарнизон турецкий, удержавшийся в верхнем укреплении, капитулировал.

Вследствие этой победы (над Кербогой, 28 июня 1098 г.) произошло то, что наши князья, Боэмунд, граф, герцог и граф Фландрский, овладели сообща крепостью города; но Боэмунд захватил самые высокие башни, обнаружив в себе те страсти, которые должны были породить несправедливость. Вследствие того он изгнал из замка силой людей герцога, графа Фландрского и графа св. Эгидия, утверждая, что он клялся туркам, сдавшим ему город, не разделять ни с кем своей власти. После того, так как первая попытка его осталась безнаказанной, он потребовал себе сдачу всех укреплений города и ворот, которые с самого начала нашей осады охранялись графом, епископом и герцогом. Исключая графа, все ему уступили. Граф же хотя был болен, но не хотел отказаться от обладания воротами у моста, несмотря ни на просьбы, ни на обещания, ни на угрозы Боэмунда.

В то время раздоры происходили не только между князьями, но и между народом, так что мало было людей, которые не имели бы ссоры со своими товарищами или прислугой за добычу или открытое воровство. Между тем в городе не было никакого судьи, который мог бы разобрать тяжбы, и несправедливость дошла до последней степени. Граф и епископ были больны все это время и не могли никого защитить от таких оскорблений.

Но к чему долго останавливаться на всех этих подробностях? Изнеженные в праздности и богатстве, наши, в противность Божеским предписаниям, отлагали продолжать предпринятый ими путь до ноября (1098 г.). В первое же время после бегства турок сарацинские города были до того поражены ужасом, что если бы наши франки сели на лошадей, то не нашлось бы ни одного города до самого Иерусалима, который, по нашему мнению, осмелился бы бросить в них даже камнем.

Описание этого промежутка времени, от конца июня до конца ноября, наполнено у автора отрывочными заметками об отдельных событиях и внесением в хронику множества легенд о различных откровениях и видениях; сначала автор говорит о смерти Адемара и о том, как снова явился апостол Андрей Петру Бартоломею (так в первый раз называет автор того провансальского крестьянина, который нашел копье) и рассказал ему о мучениях Адемара в аду за то, что он усомнился в копье; далее автор упоминает об удалении герцога Готфрида в Эдессу к брату и об отдельных набегах, которые производили крестоносцы в окрестностях Антиохии, перемежая свой рассказ замечаниями о новых видениях: из таких экспедиций особенно было замечательно завоевание Альбара, где крестоносцы сами избрали епископа. В начале ноября князья собрались для совещаний о походе и устройстве Антиохии; несогласия князей по поводу последнего вопроса едва не обратились в междоусобную войну, но народ угрожал восстанием, и князья в конце ноября двинулись из Антиохии к г. Марра, завоевание которого произвело новую ссору между Боэмундом и графом Тулузским и новое восстание народа, которое закончилось тем, что народ, мстя князьям, срыл укрепление Марры и заставил сво-

их вождей в конце декабря (1098 г.) продолжать прерванный поход. Далее автор говорит о движении христиан к Триполю, владетель которого изъявил добровольное согласие подчиниться; но крестоносцы, желая более обеспечить для себя овладение Триполем, осадили весьма сильную крепость Арку (Archados); эта осада продолжалась до начала апреля (1099 г.) и была весьма неудачна для крестоносцев; при Арке был убит Понтий из Баладуна, после смерти которого автор решился один продолжать свой труд; причиной несчастий для христиан было постоянное их несогласие и преобладание частных интересов; наконец, при осаде Арки в первый раз обнаружилось в крестоносцах недоверие к легендам, которые до тех пор вызывали в них энтузиазм; наш автор приводит длинный ряд явлений и откровений под Аркой, но замечает при этом, что многие не только сомневались в новых видениях, но заподозрили даже и копье; во главе скептиков стоял Арнульф, капеллан графа Нормандского; он не хотел отказаться от своего сомнения и тем раздражил в особенности Петра Бартоломея.

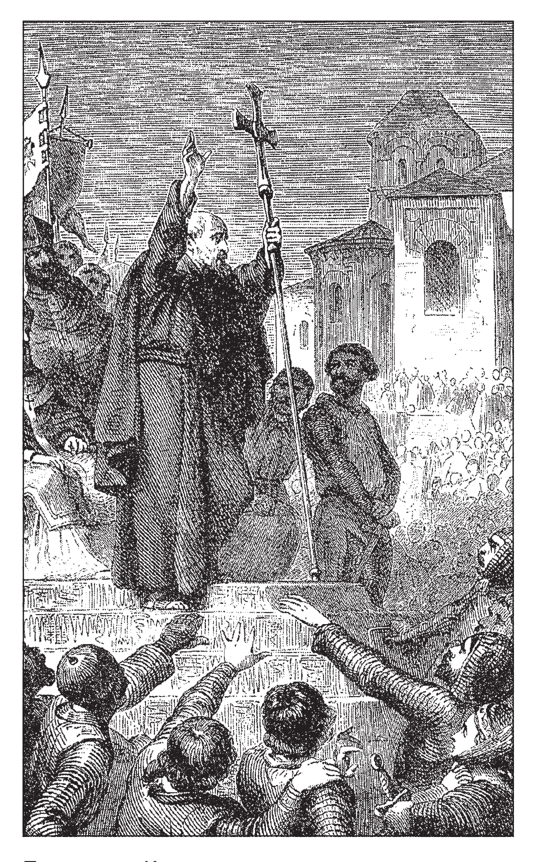
Услышав это (то есть отказ Арнульфа торжественно отречься от своего сомнения в истинности копья), Петр Бартоломей, исполненный негодования, сказал, как человек простой и хорошо знавший истину: «Я хочу и прошу, чтобы развели большой огонь; я пройду через него вместе с Господним копьем. Если это копье Господа, то я выйду цел и невредим; если же это обман, то я сгорю; я вижу, что начинают не доверять явлениям и свидетельству». Это предложение нам понравилось, и, предписав Петру строгий пост, мы распорядились о разведении огня в тот самый день, когда Господь был замучен и распят на кресте для нашего спасения. Все это происходило накануне пятницы (то есть Страстной, в апреле 1099 г., при осаде Арки).

В назначенный день с утра начали приготовлять костер и окончили к полудню. Князья и народ собрались в числе 40 тысяч; священники присутствовали с босыми ногами и в церковных одеждах. Из сухих олив сделали костер в 14 футов длины; дерево было сложено двумя кучами и между ними оставлен был проход в один фут шириной, а высота куч достигала 4 футов. Когда огонь сильно разгорелся, я, Раймунд (наш автор), в присутствии всего собрания, произнес следующее: «Если всемогущий Бог говорил с этим человеком лицом к лицу и если блаженный Андрей указал ему Господне копье во время его бдения, то пусть он пройдет теперь через огонь невредимо; если же это не так и если все это выдумано, то пусть он сгорит вместе с копьем, которое он понесет в руке». И все собрание, преклонив колено, ответило: «Аминь!»

Между тем огонь раздуло так сильно, что пламя поднялось на 30 локтей, и никто не мог приблизиться к костру. Тогда Петр Бартоломей, облеченный в одну тунику, преклонив колено перед епископом города Альбара (партизаном копья), призывал Бога в свидетели, что он его видел лицом к лицу на кресте и что он научил его тому, что написано им и блаженными апостолами Петром и Андреем; что он ничего не выдумал из того, что им было сказано от имени св. Андрея или св. Петра, или даже самого Господа, и что если он в чем-нибудь солгал, то пусть никогда не будет в состоянии пройти через огонь, который разведен перед ним. О других же грехах, которые он совершил против Бога и ближнего, он просил Бога отпустить ему, а епископа, всех других пресвитеров и народ, собравшийся для этого зрелища, помолиться за него. После того, когда епископ вручил ему копье, он преклонил колено, сделал знамение креста и без малейшего страха, твердой поступью вошел в огонь, неся в руках копье; на известном месте, посреди пламени, он остановился и после того прошел с Божьей помощью до конца. Было несколько лиц, которые видели новое знамение, прежде чем он вошел в огонь, а именно, над ним летала птица, которая бросилась в пламя. Священник Эверард, который впоследствии из любви к Богу остался в Иерусалиме, Вильгельм, сын Бона, превосходный рыцарь, родом из Арля, и показание которых правдиво, свидетельствуют также, что они видели то же самое. Другой отличный рыцарь, Вильгельм по прозванию Негодный (Malus puer) видел какого-то человека в священнических одеждах с накинутым капюшоном на голове, прежде чем Петр вошел в огонь; потом, не замечая, чтобы он вышел и полагая, что это был Петр Бартоломей, он

начал плакать, ибо думал, что последний погиб в пламени. Стечение народа было так велико, что не могли все видеть одного и того же. Нам было много рассказано и другого, но мы опускаем из боязни наскучить читателю; впрочем, во всяком деле три безупречных свидетеля считаются достаточными. Но вот одно обстоятельство, которого мы не можем пройти молчанием. Когда Петр прошел через огонь, народ, несмотря на пламя, бросился собирать угли и пепел с таким усердием, что скоро не осталось ничего. По верованию этих людей, Господь впоследствии совершит много чудес при помощи тех остатков.

После того, как Петр Бартоломей вышел из огня столь счастливо, что его туника нисколько не сгорела и не осталось ни малейшего следа огня на тончайшей материи, в которое было завернуто Господне копье, народ устремился на него, и он копьем Господа осенил всех знамением креста, громко возгласив: «Помоги, Боже!» Народ, говорю я, бросился на него, повалил на землю, и он был стоптан ногами огромной толпы, так как каждый хотел его коснуться или получить часть его одежды, чтобы удостовериться в нем. Ему ранили в трех или четырех местах ноги, вырвав куски мяса, сломали спинную кость и исковеркали его. Мы полагаем, он умер бы на месте, если бы Раймунд Пелец, благородный и сильный рыцарь, не собрал своих товарищей и, бросившись в толпу, не освободил Петра, защищая его так, что ему самому угрожала опасность. Мы сами были тогда смущены и встревожены до того, что больше ничего не можем сказать. Когда Раймунд Пелец перенес Петра в наш дом, перевязав его раны, мы начали спрашивать его, почему он остановился среди пламени. Он отвечал нам: «Господь явился мне посреди пламени и, взяв меня за руку, говорил: “Так как ты сомневался в открытии копья, когда блаженный Андрей сообщил тебе о том, то ты не выйдешь без обжоги, но ты не попадешь и в ад”; с этими словами он оставил меня. Вот посмотрите, если хотите, мои раны». Действительно, он имел на ногах несколько обожженных мест, но весьма немного; однако



Проповедь Крестового похода

раны его были огромны. После того мы призвали тех, которые сомневались в копье Спасителя, чтобы они пришли и посмотрели у Петра лицо, голову и прочие члены и чтобы они поняли истину всего, что было сказано о копье и других предметах, ибо он не убоялся для доказательства броситься в пламя. Многие действительно пришли и, осмотрев лицо и все тело Петра, прославляли Бога, говоря: «Бог может нас защитить от мечей неприятеля, если спас этого человека среди потоков огня. Мы не поверили бы, что стрела могла бы пронестись через это пламя, не вспыхнув, а между тем этот человек прошел».

После того Петр призвал к себе капеллана графа Раймунда (нашего автора), и сказал ему: «К чему ты хотел, чтобы я в доказательство истинности копья и всего прочего, о чем я говорил от имени Бога,

прошел через огонь? Я очень хорошо знаю, что ты думал». И он рассказал ему его мысли. И так как Раймунд отрицал все подобное, то Петр Бартоломей возразил: «Ты не можешь отказываться, ибо я знаю то наверное. Все то, отчего ты отказываешься, я узнал это ночью от благословенной Девы Марии и епископа Адемара. Я удивляюсь, что, не сомневаясь в словах Господа и его апостолов, ты желал, однако, доказательств на мою погибель, и только для того». Тогда Раймунд, видя, что его помыслы обнаружены, и признавая себя виновным перед Богом, залился горькими слезами, и Петр сказал ему: «Не отчаивайся, ибо св. Дева Мария и св. Андрей исходатайствуют тебе прощение у Бога. Ты же со своей стороны молись им усердно».

После такого подробного изложения процесса Петра Бартоломея наш автор возвращается к описанию несогласия князей, упоминает о последовавшей вскоре смерти Петра Бартоломея от ран и ожогов и рассказывает, как крестоносцы сняли наконец осаду города Арки и обступили Триполь к величайшему неудовольствию массы, которая желала идти прямо в Иерусалим.

Между тем как наши князья изобретали новые предлоги, чтобы остаться у стен Триполя, Господь внушил своему народу такую ревность идти к Иерусалиму, что никто не мог удержать ни себя, ни других. Отправившись однажды под вечер, против приказания князей и несмотря на всю нашу привязанность к армии, мы шли всю ночь и на следующий день подошли к Бериту (Berintum). Потом, заняв неожиданно ущелье, называемое *Bucca-Torta*, мы в несколько дней подошли к Аккону (Accaron, Птолемаида), не встретив никаких препятствий. Владетель (rex) Аккона, опасаясь, чтобы мы не обступили этого города, и желая нас отклонить, клялся графу, что «если мы возьмем Иерусалим, или если мы останемся 20 дней в Иудее, и владетель Вавилона нам не объявит войны, или, наконец, если мы одержим над ним победу, то он сдаст город, а в ожидании того останется нашим другом». Отправившись потому под вечер от Аккона, мы расположились лагерем вблизи болот, которые находятся у Цезареи. В то время, когда одни по обычаю отправились из лагеря искать необходимого, а другие расспрашивали у знающих, где устроились их товарищи, голубь, который летел над армией, смертельно пораженный ястребом, упал посреди наших. Епископ города Агды (Atensis) поднял его и нашел на нем письмо следующего содержания: «Владетель (rex) Аккона правителю (duci) Цезареи. Мимо меня прошло собачье племя, глупое и вздорное, которому, если ты любишь закон, должен причинять всякое зло, как сам, так и через других. Дай знать о том по всем городам и замкам». Утром мы приказали собраться армии и сообщили князьям и народу содержание письма; мы объяснили им при этом, как милосерден к нам Бог, когда даже птицы не могли пролететь, чтобы сделать нам зло, и выдали секреты неприятеля. Вследствие того мы воздали хвалу всемогущему Богу и возблагодарили его. Оттуда мы отправились с такой же радостью, как и уверенностью; многие шли с передовой частью армии, и мы подвигались сзади.

Когда сарацины, обитавшие в Рамле (Ramulae), узнали, что мы перешли протекавшую в их соседстве реку, то они оставили укрепление и оружие, побросали весь хлеб в житницах и жатву, которую они уже убрали. Мы прибыли в этот город на следующий день и убедились, что Бог действительно ратовал за нас. А потому мы дали обет св. Георгию, который был нашим руководителем, а князья и народ сочли приличным избрать в этом месте епископа, ибо это была первая церковь на земле Израиля, с тем, чтобы блаженный Георгий соизволил ходатайствовать за нас перед Богом и провести нас неизменно по земле своего пребывания. Рамла лежит от Иерусалима в 16 милях. Там мы имели совещание, и одни говорили: «Не пойдем прямо к Иерусалиму, но отправимся лучше в Египет и Вавилон; если мы Божьей милостью успеем одержать победу над владетелем Египта, то тогда мы овладеем не только Иерусалимом, но Александрией, Вавилоном и многими другими государствами; если же мы теперь пойдем в Иерусалим и если нам придется оставить осаду по недостатку воды, то нам не удастся ни то, ни другое». Но на это воз-

ражали: «Во всей армии теперь не больше, как 1500 рыцарей, и число вооруженных пехотинцев также невелико. Как же можно советовать нам вступить в земли неизвестные и отдаленные, где мы не можем получить никакой помощи, и притом мы пойдем тогда не на завоевание святого города; наконец, мы не можем овладеть теми местами, ни возвратиться, когда к тому будем вынуждены? Не будем делать ничего подобного; пойдем далее по своей дороге, а что касается осады, голода, жажды и других бедствий, которых вы опасаетесь, то пусть Бог позаботится о своих служителях». Оставив таким образом гарнизон с новым епископом в замке Рамле, мы навьючили быков, верблюдов, кобылиц и лошадей и пустились в дорогу в Иерусалим. Но мы забыли и пренебрегли приказанием, которое нам дал Петр Бартоломей: не приближаться к Иерусалиму на две мили расстояния иначе как с босыми ногами, ибо в противном случае всякий захотел бы опередить других, увлекаемый жаждой овладеть замками и виллами; между нами же был обычай, по которому замок или вилла принадлежала тому, кто приходил первый и, водрузив знамя, помещал свою стражу, и после того уже никто другой не старался овладеть тем местом. Побужденные такой надеждой, пилигримы встали в полночь, не ожидая других товарищей, и таким образом овладели всеми горами и виллами, расположенными в долине Иордана. Мало было таких, для которых Божеские предписания имели силу: они шли с босыми ногами и глубоко сожалели о своем неповиновении слову Господню, хотя никто не отклонял своего товарища или друга от того честолюбивого набега. Когда мы подошли к Иерусалиму, идя таким образом в своей гордыне, сарацины, выступив из города и двинувшись навстречу первым из наших, тяжко ранили людей и лошадей, и в этот день пало три или четыре человека и много было раненых (7 июня 1099 г.).

На последних шести страницах (по изданию Bongars*) автор рассказывает об осаде Иерусалима, последнем приступе 14 или 15 июля, избрании Готфрида в короли, о его ссоре с графом Тулузским, который вследствие того удалился с нашим автором в Иерихон, чтобы омыться в водах Иордана; этим событием, случившимся в конце июля 1099 г., автор и заканчивает свою хронику (см. ее конец ниже).*

Historia Franc. qui ceper. Hierosol a. 1095–99. Изд. *Bongars*. Gesta Dei per Francos, 1611, с. 139–174.

Петр Тудебод

КЕРБОГА ПОД АНТИОХИЕЙ. 1097 г.

Из записок очевидца (1097 г.)

Автор, принимавший личное участие в Первом крестовом походе, вел свои записки на месте событий; в первых трех книгах, которые вместе составляют 9 небольших глав, рассказываются весьма коротко события от Клермонского собора в конце 1095 г. до победы христиан над турками при Дорилее 1 июля 1097 г. Четвертая и последняя книга (гл. X–XXXIX) охватывает собой время от Дорилейской победы до поражения мусульман при Аскалоне, вскоре после взятия Иерусалима, а именно, до 12 августа 1099 г. Первые 10 глав этой книги (X–XX) содержат рассказ о дальнейшем походе крестоносцев после битвы при Дорилее и до взятия Антиохии христианами (6 июня 1098 г.), причем, был убит и турецкий начальник города Кассиан*, напрасно умолявший хоросанского вождя Кербогу поспешить к нему на помощь.*

XXI. *Кербога* (у автора Curbarám), предводитель армии персидского султана (то есть Мосульского), пребывал в то время в Хоросане, и Кассиан, начальник Антиохии (ammiralius Antiochiae), несколько раз обращался к нему с просьбой поспешить на помощь городу пока есть еще время, ибо сильное войско франков начинает теснить его в Антиохии; за такую услугу Кассиан обещал Кербоге или сдать ему весь город, или сделать значительный подарок. Так как у Кербоги было уже давно собрано громадное турецкое войско и, кроме того,

их *апостолический* калиф (Calipha apostolicus, то есть верховный глава религии, посему автор и дает калифу один из папских титулов) разрешил ему умерщвлять христиан; вследствие того Кербога предпринял отдаленный поход из Хоросана в Антиохию. Начальник Иерусалима (Hierosolymitanus ammiralius) явился к нему с войском на помощь; также и султан (rex) Дамаска прибыл с многочисленной армией. Сам же Кербога собрал бесчисленные толпы язычников, а именно: турок, арабов, сарацин, публиканов, азимитов, курдов, персов, агуланов и многих других, которым нет и числа. Агуланы были в числе 3 тысяч; они не боялись ни копий, ни стрел, ни прочего оружия, ибо были закованы в железо с ног до головы, равно как и их лошади; сами же они не употребляли никакого другого оружия, кроме меча. Таково было войско, явившееся для осады Антиохии с целью рассеять армию христиан. Когда они приближались к городу, навстречу им вышел Сенсадол, сын Кассиана, начальника Антиохии; он немедленно представился Кербоге и просил его, со слезами говоря: «Непобедимый князь, умоляю тебя, помоги мне; франки отовсюду стеснили меня в Антиохии, овладели городом и желают отделить нас от страны Романии или Сирии, а также и от Хоросана. Они делают все, что хотят; убили моего отца, и теперь им ничего не остается, как умертвить меня, тебя и всех других нашего племени. Я давно жду твоей помощи, чтобы ты защитил меня в этой опасности». На это отвечал Кербога: «Если ты желаешь, чтобы я от всего сердца был расположен в твою пользу и помог тебе в этой опасности честно, предай мне в руки этот город». Сенсадол продолжал: «Если ты будешь в состоянии избить франков и выдать мне их головы, то я сдам тебе Антиохию, присягну на подданство (hominium) и буду охранять город, оставаясь верным тебе». Кербога возразил: «Нет, мне этого не нужно; сдай в мои руки крепость навсегда». Хотя против воли, но Сенсадол уступил ему.

На третий день после нашего вступления в Антиохию появились перед городом передовые отряды неприятеля, а само войско расположилось лагерем у Железного

ПЕТР ТУДЕБОД (PETRUS TUDEBODUS. 2-я половина XI в.). Священник Сиврейский (sacerdos Civriaceysis) Петр родился в Пуату. Вместе с двумя своими братьями он принял личное участие в Первом крестовом походе; один его брат погиб при осаде Антиохии, другой – во время нападения на крепость Марру. До битвы с Кербогой автор служил в конном отряде Боэмунда, но после того перешел в отряд Роберта Нормандского. Тудебод находился и при осаде Иерусалима. Вот все, что известно из показаний самого автора о его жизни. По его собственным словам, он был первым, который описал поход крестоносцев и взятие Иерусалима, не имея перед собой никакого другого сочинения. Все последовавшие за ним писатели, как то: Роберт Монах, Гвиберт Ножанский и другие, главным образом, руководствовались сказаниями Тудебода, хотя и не знали имени автора, так что до новейшего времени его сочинение «Historia de Hierosolymitano itinere ad. a 1095–1099», то есть «История Иерусалимского похода от 1095 до 1099 г.», приписывалось анонимному писателю. Несмотря на плохой язык Тудебода и неясность выражений, его произведение должно поставить во главе всех источников Первого крестового похода, так как оно само служило источником для других сочинений и даже во многих местах буквально повторялось.

Издания: первое издание сделал *Bongars* в своем сборнике «Gesta Dei per Francos» (Hannov., 1611, I, c. 1–30); но он не знал имени автора и оставил его анонимом, назвав само сочинение «Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum». Второе и последнее, а вместе и более полное, находится в сборнике *Duchesne*. Historia Francorum scriptores etc. (Par., 1649, IV, 773–815). Переводов на новейшие языки не существует. Исследования: см. у *Duchesne* предисловие, написанное *Besly* и особенно у *Siebel.* Geschichte des ersten Kreuzzugs. (Dusseld., 1841, c. 22–33).

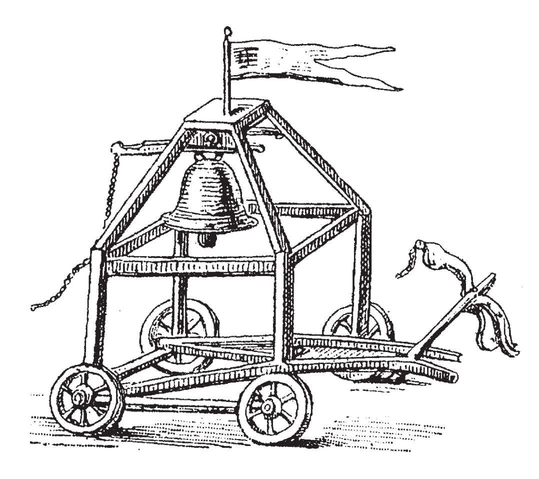
моста. Овладев мостовой башней, враги убили там всех, кого встретили, и никто не спас жизни, кроме предводителя, которого мы нашли после окончания осады в цепях. На следующий день войско язычников, двинувшись далее, приблизилось к городу и устроило лагерь между двух рек; два дня неприятель оставался на том месте. После того Кербога призвал к себе одного из своих начальников, известного ему за свою искренность, добродушие и миролюбие, и сказал ему: «Я желаю, чтобы ты с полной преданностью взял на себя охрану этого лагеря, ибо я издавна знаю тебя как самого верного человека и потому прошу весьма заботливо ограждать наши укрепления; считая же тебя притом и весьма благоразумным, я убежден, что не найду другого, который был бы откровеннее и отважнее тебя». Начальник отвечал: «Я никогда не желал бы взять на себя такого поручения; но так как ты сам побуждаешь меня к тому, то знай, что если франки разобьют вас в смертоносном бою и победят, то я немедленно сдам им лагерь».– «Я считаю тебя столь честным и благоразумным,– возразил Кербога,– что вперед одобряю все, что бы ты ни сделал хорошего». Когда Кербога возвратился к своему войску, турки, осмеивая франков, показали ему какой-то негодный меч, покрытый ржавчиной, дрянной деревянный лук и весьма плохое копье, отнятые ими на днях у какого-то бедного пилигрима, и говорили при этом: «Вот те блестящие и грозные оружия, с которыми христиане выступили против нас в Азии; ими рассчитывают они загнать нас за пределы Хоросана и стереть наше имя за Амазонскими реками; ими они изгнали наших родичей из Романии и царского города Антиохии, уважаемой столицы всей Сирии». Тогда Кербога призвал к себе своего верного секретаря и сказал ему: «Пиши сейчас несколько грамот, чтобы их прочли в Хоросане, и именно следующим образом:

“Нашему апостолическому калифу и нашему государю султану, храброму воителю, и всем мудрым воинам Хорозана – поклон и великое почтение!

Да будут они веселы и радостны в счастливом согласии, пусть кушают на здоровье, живут в изобилии и роскоши, повелевая и управляя всей страной, пусть радуются тому, что они родили себе сынов, которые храбро сражаются с христианами, и да примут сии три оружия, отнятые нами у франков; из этого можно заключить, каковы те средства, с которыми враги пришли на нас, и как они хороши и надежны. О, сражайтесь против нашего вооружения, раскрашенного двумя, тремя и даже четырьмя цветами, с насечками золотыми и серебряными! Пусть знают все наши, что я держу франков запертыми в Антиохии, а мой лагерь совершенно свободен, они же сидят в городе: все они теперь в моих руках, и будут преданы смерти или отведены пленниками в Хоросан за то, что угрожают изгнать нас своим оружием и откинуть от границ, далеко за пределы Верхней Иудеи, как они выгнали наших родичей из Романии или Сирии. Клянусь Магометом и именем всех богов, я не возвращусь к вам, прежде чем своей десницей не овладею царским городом Антиохией, всей Сирией, или Романией, и Булгарией до самой Апулии, к чести богов и славе как вашей, так и всего народа турок!”»

Этим он заключил продиктованное.

XXII. В это время явилась к Кербоге мать его, проживавшая в Алеппо, и говорила ему со слезами: «Справедливо ли все то, что я слышала?» – «Что такое?» – спросил Кербога.– «Я слышала, что ты намерен вступить в сражение с франками»,– продолжала она. – «Это совершенная правда»,– отвечал Кербога. – «Умоляю тебя, сын,– воскликнула мать,– именем всех богов и твоим добрым сердцем, не веди войны с франками. Конечно, ты воин непобедимый, и я никогда не слыхала ничего дурного ни о тебе, ни о твоем войске; никто не видал, чтобы ты обращался в бегство, оставив лагерь. Слава твоего воинства известна, и осторожный враг бежит, заслышав твое имя. Мы хорошо знаем, мой сын, что ты могуществен, отважен и сведущ в военном деле; никакой народ, ни христианский, ни языческий, не может сохранить доблести при виде тебя; бегут при одном твоем имени, как бегут овцы перед разъяренным львом. И тем не менее умоляю тебя, возлюбленный сын,



Итальянская повозка кароччио со знаменем города. С рисунка XVII в.

внемли моим словам, и пусть не придет на мысль ни тебе, ни твоему совету, начать войну с христианами». Кербога, выслушав материнские увещания, отвечал ей сердито: «Что ты рассказываешь мне, мать? Я полагаю, что ты или потеряла рассудок, или тобой овладело какое-нибудь неистовство. Я имею одних старших и младших начальников больше, чем всех христиан».– «О возлюбленный сын,– возразила ему мать,– христиане не могут и думать бороться с тобой и не имеют силы напасть на тебя; но Бог их сражается за них ежедневно, денно и нощно защищает и бдит над ними, как пастырь над стадом своим; он не попустит никому оскорбить или потревожить их, и всякий, кто помыслит противиться им, будет смущен Богом, как о том сказано устами пророка Давида: "Рассей народы, которые желают войны"; или, в другом месте: "Пролей гнев твой на народы, которые тебя не познали, и на царства, которые имени твоего не призвали". Прежде чем они изготовятся к бою, великий их Бог и сильный в брани, вместе со святыми своими, успеет уже победить всех врагов. Что же будет с вами, если вы враждебны ему и намерены сопротивляться всеми силами. Знай, мой возлюбленный, что эти христиане именуются сынами Христа; по словам пророков, это – "сыны обетования", а по изречению апостола – "наследники Христа", которым Христос отдал уже обещанное наследство, как о том сказано пророками: "От восхода и до заката будет земля ваша, и никто не воспротивится вам". Кто же может воспротивиться или отрицать подобные слова? Если ты начнешь с ними войну, то будь уверен, что это причинит тебе и поношение, и погибель, и ты погубишь многих из своих воинов, и потеряешь всю добычу, и в страхе обратишься в бегство. В сражении ты не падешь, но в этом же году тебя постигнет смерть, ибо Бог не тотчас наказует оскорбившего его, но когда восхочет, и я боюсь для тебя печального конца. Не умрешь, говорю тебе, но скоро погибнешь». Кербога, смущенный в глубине души, отвечал, выслушав материнские увещания: «Прошу тебя, возлюбленная мать, скажи мне, кто это сказал тебе о христианах, что их Бог любит только их, что он силен в брани, что христиане победят нас под Антиохией и овладеют нашим достоянием, что они будут победоносно преследовать нас и что в этом году я умру внезапной смертью?» Мать с печалью отвечала ему: «Сын мой возлюбленный, вот уже более сотни годов, как найдено в наших писаниях и в книгах языческих, что на нас пойдет народ христианский, везде победит нас, и будет править язычниками, и наш народ послужит им. Не знаю только, теперь ли или со временем исполнится то. Я, бедная женщина, последовала за тобой из Алеппо, где наблюдала за течением небесных звезд и изучала расположение планет, двенадцати знаков, и прибегала к другим бесчисленным гаданиям. Везде я находила, что христиане нас победят. Вот почему я так боюсь за тебя, почему мне так грустно; чтоб не пришлось осиротеть без тебя».– «Милая мать,– отвечал ей Кербога,– объясни мне все, что наводит сомнение на мое сердце».– «Я охотно то сделаю, мой возлюбленный,– воскликнула мать,– если узнаю, в чем ты можешь сомневаться». Кербога говорил: «Боэмунд и Танкред – не боги же они франков; не освободят же они их от неприятеля, хотя бы они съедали в один присест по две тысячи коров и по четыре тысячи свиней?» Мать возразила на это: «Сын мой возлюбленный, Боэмунд и Танкред, конечно, смертные люди, как и все

прочие, но Бог возлюбил их перед всеми и наделил их отвагой больше, чем всех других; ибо Бог их всемогущ, сотворил небо и землю, и море, и все, что в них; престол его на небе от века веков и мощь его страшна повсюду». Сын отвечал: «Если это и так, то все же я не прекращу с ними борьбы». Мать же, видя, что ее советы не помогут, удалилась с печалью в Алеппо и захватила с собой все, что только могла увезти.

В следующих главах, от XXIII до XXVIII, автор описывает подробности осады, приступы неприятеля, вылазки отрядов осажденных, различные отдельные подвиги; потом печальное положение христиан, изнуренных голодом, дезертирство многих из них; как, наконец, было найдено св. копье и отправлено посольство к Кербоге под руководством Петра Пустынника с предложением принять христианство и как Кербога отвечал на то предложением принять мусульманство; этот ответ довел христиан до отчаяния, и они решились на последний и смертельный бой с неприятелем.

XXIX. Наконец христиане решились после трехдневного поста и процессий из одной церкви в другую исповедаться в грехах и получили разрешение; приобщившись тела и крови Христовой и раздав милостыню, они отслужили торжественную обедню. После того внутри города построено было шесть полков. В первом полку, шедшем во главе, стоял *Гуго Великий* с французами и графом Фландрии; во втором – герцог *Готфрид* со своей дружиной; в третьем – *Роберт Нормандский* со своими воинами; в четвертом – *епископ Пюи* (Podiensis, Адемар), несший копье Спасителя; с ним шли его люди и войско Раймунда, графа св. Эгидия (то есть Тулузского); сам же он остался сторожить крепость, из опасения, чтобы турки не ворвались в город; в пятом – *Танкред*, сын маркиза, со своим народом; в шестом шел мудрый муж *Боэмунд* (Тарентский) со своей дружиной. Наши епископы, священники, клерики и монахи, облачившись в ризы, вышли вместе с нами, неся кресты и молясь, чтобы Бог спас нас, оградил и избавил от всяких бед. Прочие же стояли на стенах у ворот, держа святые кресты и благословляя нас. Так, в стройном порядке и осененные крестом, мы прошли через ворота, называемые Махомария. Когда Кербога увидел полки франков, отлично построенные, как они выходили один за другим, он отдал приказ: «Дайте им выйти, чтобы лучше попасться в наши руки». Но когда мы все выступили за ворота, и Кербога увидел перед собой бесчисленную рать франков, им овладел страх. Тотчас же он дал знать своему начальнику, которому была поручена охрана лагеря, что если он увидит огонь перед неприятелем, то это будет знаком отступления для войска, и того, что турки проиграли. Между тем Кербога начал мало-помалу отступать к горе; а наши – преследовать их. Наконец турки разделились: одна часть потянулась к морю, другая осталась на месте, рассчитывая поставить нас между двух неприятелей. Но наши, заметив такое намерение врага, сделали то же самое: из полков герцога Готфрида и графа Нормандии был образован седьмой полк, под предводительством графа Райнольда. Этот полк встретил турок, наступавших со стороны моря; турки же, вступив с ними в борьбу, многих перебили стрелами. Другие турецкие отряды были построены между рекой и горой на протяжении двух миль. Они начали заходить с обеих сторон и окружать наших, метая в них копья, стрелы и нанося раны. В это время с горы показалось бесчисленное войско на белых лошадях, и знамена их были также белые. Наши, видя это войско, недоумевали, что это такое и кто приближается, но вскоре поняли, что им явилась на помощь сила Христова; предводители были св. Георгий, Меркурий и Димитрий. Нельзя не верить этому рассказу, потому что многие видели то. Турки же, стоявшие со стороны моря, заметив, что им невозможно устоять, подожгли траву, чтобы дать тем знак к бегству остававшимся в лагере, которые, увидев то, взяли с собой драгоценнейшее из добычи и бежали. А наши мало-помалу подвигались вперед к центру неприятельских сил, то есть к их палаткам. Герцог Готфрид, граф Фландрский и Гуго Великий доскакали до самого берега, где неприятель был особенно многочислен. Со знамением креста они единодушно напали на них. Видя то, и другие полки последовали за ними;

персы и турки подняли крик. Таким образом, мы, призвав имя Бога живого и истинного, приблизились к неприятелю на лошадях и во имя Иисуса Христа и св. Гроба начали бой, и с Божьей помощью победили их. Турки же в страхе обратились в бегство, а наши преследовали их до палаток. Но воины Христа предпочли гнать неприятеля, нежели собирать добычу, и достигли таким образом Железного моста, а оттуда до самой башни Танкреда. Турки при этом потеряли свои палатки, золото, серебро, множество украшений, овец, быков, лошадей и мулов, верблюдов и ослов, хлеба и вина, муки и иного прочего, в чем мы нуждались. Гермении и сирийцы (то есть туземцы), населявшие ту страну, видя, что мы победили турок, бросились в горы навстречу им и умерщвляли всех, кого могли схватить. Мы же, возвратясь в город с великой радостью, прославляли и благодарили Господа, даровавшего нам победу. Турецкий начальник, охранявший укрепления, видя, что Кербога и его люди бегут, преследуемые неприятелем, почувствовал страх и поспешно вышел навстречу знаменам франков. Граф Тулузский, стоявший близ укреплений, приказал ему взять свое знамя, которое весьма послушно водрузил на башне. Лангобарды (то есть итальянцы), находившиеся в том месте, заметив это, говорили друг другу: «Это знамя не Боэмунда». Тогда турок спросил: «Чье же?» Ему отвечали: «Графа Тулузского»; тогда он подошел и, сняв знамя, возвратил его графу. В эту минуту явился сам достославный муж Боэмунд и вручил ему свое знамя. Турок с великой радостью принял его и заключил договор с государем Боэмундом, по которому те из язычников, которые пожелают, могут принять вместе с ним христианство, а те, которые захотят удалиться, могут оставить город целыми и невредимыми. Боэмунд согласился на просьбу турецкого начальника и немедленно послал своих людей для занятия укреплений. Несколько дней спустя турецкий начальник крестился вместе с теми, которые пожелали признать имя Христа. Тех же, которые остались в своем законе, Боэмунд приказал отправить в землю сарацин. Все это дело происходило 28 июня (in quarto Kal. jul.), накануне дня апостолов Петра и Павла, в царствование Господа нашего Иисуса Христа, ему же честь и слава во веки веков. Аминь!

Historia de Hierosolymitano itinere ab. a 1095–1099.

Вильгельм Тирский

ОСАДА И ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА. 7 июня – 15 июля 1099 г. (между 1170 и 1184 гг.)

Начинается книга восьмая[1]

I. Известно, что священный и Богом возлюбленный город *Иерусалим* (Hierosolyma) лежит на высоких холмах, а свидетельство древних говорит нам, что он расположен в колене Вениамина. С запада к нему примыкает колено Симеона, земля филистимлян и Средиземное море, от которого Иерусалим отстоит на ближайшем расстоянии, а именно – от древнего города Иоппе, на 24 мили. Между ним и вышеупомянутым морем находится крепость *Эмаус*, впоследствии названная *Никополем*, где после воскресения Господь явился своим ученикам; *Модин*, знаменитое укрепление св. маккавеев; *Нобе*, священническое селение, где Давид, придя голодный со своими детьми, получил от первосвященника Авимелеха и съел хлебы предложения; *Диосполь,* или *Лидда*, где Петр излечил разбитого параличом Энея, который не вставал с постели 8 лет, и, наконец, вышеупомянутый город *Иоппе*, где тот же Петр воскресил одну из своих учениц по имени Тавита, прославленную добрыми делами и милостыней, и возвратил ее здравой святым и вдовым, и

[1] Предыдущее см. выше.

где он, гостя у кожевника Симона, принимал посланного от Корнелия, как о том говорится в Деяниях Апостолов (гл. IX, 36–42). На восток от Иерусалима находится р. Иордан и примыкающая к нему пустыня, любезная сынам пророков; от Иордана до Иерусалима около 14 миль; на востоке же лесная долина (то есть Сиддим), где ныне Соляное море, называемое Асфальтовым, или Мертвым; вся эта страна до ниспровержения Господом Содома, как читается в Бытописании, орошалась водами, подобно Божьему раю. По эту сторону Иордана лежит город Иерихон, которым овладел преемник Моисея, Иисус (Навин), более при помощи молитвы, нежели силой, и где впоследствии Господь, проходя мимо, возвратил зрение слепому; там же находится Галгала – убежище Елисея. По ту сторону Иордана – *Галаад*, *Базан*, *Аммон* и *Моаб*, которые достались в удел коленам Руфима, Гада и половине колена Манассии; ныне (то есть в конце XII в.) вся эта страна носит общее название Аравии. На юге от Иерусалима находится удел колена Иуды, где стоит *Вифлеем*, обыкновенное местопребывание Господа, где он родился и где была его колыбель; далее город *Текуа*, где обитали пророки Амос и Аввакум, и *Хеврон*, иначе *Кариатарба*, досточтимое место погребения святых патриархов. На севере лежит город *Габаон*, прославленный победой Иисуса Навина (Josuae, filii Nun) и чудом остановившегося солнца; далее колено Ефраима, где находится *Сило*; *Сихар*, родина собеседницы Господа, самаритянки; *Вифель*, место, где поклонялись золотому тельцу, свидетель проступка Иеровоама; *Себаста*, где погребены Иоанн Креститель, Елисей и Авдия; бывшая *Самария*, высокая столица царства Израильского, названная так по имени горы Сомер, на которой она расположена; от нее и вся страна называется до настоящего времени Самарией; далее *Неаполь*, в древности *Сихем*, именуемый так по своему основателю; это место, как сказано в Бытописании, сожгли дети Иакова, Симеон и Леви; в отмщение сыну Сихема, Гемору, за оскорбление, нанесенное им их сестре Дине, которую он полюбил; они умертвили его мечом вместе с сыновьями.

II. Сам же Иерусалим, столица Иудеи, расположен в стране, совершенно лишенной ручьев, лесов, источников и пастбищ. По рассказам древних и по преданиям восточных народов, он назывался сначала *Салем*, а после *Иевус*; наконец Давид, изгнав оттуда иевусеев, распространил его и избрал своей столицей, после того как он царствовал семь лет в Хевроне; с того времени город получил название Иерусалим (Hierusalem). Об этом в книге «Паралипоменон» сказано так (следует большая цитата из Библии; Паралип., кн. I, гл. II, 4–8). После же, в царствование его сына Соломона, этот город назывался Иерусалимой (Herosolyma), то есть Иерусалимом Соломона. По рассказам знаменитых историографов, Гегезиппа и Иосифа, 42 года спустя после страстей Господа, город был за грехи иудеев осажден и завоеван знаменитым римским князем Титом, сыном Веспасиана; овладев им, он разрушил его до основания, так что, по слову Господню, «в нем не осталось камня на камне». Элий Адриан, четвертый римский император после него, восстановил город и назвал Элией, как то видно в определениях Никейского собора, где мы читаем: «Епископ Элии да почитается всеми» и проч. Прежний город был расположен на крутом отвесе, по скатам горы Сиона и Мориа, так что он смотрел частью на восток и частью на юг, а наверху находился только храм и крепость Антония; император же перенес весь город наверх, и потому места страдания и воскресения Господа, бывшие прежде вне города, при перестройке вошли в черту стен. Сам город меньше самых больших и больше средних; форма его продолговата, одна сторона длиннее другой; однако он образует собой четырехугольник и с трех сторон замкнут глубокими долинами. К востоку находится долина Иосафата, о которой упоминает пророк Иоиль, говоря (следует цитата из Библии: Иоиль, III, 1–2). В самом конце этой долины построена знаменитая церковь в честь Богоматери, где она должна быть похоронена и где до сих пор показывают народу ее пречестную гробницу. Там же протекает зимой, когда много воды от дождей, ручей Кедрон, о котором упоминает св. апо-

Рыцарь времен Гогенштауфенов в полном вооружении. Миниатюра из генуэзской лицевой хроники XII в.

стол Иоанн, говоря: «Иисус пошел со своими учениками за ручей Кедрон, где был сад» и т. д. (Иоан. 18, 1). На южной стороне находится долина Энном, примыкающая к первой; она разделяет колено Вениамина и Иуды, как то говорится у Иисуса (следует цитата из Библии: I. Нав., 15,8). Там и до сих пор показывают поле Акельдама, купленное на деньги, за которые Иуда, постыднейший из торгашей, продал Господа, и которое ныне обращено в кладбище для пилигримов. Об этой долине упоминается в Паралипоменоне (кн. II, гл. 28, ст. 3) по поводу Ахаза (следует цитата). Эта долина склоняется на запад в том месте, где находится древний рыбный пруд (piscina), знаменитый во времена иудейских царей; оттуда она продолжается к верхнему пруду, ныне обыкновенно называемому Патриаршим озером, что близ древнего кладбища и Львиной пещеры. С севера же в город ведет ровная дорога, на которой и ныне показывают место, где иудеи побили камнями первомученика Стефана, который испустил дух, молясь на коленях за своих преследователей.

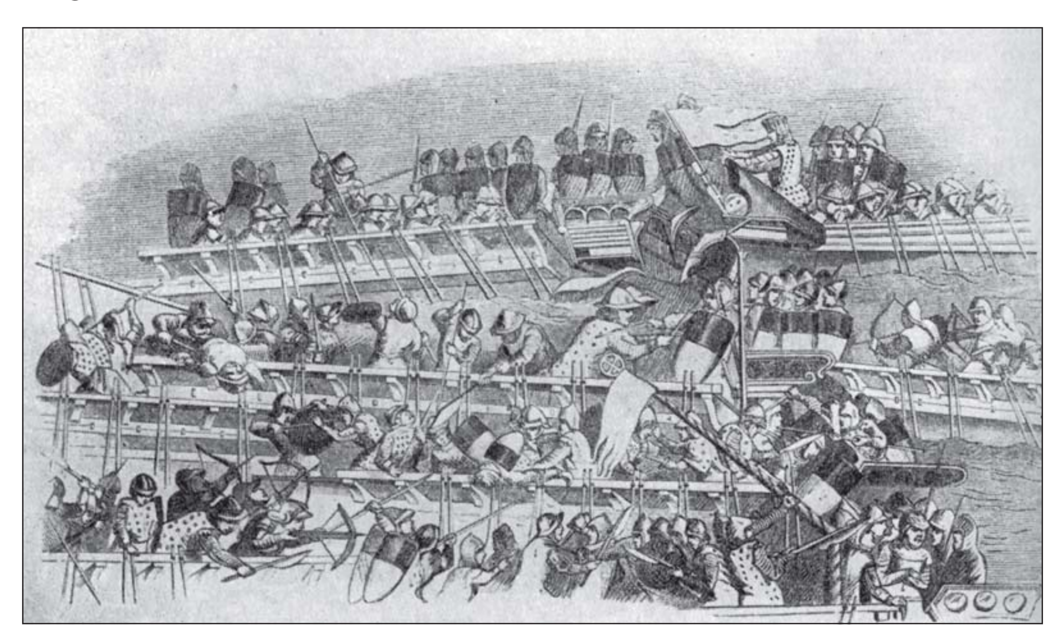
III. Город Иерусалим лежит на двух холмах, как говорит о том и Давид (Пс., 87,1): «Основа его на святых горах». Городские стены почти охватывают собой вершины их, отделенные друг от друга небольшой долиной, которая разделяет и город. Западная гора называется *Сион*, и по ней часто именуют и сам город, как то сказано: «Бог любит врата Сиона больше всех жилищ Иакова» (Пс., 87,2). Другая же гора, на востоке, называется *Мориа*; о ней говорится во второй книге Паралипоменона (следует цитата: кн. II, 3, 1). На вершине западной горы, как на высочайшей, стоит храм, который, как и гора, называется Сионом, а недалеко от него башня Давида, выстроенная необыкновенно твердо; как городская крепость, она со своими башнями, стенами и передовыми укреплениями (antemuralibus) господствует над всем городом. Там же, на западном склоне, стоит храм св. Воскресения, круглой формы. Так как он построен на скате горы, нависшей над ним и примыкающей к нему, то в нем должно было бы быть темно, а потому его кровля имеет отверстие, через которое проходит свет. Кровля положена на балки, которые весьма искусно образуют собой корону; а под отверстием стоит Гробница Спасителя (Salvatoris monumentum). До прибытия наших латинцев, место, где пострадал Господь, называемое Голгофа, или Лобное место, где был найден животворящий крест и где тело Господа, по погребальному обычаю иудеев, быв снято с креста, было умащено мазями и ароматами и обвернуто в плащаницу, это место находилось вне черты вышеназванного храма и имело небольшие молельни. Когда же наши с Божьей помощью овладели городом, им показалось тесным прежнее здание храма; они его расширили, украсили и сделали прочнее и таким образом включили в черту его вышеназванные места, так что древнее здание образовало часть новейшего. На другой же горе, к западу, на южном ее склоне, стоит храм Господа на том месте, где, по книгам царей и Паралипоменона, Давид купил помост у иевусея Арафны, или Арнана. На этом месте он построил по повелению Божьему алтарь Господу, на котором принес ему огненную и искупительную жертву, и Господь услышал его молитву и послал с неба огонь на жертвенник. Там-то, по повелению Господа, построил

храм его сын Соломон. Какую он имел форму, как был разрушен при вавилонском царе Навуходоносоре, как был возобновлен при персидском царе Кире Зорававелем и первосвященником Осией и как снова истреблен вместе со всем городом при римском князе Тите – о всем этом говорит древняя история. Для нас достаточно сказать, кто построил ныне стоящий храм и какую он имеет форму.

Мы уже сказали в начале нашего сочинения (кн. I), что строителем нынешнего здания называют Омара, сына Катабы, третьего по чину преемника Магомета. А что это совершенно справедливо, то оно доказывается старинными надписями, которые находятся внутри и вне храма. Вот его форма: вся площадь в длину несколько больше полета стрелы и такой же ширины, четырехугольная и равносторонняя, окружена твердой стеной незначительной высоты. На западной стороне – двое ворот, из которых одни называются Красивыми (Speciosa); там, по словам *Деяний Апостолов*, Петр исцелил хромого от рождения, собиравшего милостыню с приходящих, поднял его и поставил на ноги; названия же других ворот я не знаю. Одни ворота на северной стороне, а другие на восточной; последние и до сего дня называются Золотыми. На восточной же стороне помещается королевский дворец, который обыкновенно зовется храмом Соломона. Над всеми воротами, примыкающими к городу, а также и по углам, стояли весьма высокие башни (минареты), на которые восходили в известный час служители сарацинской ереси (то есть муллы), чтобы оттуда созывать народ на молитву. Некоторые из башен целы и до сих пор, а другие разрушились от различных случаев. Никто не смел жить в этих пределах, и входить дозволено было не иначе, как с босыми и вымытыми ногами. Для наблюдения затем у каждого входа находится привратник. В середине отгороженной таким образом площади находилась еще площадка, несколько возвышенная; она образовывала правильный четырехугольник. Две лестницы ведут на нее с западной и южной стороны, но с восточной одна. Прежде на каждом углу стояли небольшие молельни; из них некоторые еще целы, но другие сломаны, чтобы на их месте построить новые. Храм построен в виде восьмиугольника и потому имеет столько же сторон; внутри и вне украшен мраморными досками и мозаикой; кровля круглая и весьма искусно покрыта свинцом. Обе площади, и верхняя, и нижняя, которая заключает в себе первую, выложены белым камнем, так что дождевая вода, которая зимой стекает с храма и других мест, уходит совершенно чистой, без всякой грязи, в водоемы, которые находятся в большом числе на упомянутой площади. В середине храма, между рядами нижних колонн, положен довольно большой кусок скалы с высеченным внутри углублением. На нем, говорят, восседал ангел, который за несправедливую народную перепись, сделанную Давидом, поражал народ мечом до тех пор, пока Господь не приказал ему дать пощады народу и вложить меч в ножны. Когда впоследствии Давид купил этот камень за 600 сиклов чистого золота, он построил на том месте храм, как я сказал выше. До прибытия наших и 15 лет после того это место оставалось непокрытым, но позже те, которые управляли городом, покрыли его белым мрамором и построили алтарь и хор, на котором духовные совершали богослужение.

В главе IV, и весьма обширной, автор делает географическое описание всей Палестины на основании Библии и в конце говорит о тех немногих источниках, которые находились около города, а именно о Силоамском, Гионе и Овечьем пруде (Probatica piscina), расположившемся внутри самого города, близ храма; при появлении крестоносцев жители Иерусалима завалили все внешние источники на 5 миль в окружности, чтобы повредить осаждающим; по этому поводу автор оставляет свое географическое и топографическое отступление и обращается к описанию осады Иерусалима.

V. В год от воплощения Господня 1099-й, в седьмой день июня наши войска расположились лагерем вблизи города. Говорят, что всего, без различия пола, возраста и состояния, в лагере было до 40 тысяч человек; из них лиц, способных носить оружие, – едва 20 тысяч пеших и 1500 конных; остальные же все состояли из безоружной



Морской бой, XII в. Стенная роспись во Дворце правительства в Сиене

черни, больных и расслабленных. В городе, говорили, должно было находиться 40 тысяч отважного и отлично вооруженного войска, ибо из соседних городов и окрестностей в городе собралось множество народа, который частью бежал от неприятеля и искал там спасения, частью же спешил на защиту столичного города от угрожающей опасности и для снабжения его оружием и съестными припасами. Когда наши приблизились к городу, они совещались тщательно с людьми, знавшими местность, откуда было легче и удобнее напасть на город, и, заметив, что с востока и с запада, по причине глубоких вышеупомянутых долин, нельзя ничего сделать, они определили обложить город с северной стороны. Таким образом, наши разбили лагерь от ворот, называемых ныне воротами св. Стефана и находящихся на севере, до ворот под башней Давида, которые носят имя этого царя, равно как и башня, воздвигнутая на западной стороне города. Первое место (то есть у ворот св. Стефана) занял государь герцог *Готфрид Лотарингский*; второе – государь граф *Роберт Фландрский*; третье – государь граф *Роберт Нормандский*; четвертое – государь *Танкред* вместе с несколькими благородными, возле угловой башни, названной впоследствии по его имени; от этой башни и далее к западу до ворот (Давида) город был обложен графом *Тулузским* (Раймундом) и его армией. Позже он перевел часть своего лагеря, по совету благоразумных людей, знавших местность, на гору, на которой построен город, между самим городом и церковью, называемой Сионом и отстоящей от него на один полет стрелы; его побудило к тому отчасти то, что ему угрожала башня, защищавшая ворота, отчасти же и глубина долины, простиравшейся между лагерем и городом, так что он видел невозможность сделать что-нибудь с этой стороны. Другая же часть лагеря осталась на прежнем месте. Он имел при этом в виду, чтобы его люди при штурме были ближе к городу и чтобы ему было возможно защищать упомянутую церковь от поруганий врага. На этом месте именно Спаситель имел Тайную вечерю со своими учениками и умыл им ноги; там же в св. Пятидесятницу сошел Св. Дух в виде огненных языков и, по преданиям древних, на том же месте умерла Богородица; там же показывают гроб первомученика Стефана.

VI. При таком расположении лагеря наших город оставался свободным от северных ворот, обыкновенно называемых воротами св. Стефана, до угловой башни в долине Иосафата, и оттуда до противоположного угла, находящегося при повороте той долины, и далее, до южных ворот, называемых вратами горы Сиона; таким образом, едва половина города была окружена лагерем. В пятый день (12 июня), когда наше войско устроилось в виду города, глашатаи возвестили всенародно, что все, от мала до велика, должны вооружиться и запастись щитом, чтобы быть готовыми к нападению на город; приказанное было исполнено. Все поднялись единодушно и окружили осажденную часть города, с такой горячностью, ревностью и мужеством, что жители отступили в страхе к внутренним стенам от внешних, которые были проломаны нашими, и потеряли всякую надежду на дальнейшее сопротивление. Если бы наши в этот день, когда они атаковали город с таким жаром, имели под рукой лестницы или могли приставить машины к стенам, то, без сомнения, им удалось бы тотчас овладеть городом. Находясь в деле с раннего утра до седьмого часа дня и видя, что без машин ничего нельзя сделать, они отложили свое предприятие на будущее время, когда, построив машины, им можно будет с помощью Божьей более счастливо возобновить приступ. Пока князья усердно совещались о том, откуда достать дерева для машин, так как окрестная страна была совершенно гола, случайно явился туземец из верующих, родом сириянин, и, по его указанию, некоторые из князей отправились в отдаленные долины, отстоявшие от города миль на шесть или на семь, и нашли там много деревьев, которые хотя и не вполне были годны для их цели, однако имели достаточную высоту. При них были мастера и дровосеки, которым было приказано привезти в город на телегах и на верблюдах столько лесу, сколько, казалось, нужно для упомянутого дела. Созвав мастеров и других людей, сведущих в этом искусстве, они поручили им топорами, пилами и другими подобного рода инструментами построить тщательно из добытого материала укрепления и метательные орудия, которые называются *манганами* (mangana), или *петрариями* (petrariae), также *тараны* (arietes, стенобитное орудие) и *скрофы* (scrophae) для подрытия стен. Рабочим, так как они были бедны и не могли трудиться даром, платили деньги из добровольных взносов народа, ибо никто из князей не имел достаточно средств, чтобы оплачивать работу, кроме государя графа Тулузского, у которого денег было всегда больше, чем у других. Он платил своим рабочим, не прибегая к поборам с народа, из собственной казны, и даже помогал многим благородным, которые издержались в дороге. Пока старейшие князья были заняты таким образом важнейшими делами, другие благородные и знаменитые мужи водили народ с распущенными знаменами, по указанию местных жителей, в те места, где рос кустарник и низкий лес, чтобы на лошадях, ослах и других вьючных животных навозить хворосту и ивовых прутьев для плетения корзин (которые наполняются землей) и чтобы таким образом содействовать великому предприятию. Таким образом все трудились с величайшим рвением, все напрягали свои силы; во всем народе не было ни одного без дела, который предался бы лени; напротив, каждый прилежал к делу, не обращая внимания на свое состояние и положение в свете; сделать что-нибудь полезное считалось самым почетным. Богатые и бедные находились одинаково в работе и так как все с равной ревностью трудились над делом, то неравенство состояний исчезло; чем кто более значил, тем тот более работал; но и тех, которые были незначительны, допускали к какому-нибудь труду. Все, что было перенесено на пути, считалось ни во что, лишь бы достигнуть плода своих усилий и попасть в город, из любви к которому они столько уже пострадали: все, чего можно было от них требовать для достижения этой цели, казалось им легким и удобным, лишь бы только они могли думать, что то и другое средство содействует исполнению их намерения.

В следующих главах, VII–X, автор описывает ужасы, которые испытывали крестоносцы во время таких работ от совершенного недостат-

ка воды; особенно пострадали лошади, а падеж скота произвел заразные болезни; далее автор говорит о мерах защиты осажденных и о тех муках, которым в это время подвергались в Иерусалиме христиане, использовавшиеся вместо вьючных животных; в эту тяжелую минуту для крестоносцев является в Иоппе генуэзский флот; христиане посылают к нему отряд для конвоя, и генуэзцы, забрав с кораблей все инструменты и необходимые вещи, прибыли в лагерь под предводительством Вильгельма Пьяницы и доставили осаждавшим новые средства и искусных мастеров для постройки машин; между тем прошло четыре недели от начала осады (то есть 7 июля), и князья решились назначить день решительного приступа; но так как граф Тулузский и Танкред жестоко поссорились и среди других обнаружилось также несогласие, то епископы и народ решились прежде всего примирить врагов и прекратить внутренние междоусобия.

XI. С этой целью (то есть для уничтожения внутренних несогласий) объявлено было в определенный день всенародно покаяние (letaniae). Епископы и весь клир в церковных одеждах, с босыми ногами, неся кресты и образа святых (sancrorum patrocinia), повели народ благоговейно на Масличную гору (mons Oliveti). Там к народу обратились с речами достопочтенный Петр Пустынник и Арнульф, муж ученый из дружины графа Нормандского, и убеждали по мере сил своих сохранять терпение. Масличная гора лежит на восточной стороне города, от которого отделяется долиной Иосафата, отстоя почти на одну милю. Поэтому у блаженного Луки (Деян. Ап., I, 12) сказано: «Близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути». Оттуда наш Спаситель, сорок дней спустя после воскресения, вознесся на небо перед глазами своих учеников, и облако скрыло его от их взоров. Народ верующий, прибыв туда, молился уничиженно, со вздохами и слезами, о помощи Господней. Вышеупомянутые князья примирились и перед лицом народа восстановили взаимную любовь. Сойдя с этой горы, все поднялись к церкви на горе Сионе, которая, как сказано, находится в южной стороне города и притом совершенно вблизи его, на самой вершине горы. Осажденные же, смотря с башен и стен, весьма изумлялись такой процессии народа и стреляли из луков и пращей, причем некоторые из наших, менее осторожные, были ранены. Они выставляли также для поругания над нашими кресты на стенах, плевали на них и бесчестили всяческим образом, извергая хулу на нашего Господа Иисуса Христа и его спасительное учение. Но народ не уклонялся от своего благочестивого предприятия и шел далее к упомянутой церкви, исполненный, однако, негодования на богохульство. Когда молитва была окончена и народу возвестили день, в который он должен был отважиться на приступ, все обошли снова город и возвратились в свой лагерь. Приказано было окончить все с поспешностью, если что было недоделано, чтобы недостаток того или другого не повредил делу во время самого приступа.

XII. Накануне назначенного дня (14 июля) герцог и два старейших графа (то есть Нормандии и Фландрии), видя, что часть города, осаждаемая ими, укреплена машинами, орудиями и людьми лучше других, ибо жители более всего боялись именно за эту часть, и не надеялись на следующий день сделать что-нибудь против места, столь укрепленного, приказали с удивительной осторожностью и неслыханными усилиями перенести по частям машины и башни, прежде чем они были сложены, в другое место, между воротами св. Стефана и угловой башней, которая возвышается на юге над долиной Иосафата, и перевели туда же свой лагерь. У них была мысль, и она оправдалась на деле, что жители менее будут сторожить ту часть города, которая не была обложена. Таким образом, ночью перетащили машины в ту сторону, и прежде чем взошло солнце, их сложили вместе с величайшим трудом и поставили на надлежащем месте. Также и башня была подкачена к стене там, где она казалась ниже и доступнее, и столь близко, что неприятель и люди, помещенные в машине, могли сражаться врукопашную. Эта работа была немалая, ибо место, откуда притащили машины, отстояло почти на полмили; а между тем к солнечному восходу все было сложено и устроено. Когда рано утром осажденные взошли на стену посмотреть, что предпринимается нашими, они были чрезвычайно изумлены, видя, что часть лагеря и все военные орудия, которые они вчера и третьего дня видели перед собой, вдруг исчезли.

Но, всматриваясь внимательнее и оглядывая все пространство стен, они заметили, что герцог перенес свой лагерь, и увидели машины в том месте, где они были поставлены вновь.

В заключение этой главы автор говорит, как и прочие князья, каждый на своем месте, придвигали в эту ночь, с 13 на 14 июля, свои осадные орудия к стенам города.

XIII. Когда наступил день (14 июля), все войско в полном вооружении выступило из лагеря, чтобы начать приступ, как о том было возвещено. Все твердо решили или пожертвовать жизнью за Христа, или возвратить городу его христианскую свободу. В целом войске не было старика или больного, или несовершеннолетнего юноши, которые не горели бы священной жаждой битвы; даже женщины забывали свой пол и свою слабость и хватались за оружие, принимая на себя мужской труд, превышающий их силы. Вступив с таким единодушием в битву, они старались приблизить к стенам изготовленные машины с тем, чтобы побороть тех, которые им давали отпор, стоя на стенах и башнях. Осажденные же, решившись сопротивляться до последней крайности, пускали копья с бесчисленным множеством стрел, метали камни с руки или машиной и старались отразить наших от стены. Но наши не унывали. Из-за своих щитов и корзин они отвечали беспрерывно своими луками и пращами и пытались неустрашимо приблизиться к стене, не давая отдыха тем, которые стояли на башнях. Другие же, поместившись в машинах, то старались при помощи крюков пододвигать свои орудия, то пускали из метательных машин огромными камнями в стену, желая непрерывными ударами и сотрясениями поколебать ее и опрокинуть. Некоторые же при помощи малых метательных орудий, называемых манганами, из которых стреляли мелким камнем, сбивали всех, кто сопротивлялся нашим на внешних укреплениях стен. Но ни те, которые пододвигали башни к стенам, не могли получить успеха, ибо им препятствовал глубокий ров, отделявший их от стен, ни те, которые старались метательными орудиями пробить стену, ибо осажденные спускали со стен мешки, наполненные соломой и отрубями, канаты, ковры, громадные балки и матрацы, набитые ватой, чтобы такими мягкими и упругими вещами сделать безвредными удары камней и уничтожить все наши усилия. Сверх того, они сами устроили у себя машины, и притом в гораздо большем числе, и осыпали из них стрелами и камнями, чтобы тем устрашить наших. Когда обе стороны сразились с таким упорством и делали страшные усилия, завязался такой отчаянный бой, длившийся с раннего утра до вечера, что стрелы сыпались с обеих сторон, как град; пущенные камни сталкивались в воздухе, и люди погибали разными способами. Усилия и опасность были на стороне герцога одинаково, как и для Танкреда, графа Тулузского и других князей, ибо город – мы заметили выше – был с одинаковым рвением атакован с трех сторон. Наши более всего заботились о том, чтобы, засыпав ров камнями и землей, расчистить дорогу машинам; а осажденные старались, напротив, воспрепятствовать нашим в этом намерении. Тем, которые хотели исполнить то, они оказывали страшное сопротивление и бросали на машины огонь и предметы, вымазанные серой, маслом, смолой, чтобы сжечь их. Кроме того, они направляли на наши машины из своих громадных орудий, изготовленных внутри, такие искусные удары, что у наших машин изломали фундамент, пробили стены и одним сотрясением почти сбросили на землю тех, которые сидели внутри их, чтобы оттуда сражаться. Наши же встречали воспламенительные вещества тем, что заливали их массой воды и так старались потушить пожар.

В следующих главах, XIV–XVII, автор, заметив сначала, что ночь остановила яростный бой 14 июля, затем рассказывает, как в ту ночь обе стороны, не ложась спать, готовились к продолжению битвы; как с рассветом дня, 15 июля, возобновились прежние сцены, как удалось крестоносцам убить двух колдуний (см. об этом у Раймунда Агильского, ниже), заговаривавших их машины, и как, несмотря на все, христиане в седьмом часу дня готовы были отступить, но в то время явился на Масличной горе всадник с пламенным щитом, воодушевивший крестоносцев до того, что они успели наконец засыпать ров,

подкатили машину к самой стене и сорвали две толстые балки, повешенные неприятелем для ослабления ударов машин, которые, как окажется ниже, будут играть главную роль в решительную минуту осады, так как у крестоносцев не было таких толстых бревен; наконец в заключение автор коротко упоминает о действиях южной армии графа Тулузского, который, впрочем, не имел такого успеха, как северная армия, и снова возвращается к герцогу Лотарингскому, воспользовавшемуся воодушевлением войска при появлении неизвестного всадника на Масличной горе и теми двумя бревнами, чтобы овладеть городской стеной.

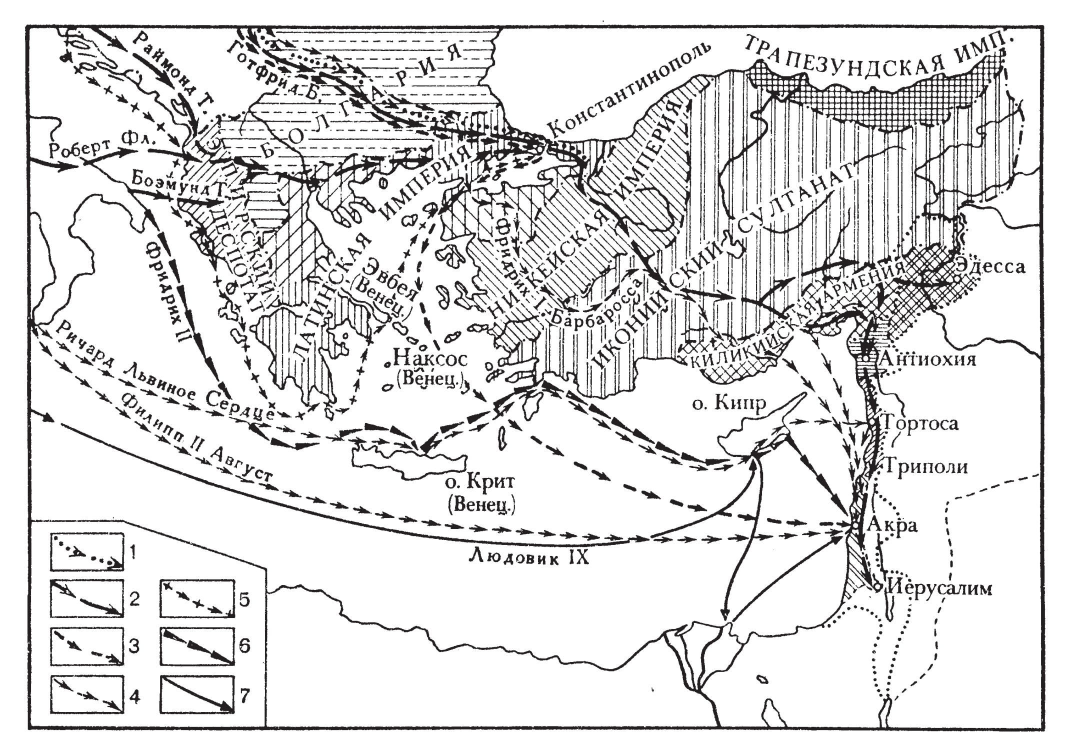
XVIII. Таким образом, как мы выше сказали (в главе) XVI, полки герцога (Лотарингского) и графов (Нормандии и Фландрии), штурмовавшие город с севера, с Божьей помощью дошли до того, что утомленные граждане не осмеливались более оказывать сопротивления, а по закрытии рва и укрепления перед стенами были разрушены. Вследствие того они могли безнаказанно приблизиться к стене, и изредка осмеливался неприятель нападать на них из-за расселин стены. Те же, которые были в подвижной башне, бросили по приказанию герцога в матрацы, набитые ватой, и в мешки с соломой огонь, который, будучи раздуваем северным ветром, воспламенился и погнал в город такой густой дым, что защищавшие стены не могли открыть ни рта, ни глаз, начали задыхаться и ошеломленные бросили стены без защиты. Тогда-то герцог приказал принести с величайшей поспешностью те балки, которые были отняты у неприятеля, положить их с машины другим концом на стену и опустить открывающуюся сторону башни, которая и легла на них; так образовался мост, имевший весьма крепкую подпору. Вот каким образом то, что неприятель изобрел для своей защиты, обратилось ему в погибель. Когда мост был переброшен, впереди всех устремился в город знаменитый и преславный муж герцог Готфрид со своим братом Евстафием, убеждая и других следовать за ним. За ним последовали немедленно единоутробные братья Людольф и Гизлеберт, благородные и вечной памяти достойные люди, уроженцы города Торнака (ныне Tournay, в Бельгии), а потом и бесчисленное множество рыцарей и пеших людей, так что машина и мост едва могли их вынести на себе. Когда неприятель увидел, что наши овладели стеной и что герцог с войском ворвался в город, то бросил башни и стены и отступил в узкие улицы города. Наши же, видя, что герцог и большая часть благородных овладели башней, не могли дождаться перехода по мосту, и друг перед другом приставляя к стене лестницы, которых они имели при себе большой запас,– а именно каждые два рыцаря были обязаны сделать одну лестницу – взобрались по ним и, присоединившись к прочим, стоявшим уже на стене, ожидали дальнейших приказаний герцога. Вслед за герцогом следующие лица ворвались в город: граф Фландрский и герцог Нормандии, мужественный и достохвальный государь Танкред. Гуго Старший, граф С. Поль, Балдуин Бургский, Гастон Беарнский, Гастон Безьерский, Гергард Руссильонский, Фома Ферийский, Конан Бретонский, граф Раимбольд Оранский, Людовик Монсон, Куно Монтегю и его сын Ламберт вместе со многими другими, числа которых и имен мы не знаем. Когда герцог увидел, что все они невредимо вступили в город, он послал некоторых из них со значительным прикрытием к северным воротам, ныне называемым воротами св. Стефана, чтобы открыть их и впустить ожидавший вне их народ. Когда ворота были поспешно открыты, весь народ бросился без всякого разбора вперед. Случилось же это в пятницу (feria sexta), в девятом часу дня (то есть в девятом после восхода солнца), и, по-видимому, тут было Божеское предопределение; в тот же день и в тот же час, в котором Господь пострадал в этом городе, верный народ, сражавшийся за славу своего Спасителя, счастливо достиг цели своих желаний. В этот же день (в пятницу) был, говорят, сотворен человек, а второй предан смерти за спасение первого, и потому подобало членам его и последователям одержать победу над его врагами во имя его.

В главе XIX автор говорит о первых убийствах на улице, которые начали крестоносцы, и о том, как граф Тулузский, ничего не знавший о взятии города, увидел, что неприятель, стоявший перед ним на стенах, отступил и заперся в

башне Давида; тогда и он бросился через южные ворота в Иерусалим, истребляя на пути тех, которые бежали с севера от меча Готфрида; после того автор переходит к рассказу о сценах ужаса, которые произошли в верхнем храме, куда сбежались все, ища спасения от неприятеля.

XX. Большая часть народа бежала в портик храма (Соломона, на горе Мориа), как потому, что это место было самое отдаленное в городе, так и потому, что оно было снабжено стеной, башнями и крепкими воротами (см. описание храма выше, в гл. III). Это бегство не было, однако, для них спасением, ибо государь Танкред отправился туда немедленно со значительной частью своего войска. Он ворвался силой в храм и убил там бесчисленное множество народа. Он, говорят, унес из храма несметное множество золота, серебра и драгоценных камней, но впоследствии, когда прошло смятение, возвратил, как полагают, все в целости. После и прочие князья, избив всех, кто попадался им в нижних частях города, отправились в храм, в ограде которого, как они слышали, укрылось множество народа. Они вступили туда со множеством конных и пеших людей и, не щадя никого, перекололи всех, кого нашли, мечами, так что все было облито кровью. Произошло же это по справедливому приговору Господню, и те, которые оскверняли святыню своими суеверными обрядами и лишили ее верный народ, очистили ее своей кровью и поплатились жизнью за свое злодеяние. Страшно было смотреть, как валялись повсюду тела убитых и разбросанные члены, и как вся земля была облита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище, но еще более приводит в трепет то, что сами победители были в крови с головы до ног. В черте храма, говорят, погибло до 10 тысяч неприятеля, кроме тех, трупы которых валялись по улицам и площадям и которые были умерщвлены рассеянно по городу; говорят, число таких было также немало. Остальная часть войска разошлась по городу и, вытащив как скотов из узких и отдаленных переулков тех, которые там укрывались от смерти, убивали их на месте. Другие, разделившись на отряды, ходили по домам и извлекали оттуда отцов семейств с женами и детьми, прокалывали их мечом или сбрасывали с кровель и, таким образом, ломали им шею. При этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем, находившимся в нем, ибо еще до завоевания города было условлено между ними, что по завоевании каждый присваивает себе на вечные времена все, что он успеет захватить. Ходя таким образом по городу, чтобы врываться в дома жителей и их тайные убежища, каждый, в знак овладения домом, вешал на дверях свой щит или другое оружие, чтобы через то объявить другим, что они должны идти дальше, ибо это место имеет уже для себя господина.

XXI. Когда город был совершенно завоеван и жители умерщвлены, князья после восстановления спокойствия сошлись вместе, прежде чем сложили оружие, и определили, чтобы для большей безопасности башни были заняты стражей и у каждых ворот города поставлены верные люди привратниками, пока по общему их согласию и по определению князей не будет вверена охрана города одному, который устроит все по своей воле. Они были правы, остерегаясь неприятелей, окружавших их со всех сторон, и опасаясь неожиданного нападения. Когда таким образом в городе был восстановлен порядок, они сложили оружие, омыли руки, облеклись в чистые одежды и пошли с уничиженным и сокрушенным сердцем, плача и воздыхая, с босыми ногами к тому месту, которое Спаситель прославил и освятил своим присутствием, и с величайшим благоговением прикладывались к нему. У храма Страстей и Воскресения Господня им вышел навстречу народ верных и духовенство, несшие столько лет безвинно тяжкое иго, с крестами и образами святых; они благодарили своих избавителей, даровавших им свободу, и отвели их в упомянутый храм с пением духовных гимнов. Было трогательное зрелище, наполнившее сердца святым восторгом, видеть, с каким благоговением народ вступал в святые места и с какой задушевной радостью и торжеством целовал землю, на которой Господь пострадал. Повсюду слезы, повсюду воздыхания, но не те, которые производят печаль и горе, а те, которые приносятся Богу



Крестовые походы (XII–XIII вв.):
1 – поход бедноты (1096 г.); *2* – Первый крестовый поход (1096–1099); *3* – Второй крестовый поход (1147–1149); *4* – Третий крестовый поход (1189–1192); *5* – Четвертый крестовый поход (1202–1204); *6* – Шестой крестовый поход (1228–1229); *7* – Седьмой крестовый поход (1248–1254). Границы государств указаны на начало XIII в., после Четвертого крестового похода.
(*На схеме не указаны Пятый и Восьмой крестовые походы.*)

в жертву из пламенного благоговения и из глубокой, внутренней радости человека. В храме, как и во всем городе, раздавалось столько голосов народа, приносившего Господу свое благодарение, что они, казалось, поднимались до звезд, и о них справедливо можно было сказать: «Глас радости и торжества в кущах праведных» (Пс., 117, 15). По всему городу в благоговейном восторге совершались дела милосердия. Одни исповедовали Господу свои грехи и заклинались не повторять их более; другие великодушно жертвовали все, что они имели, согбенным старцам и бедным, ибо то, что Господь сподобил их видеть такой день, они считали величайшим богатством. Иные ползали с сердечными воздыханиями на обнаженных коленях по святым местам, омочали их слезами и могли по справедливости говорить: «Очи мои излились слезами» (Пс., 118, 136). Что прибавить к этому? Невозможно словами описать, сколь велико было святое чувство, овладевшее народом верных. Они соперничали друг с другом в подвигах милосердия, помышляя о благодеянии, которое оказал им Бог, и имея перед глазами милость, которой они были награждены за множество трудов. И кто мог иметь такое каменное сердце и столь железную грудь, чтобы сердце его не размягчилось, видя, какой плод принесло его пилигримство и какую награду пожал он за свои военные подвиги? Люди с более возвышенным чувством смотрели на дарованное им Богом счастье как на ручательство будущей награды, которую Господь обещал своим святым. Они веровали, что Бог настоящими милостями укрепляет в нас надежду на будущее, и достижением земного Иерусалима обещает нам достижение небесного, где мы вступим в общение с

ним. Между тем епископы и духовенство приносили в храмах жертвы Господу Богу, молились за народ и благодарили за оказанное благодеяние.

В главах XXII и XXIII автор делает отступление, говоря о том, как явился в Иерусалиме епископ города Пюи, Адемар, умерший в Антиохии, и многие другие, погибшие в походе, и какие почести были оказаны жителями города Петру Пустыннику, на которого смотрели как на одного из героев освобождения Гроба Господня; заметив мимоходом, что патриарх Иерусалимский в это время не был в городе, ибо он еще до осады удалился на о. Кипр для сбора милостыни, автор возвращается к главной теме.

XXIV. После совершения молитв и после благоговейного посещения св. мест князья сочли за лучшее прежде всего очистить город и в особенности пределы храма, чтобы трупы убитых не заразили воздух. Они возложили это дело на жителей города (то есть мусульман), которые случайно избежали смерти и были закованы в цепи. Но так как их было мало для такой большой работы, то дали ежедневную плату бедным людям в войске, чтобы они пособили немедленно очистить город. Затем князья разошлись по своим домам, которые между тем приготовила им их прислуга. Так как они нашли город наполненным всеми потребностями жизни и богато снабженным всякими припасами, то все от мала до велика увидели себя в большом изобилии. В домах, которыми они овладели силой, найдено было в огромном количестве золото, серебро, драгоценные камни и одежды, фрукты, вино, масло, даже вода, в которой они весьма нуждались во время осады, так что те, которые овладели домами, не только имели всего достаточно для себя, но и могли охотно поделиться с бедной братией. Во второй, третий и следующий дни на рынке стояли самые низкие цены на товары, так что последняя чернь имела все в изобилии. Потому они проводили веселые и счастливые дни, заботились о своей плоти и отдыхали, наслаждаясь пищей и покоем, в чем они так нуждались. Постоянно помышляя о небесном благе, которого удостоил их Господь, они изумлялись щедротами его благости. А чтобы воспоминание об этом дне прославить еще более, было определено, чтобы на будущие времена этот день торжествовался всеми и между прочими праздниками был бы величайшим праздником. В этот день на все времена было препрославлено имя христианское, и о том предсказывалось в пророчествах. Также предписано было молить Бога о всех, достохвальными трудами которых, сообразно желанию каждого, вышеупомянутый и Богом возлюбленный город приобрел свободу и прежнюю христианскую религию.

Между тем те из неприятелей, которые, спасаясь от меча наших, бежали в башню Давида, убедились, что им невозможно долее удержаться, ибо наш народ овладел всем городом. Потому они просили графа Тулузского, жилище которого было вблизи башни, чтобы им был дан вместе с женами, детьми и имуществом свободный выход и охрана до Аскалона. Граф согласился на их просьбу, и они сдали ему башню. Те же, которым было поручено очистить город, обнаружили большое рвение и, частью сожгя трупы, частью зарыв, в несколько дней сделали город столь же чистым, как он был прежде. С того времени народ мог с полной беспечностью посещать святые места и совершенно свободно ходить по улицам и площадям и беседовать друг с другом.

Город же был взят в год от воплощения Господня 1099-й, в 15-й день июля, в шестой день недели (то есть пятницу), в девятом часу дня, три года спустя после того, как народ верных принял на себя все тяжести такого странствования; во время управления св. Римской церковью государя Урбана II Папы, в царствование государя Генриха IV в Римской империи, государя короля Филиппа (I) во Франции и государя Алексея у греков; а содействовало тому Божеское милосердие, ему же честь и слава бесконечная во веки веков. Аминь.

Кончается книга восьмая[1].

Belli sacri historia, libri, XXIII. Кн. VIII.

---

[1] Продолжение см. ниже.

Раймунд Агильский

14 и 15 июля 1099 г. (1099 г.)

Когда наступил день[1], назначенный для последней борьбы (то есть 14 июля, четверг, под стенами Иерусалима), христиане начали приступ. Но вот что нужно заметить прежде всего: по мнению многих, которое разделяем и мы, внутри города (Иерусалима), находилось в то время до 60 тысяч человек, способных носить оружие, сверх малолетних и женщин, число которых было огромно. Наших же, сколько мы могли сообразить, было не более 12 тысяч, способных к бою, но мы имели много слабых и бедных; рыцарей же было в нашей армии 1200 или 1300, и не более, как я думаю. Говорю же я об этом, чтобы вы поняли, что и в важных, и в ничтожных делах, все, что предпринято во имя Господне, никогда не остается втуне, и следующие страницы докажут справедливость того.

Едва наши начали угрожать башням и стенам, как со всех сторон полетели камни, пущенные из машин, и бесчисленная туча стрел. Но служители Божии перенесли терпеливо это бедствие, решившись в своей твердой вере или пасть, или отомстить врагу за себя в этот день. И так сражались без малейших признаков победы. Когда наши приблизились к стенам со своими машинами, осажденные начали бросать не только камни и стрелы, но и зажженное дерево, и пуки соломы; потом они начали кидать в машины обрубками деревьев, густо намазанными смолой, воском и серой и завернутыми в горящие хлопья и тряпки; кроме того, эти обрубки были унизаны со всех сторон гвоздями, так что, куда бы они ни упали, везде зацеплялись и зажигали. Осажденные бросали таким образом дерево и солому с тем, чтобы, по крайней мере, пламя остановило тех, кого не удерживали ни мечи, ни высокие стены, ни глубокие рвы. В этот день (14 июля) дрались от восхода до заката солнца и дрались так изумительно, что едва ли, думаю, было когда-нибудь и что-нибудь более изумительного. Мы еще продолжали призывать всемогущего Бога, нашего руководи-

[1] Извлечение и анализ предыдущего у того же автора, см. выше.

РАЙМУНД АГИЛЬСКИЙ (RAIMONDUS DE AGILES. Конец XI – начало XII в.). Он был каноником (canonicus Podiensis) кафедральной церкви в Пюи, что в Велэ (Puy in Velay), когда в 1095 г. западные христиане приняли крест на соборе в Клермоне; судя по его званию дьякона, он был тогда еще молод и сопровождал своего епископа, знаменитого Адемара, во время похода. На пути его поставили священником, а после он сделался капелланом Раймунда, графа Тулузского. Во время осады Антиохии, в 1097 г., как объясняет сам автор, он решился вместе с Понтием из Баладуна, рыцарем из свиты графа, описать все виденное ими. Но, вероятно, Понтий был только рассказчиком, а писал сам Раймунд, как ему позволяло время при остановках на марше. Понтий умер в 1099 г. при осаде Арки, и Раймунд продолжал один свой труд. Рассказав о взятии Иерусалима, Раймунд на двух страницах (издание Бонгара) излагает коротко историю избрания в короли Иерусалима Готфрида Лотарингского и ссору его с Раймундом Тулузским за башню Давида, которая окончилась тем, что Готфрид одержал верх, и Раймунд Тулузский вместе с нашим автором удалился в Иерихон для омовения в водах Иордана; этим событием, случившимся в конце июля, автор заключает свою «Историю франков, завоевавших Иерусалим, от 1095 до 1099 г.». Неизвестно, возвратился ли он в Европу, или умер в Палестине; какое-то неизвестное лицо продолжило его труд до битвы при Аскалоне, в августе того же года.

Издание: единственное у *Bongars.* Gesta Dei per Francos,1611, с. 139–183. Переводы: у *Guisot*. Collection, XXI, с. 227–397 (Par., 1824). Критика: в «Geschichte des ersten Kreuzzugs», H. von Sybel. Düsseldorf, 1841, с. 15 и след.

теля, исполненные доверия к его милосердию, когда наступила ночь и удвоила страх в обоих враждебных лагерях. Сарацины опасались, чтобы наши не овладели городом во время ночи или, по крайней мере, чтобы они на следующий день, одолев преграды и засыпав рвы, не проникли тем легче на стены. Наши же, со своей стороны, боялись только одного, а именно – чтобы сарацины не нашли какого-нибудь средства поджечь придвинутые к ним машины и вследствие того взять верх. Вот потому с обеих сторон наблюдали друг за другом, трудились и были поглощены заботами, которые прогоняли всякий сон. Одни были исполнены положительной надежды, других волновал страх. Одни с охотой трудились над делом Божьим, чтобы взять город; другие, сражаясь за закон Магомета (Bahumeth), против воли вынуждались к защите. Вы не поверите тем громадным усилиям всякого рода, которые были сделаны в эту ночь с обеих сторон. С наступлением утра (15 июля) нашими овладел такой жар, что они приблизились к самым стенам и пододвинули свои машины. Сарацины же противопоставили на каждую нашу машину по девять и по десять своих, и таким образом наделали огромных препятствий нашему предприятию. Между тем это был именно девятый день, на который один священник указал, как на день взятия города. Впрочем, зачем останавливаться на этом. Наши машины были все уже переломаны от бесчисленных ударов камнями, пущенных в них, и наши люди падали под бременем усталости. Но нам еще оставалось непреодолимое милосердие Божие, которое не было никогда побеждено и которое всегда ниспосылается в свое время среди величайших бедствий.

Но вот один случай, который я не должен пройти молчанием. Когда две женщины старались заколдовать одну из наших камнеметательных машин, камень, пущенный с силой, попал в них и раздавил их вместе с тремя детьми; таким образом, этот удар, выпустив из них дух, предотвратил чары.

Около полудня наши пришли в совершенный беспорядок от усталости и отчаяния, которое ими овладело; у каждого из них было на руках по нескольку противников, стены же были крепки и высоки, а неприятель имел в свою пользу много средств и благоприятных обстоятельств, которые помогали ему защищаться и бороться с нами. В минуту такого изнеможения наших и возвышения противников, проявилось посреди нас Божеское милосердие, которое превратило нашу печаль в радость, и да не отвратится она от нас никогда! Когда некоторые из наших уже совещались об отводе машин, из которых одни были сожжены, другие переломаны, явился какой-то рыцарь со стороны Масличной горы (de monte Oliveti) со щитом на руке и, щитом махая тем, которые были с графом (Тулузским), и другим прочим, приглашал их войти в город. Кто это был за рыцарь, мы не могли разведать. При этом виде наши, уже совершенно истомленные, воодушевились и побежали к стенам, одни неся лестницы, другие набрасывая веревки. Несколько юношей зажгли стрелы и с огнем пустили их в мешки, которыми сарацины обложили укрепления, воздвигнутые против деревянной башни, принадлежавшей герцогу и двум графам. Были же эти мешки (culcitrae) набиты хлопкой (gambasio). Когда огонь принялся, защищавшие тот пункт обратились в бегство. После того герцог и те, которые находились с ним, живо откинули щит, который прикрывал переднюю часть деревянной башни[1] сверху донизу, и, употребив этот щит вместо моста, бросились с мужественной отвагой, чтобы проникнуть в город. Танкред и герцог Лотарингский вошли первые, и количество крови, пролитой ими в этот день, превышает всякое вероятие. Все другие вторглись вслед за ними, и сарацины не могли больше ничего сделать.

Но вот что удивительно: когда французы считали город взятым, сарацины продолжали сопротивляться тем, которые были с графом, как будто бы они никогда не были побеждены. Между тем наши уже овладели башнями и укреплениями, и оттуда можно было видеть много изумительного. У

---

[1] Подробное описание подобных башен в Средние века см. у монаха Рикера, гл. 105 и 106.

сарацин одни были поражены насмерть, и участь таких была самая лучшая; другие, пронзенные стрелами, вынуждены были броситься с высоты башен, а многие, настрадавшись, кидались в огонь и сгорали. По улицам и площадям валялись обрубленные головы, руки и ноги. Пешие и рыцари должны были на каждом шагу натыкаться на труп. Но все это еще ничего. Пойдем в храм Соломона, где сарацины имели обычай отправлять торжественно свое богослужение. Что там произошло! Если мы скажем только правду, то и тогда превзойдем всякое вероятие. Достаточно сказать одно, что в храме и портике Соломона ездили верхом в крови по колено всаднику и под уздцы лошади. Справедливо и чудно Божеское правосудие, которое желало, чтобы то место было облито кровью тех, которые столь долгое время оскверняли его богохульством. Когда город был наполнен трупами и кровью, несколько сарацин бросились в башню Давида и, прося графа Раймунда обеспечить им жизнь своей десницей, сдали ему это укрепление.

После взятия города прекрасно было видеть, с каким благочестием пилигримы отправились к Гробу Господню, как они рукоплескали, предавались радостному восторгу и воспевали новый гимн Богу. Их сердце приносило Господу, победившему и восторжествовавшему, дань хвалений, которые невозможно описать. Новый день, новые чувства восторга, новая и непроходящая радость, наконец, заключение и исполнение предприятия и народных обетов; все это внушало христианам и новые слова, и новые песнопения. В этот день, прославленный навсегда, на веки веков, все наше горе и наша усталость изменились в радость и восторг; этот день, говорю я, был утверждением христианства и погибелью язычества, возобновлением нашей веры, «днем, который сотворил Господь, восторжествуем и возвеселимся в оный» (Псал., 117, 24), ибо в этот день Господь прославил и благословил народ свой.

В этот день многие христиане видели Адемара, епископа Пюи (умершего еще в Антиохии), в городе, а большое число свидетельствует, что он первый взошел на стены и пригласил своих спутников и народ следовать за ним. В этот же день апостолы, изгнанные из Иерусалима, рассеялись по всему миру; и в этот же день дети апостолов снова завоевали их город и их отечество для Бога и своих отцов. Этот день сделал знаменитыми июльские Иды (то есть 15-е число) на славу и хвалу имени Христа, который молитвами своей церкви отдал город, обещанный их отцам и ныне врученный детям с неизменным благословением. В этот день мы служили воскресную службу, потому что тот, кто могущественно воскрес из среды мертвых, воскресил и нас в тот день своей благодатью. Но сказанного об этом довольно!

Hist. Franc. qui ceper. Hierusal. a. 1095–99.
Изд. Bongars, 1611,
с. 177–179.

Рауль Канский

ТАНКРЕД НА МАСЛИЧНОЙ ГОРЕ В ИЕРУСАЛИМЕ 7 июня и 15 июля 1099 г. (между 1112 и 1118 гг.)

CXII[1]. Когда христиане приблизились к Иерусалиму (7 июня 1099 г.), Танкред водрузил свое знамя по соседству с башней Давида и, приказав устроиться лагерем, удалился один, без спутника, без оруженосца, на Масличную гору, откуда, как он знал, Сын Божий, Христос, вознесся к Отцу. Какая безумная отвага! Вот новый способ вести осаду! Один и тот же Танкред, витязь, осаждает с востока и тот же Танкред осаждает с запада! С одной стороны – его малочисленная дружина, с другой – он сам! С одной стороны – рыцари без предводителя; с другой – предводитель без рыцарей. Друг другу помочь они не могут, да и на других они не рассчитывают; особенно Танкред: чем больше он отходит к востоку, тем меньше могут быть ему полезны франки. Его люди остались далеко, раскинув лагерь у западной стороны города, а франки, шедшие по их следам, были еще дальше на запад. Таким образом, Танкред для себя все: и рыцарь, и оруженосец, и знаменосец. С высоты Масличной горы он бросает взоры на город, от которого его отделяет одна долина Иосафата. Оттуда он видит, как народ бегает взад и вперед по улицам, как снабжают башни оружием и как конные люди горят нетерпением; по дорогам слышатся плач, крики, шум и ржание лошадей. С изумлением смотрит он на купол храма Господня, высящийся к облакам, на длинный храм Соломона и на широкую ограду, которая его окружает и делает из него второй город посреди города. Часто обращал он свои взоры к Лобному месту и к храму Гроба Господня; они стоят дальше всего, но при своей высоте бывают видны отовсюду. Танкред то испускает глубокие вздохи, то ложится на землю, то он желал бы расстаться с жизнью, если ему доведется облобызать то Лобное место, которое возвышалось перед ним.

CXIII. Случай дал ему весьма кстати встретиться в ту минуту с Пустынником, жившим в башне; Пустынник взялся сообщить ему все и указал место, где находилась претория Каиафы, где удавился Иуда, откуда был свергнут в пропасть Иаков, где Стефан был побит камнями, и много других мест, связанных с различными воспоминаниями. После того Пустынник спросил его, в свою очередь, к какой секте он принадлежит, как его зовут, где отечество и семья. «Я – христианин, родился в Нормандии из фамилии Гвискар и зовут меня Танкредом». Услышав одно имя Гвискара, Пустынник, пораженный изумлением и устремив на него внимательный взор, воскликнул: «Как! Ты из

[1] Извлечение и анализ предыдущих трех глав см. выше.

РАУЛЬ КАНСКИЙ (RADULPHUS CADOMENSIS, по-франц. RAOUL DE CAEN. Около 1080–1130). Он родился, как можно полагать, в нормандском городе Кане (Caen). Мы знаем о его жизни только то, что он сам сообщает в своем прологе. Воспитанный капелланом Роберта Нормандского Арнульфом, который ходил вместе со своим графом на завоевание Иерусалима и был после избран первым латинским патриархом св. города, Рауль не принимал участия в Первом крестовом походе, но тем не менее имел все средства получить самые подробные сведения о походе из рассказов главнейших участников, как о том он и говорит в своем прологе. Рауль явился в Палестину уже в 1107 г., а потому только три последних года его сочинения принадлежат ему как очевидцу. Так как он писал после смерти Танкреда, случившейся в 1112 г., и посвятил свой труд патриарху Арнульфу, умершему в 1118 г., то эти два обстоятельства приблизительно определяют время, когда Рауль писал биографию Танкреда, у которого он находился на службе с 1107 г. Труд Рауля «О деяниях Танкреда» принадлежит к числу самых замечательных памятников Первого крестового похода, как почти единственное произ-

крови того вождя, подобного молнии, перед которым столько раз трепетала Греция и который, поразив Алексея, обратил его в бегство; который овладел Дураццо и покорил всю Болгарию до реки Вардар? Ты имеешь дело с человеком, который все это знает; я не забыл того, кто опустошил мою страну; он был некогда моим врагом, и вот теперь, присылая тебя сюда, он искупил нанесенные им мне оскорбления. В тебе я вижу ту же доблесть, которая приводила в трепет народы, и ту же отвагу, которой были воодушевлены твои предки; в тебе я не могу не заметить тех же великих качеств. Сначала меня изумило то, что я встретил в этих местах врага, чужеземца, странствующего без спутника в пустыне, и я полагал, что, верно, ему предшествуют дружины или его сопровождают. Причиной моего изумления было мое неведение; уничтожив последнее, ты рассеял и первое. Теперь ты для меня совершенно иной человек: я принимал тебя за безумного, а ныне вижу перед собой храброго; из прежнего врага ты превращаешься в нового брата. Я не буду больше изумляться, если ты совершишь изумительные подвиги; я скорее удивлюсь, если ты ничем не удивишь. Человеку, происходящему из такой фамилии, не дозволено следовать путем обыкновенных смертных; но остерегись, мой друг, остерегись, к тебе приближается неприятель».

CXIV. Действительно, в это время открылись ворота, выходящие на долину Иосафата, и из них выступили пять всадников, которые направились прямо на Танкреда. Они приближались с той самоуверенностью, с которой пятеро идут на одного. Каждый старался обогнать других, чтобы одному воспользоваться добычей. Но сын Гвискара (то есть племянник), прервав свою беседу и простившись с Пустынником, успел изготовить к бою и свое лицо, и сердце, и коня, и копье; первый из врагов, прибывший на вершину горы, был немедленно отправлен им душой в глубину Стикса, а телом на дно долины. Та же участь ожидала и второго; но его конь упал и тем спас своего всадника. Он был, по моему мнению, счастлив своим несчастьем, ибо в то время, когда он встретился лицом с землей, грудь его спаслась от копья, готового нанести ему удар; это падение избавило его от верной смерти[1]...

[1] В этом месте манускрипт текста испорчен.

ведение светского пера и потому резко отличающееся от всего, что было написано в то время людьми, исключительно принадлежавшими к духовному сословию. В сочинении Рауля гораздо точнее выразился дух рыцарства того времени, затемненный богословским настроением других писателей начала Крестовой эпохи. Вместе с тем Рауль представляет нам тип тогдашнего рыцарства в лице Танкреда без всякого опоэтизирования, которому он подвергся в воображении позднейшей эпохи, как, например, у Тассо в его «Освобожденном Иерусалиме»; в Танкреде, у Рауля, нет ни романтической чувствительности, ни нежности; это беспощадный воитель с дикой отвагой, которая в минуту боя доходит до исступления. На речи Танкреда, приводимые автором, нужно смотреть иначе, нежели как то бывает при этом случае обыкновенно у древних и средневековых писателей; автор в прологе говорит, что ему часто случалось выслушивать рассказы Танкреда, он мог слышать и песни его; многое могло таким образом врезаться ему в память, и действительно, эти речи иногда отличаются неподдельной красотой и дышат отвагой воина-трубадура. В существующих манускриптах сочинение Рауля, начинаясь 1096 г., обрывается на 1110-м; вероятно, что окончание утрачено, ибо автор умер гораздо позже 1118 г., притом не может быть, чтобы он представил Арнульфу недоконченное сочинение.

Издания: сочинение Рауля было неизвестно Бонгару, когда он издавал свой сборник «Gesto Dei per Francos»; оно было открыто Мартеном и помещено в его «Thesaurus novus anecdotorum» (Par., 1717, в т. III, с. 108); вскоре Муратори повторил это издание с большей точностью в «Rerum italicarum scriptores Mediol» (1723–1751, в V т., с. 285–333). Переводы: франц. у *Guizot*. Collect. XXIII, c.1–294, Par. ,1825.

Рыцарь Тевтонского ордена XII–XIII вв., западноевропейский арбалетчик и рыцарь ордена меченосцев XII–XIII вв.

Действительно, хотя падение и было полезно для них обоих, освободив одного от новых усилий, а другого от смерти, но оба они проклинали такой оборот дела, которым уничтожались одинаково их злобные намерения. Затем приближается третий; я назвал бы его счастливым, если бы ему удалось, пав на землю, жаловаться только на это несчастье. Но нет: он достиг цели своих желаний и был обезоружен; если он мог отложить свою погибель до самой минуты боя, то, с другой стороны, Танкред его опрокинул еще более жестоко и более жалким образом. Оставались еще двое целыми и невредимыми; но Парка уже была наготове прервать нить их жизни. В ту минуту, когда они выходили на бой, она начала уже надрезывать нить, но они обратились в бегство, и ножницы выпали из рук, державших ее. Пораженные храбростью Танкреда, превосходившей мужество льва, они бежали, и Танкред погнал их к городским воротам. Так иногда бараны спасаются в овчарне, загородка которой укрывает их от свирепого зверя, а зверь, снедаемый голодом, готов напасть даже на тех, которые их защищают. Удаляясь победителем от укреплений, Танкред не остановился даже перед добычей, которую ему оставил неприятель, ни перед конями, бегавшими по воле, ни перед кирасами и прочим оружием, сверкавшим позолотой. Он возвращается к своим, чтобы утешить тех, которых его продолжительное отсутствие исполнило ужасом и отчаянием. В это время явилось много людей и пламенных юношей, готовых подать ему помощь; все собрались – и старые, и малые, и женщины, еще более слабые; всех воодушевляло одно чувство привязанности, и они стремились с одинаковым рвением.

После того, от главы CXV до CXXVII, следует довольно подробное описание общего хода осады Иерусалима до самого взятия города, 15 июля 1099 г., когда автор снова выводит на сцену своего героя, Танкреда.

CXXVIII. Между тем (то есть как главная армия вступила в Иерусалим) Танкред, уподобляясь более льву, нежели человеку, и притом походя на льва не только глазами и лицом, но, главным образом, сердцем, летит в своей ярости к подвигам еще большим. О чем не думал ни один из обоих Аяксов, на что не решились бы ни Гектор, ни Ахиллес, победитель Гектора, все это было легко для Танкреда, племянника Гвискара. Внутренняя ограда храма, которая ныне составляет одно, а прежде была разделена надвое, ибо ныне храм Господа и храм Соломона соединены в один храм Господа, эта внутренняя ограда, обширная и пространная, окруженная толстыми стенами, вход через которые заграждался двумя железными дверьми, укрыла в себе беглецов или, лучше сказать, всех обитателей города, загнанных туда страхом и искавших спасения от ужасов войны. Самое твердое железо защищало эти стены; но Танкред, еще более твердый, чем железо, ломает, разрушает, сбивает двери и вторгается в середину. Едва он вошел, как народ бросился прочь и устремился ко двору Соломона. Кто бежал медленнее, пал под ударами меча; кто был проворнее, ушел от меча. Успевшие спастись заперли за собой ворота и завалили их в надежде защитить жизнь или, по крайней мере, продлить ее на несколько мгновений. Танкред устремляется к храму Соломона, идет вперед, и высокие ворота храма открываются перед его знаменем.

CXXIX. В храме на высоком престоле помещалась огромная статуя из серебра, столь полновесная, что шесть сильных рук едва бы могли ее приподнять, а чтобы унести, нужно было десять. Танкред, увидав ее, закричал: «О, стыд! К чему эта статуя, к чему она поставлена так высоко? К чему эти драгоценные камни, к чему это золото – а эта статуя Магомета вся была усыпана каменьями, одета в пурпур и горела золотом, к чему такая пышность? Может быть, это изображение Марса или Апполона? Это не может быть Христос, ибо я не вижу его принадлежностей: ни креста, ни венца, ни гвоздей, ни раны в боку; итак, это не Христос, но, скорей, первый антихрист, безбожный Магомет, Магомет презренный; о, если бы в эту минуту предстал его друг, если бы и будущий антихрист соединился с ним, я выгнал бы обоих антихристов своей ногой! О, поношение! Питомец ада, гость Плутона, обладает твердыней Господа и восседает, как божество, в храме Соломона! Низвергнем его немедленно, и пусть он падет

к нашим ногам! Он стоит гордо, как будто бы желает и нас подчинить себе!» Едва он дал приказание, как оно уже было выполнено, и никогда еще рыцари не изъявляли столько готовности к повиновению. Статую схватили, стащили, и металл, дорогой по себе, но сделавшийся презренным, вследствие сделанного из него употребления, разбит на куски; но теперь, когда статуя обезображена, серебро возвратило свою прежнюю цену.

CXXX. Внутри храма, вдоль всей его стены, блистала серебряная полоса шириной в локоть по всей длине, а толщиной в палец; эта полоса опоясывала весь храм и весила около 7000 марок. На том месте этот предмет не имел никакого употребления, ни цены; но мудрый Танкред сделал его полезным. При помощи этой полосы он вооружил тех из своих служителей, которые оставались без оружия, одел нагих, накормил голодных, увеличил число своих рыцарей, что для него было величайшим удовольствием, и окружил свое знамя чужестранными воинами. Сами стены храма и его многочисленные колонны почти исчезали под драгоценными камнями и кусками золота и серебра. Замечательнейшие работы по искусству, которое должно было бы прославляться во всем мире и один материал которого мог бы восхитить собой глаз, скрывались от взора, погребенные под этими украшениями, закрывавшими их от света. Так давно уже они были заключены в своей темнице; но Танкред вынес их на свет и удалил мрак, которым они были окружены. Этим золотом он облегчил голод нуждавшихся и, ободрав мрамор, Танкред одел Христа.

CXXXI. Сделав все эти распоряжения, надивившись драгоценным камням, металлу и мрамору священного храма и благоговейно помолившись в нем, Танкред бросился к оружию и полетел навстречу сопротивлявшемуся неприятелю; ворвавшись в их середину, он обращает всех в бегство, и враг не находит нигде убежища от него. Внешняя площадь уже свободна и битва прекратилась; затем началось истребление внутри. Только тогда, когда открыли внутри врата храма, потоки крови заговорили, Танкред, о том, что могут сделать твоя сила и твой меч! Кто будет иметь довольно времени, чтобы рассказать в подробностях и радостное торжество тех, которые истребляли, и горесть тех, которые истреблялись, и все прочее благо, которое истекло из таких бедствий! Марс выразил свое неистовство в тысячи способах, действовал тысячью средств и положил тысячи жертв. Ярость предалась всем своим увлечениям; пожирающий меч пожинал все, что встречалось ему на пути; враг падал повсюду: вперед, святое неистовство! Вперед, святые мечи! Вперед, святое разрушение, не щадить ничего! Пусть падет под ударами проклятый народ, преступные злодеи, проливавшие неповинную кровь и которые заплатят теперь за все всей своей кровью. Вы, которые столь часто разрывали Христа, получите теперь наказание от рук его же членов.

В последующих главах (CXXXII–CLVII) и до самого конца манускрипта автор сначала говорит вообще о разорении Иерусалима, приводит несколько эпизодов из правления Готфрида I и его преемника, Балдуина I, но главным образом останавливается на подвигах Танкреда, который два раза, по случаю плена Боэмунда, князя Антиохийского, и по случаю его путешествия на Запад, управлял Антиохией, ведя постоянную борьбу с турками; в последней главе рассказ внезапно прерывается изложением осады города Апамии Танкредом, что произошло за два года до его смерти, то есть в 1110 г.

Gesta Tancredi etc. Гл. CXII–CXXXI.

Торквато Тассо

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПОЭМЫ «ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ» (между 1563 и 1575 гг.)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Пою священную брань и вождя, который освободил великий Гроб Христа. Много трудился он и мыслью, и десницей своей, много перенес для славного стяжания. Тщетно восставал ад против него; тщетно ополчались соединенные силы народов Азии и Ливии: само Небо покровительствовало ему и собирало под его священные знамена рассеянных сподвижников[1].

II

О муза, ты, которая не украшаешь главы своей увядающими лаврами Геликона, но обитаешь на небе, посреди хора блаженных, с челом, увенчанным золотой короной неугасимых звезд! Вдохнови мою грудь божественным жаром, разожги мое песнопение; прости мне, если я приукрашу истину цветами и к твоим прежним прелестям присоединю новые.

III

Ты знаешь, как жаждет смертный упоиться обольщениями Парнаса; ты знаешь, как истина, облеченная в нежную форму поэзии, убеждает и покоряет себе сердце самое суровое. Так, заболевшему младенцу мы подносим чашу, края которой покрыты сладким сиропом: благодаря счастливый обман, он выпивает соки горьких трав и делается обязанным этому обольщению своей жизнью.

IV

О великодушный Альфонс[1], ты спас от ярости судеб и от грозных скал рассвирепевшего моря заблудшуюся и почти сокрушенную ладью моей жизни! Прими благосклонно мой труд, посвящение которого тебе составляет мой обет! Может быть, придет день, когда мое пророческое перо дерзнет сказать прямо о тебе все, что ныне выражено пока иносказательно[2].

---

[1] Canto l'armi pietose, e'l Capitano
Che'l gran Sepolcro libery d. Cricto
Molto egli opro col senno, e con la mano;
Molto soffri nel gloriosy acquisto.
E invan l'enferno a lui s'oppose, e invano
S'army d'Asia e di Libia il popol misto:
Chi il Ciel gli dio favore, e sotto ai santi
Segui ridusse i suoi compagni erranti.

[1] Альфонс II, герцог Феррары, который сначала оказывал автору покровительство; см. подробнее об их отношениях ниже.

[2] Поэт ввел в поэму придуманное им лицо, Ринальдо, он будто бы происходил из дома Эсте, к которому принадлежал герцог Альфонс II, и был воспитан знаменитой Матильдой, маркграфиней Тосканы.

ТОРКВАТО ТАССО (TASSO. 1544–1595). Это сын Бернанда Тассо, замечательного поэта, имя которого ставили рядом с Петраркой и Ариостом. Его отец, замешанный в политическое дело, вынужден был бежать из Италии во Францию, и только через несколько лет возвратился в Италию. Между тем его сын, получив первоначальное воспитание в иезуитской школе в Неаполе, перешел впоследствии в Падуанский университет и занимался юридическими науками; но несмотря на противодействие отца, наклонность к литературе одержала верх в молодом Тассо; первая его поэма «Ринальдо» доставила ему рано громкую известность, и уже в 18 лет он задумал план будущей колоссальной поэмы «Освобожденный Иерусалим». Первые ее шесть песен обратили на поэта внимание кардинала д'Эсте, брата герцога Феррарского, Альфонса II, и через него Торквато был призван ко двору. Сестры герцога, Лукреция и Леонора, из которых одной был 31 год, а другой – 30, приняли 20-летнего поэта под свое покровительство. В 1575 г. Тассо закончил «Освобожденный Иерусалим». Но зависть вызвала враждебные толки против поэта; раздражение его доходило иногда до исступления; Тассо сде-

V

Ты вполне достоин – если случится благочестивому народу христиан, сохраняя между собой мир и согласие, пойти на кораблях или на конях отнять у гордого фракийца (турок оттоманских, живших в XVI в. во Фракии) несправедливо захваченную им великую добычу (то есть Византию) – тебе вручится жезл на земле и верховная власть на море. О совместник Готфрида (Бульонского), читай внимательно наши стихи и изготовься к бою!

VI

Уже перевернулся шестой год[1] после того, как воинство Христово вступило в восточные страны для совершения великого подвига и взяло Никею приступом, а могущественную Антиохию искусством. После того, дав битву бесчисленным войскам Персии (туркам-сельджукам), оно овладело Тортозой (в Палестине)[2] и, вследствие суровости времени, остановилось в ожидании весны следующего года (1099).

Следующие строфы (VII–XC), до конца песни, содержат сцену на небе, откуда Бог взирал на землю и на лагерь христиан под Тортозой в особенности: Господь посылает Гавриила к Готфриду возвестить о назначении его вождем всех крестоносцев; Готфрид собирает всю армию, говорит им речь, побуждая идти к Иерусалиму; и, по совету Петра Пустынника, его выбирают вождем. Крестоносцы снимаются с лагеря и идут к св. городу; при этом поэт перечисляет главных предводителей и останавливается с особой симпатией на Танкреде,– которым еще во время похода овладела страстная любовь к одной воинственной турчанке, встреченной им в роще, после битвы с мусульманами,– и на Ринальдо, вводном лице; оба они служат главными действующими лицами всей поэмы. Крестоносцы подходят к Иерусалиму; первая песня заканчивается описанием смятения Аладдина, иерусалимского паши, которому поэт дал более благозвучное имя, вместо исторического: Дукальт; Аладдин, видя приближающегося неприятеля, опустошает окрестности города и укрепляет его стены.

[1] То есть наступил 1099 г., Троицыным днем которого поэт начинает свою поэму, а серединой августа того же года заканчивает; таким образом, время действия событий в поэме «Освобожденный Иерусалим» от трех до четырех месяцев.

[2] То есть Цезареей: ошибка, исправленная автором в позднейшей переделке поэмы.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В первых 12 главах поэт приводит к Аладдину кудесника Исмена, ренегата, имевшего силу воскрешать мертвых и держать в повиновении у себя ад; Исмен советует паше похитить у христиан изображение Богородицы и поставить его в мечети для ограждения города от врагов. Его совет был исполнен; но на следующее утро изображение исчезло; Исмен обвиняет христиан в похищении его, и Аладдин приказывает предать всех их смерти: «Вооружитесь пламенем и мечом,– восклицал он мусульманам,– жгите и умерщвляйте!»

лался подозрителен и даже умертвил служителя во дворце герцога; объясняли перемену в нем его несчастной любовью к Леоноре; наконец Альфонс II приказал посадить его в заключение, как умалишенного. Хотя по просьбам Папы Тассо был выпущен, но спокойствие духа к нему не возвращалось более. После долгих странствований по различным городам Италии он поселился в Риме, где и окончил давно уже предпринятую им переделку «Освобожденного Иерусалима». В 1592 г. был завершен этот новый труд, получивший название «Завоеванный Иерусалим». Три года спустя, в 1595-м, Рим готовился утешить несчастного поэта триумфом на Капитолии, но он скончался за несколько дней до торжества.

Причина переделки первоначальной поэмы заключалась в том, что она вызвала строгую критику в литературе, да и отношения Тассо к лицам, для которых писалась первая поэма, изменились. Потому в переделке поэт опустил посвящение Альфонсу II, как своему врагу, и заменил придуманное им лицо Ринальдо, предка дома Эсте, Ричардом, сыном Роберта Гвискара. Эпизод о Софронии и Олинде опущен по настоянию критиков; зато

XIII

Так говорил толпе Аладдин, и его кровожадные повеления, дойдя до слуха христиан, распространяют между ними ужас. С унынием и сокрушением они уже видят перед собой смерть и не осмеливаются ни на защиту, ни на бегство; не смеют ни умолять, ни оправдываться. Колеблясь в страхе, все предаются отчаянию; но неожиданно к ним является спасение оттуда, откуда они могли менее всего ожидать.

XIV

Была между ними дева в зрелом цвете лет, с душой, проникнутой царственными помыслами, и необыкновенной красоты; но она не заботилась о своей красоте, или заботилась настолько, насколько то дозволялось целомудрием. Ее совершенство состояло в том, что она умела скрывать свои достоинства в стенах своего скромного обиталища, и жила одна, никем незнаемая, скрываясь от взоров, похвал и домогательств юношей.

XV

Но нет такой ограды, за которой могла бы укрыться красота от дани изумления! И ты, о любовь, не согласишься на то! Нет! Ты и открыла скромное убежище девы пылким страстям одного юноши. Любовь, иногда слепая, иногда стоглазая, как Аргус, иногда с повязкой на глазах, иногда дальновидная и проницательная, ты ведешь нежное сердце к предмету его обожания сквозь тысячи препон, в глубину самого таинственного убежища.

XVI

Их имена: Софрония и Олинд[1]; они родились в одном городе и были одной веры. Как был он скромен, так она прекрасна; многого желает Олинд, мало надеется и ничего не требует; он или не знает как, или не осмеливается открыть перед ней свое чувство. Софрония же или не видит, или не понимает, или пренебрегает его любовью. Так до сих пор несчастный Олинд старался услужить ей, оставаясь незамеченным, непонятым или отверженным.

XVII

Между тем разносился слух о близости часа, когда будет поражен весь христианский народ. Великодушной и доблестной Софронии приходит на мысль спасти своих единоверцев; мужество возбуждает ее, но стыдливость удерживает; наконец мужество одерживает верх, или, лучше сказать, вступает в союз и делается стыдливым в то время, как стыд приобретает мужество.

[1] Об исторической основе этой легенды см. выше.

присоединены две песни, посвященные действиям христианского флота в эпоху осады Иерусалима, чего недоставало в первой поэме. Но эта последняя вставка есть единственное место, достойное внимания в переделке. «Освобожденный Иерусалим», как он вылился целиком из вдохновения поэта, остается гораздо выше ученой его переработки в форме «Завоеванного Иерусалима», и первая поэма составляет всю славу Тассо, несмотря на то что его современники и сам поэт отдали преимущество последней.

Такие произведения, как «Освобожденный Иерусалим», стоят в особенном отношении к историческому факту, который им служит только, так сказать, поводом. Крестовые походы в XVI столетии оставили по себе смутные воспоминания в народном воображении, и Тассо отлил их в ясный образ и сделал в первый раз народным достоянием. Поэтому «Освобожденный Иерусалим» имеет для европейского мира то же значение, какое имела «Илиада» для греческого мира. Гений поэзии является творцом второй истории, и к Тассо можно по этому случаю применить слова другого великого поэта, Гете: «Du nur, Genius, mehrst in der Natur die Natur».

XVIII

Дева выходит, шествуя посреди народа, не скрывает своей красоты и не выставляет ее напоказ; под покрывалом, с потупленным взором она идет скромной и вместе гордой поступью. Не знаешь, заботилась ли она или нет о своем наряде; случай или намерение убрали ее. Но все это было даром природы, любви и небес, которые ей покровительствуют.

XIX

Привлекая к себе взоры всех, гордая дева ни на кого не смотрит и является к паше (al re). Гневное выражение его лица не останавливает ее шагов, и она бестрепетно становится перед ним. «Я пришла к тебе, государь,– говорит ему Софрония,– ты же останови месть свою и ярость своего народа, чтобы открыть и выдать преступника, который нанес тебе столь великое оскорбление».

XX

При виде такой доблестной отваги и внезапном сиянии невинной красы, паша, почти взволнованный и обезоруженный, укротил гнев свой и смягчил грозный вид. Если бы его дух и выражение его лица были менее суровы, то он воспылал бы к ней любовью; но суровая красота не может прельстить черствого сердца, и надежда есть первая пища любви.

XXI

Презренное сердце тирана испытало изумление, приятное чувство, удовольствие, но не любовь. «Говори мне все,– сказал он ей,– я обещаю тебе не трогать христиан». Она отвечает: «Преступник перед тобой: я, государь, похитила то изображение; я – та самая, кого ты ищешь; меня ты должен наказать».

XXII

Так Софрония обращает на одну себя общую погибель и с гордостью предлагает свою голову. О великодушная ложь! Была ли на земле такая правда, которую можно было бы предпочесть тебе? Смутился тиран и против своего обыкновения не пришел во внезапную ярость. «Я хочу знать,– сказал он,– кто научил тебя и кто был твоим сообщником?»

В Палестине. Этот рисунок французского художника изображает эпизод, когда королю Людовику VII пришлось биться одному с несколькими сарацинами

XXIII

«Я не хотела никого сделать сообщником своей славы,– отвечает она,– одна знала о том, сама себя научила и сама все исполнила».– «Так на тебя одну,– прерывает паша,– и обрушится мой гнев».– «И совер-

шенно справедливо,– продолжает она,– мной был совершен доблестный подвиг и мне одной следует подвергнуться мукам».

XXIV

Тогда тиран начал выходить из себя: «Куда ты скрыла то изображение?» – воскликнул он. «Я его не скрывала, но сожгла, и такой поступок считала добрым подвигом: по крайней мере, теперь оно не будет осквернено рукой нечестивых. Скажи мне, государь, чего ты хочешь: похищенного или похитившего? Первого ты никогда не увидишь, последний же стоит перед тобой».

XXV

«Впрочем, это не воровство, и я не крала: справедливо взять назад то, что было похищено неправдой». При этих словах тиран задрожал от ярости и воспылал страшным гневом. Нет больше пощады ни стыдливому сердцу, ни возвышенному уму, ни благородному лику; напрасно Любовь делает из ее небесной красоты щит против лютой свирепости Аладдина.

XXVI

Взяли прекрасную деву, и жестокий паша осуждает ее к смерти на костре. С нее сорваны покрывало и одежда; руки отягчены цепями. Но она молчит; только твердая грудь ее по временам трепещет и прекрасное лицо покрывается не бледностью, но блеском.

XXVII

Слух о таком великом событии разносится повсюду, и народ начинает стекаться. Является и Олинд. Он видит, что приготовляется казнь, но не знает чья, и приходит к последней минуте жизни своей возлюбленной. Узнав, что прекрасная узница не только обвинена, но и осуждена на смерть, увидев, что исполнители жестокого повеления готовы уже приступить к самой казни, он начал в беспамятстве расталкивать народ.

XXVIII

И говорит паше: «Не она, не она похитительница! Напрасно она тем тщеславится; такого подвига не могла ни замыслить, ни исполнить слабая женщина. Каким образом она обманула стражей, каким средством успела похитить святое изображение Девы? Если она все это совершила, то пусть объяснит. Государь! Я был похитителем». Так сильно любил он ту, которая его не любила.

XXIX

Затем он продолжал: «Я совершил свой замысел ночью, проникнув непроходимыми стезями, с той стороны, где в вашей мечети сделано отверстие для света и воздуха. Честь подвига принадлежит мне, мне же и смерть. Пусть не похищает у меня эта дева моих страданий; ее цепи – мои; пламень зажжен для меня и для меня изготовлен костер».

XXX

Софрония поднимает голову и смотрит на него с состраданием. «Зачем ты пришел сюда, невинный и злосчастный? Какая мысль или какое помешательство ума привели тебя на это место? Или без тебя я не в состоянии противиться всей ярости человеческого гнева? Моя грудь сумеет умереть одна и не ищет себе товарища».

XXXI

Так говорит она своему обожателю, но не может заставить его отказаться от своих слов или переменить намерение. О великое зрелище, на котором состязались любовь и великодушие, и где победитель награждался смертью, а побежденному в наказание предоставлялась жизнь! Но паша раздражается тем более, чем упорнее они обвиняют друг друга.

XXXII

Он считает себя оскорбленным и думает, что они презирают муки из презрения

к нему. «Поверим обоим,– восклицает он,– пусть оба правы и пусть оба увенчаются одинаково достойной их пальмой». Сказав так, он указал на юношу, и слуги немедленно налагают на него оковы. Их привязывают к одному и тому же столбу, спиной вместе, а лицами врозь.

В следующих строфах (XXXIII–XXXVI) поэт приводит сетование Олинда на то, что костер заменяет им брачное ложе, но он рад мысли, что он погибает вместе со своей возлюбленной.

XXXVII

Жалобы Олинда исторгли слезы даже у неверных; а верные плакали втихомолку. Сострадание овладевает жестокосердной душой самого Аладдина; но его раздражало такое чувство: не желая умилосердиться, он отвернулся и ушел. Одна ты, Софрония, не печалишься среди общей печали и, оплакиваемая всеми, не плачешь.

XXXVIII

Между тем как они находились в такой опасности, является воин – таким, по крайней мере, он казался – высокого звания и достоинства; судя по одежде и вооружению, он был чужестранец, прибывший из далекой страны. Тигр, изображенный на его шлеме, привлекает к себе взоры всех; это знаменитое отличие носила в военное время Клоринда; все потому думают, что это она, и не ошибаются.

XXXIX

Она с юных лет презирала все женские занятия и привычки; ее гордая рука не касалась работ Арахны, иглы, веретена; она избегала мягких одежд и тесноты жилища; честь можно охранять и в поле; выражение ее лица было гордо и сурово, но и в своей суровости восхищало.

XL

Еще детской рукой она могла уже обуздывать и укрощать ретивость коня; носила меч и копье, в игрищах и борьбе укрепила свое тело и сообщила ему гибкость и ловкость. Гонялась по горам и лесам за хищными медведями и львами. Являлась на битвы, и в битвах, как и в лесах, человеку казалась зверем, а зверю человеком.

XLI

Она прибыла из страны Персидской с намерением стать против христиан; еще и прежде она устилала землю их членами и кровью их обагряла воду. Въезжая в город, она увидела перед собой приготовление к казни. Желая разузнать, за что осуждены преступники, она пускает своего коня вперед.

XLII

Толпа расступилась; всадник остановился посмотреть вблизи на двух вместе связанных узников. И видит она, что дева молчит, а юноша стонет; слабый пол обнаруживает большую твердость. И видит она юношу в слезах, не от чувства боли, но от сострадания, и не к самому себе, а к другому. Дева же устремила глаза к небу и казалась восхищенной от земли прежде смерти.

XLIII

Клоринда сжалилась и из сожаления к ним обоим пролила слезы; но она больше печалится о той, которая сама не печалилась, и более сожалеет молчащую деву, нежели плачущего юношу. Тогда она обратилась к стоявшему подле нее седовласому старцу и спросила его: «Скажи мне, кто эти узники и за что их осудили на смерть?»

XLIV

Так спрашивала Клоринда, и старец отвечал ей коротко и ясно на ее вопрос; услышав его рассказ, она изумляется и видит, что они оба невинны. Тогда ей пришло на мысль избавить их от смерти просьбой или силой. Она подходит к костру, начинавшему уже пылать, приказывает потушить огонь и говорит слугам:

XLV

«Не смейте исполнять приказанного вам, пока я не переговорю с пашой; будьте уверены, что он не обвинит вас за промедление». Слуги повинуются из уважения к одному ее величественному виду. Она же спешит к Аладдину и встречает его на пути.

XLVI

«Я – Клоринда, – объявляет она.– Может быть, ты слыхал мое имя; я пришла сюда защищать вместе с тобой, государь, общую нашу веру и твою страну. Прикажи, я готова на всякий подвиг: грозных я не боюсь, смиренных не оскорбляю. Захочешь ли ты воспользоваться моей силой в стенах города или в открытом поле, я не откажусь ни от чего».

XLVII

Смолкла Клоринда, и паша отвечал ей: «Где есть такая далекая от Азии или от солнца страна, до которой не достигла бы слава твоего имени, о знаменитая дева?! Отныне, когда твой меч соединяется с моим, я не боюсь никакой опасности. Целая армия, присоединившаяся к моим войскам, не могла бы меня столько обрадовать и успокоить.

XLVIII

Мне кажется, я желал бы теперь даже ускорить медленное шествие Готфрида. Ты просишь меня употребить в дело твои силы; я считаю тебя достойной одних только важных и трудных поручений. Вручаю жезл власти над моим войском, воля твоя да будет их законом». Так он сказал; Клоринда благодарит его за честь и снова обращается к нему:

XLIX

«Тебе покажется странным, что я желаю получить награду прежде заслуг; но я рассчитываю на твою снисходительность. Награди меня за будущую службу освобождением тех двух преступников: отдай мне их в дар. Вина их не доказана, и приговор безжалостен; впрочем, я не говорю ни об этом, ни о другом, что служит к их оправданию.

L

Скажу одно: здесь все убеждены, что образ был похищен христианами; но я думаю о том иначе, и имею на то немаловажную причину. Кудесник (il mago) дал совет, противный нашему закону: неприлично в наших храмах помещать идолы, и притом чуждые нам идолы.

LI

Итак, я приписываю Магомету (Macon) все это чудо: это сделал он, чтобы показать, что храмы его не следует осквернять новой религией. Пусть Исмен кудесничает, сколько ему угодно: его дело, вместо оружия, употреблять волшебство; но мы, рыцари (cavalieri), работаем мечом: в нем все наше искусство, и на него одного мы возлагаем наши надежды».

LII

Сказав это, она умолкла. Хотя паша в гневе нелегко склоняется на милость, но из угождения Клоринде соглашается, убежденный и ее доказательствами, и настойчивостью просьбы. «Да будет возвращена им,– повелевает он,– и жизнь, и свобода; такому ходатаю не может быть отказа ни в чем. Правосудие ли это с моей стороны или прощение, но, во всяком случае, невинны они, я их оправдываю, виновны – прощаю».

LIII

Так сняли с них оковы. Жребий Олинда был счастлив: ему представился, наконец, случай показать то, что должно было возбудить любовь признательного сердца. Они идут с костра к бракосочетанию, и при этом не только преступник превращается в жениха, но и влюбленный в любимого. Софрония соглашается жить с ним вместе, если нельзя было вместе умереть.

Византийские воины XII–XIII вв.: всадник, пелтаст и норманнский наемник

LIV

Но подозрительный паша считает опасным для власти иметь так близко от себя две добродетели, соединившиеся в одно; по его приказанию они оба изгоняются из Палестины. Много и других верных были изгнаны в ссылку по его жестокому повелению. О, с какой грустью они покидают своих малолетних детей, поседелых отцов и сладкое домашнее ложе!

LV

Прискорбна разлука! Паша изгоняет только крепких телом и твердых умом; слабый же пол и нежный возраст удержаны в виде залога. Многие отправились скитаться; но другие вооружились против паши, побуждаемые к тому более ненавистью, нежели страхом. Эти последние присоединились к франкам, встретившись с ними в то самое время, когда они входили в Эмаус.

LVI

Эмаус – город, лежащий в недальнем расстоянии от царственного Иерусалима; идя тихо и выйдя из Эмауса утром, можно прийти в Иерусалим в девятом часу дня (то есть около девяти часов пути). О как было приятно франкам услышать все это! Как еще более через то увеличивалось и возрастало их нетерпение. Но главный вождь (il capitan, то есть Готфрид), заметив, что солнце перешло за полдень, велел разбить палатки.

LVII

Палатки разбиты, и уже пылающее дневное светило было готово погрузиться в океан, как внезапно явились в лагерь два знаменитых мужа (baroni) в странной одежде и необыкновенной наружности. Судя по внешним признакам, они имели мирную цель и шли к главному вождю. Это были послы великого султана (del gran re) Египта, сопровождаемые многочисленными всадниками и прислугой.

В последующих строфах (LVIII–XCVII), до конца песни, поэт переносит сцену действия в лагерь христиан: к Готфриду являются послы из Египта, Алет, хитрый, искусный, и черкес (il circasso) Аргант, гордый, высокомерный; первый в длинной речи предлагает христианам мир, но Аргант, загнув полу плаща, спросил коротко: «Война или мир?» Готфрид выбирает войну, и послы возвращаются: Алет идет с донесением в Египет, а Аргант остается в Иерусалиме и играет первую роль в защите города.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ

В первых 12 главах поэт описывает, как христиане подошли к Иерусалиму, говорит, с одной стороны, о их восторге, процессии около стен, молитве, а с другой – рисует отчаяние осажденных, их приготовление к вылазке; Аладдин удаляется на одно из возвышений и берет с собой Эрминию, дочь антиохийского паши Кассана, убитого христианами при взятии Антиохии. Затем начинается описание первой вылазки.

XIII

Вместе с другими выходит навстречу франкам и Клоринда; множество следует за ней, она идет впереди всех. С другой стороны в потаенном проходе стоит Аргант, готовый к обороне. Отважная воительница ободряет своих сподвижников и неустрашимым видом и словами. «Нам,– говорит она,– предстоит сегодня храбрым подвигом положить начало свободе Азии».

XIV

Говоря так, она видит вблизи толпу франков, высланных вперед на добычу: они гонят в лагерь стада. Клоринда бросилась на них, и их предводитель, видя то, пустился навстречу ей; имя ему было Гард, вождь могучий, но не настолько, чтобы противостоять Клоринде.

XV

При первом ударе Гард был низвергнут на глазах франков и язычников, и последние радостно закричали, принимая этот подвиг за счастливое предзнаменование; но их надежда не сбылась. Клоринда несется на других и рукой, сильнейшей ста рук, поражает их и низлагает. Воины ее следуют за ней; она же мечом пролагает им дорогу и ниспровергает все преграды.

XVI

Вскоре те, которые приобрели добычу, потеряли ее; христиане мало-помалу уступают Клоринде и удаляются на вершину холма, где местность может помогать оружию. Тогда храбрый Танкред, подобно вихрю, слетевшему с облаков огненной полосой, получив приказание от Готфрида, схватил копье и полетел со своим отрядом.

XVII

Этот юный витязь, грозный и вместе прекрасный, нес свое огромное копье с такой легкостью, что паша, стоя наверху башни, принял его за лучшего всадника из лучших. Потому он и спросил Эрминию, сидевшую с ним и ощущавшую в сердце своем трепет: «Ты много обращалась с христианами и должна знать каждого из них даже и под забралом.

XVIII

Кто это так смело и гордо скачет на коне?» Вместо ответа у нее сперлось в груди дыхание и на глаза навернулись слезы. Она старалась удержать их, но они незаметно покатились по вспыхнувшему ее лицу и тяжелый вздох вырвался из ее сердца.

XIX

После, притворно скрывая под ненавистью иную страсть, она сказала: «Увы! Я знаю его и имею важную причину печалиться. Часто видала я, как он наполнял кровью моих соотечественников рвы и напоял ею поля. О, как он жестоко поражает! Рана, нанесенная им, не может быть исцелена ни травой, ни волшебством.

XX

Это – князь Танкред! О, если бы он когда-нибудь попался мне в плен! Я не желаю ему смерти, чтобы он мог достаться мне живым для насыщения моего сердца сладкой местью!» Так говорила Эрминия; паша не понял настоящего смысла ее слов, но она не могла удержать вздоха, говоря последнее слово.

XXI

Между тем Клоринда, подняв копье, летит навстречу несущемуся на нее Танкреду; сшиблись, и древки их копий, разломившись на куски, полетели в воздух. Голова Клоринды обнажилась; удивительный удар, сорвав чешую шлема, сбросил его на землю: златые кудри распускаются по ветру, и в образе рыцаря является дева.

XXII

Загорелись глаза, засверкали взоры, прелестные и в минуту гнева; каковы бы они были при улыбке! Танкред, что ты задумался, на кого так пристально смотришь? Или ты не узнаешь любезного тебе облика? Перед тобой та самая, к которой ты пылаешь; сердце твое скажет тебе, где начертан ее образ; эта та самая, которую ты видел, как она умывалась в ручье.

XXIII

Он не рассмотрел прежде ее шлема и расписанного щита; но теперь, заметив их, оцепенел. Она же, прикрыв свою голову, как только могла, бросилась на него; он отступает, скачет за другими и на других обращает свой пагубный меч. Клоринда, кипя гневом, преследует его: «Вернись!» – восклицает она и стремится одним ударом нанести ему две смерти.

XXIV

Претерпевая поражение, Танкред не старается отражать его и не столько заботится о том, чтобы защитить себя от железа, сколько устремляет свой взор на прелестные ее уста и очи, из которых Любовь поражает неотразимыми стрелами. «Удары ее руки, – говорит Танкред самому себе, – остаются часто безвредны; но ни одна стрела ее очей не пролетит мимо, и каждая вонзается в сердце».

XXV

Наконец он решается, хотя и без надежды на сострадание, открыть ей тайну своего чувства, чтобы не умереть, не высказав

ее. Он желает дать ей знать, что она убивает своего пленника, слабого, уничиженного, беспомощного. Танкред говорит ей: «Ты, кажется, ко мне одному из всего воинства питаешь вражду; удалимся отсюда и вступим в битву один на один.

XXVI

Тогда мы увидим, равняется ли твоя сила моей». Она принимает вызов и, несмотря на то, что оставалась без шлема, скачет гордо; Танкред же следует за ней уныло. Наконец она остановилась, готовая к битве, и начала поражать. «Остановись! – закричал Танкред.– Прежде чем станем биться, условимся о самой битве».

XXVII

Клоринда остановилась и Танкред, благодаря силе любви, превратился из робкого в смелого; он говорит ей: «Мое условие состоит в том, чтобы ты, если не желаешь мира, исторгнула из меня сердце. Оно не мое больше, оно твое: если ты не желаешь, чтобы оно воздыхало, оно охотно погибнет. Это сердце давно уже твое; пора тебе исторгнуть его из моего тела, и я не должен тому сопротивляться.

XXVIII

Смотри, я опустил руку и подставляю тебе беззащитную грудь. Почему же ты не пронзаешь? Или ты хочешь, чтобы я облегчил твой труд? Я сейчас сниму броню и обнажу перед тобой сердце». Злосчастный Танкред, вероятно, продолжал бы печальное сетование, но стремительные толпы бившихся христиан с язычниками помешали ему.

XXIX

Палестинцы, гонимые христианскими отрядами, отступали или по страху, или имея какой-нибудь умысел. Один из преследовавших, человек с жестоким сердцем, видя развевающиеся кудри Клоринды и мчась сзади, поднял меч с намерением ударить ее в тыл; но Танкред, успев заметить это, закричал и мечом своим отклонил удар.

XXX

Впрочем, удар не остался без последствий и ранил белую шею красавицы. Рана была ничтожна, и светлые кудри, окропленные кровью, походили на золото, осыпанное рубинами рукой искусного художника. Танкред, подняв меч, с гневом кинулся на преступника.

XXXI

Противник ускакал, и раздраженный витязь помчался вслед за ним; оба летят, как из лука стрела. Клоринда остается на месте, видит, как они удаляются, и не гонится за ними; следуя за своими, она идет на франков, и то нападает на них, то от них убегает: снова бросается и снова отступает, так что нельзя сказать, бежит ли она или преследует.

XXXII

Так могучий вол в широкой ограде противопоставляет рога устремляющимся на него псам, и они от него бросаются в сторону и снова смело нападают, когда он ударится в бегство. Клоринда, отступая назад, держит за собой огромный щит, который прикрывает ее голову; подобно тому, в своих играх, мавры укрываются на бегу от пущенных вслед за ними мячей из праща.

XXXIII

Таким образом, одни гнали, другие спасались бегством, и все приблизились к высоким городским воротам; но вдруг язычники, подняв страшный крик, обращаются на преследовавших, обходят их и поражают с тыла и с боков. Между тем и Аргант спускается с горы, чтобы напасть на христиан с фронта.

В последующих строфах (XXXIV–LXXVI), до конца песни, поэт рисует другую картину: мусульмане побеждают христиан и заставляют их отступить в свой лагерь; в числе жертв Ар-

ганта пал Дудо, предводитель отряда волонтеров, и песня оканчивается описанием его погребения.

Четвертая и пятая песни описывают дальнейшие приключения в лагере христиан; поэт начинает картиной ада, в котором духи тьмы составляют заговор против крестоносцев и избирают своим орудием султана Дамаска, чародея; по внушению дьявола он подсылает в лагерь христиан свою дочь, первую красавицу в мире Армиду, с тем, чтобы она посеяла раздоры между ними; ее усилия увенчаны успехом: Ринальдо в ссоре умерщвляет норвежского князя Гернандо и бежит в Антиохию; она выдумывает целую сказку, прося у Готфрида помощи против своих мнимых притеснителей; Готфрид вынужден дать ей 10 лучших витязей по жребию; другие же, увлеченные ее красотой, и в том числе брат Готфрида, Евстафий, бегут за ней ночью из лагеря: силы христиан значительно уменьшились.

В шестой и седьмой песнях действие происходит то в Иерусалиме, то в стане христиан: Аладдин не желает вступить в решительную битву, поджидая Солимана, иконийского султана, но Аргант требует сражения и, не получив согласия, сам лично вызывает христиан на поединок; следует битва его с Танкредом: оба противника ранены, и ночь разлучает их; Эрминия, узнав о ранах Танкреда, похищает у Клоринды ее вооружение и идет в стан франков навестить больного; но стражи принимают ее за Клоринду, преследуют ее, и она едва успевает спастись в хижине пастуха, который некогда был в Египте. Танкред, узнав об участии Эрминии, отправляется отыскивать ее, но попадает в замок Армиды, где встречается с одним из христианских рыцарей, Рембо, принявшим из любви к чародейке веру Магомета. Танкред бьется с ним, но противник убегает, ворота очарованного замка запираются, и Танкред в плену у Армиды. Между тем поправившийся от ран Аргант вызывает вторично Танкреда; за его отсутствием выступил Раймунд Тулузский; измена мусульман заставляет христиан взяться за оружие; поединок обращается в общую сечу; буря с дождем вредит первому успеху христиан, и противники расходятся по своим лагерям.

Восьмая и девятая песни выводят снова на арену ад: злые духи поселяют раздор в лагере христиан слухом о смерти Ринальдо; все восстают против Готфрида, осудившего его на изгнание, но Готфрид укрощает народ; тогда те же духи побуждают Солимана Иконийского напасть с тыла на христиан, пользуясь отсутствием лучших витязей: Аргант делает в то же время вылазку; христиане поколебались, но Бог посылает архангела Михаила укротить ад; а турки, предоставленные собственным силам, разбиты: Аргант и Клоринда запираются в городе и Солиман убегает.

В десятой песне рассказано о бегстве Солимана в Египет; но Исмен является к нему на дороге, уносит с собой на летящей по воздуху колеснице и ставит неожиданно в Иерусалиме посреди совета Аладдина, где Аргант осмеивал Солимана, не зная о его невидимом присутствии. Другая половина этой песни представляет происходившее в лагере христиан: во время последней битвы подоспели очарованные Армидой ее обожатели; они рассказывают Готфриду о чудесах замка Армиды и ее садов, как их сковали вместе с Танкредом и как Ринальдо освободил их. При известии о том, что Ринальдо жив, весь лагерь ликует, и Петр Пустынник просит Готфрида простить изгнаннику его преступления. Готфрид отвечает молчанием и проводит всю ночь в размышлении о том, как поступить.

В одиннадцатой и двенадцатой песнях поэт описывает крестный ход около стен Иерусалима и решительный приступ христиан с огромной машиной; но ночь остановила успехи христиан: тогда Аргант и Клоринда решаются ночью проникнуть в лагерь христиан и сжечь машину; их предприятие удалось, но в смятении перед Клориндой заперлись городские ворота. Танкред преследует ее и, не узнав, убивает, успев, однако, принести в шлеме воды, чтобы совершить над ней обряд крещения. Погребение Клоринды, горе Танкреда и утешение его Петром Пустынником составляют окончание двенадцатой песни.

ТРИНАДЦАТАЯ ПЕСНЯ

В первых ее 16 строфах поэт говорит о мерах, которые приняли мусульмане, чтобы лишить христиан возможности построить новую машину: близ Иерусалима находился непроходимый лес[1], куда никто не смел войти; опасаясь, что франки попытаются достать оттуда дерево для машин, Исмен идет туда и очаровывает лес, призывая себе на помощь злых духов.

XVII

Между тем благочестивый герцог Бульонский не желает делать нового приступа, пока не будет снова сооружена огромная бойница и другие стенобитные орудия. С этой целью он и посылает в лес людей для срубки и доставки дерева. Рано утром рабочие отправляются на место, но в виду леса

---

[1] Это так называемый Саронский лес; о нем упоминают Вильгельм Тирский и Рауль Канский; лес находился милях в 10 от Иерусалима, близ Наплузы, и через него проходила дорога из Птолемаиды в Иерусалим. См. его описание в мемуарах Польтра, участвовавшего в сирийском походе Наполеона I (1799 г.).

Эпоха Крестовых походов: сельджукский тяжеловооруженный всадник и сельджук-арбалетчик

останавливаются, пораженные необыкновенным страхом.

XVIII

Так пугливый ребенок не смеет направлять глаз туда, где ему представляются призраки, и ужасается мрака ночи, населенного в его воображении дьяволами и чудовищами; так и рабочие приходят в ужас, не зная причины своего страха и чувствуя только одно: что сердца их встревожены более, нежели когда бы им привиделись безобразные химеры и сфинксы.

XIX

Все бегут толпой назад и в смущении, и в страхе рассказывают об увиденном ими с такими противоречиями и запутанностью, что все над ними смеются. Никто не верит их словам о чудесных явлениях. Тогда Готфрид посылает вслед за ними отряд лучших воинов, чтобы они сопровождали их и внушили им смелость.

XX

Приблизившись к густому лесу, где обитали злые духи, все почувствовали при виде его мрака холод, оледенивший их сердца. Но они идут далее, скрывая постыдный страх под смелым выражением лица, и подходят так близко, что остается уже недалеко до очарованной черты.

XXI

Тогда поднялся такой шум в лесу, как будто бы в одно время поколебалась земля, завыли ветры и застонали волны, ударяясь о скалы; слышалось и рыканье львов, и рев медведей, шипенье змей, вой волков, раскаты грома, трубные звуки – и все это сливалось в один гул.

XXII

Всеми овладел ужас: трясутся и бледнеют. Ни дисциплина, ни убеждения не могут внушить смелости, чтобы остановить их или идти вперед; все тщетно против тайного страха; наконец христиане обращаются в бегство, и один из них в оправдание своей робости говорит Готфриду:

XXIII

«Государь, никто из нас не осмелится вступить в этот лес, охраняемый, по моему убеждению, как то я готов подтвердить клятвой, всеми силами адскими. Кто может без страха взглянуть на этот лес, у того медное сердце в тройной алмазной оболочке. Человеческому сердцу невозможно внимать без ужаса, когда в нем поднимаются и гром, и рев, и свист, и шипение».

XXIV

Так говорил воин. Его слово услышал случайно находившийся при этом Алькаст (выдуманное лицо, предводитель швейцарцев), муж необыкновенной отваги, презиравший и смертных, и смерть, не боявшийся ни хищных зверей, ни чудовищ, ни бурь, ни грома, ни землетрясений.

XXV

Покачивая головой, он говорил со смехом: «Я пойду, куда этот не смеет идти; я вырублю лес, гнездо призраков и видений. Все эти призраки, шум и свист не помешают мне войти в него, хотя бы мне пришлось попасть в ад».

XXVI

Так он хвалился перед Готфридом и, получив его согласие, отправился в путь. Приблизившись к месту, он смотрит на мрачный лес, слышит поднявшийся в нем шум и рев; но не останавливает дерзких шагов и с прежней отвагой стремится вступить в очарованные пределы; но вспыхнувший перед ним огонь делает ему преграду.

XXVII

Огонь растет, усиливается и, образуя собой стену, поднимает вихрем пламя и черный дым; весь лес окружен огнем, что-

бы никто не дерзнул рубить его деревьев. Из поднимающегося пламени слагаются формы твердынь с башнями, а пылающие горы нового ада увенчиваются огнедышащими орудиями.

XXVIII

Множество вооруженных чудовищ со сверкающими зрачками стоят на страже между зубцами башен: одни смотрят на него, перекосив глаза, другие угрожают ему, потрясая оружием. Наконец Алькаст бежит, хотя и не торопится, как лев, отступающий от охотников; но все же бежит, и сердце его поражено неведомым для него страхом.

XXIX

Сначала он сам не сознавал своей робости: но отойдя дальше, почувствовал, что его заставил удалиться страх; это его изумило и опечалило; жестокое раскаяние грызло его сердце, и стыд, запылавший в нем, направил его шаги в сторону. Он не смел поднять на людей своих надменных прежде взоров.

XXX

Позванный Готфридом, он медленно идет, придумывает по дороге извинение и не хочет приблизиться; но все же идет, тихо выступая, и, подойдя к Готфриду, молчит или говорит, потупив взоры, коротко, как бы во сне. Готфрид видит, что он подавлен стыдом, и, догадываясь о его бегстве, молвит: «Что же теперь подумать? Призраки ли то фантазии или чудеса природы?

XXXI

Но если найдется еще такой, в ком пылает благородное стремление проникнуть в тот лес, пусть он идет и сделает новую попытку: по крайней мере, мы получим от него самое подробное известие». Так он сказал, и в течение трех следующих дней храбрейшие рыцари пытались проникнуть в тот лес, но устрашенные видениями, возвращались назад.

XXXII

Между тем князь Танкред, похоронив Клоринду, начал выходить, хотя был еще слаб, бледен и трудно было бы ему облечься в шлем и броню. Но, видя крайность христиан и не отказываясь никогда от трудов и опасностей, он укрепляет свое тело бодростью духа и делает его твердым и крепким.

XXXIII

Дыша отвагой и предавшись весь своему намерению, он выходит из лагеря на неведомую опасность, скромно и тихо. Смотрит без страха на ужасающий мрак леса и не смущается ни от ударов грома, ни от шума и землетрясений; однако чувствует трепет в груди, но все же преодолевает его и храбро входит в пределы леса. Вдруг перед ним вырастает огненный город.

XXXIV

Танкред останавливается и, придя в сомнение, рассуждает сам с собой: «К чему тут оружие? Неужели нужно броситься в пасть этих чудовищ и в недра всепожирающего пламени? Где требуют долг и честь, там не следует щадить жизни, но здесь, жертвуя ею, без всякой пользы лишишься ее.

XXXV

Но что скажут в войске, если я возвращусь без успеха? Где оно найдет необходимое для себя дерево? Готфрид не откажется от своих намерений без новых попыток. А если кто-нибудь другой успеет проникнуть?! Может быть, это пылающее перед моими глазами пламя более грозно по виду, нежели на деле? Но пусть будет что будет!» Сказал и кинулся в пламя. О, достопамятная отвага!

XXXVI

Танкред не почувствовал на себе ни малейшего влияния жара от столь сильного пламени. Но если бы то и были действительный огонь и чудовища, то все же он не за-

метил бы того, потому что все призраки в одно мгновение исчезли, лес покрылся густым мраком, сопровождавшимся ночью и холодом, которые вскоре рассеялись.

XXXVII

Танкред удивился, но не испытал ни малейшего страха. Видя, что вокруг воцарилось спокойствие, он спокойно пошел осматривать все исходы этого волшебного места. Нет никаких привидений, ни препятствий; только густота лесной чащи мешает свободно ходить и смотреть вдаль.

XXXVIII

Наконец он встречает широкую площадку в виде полукруга; на ней нет ни одного дерева, а посредине высится кичливый кипарис. Он подходит к нему и, осматривая дерево, замечает на стебле какие-то знаки, подобные тем, которые в древности употреблялись в таинственном Египте.

XXXIX

Между знаками неизвестными он видит надпись на знакомом ему сирийском языке: «О ты, отважный воин, осмелившийся вступить в обитель смерти! Умоляю тебя, не будь столь жестокосерд, как ты был храбр. Не возмущай спокойствия этой таинственной обители; пощади души усопших; живому не следует воевать с мертвым».

XL

Так говорила надпись. Танкред задумался, стараясь проникнуть в смысл ее изречения. Между тем ветер неумолчно шумит по листьям и ветвям, извлекая из них звуки, подобные человеческим вздохам и стонам и наполняющие сердце жалостью, страхом и грустью.

XLI

Наконец Танкред извлекает меч и со страшной силой поражает высокое дерево. О, изумление! Из коры полилась кровь и обагрила землю. Танкред в ужасе, но он повторяет удары и хочет знать, чем это может кончиться. Тогда послышался жалобный и невнятный стон, выходивший как бы из гроба.

XLII

Стон делается яснее и слышатся слова: «О, Танкред, ты и без того довольно меня оскорбил; довольствуйся тем, что ты изгнал меня из приятного жилища, из тела, которое жило мной и со мной. За что теперь ты рубишь древо, с которым меня соединила жестокая судьба? О неумолимый! Неужели ты преследуешь своих соперников и в гробе?

XLIII

Я была Клориндой; и не одна я обитаю в стволах этих грубых деревьев: и франки, и сарацины, тела которых легли при высоких стенах, каким-то волшебством удерживаются в этих местах – не знаю сказать – как в гробе или как в теле; но листья и ветви дерева одарены чувством жизни, и, рубя дерево, ты становишься убийцей».

XLIV

Больной, когда в бреду увидит дракона или химеру, пышащую огнем, хотя и знает, что это не действительность, но обманчивое привидение, однако старается удалиться: столь великий страх наводит на него собственное его воображение; точно так же и в Танкреде вспыхнувшая любовь не верит обману, однако сердце его трепещет и уступает.

XLV

Разнообразные страсти волнуют душу его; холод проходит по членам, и меч выпадает из рук; но меньше всего он чувствует страх. Он идет, не помня себя, и только видит перед собой одну плачущую и рыдающую Клоринду: не может он ни перенести ее вздохов, ни смотреть на ее текущую кровь.

XLVI

Так это непоколебимое и не возмущаемое даже образом смерти сердце, но слабое перед любовью, было обмануто привидениями и ложными жалобами. Между тем страшный вихрь, подхватив уроненный меч, отбросил его из леса. Побежденный Танкред пошел дальше и, найдя меч на дороге, снова подпоясал его.

XLVII

Однако он не возвращался более и не осмелился вторично исследовать причины; придя к Готфриду и утишив смятение своей души, он сказал ему: «Государь, я являюсь к тебе вестником событий, которым не верят и трудно поверить. Все, что говорят о тех ужасах, совершенно справедливо.

XLVIII

Чудесное пламя, возникшее передо мной, выросло как стена и осветило вооруженных к защите ее чудовищ. Но я вступил в него и не был обожжен, не встретил сопротивления. Наступила ночь и холод, но их вскоре заменили свет и теплота.

XLIX

Скажу еще: деревья в этом лесу, заключая в себе человеческие души, имеют чувство и говорят; я был сам свидетелем тому и слышал голос, который до сих пор жалобно отдается в моем сердце. Из каждой раны текла кровь, как из живого тела. Нет, нет! Я не мог ни дотронуться до их коры, ни рубить ветвей, и признаю себя побежденным».

L

Так говорил Танкред. Готфрид, волнуемый сомнением, погрузился в раздумье; он не знал, идти ли ему самому уничтожить те чары или послать в другие более отдаленные места для отыскания необходимого для него дерева.

Последние строфы этой песни (LI–LXXX) внезапно переходят к описанию наступившей жары, которая лишила войско воды и произвела в нем ропот; по молитве Готфрида на небе показались облака, пошел проливной дождь и ручьи выступили из берегов.

Следующие песни (XIV–XX), до конца поэмы, почти исключительно посвящены Ринальдо и Армиде; любимый герой нашего поэта разрушает чары этой волшебницы, сам пленяет ее; получает прощение от Готфрида; вторгается в очарованный лес и достает деревья для постройки машин; потом отличается при последнем штурме Иерусалима, когда Танкред умертвил Арганта и сам был тяжко ранен; но поэт не описывает самого взятия Иерусалима и в последней строфе говорит коротко, что «Готфрид победил и, не снимая с себя окровавленной одежды, пошел прямо в храм Спасителя повесить оружие и поклониться великому Гробу Христову».

La Gerusalemme liberata, в XX песнях.

КОММЕНТАРИЙ. Жизнеописание Тассо оставил нам друг его, бывший верным ему до конца жизни, Мансо де Вилла; в XVIII в. ученый-филолог Серасси, приверженец дома Эсте, написал на основании документов, найденных в Италии, другую биографию Тассо; но насколько первый пристрастен к своему другу, настолько другой старается оправдать поступок Альфонса II с поэтом, как сторонник дома Эсте. Лучшим переводом на французском языке считается перевод Lebrun (Par., 1774 г.) в прозе и Baour-Lormian (Par., 1819) в стихах; перевод в стихах сделал Desserteaux (Par., 1856); русские переводы принадлежат 20-м гг. XIX в., но их язык весьма устарел; в прозе: Москотильников (М., 1820) – с французского перевод в 2 ч.; Шишков (СПб., 1818) – с итальянского подлинника, в 2 ч.; в стихах Раич и Мерзляков (М., 1828) с итальянского подлинника, в 2 ч.; вот для образца языка начало первой песни из последнего и лучшего перевода:

Пою святую брань и верных воеводу,
От коего приял Господень Гроб свободу,
Сколь многи подвиги ума, терпенье сил,
В победе славной сей Муж доблий совершил!

Подробное исследование жизни Тассо и критику его произведений вместе с разбором господствующих в них взглядов см. у Ginguené. *Histoire littéraire d'Italie. Par., 1812, т. V, 155–596; и у* Michaud. *Histoire des Croisades, t. I, в «Eclaircissements», IV, где приведено и мнение Тассо о своей поэме.*

Вильгельм Тирский

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ГОТФРИДА БУЛЬОНСКОГО. 22 июля 1099 г. – 18 июля 1100 г. (между 1174 и 1180 гг.)

Начинается книга девятая[1]

I. Когда священный город (Иерусалим) по многообильной благодати Господа был возвращен христианскому народу (15 июля 1099 г.) и спокойствие до некоторой степени восстановилось по прошествии семи дней, проведенных в величайшей радости, но со страхом Божиим и духовным торжеством, князья собрались в восьмой день (22 июля 1099 г.) с целью, призвав благодать Духа Святого, избрать из среды своей главу государства, на кого они могли бы возложить королевские заботы о стране. Пока они были заняты этим делом, несколько лиц из духовенства, проникнутые гордыней, которая заставляла их думать о том, что им принадлежит, а не Христу, сошлись вместе и объявили князьям, заседавшим отдельно, что они имеют сообщить им нечто по секрету. Будучи допущены в собрание, они сказали: «Духовенству объявлено, что вы собрались здесь, чтобы избрать королем одного из своей среды. Мы считаем ваше намерение добрым и святым, но оно требует большой осмотрительности, если вы захотите исполнить его с должным порядком. Нет сомнения, что все духовное стоит выше светского, а то, что выше, должно и стоять впереди. Потому, если вы не желаете с намерением исказить естественный порядок вещей, то должно, как мы полагаем, прежде всего найти богоугодного и благочестивого мужа, который мог бы быть поставлен во главе Божьей церкви и сделаться ей полезным, прежде чем будет приступлено к избранию светского властителя. Хотите вы следовать такому порядку, и мы будем тем довольны и станем за вас телом и душой; если же вы не захотите, то мы объявим все, что вы постановите без нашего согласия, ничтожным и недействительным». При первом взгляде это требование казалось весьма благовидным, но оно, как то окажется из последующего, скрывало в себе злое намерение. Во главе этой партии духовенства стоял некто епископ Мартуронский (ныне Martorano, на юге от Козенцы), из Калабрии, который был связан тесной дружбой с Арнульфом, о котором была уже выше речь; этого-то человека, поставленного в духовный сан и бывшего сыном священника, притом весьма известного невоздержным образом жизни, так что он вошел в поговорку у армии и служил предметом песен у людей глупых и чувственных, когда они пели хором – этого-то человека епископ Мартуронский, в противность каноническим правилам и желанию добрых людей, хотел посадить на патриарший престол. Сам же епископ был самых развратных нравов; честь ни во что не ставил, а потому легко мог подружиться с упомянутым Арнульфом, по пословице: «Каков кто сам, таких и общество любит»; древняя поговорка гласит: «Равное с равным сходится легко». Он уже овладел церковью в Вифлееме и договорился с Арнульфом, если этот при его помощи вступит на патриарший престол, то он утвердит за ним навсегда владение той церковью. Но все эти замыслы уничтожила смерть, как то будет рассказано ниже. Действительно, после кончины блаженной памяти государя епископа Адемара Пюи, легата Апостольской церкви (то есть Папы), в духовенстве ослабли религия и добрые нравы, и оно вело распущенную и зазорную жизнь. После смерти вышеупомянутого блаженного мужа в его звание вступил, правда, человек богобоязненный и благочестивый, Вильгельм Оранский (Aurasiensis), и он отправлял его при своей жизни в точности, но вскоре он отошел к Господу при городе Марра. После смерти же этих мужей все пошло так, как сказано у пророка: «Каков народ, таков и священник», и только государь епископ города Альбары и немногие другие имели в виду страх Господень.

[1] Предыдущее см. выше

Уроки матери в Средние века

II. Впрочем, князья обратили мало внимания на те слова и продолжали заниматься предпринятым. Некоторые рассказывают, что они, желая при выборе действовать по воле Божьей и сообразно достоинству лица, пригласили к себе приближенных служителей каждого из старейших князей и обязали присягой сказать правду без всякой утайки о характере и образе жизни их господина. Они поступали так с той целью, чтобы избиратели получили тем лучшее и точнейшее понятие о заслугах тех, из числа которых желали избрать короля. При таких точнейших показаниях слуг, основанных на клятве, о характере их господ избиратели могли втайне познакомиться как с недостатками, так и с добрыми качествами избираемых, и совершенно правильно судить о каждом из них. Когда спросили прислугу государя герцога о ее господине, служители отвечали, что окружающим его не нравится в нем только одно, что он, войдя раз в церковь, не может выйти из нее и по окончании литургии расспрашивает священников и людей сведущих о каждом образе, о каждой картине, что вовсе не нравится и даже противно его приближенным, которые не имеют страсти к тому; при этих выжиданиях герцога нельзя никогда поспеть вовремя к столу, и кушанья, изготовляемые к определенному времени, теряют свой вкус. Когда избиратели услышали то, то они превознесли хвалами того мужа, которому вменялось в порок то, чем другие гордятся, и после долгих совещаний избрали единодушно королем государства герцога и с торжественным песнопением отвели его благоговейно к Гробу Господню. Однако рассказывают, что бóльшая часть князей была за государя графа Раймунда Тулузского; но его приближенные, сообразив, что если граф не будет избран, то вернется тотчас домой, и желая охотно попасть на родину, выдумали многое против своей совести ко вреду государя графа. Но он остался последователем Христа и не пошел домой, продолжая начатое им пилигримство и обет добровольной бедности, зная хорошо, что «…претерпевший до конца – спасется» (Матф., 24, 13), и помышляя о словах Господа: «Никто, взявшийся за плуг и оглядывающийся назад, не управит себя в царствие Божие» (Лук., 9, 62).

В III–V главах автор рассказывает, как в первые же дни правления Готфрида возникло несогласие между ним и графом Тулузским за башню Давида: Готфрид успел овладеть ею, и оскорбленный Раймунд удалился из Иерусалима к Иерихону, где он имел намерение омыться в водах Иордана; потом Готфрид должен был выдержать борьбу с епископом Мартуронским и его партией, возведшей на патриарший престол Арнульфа: Арнульф был низложен. Далее автор говорит, как найден был животворящий крест по указанию одного сириянина и положен в храме; наконец

приводит родословную Готфрида: он родился в королевстве франков, в реймсской провинции, в городе Булоне, на берегу Английского моря; его отец, Евстафий, был графом города, а мать, Ида, сестрой герцога Лотарингского, Готфрида Струмы (Горбатого); от этого брака родились три сына: Готфрид, герцог Лотарингский, усыновленный своим дядей и потому наследовавший ему; Балдуин, граф Эдесский, наследовавший брату в Иерусалиме, и Евстафий, граф Бульонский, наследовавший отцу в его родовом владении; дочь последнего Матильда, была замужем за Стефаном Блоа, королем Англии. Далее автор обращается к легендам и рассказам о деятельности Готфрида до Крестового похода.

VI. Мать этих столь великих князей, святая, религиозная и богоугодная женщина (Ида), когда ее дети были еще в нежном возрасте, предвидела, по внушению Духа Святого, их будущую судьбу и предсказала все, что из них выйдет. Однажды ее сыновья играли как то свойственно детям около матери и, толкая друг друга, припадали на ее грудь; случилось, что в эту минуту, когда вошел их отец, уважаемый граф Евстафий, дети спрятались под плащ (chlamyde) своей матери. Так как они и там продолжали возиться, шаля руками и ногами, граф спросил, что такое под ее плащом шевелится? Говорят, что она отвечала: «Там сидят три великих владетеля: один будет герцог, другой король, а третий граф». Впоследствии, Божьей милостью, это предсказание исполнилось, и дело доказало, что слова матери сбылись, ибо первый из них, государь Готфрид, наследовал своему дяде в герцогстве (Лотарингском) и потом по выбору князей достиг иерусалимского престола, имея своим преемником следующего брата, государя Балдуина; а третий, государь Евстафий, был после смерти отца его преемником и получил дедовское наследство. Басню о лебеде и о сверхъестественном происхождении братьев я пропускаю с намерением, хотя в справедливости того уверяют многие повествования[1]; но мне кажется это противным всякой истине. Потому, отложив этот рассказ в сторону, мы обратимся к услышанному нами о герцоге; между всем прочим, что он совершил с обычной ему славой, есть некоторые обстоятельства, особенно достойные воспоминания, так что мы намерены внести их в наш рассказ.

VII. На одном поединке, в который Готфрид вступил весьма неохотно, но от которого отказаться не было возможности, по существующим обычаям в стране, не потеряв чести, он отличился замечательным образом, и это событие следует занести в наше повествование. Этот знаменитый муж был вызван в самом дворце императора (немецкого короля Генриха IV, которому Готфрид служил в качестве герцога Лотарингского) одним могущественным и благородным лицом, принадлежавшим к числу князей и бывшим в родстве с императором; поводом же к поединку послужил спор за добычу и вопрос о богатом наследстве. В назначенный для решения распри день обе стороны, и истец, и обвиненный, явились ко двору. По открытии заседания, когда тот упомянутый благородный изложил свою жалобу, а герцог всеми силами старался его опровергнуть, определено было по законам страны единоборство и поединок (monomachia et pugna singularis). Высокие князья империи употребили все усилия, чтобы столь знаменитые мужи отказались от намерения выставить себя народу на позор столь недостойным образом и вступить друг с другом в бой, в котором честь одного из двух непременно пострадает; но их убеждения остались бесплодны; императорский приговор был исполнен, и бойцы выступили на площадь, окруженную со всех сторон народом и князьями, помещенными в определенном месте, чтобы попытать свое счастье. Когда высокие и знаменитые соперники мужественно и храбро дрались, случилось, что герцог, нанеся удар противнику по его щиту, переломил меч, так что в руках его остался кусок клинка, не более полуфута длиной от рукоятки. Когда окружавшие князья увидели, что положение герцога сделалось весьма невыгодно, они объявили перемирие и убедительно просили императора разрешить покончить спор мужественных князей мирным образом. Но герцог сурово отклонил все мирные предложения; он стоял на своем и возобновил борьбу снова. Его противник, имея в руках цельный

[1] Так о том говорит Альберт Ахенский.

меч и чувствуя свое превосходство над герцогом, сильно наступал на него и не давал ему покоя, пока тот со свойственной ему храбростью, которой он так отличался, не схватил в гневе рукоятки своего меча и не ударил своего противника в левый висок с такой силой, что тот упал полумертвый на месте. Когда тот лежал еще бездыханен, герцог отбросил прочь обломок своего меча и, схватив меч распростертого врага, подозвал князей, которые недавно предлагали ему сделку, и настоятельно просил их устроить мир и избавить пораженного, но превосходного мужа от столь постыдной смерти. Князья изумлялись доблестям и несравненному человеколюбию герцога, укрепили мир и положили лестный конец бою, причем, однако, герцог был признан всеми как победитель и повсюду признаваем, как человек, достойный бессмертной славы.

VIII. Вот и другой подвиг, который живет у многих в памяти и доставляет Готфриду немалую славу; мы считаем это достойным помещения в наш труд. Народ саксов, самый грубый из всех немецких народностей, отрекся от государя императора Генриха (IV), не желая нести на себе иго Римской империи и предпочитая жить свободно, без всяких законов и порядка, по своему произволу. Саксы сопротивлялись столь упорно, что поставили королем против вышеупомянутого императора одного графа по имени Рудольф (Швабский, в 1087 г.), мужа благородного и происходившего из той же нации. Вследствие того император собрал к себе всех князей империи и изложил им, как тяжко оскорбили его саксы, что, впрочем, им самим было небезызвестно, и требовал, чтобы они отомстили за него. Ревнуя о славе империи и негодуя на поведение саксов, князья друг перед другом предлагали ему свои услуги и обещали вооружиться, так как, говорили они, подобный тяжкий проступок против Римской империи не может быть оставлен без внимания и за него нужно наказать смертью, а потому определили отомстить мечом такое оскорбление величества. На основании совещания и повеления государя императора, они собрались в назначенный день со всех концов государства, как светские, так и духовные князья, в числе многих тысяч, чтобы вторгнуться в землю саксов и отомстить им за их величайший проступок. Когда наступил день битвы, войско стало в порядок и обе стороны изготовились к борьбе, император созвал князей и спросил их, кому он может с уверенностью поручить имперское знамя и начальство над столь огромной армией. На это ему все отвечали, что никого нет лучше для такой обязанности государя герцога Лотарингии Готфрида. Так как многие тысячи избрали его и объявили лучшим человеком, то император, несмотря на его отказ, и передал ему орла (то есть знамя). В этот-то день и случилось (при Фолькгейме, в Тюрингии), что герцог в пылу битвы, предшествуя с орлом императору, обратился с отрядом, которым руководил сам император, на ту часть неприятельского войска, которой командовал лжекороль Рудольф. Сойдясь таким образом, он прорвал ряды королевского войска и на глазах императора и некоторых князей вонзил королю в грудь то знамя, которое тот нес, так что Рудольф пал замертво на землю, и снова поднял вверх окровавленный значок. Когда саксы увидели, что их король пал, их мужество поколебалось, и они сдались государю императору, даровавшему им амнистию, предварительно получив от них удовлетворение, а именно, крепости и заложников, которые могли бы удостоверить его в том, что ничего подобного впредь не случится. Мы поместили этот рассказ с той целью, чтобы показать, каким уважением высоких князей мира пользовался тот муж, о котором идет теперь речь; никто не усомнится, как важно, если кто-нибудь будет объявлен первым такими князьями, которые не имеют себе подобных в свете, особенно когда их мнение было подтверждено таким знаменитым подвигом; рассказанное нами служит доказательством, что они справедливо судили о нем. Возымев намерение отправиться в пилигримство (то есть в Крестовый поход, in peregrinationem), он подарил в своей благочестивой щедрости между прочим в вечное владение Люттихской церкви замок Бульон (Bulionem), именем которого прозывался сам и который был славен своим положением, своей крепостью, отличными

полями и другими преимуществами равно, как и своей обширной областью. Но мы предприняли описать только те его деяния, которые он совершил у нас (то есть в Палестине), а потому и возвратимся к главному предмету.

В следующих главах, от IX до XV включительно, автор обозревает первые полгода правления Готфрида, от его избрания в июле до конца декабря 1099 г. Сначала, по духу того времени, он говорит о заботах нового короля о церкви и о его щедрости в отношении к ней; замечает, что по смирению перед церковью Готфрид никогда не носил золотой короны из уважения к терновому венцу Спасителя и что поэтому многие историки не хотят вносить его имя в список королей иерусалимских. Потом автор переходит к нападению египетской армии на Иерусалим в августе и рассказывает, как при своей малочисленности Готфрид одержал победу над ней при Аскалоне, благодаря тому случаю, что стада, захваченные накануне у неприятеля, сами собой последовали за войском и были приняты за многочисленную армию; после этой победы автор говорит о том, как в конце августа начали удаляться князья из Иерусалима: графы Фландрии и Нормандии возвратились на родину; граф Тулузский ушел в Константинополь, где и пробыл два года; при Готфриде остался Танкред и Вернер Грэй; первый из них получил от Готфрида в наследственное владение Тивериаду, княжество Галилейское и город Каифу на морском берегу, и два года спустя был призван княжить в Антиохию; наконец автор переходит к рассказу о пилигримстве Боэмунда Антиохийского и Балдуина Эдесского в Иерусалим; на дороге к ним присоединилась толпа итальянцев, в числе которых находился Даимберт, архиепископ Пизанский; посовещавшись с прибывшими князьями, Готфрид избрал в начале 1100 г. Даимберта патриархом Иерусалимским, а Арнульф был низложен; его же защитник, епископ Мартуронский, еще прежде погиб в битве при Аскалоне; Готфрид и Боэмунд получили от нового патриарха инвеституру на свои владения и не только возвратили ему все, чем патриархи владели в древние времена, но еще присоединили многое от себя. Но это обстоятельство вскоре после удаления Балдуина и Боэмунда в свои владения произвело разрыв между духовной и светской властью в Иерусалиме, на чем наш автор и останавливается подробнее.

XVI. Между тем (в начале 1100 г.) в Иерусалиме возникло несогласие между государем патриархом и государем герцогом; оно было возбуждено усилиями злонамеренных людей, которые всегда стараются вызвать ненависть и нарушить спокойствие. Государь патриарх требовал себе именно святой, Богу посвященный город вместе с замком, а также Иоппе и все, что тому принадлежит. После некоторого времени борьбы герцог, как человек кроткий и смиренный, уважающий слово Божье, уступил в день Сретения Господня в присутствии духовенства и всего народа четвертую часть Иоппе храму св. Воскресения. Позже, в праздник Пасхи, он передал в присутствии духовенства же и народа, собравшегося на праздник, город Иерусалим вместе с башней Давида и со всем, что тому принадлежало, в руки государя патриарха, но с условием, что он будет сам пользоваться этими двумя городами, пока Господь не расширит королевства завоеванием одного или двух следующих городов. Если же до того времени умрет герцог, не оставив законных наследников, то все вышеупомянутое без всякого спора и притязаний других должно достаться государю патриарху. Все рассказанное нами мы узнали от других и на то есть письменные свидетельства, но мы тем не менее должны изумляться, каким образом государь патриарх дошел до того, что начал подобную распрю с герцогом, когда мы нигде не читали и ни от кого из людей достоверных не слыхали, чтобы государь герцог получил свое королевство от победоносных князей с условием уступить кому что-нибудь навсегда или на время. Если же мы ничего об этом не знаем, то вовсе не по невежеству или невниманию, ибо мы больше чем кто-нибудь другой занимались исследованием этого вопроса, имея давно уже в виду занести то в настоящий труд.

XVII. Справедливо одно, что во время прибытия латинцев и еще гораздо прежде того патриарх Иерусалимский владел четвертой частью города, как собственностью. Как он именно получил то и в чем состояло его право, мы желаем вкратце теперь сообщить; после многих трудов наши исследования привели нас к следующему результату. Старые предания сообщают, что город, доставшись в руки неверных, никогда, даже на самое короткое время, не пользовался миром и был тревожим беспрерывными войнами и осадами, ибо соседние властители

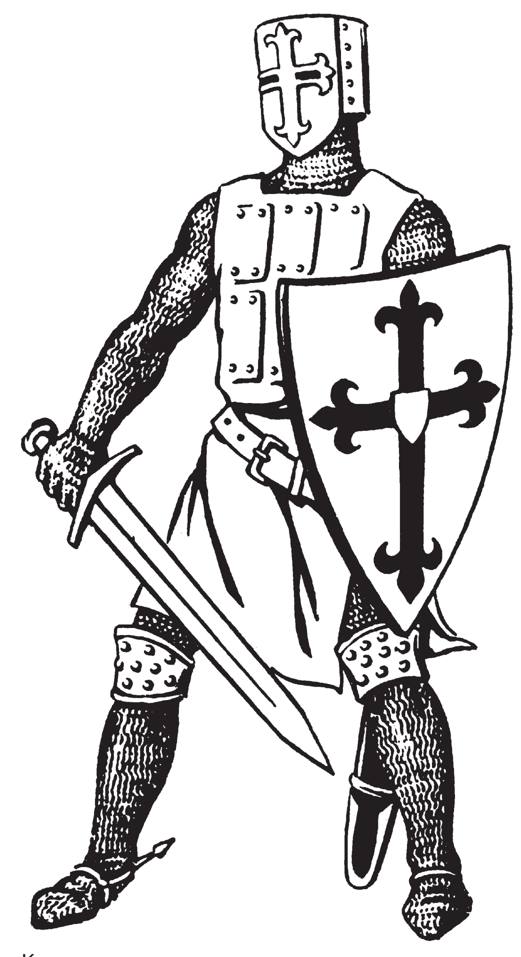
Архиепископ благословляет тела рыцарей

старались овладеть им; вследствие того башни и стены, частью от древности, а частью от повреждений при осадах, пришли мало-помалу в упадок, так что город был вполне открыт для всех неприятельских нападений. Так как в то время на востоке и юге между всеми государствами первое место занимал Египет, и по силе, и по богатству, и по образованию, и египетские калифы старались расширить пределы своих владений во все стороны, то египетские войска овладели всей Сирией до Лаокидеи, которая, будучи вблизи Антиохии, составляет предел Келесирии. Калиф поставил наместников в южных и приморских городах, наложил дань и подчинил себе всю страну. Вместе с тем он позволил жителям городов снова выстроить стены и снабдить их башнями. На основании этого закона иерусалимский наместник предписал жителям города, сообразно тому повелению, возобновить стены и башни. При разделении работы между гражданами на долю бедных христиан, живших в городе, досталась четвертая часть постройки, более из ненависти к ним, нежели соответственно их силам. Христиане же были до того истощены налогами, поборами и всякого рода повинностями, что едва все вместе взятое их имущество было достаточно для исправления одной или двух башен. Видя, что все это служит только новым предлогом к их утеснению, и не имея никакой другой защиты, они пошли к наместнику и просили его со слезами наложить на них тяжесть, которую они могли бы вынести, а этот труд, говорили они, превышает их силы. Но он прогнал их от себя, говоря с угрозой: «Неповиновение приказаниям высокого обладателя равняется оскорблению святыни. Итак, или кончайте возложенный на вас труд, или мы вас накажем мечом, как оскорбителей величества». Наконец различными просьбами и подкупом они получили у наместника отсрочку, во время которой они намерены были отправить посольство к государю и императору в Константинополь, чтобы просить его о денежной помощи для совершения той работы.

XVIII. Когда назначенные к тому послы явились к императору, они изобразили ему вернейшим образом печаль и слезы народа верующих при воздыхании находившихся там слушателей и, представив картину того, что они должны переносить, как плюют на них, как их бьют, бросают в темницы, лишают имуществ, умерщвляют, рассказали и многое другое, что бедный народ терпит непрестанно во имя Христа; наконец они объяснили, какое новое средство придумал неприятель для их притеснения. На греческом престоле сидел в то время великий и разумный муж государь Константин по прозванию Мономах (1042–1054 гг.), который управлял константинопольским государством с твердостью и силой. Он обратил внимание на слезные мольбы верующих и из сострадания к их постоянным притеснениям щедро обещал им дать столько золота,

сколько то будет нужно для возложенной на них работы. Но он присоединил к этому одно условие, а именно, что он даст им золото только в том случае, если они могут выхлопотать у государя той страны позволение, чтобы в пределах стен, построенных на счет императора, жили одни христиане. В то же время он предписал жителям острова Кипра выдать иерусалимским христианам из казенных налогов и податей столько золота, сколько понадобится для той работы, если только они успеют склонить своего государя к вышеупомянутому разрешению. Послы, возвратившись домой, изложили патриарху и народу Божьему все, что удалось им сделать, и те весьма обрадовались услышанному и употребили все усилия, чтобы выполнить условие, наложенное императором. Они отправили послов к своему верховному государю, а именно к египетскому калифу. Послы изложили ему свою просьбу, и с Божьей помощью им удалось получить согласие калифа и грамоту за печатью и подписью. Исполнив таким образом счастливо это поручение, они отправились на родину, и с Божьей помощью та часть стены, которую им следовало построить, была окончена в год от воплощения Господня 1063-й, в правление египетского калифа Мостансер Биллаха (Bomensor Elmonstensab), за 36 лет до освобождения города. Прежде сарацины и верующие жили вместе; с этого времени по повелению своего властителя сарацины должны были переселиться в другие части города, а вышеназванную четвертую часть без всякого спора предоставить христианам. Повидимому, через это служители Христа пришли в гораздо лучшее положение, ибо соседство с детьми Белиала (то есть с неверными) влекло за собой частые ссоры и неприятности; теперь же, так как они жили отдельно, не имея посреди себя плевел, им было гораздо спокойнее. Если у них являлись жалобы, то они предоставляли решение дела на суд церкви и подчинялись в своих распрях приговору тогдашнего государя патриарха. Таким-то образом с того времени четвертая часть Иерусалима не имела другого судьи, кроме патриарха, и церковь всегда считала ту часть города своей собственностью. Эта четвертая часть была отделена следующим образом от остального города: внешняя ее черта шла от западных ворот, называемых вратами Давида, мимо угловой башни, именуемой башней Танкреда, до северных ворот, известных под названием ворот первомученика Стефана; внутреннюю же границу составляла городская улица, которая ведет от последних ворот прямо к лавкам менял и оттуда к западным воротам. В этих пределах заключались те святые места, где Господь пострадал и воскрес, странноприимный дом, два монастыря, мужской и женский, с одинаковым названием *de Latina* (латинского языка), также дом патриарха и жилище каноников Гроба Господня со всем, что им принадлежало.

XIX. Около этого времени (то есть Пасхи 1100 г.), когда почти все князья, принимавшие участие в пилигримстве, возвратились домой, и герцог, получивший королевство, остался один с государем Танкредом, которому, как человеку разумному, храброму и счастливому во всех предприятиях, он дал участие в управлении, число войска и вообще вся сила наших была так ничтожна, что если собрать всех вместе, не пропуская ни одного, то едва можно было насчитать 300 конных и 2 тысячи пеших людей. Из городов весьма немногие достались в руки нашим, да и в этом случае между ними находились местечки, принадлежавшие врагу, так что если было нужно отправиться из одного города в другой, то не иначе, как с величайшей опасностью. А деревни, даже на нашей земле, были повсюду населены неверными и сарацинами, которые относились к нашим самым враждебным образом; хуже всего то, что они жили так близко к нам, и нет ничего пагубнее, как враг в собственном доме. Они не только убивали или отводили в плен тех из наших, которые без предосторожностей ходили по дорогам; мало того: они отказались от обработки полей, чтобы заставить наших терпеть голод, и желали лучше сами погибнуть голодной смертью, нежели доставлять содержание своим врагам. Наши должны были оставаться настороже не только за городской чертой, но даже и внутри самих домов, лежавших в пределах стен, нельзя было жить спокойно и безопасно, ибо число наших было весьма невелико, а по-



Крестоносец

врежденные стены были легко доступны для неприятеля. Ночью разбойники врывались в обезлюденные города и многих убивали в собственных домах; вследствие сего одни тайно, а другие совершенно явно бросали приобретенные ими жилища и возвращались домой, опасаясь, что когда-нибудь те, которым была поручена охрана страны, будут разбиты неприятелем так, что никто не спасется от меча. По этому поводу был издан закон о *годовом сроке* на владение местом в пользу тех, которые, несмотря на тяжкое время, обнаружат твердость и в течение одного года и одного дня будут владеть собственностью спокойно и бесспорно. Этот закон, как я сказал, был направлен против тех, которые по страху оставляли свои владения, чтобы они не имели права делать на них притязания, если возвращались по истечении года.

Но, несмотря на такое крайнее положение государства, богобоязненный и боголюбивый муж Готфрид с помощью Господней приступил к расширению пределов государства. Он, собрав свое войско и народ, осадил приморский город близ Иоппе, ныне называемый Арсуром, а в старину известный под названием Антипатриса. Но так как этот город был населен людьми отважными и мужественными, хорошо снабженными оружием, съестными припасами и другими жизненными потребностями, а герцог испытывал большой недостаток и не имел даже кораблей, которые могли бы запереть осажденных с моря, то он и был вынужден снять осаду и выждать другое время, когда Бог предоставит ему случай совершить этот подвиг. Но это ему никогда не удалось, ибо его похитила преждевременная смерть.

XX. Но при этой осаде произошло одно в высшей степени замечательное событие. В лагерь пришли мелкие вожди (reguli) небольших селений в горах Самарии, среди которых лежит город Неаполь (Наплуза), и поднесли герцогу дары, состоявшие из хлеба, вина, миндаля и изюма; как мы полагаем, цель их была не столько поднести эти дары герцогу, сколько высмотреть число и средства наших. Придя в лагерь, они просили настоятельно, чтобы их отвели к герцогу. Явившись к нему, они предложили свои дары, принесенные ими, а герцог, как человек простой, избегавший светской пышности, сидел на мешке, набитом соломой и положенном на землю, в ожидании своих людей, которых он послал на фуражировку. Те вожди были чрезвычайно изумлены, видя это, и спрашивали, как такой великий князь и удивительный государь, который, придя с Запада, потряс весь Восток и основал могущественное государство, может сидеть так бесславно и не имеет у себя ни ковров, ни шелковых материй, ни внушать к себе уважение толпой вооруженных телохранителей. Герцог спросил, о чем они спрашивают, и отвечал: «Для смертного человека достаточно иметь землю сидением, так как после смерти она сделается его постоянным жилищем». Когда эти

лазутчики услышали это, они изумились такому смиренному и мудрому ответу и при прощании сказали: «Это муж, которому должны подчиниться все земли и который по справедливости предназначен был властелином людей и народов». Так изумительно было для обитателей соседних стран счастье и храбрость чужеземцев, и их страх и изумление были тем больше, что они слышали такие рассказы от своих, которым они вполне доверяли. Это замечательное происшествие скоро распространилось по самым отдаленным пределам Востока.

В главе XXI автор делает отступление по поводу событий Антиохийского княжества, где Боэмунд, приглашенный жителями одного города Месопотамии, Мелетена, поспешил к ним, но попал в засаду и был взят в плен турками[1]; Балдуин Эдесский хотя и старался освободить Боэмунда, но не успел и ограничился присоединением Мелетена к своим владениям.

XXII. Когда (то есть после неудачной осады Арсура) знаменитый муж, государь герцог, и те, которые остались с ним в Иерусалиме, чтобы охранять государство, по удалении прочих, должны были бороться с крайней бедностью, которую трудно описать, надежные лазутчики принесли известие, что в Аравии, за Иорданом, в стране аммонитян кочуют беспечно арабские орды, и наши, напав на них с быстротой, могут приобрести богатую добычу. Убежденный этими доводами, знаменитый муж собрал в тишине нескольких конных и пеших людей, сколько новое государство могло их выставить, пошел за Иордан, вторгся в неприятельскую землю и счастливо закончил предприятие. Когда он возвращался назад с огромным числом крупного и мелкого скота и с бесчисленным множеством пленных, какой-то благородный и уважаемый в своей дружине князь, человек отважный и страстно любящий войну, заключил с ним перемирие через переговорщиков и, получив от герцога дозволение, пришел к нему со свитой благородных людей из своего народа. Он много слышал о славе и силе той нации, которая пришла с далекого Запада и, преодолев все затруднения, подчинила себе весь Восток; особенно же много слышал он об отличной храбрости и несравненной силе герцога, почему у него и явилось сильное желание повидаться с ним. Засвидетельствовав ему свое уважение и приветствовав его с почтением, он убедительно просил герцога отрубить мечом на его глазах голову верблюду, которого он привел с этой целью, чтобы после рассказывать другим о примере его храбрости. Так как князь пришел издалека, чтобы видеть его, то герцог согласился, извлек меч и с такой легкостью отрубил верблюду голову, как будто бы дело шло о том, чтобы рассечь ничтожную вещь. Араб чрезвычайно изумился такой страшной силе, но мысленно приписывал это отчасти острию клинка, которым действовал герцог. Потому он просил позволения высказать откровенно свое мнение и сказал, может ли герцог сделать то же самое другим мечом. Герцог засмеялся, взял у него меч и с такой же легкостью отрубил голову другому верблюду. Тогда изумление того мужа возросло бесконечно, и он ясно видел, что сила заключается не в острие меча, а в руке, и что все, слышанное им о его силе, справедливо. Тогда он представил герцогу в дар золото, серебро и лошадей, стараясь тем снискать его дружбу, и по возвращении домой прославлял доблесть герцога повсюду, куда ни являлся. Герцог же возвратился со своей добычей в Иерусалим.

XXIII. В этом же месяце, а именно в июле, государь Готфрид, славный правитель (moderator) королевства Иерусалимского, смертельно захворал тяжкой и неизлечимой болезнью. С увеличением ее, когда никакое средство не помогало, он приказал напутствовать себя св. причащением, с благоговением исповедал свои грехи и отправился, как истинный исповедник Христа, по пути всякой плоти туда, где ему будет стократно воздано и где он с душами святых будет причастником жизни вечной. Умер же он 18 июля в год от воплощения Господня 1100-й. Его погребли в храме св. Гроба, на Лобном месте, где пострадал Господь и где погребают до настоящего дня его преемников.

Кончается книга девятая.

[1] См. о плене Боэмунда ниже.

Начинается книга десятая

I. После того как государь герцог Готфрид, преславной и святой о Боге памяти, первый и знаменитый латинский правитель Иерусалимского королевства, покинул этот свет, чтобы наследовать лучший, престол оставался незанятым три месяца. Но наконец или вследствие последней воли государя герцога, или по определению тех немногих князей, которые были налицо, избрали государя графа Эдесского Балдуина, его кровного брата, и он получил его королевство по праву наследства. Балдуин в своей юности был хорошо наставлен в науках и, как говорят, поступил в духовные; в этом звании он, вследствие своего знатного рождения, приобрел бенефиции, называемые обыкновенно пребендами, а именно, церкви в Реймсе, Камбрэ и Люттихе. По неизвестным причинам променяв одежду духовного на оружие, он сделался рыцарем. Впоследствии он женился на знатной и благородной женщине из Англии, по имени Гертруда и вместе с ней и с братьями, государем герцогом Готфридом и государем Евстафием, этими бессмертными героями, счастливо и благополучно отправился в тот первый поход. Но его жена умерла еще до прибытия армии в Антиохию после тяжкой болезни при Марезии и была там погребена. Когда впоследствии его пригласил князь Эдессы и усыновил и когда он после его смерти наследовал графство со всем, принадлежавшим ему, он женился на дочери одного благородного и знатного армянского князя Тафрока, который вместе со своим братом Константином имел близ Таврских гор неприступные крепости и большое число войск, почему эти братья за свои громадные поместья и богатства считались королями того народа. Относительно происхождения Балдуина, доблестей его родителей и места рождения мы не будем говорить вторично, так как в рассказе о деяниях государя герцога мы обстоятельно изложили их общее происхождение.

II. Он был высок ростом и гораздо выше своего брата, так что он, как и Саул, стоял головой выше всего народа. Волосы на голове и бороде были темные; цвет лица довольно белый; нос орлиный; верхняя губа выдавалась вперед, но не так, чтобы тем безобразить. Поступь его была исполнена достоинства; речь и обращение важное; на плечах он носил всегда плащ, так что чужие при важности его речи и обращения принимали его скорее за епископа, нежели за светское лицо. Но чтобы остаться верным первородному греху и проклятию, был он, как говорят, весьма чувствен, хотя при этом так осторожен, что то никого не оскорбляло, ничьего не нарушало права, никому не причиняло насилия, и что редко случается в подобном деле – едва было известно немногим самым приближенным служителям. Если бы кто захотел его извинять, как то делают греховные люди, то такой мог бы найти достаточными такие извинения, которые хотя и не имеют цены перед очами верховного Судьи, но бывают принимаемы людьми, и последующий наш рассказ укажет на это. Балдуин не был ни слишком толст, ни слишком худощав и имел умеренный объем; ловко владел оружием, отлично ездил верхом и был весьма деятелен и усерден, когда того требовали общественные дела. Излишне будет восхвалять его великолепие, храбрость, знание военного дела и другие превосходные качества, которые он наследовал вместе с братом, тем более, что он до того подражал своему брату, государю герцогу, что считал преступлением не во всем следовать по его стопам. Но ему ставят в упрек то, что он стоял в близких отношениях с тем архидьяконом Иерусалимским Арнульфом, негодным и преступным человеком, склонным ко всякому злу, о котором мы говорили выше, что он овладел патриаршим престолом и советами которого Балдуин руководился.

Остальные главы десятой книги, от III до XXX, и вся одиннадцатая книга описывают правление Балдуина I, от 1100 до 1118 г.; рассказав о его борьбе с патриархом Даимбертом, который в силу договора требовал себе Иерусалим и башни Давида, автор далее останавливается на военных событиях правления Балдуина, которыми оно изобиловало, ибо при нем были завоеваны: Арсур, Цезарея, Птолемаида, Библос, Триполь, Сидон, Берит и построена сильная крепость на Иордане, Монреаль, то есть Королевская гора.

Чтобы придать законную форму своим завоеваниям, Балдуин просил Папу Пасхалиса утвердить за ним завоеванное, и Папа дал ему грамоту, как и на то, что уже было завоевано, так и на то, что будет приобретено впоследствии. В последний год своего правления Балдуин I сделал первый шаг к осаде Тира, построив близ него крепость Скандалий, и напал на Египет, но, поев рыбы, пойманной в рукаве Нила, захворал и вскоре умер, в 1118 г.[1]

Belli sacri historia, libri XXIII. Кн. IX–XI.

[1] Продолжение см. ниже.

Фулькерий Шартрский

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ БАЛДУИНА I, КОРОЛЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО, И ПЕРВЫЙ ГОД ЕГО ПРАВЛЕНИЯ: 17 июля 1100 г. – апрель 1101 г. (в 1127 г.)

XXII[1]. В то время, когда Балдуин (князь Эдессы и брат короля Иерусалимского Готфрида) наслаждался своим счастьем, прибыл посол с известием, что его брат, Готфрид кончил свои дни в Иерусалиме, 17 июля (1100 г.) во второй год после взятия св. города и что весь народ ждет его, чтобы поставить во главе государства как преемника и наследника умершего брата. Опечаленный несколько потерей брата, но зато весьма обрадованный по случаю приобретаемого наследства, Балдуин, узнав о том, совещался со своими друзьями, поручил свою землю родственнику Балдуину (Буржскому), собрал небольшую дружину человек в 700 тяжеловооруженных и столько же легкой пехоты и отправился в Иерусалим 2 октября. Некоторые удивлялись, что он осмеливается пройти по земле, переполненной неприятелями, с таким небольшим отрядом; а потому многие в страхе и ужасе оставили нас тайно, так что мы о том ничего и не знали. Турки и сарацины, узнав о нашей малочисленности, соединились во множестве и вздумали пересечь нам дорогу в том месте, где надеялись с большей выгодой напасть на нас. Мы прошли Антиохию и продолжали путь через Лаодикею, Габель, Мераклею, Тортозу, крепость Архос и город Триполь. Когда Балдуин расположился в своей палатке, владетель этого последнего города послал ему хлеба, вина, дикого меда, баранов и дал знать письмом, что Дукан, владетель Дамаска, и эмир Гинагальдоль, князь Алеппо, поджидают нас вместе с турками, сараци-

[1] Содержание предыдущих глав и извлечение из них см. выше.

ФУЛЬКЕРИЙ ШАРТРСКИЙ (FULCHERIUS CARNOTENSIS. Родился в 1059 г.). Он родился в г. Шартре (Carnutum) и был капелланом, секретарем королей иерусалимских Балдуина I и Балдуина II (regum Balduini I et II capellanus). Вместе с Робертом Нормандским и Стефаном Блоа он предпринял Первый крестовый поход. На дороге из Никеи в Антиохию он оставил главную армию Готфрида и своих графов и удалился в Эдессу, приняв звание капеллана при Балдуине, сделавшегося князем Эдесским. Вследствие того он не видел взятия ни Антиохии, ни Иерусалима. Но после смерти Готфрида Фулькерий перешел вместе с новым королем Балдуином I в Иерусалим и сохранял свое звание капеллана как при Балдуине I, так и при его преемнике, Балдуине II Буржском. Потому с этой эпохи его хроника приобретает снова важное значение. Вот каким образом оценивает Мишо (Bibl. des Crois. I, 82 с.) достоинство труда Фулькерия: «Этот историк писал не простую хронику; он умел вставлять в свои рассказы подробности и разные наблюдения над природой; изложение у него просто: повсюду видна наивность, составляющая всю прелесть его рассказов. Фулькерий не рассказывает ни одного со-

нами и арабами на дороге, по которой, они знали, мы должны проходить, и намерены сделать нападение. Мы сначала не поверили этому известию, но потом убедились в его справедливости. Недалеко от Бейрута, милях в пяти, дорога шла вдоль самого морского берега; она была неизбежна для всех, кто шел по этому направлению, и слишком узка для прохода армии. Если бы неприятель утвердился в этом проходе заранее, то 100 тысяч человек не могли бы им овладеть; между тем достаточно было сотни или 70 человек, хорошо вооруженных, для охраны этого прохода. В этом-то месте и надеялись неверные остановить нас и перерезать всех. Когда лазутчики, шедшие впереди, приблизились к этому проходу, они заметили большое число турок, отделившихся от своих; последние выступили на нас и поджидали нашего прибытия. Видя это, лазутчики, заметившие, что позади этих язычников скрывается гораздо более многочисленное войско, отправили вестника дать знать Балдуину о всем прошедшем. Балдуин, узнав о том, построил отряд в боевой порядок по всем правилам искусства, разделил его на несколько линий, и мы двинулись на неприятеля с распущенными знаменами, но тихим шагом. Видя, что скоро начнется битва, мы, не переставая идти, с умилением сердца и благоговейно просили помощи Всевышнего. Передовой отряд неверных немедленно завязал бой с нашей первой линией; многие пали с их стороны, и у нас было убито четверо. Битва скоро прекратилась; мы совещались и определили расположиться лагерем, как можно ближе к неприятелю, чтобы он не подумал, что мы струсили или готовимся к бегству. Так мы говорили это, но думали иначе; мы показывали вид, что не боимся, но на деле опасались смерти. Отступить было трудно; идти вперед еще труднее; неприятель обступал нас со всех сторон: и с кораблей, и с вершин гор. В этот день у нас ни люди, ни животные не видели ни пищи, ни покоя. Что касается меня, то я предпочел бы в это время быть в Шартре или Орлеане, нежели в том месте. Всю ночь мы не смыкали глаз и оставались вне палаток, удрученные печалью. На рассвете, когда заря начала разгонять мрак, мы держали совет, чтобы решить, заботиться ли нам еще о жизни или прямо умереть. Положено было снять палатки и идти назад, пустив перед собой вьючных животных с нашей поклажей и погонщиков; вооруженные люди должны были следовать за ними и защищать их от нападения сарацин. Действительно, сарацины, заметив с утра, что мы отступаем, спустились по-

---

бытия, которого он был очевидцем, без того, чтобы в то же время не сообщить тех впечатлений, которые оно производило на его дух; и радость, и боязнь, и печаль, даже мечты – все это он высказывает с откровенностью, которая заставляет иногда улыбнуться, но зато служит ручательством истинности рассказа. Фулькерий редко обращается к прошедшему времени; занятый своими мыслями и окружающими предметами, он, по-видимому, не имеет времени заняться чем-нибудь другим: впечатления действительности поглощают, так сказать, все способности его ума; если в нем остаются какие-нибудь воспоминания, то это из одного Священного Писания и священных преданий, на которые ему указывали беспрестанно различные события и места, которые он предпринял описать».

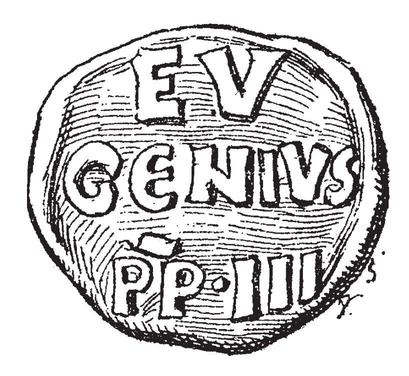
Издания: первый, кто издал его манускрипт, был *Bongars* (Gesta Dei per Francos, I, 381–440) в начале XVII в.; но это манускрипт был неполный и останавливался уже на 1124 г.; *Duchesne* нашел лучший манускрипт, продолжавшийся до 1127 г., и издал его в своем сборнике «Historiae Francorum scriptores coaetanei etc.» (Par., 1636–1649, т. IV, 816–889). Наконец, *Martene* открыл в Сен-Жермене третий манускрипт, в котором находился и пролог, и издал полный текст хроники Фулькерия под заглавием «Деяния франкских пилигримов, отправившихся на завоевание Иерусалима» в своем сборнике «Thesaurus anecdotorum novus etc.» (Par., 1717, т. I, 364 с.). Переводы: франц. у *Guizot*. Collect des mem. etc. Par., 1825, т. XXIV.

спешно, думая преследовать нас, как обращенных в бегство: одни тревожили нас с кораблей, другие преследовали по пятам, а третьи, как конные, так и пешие, теснили к горам, как баранов, которых загоняют в овчарню. Их намерение состояло в том, чтобы при выходе из долины, где гора подходит к самому морю, истребить нас без всякого труда. Но так не случилось, как они ожидали. Наши вожди согласились наперед в плане и говорили между собой: «Если нам удастся остановить неприятеля в равнине, то может быть, что, обратившись на них и сражаясь мужественно, мы успеем с Божьей помощью вырваться из их рук». Между тем язычники бросились со своих кораблей и успели отрезать голову тем из наших, которые шли неосторожно близ моря; они обрушились на наш тыл в долине, о которой мы говорили, осыпали нас стрелами и разразились бранью, крича, как лающие собаки или завывающие волки. Что сказать далее? Мы не имели убежища нигде, не было дороги, чтобы уйти от смерти, никакого исхода для бегства и, если бы остались на месте, никакой надежды на спасение. Сам Соломон не знал бы, что делать, и Самсон не мог бы одержать победы. Но милосердный и всемогущий Бог, удостоив взглянуть с высоты неба на землю и видя наше смирение, отчаяние и опасность, в которую мы впали, служа ему и любя его, был тронут тем сожалением, с которым он всегда спешит на помощь своим людям. В своем милосердии он внезапно внушил нашим воинам такую храбрость, что они, обратившись назад, принуждают к бегству по дороге, расходившейся в три стороны, тех самых, которые еще недавно преследовали их, а теперь не хотят даже и защищаться. Одни из варваров бросаются с утесов, другие ищут убежища в безопасных местах, третьи, будучи настигнуты, погибают под ударами меча. Вы увидели бы, как их корабли летели по волнам, как будто мы могли схватить их руками; другие же в страхе поспешно лезли по горам и возвышениям. Славясь такой победой, наши возвратились полные радости, чтобы соединиться с погонщиками, которые во время схватки сторожили на дороге животных, навьюченных багажом; и все мы воздали хвалу Богу за могущественную помощь, которую он нам оказал в минуту крайней опасности. О как дивны дела Божии! Как велико было его чудо, и как оно достойно быть начертано в нашей памяти! Мы были побеждены, и побежденные победили. Победили не мы; и как же мы могли победить? Тот, кто победил, тот один всемогущ. «Если Бог за нас, то кто против нас?» (к Римл., VIII, 31), и он был за нас и с нами, исполнив на нас то, что пророк сказал израильтянам: «Если вы последуете моим правилам, если вы сохраните и соблюдете мои предписания, то я дам вам следующий дар: пятеро вас будут преследовать сто, а сто погонят пред собой десять тысяч» (Лев., XXVI, 3 и 8). Так как мы днем и ночью переносили труд на службе Господу, то он в своем правосудии сломил гордыню неверных. Между тем было приказано расставить палатки и собрать тела и оружие убитых. Те, которые успели поймать лошадей с седлами и золочеными уздечками, привели их также в лагерь. По прошествии ночи, рано утром, мы, сообразно благоразумному распоряжению, отступили к одному разоренному замку; там был произведен беспристрастный дележ между воинами лошадей и других предметов, отнятых у турок; потом, когда наступила ночь, мы расположились отдохнуть под оливами и кустарниками. С рассветом следующего дня Балдуин, по своей обычной отваге, взяв столько людей, сколько ему показалось нужным, пустился вперед на своем бегуне и быстро подскакал к тому проходу, где нас так дурно встретили; он хотел убедиться, занято ли то место сарацинами. Прибыв туда, он не нашел там никого из неверных; все они, будучи рассеяны нашим оружием, обратились в бегство: он воздал хвалу Богу и повелел развести огни на вершинах гор, чтобы тем дать знак к скорейшему следованию за ним других, которые оставались в лагере. Едва мы заметили огни, как возблагодарили Господа; потом, следуя за лазутчиками к тому знаку, мы нашли милостью Божией просторную дорогу и потянулись по ней. В этот же день мы достигли города Бейрута; его эмир, узнав о том, отправил на судах Балдуину, но более из страха, чем

по любви, съестные припасы в количестве на несколько дней. Жители других городов, мимо которых мы шли, как то: Сидон, Тир и Аккон или Птолемаида, сделали то же; все они, хотя и питали злобу в сердце, но притворялись дружелюбными. В то время Танкред владел замком Каифой, который был взят приступом в один год с завоеванием Иерусалима; но так как Танкред был еще тогда дурно расположен к Балдуину, то мы и не зашли туда. Впрочем, Танкреда не было в замке; но его люди, считавшие нас за братьев и желавшие видеться с нами, продавали нам и хлеб, и вино. Потом мы прошли Палестинскую Цезарею и крепость Арзут, которую иные по невежеству принимают за Арзут, один из пяти филистимлянских городов, лежащий между Иоппе и Аскалоном и обращенный ныне в развалины. Наконец мы достигли Иоппе, где наши франки встретили радостно Балдуина, как короля. Оттуда, не останавливаясь, мы поспешили к Иерусалиму. Когда мы приблизились к св. городу, все, и духовные, и миряне, вышли навстречу Балдуину; греки и сирияне сбежались также, неся кресты и свечи; все громко хвалили Господа, принимали нового короля с почетом и торжеством и провожали его до самого храма Гроба Господня. Но патриарха Даимберта не было при этом блестящем приеме; его обвиняли перед Балдуином, к которому он был не расположен; впрочем, его самого не любили в большей части народа. Потому, лишенный своего престола, он проживал на горе Сионе и там оставался до тех пор, пока не получил прощения за свои преступные замыслы.

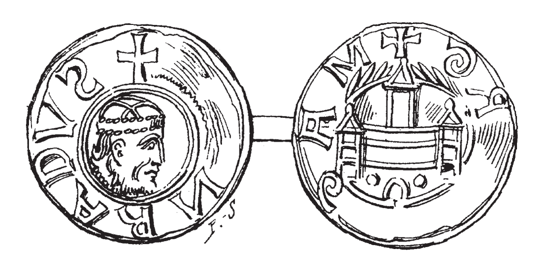
XXIII. Отдохнув в Иерусалиме дней шесть, что было для нас так необходимо, и когда король успел несколько устроить свои дела, мы пустились в новый поход. «Все те, которые имеют врага – я говорю это языком мирским, – должны беспрестанно преследовать его всеми мерами, пока он не будет вынужден утомлением брани или силой к прочному миру». Балдуин, став во главе своей армии и пройдя Арзут, отправился к Аскалону, расположенному на берегу моря, между тем городом и Ямнией. Прибыв к Аскалону, он загнал сарацин, осмелившихся на него напасть, на городские стены; но, не найдя благоприятного случая для дальнейшей попытки, он отступил от города и возвратился в палатки. На следующий день мы отправились в более обширную местность, где могли хорошо содержать себя и наших вьючных животных, разоряя страну неприятеля. На дороге нам встретилось много хижин; сарацины, жившие там, при нашем приближении скрылись вместе со своими стадами и имуществом в пещеры едва только некоторых из них нам удалось убить, потому мы развели большой огонь при входе в пещеры: действительно, жар и дым принудили этих людей выйти и сдаться нам. Между ними нашлось несколько разбойников, которые ничем другим не занимались, как только делали засады христианам между Рамлой и Иерусалимом и умерщвляли их. Сирияне, христиане, как и они, жившие в таких же хижинах и спрятавшиеся вместе с ними в подземельях, выдали их преступления; признав их виновными, мы рубили им головы по мере того, как они выходили из пещер. Но сирияне и их жены были пощажены; сарацин же мы перебили до сотни. После того король Балдуин приказал отправить всех сириян в Аскалон, опасаясь, что их могут перерезать. Когда все, что производит эта страна, и хлебом, и животными, было съедено нами, и мы не могли надеяться более извлечь еще какую-нибудь выгоду из этой местности, уже издавна разоренной, Балдуин совещался с сарацинами, родившимися и выросшими в этой стране, но обращенными в христианство, и хорошо знавшими на большом пространстве всю эту страну. Было решено идти в Аравию. Перейдя горы с гробницами патриархов, где погребены Авраам, Исаак, Иаков, их сын, правдолюбивый Иосиф, Сара и Ревекка, в расстоянии около 40 миль от Иерусалима, мы прибыли в долину, где на месте преступных городов Содома и Гоморры, разрушенных и поглощенных по справедливому приговору Господа, образовалось большое Асфальтовое озеро, или так называемое Мертвое море. Длина этого озера, начиная от соседних мест с Содомом и до Зооры в Аравии, простирается на 580 стадий, а ширина доходит до 150; воды его солоны до того, что ни чет-

вероногие, ни птицы не могут ее пить; я сам, *Фулькерий Шартрский*, убедился в том собственным опытом; сойдя с мула, я спустился к берегу озера, попробовал воду и нашел ее более горькой, чем ревень. Вот почему никакое существо не может жить в этом озере, даже рыба не держится в нем, почему его и называют *Мертвым*. Близ этого озера, или Мертвого моря, находится гора, также соленая, но не вся, а местами, где она тверда как камень и бела как снег; соль, из которой она сформирована, часто отрывается кусками и летит сверху вниз. Я полагаю, что это озеро сделалось соленым от двух причин: оно поглощает в себя беспрерывно горную соль, омывая ту гору непосредственно своими водами, и кроме того в него стекает дождевая вода, которая скатывается с горы. Возможно также и то, что, при необыкновенной глубине озера море подземными путями вливает в него свою воду. Замечательно также и то, что опуститься на дно и утонуть, даже с намерением, в этом озере весьма трудно. Мы объехали северный берег и нашли там небольшой городок Сегор в приятном местоположении и весьма богатый тем родом пальмы, которая дает сладкий плод, служивший нам пищей, и мы не могли достать ничего другого. При первом слухе о нашем приближении арабы, населявшие страну, обратились все в бегство, за исключением нескольких оборванцев, черных как мыло, и которых мы оставили в покое, как никуда не годную морскую траву. В этом же месте я видел на многих деревьях нечто вроде плода; разбив его кору, я не нашел внутри ничего, кроме черной пыли. Оттуда мы вступили в гористую местность Аравии и провели ночь в пещерах, которыми она богата. На следующее утро, когда мы переходили горы, нам встретилось много хижин, но в них не было никаких съестных припасов, а жители их, услышав о нашем появлении, бежали и спрятались вместе со всем имуществом в подземелья. Не имея никакой выгоды оставаться в том месте, мы направились в другую сторону, следуя постоянно за путеводителями, которые предшествовали нам. Перед нами открылась долина, богатая всякого рода плодами, та



Печать Папы Евгения III (1145–1153 гг.)

самая, где Моисей, просвещенный Богом, ударил два раза своим посохом по скале, и тотчас, как сказано о том в Св. Писании, излился из нее ручей живой воды в количестве, достаточном, чтобы напоить весь народ израилев и его стадо. Этот ключ бьет и теперь с тем же изобилием и образует небольшой поток, но весьма быстрый, так что он приводит в движение мукомольные мельницы. Я сам, *Фулькерий Шартрский*, напоил там своих лошадей. На вершине горы стоял монастырь, известный под именем монастыря св. Аарона и построенный на том самом месте, где Моисей и Аарон беседовали обыкновенно с Богом. Для нас было большой радостью видеть это святое место, бывшее нам неизвестным до тех пор. Так как за этой долиной страна была необработанна и пустынна до самого Вавилона (Каира), то и мы не решились идти дальше. Эта долина, сказать правду, изобиловала произведениями всякого рода; но во время нашего пребывания в ее хижинах жители их, унеся с собой имущество и уведя скот, разбежались и скрылись в самых отдаленных убежищах и в углублениях между скалами, защищаясь отважно всякий раз, когда мы пытались приблизиться к ним. Отдохнув три дня и подкрепив пищей себя и животных, мы навьючили их всякого рода провизией, и во втором часу дня (то есть по восходе солнца), в хорошую погоду, по данному знаку королевской трубой, двинулись в обратный путь. Пройдя мимо упомянутого моря и гробниц патриархов, о которых говорилось выше, мы оставили за собой Вифлеем и место погре-


Монета Конрада III (1138–1152 гг.)

бения Рахили и благополучно прибыли в Иерусалим в самый день зимнего равноденствия. Вслед за тем были сделаны должные приготовления к коронованию Балдуина. В то же время патриарх Даимберт примирился с Балдуином и некоторыми из каноников своей церкви.

XXIV. В день Рождества Господня в 1101 г. Балдуин был торжественно помазан и венчан королем в церкви блаженной Марии в Вифлееме руками того же самого патриарха в присутствии епископов, духовенства и народа. Готфрид, брат и предшественник Балдуина, не делал того, потому что некоторые выражали свое неодобрение, и он сам не желал. Но, обдумав более зрело этот вопрос, все согласились, что коронование необходимо для Балдуина. Именно, говорили: «Какой смысл имеет то возражение, что Христос, наш Господь, как самый последний преступник, был увенчан тернием руками вероломных евреев, и перенес между прочими и это оскорбление в своем милосердии, ради нашего спасения? В глазах евреев терновый венец, конечно, не был почетным отличием и знаком царственной власти, а скорее бесчестием и позором; только милостью Божьей нанесенное этими палачами оскорбление Господу обратилось к нашей славе и нашему спасению. То же нужно сказать и о короле: он делается королем по воле Всевышнего; по правильном избрании его нужно посвятить и благословить. Тот, кто облекается в звание короля и получает золотую корону, налагает на себя почетное бремя, осуждающее его творить правду, которой требуют от него. Если Бог поручает ему свой народ, то с тем, чтобы он заботился о нем и ограждал его от врагов. Конечно, о короле можно хорошо сказать то же, что в Писании (I к Тимоф. III, 1) сказано всем епископам о их звании: «Если кто епископства желает, *доброго дела* желает». И если король правит не как следует, то он не король.

В начале своего управления Балдуин, владевший только несколькими городами с населением малочисленным, могущественно защищал, даже и зимой, свое государство от нападения неприятелей, окружавших его со всех сторон. Сарацины, зная его как воина испытанной храбрости, не осмеливались нападать на него, хотя его армия была весьма слаба. Если бы у него было больше силы, то он охотно выступил бы против неприятеля. В то время дорога в Палестину сухим путем (то есть через Венгрию и Грецию) была невозможна для странников; но морем как франки, так итальянцы или венецианцы, успевали пробиваться через неприятельских пиратов и проходили под стенами городов неверных с одним, двумя, даже тремя, четырьмя кораблями, и если Бог помогал, то они, хотя и с величайшим страхом, достигали Иоппе, единственной гавани, принадлежавшей нам. Узнавая о их прибытии из западных стран, мы немедленно и с радостным сердцем шли им навстречу и приветствовали друг друга; мы принимали их на самом морском берегу, как братьев, и каждый из нас ждал вестей с родины о домашних; они рассказывали нам все, что знали, и, сообразно с тем, мы или радовались благополучию, или сетовали о несчастье дорогих нашему сердцу. Новоприбывшие отправлялись в Иерусалим и посещали св. места; некоторые из них утверждались в Св. земле, другие же возвращались домой и даже во Францию. Вследствие того Иерусалим оставался всегда без населения и не имел довольно сил защищаться от сарацин, если они осмеливались нападать. Но почему они не осмеливались? Каким образом такое множество народов и могущественных государств опасалось обрушиться на наше бедное государство и на наш малочисленный народ? Почему в Египте, Персии, Месопотамии и Сирии не соединятся несколько сот из их сотен тысяч, чтобы идти на нас, их врагов? Отчего эти люди, многочисленные, как саранча, пожирающая жатвы полей, не явятся поглотить

нас и истребить до конца, так, чтобы больше не было и речи о христианах в той стране, которая некогда принадлежала им? Действительно, у нас в то время было не более 300 рыцарей и столько же пеших людей для охраны Иерусалима, Иоппе, Рамлы и замка Каифы. Мы едва осмеливались по временам собирать и это войско вместе, чтобы устроить засаду врагу, опасаясь оставить на это время беззащитными те города. Для всякого очевидно, что только одним чудом мы, окруженные тысячами тысяч врагов, могли властвовать над ними, брать с них дань и разорять их грабежом и убийством. Откуда же в нас эта сила, откуда мы почерпаем свою мощь? Нам дал все это тот, кому имя – Всемогущий. Не забывая своего народа, преодолевшего все затруднения для славы его имени и возложившего все упование на него, Он служил ему опорой в годину бедствий. Это Бог, утешавший свой народ временной наградой за его труды и обещавший ему в будущем вечную славу. О, такое время достойно жить в нашей памяти! Часто мы приходили в отчаяние, видя, что из западных стран не являются к нам ни родственники, ни друзья; мы трепетали при мысли, что наши враги, заметив нашу малочисленность, нападут на нас неожиданно, когда только один Бог будет в состоянии подать нам помощь. Впрочем, мы ни в чем не имели бы недостатка, если бы у нас были люди и лошади; но именно по этой причине мы не решались предпринимать никакого похода; если мы иногда и выезжали, то на небольшие расстояния, к Аскалону и Арсуту. Прибывавшие в Иерусалим морем не могли никаким образом брать с собой лошадей, а сухим путем никто не приходил к нам. Антиохийцы не могли нам помочь, и мы со своей стороны не были в состоянии помогать им.

Следует отступление о том, как Танкред передал Каифу и Тивериаду Балдуину, будучи сам призван править Антиохией по случаю плена ее князя Боэмунда.

В это время в Лаодикее провел всю зиму флот итальянцев и генуэзцев, состоявший из шпорных кораблей. Когда эти люди увидели, что весна обещает благоприятное плавание, они пустились в море и при попутном ветре приплыли к Иоппе; король встретил их прибытие с радостью. Так как приближалось время Пасхи, то они не хотели оставаться в этом городе и, вытащив корабли на берег, отправились с Балдуином в Иерусалим. Все мы находились тогда в большом горе, ибо огонь, который обыкновенно сходит с неба в св. субботу на Гроб Господень, нынешний раз не являлся. Относительно этого события ходит много рассказов, но их следует приводить с осторожностью[1].

Так как Бог допускает ежегодно, чтобы накануне Пасхи сходил огонь с неба на Гроб Спасителя и зажигал висящие над ним лампады, то обыкновенно в этот день все находящиеся в монастыре проводят канун Пасхи в молитве и песнопении, ожидая благоговейно, когда небесный огонь будет ниспослан Всевышним. В этом году (1101) и в этот день (то есть в субботу), когда весь храм наполнился народом, патриарх приказал каноникам начать дневную службу около третьего часа дня. Чтение производилось поочередно: сначала читал латин по-латыни, а потом грек по-гречески, повторяя с возвышения то, что читал латин. Вдруг в то время, когда каноники служили таким образом службу, незадолго до девятого часа, один из греков, по древнему обычаю, громогласно запел, в одном из углов монастыря: «Господи, помилуй!» Все присутствовавшие повторили то же самое и тем же голосом; я, *Фулькерий*, не слыхавший никогда подобного пения, и многие другие, для которых все то было также новостью, обратив глаза к небу, поднялись с земли с трепетным ожиданием в сердце. Полагая, что небесный огонь уже зажег лампады в храме, мы смотрели по сторонам, вверх и вниз, с большим умилением души, но не заметили никакого огня, который бы показался. Между тем грек в третий раз запел громко: «Господи, помилуй»; все отвечали ему с ужасными криками, повторяя те же слова; потом и он, и другие смолкли, и каноники возобновили прерванную службу. Мы

[1] См. рассказ о том же чуде у русского пилигрима, современного нашему автору, ниже.

продолжали все ждать появления священного огня, который показывается обыкновенно около девятого часа. Немного спустя «Господи, помилуй» повторилось тем же способом, как и в первый раз, и все мы, увлеченные этим голосом, отвечали громко теми же словами. Желая от всей души появления огня и не видя того, мы умолкли, а каноники продолжали чтение. Прошел и девятый час; в третий раз пропели: «Господи, помилуй»; тогда патриарх, взяв ключи от Гроба Господня, открыл дверь и вошел; не найдя огня, которого они так ожидали, он распростерся в слезах перед Гробом и уничиженно просил Всемогущего, чтобы Господь Иисус Христос удостоил свой народ небесного огня, который сходил обыкновенно в его присутствии. А мы, крича изо всех сил «Господи, помилуй», молили Бога, в ожидании, что патриарх выйдет из пещеры и покажет нам свет, ниспосланный Богом и найденный им, как мы льстили себя, в св. Гробе. Но после долгой и слезной молитвы, не получив желаемого, он вышел, стал перед нами с печальным лицом и объявил, что не нашел небесного огня.

Следует длинное описание народного отчаяния, новых пений, процессий, несмотря на которые огонь не появлялся ни в субботу, ни в ночь на воскресенье. Рано утром, в самый день Пасхи, совершена была снова процессия к главному храму и от него обратно к храму Гроба.

Когда наши, окончив моление в храме Господа, возвращались к храму св. Гроба, прежде чем они переступили двери, к патриарху явились с известием, что желаемый огонь снизошел с неба, что одна из лампад над гробницей загорелась и что стоявшие ближе к тому месту заметили огонь сквозь окно. Едва патриарх услышал эту новость, как радостно ускорил шаги, открыл ключом, который был у него в руках, дверь божественной гробницы и увидел на одной из ламп огонь. Придя в восторг и возблагодарив Бога, он распростерся смиренно у св. Гроба; потом, зажгя у лампады свечку, он вошел в церковь и показал всем священный огонь. При виде этого мы, присутствующие, запели со слезами: «Господи, помилуй»; проникнутые радостью, мы испытали тем больший восторг, чем сильнее было прежде наше горе. В ту минуту крики торжества и славословия раздавались по всему св. городу. Трубы звучали, и народ рукоплескал; духовенство, ликуя, воспевало псалмы; и сладкое пение их сливалось со звуками припевов после каждого стиха. У всякого была свеча, заготовленная вперед для небесного огня; на расстоянии мили виднелись тысячи свеч, зажженных в церкви у самого св. огня, который передавался от одних другим. «Сей день,– говорили мы,– его же сотворил Господь; возрадуемся и возвеселимся сегодня» (Пс., 117, 24). И действительно, в этот день Пасха, этот праздник праздников, был так блестящ, что я не могу того выразить. Обедня в св. воскресенье была отправлена с подобающим торжеством; по окончании ее король Балдуин, который по королевскому обычаю присутствовал в церемонии с короной на голове, восседал на великолепном пиршестве в храме Соломона. Едва кончился обед, как пришли дать знать Балдуину и всем нам, находившимся при нем, что священный огонь, появившись снова, чудесным образом возжег две другие лампады, висевшие над сводом церкви св. Гроба. При этом известии мы снова воздали хвалу Богу и под влиянием восторга бросились посмотреть на это чудо. Король и другие следовали за нами; мы вошли в церковь, смотрим на огонь, о котором сказали нам и который горел в лампадах, и видим, что народ толпится около каждой из них с зажженными свечами или приготовленными к тому, восхваляя при этом Бога и выражая свой восторг. Один показывал соседу на чудо и говорил: «Смотри лампада начинает зажигаться». Другой отвечал: «Вот, другая уже загорелась; я лучше от нее зажгу свечу, а ты – зажигай там». Третий прибавлял: «Останемся возле этой лампады и подождем, когда огонь загорится; разве вы не видите, что другие лампады уже теплятся? Посмотрите, дым начинает образовывать облако, а вот показывается и пламя». Таким-то образом, клянусь, Господь исполнил свой народ радости, и воспоминание об этом преславном чуде, повторяющемся беспрестанно, сделает тот день знаменитым и приснопамятным из века в век.

В последующих главах, от XXV до LXXXII, автор отмечает различные происшествия, важные и второстепенные, случившиеся в царствование Балдуина I и его преемника, Балдуина II, до 1127 г., под которым он успел только заметить одно событие, а именно, что в Палестине развилось такое множество крыс, что они напали на быка и пожрали его вместе с семью баранами. Этим и оканчивается летопись.

Gesta peregrinantium Francorum cum armis Hierusalem pergentium. Гл. XXII–XXIV.

Даниил

ИЗ ЗАПИСОК РУССКОГО ПИЛИГРИМА О СВЯТЫХ МЕСТАХ В ПРАВЛЕНИЕ БАЛДУИНА I (около 1112 г.)

Предисловие

Я, недостойный игумен *Даниил*, из Русской земли, худший между всеми монахами, уничиженный множеством грехов и неведением за собой доброго дела, понуждаемый мыслью своей и нетерпением своим, захотел увидеть св. город Иерусалим и землю, обетованную Богом Аврааму. Охраняемый волей Божьей, я дошел до св. города Иерусалима и видел всю Галилейскую землю и святые места, и все их обошел, где Христос Бог ходил своими ногами и преславно показал много чудес своим св. апостолам и ученикам. Все это я видел своими грешными очами, и Бог попустил мне видеть все это, чего я давно желал, мучимый своей мыслью. Но, братия и отцы, начальники мои, простите меня и не осудите за мое скудоумие и грубость, с которой я писал о Иерусалиме и о святом пути в него; кто ходит этим путем со страхом и смирением, тот никогда не минует милости Божией. Но я ходил этим святым путем не как следует, предавался слабостям и лености, пил и ел и неблагоразумно вел себя; но надеюсь на милость Божию и на вашу молитву, и на то, что Христос простит мне мои многочисленные грехи.

Я описал этот путь и те святые места, не возносясь и не величаясь своим стран-

---

ДАНИИЛ (DANIEL). Конец XI–XII в. Игумен Даниил был современником нашего Нестора и писал свой «Паломник», как видно из его слов, в правление Святополка Изяславича, то есть между 1093 и 1113 гг. Сравнение, сделанное им, р. Иордана с р. Сновью, дает повод думать, что он был уроженец Черниговской губернии: «Всем есть подобен Иердан реце Сновьстей, в шире и в глубле, лукаво же вельми и быстро тече; болония (заводья) же имать якоже и Сновь река; глубле же есть четырей сажен среди самой купели, якоже сам собой искусих и измерих и побродих на одну страну Иердана, и много походих по берегу тому Иерданову любовью; вшире же Иердан река якоже на устьи Сновь (впадает в Десну) река есть».

Его путевые записки, которые он начинает прямо с Константинополя, составляют почти единственный литературный памятник, из которого можно видеть отношение нашего общества в начале XII в. к Палестине. Игумен Даниил посетил Палестину в лучшую эпоху существования Иерусалимского королевства, а именно, в правление Балдуина I, брата Готфрида Бульонского (1110–1118 гг.); как видно из его слов, он был лично известен королю; но автор, поглощенный своей религиозной целью, совершенно умалчивает о латинах, даже не выражает ни малейшего изумления по поводу недавнего основания нового государства в Палестине: как будто Иерусалимское королевство существовало издревле и было фактом, к которому давно уже все привыкли.

До сих пор существует манускрипт «Паломника» не ранее XV в. Последнее издание сделано А. С. Норовым (СПб., 1864) с переводом текста на французский язык с предисловием и научными замечаниями издателя к переводу.

ствованием; я ничего доброго не совершил на этом пути и описывал его из одной любви к святым местам, которые Бог показал мне недостойному, боясь осуждения того ленивого раба, который скрыл талант своего господина и не сделал ему прибыли. Сверх того, я писал, имея в виду верующих, чтобы они, услышав рассказ о святых местах, переносились в них душой и мыслью и получили бы одинаковое воздаяние с теми, которые ходили сами ко святым местам. Многие, оставаясь дома, в своей стране, но, будучи хорошими людьми, милостыней и добрыми делами достигают тех святых мест и получают большую награду от Бога; зато многие, несмотря на то, что сами ходили к святым местам и видели св. город Иерусалим, и возгордились умом, как будто они сделали что-нибудь доброе, теряют награду за свой труд; к числу последних я принадлежу первым. Есть много и таких, которые, дойдя до Иерусалима, возвращаются назад, видев не много доброго, и торопятся уйти; а эту дорогу не следует делать второпях, но потихоньку и со тщанием, чтобы рассмотреть все те святые места в самом городе Иерусалиме и вне его.

Я, недостойный игумен Даниил, придя в Иерусалим, оставался 16 месяцев в лавре св. Саввы и оттуда ходил по всем святым местам и все хорошо видел; а хорошо видеть и рассмотреть нельзя без вожатая и без языка. Потому я всем подавал из того, что у меня было под рукой в моих скудных средствах, чтобы они меня водили по св. местам в городе и вне его, и все показали порядком; так то и случилось. И привел Бог мне встретить в лавре св. Саввы мужа святого, престарелого и весьма книжного, и вложил Бог тому святому мужу в сердце полюбить меня, недостойного, и он указал мне все святые места, какие находятся в Иерусалиме, и поводил меня по всей земле – и до Тивериадского моря, и до Фавора, и до Назарета, и до Хеврона, и до Иордана, и до Вифлеема; по всем этим местам он поводил меня и трудился со мной любви ради; я видел много и других святых мест, как о том расскажу ниже.

О *пути в Иерусалим*. Вот как идут в Иерусалим. От Царяграда (Константинополя) по узкому морю 300 верст пути до великого моря; до острова Петалы (ныне Кутала, при входе в Дарданеллы) 100 верст; это первый остров на узком море (Мраморном); там хорошая гавань; близ этого острова находится великий город Ираклей (ныне Эраклиста), и против него из глубины морской выходит святое миро; на этом месте мучитель потопил св. мучеников. А от острова Петалы до Каллиполя 100 верст; а от Каллиполя 50 верст до города Авида (ныне Абидос); и против него лежит св. Евфимий новый. А оттуда до Крити 20 верст, где выходят в великое море (Средиземное): налево, в Иерусалим, а направо, к св. Горе (Афону), Солуню (Фессалоника) и к Риму. От Крити до острова Тенеда (Тенедос) 30 верст; это первый остров на великом море, и там лежит христов мученик Анеподим; против этого острова стоял великий город Троада (Троя); туда приходил св. апостол Павел, научил страну вере в Христа и крестил их. От о. Тенеда до о. Металина (Митилене) 100 верст: там лежит св. Георгий, Металинский митрополит: оттуда до о. Хиа (Хиос) 100 верст, и там лежит св. мученик Сидор (Исидор); на этом острове добывается мастика, добрые вина и всякие овощи. От острова Хиа до города Ефеса 60 верст; там гроб св. Иоанна Богослова; в гробу его собирается святая персть, в воспоминание его, и эту персть берут для исцеления от всякой болезни; тут лежит и свита (туника) Иоанна, в которой он ходил. Тут же находится пещера семи отроков, где лежат тела их, как они спали 372 года; при царе Декие (император Деций) и при царе Феодосии они снова явились. В той же пещере лежат 300 св. отцов, гроб Марии Магдалины, тут же и голова ее; святой же Тимофей, ученик св. апостола Павла, лежит в старом городе. Тут же, в древней церкви, икона св. Богородицы; этой иконой св. отцы усовещевали еретика Нестора. Тут же пруд Диоскоридов, где работал Иоанн Богослов со своим учеником Прохором, у Романиды; я видел и ту пристань, где море выкинуло Иоанна Богослова. Мы простояли там 3 дня, а зовется та пристань муроморяной (тихое море). Город Ефес лежит на материке, в 4 верстах от морского берега, в горах,

и изобилует всем; там мы поклонялись гробу того святого. Хранимые благодатью Божьей и молитвами св. Иоанна Богослова, мы отошли с радостью. От Эфеса до о. Сама (Самос) 40 верст, и у этого острова много рыбы, и он изобилует всем. От о. Сама до о. Кария (Никария) 20 верст, а от о. Кария до Патма (Патмос) верст 60; о. Патм лежит далеко в стороне, в открытом море; на этом острове Иоанн Богослов написал Евангелие и был там заточен с учеником своим Прохором. Далее о. Лерос, о. Калипинос (Калиминос), о. Нисера, о. Кос, весьма большой, всем богатый, и людьми, и скотом; также о. Тилос: на этом острове есть ров, который кипит горячей серой, и ту серу, выварив, продают купцам; при ее помощи мы добываем огонь; далее остров Харкия (Харки). Все эти острова весьма обильны и людьми, и скотом, и отстоят друг от друга около 10 верст. Далее о. Род (Родос), весьма большой и богатый; на этом острове пребывал русский князь Олег, 2 лета и 2 зимы (в 1079 г.). А от о. Рода до о. Сама 200 верст, а от о. Сама до города Макрия (на берегу Ликии) 60 верст.

По поводу города Макрия автор делает отступление, рассказывая о добывании в том месте тимьяна, гонфита, благовонной мази; далее исчисляет города по берегу Ликии, мимо которых он плыл до мыса Хелидония, откуда поворачивали к о. Кипр; описав Кипр в отношении его святынь и растительности, он заканчивает свой маршрут:

От о. Кипра до города Яффы 400 верст, все по морю, а всего пути по морю 800 верст от Царьграда до о. Рода; и от о. Рода до города Яффы 800 верст: всего же пути по морю от Царьграда до города Яффы 1600 верст. Яффа же стоит на морском берегу, близ Иерусалима. А оттуда сухим путем до Иерусалима 30 верст, а до церкви св. Георгия (в Рамле) 10 верст.

Окончив маршрут от Царьграда до Иерусалима, автор приступает к описанию Иерусалима, городских церквей; особенно подробно останавливается на Гробе Господнем; потом переходит к окрестным св. местам, говорит о Иордане и его долине, Вифлееме, Хевроне, пути в Галилею, Самарии, Тивериаде, озере Геннисаретском, Ливане, Фаворе, Назарете и заканчивает Каной Галилейской. После такого географического обзора Палестины, прерываемого иногда соответствующими воспоминаниями из Евангелия, автор заносит в свое сказание одно событие, которое доставило ему случай иметь разговор с королем Иерусалимским Балдуином I, а именно, нисхождение небесного огня на лампады, висевшие у Гроба Господня (ср. рассказ о том же Фулькерия Шартрского, выше).

О святом свете, как он сходит с неба ко Гробу Господню. И вот, что Бог дозволил видеть мне, своему худому и недостойному рабу, иноку Даниилу. Я видел своими грешными глазами на деле, как сходит святой свет к животворящему Гробу Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Многие другие странники несправедливо рассказывают о схождении святого света: одни говорят, что Дух Святой, в виде голубя, слетает ко Гробу Господню; другие рассказывают, что является молния и зажигает кадила над Гробом Господним; все это ложь, ибо в то время ничего не видать, ни голубя, ни молнии, но благодать Божья сходит невидимо и зажигает кадила над Гробом Господним. Расскажу о том, как сам видел, по истине. В великую пятницу, после вечерни, отпирают Гроб Господень и моют кадила, висящие над Гробом Господним, и наливают те кадила одним чистым деревянным маслом, без воды, и влагают светильни, и не зажигают этих светилен, но оставляют их не зажженными, и во 2-м часу ночи (то есть в восьмом вечера) запечатывают Гроб Господень. После того тушат все кадила не только там, но и во всех иерусалимских церквах. Тогда же и я, человек ничтожный, в ту же великую пятницу, в 1 час дня (в седьмом часу утра), отправился к князю Балдвину (Балдуину I, королю Иерусалима) и поклонился ему до земли; он же, видя мой поклон, подозвал меня к себе с любовью и сказал мне: «Чего хочешь, русский игумен?» Он меня знал хорошо и весьма любил, будучи мужем добрым, смиренным, без всякой гордости. Я же ему отвечал: «Господине княже, молюся тебе, Бога ради и князей делмя Руских, хотел бы и аз поставити кандило свое над Гробом Господним за вся князя наша и за всю Рускую землю, за все христиане Рускыя земля». И тогда же князь повелел мне поставить свое кадило и с радостью послал со мной лучшего из своих му-

жей к эконому церкви св. Воскресения и к тому, который заведует Гробом Господним. Оба они, и эконом, и ключарь Гроба Господня, повелели мне принести кадило мое с маслом; я же поклонился им с радостью великой и пошел на рынок, купил большое стеклянное кадило, налил чистого деревянного масла без воды и принес к Гробу Господню, когда наступил уже вечер. Я просил того ключаря, а он был один, и постучался к нему. Он отворил двери Гроба Господня, повелел мне снять обувь (калиги) и ввел меня босым в Гроб Господень с кадилом, которое я нес своими грешными руками, и приказал мне поставить кадило на Гробе Господнем, и я поставил своими грешными руками в ногах, где лежали пречистые ноги Господа нашего Иисуса Христа; в голове же стояло греческое кадило, на месте груди было поставлено кадило св. Саввы и всех монастырей; таков обычай: всякий год ставят греческое кадило и св. Саввы. По Божеской благодати, те три нижние кадила возжглись, а франкские (фряжское) кадила повешены сверху, и от тех кадил ни одно не загорелось на тот раз, и загорелись только те три одни. Я поставил свое кадило на св. Гроб Господа нашего Иисуса Христа и поклонился честному Гробу Господню, и облобызал с любовью и со слезами место то святое и честное, где лежало пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа; вышел из Гроба того святого с радостью великой и отправился в свою келью. Утром в великую субботу, в шестом часу дня (около полудня) бесчисленное множество людей собирается перед церковью Воскресения Христова; приходят люди из всех земель: странники и туземцы из Вавилона, Египта, Антиохии, и со всех сторон стекаются люди несказанно много, и наполняются все те места около церкви и около Распятия Господня; теснота в церкви и около церкви великая; многие задыхаются от этой тесноты; и все эти люди стоят с незажженными свечами и ждут открытия церковных дверей. Внутри же церкви попы ожидают с народом, когда придет князь Балдвин со своей дружиной, и тогда отворятся церковные двери, и тогда войдут все люди в церковь с великой теснотой, наполнят ту церковь и ее пристройки, и будет всюду полно в церкви, и около Голгофы, и на месте распятия и даже там, где находился Крест Господень; все будет полно народом, и ничего другого не говорят, как неослабно и сильно взывают и вопиют: «Господи, помилуй!» Так что от вопля людей дрожали окрестности; верующие проливали потоки слез; если у кого было и каменное сердце, то и тот мог прослезиться: ибо всякий человек в такую минуту одумывался и вспоминал грехи свои и говорил про себя: «Быть может, Дух Святой не сойдет ради моих грехов!» Так стоят все верующие со слезами и с сокрушенным сердцем; и сам князь Балдвин стоит со страхом и великим смирением, проливая потоки слез из очей своих; также стоит и дружина около него у Гроба, близ великого алтаря. Был седьмой час субботы, и князь Балдвин отправился из своего дома к Гробу Господню и с дружиной своей, и все босые и пешие идут с ним. И послал князь в монастырскую церковь св. Саввы, и позвал игумена с его черноризцами; и пошел игумен с братией к Гробу Господню, и я, недостойный, шел тут же с тем игуменом и с братией, и пришли мы к тому князю, и поклонились ему все. Тогда и он поклонился игумену св. Саввы. И повелел князь игумену св. Саввы и мне, недостойному идти вместе с ними около себя, а другим повелел идти перед собой, а дружине повелел следовать сзади. И пришли мы в церковь Воскресения Христова к западным дверям, и множество людей заступило церковные двери, и мы не могли войти в церковь. Тогда князь Балдвин повелел своим воинам разогнать людей силой; и проложили сквозь людей дорогу, как улицу, до Гроба Господня, и мы могли таким образом пройти. И пришли мы к восточным дверям Гроба Господня, а князь пришел после нас и стал на своем месте с правой стороны у ограды великого алтаря против восточных дверей Гроба: ибо там устроено высокое место для князя; игумену же св. Саввы он повелел стать над Гробом со всеми чернецами и с правоверными попами; мне же, недостойному, повелел стать высоко над самыми дверьми Гроба против великого алтаря, так что я видел двери Гроба; двери же Гроба все три замкнуты и запечатаны царской печатью. Латинские же попы стояли в главном алтаре. И был восьмой час

Средневековая битва

дня; правоверные попы начали петь вечерню над Гробом, и все духовные черноризцы и пустынники собрались во множестве; а латинские попы в главном алтаре начали взывать по-своему (верещати) и также пели. Я же стоял тут и внимательно смотрел на двери Гроба. И когда началось чтение Апостола в честь великой субботы, вышел епископ с дьяконом своим из главного алтаря и подошел к дверям Гроба, и посмотрел на Гроб Господень сквозь решетку дверей тех, не увидел света над Гробом и возвратился опять в алтарь. Когда началось чтение Апостола в шестой раз, тот же епископ с дьяконом подошел снова к дверям Гроба и ничего не увидел над Гробом Господним; тогда весь народ возопил со слезами: «Кир элейсон» (Господи, помилуй). Когда прошел девятый час дня, и начали петь песнь перехода через Черное море: «Господеви поем», и тогда внезапно нашла туча небольшая с востока и остановилась над непокрытым верхом церкви и пролила дождь на Гроб святой, и нас, стоящих над Гробом Господним, смочила порядком; и тогда Гроб Господень внезапно облился светом святым, и из Гроба святого взошло страшное и светлое сияние. И подошел епископ с четырьмя дьяконами, отворил двери у Гроба Господня и взял свечу у князя, и вошел епископ в Гроб Господень и зажег ту первую свечу от света того святого, и вынес из Гроба ту свечу, и подал ее самому князю в руки; и стал князь на месте своем, держа ту свечу с великой радостью; и от той свечи мы зажгли все свои свечи, а от наших свечей зажгли свечи свои другие. Святой же свет не таков, как огонь земной, но светится иначе и весьма хорошо, а пламень его красноватый. И так стоят все люди с зажженными свечами и вопиют все непрестанно с радостью великой и весельем, увидев свет святый Божий. Кто не видал такой радости в тот день, тот не поверит сказанному о всем мной виденном; но верующие и добрые люди вполне уверуют и всласть послушают мое сказание об этой святыне и об этих святых местах: ибо верный в малом и во многом верен, а дурному человеку и истина покажется кривой. Мне же, недостойному, служит свидетелем Бог и святой Гроб Господень, и все мои спутники, сыны русские, и случившиеся тогда новородцы и киевляне Седеслав Иванко-

вич, Горослав Михайлович, два Кашкича и многие иные, которые расскажут обо мне и о моем сказании. Но возвратимся к вышеупомянутому. И когда свет засиял в Гробе Господнем, тогда остановилось пение и все возопили: «Кир элейсон», потом вышли из церкви с великой радостью и с горящими свечами, защищая каждый свою свечку от ветра, и пошли по домам своим, и от того света святого зажгли свечи в церквах своих, и в церквах своих кончили пение; в великой же церкви у Гроба Господня сами попы без народа окончили вечернее пение. Тогда и мы с игуменом и с братией пошли в свой монастырь, неся свои горящие свечи, и там кончили вечернее пение и разошлись по кельям своим, восхваляя Бога, сподобившего нас видеть ту благодать. Утром же в день Воскресения Христова, в неделю святой Пасхи, отпев заутреню, как подобает, и совершив целование с игуменом и с братией, мы получили отпущение; в первом часу дня (то есть в седьмом часу утра) взял игумен крест с братией, и мы пошли к Гробу Господню, воспевая кондад: «Аще и в Гроб сниде бессмертне», и вошли мы в Гроб животворящий и облобызали его с любовью и теплыми слезами, наслаждаясь благоуханием от пришествия Святого Духа, и дивясь тем кадилам, чудесно еще горящим; эти три кадила зажглись сами тогда, когда сошел свет святой, как нам то сказали эконом и ключарь Гроба Господня; кроме того, над Гробом Господним висело пять кадил, которые также горели, но свет их был тот, как у тех трех кадил, чудно и прекрасно светивших. И потом мы вышли из Гроба Господня восточными дверями и вошли в алтарь и сотворили целование с правоверными попами христианскими и сирийскими, оставили церковь и отправились в свой монастырь, где и опочили до литургии.

После трех дней и после литургии я пошел к ключарю Гроба Господня и сказал ему: «Хотел бы я взять свое кадило». Он же принял меня с любовью, ввел меня одного с собой в Гроб и, войдя в Гроб, я нашел свое кадило над Гробом Господним, еще горящим тем светом святым. И поклонился я Гробу тому святому и облобызал то место честное, где лежало пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа. Тогда же я смерил Гроб святой в длину, и в ширину, и в высоту: при других же никому не дозволяется мерять; и почтил я Гроб Господень как мог, по своим средствам, и потом ключарю подал безделицу и свое ничтожное благословение. Он же, видя любовь мою к Гробу Господню, отодвинул доску в головах святого Гроба и отломил небольшой кусок того святого камня для благословения и запретил мне с клятвой не говорить того никому в Иерусалиме. Я же поклонился Гробу Господню и ключарю, и взял кадило свое с маслом еще горящим, и вышел с великой радостью, разбогатев благодатью Божьей и неся в руке своей дар святого места и знамение святого Гроба Господня, и шел я, радуясь, как бы было обретено мной некое богатое сокровище, и шел я в келью свою с радостью великой.

После такого, почти единственного, отступления, в котором выходит на сцену лицо самого писателя, автор снова возвращается к описанию Палестины, говорит о Рамле и Эмаусе, отмечает число верст между приморскими городами Палестины и Финикии и в заключение своего сказания опять говорит о себе:

Ходил же я к святым местам в русское правление великого князя Святополка Изяславича (1093–1113 гг.), внука Ярослава Владимировича Киевского. Тому Бог свидетель и святой Гроб Господень. Во всех этих святых местах я не забывал имен князей русских, ни княгинь их, ни детей их, ни епископов, ни игуменов, ни бояр, ни своих духовных детей, ни всех христиан, никого никогда не забывал, но везде поминал в своих молитвах. За что и восхваляю преблагого Бога моего, который сподобил меня написать имена русских князей в лавре у св. Саввы, где они и ныне поминаются на октениях. А имена их: Михаил Святополк, Василий Владимир, Давид Святославич; Михаил Олег, Панкратий Ярослав Святославич; Андрей Мстислав Всеволодович, Феодор Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб Минский, Давид Всеславич; их помянул поименно и записал; кроме того, помянул всех русских князей, и бояр, и всех христиан Русской земли, и от-

служил литургии всего 90 за князей и за бояр, и за своих духовных детей, и за правоверных христиан, за живущих 50 и за умерших 40; служились же те литургии у Гроба Господня и во всех святых местах.

Да будет над всеми читающими сие сказание благословение от Бога, от святого Гроба и от всех тех святых мест; да получат они воздаяние, равное с теми, которые сами ходили к св. граду Иерусалиму и видели те святые места. Блаженны видевшие и уверовавшие, трикраты блаженны не видевшие и уверовавшие. Ибо и Авраам верой достиг Обетованной земли. Поистине, вера равна добрым делам. Но, Бога ради, отцы и братия, начальники мои, не осудите мое скудоумие и невежество мое! Да не будет мне, недостойному, в осуждение это сказание; ради Господа и святых его мест, простите меня с любовью, да получите равное воздаяние от Бога Спаса Господа нашего Иисуса Христа, да пребудет с вами Бог мира во вся веки! Аминь.

Паломник Данила мниха. Сказание о пути, иже есть к Иерусалиму и т. д.

Ордерик Виталий

ПЛЕН БОЭМУНДА, КНЯЗЯ АНТИОХИИ. 1101 г. (в 1142 г.)

Десятая книга[1]

В начале десятой книги своей «Церковной истории» наш автор долгое время останавливается на истории Англии и Нормандии в эпоху Первого крестового похода и только во второй половине книги снова берется за оставленную им в девятой книге историю Иерусалимского королевства на Аскалонской битве 12 августа 1099 г. В десятой книге автор ограничивается кратковременным правлением Готфрида и первыми годами царствования его брата, Балдуина I. Следуя прежнему методу, он просто сокращает труды известных нам писателей этого времени; но, дойдя до рассказа о плене Боэмунда Антиохийского, которым он был постигнут в самом начале правления Балдуина I, автор черпает свой рассказ или из не дошедших до нас источников, или прямо из повествования самого Боэмунда, который, как известно, по освобождении из плена вынужден был бежать из Палестины во Францию, где он рассказывал сам свои похождения на Востоке; его рассказы могли дойти до нашего автора и были им занесены в летопись. Другие историки Крестовых походов ограничиваются только мимоходным упоминанием о плене Боэмунда.

Около этого времени (то есть в 1101 г., вскоре после смерти Готфрида и вступления на престол его брата, Балдуина Эдесского) христиане Сирии претерпели и другие бедствия (автор только что перед этим рассказал поражение их при Рамле, в пер-

[1] Анализ и извлечение из предыдущих девяти книг см. выше.

ОРДЕРИК ВИТАЛИЙ (ORDERICUS VITALIS.1075–1142). Этот монах имел счастливую мысль, заканчивая свой обширный исторический труд, поместить краткую биографию собственной жизни, и тем самым сообщил нам главнейшие данные из своего поприща; в его же прологе объяснены обстоятельства, побудившие его взяться за исторический труд. В другом прологе к книге девятой автор специально указывает на свои источники, которыми он руководствовался при изложении Крестовых походов. К словам автора можно добавить только одно – что его отец Оделерий был собственно родом из Орлеана; вместе с Рожером Монгомери он принимал участие в завоевании Англии норманнами в 1066 г.; граф получил в Англии Шрюсбюри, а Оделерий женился и позже поступил в духовное звание. Остальное рассказывает сам автор. Всю свою жизнь Ордерик не покидал стен монастыря и предавался литературным занятиям, плодом которых было его сочинение «Historiae ecclesiasticae Libri XIII, in tres partes divisi», то есть «Тринадцать книг Церковной истории, разделенные на три части». Он продолжал этот труд почти до

вый год правления Балдуина). Знаменитый герцог (Тарентский) Марк Боэмунд (князь Антиохии) предпринял поход против турок. Далиман (султан в Месопотамии) неожиданно напал на него с многочисленной армией, убил множество христиан и взял в плен Боэмунда вместе с Ричардом из княжества и другими благородными витязями, которых он держал долгое время в цепях. Но Танкред, предводитель армии, узнав о несчастье Боэмунда, который был его сюзереном и родственником, был весьма огорчен известием о том; он не ограничился, как женщины, бесплодными слезами и пустыми воздыханиями; он собрал из всех соседних стран все дружины верных, заботливо укрепил Антиохию, бурги и окрестные замки, и пока герцог находился в оковах, достойно защищался против нападения врагов и даже блистательно расширил свои пределы. Едва лишь узнал (византийский) император Алексей, что Боэмунд попал в руки турок, как радостно отправил послов с великими подарками к Далиману: он убедительно просил его принять огромный выкуп за Боэмунда и предать герцога в его руки, за сто тысяч *филиппов*. Действовал же он так не с целью освободить пленного герцога и дать ему возможность явиться снова защитником христианства, но чтобы удержать его навсегда в своей власти, заковав в темнице: император был глубоко оскорблен тем, что Боэмунд лишил его Антиохии. Известно, что этот город считается метрополией Константинопольской империи; но турки отняли его силой у императора еще за 14 лет перед тем, как овладели им заальпийские христиане (то есть итальянцы) и умертвили Кассиана (турецкого начальника города). Алексей постоянно домогался своих прежних прав; но могущество норманнов ставило ему непреодолимые препятствия, и он не мог осуществить своих желаний. Сначала он прибегал к различным средствам и хитростям; но – и его просьбы, и деньги – все было тщетно в глазах христиан и язычников; попытки остались неудачными, и город попался в руки победителей, которые с необычайным мужеством победили агарян и, завоевав Антиохию, с Божьей помощью изумительно защищали ее. В заключение всего и Далиман отказал на требование императора и решился удержать навсегда в оковах Боэмунда, которого турки называли «маленьким богом христиан». В глазах султана Боэмунд не имел цены, и слава Богу!

Следует небольшое отступление об удалении из Антиохии греческого епископа, подозреваемого в сношении с Византией, и об избрании нового из латин; затем – ряд риторических возгласов по поводу плена Боэмунда и исторические воспоминания из Библии о плене различных лиц, которые были чудесно освобождены; последнее автор привел с целью приготовить читателя к развязке плена Боэмунда.

У Далимана была дочь по имени Мелазия, весьма красивая, чрезвычайно умная и пользовавшаяся большим влиянием в доме отца; она имела значительные богатства и многочисленных рабов для личной прислуги. Эта княжна, слышав много о храбрости

последнего года своей жизни. Для второй половины XI в. и первых десятилетий XII в. сочинение Ордерика служит важнейшим источником и представляет нам самую полную картину феодальных нравов с удивительной наивностью и откровенностью. (Подробный анализ и извлечение из главной части труда Ордерика см. ниже.) Манускрипт, написанный рукой автора, сохранился до XIX в., но в XVIII столетии пострадал, и некоторые части его утрачены; в XVI в. успели, однако, снять с него несколько копий, которые находятся в Парижской библиотеке и которые послужили основой для печатных изданий.

Издания: в 1619 г. в первый раз *André Duchesne* поместил «Церковную историю» Ордерика в своем сборнике: Historiae Normannorum scriptores antiqui, (с. 319–925); новейшее издание находится у *Migne*. Patrologiae cursus completus etc. (Par., 1844–1857, т. 188). Переводы: франц. у *Гизо*. Collect. des mém., t. XXV–XXVIII (Par., 1827); англ. у Bogns antiquar. lybrari. Т. 27, 28, 30 и 36. Исследования у *Lappenberg.* Geschichte von England (II, с. 378–393) и в предисловии к переводу у *Гизо* в последнем томе.

франков, полюбила их пламенно и до того старалась снискать их дружбу, что, заплатив щедро стражам, сама нередко посещала темницу, рассуждала с пленниками о христианской вере и истинной религии и после таких бесед удалялась оттуда со вздохом. Она предпочитала сладость дружбы с ними всей нежности родственников и в изобилии доставляла несчастным все, что было им необходимо. Отец же Мелазии, занятый множеством дел, не знал ничего о происходившем или, может быть, не обращал на то внимания, вполне доверяя благоразумию своей любимой дочери.

По прошествии двух лет возгорелась междоусобная война между Далиманом и его братом. Действительно, Солиман, побуждаемый честолюбием, поднял оружие против Далимана и, соединив около себя большое войско, перешел пределы владений брата и вызвал его тем на войну. В свою очередь, Далиман, вследствие такого нападения, собрав своих людей отовсюду на помощь, и гордый числом своих прежних побед, жаждал кровопролития брани; когда наступил час борьбы, он отправился в поход со своими полками. Между тем Мелазия имела следующее тайное совещание с христианами и говорила им так: «Я издавна слышала от многих похвалы военному искусству франков и хотела бы видеть тому доказательство при той схватке, которая предстоит моему отцу, с тем, чтобы «Quod probat auditus, probet experientia visus»[1].

Боэмунд отвечал: «Счастливая и благородная дама, если благополучию вашего отечества будет угодно, чтобы нам было дозволено идти на поле битвы с нашим рыцарским вооружением, то, без сомнения, мы покажем ясно, с мечом и копьем в руках, какие удары наносятся руками франков, и представим доказательство того в вашем присутствии на ваших неприятелях».– «Но обещайте мне,– возразила княжна,– поклявшись христианской верой, что в настоящем случае вы будете действовать по моему распоряжению и не предпримете ничего против моей воли. Подтвердите это обещание клятвой, и я немедленно открою вам тайну своей души». Боэмунд клялся первым, и за ним последовали остальные. Тогда княжна, придя в восторг, объявила им: «Теперь я верю вам, потому что, как я думаю, вы честны и ни в каком случае не нарушите присяги. Спешите на помощь отцу, который уже готов вступить в битву, и употребите свою силу в его пользу. Если вы победите, и в чем да пособит вам Бог, то не преследуйте неприятеля в бегстве, возвратитесь скорее назад и не слагайте оружия, пока я не прикажу вам того. Между тем я прикажу всем стражам спуститься с башни к нижним воротам и оставаться со мной на дворе, как бы в ожидании вас. По вашем возвращении я предпишу им наложить по-прежнему на вас оковы: тогда вы бросьтесь на них, схватите их и заключите в темницу вместо себя. А я при этом убегу от вас, как от свирепых волков; вы же овладейте крепостью и удерживайте ее в своей власти, пока не успеете заключить выгодного мира с отцом. В крепости есть ворота, которыми вы можете спуститься при помощи каменной лестницы во дворец и захватить в свои руки все сокровища и внутренние комнаты моего отца. Но если в гневе он захочет меня наказать, то прошу вас, мои друзья, которых я люблю, как свое сердце, поспешите скорее ко мне на помощь».

Говоря так, она вооружила рыцарей и выпустила их на свободу. Предварительно же она обманула и подкупила стражей; известив их об этом деле, она сказала им, между прочим, следующее: «Я испытываю большой страх за моего отца, видя, что против него идет такая масса народов; как неустрашимый воин, он пренебрег помощью своих пленников; но знайте, что он дал мне власть вооружить христиан и выслать их на поле битвы для нашей защиты. Если они победят врага, честь и преимущества останутся за нами. Если же они падут под мечом противников, то и в этом случае нам нет беды в погибели этих чужеземцев, обычаи которых презираются всеми агарянами».

[1] «Что испытано слухом, пусть то подтвердится опытом зрения». Латинские стихи, вложенные в уста мусульманки, показывают ясно, что драматическая форма подробностей, по обычаю того времени, есть дело фантазии автора.

Печать Людовика VII (1137–1180 гг.)

Выслушав такие речи, стражи повиновались и хвалили мудрость княжны. Она приказала снять с них оковы, вывела их из темницы и в полном вооружении отправила на битву. В минуту их прибытия дело уже завязалось, и они бросились вперед с воинским криком норманнов: «Да поможет нам Бог!» От этого крика и натиска рыцарей войско Солимана поколебалось. Кроме того, в его войске находилось несколько христиан, которые, узнав знаменитого герцога Боэмунда, пришли в восторг, оставили Солимана и присоединились к своим братьям. У Солимана был молодой сын, гордый юноша, по имени Марцибан. Узнав о присутствии Боэмунда, он начал искать его на поле битвы, называя по имени, и желал вступить с ним в поединок. Наконец оба витязя сошлись в присутствии самого Далимана и начали осыпать друг друга тяжкими ударами; норманн опрокинул турка и отрубил ему голову. Когда Далиман закричал: «Пощадите, пощадите этого юношу: это – мой племянник!» – герой христианский, узнав то, затаил радость сердца под маской печали и отвечал с насмешливой улыбкой: «Простите мне, государь, то, что я сделал по неведению: я не знал, что он ваш племянник, и, приняв за врага, я лишил его жизни для вашего удовольствия».

После жестокой обоюдной сечи армия Солимана была истреблена, и весь день неприятель преследовал бегущих. Между тем христиане по договору возвратились назад и нашли у башни свою госпожу, которая ожидала их вместе с тюремной стражей. Увидя их, она сказала последней: «Франки, без сомнения, честный народ и хорошо держат данное слово. Идите им навстречу, отберите оружие и отведите в темницу, пока мой отец, возвратившись, не наградит достойно их мужество». Турки оставили княжну и намеревались исполнить ее приказание. Но франки окружили их, схватили и заключили в темницу; потом, заперев тщательно засовами ворота, без малейшего шума они овладели всей башней и, не проливая крови, достигли своей цели. На самом деле, город был пуст, потому что все войско ушло для сражения; в домах оставались дрожавшие от страха женщины и дети. В крепости находилось отделение, где сохранялись значительные сокровища, дорогие вещи и множество богатств. Эта башня соприкасалась с главным дворцом султана.

В следующую ночь Мелазия ввела христиан из крепости во дворец, показала им все комнаты и тайники и объяснила им, чту они должны делать по прибытии Далимана. На следующий день победитель явился вместе со своими сатрапами, предводителями и вельможами. Дочь его выбежала к нему навстречу с радостным лицом и окруженная юными подругами. «Привет тебе,– говорила она,– славному победителю!» Но Далиман с бешенством отвечал ей: «Молчи, презренная распутница! Я не забочусь о твоих льстивых поздравлениях и считаю ни во что твои обманчивые ласки. Клянусь божественной короной Магомета, даровавшего мне эту победу, завтра я умерщвлю и тебя, и твоих любовников. К моему посрамлению, ты доставила оружие моим врагам, вместе с которыми ты будешь сожжена, как преступная изменница». Султан вовсе не знал, что тюремная стража была заключена в оковы во мраке темницы, что франки, напротив, свободны и занимают верх крепости и с помощью Христа готовятся к сопротивлению. Юная княжна, побледнев от страха, укрылась от разъяренного отца и, испу-

ганная, искала убежища в своей комнате. Несколько часов спустя Далиман в бешенстве восседал на своем престоле, окруженный одними старейшинами, а народ, оруженосцы и другие воины разошлись по домам и занялись лошадьми, оружием и другими делами. Султан приказал отправиться в комнаты его дочери и привести эту безумную изменницу. В то время, когда она находилась перед лицом исступленного тирана, и одна, без помощи, подвергнутая поруганию, выслушивала ужасные угрозы, Боэмунд с высоты башни в окошко смотрел во внутренности дворца и, глубоко огорченный, видел, как его освободительница в смущении явилась на суд. «Смотрите,– говорил он,– наша благодетельница повергнута в страх; теперь нужно выйти и помочь ей изо всех сил». Немедленно Боэмунд и его товарищи сходят тихо по ступеням башни во дворец; с оружием в руках окружают Далимана, всех его предводителей и вождей; запирают накрепко ворота и овладевают всеми важнейшими пунктами. Тогда собрание в свою очередь испытало беспокойство и не знало, как тут поступить. Так как двери были заперты, то турки не могли обратиться в бегство и были окружены вооруженными рыцарями; кроме того, находясь в малом числе и без оружия, они не могли сопротивляться людям отважным, имевшим на своей стороне и численный перевес, и все средства к нападению. В эту минуту христиане могли избить всех язычников; но вследствие клятвы, данной княжне, они не осмеливались без ее приказания ни ударить кого-нибудь, ни нанести какой-нибудь обиды. Все рыцари смотрели на нее и ожидали ее приказаний, чтобы не нарушить своего слова.

Наконец Мелазия, придя в себя, засмеялась и, воссев посреди франков, как бы она была их повелительницей, сказала Далиману: «Мой любезный отец, вы несправедливо раздражены против меня и напрасно устрашаете меня угрозами и осыпаете поруганиями за спасительную помощь, которую я подала вам с таким искусством и для ваших выгод, с полной любовью к вам; ибо франки, явившись в сражении, усилили вашу сторону и ускорили поражение неприятеля. Подумайте, как честно поступили христиане: они с верностью поддержали вас в битве, и под их ударами враг обратил тыл. Они имели все средства убежать, как то поймет и самый недальновидный человек; но, не желая уйти от вас, не простившись с вами, они возвратились добровольно и теперь с полной доверчивостью просят у вашего великодушия награды за свою храбрость. И теперь они держатся за рукоятки мечей, могут, если захотят, перерезать нас всех, владеют крепостью, дворцом и всеми его сокровищами, а ваша стража в оковах не смеет и роптать на них. При таком положении вещей, подумайте, мой отец, как следует вам поступить, и выслушайте спасительные советы окружающих вас людей».

Сказав это, княжна стала во главе христиан. Между тем Далиман, отойдя в сторону, совещался со своими. Потом, сев снова, он сказал: «Мы желаем, моя дочь, прежде всего выслушать ваше мнение». Княжна отвечала: «Я могу вам сказать немедленно, что я считаю благоразумным. Заключите мир с христианами; и пока вы живете, да сохранится между вами ненарушимая дружба. Освободите всех пленных, которые живут на вашей земле, и они со своей стороны пусть возвратят вам ваших подданных, находящихся в вашей власти. Наградите достойным образом за славные услуги Боэмунда и его соратников, с помощью которых вы одержали победу. Знайте, кроме того, что я христианка, что я желаю возродиться таинствами закона Христа и что я не останусь более жить с вами. Закон христианский свят и достоин уважения, между тем как ваш исполнен тщеты и осквернен всякой мерзостью».

Слыша такие слова, турки пришли в раздражение и выразили свое негодование свирепыми взглядами и гневными телодвижениями. Но, сдержанные самим Богом, они не могли осуществить на деле злых намерений своего нечестивого сердца. Пока они совещались между собой, Мелазия отвела в сторону христиан и говорила им: «Будьте мужественны, храбрые витязи, испытанные в стольких приключениях и бедствия; вы добровольно пришли из отдаленных стран и своим мужеством спаслись от стольких

опасностей и бедствиях; действуйте в эту минуту отважно во имя Бога, в могуществе которого вы меня уверили. Вам нужна теперь вся ваша храбрость и ваше оружие, чтобы доблестно кончить то, что вы начали с такой решимостью. Мой отец непримирим в злобе и употребит все усилия вместе со своими друзьями, чтобы погубить нас. До сих пор вы в совершенстве соблюдали условия, которые я вам предписала; с этого же времени я освобождаю вас от данной мне клятвы. Укрепите теперь замок, дворец, стены, его окружающие, и все покои, как большие, так и малые. Тщательно досмотрите все; караульте входы, чтобы никто без вашего ведома не мог ни выйти, ни войти. Если мой отец успеет уйти, он соберет все окрестные народы и после жестокой осады принудит вас к постыдной сдаче или погубит. Итак, заприте его вместе с его людьми в одной и той же комнате; заставьте его по необходимости заключить мир; но, насколько то будет возможно, избегайте кровопролития. Вы, Боэмунд, которого отличает опытность во всем и благоразумие и обдуманность которого прославляет вся вселенная, возьмите на себя распоряжение и заботы о всем, что я вам сказала. С этого времени я буду вашей неразлучной сестрой и разделю с вами счастье и несчастье, пребывая в вере Господа нашего Иисуса Христа».

Вследствие того Боэмунд, исполненный радости, запер Далимана и всех бывших с ним в отдельный покой, охрана которого была поручена вооруженной страже. Потом он разместил по местам нескольких рыцарей, наставил каждого, что ему следует делать, и распоряжался таким образом в течение 15 дней дворцом султана и всем, что в нем находилось. Он дозволял входить женам, их служанкам и евнухам и наделял их достаточным количеством пищи и других необходимых вещей. Далиман тяжко горевал о том, что его дворец обратился в темницу и что его дочь сделалась госпожой, которая попирает беспощадно его волю. Вместе с тем он сильно поносил своего бога Магомета и проклинал своих подданных и соседей, которые дозволяют столь ничтожному числу пленных чужеземцев обходиться с ним жестоко среди своего государства. Вельможи, заключенные с ним, убеждали его заключить мир с христианами, чтобы спасти свою жизнь на некоторое время. Наконец, страх смягчил сердце Далимана. После свидания он просил у Боэмунда мира, давал ему свободу возвратиться вместе со своими и снял оковы со всех пленных, которые страдали под его властью: после он обещал ему руку своей дочери.

Когда хитрая Мелазия узнала о том от Боэмунда, она отвечала ему: «Говорить можно легко, что хочешь, но все это мне не кажется вероятным. Относитесь осторожно к обещаниям моего отца, лестным, но двусмысленным; главное, охраняйте тщательно все, чем владеете, до тех пор, пока, укрепившись, не можете иметь полной уверенности в своем торжестве. Пошлите во все стороны хорошо вам известных вестников в Антиохию; пусть вам приведут отлично вооруженный отряд ваших рыцарей, которые, окружив вас с почетом, отвели бы вас безопасно в вашу страну и поставили бы вне опасности от вероломства этих злонамеренных людей». Этот совет понравился христианам. Вследствие того Ричард из княжества и Сарцис были отправлены из Месопотамии в Антиохию и рассказали все приключившееся жителям, к величайшей их радости. Тогда Танкред, вождь армии, собрал немедленно через глашатаев витязей и пленных язычников и отправил их к вышеупомянутым рыцарям с тем, чтобы они привели их домой. При этом случае и дочь Кассиана, эмира Антиохии, была возвращена; она вышла из темницы христианской с большой печалью. Когда ее спросили, отчего она плачет, она отвечала, что причина ее слез состоит в том, что она не будет больше иметь случая есть свиного мяса, которое употребляется христианами. Действительно, турки и другие сарацинские народы имеют отвращение к этому мясу, хотя они жадно едят собак и волков, и тем доказывают, что они не признают закона ни Моисея, ни Христа и не принадлежат ни к числу евреев, ни к числу христиан.

Между тем Боэмунд вел часто переговоры с Далиманом, и так как он был скро-

мен и благоразумен, то они беседовали весьма мирно. Боэмунд даже льстил ему, чтобы расположить его к лицам, которые этот тиран мог угнетать беспощадно. Вкрадчивыми и мягкими речами он укротил его, равно как и других, бывших с ним, и своей предупредительностью заставил полюбить себя. Мало-помалу правители провинций и знатные стали видеть в нем своего главу и употребляли все усилия, чтобы получить доступ к чужеземному князю, который был господином их султана; в своих разговорах с последним они восхваляли Боэмунда. Даже они приглашали Боэмунда, как своего законного властителя, править государством, искали его дружбы всеми мерами и вспоминали не раз известное выражение одного комического поэта: «Если не может случиться то, чего хочешь, то пожелай, что можешь».

К этому они присоединяли следующие слова: «Мы были весьма обмануты последней победой, ибо христиане, враги нашей веры, помогали нам губить своих соотечественников, а мы злобно и безумно радовались своей собственной погибели. Теперь проклятый Магомет, наш бог, оставил нас и пал, как бессильный, перед Богом христиан. Распятый Христос, которого эти люди считают всемогущим и, без сомнения, справедливо, как то испытали их враги и продолжают испытывать, к собственному несчастью, избирает своим орудием вашу дочь, чтобы сбить оковы с тех, кого вы считали заключенными в цепях и кого вы намеревались держать в вечном плену. Он доставил им блестящее торжество на поле битвы, где они покрыли кровью наших братьев и племянников свои копья; он выдал им нашу главную крепость, где находились все ваши сокровища; он предал в их власть вас самих и знатнейших людей вашей земли и заключил в вашем собственном дворце, где вы заперты все без битвы, как ничтожные служанки. Мы не можем без позволения христиан проникнуть к вам и оказать вам помощь. Мы не смеем соединиться для нападения на них, потому что они могут тотчас жестоко отомстить вам. Если бы великий султан персов явился сюда со всеми своими силами и напал на крепость, то франки обладают такой храбростью и их сопротивление будет столь отчаянно, что они решатся выступить против него и причинят великое бедствие нашим гражданам, прежде чем можно будет овладеть ими. Потому лучше заключить мир с неприятелем, нежели безрассудно вызывать его на яростное убийство».

Далиман принял этот совет. Вступив в дружбу с мужественным герцогом, он свободно распоряжался во дворце всем, что касалось общих интересов, и извлек из своей сокровищницы большие суммы для подарков христианам. В то же время он приказал даровать свободу всем пленникам, находившимся в его государстве. Они были отысканы, приведены и, получив одежды от Далимана, переданы Боэмунду. Боэмунд присоединил их к своим соотечественникам и дал им различные должности, чтобы защищать и поддерживать друг друга, опасаясь, что злые козни язычников могут погубить их.

Ричард и Сарцис, исполнив свое поручение, возвратились через 15 дней и привели с собой многочисленный отряд христиан. Далиман встретил их с большой почестью, приготовил им в изобилии съестные припасы, соответственно обычаям их страны, и наделил их щедро всем необходимым. Тогда Боэмунд и Далиман заключили между собой вечный мир и для исполнения его условий назначили три дня. После того Боэмунд, Ричард и товарищи их плена вышли радостно из темницы, как Зоровавель и Неемия, и благословляли Господа Бога Израиля. Далиман и вельможи его двора столь же радостные, так как они тоже получили свободу, проводили христиан на некоторое расстояние; но при этом они имели в виду вероломство, ибо на пути старались вредить им всеми мерами. Но так как Бог защищал своих людей, то они и не имели успеха. Действительно, христиане находились в страхе и шли вооруженные, как на войну. Они заботливо стерегли заложников до тех пор, пока не достигли безопасного места. Наконец Далиман, в качестве друга, просил у своих союзников дозволения возвратиться домой, и он возвратился, но весьма опечаленный, ибо не мог никакой хитростью причинить им зла на пути.

Благоразумная Мелазия оставила дворец своего отца вместе со своей прислугой, евнухами и всем своим домом и совершенно добровольно и благочестиво присоединилась к христианам. Точно так же Бифия, дочь Фараона, сопровождала ради своего спасения Моисея и евреев, когда египтяне готовы были погибнуть. Жители Антиохии, исполненные радости, вышли навстречу давно ожидаемым своим князьям; духовенство и весь народ благословляли царя Адонаи, который спасает всех надеющихся на него. Вскоре затем Балдуин отправил во Францию Ричарда, разделявшего с ним его плен, и послал через него цепи из серебра для посвящения их св. исповеднику Леонарду в знак благодарности за свое избавление.

Когда великодушная Мелазия возродилась в св. крещении для Католической церкви, Боэмунд, улучив минуту, обратился к ней со следующей речью, посреди собрания знатных: «Благородная дева, вы, будучи еще язычницей, оказали нам неожиданно изумительную помощь; мудро предлагали всему своему семейству последовать за Господом Иисусом; сами почтили его в нас, его членах и служителях, и тем самым навлекли на себя гнев отца, подвергаясь даже опасности; избирайте теперь в нашей среде супруга себе во имя Христа. Было бы несправедливо с нашей стороны отказать вам в ваших справедливых требованиях после того, как мы столько обязаны вашим заслугам. Но прежде всего выслушайте, моя кроткая подруга, мое мнение, которое может быть вам полезно. Это правда, я признаюсь, вы были отданы отцом мне, но я хочу оказать вам еще большую услугу: выслушайте внимательно, каким образом. С первых дней юности я не знал никогда покоя и жил посреди беспрерывных тревог; я вынес много бедствий и опасаюсь, что мне осталось перенести еще большие: я вовлечен в борьбу с императором (Византии) и окружен со всех сторон язычниками. Сверх того, я дал обет Господу, когда еще находился в темнице, в случае освобождения от оков язычников, отправиться на поклонение к св. Леонарду, который находится в стране Аквитании. Я приношу вам все эти извинения, как плод моей искренней дружбы к вам; я не желаю ничем огорчить вас, как бы вы были моей дочерью или сестрой, ни налагать на вас узы брака, которые вскоре заставили бы вас раскаяться. Действительно, какую радость или удовольствие вкусите вы в нашем соединении, если тотчас после брака мне будет нужно предпринять огромное путешествие по морям и землям в страну отдаленную, лежащую на пределах мира? Итак, приняв все это в соображение, выберите себе, прекрасная дама, лучшую партию. Перед вами стоит Рожер, сын князя Ричарда и мой двоюродный брат: он моложе меня; он красив; его благородство, богатства и могущество равняются моим. Я хвалю его так с тем, чтобы вы избрали его своим мужем, и желаю вам обоим долголетней жизни».

Все присутствовавшие одобрили предложение мудрого Боэмунда, и благоразумная княжна легко уступила желаниям стольких героев. Вследствие того Рожер женился на Мелазии, с великой радостью, и брак их праздновался в Антиохии, среди рукоплесканий и ко всеобщему удовольствию. Боэмунд и знатнейшие в стране отправляли при этом обязанности сенешалей. Когда, по прошествии шести лет, Боэмунд и Танкред умерли, Рожер наследовал княжество Антиохию; но два года спустя перс Амиргазис (эмир Аль-Гази) умертвил его вместе с 7 тысячами христиан на равнинах Сарматаша (у Вильгельма Тирского Сардона).

Я сказал уже многое о превратностях судьбы народов и о бедствиях отдельных людей; если продолжится моя жизнь, то мне придется сказать еще многое в последующих книгах. Теперь же закончу эту книгу моей «Церковной истории», и «Пусть мне усталому будет дана хоть минута покоя!»[1].

Но наш автор отдыхал недолго и вскоре снова сел за работу, плодом которой были последние книги (XI–XIII) «Церковной истории». В них излагается история Англии и Нормандии, от 1102 до 1142 г., с небольшими отступлениями по поводу важнейших событий в Палестине;

---

[1] «Et mihi jam fesso requies aliquantula detur!» – стих неизвестного поэта, а может быть, и самого автора.

этот период времени был исполнен внутренних волнений в Англии, сначала по поводу междоусобия детей Вильгельма Завоевателя, а потом вследствие борьбы за английское наследство претендентов Стефана Блоа и Готфрида Анжуйского; автор останавливается в этой мрачной картине феодального хаоса на восстании баронов в Англии, которые захватили короля Стефана в плен (1141 г.); жалуясь на свои 67 лет, ввиду такого печального события, автор не хочет продолжать труд и заключает XIII, последнюю, книгу кратким описанием своей жизни (см. ниже).

Historiae ecclesiasticae. Libri XIII,
in tres partes divisi. Кн. X.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ОРДЕРИКА ВИТАЛИЯ (в 1142 г.)

Автор в год своей смерти или за год до нее, оканчивая книгу XIII «Церковной истории» обращается к собственной жизни и рассказывает ее в виде молитвы к Богу:

Что мне еще осталось сказать? Боже всемогущий! Среди всего случившегося (автор только что описал плен короля Английского Стефана, захваченного своими же баронами; см. выше, конец предыдущей статьи), я обращаю свою речь к Тебе и прибегаю дважды к Твоему милосердию, чтобы Ты сжалился надо мной. Царь всевышний, благодарю Тебя за то, что Ты даровал мне жизнь без всяких заслуг с моей стороны, и по своей благой воле расположил мои годы. Ты – мой царь и мой Бог; я – Твой раб и сын Твоей рабыни, и, сколько мог, служил Тебе с первых дней моей жизни. В субботу на Пасхе (4 апреля 1075 г., а родился 16 февраля 1075 г.) я был крещен в Аттингаме, бурге, лежащем в Англии, на великой реке Саверне. Там руками священника *Ордерика* (родом сакса) Ты меня возродил водой и духом и дал мне имя того священника, который был вместе и моим крестным отцом. После, когда я достиг 5 лет, Ты меня отправил в школу в город Шрюсбюри, и там я служил Тебе в первый раз в базилике св. апостолов Петра и Павла. В течение пяти лет меня учил там знаменитый пастырь Сигвард латинским письменам, которые изобрел Никострат, получивший впоследствии прозвание *Кармента*. Он наставил меня псалмам, гимнам и другим необходимым сведениям. Между тем Ты, Господи, соорудил на берегах Молы, во владении моего отца, церковь, и благочестием графа Рожера (Монгомери) устроил монастырь. Но Тебе не было угодно, чтобы я продолжал борьбу за Тебя в прежнем месте, из опасения, что я могу испытать тревогу среди своих родственников, которые часто смущают Твоих служителей, и что мне придется нарушить повиновение Твоему закону, вследствие мирских привязанностей, испытываемых под влиянием кровных связей. Вот почему, о Боже преславный, Ты, который извел Авраама из своей земли, из дома отца и из среди семейства, Ты внушил и моему отцу Оделерию намерение удалить меня и предать Тебе вполне. В слезах и с плачем он вручил меня монаху Райнольду, удалил в изгнание из любви к Тебе, и с того времени я никогда не видал более отца. Будучи юным и слабым отроком, я не смел противиться желанию своего отца; я повиновался ему охотно во всем, ибо он мне обещал Твоим именем, если я сделаюсь монахом, то после смерти наследую рай вместе с праведными. Заключив таким образом от чистого сердца, по голосу моего отца, этот договор с Тобой, я оставил отечество, ближайших родственников, остальную семью, знакомство, друзей, которые со слезами на глазах, прощаясь со мной, поручали меня в своих молитвах Тебе, о Господи, Всевышний Адонаи! Исполни, прошу Тебя, их молитвы, о благий царь Саваоф, и в своей благости дай мне насладиться тем, что составляло их желание!

Таким образом, я переплыл море, имея от роду 10 лет; изгнанником прибыл я в Нормандию, никем незнаемый и никого не зная сам. Как Иосиф в Египте, я услышал язык (французский), которого не понимал (автор мог знать только латинский и англосаксонский); но, благодаря твоему милосердию, я встретил у чужеземцев все ласки и дружбу, какие только мог пожелать. Преподобный Майниер, аббат Утического мо-

настыря (Uticensis, ныне Ouche), принял меня в монашество на одиннадцатом году моей жизни, и 22 сентября постриг меня по обычаю клериков. Он заменил мое англосаксонское имя, казавшееся варварским для духа норманнов, именем *Виталия*, заимствовав его у одного из спутников мученика св. Маврикия, память которого праздновалась в тот день. Благодаря Твоему, Господи, милосердию, я оставался в этом монастыре 56 лет; меня любили и чтили там свыше моих заслуг все мои братья и соотечественники. Перенося жар, холод и дневные труды, я работал вместе с Твоими служителями в вертограде Сорека; и при Твоем правосудии ожидаю с уверенностью обещанный Тобой денарий. Я почитал, как своих отцов и господ, так как они были твоими наместниками, шестерых аббатов: Майниера, Серлона, Рожера и Гверина, Ричарда и Райнульфа; они правили по закону Утическим монастырем; они постоянно бодрствовали, как бы на них лежала ответственность за меня и за других; они искусно распоряжались внутри и извне, и на Твоих глазах с Твоей помощью снабжали нас всем необходимым. Мне было 16 лет, когда 15 марта, по предложению только что избранного Серлона, Гизельберт, епископ Лизьё, посвятил меня в поддьяконы. После через два года Серлон, сделавшись епископом города Сеес (Sagium, ныне Séèz, близ Алансона, в епархии Руана), рукоположил меня дьяконом. В этом чине я служил Тебе от всего сердца 15 лет; по достижении мной 33-летнего возраста архиепископ Вильгельм возложил на меня в Руане 21 декабря бремя священства и со мной посвятил 244 дьякона и 120 священников, вместе с которыми я приблизился к Твоему священному алтарю, воодушевленный Св. Духом. Вот уже 34 года, как я верно отправляю свою священную службу с полной душевной радостью.

Таким образом, Господи Боже, Ты, который меня сотворил и наделил жизнью, Ты осыпал меня своими дарами во всех званиях, которые были возложены на меня; мои годы были, по правде, посвящены на службу Тебе. Повсюду, куда Ты меня ни проводил, я был любим не по своим заслугам, но по действию Твоей благости. За все такие благодеяния, о нежнейший отец, я приношу Тебе благодарения, восхваляю и благословляю Тебя от всего сердца. Со слезами на глазах я молю тебя простить мне мои бесчисленные прегрешения. Пощади меня, Господи, пощади и не покрой меня стыдом! Сообразно со своей неисчерпаемой благостью, преклони взор Твой на дело Твоих рук; прости мне прегрешения и сотри нечистоту моей души. Дай мне добрую волю к продолжению службы Твоей и достаточные силы против ухищрений коварного сатаны, пока не приобрету наследства вечного спасения. И того, что я прошу у Тебя, о Боже всеблагий, в эту минуту для себя, я желаю также и для своих друзей и благодетелей; я обращаюсь к Тебе с той же мольбой за всех верных по распоряжению Твоего промысла. Но наших заслуг недостаточно для приобретения вечных благ, к которому устремлены все желания людей благочестивых, о Господи Боже, Отче всемогущий, творец и вождь ангелов; истинная надежда и вечное блаженство праведных! Потому да поможет нам преславное заступничество святой Марии, Девы-Матери, и всех святых, и Господь наш Иисус Христос, Искупитель всех людей, который живет и царствует с Тобой, как Бог, в единстве Св. Духа, отныне и во веки веков! Аминь.

Historiae ecclesiasticae. Lib. XIII.
Конец кн. XIII.

Вильгельм Тирский

БАЛДУИН II, КОРОЛЬ ИЕРУСАЛИМСКИЙ, И МОРСКОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ВЕНЕЦИАНЦЕВ. 1118–1131 гг. (между 1170 и 1184 гг.)

Начинается книга двенадцатая[1]

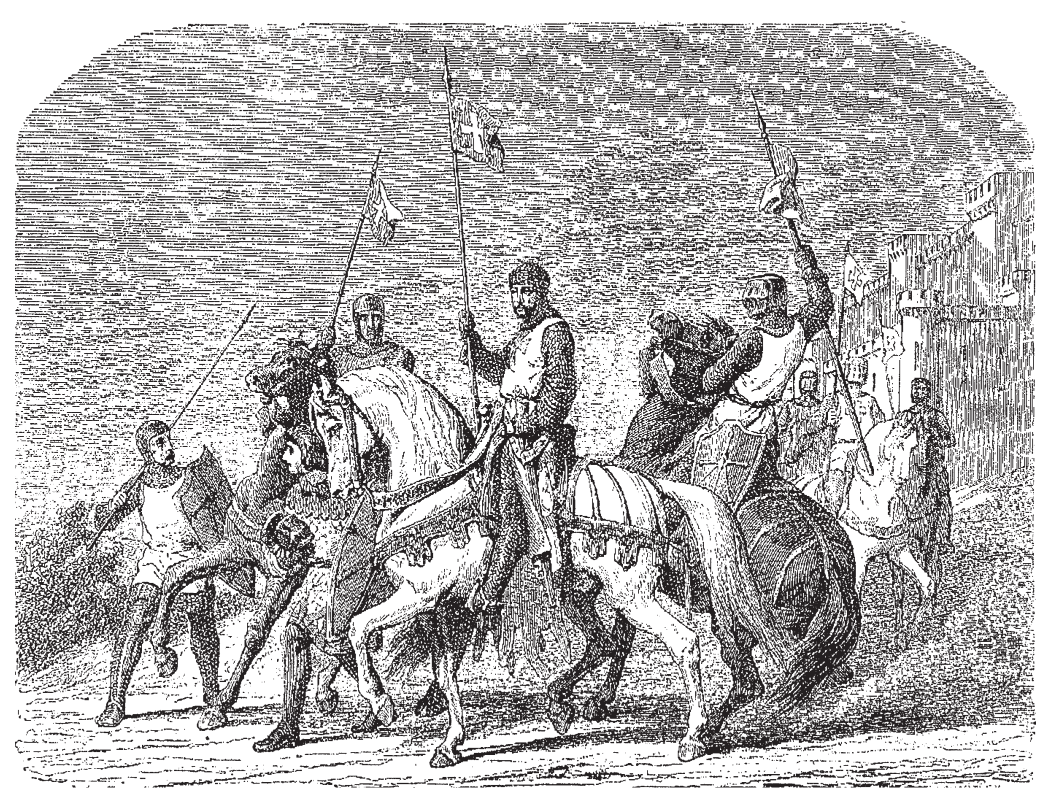
I. Вторым[2] королем Иерусалима из латинов был Балдуин (II) Буржский, по прозванию Жало, человек религиозный, богобоязненный, преданный вере и весьма опытный в деле военном. Он был родом франк, из Реймсской епархии, сын Гуго, графа Ретельского, и Милизенды, знаменитой графини, которая, как говорят, имела много сестер, вследствие чего у нее было огромное число племянников и племянниц, о чем знают те, которые занимаются специально княжескими генеалогиями. Балдуин еще при жизни отца, подобно прочим благородным мужам, посвятившим свою жизнь Богу, последовал за армией герцога Готфрида, которого был родственником, и отправился в Иерусалим, оставив дома со своим престарелым отцом двух братьев и двух сестер, из которых он был самым старшим. Один из его братьев, избранный впоследствии архиепископом Реймсским, назывался Гервазий, а другой – Манассес. Из его сестер, одна по имени Магальда, была за владетелем Витри; другая же, Годиерна, вышла за благородного и могущественного Гербранда, владетеля Херже, и имела сына Манассеса Херже, которого я знал позже коннетаблем королевства во времена королевы Милизенды. После смерти отца, государя короля Балдуина, его владение наследовал второй сын, Манассес, так как старший, государь Балдуин, находился далеко, в своем королевстве. Когда Манассес умер бездетным, графство перешло к его брату Гервазию, который по этому случаю оставил Реймсское архиепископство и женился в противность церковным законам. Свою единственную дочь от этого брака он выдал за одного знатного нормандца. После его смерти ему наследовал в графстве Итерий, сын сестры, Магальды, бывшей за владетелем Витри. Но довольно об этом.

II. Когда государь Балдуин (I), брат государя герцога Готфрида, преславной и блаженной памяти, после смерти его был призван на иерусалимский престол, он передал этому Балдуину (II), о котором теперь идет речь, как своему родственнику, графство Эдессу; и этот управлял им с счастьем и твердостью в течение более 18 лет. В восемнадцатый год своего управления графством, умиротворив свою страну, он вознамерился отправиться в Иерусалим, отчасти для того, чтобы навестить короля своего государя, родственника и благодетеля, а отчасти для поклонения святым местам. Изготовив все к предстоящему пути и вверив страну тем из своих, на верность и заботливость которых он мог положиться. Балдуин, как человек благоразумный и прозорливый, укрепил свои города и пустился в дорогу с приличной свитой. На пути явился к нему гонец с известием о смерти государя короля в Египте, что и было справедливо. Узнав о кончине своего государя и родственника, он очень огорчился, как то нисколько не было удивительно, однако продолжал предпринятый путь и поспешно шел к Иерусалиму. Совершенно случайно, в одно и то же время, в Вербное воскресенье, когда весь народ, по обычаю, собрался для торжества в долине Иосафата, с одной стороны вступил в город граф вместе со своими, а с другой – погребальная процессия короля, которую сопровождало все войско, ходившее с ним в Египет.

III. Когда тело короля было привезено в святой город и с честью похоронено в церкви св. Гроба, рядом с братом, перед Голгофой, у Лобного места, вельможи государства, бывшие налицо, патриарх Арнульф, епископы, архиепископы и другие прелаты церкви, равно и светские князья, между ко-

[1] Предыдущее см. выше.

[2] Вильгельм Тирский хотя и оспаривал тех составителей каталогов, которые опускали Готфрида, однако следует им, называя Балдуина II вторым королем, а не третьим.



Рыцари

торыми обнаружил особую деятельность и словом, и делом могущественный владетель Тивериады, Иосцелин, приступили к совещанию. Явилось несколько различных мнений: одни говорили, что надобно ожидать прибытия государя графа Евстафия и что не следует нарушать древнего закона о наследстве, тем более что блаженной памяти братья графа (то есть Готфрид и Балдуин I) управляли государством столь счастливо и к удовольствию всех; но другие были того мнения, что государственные дела не терпят отлагательства и отсрочки выборов; напротив, нужно поторопиться с устройством земли, чтобы в случае надобности иметь кого-нибудь, кто мог бы предводительствовать войском и позаботиться о делах королевства, и чтобы государство не впало в опасность от отсутствия главы. Это разногласие в мнениях и партиях произвел Иосцелин, пользовавшийся большим влиянием в королевстве; он вместе с владыкой патриархом, которого он расположил в пользу своего мнения, держался той партии, которая хотела немедленно избрать короля, и потому говорил: «У нас находится теперь граф Эдессы, родственник государя короля, муж благочестивый, богобоязненный, отважный и во всех отношениях заслуживающий похвалу; лучшего мы не найдем ни в какой стране, ни в какой провинции; избрать его в короли выгоднее, нежели допустить опасную отсрочку». Многие, зная, как еще недавно поступил граф с Иосцелином, и о чем было рассказано выше[1], полагали

[1] В одном из своих отступлений в кн. XI, гл. XXII, автор рассказывает, что Иосцелин, родственник и вассал графа Балдуина, бывшего тогда еще графом Эдесским, во время голода отказался помочь своему сюзерену; за это в 1113 г. Балдуин, предав его пытке, лишил лена и изгнал из графства; Иосцелин удалился в Иерусалим и успел получить от короля Балдуина в лен Тивериаду, которой он и владел до 1118 г.

потому, что его слова сказаны им от чистого сердца. Не замечая других его замыслов и помня пословицу: «Хвала врага всегда справедлива», они поверили его словам и присоединились к его мнению. Он же сделал то предложение о возведении графа на престол в надежде получить от него его графство. Так как владыка патриарх и Иосцелин были одинакового мнения, то не трудно было склонить к тому и других. Все единогласно избрали графа в короли, и в ближайший праздник Пасхи (1118 г.) он был, по обычаю, посвящен, помазан и увенчан королевской короной. Но каковы бы ни были цели патриарха и Иосцелина при этом избрании, милосердие Господа обратило все к лучшему: ибо государь король оказался с Божьей помощью справедливым, благочестивым и богобоязненным мужем, который и во всех своих предприятиях был необыкновенно счастлив. Тем не менее путь, которым он достиг трона, не был справедливым, и возведшие его действовали в ущерб законным наследникам. После смерти короля, или вследствие последней воли покойного, или по общему приговору князей – о том мы не могли нигде узнать наверное – было отправлено посольство к брату знаменитого государя герцога Готфрида и государя короля Балдуина (I), государю графу Евстафию Бульонскому, чтобы просить его от имени всех принять королевство. Послы противопоставили его отказу наследовать братьям уважительные причины и, наконец, привели его в Апулию. Но этот достоуважаемый, честнейший и богобоязненный муж, достойный иметь столь великих братьев, доблести которых перешли на него, узнав там, что в это время был избран в короли его родственник, государь граф Балдуин Эдесский, исполненный Духа Божия, отправленным к нему послам, которые настаивали на продолжении пути, так как все случившееся было противно праву, правде и древнему закону о наследстве: «Я далек от мысли внести раздор в страну Господа, которая моей кровью получила мир Христов и за спокойствие которой мои великие и бессмертные братья жертвовали своей драгоценной жизнью». После того, несмотря на желание тех, которые хотели силой отвести его в королевство, он, приказав своей дружине готовиться в обратный путь, отправился домой.

IV. Говорят, что Балдуин (II) был красивой наружности, высокого роста, приятного лица, имел волосы редкие, рыжего цвета, с примесью седины; носил бороду, спускавшуюся на грудь, но жидкую; цвет лица был светлый и розовый, насколько то бывает в его лета. Он владел искусно конем и оружием; отлично знал военное дело, во всех делах отличался предусмотрительностью; в предприятиях был счастлив; славился делами благочестия, кротости и милосердия; был честен и богобоязнен; к молитве усердствовал до того, что натер мозоли на руках и ногах от частых ударов в грудь и коленопреклонений, и в делах государственных, несмотря на лета, был неутомим и деятелен. Вступив на королевский престол, он призвал к себе своего родственника Иосцелина и вручил ему графство Эдессу, оставшееся без главы, как потому что он лучше всех знал эту страну, так и с целью дать ему удовлетворение за прежние обиды. Взяв с него клятву в верности, он вручил ему знамя и ввел во владение страной. Потом Балдуин вызвал к себе жену, дочерей и прислугу; благодаря попечениям Иосцелина все они прибыли весьма скоро и благополучно. Жена его называлась Морфия и была дочерью благородного грека Гавриила. Он женился на ней, будучи еще графом, и получил за ней в приданое несметные суммы денег. Она родила ему трех дочерей, Милизенду, Алису и Годиерну, четвертая же, Ивета, родилась уже тогда, когда он был королем. Балдуин был коронован и помазан королем в год от воплощения Господня 1118-й, в апреле второго дня. Папой был в то время Геласий II; антиохийской церковью управлял Бернгард, первый латинский патриарх, а святой церковью в Иерусалиме – четвертый латинский патриарх Арнульф.

В главах V и VI автор записывает некролог этого года: в 1118 г. умерли: император Алексей, которому наследовал Иоанн; автор отзывается о нем с похвалой, хотя и сознается, что он не всегда действовал открыто; потом Папа Пасхалис, которому наследовал Геласий; жена Балдуи-

на I, Аделаида Сицилийская, и патриарх Иерусалима Арнульф, которому наследовал Гормунд из Амьена. Далее автор рассказывает, как в этом же году египетский и дамасский султаны напали на Палестину, но враги простояли три месяца в виду друг друга и без сражения разошлись; затем он переходит к одному из важнейших событий правления Балдуина II.

VII. В том же году (1118) несколько благородных мужей из рыцарского сословия (nobiles viri de equestri ordine), преданные Богу, благочестивые и богобоязненные, посвящая себя на службу Христу, дали владыке патриарху, по обычаю католического духовенства, обет жить на будущее время в целомудрии, повиновении и без всякого имущества. Между ними первое и главное место занимали почтенные мужи Гуго из Пэна (de Paganis) и Гауфред из С. Альдемара. Так как у них не было ни церкви, ни определенного помещения, то король отвел им на время жилище в той части своего дворца, которая на юге примыкает к храму Господню. Каноники же храма Господня уступили им на известных условиях площадь, которую они имели перед дворцом, для хозяйственных построек (ad opus officinarum); кроме того, король со своими первыми вельможами и патриарх с прелатами обеспечили за ними, частью на определенное время, а частью навсегда, необходимые доходы из собственного имущества. Их первая обязанность, возложенная на них патриархом и другими епископами, как средство к отпущению грехов, состояла в том, чтобы главным образом ограждать, по мере сил, пилигримам дорогу от нападения разбойников. Первые девять лет они носили светское платье, какое давал им народ, как доброе дело со своей стороны. Но по прошествии этого времени, когда во Франции был собор в Троа (1128 г.), на котором присутствовали архиепископы Реймсский и Сансский со своим духовенством, епископ Альбано, легат апостольского престола, также аббаты Сито, Клерво, Понтиньи и многие другие, они получили, по распоряжению Папы Гонория и патриарха Иерусалимского Стефана, устав и определенное одеяние, именно белое. В эти первые девять лет их орден состоял не более как из 9 рыцарей, но с того времени число их стало возрастать и владения распространяться, так что, как говорят, при Папе Евгении, они начали на своих плащах носить кресты из красного сукна в знак отличия, как сами рыцари, так и их младшая братия, называвшаяся служками (servientes). Позднее орден усилился до того, что в настоящее время их конвент состоит почти из 300 рыцарей, которые носят белые плащи, причем не считается бесчисленная младшая братия. Их владения по эту и по ту сторону моря, как говорят, столь обширны, что нет страны в христианском мире, которая не вносила бы податей этой братии за ее земли, и богатства их могут называться королевскими. Так как их жилище находилось рядом с храмом Господним, как мы сказали выше, в королевском дворце, то они носили название храмовников (тамплиеры, Fratres militiae Templi). Долгое время они оставались верными своему призванию и выполняли его с большим умом; но впоследствии они отложили свое смирение, охраняющее всякую доблесть и предотвращающее всякую напасть, пока оно хранится в сердце, отвергли свою зависимость от патриарха, которому они были обязаны учреждением ордена и первыми дарами, и отказали в повиновении, которое хранили их предшественники в отношении его. Также и церквам Господним они сделались в тягость, так как они брали с них десятину и первые плоды и производили несправедливые нападения на их собственность.

В последующих главах, от VIII до XIV, автор делает обзор событий за 1119–1121 гг., и по этому случаю говорит о смерти Папы Геласия в 1119 г. и о вступлении Каликста, при котором, как замечает автор, закончилась борьба пап с императором; далее, обращаясь к Палестине, он излагает войну с султанами Алеппо и Дамаска по поводу их нападения на Антиохию; хотя правитель Антиохии, за малолетством сына Боэмунда I, Боэмунда II, жившего в Апулии, был убит, но Балдуин II одержал блистательную победу над неверными и вследствие того был провозглашен правителем Антиохии; затем автор, сказав коротко об устройстве антиохийских дел, говорит о внутренних реформах в Иерусалиме при Балдуине II.

XV. В это самое время (1121 г.) король в своем присутствии в Иерусалиме с благочестивой и царской щедростью дал гражданам Иерусалима на вечные времена свободу от пошлин (libertatem consuetudinum), утвердив хартию королевской печатью; до тех пор с граждан собирали пошлину при вывозе товара и при ввозе, но с этого времени каждый латин освобождался от пошлины, входил ли он или выходил, ввозил ли или вывозил, и пользовался полной свободой при продаже и покупке. Даже сирийские христиане, греки, армяне и люди других наций, не исключая сарацин, получили право ввозить беспошлинно в св. город пшеницу, ячмень и овощи. Он уничтожил также сбор при покупке на меру или на вес, и такими распоряжениями снискал любовь и похвалу в народе. Обеими этими мерами он хотел достигнуть, во-первых, того, чтобы город был обильно снабжен съестными припасами, так как они ввозились теперь беспошлинно, а, во-вторых, чтобы увеличить население, о чем главным образом заботились уже его предшественники.

В следующих главах, от XVI до XXI, автор возвращается к военным событиям 1122–1124 гг.: турки нападали по-прежнему то на Антиохию, то на Эдессу, и султан Балак взял даже в плен Иосцелина, графа Эдесского; Балдуин II поспешил к нему на помощь, но по неосторожности был сам схвачен турками и закован; жители Иерусалима по этому случаю избрали правителем, на время плена короля, Евстафия Гренье, владетеля Сидона и Цезареи и коннетабля королевства. Иосцелин успел убежать из плена и пытался освободить короля силой, но не успел; между тем, пользуясь пленом Балдуина II, на Иерусалим напал египетский султан, однако, Гренье разбил его при Иоппе; смерть Гренье в том же году (1124) поставила Иерусалим снова в опасное положение; на его место был избран владетель Тивериады, Вильгельм Бурис; к счастью для христиан, в это самое время к ним явилась неожиданная помощь из Европы: это был венецианский флот, предпринявший морской Крестовый поход.

XXII. В это время (1124 г.) венецианский дож (dux Venetiae) Доминик Михаил, услышав о крайнем положении Восточного государства (то есть Иерусалимского королевства), предпринял поход в Сирию вместе со знатными вельможами своей страны и собрал флот из 40 галер (galeis), 28 носатых кораблей (gatis) и 4 больших судна, предназначенных для перевоза тяжестей. Когда они пришли к о. Кипру, где о их прибытии слышали еще прежде, им было возвещено, что египетский флот находится у сирийских берегов и пристал к морскому городу Иоппе, где и остается к ужасу всего прибрежья. Узнав о том, дож приказал выйти в море и, изготовившись к войне, поспешил к берегу Иоппе. Между тем им дали знать, что тот египетский флот ушел из Иоппе и направился к стороне Аскалона. А именно, до египтян дошли худые слухи о своих, которые сражались с нашими на суше, и потому они вернулись в свой город. Так как венецианцы узнали и об этом через лазутчиков, то поплыли туда, сгорая желанием открыть неприятельский флот и сразиться с ним. Как люди предусмотрительные и опытные в подобных предприятиях, они немедленно построили флот в таком порядке, какой им казался удобнейшим. В их флоте были особого рода носатые корабли, которые называются *гатами* (gati): они больше галер и имеют по сто весел; при каждом весле два гребца. Но у них было еще, как мы сказали, 4 больших корабля, предназначенных для перевоза тяжестей, машин, оружия и продовольствия. Они поставили эти корабли вместе с гатами впереди, чтобы неприятель принял их издалека за купеческие суда, а галеры следовали за ними. Расставив корабли в таком порядке, они приблизились к берегу. Ветер был им весьма благоприятный, море тихо и неприятельский флот совершенно вблизи. Когда начало светать и утренняя заря возвестила приближение солнца, неприятель заметил подход флота, а когда совсем рассвело, он был уже возле него. В величайшем страхе и смятении схватились египтяне за весла, голосом и знаками приказывая рубить канаты, поднимать якоря, рассаживать гребцов по местам и, приготовившись к битве, взяли в руки оружие.

XXIII. Пока у неприятеля происходило смятение и величайшее замешательство, какое обыкновенно производит страх, одна венецианская галера, именно та, на которой был дож, полетела впереди прочих и случай-

Папа Александр III (1159–1181 гг.) вручает меч дожу Цани (1172–1178 гг.). Фреска Спинелло Спинелли (1333–1410 гг.). Сиена. Дворец коммуны. Персонажи одеты в костюмы XIV в.

но так ударилась в корабль, на котором находился неприятельский предводитель, что этот корабль почти совсем затонул, вместе со своими гребцами. За этой галерой следовали поспешно другие корабли и напали на неприятельские суда. Начался горячий бой; с обеих сторон дрались с ожесточением, и было столько побито, что те, которые там были, уверяют положительно, как то ни кажется невероятным, что ноги победителей стояли в крови неприятельской, и море сделалось красным на 2 тысячи шагов от сброшенных трупов и крови, стекавшей с кораблей. Берег же, рассказывают, так густо был усеян трупами, выкинутыми морем, что воздух от их гниения испортился окрест и произвел заразу. Долго сражались врукопашную, одни наступая, другие отражая. Наконец, при помощи Божией, венециане восторжествовали и, обратив неприятеля в бегство, одержали навеки памятную победу, вследствие которой они захватили 4 галеры, столько же гатов и один большой корабль; неприятельский вождь погиб в битве. После того как небо послало нашим такую победу, они не хотели терять даром времени и, по приказанию дожа, отправившись в Египет, прибыли к древнему приморскому городу Ларису, окруженному степью, и высматривали, не встретятся ли им еще неприятельские корабли; их желание снова исполнилось, как будто бы об всем, что случилось, они получали предварительное известие. Во время пребывания их в этих морях они заметили в недалеком расстоянии десять неприятельских кораблей. Они поплыли на

них со всей быстротой и с первого раза овладели ими силой. Людей, найденных на них, они частью убили, частью заковали в цепи. Эти корабли были с восточными товарами, а именно с пряностями и шелком. Все это они разделили, по военному обычаю, между собой и, значительно обогатившись, пришли в город Аккон.

XXIV. Когда владыка патриарх Иерусалимский Гормунд, государь Вильгельм Бурис, правитель и коннетабль королевства (constabularius et procurator), королевский канцлер Пэн вместе с архиепископами, епископами и другими вельможами, узнали, что у наших берегов находится венецианский дож с флотом и что он одержал столь славную победу над неприятелем, они отправили к нему послами людей умных и почетных поздравить его, венецианских вельмож и вождей войска от имени государя патриарха, князей и всего народа и выразить им свою радость по поводу их прибытия. Вместе с тем они приглашали их считать себя в королевстве как дома, наравне с гражданами и туземцами, и обещали со своей стороны исполнить в отношении их все законы гостеприимства. Вследствие того дож собрался в дорогу, отчасти желая посетить святые места, чего он так давно желал, а отчасти имея в виду переговорить с князьями, которые столь дружелюбно приглашали его; вместе со знатными своей страны, поручив предварительно надзор за флотом надежным людям, он отправился в Иерусалим, где был принят с большим почетом и провел там праздник Рождества Христова (1124 г.). Когда князья королевства убедительно просили его посвятить свои силы на некоторое время служению Христу для расширения пределов королевства, дож отвечал, что он и пришел именно с этой целью и что таково было его намерение. Вследствие того владыка патриарх и прочие князья государства заключили с ним договор, в силу которого они обязались взаимно осадить общими силами или Тир, или Аскалон, ибо все другие города от устья Нила (a torrente Aegypti) до Антиохии с Божьей помощью находились уже в нашей власти. Но при этом дело едва не дошло до опасной распри, ибо желания наших расходились в разные стороны: жители Иерусалима, Рамлы, Иоппе и Неаполя (Наплузы), также и окрестных стран этих городов, настаивали всеми силами на осаде Аскалона, ибо этот город стоял ближе к ним, и завоевание его, казалось, требовало меньших усилий и денег; жители же Аккона, Назарета, Сидона, Берита, Тивериады, Библоса и других приморских городов требовали направить все силы на Тир, ибо этот город самый важный и хорошо укрепленный, а потому нужно употребить все усилия для овладения Тиром, чтобы неприятель не пользовался им с целью вторгаться в нашу страну и снова завоевать ее. Вследствие такой раздельности мнений, как я сказал, само предприятие едва не было совсем отложено. Наконец, по предложению некоторых, устроилось дело так, что согласились решить спор жребием; сам способ жребия был довольно благовиден. А именно, взяли два свертка пергамина и написали на одном: Тир, на другом – Аскалон. Оба эти свертка положили на алтарь и приказали одному из невинных и сирых детей выбрать, какой он хочет, сверток; какой город окажется на пергамине, избранном им, тот и должен быть осажден общими силами без дальнейших споров. Жребий указал на город Тир. Все это мы слышали от старожилов, которые заверяли нас, что они сами присутствовали при этом. Когда дело было решено, владыка патриарх и знатные той страны вместе со всем народом собрались в город Аккон, в гавани которого стоял на якоре венецианский флот. Дав взаимно клятву верно хранить условие заключенного договора и приготовив все необходимое, они приступили 15 февраля (1025 г.) к двойной (то есть с суши и с моря) осаде вышеупомянутого города.

XXV. Чтобы не упустить ничего, что имеет отношение к древностям тех событий, я решился записать здесь хартию привилегий, в которой были изложены условия договора, заключенного между венецианами и князьями королевства Иерусалимского, как то следует ниже:

«Во имя святые и нераздельные Троицы, Отца и Сына и Святого Духа!

Во время, когда правил Римской церковью Папа Каликст II, а государством Ав-

густ, римский император Генрих IV (IV как император и V как германский король Саксонского дома), в самый год (1125) окончания спора государства с церковью за перстень и жезл и созвания собора в Риме *Доминик Михаил*, герцог Венеции и князь Далмации и Кроации, поразил тяжко флот царя Вавилонского (то есть египетского калифа), близ негостеприимных берегов Аскалона, прибыл, наконец, победоносно в Иерусалим на помощь нуждавшимся в том христианам. В то время король Балдуин II Иерусалимский за наши грехи находился в неприятельских оковах у князя парфян Балака вместе с многими другими. Посему Мы, *Гормунд*, Божьей милостью, патриарх св. города Иерусалима вместе с подвластными нашей церкви братиями и с коннетаблем Вильгельмом Бурисом, канцлером Пэном, и в присутствии рыцарства всех баронов государства, собравшись в Акконе, в церкви св. Креста, подтвердили в пользу св. евангелиста Марка (то есть патрона Венеции), вышеупомянутого герцога, его преемников и всего венецианского народа, те обещания, которые были даны вышереченным королем Балдуином, как то значится в его посланиях, и те предложения, которые сделали посланники, отправленные королем в Венецию к этому самому герцогу, обязуясь к тому собственноручной подписью епископы и канцлеры подписью и лобызанием мира, как то предписывают законы нашего ордена; все же бароны, имена которых подписаны ниже, клятвой над св. Евангелием, дабы все обещанное на словах и изложенное в грамоте было выполнено в пользу его и его народа без малейшего спора и сохранилось на вечные времена. *Аминь!*

Во всех городах, состоящих под властью вышеупомянутого короля и его преемников, равно и их баронов, венециане имеют церковь, целую улицу, площадь или баню и пекарню в вечное и наследственное владение, свободное от податей и на праве королевской собственности. Но относительно площади в Иерусалиме они пользуются правом собственности настолько, насколько пользуется сам король. Если они пожелают в Акконе устроить пекарню, мельницу, баню, весы, четверики (modios) и ведра (buzas) для измерения вина, масла и меда в своем квартале (in vico suo), то да будет разрешено всем жителям города пользоваться тем свободно для печения, молотья и мытья, как бы то было королевской собственностью. Относительно мер и весов поступать следующим образом: если венециане торгуют между собой, то могут употреблять венецианскую меру, и по этой же мере они продают свой товар другим нациям; если же венециане приобретают куплей у других наций, не у венециан, то в таком случае они должны употреблять королевскую меру и платят определенную цену. При этом венецианцы ни под каким видом не платят пошлин, будут ли они установлены обычаем, или другим способом, ни при въезде, ни при пребывании, ни при продаже, покупке или выезде, кроме того случая, когда они на кораблях привезут или увезут пилигримов и когда обязуются по королевскому обычаю уплачивать третью часть королю. За то король Иерусалимский и все мы обязуемся, согласно договору, платить из казны города Тира, из доли короля, в день апостолов Петра и Павла, ежегодно по 300 сарацинских византинов. Кроме того, мы обязуемся герцогу Венеции и вашему народу не брать с тех народов, которые торгуют с вами, больше того, сколько они платили до сих пор и сколько мы берем с тех, которые торгуют с другими народами. Мы утверждаем также за св. Марком и вами, герцогом Домиником Михаилом и вашими преемниками, в силу этого договора, ту часть площади и улицы в Акконе, которая замыкается с одной стороны домом Петра Цанна, а с другой монастырем св. Димитрия, и другую часть той же улицы, где находятся один деревянный и два каменных дома, которые прежде были выстроены из тростника; эта часть была уступлена королем Иерусалимским Балдуином св. Марку и государю герцогу Ордолафу и ее преемникам еще прежде, при завоевании Сидона; во всем этом мы уступаем вам на вечные времена право держать, владеть и распоряжаться, как то будет угодно. И в другой части той улицы, которая идет в прямом направлении от дома Бернгарда из Невшате-

ля, принадлежавшего прежде Иоанну Юлиану, до дома Гвиберта из Иоппе, уроженца Лауды, мы препоручаем вам ту же власть, какую там имеет король. Также ни один венецианец во всей стране короля не должен вносить пошлин ни при въезде, ни при пребывании или при отъезде ни под каким предлогом, и остается свободным, каким он был в Венеции. Если случится судебное дело или ссора между двумя венецианами, то пусть судятся в курии венециан, также если один венецианец представляет требование или притязание на другого. Но если венецианец подает жалобу на невенецианца, то ее следует разбирать в королевской курии. Если умрет венецианец, то его имущество возвращается венецианам, оставил ли он завещание или нет, что у нас называется умереть «без языка». Если венецианец претерпел кораблекрушение, то он ничего не лишается из имущества; в случае же его погибели при крушении его добро остается наследникам или венецианам. Над жителями, поселившимися в квартале венециан или в их домах, венециане имеют то же право суда и обычая, какое имеет король над своими. Наконец, венецианам предоставляется в вечное, наследственное и бесспорное владение третья часть с ее принадлежностями в обоих городах, Тире и Аскалоне, и во всех окрестных им странах, которые ныне находятся во власти сарацин, а не франков, и которые с Божьей помощью будут, начиная с Петрова дня, завоеваны вместе с венецианами, или без них; и этой третьей частью они будут распоряжаться на тех же правах, какими пользуется король в своих двух частях. Относительно всего этого Мы, патриарх Иерусалимский, устроим так, чтобы все те условия были утверждены на Евангелии королем, когда он со временем Божьей помощью возвратится из плена. Если же будет избран другой король, то мы или постараемся, чтобы он еще до вступления на престол утвердил вышеуказанные обещания, или в противном случае мы никаким образом не дадим нашего согласия на его возвышение. Точно так же и подобным же образом будут давать утверждение наследники баронов и все будущие бароны. Что же касается вопроса об Антиохии, по поводу которого мы знаем положительно, что король Балдуин II обещал вам, венецианам, дать те же права и в Антиохии, как и в прочих городах королевства, если только народ антиохийский согласится на утверждение королевского обещания, то Мы, Гормунд, патриарх Иерусалимский, равно как епископы, духовенство, бароны и народ иерусалимский, содействуя вам словом и делом, обещаем честно выполнять все, о чем пишет государь Папа и что мы изложили выше, для увеличения чести венецианского имени.

Я, *Гормунд*, Божьей милостью патриарх Иерусалима, собственноручной подписью скрепляю все вышеизложенное.

Я, *Эбремар*, Цезарейский архиепископ, равномерно и то же самое подтверждаю (далее следуют подписи еще семи духовных лиц и коннетабля Вильгельма Буриса).

Дано в Акконе рукой Пэна, канцлера короля Иерусалимского, в 1123 г.[1], второго индикта».

Кончается книга двенадцатая.

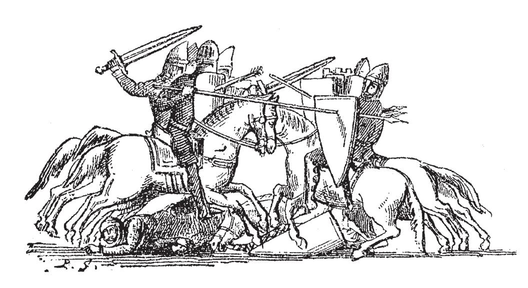
Начинается книга тринадцатая

В первых двух главах этой книги автор пишет историю города Тира с большой подробностью, так как ему пришлось говорить о своей родине; начав со времени финикиян, он переходит к эпохе греков, приводит места из Библии и Евангелия, где упоминается Тир, и наконец, сделав общий географический обзор всей Финикии, переходит к топографическому описанию Тира и его укреплений перед осадой города крестоносцами, 15 февраля 1124 г.

III. Вышеупомянутый город (то есть Тир) был не только весьма укреплен, но и замечателен по плодородию своей почвы и красоте местоположения. Хотя он стоял в море и подобно острову весь омывался волной, но тем не менее в виду его ворот на материке расстилалось широкое поле, отличное во всех отношениях, и большая равнина, доставлявшая своим плодородием огромные выгоды для жителей. Хотя эта равнина в сравнении с другими подобными местностя-

---

[1] По нашему порядку счисления, 1124 г.



Схватка рыцарей в XII в. По миниатюре из рукописи «Саксонское зерцало». Гейдельберг

ми может показаться небольшой, но ее малый объем возмещался плодородием, и разнообразные богатства почвы пополняли ограниченность пространства. Впрочем, она не была уже слишком мала, ибо простиралась на юг до Птолемаиды, у места, которое ныне называется Проходом Скандариона (то есть Александра Великого; выше автор назвал это же место Скандалием), на 3 или 4 мили в длину; на север, до Сарепты и Сидона, на столько же миль; а в ширину на 2 мили, где было у́же, и на 3 в самом широком месте. На этой равнине находилось множество источников, из которых била чистая и здоровая вода, доставлявшая прохладу во время чрезмерных жаров. Между такими источниками лучшим и знаменитейшим был тот, который воспет в песнях Соломоном: «Источник садов, колодезь живой воды, которая стремительно течет с Ливана» (Песни Песней, 4, 15). Хотя этот источник берет свое начало в самом низком месте всей равнины и выходит из глубины земли, а не стекает с гор, подобно многим другим ключам, но тем не менее вода его искусственно поднимается на высоту и, орошая богато всю страну, делает ее способной к различному употреблению. Вода именно поднимается в каменный водопровод, удивительной работы и твердый как железо, футов на десять в высоту, и, будучи мало полезной в своем естественном виде, сделалась благодетельной для страны вследствие искусства, победившего природу, и щедрой поливкой содействовала произращению плодов. Если подойти ближе, чтобы рассмотреть это удивительное здание, то снаружи увидишь высокую башню и никаких следов источника. Если же подняться наверх, то представится бассейн воды, от которого идут желоба одной с ним высоты и такой же твердости, а по ним вода растекается по всей местности. Для желающих подняться на высоту устроены прочные каменные ступени, по которым можно всходить без малейшего затруднения. Вся окрестная страна получает удивительные выгоды от этого источника, так что ею пользуются не только сады, плодоносные деревья и овощи, но, благодаря ей, там растет сладкий тростник, из которого добывается *сахар* (zachara), столь необходимый и драгоценный по своему употреблению для здоровья человека; оттуда его развозят купцы в самые отдаленные страны мира. Там же приготовляют весьма искусно лучшие сорта *стекла*, которое занимает первое место между необходимейшими предметами, из песка, собираемого в той равнине, и рассылаются в отдаленнейшие страны для переработки его в превосходные сосуды, замечательные своей прозрачностью и чистотой; вследствие того имя Тира знаменито среди чужих народов, и купцы от этой торговли получают большие барыши. Впрочем, этот город отличался не одной своей производительностью, но и своими несравненными твердынями, о чем будет сказано ниже. По причине своих укреплений и превосходного положения Тир был дорог и драгоценен владетелю Египта, могущественнейшему из всех князей в земле между Лаодикеей в Сирии и раскаленной Ливией, и он смотрел на него как на опору и оплот своего государства, почему и снабдил его съестными припасами, оружием и отличным гарнизоном; он думал, что пока цела голова, до тех пор и члены тела в безопасности.

IV. 15 февраля (1124 г.), как мы сказали выше, наше войско обступило город с суши и с моря и осадило его, насколько могло. Город же, по словам пророка Иезекииля (Песни Песней, 27,4), находился «в сердце моря» и был окружен со всех сторон водой, исключая узкое пространство на один полет стрелы. По уверению древних, Тир лежал совершенно на острове и был отделен от материка. Могущественный государь Ассирийский Навуходоносор старался при своей осаде Тира соединить его с твердой землей, но не успел окончить предприятия.

По этому случаю автор делает большое отступление и до конца главы говорит об осадах Тира в различные времена, при Салманассаре и Александре Великом, цитируя по этому поводу библейских и греческих писателей.

V. Таким образом, как мы сказали, вышеупомянутый город подобен острову и стоит в море, весьма бурном и своими подводными скалами и отмелями представляющем много опасностей чужеземцу, который, не зная местности, подплывает к городу; кто решится приблизиться к нему без лоцмана, хорошо знакомого с берегами, неизбежно претерпит кораблекрушение. Сам город со стороны моря обведен вокруг двойными стенами, которые на равном пространстве имеют довольно высокие башни. С востока же, где можно проникнуть в город сухим путем, сооружена тройная стена, снабженная весьма толстыми и близко друг от друга стоящими башнями замечательной высоты. Сверх того, на этой стороне выкопан широкий ров, который жители могут легко наполнить морской водой с обеих сторон. На севере лежит внутренняя гавань, вход в которую загражден двумя башнями; она находится внутри стен. Извне гавань защищается против волн и напора бурного моря островом, который между собой и материком представляет безопасную стоянку для кораблей, недоступную для всех ветров, кроме северного. Там-то и расположился покойно на якоре флот (венецианский), а войско, овладев соседними виллами, разбило свой лагерь вокруг, так что осажденные не могли ни войти, ни выйти, и заперлись в стенах. Город Тир имел двух владетелей. Египетский калиф, как верховный владетель, пользовался двумя частями, а третью предоставил князю Дамаска с тем, чтобы он, как более близкий к городу, не угрожал какой-нибудь опасностью. Жители города были знатные и богатые люди, ведшие постоянную торговлю на море почти со всеми провинциями, лежащими на берегах Средиземного моря, вследствие чего город был наполнен чужеземными товарами и всякого рода богатствами. Сверх того, по твердому положению города туда сбежалось много знатных и зажиточных жителей из Цезареи, Птолемаиды, Сидона, Библоса, Триполя и других приморских городов, доставшихся в наши руки; они купили там много домов, считая невозможным, чтобы столь укрепленный город мог каким бы то ни было образом достаться во власть наших. А именно, городская крепость казалась неприступной и единственной в целой стране твердыней, какой она остается и до настоящего дня.

VI. Сняв с кораблей груз и устроив его, венециане вытащили суда на берег, исключая одной галеры, которая оставалась на всякий случай готовой, а наши прорыли глубокий ров от верхней части моря до нижней, так что вся армия была им окружена. Затем принесли с кораблей необходимые материалы, которые были привезены венецианами во множестве, созвали рабочих и устроили машины различного рода. Владыка патриарх, представлявший собой особу короля вместе с прочими князьями государства, пригласил плотников и архитекторов, чтобы построить из доставленных материалов башню такой высоты, чтобы с нее можно было вступить врукопашную с теми, которые находились на башнях, и обозревать весь город. Также он приказал изготовить метательные орудия, чтобы массой камней потрясти стены и башни и внушить страх жителям. Дож вместе со своими людьми устроил подобные же машины, чтобы не отстать в этом отношении от королевского войска, и разместил их в соответственных тому местах. Так ревностно вели они начатое дело и нисколько не охлаждались в предпринятом, стесняя все более и более жителей и беспрерывно тревожа город своими машинами. Их нападения и приступы не давали покоя осажденным. И эти, со своей стороны, помышляя о защите, употребляли все, чтобы отразить наших и причинить им вред. Нашим машинам они противопоставили свои и поражали наши такими огромными камнями, что навели страх, и никто из наших не осмеливался оставаться в них; даже те, на долю которых выпадала защита башен, не осмеливались иначе приближаться к ним, как бегом, и с величайшей опасностью держались в них. Неприятель, стоя на высоких башнях, пускал из луков и пращей такое множество стрел

и дротиков в тех, которые с нами сражались при помощи башен и машин, и с такой силой метал камни, что наши едва осмеливались высовывать руки. Но и наши, находившиеся в башнях, отвечали щедро на выстрел выстрелом и, отражая силу силой, до такой степени утомляли противников, расположенных в башнях и на стенах, что они не могли переносить всей тяжести борьбы и несколько раз в день переменялись. Между тем наши машины, управляемые людьми более опытными, пускали страшные камни с такой силой, что, попадая в башню или стену, они потрясали все и почти разрушали. От рассыпавшихся камней и разбитой обмазки поднималась такая пыль, что неприятель, стоявший на стенах и на башнях, не мог за ней, как за облаком, видеть никого из наших. Если же камни, перелетев башню и стены, падали в город, то от их тяжести огромные здания распадались на части и давили своих жителей. Между тем пешие и конные люди мужественно и отважно сражались ежедневно с теми, которые выходили из города для борьбы с ними. По большей части, наши сами вызывали осажденных, но иногда и граждане нападали на осаждавших по личному побуждению.

VII. Когда таким образом наши ежедневно сражались с переменным счастьем, то стоя на машинах, то у ворот, где обе стороны вызывали друг друга на бой, по призыву князей королевства, явился в лагерь государь Понций, граф Триполя, со значительной дружиной, и, по-видимому, удвоил своим прибытием силу и отвагу наших, внушив в то же время неприятелю опасение в невозможности дальнейшего сопротивления. Но в городе находилось тогда 700 всадников из Дамаска, которые своим примером внушали мужество знатным гражданам, изнеженным и не привыкшим к военному делу, и сами много содействовали защите города. Но и эти всадники, видя, как наши силы возрастают с каждым днем, и как все предпринимаемое нами удается, силы же граждан исчерпываются, сами оробели и начали благоразумно отклонять от себя тяжесть, которую не могли вынести; впрочем, они не советовали гражданам сдаваться и убеждали их иметь доверие к собственным силам. Город же представлял тогда, как и ныне (то есть в конце XII в.), только один вход и одни ворота, ибо он, как мы сказали выше, образовывал собой почти совершенный остров и омывался со всех сторон волнами, исключая узкого перешейка, который вел к воротам, и где с различным успехом, как то обыкновенно бывает в подобного рода стычках, пешие и конные сражались беспрерывно.

В следующих главах, от VIII до XIII (включительно), автор делает отступление, в котором описывает нападения на Иерусалим жителей Аскалона и вторжение дамасского султана, с целью отвлечь христиан от Тира; но все эти попытки остались неудачными, и султан Дамаска предложил мир, по которому Тир сдался крестоносцам, а жители его получили право или свободно выйти, или остаться по-прежнему в городе, с сохранением прав на свое имущество.

XIV. После того (то есть после сдачи города Тира) жители, истомленные осадой, чтобы забыть свои бедствия, вышли в лагерь наших с целью посмотреть на этот железный, терпеливый в труде и опытный в военном деле народ, который мог в несколько месяцев довести до крайности столь превосходный и укрепленный город и принудить его подчиниться самым тяжким условиям. Их занимали и форма машин, и высота осадных башен, и роды оружия, и расположение лагеря; они расспрашивали имена князей и тщательно разведывали все, чтобы передать потомству верный рассказ о том. И наши ходили по городу, дивились его укреплениям, прочности домов, высоте башен, толще стен, красоте ворот, трудностям входа и славили упорство граждан, которые, будучи угнетаемы голодом и всякого рода лишениями, медлили до того времени сдачей города, так как по взятии его оказалось в нем всего пять мер хлеба. Хотя простому народу сначала казалось тяжелым, что город был сдан на тех условиях нашим, но впоследствии они были весьма довольны, славили свои подвиги и в то же время считали достойным вечной памяти дело, совершенное усилиями нашего войска. После того, когда город был разделен так, что две части достались королю, а третья, в силу того договора, венецианам, каж-

дый, оставаясь довольным, с радостью вступил во владение своей собственностью. Город же был взят и возвращен христианскому миру 29 июня в год от воплощения Господня 1124-й, в шестой год правления государя короля Балдуина II в Иерусалиме.

XV. 29 августа того же года государь король Балдуин Иерусалимский получил с Божьей помощью свободу после того, как он находился в плену у неприятеля 18 месяцев и даже более, обещав внести выкупную сумму и дав заложников, и возвратился в Антиохию. Сумма же, которую он должен был уплатить, равнялась ста тысячам *михаелитов* (michaelitarum), монета, которая в тех странах была употребительнейшей на рынке и в торговых делах. Придя в Антиохию озабоченный, каким образом он может добыть выкупную сумму и возвратить свободу заложникам, он совещался с опытными людьми, как пособить этому делу. Ему советовали осадить Алеппо, остававшийся пустым и терпевший от недостатка съестных припасов; таким образом, говорили ему, будет легко принудить жителей, испуганных осадой, или возвратить заложников, или заплатить столько денег, сколько он обещал за свой выкуп. Это предложение понравилось Балдуину; он созвал рыцарство со всего княжества, окружил Алеппо, по принятому обычаю, лагерем в форме круга, и до того прекратил жителям вход и выход, что они вынуждены были довольствоваться даже теми ничтожными припасами, которые у них оставались.

Конец этой главы посвящен описанию неудачной осады Алеппо, на помощь которому поспешили соседние владетели, и Балдуин возвратился с пустыми руками в Иерусалим. В остальных главах XIII книги (XVI–XXVIII) автор излагает последние годы правления Балдуина II (1124–1131 гг.), которые были наполнены постоянной борьбой его то с султаном Дамаска, то с египетскими калифами, но почти без всяких результатов. Между тем пришел в возраст князь Антиохии, Боэмунд II; Балдуин, выдав за него дочь свою Алису, передал ему отцовское наследство, но вскоре молодой князь был убит в войне с Дамаском, и жители Антиохии вторично вручили власть королю Балдуину II; устроив там все дела, он возвратился в Иерусалим, где в том же году (1131) и умер после тяжкой болезни, передав престол своему зятю Фулько Анжуйскому, женатому на его дочери Милизенде, и их сыну, двухлетнему Балдуину (III). Этим событием и оканчивается XIII книга.

Belli sacri historia, libri XXIII. Кн. XII и XIII.

Вильгельм Тирский

ФУЛЬКО АНЖУЙСКИЙ И БАЛДУИН III: ЗАВОЕВАНИЕ ЭДЕССЫ МУСУЛЬМАНАМИ. 1131–1162 гг. (между 1170 и 1184 гг.)

Начинается книга четырнадцатая

I. После отозвания из здешнего мира государя Балдуина, второго короля Иерусалимского из латин, прозванного Бургским, ему наследовал зять его, государь Фулько, граф Тура, Мэна и Анжу, за которого вышеупомянутый король, как мы сказали выше, выдал свою первородную дочь Милизенду (в 1129 г.). Был же Фулько рыжеволосый, но так, как и Давид, который пришелся Господу по сердцу, ибо он был верен, кроток и, несмотря на цвет своих волос, приветлив, благоразумен и сострадателен, в милостыне и добрых делах щедр, по рождению могуществен; свои чтили его еще до призвания к управлению королевством; в военном деле он был весьма опытен, в походе (in bellicis sudoribus) неутомим и осмотрителен; роста среднего, но весьма пожилой: лет шестидесяти; к числу его недостатков, которым он был подвергнут, как человек смертный, относилось и то, что он имел необыкновенно слабую и сбивчивую память, а потому не мог удерживать в голове даже имен своих домашних, и весьма немногих узнавал по чертам лица; таким образом, ему случалось кому-нибудь оказывать всевозможные почести и доверчиво беседовать с ним, а потом, встретив его нечаянно, спрашивать, что это

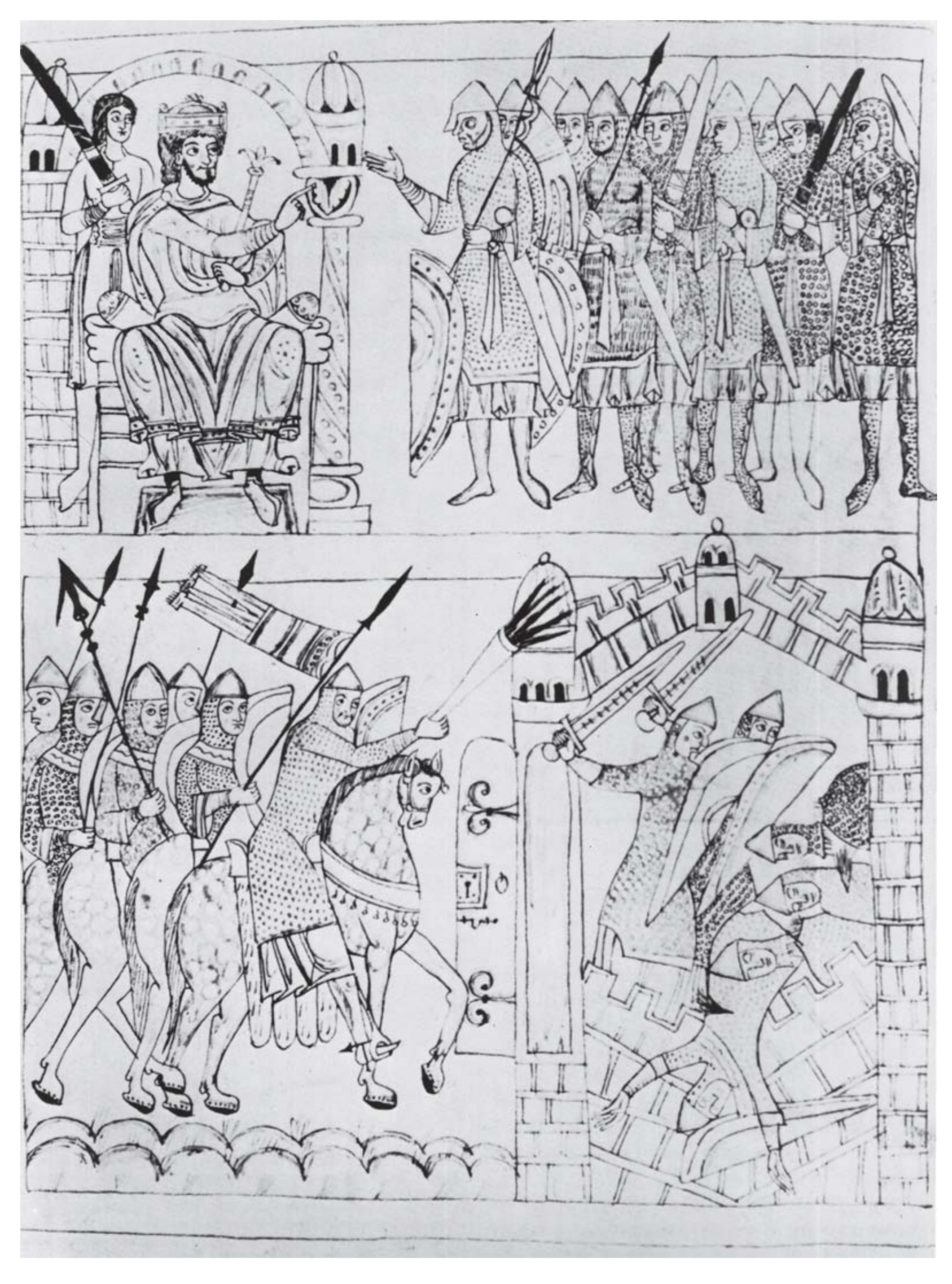
Рыцарское снаряжение в XI–XIII вв.

за человек. Это обстоятельство приводило в затруднение многих, кто, рассчитывая на дружбу с ним, хотел принять на себя ходатайство перед ним за других, ибо они видели необходимость, чтобы кто-нибудь напомнил ему их самих.

Конец этой главы посвящен генеалогии дома Фулько Анжуйского, который дал королей Франции, Англии и Иерусалиму; мать Фулько, Бертелея (или Бертрада Монфор), бежала от мужа и вышла замуж за Филиппа I, короля французов, в 1092 г., что навлекло на него проклятие Папы на Клермонском соборе; старший сын Фулько, от первого его брака с графиней Мэн, Гвибургой, Готфрид, граф Анжуйский, женился на дочери Генриха I, короля Англии, Матильде, вдове императора Генриха V; сын его Генрих Плантагенет вступил на английский престол под именем Генриха II.

II. Фулько ходил на поклонение в Иерусалим еще прежде, нежели его приглашал туда король Балдуин (II), а именно, после смерти своей первой жены (Гвибурги Мэн) и своим великодушием, которое он обнаружил в служении Господу, содержа на своей счет целый год сто всадников в королевстве, справедливо снискал благорасположение государя короля и всего народа и доверенность всех князей. По возвращении своем (во Францию) он переженил своих сыновей, выдал замуж дочерей и устроил графство наилучшим образом. Когда прошло несколько лет после его возвращения и мудрого управления делами, государь король Иерусалимский (Балдуин II), заботясь о том, кого нужно назначить преемником и мужем своей перворожденной дочери, долго совещался и, по всеобщему присуждению всех князей и радостному согласию народа, отправил к нему некоторых из князей, а именно Вильгельма Буриса и Гвида Брисбарра, предлагая ему сделаться зятем и преемником его. Устроив дела, приведя в порядок графство и дав благословение своим детям, он отправился по призыву короля в Иерусалим, сопровождаемый некоторыми из своих вельмож. Когда он прибыл туда, король, сообразно договору, дал ему через несколько дней в жены свою первородную дочь (Милизенду) и уступил в приданое два приморских города, Тир и Птолемаиду, которыми он владел три года и по которым он всегда носил титул графа. После того как государь король (Балдуин II) умер 21 августа в год от воплощения Господня 1131-й, этот граф вместе со своей женой 14 сентября, в праздник Воздвижения Креста, в храме св. Гроба был венчан и посвящен в короли блаженной памяти иерусалимским патриархом.

Последующие главы XIV книги до конца и вся XV книга посвящены автором изложению главных событий правления короля Иерусалимского Фулько: Фулько почти до последних лет своего царствования вел постоянную и неудачную войну с могущественным султаном Мосула, Сангвином (Зенги); но, кроме того, при нем явился новый враг крестоносцев, в лице сына Алексея Комнина, Иоанна Мавра, который потребовал исполнения обязательств, данных латинскими князьями его отцу. Антиохия была взята греками, и князь ее Раймунд должен был дать личную присягу греческому императору. Иоанн, под предлогом благочестия, хотел проникнуть в Иерусалим, но Фулько сумел отклонить его намерение. Случайно полученная императором рана на охоте изба-



Фрагменты росписи XII века о войнах библейских времен. На них показано оружие и снаряжение, типичное для участников Первого и Второго крестовых походов

вила крестоносцев от нового врага; Сангвин также прекратил нападения, и в последний год своего царствования Фулько мог начать наступательную борьбу с турками. Но во время приготовления к осаде Аскалона он упал с лошади в окрестностях Аккона и умер 13 ноября 1143 г. Описанием его смерти завершается XV книга истории нашего автора; до сих пор, то есть до 1144 г., он писал по показаниям других; начиная с XVI книги, автор говорит уже как очевидец, и потому эта вторая часть его труда приобретает особенное значение как самостоятельный источник. С этого же времени начинается постепенное падение Иерусалимского королевства, и смуты времен Фулько давали уже то предчувствовать.

Начинается книга шестнадцатая

Пролог

Все, о чем я писал до настоящего времени (то есть до 1144 г.), собрано мной из известий, составленных другими, которые обладают хорошей памятью в отношении старинных событий, почему мне и было весьма трудно, опираясь на чужую помощь, проследит истину совершившегося, порядок фактов и годов; впрочем, я старался, насколько мог, изложить верно свою историю. Но следующее затем отчасти было видено собственными моими глазами (fide oculata) или почерпнуто мной из достоверных рассказов тех, которые были свидетелями событий. А потому, опираясь на такую двойственную силу, я надеюсь с Божьей помощью изложить дальнейшее и передать его потомству с большей верностью и с меньшим трудом, ибо, во-первых, новейшие события вообще лучше удерживаются в памяти, и потом воспринятое глазом не так легко забывается, как услышанное, с чем совершенно был согласен и наш Флакк (то есть Гораций), когда он говорил:

То, что через ухо проходит, слабее наш дух поражает,
Нежели то, что увидено было глазами своими:
Сам повествует себе очевидец.

I. После смерти государя Фулько, третьего иерусалимского короля из латин, ему наследовал государь *Балдуин III*, сын его от королевы Милизенды, имевший единственного малолетнего брата семи лет по имени Амальрик; впоследствии, когда король Балдуин умер бездетным, он вступил после него на престол, как о том рассказано будет ниже. Государю Балдуину было 13 лет, когда он получил власть, а правил он 19 лет (1143–1162 гг). Он был юношей, подававшим большие надежды, и уже в то время в нем обнаружились признаки, по которым можно было заключить о подвигах зрелого его возраста. Придя в лета, он отличался перед всеми князьями прекрасной наружностью, живым характером и цветом красноречия. Роста был он высокого, даже выше обыкновенно высокого, и члены его тела были так пропорциональны с его ростом и друг с другом, что ни одна часть ни в чем не нарушала гармонии целого. Он имел красивое лицо и живой цвет, свидетельствовавший о живости духа; во всем этом он походил на мать и своего деда. Его глаза были умеренно велики и несколько выдавались вперед, блестя кротостью; волосы плоские и не совсем русые; на щеках и подбородке густая борода, которая шла к его лицу; плотность же тела вообще была такова, что его нельзя было назвать, как его брата, толстым, ни худощавым, как его мать. Одним словом, его наружность была так великолепна, что по ее достоинству всякий мог легко узнать в нем короля.

II. Этой телесной красоте соответствовали добрые внутренние качества: он отличался быстротой понимания, редким красноречием и достоинством характера не уступал ни одному из князей. Он был весьма приветлив и сострадателен и, будучи щедрым сверх сил в отношении других, никогда не покушался на чужое добро, не делал притязания на церковное имущество и не отнимал, как расточитель, богатства своих подданных. Что редко бывает в этом возрасте, он еще в юности обнаруживал богобоязненность и питал уважение к предписаниям церкви и к ее прелатам. С живостью духа он соединял весьма твердую память; был достаточно образован (literatus), гораздо более своего брата Амальрика, который наследовал ему в управлении, и всякий час, свободный от государственных дел, он с удовольствием посвящал на чтение. Осо-

бенно любил он слушать историю о деяниях и нравах древних королей и лучших правителей; его занимали также разговоры с учеными людьми, а также и с умными светскими лицами. Его приветливость была до того велика, что он при встрече с самыми ничтожными личностями говорил с ними, называя по имени, и если кто хотел к нему подойти и встречался с ним, то он или сам начинал разговор, или по крайней мере никому не отказывал в ответе, который желали получить от него. Всем этим он снискал такую любовь простого народа и высших классов (plebi et patrum), что оба сословия (то есть светское и духовное) ставили его гораздо выше всех его предшественников. В труде он был настойчив, а в военное время при затруднительных обстоятельствах обнаруживал крайнюю предусмотрительность, как то следует хорошему вождю; в тяжкое время, которое выпало на его долю вследствие его усилий распространить государство, он выказывал царственную решимость, и самоуверенность храброго человека никогда не оставляла его. Он знал вполне обычное право, которое господствовало в Восточном королевстве (то есть Иерусалимском), так что старейшие князья в государстве просили его опытного совета в сомнительных случаях и удивлялись его познаниям. Его речь была приятна и полна шуток, и он имел прекрасный дар находиться с каждым, с людьми всех возрастов и всех состояний. Он был также весьма учтив и вежлив, но только слишком откровенен, и если что ему не нравилось в друзьях, то он высказывал им то прямо в глаза, не обращая внимания, оскорбляет ли это их или нет; но свобода его выражений мало раздражала тех, к кому она относилась, ибо он не имел злобного намерения, но говорил так вследствие своего веселого характера или даже легкомыслия; ему тем охотнее прощали, что он сам совершенно равнодушно переносил всякое колкое слово. Но пагубной игре в кости он был более предан, нежели сколько то было прилично королевскому сану, и плотские его наклонности нарушали брачные права других. Но все это происходило в его юности; сделавшись же мужем, он, по слову апостола, отбросил от себя все детское. Своими отличными качествами он загладил грехи юности и, женившись, оставался верным своей супруге. С развитием рассудка он оставил все, что делал во время легкомысленной юности неугодного Богу и достойного порицания. В еде и питье он был умерен не по летам и боялся невоздержанности, как причины всех пороков.

III. После смерти отца своего, 10 ноября, он был в присутствии собравшихся князей и прелатов церкви в храме св. Гроба торжественно помазан в короли, посвящен и вместе с матерью коронован рукой блаженной памяти владыки патриарха Иерусалимского Вильгельма, в день праздника Р. Х., в год от воплощения Господня 1142-й, когда управляли Римской церковью владыка Папа Евгений III, антиохийской – Эммерик, иерусалимской – Вильгельм и тирской – Фулько. Мать его была женщина мудрая, в делах государственных весьма опытная и столь далекая от обычных слабостей своего пола, что осмеливалась на самые отважные предприятия и старалась сравняться в величии духа с первейшими князьями. Она так превосходно управляла государством во время малолетства своего сына, что ее справедливо ставили наряду с предками, и пока ее сын следовал ее советам, народ наслаждался полным спокойствием и дела шли в наилучшем порядке. Но когда легкомысленные люди увидели, с каким благоразумием королева уничтожает все их усилия завлечь короля, они начали стараться склонять его, который, по обычаю молодых людей, был злу легко доступен и чуждался добрых наставников, чтобы он отказался от опеки своей матери и сам вступил бы в управление государством. Они именно говорили ему, что королю, который должен стоят выше всех, неприлично, как ребенку простолюдина, висеть всегда на шее у матери. Эти усилия, происходили ли они от легкомыслия или от злобы, повергли все государство в погибель, как мы о том расскажем подробнее, если дойдем до того времени в нашей истории.

IV. В том же самом году, между днем смерти государя Фулько и вступлением на престол государя короля Балдуина (в конце ноября или в начале декабря), злодей Сангвин (Зенги), могущественнейший между ту-

рецкими князьями, владетель города, который в древности назывался Ниневией, а ныне зовется Мосулом и считается главным городом страны, известной в древности под названием Ассирии, осадил с большой армией великий и знаменитый город мидян, Эдессу, более известную под названием Рагес и лежащую за Евфратом, на один день пути от реки; при этом он рассчитывал частью на силу и численность своего народа, а частью на разрыв, происшедший между князем Антиохийским Раймундом и Иосцелином, графом Эдессы. Этот граф, в противность своим предшественникам, перенес свое постоянное жительство из Эдессы в местечко Турбессель на Евфрате, отчасти по плодородию этой страны, а отчасти с целью жить спокойнее; поместившись далее от места борьбы с врагами, он предался удовольствиям и перестал заботиться о том великом городе. Жителями же его были халдеи и армяне, народ не воинственный, ничего не понимавший в военном деле и преданный исключительно торговле. Латины заходили туда редко, и только немногие жили в городе. Забота об охране города возложена была на одних наемников, которые не всегда вовремя получали жалованье и даже большей частью ждали по целому году. Когда оба Балдуина (I и II Буржский) и Иосцелин Старший получили графство Эдессу, они основали свое местопребывание в самом городе и наполнили его из окрестных стран съестными припасами, оружием и всем необходимым, так что город не только не боялся чуждого нападения, но и сам справедливо наводил страх на другие соседние города. Как мы сказали выше, князь Антиохийский и граф (Иосцелин Младший) вступили во вражду, которая не была более тайной и вышла наружу; каждый старался только о том, чтобы причинить зло другому, и даже радовался, если другой испытывал несчастье. Всем этим воспользовался вышеупомянутый великий князь Сангвин и подступил к городу с бесчисленной конницей, набранной со всего Востока, и с пехотой из окрестных городов. Таким образом, он осадил Эдессу и окружил ее жителей так, что ни они не могли выйти, ни кто другой проникнуть к ним. Кроме того, в городе испытывали большой недостаток в съестных припасах и в других предметах необходимости. Город был окружен крепкой стеной, а верхняя его часть защищена высокими башнями, так что и по завоевании города там можно было найти еще убежище. Но все это служит хорошим средством против неприятеля, если в городе есть люди, которые сражаются за свою свободу и имеют решимость дать мужественный отпор врагу; если же между осажденными нет никого, кто хотел бы сопротивляться, то и стены и башни бесполезны для города, когда их никто не защищает. Найдя город лишенным войска, Сангвин имел тем больше надежды овладеть им. Он расположил свое войско вокруг; назначил каждому начальнику следующее ему место и начал потрясать стены метательными машинами, а жителей беспокоить, пуская в них беспрерывное множество стрел. Между тем повсюду разнесся слух, что христианский город осажден врагами нашего имени и нашей веры, и сердца верующих, узнавших о том, были потрясены таким известием, и, ревнуя о вере, они начали вооружаться для мести. Граф, услышав об осаде и придя в ужас, поспешно собрал войска; поздно вспомнил он о знаменитом городе; прежде не желая о нем заботиться, когда он болел и требовал средств, теперь он вздумал, так сказать, приготовить похороны умершему. Он обошел своих вассалов, умолял друзей, отправлял послов к своему государю, князю Антиохии, и слезно просил сжалиться над ним в его нужде и освободить вышеупомянутый город от угрожавшего ему рабского ига. Явились послы и к королю Иерусалимскому, подтверждая доходившие до него слухи об осаде города. Государыня королева, управлявшая государством, по совещании с вельможами, отправила поспешно своего двоюродного брата Манасса, коннетабля короля, Филиппа Наплузского и Элинанда Тивериадского с сильным войском, чтобы подать желаемую помощь государю графу и доведенным до крайности жителям. Но князь Антиохии, радуясь несчастью графа и не думая о том, чем он обязан общей пользе, и что личная ненависть не должна удовлетворяться на счет общественного блага, медлил под всякими предлогами подать ту помощь, о которой его просили.

V. Между тем Сангвин нападал беспрерывно на осажденных и употреблял все усилия, что увеличивало стеснение граждан и содействовало ему к овладению местом. Таким образом, он приказал провести под стену подземный ход и подпереть его деревом, которое было подожжено; вслед за тем большая часть стены обрушилась, так что неприятель имел перед собой отверстие шириной в сто локтей. Когда враг получил желаемый вход, войско бросилось со всех сторон в город и положило все без различия возраста, состояния и пола, так что к нему можно было применить известные слова: «Вдову и странника умертвили, малолетних убили, мальчиков и девочек и старого человека». Когда город был завоеван и предан мечу, благоразумнейшие и опытнейшие из граждан бежали, вместе с женами и детьми, в те башни, которые, как мы сказали, стояли в городе, чтобы спасти свою жизнь на некоторое время. Но там при входе произошла такая давка от стечения народа, что многие были задушены самым жалким образом. В числе погибших при этом находился и достопочтенный владыка архиепископ Гуго вместе с некоторыми из его духовенства. Присутствовавшие при этом уверяли, однако, что такое бедствие постигло епископа не без собственной его вины, ибо он вместо того, чтобы собранную им массу денег употребить на уплату войску и таким образом помочь городу, предпочел, как скупец, лежать на своих богатствах, нежели отвратить погибель народа, и потому он пожал плоды своей скупости и нашел смерть среди черни; если Господь не сжалится над ним, то и на Страшном суде, на том свете, ему не будет безопасно. К такого рода людям можно отнести те грозные слова Писания: «Да погибнет с тобой серебро твое» (Деян. Ап., 8, 20). Таким образом, пока князь Антиохии по безумной ненависти медлил оказать помощь своим братьям, и пока граф ожидал посторонней помощи, этот древнейший город, принадлежавший христианству еще со времен апостольских и освобожденный от заблуждения неверных проповедью апостола Фаддея, впал в незаслуженное рабство. В этом же городе, говорят, погребено тело св. Фомы вместе с вышеупомянутым апостолом и королем Абгаром. Этот Абгар был тем знаменитым *топархом* (владетелем), о котором рассказывает Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории», что он писал письмо к Господу Иисусу Христу и удостоился получить от него ответ. Он прилагает оба эти письма и в конце делает заметку: «Мы нашли это в публичном архиве города Эдессы, где правил Абгар, записанным в хартиях, которые содержат деяния короля Абгара». Но довольно об этом; теперь возвратимся к нашей истории.

Оттиск печати Амори I, короля Иерусалимского (1162–1173 гг.)

Но возвращение автора к своей истории было скорее отступлением, потому что, рассказав в главе VI первый поход Балдуина III в Каменистую Аравию, где турки овладели одним христианским укреплением, он только после того возвращается к делам Эдессы.

VII. Между тем (то есть пока Балдуин ходил в свой первый поход) Сангвин, о котором мы говорили выше, возгордясь своим счастьем при Эдессе, вознамерился осадить укрепленный город на Евфрате Калогенбар (ныне Калаат-Джабур). Во время этой осады, когда он ночью, сильно напившись вина, лежал навзничь в своей палатке, его убили собственные слуги и евнухи, подкупленные владельцем крепости. Один из наших, получив известие о том, сказал:

Quam bonus eventus!
Fit sanguine, sanguinolentus;
Vir homicida, reus,
Nomine *Sanguineus*[1].

---

[1] «Какое счастливое событие! В крови погиб окровавленным душегубец и злодей, носивший на себе имя крови». Султан назывался Зенги, откуда вышла латинизированная форма Sanguineus, напоминавшая слово «sanguis», кровь.

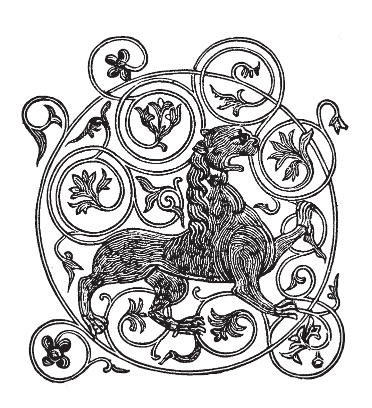
Убийцы, как было условлено, бежали в стены осажденного города и спаслись от мести родственников убитого; войско же, потеряв своего вождя, немедленно разбежалось. Из сыновей Сангвина один правил в Мосуле, далее на восток, другой же, младший, по имени Норадин (Нуреддин) в Алеппо. Это был человек умный, осторожный, в правилах суеверия своего народа богобоязненный и счастливый распространитель отцовского наследства.

Остальные главы книги XVI и вся книга XVII заключают в себе изложение важнейших событий первых десяти лет правления Балдуина III, от 1143 до 1154 г., после чего Иерусалимское королевство начинает, видимо, клониться к своему закату. В этот промежуток времени королевство Иерусалимское получило помощь с Запада: взятие Эдессы побудило императора Конрада III и французского короля Людовика VII предпринять Второй крестовый поход, окончившийся, впрочем, неудачной осадой Дамаска; на описание этого похода автор посвящает бóльшую часть XVI и все начало книги XVII. После удаления западных союзников Балдуин III, отразив собственными силами нападение мусульман на Иерусалим, предпринял наступательное движение и осадил последний город, находившийся в Палестине в руках неверных, а именно Аскалон, и в 1154 г. овладел им.

Книга XVIII обозревает последние 8 лет правления Балдуина III (1154–1162 гг.), ознаменовавшиеся внутренними раздорами не только князей между собой, но и сословий одного против другого. При таких затруднительных обстоятельствах Балдуин III старался укрепить себя родственным союзом с восточными императорами и женился на племяннице императора, но вскоре после этого брака он умер, как подозревали, от отравы, 19 февраля 1162 г.[1].

Sacri belli historia, libri XXIII.
Кн. XIV–XVIII.

[1] Продолжение см. ниже.



ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

История Палестины до завоевания Иерусалима мусульманами. 1147–1187 гг.

Вильгельм

СВ. БЕРНАРД И МОНАСТЫРЬ КЛЕРВО. 1090–1130 гг. (в 1140 г.)

I. *Бернард* родился в Бургундии, в Фонтени, замке своего отца, от родителей знатных мирской славой, но еще более достойных и знаменитых христианским благочестием. Его отец Тесцелин принадлежал к древнему и настоящему рыцарству, оказывал уважение Богу и в точности соблюдал правду. Ведя войну евангельски, как то установлено Предтечей Господа, он никого не грабил и не обманывал, довольствовался своими доходами, которые имел в изобилии, и обращал их на добрые дела. Он служил советом и оружием своим земным сюзеренам, но не забывал воздать должное своему Господу Богу. Мать Бернарда Алета из замка Монбар, соблюдая в своем положении апостольское правило, подчинялась

ВИЛЬГЕЛЬМ (GUILLELMUS. XII в.). Монах Вильгельм (monachus Signiacensis) был современником св. Бернарда и занимал должность аббата в монастыре Сен-Тьерри (св. Теодориха) близ Реймса; из его собственных слов видно, в каких дружественных отношениях он находился с описываемым им лицом. Около 1140 г. Вильгельм сложил с себя звание аббата и удалился на покой в монастырь Синьи (Signi), где и умер еще прежде Бернарда простым монахом. Там-то он и писал «Жизнь св. Бернарда, первого аббата Клерво», ограничиваясь, впрочем, годами его детства и первой чисто монастырской деятельностью до 1130 г., когда после смерти Папы Гонория II произошел раскол в церкви и было избрано два папы, Иннокентий II и Анаклет II, и когда Бернарду представился первый случай выступить в роли защитника Иннокентия II. Этот второй период деятельности Бернарда нашел себе биографов в двух продолжателях Вильгельма: Арнольде, аббате Боньвальском, и Готфриде, монахе Клерво и секретаре Бернарда, из которых первый написал одну книгу, а последний – три, так что полная биография составляет всего пять книг (об Арнольде и Готфриде см. ниже).

Издания: в «Acta Sanct. Bolland» под 20 авг. IV, 256–351. Переводы: франц. у *Гизо.* Coll., t. X, c. 145 и след. Исследования: *Neander*. Der heilige Bernard und seine Zeitalter. (Berl., 1813, второе изд. 1848); *Ratisbonne*. Histoire de St. Bernard, abbe de Clairvaux (Par., 1842).

мужу и под его властью управляла домом в страхе Божьем, предавалась делам милосердия и воспитывала детей в строгости. Она родила семерых, шесть сыновей и одну дочь, и родила не столько для мужа, сколько для Бога, ибо сыновья сделались монахами, а дочь монахиней. Как рассказывают, рождая детей не для мира, а для Бога, она тотчас по их рождении приносила их своими руками Господу. Вот почему эта благорожденная женщина не поручала вскормления их чужой груди и таким образом сама исполнила их вместе с молоком материнскими добродетелями. Когда дети поднялись, но еще оставались на ее руках, она начала их воспитывать более для пустыни, чем для двора, и, не дозволяя им привыкнуть к вкусным яствам, давала грубую и простую пищу. Таким образом, по внушению Господа, она расположила их и вырастила так, как будто они должны были прямо удалиться в пустыню.

Когда она еще носила в утробе Бернарда, третьего из своих сыновей, ей приснилось предзнаменование будущего, а именно, что она заключает в своей утробе белую собачку с рыжеватой спинкой, и собачка лаяла. Страшно испуганная таким сновидением, она совещалась с одним из духовных; он понял тотчас смысл пророчества и, припоминая слова Давида к Господу о святых пророках: «Ноги ваши омочатся в крови ваших врагов, и язык ваших псов упитается ею» (Пс., 67, 24), отвечал испуганной и мучимой женщине: «Не бойся: это хорошо; ты будешь матерью знаменитой собаки, которая сделается стражем дома Господня и испустит громкий лай на врагов веры; это будет изумительный проповедник, и, как добрая собака, целительным свойством своего языка излечит многие болезни души у многих». При этом ответе, полученном как бы от Бога, благочестивая и верующая жена пришла в восторг и, полная любви к сыну, еще не родившемуся, впредь предначертала посвятить его учению Священного Писания, сообразно смыслу видения и его истолкования, которым было обещано столько чудесного этому ребенку, как то впоследствии и исполнилось. Едва она благополучно разрешилась им от бремени, как не только представила его Богу, что обыкновенно делала до сих пор, но, подобно св. Анне, матери Самуила, отнесла его в храм, на вечное служение которому предназначался новорожденный, и отнесла сама, как дар самый приятный Богу.

По той же причине она как можно скорее поручила его воспитание в церкви Шатильон образованным наставникам и употребила все усилия, чтобы он сделал успехи. Мальчик, исполненный прелестей и от природы одаренный умом, скоро осуществил желание своей матери: он подвизался в изучении наук с быстротой, превышающей его возраст и всех его сверстников; но в мирских делах он начал, и что было естественно, умерщвлять свою плоть ввиду будущего совершенства, во всем обнаруживал простоту, любил жить уединенно, избегал общества, казался погруженным в размышления, был послушен и покорен родителям, добр и признателен ко всем, прост и кроток у себя дома, редко любил выходить, стыдлив чрезмерно, неразговорчив, богобоязнен с целью сохранить чистоту детства, прилежен к наукам, с помощью которых нужно понимать и познавать Бога в писаниях; дальнейший наш рассказ объяснит, в какой степени он во всем успел в короткое время и до какого дошел совершенства.

В двух последующих главах (II и III) биограф Бернарда приводит различные чудеса, прославившие его детство, рассказывает о благочестивой смерти его матери, об искушениях самого Бернарда, которые заставили его удалиться в Шатильон, где он устроил свою конгрегацию и окружил себя учениками, в числе которых были его дядя и несколько братьев; при этом автор замечает, что речи Бернарда были увлекательны до того, что матери не пускали к нему сыновей, жены мужей из опасения лишиться их; наконец, биограф приходит к самому важному событию в жизни Бернарда, а именно, когда он решился вместе со своими учениками оставить совершенно свет и удалиться в монастырь Сито, приходивший в то время в упадок от бедности своих монахов и их малочисленности.

IV. В год от воплощения Господня 1113-й, пятнадцать лет спустя после основания монастыря Сито (Cistercium, ныне Citeaux, близ Дижона) служитель Божий Бернард,

имея от роду 23 года, вступил в этот дом, управляемый аббатом Стефаном вместе с 30 своими сотоварищами, и преклонил свою главу под сладкое иго Христа. С этого дня Бог ниспослал свое благословение, и виноградник Господа понес плод, распространяя ветви до моря и за его пределами; так как некоторые из сотоварищей Бернарда были женаты, и их жены вместе с мужьями дали обет подчиниться правилам жизни религиозной, то в диоцезе Лангра был основан их заботами женский монастырь, называемый Жюльи и который с Божьей помощью достиг великого процветания. До сего дня он пользуется славой за свое благочестие, многочисленность и богатство, все более и более расширяется и не перестает укрепляться в силе.

Таково было святое начало монастырской жизни этого Божьего человека. Тому, кто не жил, как он, в духе Господнем, невозможно рассказать всех преславных деяний его подвижничества и описать его ангельские нравы при прохождении здешней земной жизни. Один Тот, Кто одарял и Кто получал, может знать, каким благословением своей благости окружил его Господь с той минуты, как он облекся в монашеское одеяние, и какими дарами его осыпал, и как упоил его обилием благополучия в своем доме. Он вступил в этот дом бедный духом, никому неизвестный и почти ничтожный с целью исчезнуть в сердце и памяти людей и в надежде остаться незнаемым и темным человеком, как забытый сосуд; но Богу было иначе угодно, и Он уготовил в нем сосуд своего избрания, не только для утверждения и распространения монастырского ордена, но также и для того, чтобы пронести его имя перед лицом королей и народов и далее, до концов земли. Не думая сделаться предметом такой благодати и помышляя единственно о соблюдении своего сердца и твердости помыслов, он имел постоянно в мыслях и даже на языке: «Бернард, Бернард, к чему ты пришел?» и подобно тому, как читается о Господе: «Иисус *делал* и учил» (Деян. Ап., I, 1), так и он с первого дня своего вступления в келью послушников делал сам то, чему хотел учить других.

Впоследствии поставленный аббатом монастыря Клерво (Clara-Vallis, Ясная Долина, ныне Clairvaux), когда послушники сходились к нему и спешили вступить в монахи, я часто слышал, как он проповедовал и говорил: «Если вы устремляетесь к предметам духовным, то оставьте за дверьми плоть, которую вы приносите из мира: войдите сюда одним духом; плоть ни к чему не служит». Когда послушники устрашались такими новыми для них речами, он, снисходя к их юности, начинал беседовать с ними с большей кротостью, и объяснял им, что за дверьми нужно оставлять плотские похоти. Будучи сам послушником, он, не щадя нисколько себя, стремился всеми средствами не только к умерщвлению похотей, производимых чувственностью, но и самой чувственности, которая их порождает. Так как внутреннее чувство начинало все чаще знакомить его со сладостью духовной любви и давало ему знать о каком-то наитии свыше, то он боялся, что это внутреннее чувство пострадает от плотской чувственности, а потому допускал последнюю не более, как настолько, насколько то нужно для физической жизни в обществе людей. Забота его о том обратилась в привычку, и привычка сделалась природой. Поглощенный весь духом, направляя свои надежды к Богу и занятый умом духовными размышлениями, он, видя, не видел, слушая, не слыхал; вкушаемое не имело для него никакого вкуса, и с трудом какой-нибудь из органов его чувственного восприятия доводил до его сведения впечатления от внешнего мира. Он прожил уже целый год в келье послушников и, выйдя оттуда, все же не знал, был ли там тот потолок, который называется сводом; ему случалось нередко посещать дом монахов, входить туда и выходить, и, несмотря на то, он всегда думал, что там было одно окошко впереди, между тем как их было три. Умертвив в себе всякое любопытство, он не получал ниоткуда впечатлений и, если случайно приходилось ему взглянуть на что-нибудь, то, как мы выше сказали, занятый другими мыслями, он ничего не замечал; без сосредоточения внимания наше чувственное восприятие ничтожно... Что сказать о его сне, кото-

рый у других составляет время отдохновения от работ для восстановления духа? До настоящего времени он бодрствовал сверх сил человеческих. Обыкновенно он жаловался, что никогда не теряет столько времени, как за сном, и находит довольно верным сравнение сна со смертью: как в глазах людей спящие кажутся мертвыми, так мертвые бывают спящими для Бога. Посему, когда он слышал, что монах сильно храпел во сне или неприлично лежал, то он с трудом переносил то и обвинял его в том, что он спит как плотский и земной человек. У него же при легкой пище и сон был легок; ни в том, ни в другом отношении он не допускал пресыщения для тела, и ему было достаточно понемногу и того и другого. Он никогда не понимал удовольствия удовлетворить аппетит, призывающий его к пище, и ел из одного страха прийти в расслабление; приступая к еде, прежде чем сесть за стол, он насыщался одной мыслью о яствах, а потому и шел к столу как на казнь. С той поры, как он облекся в схиму, или как вышел из кельи послушников, его силы (а он был всегда нежного сложения) были уже истощены бдением и постами, холодом, трудом и тяжкими, беспрерывными упражнениями; желудок его был так испорчен, что он немедленно извергал ртом еще не переваренную пищу. Если случайно иное успевало перевариться и силой природы выходило естественно, то при слабости нижних частей тела и это делалось с величайшими страданиями. Пища не столько поддерживала его жизнь, сколько отсрочивала смерть. После стола он обыкновенно замечал, сколько он съел, и не мог безнаказанно выступить из пределов принятой порции; воздержание сделалось до того его природой, что если ему случалось иногда съесть что-нибудь сверх обыкновенного приема пищи, то это удавалось ему с трудом. Таким образом, он был послушником среди послушников, монахом среди монахов, сильный духом и слабый телом, ограничивая плоть и покоем, и пищей, не давая себе отдыха от работ и черного труда. Он считал других святыми и совершенными и полагал, что для него, как для послушника, необходимы не льготы и снисхождение, дозволенное людям заслуженным и усовершенствовавшимся, но весь жар новичка и все строгости устава и беспощадность дисциплины.

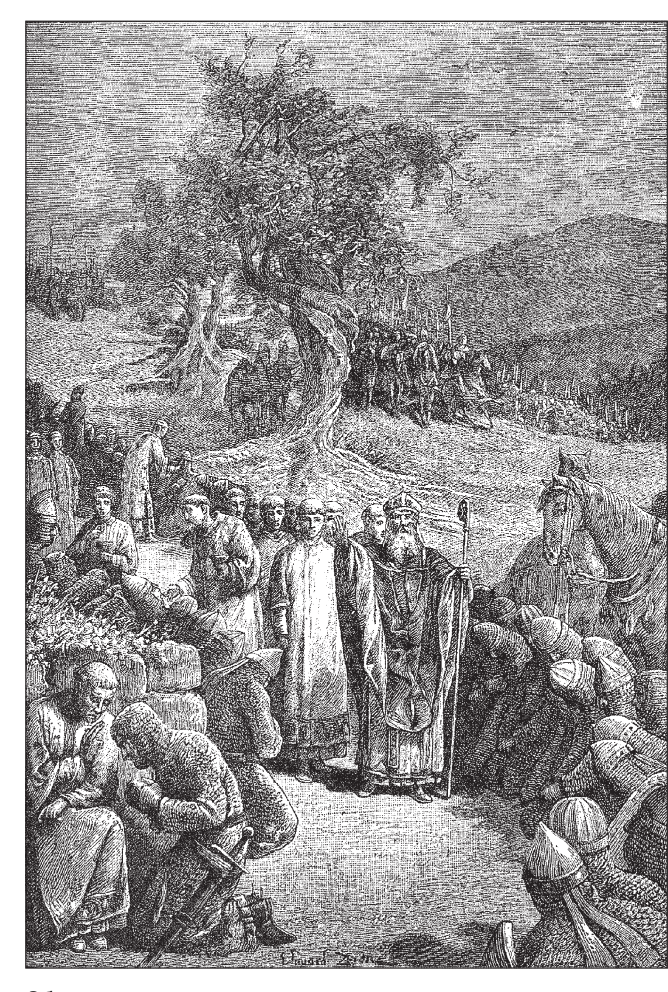
Потому, ревнуя об общей жизни, когда братия занималась ручными работами, к которым он не имел привычки или ловкости, он старался вознаградить то, роя землю, рубя дрова и нося их на своих плечах, или другой какой-либо работой. Когда ему недоставало на то сил, он прибегал к самым презренным занятиям и заменял тяжесть труда самоуничижением. И что удивительно, тот, кто был наделен даром созерцания духовных предметов и божественных, не только желал заниматься подобными грязными работами, но и чрезвычайно был тем доволен... За работой он молился и внутренне размышлял, не прерывая внешнего труда, и работал извне без ущерба наслаждению внутренним созерцанием: до сих пор все, что он ни читал в Св. Писании, и все, что ни представлял себе духовно, все это ему приходило на мысль среди молитвы и размышлений на полях и в лесах, почему он обыкновенно и говаривал своим друзьям, шутя с любовью, что он никогда не имел других учителей, кроме дубов и буковых деревьев. Во время жатвы братия с жаром и радостью о Св. Духе занималась уборкой хлеба; так как он был не в состоянии принять участие в такой работе и ничего в ней не понимал, то ему предлагали посидеть и отдохнуть; огорчаемый тем, он прибегал к молитве и просил Бога со слезами даровать ему способность к жатве. Простота веры не обманула святого, и он получил желаемое. С тех пор он гордился тем, что более других ловок в этой работе, и во время ее тем охотнее предавался молитве, ибо помнил, что способность к ней он получил от Бога...

V. Когда сделалось угодно Тому, кто извлек Бернарда из мира, прославиться в нем новыми милостями и соединить в Сито большое множество сынов Божьих, Бог вложил в сердце аббата Стефана намерение отправить часть своей братии для основания монастыря Клерво. Аббат Стефан поставил Бернарда владыкой и аббатом тех, которые были отправлены им, и все чрезвычайно изумились такому назначению; как

люди. опытные и отличившиеся в делах духовных и светских, они боялись иметь подобного вождя, принимая во внимание и его крайнюю молодость, и телесное расслабление, и отсутствие навыка в практической жизни. Клерво, находясь на территории города Лангра, близ р. Об, был издавна пристанищем воров и назывался в прежнее время Долиной Полыни или по причине изобилия этого растения, или по той горечи, которую испытывали попадавшиеся там в руки воров. Благочестивая братия поселилась в этом месте ужаса и пустынного уединения, чтобы превратить гнездо грабителей в храм Божий и дом молитв. Там они служили Богу некоторое время в простоте и бедности духа, претерпевая голод, жажду, стужу, наготу и бессонные ночи. Часто приходилось им питаться дубовыми листьями. Их хлеб, как хлеб того пророка, состоял из смеси ячменя, пшена и негодных растений, так что благочестивые люди, которых угощали в том доме, брали с собой такой хлеб с горькими слезами, чтобы показать другим, вместо чуда, как живут люди, и какие люди!..

Глава VI посвящена рассказам о первых чудесах Бернарда, его благочестии и о том, как он успел уговорить свою замужнюю сестру оставить свет и удалиться в монастырь.

VII. Так как Бернард, недавно отправленный в Клерво, должен был еще получить посвящение в свое звание, а епископский престол в Лангре, от которого зависело такое посвящение, был не занят, то братия искала другое место, где он мог бы быть поставлен; вскоре они вспомнили об отличной славе преподобного епископа в городе Шалоне, знаменитого наставника Вильгельма Шампо, и было решено послать к нему Бернарда. Бернард отправился в Шалон в сопровождении Гельбольда, монаха из Сито. Молодой человек, слабый телом и исхудалый, вступил в дом вышеупомянутого епископа, а за ним следовал монах, старший его возрастом и замечательный ростом, силой и красотой. При виде их одни начали смеяться и шутить, но нашлись и такие люди, которые, поняв настоящий смысл всего, оказали почтение Бернарду. Когда спрашивали, кто же из этих двух аббат, глаза



Общее причащение

епископа прозрели первыми: он узнал служителя Божьего и сообразно с тем принял его. В первой же частной беседе высказанные Бернардом слова обнаружили всю мудрость юноши более, чем то могла бы сделать целая проповедь, и епископ понял, что прибытие такого гостя есть посещение свыше. Не было недостатка в знаках гостеприимства, пока разговор не поселил между ними дружбы и свободной откровенности: епископ полюбил Бернарда более за симпатию, которую он внушал, нежели за его речи. С того дня и часа они составляли в Боге одно сердце и одну душу, так что впоследствии один был часто гостем другого, и Клерво считалось собственным домом епис-

Крестоносцы переправляются в Святую землю.

копа, а жители Клерво пользовались не только жилищем епископа, но через него и всем городом Шалоном. Даже больше, под влиянием епископа вся страна Реймса и вся Галлия прониклись уважением к Божьему человеку. Все научились у знаменитого епископа принимать и почитать Бернарда как ангела Божьего: этот муж, пользовавшийся столь великим влиянием и полюбивший с такой силой неизвестного и уничиженного монаха, казалось, провидел пребывающую на нем благодать.

Несколько времени спустя, когда болезнь аббата усилилась до того, что ожидали только его смерти или жизни худшей всякой смерти, епископ пришел навестить его. Взглянув на него, епископ сказал, что он имеет надежду сохранить не только его жизнь, но и здоровье, если он отдастся на его волю и согласится, чтобы были приняты меры, сообразные с характером его болезни; но Бернарда трудно было склонить отказаться от обычной суровости жизни. Епископ отправился в капитул монастыря Клерво и там в присутствии собравшихся аббатов распростерся всем телом на земле, просил и получил согласие на то, чтобы Бернард был отдан ему в течение одного года на послушание. Действительно, можно ли было отказать столь могущественному человеку, который просил с таким великим уничижением? Возвратившись в Клерво, он приказал построить Бернарду отдельный домик вне монастыря и его стен, предписав не соблюдать ни в чем правил устава относительно пищи, питья и других предметов, избавить от всех забот по дому и предоставить жить по установленному им порядку.

В это самое время и я начал посещать Клерво и Бернарда. Отправившись с другим аббатом, я нашел его живущим в своей келье так, как живут прокаженные на общественных перекрестках. По приказанию епископа и аббатов, как говорили, он был освобожден от всех внешних и внутренних забот о доме, и, вполне предоставленный Богу и самому себе, казался восхищенным утехами рая. Вступив в это царственное жилище – так я смотрел на эту келью и на ее обитателя – клянусь Господом, я почувствовал то благоговение, которым проникаются, приближаясь к алтарю Бога. Стоя около него, я почувствовал такое восхищение, такую страсть к тому, чтобы разделить с ним его бедность и простоту, что если бы в тот день мне было дано право выбора, я ничего не пожелал бы так, как остаться навсегда там и служить ему. Он принял нас обоих с радостью и на вопрос, как живет и что делает, отвечал со свойственной ему милой улыбкой: «Ничего, хорошо; я, которому до сих пор по воле Божьей повиновались разумные существа, подчинен теперь воле неразумного животного». Так отзывался он о том грубом, тщеславном и невежественном человеке, который хвалился вылечить его от болезни и в руки которого он был отдан по распоряжению епископа, аббатов и братии. Мы думали, что столь больной человек, бывший предметом великих забот, будет прилично обставлен, но, сев с ним за стол, мы почувствовали отвращение при виде яств, которые ему подавали по приказанию медиков, и до которых едва ли бы дотронулся здоровый человек, несмотря на все мучения голода; правило молчания с трудом удерживало нас от того, чтобы не выразить гнева и не разразиться ругательствами против медика, как безбожника и человекоубийцы. Но Бернард ел все без различия и находил хорошим; его чувства были извращены и вкус исчез, так что он едва распознавал яства. Действительно, известно, что он несколько дней подряд ел вместо масла сырую кровь, которую ему подавали по ошибке, пил масло вместо воды, и с ним было много подобных приключений. Он говорил, что находит вкус в одной воде, ибо она освежает ему горло...

В ту пору в Клерво царствовал золотой век: там встречались люди добродетельные, некогда богатые и прославленные в миру, а ныне гордые своей бедностью во Христе, строившие храм Господень ценой собственной крови, пота и истомы в борьбе с голодом, жаждой, стужей, наготой, преследованиями, оскорблениями и всякого рода бедствиями и подготовлявшие таким образом для Клерво то довольство и мир, которыми ныне наслаждается этот дом. Живя не столько для себя, сколько для Христа и для

Изображение пажа.
Со средневековой миниатюры

братии, стекавшейся в то место на служение Богу, они не обращали никакого внимания на свои лишения, лишь бы обеспечить братию после себя, чтобы ей было чем удовлетворить нуждам добровольной нищеты, принятой на себя из любви к Христу. Когда подходишь к Клерво по скату горы, присутствие Бога возвещается видом его храма, между тем как тишина долины говорит о простоте и уничижении келий, о простоте и уничижении их обитателей. В этой долине, переполненной людьми, где никому не дозволялось быть праздным и где каждый трудился и работал над назначенным ему делом, спускавшиеся в нее находили посреди дня тишину ночи, прерываемую одним стуком работы или славословием братии в определенные часы. Строгость молчания внушала и мирянам, посещавшим Клерво, такое благоговение, что они боялись говорить не только о дурном или пустом, но вообще ни о чем, что не имело бы отношения к виденному ими. Уединение той местности, где укрывались служители Божии среди густых лесов и извилин соседних гор, напоминало некоторым образом пещеру нашего отца св. Бенедикта, в которой нашли его однажды пастухи; но они подражали ему не только в жилище, но и в образе жизни, ибо умели жить уединенно среди множества людей. Благодать, направляемая уставом, делала эту долину, переполненную людьми, пустыней для каждого, кто населял ее: человек без правил, будет ли он один, испытает в себе все страсти толпы; но там единство духа и закон молчания, наложенный на всех, мог давать каждому то уединение, которое замыкало его в своем сердце...

VIII. Такова была в те времена под управлением аббата Бернарда та школа духовных наук в знаменитой и возлюбленной долине. Там можно было встретить всю ревность к правильной дисциплине, возбужденную и предписанную Бернардом, который сооружал Богу храм на земле по тому образцу, который был ему указан на горе, когда он жил с Богом в облаках посреди уединения Сито... Освободившись от оков повиновения, лежавших на нем в течение целого года и получив возможность снова жить по своей воле, он, подобно согнутому луку, который, вырвавшись, принимает прежнюю форму, или задержанному ручью, который, одолев препоны, стремится по прежнему пути, возвратился к старым привычкам, желая как бы при этом наказать себя за долгое отдохновение и перерыв в трудах... Он пребывал в молитве денно и нощно, пока не подгибались колени, истомленные постом, и пока ноги, отекшие от труда, могли поддерживать его тело. Долгое время тайно от всех он носил на себе власяницу; но когда это было узнано, он оставил ее и жил как прочие. Пища его состояла из молока с хлебом и из отвара овощей или кашки, какую обыкновенно дают детям. Или слабость не позволяла ему других яств, или он избегал их по своей воздержанности. Если он иногда пил вино, то весьма редко и в чрезвычайно малом количестве; он уверял, что вода нравится ему больше и она лучше для здоровья. Таким образом, изнуренный и истощенный, он с трудом допускал, чтобы его освобождали днем или ночью от общей работы с братией, или от за-

нятий и трудов по должности. Медики смотрели на него и удивлялись способу его жизни, говоря, что он напрягает свою природу так, как если бы ягненка привязать к плугу и заставить пахать землю. Его испорченный желудок причинял ему рвоту пищей, которую он не мог переварить, что делало его неприятным для других, особенно в хоре певчих; но тем не менее он не отставал от собрания братии; приказав подле своего места вырыть ямку в земле, он таким образом подчинялся той печальной необходимости. Но когда увеличившаяся болезнь не дозволяла ему и того, он был вынужден избегать общества братии и жить отдельно, выходя в собрания изредка или для проповеди, или для утешения, или для поддержания монастырской дисциплины.

Это печальное обстоятельство лишало святую братию общества их отца, и мы оплакиваем горестные последствия его слабости, но чтим в нем его святую ревность и духовный жар. Впрочем, его расслабление не должно вызывать слез или внушать печали, ибо кто знает, что Богу не было угодно именно слабостью этого человека победить все великие силы земли? Разве случалось, чтобы его болезнь вредила тому, что было ему предписано исполнить благодатью? Кто в наше время при всей своей телесной силе и здоровье сделал столько для прославления Бога и на пользу его святой церкви, как именно этот истомленный и полуживой человек? Скольких людей умел он силой слова и примера удалить от света не только для вступления в монастырь, но и для обращения их к усовершенствованию? Сколько в христианском мире он устроил домов и убежищ для тех, которые, впав в смертный грех, подвергались опасности вечной смерти и могли войти в них, обратиться к Господу и удалиться в те места для своего спасения? Сколько расколов церковных было умиротворено им? Какие ереси он не успел смутить? Не он ли установлял мир между церквами и народами? Вот что он сделал для всех вообще. А кто может рассказать, сколькими способами, сколько лиц, в скольких местах и сколько раз воспользовались его бесчисленными благодеяниями?

Но, к сожалению, автор только указывает в общих чертах на всемирную деятельность Бернарда, а затем в следующих главах (IX–XIV) до конца самой книги представляет нам сборник легенд о его чудесах, как он исцелял больных, как по его приказанию было написано письмо под проливным дождем и пергамент остался незамоченным, как он отлучил от церкви мух, жужжавших во время богослужения, вследствие чего они пропали, как он боролся с дьяволом и т. п.

Vita s. Bernardi, Clarvallensis abbatis primi.

Арнольд

СВ. БЕРНАРД И ИННОКЕНТИЙ II. 1134 г. (около 1155 г.)

Автор биографии в прологе объясняет, что он намерен продолжать начатый труд монаха Вильгельма, который ограничился описанием детства Бернарда и первыми годами его чисто монастырской деятельности, а потому он и начал прямо с 1130 г., когда раскол церкви по поводу избрания в Риме двух пап, Иннокентия II и Анаклета II, вызвал Бернарда в первый раз на политическую сцену. Вследствие того автор посвящает первую главу биографии и начало второй подробному описанию римских событий в 1130 г., рассказывает, как Иннокентий II бежал из Рима через Пизу во Францию, как на соборе в Этампе по приглашению короля Бернард в первый раз защищал бежавшего Папу, как он склонил и короля Английского Генриха II, и императора Германского Лотаря признать Иннокентия; как Лотарь отвел Папу в Рим, и как он был вторично изгнан соперником и удалился в Пизу, где созван был собор (1134 г.), для присутствия на котором явился и Бернард из Галлии. После закрытия собора Папа отправляет Бернарда в Милан для подчинения его жителей, которых архиепископ Ансельм был сторонником соперника Иннокентия II.

II. После закрытия собора (в Пизе, 1134 г.) владыка Папа отправил к жителям Милана для примирения их с церковью аббата Клерво (то есть св. Бернарда), которого они и прежде часто приглашали к себе, Гвидо, епископа Пизанского, и Матвея, епископа

Албанского, как легатов а *latere*; они все трое имели поручение исцелить этот город, впавший в раскол, произведенный Ансельмом, и привести их в единство церкви. К вышеупомянутым прелатам, которых св. аббат принял себе в спутники, сообразно с выбором владыки Папы, он присоединил, согласно с общим желанием, преподобного Готфрида, епископа города Шартра, искренность которого и чистоту нравов он имел случай испытать во многих случаях. Действительно, кардиналам казалось благоразумным опереться на подобного помощника в деле столь важном. Когда посланные перешли Апеннины, и жители Милана узнали, что к их пределам приближается аббат, которого они так желали видеть у себя, весь народ вышел ему навстречу миль за семь перед городом; знатные и чернь, конные и пешие, люди зажиточные и бедные – все оставили город, покинули кров и, разделившись группами, в сплошных рядах приняли Божьего человека со знаками невероятного почтения; все целовали ему ноги; и хотя он терпел от подобного выражения преданности, но не мог от того освободиться никакими просьбами, ни отклонить силой восторги благочестивой ревности этой толпы, распростертой перед ним. Народ вырывал, как только мог, волосы из шерсти его одеяния и уносил с собой клочки бахромы, нашитой на платке, как верное средство против болезней, в уверенности, что все предметы, которые касались его, были святыней и что они сами, дотрагиваясь до него, приобретали святость. Обгоняя друг друга в своем следовании за аббатом, они издавали в честь его радостные крики; и только после того, как он долгое время был замкнут посреди волн бесчисленной толпы, его передали наконец заботам торжественного гостеприимства. Когда после приступили к публичному обсуждению дела, по поводу которого этот Божий человек и кардиналы прибыли в Милан, город, забыв, так сказать, свое могущество и отказавшись от упорства, с таким уничижением подчинился святому аббату, что к его готовности повиноваться можно было справедливо применить известный стих поэта: «Должно, чтоб мы и могли, и хотели исполнить веленье».

Когда все несогласия были устранены, Милан примирился с церковью, и народ этого города увидел согласие восстановленным на прочных основаниях, святому аббату представились другого рода занятия. Дьявол, овладев телом нескольких несчастных, начал предаваться всем неистовствам безумного бешенства. Божий человек строго выговорил ему и противопоставил знамя Христа; тогда демоны, устрашенные и в трепете перед великой доблестью, состязавшейся с ними, убежали из жилищ, которыми они овладели. Такова была новая задача Бернарда; ему предстояло не только окончить дела, важные для Рима, но и дать торжество вере в Божественный закон. В наше время было неслыханным делом увидеть, как тогда, и столько веры в народе, и столько добродетелей в одном человеке. Между миланцами и святым аббатом произошло даже благочестивое соревнование: он приписывал славу производимых им чудес искренности их вере; а они – его святости, твердо убежденные в том, что он получит от Бога все, чего бы ни попросил. Таким образом, они привели к нему без малейшего колебания женщину, известную всем, которую нечистый дух терзал целых семь лет, и настоятельно умоляли его изгнать именем Бога дьявола, который овладел ей, и возвратить ей прежнее состояние здоровья. Такая вера народа внушила Божьему человеку великую и боязливую робость; с одной стороны, в своем уничижении, дос-

---

АРНОЛЬД (ARNOLDUS. XII в.). Аббат Арнольд (abbas Bonaevallis) жил при св. Бернарде и писал вскоре после его смерти, около 1155 г., продолжая такой же труд другого современника Бернарда, писавшего при его жизни, монаха Вильгельма. Арнольд начинает свой рассказ с 1130 г. и останавливается на 1140 г.; его сочинение продолжал третий биограф Готфрид, дошедший до смерти св. Бернарда (см. о нем ниже). Об изданиях и критике сочинения Арнольда см. выше.

тойном послужить уроком для всех, он не осмеливался взяться за новое для него дело, с другой – ему было совестно отказать в упорной просьбе толпы и противиться столь великой благодати; ему казалось, что он оскорбит Господа и что его недоверие к себе может покрыть облаком сомнения всемогущество Божье, если его вера останется позади народной веры. Таким образом, он испытывал в себе мучительное волнение; наконец, хотя он и уверял, что чудеса нужно делать скорее для неверующих, чем для верных, однако, возложив свое упование на успех в смелом предприятии на Св. Духа, он начал молитву; потом, заклиная сатану именем духа сил, он обратил его в бегство властью, данной ему небом, и даровал той женщине жизнь и спокойствие. Все присутствовавшие, исполнясь радости и воздымая руки к нему, оглашали воздух выражением своей благодарности к Богу, удостоившему посетить их с высоты своего трона. Вскоре все заговорили об этом чуде, и слава о нем распространилась повсюду; со всех сторон стекались в церкви, на площади, где происходил суд, и у перекрестков; повсюду только и говорили, что о служителе Божьем; торжественно провозглашали, что для него нет ничего невозможного, о чем бы он ни просил его; повторяли, верили, громко говорили, утверждали, что у Всемогущего слух, всегда отверзт к его молитве. Не могли довольно ни насмотреться, ни наслушаться его. Одни входили толпой к нему, чтобы насладиться его присутствием; другие ждали у дверей, когда он выйдет. Прекратились все занятия; ремесленники оставили свои работы; весь город был занят одной мыслью увидеть его. Все теснились за ним, умоляя о благословении, и у каждого было одно вожделение – прикоснуться к его одежде.

Конец этой главы и две следующие содержат подобные же рассказы о чудесах, совершенных Бернардом в Милане и Павии, откуда он возвратился в Клерво. V глава излагает, каким образом Бернард, после возвращения из Италии перенес свой монастырь на более удобное место к реке. Три последние главы (VI–VIII) описывают новое участие Бернарда в политической борьбе с врагами Иннокентия в Аквитании и Южной Италии, где король Рожер принял сторону Анаклета: благодаря усилиям Бернарда, и эти два последних врага подчинились римскому престолу; наконец, автор останавливается на том, как около 1140 г. вспыхнула война по соседству монастыря между его покровителем Тибо, графом Шампани, и французским королем, но Бернард спас своего друга, примирив его с Людовиком VII Юным.

Vita s. Bernardi Claraevallensis abbatis primi.

Готфрид

ОТНОШЕНИЕ СВ. БЕРНАРДА КО ВТОРОМУ КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ. 1146 г. (после 1153 г.)

Автор третьей биографии св. Бернарда (см. о первых двух выше) продолжает труд двух своих предшественников и потому ограничивается событиями его жизни от 1140 до 1153 г., когда Бернард умер. Но эта биография вся состоит из эпизодов без всякой связи между собой. Так, в первых трех главах своей первой книги автор рассуждает о нравах и добродетелях Бернарда, говорит о посещении им Гуго, епископа Гренобля, о его талантах проповедника и о старании избегать всяких почестей. Упомянув о проповедях Бернарда, автор вспоминает, что он проповедовал и Второй крестовый поход, который, однако, не удался, а потому останавливается на объяснении этого факта.

IV. Я не могу умолчать о том, что так как Бернард побудил своими проповедями идти на освобождение Иерусалима (в 1146 г.),

---

ГОТФРИД (GODEFRIDUS. XII в.). Монах Готфрид (monachus Glaraevallensis) был секретарем (notarius) Бернарда и писал после его смерти, продолжая труд Вильгельма и Арнольда, остановившегося на 1140 г. Об изданиях и критике его сочинения «Жизнь св. Бернарда, первого аббата Клерво», см. выше.

Военное упражнение с манекеном

то нашлись такие люди, которые или по невежеству, или по злобе, выступили против него и, видя, что тот поход имел несчастный конец, подняли крик. Между тем я могу доказать, что Бернард вовсе не был первым виновником этого дела. Слух о печальном положении, в котором находился Иерусалим (то есть после взятия Эдессы мусульманами), сильно взволновал еще прежде умы людей; сверх того, он был убеждаем королем Французским, и не один раз, а многократно, также и апостольскими посланиями, чтобы вмешаться в это дело. Бернард, однако, не соглашался говорить и давать свое согласие на такое предприятие; наконец, верховный первосвятитель своим посланием ко всем верным предписал ему, как обычному истолкователю воли Римской церкви, объяснить народам и властителям необходимость похода. Из послания того следовало, что и те, и другие должны, покаяния ради и отпущения грехов, идти в Иерусалим как для освобождения своих братьев, так и для того, чтобы пожертвовать за них жизнью. Все это и тому подобное может быть приводимо с совершенной правдой; но лучше будет рассказать то, что после было лучшего. Бернард проповедовал поход самым убедительным образом при помощи Господа, который подтвердил истину речей своего служителям чудесами, о чем будет рассказано ниже. Как велики и многообразны были эти чудеса! Как трудно исчислить их и еще труднее рассказать! Еще в то время начали их записывать, но кончилось тем, что многочисленность чудес превзошла силы писателя, и важность предмета была не по средствам того, кто взялся говорить о них. Действительно, все видели, как в один день исцелялось от различных болезней по 20 человек и более, и не проходило дня, чтобы то не повторилось; одним словом, в то время Христос дозволил своему

служителю одним прикосновением и молитвами возвращать зрение слепым от рождения, хромым – употребление ног, чахоточным – здоровье, глухим – слух, немым – язык и приводить в состояние здоровья, что было тем удивительнее, чем здоровье было прежде хуже.

Правда, восточная церковь не имела счастья быть освобожденной вследствие того похода, но зато небесная церковь переполнилась душами благочестивых и могла о том веселиться. Если же при этом случае Богу было угодно исторгнуть не тела восточных христиан из рук неверных, но души западных христиан из власти греха, то кто осмелится спросить: «Почему, Господи, ты действовал так, а не иначе?» Какой благоразумный человек не огорчится более несчастьем тех, которые впали в прежний грех или даже в больший того, который был ими содеян прежде, нежели смертью других, которые предали свой дух Христу после многих страданий и после вкушения плодов покаяния? Пусть египтяне, пусть дети мрака, не способные ни видеть, ни понимать истины, говорят: «Он счастливо извел их из Египта, чтобы погубить в пустыне» (Исх., 32, 12). Христос, наш Спаситель, терпеливо переносит такую хулу, вознаграждаемую вполне спасением многого числа душ. Наш преподобный отец (Бернард) имел в виду те слова Писания, когда, между прочим, говорил: «Если неизбежно одно из двух: чтобы роптали на Бога или на меня, то я предпочитаю, чтобы такой ропот обрушился скорее на меня, нежели на Господа. Я сочту своим счастьем, если Бог удостоит сделать из меня щит для прикрытия себя. Охотно приму на себя удары раздирающего языка клеветы и ядовитые язвы богохульства, если только буду в состоянии тем самым не допустить их до Всевышнего. Я не боюсь быть униженным, лишь бы осталась неприкосновенной его слава». Это те самые слова, которыми Бернард выражается во второй книге своего произведения «О размышлении». Между тем, в то время, когда распространился в Галлии первый слух о плачевной участи предпринявших поход, какой-то отец представил служителю Божьему слепого сына для возвращения ему зрения и успел силой убеждения отвратить его отказ. Святой муж, возложив руки на ребенка, просил Бога о том, чтобы, если Бернард действительно слышал его голос во время своей проповеди похода и если он был вдохновлен святым Духом, когда говорил о том, то пусть Всевышний докажет то, возвратив зрение слепому. Когда, после такой молитвы ожидали ее последствий, ребенок воскликнул: «Что это такое значит: я вижу теперь?» Все присутствовавшие подняли громкие клики; при этом были не только духовные лица, но и миряне, которые, убедившись в том, что ребенок видит, получили великое утешение и принесли Богу дань благодарности.

Я верю также и в то, как заметят иные и как Бернард сам возвестил, что на той самой неделе, когда блаженная душа Божьего человека освободилась от телесных уз (1153 г.), церковь Иерусалимская получила великое утешение от Божественного милосердия. Именно тогда был взят Аскалон, это укрепленное место, отстоявшее недалеко от святого города и угрожавшее ему опасностью. Христиане, утомленные осадой крепости, продолжавшейся 50 дней и более, не имели никакого успеха; а потому взятие города могло быть результатом не усилия рук человеческих, но божественного могущества, под ударами которого он пал. При этом кстати будет поместить здесь собственные слова Бернарда, которые он писал в том же году одному знаменитому рыцарю ордена Храма, своему дяде, бывшему в то время только на службе, а ныне Великому магистру воинства Храма (тамплиеров): «Горе нашим князьям, – говорил он, – они не сделали ничего хорошего в Господней земле, и в своих землях, куда они поспешно возвратились, обнаружили непреодолимую злобу, не умея сострадать бедствиям Иосифа. Однако я надеюсь, что Господь не отвергнет свой народ и не оставит своего наследия. Но что я говорю! Десница Божья будет силой того народа и рука его доставит ему помощь, дабы все познали, что лучше возлагать надежды на Всевышнего, чем на сильных земли». Впрочем, довольно об этом предмете.

В последних главах первой книги (V–VIII) автор говорит о борьбе Бернарда с еретиками, Абеларом и другими, возвращается снова к описанию нравов и добродетелей Бернарда и заключает исчислением его сочинений. Вторая книга исключительно посвящена чудесам Бернарда, третья – короткому описанию последнего его участия в ссоре города Метца с соседними баронами, а затем автор подробно останавливается на его смерти и исчисляет различные явления и откровения, последовавшие за смертью Бернарда.

Vita s. Bernardi, abbatis Claraevallensis primi.

Одо Диогильский

СБОРЫ КО ВТОРОМУ КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ И ПУТЬ ЛЮДОВИКА VII ДО НИКОМЕДИИ. 1146–1148 гг. (в 1148 г.)

Пролог

Преподобному Сугерию, аббату церкви св. Дионисия, последний из его монахов, *Одо Диогильский*, шлет привет![1]

Я желал бы, но не знаю как, найти средство описать вам достойным образом наше странствование к св. Гробу с тем, чтобы вы могли, переделав мой труд своим слогом, передать его памяти потомства. При путевых затруднениях я чувствую двойное препятствие: и усталость, и свою неспособность. Но иногда следует попытаться сделать и то, на что мы не имеем сил, чтобы наша работа могла вызвать людей более смелых, которые имели бы силу исполнить то, чего мы желаем, но чего не можем. Будучи осыпан без меры во время нашего странствования милостями преславного короля Людовика (VII, Юного) и стоя в самых близких отношениях к нему, я, конечно, чувствую желание отблагодарить его, но мне недостает для того сил. Но пусть мой труд будет делом блаженного Дионисия, из любви к которому я предпринял свой подвиг, и вместе вашим, так как король вместо вас взял меня, вашего монаха. Во всяком случае, вы обязаны ему много, вы, которого он так любит и которому он поручил свое государство, оставляя его вам по вашей ревности к проповедованию веры Христовой. Конечно, при

[1] Этот пролог в форме письма был препровожден автором при посылке манускрипта своей монографии и написан в Антиохии, куда Людовик VII прибыл 19 марта 1148 г.

ОДО ДИОГИЛЬСКИЙ (ODO DE DIOGILO. Начало XII в.–1168 г.). Все, что мы можем знать о его жизни и общественных отношениях, он рассказывает сам в прологе к своему труду «О странствовании Людовика VII, французского короля, на Восток». После возвращения с королем из похода в Палестину он также оставался в близких отношениях с Людовиком VII и после смерти своего покровителя аббата Сугерия занял его место в Сен-Дени. Уступая анониму (см. о нем ниже), описывавшему тот же предмет в точности и строгой последовательности фактического изложения, Одо остается единственным писателем Второго Крестового похода, который доставил нам столь подробную и живую картину нравов как самих крестоносцев той эпохи, так и народов, с которыми им приходилось иметь дело на пути. При всей своей ненависти к византийским грекам автор не щадит и своих соотечественников.

Издания: Одо не вошел ни в один из известных сборников, и потому мы имеем только одно старинное его издание, которое сделал иезуит *Chifflet* в своем небольшом сборнике «S. Bernardi Claraevall. abbatis. genus illustre assertum». (Dijon, 1660 г.); оно повторено у *Migne*. Patrologie cursus completus, т. 195. Перевод: франц. у *Guizot*. Collet. XXIV, с. 279–384.

этом он соблюл и собственные интересы, так как он доверил управление делами испытанной верности и великому уму. Вы написали историю деяний его отца[1], и было бы преступлением с вашей стороны не написать того же о его сыне, жизнь которого служит образцом добродетели: с самого начала его управления, когда он был еще ребенком, мирская слава не только не была для него случаем предаться страстям, но еще более увеличила и осветила его доблести. Потому, если кто начнет писать о его жизни только после возвращения из Иерусалима, то он тем самым опустит лучшую часть этого образца, который Богу было угодно продолжить в пример королям грядущего времени. И в жизни юного Николая (св.) мы изумляемся всего более четвертому и шестому дню его рождения и другим прирожденным ему качествам более, нежели удивительной святости его епископской жизни.

Итак, вы, которому принадлежит право описать жизнь сына, после того как вами уже написана жизнь его отца, вы, который, пользуясь милостью обоих, обязаны и тому, и другому, напишите также и о сыне, начав с его детства, и с той минуты, когда в нем начала проявляться его доблесть. Вы знаете его лучше, нежели кто-нибудь другой, ибо вам как воспитывающему отцу довелось знать его самым близким образом. Что же касается меня, то я хотя и затрудняюсь своим искусством письма, но, зная хорошо все случившееся на походе к Св. Гробу – в качестве же капеллана я был неотлучно при короле, и когда он вставал с постели, и когда ложился, – я хочу в своей, так сказать, болтовне, изобразить вам истину, которую вы украсите потом цветами своего красноречия. Не бойтесь сделать то, что вы должны сделать, если бы даже вы узнали, что многие другие решились взяться за то же дело; подумайте больше о том, что тот, кто заслуживает всеобщую похвалу, получит таким образом похвалу от многих.

Книга первая

В год от воплощения Слова 1146-й преславный король Франции и герцог Аквитании, *Людовик* (VII), сын короля (VI, Толстого), имея от роду 25 лет и желая быть достойным Христа, принял крест в Везеле в самый день Пасхи (31 марта) и вознамерился идти по пути Господню. Еще в предшествовавший тому праздник Рождества этот благочестивый король, восседая на сейме в Бурже и нарочно созвав более обыкновенного епископов и баронов королевства, открыл им тайну своего сердца. Тогда епископ города Лангра, человек благочестивый, рассказал, соответственно своему сану, о разрушении города Роа, известного в древности под названием Эдессы, о бедствиях, испытываемых христианами, и о неистовствах язычников; он заставил пролить слезы своим повествованием о таком плачевном предмете; потом он пригласил всех присутствовавших соединиться около короля, чтобы подать помощь христианам и вступить в борьбу за царя всего человеческого рода. Между тем король сам горел ревностью к вере и презрением к земным страстям и славе, что послужило примером, действительным более всех речей. Впрочем, все то, что в ту минуту сеял епископ словами, а король личным примером, слушатели пожали не тотчас. Был назначен другой день для собрания всех в Везеле, к празднику Пасхи, в эпоху Христовых страстей, с тем, чтобы в день воскресения все вдохновленные свыше поспешили содействовать прославлению креста.

Между тем король, исполненный забот о своем предприятии, отправил послов в Рим к Папе Евгению, чтобы возвестить ему все случившееся. Послы были приняты милостиво, с милостью отпущены и принесли с собой грамоты сладчайшие меда, которыми предписывалось повиновение королю, определялась форма вооружения и одежды, обещалось всем принявшим на себя легкое бремя Христа отпущение грехов и покровительство их детям и женам, и в заключение прилагались некоторые распоряжения, которые было угодно сделать первосвятителю в его святой и мудрой заботливости о

---

[1] Аббат Сугерий, управлявший государством во время похода Людовика VII, написал биографию Людовика VI Толстого (см. извлечение из нее ниже).

предстоящем деле. Он сам хотел первый приложить свою руку к тому, но не мог, так как ему воспрепятствовала тирания жителей Рима, а потому он возложил свои обязанности на св. аббата Клерво Бернарда.

Наконец, наступил день столь вожделенный для короля. Аббат, подкрепленный апостолической властью и собственной святостью, и бесчисленное множество приглашенных сошлись в одном месте и в одно и то же время. Король украсил себя крестом, присланным ему от первосвятителя, и вместе с ним приняли крест многие из баронов. Так как в замке не было места для такого множества людей, то вне его, в открытом поле построили из дерева возвышение, чтобы аббат мог говорить во всеуслышание. Он поднялся наверх, и с ним король, украшенный крестом. Когда этот божественный оратор, по своему обычаю, распространил росу небесного слова, со всех сторон и все подняли крики, требуя: «Крестов, крестов!» Аббат, не столько раздавая, сколько осыпая крестами, заранее изготовленными, должен был, наконец, разорвать свою одежду и, сделав новые кресты, продолжал наделять ими по-прежнему. Так он трудился над этим, пока стоял на том месте. Я не буду говорить о чудесах, которые происходили там в то время и из которых явствовало, что то дело было угодно Богу; я боюсь, что, сказав мало, буду обвинен в том, что не сказал больше, а сказав много, получу упрек за удаление от предмета. Наконец, когда было обнародовано, что поход откроется через год, все радостно разошлись по домам. Между тем аббат, скрывавший отважный дух в теле слабом и наполовину умершем, пустился проповедовать в другие места, так что в короткое время число странников увеличилось бесконечно. Король, находя удовольствие только в проповедовании веры и надеясь собрать еще одну многочисленную армию, отправил послов в Апулию к королю Рожеру. Рожер отвечал ему согласно его желаниям: сверх того, он послал к королю знатных людей, которые обещали снабдить его съестными припасами, кораблями и всем необходимым и говорили, что сам Рожер или его сын присоединятся к походу. Людовик отправил послов к императору Константинопольскому, но имен их не знаю, потому что они не записаны в пилигримские списки. Император отвечал нашему королю в длинном послании длинной лестью, называя его и святым, и другом, и братом, и обещал ему многое, чего на деле, как мы увидим в своем месте, не исполнил.

Далее автор говорит о французских посольствах в Германию и Венгрию с той же целью; о возвращении посланных и их отчете на сейме в Этампе 16 февраля, где король устроил регентство аббата Сугерия и графа Неверрского и куда прибыл Папа Евгений для благословения крестоносцев: определено было к Пасхе собраться всем в Метце и оттуда тронуться в дальнейший путь через Германию, Венгрию и Грецию, наперекор советам Рожера Сицилийского, который предостерегал Людовика VII относительно коварства греков и предлагал идти через Италию и потом морем.

Перед окончательным отправлением король совершил весьма похвальный подвиг, в котором, однако, немногие ему подражали, а, может быть, даже никто из людей, равных ему по званию. Посетив сначала монастыри в Париже, он вышел за огород и отправился ходить по домам прокаженных: я сам видел его там, как за ним следовали двое служителей, а остальная свита держалась в отдалении. Между тем его мать, жена и множество людей отправились к блаженному Дионисию. Туда же отправился и наш король, где он нашел Папу, аббата и всех монахов вместе. Распростершись благоговейно на земле, он помолился своему патрону. Папа и аббат открыли небольшую золотую дверцу и, вынув осторожно серебряный ящик, дали королю приложиться к тому, что он ценил от всего сердца, с целью внушить ему большую решимость и отважность. После того, взяв с алтаря знамя и получив от Папы посох странника и благословение, он удалился в опочивальни монахов, чтобы укрыться от толпы; он не мог долее оставаться среди такого множества народа, а мать и жена его почти задыхались от слез и жары. Было бы напрасно и невозможно желать описывать плач и рыдания, которыми оглашалось то место. В этот день король, удержав при себе немногих из свиты, обедал в столовой монахов и потом, обняв всех его окружавших, удалился, напутствуемый их слезами и молитвами.

Книга вторая

Длинные речи есть вместе и скучные речи для того, кто занят великими делами; и я боюсь, не писал ли я уж слишком растянуто, идя все вперед, не переводя духа. Прошу вас простить мне, мой отец, этот недостаток. Я говорил о счастливых событиях, о своей родине, я записывал имена, вспоминал о предметах, виденных мной с удовольствием, и на ином останавливался долго, не скучая; когда человек в радости, он не торопится заняться тем, что для него горестно. Теперь же, вступая в чуждые области, я перехожу к предмету более трудному и неприятному, а потому и буду говорить о нем короче.

После удаления нашего короля из церкви блаженного Дионисия в государстве не случилось ничего достопамятного, если вы не желаете отнести к тому назначение в товарищи вам по управлению государством архиепископа Реймсского. Впрочем, не знаю, не следует ли мне уничтожить в моем рассказе имя графа Рауля, как исключенного: он был присоединен к вам третьим, чтобы вам двум не остаться без светского меча и чтобы было тем труднее разорвать веревку, когда она свита из трех шнурков.

Теперь я намерен говорить о Метце, ибо там мы собрались вместе. В этом городе король не владел ничем как своей собственностью; но, несмотря на то, жители этого города, как то прежде произошло и в Вердюне, толпились около короля, выражая свою привязанность, как истинные его слуги. Людовик раскинул свои палатки за городом, подождал несколько дней армию, собиравшуюся к тому месту, и издал законы о соблюдении мира и распоряжения относительно похода. Князья подтвердили все это присягой и дали клятву; но так как они впоследствии нехорошо соблюдали мир, то и я также не желаю вспоминать о том. Оттуда король отправил в Вормс людей благоразумных и благочестивых – Альвиза, епископа Арраса, и Льва, сен-бертинского аббата, для приготовления всего необходимого к переправе армии, следовавшей за ними через Рейн, протекающий перед этим городом. Они исполнили свое поручение весьма хорошо и собрали со всех сторон такое количество судов, что не было надобности в мосте. В торжественный день св. Петра и Павла (29 июня) городское население и духовенство встретили короля с большим почетом. В этом городе мы испытали в первый раз безумную необузданность своих людей. Рыцари переправились через реку, а так как они нашли там весьма обширные луга, то королю было угодно подождать Арнульфа, епископа Лизьё, также норманнов и англов. Все это время съестные припасы доставлялись нам в изобилии по реке, и наши люди находились в постоянных сношениях с туземцами. Наконец произошла ссора: наши странники бросили лодочников в реку. Видя это, граждане схватились за оружие, переранили нескольких из наших людей и одного положили на месте. Это преступление раздражило странников, и они произвели пожар, причинивший много вреда жителям, а также некоторым из наших, а именно, купцам и менялам. Наконец, волей Божьей, умные люди укротили безумцев с той и другой стороны. Граждане, однако, продолжали бояться и, уведя с собой суда на свой берег, прекратили всякое сообщение с нами. Епископ Арраса, муж благочестивый, найдя, наконец, после долгих поисков лодку, переплыл реку вместе с несколькими баронами и успокоил жителей. Тогда они сели снова на суда, возобновили сообщение и по-прежнему начали доставлять нам все необходимое.

Так в Вормсе мы испытали в первый раз то, что послужило дурным предзнаменованием будущих опасностей. После удаления оттуда многие из странников отделились от войска, чтобы идти через Альпы, потому что все вздорожало от нашей многочисленности. Король, поднявшись с места, отправил вперед в Регенсбург епископа Арраса с канцлером и аббатом Сен-Бертинским, чтобы встретить там послов Константинопольского императора, которые уже несколько дней ожидали в том городе прихода нашего короля. По прибытии туда все наши странники переправились через Дунай по весьма хорошему мосту и нашли там огромное число судов, при помощи которых наш багаж и множество народа были отправлены до Болгарии. Некоторые поместили на су-

Посвящение в рыцари св. Мартина

дах повозки в две и четыре лошади, надеясь в степях Болгарии вознаградить себя за потерю вьючного скота. Но впоследствии эти повозки оказались менее полезными, нежели можно было ожидать. Все это мы замечаем для назидания потомства; при многочисленности повозок в четыре лошади всякий раз, когда одна из них встречала препятствия, и все другие должны были также остановиться; иногда случалось найти несколько дорог, но они все загораживались ими, и тогда погонщики, преодолевая такие затруднения, подвергались величайшим опасностям. Таким образом, пало большое число лошадей, и многие жаловались на медленность пути.

Население города Регенсбурга приняло короля по-королевски. А чтобы не повторять каждый раз одного и того же, а именно, что все народы доказали нашему королю свою к нему преданность, скажу раз навсегда, что во всех селениях, замках и городах до самого Константинополя, все более или менее оказывали королю королевские почести по мере своих сил и средств и все обнаруживали свое доброе расположение; я говорю: более или менее, ибо не все имеют одинаковые средства.

Когда палатки были раскинуты и король разместился, позвали послов императора, и они явились к нему. Приветствовав его и вручив ему свои священные грамоты, они продолжали стоять на ногах в ожидании ответа: они никогда не садятся, если не получат на то приказания. Наконец, получив то, они поставили стулья, которые принесли с собой, и сели. Мы видели в первый раз такой обычай, а впоследствии узнали, что это обычай греческий, а именно, когда сидят владетельные особы, то их подданные все остаются стоять (ср. с этим замечанием рассказ у Анны Комниной, выше). При этом вы увидели бы, как молодые люди, вытянувшись, с приподнятой головой, устремив глаза на своего господина и сохраняя глубокое молчание, стоят, готовые повиноваться всякому мановению. Богатые не носят другой одежды кроме шелковых кафтанов, коротких и плотно застегнутых; рукава у них узкие, так что они походят на атлетов, изготовившихся к бою. Бедные одеваются точно так же, отличаясь только тем, что их одежда не так роскошна.

Я не хочу останавливаться на полном переводе грамот, представленных греческими послами, как потому, что это было бы неприлично, так и потому, что я не мог бы сделать того. В своей первой и главной части эти грамоты были столь низкопоклонны и написаны с таким уничижением для снискания благоволения, что можно положительно сказать: подобный язык слишком мягкий для того, чтобы вытекать из чувства привязанности, был бы неприличен не только для императора, но и для комедианта. А потому и было бы постыдно тому, кто имеет говорить о другом, останавливаться долго на подобном писании. Во всяком случае, я не могу не заметить, что французы, какими бы ни были они льстецами, не могли бы, даже если бы и захотели, сравниться в этом отношении с греками. Сначала король слушал терпеливо, хотя и краснел за то, что ему говорят подобные вещи; но он не мог себе представить, что мог значить такой язык. Впоследствии, встречая в Греции ча-

сто послов, он с трудом выслушивал их всякий раз, когда они начинали говорить в тех же выражениях.

Однажды епископ Лангра Готфрид, человек благочестивый и отважный, сжалившись над королем и не будучи в состоянии переносить длинных фраз оратора и переводчика, заметил им: «Братья мои, не говорите так часто о славе, величии, мудрости и благочестии короля; он знает себя, и мы его знаем; скажите скорее и без всяких отступлений, чего вы желаете». Несмотря на то, старинная поговорка: «Timeo Danaos et dona ferentes» (Боюсь Данаев и несущих дары) продолжала часто повторяться перед нами, и даже устами светских людей.

Во второй части грамот, относившейся прямо к делу, заключались следующие два предложения, а именно: чтобы король не отнимал у императора ни одного города, ни замка в его государстве и, сверх того, возвратил бы все принадлежавшее ему, откуда он изгонит турок; это обязательство должно быть скреплено клятвой баронов. Первое из этих предложений показалось нашим довольно рассудительным; но относительно второго возник большой спор. Некоторые говорили: «Император может приобретать у турок, что он считает своим, при помощи денег, договоров или силой; но почему же мы не можем делать того же, если нам случится овладеть чем-нибудь?» Другие, напротив, утверждали, что необходимо заключить такое условие, чтобы впоследствии не возникло споров о том, что не было определено вперед.

Между тем прошло много дней, и греки жаловались на промедление, опасаясь, как говорили они, что император, принимая свои меры предосторожности, прикажет сжечь все поля и разрушить укрепления. «Ибо, – присоединялись послы, – он объявил нам, что именно распорядится таким образом, если мы опоздаем, так как он подозревает вас в неприязненных намерениях. Если же он исполнит это, то вы не найдете по дороге ничего из необходимого для себя, даже если бы император и захотел доставить вам что-нибудь». Наконец, некоторые бароны дали клятву от имени короля, обеспечивая императору неприкосновенность его владений, и со своей стороны послы обещали нам также клятвенно от имени своего императора дешевые рынки, легкость мены и все, что мы сочтем за необходимое. Остальное же, что не могло быть устроено теми, которые вели переговоры, было отложено до личного свидания обоих государей.

После того один из послов по имени Димитрий возвратился поспешно, а другой, называемый Мавром, остался с нами. Сообразно тому, что требовал, между прочим, император, были избраны несколько баронов для отправления в Константинополь вместе с тем Мавром, а именно, Альвиз Арраский, канцлер Бартоломей, Аркамбод из Бурбона и некоторые другие. Получив свои инструкции, они поспешили отправиться, а король следовал за ними несколько медленнее, как того требовало движение многочисленной армии.

Окончание этой книги состоит из перечня городов и мест, через которые проходили крестоносцы, идя по Венгрии, Болгарии и Греции до Адрианополя, с коротким указанием дней расстояния между городами и характеристикой местности; в самом конце автор говорит несколько подробнее о делах Венгрии, где в то время король Бэла имел соперника в своем брате Борисе, убежавшем в лагерь французов; несмотря на просьбы Бэлы, Людовик VII сохранил с ним мир, но не выдал ему беглеца.

Книга третья

Сначала описываются бедствия французов, испытанные ими от вероломства греков, которое, впрочем, автор извиняет отчасти тем, что перед ними проходили немцы, позволявшие себе грабить жителей и внушившие им недоверие вообще к западным народам, а отчасти и тем, что сами французы не всегда были справедливы и вызывали месть греков.

Но все это (то есть препятствия, которые делали греки крестоносцам на их пути) можно было бы еще перенести, и даже следует сознаться, что мы сами заслужили испытанные нами бедствия, в наказание за то зло, которое мы причиняли со своей стороны грекам, если бы греки ко всему тому не присоединили богохульства. Например, если наши (латинские) священники совер-

шали литургию на их алтарях, то греки немедленно делали очистительные церемонии и омовения, так как они считали свои алтари оскверненными. У них есть богатые домашние капеллы, украшенные живописью, мрамором и светочами; потому они могли бы справедливо сказать: «Господи, я дорожил славой твоего дома», если бы равным образом в них светился светоч православной веры. Но, о бедствие! Мы слыхали, что они совершают преступление, достойное смерти, а именно, всякий раз, когда кто-нибудь вступает в брак с кем-нибудь из наших, то до свадьбы они снова крестят тех, которые были уже крещены по римскому обряду. Мы узнали, что у них есть и другие еретичества, относительно отправления Св. Тайн и вопроса об исхождении Св. Духа. Все это не замарало бы наших страниц, если бы сам предмет не навел нас на разговор о том.

Все это было причиной того, что греки внушили нашим ненависть к себе: их заблуждения сделались наконец известными даже и мирянам. Почему они не считали греков христианами, и убить грека было нипочем; по этой же причине было трудно удержать наших от грабежа и хищничества.

Но возвратимся к нашему королю, который все это время почти ежедневно получал новые посольства от императора и жаловался на то, что не возвращаются его послы, не зная ничего, что с ними делается. Императорские же послы приносили каждый день хорошие известия, но не оправдывали их на деле; впрочем, им и не верили, ибо все они продолжали говорить самым лживым языком. Король выслушивал от них «многолетия» (приветствия), не придавая им никакого значения. Этим словом у них выражается то почтение, которое они оказывают не только королям, но и вообще всем знатным людям безразлично; при этом они низко склоняют голову и все тело или становятся на оба колена, или распростираются на земле во всю длину роста. По временам императрица писала к нашей королеве; вообще, в то время все греки как бы обратились в женщин, отреклись от всякого мужества и в языке, и в сердце. Они обещали нам с легкомысленными клятвами все, что мы, по их мнению, могли бы пожелать; но они не могли ни нам внушить доверия, ни сами сохранить достоинство. У них господствует общее мнение, что вероломство ради выгод святой империи не унижает никого.

Да не подумает кто-нибудь, что я несправедливо преследую ненавистных нам людей и из презрения к ним выдумываю то, чего не видел. Кто имел случай знать греков, тот скажет, что в минуту страха они унижаются до последней степени, но, взяв верх, делаются заносчивыми и жестоко притесняют слабейшего. В настоящее время они употребили все усилия, чтобы склонить короля отправиться из Адрианополя прямо к проливу Св. Георгия Сестского, чтобы к их выгоде он переправился как можно скорее за море. Но король не хотел сделать того первым, чего еще никогда не делали французы, сколько то было ему известно. А потому он продолжал идти вперед по пути предшествовавших ему немцев (то есть Конрада III), хотя и не с теми приключениями. Приблизившись к Константинополю на один день расстояния, он нашел своих послов, вышедших к нему навстречу; они рассказали ему об императоре все то, что мы выше изложили уже отчасти. Нашлись даже люди, которые советовали королю отступить, овладеть всей богатой страной, покрытой городами и замками, написать немедленно королю Рожеру с тем, чтобы он в то же время напал на императора, и ждать прибытия его флота с целью вместе осадить Константинополь. Но, к нашему несчастью и к несчастью всех служителей апостола Петра, эти советы не были приняты королем. Мы двинулись далее, и вот, когда перед нами открылся город, знатные, богатые, духовенство и весь народ вышли навстречу к королю и приняли его с должными почестями, прося униженно посетить императора и, соответственно его желанию, вступить с ним в переговоры. Король, сжалясь над опасениями императора и соглашаясь на его просьбу, вошел в город, сопровождаемый небольшим числом своих людей, и нашел под портиком дворца императора (Мануила Комнина), который и принял его довольно прилично. Оба государя были почти одних лет и одного роста, отличаясь друг от

друга манерами и одеждой. После объятий и взаимных поцелуев они вошли вовнутрь дворца и воссели оба на заранее приготовленные седалища. Там, окруженные каждый своими людьми, они беседовали друг с другом через переводчика. Император спросил о здоровье короля и его намерениях, пожелал ему всего, что дается от Бога, а что в его власти, то обещал, и дай Господи, чтобы его обещания были столь же искренни, насколько они были лестны для короля! Если бы телодвижения, доброе выражение лица и слова свидетельствовали о помыслах сердца, то все присутствовавшие могли бы утверждать, что император горячо полюбил короля; но подобные доводы только вероятны и никогда не достоверны. После этого приема они расстались, как братья; императорские вельможи сопровождали короля из дворца до самого дома, который был отведен для его помещения.

Книга четвертая

Константинополь – слава Греции, город, известный своими богатствами и еще более богатый, нежели о нем говорят, построен треугольником в виде корабельного паруса. В переднем углу видна св. София и дворец Константина, в котором находится капелла, знаменитая святейшими мощами. С двух сторон треугольник омывается морскими волнами. Когда мы прибыли в этот город, у нас с правой стороны был рукав Св. Георгия и какой-то поток, впадающий в этот рукав и берущий свое начало милях в четырех. В той стороне находится дворец, называемый Влахерной; находясь на низменном месте, но отстроенный с большим искусством и большими издержками, он выведен достаточно высоко и доставляет своим обитателям тройное удовольствие, вследствие соседства моря, полей и города, которые видны отовсюду вместе. Его внешняя красота несравненна, а внутренняя превосходит все, что я мог бы сказать. Везде позолота и разнообразие цветов; двор превосходно выстлан мрамором, и трудно решить, что увеличивает ценность или красоту этого дворца: изумительное ли искусство, употребленное на него, или дорогие материалы, из которых он отстроен. Третья сторона треугольника примыкает к полям, но защищена двойной стеной и имеет протяжение от моря до дворца около двух миль. Впрочем, эта сторона недостаточно укреплена и башни невысоки, но жители, как я полагаю, рассчитывают на свою многочисленность и на спокойствие, которым они пользуются с давнего времени. Внутри у самых стен находятся пустопорожние места, где работают плуг и заступ: они разбиты на огороды, которые доставляют городу всякого рода овощи. Подземные каналы, проведенные извне, доставляют в изобилии пресную воду. Впрочем, город грязен и вонюч и во многих его местах царствует вечный мрак. Действительно, богатые занимают своими постройками городские площади, а клоаки и мрачные улицы предоставлены бедным и иностранцам. В этих местах совершаются убийства, грабежи и всякого рода преступления, которые боятся света. Так как в городе живут без суда, и там столько же воров, сколько бедных, то ни один злодей не чувствует ни страха, ни стыда; преступление не наказывается законом и никогда не совершается явно, среди белого дня. В этом городе во всем крайность: он превышает другие города своими богатствами, а также порочностью своих жителей.

В Константинополе находится большое число церквей, менее великих, но столь же красивых, как св. София, которые, помимо своей красоты, еще более замечательны по многочисленным, находящимся в них, мощам святых. В церквах бывает столько народа, сколько они могут вместить: одни приходят из любопытства, другие по благочестию. Сам король, сопровождаемый императором, посещал св. места и по возвращении, уступая настойчивым просьбам последнего, отправился к нему обедать. Это празднество, на которое было приглашено множество гостей, было замечательно и по своему убранству, и по изысканности яств, и по роскоши игр, которыми удовлетворялся вместе и слух, и вкус, и зрение. Многие из королевских людей боялись за короля; но он, считая себя под покровительством

Посвящение в рыцари.
Со средневековой миниатюры

Бога, полный веры и мужества, не испытывал никакого беспокойства. Тот, кто не имеет намерения вредить другим, нелегко верит тому, чтобы кто-нибудь мог ему повредить; и хотя греки не подали никакого в этом случае повода думать о вероломстве, но все же думаю, что если бы они имели одни хорошие мысли, то не были бы уже в такой степени услужливы. Они только скрывали свое неудовольствие, чтобы предаться ему после, когда мы переплывем через рукав Св. Георгия. За то, что они заперли для толпы городские ворота, нельзя их упрекать, ибо нашлись между нами безумцы, которые сожгли много домов и оливковых рощ или по недостатку дров, или по дерзости, или в пьяном виде. Король очень часто приказывал резать таким уши, руки и ноги; но и этого было недостаточно, чтобы укротить их неистовства. Надобно было одно из двух: или погубить несколько тысяч человек, или терпеть их различные злодеяния.

Все это время наши рынки были хорошо снабжены провизией и со стороны моря, и у дворца; даже и в палатках нам делали весьма выгодные предложения. Так, мы покупали рубашку меньше чем за два денария, а 30 рубашек за три солида без одной марки; но, отойдя от города дня на три пути, мы покупали уже рубашку за 5 и за 6 денариев, а за дюжину платили 3 солида и одну марку.

Между тем как император поджидал прибытия шедших из Апулии и переехавших море между Брундизием и Дураццо, наступил праздник блаженного Дионисия, и король торжествовал его с должным рвением. Император был предуведомлен о том – греки также празднуют этот день – и отправил к королю избранных из своего духовенства в большом числе, снабдив каждого из них огромной свечой, украшенной золотом и разрисованной различными цветами; все это увеличило торжественность церемонии. Греческие духовные отличались от наших словами, которые они произносили, и особенным свойством голоса; их сладкое переливание тонов было приятно. Смешение тонов, слияние низких звуков с верхними, голоса евнуха с голосом мужским – а между певчими было много евнухов, – все это очаровывало французов. Кроме того, их скромные и приличные телодвижения, рукобитие, наклонение телом чрезвычайно нравились глазам. Мы привели это доказательство расположения императора, чтобы тем ярче выставить его вероломство; он показывал нам самое дружеское внимание, а в глубине своего сердца питал такие намерения, что одна наша всеобщая смерть могла бы его вполне удовлетворить. Без сомнения, никто не может знать грека, кто не испытал его лично или кто не обладает даром провидения.

Епископ Лангра, не доверявший их чести и презиравший всю их угодливость, предсказывал нам бедствия, которым мы подверглись впоследствии, и давал совет овладеть городом. Он указывал на то, что стены ветхи и передняя их часть разваливалась на наших глазах; что народ презрен и бессилен и что можно без особого труда отвести каналы и лишить жителей пресной воды. Этот человек весьма мудрый и святых нравов, прибавлял, что по взятии этого города нам не придется нападать на другие города, которые сами подчинятся тому, кто владеет столицей. Далее он заметил, что такой по-

ступок может быть противен христианству не на деле, а только по названию, ибо несколько лет тому назад император вместо того, чтобы помогать христианам, пошел на князя Антиохии.

За этим следует довольно длинная речь епископа на ту же тему и споры приверженцев мнения епископа и его противников, которые и одержали верх, напомнив пилигримам их обет воевать с турками, а не с греками.

Таковы были споры двух партий (то есть желавших прямо завоевать Константинополь и требовавших продолжения начатого похода в Палестину), и обе стороны приводили справедливые доводы. Я думаю, однако, что епископ одержал бы, наконец, верх, если бы греки за неимением силы, не пустили в ход хитрость. Смотря недоверчиво на наше промедление, они не смели, однако, торопить; но зато они начали сокращать подвозы на рынках и побуждали наших отправиться за море различными слухами, которые они распускали о немцах (то есть о Конраде III). Сначала они начали рассказывать, что турки собрали многочисленную армию и что немцы убили у них 14 тысяч человек, сами не потеряв ни одного. На другой день, рассказав еще более счастливый случай, они вызывали нас тем к скорейшей переправе. Они говорили, что немцы прибыли в Иконий и что еще до их прибытия население этого города разбежалось, пораженное ужасом; к этому прибавляли, что немцы торопятся идти далее и что их император писал к греческому императору, прося его принять и защищать завоеванное им без всякого труда. Такие вести волновали армию; поднялся ропот на короля: одни завидовали добычам немцев, другие – их успеху. Таким образом, король, побежденный рассказами греков и жалобой своих, решился переплыть море, не ожидая остальных. Император, желавший того, доставил ему немедленно огромное число кораблей. Но король, переплыв пролив Св. Георгия, должен был провести 15 дней в ожидании остальной части своей армии и еще 15 дней страдать от вероломства греков. Греки, достигнув желаемой цели, начали обнаруживать свои затаенные помыслы. А безумные поступки наших доставили им предлог к оправданию своей злобы. Потому многие и говорили, что греки причиняют нам зло не из ненависти к нам, но по чувству мести. Но кто знает одну сторону дела, тот судит только вполовину, и кто изучил вопрос неглубоко, тот не произнесет правильного суждения. Может быть, что греки и были оскорблены, но верно и то, что они ничем бы не были умиротворены.

Итак, мы переплыли море, а за нами вблизи следовали суда со съестными припасами и менялами. Эти последние разложили все свои богатства на берегу; их столы блестели золотом и были украшены серебряными вазами, которые они скупали у наших. К ним являлись из нашей армии люди для промена того, в чем они нуждались; а вместе с ними подходили и такие люди, которые увлеклись чужой собственностью. Однажды какой-то фландр, человек, достойный батогов или костра, видя такие несметные богатства и ослепленный корыстью, поднял крик: «Haro, haro!» и начал тащить все, что ему нравилось; он вызвал и других к такому же преступлению как своей дерзостью, так и приманкой дорогой добычи. Между тем как безумцы бросались во все стороны, люди, имевшие деньги, пустились бежать. Крики и неистовство увеличивались; столы были опрокинуты; золото разбросано и раскрадено; спасаясь от смерти, ограбленные менялы обратились в бегство; корабли приняли к себе беглецов и, оставив берег, перевезли их в город вместе со многими из наших, отправлявшихся за съестными припасами. После высадки их на берег они были убиты и ограблены; все те, которые оставались в городе, как гости, лишились также имущества. Король узнал о том и, пылая гневом, потребовал к себе виновника, которого и выдал граф Фландрский; его повесили в виду города. После того Людовик приказал разыскать все утраченное, помиловать тех, которые возвратят вещи, и грозить жесточайшими наказаниями тем, которые осмелятся утаить хоть что-нибудь. А чтобы никто не боялся его присутствия и не краснел перед ним, король дал приказание относить украденные вещи епископу Лангрскому. На следующий день призвали всех, кто бежал, и возврати-

ли им в целости все, что они показали под присягой как похищенное у них. Многие требовали более, чем им следовало; но король желал лучше сам заплатить недостающее, нежели подвергать свою армию тревогам.

Затем автор описывает переговоры Людовика VII с императором, как по последнему делу оскорбления французов в Константинополе, так и вообще о восстановлении рынков при армии; но греки так медлили с ответом, что Людовик VII решился тронуться вперед, не ожидая ответа; и тогда император согласился на личное свидание с королем, вследствие которого и были восстановлены прежние сношения. В заключение этой книги помещено известие об окончательном поражении немцев.

Последние три книги (V–VII) содержат рассказ о том, как Людовик VII, соединившись с остатками армии Конрада III, пошел далее; как возникли неудовольствия между французами и немцами, вследствие чего Конрад III вернулся в Константинополь; как, наконец, Людовик VII прибыл в Антиохию 19 марта 1148 г. На этом событии и останавливается автор, не окончив своей истории Крестового похода.

De profectione Ludovici VII regis Francorum in Orientem. Кн. I–IV.

Оттон Фрейзингенский

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (по рассказу очевидца). 1147–1149 гг. (около 1158 г.)

Автор, бывший очевидцем и участником Второго крестового похода, собственно, имел в виду написать биографию императора Фридриха I Барбароссы, но он посвятил всю первую книгу своего труда обзору предшествовавших событий, начиная от первых годов борьбы Генриха IV с Гильдебрандом и до смерти Конрада III (1152 г.); вследствие того, в эту первую книгу вошел рассказ и о Втором крестовом походе Конрада III (1147–1149 гг.), помещенный в главе XXXIV и последующих.

XXXIV. *Как властью апостольского престола был проповедан заморский поход* (Второй крестовый поход). В то время, когда в городе Риме восседал Евгений (III, Папа), а царствовал Конрад (III, император и король Германский), и Людовик (VII, Юный) правил в Западной Франции (то есть в нынешней Франции, в противоположность Восточной Франции, или Франконии), Мануил же (Комнин) господствовал в царственном городе (in urba regia, то есть в Византии), и в Иерусалиме – Фулько, тогда Людовик (VII), питая тайное намерение отправиться в Иерусалим, так как брат его Филипп дал уже подобный обет, но был предупрежден смертью, и не желая долее откладывать, созвал около себя некоторых из

ОТТОН ФРЕЙЗИНГЕНСКИЙ (OTTO FRISINGENSIS EPISICOPUS. После 1111–1158). Епископ Фрейзингенский был весьма знатного происхождения и находился в близком родстве с германскими императорами. Агнеса, дочь императора Генриха IV от первого брака с Фридрихом Швабским, родоначальником Гогенштауфенов, имела сына Конрада III, короля Германского, и Фридриха, наследовавшего отцу в Швабии (от последнего родился Фридрих I Барбаросса, преемник Конрада III); а от второго брака с Леопольдом, герцогом Австрийским, Агнеса родила нашего автора, Оттона, который таким образом был по матери братом Конрада III и дядей Фридриха I Барбароссы. Оттон получил воспитание в парижских школах, где он изучил философию того времени, богословие и диалектику; поступив в духовное звание, он был сначала аббатом Моримунда, а с 1138 г. сделался епископом города Фрейзингена (в Баварии, на северо-востоке от Мюнхена; в 1857 г. ему поставили памятник на площади Фрейзингена), принимал участие во Втором крестовом походе и умер после возвращения из Палестины. Но подробности его жизни мало известны, и мы должны ограничиваться только тем, что сообщил нам его современник и продолжатель его трудов Радевик (см. ниже). Из исторических сочинений Оттона Фрейзингенского до нас дошли: «Хроника от сотворения

князей и открыл им свое намерение. В ту пору жил в Галлии некий аббат монастыря Клерво (coenobii Claraevallensis) по имени Бернард, уважаемый за свою жизнь и нравы, строгий к правилам религии, одаренный мудростью и книжными познаниями, славный знамениями и чудесами. Князья положили вызвать его к себе и посоветоваться с ним, как с божественным оракулом, каким образом следует поступить в этом случае. Вышеупомянутый аббат призывается и его просят дать совет, как исполнить волю короля. Считая непозволительным дать собственной властью ответ по поводу столь важного дела, Бернард говорил, что было бы лучше всего представить то на усмотрение и решение римского первосвященника. Итак, отправив посольство к Евгению, они передали ему все дело. Евгений, приняв в соображение пример своих предшественников и видя, что Урбан в подобном же случае воспринял в единение мира заморскую церковь и два патриарших престола, а именно – антиохийский и иерусалимский, отложившихся от повиновения римскому престолу, одобрил, как следует, данный Людовиком обет на распространение христианской религии, а власть проповедовать и возбуждать к тому же умы всех препоручил Бернарду, который у всех народов Галлии и Германии считался пророком и апостолом. Вследствие того было следующее послание к королю и его князьям.

XXXV. *Послание Папы Евгения по поводу предыдущего*. «*Евгений* епископ, раб рабов Божьих, возлюбленному сыну Людовику (VII), знаменитому королю франков, и возлюбленным сынам нашим князьям, и всем в Боге верным, живущим в Галлии, привет и апостольское благословение.

Сколько потрудились наши предшественники, римские первосвятители, на освобождение Восточной церкви, о том мы читаем в рассказах прежних людей и находим записанным в деяниях их. Наш предшественник, блаженной памяти Папа Урбан (II), возгласил подобно трубе и воззвал к освобождению ее сынов Римской церкви со всех концов мира. На его голос сошлись загорные обитатели и особенно ревностные и мужественные воители из королевства франков, также из Италии, воспламененные жаром благодати; собрав громадное войско, не без пролития собственной крови, но вспомоществуемые Божеской силой, они очистили от языческой мерзости тот город, в котором Спаситель наш благоволил пострадать за нас и оставил нам в воспоминание своих страстей преславный Гроб, а вместе с тем освободили и многие другие города, которых не перечисляем во избежание подробностей. Божеским милосердием и трудами ваших отцов, которые продолжали защищать эти города и по мере сил заботились о распространении христианского имени в тех странах, не только сохрани-

---

мира до своего времени», остановившаяся на 1146 г., в 7 книгах, из которых одна последняя касается современных автору событий; к ним присоединена еще восьмая книга мистического содержания об антихристе, светопреставлении и т. п.; «О деяниях Фридриха I Барбароссы» (De gestis Friderici) в двух книгах, из которых первая составляет введение и делает обзор событий истории Германии от начала борьбы Генриха IV с Гильдебрандом и до смерти Конрада III (от 1070-х гг. до 1152 г.); а во второй излагаются первые четыре года правления Фридриха Барбароссы до 1156 г. «Хроника» Оттона Фрейзингенского была продолжена Оттоном Сан-Блазийским, аббатом, от 1146 до 1209 г., а «Жизнь Фридриха I» – Радевиком и доведена до 1160 г.; неизвестный писатель продолжил еще до 1170 г.

Издания: сочинения Оттона Фрейзингенского и его продолжателей не имели новых изданий, а из древних лучшее сделал *Pithoeus* (Базель, 1569 г.); точно так же они остаются до сих пор не переведенными ни на один из новейших языков. Критика: у *Huber*. Otto von Freisingen, sein Character und sein Verhältniss zu seine Zeit (München, 1847); у *Wattenbach*. Deutschlands Geschichtsquellen, с. 350 и след.; у *Wiedemann*., Otto v. Fr., sein Leben und sein Wirken (Passau, 1849).

Посвящение в рыцари на поле битвы. Со средневековой миниатюры

лись до нашего времени все те завоевания, но и были мужественно приобретены другие города неверных. Теперь же по грехам народа – нельзя того и вымолвить без горя и стенаний – Эдесса, называемая на нашем языке Rohais, которая, как говорят, даже и во время господства язычников на Востоке, одна принадлежала христианам и служила Господу, взята врагами Креста Христова вместе со многими христианскими укреплениями; архиепископ же города вместе со своим духовенством и другими христианами умерщвлен, а святые мощи преданы на поругание неверным и разбросаны. Какой опасностью угрожает такое событие и церкви Господней, и всему христианству, мы знаем хорошо сами и не думаем, чтобы то ускользнуло от вашей мудрости. Вы докажете ясно свое великодушие и доблесть, если как сыны защитите то, что мужественно приобретено отцами. В противном же случае, и чего Боже избави, храбрость отцов оскудеет в их сынах. Потому просим именем Бога, убеждаем и требуем от вашего собрания (universitatem vestram), обещая отпущение грехов, чтобы верующие в Бога и все благородные и самые знатные препоясались мечом и, выступив навстречу толпищам неверных, торжествующих в это время победу над нами, защитили Восточную церковь, освобожденную, как мы сказали выше, пролитием крови наших отцов, и вырвали бы из их рук многие тысячи пленных братьев, да возвеличится вами имя Христово и да сохранится неприкосновенной и незапятнанной ваша доблесть, превозносимая во вселенной. Да послужит вам примером тот доблестный Матафия, который для спасения отеческих законов жертвовал своей жизнью вместе с детьми и родственниками и не задумался отречься от всего, чем владел в мире; после многих трудов, наконец, с Божьей помощью он и его семья восторжествовали доблестно над врагами. Мы же в своих отеческих заботах о вашем спокойствии и безопасности церкви всем тем, которые решатся предпринять и исполнить благочестивый обет на дело столь святое и необходимое, даем властью, полученной от Бога, такое же отпущение грехов, какое установил наш предшественник Папа Урбан; жен же их, детей, имущество и владения повелеваем объявить под покровительством святой церкви и под нашей защитой, равно как и под защитой архиепископов, епископов и других прелатов Божьей церкви. Даже запрещаем апостольской властью беспокоить владения тех, которые приняли крест, и делать им процессы прежде, чем будет достоверно известно, что они возвратились или умерли. Кроме того, так как воины Господни не должны заниматься ни богатством одеяний, ни внешними украшениями, ни псами, ни соколами, ни чем другим, что содействует праздности, то именем Бога обращаюсь к мудрости тех, которые взялись за такое святое дело, и прошу не помышлять ни о чем подобном и употребить все заботы и усилия на приобретение оружия, лошадей и прочего необходимого для борьбы с неверными. Те же, которые обременены долгами и имеют намерение от чистого сердца предпринять святое странствование, освобождаются в прошедшем от всякой лихвы; и если они сами или другие за них связали себя клятвой или словом, то мы разрешаем их от всего нашей апостольской властью. Им же дозволяется отдавать в залог свободно и без всякого спора церквам или духовным лицам и всем другим верующим земли или другие владения, если их родственники или владетели, к феоду которых они принадлежат, не могли или не хотели

одолжить денег. Мы же по примеру своего предшественника и властью всемогущего Бога и князя апостолов блаженного Петра, врученной нам Господом, даем полное отпущение и освобождение от грехов, так что всякий, кто благочестиво предпринимает и совершит святое странствование или во время его умрет, получит разрешение от всех грехов, в которых покается с сокрушенным и уничиженным сердцем и вместе вкусит плод вечного воздаяния.

Дано в Ветралле, в декабрьские календы (1 декабря 1146 г.)».

XXXVI. *Как вследствие проповеди Бернарда, аббата Клерво, король Франции вместе со своими князьями принял крест.* Таким образом, чтобы возвратиться к порядку рассказа, скажем, что Бернард, преподобный аббат, пользуясь дарованной ему властью от апостольского престола, препоясался мужественно мечом слова Божьего, возбуждая умы многих к заморскому походу; между тем назначается сейм (curia generalis) в Верзелаке (ныне Везель), городе Галлии, куда были приглашены все вельможи и знатнейшие люди из различных провинций Галлии. На этом сейме Людовик, король франков, приняв с большой готовностью крест от вышеупомянутого аббата, дал обет на заморское плавание вместе с Теодериком Фландрским и Генрихом, сыном Теобальда Блоа, равно и другими графами, баронами и именитыми мужами своего государства.

XXXVII. *Каким образом по слову некоего Рудольфа большая часть Восточной Франции дала такой же обет и о преследовании иудеев.* Между тем монах Рудольф, человек набожный и строгий в правилах религии, но недовольно проникнутый книжными познаниями, вступил в те части Галлии, которые касаются Рейна, и начал побуждать к принятию креста тысячи людей, живущих в Кельне, Майнце, Вормсе, Шпейере, Страсбурге и в других соседних странах, городах и селах. Но он присоединил к своей проповеди недобрую мысль о необходимости избиения иудеев, живших рассеянно по тем странам и городам, как врагов христианской религии. Семя его учения пустило такие корни во многих городах Галлии и Германии, что после избиения множества иудеев во время такого бурного восстания спасшиеся из них бежали под сень короля Германии (principis Romanorum), ища там своей безопасности. Вследствие того весьма многие из них, успев уйти от такой бесчеловечной смерти, удалились для сохранения жизни в имперский город (in oppido principis) Норик, называемый также Нюрнбергом, и в другие подвластные ему места.

XXXVIII. *Послание аббата Клерво по поводу этого дела.* Но вышеупомянутый аббат Клерво, предостерегая от такого учения, отправил вестников и письма к народам Галлии и Германии: в них, ссылаясь многократно на авторитет Св. Писания, он доказал, что иудеев следует за их злодеяние не убивать, но только рассеять. Он привел даже и слова псалмопевца, гласящего: «Бог поставил меня над врагами моими, да не убьешь их». И еще: «В доблести твоей рассей их».

XXXIX. *Каким образом тот же аббат убедил короля Конрада (III) и многих князей принять крест и о смерти герцога Фридриха.* Склонив многих в Западной Галлии предпринять заморский поход, Бернард вознамерился идти в королевство восточных франков (во Франконию) для возбуждения их проповедью; вместе с тем он желал расположить короля Германии (principis Romanorum) к принятию креста силой своих убеждений и успокоить страну, где Рудольф по поводу иудеев произвел в городах восстание против владетелей. Услышав о том, король (Конрад III) созвал сейм в день Рождества Христова в городе Шпейере. Прибыв туда, аббат склонил к принятию креста короля вместе с Фридрихом (Барбароссой), сыном его брата, другими князьями и именитыми людьми, делая притом явно или скрытно многие чудеса. Явившись в Майнц, Бернард нашел Рудольфа пользующимся большим расположением народа. Встретившись с ним и убедив его не продолжать проповедь, которую он принял на себя своей властью, странствуя по миру, в противность монашескому уставу, Бернард довел его до того, что он, дав ему обет повиновения, удалился

Посвящение в рыцари

в свой монастырь: народ пришел в негодование, и если бы не уважение к его святости, то восстание было бы неизбежно. Между тем преславный герцог Фридрих, оставаясь в Галлии, где его задержала болезнь, питал тайное неудовольствие против государя, брата своего короля Конрада, за то, что он позволил принять крест его сыну Фридриху (Барбароссе), которого он сделал, как перворожденного и единственного сына от первого брака, вместе с малолетним сыном от второй жены, наследником всех своих земель. Аббат Клерво навестил его и, дав свое благословение, помянул его в своих молитвах. Но, не перенеся болезни, он умер несколько дней спустя и был погребен в монастыре св. Вальпургис, лежащем в пределах Эльзаса. В управлении же герцогством ему наследовал его сын Фридрих (Барбаросса).

XL. *О том, как многие из князей и бесчисленное множество народа приняло крест в Регенсбурге и как саксонцы дали обет идти на других язычников.* После того король вступил в Баварию и там созвал сейм в феврале, ведя за собой, вместо аббата Клерво, аббата Адама Йоркского, человека благочестивого и достаточно ученого. Отслужив по обычаю торжественную обедню и призвав благодать Св. Духа, Адам взошел на амвон и прочел послание Папы и аббата Клерво; присоединив к этому краткое увещевание, он склонил почти всех присутствующих дать обет к предприятию вышеупомянутого похода. Он не имел недостатка ни в убедительной речи человеческой мудрости, ни в вкрадчивых и тонких оборотах по всем правилам ораторского искусства, но все присутствующие были возбуждены уже молвой и по собственному побуждению принимали крест. В тот час крест был принят тремя епископами, а именно: Генрихом Регенсбургским, *Отто Фрейзингенским* (наш автор), Регинбертом Падуанским и герцогом Норическим (Швабским) Генрихом, братом короля, с бесчисленным множеством графов и других знатных именитых людей. Удивительно, но даже большое число воров и разбойников явилось туда же с обетом, так что всякий здравомыслящий человек не мог не признать в такой внезапной и необыкновенной их перемене действия перста Божьего и, признав то, не мог не остаться поражен-

ным. Также Вельф, брат герцога Генриха I, принадлежавший к числу знатнейших вельмож государства, дал вместе со многими другими такой же обет в самую ночь на Рождество Христово в собственной вилле Битенгу. Герцог Богемский Лабеслаус (Владислав) и маркграф Штирийский Одоакр, также и Бернард, знаменитый граф Каринтии, приняли на себя кресты немного спустя после того, вместе с многочисленными своими дружинами. Саксонцы же, так как они имели своими соседями народы, преданные мерзости идолопоклонства, отказались идти на Восток и приняли крест с намерением нанести войну тем народам (то есть пруссам); они отличались от наших тем, что не нашивали крестов просто на платье, но носили его сверху на плаще (rota).

XLI. Вот копия с послания аббата Клерво, отправленного в королевство восточных франков (то есть во Франконию):

«Владыкам и возлюбленным отцам архиепископам, всему духовенству и народу Восточной Франции и Баварии, *Бернард*, именуемый аббатом Клерво, желает обилия даров Св. Духа!

Речь моя к вам о деле Христа, в ком ваше спасение; если уважение к Богу не извиняет перед вами ничтожества говорящего лица, то обратите свое внимание на него ради собственной пользы. Я мал, но немало люблю вас о Христе Иисусе. Я имею такую необходимость писать к вам и такую причину, что осмелился обратиться с посланием ко всему вашему собранию. Я охотно побеседовал бы с вами, если бы имел столько же на то возможности, сколько воли. Братия! Настает важное время, приближается день спасения, обильного спасения. Поколебалась и потряслась земля, ибо Богу небесному предстоит утратить свою землю (Палестину), ту землю, на которой он был видим и жил более 30 лет, как человек с человеками; ту землю, которую он прославил чудесами, освятил своей кровью, и на которой явился цвет первого воскрешения из мертвых. И ныне, за наши грехи, враги креста подняли нечестивое чело, опустошая мечом благословенную страну, страну обетования. Если бы не было защитников, то они вторглись бы и в сам город Бога живого, чтобы разрушить орудие нашего спасения и осквернить святые места, обагренные кровью пречистого агнца. О горе! Они насмехаются над святыней христианской религии и стремятся вторгнуться и замарать тот одр, на котором за нас наша жизнь опочила сном смерти. Как вы поступите, отважные мужи? Как поступите вы, служители креста? Отдадите ли псам святыню и бисер свиньям? Сколько грешников снискали там слезным покаянием отпущение грехов после того, как языческая мерзость была вычищена мечом ваших отцов! Видит это дух злобы и завидует, скрежещет зубами и бледнеет. Он держит над нами сосуд своей неправды, чтобы не осталось и следа благочестия, и старается, чего Боже избави, достигнуть того. Но это было бы для всех веков безутешным горем, как невознаградимое зло, но, в особенности, оно послужило бы вечным упреком и бесконечным сожалением для нашего презренного века. Что же, однако, подумать, братья? Уже не умалилась ли десница Божия или сделалась бессильной, если она для сохранения и восстановления своего наследия обращается к столь презренным червям? Разве он не может послать более 12 легионов ангелов и сказать только слово, и земля будет освобождена? Без сомнения, у него есть сила, если он чего пожелает; но, говорю вам, Господь Бог ваш испытывает вас. Он взирает на своих сынов, не поймет ли его кто-нибудь, и ищет такого и соболезнует вместе с ним. Ибо он сострадает к своему народу и падшим подает средство к спасению. Подумайте обо всем, что он делает для избавления вас от грехов, и вы будете поражены. Взгляните на бездну благодати и успокойте грешников. Он желает не вашей смерти, но чтобы вы обратились и здравствовали; он старается не против вас, а в вашу пользу», и так далее.

Таким и подобным образом, по правилу и науке ораторского искусства, распространялся Бернард; что иудеи не должны быть убиваемы, он подтвердил то на основании разума и писаний; кроме того, он говорил далее: «Мне следовало бы назвать вас счастливым поколением, которое живет в эпоху, столь богатую индульгенциями, насто-

ящий год юбилея (то есть первый год столетия, в который давалось всем отпущение грехов), когда так легко умилостивить Господа! Ибо ныне благословение распространяется на всех, и все стремятся к знамению жизни. Так как ваша земля богата мужественными людьми и родит доблестное юношество, слава же ваша и молва о вашей храбрости исполняет вселенную, то препояшьтесь мечом и схватитесь за оружие»[1]...

[1] Этими словами автор вторично прерывает выписку из послания Бернарда и более к нему не возвращается. Но это послание сохранилось в целости.

В трех последних главах своей первой книги (LXI–LXIII) автор приводит письмо Папы Евгения к Конраду III, где он его утешает в неудаче похода в Палестину, советуя переносить все со смирением, и потом говорит коротко о последних событиях правлениях Конрада III и о его смерти; во второй и последней книге автор приступает к главному своему предмету, а именно, к жизнеописанию Фридриха I Барбароссы, которое он доводит только до 1156 г.; современник его и друг Радевик продолжил этот труд до 1160 г., поместив в одной из глав биографию и нашего автора (см. ниже), а другой анонимный писатель довел жизнеописание Фридриха I до 1170 г.

De gestis Friderici ad 1156 a. Кн. I, 34–60.

Радевик

СЛОВО СОВРЕМЕННИКА ОБ ОТТОНЕ ФРЕЙЗИНГЕНСКОМ (около 1170 г.)

Автор-современник, продолжая прерванный труд «Жизнь Фридриха I Барбароссы» Оттона Фрейзингенского на 1156 г., во второй книге доходит до 1158 г., когда умер Оттон Фрейзингенский, и по этому поводу посвящает главу XI некрологу своего предшественника.

XI. *О смерти Оттона, епископа Фрейзингенского*. Римский император (Фридрих I Барбаросса), хотя и был благоприятствуем фортуной во всех своих делах, но в это время (около 1158 г.) должен был потерпеть от жестокости слепой Смерти, постигшей некоторых из князей; благородство их происхождения, великий ум и превосходные качества души и тела требуют от нас передать память о них потомству. В числе их первое место занимает Оттон, Фрейзингенской церкви преподобный пастырь, автор этой *Истории* («Жизни Фридриха I Барбароссы»), и достойный более счастливого конца, если бы, как говорят иные, судьба не позавидовала его доблестям. Так как моя родина (Фрейзинген) удручена сугубой печалью и смертью столь преславного мужа и пожаром Фрейзингенской церкви (в том же году, когда умер епископ), то никто не вменит мне в вину того, что я намерен изложить подробнее,– и бедствия родного города, и скорбную кончину своего возлюбленного владыки и воспитателя, и дать место печали, ибо мы видели, как еще недавно наш город преисполнен был радостным счастьем, а теперь уже дошел до последней степени падения. Если же кто-нибудь, как выразился кто-то, будет жестокосердным судьей, то пусть он это событие занесет в историю, а писателю оставит его слезы.

В год от воплощения Господня MCLIX (1159), индикта VII, в правление пресветлейшего императора Фридриха, в год его империи III, королевства же V, вышеупомянутый святитель, волей Божьей, переселился из здешнего мира. Он был как бы ниспослан небом и нашел нашу церковь лишенной почти всего имущества; ее состояние было расхищено, дворцы пришли в упадок, прислуга дошла до печального состояния,

РАДЕВИК (RADEVIC. XII в.). Он был каноником церкви во Фрейзингене и жил в одно время с Оттоном Фрейзингенским. Радевик продолжал жизнеописание Фридриха Барбароссы, предпринятое Оттоном, и довел его до 1160 г. Об изданиях труда Радевика и их исследовании см. выше.

в монастырях о религии не думали нисколько или очень мало; но покойный с Божьей помощью привел все в прежний порядок и поселил в духовенстве религиозность, возвратил прислуге свободу, богатствам – обилие, зданиям – их украшение; его заботы, труды и заслуги для своей кафедры и своих людей были так велики, что его можно было принять не столько за восстановителя, сколько за основателя. В этом отношении ему помогало и его рождение, и честность, и почетное общественное положение. А именно, он был внук императора Генриха IV, племянник Генриха V по матери, единоутробный брат короля Конрада (III) и дядя ныне благополучно царствующего августейшего императора Фридриха (I); родился же он от знатнейшего князя в государстве Леопольда, маркграфа (Австрии) и Агнесы, дочери Генриха IV, императора; двоюродными братьями его были Конрад, епископ Падуанский, Леопольд, герцог Баварии, и Генрих, герцог Австрии; сестры его – Гертруда, герцогиня Богемская, и Берта, герцогиня Польская, также маркиза Монферратская, родительница императрицы Испании. Таково было знаменитое его происхождение и знатное родство. Научными сведениями он был снабжен не так, как то обыкновенно встречается, и между епископами Швабии считался первым и в числе первых, так, что не только обладал знанием Писания и понимал его таинственный смысл и значение, но и был почти первым, который занес в нашу страну тонкость философских сочинений и книг Аристотеля относительно топик, аналитики и эленхов (in topicis, analyticis et elenchis). Вследствие таких и других многих преимуществ и по причине знания светских дел и изумительного красноречия, он весьма часто с твердостью защищал интересы церкви перед королями и князьями, и это снискало ему немалую славу, а слава, как водится, породила зависть; но он неустрашимо разрушал козни своих противников и честно выходил честным без всякого ущерба для себя из всякого спора. Свой образ жизни он устроил по образцу устава цистерцианцев (то есть монастыря Сито, Citeaux); у них же он был сделан сначала аббатом в монастыре Моримунде и снискал такую похвалу, что мог бы сказать себе: «Поднимайся, друг, выше». Возведенный в звание епископа, когда уже остыл в нем жар юности и усыпились страсти пылкого возраста, он, отклоняя от себя греховные прелести и не давая веса суду людскому, начал трудиться больше для Бога, которого не может обмануть ни совесть, ни сердце, и старался жить по слову Евангелия: «Да не знает твоя левая рука того, что делает правая». Таким образом, если в нем и осталось что-нибудь из суеты прежней светской жизни, то впоследствии все подобное очистил и истребил язык порицателей, этот острый меч. Но что и говорить об этом? Когда вышеупомянутый император Фридрих отправился в итальянский поход, и он должен был бы идти, как человек необходимый и полезный для дел империи, но ему удалось отказаться, и как человек богобоязненный, он предпочел остаться среди молящейся братии, нежели среди бранного шума, и мог бы сказать: «Господи, приими меня молящегося с братией, которая ...», и проч. Получив от императора благосклонное согласие на то, чтобы остаться дома, он препоручил себя и удрученную печалями церковь его милостям и, предвидя пророчески свою кончину, из опасения, чтобы церковь не пострадала после его смерти, просил для нее свободы избрания, как то делалось в прежние времена в других церквах. Получив согласие на такую просьбу, он возвратился домой. Когда некоторым была предсказана его смерть в видениях или во сне, Оттон вознамерился навестить капитул цистерцианцев и, несмотря на болезнь и слабость тела, предпринял тяжелый путь и прибыл в монастырь Моримунд. Там, пролежав несколько дней в постели и не сомневаясь больше в своей смерти, был помазан по обычаю св. елеем и составил в порядке духовное завещание относительно своего имущества; заботясь также и о спасении своей души, он приказал подать себе в руки одну книгу (вероятно, одно из богословских сочинений Оттона) и передал ее людям книжным и богобоязненным, прося рассмотреть, не оскорбляет ли кого-нибудь то, что он мог сказать в пользу магистра Гильберта, и предоставляя им все

подобное исправить; сам же исповедался последователем католической веры, по правилам св. Римской и вселенской церкви. Потом с сердцем сокрушенным, в уничижении, покаялся в своих прегрешениях, принял св. причастие и посреди собрания святых, как епископов, так и аббатов, отдал Богу душу. Счастливый и по достоинству награжденный муж! Он умер прежде, нежели мог видеть, как его возлюбленная церковь, с которой он был связан сердечной любовью, обратилась в прах и пепелище. При жизни он указал братии место своего погребения за церковью, где всякий мог бы топтать ногами его могилу; но такой его последней воле воспротивились, и он был погребен с честью внутри церкви, близ большого алтаря; могиле же его братия оказывала всякое почтение и уважение. И я, который писал начало этого труда с его слов и предпринял довести дело до конца по приказанию государя (Фридриха I Барбароссы), даже закрыл ему своей рукой глаза, сочинил ему следующую эпитафию и приказал начертать ее на могильном камне:

«Quicquid in orbe beat præclaros et meliores,
Præsulis Ottonis mire cumulavit honores» и т. д.

В следующей главе автор рассказывает о пожаре в церквах во Фрейзингена и затем снова возвращается к главному предмету, то есть к описанию деяний Фридриха Барбароссы.

De gestis Friderici. Кн. II, 11.

Никита Хониат

ПОХОД КОНРАДА III ЧЕРЕЗ ВИЗАНТИЙСКИЕ ВЛАДЕНИЯ. 1146 г. (около 1218 г.)

Автор одной из лучших византийских хроник XII в., высказав в предисловии риторические взгляды во вкусе того времени на важность значения истории, начинает свой труд, охватывающий период от 1118 до 1204 г., особым отделом в одной книге, в которой описывается правление императора Иоанна, сына Алексея I Комнина; второй отдел в семи книгах заключает в себе время правления Мануила Комнина; а именно, в первых трех главах первой книги говорится о воцарении Мануила, его венчании на царство, женитьбе и личном составе высшего управления империи перед появлением в ее пределах немецкой армии Конрада III, предпринявшего Второй крестовый поход.

4. В эту эпоху управления самодержца (Мануила, в 1146 г.) на пределы греческой империи налетела с Запада вражеская, грозная и ядовитая туча; говоря так, я подразумеваю вторжение немцев и им соплеменных народов; между ними находились и женщины, ездившие на лошадях, сидя не в одну сторону ногами, а верхом, с копьями и оружием в руках, одетые по-мужски, с воинственным выражением лица, превосходя отвагой амазонок. Между ними отличалась одна, как вторая Пентесилия, которую за ее роскошную парчовую одежду называли Златоножкой. Причиной похода выставлялся Гроб Господень и желание пройти прямой и спокойной дорогой на помощь своим братьям в Иерусалиме; потому они шли, не неся с собой ничего лишнего, но только то, что неизбежно для жизни; потому же у них не было ни буравов, ни брусьев, ни секир: на них были надеты шлемы, панцири, мечи и прочее, необходимое для битвы. Что они не имели другой причины похода, в том они уверяли клятвенно, и, как то оказалось впоследствии, справедливо. Отправив послов, они просили у императора разрешения пройти мирно по его владениям и права являться на рынок для закупки необходимого людям и лошадям. Император, встревоженный таким неожиданным и новым появлением, не потерял, однако, присутствия духа: он отвечал благосклонно послам и показал вид, что одобряет их предприятие и изумляется благочестивой предприимчивости. Дав обещание немедленно позаботиться об изготовлении всего, что им нужно приобрести, он говорил, что они будут идти так, как бы они находились не в чужой земле, а на родине, но с тем только, чтобы они дали клятву сделать переход мирно и выйти из пределов греческих вла-

дений без всякого коварства. После того император действительно дал приказание, чтобы по всей дороге, где будут проходить латины, изготовлялись запасы для продажи. Все это было исполнено тотчас. Но император боялся, что под овечьей шкурой идут волки или, как говорится в басне: «Под ослиной шкурой лев, а под львиной лисица прикрылась»; вследствие того он созвал греческие войска и, рассуждая всенародно об общественных делах, представил, какая вторглась к ним огромная армия; сколько у неприятеля конницы, тяжеловооруженных людей и как бесчисленна его пехота; упомянул при этом, что они все закованы в медь и кровожадны; в глазах их сверкает огонь, и они чаще моются в крови, нежели другие в воде. Кроме того, император, говоря в сенате с сановниками и войсками, прибавил, что тиран Сицилии (Рожер Нормандский), уподобляясь морскому чудовищу, опустошает прибрежные страны и, не встречая препятствий, нападает на греческие города и истребляет все встречающееся на пути. Затем император приказал восстановить городские башни и стены; раздал войску панцири, вооружил людей копьями с железными наконечниками; воодушевил их, наделив быстроногими лошадьми, и придал бодрость раздачей денег, которые еще в древности были справедливо названы кем-то нервом всего существующего (νευρα τῶν πρχγματων). Таким образом, вверив охрану города Господу и Матери Деве, он дал войскам наставление, как отражать неприятельские силы; одни были оставлены для защиты города и расположены вдоль стен; другим было приказано следовать на близком расстоянии за немецким войском и препятствовать тем, которые отделятся от армии для грабежа и добычи. Все это нужно было делать, сохраняя мир, без неприязни. Долгое время между обоими войсками не происходило ничего замечательного. Наконец, немцы расположились лагерем близ Филиппополя, но даже и там не произошло никакого несогласия, ибо архиерей той провинции Михаил, родом из Италии, муж велеречивый, исполненный всякого рода сведений и на соборах говоривший так сладко, что все преклоняли к нему слух, умел до того польстить королю приятными речами, об одном прямо говоря, на другое намекая, как Протей, защищая интересы греков, что король весьма охотно слушал его, приглашал его на свои пирушки и угощал. Он даже жестоко наказывал тех, которые, не заплатив денег, привозили в лагерь съестные припасы.

Печать госпитальеров. Париж. Национальный архив. Фигура больного символизирует первоначальное назначение ордена

5. Когда король отправился оттуда далее, между арьергардом немецкой армии и греками завязались ссоры по случаю дурного обращения; вслед за тем начались жалобы и драки, и, наконец, дело дошло до оружия. Без сомнения, между ними началась бы жестокая сеча, если бы тот же архиерей не укротил вовремя короля, жаждавшего войны и обратившегося в кровожадного зверя. Прибыв в Адрианополь, король продолжал путь немедленно; но один из его родственников, захворав, остался в городе; несколько греков, из бесчестных людей, привыкших не к оружию, а к грабежу, сожгли его вместе с гостиницей и со всеми в ней находившимися людьми. Когда узнал о том Конрад – так назывался этот король, – он препоручил месть своему племяннику Фридриху (Барбароссе). Фридрих, человек от природы жестокий и раздражительный, сжег весь монастырь, в котором остановился тот больной, казнил захваченных в плен и вытребовал похищенные деньги. Вслед-

ствие того произошла война; но стараниями Прозуха и других был заключен мир. Прозух, переехав вброд три реки, протекавшие под каменным мостом, встретился с раздраженным Фридрихом, успокоил его и воздержал от дальнейших намерений. После того они двинулись вперед мирно и спокойно. Несколько дней спустя, прибыв в долину Хировакхов, немцы раскинули там свой лагерь; надеясь на мир и верность греков, они не сделали никакого вала, как и всегда поступали на пути. По их лагерю протекала речка Мелос, неширокая и мелкая; летом, высыхая, она терялась в болотах; место же, по которому протекала та речка, было не песчано, но плодородно и возделано плугом; зато зимой или во время сильных дождей она делалась большой рекой и стремительной, так что походила более на море, нежели на реку; в такую пору нельзя было перейти ее вброд, а только переплыть на судах; если поднималась буря, то она опустошала деревни, смывала дороги и представляла всякого рода опасности. Этот-то ручей, раздувшись от дождей и ночью выступив неожиданно из берегов, как будто бы разверзлись хляби небесные, унес из лагеря немцев не только оружие, седла, одежды, обоз, но даже повлек за собой лошадей, мулов и вооруженных людей. Зрелище было жалкое и плачевное: погибали без битвы, погибали, когда никто не губил; ни рост, ни десница, победоносная в бою, не спасали никого; погибали как трава, разносились как солома; повсюду были слышны рыдания и стоны. Видевшие все это, полагали, что гнев Господень обрушился на лагерь немцев; наводнение было столь неожиданно, что не было возможности спасти даже жизнь; сон этой ночи был для одних смертью, для других утратой всего имущества. Король, приведенный в отчаяние случившимся и с изумлением видя, что грекам помогают силы природы, и сами времена года изменяют свой ход в их пользу, поспешно отправился оттуда. Подойдя к столичному городу, он был вынужден удалиться с войском, несмотря на то, что сначала, находясь в Пере, называемой Пикридием, не соглашался на то, и хвастался безрассудно, что в его власти удалиться или остаться. При перевозе войска (в Азию), когда император приказал записывать его число и отмечать каждую партию поодиночке, те, которым было поручено это дело, утомленные длинным счетом, возвратились домой, не ожидая конца. Таким образом, когда, сообразно желанию греков, король отправился на Восток, а вскоре за ними последовали и франки (Φραγγοι, французы под предводительством Людовика VII, о котором наш историк не упомянул ни одного раза), император предался прежним заботам о своих владениях; он позаботился также и о том, чтобы латины находили на своем пути возможность покупать съестные припасы. В то же время он приказал в удобных местах и в узких проходах ставить засаду, вследствие чего многие из немцев погибли. Жители городов также не допускали их на свои рынки, но сначала, получив при помощи опущенных веревок со стены деньги, отпускали им после того хлеба и других припасов, сколько им вздумалось. Немцы, оскорбленные такими несправедливостями, взывали к мстительному оку Провидения, указывая ему на тех, которые употребляли ложные весы, не хотели сжалиться над пришельцами и единоверцами, и не только не давали им того, что им принадлежало, но даже изо рта вырывали кусок хлеба. Но презренные жители городов по своей бесчеловечности нисколько не раскаивались: получив золото или серебро и положив его за пазуху, они удалялись со стен; некоторые же, примешав к муке известь, отравляли хлеб. Было ли это делаемо по приказанию императора, как то говорилось, наверное не знаю. Как бы то ни было, такие поступки следует считать несправедливыми и безбожными. Известно только одно, что по приказанию императора, чеканилась фальшивая монета, которую употребляли в торговле с итальянцами. Одним словом, не было такого зла, которого не замышлял бы император сам или через других с той целью, чтобы постоянными угрозами навести страх на отдаленное потомство немцев и лишить их охоты к новым вторжениям.

Шестая и последняя глава первой книги посвящена описанию борьбы Конрада с турками

в Малой Азии и его поражения; но затем он не говорит ничего более о Втором крестовом походе и, что особенно удивительно, забывает совершенно об участии в походе Людовика VII. Остальные шесть книг этого второго отдела заняты исключительно изложением событий византийской истории в эпоху правления Мануила до его смерти в 1180 г. Третий отдел в одной книге посвящен правлению Алексея II Комнина (1180–1183 гг.), умерщвленного своим дядей Андроником. Четвертый отдел в двух книгах охватывает эпоху жестокого правления Андроника (1183–1185 гг.). Пятый отдел в трех книгах – правление Исаака Ангела (1185–1195 гг.) и, наконец, шестой – правление Алексея III Комнина, брата Исаака Ангела (1195–1203 гг.), при котором латины Четвертого крестового похода завоевали Византию; потому, начиная с шестого отдела, труд нашего автора приобретает снова важность для истории Крестовых походов (см. продолжение ниже).

Ἱζτοριʻα. Второй отдел, кн. I.

Иоанн Киннам

ЕЩЕ ИЗВЕСТИЕ О ПОХОДЕ КОНРАДА III И ЛЮДОВИКА VII. 1146 г. (в 1180 г.)

Первую книгу своего сочинения византийский автор в целости посвящает обзору главнейших событий царствования императора Иоанна Комнина, сына Алексея Комнина (1118–1143 гг.), продолжая таким образом труд Анны Комниной (см. о ней выше).

В 11 главах второй книги излагаются первые три года правления его преемника Мануила, проведенные им в беспрестанных войнах с латинами, владевшими Антиохийским княжеством, и турками иконийскими; наконец, в 1046 г., когда Мануил едва успел заключить мир с последними, как пришло известие о том, что неспокойно на западных границах, а именно, разнесся слух о новом приближении крестоносной армии, предпринявшей Второй крестовый поход под предводительством германского императора Конрада III и французского короля Людовика VII Юного.

12. После того (после заключения мира между Византией и турками в 1046 г.) начались дела на Западе. Немцы (Κελτοι), французы (Γερμανοι; так называли их греки, а потому и Людовик VII является у нашего автора везде германским королем) и галлы вместе с обитателями Древнего Рима, бритты и британцы двинулись на нас со всеми силами Запада. Предлогом к такому походу выставлялось намерение перейти из Европы в Азию, сразиться с неверными турками (Περσαζ), потом проникнуть в Палестину и поклониться храму Господню и святым местам; но настоящей причиной нашествия служило желание опустошить по дороге владения греков (Ρωμαιων, римлян; так называли себя в Средние века византийские греки) и ниспровергнуть все встретившееся на пути. Войско их превышало всякое число. Когда император (βασιλευζ) узнал, что они приближаются к пределам Венгрии, он выслал к ним навстречу некоего Димитрия Макремболиту и Александра,

---

ИОАНН КИННАМ (IWANNHZ KINNAMOZ. Род. в начале XII в.). Грамматик Иоанн был секретарем при константинопольском дворе. Состоя на службе при императоре Мануиле, он был очевидцем описываемых событий и мог вполне хорошо знать все подробности отношений Византии к участникам Второго крестового похода. Как грек он объясняет нам точку зрения его соотечественников на религиозные предприятия латин. Получив отличное по тому времени образование, Киннам сначала находился на военной службе, потом, при Мануиле, сделался его секретарем, откуда произошло его прозвание Грамматик. Это последнее обстоятельство доставило ему богатый материал для составления истории своего времени, в которой он продолжал труд Анны Комниной. Его «Семь книг истории» (’Ιστοριων βιβλια Ζ) охватывают правление Иоанна, сына Алексея Комнина, и Мануила – от 1118 до 1176 г.

Издания: «Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Ed. Niebuhrii» (Bonn, 1828–1855, vol. XXIV, 300 с.), с латинским переводом.

родом из Италии, бывшего графа (χομηζ) итальянского города Гравины; последний, будучи выгнан вместе со многими другими из своих владений сицилийским тираном (герцогом Норманнским), перешел вследствие того на сторону императора (Византийского). Им было дано поручение разведать намерения чужеземцев, и если они станут уверять, что они идут не на погибель греков, то потребовать от них клятвенного подтверждения. Когда послы были приведены к вождям варваров (западных европейцев), они говорили им следующим образом:

«Нанести войну без всякого ее объявления и притом людям, не причинившим никакой обиды, еще никто не считал делом святым или честным; особенно этим не могут гордиться те, которые обладают и благородством, и могуществом. В случае победы она не будет приписана их храбрости; если же они будут побеждены, то никто не скажет, что они по доблести подвергали себя опасностям. И в том, и в другом случае им не будет никакой похвалы. Потому и вам не надлежит вступать в землю греков прежде, чем вы обяжетесь клятвенно не причинять оскорблений императору. Если же вы не желаете клясться, то почему вам не объявить войны прямо? С греками опасно вести даже и внезапную войну; присоединяя же к тому вероломство, вы должны будете иметь дело и с могуществом греков. Но если ваша дружба искренна и чужда коварства, то, утвердив ее клятвой, вы можете спокойно идти по владениям великого императора и пользоваться гостеприимством и другими знаками благоволения».

Так говорили послы. Чужеземцы же, собравшись в ставке Конрада, немецкого короля (Κορραδον τοϖ Αλαμανϖν ρηγοζ), так как он занимал первое место среди западных народов, уверяли, что они пришли вовсе не для нанесения обид грекам, и, если то нужно, готовы подтвердить свои слова клятвой; им будет тем легче, говорили они, дать такую клятву, ибо их поход имеет целью Палестину и турок, опустошающих Азию своими набегами. Они немедленно доказали свои слова на деле, как те, которые были вельможами короля, так и те, которые занимали какие-нибудь высокие должности; я разумею герцогов и графов. У них каждая должность имеет свои привилегии, получаемые от императорского достоинства, стоящего выше всего и от которого проистекают все остальные: герцог выше графа, король выше герцога и император стоит над королем. Тот, кто ниже всех, подчиняется высшему по самой сущности дела, делит с ним тяжести войны и повинуется во всем прочем. Потому лицо, именуемое у греков βαζιλευζ, называется у латинов ιμπερατωρ и пользуется верховной властью; короли же избираются по установленному порядку. Таковы у них различные степени достоинств.

По исполнении возложенного на них поручения послы возвратились в Византию, а короли продолжали предпринятый ими путь, но, впрочем, не вместе: впереди шел *немец* (Αλαμανος, Конрад), а сзади его на большом расстоянии следовал *француз* (Γεπμανος, Людовик VII); но почему они так распорядились, мне неизвестно: быть может, каждый хотел вести свое собственное войско или они опасались недостатка съестных припасов. Шли же они в бесчисленном множестве, превосходя собой морской песок, так что и Ксеркс в древности, переплывая Геллеспонт, не мог бы гордиться столькими тысячами. Когда они подошли к Дунаю и все было изготовлено для их переправы, император (Византийский), назначив особых чиновников, дал им приказание стоять на противоположном берегу и отмечать число переехавших на каждом судне; но они, дойдя до 90 тысяч, долее не могли поспевать считать.

13. Таково множество было их. Когда они подступили к Ниссе, главному городу Дакии, Михаил по прозванию Врана, которому император поручил управление той провинцией, приготовил им все необходимое, сообразно императорскому указу. После того они явились к Сардике, где их встретили двое знатнейших мужей, которые приняли их радушно, как то и следовало, и позаботились о их продовольствии... Но варвары шли спокойно, пока дорога была затруднительна: между Дунаем и Сардикой тянутся обрывистые и малодоступные горы; на всем этом пространстве они не позволяли себе ничего, что

могло бы оскорбить греков. Достигнув же ровных мест, не представляющих трудностей пути, они обнаружили враждебные замыслы: отнимали силой то, что следовало бы купить, а того, кто сопротивлялся, умерщвляли мечом. Король Конрад нисколько не беспокоился, что являлись жалобы, и не хотел ничего слушать; а если и выслушивал, то ссылался на необузданность толпы. Когда дошло то до императора, он выслал против них с войском, поспешно собранным, Прозуха, известного своими воинскими доблестями[1]. Прозух настиг варваров под Адрианополем; сначала он следовал за ними на близком расстоянии и не дозволял производить беспорядков; но, наконец, видя, что их неистовство увеличивается, он вступил с ними в явную борьбу по следующему случаю. Один из знатнейших немцев, захворав, слег в монастыре в Адрианополе, имея при себе деньги и другие богатства. Несколько пеших людей из греков, проведав о том, сожгли его вместе с жилищем и овладели деньгами. Когда об этом узнал Фридрих, племянник Конрада (Барбаросса), человек невероятно жестокий, дерзкий и гордый, он направился к Адрианополю и, предупредив двумя днями Конрада, сжег весь монастырь, в котором лежал тот немец, и дал тем повод грекам к войне со своими. Прозух, напав на Фридриха, обратил его в бегство и убил варваров во множестве. Это был тот самый Фридрих, который впоследствии наследовал Конраду у немцев, как мы то объясним со временем. С тех пор немцы, изведав на деле силы греков, прекратили свои неистовства.

В главе 14 автор описывает дальнейшие стычки греческих отрядов с крестоносцами; греки старались отклонить Конрада от Византии, но Конрад, несмотря на страшное наводнение, от которого пострадал его лагерь, успел приблизиться к стенам столицы; видя, однако, готовность ее жителей к обороне, он отошел в соседнее местечко Пикридий и оттуда вступил в переговоры с Мануилом, как то автор рассказывает в следующей главе.

[1] Прозух был турок по происхождению, воспитывавшийся в Византии.

15. Это (переговоры) произошло следующим образом. Конрад после прибытия в Пикридий отправил к императору письмо с содержанием вялым и слабодушным, смысл которого был следующий: «О, император, муж благоразумный судит о вещах не по ним самим, а по цели, которой ими достигают; тот же, которого дух предупрежден, весьма часто не решается похвалить хорошее и осудить дурное, и таким образом он часто принимает за благодеяние поступки врагов и негодует на друзей. Потому не слагай на нас вину того, что было совершено в твоих владениях вследствие неустройства и многочисленности войска; не возмущайся против нас за то, в чем мы нисколько не виноваты: все это произошло от необузданности толпы. Я нисколько не изумляюсь тому, что во время прохождения чужеземного войска, которое нуждается в отдаленных фуражировках для приискания продовольствия, могут случиться несправедливости с обеих сторон». Это и тому подобное писал *немец*. Император же, видя в его словах одни увертки, отвечал ему следующим образом: «Нашему величеству небезызвестно, как склонна бывает к неистовствам чернь, которой столь трудно управлять и сдерживать. А потому мы особенно заботились о том, чтобы вы, пришельцы и чужестранцы, не потерпели никакого бедствия при прохождении по нашим провинциям, тем более, что вы пришли не со злыми умыслами и не можете причинить нам оскорблений; так бы то и произошло, если бы мы не услышали, что вы нарушили законы гостеприимства. Но вы, мужи благоразумные и ясно понимающие сущность вещей, не находите в том никакой вины, и мы приносим вам благодарность за то; ибо и нам не следует после того заботиться об укрощении нашей черни; мы будем также приписывать все ее необузданности, как вы нас тому учите. В нашем интересе было бы не нападать вразброд и не скитаться по чужой земле. Если же кто иначе думает, и с обеих сторон отдельные партии того и другого войска получат позволение нападать на кого угодно, то нет возможности, чтобы пришельцы не пострадали от туземцев».

С этими словами император отпустил послов. Но, зная, что войско греков настолько же выше варваров знанием воинского дела и боевой стойкостью, насколько ниже численностью, он принял следующее намерение: Прозух, Цикандил и другие греческие вожди получили приказание собрать достаточное войско и стать перед немцами, расположившись в следующем боевом порядке: в отдалении поставить слабые и нерегулярные полки (αγελζιον του ζτρατου), за четвертым знаменем; далее следуют тяжеловооруженные (οπλιτιχον) и панцирные (χαταφραχτον); потом легкая кавалерия; наконец, впереди всех – скифы (славяне) вместе с турками и греческими стрелками. Когда немцы увидели войска, расположенные в таком порядке, они бросились на них горячо и шумно, с пагубной поспешностью: бой был ожесточенный и поражение немцев великое. Греки, встретив нападающего неприятеля с воинской опытностью, убили многих. Конрад, ничего не зная о случившемся, оставался в лагере, исполненный гордыни и всякого рода надежд. Император же, с целью сбить ему спесь и посмеяться над ним, отправил Конраду письмо следующего содержания: «Да будет ведомо всем вам, что конь, не слушающий узды, не полезен всаднику и даже часто может свергнуть его в пропасть; и войско, не обращающее внимания или пренебрегающее повелениями вождей, в большей части случаев повергает их в опасность; потому мы никогда не терпели, чтобы наши воины позволяли себе своевольные поступки. Ты же, имея другой взгляд, пренебрегал этим правилом и даже уговаривал наше величество, обратившееся к тебе, как к другу, с увещаниями, чтобы оно показало такое же снисхождение. Теперь же знай, какую пользу принесла вам распущенность войска. До моего сведения дошло, что небольшое греческое войско, вступив в бой с весьма почтенными силами немцев, дурно обошлось с ними. Всегда выходит так, что туземцы, родившиеся на своей земле, бывают гораздо сильнее пришельцев и чужеземцев; и в этом случае нам не следует наказывать чернь за ее неистовство. Если ты с этим согласен, то пусть твои войска привыкнут повиноваться приказаниям своих вождей и воздержатся от насильственных поступков. Если же думаешь иначе, то взгляни на то, что перед тобой: по крайней мере наш подвиг будет для тебя поучителен».

16. Таково было письмо императора. Между тем Конрад, не получив еще сведений о поражении немцев, по-видимому, не хотел уменьшить своей гордости; даже начал требовать, чтобы ему дали императорскую яхту (δρομωνα) и гребные суда для переправы его армии, в противном случае он угрожал на следующий год прийти с несколькими тысячами войска для осады Византии. Раздраженный всем этим, император приказал на сей раз отвечать против такой дерзости не шуткой, но в оскорбительных выражениях: «Те, которые знают цену и малым вещам, не будут основывать своего мнения на многочисленности, но на их сущности, и на том, чем они богаты и чего в них недостает. Сподвижников Марса нужно судить не по их числу, но по их доблести, трудам и опытности в военном деле. За тобой следует громадная армия, а у нас едва нашлось сколько-нибудь греков; но твоя армия не устроена и по большей части несведуща в военном деле. Стадо животных, если бы даже оно состояло из множества тысяч, не выдержит нападения льва. Или ты не знаешь, что ты, как птица, находился в наших руках, и нам стоило только захотеть погубить тебя? Подумай о тех, которые населяют эти страны: их предки пронесли свое оружие по всему миру и повелевали как вами, так и другими живущими под солнцем народами. Знай же, что к тебе никогда не явится ни императорская яхта, ни все то, что ты требовал от нас; возвратись туда, откуда пришел. Нас никто не обвинит в том, что мы не оказали расположения тем, которые хотели нанести нам обиды; а наносить обиду и отражать ее – не одно и то же: первое проистекает от злонамеренности, к последнему же принуждает нас забота о безопасности. Наши подданные умоляют нас постоянно доставить грекам спокойное и безобидное обладание тем, что мы успели отнять у соседних нам турок; чего мы не могли допустить нашим ненавистникам, то подтвердим и на тебе; в справедливости этого ты теперь убеждаешься сам».

В конце этой главы автор рассказывает весьма коротко, как Конрад наконец переправился в Азию и, получив проводников, двинулся к Иконию; как он был разбит турками; но греческий автор естественно умалчивает об измене проводников; и как после поражения король, едва спасшись от плена, возвратился назад.

17. Таково было положение немцев. Между тем король французов (τῶν Γερμανῶν ρηξ, Людовик VII, Юный), переправившись через Дунай и намереваясь идти далее, не вел себя с таким неистовством, как Конрад: он принял весьма благосклонно императорских послов, Михаила Палеолога августейшего и Михаила, по прозванию Врана, и через них передал свой поклон императору. Как казалось сначала, он нимало не злоумышлял против греков, и я не знаю, поступал ли он так потому, что был благоразумнее Конрада, или потому, что его характер вообще был мягче от природы. Во всяком случае он приобрел вследствие того особенное расположение императора. Приблизившись к Византии и отправив к императору послов, он не только выражал ему дружбу, но и присоединил к тому, что он охотно вступил бы с ним в переговоры о весьма важных делах, если им можно сойтись вместе и побеседовать о том во дворце. Император согласился на это предложение и просил его явиться с полным доверием. По прибытии короля близкие к императору, или по своему роду, или по богатствам, вместе с первоклассными чинами вышли к нему навстречу и, приняв его по достоинству, с великим почестями отвели во дворец. Когда он вошел туда, где на высоком троне восседал император, ему подали небольшой стул, который на латинском языке называется sellisn (sella, вообще седалище). Когда он уселся, они завели разговор о различных предметах, и наконец император дал ему помещение вблизи городских стен на загородной вилле, которая в народе известна под названием Филопатии. После он осматривал вместе с императором те здания, которые лежат в восточной части города, и видел в них все, что вызывает изумление, равно как и святые предметы, которые благоговейно хранятся в храме, построенном в тех местах: а именно там находились вещи, некогда прикасавшиеся к святейшему телу Христа и укрепляющие христиан. По совершении всего этого и дав клятву, что будет жить с императором в дружбе и на войне останется его союзником, король переправился в Азию.

Печать тамплиеров. Париж. Национальный архив. На ней изображено здание, похожее на мечеть Омара

Начало главы 18 составляет отступление по поводу беспорядков, возникших в Византии при назначении нового патриарха Николая и сменившего его Феодота. Затем автор обращается к Крестовому походу.

18. Между тем немцы, претерпев несколько поражений от турок и потеряв множество своих людей, отступили назад, так как не было надежды пройти через Филомелий. Прибыв в Никею, они присоединились к французам (Γερμανοιζ), подвигавшимся вперед, и другим королям, которые вели за собой многочисленное войско. Один из таких был повелевавший народом чехов (Τξεχοι) и возведенный Конрадом в королевское достоинство; другой начальствовал полякам (Δεχοι), скифским народом, страна которых примыкает к западным венграм. Когда оба войска сошлись вместе, старинная насмешка над немцами начала повторяться громко: πουτξη 'Αλαμανε (французская поговорка того времени: «Pousse, Allemand!» – Долой, немец!); так выговаривалось это бранное слово, а происхождение его следующее. У этих двух народов существует различный способ сражения. Фран-

цузы (Γερμανοι) ловко садятся на коня и отлично бросаются вперед с копьем: их конница своей быстротой превосходит немецкую; за то немцы (’Αλεμανοι) имеют лучшую пехоту и лучше владеют мечом. Когда однажды случилось немцам вступить в бой с французами, они, опасаясь их конницы, решились драться пешими; но французы напали на их неустроенную конницу и поразили ее; вследствие того и немецкая пехота обратилась в бегство, несмотря на то, что численный перевес был на ее стороне. С тех пор французы преследовали той поговоркой немцев, ибо они, имея возможность сражаться на лошадях, предпочли пешее сражение. И эта поговорка, с которой обращались к немцам, была для них оскорбительной. Они дошли вместе только до Филадельфии, как вследствие тех оскорблений, так и потому, что боялись во время похода быть силами ниже французов. Таким образом Конрад, видя пренебрежение со стороны французов, приказал оттуда повернуть назад и обратился по этому поводу к императору.

В конце этой главы автор приводит ответное письмо императора, впрочем незначительное по своему содержанию и риторическое; император, желая разделить силы латин, приглашает Конрада к себе.

19. Таково было заключение письма. Между тем Конрад, проклиная свое неблагоразумие и не зная, что делать, весьма неохотно следовал за французами. Когда же к нему пришло императорское письмо, он, считая дело выгодным, с поспешностью принял предложение и немедленно возвратился назад. Придя к Геллеспонту и переплыв пролив, он явился во Фракию: встретив императора, который в то время там находился, он вместе с ним прибыл в Византию; в Византии его заняли всякого рода потехи; императорские дворцы, различные зрелища, конные игры, великолепные представления, которые подкрепляли тело, изнуренное трудами. Наконец, собрав достаточную сумму денег, Конрад отправился на судах в Палестину; флотом же управлял Никифор Дазиот, и он же заведовал всем необходимым.

Более автор ничего не говорит о Втором крестовом походе и только упоминает в конце этой главы, что Конрад и Людовик VII, не успев ничего достигнуть, возвратились в Европу. В главе 20 и последней второй книги упоминается о смерти Конрада и вступлении после него Фридриха Барбароссы. В последующих пяти книгах автор излагает историю правления Мануила до 1176 г., наполненного войнами с итальянскими норманнами, соперничеством с Фридрихом Барбароссой за Италию; только дела антиохийские дают ему случай изредка упоминать о судьбах Иерусалимского королевства между Вторым и Третьим крестовыми походами.

’Ιστοριων βιβλια ξ . Кн. II.

ПОХОД ЛЮДОВИКА VII ЧЕРЕЗ МАЛУЮ АЗИЮ И СИРИЮ ДО ИЕРУСАЛИМА. 1146–1147 гг.[1] (в 1180 г.)

Анонимный автор начинает свой труд описанием взятия Эдессы мусульманами, что было причиной Второго крестового похода; далее говорит о соборе в Везеле, о шествии императора Конрада и короля Людовика VII, принявших крест, через Венгрию и Болгарию до Константинополя, о пребывании их у византийского императора Мануила и о том, как они, переправившись в Малую Азию, разделились: Конрад пошел прямо на Иконий, но был заведен греками в пустыни Каппадокии и, претерпев поражение, возвратился в Никею; Людовик VII, намеревавшийся следовать берегом Малой Азии, только что тронулся из Никомедии, когда к нему пришло известие о бедствии немцев; дождавшись прибытия Конрада, он соединился с остатками его войска, и они от Никомедии отправились в поход вместе одной дорогой.

После того (после присоединения Конрада к войску Людовика VII, в декабре 1146 г.) оба короля отправились в дальнейший путь вместе со своими войсками, оставляя влево ту дорогу, которой следовал император до того времени; они отправились в Малую Азию и прибыли в Смирну. Оттуда продолжали идти в Эфес, где и рас-

[1] Автор неизвестен.

положились для отдыха. Но император, обратив внимание на то, что он считается величайшим из владетелей Европы и что, несмотря на многочисленное рыцарство, с которым он выступал в поход, имеет теперь в своем распоряжении войско, обращенное в ничтожество, видел себя в чужой стране поставленным в зависимость от французской армии, без которой ему нельзя предпринять ничего, или очень мало. Потому он полагал постыдным для себя оставаться в таком положении; его императорское величие пострадает, если он будет шествовать с таким небольшим числом воинов: вследствие того Конрад приказал своей пехоте вернуться сухим путем, а сам с ничтожной свитой отплыл на корабле в Константинополь. Император Мануил принял его с гораздо большими почестями, нежели прежде, и Конрад вместе со свитой провел у него всю зиму. Эти два государя были в родстве по своим женам, дочерям Беренгария, графа Люксембургского. Вследствие таких родственных отношений император сделал Конраду дружеский прием и наделил как его, так и его баронов, богатыми подарками и драгоценностями.

После возвращения императора король Франции совещался с сопровождавшими его вельможами о дороге, по которой они должны были следовать, и вообще о том, как поступить. Во время пребывания в Эфесе им пришлось оплакать потерю отважного французского рыцаря по имени Гвидо из Понтье, к которому король был весьма расположен. Гвидо был погребен с почестью посреди главной церкви города. Оставив Эфес, армия Людовика (VII) направилась на восток и после нескольких дней пути прибыла к берегам р. Меандра, где во всякое время можно найти множество лебедей, и вследствие чего латинский поэт сказал: «Ad vada Meandri concinit albus olor».

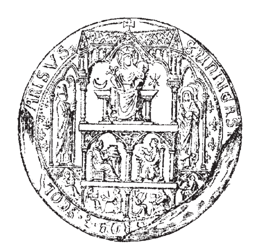
Приятное местоположение и обилие лугов побудили короля остановиться в том месте. Французы желали встретить неприятеля и помериться с ним. Их желание не замедлило исполниться, ибо по другую сторону реки турки раскинули свои палатки в большом числе. Когда наши повели своих лошадей на водопой к берегам Меандра, неверные осыпали их стрелами. Французы, горя желанием схватиться с ними на другом берегу, долго осматривали русло реки и, наконец, нашли брод, который был неизвестен даже самим туземцам. Тогда они бросились толпой на противоположный берег, поражая со всех сторон неприятеля, который пытался мечом и копьем заставить их отступить. Бой завязался с обеих сторон и был продолжителен; наконец, с Божьею помощью, победа осталась за христианами. Бóльшая часть неприятелей погибла от меча; другие попались в плен, а остальные бежали, как могли. Победители, рассыпавшись по лагерю побежденных, нашли там всякого рода богатства: шелковые материи, золото, серебро, одежды, различные сосуды, как то обыкновенно встречается в палатках побежденных. Обремененные добычей, они перешли обратно реку и возвратились в лагерь. Они провели ночь в радости и восхваляли Бога за первую победу, которая была им дарована. На следующий день войско отправилось к городу, называемому у французов *Лишь* (Лаодикея), и там, нагрузив съестными припасами свои повозки и вьючный скот, продолжало путь.

Вскоре им представилась на пути значительная гора, которую надлежало перей-

---

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ XII в. Этот безымянный автор замечателен прежде всего тем, что его произведение вместе с трудом Одо Диогильского (см. о нем выше) служит единственным полным источником для Второго крестового похода. Уступая своему сопернику в искусстве изложения, аноним стоит выше его по точности и определенности рассказа. Данная рукопись сохранялась в монастыре Сен-Дени; из самого содержания можно заключить об авторе только то, что он писал около 1180 г.

Лучшее издание сделано у *Duchesne*. Historiae Francorum scriptores coaetanei etc. (Par., 1636–1649, в 5 т.; IV т., с. 390 и след.). Исследование: *Wilken*. Geschichte der Kreuzzüge (III,1, p. 158, 4.)



Печать Парижского университета. Конец XIII в.

ти. Обыкновенно в армии один из великих баронов начальствовал авангардом, а другой – арьергардом. Каждый день эти вожди совещались о месте, где им следует расположиться лагерем. В этот день авангардом командовал Готфрид из Ранкона, знатный владетель Пуату, несший королевское знамя, которое обыкновенно предшествовало знамени св. Дионисия, называемому *орифламмой*. Было решено, чтобы авангард расположился на вершине горы и провел там ночь. Когда Готфрид прибыл на назначенное место, ему показалось, что можно еще идти далее и что солнце стоит высоко. Предводительствовавшие отрядами также советовали ему оставить вершину горы и указывали на красивую долину внизу, где они могли бы удобно расположиться. Ранкон слишком поддался такому совету и, чтобы достигнуть засветло указанного места, ускорил шаг. Между тем арьергард, уверенный по сделанному условию, что Готфрид остановится на вершине горы и там раскинет палатки, и не подозревая, что он пошел дальше, следовал за ним медленно и лениво. Турки же, наблюдавшие за христианской армией на небольшом расстоянии, заметили, что те два отряда весьма отделились друг от друга и что на вершине горы остались одни пешие люди и безоружные, а потому сочли такое время самым удобным для нападения на христиан. Дорога, которая вела на гору, была, кроме того, узка и обрывиста; турки поняли, что было бы трудно подняться на нее и соединиться для битвы; вследствие того они быстро поскакали на лошадях и, овладев возвышением, преградили дорогу таким образом, что арьергард не мог бы иначе достигнуть авангарда, как под их мечом и стрелами. Они начали нападение издалека, стреляя из луков; потом, приблизившись, вступили в рукопашную. Положение христианской армии было печально. Люди не могли подниматься на гору иначе как поодиночке и по узкой, обрывистой тропинке; оба отряда стояли далеко друг от друга и не могли оказывать взаимной помощи. Сверх того по дороге было разбросано столько поклажи и вьючного скота, что самые отважные воины, торопившиеся напасть на неприятеля, были задержаны всеми теми препятствиями. Многие из наших погибли при первом столкновении. Однако мало-помалу самые мужественные из воинов успели соединиться; они воодушевляли друг друга, говоря, что турки народ без силы и храбрости, как то они и доказали недавно на равнинах Меандра. Поддерживая таким образом один другого, они успели соединиться со всех сторон и, защищаясь, мужественно бились. Со своей стороны и неверные воодушевляли друг друга к бою, вспоминая, как они победили императора и его армию, хотя он был знатнее и могущественнее короля Франции.

Долгое время дрались с обеих сторон с ожесточением и яростью. Пока храбрейшие из французских воинов могли защищаться, они производили страшное опустошение в рядах неприятеля. Но турки были столь многочисленны, что всякий раз, когда одни, утомленные и израненные, удалялись с поля битвы, их немедленно замещали свежие отряды. Наши же, не имея такого преимущества, не могли потому долго переносить тяжести боя и наконец начали уступать, изнеможенные от усталости и ран. Многие были убиты, многие попали в плен и были отягчены цепями.

Христианская армия потеряла четырех из своих знатнейших и храбрейших воинов: графа Гаронсы, Гоше из Монгэ, Эврара из Бретейля и Итье из Маньяка; неизвестно, погибли ли они или попали в плен. Много и других воинов приняло в этот день мученический венец; хотя приговоры Божества не должны быть обсуждаемы, как праведные и непогрешимые, но люди считали странным то обстоятельство, что французы, народ самый благочестивый и строго ис-

полняющий заповеди Господни, пали под ударами неверных.

Из авангарда никто не участвовал в сражении; они раскинули палатки, предались отдыху и ничего не знали о случившемся. Но, заметив, что арьергард слишком долго не подходит, они начали опасаться и думать, не случилось ли с ним какое-нибудь несчастье. Король лично присутствовал в сражении; но когда число окружавших его начало уменьшаться и турки овладели полем битвы, несколько французских воинов схватили лошадь короля под уздцы и принудили его удалиться на возвышенность, находившуюся вблизи. Там они оставались до ночи; но потом им показалось благоразумнее спуститься и отправиться по какой-нибудь дороге, нежели оставаться окруженными неприятелем. В таком затруднительном положении кто мог иметь довольно мудрости, чтобы дать совет королю, которому угрожают опасности отовсюду? Враги обступали вокруг, армия погибла; никто не знал, по какой дороге следует идти; но Бог, не покидающий никогда тех, которые надеются на него, ниспослал им утешение. Пилигримы заметили зажженные огни и, узнав по ним лагерь авангарда, отправились к его палаткам. Турки же, опасаясь, чтобы авангард не вернулся под покровом ночи для помощи христианам, отступили. Некоторые рассказывают, что король оставался на вершине того холма с небольшим числом воинов, между которыми находились многие, не любившие его, и которые, не зная о его присутствии, изрыгали против него хулу. Король мужественно защищался на холме; но, видя, что с приближением ночи темнота разделит сражающихся, он удалился под дерево; потом, взобравшись на ветви, он долгое время защищался мечом против турок. Неприятель, опасаясь ночного мрака и прибытия помощи королю, удалился с быстротой. Когда авангард увидел короля и узнал о случившемся несчастье, по всему лагерю распространились печаль, стоны и плач. Не было никого, кто не оплакивал бы кого-нибудь из своих: один утратил отца, другой – сына, иной – брата, иной – дядю. Если бы горе дало возможность размышлению, то христиане легко могли бы понять, какой опасности подвергает их такое отчаяние, ибо турки, заметив то, поняли бы, до какого крайнего положения доведена армия, и без труда или истребили бы ее, или взяли бы в плен. Однако некоторые из христиан, ускользнувшие из оков неверных, возвратились в лагерь, укрываясь сначала в кустарнике и пещерах; но число их было ничтожно по сравнению с павшими в битве. С того дня количество съестных припасов стало уменьшаться, а вскоре и люди, и скот почувствовали в нем недостаток. Не могли ничего найти для поддержания жизни, потому что лагерь не имел никакого подвоза съестных припасов. Опасность была тем больше, что никто в армии не знал страны и не мог сказать, в которую сторону следовало идти. Христианские воины походили на заблудших овец; они бросались то налево, то направо; то опускались в долины, то поднимались на горы. Но волей Божьей, наконец, армия достигла города Саталии (Атталия). Удивительно то, что ни один турок не являлся перед ней, и ей не предстояло ни выдерживать битв, ни бороться с другими препятствиями со стороны неприятеля; для многих это обстоятельство было предметом и изумления, и радости.

Саталия расположена на морском берегу и принадлежит Греческой империи; в ее окрестностях находятся поля, весьма удобные для обработки и которые давали бы обильную жатву, если бы их возделывать; но они ничего не приносят ни земледельцам, ни горожанам, потому что турки, владеющие соседними замками, угнетают жителей до того, что они не могут посвящать себя никакому труду. Но в стенах Саталии находится довольно земли для производства хлеба и всего необходимого для человека. Вблизи стен устроены прекрасные фонтаны, восхитительные дачи, где растут всякого рода деревья. Хлеб очень дешев, потому что купцы привозят его морем; но торговля идет худо, вследствие притеснений турок, если город не платит им ежегодной дани. Турки называют этот город *Ахалией*, по прозванию большой горы, которая господствует над ним и тянется из Ликсодона до морского берега к о. Кипру; греки называют этот город

Аталикой, а мы, франки, – *Пропастью Саталии*, и это название удерживается до настоящего времени.

Людовик, дав своему войску несколько дней отдыха, оставил пехоту в городе, а сам с несколькими рыцарями и баронами сел на корабль и отплыл, держась влево от Исаврии и Киликии, а вправо от Кипра. Море было спокойно, и ветер дул попутный. Так он прибыл в Селевкию и высадился в гавани Св. Симеона, что в десяти милях от Антиохии и где р. Оронт, омыв этот город, впадает в море. Раймунд, князь Антиохии, узнав, что король Франции пристал к его владениям с армией, выразил по этому случаю большую радость: уже давно он ожидал его прибытия. Он вышел к нему навстречу вместе с вельможами двора и блестящей свитой и принял его в Антиохии с большим почетом. Народ и духовенство встретили Людовика процессией. Раймунд старался угодить ему всеми мерами; еще прежде, узнав о том, что король принял крест, он послал ему во Францию большие подарки и драгоценности. Он надеялся, что с помощью французов ему удастся отнять у турок несколько городов и крепостей и расширить свои владения за счет сарацин. Особенно он рассчитывал на дружбу королевы Элеоноры, сопровождавшей короля, и которая была его племянницей, как дочь его старшего брата Вильгельма, графа Пуату. При короле не было ни одного барона, который не получил бы от него подарков. Со всеми ими он обращался соответственно достоинству и происхождению каждого; навещал их и старался понравиться своими ласковым и вкрадчивыми речами. Он так был уверен в помощи франков, что уже считал в своей власти Цезарею и прочие города, соседние Антиохии. Его мечты, без сомнения, осуществились бы, если бы ему удалось склонить в свою пользу короля Франции, ибо турки, устрашенные прибытием Людовика, не имели ни намерения, ни средств сопротивляться: они думали только о бегстве, если король тронется против них. Князь Антиохийский, разведывая намерения Людовика, не нашел в нем того, что он искал; напротив, он заметил, что король был далек от его намерений. Однажды он пришел к нему и в присутствии всех баронов изложил перед ним свою просьбу; он доказывал ему, что, приняв его предложение, он увеличит свою славу и распространит пределы христианства. Король, посовещавшись с баронами, отвечал Раймунду, что он дал обет идти в Св. землю, что он предпринял поход исключительно с этой целью, что со времени своего отбытия из Франции он испытал всякого рода бедствия, и потому не желает изменить намерения и пускаться в новые предприятия; что он желает исполнить прежде всего свою клятву и после того выслушает охотно князя и других владетелей Сирии относительно всего, что касается выгод христианства.

Такой ответ короля убедил Раймунда, что все его надежды неосновательны, и он так озлобился на него, что с того времени беспрестанно строил ему козни. Король узнал о замыслах Раймунда и его коварных планах и, посоветовавшись тайно с баронами, ушел ночью из города вместе со своей свитой. Его удаление не имело уже того блеска и торжества, какими сопровождалось его прибытие. Многие, осуждая справедливо поведение короля, говорили, что его выход из Антиохии не соответствовал ни его достоинству, ни его чести.

Следует отступление, в котором автор рассказывает, каким образом Конрад III, осыпанный подарками императора Мануила, сел на корабль и прибыл в Палестину прежде Людовика VII.

Несколько времени спустя в Иерусалиме узнали, что король Франции оставил Антиохию и отправился прямо в Триполь. Король Балдуин (III), когда к нему пришло известие о том, созвал баронов и выслал патриарха навстречу к королю с просьбой поспешить в св. город, где его ожидали император Немецкий, он сам и бароны: король Иерусалимский опасался, что какой-нибудь договор, заключенный Людовиком с князем Антиохии или с графом Триполя, задержит его в тех владениях... Четыре владетеля, которые правили в Палестине (король Иерусалима, граф Триполя, князь Антиохии и граф Эдессы), были самыми могуществен-

ными христианскими баронами на Востоке; узнав о прибытии французского короля и германского императора, каждый возымел надежду при их помощи увеличить свои владения приобретением богатых и цветущих городов на турецкой границе, и для достижения того каждый со своей стороны делал все возможное для привлечения к себе этих двух могущественных государей. Они посылали деньги им самим, их баронам и тем из служителей, которые, по их мнению, могли иметь на них влияние.

Затем автор рассказывает торжественный въезд Людовика VII в Иерусалим; неудачный поход союзников против Дамаска и возвращение их в Европу без всяких результатов; хроника останавливается или прерывается на разводе Людовика VII с Элеонорой.

Gesta Ludovici VII regis, filii Ludovici Grossi.

Мишо

ОСАДА ДАМАСКА И ОКОНЧАНИЕ ВТОРОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА. 1148–1149 гг. (в 1811 г.)

Людовик VII, король Франции, оставив в отчаянном положении значительную часть своей армии в Саталии (Атталии) на произвол судьбы, сел на корабли и прибыл морем в княжество Антиохию. Три четверти его войска погибло на пути, но тем не менее князь Антиохийский, Раймунд Пуату, принял его с восторгом. Народ и духовенство вышли в процессии навстречу королю. Французы, сопровождавшие его, забыли скоро среди удовольствий и усталости долгого пути и плачевную смерть своих сподвижников. В стенах Антиохии жили в то время графиня Тулузская, графиня Блоа, Сивилла Фландрская, Морилла, графиня Русси, Талькерия, герцогиня Бульонская, и много других дам, знаменитых своим происхождением или красотой. Празднества, данные Раймундом, получили особенный блеск от присутствия Элеоноры Гвиенской. Эта молодая принцесса, дочь Вильгельма IX (Пуату) и племянница князя Антиохии, соединяла самые обольстительные дары души с прелестной красотой; она вызвала к себе изумление в Константинополе и не нашла соперницы при дворе императора Мануила. Ее упрекали с некоторым основанием за то, что она желала нравиться более, нежели как то прилично христианской королеве. Не искреннее благочестие, не ревность покаяния влекли ее в Иерусалим. Утомления, опасности долгого пути, несчастья крестоносцев, мысль о святых местах, всегда присущая духу пилигримов, нисколько не ослабили в ней ее слишком сильной наклонности к удовольствиям и ее чрезмерного расположения к любезностям рыцарей.

Раймунд Пуату среди празднеств, даваемых в честь королевы Элеоноры, не забывал интересов своего княжества. Он хотел ослабить могущество Нуреддина, самого грозного врага христианских колоний, и пламенно желал, чтобы крестоносцы захотели помочь ему в этом предприятии; ласки, просьбы, дары – ничего не было пощажено, чтобы заохотить их к продолжению своего пребывания в его владениях. Князь Антиохии обратился сначала к королю Франции и предложил ему, в совете баронов, осадить Алеппо и другие соседние города. Так как самые опасные враги христиан являлись постоянно с берегов Тигра и Евфрата, то вернейшим средством к предупреждению их набегов было бы завоевание городов, которые лежали на их пути и служили им, так сказать, воротами в Сирию. Сколько бедствий обрушилось на христианские колонии вследствие того, что эти города были оставлены в руках варваров! Еще не забыли плена Боэмунда, сподвижника Готфрида, плена одного из королей иерусалимских, смерть Рожера и многих других князей, захваченных врасплох и побежденных туркоманами и ордами, прибывшими из Персии, с берегов Каспийского моря, и из страны Мосула. Могли ли забыть взятие Эдессы, исполнившее ужасом все

христианство, и угрозы свирепого завоевателя Месопотамии, который поклялся овладеть Антиохией и подчинить Иерусалим закону исламизма? Все эти доводы и многие другие, представляемые Раймундом Пуату, не могли быть оценены воителями, прибывшими с Запада, и которые не знали ни положения христианских колоний, ни могущества их врагов. Людовик VII отвечал, что он дал обед идти к святому Гробу, что он принял крест для исполнения этого обета, что со времени своего отправления из Франции он испытал много несчастий и не может помышлять о новых предприятиях; он добавил, что по исполнении своих священных обетов пилигрима он выслушает охотно князя Раймунда и других владетелей Сирии относительно всего, что касается выгод христианства в этой стране.

Князь Антиохии не упал духом от такого ответа. Он употребил все старания, чтобы тронуть сердце королевы, и решился употребить в дело любовь для приведения в исполнение своих замыслов. Вильгельм Тирский, оставивший нам портрет Раймунда, говорит, что этот князь «был в разговоре мягок и приветлив, обнаруживая в своих привычках и обращении удивительную прелесть и манеры превосходного и великодушного князя». Он вознамерился склонить королеву Элеонору к продолжению своего пребывания в княжестве Антиохийском. Тогда только что начиналась весна; веселые берега Оронта, рощи Дафны, прекрасное небо Сирии должны были, без сомнения, помогать красноречию Раймунда. Королева, увлеченная просьбами этого князя и находясь под влиянием всяких угод со стороны чувственного и блистательного двора и, если верить историкам, под влиянием удовольствий и страстей, недостойных ее, настоятельно убеждала короля промедлить своим отправлением к святому городу. Людовик VII был человек строгого благочестия, духа недоверчивого и ревнивого: побуждения, которые задерживали королеву в Антиохии, только увеличивали в нем решимость идти в Иерусалим. Упорство Элеоноры вызывало в нем подозрения, и эти подозрения делали его непоколебимым. Тогда Раймунд, обманутый в своих ожиданиях, разразился жалобами и думал только о мести. Этот князь, говорит Вильгельм Тирский, был необуздан в своих желаниях «и столь злобен, что при раздражении не имел ни смысла, ни толку». Он легко сообщил свое негодование Элеоноре. Эта королева громко выражала намерение разойтись с Людовиком VII и расторгнуть брак под предлогом родства. Раймунд также клялся употребить насилие, чтобы удержать свою племянницу в своих владениях. Наконец, король Франции, оскорбленный в качестве короля и мужа, решился ускорить отъезд и был вынужден похитить свою собственную жену и отвезти ее ночью в свой лагерь.

Поведение королевы должно было являться соблазнительным в глазах неверных и христиан на Востоке. Ее пример мог иметь гибельные последствия в войске, где находилось большое число женщин. В толпе рыцарей и даже мусульман, которые во время пребывания Элеоноры в Антиохии привлекали к себе поочередно ее взоры, указывают на одного молодого турка, который получал от нее подарки и для которого она намеревалась оставить короля Франции. В таких обстоятельствах, замечает остроумно Мезере (французский историк XVII в.), часто говорят более, нежели есть; но иногда также бывает более, нежели говорят. Как бы то ни было, Людовик VII не мог забыть своего бесчестья и считал себя обязанным, несколько лет спустя, развестись с Элеонорой, которая вышла замуж за короля Англии, Генриха II, и передала ему герцогство Гвиен, что составило для Франции одно из самых плачевных последствий Второго крестового похода.

Король и бароны Иерусалима, опасаясь продолжительности пребывания Людовика в Антиохии, отправили к нему послов, заклиная именем Иисуса Христа торопиться с отправлением в Палестину. Король Франции исполнил их желание и прошел Сирию и Финикию, не останавливаясь при дворе графа Триполя, который имел те же намерения, как и Раймунд Пуату. Его прибытие в Святую землю произвело живейший восторг и воодушевило надежду христиан. Народ Иерусалима, князья, прелаты вышли к нему навстречу, держа в руках паль-

мовые ветви, с пением тех же слов, которыми приветствовали Спасителя мира: «Благословен грядый во имя Господне!» Около того же времени немецкий император Конрад III, оставивший Европу с многочисленнейшей армией и теперь сопровождаемый только некоторыми из своих баронов, прибыл в Святую землю, не с великолепием великого государя, но с уничижением простого пилигрима. Оба монарха оплакали испытанные ими бедствия и, сойдясь в церкви св. Гроба, преклонились вместе перед неисповедимой волей Провидения.

Балдуин III, который правил тогда в Иерусалиме, государь молодой, подававший большие надежды и горевший нетерпением, как возвеличить свою славу, так и расширить свое государство, не упустил ничего для внушения к себе доверенности крестоносцев и для ускорения войны, которую следовало нанести мусульманам. В Птолемаиде было собрано многочисленное собрание. Император Конрад, король Франции, юный король Иерусалима отправились туда в сопровождении своих баронов и рыцарей. Вожди христианских армий и старейшины духовенства совещались вместе относительно священной войны в присутствии королевы Милезенды, маркизы Австрийской и многих французских и немецких дам, которые сопровождали крестоносцев в Азию. В этом блестящем собрании христиане были изумлены, заметив отсутствие королевы Элеоноры Гвиенской, и с сожалением вспоминали о пребывании в Антиохии. Отсутствие Раймунда Пуату, графов Эдессы и Триполя, которые вовсе не были приглашены на это совещание, должно было также породить печальные мысли и предвещать несчастное последствие раздора между восточными христианами.

Имя бедного графа Эдессы Иосцелина едва было упомянуто на совете баронов и князей; о городе Эдессе вовсе не говорили, а между тем его потеря вооружила Запад; никто не упомянул о необходимости завоевания Алеппо, предложенного Раймундом Антиохийским. С самого начала правления Балдуина III князья и владетели Палестины составили план распространить свое

Динар Саладина 586 г., хиджры (1190 г.)

оружие за Ливаном и подчинить Дамаск. Так как христиане, овладев какой-нибудь провинцией или мусульманским городом, разделяли между собой земли и дома побежденных, то народ, населявший бесплодные горы Иудеи, бóльшая часть воителей Иерусалима, даже само духовенство устремили свои желания на земли Даска, которые представляли победителям богатую добычу, приятное местоположение и поля, обильные жатвой. Впрочем, и мудрая политика могла также внушать им намерение предупредить в этом завоевании атабеков, и в особенности Нуреддина, власть которого должна была увеличиться приобретением Дамаска. А потому на сейме в Птолемаиде было определено начать войну именно осадой этого города.

Все войска собрались в Галилее (северная часть Иерихонского королевства) к самому началу весны и двинулись к городу Панее, предводительствуемые королем Франции, императором Германии, королем Иерусалима и предшествуемые патриархом, который нес истинный крест. Христианская армия, к которой присоединились тамплиеры и иоанниты, перешла в первых днях июня горную цепь анти-Ливана и расположилась лагерем близ местечка Дарии, при входе в долину Дамаска.

Город Дамаск, называемый ныне *Эль-Хам, Сирия*, потому что он служит столицей этой страны, расположен в долине у подножия анти-Ливана; он имеет в окружности полтора лье. Дамаск считается одним из священных городов исламизма, и его мусульманское население известно своим фанатизмом и своей ненавистью к гяурам. Сады Дамаска простираются на семь льё,

и там деревья всякого рода. Это изумительный лес апельсинных, лимонных деревьев, кедров, абрикосов, слив, вишен, персиков, фиг и прочих. Река Баради, или Барадда (берет свой источник в десяти лье от Дамаска, на северо-востоке), главные рукава которой носили в древности имена Фарфара и Абаны, разветвляется на многие каналы, которые орошают обилием своих вод сады и город. Пророк Иезекииль хвалит вина Дамаска, его многочисленные фабрики, краску его шерстяных изделий. Шелковые материи и бумажные ткани, сахар и сушеные фрукты, седла для наездников степей составляют ныне основу торговли Дамаска; каждый день купеческие караваны выходят из Эль-Хама во все стороны Востока. Многие места Св. Писания изображают этот город центром чувственных наслаждений и удовольствий. Дамаск и ныне принадлежит к числу самых богатых и самых очаровательных городов на Востоке. Внутренность домов в Дамаске представляет много изящества и блеска: это настоящие азиатские молельни с дворами, усаженными апельсинными и гранатными деревьями или грудным ягодником (jujubière), с фонтанами и водометами. Мусульманская легенда повествует, что Магомет, пораженный при виде этого города его красотой, остановился и не хотел входить в него. «Человеку предназначен всего один рай, – воскликнул пророк арабов, – что касается до меня, я решился не наслаждаться раем в этом мире».

Дамаск, один из первых городов, основанных рукой человека, занимаемый по очереди ассирийцами, персами, греками, римлянами и византийскими императорами, подпав под владычество арабов с первых времен эгиры (VII в.), образовал мусульманское княжество. В эпоху Второго крестового похода это княжество, подвергаясь нападению то франков, то ортокидов, то атабеков и ограничиваясь почти одними городскими стенами, принадлежало мусульманскому владетелю, который должен был защищаться от вторжения чужеземных врагов не менее, как и против честолюбия эмиров. Нуреддин, владетель Алеппо и многих других городов Сирии, делал уже много раз попытку овладеть Дамаском и никогда не терял надежды присоединить его к своим завоеваниям, а между тем христиане уже решили осадить этот город.

Дамаск был защищен высокими стенами с восточной и южной сторон; с запада и с севера он имел для своей защиты одни густые и обширные сады, где со всех сторон возвышались изгороди; земляные стенки и маленькие башни, в которых можно было поместить стрелков. Составители хроник с удовольствием рисуют нам состояние христианской армии при ее прибытии к стенам Дамаска. «О! – восклицает автор “Деяний Людовика VII”, – как хорошо было глядеть на эту армию с ее многочисленными палатками, совершенно новыми, с ее разноцветными и разнообразными знаменами, колеблющимися по воле ветров! Мусульмане, стоя на высоте своих укреплений, трепетали при ее виде: их страх не представлял в себе ничего удивительного, ибо они знали: им приходилось сражаться с цветом французского дворянства». Крестоносцы, готовясь начать осаду, определили в совете прежде всего овладеть садами. Они рассчитывали найти там воду и фрукты; но такое предприятие было сопряжено с великими затруднениями: сады, тянувшиеся до подножия анти-Ливана, представляли собой густой лес, перерезанный узкими тропинками, где два человека с трудом могли бы пройти рядом. Неверные изготовили повсюду окопы, в которых они могли безопасно сопротивляться нападениям крестоносцев. Но ничто не могло удержать храбрость и порывы христианской армии, которая проникла в сады с различных сторон. С высоты башен, из укрепления стен, из чащи густых деревьев вылетали тучи стрел и дротиков. Каждый шаг христиан в этой защищенной местности был обозначен упорной битвой. Между тем неверные, выдерживая беспрерывные нападения, принуждены были, наконец, оставить свою позицию. Король Иерусалима шел первым во главе своей армии и рыцарей ордена тамплиеров (иоаннитов); за восточными христианами выступали французские крестоносцы, предводительствуемые Людовиком VII. Император Германии, собравший остатки

своих войск, оставался в резерве, и должен был обеспечивать осаждающих от неожиданного нападения врагов.

Король Иерусалимский с жаром преследовал мусульман; его воины бросались вместе с ним в ряды неприятелей и сравнивали своего вождя с Давидом, который, по словам Писания, победил одного из царей Дамаска. Мусульмане, продолжая биться, соединились на берегах Барадды, к западу от города, чтобы спастись от стрел и камней христиан, утомленных жарой и жаждой. Воины, предводительствуемые Балдуином III, тщетно старались несколько раз прорвать ряды неверных: они встречали постоянно непреодолимый отпор. Тогда-то германский император обнаружил свою храбрость в подвиге, достойном героев Первого крестового похода. Сопровождаемый небольшим числом своих людей, он проходит через французскую армию, которая по затруднительной местности не могла сражаться, и становится впереди крестоносцев. Ничто не может противостоять его отчаянному нападению; враги, попадавшиеся ему навстречу, падают под его ударами; тогда один мусульманин, гигантского роста и вооруженный с ног до головы, становится перед ним, чтобы остановить его. Конрад III летит немедленно навстречу врагу. При виде такого поединка обе армии неподвижно ждали в страхе, пока один из двух бойцов не опрокинет своего противника, чтобы возобновить битву. Мусульманский воин был скоро сброшен с коня. Конрад одним ударом меча по плечу своего неприятеля разрубил его тело на две части. Это чудо силы и мужества удвоило жар христиан и распространило ужас между неверными, которые с того времени начали искать своей безопасности в городе и берега реки оставили во власти крестоносцев.

Восточные писатели рассказывают о степени страха жителей Дамаска после победы христиан. В течение многих дней мусульмане ложились спать на пепле; посреди главной мечети был выставлен Коран, собранный Османом; женщины, дети собирались около священной книги, взывая к Магомету о помощи против их врагов. Осажденные уже думали покинуть город; они загородили улицы со стороны садов толстыми бревнами, цепями и кучей камней, чтобы замедлить шествие осаждающих и дать себе время бежать северными и южными воротами, вместе со своими богатствами и семействами.

Христиане были так убеждены в овладении городом, что их вожди занимались только одним вопросом: кому будет отдан Дамаск? Бо́льшая часть баронов и владетелей, находившихся в христианской армии, искали благосклонности короля Франции и императора Германии и пренебрегали осадой укреплений, чтобы домогаться приобретения города. Теодорик Эльзасский, граф Фландрии, приходивший два раза в Палестину еще до этого похода и предоставивший своему семейству все свои владения в Европе, просил для себя Дамасское княжество настоятельнее других и одержал верх над своими соискателями и соперниками. Такое предпочтение породило зависть и повело за собой расслабление армии. Пока овладение городом составляло предмет честолюбия каждого, вожди пылали усердием и жаром; но, потеряв надежду, одни впали в бездействие, другие не считали славы христиан своим собственным делом, и старались воспрепятствовать успеху предприятия, которое не представляло им никакой выгоды.

Предводители осажденных воспользовались таким настроением умов, чтобы открыть переговоры с крестоносцами. Их угрозы, обещания, подарки уничтожили последнее рвение и энтузиазм христиан. Особенно они обращались к баронам Сирии и убеждали их не доверять пришельцам Запада, которые, по их словам, хотят овладеть христианскими городами в Азии. Они угрожали предать Дамаск в руки султана Мосула или новому властителю Востока, Нуреддину, которому ничто не могло противиться и который скоро овладеет Иерусалимским королевством. Бароны Сирии, или будучи увлечены подобными речами, или в глубине души опасаясь предприимчивости франков, явившихся к ним на помощь, только и думали о том, чтобы замедлить осаду, которой они сами желали с таким жаром. Злоупотребляя доверчивостью

крестоносцев, они предложили план, принятый слишком легкомысленно и уничтоживший все надежды, какие возлагались на этот Крестовый поход.

В собрании бароны Сирии советовали переменить место нападения: «Соседство садов и реки, – говорили они, – препятствует выгодному размещению орудий». Христианская армия, в занимаемой ею позиции, может быть захвачена врасплох и подвергнется опасности увидеть себя окруженной врагами, без всякой возможности к защите; казалось более верным и более легким повести осаду города с южной и восточной сторон.

Большинство предводителей имело более отваги, нежели благоразумия: уверенность в победе заставляла их считать все возможным, сверх того, они не могли сомневаться в восточных христианах, которые были их братьями и для которых они предприняли войну. Опасение затянуть осаду принудило одобрить план, предложенный баронами Сирии. Переменив место атаки, христианская армия, вместо того чтобы найти легкий доступ к укреплениям, увидела перед собой башни и неодолимые стены; к тому же, пространство, которое она занимала теперь, не предоставляло ей никаких средств: это была земля обнаженная и безводная. Едва крестоносцы расположились лагерем на новых местах, как город Дамаск принял в свои стены подкрепление из 20 тысяч курдов и туркоманов, решившихся защищать его. «Осажденные, храбрость которых возвысилась от присутствия этих союзников, облеклись, – говорит один арабский историк, – щитом победы и сделали несколько вылазок, при которых одержали верх над христианами. Крестоносцы несколько раз подступали к городу и были постоянно отражаемы. Стоя на бесплодной почве, они испытывали недостаток во всем: соседние поля были опустошены неверными, и хлеб, уцелевший от истребления во время войны, был скрыт в подземельях, которых нельзя было открыть. Христианская армия готова была сделаться добычей всех ужасов голода. Между осаждающими вспыхнул раздор; в лагере крестоносцев только и говорили о вероломстве и измене; христиане Сирии и христиане европейские не соединяли более своих сил при нападении на город. Вскоре узнали, что султаны Алеппо и Мосула появились с многочисленной армией: тогда совсем отчаялись овладеть Дамаском, и осада была снята». Таким образом, христиане, не испытав до конца своей твердости и своей храбрости, оставили после нескольких дней предприятие, к которому приготовлялись все силы Европы и Азии. К числу замечательных обстоятельств этой осады принадлежит то, что Эйюб, родоначальник династии Эйюбитов, предводительствовал в то время гарнизоном Дамаска и имел при себе сына, молодого Саладина, которому суждено было впоследствии нанести столь тяжкий удар христианам и овладеть Иерусалимом. Старший сын Эйюба был убит при одной вылазке, и жители Дамаска соорудили ему мраморный памятник, который видели даже несколько веков спустя под стенами города.

Один престарелый мусульманский мулла, проведший 40 лет в соседней пещере, был принужден оставить свое убежище и искать спасения в стенах, осажденных христианами. Он сожалел о своем уединении, нарушенном шумом войны, и горел желанием снискать пальму мученичества. Несмотря на возражения своих учеников, он вышел без оружия навстречу крестоносцам, нашел желаемую смерть на поле битвы, и народ Дамаска почтил его святым.

Если верить арабским историкам, духовенство не пренебрегало никаким средством для возбуждения энтузиазма в сподвижниках Христа. В одной битве, близ города, видели, как между двух армий выступил седовласый священник, на муле и с крестом в руках; он убеждал христиан удвоить храбрость и жар и обещал им, именем Христа, завоевание Дамаска. Мусульмане направляли в него все свои стрелы; крестоносцы теснились по сторонам, чтобы защитить его. Бой был живой и кровавый; наконец, священник, пронзенный стрелами, пал под кручей трупов, и христиане оставили поле битвы.

Бóльшая часть арабских писателей и латинских хроникеров рассказывают об осаде Дамаска с разными подробностями; тем

не менее все согласны, что отступление христиан было делом измены. Анонимный писатель «Деяний Людовика VII», сам очевидец, уверяет, что вожди Дамаска тайно подсылали к баронам Сирии, обещая им великие сокровища, если они только согласятся убедить короля Франции оставить место, занимаемое армией. «Эти бароны, имен которых история не желала произносить, – говорит автор, – чтобы спасти их потомство от стыда подобных воспоминаний, советовали Людовику перейти на другую сторону Дамаска. О горе! Их совет был принят». По свидетельству одного восточного историка, король Иерусалимский принял от жителей Дамаска значительные суммы, но он был обманут осажденными, которые доставили ему свинцовую монету, покрытую листовым золотом.

Некоторые из латинских хроникеров винят при этом случае корыстолюбие тамплиеров; другие высказывают свои подозрения относительно Раймунда, князя Антиохии, который горел местью против короля Франции. Вильгельм Тирский, оплакивая отступление христиан, излагает с беспристрастием те различные суждения, которые произносились по поводу этого события; одни, говорит он, приписывали его духу зависти и соперничества, который воодушевлял вождей христианской армии; другие думали, что многие князья и бароны дозволили подкупить себя и что Бог в наказание им обратил в негодный металл те деньги, которые они получили за свою измену христианскому делу. Изложив таким образом различное показание современников, сановитый историк Иерусалимского королевства сознается, что, тем не менее, он не мог открыть истины, и кончает свой рассказ воззванием к правосудию Божию против неизвестных виновников столь тяжкого преступления. При этом будет не лишне сделать одно замечание, которое может прилагаться ко многим событиям истории, а именно, что в несчастных обстоятельствах хроники служат почти всегда выражением чувствований толпы, а толпа всегда склонна верить, что там есть измена, где войско побеждено. Весьма вероятно, что предводители крестоносной армии имели для оставления своего предприятия другие побуждения, а не те, которые им приписываются хрониками; ибо если было справедливо утверждать, что христианские князья уступили советам, вероломство которых не трудно было открыть и что, вследствие этих советов они были доведены до того, что отчаивались в успехе, то в таком случае следует более изумляться их простодушной доверчивости, нежели измене, которой они были игрушкой и вместе жертвой.

После такой несчастной попытки надобно было отчаяться в успехе этой войны; на совете вождей предложили осаду Аскалона; но умы были огорчены, мужество утрачено. Германский император думал об одном возвращении в Европу, где Папа, чтобы утешить его в неудачах, дал ему титул защитника Римской церкви. Король Франции оставался в Палестине почти целый год; но он обнаруживал в это время одно благочестие пилигрима. С этой эпохи, говорит Вильгельм Тирский, христианские государства в Азии шли быстро к своему падению. Мусульмане научились не бояться более западных князей, и даже те, которые прежде едва осмеливались защищаться против франков, не колебались более объявлять им войну. Крестоносцы по возвращении в Европу преувеличивали вероломство греков, силы мусульман, измену сирийских христиан; их рассказы поселяли отчаяние или равнодушие во всех странах, где христианские колонии Востока находили до того времени защитников для себя.

Первый крестовый поход был описан огромным числом современных историков. Второй имел только трех; и по странности, достойной замечания, все трое прерывают свой рассказ на самой середине событий и едва говорят о конце похода, приготовления к которому были ими описаны подробно, как будто они боялись открыть перед светом неудачи христианских сподвижников. Их молчание может, по крайней мере, дать нам понятие, которое составляли в то время относительно этого Крестового похода.

Во Втором крестовом походе неудачи христиан не были искуплены никакой славой. Предводители повторили ошибки Готфрида и его сподвижников: они, как и их пред-

Рыцарь со своей свитой. Рисунок 1190 г.

шественники, не позаботились основать колонию в Малой Азии и овладеть городами, которые могли служить прикрытием для пилигримов, идущих в Сирию. Изумляются тому терпению, с которым они переносили оскорбления и вероломства греков; но такая кротость, более религиозная, нежели политическая, довела их до погибели. Присоединим к этому, что они слишком презирали турок и не довольно обращали внимание на средства к борьбе с ними. Как и в первую священную войну, христиане влекли за собой большое число детей, женщин, старцев, которые не могли содействовать победе, а после поражения всегда увеличивали замешательство и отчаяние. Среди такого скопища дисциплина не могла установиться; впрочем и сами предводители не делали никаких попыток к предупреждению последствий распущенности нравов.

Готфрид Ранконский, неблагоразумие которого (см. выше) погубило половину французской армии и поставило короля Франции в величайшую опасность, не имел другого наказания, кроме собственных угрызений совести, и думал искупить свою ошибку, распростершись вместе со своими сотоварищами над Гробом Иисуса Христа. Всего более вредила дисциплине распущенность нравов, которая была следствием особенно того, что большое число женщин взялось за оружие и смешалось в рядах войска. В этом походе видели отряд амазонок, предводительствуемый вождем, наряд которого изумлял более, нежели его храбрость, и который по своей золотой обуви назывался *Дамой золотоножкой* (см. выше).

Другой причиной распущенности нравов была крайняя легкость, с которой принимали в число крестоносцев людей самых испорченных и даже злодеев. Святой Бернард, смотревший на Крестовый поход как на путь к небу, приглашал величайших грешников и радовался, видя, что они также вступают на путь спасения. Реймсский собор, которого аббат Клерво был оракулом, определил, что поджигатели должны в течение года нести службу Богу в Иерусалиме или Испании. Пламенный проповедник священной войны не подумал, что ве-

ликие грешники под знаменем креста подвергнутся новым искушениям и что на продолжительном пути им будет легче совратить своих спутников, нежели исправиться самим. Беспорядки были, к несчастью, терпимы вождями, которые полагали, что небо всегда снисходительно к крестоносцам, и не хотели быть строже божества.

Во всяком случае, христианская армия рядом с самыми соблазнительными нравами представляла, однако, примеры сурового благочестия. Посреди опасностей войны и утомлений длинного странствования король Франции с точностью выполнял самые мелочные обряды религии. В рассказах Одо Диогильского можно видеть не раз трогательную преданность Людовика VII тому народу, который шел вместе с ним из Франции. Большая часть вождей принимала его за образец для себя. В лагере делали более процессий, нежели военных упражнений, и войско менее доверяло своему оружию, чем своим молитвам. Вообще, не довольно употребляли средства человеческого благоразумия и слишком полагались на Провидение, не оказывающее покровительства тем, которые совращаются с пути разума и мудрости.

Первый поход характеризуется двумя отличительнымие чертами: благочестие и геройство. Второй поход имеет своим побуждением одно благочестие, которое ближе подходит к ханженству монастырей, нежели к энтузиазму. В этой войне легко заметить влияние монахов, которые проповедовали ее и вмешивались потом во все дела. Король Франции обнаруживал в несчастьях одно самоотвержение мученика и на поле битвы представлял одну храбрость и горячность простого солдата. Образ действий германского императора отличался не бóльшим искусством; он потерял все вследствие безрассудной самоуверенности и убеждения, что он может победить турок без помощи французов. Оба они были весьма ограничены в своих воззрениях, и им недоставало той энергии, которая порождает великие дела. В походе, которым они распоряжались, ничто не возвысилось над ними, и на всем запечатлелся их характер. Одо Диогильский приписывает несчастья немцев их невоздержанности: *ebrii semper*. Конрад был слишком доверчив к обещаниям императора Мануила, который предупредил турок и дал латинам провожатаев с поручением обмануть их. Конрад III, человек посредственный, высказался весь в письме, которое он писал к аббату Корбейского монастыря: «Я совершил в Святой земле,– говорит немецкий император,– то, что было угодно Богу и что мне дозволили сделать князья той страны». Этот Второй крестовый поход не представил ни геройских страстей, ни доблестей рыцарства; великие предводители не встречались в лагере, и эпоха, описываемая нами, видела в себе только двух гениальных людей: святого Бернарда, который поднял Запад своим красноречием, и аббата Сугерия, мудрого министра Людовика VII, который должен был загладить для Франции те бедствия, которые ей причинил Второй крестовый поход.

Histoire des Croisades, т. I, с. 396–410, изд. 1857 г.

Ибн-Алатир

НУРЕДДИН.
1118–1174 гг. (около 1230 г.)

Автор, рассказав всю историю правления Нуреддина до 1174 г., когда султан Мосула, видя явную измену своего наместника в Египте Саладина, отказавшегося помогать ему против христиан, предпринял поход против него в Египет, но умер на пути в Дамаск, имея от роду 58 лунных лет, приводит рассказ медика о его смерти и затем останавливается долго на описании характера и нравов Нуреддина.

Я заимствую свой рассказ о смерти Нуреддина, в 569 году эгиры (1174 г.), у того медика, который состоял при нем во время его последней болезни. «Нуреддин, – говорил он мне, – захворал в Дамаске; меня позвали лечить его вместе с другим медиком. Мы его нашли лежащим в небольшой комнате; он с трудом дышал и едва можно было его понимать. Он любил удаляться в это место для молитвы и там внезапно почувствовал себя худо; прежде нежели могли подумать о том, чтобы перенести его куда-нибудь, он находился уже в величайшей опасности. Видя его в таком положении, я сказал ему: “Тебя следовало бы перенести в более свободное место; при такой болезни, как твоя, прежде всего нужен чистый воздух”. Мы попытались помочь ему, но было слишком поздно: через минуту его уже не стало. Да будет милостив к нему Аллах!»

Нуреддин был смугл, высокого роста, борода у него росла только на подбородке. Он имел широкий лоб, приятное выражение лица, а глаза дышали кротостью. При смерти, его владения были обширны, ибо он правил в одно время Мосулом, частью Месопотамии, Сирией, Египтом, Счастливой Аравией и исполнил весь свет славой своего правосудия и добродетелей. Я опишу теперь некоторые из его превосходных качеств, и этого будет довольно для того, чтобы понять, насколько было угодно Богу сделать этого государя образцом совершенства. Я докажу, что люди, подобные ему, принадлежат к числу малообыкновенных.

Мне удавалось читать жизнь государей, предшествовавших исламизму, и тех, которые следовали за Магометом; но за исключением четырех законных калифов – Абубекра, Омара, Османа и Али, и калифа Омара, сына Абдалазиса, я не знаю никого, кто провел бы лучшую жизнь; я не знаю другого, кто показал бы бóльшую справедливость. Днем и ночью он был занят тем, что творил суд, помышлял о средствах истреблять неверных (то есть христиан) и предупреждал злоупотребления; день и ночь он заботился об исполнении своих обязанностей к Богу, творя милостыню и совершая добрые дела. Все, что я говорил до сих пор, может быть рассматриваемо, как описание одного его правления; теперь же постараюсь рассказать о нем то, что принадлежало ему лично, как в сей, так и в будущей жизни. Если бы

ИБН-АЛАТИР (ЭЦЦЕДДИН-АЛИ. 1160–1233). Он родился на берегу Тигра в городе Джезире и был сыном одного из эмиров, находившихся в службе у султанов Мосула. В молодости своей он поселился в Мосуле, как раз в ту эпоху, когда началась борьба Саладина с христианами Палестины. Автор принимал постоянное участие в этих войнах и только по заключении мира между Саладином и Ричардом Львиное Сердце удалился в Мосул, где, предавшись исключительно наукам и литературе, прожил до самой смерти. В этот последний период своей жизни он написал два замечательных сочинения: «История Атабеков» и «Всемирная история». «История Атабеков», то есть княжеских отцов, имеет своим предметом возвышение султанов Мосула, Алеппо и Дамаска, начиная со времени Крестовых походов; но автор излагает события подробно только до смерти Нуреддина, а затем его труд обращается почти в хронологическую таблицу. Автор был очевидно пристрастен к Нуреддину и писал панегирик любимому султану Мосула, хотя, впрочем, и христианский писатель, как Вильгельм Тирский, говоря о смер-

жизнь такого одного человека была жизнью целого народа, то и целый народ имел бы право гордиться ею. Как же она должна была быть славна, если принадлежала нераздельно одному человеку!

Вот, например, каковы были его скромность, познания и любовь к молитве. Несмотря на обширность своего государства, количество доходов, богатство провинций, он ел, одевался и содержал себя единственно из доходов с того имущества, которое он купил на часть своей добычи. В отношении общественных доходов он совещался с законниками и употреблял в свою пользу только ту часть денег, которую они ему предоставляли. От этого правила он не отступал никогда. В своем одеянии он не дозволял себе вещей, противных религии, как то: шелк, золото и серебро; воздерживался также от вина и запрещал продажу его в своих владениях; не терпел, чтобы оно ввозилось под каким бы то ни было предлогом; если кто-нибудь бывал пойман в нарушении такой его воли, то его наказывали со всей строгостью законов, невзирая на различие между лицами.

Я слышал от одного из моих друзей, что Нуреддин виделся со своей женой Ради Катун только в определенном для того месте; кроме того они никогда не встречались; он любил всегда оставаться наедине, или для чтения жалоб своих подданных и писем эмиров, или для ответа по ним. К молитве он был очень усерден и посвящал ей значительное время. Днем он читал несколько глав из Алкорана; на ночь творил вечернюю молитву и после того ложился спать; в полночь снова просыпался, делал омовение и продолжал молиться до утра. Утром выезжал на лошади или занимался делами. Замечательно, что пенсия, назначенная Нуреддином своей жене, была крайне умеренна и недостаточна для ее содержания. Однажды Ради Катун поручила моему другу жаловаться от нее Нуреддину и просить увеличения пенсии. При этом требовании Нуреддин прогневался; кровь бросилась ему в лицо, и он отвечал моему другу: «Но откуда она хочет, чтобы я достал, чем удовлетворить ее расходы? Клянусь Аллахом! Я не намерен из-за нее осудить себя на муки адским огнем. Если она полагает, что деньги, врученные мне для хранения, составляют мою собственность, то она весьма ошибается; эти деньги принадлежат всем правоверным; я только их казначей и не хочу для ее удовольствия сделаться вероломным стражем». Потом, несколько подумав, он сказал: «Впрочем у меня остаются еще три лавки в Эмессе; пусть она возьмет их, если хочет: я их предоставляю ей». Заметьте при этом, что эти три лавки приносили самый ничтожный доход.

Нуреддин не делал ничего без доброго намерения, и вот тому доказательство. В его время в Месопотамии находился один добродетельный человек, живший в уединении далеко от человеческого общества. Нуреддин был с ним в переписке и оказывал ему великое почтение. Совершенно случайно этот человек узнал, что государь иногда те-

---

ти Нуреддина, замечает: «Это был человек умный, осторожный, в правилах суеверия своего народа богобоязненный и счастливый распространитель отцовского наследства». Однако все, за исключением сирийских мусульман, были рады его смерти, избавившей их от строгого правителя; даже племянник Нуреддина, Саиф Эддин, султан Мосула, получив известие о смерти дяди, разрешил подданным напиться в этот день допьяна. «Всемирная история» содержит сборник всего, что было интересного для мусульман в их прежней истории и что оставалось до того времени рассеянным по различным сочинениям; она начинается 722 г. и доходит почти до года смерти автора.

Приведенная выше статья из «Истории Атабеков» составляет одну из самых полных картин внутреннего быта мусульман в эпоху Крестовых походов и заимствована нами у французского переводчика, известного востоковеда *Рено* (см. о нем ниже), поместившего свой труд в «Bibliothèque des Croisade, par Michaud» (Paris, 1829, т. IV, с. 152 и след.).

шится игрой в мяч[1], он ему немедленно пишет: «Я не поверил бы, что человек, подобный тебе, предается столь пустым занятиям и замучивает своего коня без всякой пользы для религии». Нуреддин был очень чувствителен к подобного рода упрекам и отвечал ему собственноручно: «Клянусь Аллахом, если я играю в мяч, то не потому, что меня увеселяет это или доставляет удовольствие; мы находимся в эту минуту на границе, в виду неприятеля; нам приходится беспрерывно садиться на коней и быть настороже. Но нельзя постоянно давать сражения, днем и ночью, зимой и летом; надобно давать людям роздых. Прими в соображение также и то, что лошадь сама по себе неспособна ко всем быстрым движениям, вперед, назад, в направлении, каком угодно; кроме того, нашим лошадям приходится часто оставаться без дела; не лучше ли объезжать их по временам, упражнять и приучать к повиновению голоса всадника? Клянусь Аллахом, вот причины, которые побуждают меня играть иногда в мяч».

Обратите внимание также на строгость Нуреддина к самому себе; не найдется второго примера подобного тому, даже между теми, которые живут в кельях, далеко от общества людей. Конечно, в свете мало людей, которые среди игр стараются преследовать хорошие цели так, чтобы их увеселения были приятны Богу и имели перед ним заслуги. А вышесказанное было очевидным доказательством, что Нуреддин не делал ничего без чистоты в намерениях. Так всегда поступают добродетельные люди, которые сознают свои обязанности и исполняют их. Я слыхал, что однажды Нуреддин получил из Египта тюрбан чрезвычайно тонкой и украшенной золотом материи и не хотел даже взглянуть на него. Ему хотели описать его на словах, но он не удостоил выслушать, и так как в это время вошел *софи* (философ), то он подарил ему тюрбан. Напрасно ему замечали, что этот убор не подходит софи. «Предоставьте ему эту вещь,– отвечал Нуреддин,– я надеюсь, что вместо этого тюрбана Аллах даст мне что-нибудь лучшее в другой жизни».

Нуреддин проводил часть ночи в молитве; любил заниматься благочестивым чтением и упражнялся в добрых делах. Можно сказать, что для него был написан тот стих: «Он соединял отвагу с уничижением перед своим Господом; о, какая это святыня в святыне!»

Он изучал науку права и закона по системе ученого Абу-Ганифа. Но он не отвергал и других правоверных учений; напротив, *держаться во всем середины* – было его правилом. Он имел склонность к познанию преданий и учений, оставленных Магометом. Он давал властителям своего времени пример чистой и праведной жизни и оказывал уважение к правилам религии относительно питья, пищи и одежды. Не справедливо ли то, что до него правители жили, как в те древние *времена невежества* (восточные писатели разумели под этим эпоху идолопоклонства до Магомета), рабами желудка и всякой роскоши, не делая различия между добром и злом? С Нуреддином, напротив, сам Аллах, так сказать, снизошел на землю. Этот государь обращал большое внимание на то, что запрещается и что предписывается религией, и вменял то в правило своим людям, служителям и сановникам; своим примером он назидал весь мир. И не будет ли утешен до конца веков тот, кто сам делал добро и принуждал к тому других?

Если кто спросит, каким образом Нуреддин мог оставаться умеренным при обширности своих владений и огромных доходах с провинций, то тому стоит вспомнить пример царя Соломона, сына Давида, который несмотря на обширность своих владений, стоял во главе благочестивых людей своего времени; можно указать такому еще на нашего пророка Магомета, который владел всей Аравией и при всем том был скромным властителем; вот доказательство, что скромность происходит от того, что сердце не привязывается к земным богатствам...

Нуреддин был исполнен уважения к чистым законам, сообразуясь с их определениями. По этому поводу он говорил: «Мы только слуги закона, наша обязанность

---

[1] Игра в мяч у восточных народов того времени походила на игру англичан *крикет*, напоминающую бейсбол, с тем различием, что у первых участвовавшие в игре сидели на лошадях.

Саладин

состоит в наблюдении за исполнением их». Вот черта, которая доказывает, в какой точности он следовал закону. Однажды, играя в мяч на площади Дамаска, он заметил человека, который в разговоре с другим указал рукой на него. Он посылает немедленно спросить, чего тот хочет. Неизвестный отвечал: «Я имею процесс против Нуреддина за одну собственность; пусть он явится в суд защищать себя». Едва только узнал Нуреддин, в чем состоит дело, как бросил мяч, оставил площадь и представился к кади (судье), со словами: «Я являюсь для защиты собственного дела; сделай для меня то, что ты сделал бы для всякого». Начались прения; противник изложил свои доводы; Нуреддин представил свои, и тот человек был признан виноватым. Тогда Нуреддин, обратившись к кади и присутствоввшим, сказал: «Я знал хорошо, что притязания моего противника несправедливы, и тем не менее явился, чтобы не подумали, что я желал обидеть его. Теперь, когда право признано за мной, я желаю отдать этому человеку ту собственность, за владение которой он позвал меня в суд. Будьте свидетелями того, что я отдал эту собственность ему». Не чрезмерное ли это правосудие? Не переходит ли оно за пределы всякого благодеяния? О, Аллах, осени эту прекрасную душу своим милосердием, эту душу, которая повсюду искала пути правды! Другое доказательство любви Нуреддина к правосудию состоит в том, что, когда все современные правители по одному подозрению и самому ничтожному поводу осуждали обвиненных на пытку и истязания, он запретил все подобное в каком бы то ни было виде. Он требовал, чтобы прежде всего выслушивали свидетелей; если законные улики против обвиненного будут очевидны, то он подвергается наказанию, определенному законом, без малейшего отступления от смысла текста. Благодаря такому преобразованию Аллах освободил его государство от множества преступлений, бывших прежде весьма обыкновенными и которые продолжают свирепствовать в соседних государствах, несмотря на строгость администрации, суровость наказаний и страсть немедленно предавать обвиненного мукам пытки за малейшее подозрение. Во владениях же Нуреддина, при всей их обширности, господствовала великая тишина; число преступников заметно уменьшилось, благодаря правосудию государя и его уважению к закону.

Я слыхал от человека достойного веры, что Нуреддин, находясь однажды в казначействе, нашел сумму, захваченную в казну несправедливо; он призвал служащих и сказал им: «Эти деньги не принадлежат ни нам, ни казне; их следует отнести к кади Кемаль Эддину, с приказанием возвратить тому, у кого их взяли». Несколько времени спустя, возвратившись в казначейство, он опять увидел там те деньги; тогда он пришел в гнев и, повторив приказание отнести их немедленно Кемаль Эддину, велел сказать ему: «Я знаю, что ты способен взять на себя такой грех; но мои плечи не так крепки, и я не желаю из-за этих денег навлечь на себя правосудие Всевышнего». Вследствие того деньги были возвращены.

Самое удивительное то, что правосудие Нуреддина действовало и после его смерти. В его время жил в Дамаске чужестранец, прибывший из Сирии и привлеченный туда кротостью его правления. После смерти Нуреддина, когда Дамаск подчинился власти Саладина, он, видя, что народ страдает от насилия и жестокости войска нового султана, явился к нему с жалобой, требуя удовлетворения. Истец, отправляясь к дому Саладина, разорвал на себе одежды, бил себя в грудь, плакал, взывал к милосердию и кричал: «О Нуреддин, Нуреддин! Если бы ты мог видеть, как с нами обращаются и какое причиняют нам зло, то, без сомнения, ты сжалился бы над нами. Где твоя правда?» Так кричал он, идя по городу и направляясь к мавзолею Нуреддина в сопровождении огромной толпы; слух о том дошел до Саладина. «Спаси страну, спаси народ,– говорили ему,– или он восстанет». Саладин позвал того человека к себе, а он находился тогда подле мавзолея и плакал, окруженный бесчисленной толпой. Его привели к Саладину, и он получил удовлетворение. Но вслед за тем он заплакал больше прежнего, и Саладин с изумлением спросил его о причине таких слез. «Я оплаки-

ваю,– отвечал он,– я оплакиваю такого добродетельного государя, который продолжает нас судить по правде даже и после своей смерти».– «Ты прав,– согласился Саладин,– да, мы у него научились справедливому суду».

Нуреддин первый установил высшую судебную палату; это было место, предназначенное для исследования обид, нанесенных частным лицам. Поводом к учреждению такого трибунала послужило то, что когда Нуреддин утвердил свое пребывание в Дамаске, его эмиры, и в особенности Ширку, могущественнейший из всех, которого считали его соправителем, покупали земли и злоупотребляли своей властью до того, что начали обижать крестьян и жителей сел. Со всех сторон поднялись жалобы по этому поводу. Кади Кемаль Эддин удовлетворил некоторых; но он не смел коснуться людей Ширку и ограничился тем, что довел то до сведения Нуреддина. Вот тогда-то он и устроил ту высшую судебную палату и желал, чтобы в ней отправлялся суд без всякого лицеприятия. Когда слух об этом новом учреждении дошел до Ширку, он немедленно понял, что оно направлено против него. Тогда он созвал своих людей и сказал им: «Знайте, что новое учреждение устроено против меня, ибо кто, кроме меня, осмелится не обращать внимания на Кемаль Эддина? Клянусь Аллахом, если меня позовут в новый суд по милости кого-нибудь из вас, то я такого немедленно повешу на кресте. Идите тотчас отыскать всех, кто имеет жалобу на меня; постарайтесь покончить мировой; чего бы это ни стало, все должны быть удовлетворены». Ему заметили, что такой образ действия не совсем благоразумен и сделает истцов слишком требовательными. «Делайте, что приказано,– отвечал он,– я предпочитаю лишиться всего состояния, нежели явиться подсудимым перед Нуреддином и завести процесс с презренными людьми». Служители Ширку повиновались. Между тем устроили здание судебной палаты; когда оно было совсем окончено, Нуреддин отправился туда и торжественно открыл заседание. Он заседал там два раза в неделю, вспомоществуемый кади Кемаль Эддином и несколькими законниками. Так как не появлялось жалоб на Ширку, то государь был очень изумлен и желал знать причину. Узнав ее, он был тронут до слез и, принося благодарение Аллаху, говорил: «Воздадим хвалу Аллаху, что наши люди обращаются к добру сами, без того, чтобы их кто-нибудь принуждал к тому». Заметьте, какой прекрасный способ быть справедливым, какой великий страх внушал к себе этот государь; заметьте, как его распоряжения были строги и в то же время не стоили ни одной капли крови и обходились без наказания.

Нуреддин приобрел себе великую славу храбростью и телесной ловкостью. Он был, без сомнения, первый воин в свое время; его воинские таланты вошли в поговорку. Множество людей, знавших его, уверяли меня, что им не случалось видеть человека, который сидел бы на коне так красиво; можно было сказать, что он с конем составляет одно. Он был очень ловок в игре в мяч: когда пускали мяч, он во время его полета бросался, опустив поводья и встретив его на воздухе, откидывал назад через всю площадь. Во время этого движения никто не видал его руки: он бил по мячу дощечкой, не выпуская руки из рукава; столько ловкости было в его игре. Относительно его храбрости замечу, что перед сражением он обыкновенно брал с собой два лука и два колчана; потом, бросившись на неприятеля, сражался как простой воин, говоря: «Увы, вот уже много времени, как я ищу мученичества и не могу того достигнуть». Однажды эти слова услышал имам Котбеддин; имам заметил ему: «Именем Аллаха! Не подвергай свою жизнь опасности, а вместе с нею исламизм и мусульман; ты – их опора, и если – чего избави Аллах – тебя убьют, мы погибли». Нуреддин отвечал: «О, что ты говоришь, Котбеддин? Кто может спасти нашу страну и исламизм, кроме великого Аллаха, которому равного нет!»

При нужде Нуреддин умел прибегать к хитрости, искусству тонкого обмана; это случалось ему в особенности против франков, да поразит их Аллах! Большей частью своих побед он обязан хитрости. Самую поразительную черту его мудрости представляют его отношения к армянскому князю

Мелику, сыну Льва. Он до того угождал ему, что расположил его вполне к своим интересам, и Мелик соединился с ним против франков. По этому поводу он говаривал: «Я употребил все средства, чтобы привязать к себе этого армянского князя, потому что его владения укреплены природой и недоступны. У нас нет средств проникнуть к нему силой, а он может выжидать всегда для опустошения наших провинций. Видя это, я не пощадил ничего, чтобы увлечь его; я ему дал большое количество земель, и он вступил в зависимость от меня, даже помогал мне против франков». К несчастью, после смерти Нуреддина его преемники отступили от такой мудрой политики. Что же произошло? Армяне напали на мусульманские земли и причинили невознаградимое зло.

Лучшую сторону Нуреддина составляло его общение с воинами: если воин умирал, оставляя сына, то последний получал земли отца и распоряжался ими сам, если был совершеннолетним; в противном случае ему давали на время опытного человека, который управлял за него. Благодаря подобному учреждению в войске говорили: «Это наше добро; оно перейдет к нашим детям, и мы должны его защищать, хотя бы то стоило жизни». В этом заключалась причина стойкости, которую обнаруживали войска Нуреддина в сражениях и на поле битвы. Он приказывал составлять полные списки солдат с разделением по полкам; на этом списке обозначалось количество оружия, лошадей и т. д. Вследствие того не было опасности, чтобы эмиры по корыстолюбию или жадности не заботились иметь под знаменами должного числа людей или удерживали часть денег, назначаемых на содержание войска. Нуреддин говорил по этому случаю: «Мы должны быть каждую минуту готовы к тому, чтобы выступить в поход; если эмиры не обратят внимания на то, чтобы их полки были в полном составе, то исламизму может угрожать большое бедствие». Увы! Нуреддин был совершенно справедлив, размышляя подобным образом, ибо мы видели, как после его смерти те опасения оправдались.

Услуги Нуреддина исламизму бесконечны. Он перестроил все крепости Сирии: Алеппо, Гамак, Эмессу, Дамаск и другие. Кроме того, он открыл многие училища в Дамаске, Алеппо и пр. Он же воздвиг многочисленные и прекрасные мечети; мечеть в Мосуле служит образцом красоты и прочности. Замечательно, что построение ее он поручил одному шейху по имени Омар. Нуреддину говорили, что этот шейх не совсем способен к подобному делу, но он отвечал: «Когда я поручал такую работу эмиру или какому-нибудь писателю, то всегда случалось так, что они удерживали часть денег для себя, и мечеть оставалась неоконченной. Теперь я уверен, по крайней мере, в том, что меня не обманут. Если же он сделает не так, то во всяком случае вина будет его, а не моя».

Нуреддину же мы обязаны построением многих госпиталей, и, между прочим, большого госпиталя в Дамаске. Я сам знаю по собственному опыту, что он был построен не только для бедных, но вообще для всех мусульман, как бедных, так и богатых. Однажды я возвращался больным из пилигримства в Иерусалим и спросил себе медика; меня отправили к медику большого госпиталя. Я поспешил туда и нашел его прописывавшим рецепты. Едва он только завидел меня издалека, как подошел ко мне с улыбкой и спросил меня, чего я желаю; я объяснил ему свою болезнь. Он прописал мне тотчас же рецепт, приготовил лекарство и сказал: «Мой ученик доставит вам это».– «Но,– возразил я,– благодаря Аллаха я могу обойтись без ваших трав; я довольно богат и не желаю покушаться на имущество бедных». При этих словах доктор взглянул на меня и сказал: «О, господин мой, я не сомневаюсь, что вы можете обойтись без наших трав; но здесь никто не отказывается от благодеяний Нуреддина. Клянусь Аллахом, даже дети Саладина и его эмиры берут лекарства из этого госпиталя».– «Я не знал того»,– был мой ответ. Он продолжал: «Потому что Нуреддин хотел быть полезным всем мусульманам – и богатым, и бедным».

Нуреддин же построил *ханства*, или гостиницы, по большим дорогам. Теперь можно путешествовать в безопасности, и всякий знает, где можно положить свои вещи. Он построил также башни и сторожки по гра-

ницам. При малейшем движении неприятеля выпускали голубя, и предупрежденные мусульмане принимали все меры. Это была прекрасная мысль Нуреддина и самая полезная; да будет к нему милостив Аллах!

Равным образом он построил во многих своих провинциях кельи и монастыри для софи (мудрецов). Он назначал для содержания этих духовных лиц значительные земли и большие доходы. Беседовать с главой таких отшельников составляло для него великое удовольствие; он призывал их к себе, радушно принимал и почтительно обращался с ними; заметив софи издалека, он вставал перед ним, обнимал его и сажал рядом с собой на диване. Такое же уважение он оказывал законоведам, уламам, имея высокое понятие о их достоинстве и питая к ним великое почтение. Иногда он собирал их около себя, и тогда беседа вращалась около предметов религиозных. Потому благочестивые люди и набожные стекались к нему из самых отдаленных стран; приходили из Хоразана и других мест. Одним словом, Нуреддин чтил и высоко ставил людей благочестивых, так что эмирами овладевала зависть, и они часто жаловались Нуреддину и старались очернить духовных в его глазах. Все это весьма огорчало его, если приходили к нему и обнаруживали какой-нибудь порок софи, то он отвечал: «Но кто же безгрешен? Безгрешны только те, которые кончили свои дни».

Я слышал, что когда-то один из эмиров отзывался оскорбительно об имаме Котбеддине; Нуреддин рассердился и сказал: «Допустим, что ты говоришь правду, но этот имам имеет чем вознаградить за пороки, в которых ты его обвиняешь, и за многие другие, а именно, своими познаниями и своим благочестием; а ты и тебе подобные, вы имеете вдвое больше пороков, нежели сколько вы приписываете имаму, и притом не имеете ничего, чем бы можно было вас извинить. Если у тебя есть сколько-нибудь здравого смысла, обрати внимание лучше на свои слабости, чем на недостатки других. Вот еще! Я переношу ваши глупости, не вознаграждаемые никакой доброй стороной, и я не должен терпеть недостатков в имаме, допустив даже, что они не выдуманы, если они искупаются столь многими достоинствами. Но дело вот в чем: Аллах свидетель, и я не верю ни одному слову из того, что ты сказал, и постарайся не говорить более подобным образом, или я строго тебя накажу».

Нуреддин построил в Дамаске школу, где обучали науке *преданий* (устному учению Магомета), и приписал ей значительное имущество для содержания учителей и учеников. Сколько мне известно, он был первым, устроившим учреждение подобного рода. Он основал в своем государстве школы для сирот и дал средства к существованию учителям и ученикам. Во многих выстроенных им мечетях он учредил вклады для тех, которые обязаны были там читать Алкоран, и обеспечил сирот, на которых возлагалась такая обязанность. И это было устроено в первый раз.

Нуреддин был от природы важен и имел осанку, внушавшую уважение. Он был, как говорят, строг без суровости и добр без слабости. Одним словом, он соединял в себе то, чего мы не видим в других, и был уважаем одинаково всеми. Например, ни один эмир не осмеливался сесть в его присутствии, если он не дал на то приказания. Не было делано ни для кого исключений, кроме Эйюба, отца Саладина. И при всем том, несмотря на свое величие, едва лишь он замечал законника, софи или факира, как вставал со своего места, чтобы сделать ему честь; он выбегал к нему навстречу, садил его рядом с собой и вообще обходился так, как того не видал никто из его собственного семейства. Если ему случалось осыпать милостями человека подобного рода, он говорил: «О эти люди имеют все право на расположение правителя; если они требуют у нас чего-нибудь, то они того достойны».

Учреждаемые им празднества и собрания имели тот же характер, как и у нашего пророка Магомета, то есть они соединяли в себе деликатное обращение с крайней сдержанностью. Женщины[1] были безуслов-

---

[1] Слово «женщина» обозначает также вообще всякий предмет, запрещенный религией, ибо у мусульман слова «женщина» и «запрещенный предмет» могут употребляться одно вместо другого. – *Рено.*

но удаляемы. На празднествах рассуждали о науке, религии, благочестии или о войне с неверными. Но все переменилось со смертью Нуреддина. Я слыхал, что однажды, когда Саладин овладел Дамаском, *гафец*[1] Абул Кассем случился на одном из его праздников и наслушался там разговоров в высшей степени неприличных и грубых. Напрасно он пытался завести беседу с самим Саладином, как бывало беседовал с Нуреддином, но не мог заставить выслушать себя: все говорили вдруг и никто не хотел быть слушателем. Абул Кассему наскучило такое общество и он удалился к себе. Когда Саладин принуждал его снова явиться в его собрания, он отвечал: «Сказать правду, мне не по вкусу ваши сходбища; когда я у вас, мне кажется, что я попал к какому-нибудь презренному человеку. Никто не слушает того, кто говорит, и не отвечает на вопрос. Увы! Эти собрания имели другой вид при Нуреддине; мы стояли перед ним, как стоит человек с птицей на голове (восточный оборот, как мертвые); когда он говорил, мы слушали, молча, и если мы обращались к нему, он выслушивал с вниманием». Вследствие того Саладин приказал своим эмирам вести себя впредь скромнее в присутствии Абул Кассема. Впрочем, довольно сказанного, чтобы убедить, какой порядок царствовал при Нуреддине, даже в мелочах его правительственной деятельности.

[1] Так называют людей, знающих наизусть Алкоран.

Нам остается сказать о его любви к религии и о ревности к поддержанию ее во всей чистоте. Он обращал особенное внимание на последнее, употребляя против того все средства и не давая времени нововводителям распространять свое вредное учение. В этом отношении он был неумолим и говорил: «Как! Мы заботимся о безопасности дороги от воров и разбойников, хотя зло, причиняемое ими, только второстепенное, и мы не хотим защищать религии! Не обязаны ли мы защищать ее от всякого посягательства, ее, которая служит основанием всему?» Однажды он узнал, что в Дамаске находится человек по имени Иосиф, сын Адама, разделявший заблуждения тех, которые приравнивают Бога к твари и стараются своей скромной внешностью приобрести последователей. Нуреддин немедленно позвал его к себе, посадил на осла и приказал водить по всему городу в сопровождении людей, бивших его по щекам, и глашатая, который кричал: «Так награждаются те, которые проповедуют заблуждение в деле религии». Затем он был навсегда изгнан из города.

История Атабеков.

Вильгельм Тирский

ПАЛЕСТИНА В ПРАВЛЕНИЕ АМАЛЬРИКА И БАЛДУИНА IV: ВОЙНЫ С САЛАДИНОМ 1163–1184 гг. (между 1170 и 1184 гг.)

Начинается книга девятнадцатая[1]

I. После бездетной смерти государя Балдуина III, четвертого короля Иерусалимского из латин, его преемником по управлению Святой землей был государь *Амальрик*, его единственный брат, граф Иоппе и Аскалона, пятый латинский король; случилось же то в год от воплощения Господня 1163-й, 62 года спустя после освобождения любезного Богу города. Во главе Римской церкви стоял тогда владыка Александр, в третьем году своего папства; храм св. Воскресения управлялся владыкой Амальриком, девятым латинским патриархом, и был то четвертый год его управления; в св. церкви Антиохийской был владыка Эммерик, третий латинский патриарх города, в 20-м году своего патриархата; а св. Тирская церковь управлялась владыкой Петром, третьим латинским архиепископом со времени

[1] Начало см. выше.

завоевания города, на 13-м году его архиепископства. После смерти брата Амальрика князья были не согласны относительно преемства в королевстве, и из этого несогласия возник опасный раздор. Но милосердие Господа поспешило на помощь в столь затруднительных обстоятельствах и указало лучшие меры к предотвращению зла; государь Амальрик, благоприятствуемый духовенством и народом, после устранения предложений другой партии, был внезапно помазан и коронован в храме св. Гроба вышеупомянутым владыкой патриархом Амальриком при содействии и в присутствии архиепископов, епископов и всех прелатов церкви, восемь дней спустя после смерти брата, 11 февраля, на основании права наследства. Амальрик по посвящении в рыцари и по облечении в оружие сделан был графом Иоппе, а впоследствии его брат, блаженной памяти государь Балдуин (III), с королевской щедростью подарил ему знаменитый город филистимлян Аскалон, завоеванный в его время и возвращенный, наконец, христианству, как о том мы рассказали подробнее в истории правления короля Балдуина. Государь Амальрик при вступлении на престол имел 27 лет от роду и правил 11 лет и 5 месяцев.

II. Это был человек большой государственной опытности и во всех своих делах обнаруживал ум и осмотрительность; его речь не была свободна, но не так, чтобы то можно было вменить ему в недостаток: она не имела только изящества вполне свободного слова. Но его мнения были лучше искусства других набирать и украшать слова. В обычном праве, которым управлялось королевство, он знал дело до мелочей и не имел себе подобного; своими умными и отличными судебными приговорами он превосходил всех князей королевства. В дни опасностей и затруднений, с которыми он встречался часто при своей беспрерывной борьбе с целью расширения государства, он был одинаково храбр и предусмотрителен и оставался непоколебимым с королевским спокойствием. Он не был учен и в этом отношении много уступал своему брату, но при живости своего характера, отличной памяти, любознательности и ревностном чтении всякий раз, когда ему позволяли государственные дела, он был для короля достаточно образован. Он умел задавать трудные вопросы и сам наслаждался разрешением задач. Особенно нравилось ему слушать чтение исторических книг; он твердо удерживал прочитанное в памяти и пос-

---

ВИЛЬГЕЛЬМ ТИРСКИЙ (GUILELMUS TYRIUS. 40–90-е гг. XII в.). Канцлер короля Иерусалимского Амальрика, архиепископ Тирский (cancellarius regis Amalarici, archiepiscopus Tyrius) Вильгельм принадлежит к числу первоклассных историков эпохи Крестовых походов. Но жизнь самого Вильгельма Тирского не нашла себе биографа ни в его современниках, ни в ближайшем к нему потомстве, и потому всем, что мы о нем знаем, мы обязаны его же собственным указаниям, рассеянным отрывочно по его сочинению. Французы и немцы оспаривают друг у друга честь и называют Вильгельма Тирского своим соотечественником, но в прологе к своему сочинению наш автор ясно называет Палестину своей *родиной*, а его продолжатели говорят прямо, что он родился в Иерусалиме. Из слов самого же Вильгельма Тирского можно заключить, что он родился в начале 40-х гг. XII столетия, потому что в книге XIX, гл. 4 он говорит, что во время развода короля Амальрика с Агнесой, следовательно, в 1162 г., он был за морем, на Западе, где занимался науками (ср. пролог к книге XVI). Так как Парижский университет был в то время самой знаменитой школой, то позднейшие французские историки прибавляют, впрочем, в виде одной догадки, что он обучался именно в этом университете. После возвращения из Европы в Палестину Вильгельм Тирский приобрел расположение короля Амальрика и благодаря тому получил в 1167 г. звание архидьякона города Тира (XV, 1). Каковы были отношения нашего автора с королем, видно из того, что в том же году Амальрик отправил его в Константинополь к императору Мануилу для заключения наступательного союза против египетского султана (XX, 4). Вскоре после того

ле рассказывал то верно и точно. Все его занятия были серьезны; он не любил ни театра (mimica), ни игры в кости, но зато охотно предавался соколиной и ястребиной охоте. В труде он обнаруживал постоянство и хотя был плотен и весьма толст, но обращал мало внимания на жар и стужу. Десятину платил церкви вполне и без задержания; в этом отношении он был совершенно евангельский человек. Обедню слушал ежедневно с благоговением, если болезнь или какое-нибудь другое препятствие не удерживало его от того. Ругательства и порицания, высказываемые против него явно или тайно, он переносил с большим терпением, даже и в том случае, если они были произносимы людьми ничтожными: он умел при этом делать вид, как будто не слыхал того, что ему пришлось услышать. В еде и питье был умерен и презирал невоздержанность в обоих случаях. К своим наместникам питал такое доверие, что во все время их управления не требовал отчета и не выслушивал жалоб на их неверность, что одни вменяли ему в порок, а другие хвалили, как доказательство чистого доверия. Но все эти дарования и преимущества затемнялись в нем одним недостатком: он был чрезвычайно молчалив и не довольно учтив в обращении. Дар приветливого разговора, которым государь, главным образом, выигрывает сердца своих подданных, был ему совершенно чужд. Редко с кем заговаривал он сам, если к тому не был вынужден или если кто не обращался к нему, и этот недостаток был в нем тем более заметен, что брат его владел в высшей степени даром приветливой речи и располагающей разговорчивости. Также, говорят, он был слишком чувствен, что да простит ему милосердный Бог, и нарушал брачное право других. Сверх того, он сильно угнетал свободу церкви и истощил ее имущество большими и несправедливыми поборами, так что она в его управление опустела, и вынуждал ее обременять себя сверх сил долгами. Он был более сребролюбив, нежели то прилично королевскому достоинству, и допускал совращать себя подарками со строгого пути правды. Впрочем, он старался извинить свою корысть и часто говаривал мне в дружеской беседе, что каждый князь и в особенности король должен остерегаться не растратить своих денег, и именно по двум причинам:

Вильгельм Тирский разошелся со своим архиепископом и в 1169 г. ездил в Рим с жалобой на него (XX, 18). После возвращения его из Рима Амальрик, уважавший Вильгельма как отличного ученого (XIX, 3), поручил ему воспитание (в 1170 г.) своего 9-летнего сына Балдуина (XXI, 1), который после вступления на престол в 1173 г. сделал его своим канцлером (XXI, 5), а в 1174 г. народ и духовенство избрали его архиепископом города Тира. В 1177 г. Вильгельм ездил в Италию по делам своей церкви и присутствовал на Латеранском соборе (XXI, 26). На обратном пути он заехал в Константинополь, где государственные дела удержали его на 7 месяцев, так что он возвратился на родину только в 1179 г. (XXII, 4). Этим ограничивается все, что мы можем знать о жизни одного из замечательнейших средневековых писателей; но и этого достаточно, чтобы судить о степени авторитета писателя, который не только вырос и жил в стране, история которой излагается им, но и занимал высшие государственные должности, ставившие его в близкое соприкосновение к людям и событиям. Дальнейшая его судьба нам мало известна и сохранившиеся известия полны противоречий. Один из позднейших его продолжателей рассказывает, что он, вследствие ссоры с иерусалимским патриархом Ираклием, ходил в Рим судиться и был там отравлен подосланным медиком со стороны того патриарха; но если это справедливо, то смерть Вильгельма не могла быть позже 1184 г.; между тем после взятия Иерусалима Саладином он был в 1188 г. на съезде Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце близ Жизора и проповедовал им Крестовый поход. Достоверно одно, что в 1193 г. на одной хартии подписался другой архиепископом Тирским, и, следовательно, Вильгельм Тирский мог умереть в начале 90-х гг. XII столетия.

ибо, во-первых, если что-нибудь имеет владетель, то и имущество его подданных в безопасности, а во-вторых, он должен иметь всегда в виду, что его государство может неожиданно впасть в крайность, причем на нем лежит обязанность быть в высшей степени щедрым и не щадить ничего, чтобы всякий мог видеть, что он сберегал богатства не для себя, а для своей страны. Что он выполнял такую свою обязанность, того не могут отвергать даже его враги, ибо в минуту государственной опасности он не щадил ни денег, ни личных условий и трудов, но имущество его подданных не наслаждалось особой безопасностью, и для истощения его он пользовался самым ничтожным предлогом.

III. Его тело было так пропорционально в своих частях, что он был выше людей среднего роста и ниже таких, которые были чрезвычайно длинны. Лицо его было красиво и обличало достоинство князя даже тем, которые его не знали. Глаза имели блеск и были средней величины; нос, как и у брата, умеренно орлиный; волосы светлые и откинутые назад. На подбородке и щеках превосходная густая борода. Но смех его был неприличен, ибо при этом ходило все его тело. Всего охотнее он беседовал с умными и рассудительными людьми, которые видели чужие страны и знали их обычаи. Я припоминаю теперь, как однажды, когда ему случилось забо-

Оружие XI–XII вв.

По словам нашего автора, он написал по настоянию короля Амальрика два сочинения: историю арабов от Магомета до 1184 г., но оно не дошло до нас, и «Historia rerum in partibus transmarinis gestarum a tempore successorum Mahometh usque ad annum Domini» (1184 г.),; в поздних изданиях оно носит заглавие «Belli sacri historia, libri XXIII» и охватывает историю Иерусалимского королевства от 1100 до 1184 г. Первые 15 книг составлены автором по письменным документам и преданиям, а в остальных (XVI–XXIII) он излагает события по показаниям очевидцев и по собственному наблюдению. Как ясно из пролога к книге XXIII , автор, видя падение своего отечества и не желая говорить о таком печальном событии, хотел ограничиться первыми XXII книгами, но, по убеждению друзей, решился продолжать начатое; однако он успел окончить только первую главу XXIII книги и остановился на том, что заговорил о событиях 1184 г. Неизвестно, что помешало ему, но последовавшие вскоре взятие Иерусалима Саладином и путешествие автора на Запад в 1188 г. указывают на то, что политические события сделали невозможным спокойный труд литератора.

«История священной войны, в XXIII книгах» справедливо доставила автору титул князя историков Крестовых походов. К своему выгодному для историка общественному положению Вильгельм Тирский присоединил большую ученость, превосходно владел латинским языком, на котором и писал. Он жил в эпоху, когда стихли фанатизм и поэтическое настроение, а потому Вильгельм является свободным от предрассудков, отдает справедливость мусульманам, не щадит единоверцев и вообще говорит так, как необходимо было говорить тому, кто жил и писал не в эпоху геройского воодушевления, а почти накануне взятия Иерусалима Саладином. Надобно полагать, что он начал свое со-

леть в земле города Тира от ничтожной и неопасной лихорадки, он призвал меня, чтобы в свободные часы от лихорадки беседовать со мной; мы имели большой разговор, и я успел к его удовольствию разрешить несколько вопросов, предложенных им мне, так удовлетворительно, как то было возможно в промежутки припадков. Между такими вопросами был один, который мне причинил большую внутреннюю тревогу, отчасти потому, что это был вопрос совершенно новый и касался предмета, которому не следует быть вопросом, ибо это есть дело непоколебимой веры, и также потому, что мой дух возмутился тем, что православный князь, сын православного, не имеет твердого убеждения в деле столь ясном и питает в душе сомнение. А именно: он меня спросил, существуют ли, кроме учения Спасителя и его святых последователей, в котором он не сомневается, другие доказательства, ясные и убедительные, необходимости будущего воскрешения мертвых. Пораженный новизной вопроса, я отвечал: «В учении нашего Господа и Спасителя и во многих местах Евангелия указано ясно на будущее воскрешение плоти перед Страшным судом, на котором он будет судить живых и мертвых; избранные наследуют царство, приуготованное им от начала света, безбожные же отойдут в вечный огонь, назначенный дьяволу и ангелам его». Далее я говорил, что в этом отношении для нас достаточно уверения св. апостолов и отцов Ветхого Завета. На это король отвечал: «Во все это я верую твердо, но желал бы иметь другие доказательства, которыми я мог бы убедить в другой жизни по смерти и в будущем воскрешении таких, которые то отрицают и не признают учения Христа». Я отвечал: «Возьмите на себя роль такого лица, а мы постараемся что-нибудь сделать».– «Хорошо», – говорил он.– *Я:* «Веришь ли ты, что Бог правосуден?» – *Он:* «Верую, и ничего нет несомненнее этого». – Я: «Не должен ли тот, кто правосуден, воздавать добром добро и злом зло?» – *Он:* «Конечно».– *Я:* «Но в настоящей жизни так не бывает, ибо иногда добрые люди в этой жизни испытывают одни несчастья и неудачи, а злые постоянно блаженствуют, и тому мы видим ежедневные примеры». *Он:* «И это справедливо». Тогда я продолжал: «Такое воздаяние будет иметь место в будущей жизни, ибо невозможно Богу не быть правосудным судьей; а в таком случае необходимо воскрешение плоти и другая жизнь, в которой каждый за добрые или злые дела, содеянные им здесь, получит награду или наказание». На это отвечал он: «Это мне чрезвычайно нравится; ты уничтожил во мне всякое сомнение». Такие и подобные беседы доставляли ему большое удовольствие. Но возвратимся к начатому. Тело его было необыкновенно жирно, так что он имел женскую форму груди, выдающуюся до пояса; но остальные части тела были устроены природой лучше, так что он казался весьма красивым. А что в еде он был весьма умерен и в питье воздержен, этого не могут отвергать и его враги.

чинение, если оно было писано по поручению Амальрика, около 1170 г., а закончил в начале 1184 г.

Издания: у *Bongars* в его сборнике писателей Крестовой эпохи «Gesta Dei per Francos» (Hanov., 1611, на с. 625–1044); «Recueil des historiens des Croisades, publié par les soins de l'Académie des inscriptions et belles lettres» (Par., 1841, t. I, vol. 1, 2; там же помещен старофранцузский перевод под заглавием «L'estoire de Eracles empereur et la conquest qe la terre d'outremer, c'est la translation de l'estoire de Guillaum arcevesque de Sur»). Переводы: немецкий *Wilhelm Erzbischof von Tyrus.* Geschichte der Kreuzzüge und des Königreichs Jerusalem, *von E.* u. *R. Kaussler* (Stuttg., 1840); франц. *Guizot*. Collect. XVI–XIX (Par., 1824).

История Вильгельма Тирского имела своих продолжателей, далеко уступающих ему во всех отношениях; они довели историю Палестины до 1275 г.; см. извлечение из одного из них, а именно Бернарда Казначея, ниже.

IV. Амальрик, еще при жизни брата и во время его счастливого управления, женился на дочери графа Эдесского, Иосцелина Младшего, Агнесе; она при жизни брата родила ему двух детей, а именно – сына Балдуина, которого дядя воспринял от купели, и следовавшую за ним дочь, которая получила имя Сибиллы по имени графини Фландрской, сестры ее отца и короля. Но объявив свои наследственные права на престол после смерти брата, Амальрик должен был развестись с Агнесой, ибо он женился на ней против воли патриарха, блаженной памяти Фулько, а патриарх был против их брака, ибо они находились в четвертой степени родства, как то впоследствии было доказано публично перед лицом церкви их общими родственниками. А именно, родственники их обоих, сообразно предписаниям церковного права, в присутствии владыки патриарха блаженной памяти Амальрика и владыки Иоанна, кардинального пресвитера церкви Иоанна и Павла, и легата апостольского престола дали личную клятву, что дело было так, как объявлено, и на основании того им был дан развод, уничтоживший брак. Но при этом сделано было условие, что дети их остаются законными и сохраняют полное право отцовского наследства. Впоследствии, интересуясь всем этим, я тщательно исследовал, в какой степени родства они состояли: в то же время, когда это происходило в Иерусалиме, *я еще не возвращался из школы, а находился за морем, удерживаемый изучением наук*. Наконец, мы узнали, как было дело, от госпожи Стефании, аббатиссы церкви святой Марии Старшей (Maria Majoris), находящейся в Иерусалиме перед храмом св. Гроба. Эта благочестивая и, как по своему происхождению, так и по своим нравам, благородная женщина была дочерью государя Иосцелина Старшего, графа Эдессы, и сестры государя Рожера, сына князя Антиохийского Ричарда, а потому она, несмотря на преклонный возраст, знала это дело весьма точно. Родство было следующее: великий муж, государь Балдуин Буржский, второй латинский король, о жизни которого, нравах, счастье и несчастье мы говорили подробнее в истории его правления, и государь Иосцелин Старший были сыновьями двух сестер. Балдуин был отец королевы Милизенды, и ее сыновья, государь Балдуин III и государь Амальрик, сделались королями. Сыном же Иосцелина Старшего был Иосцелин Младший, от которого родились: вышеупомянутая госпожа графиня *Агнеса*, сделавшаяся против закона женой государя Амальрика, и Иосцелин III, ныне королевский сенешаль и дядя государя короля Балдуина (V), который правит в настоящее время (1185 г.).

Конец этой главы посвящен описанию последующих браков, в которые вступала Агнеса после развода с королем. Затем автор приступает к изложению деяний Амальрика; но так как вся политика нового Иерусалимского короля была направлена в первый раз на завоевание Египта, овладение которым могло бы обеспечить лучше всего иерусалимское королевство, то потому автор в двадцати главах (от V до XXIV), описывает подробно политическое и географическое состояние Египта: внутренние смуты в Египте и умерщвление калифа дали повод Амальрику вмешаться в дела этой страны; одна сторона, во главе которой стоял инсургент Савар, пригласила Амальрика, обещая ему платить ежегодную подать; другая же искала помощи у Нуреддина, успевшего к тому времени овладеть Дамаском. Нуреддин отправил в Египет войско под начальством Ширку (у латинских писателей – Сиракон); но призвавший его султан был уже убит, Савар захватил власть в свои руки, а в союзе с Амальриком, встретив Ширку на берегах Нила близ Каира, принудил его удалиться в степь. После 3 дней преследования Амальрик нагнал Ширку в степях в субботу, накануне того воскресенья, когда поют: «Радуйся, Иерусалиме», 1167 г.

XXIV. После того (то есть когда крестоносцы нагнали турок в пустыне), не имея много времени думать, они совещались поспешно, что делать в такую решительную минуту, требовавшую всякого благоразумия и отваги, и по всеобщему согласию определили отважиться на бой с неприятелем. Но численность с обеих сторон была неодинакова, ибо Сиракон (Ширку) имел с собой 12 тысяч турок, из которых 9 тысяч имели шлемы и панцири, остальные же три были вооружены только луками и стрелами, и сверх того у него было 10 или 11 ты-

сяч арабов, снабженных своим обычным оружием – копьем. Наша же конница состояла всего из 374 человек, не считая египтян, людей слабых и ничтожных, которые более мешали, нежели приносили пользу. Сверх того, у наших были легковооруженные всадники, называемые туркополами, но сколько их было, не знаем; слышали же мы от многих, что они в день той великой битвы большей частью оставались бесполезны. Когда наши узнали о близости неприятеля и неприятель проведал о прибытии наших, полки были расставлены в надлежащий порядок, люди, более опытные в военном деле, увещевали других, давали наставления новичкам и старались, напоминая о победе и бессмертной славе, разжечь сердца своих сподвижников. Место, где должно было произойти сражение, находилось на границе степей и обработанной земли и было весьма неровно: песчаные холмы и долины перерезывали его, так что нельзя было заметить ни наступавших, ни отступавших. Называлось же оно *Бебен*, что означает: *ворота*, ибо те холмы затрудняли проход, и отстояло на 10 миль от Ламонии, по ее названию некоторые обозначают сражение того дня. Между тем и неприятель не терял времени, и, расставив войско в боевой порядок, занял холмы справа и слева, нашим же трудно было напасть на них, ибо те холмы были круты и состояли из рассыпавшегося песка. Отряд Сиракона стоял в середине, а другие – по сторонам его. Дело пришло к тому, что вступили врукопашную, и наши, составлявшие королевское войско, бросились единодушно на отряд Сиракона, опрокинули неприятеля и разбили его. Сиракон же, преследуемый нашими, обратился в бегство. Вместе с тем Гуго Цезарейский напал на отряд, предводительствуемый племянником Сиракона, *Саладином* (Salahadinus); но его не поддержали свои, и он попался в плен вместе со многими другими; еще больше было убитых. При этом пал благородный и отважный муж Евстафий Шоми из Понта. Воодушевленные счастьем такой победы, другие турецкие полки соединились вместе и, напав на ту часть наших, которой было вверено охранение обоза, рассеяли ее и побили. При этом пал мужественный, доблестный и благородный юноша, государь Гуго из Креоны, родом сицилиец. Когда этот отряд был рассеян и большей частью погиб, спасшиеся от меча искали спасения в бегстве. Неприятель же беспрепятственно овладел обозом и увез его с собой. Между тем разделенные отряды рассыпались там и сям по небольшим долинам, где борьба продолжалась отдельными схватками, в которых то наши, то враги одерживали верх. Таким образом, только сами принимавшие лично участие в сражении знали, как идет дело, и кроме них никто не мог ничего видеть. Битва оставалась долго нерешительной, и побеждали то одни, то другие, не зная, что происходит в других местах. Среди такого боя был тяжело ранен и наш достопочтенный брат, государь епископ Вифлеемский Радульф, занимавший место королевского канцлера, которое позже я наследовал; он потерял при этом весь свой обоз. Таким образом, битва оставалась долго нерешительной, и нельзя было сказать с точностью, кто победитель. Когда день склонился к вечеру и наступившая ночь призывала рассеявшихся к отступлению, все оставшиеся на свободе поспешили к своим, и наши, отыскивая ревностно короля, сошлись с разных сторон вместе. Государь король остался победителем на том месте, где он сам сражался; другие же в различных пунктах, где они пытали свое военное счастье, имели одни удачу, другие неудачу; и никто с обеих сторон не одержал решительной победы. Король с немногими из своих отступил на одну возвышенность и, водрузив свое знамя, чтобы тем собрать рассеявшихся, ожидал их прибытия. Когда они соединились, то увидели, что неприятель, побивший и взявший в плен ту часть нашего войска, которая защищала обоз, стоял в беспорядке на двух холмах, и нашим не было другой дороги к отступлению, как между этих холмов. Построившись, они и пошли тихим шагом посреди неприятелей, стоявших справа и слева, и враги, видя такую решимость, не осмелились ничего предпринять. Так проходили они сомкнутыми рядами: храбрейшие и лучше вооруженные окружали со всех сторон остальных; наконец они прибыли к реке и

благополучно перешли вброд. Всю эту ночь наши отступали по той же дороге, по которой пришли. Явившись в Ламонию, они нашли там Гергарда из Пути и Магаду, сына султана, которые занимали с 50 всадниками и сотней туркополов противоположный берег, чтобы встретить неприятеля, если он захочет переправиться через реку. Встреча с ними была особенно приятна государю королю, ибо он опасался, что неприятель найдя их разделенными, может напасть на них на том или другом берегу. Он заботился также и о пехоте, которая оставалась позади, и боялся, чтобы неприятель не напал на нее врасплох. Таким образом, он прождал прибытия армии у вышеупомянутого города три дня, а ею начальствовал мудрый и благородный Иосцелин Самосатский. Наконец, в четвертый день наши мало-помалу собрались, и пехота соединилась с остальными; тогда, продолжая свой путь, они прибыли в Каир (Cahere), где и разбили свой лагерь у моста, перед Вавилоном. Сделав там смотр, они увидели, что им недостает ста человек; у неприятеля же, говорят, пало до 1500 человек.

XXV. Между тем и Сиракон, собрав также своих, прошел тайно от наших через степи в Александрию, которую ему сдали жители. Едва дошли о том первые слухи до короля, он созвал своих князей, равно султана, его сыновей и благородных египтян для поспешного совещания, как должно действовать. После долгих споров, как то водится в подобных случаях, наконец, определили, так как Александрия снабжается съестными припасами только на кораблях из верхних стран Египта и сама не производит хлеба, то поставить на реке сторожевой флот, чтобы не было в Александрию никакого подвоза. Вслед за тем король потянулся со всей армией в ту сторону и раскинул лагерь между Торговой и Деменегутом, местечком, отстоявшим от Александрии на 8 миль. Оттуда он разослал лазутчиков по окрестным и даже по отдаленным странам высматривать и разведывать в пустыне, чтобы никто не проник в город для помощи осажденным или не вышел из города для призвания войск. В то же время флот преграждал всякому дорогу или, по крайней мере, не пропускал никого без тщательного осмотра. По прошествии месяца, как город не получал подвоза съестных припасов, народ стал жаловаться на недостаток пищи. Сиракон, видя это и опасаясь погубить голодом своих вместе с прочими, оставил в городе Саладина, дав ему около 1000 всадников, а сам ночными переходами прошел по пустыне, мимо лагеря наших, и появился в верхних частях Египта, откуда незадолго перед тем пришел. Когда король узнал о том, он деятельно начал преследовать его и, таким образом, дошел до Вавилона. Уже все войско было готово пуститься в дальнейший путь, как к королю явился неожиданно благородный и могущественный египтянин Бенекарселле и объявил ему, что Александрия находится в крайности и что у него в городе есть влиятельные родственники, управляющие гражданами; народ же, мучимый голодом, легко согласится на все, и потому город можно без всякого труда сдать вместе с башнями во власть короля. Король, узнав о том, спросил князей, что они думают о всем этом, и, наконец, все вместе с султаном согласились возвратиться к Александрии и с обоими войсками осадить город.

Следующая глава, XXVI, посвящена историческому описанию Александрии и рассуждению о ее торговом значении, а в главе XXVII описаны подробности самой осады, сопровождавшейся обыкновенными в то время приемами военного искусства, и описание которых мы часто встречали у нашего автора выше; жители, считая турецкий отряд Саладина, запершийся в городе, виновником своих бедствий, решились сдаться; почему Саладин, опасаясь измены, просил своего дядю поспешить с помощью. В главе XXVIII говорится о мерах, которые принял Сиракон для спасения своего племянника: он отправил к королю своего племянника Гуго Цезарейского с предложением мира на условиях разменяться пленными, снять осаду в Александрии и дать ему свободный проход назад в Азию.

XXIX. Когда государь Гуго выслушал все это (мирные предложения Сиракона), он, как человек умный и осторожный, обдумал дело со всех сторон, чтобы нисколько не сомневаться относительно пользы такого договора для наших; но при всем том,

Конница Саладина. Мамелюк

чтобы не иметь вида человека, который предпочитает свою личную свободу общественному благу, он нашел более приличным начать переговоры о том через когонибудь другого; он сам рассказывал мне все это позже в дружеской беседе. Таким образом, был отправлен с этим предложением один из товарищей по плену, стоявший близко к королю, некто Арнульф из Турбесселя, который попался в плен в одно время с государем Гуго. Он спешит со своим поручением к королю, объясняет ему причи-

ну своего отправления и в собрании князей, на котором присутствовал султан и его дети, излагает условия мирного договора. Предложение было одобрено всеми, и все полагали, что нисколько не будет противоречить славе короля и союзу, заключенному им с калифом (Багдадским), то, если город сдастся во власть короля, осажденный неприятель и войско Сиракона, рассеянное по Египту, удалятся из страны, а наши пленные будут разменяны на неприятельских пленных. Султан Савар вместе с египетскими вельможами одобрил условия мира и был ими совершенно доволен, ибо он ничего и не желал, как чтобы его соперник и враг очистил государство. В заключение явился и государь Гуго, чтобы утвердить договор и покончить дело.

XXX. После того глашатаи возвестили всему войску, что война окончена, и Александрия не должна быть более тревожима. Тогда жители, истощенные продолжительной осадой и радуясь заключению мира, вышли из города и ходили на свободе, после того как столь долгое время находились взаперти, чтобы рассеяться от скуки. Имея теперь открытое сообщение, они старались также подкрепить свое истощенное тело пищей, которую находили, и восстановить погасавшие в них жизненные силы. Их радовало дружеское обращение с ними того войска, которое еще недавно выражало к ним ненависть и наводило ужас, и они весело беседовали с теми, которые накануне угрожали им смертью и погибелью. И наши не замедлили отправиться в город, исходили все, осмотрели улицы, ворота и стены, чтобы, возвратившись домой, рассказать что-нибудь своим и занять их чудесными историями. Над этим знаменитым городом возвышается башня изумительной высоты, называемая Pharas (фар, маяк) и служащая при помощи зажигаемых на ней огней руководной звездой для незнающих местности во время ночного плавания. Александрия лежит не у открытого моря; подход к ней весьма опасен и путь неверен; вот почему на башне всегда содержится огонь на общественный счет, чтобы подходящие корабли могли избежать угрожающих им опасностей и избрать надлежащий путь. На этой-то башне было водружено в знак победы знамя государя короля, и то, что сначала было известно немногим, узнали все. Те, которые остерегались при первых переговорах доверять нашим, видя этот верный знак мира, не боялись более наших и были вполне убеждены, что наши не имеют враждебных замыслов. Они удивлялись в особенности тому, что такое множество жителей и чужеземных войск, с верностью защищавших город, были заключены в стенах столь небольшим войском и столь постыдно принуждены к сдаче. Наши имели едва 500 конных и 4 или 5 тысяч пеших людей, между тем как у осажденных было более 50 тысяч способных носить оружие.

XXXI. Таким образом, Саладин оставил город и перед своим удалением провел некоторое время в лагере у государя короля, давшего ему стражу для почета и ограждения от обид, которые могут быть нанесены ему дерзкими людьми. Между тем султан при пении и звуках труб, тимпанов и других музыкальных инструментов, сопровождаемый кликами войска, вместе со свитой и бесчисленной прислугой прошел в триумфе через городские ворота, навел великий страх на граждан, одних осудил, других оправдал, исследовал проступки всех и воздал каждому по его заслугам. Наконец, приговорив жителей к известному денежному штрафу, он поставил людей, которые должны были заведовать сбором податей и налогов и наблюдать, чтобы жители не уклонялись от своих обязанностей. Собрав, таким образом, огромную сумму, он передал управление городом доверенным людям и со славой возвратился в лагерь. Наши же изготовились в обратный путь, а те, которые пришли на кораблях, запаслись в дорогу и радостно отправились домой. Король сжег машины, приказал привести в порядок обоз и направился к Вавилону. Там он соединился с оставшимися и, после утверждения колебавшегося трона султана, изгнания неприятеля и возвращения своих пленных, прибыл в Аскалон 20 августа, в четвертый год своего правления, в год же от воплощения Господня 1167-й.

Кончается книга девятнадцатая.

Следующая книга, двадцатая*, охватывает последние шесть лет правления Амальрика (1167–1173 гг.), проведенные им в новых и неудавшихся планах завоевать Египет в союзе с константинопольским императором; между тем Египтом успевает овладеть Сиракон, после смерти которого Саладин свергает калифа и подчиняет себе всю страну. Вследствие того последние годы жизни Амальрика были наполнены беспрерывными войнами с Саладином; в 1173 г. умирают друг за другом Нуреддин в Дамаске и Амальрик в Иерусалиме; этими событиями заключается последняя, XXXIII, глава двадцатой книги.*

Начинается двадцать первая книга

I. Шестым королем Иерусалима был государь *Балдуин IV*, сын блаженной памяти государя короля Амальрика, историю которого мы рассказали выше, и госпожи графини Агнесы, дочери графа Эдесского Иосцелина Младшего, о котором мы часто упоминали прежде. Когда государь Амальрик был призван на отцовский престол, он должен был, как то сказано выше, развестись с женой, преимущественно по настоянию блаженной памяти владыки патриарха Амальрика Иерусалимского, который в этом отношении следовал по стопам своего предшественника, владыки Фулько. Дело состояло в том, что они являлись близкими родственниками, как то было в действительности и чтó мы подробно объясняли в истории правления государя короля Амальрика. Его отец, заботившийся много о воспитании своего сына, поручил его мне, когда я был еще архидьяконом города Тира; Балдуину было тогда девять лет; отец с большими просьбами и обещаниями милостей убеждал меня просветить его науками. Когда он пребывал у меня и я употреблял все заботы на наставление его в науках, а равно и на образование нравов, как то приличествует королевскому сыну, случилось однажды, что благородные дети, окружавшие его, играли друг с другом и, что водится между шалунами, царапали в шутку ногтями по рукам, он один переносил все терпеливо, как будто не испытывал боли, хотя они его не щадили, между тем как другие криком выражали свою боль. Когда это повторялось и было доведено до меня, я сначала подумал, что это происходит не от его нечувствительности, а от терпеливости; но, призвав его к себе, чтобы убедиться в том лично, я открыл, что вся его правая рука действительно потеряла чувство, так что он нисколько не замечал, если ее щипали или кусали. Размышляя об этом, я припомнил слова мудрости: «Надобно быть уверенным, что член, потерявший чувство, далек от излечения, и тот болен опаснее всего, кто не подозревает своей болезни». Я дал знать отцу, который обратился за советом к врачам; но перевязки (fomentum), втирания и лекарства нисколько не помогли. Это зло, как обнаружилось после в течение его жизни, было началом неизлечимой болезни, о которой мы не можем и говорить без слез. Когда он достиг юношеских лет, то увидели, что он страдает ужасной проказой (morbo elephantioso), которая распространялась с каждым днем и поражала ему конечности и лицо до того, что приближенные не могли смотреть на него без глубокого сострадания. Несмотря на то, он делал хорошие успехи в науках и с каждым днем обнаруживал прекрасные способности, подававшие отличную надежду. По своему возрасту он был статен, искусен, по примеру предков, в верховой езде и управлении лошадьми, имел твердую память, любил поучаться в беседе, при всем этом был бережлив и нелегко забывал как добро, так и зло. Он походил на своего отца не только лицом, но и всей фигурой, обращением и разговором, его характер, как и отца, был живой, но речь растянутая; как и отец, он жадно слушал историю и всегда был готов выслушивать добрые советы.

II. Когда умер его отец, ему было едва 13 лет; у него была еще старшая сестра по имени Сибилла от одной матери, воспитанная в монастыре св. Лазаря в Визании у госпожи аббатиссы Иветы, тетки его отца. После смерти его отца князья королевства, как светские, так и духовные, собрались вместе, и по их единодушному желанию он был с приличной торжественностью помазан в короли и коронован в храме св. Гроба владыкой патриархом Амальриком Иеруса-

лимским, блаженной памяти, при содействии архиепископов, епископов и других прелатов церкви 15 июля (1173 г.), в четвертый день после смерти отца. В то время во главе св. Римской церкви стоял владыка Папа Александр III, патриархом Антиохийским был владыка Эммерик, Иерусалимским – владыка Амальрик, Тирским – владыка Фридрих; Греческой империей управлял знаменитый и блаженной памяти государь император Мануил; Римской – государь Фридрих (I, Барбаросса), Францией – государь Людовик (VII), Англией – государь Генрих (II), сын графа Анжуйского Готфрида, Сицилией – государь Вильгельм II, сын государя Вильгельма Старшего; князем же Антиохии был государь Боэмунд, сын князя Раймунда, а графом Триполя – государь Раймунд Младший, сын графа Раймунда Старшего.

В следующих главах, от III до VI, автор представляет картину внутренних междоусобий в Иерусалиме по поводу споров за регентство при малолетстве короля; наряду с этим шло развитие могущества Саладина, который после смерти Нуреддина отнял у его детей Дамаск и таким образом со всех сторон окружил владения христиан. Вследствие всего автор остановился перед вопросом: что могло привести Иерусалим в такое печальное положение?

VII. Мне хочется при этом (автор только что окончил рассказ о том, как Саладин овладел Дамаском) сделать небольшое отступление от нити повествования не для бесцельной болтовни, но для того, чтобы поместить здесь несколько слов, которые не будут бесполезны. Часто спрашивают, и это обстоятельство поистине заслуживает вопроса: *в чем заключается причина того явления, что наши отцы в небольшом числе могли не раз вступать в борьбу с превосходными неприятельскими силами и при помощи Божьей небольшая горстка наших разбивала огромные и несметные войска, так что христианское имя было грозой неведующим Бога язычникам, и Господь прославлялся в деяниях наших отцов; ныне же наши современники, напротив, побеждаются малочисленным неприятелем, и часто даже случалось, что они с сильнейшим войском ничего не могли сделать с неприятелем, уступавшим численностью, и даже были им побиваемы?* Если мы подумаем об этом и тщательно рассмотрим наше положение, то прежде всего мы должны указать на ту причину, которая имеет отношение к Богу. Нашим отцам, этим богобоязненным и благочестивым людям, наследовали развращенные и порочные дети, которые преступают заповеди христианской религии и позволяют себе все, что им приходит на мысль; они худы и даже хуже тех, которые говорили своему Господу Богу: «Удались от нас: мы не хотим знать путей твоих» (Иов., 21, 14), и которых Господь справедливо лишил своей милости, ибо грехи их вызвали его гнев. Люди настоящего времени, и особенно на Востоке, таковы, что если бы кто захотел описать их нравы или, лучше сказать, их отвратительные пороки, тот пал бы под тяжестью работы и написал бы, по-видимому, вместо истории сатиру. Вторая же причина следующая: в старину, когда отправились на Восток те достопочтенные мужи, исполненные ревности о Боге и искренней веры, они были привычны к ратному делу, искусны в войне и опытны в употреблении оружия: восточные же жители, напротив, были усыплены продолжительным миром, к войне непривычны и рады спокойному состоянию. Потому нисколько неудивительно, что небольшое число наших справлялось с многочисленным неприятелем, одерживало верх и побеждало. Те, которые лучше нас знакомы с военным делом, знают также лучше нас, что продолжительная и непрерывная опытность на войне предпочитается грубой и непривычной силе. Третья причина, которая приходит нам на мысль, так же важна, как и предыдущая. Прежде каждый город (мусульманский) имел особенного владетеля, и все они, говоря языком нашего Аристотеля, не стояли один под другим и редко преследовали одинаковые цели, а гораздо чаще противоположные. Борьба с такими неприятелями, которые стремились к различному и даже противоположному и боялись друг друга, не была особенно трудна, ибо они не могли и не хотели соединиться для общей защиты и, опасаясь своих, не менее

как и наших, не имели сил бороться с нами. Теперь же все соседние нам страны, по Божьему попущению, соединились в руках одного (Саладина). В последнее время, еще на нашей памяти, наш жестокий враг Сангвин (Зенги), ненавидевший христианское имя, как чуму, отец недавно умершего Нуреддина, подчинил себе силой многие государства, покорил своей власти знаменитую и благородную столицу мидян, а именно Рагес, иначе называемый Эдессой, и убил всех жителей, находившихся в нем. Далее, сын его Нуреддин изгнал владетеля Дамаска и более изменой, нежели силой, покорил это государство, присоединил его к отцовскому наследству. Наконец, этот же Нуреддин при помощи Сиракона овладел древним и богатым Египтом, как мы подробно изложили то в истории правления государя Амальрика. Таким образом, говорим мы, все соседние страны соединились под властью одного и идут против нас по его мановению, как один человек, хотя, быть может, и неохотно; но там нет никого, кто бы думал различно и безнаказанно смел ослушаться своего господина. Всем этим теперь владеет Саладин, о котором мы говорили выше, человек низкого рода, из последней черни, но счастье подняло его на высшую ступень могущества. Из Египта и окрестных стран он получает бесчисленное множество лучшего и чистейшего золота, называемого *obryzum*, а из других провинций он набирает несметные полки конных и пеших людей, жаждущих его золота и которых легко привлечь, если имеешь много денег. Но возвратимся к нашей истории...

В остальных главах двадцать первой книги и в следующей, двадцать второй*, автор излагает историю правления Балдуина IV от вступления его на престол до 1184 г.; все это время регент граф Триполя ведет постоянную войну с Саладином за Дамаск; но Балдуин, придя в возраст, удалил регента, хотя его болезнь принудила вручить государственные дела Гвидо Лузиньяну, за которого он выдал свою сестру Сибиллу, овдовевшую после смерти первого мужа, Вильгельма маркграфа Монферратского. Неспособность Гвидо и его честолюбивые замыслы заставили скоро Балдуина лишить своего зятя власти и объявить в 1183 г. королем своего племянника, Балдуина (V), сына Сибиллы от первого брака, которому было всего пять лет от роду. Всеми этими беспорядками пользовался Саладин, вторгаясь беспрерывно в королевство, и в 1183 г. осадил город Петру. Балдуин IV был вынужден снова обратиться к графу Триполя и поручил ему начальство над войском. Описанием осады Петры и удаления Саладина, вследствие прибытия туда графа Триполя, автор завершает свою предпоследнюю, двадцать вторую книгу.*

Начинается книга двадцать третья

Пролог

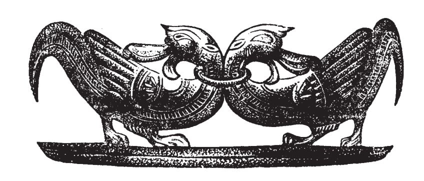
Я имел намерение, дойдя до этого места (то есть до 1184 г.), отложить перо в сторону и покрыть молчанием ту историю, которую предпринял передать потомству, вследствие тех огорчений, которые мне причинили бедствия, начавшие поражать королевство чаще обыкновенного, даже беспрерывно. Нет человека, который мог бы без боли говорить о падении своей родины и крайнем положении соотечественников; напротив, людям свойственно, и это весьма натурально, стараться превознести свое отечество и гордиться славой своих. Но мне нечего восхвалять; я обязан писать о затруднениях и разнообразных бедствиях нашего сетующего отечества, которое может вызвать в нас одни жалобы и слезы. До сих пор (то есть до 1184 г.) мы описывали, как умели, знаменитые деяния отважных героев, которые в течение более 80 лет управляли страной на нашем Востоке и преимущественно в Иерусалиме, но теперь нам недостает мужества писать дальше, ибо мы должны приходить в ужас от своего настоящего, и можем только изумляться тому, что видим и слышим и что недостойно быть предметом песнопений какого-нибудь Кодра или Мевия. Между деяниями наших князей нельзя найти ничего, что мудрый счел бы достойным изображения, что читателю причинило бы радость и писателю сделало честь; мы можем применить к себе слова пророка: «Пастыри заблуждаются в законе, мудрые в совете, и пророки поучают неправде» (Иерем., 18, 18); на нас повторилось и то, что «каков народ, таковы и пастыри» (Ос., 4, 9); к нам же могут быть отнесены и

слова Исаи: «Голова больна, сердце утомлено, от головы до пят в нем нет ничего здорового» (Ис., 5, 6). Мы достигли такой эпохи, что не можем вынести ни своей порочности, ни спасительных средств против нее, а потому за наши грехи неприятель получил над нами перевес, и мы, торжествовавшие прежде над ним и увенчанные пальмой побед, претерпеваем поражение почти при всяком деле, ибо мы оставлены Божественной благодатью. Вследствие всего этого мы считали лучшим молчать и предпочли оставить во мраке наши слабости, нежели выставлять их на свет для позора. Но те, которые желали, чтобы мы продолжили однажды начатый труд, и настоятельно убеждали описать состояние Иерусалимского королевства как в его счастливую эпоху, так и в эпоху бедствий, поставляли нам на вид для нашего поощрения пример красноречивейших историков, а именно Тита Ливия, который сообщает не только об удачах, но и о неудачах римлян, и Иосифа, который в длинном ряде книг описывает и знаменитые деяния евреев, и нанесенный им позор. Кроме этих писателей они ссылались и на примеры других, побуждая меня к продолжению труда; впрочем, убедить нас им было тем легче, что и мы сами хорошо знаем двойственность задачи историка: с одной стороны, он должен воодушевить потомство своим рассказом о счастливых деяниях, с другой – примером несчастной судьбы сделать их более осторожными в подобных же обстоятельствах. Долг историка – писать не то, что ему нравится, но то, что представляет время. В делах же человеческих и особенно во время войны мы видим постоянную превратность, и как не бывает постоянства в счастье, так и несчастье имеет свои светлые промежутки. Таким образом, мы дали себя уговорить снова предаться начатому нами труду и намерены теперь с Божьей помощью писать тщательно дальше, как мы уже начали, все, что представит нам грядущее время – и да будет оно благополучно, – если Богу будет угодно продлить наш век.

I. Между тем (то есть как Саладин принужден был оставить осаду города Петры), вражда между государем, королем и графом Иоппе (Гвидо Лузиньян) по неизвестным причинам возрастала с каждым днем, так что все видели ясно, что король ищет повода, на основании которого можно было бы расторгнуть брак графа с его сестрой (Сибиллой). Он часто ходил к патриарху и требовал от него назначить день, в который он мог бы подать жалобу на этот брак и объявить развод в его присутствии. Но граф, извещенный о всем том, возвратился из похода, оставил войско и, прибыв кратчайшей дорогой в Аскалон, дал знать оттуда своей жене, находившейся в Иерусалиме, чтобы она поспешила оставить город до прибытия короля и отправилась в Аскалон; иначе он опасался, что король, имея ее в своей власти, не согласится, чтобы она поехала к нему. Тогда король отправил вестника, приглашая графа к себе и возвещая ему о цели приглашения. Но граф, не желая являться, сослался на болезнь, которая ему препятствовала отправиться в дорогу. Так как он не являлся и на последующие приглашения, то король решил поехать сам и лично пригласить графа на суд. Прибыв туда в сопровождении некоторых из своих князей и найдя городские ворота запертыми, он постучал рукой троекратно; но никто не повиновался его приказанию, и потому исполненный справедливого негодования он возвратился назад на глазах всего городского населения, которое, узнав о прибытии короля, собралось на стенах и башнях, чтобы посмотреть, чем кончится дело. Когда король направился оттуда прямо к городу Иоппе, он встретил, еще до прибытия на место, знатных граждан того места обоих сословий, которые отворили ему ворота и впустили без малейшего затруднения. Поставив там наместника, которому он поручил заботы о городе, он отправился в Аккон. Там назначен был всеобщий сейм (curia generalis), и, когда князья королевства собрались там в назначенный день, патриарх, который имел на своей стороне магистров ордена тамплиеров и госпиталитов, пал перед королем, ходатайствуя за графа и прося короля отложить свой гнев и примириться с ним. Но так как они не были услышаны, то оставили с досадой не только сейм, но и город. На этом же сейме князей было

определено отправить послов к королям и князьям за Альпы с просьбой помочь христианству и королевству. Это дело должно было быть рассмотрено прежде всего, но патриарх прервал его своей просьбой о графе, как то было сказано выше, и вслед за тем в великом гневе удалился из Аккона. Когда граф Иоппе узнал, что король не обнаружил склонности к примирению с ним, то увеличил свою виновность новым и еще худшим поступком. Он отправился вместе со своим рыцарством к укреплению Дарум и напал на стан арабов, которые с позволения короля и в уверенности в его слове разбили палатки в той местности, чтобы пасти свои стада. Напав на них врасплох, он отнял у них их достояние и с богатой добычей возвратился в Аскалон. Когда король узнал об этом нападении, он снова собрал князей и поручил все управление государством графу Триполя, на храбрость которого и благоразумие он возлагал большие надежды. Этим расположением, по-видимому, он удовлетворил желание всего народа и большей части князей, ибо все были того убеждения, что единственным путем к спасению оставалось одно: вручить заботу о государстве графу.

Belli sacri historia, libri XXIII.
Кн. XIX–XXIII.



ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Взятие Иерусалима Саладином. 1187–1204 гг.

Гергард Страсбургский

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ НА ВОСТОКЕ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА. 1175 г.

(Из записок путешественника XII в.)

В 1175 г. Фридрих Барбаросса отправил в Каир Гергарда, викария страсбургского епископа, чтобы приветствовать нового султана на Востоке. Гергард на пути записал все, что ему удалось видеть или слышать; его записки попали в руки Арнольда Любекского (см. о нем ниже), который, составляя свою «Хронику славян», по литературному обычаю того времени вставил эти записки целиком в книгу VII, где они и образовали ее главу 10. Ссылаясь на Горация, который говорит, что цель поэта составляет не только полезное, но и приятное, Арнольд прерывает свой рассказ об основании епископства в Лифляндии, и желая позабавить своего читателя, утомленного серьезными предметами, переписывает в свою хронику вышеупомянутые путевые записки Гергарда, веденные им во время его поездки на Восток.

Все, что мне удалось во время моего путешествия (на Восток) по делам посольским увидеть или узнать из достоверных источников, я записывал всякий раз, когда находил что-нибудь редкое или новое и где бы то ни случилось: на земле, обитаемой людьми, на суше или на море. Я сел на корабль 6 сентября (1175 г.) в Генуе. Отплыв оттуда, мы проехали между двух островов, а именно между Корсикой и Сардинией. Эти острова отстоят друг от друга на 4 мили; оба они весьма красивы по гористому положению и своим долинам и обилуют всякими произведениями земли. На Корсике жители обоего пола добродушны, обходительны, гостеприимны, а мужчины отважны и воинственны. Напротив того, на о. Сардинии люди грубы, невежественны, дики, скупы и мужчины женоподобные и невидные; там встречается много волков. Море

ГЕРГАРД (GERARDUS. XII в.). Викарий страсбургского епископа (Argentinensis Vicedominus) был отправлен Фридрихом Барбароссой в Египет, чтобы приветствовать Саладина по случаю смерти Нуреддина (1174 г.), которая открывала Сирию и Палестину честолюбию египетского султана. Составленные им заметки на пути попались в руки Арнольда, аббата Любекского, и были им помещены в его «Хронику славян» (см. о том ниже).

около Сардинии самое бурное и опасное. Сардиния имеет в длину и ширину протяжения на шесть дней пути и по климату весьма нездорова; напротив, Корсика – величиной всего в три дня пути, но страна весьма здоровая, за исключением местности, где протекает одна река, от воды которой умирает всякий, кто ее напьется, и даже птицы, пролетающие над ней, околевают.

Проплыв между этих двух островов, я прибыл в Сицилию. Этот остров имеет чрезвычайно здоровый климат; изобилует всякими произведениями природы, украшен долинами и горами, богат виноградниками, лугами и рощами, красивыми ручейками, источниками и реками; множество фруктов и красивых цветов; обтекающее его море образовало из него форму креста; для торговли положение Сицилии весьма выгодно, но она слабо населена. Этот остров имеет протяжения в длину и ширину шесть дней пути; на нем находится большое число городов.

Вблизи Сицилии, напротив нее, лежит еще один остров, Мальта, в 10 милях расстояния и населенный сарацинами. Мальта находится в зависимости от Сицилии.

Недалеко от Мальты есть и другой остров, Панталеон (Понтелеария). Население его сарацинское, не признающее над собой ничьей власти. Люди там грубы и дики и живут в пещерах. Если на них нападает сильное войско, то они удаляются со всем своим имуществом в пещеру и таким образом ищут спасения в бегстве, не имея возможности вступить в борьбу. Живут они более скотоводством, нежели земледелием, и весьма мало высевают хлеба.

Оттуда я прибыл после семи дней пути в какую-то варварскую страну, населенную арабами. Этот народ живет, не имея жилищ, под открытым небом, где найдется какое-нибудь пристанище. Они говорят, что для временного пребывания человека на земле, весьма короткого по сравнению с временем Божественного воздаяния, не стоит строить домов. Землю они возделывают мало и живут одним скотоводством. Женщины и мужчины у них ходят почти нагими; только посередине тело прикрыто куском плохого сукна. Вообще этот народ имеет жалкую наружность, до крайности беден, не имеет ни оружия, ни одежды, черен, безобразен и слабосилен.

Затем я ехал по морю 47 дней и видел на пути различные породы рыбы; например, одна рыба по глазомеру была длиной в 340 локтей. Видал я также рыб, которые летают над морем на расстоянии полета стрелы.

Наконец, я вошел в Александрийскую гавань, перед которой возвышается громадная каменная башня, указывающая морякам вход в нее. Так как Египет – плоская страна, то на башне горит огонь всю ночь; он обозначает собой для мореплавателей место гавани, чтобы спасти их от опасности. Александрия – великолепный город, украшенный зданиями, садами и с бесчисленным населением. В нем живут сарацины, иудеи и христиане; сам же город находится во власти вавилонского султана (Каирского). В прежнее время этот город был очень велик, как то показывают следы развалин. Он протягивался на 4 мили в длину и одну милю в ширину. С одной стороны его омывал рукав реки, проведенный из Евфрата (Нила); с другой же – к нему примыкало Великое море (Средиземное). Ныне же город теснится к морю, а от рукава Нила его отделяет большое поле: при этом следует заметить, что Евфрат и Нил – это одно и то же. В Александрии народ живет по своему обычаю. Климат там очень здоров, и я часто встречал столетних старцев. Город окружен плохой стеной, без рвов. Замечу, что одна гавань доставляет доходу с пошлин 50 тысяч золотых, что больше нежели 8 тысяч марок серебра. Люди самых различных наций посещают Александрию со своими товарами. Пресной воды нет в городе, кроме той, которую раз в год впускают водопроводами из Нила в цистерны (водоемы). Там находится много христианских церквей, и между ними церковь св. евангелиста Марка, за чертой стены нового города, расположенного на морском берегу. В этой церкви я видел 17 гробниц, наполненных костями и кровью мучеников, имена которых, однако, неизвестны. Я видел также и капеллу, в которой этот евангелист писал свое Евангелие, где он претерпел мученическую смерть и был погребен, и откуда венециане

увезли его мощи. В этой же церкви избирается патриарх; там же его посвящают и после смерти хоронят. Христианская община в Александрии и доныне избирает своего патриарха, подвластного Греческой церкви. В этом городе стоял в прежнее время громадный дворец фараона, окруженный колоссальными мраморными статуями; следы его видны и до настоящего времени.

Мне показали, как Нил, вблизи Александрии, выступая из русла, разливается на небольшом пространстве по долине, продолжает некоторое время без всяких человеческих усилий и искусства стоять на месте неподвижно и потом сам собой превращается в самую лучшую и чистейшую соль. Нил обыкновенно каждый год выходит из берегов, заливает водой Египет и через то оплодотворяет его; дожди же в этой стране бывают весьма редки. Начало разлива происходит в половине июня, и вода остается в таком положении до Воздвижения св. Креста (14 сентября); а затем она начинает убывать до Богоявления (6 января). Замечательна та быстрота, с которой вода возвращается в свое русло. Где только земля показывается снова, поселянин немедленно обрабатывает ее плугом и сеет хлеб. В марте убирается жатва. Земля не рождает ничего другого, как пшеницу и ячмень, но отличной доброты. Овощи всякого рода, фрукты и коренья имеются свежими от дня св. Мартина (ноябрь) до марта. Овцы и козы в той стране мечут два раза в год и, по крайней мере, двух вместе. Я слыхал также, что там ослицы дают приплод от жеребцов. По всему Египту христиане живут и в городах, и в деревнях, но платят определенную дань королю Вавилонскому (египетскому султану). Почти каждая деревня имеет Христианскую церковь. Но население крайне бедно и ведет жалкую жизнь.

Надобно знать, что от Александрии до Нового Вавилона считается около 3 дней дороги сухим путем, а водой, по направлению от запада к востоку, ездят семь дней. Замечу при этом, что на свете существуют три города с названием Вавилон: один на р. Хобаре (ныне Кобур, река Месопотамии, впадающая в Евфрат), где правил Навуходоносор и где находится башня Бабель (то есть Ваала, или Бэла). Этот, ныне покинутый, город называется Старым Вавилоном и отстоит от нового на 30 дней пути. Есть еще один Вавилон в Египте на Ниле у подошвы горы и близ степей; там правил Фараон; этот Вавилон отстоит от Нового на шесть миль и также разрушен. Наконец, Новый Вавилон лежит в равнине на морском берегу. В прежнее время это был весьма значительный город, и до сих пор он не утратил своей важности и весьма населен, лежит в плодоносной долине, но посещается одними купцами. К нему часто подходят корабли из Индии, нагруженные пряностями, спускаясь по Нилу, а оттуда товары доставляются в Александрию. Хлеб и овощи разложены повсюду по улицам и переулкам.

В одной миле от Нового Вавилона, в степи, находятся две горы (так называет автор пирамиды), выведенные искусственно из громадных мраморных камней и плит – изумительная работа! Они отстоят друг от друга на полет стрелы, четырехугольной формы и одинакового объема как в ширину, так и в длину; ширина их равняется одному сильному полету стрелы, а в высоту они будут в два полета.

Далее, вблизи Нового Вавилона, на одну треть мили, находится другой значительный город, Каир, где находится резиденция султана, дворцы его и вельмож, а равно и казармы. Этот город, населенный войском, лежит на Ниле. Здания его весьма роскошны и стоят того, чтобы их посмотреть. Он окружен стеной и лежит среди прекрасных садов. В нем живут сарацины, иудеи и христиане, и каждая народность имеет свое богослужение. Христианских церквей много.

С милю от этого города находится бальзамический сад, занимающий собой около полудесятины. Бальзамное дерево равняется трехлетней виноградной лозе, а листья такие же, как у трилистника. Когда приспевает время в мае, дерево надрезается по способу, известному тем, которые ходят за ним. Вследствие того из дерева начинает сочиться каплями клейкое вещество, его собирают в стеклянные сосуды и держат так шесть месяцев, прикрыв сверху голубиным калом; потом его варят и очищают, после чего жидкость отделяется от густой массы.

Саладин захватывает святой Крест в битве при Хамтине в 1187 г.

Этот сад орошается источником и не допускает для своего употребления никакой другой воды. Заметим, что бальзам не растет нигде в целом мире, кроме этого места. К тому источнику удалилась некогда Св. Дева с нашим Спасителем, спасаясь от преследований Ирода, и долгое время укрывалась там, омывая в воде того источника пеленки ребенка, как то требовалось вследствие его человеческого естества. По этой причине и до настоящего дня этот источник пользуется у сарацин особым почтением, и всякий раз, когда они омывались в нем, они приносили с собой восковые свечи и курения. В день Богоявления туда собирается множество народа из окрестностей, чтобы окунуться в источник. Сарацины верят в то, что св. Дева зачала Иисуса Христа от ангела, родила и после пребыла девой. Но, говорят они, этот святой сын Девы был только пророком, и Бог чудесным образом взял его на небо с душой и телом. Они празднуют и его рождество, но отрицают то, что он сын Божий, что он был крещен, распят, умер и погребен. Далее, они уверяют, что не мы, а они следуют учению Христа и апостолов, ибо они обрезаны. Также они веруют в апостолов и пророков и чествуют некоторых мучеников и исповедников Христа.

В Каире находится старая и высокая пальма, которая, когда Св. Дева, проходя мимо нее с нашим Спасителем, хотела достать с нее плод, сама собой наклонилась и после снова выпрямилась. Сарацины, видя то, позавидовали Св. Деве и надрезали дерево в двух местах; но в ту же ночь дерево исцелилось и стояло по-прежнему; до сих пор на нем сохранились следы тех надрезов. Эту пальму сарацины считают святой и каждую ночь освещают ее лампадами. Есть много и других мест в Египте, где пребывала Св. Дева и которые чтятся и сарацинами, и христианами.

Нил, или Евфрат гораздо более Рейна; он вытекает из Рая, и никто не знает его источников; из письменных известий видно, что он протекает по равнине; вода в нем мутная и изобилует рыбой, которая, впрочем, нехороша. В Ниле живут гиппопотамы; они скрываются под водой и часто выходят оттуда. Крокодилов же – бесчисленное множество; они похожи на ящериц, снабжены четырьмя ногами и имеют короткую и толстую лапу. Голова крокодила имеет сходство с головой кабана, длинная и широкая, с огромными зубами. Крокодил любит выходить на солнце, и если встретит зверя или ребенка, то умерщвляет их.

Есть в Египте одна Христианская церковь, вблизи которой находится колодезь; круглый год он остается сухим, за исключением времени церковного праздника. Тогда вода поднимается в нем в течение трех дней так высоко, что ее хватает на всех христиан, собирающихся к торжеству. Но едва кончается праздник, как исчезает и вода.

В шести милях от Нового Вавилона, в степи, откапываются в одной горе квасцы, употребляемые для окрашивания валяльщиками; доход с того идет в пользу султана. В Египте изготовляются и индийские краски. Кроме того, Египет богат всякого рода птицами. Хотя по всей стране не существует ни золотой, ни серебряной, ни другой металлической руды, но жители ее богаты золотом. Там водятся и хорошие лошади; множество попугаев, они прилетают из Нубии. Нубия отстоит от Вавилона на 40 дней пути; это страна христианская; она имеет своего короля, подданные которого однако необразованны, и сама страна весьма лесиста. В Египте выводят цыплят от одной до двух тысяч в печке, при помощи огня, без наседки; это идет в пользу султана. Климат в Египте жаркий: дождь выпадает редко. Гора Синай лежит посреди степи в семи днях расстояния.

Сарацины верят, что дождутся рая на земле. Тот же рай, в который они вступают по смерти, имеет, по их представлению, четыре реки; одна течет вином, другая молоком, третья медом и четвертая водой. Там, говорят они, растут всякого рода плоды; там можно будет есть и пить все, что угодно, и каждый получает ежедневно новую жену; если же кто пал в сражении от руки христианина, то ему даются в раю каждый день девять жен. На мой вопрос, что делается с теми женщинами, которые были уже один день женой, никто не мог дать удовлетворительного ответа.

Египет богат всякого рода птицами и плодами, но вследствие религиозного запрещения беден вином; если бы оно возделывалось, то надобно заметить, что страна имеет все необходимые для того качества.

Из Вавилона я отправился в Дамаск по степям; путь этот совершается в двадцать дней, и во все это время я не встретил ни одного куска возделанной земли. Степь представляет то плоскую, то гористую песчаную почву; на ней растет только низкий кустарник, и то местами. Климат в этой степи чрезвычайно неровный: зимой очень холодно, а летом крайне жарко. Проезд по всей этой стране сопряжен с величайшими затруднениями, и дорога весьма неверная: ибо при ветре песок заметает ее до того, что ничего нельзя разобрать; только бедуины, проезжая часто по степи, и другие странники могут руководить путешественниками, как лоцманы на море. Замечу, что степь изобилует львами, страусами, кабанами, буйволами, ослами и зайцами. Вода встречается редко, через каждые четыре или пять дней. С одной стороны степь примыкает к Индийскому, а с другой – к Красному морю. На берегу последнего я провел две ночи. Я видел также те 17 пальм, где Моисей из рассевшейся скалы достал воду.

От горы Синая я странствовал еще два дня. Замечу, что еще никто на свете не исследовал протяжения и границ степей, так как они, подобно морю, не везде доступны. Оставив степь за собой, я увидел равнину, некогда населенную христианами, а теперь она вся опустошена и мало обработана, ибо лежит на границе христианских и сарацинских владений. В этой стране я встретил древний город Буссерентин (ныне Буссерет, древняя Бостра, столица идумеев, а впоследствии Римской Аравии), некогда населенный христианами, отстроенный из мрамора, всячески украшенный, и, как о том свидетельствуют развалины, весьма красивый город и привлекательный. Теперь же он населен сарацинами, весьма сузился, так что от него остался только один замок, чрезвычайно хорошо укрепленный.

Оттуда я прибыл в Дамаск, после трех дней пути через страну, населенную отчасти христианами, которые платят дань владетелю Дамаска. Дамаск весьма замечательный город с двойной стеной и красивыми башнями; он отлично укреплен, имеет проточную воду, источники, водопроводы извне, а внутри водой снабжены различные места и отдельные дома; его окружают со всех сторон цветники, огороды; на украшения издержано весьма много. Таким образом, жители имеют, и вне, и внутри воды сколько угодно, как в земном раю. Много есть христианских церквей и христиан; весьма много евреев. В окрестностях Дамаска имеется отличное вино. Климат очень здоровый; много людей преклонных лет. От Иерусалима пять небольших дней, а от Аккона – четыре.

В трех милях от Дамаска, в горах, лежит местечко, называемое Сайданейда. Оно населено христианами, у которых есть церковь, лежащая близ него в поле и посвященная преславной Деве Марии. В этой церкви и в принадлежащем ей монастыре служат Богу и Святой Деве 12 монахинь и 8 монахов. Там же я видел деревянную дощечку, в локоть длины и пол-локтя ширины, за алтарем, в стене у окошка, за железной решеткой. На этой доске был изображен некогда лик Святой Девы, ныне же чудесным образом изображение на дереве обратилось в плоть, и из него течет непрерывно благовонное масло, лучшее всякого бальзама. При помощи этого масла христиане, сарацины и иудеи часто освобождались от различных болезней, и замечательно, что это масло никогда не убавляется, несмотря на то, что им пользуются весьма много. До образа никто не смеет дотрагиваться, но смотреть дозволено каждому. Забота о хранении масла возложена на одного христианина; те, которые пользуются им с благоговением и верой в Св. Деву, отслужив при этом обедню, достигают всего, чего бы ни пожелали. К этому месту, в день зачатия и рождества Богородицы (9 декабря и 8 сентября), стекаются все сарацины той провинции вместе с христианами для молитвы и с величайшим благоговением представляют свои дары. Замечу еще: этот образ был изготовлен в Константинополе в честь Св. Девы и оттуда принесен патриархом в Иерусалим.

Около того времени случилось аббатиссе того монастыря посетить Иерусалим для молитвы; она, выпросив этот образ для своей церкви у патриарха, взяла его с собой. Происходило же все это в 870 году от воплощения Господня; но священное масло начало источаться из образа гораздо позднее.

Замечу еще: в области Дамаска, Антиохии и Алеппо живет в горах сарацинское племя, которое на своем языке называется *гейссессины* (ассасины), а у романских народов зовется людьми Горного Старца. Они не имеют никакой религии; едят свиное мясо, несмотря на запрещение его сарацинской верой, и живут со всеми женщинами безразлично, не исключая матерей и сестер. Они населяют горы и считаются народом непобедимым, ибо имеют весьма крепкие замки. Земля их не плодородна, и они держатся скотоводством. У них есть свой повелитель, который держит в страхе всех соседних князей, как мусульманских, так и христианских, ибо он находит средство умерщвлять их удивительным образом. Вот как это делается у него. Этот князь имеет отличные замки, окруженные высокими стенами, через которые можно проникнуть только небольшой и заботливо охраняемой калиткой. В этих замках он воспитывает с малолетства сыновей своих простолюдинов и приказывает обучать их различным языкам: латинскому, греческому, романскому, сарацинскому и еще некоторым другим. Воспитатели внушают им с раннего детства и до совершеннолетия, что они обязаны, и словом, и мыслью, безотчетно повиноваться своему повелителю; в этом случае он, имея власть над живущими богами, доставит им все утехи рая. Иначе, учили их, они невозвратно погибнут, если вздумают в чем-либо противоречить его воле. И удивительное дело: они живут с детства в таком заключении в этих замках, что не видят никого, кроме своих воспитателей, и ничего другого не слышат, пока не позовут их к князю для совершения убийства. Представ перед ним, они получают вопрос, намерены ли повиноваться его повелениям, чтобы достигнуть рая. Тогда они отвечают, как их тому учили, бросившись, без дальнейших размышлений, ему в ноги и с величайшей ревностью, что они готовы исполнить всякое его повеление. Тогда он дает им золотой кинжал и посылает, чтобы убить какого-нибудь князя по его указанию.

Из Дамаска я прибыл через Тивериаду в Аккон после 4 дней пути, а оттуда в Иерусалим, из Иерусалима же в Аскалон. Это небольшой приморский город, отлично укрепленный стенами и рвами и весьма здоровый. Оттуда я возвратился степью через 8 дней назад в Вавилонию (Каир). При этом я видел одно место на дороге, покрытое на расстоянии целой мили каменной солью, и встретил множество диких ослов и буйволов.

Замечу, что в Агире (Эль-Арим) находится публичный дом разврата для содомитян. Жены у сарацин ходят под густым покрывалом и никогда не бывают в храмах. За ними строго присматривают евнухи, так что знатные женщины иначе не выходят из дома, как с разрешения своих мужей. Ни брат, ни другой родственник мужа или жены без позволения мужа не смеет посетить ее. Мужчины ходят в храм пять раз в день на молитву. Вместо колоколов они имеют глашатаев, по голосу которых все сходятся вместе. Благочестивые сарацины моются каждый час; они начинают с головы и лица, потом моют руки, пальцы, ноги, ступню и, наконец, спереди и сзади; после того идут на молитву и молятся не иначе как с коленопреклонением. Они верят в Бога, как творца мира, и говорят, что Магомет – святейший пророк и основатель их религии. К нему делают странствование сарацины, живущие вдалеке и вблизи. Также и другим основателям их религии они оказывают почтение.

Каждый сарацин имеет право жениться на 7 женах. Каждая жена на основании брачного договора получает известное содержание. Сверх того они живут по своему произволу со всеми рабынями и служанками, не видя в том никакого греха. Если раба родит ребенка, то получает свободу, и сарацин может по своей воле назначить наместником кого хочет из своих сыновей, будет ли он рожден свободной женой или

рабой. Впрочем, многие сарацины так благочестивы, что имеют только по одной жене. Менее семи жен дозволяется иметь, но не более, зато можно, как я сказал, увеличивать число наложниц.

При этом следует подумать о неизмеримой благости Спасителя, который не оставляет своей любовью ни людей праведных, ни людей безбожных. Праведному, кроткому, благочестивому, боящемуся его заповедей, он доставляет в награду вечную жизнь и осчастливливает его высшим благом, которое он есть сам, и созерцанием своего величия; людям же безбожным, осужденным на вечные муки, он ниспосылает изобилие временных благ в здешней земной жизни. Вот вследствие чего те отверженцы (то есть мусульмане) пользуются лучшими землями, имеют в изобилии хлеб, вино и масло, украшаются богато в золото, серебро, драгоценные камни и шелк, утопают в благоуханиях и сладостях и не отказывают себе ни в чем, что приятно глазу. Над ними сбывается пророчество Исаака, который, благословив Иакова духовными дарами, сказал Исаву: «От тука земли будет дом твой и от росы небесные свыше: в этом твое благословение» (I, Моис., 27, 39, 40). Это же мы можем сказать словами самого Бога: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас: да будете сынами Отца вашего небеснаго; потому что он велит восходить солнцу своему над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф., V, 44, 45). И Давид сказал: «Неправедные будут счастливы на свете и приобретут богатства».

Помещено у Арнольда Любекского в «Chronica Slavorum» (VII, 10).

Яков Витрийский

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА В ПАЛЕСТИНЕ ПЕРЕД ЗАВОЕВАНИЕМ ИЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМ. 1187 г. (около 1220 г.)

ТРИ КНИГИ
Восточной истории
622–1219 гг.

Пролог

Когда Господь, предложивший себя искупительной жертвой и взиравший в своем милосердном сострадании на великодушие и терпение христианской армии, сжалился над ее долговременными страданиями, разверз перед ней врата Египта и предал в ее власть знаменитый город Дамиетту (в 1219 г.), мы оставались после того, долгое время «восседая на берегах рек, которые орошают царство Вавилона, и проливали там слезы, воспоминая о Сионе» (Псал. 136; 1); по причине своей малочисленности мы не могли идти вперед против неприятеля, превосходившего нас числом, и не осмеливались оставить города. Многие из наших, худея и томясь от скуки в эти дни, узнали своим собственным опытом, как справедливы слова Соломона: «Пожелания убивают ленивого, ибо его руки не хотят ничего делать» (Притчи, 21; 25); и слова пророка Иеремии: «Враги видели его (Иерусалим), и смеялись над его покоем» (Плач, 1; 7). Но я, помышляя о том, как пагубна потеря времени, о чем говорит и Соломон: «Муки и наказание злому рабу, пошлите его на работу, чтобы он не был праздным, ибо праздность научает всякому злу» (Эклес., 33; 28, 29),– я решился, вследствие размышления о Священном Писании, сдержать свой ум, всегда наклонный, подобно злому рабу, к делам суетным и бесполезным, и мысли которого были часто перепутаны, чтобы приковать его узами прилежного чтения и не позволить ему заблудиться в мечтах своей фантазии.

Так, воодушевленный желанием научиться чему-нибудь новому и неизвестному, я нашел различные книги в библиотеках греков, латин и арабов; случайно попались мне в руки рассказы о восточных

царях, их битвах и деяниях. Эти занимательные писатели, превознося суетно высокопарными похвалами людей, о которых я намерен говорить, и занося тщательно в свои сочинения рассказы о их битвах, победах, богатствах, могуществе и прошлой славе, оставили потомству достопамятные произведения. Все это сильно воодушевило меня и вместе огорчило и опечалило; я упрекал своих современников за их небрежность и леность, ибо «сыны века сего умнее сынов света в своем роде» (Лука, XVI, 8): первые из них употребили столько рвения и трудов к тому, чтобы описать переходящие деяния людей осужденных. В наше же время напротив, не нашлось никого или, по крайней мере, нашлось очень мало людей, которые захотели бы рассказать и описать битвы, преславные победы и дивные дела Царя Небесного, на славу и хвалу того, кто один достоин хвалы и славы во все века. Действительно, у Товии (XII, 7) сказано: «Выгоду князя составляет то, чтобы хранить тайну князя, и славе Бога служит то, чтобы дела Бога были открыты и извещены всем»; а потому древние и святые отцы, имея всегда перед собой страх Господень и пользуясь дарованным им талантом, употребили все старания и все прилежание к тому чтобы, во славу Господа и в назидание людям своего времени и их потомства, описать чудные дела Иисуса Христа, как те, которые он удостоил совершить сам лично, так и те, которые он исполнил через посредство своих святых. Во многих книгах святые евангелисты рассказали деяния самого Христа, Лука – деяния апостолов, другие благочестивые люди – деяния и подвиги мучеников и исповедников, Иероним – жизнь восточных отцов, Григорий – западных отцов, Евсевий Александрийский оставил церковную историю, а другие мудрые люди передали нам *historia tripartita* и другие события, совершившиеся от начала церкви Господней. Но леность людей нового времени отказалась собирать вместе с апостолами крохи, падающие от трапезы Господа, и хранила глубокое молчание. Между тем и в наши дни Господь совершил дивные дела, достойные прославления и памяти людей, в Испании против мавров, в Провансе против еретиков (альбигойцев), в Греции против отщепенцев, в Сирии против... (пропуск в манускрипте), в Египте против сарацин, в отдаленнейших странах Востока против персов, ассирийцев, халдеев и турков. Потому я хочу рассказать о многочисленных и удивительных битвах нашего короля (Иерусалимского, Иоанна Бриення), и о славных победах, которые он одержал над своими неприятелями, чтобы никто не упрекнул меня в неблагодарности к нему. Я желаю лучше, как та бедная вдовица, положив три или четыре монеты в кружку Господню, лепетом своим воздать ему хвалу, нежели сохранить молчание и воздержаться от прославления его. В прежние времена при сооружении храма одни приносили золото, другие серебро, одни мед, другие шерсть гиацинтового цвета, пурпур, дважды крашенные сукна, тонкое полотно, а иные козью шерсть и овчину, каждый по своим средствам; так и я поручаю себя тому, кто смотрит более на намерение, нежели на результат, кто принимает в соображение не то, как сделано, но чем сделано, и кто сумеет извинить мою недостаточность, если я ему сделаю жертвоприношение не такое, какое желал бы, но какое мог.

Предмет, о котором я намерен рассуждать в этом сочинении, разделен мной на три книги.

В *первой* книге, очертив вкратце историю Иерусалима, я изложил в подробности дела Господа, которые он сподобил совершить в своем милосердии в странах Востока; я описал племена жителей, города и те местности, о которых, как я видел, упоминается всего чаще в различных писаниях; мне казалось это необходимым для большего уразумения обстоятельств, которые излагаются в них; а чтобы еще более расширить мой труд, я присоединил к тому подробности о многочисленных и различных особенностях этой земли.

Во *второй* книге, пробежав быстро историю новейших обитателей Востока, я перешел к рассказу о делах, которые совершил Господь в наши дни в странах западных; и описал главным образом различные ордена, как светские, так и духовные, и в конце книги приложил подробное рассуж-

дение о порядке, обязанностях крестоносцев и пользе их пилигримства.

В *третьей* книге, возвратившись от истории Запада к Востоку, я начал с изложения событий, которые видел собственными глазами и которые Господь сподобил совершить, в своем народе и в войске христиан после Латеранского собора и до взятия Дамиетты. Да позволит мне Господь окончить эту книгу завоеванием Святой земли, обращением или истреблением сарацин и восстановлением Восточной церкви. Внимательный читатель увидит ясно сам, в какой степени мой настоящий труд может послужить хорошим примером для тех, которые сражаются под знаменем Христа, как он будет полезен для утверждения веры, преобразования нравов, опровержения неверных, замешательства нечестивых, наконец, для того, чтобы воздать хвалу людям добрым и побудить других следовать по их стопам.

Первая книга

В начале этой книги, после краткого очерка древнейших судеб Палестины, от Авраама до Магомета, автор останавливается несколько на последнем и затем прямо переходит к истории Крестовых походов. Но он говорит весьма коротко о самих событиях и обращает особенное внимание на цветущее положение Иерусалимского королевства в первые годы его существования, затем, приблизившись к концу XII в., рисует мрачными красками то глубокое падение нравов самих завоевателей Палестины, которое было главной причиной поражения христиан и утраты ими Иерусалима в 1187 г.

Между тем, как виноградник Господа (Иерусалимское королевство) распространял от себя (в начале своего существования) сладкое благоухание до концов земли, древний змей, ядоносный дракон, враг человеческого рода, не мог долго переносить этих сладких благоуханий: видя преобразования, совершенные в восточных странах десницей Всевышнего, видя, как святая церковь делает во всем успехи, как распространяется богопочитание, как неверные смешны и христиане превознесены, как возобновляются чудеса, как повторяются дивные подвиги, как небесный огонь, в день святой субботы на Пасхе, нисходит в церковь Воскресения Господня, как народ благочестиво стекается для празднования славы Бога и восхваления его благодеяний, как неверные покрыты стыдом и верующие радуются о Господе; смотря на все это с завистью, укрывшись в новый мрак от столь сильного света и пораженный сердцем в своей злобе насмерть, дьявол начал отыскивать тысячи средств, придумывать всякие ухищрения, чтобы тайно разлить свой яд, разрушить виноградник Господень, «и посеять плевелы на поле Господнем, пока пастухи спали» (Матф., XIII, 25).

Первоначально дьявол не мог найти себе помещения в местах сухих и безводных, то есть посреди тех первых пилигримов, еще бедных, истощенных и утомленных продолжительными трудами; но наконец он увидел дом в полном спокойствии и свободным от всякой опасности, а людей, предавшимися праздности, живущими безопасно в своем новом обиталище, посреди увеличения сборов хлеба и масла, и наслаждающимися в крайнем изобилии всех земных благ; тогда дьявол, взяв с собой семь духов, более развращенных, чем он сам, вступил в тот дом с семью смертными грехами; и последовавшие события были горше предшествовавших, ибо язвы людей возобновились, их безумие породило порчу и гноение в ранах. Разжирев и растолстев, они сделались мятежными, и неправда этих безумцев вышла из среды их богатств и наслаждений. Господь их насытил, и они сделались прелюбодеями и предались разврату в домах погибших женщин; они разлились как вода; они пустились в погоню за своими пожеланиями; они не перелились из одного сосуда в другой; они разлеглись в своей грязи, как вьючное животное ложится на свой помет; они заржали, как лошади, и каждый из них преследовал с яростным жаром жену своего ближнего. Огонь ниспал на них, и они более не видели солнца, ибо они обратили глаза к земле и сделались гордыми, заносчивыми, надутыми, наглыми, мятежными; раздирали друг друга и сеяли раздор между своими братьями; были злобны, преданы суеверию и святотатству, раздражительны

и несправедливы, раздражены леностью и малодушием, ненасытны в своем корыстолюбии, согбенны от пьянства, отвратительны от разврата и мерзости, воры, похитители, убийцы, люди крови, предатели, не умеющие повиноваться ни своим родителям, ни своим старшим, без всяких привязанностей, без удержи, без всякого чувства сострадания, наконец, говоря словами пророка: «Проклятия, ложь, убийства, грабительства и прелюбодеяние наводнили этот народ, и кровь пала на кровь» (Ос., IV, 2). А потому и ад распахнулся широко; он приготовил помещение для всех преступлений и пороков и умножил свои нападения в бесконечность. Помыслы этих нечестивых людей были злобны во всякое время и извратили все пути на земле; всякая добродетель и всякое благочестие исчезли в такой степени, благодетельность до того застывала все более и более, и между человеческими сынами встречали так мало веры на земле, что с трудом можно было найти кого-нибудь, кто отличал мирское от священного и чистое от нечистого. Все были увлечены в пропасть и хаос; в них не было ничего святого с головы до ног, и каков был народ, таков был и священник.

И действительно, если начать с Господней святая святых, в то время, когда почти весь мир своими жертвованиями, приношениями и различными дарами сделался данником прелатов церкви и людей, живущих в орденах, пастыри «сами паслись», собирая шерсть и молоко овец, не заботясь нисколько о душах и подавая, напротив, своим подданным пример вероломства; эти откормленные кравы на горах Самарии перешли от бедности Христа к богатству, от его смирения к гордости, от его уничижения к тщеславию; они растолстели наследием Распятого, они обогатились и начали величаться, а между тем Господь сказал Петру: «Паси овцы моя», и мы нигде не видим, чтобы он сказал: «Стриги овцы моя». Таким образом, отыскивая своего, а не того, чего требует Иисус Христос, они сделались слепыми поводырями слепых и немыми псами, не умеющими лаять. Имея вход во святые святых для молитвы и ключ к познанию, они, однако, ни сами не входили туда и не позволяли того желающим: жалким образом страдая от проказы Неемановой (Царст., IV, 5, 27), они сами устраивали повсюду по церквам скамьи продающих голубей и столы меновщиков, и могли сказать вместе с Иудой-предателем: «Что вы дадите мне, если я вам предам его?» Таким образом, все любили подарки и искали одной выгоды; отнимали ключи у Симона Петра, чтобы передать их Симону Волхву, предаваясь чрезвычайной роскоши, разжирев в постыдной праздности, они пользовались «не только крохами, падающими со стола господина», но даже целыми хлебами и вкуснейшими яствами, чтобы тем откармливать щенков, которых они имели от своих презренных наложниц и которые были презренны еще более этих последних.

Когда регулированное духовенство, заразившись ядом богатства, вознеслось чрезмерно и приобрело огромные владения, презирая своих старших, разрывая узы, соединявшие его с ними, и откинув эти узы далеко в сторону, оно сделалось неудобным для церквей и для прочего духовенства; ревнуя друг друга и обнося себя взаимно, к великому соблазну всего христианства, оно скоро перешло к публичной брани, открытой вражде и почти к схваткам, насилиям и борьбе не только на словах, но иногда даже на деле. Начав свое Вавилонское столпотворение и отделившись друг от друга в смешении языков, оно не только распалось между собой, но, образовав партии, сеяло раздор между другими. Конечно, большое число среди духовенства, питая лучшие намерения и состоя из людей справедливых и богобоязненных, соблюдало спасительные правила и святые учреждения своего ордена, насколько то было возможно среди вихря; подобно зерну в куче плевел и лилии между терние, но, будучи исполнено уничижения, проникнуто и уязвлено до глубины сердца сильнейшей печалью, не дозволяло себе ходить на совет нечестивых, не останавливалось на пути грешников и не восседало на зачумленных ложах. Но нечестие злых и злонамеренных одерживало верх, и их неправда была обильна до того, что часто они не боялись допускать к божественному служению тех, на которых их прелаты наложили запрещение и

анафему, так что те, которые должны были бы радоваться с радующимися и плакать с плачущими, одни могли торжествовать, между тем как другие бедствовали. Вследствие того могущественные узы церковной дисциплины ослабли; миряне и зачумленные люди смеялись над приговорами своих прелатов и презирали грозное правосудие духовного меча. Действительно, аббаты, приоры, монахи и их продажные и жалкие капелланы, отбросив всякий страх Господень, смело заносили свою косу на чужую жатву, соединяли тайным браком лица, не имевшие на то права или находившиеся в бегстве, посещали больных из корыстных побуждений, а не из благочестия, и приобщали святых таинств, несмотря на запрещение своих собственных священников; решили и вязали души, забота о которых нисколько не принадлежала им, в противность Богу и определениям святых канонов, ибо сам апостол сказал: «Кто ты, осуждающий чужого раба?» Относительно умерших они допускали всех безразлично к погребению, несмотря на запрещение своих прелатов, и злоупотребляли правом приходской церкви, ибо «обязанность монахов плакать и молиться, а не совершать таинства над светскими людьми». И не только монахи, но также и монахини оказывались одинаково непослушными в отношении своих старших. Свергнув с себя иго повиновения, они выходили из монастыря, бродили по всем площадям и в своем нечестии посещали публичные бани вместе со светскими людьми. Все сказанное нами приведено не с тем, чтобы упрекать потомство, живущее ныне, за преступления их предшественников, но единственно для того, чтобы они, омыв свои ноги в крови нечестия, научились подражать добрым, проклинать и осуждать злых. Да уничижатся они вместе со Христом, воспримут на себя бедность, чистоту и благость, дабы, отказавшись от мира не по одному внешнему одеянию, могли «спасти души свои терпением».

Относительно мирян и светских людей замечу, что чем они были более знатны и могущественны, тем жестче совращались со своих путей. Племя, исполненное превратности и коварства, дети злобы и развращения, люди распутные и преступившие божественный закон, происходящие от тех пилигримов, о которых я говорил выше, мужей благочестивых, угодных Богу и преисполненных благодати, как осадок происходит от вина, как грязь садится от масла, как плевелы отделяются от зерна и примесь от серебра; они наследовали владения, а не добродетели своих отцов, и злоупотребили земным достоянием, которое их отцы снискали ценой своей собственной крови, сражаясь мужественно во славу Божью с нечестивыми. Их дети, называемые ныне *пулланами*[1], вскормленные в наслаждениях, мягкие и женоподобные, привыкшие к баням более, чем к битвам, преданные всякой нечистоте и роскоши, носили, подобно женщинам, волнующееся одеяние и были украшены, как храмы; кто знает, как мало смотрят на них сарацины, тому известно, до какой степени они трусливы, боязливы, малодушны и робки при встрече с врагами Христа. А потому, между тем как прежде сарацины трепетали, несмотря на свою многочисленность в присутствии их отцов, пришедших в небольшом числе, как будто над ними разражался громовой удар, впоследствии, если бы с пулланами не были франки и западные народы, то сарацины, видя их трусость, боялись бы их не более, чем женщин. Заключая договоры с сарацинами, пуллане радуются миру с врагами Христа; они вступают в раздоры друг с другом по самому ничтожному поводу, беспрерывно производят междоусобия, очень часто просят помощи против христиан даже у врагов нашей веры и, не краснея, употребляют во вред христианству те силы и богатства, которые им следовало бы обратить против язычников во славу Божию. Покрываясь и украшаясь листьями, как бесплодная ива, не приносящая плода, они так хорошо уме-

---

[1] Автор выше объяснил происхождение этого названия: дети пилигримов, родившиеся в Палестине, назывались *pullani* потому, что при недостатке женщин в Палестине они были вывезены нарочно и в огромном числе преимущественно из Апулии (Южная Италия); другие же, по словам автора, производили это слово от *pullus*, цыпленок, ибо родившиеся в Палестине составляли младшее поколение по сравнению с древними обитателями этой страны – сирийцами.

ют скрывать свои мысли под звучными словами, что незнакомые с ними на опыте с трудом постигают вероломство их сердца и спасаются от обмана. Как люди подозрительные и снедаемые ревностью, они держат жен своих взаперти и следят за ними с такой заботливостью, что к ним с трудом могут являться их братья и родственники; им запрещено ходить в церкви, быть в процессиях, слушать спасительное назидание Божественного слова и делать все, что относится к спасению души; они могут посещать церкви не более одного раза в году. Некоторые, однако, дозволяют им ходить в баню три раза в неделю, но под строгим надзором. Самые богатые и знатные между ними, чтобы казаться еще христианами и несколько извинить себя, ставят алтари рядом с кроватью своих жен и приказывают читать для них обедню жалким капелланам и священникам – ничтожным и невежественным. Но чем более тесно заключены их жены, тем более они стараются при помощи всяких хитростей и выдумок найти лазейку, чтобы обмануть мужей. Нельзя поверить, как научают их сирийские и сарацинские женщины колдовству, ухищрениям и мерзостям всякого рода. Сверх всего этого пуллане не только не оказывают признательности, но даже угнетают всеми способами пилигримов, которые приходят издалека, из стран самых отдаленных, с большими издержками, претерпев тысячи затруднений, как по благочестию, так и из желания оказать им помощь. Они предпочитают вечно коснеть в праздности и предаваться плотским наслаждениям, нежели нарушить перемирие с сарацинами и сражаться против них. Пуллане страшно обогащались, заставляя пилигримов платить неумеренные цены в их гостиницах, обманывая и разоряя их при продаже вещей и при сделках всякого рода, наконец, платя презрением и поднимая на смех этих сподвижников Христа, которые покинули родину из любви к нему; они преследовали их поруганиями и оскорблениями, называя западных пилигримов *сынами Герноды*, как будто бы они были глупы и бессмысленны... (пропуск в манускрипте), и обращались с упреками к тем, к которым должны были чувствовать сострадание. Таковы, и еще хуже, извращенные злоба и злобная извращенность этих негодных людей, которые с радостью готовы на все худое, с восторгом совершают самые дурные поступки, и им на вечные времена уготована буря мрака. Они живут среди своих богатств, но скоро спустятся в преисподнюю ада. Но как мы проклинаем злобу нечестивых, сообразно словам пророка: «Ужас овладел мной, когда я думал о нечестивых, оставивших наш закон»; и в другом месте: «Я ненавижу их всею ненавистью, и они сделались моими врагами»; точно так же мы хвалим о Господе добрых людей, если таковые найдутся между ними. Пусть тот, кто прогневается на меня за сказанное, подумает, что тем самым он выдает себя и попадает в число тех, о которых я говорил.

Относительно тех, которые считаются уроженцами знаменитых городов – Генуи, Пизы, Венеции и других мест Италии, и которые живут теперь в Сирии, я замечу, что их отцы и предшественники, славно побеждая врагов Христа, стяжали бессмертное имя и вечный венец, но дети их были бы гораздо ужаснее для сарацин, если бы отказались от своей зависти и ненасытной корысти и не имели бы между собой бесконечных распрей и стычек. Но так как они борются и чаще и охотнее друг против друга, нежели против вероломного племени язычников, и так как они предаются более своим торговым сделкам, нежели войне за Христа, то они радуют тем наших врагов, которые некогда трепетали перед их предками, людьми воинственными и отважными.

В Палестине есть еще один класс людей, которые с древних времен населяли эту страну, живя под управлением различных властителей – римлян, греков, латин и варваров, сарацин и христиан,– и перенося долгое время в различных формах иго рабства, они оставались рабами, платили всегда подать, предназначались своими господами для сельских работ и другой низшей службы, не ходили на войну и были неспособны к военному делу, подобно женщинам, за исключением небольшого числа из тех, которые хотя не были вооружены и всегда изъявляли готовность к бегству, однако носили

при себе луки и стрелы. Этот класс людей называли *сурианами*, или от названия города Сура (Тира), который с древних времен занимал первое место между городами Сирии, или от самого названия *Сирии* (Syria), вследствие замещения буквы *у* буквой *и*, ибо в древних писаниях они называются также *сирианами*. Эти люди в большинстве случаев без всякой чести, исполнены двоедушия, подобно грекам, хитры, как лисица, лживы и непостоянны, преданы любостяжанию, изменники, падки на подкуп, имеют одно на языке, а другое в сердце, и вовсе не считают злом грабеж и хищничество. Делаясь шпионами за ничтожные деньги, они выдают тайны христиан сарацинам, посреди которых взросли; они употребляют язык последних предпочтительно перед всяким другим и точно так же развращены, ибо прежде они жили смешано с сарацинами и усвоили себе их нравы. А потому, подобно сарацинам, они держат своих жен взаперти и закутывают как их, так и своих дочерей, в чадры; подобно сарацинам, грекам и почти всем восточным народам, они не бреют бороды, чрезвычайно заботятся о ней и обращают ее в предмет тщеславия, как знак возмужалости, как украшение лица, и видят в ней характер власти и славы человека. У латин евнухи, совершенно лишенные бороды, рассматриваются как люди, лишенные всякого благородства и вполне женственные; точно так же сириане считают величайшим бесчестием не только совсем лишиться бороды, но даже потерять один ее волос. А потому послы царя Давида, которые Аннон, царь аммонитов, сбрил половину бороды в знак презрения к их господину, не хотели уничтожать остального и укрывались в Иерихоне, пока их честь не возвратилась вместе с бородой. Балдуин, граф Эдессы (позже иерусалимский король), отпустил себе бороду по восточному обычаю, потому что он женился на дочери знатного армянского князя греческой веры по имени Гавриил; желая при своей бедности выманить у своего весьма богатого тестя деньги, он сказал ему, что, будучи вынужден крайностью, он заложил свою бороду ростовщикам за весьма значительную сумму; тогда Гавриил, будучи вместе и огорчен, и изумлен, и желая спасти дочь и своего зятя от вечного срама, дал этому последнему 30 тысяч византийских золотых с условием обязаться не закладывать более своей бороды, в каких бы обстоятельствах он ни находился и до какой бы бедности ни был доведен. В обыкновенных житейских отношениях сириане употребляют сарацинский язык; им же они пользуются для написания своих контрактов, договоров и для всех прочих случаев; но в Божественном Писании и во всех духовных делах они пользуются греческим языком; таким образом, при богослужении их миряне, зная один сарацинский язык, ничего не понимают, между тем как греки, имея один и тот же язык для светского разговора и письма, понимают своих священников в церкви, служащих на языке литературном, который есть вместе и разговорный язык. Сириане вполне соблюдают обычаи и учреждения греков при Божественной службе и во всех духовных делах и повинуются им, как своим старейшим; относительно же латинских прелатов, в диоцезе которых они живут, сириане говорят, что они покоряются им не сердцем, но только устами и по наружности, и единственно из боязни к их светским баронам. Они имеют особенных греческих епископов, и ни во что не ставили бы латинские отлучения от церкви и всякие приговоры со стороны латин, если бы наши миряне сами не избегали всякого общения с ними относительно договоров и других необходимых связей. Сириане говорили между собой, что все латинцы сами отлучены и потому никого не могут связывать своими приговорами.

Затем автор делает большое богословское отступление, объясняя причину раздела церкви на Восточную и Западную; рассуждает по поводу вопроса об исхождении Святого Духа от Отца или от Отца и Сына и в заключение доказывает грекам необходимость главенства.

Сириане, как и греки, не допускают четвертого брака. Их священники и их дьяконы хотя не вступают в брак после своего посвящения, но удерживают при себе жен, с которыми сочетались прежде. Поддьяконство не считается у них священством. Ма-

лолетние у греков немедленно после крещения получают помазание от руки простых священников, что у латин дозволяется одним епископам и высшим прелатам, заменяющим в церкви Господней место апостолов. Действительно, возложение рук апостолами сообщало именем Святого Духа силу и утверждение, и вышеупомянутое таинство у греков и сириан соответствует возложению рук. Субботний день считается у них столь торжественным, что никому не позволено в субботу поститься, за исключением святой субботы перед Пасхой. В субботу они отправляют торжественное богослужение, как в воскресенье, едят говядину и бражничают по обычаю евреев. Такое торжественное празднование субботы было осуждено латинами с целью избегнуть всякого сходства с иудейством.

Далее автор переходит к обзору различных сект, находившихся в Палестине; говорит о якобитах, несторианах, маронитах, но при этом останавливается исключительно на богословском их значении и вступает с ними в спор; армяне и евреи заключают этнографический очерк Палестины, приводимый нашим автором, и затем он весьма долго останавливается на физическом описании Востока. Это место служит любопытнейшим памятником состояния естественных наук в эпоху Крестовых походов. После того автор возвращается к истории и заканчивает свою первую книгу кратким рассказом последних лет существования Иерусалимского королевства, говорит о взятии Иерусалима Саладином и в сжатых чертах излагает Третий крестовый поход. Этим завершается первая книга (см. продолжение ниже).

Historia orientalis. Libri. III. 622–1219.
Кн. I.

Бернард Казначей

ТИВЕРИАДСКАЯ БИТВА И ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМ. 1187 г. (около 1230 г.)

Автор единственной хроники, которая охватывает почти два столетия крестовых походов – от начала их и до конца (1096–1275 гг.), и которая была притом писана на французском языке, берет за основу своего труда хронику Вильгельма Тирского и переводит ее буквально с латинского языка до самого 1184 г., на котором остановился Вильгельм Тирский; затем он продолжает дело своего предшественника и является потому сам оригинальным писателем. Вильгельм Тирский закончил рассказом о ссоре короля Балдуина IV со своим зятем Гвидо Лузиньяном (см. выше), на место которого Балдуин избрал правителем государства Раймунда, графа Триполя. Потому его продолжатель рассказывает с большими, впрочем, отступлениями историю правления Раймунда от 1184 до 1187 г., сначала за болезнью Балдуина IV Прокаженного (Mesiaux) и потом за малолетством его племянника Балдуина V, сына сестры короля, Сибиллы, и пасынка ее мужа Гвидо Лузиньяна; смерть Балдуина V сделала престол вакантным, и враги Раймунда избрали королевой Сибиллу, а она вручила королевство своему мужу. Непризнанный Раймундом, Гвидо объявил ему войну; вследствие того Раймунд заключил союз с Саладином, но, по настоянию послов Гвидо, он согласился примириться с новым королем и дать ему присягу в верности.

Когда король Гвидо Лузиньян узнал о том (то есть о готовности Раймунда примириться с ним), он был весьма обрадован таким известием. Выйдя из Иерусалима, он пошел навстречу графу Триполя (Раймунду). Они встретились у замка св. Иова; и едва король завидел графа, как сошел с лошади и пошел пешком. Граф, видя, что король сошел, также оставил лошадь и пошел к нему. Приблизившись к королю, граф стал перед ним на колени. Король поднял его, поцеловал, и они вместе возвратились в Неаполь (Наплуза). Там король совещался с графом Триполя и баронами о том, как действовать. Граф советовал ему созвать армию и соединить ее у источника Сафории (на месте древнего города Диоцезареи, в Галилее; ныне деревня Сафоре), ибо ему было хорошо известно, что Саладин приготовил армию, чтобы вступить в его владения. Он советовал также просить о помощи князя Антиохии. Король последовал совету графа, отправился к Сафорию и созвал свои войска. Князь Антиохии прислал ему туда своего сына с 50 рыцарями. Патриарх (Ираклий, враг Вильгельма Тирско-

го, обвиняемый в его смерти; см. выше) отправил в армию истинный крест и извещал короля, что дела не позволяют ему явиться лично. При этом исполнилось предсказание архиепископа Тирского (Вильгельма), когда избирали Ираклия в патриархи: «Ираклий (византийский император VII в.) завоевал истинный крест и принес его в Иерусалим; и Ираклий же вынесет его, и крест будет с того времени потерян». Действительно, Ираклий вынес крест из Иерусалима и с того времени крест не возвращался и был потерян в битве, как вы то увидите ниже.

Когда св. крест был принесен в армию, магистр тамплиеров советовал королю обнародовать повсюду, что кто желает иметь деньги (sous), пусть явится к нему; король даст всякому хорошее жалованье и предоставит сокровища, которые принадлежат королю Англии и хранятся в доме тамплиеров. Но я вам расскажу об этих сокровищах, которые король Генрих II (Плантагенет) имел в Тампле и Госпитале. Когда король Англии предал мученической смерти св. Фому Кентерберийского (Бекета), он подумал после, что он поступил дурно и что ему следует примириться с Господом как за этот поступок, так и за другие; вследствие того после мученической смерти св. Фомы он отправлял ежегодно огромные суммы в Тампль и Госпиталь в Иерусалиме, желая по своем прибытии в Палестину иметь все наготове, чтобы подать помощь этой стране. Эти-то сокровища, которые хранились у магистра Тампля, магистр вручил королю Гвидо (Guion) и выразил ему при этом свое желание, чтобы он собрал как можно более войска для борьбы с сарацинами и для отмщения им за причиненный ими стыд и убыток. Тогда король взял сокровища Тампля и, раздав их рыцарям и простым воинам (serjans), приказал начальникам их иметь на своих знаменах герб английского короля, ибо они будут содержаться на его счет. Между тем как король оставался пять недель в том месте со своими людьми, Саладин переправился через реку и осадил Тивериаду (Tabarie). Когда Саладин начал осаду, в городе находилась жена графа Триполя; у нее не было в распоряжении ни одного рыцаря; все удалились в армию короля и ее четырех сыновей-рыцарей, которых она имела от владетеля замка Сент-Омера (во Франции). Старший из сыновей назывался Гуго Тивериадский, другой Вильгельм, третий Рауль и четвертый Одо.

Когда графиня увидела, что турки осадили ее и что она не может устоять против стольких сарацин, она отправила посольство к королю Гвидо и графу, своему господину, и объявила им, что, если они не подадут ей немедленно помощи, она лишится города, не имея достаточно людей, чтобы

БЕРНАРД КАЗНАЧЕЙ (BERNARDUS. Конец XII – I-я половина XIII в.). О нем мы знаем одно, благодаря упоминанию итальянских хроник, что он служил при императоре Фридрихе II Гогенштауфене и был его казначеем (Thesaurarius). Бернард оставил нам единственную полную историю всего времени Крестовых походов, и притом на старофранцузском языке. Для начала ее, от 1096 до 1184 г., автор ограничился переводом истории Вильгельма Тирского и затем продолжал ее сам до 1230 г.; неизвестное лицо или несколько лиц, один за другим, довели его хронику до 1275 г. Это произведение стало известно сначала в латинском переводе, который был сделан монахом XIV в. Франциском Пипином из Болоньи; Муратори не нашел оригинала и издал в 1725 г. в томе VII своего сборника «Rerum italicarum scriptores» один этот перевод. Но в 1729 г. отец Мартен нашел оригинал на старофранцузском языке и, опустив начало, служащее переводам Вильгельма Тирского, поместил самостоятельный труд Бернарда от 1184 г. вместе с продолжателями до 1275 г. в 5-м томе своего сборника «Veterum scriptorum etc. collectio» (Par., 1724–1733, в 9 т.).

Новейшие издания: в «Recueil des historiens des croisades» (Par., 1841–1844, в 2 т.), т. II; и у *Guizot* в его Collect., t. XIX (Par.,1824), вместе с переводом на современный французский язык.

сопротивляться огромной армии сарацин. Посол графини явился к королю, и король, выслушав его, пригласил к себе магистра тамплиеров и баронов. Когда они собрались, он возвестил им, что Саладин осадил Тивериаду, что графиня просит скорейшей помощи, или она потеряет город, и что о том нужно подумать. «Государь, – заметил граф Триполя, – я дал бы вам совет, если бы мне поверили, но я знаю, что мне не поверят».– «Во всяком случае, – сказал король, – говорите, что вы желаете сказать».– «Государь, я советую лишиться Тивериады, и скажу вам почему: Тивериада моя, и там моя жена, следовательно никто столько не потеряет, как я. Но я знаю, что если сарацины овладеют городом, они не разрушат его, но только займут и не пойдут искать нас; они захватят мою жену и моих людей, поместятся в моем городе, но я все это возвращу, когда мне представится к тому возможность. Притом я предпочитаю, чтобы был взят один мой город, нежели погибла вся страна. Наконец, я вполне уверен, что Тивериада погибла бы даже и в том случае, если вы пойдете к ней на помощь; я вам должен сказать, что отсюда до Тивериады нет совсем воды, кроме небольшого источника, а именно: Криссона, его мало для всей армии. Лишь только вы выступите в поход, сарацины станут перед вами и будут беспокоить вас до самой Тивериады, пока не заставят остановиться против воли; сражаться вы будете не в состоянии по причине жары, и людям нечего будет пить; если же вы захотите вступить в битву, сарацины рассеются и убегут в горы, а вам нельзя будет идти вперед без пехоты; наконец, если они вас заставят остановиться, что будут пить ваши люди и ваши лошади? Они умрут от жажды. Затем сарацины возьмут вас всех в плен, ибо у них есть и вода, и съестные припасы, и они не будут утомлены, а мы будем погибать от жажды и жары. Таким образом, нас всех убьют или полонят. На основании всего того, я советую вам лучше потерять Тивериаду, нежели погубить всю страну». На все это магистр тамплиеров заметил, что «тут есть несколько волчьей шерсти». Но граф не обратил внимания на эти слова и продолжал говорить королю: «Государь, если вы пойдете туда, я даю вам голову на отсечение, что все мною сказанное сбудется». Король спросил у баронов, что они думают относительно совета, поданного графом; они отвечали, что граф говорит правду и что они все с ним согласны. Король и госпитальеры согласились также, как и все другие, кроме магистра тамплиеров. Несмотря на то, король обещал всем баронам последовать совету графа. Тогда все разошлись по палаткам, ибо было около полуночи. Король отправился ужинать. После ужина к нему пришел магистр Тампля и сказал ему: «Государь, неужели вы верите совету, который дает вам этот изменник? Он желает покрыть вас стыдом. Вы еще правите недавно, и никогда король этой страны не имел в такое короткое время столь огромное войско. Для вас будет великий стыд, если вы допустите в 5 милях от себя потерять город, в то время как вам предоставляется первый случай показать себя. Знайте, что тамплиеры сбросят с себя белые мантии и продадут все, что имеют, нежели пропустят возможность отомстить за стыд, который мне причинили сарацины. Государь, возвести всему лагерю, чтобы брались за оружие и шли по местам; пусть явится и святой крест». Король не осмелился противоречить ему, так как он сделал его королем и выдал ему сокровища короля Англии. Король велел объявить свой приказ (crier son bon), чтобы все вооружились и чтобы каждый строился в своем отряде. Когда бароны услышали королевский приказ, они изумились и спрашивали друг друга, по чьему совету король так действует. Все отправились к палатке короля, чтобы отвратить его от похода. Но король не хотел и слушать и говорил одно, чтобы все шли вооружаться и следовали за ним. Они с неудовольствием взялись за оружие, как люди уверенные, что в будущем не случится ничего хорошего. В этот день Балиан Ибелин (Bellen Dibelin, один из главнейших баронов Палестины) командовал арьергардом и потерял много рыцарей. Прежде, нежели король тронулся с места, турки сделали все, что предсказывал граф Триполя, и начали нападать на него в большом числе.

Затем следует большое отступление сначала по поводу пойманной старухи-сарацинки, которую заподозрили в намерении заколдовать лагерь и сожгли; это обстоятельство дало автору случай рассказать in-extenso библейскую историю осла Валаама (Числ., гл. 22) в совершенно искаженном виде; а потом автор присоединяет рассказ об избрании Ираклия в патриархи еще при Балдуине IV, его вражде с историком Вильгельмом Тирским и об отравлении последнего в Риме, куда он ездил с жалобой на патриарха, бывшего известным своей соблазнительной жизнью. Только после того автор возвращается к главному предмету рассказа, а именно, к походу короля Гвидо против Саладина.

Теперь я опять расскажу вам о короле Гвидо и его армии, которая прибыла к источнику Сафорию для помощи городу Тивериаде. Когда они только тронулись в дорогу, сарацины начали беспокоить их с фронта, как то предсказал граф Триполя; так что был уже девятый час дня, а они сделали только половину дороги до Тивериады и источников. Тогда король спросил графа Триполя, какой он даст ему совет и что тут делать. Граф дал на этот раз худой совет, а именно, чтобы войско разбило палатки и остановилось. Многие говорили в то время, что если бы прямо напасть на сарацин, то они были бы разбиты. Тут король Гвидо принял и дурной совет, а прежде не хотел верить хорошему. Когда сарацины увидели, что христиане остановились на месте, они весьма обрадовались и расположились так близко от них, что могли переговариться; даже кошка не могла бы выйти из лагеря христиан незамеченной сарацинами. Эта ночь была весьма тяжела для наших, ибо ни человек, ни животное не могли достать себе питья. Они вышли из Рамлы в пятницу; на следующий день приходился праздник летнего св. Мартина перед августом. Христиане провели эту ночь при оружии, и муки жажды еще более увеличились. На следующий день они тронулись вперед, вооружившись и вполне изготовившись к битве, а сарацины, со своей стороны, отступили, не желая начать бой прежде, нежели наступит самый жаркий час дня. Место, где находились христиане, было покрыто вереском. Сарацины подожгли его, чтобы увеличить страдания наших как от огня, так и от солнца, и продержали их в этом положении до третьего часу дня (по-нашему, до девяти часов утра). Тогда пять рыцарей из отряда графа Триполя отправились к Саладину и сказали ему: «Государь, чего вы ждете? Нападите на них, они беспомощны и все падут». Действительно, пехота открыто бросала оружие и без боя сдавалась сарацинам вследствие мук жажды. Когда король увидел отчаяние наших людей, сдававшихся сарацинам, он приказал графу Триполя напасть первому, так как битва происходила на его земле и ему принадлежало право первого нападения. Граф и напал на сарацин, спускаясь по покатости холма; как только сарацины увидели то, они раздвинулись и дали ему пройти; таким образом граф удалился. После того сарацины сомкнулись и, бросившись на короля, взяли его в плен со всеми баронами, кроме одного арьергарда, который успел уйти. Когда граф Триполя, прошедший сквозь ряды сарацин, услышал, что король в плену, он убежал в Тир. Хотя Тивериада была всего в двух милях от того места, но он не осмелился зайти из страха быть взятым в плен: с ним убежали сын князя Антиохии, рыцари сопровождавшие его, и четыре пасынка графа. Балиан Ибелин, находившийся в арьергарде, ушел и спасся в Тире, куда скрылся и Райнольд, владетель Сидона (Sajettes).

В этом сражении был потерян св. крест, и долгое время не знали, что с ним сделалось. В то время, когда граф Генрих Шампанский сделался государем королевства Иерусалимского, один из братии тамплиеров, участвовавший в сражении, объявил ему: «Государь, если бы можно было найти кого-нибудь в этой стране, кто мог бы меня проводить на место той битвы, то я, наверное, нашел бы святой крест, ибо я зарыл его своими руками во время сражения». Граф Генрих призвал одного из своих пеших людей, тамошнего уроженца, и спросил его может ли он указать место битвы; он отвечал утвердительно и говорил, что может узнать то место, где был взят король. Тогда Генрих приказал ему вести туда тамплиера, зарывшего крест. Последний утверждал, что идти можно только ночью, или иначе они попадутся в плен. Они и отправились ночью, рылись целых три ночи, но ничего не нашли.

Когда Саладин разбил и полонил наших христиан, он расположился на отдых, возблагодарил нашего Господа за честь, полученную им, и потом приказал привести в свою палатку всех пленных рыцарей, так и сделали. Привели короля и с ним князя Райнольда, владетеля Крака (Шатильонского), Гумфрида Торонского (мужа Изабеллы, сестры королевы Сибиллы), магистра тамплиеров, маркиза Бонифация Монферратского, графа Иосцелина и коннетабля Эмери, королевского маршала. Все эти вельможи были взяты вместе с королем во время битвы. Происходило же это в субботу, в день св. Мартина летнего. Христиане были поражены в год от воплощения Господня 1187-й, июля пятого дня (le cinquiesme jor de *juignet*: ошибка, вместо июля).

Когда Саладин увидел перед собой короля и баронов, находившихся в его власти, он пришел в великую радость. Он видел, что королю жарко, и знал, что он охотно напился бы чего-нибудь. Тогда он приказал подать полную чашу сиропа, чтобы утолить его жажду. Король отпив, подал чашу Райнольду, чтобы и он выпил. Когда Саладин увидел, что король дал напиться Райнольду (который еще прежде ограбил его мать в мирное время), человеку самому ненавистному для него, он пришел в гнев и заметил королю, что он весьма недоволен тем, но уже если это случилось, то пусть он пьет, только с тем условием, что это будет в последний раз в его жизни. Затем он спросил меч и собственноручно отрубил голову князю Райнольду, потому что он никогда не соблюдал клятву во время перемирий; по приказанию Саладина его голова была провезена по всем городам и замкам, что и было исполнено. После того Саладин повелел взять короля и всех пленных и отвести их в темницу в Дамаск, а сам расположился под Тивериадой.

Когда графиня узнала, что король взят и христиане поражены, она сдала Саладину Тивериаду. В тот же день Саладин отправил часть своих рыцарей к Назарету, и город сдался. В среду он пошел к Аккону, и тот сдался; оттуда к Тиру, но Саладин не хотел начинать осады, потому что там заперлись рыцари, ушедшие с поля сражения. При этом случае Балиан Ибелин просил у Саладина охранной грамоты для пути в Иерусалим, чтобы оттуда привести королеву[1], свою жену и своих детей. Саладин дал ему то охотно, но с условием, чтобы он не оставался в Иерусалиме долее одной ночи и не воевал против него.

Когда Балиан прибыл в Иерусалим, городское население встретило его с радостью, дало по этому случаю праздник и просило его именем Бога взять на себя его защиту и управление. Он отвечал, что не может, ибо дал клятву Саладину, что останется только одну ночь. Патриарх ему отвечал: «Государь, я разрешаю вас от греха и клятвы, данной вами Саладину; знайте, что больше греха сдержать ее, чем нарушить; будет великий стыд и вам, и вашим наследникам, если оставите Иерусалим в настоящем его положении, и никогда на земле не будет вам никакой чести». Тогда Балиан обещал остаться. Жители города дали ему вассальную присягу (homage) и признали его своим государем. В Иерусалиме оставалась еще королева, жена короля Гвидо, но спасшихся после битвы было всего два рыцаря. Тогда Балиан Ибелин возвел в рыцари 50 сыновей горожан; и знайте, что город был так переполнен женщинами и детьми, убежавшими туда при известии о плене короля и поражении христиан, что по размещении их по домам, сколько то было возможно, другие должны были оставаться на улицах. Тогда патриарх и Балиан открыли памятник Гроба, покрытый серебром, и обратили все это в монету, для раздачи рыцарям и пехоте. И каждый день рыцари и простые воины ходили по стране около города и закупали съестные припасы, предвидя близкую осаду. Впрочем, остановимся говорить об Иерусалиме и обратимся к Саладину, который стоял подле Тира.

Саладин полагал, что пока находятся в Тире те рыцари, ему не удастся ничего сделать. Потому он пошел дальше и осадил город Сайетт (Saida, Sidon), отстоящий на шесть миль от Тира. При этом он взял го-

---

[1] Ибелин был женат на Марии, вдове короля Иерусалимского Амальрика и дочери Исаака Комнина.

род Габул, а потом замок Батрий. Из этого-то замка происходила та дама, которую граф Триполя не соглашался выдать за Герара Рошефор, который с досады вступил в Тампль: отсюда произошла та вражда, которая погубила страну. Когда граф Триполя узнал, что Саладин вступил в его землю, он пустился морем вместе с князем Антиохии и со всеми рыцарями и удалился в Триполь; но он не долго жил по своем прибытии туда и, как говорят, умер от печали, оставив свои владения сыну, князю Антиохии, который с того времени сделался графом. Когда Райнольд Сидонский и начальник Тира увидели, что все рыцари удалились и что у них осталось мало людей и мало пищи, они пригласили к себе Саладина и обещали сдать ему Тир. Саладин, услышав о том, пришел в великую радость; он избрал одного рыцаря и отправил с ним свое знамя, чтобы водрузить его на башне; но начальник отвечал, что он не смеет сделать того, опасаясь жителей города, но как только явится Саладин, он водрузит его знамя и удержит. Рыцарь возвратился и донес о том Саладину. Тогда Саладин поспешно отправился к Тиру; но Бог еще до его прибытия послал городу помощь, не желая его погубить; Господу было угодно удержать Тир за христианами, чтобы у них оставалось хоть немного земли; и теперь я вам расскажу, каким образом Бог помог Тиру.

Автор рассказывает довольно подробно, как Конрад Монферратский, сын маркграфа Монферратского, находившегося в плену у Саладина, прибыл в Тир еще до прихода Саладина и, несмотря на все его требования, отказался сдать ему город.

Когда Саладин увидел, что ничего нельзя сделать с Тиром, он удалился, осадил Цезарею и взял ее; оттуда пошел к Яффе и взял ее; потом подошел к Аскалону и осадил его; но город оказался хорошо укрепленным, и Саладин не мог его взять так легко, как он прежде думал. Тогда он пошел в Дамаск, чтобы привести в лагерь иерусалимского короля. После прибытия его Саладин сказал жителям Аскалона, что если они желают сдать ему город, то он даст свободу им и королю. Король переговаривался со своими людьми, находившимися в городе, и объявил им, что он не желает сдачи Аскалона для себя, ибо это было бы жаль сделать для одного человека: но он просил их именем Бога, если они не будут в состоянии держаться и сдадутся, то пусть это устроят так, чтобы и он получил свободу. Тогда граждане собрались, совещались и объявили, что они не видят ниоткуда себе помощи, а потому лучше сдать город для спасения жизни и имущества, нежели умереть от голода или быть взятыми силой. Они и сдали город Саладину на следующих условиях: им и их имуществу обеспечивается независимость, и Саладин обязуется доставить их безопасно на землю христиан. Король был освобожден вместе с другими девятью, которых он выберет в темнице; но король должен был остаться в заключении до конца марта, а Аскалон сдался в конце августа предшествовавшего года.

Овладев Аскалоном, Саладин отправил короля в Наплузу (Naples) и предложил королеве, его жене, отправиться туда же, потому что он не желал бы видеть ее в Иерусалиме во время осады. Когда королева узнала о том, она отправилась к королю в Наплузу и оставалась там до тех пор, пока Саладин не овладел Иерусалимом.

В день взятия Аскалона к Саладину явились посланные из Иерусалима, которых он пригласил для переговора о сдаче города, если то будет возможно. Это происходило в пятницу, и солнце около девятого часа так изменилось, что казалось – наступила ночь. Тогда Саладин сказал гражданам Иерусалима, что они сами видят, что вся Сирия, кроме Тира и Иерусалима, завоевана, а потому, сдав ему город добровольно, они поступят благоразумно. Я забыл вам сказать, что в день взятия Аскалона Саладину сдались и все его окрестные замки. Граждане Иерусалима отвечали ему, что, если то угодно Богу, они никогда не сдадут города. «А я вам говорю, – возразил Саладин, – что вы это сделаете. Я очень верю, что Иерусалим – Божий дом; такова наша вера. Я неохотно приступаю к осаде Божьего дома и не возьму его приступом, если возможно сделать то же по договору и согласию. Я вам дам 30 тысяч византинов (besans), если вы

обещаете сдать Иерусалим. Вы можете идти на пять миль в сторону, куда пожелаете, и можете пахать землю в 5 милях от города; я вам доставлю столько съестных припасов, сколько их нигде нет по такой дешевой цене. Предлагаю вам перемирие до Пятидесятницы; и когда это время наступит, защищайтесь, если получите откуда-нибудь помощь; но если никто не придет к вам, сдайте город, и я прикажу отвести вас в целости на христианскую землю со всем имуществом». Но они отвечали, что, если угодно Богу, они никогда не сдадут города, где Господь претерпел смерть и пролил за нас свою кровь. Когда Саладин увидел, что они не уступают ему города миролюбиво по договору, он поклялся, что возьмет его не иначе, как силой.

Пока Саладин стоял перед Аскалоном Балиан Ибелин просил его именем Бога дать охранную грамоту его жене и детям для препровождения их в Триполь; сам же он не может выполнить условий, предписанных Саладином при отъезде его в Иерусалим, ибо за ним так строго наблюдают, что нет возможности уйти. Саладин владел тогда всем королевством, за исключением Иерусалима, Тира и Крака. Крак никогда не был им осаждаем, но после завоевания страны, спустя два года, голод принудил его жителей к сдаче. Прежде, нежели решиться на то, они продали сарацинам своих жен и детей для покупки съестных припасов, и в замке не было ни одного животного, ничего другого, чем они могли бы питаться. Саладин был очень обрадован, когда они сдались, он выкупил жен и детей, проданных ими, и возвратил им все; сверх того, дал им большую награду и приказал отвести их в христианскую землю. Он поступил так потому, что они столь хорошо и честно защищали замок, пока могли, не имея владетеля. В среду вечером Саладин отправился из Аскалона для осады Иерусалима; на следующий день он обложил город от женской больницы прокаженных (maladerie, то есть malum Lazari, болезнь Лазаря) до мужской и ворот св. Стефана.

Но до начала осадных действий он предложил жителям сдать город на условиях, высказанных им под Аскалоном; если же они не согласятся, то пусть знают его клятву в случае приступа овладеть городом не иначе, как силой. Жители Иерусалима отвечали, что он может делать, что хочет, но они не уступят города. Тогда Саладин приказал изготовиться к приступу. Жители также вооружились и вступили в битву с сарацинами, но сражение недолго продолжалось, ибо утреннее солнце било прямо им в глаза, и они отступили в ожидании вечера, когда возобновился приступ до самой ночи. Так Саладин действовал 8 дней, и сарацины не могли загнать христиан в город, ибо они целый день оставались за городом, даже два-три раза гнали сарацин до самих палаток. С этой же стороны сарацины не могли поставить ни камнеметательных машин, ни других осадных орудий. Тогда сарацины начали нападать на христиан следующим образом; они не беспокоили их до девятого часа дня, а после того солнце становилось за спиной сарацин и в лицо христианам, также и пыль: тогда только турки шли на приступ, имея в руках лопатки, которыми они подбрасывали на воздух песок и пыль, летевшие в глаза и лицо христианам.

Когда сарацины убедились, что они ничего не могут сделать с этой стороны, они переменили место осады и обошли город с другой стороны, от ворот св. Стефана до ворот Иосафата и аббатства Масличной горы, откуда они могли видеть все, что делается в городе, исключая узких переулков. Эта перемена произошла в пятницу. Когда осада повелась с этой стороны, христиане были до того стеснены, что не могли делать вылазок, ибо на всем этом пространстве у них не было ни ворот, ни закрытых ходов (posternes), которыми можно было бы выйти в поле, исключая хода Магдалины, которым сообщались между двух стен. В день перемены плана осады Саладин устроил камнеметательную машину, которая в тот же день пустила семь раз камни в городскую стену; ночью прибавили орудий, так что на следующий день уже было до 12 машин, укрепленных балками. Утром Саладин, вооружив своих рыцарей, повел их тремя отрядами на приступ; они держали перед собой щиты. Стрелки шли позади и пускали

стрелы градом, так что в городе не нашлось человека, который осмелился бы показаться на стенах. Турки дошли до рвов и, спустив туда копачей (mineurs), приставили лестницы к стенам. В два дня они подкопали стены на 15 локтей (toises). Подкопав и подперев стену бревнами, они подложили огня, и подкопанная часть стены обрушилась в ров. Христиане не могли вести контрмины (miner encontre), ибо опасались камней и стрел, которых они бы не выдержали.

Тогда христиане собрались для совещания, как поступить; они явились к патриарху и к Ибелину и говорили им, что они предпочитают идти ночью для нападения на лагерь и умереть в честном в бою, нежели быть взятыми в городе и постыдно умерщвленными. Они видели, что нет возможности выдерживать долее, что дальнейшая защита не послужит ни к чему и лучше уже умереть там, где Христос претерпевал за нас смерть, нежели сдать город. Граждане, рыцари и простые воины согласились с этим решением, но патриарх предложил противное: «Господа, я вполне одобрил бы это, ежели бы не было ничего другого; но если мы погубим себя и вместе с собой других, которых могли мы бы спасти, то в таком случае тот план нехорош: на каждого человека в городе приходится до 50 женщин и детей; если же мы падем, то сарацины захватят их и не убьют, а обратят в веру Магомета, и они будут потеряны для Бога; если же, с Божьей помощью, кто-нибудь из нас мог бы ходатайствовать перед сарацинами так, чтобы мы могли выйти и скрыться в христианской земле, то такой исход дела казался бы мне лучшим, нежели подверженная случайностям битва». Все согласились с этим советом и просили Балиана Ибелина идти к Саладину и спросить, каковы его условия. Он пошел и начал переговоры, но пока они говорили о сдаче города, турки сделали приступ, притащили лестницы и поставили их к стене. От десяти до двенадцати знамен уже развевались на стене, и неприятель даже успел войти проломом в город. Саладин, увидев своих людей и знамена на стенах, сказал Балиану: «К чему вам предлагать и рассуждать о сдаче города, когда мои люди готовы и без того войти туда? Теперь поздно: город уже мой». Но едва он выговорил это, как наш Господь вдохновил такой отвагой христиан, находившихся на стене, что они оттеснили и сбросили турок со стен на землю, даже загнали их за ров. Саладин, видя то, смешался и опечалился; а Балиану приказал возвратиться и прийти завтра, когда он охотно выслушает все, что бы он ни пожелал. Скажу вам еще, что ночью из метательной машины камень ударился с такой силой о палисад окопов, что этот палисад обрушился с великим шумом; стража в лагере и городе начала кричать от страха: «Измена, измена!» В городе думали, что сарацины ворвались, а в лагере полагали, что христиане уже в лагере.

Иерусалимские дамы (les dames) взяли чаны и, поставив их на площади перед Лобным местом, наполнили холодной водой; погрузив туда своих дочерей, они отрезали им косы и бросили прочь. Священники, монахи и монахини ходили босоногими процессией по городским стенам и носили перед собой св. крест, который имели сирийцы. Священники несли на головах corpus Domini (тело Христово); но Господь наш Иисус Христов не хотел внять им, сколько они ни молились; ибо грязная и вонючая роскошь и распутство не допускали молитвы подняться к Богу. Наш Господь не хотел более терпеть их и до того вымел город от жителей, что в нем после не осталось ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, кроме двух пожилых людей, которые также не долго жили после того. Впрочем, оставим это и скажем о Балиане Ибелине, который отправился к Саладину, чтобы сдать город.

Автор описывает новое свидание Балиана с Саладином, которое не привело ни к чему, потому что Балиан домогался свободного пропуска жителей, а Саладин требовал со всех без различия, и с богатых, и с бедных, по 20 ливров с мужчины, 10 – с женщины и 5 – с детей. Балиан, возвратившись в город, объявил волю султана, и было положено для выкупа бедных взять английские сокровища в Госпитале, а Балиана отправить в третий раз к Саладину в надежде выторговать у него что-нибудь.

Балиан отправился в третий раз к Саладину, и тот спросил его, зачем он пришел. «Государь, – сказал Балиан, – я при-

шел к вам за тем же, о чем и прежде просил». Саладин ему отвечал, что он остается при прежних условиях, а если они не приняли их, то и он ничего не переменит, ибо город и без того в его руках. «Государь, – сказал Балиан, – именем Бога, возьмите с бедных более умеренный выкуп, и если я буду в состоянии, то сделаю, что вам заплатят все, ибо из 100 не найдется двух, которые могли бы заплатить». Тогда Саладин отвечал, что, во-первых, для Бога, а потом и для него, он будет довольствоваться более умеренным выкупом, и назначил для мужчин 10 ливров, для женщин – 5 и для детей – один. Так был определен выкуп для тех, которые могут его внести; все же остальное их имущество, движимое или другое какое-нибудь, они имеют право забрать с собой, и никто им в том не воспрепятствует. Тогда Балиан сказал снова Саладину: «Государь, вы определили выкуп богатых; теперь назначьте, что хотите, для бедных, ибо в городе будет до 20 тысяч человек, которые не в состоянии заплатить того, что следует с одного человека. Ради Бога, будьте уверены, и я буду хлопотать в Тампле, Госпитале и у граждан, чтобы все бедные были выкуплены». Саладин охотно согласился быть менее требовательным, и обещал за 100 тысяч византинов отпустить всех бедных. «Государь,– заметил Балиан,– когда все зажиточные выкупятся, то не лучше ли взять с них половину выкупа, который вы требуете с бедных?» Саладин не согласился. Тогда Балиан подумал, что ему невыгодно говорить о выкупах всех вместе, но лучше сговориться на определенную часть, а потом с Божьей помощью для остальных еще что-нибудь выторговать. Потому он спросил Саладина, а за сколько бы он отпустил 7000 человек. Саладин отвечал: «За 50 тысяч византинов».– «Государь, – возразил Балиан, – это невозможно; Бога ради, будьте умеренны». Наконец они договорились так, что за 7000 будет заплачено 30 тысяч византинов, и двух женщин считать за одного мужчину; то же и в отношении десятерых детей. Когда все было устроено, Саладин дал время для продажи и заклада имущества, чтобы внести выкуп. Срок был назначен в 50 дней, и всякий, кто к этому времени окажется в городе, будет принадлежать Саладину со всем своим имуществом. Саладин обещал, когда христиане выйдут за город, он прикажет отвести их в целости на христианскую землю: все имеющие оружие должны вооружиться и, если разбойники или воры нападут на них, то пусть они защищаются и охраняют проходы, пока не пройдут через них все безоружные.

Когда все было таким образом определено, Балиан простился с Саладином и вернулся в город. Патриарх пригласил тамплиеров, госпитальеров, горожан для слушания договора Балиана с Саладином. Все собрались, и Балиан рассказал им все, как было. Они одобрили образ его действия, ибо он не мог поступить лучше. Тогда отправили к Саладину ключи от города, и он, получив их, выразил великую радость и возблагодарил Бога. Он послал стражу в башню Давида и приказал поставить на ней свое знамя, ворота же городские запереть все, кроме одних: а именно ворот св. Давида. При них были поставлены рыцари и простые воины, чтобы никто из христиан не мог выйти, и там же входили и выходили сарацины для покупки того, что христиане имели продать. Сдача Иерусалима произошла в пятницу, в день св. Лежье (St. Legier), что бывает во второй день октября (le second jor d'octembre), в год от воплощения Господня 1188-й (1187-й). Когда Саладин совершенно укрепил башню св. Давида и городские ворота, он приказал кричать по городу, чтобы христиане несли выкуп в башню св. Давида и вручали его тем лицам (baillis), которые им для того поставлены, и чтобы никто не ждал срока 50 дней, ибо всякий с того времени будет принадлежать телом и имуществом Саладину, кого найдут еще в городе. Патриарх и Балиан отправились в Госпиталь и, взяв оттуда 30 тысяч византинов для выкупа 7000 бедных, отнесли эту сумму в башню св. Давида. Когда 30 тысяч византинов были уплачены, они созвали граждан города, и после того, взяв с каждой улицы двух выборных (prodomes, то есть prud'hommes), известных им лично, заставили их поклясться всем

святым, что они не прикроют ни мужчины, ни женщины и без ненависти и пристрастия спросят под присягой у каждого, что он имеет; принудив при этом поклясться, что никто не удержит для себя больше, нежели сколько ему нужно для возвращения в христианскую землю (то есть на Запад), на остальное же выкупят бедных людей. Затем составили поименный список бедных каждой улицы и, смотря по положению каждого, выбирали одного предпочтительно перед другим. Так составилось 7000 человек, и их вывели за город. После того патриарх и Балиан созвали тамплиеров, госпитальеров, граждан и просили их именем Бога позаботиться о выкупе бедных людей, остававшихся в Иерусалиме; они помогли, но не так, как то следовало бы, ибо у них не было страха лишиться имущества, так как Саладин обеспечил их в том; на отобранное у бедных, выведенных за город, когда при осмотре у них было найдено больше, чем им нужно на дорогу, они выкупили еще нескольких бедных, но я не скажу вам числа выкупленных таким образом.

Теперь я опишу, каким образом Саладин расставил стражу в Иерусалиме, чтобы сарацины не могли причинять оскорблений христианам, находившимся в городе. На каждой улице было поставлено по два рыцаря (то есть мусульманских) и десять простых воинов для охранения города, и они так хорошо исполняли свое дело, что никто не слыхал, чтобы христианам сделано было какое насилие; по мере того, как выкупившиеся выходили из Иерусалима, они располагались перед лагерем сарацин менее нежели на расстоянии полета одной стрелы. Саладин приказал ограждать днем и ночью христианский стан, чтобы им не делалось никаких оскорблений и чтобы мошенники не могли туда проникнуть. Когда заплатившие выкуп вышли за город, в Иерусалиме оставалось еще много бедных. Сальфедин пришел к Саладину, своему брату, и сказал ему: «Государь, я помогал завоеванию страны и народа, а потому прошу вас: дайте мне тысячу рабов из оставшихся в городе». Саладин спросил, что он хочет с ними делать, а он отвечал, что намерен поступить с ними, как ему будет угодно. Саладин дал ему требуемое и приказал своим людям отсчитать тысячу рабов; так и было сделано. Когда Сальфедин получил тысячу бедных, он освободил их для Бога. Тогда и патриарх просил Саладина дать и ему во имя Бога бедных, которые не могут выкупиться; он дал ему 700. Патриарх освободил их. Потом Балиан попросил себе бедных у Саладина; и он дал ему 500. Балиан освободил их. Тогда Саладин сказал своим людям: «Сальфедин, мой брат сделал милостыню; патриарх и Балиан то же самое; теперь и я хочу сделать свою милостыню». Тогда он приказал своим людям открыть проход св. Ладра и объявить в городе, чтобы все бедные выходили, повелев при этом заключить в темницу таких, при обыске которых будет найдено то, чем они могли выкупиться; старых людей вывести за город, а юношей и молодых женщин поставить между двух стен. Осмотр и вывод продолжались от восхода солнца до заката, и они были выпущены через проход. Такую милостыню оказал Саладин бесчисленным бедным. После того сосчитали оставшихся, и их оказалось 11 тысяч. Патриарх и Балиан пришли к Саладину и просили его именем Бога взять их самих в заложники и освободить остальных бедных, пока христианство не выкупит их. Саладин отвечал, что он не хочет иметь двух человек за 11 тысяч и чтобы они больше не говорили ему о том; и они не говорили больше.

Саладин сделал еще одну великую любезность (un grant courtoisie), когда дамы из горожанок и дочери рыцарей, убежавшие в Иерусалим, мужья которых были взяты или убиты в сражении, выйдя из Иерусалима после выкупа, пришли к Саладину и умоляли его о пощаде (crier li merci). Саладин, увидя их, спросил, кто они, и ему отвечали, что это жены и дочери рыцарей, убитых или взятых в сражении, тогда он обратился к ним с вопросом, чего они желают; они ему говорили, что просят его именем Бога сжалиться над ними, бароны которых (то есть мужья и отцы) в темнице, а земли утрачены; и да поможет им в том Бог. Когда Саладин увидел их плачущими, он возымел великую жалость, и приказал им справиться, живы ли их господа (seignors),

и выпустить всех, которые окажутся в темницах; и всех, кого нашли, выпустили. После того он приказал щедро наградить из своего имущества тех дам и девиц, которых отцы или господа умерли; одним было дано больше, другим меньше, смотря по состоянию. Им дали столько, что они прославили перед Богом и добрыми людьми (au siecle du bien) благодеяние, оказанное им Саладином.

Когда все христиане, имевшие право уйти из Иерусалима, вышли, мусульмане изумлялись, не понимая, откуда могло взяться столько народу, и говорили Саладину, что из города выходит такое множество христиан, что они не могут вместе идти. Саладин разделил их на три части: тамплиеры должны были вести одну часть, другую – госпитальеры; и Балиан с патриархом – третью. Когда они были разделены таким образом, он дал каждому отделу по 50 рыцарей (мусульман), чтобы охранять их до самой христианской земли. И я расскажу вам, как они их вели и охраняли. Двадцать пять рыцарей ехали впереди; пообедав, они ложились спать, и днем давали корм лошадям; поужинав же, садились снова на лошадей и шли всю ночь с христианами, чтобы сарацинские воры не пробрались в их среду. Ехавшие же сзади, когда видели мужчин, женщин или детей уставших, спешивали своих оруженосцев и сажали уставших до пристанища, а детей брали к себе и помещали впереди или сзади на лошадях. Когда они останавливались для отдыха, то ужинали, ложились спать, и на следующий день авангард менялся с арьергардом. В опасных местах они вооружали христиан, которые имели при себе оружие, и приказывали им охранять проход, пока не пройдут все. Во время стоянок местные жители приносили им пищу в таком количестве, что христиане имели всего в изобилии.

Патриарх и Балиан оставались последними, в надежде выпросить у Саладина остальных христиан.

Саладин приказал конвоировать христиан таким образом, пока они шли по его стране, до владений Триполя; когда же они прибыли в Триполь, то граф Триполя приказал запереть ворота и не впускать никого; даже выслать своих рыцарей в поле, чтобы отнять у них то имущество, которое им представил Саладин. Бóльшая часть бедных удалилась в земли Антиохии и Армении; другие остались у Триполя, и после были впущены туда. Но жители Аскалона не нашли себе приема в окрестных замках, и потому пошли на зимовку в Александрию; когда христиане приблизились к Александрии, паша (bailli) устроил им стан, окружил его и приказал охранять, чтобы с ними не произошло какого-нибудь бедствия. Так они благополучно провели зиму до марта, когда они пустились морем в христианскую землю.

При этом я расскажу вам, как поступали с ними в Александрии. Сарацинские старшины (prodome, то есть prud'hommes) города Александрии выходили ежедневно за город и награждали христиан деньгами и хлебом. Богатые же люди, имевшие довольно денег, закупили товары, поместили их на корабли и, отправившись за море, нажились. Вот что с ними приключилось: в Александрии зимовало 38 кораблей пизанских, генуэзских, венецианских и других наций, делавших большие закупки к марту. Когда наступил март и те, которые наняли корабли, сели на них, осталось, по крайней мере, тысяча христиан, которые не могли нанять кораблей, ни купить съестных припасов для помещения на них. Хозяева кораблей пришли к александрийскому паше для уплаты ему того, что следовало, и просили возвратить им паруса и рули, желая при первой хорошей погоде и ветре выйти в море. Паша же отвечал им, что они не получат от него ни рулей, ни парусов, пока не поместят на корабли всех бедных христиан. Но они отказывались, говоря, что бедные не имеют ничего, чтобы заплатить за переезд и купить съестные припасы. «Что же вы хотите сделать?» – спросил паша. Они отвечали, что оставят их и не возьмут на корабли. Тогда паша спросил их, христиане ли они, что они подтвердили. «Как же, – продолжал паша, – вы хотите оставить их в рабстве у Саладина? Это невозможно; вы должны их взять с собой. И вот как я поступлю в этом случае, для Бога и для них: я дам им столько хлеба и воды, сколько им нужно, а вы посадите их

на корабли; иначе я не отдам вам ни рулей, ни парусов». Когда мореходы увидели, что им нечего делать, они согласились. «Но вы дайте мне клятву, – сказал паша, – призвав всех святых, что вы отвезете их как следует в христианскую землю и не высадите их за то, что я принудил вас, иначе, как вместе с богатыми людьми, и не причините им никакого зла; если же я узнаю, что вы поступили с ними дурно, то я отомщу на купцах вашей земли, которые явятся в нашу страну». Так отправились в безопасности те христиане, которые, пройдя сарацинскую землю, пришли на зиму в Александрию. Теперь расскажу я вам о Саладине.

Саладин, овладев Иерусалимом и отправив первый отряд христиан с тамплиерами, не хотел оставить города прежде, нежели он будет сам в Тампле для молитвы, и до выхода из города всех христиан. Он послал в Дамаск привести достаточное количество розовой воды, чтобы омыть Тампль до своего входа в него; говорят, что с этой целью прибыли четыре или пять верблюдов, тяжело навьюченных. Но прежде, нежели Тампль был омыт розовой водой и он вошел в него, было приказано сбросить на землю большой золоченый крест, помещенный над Тамплем. Сарацины, опутав веревками, волокли его до ворот башни Давида, там они разбили его на куски, и, когда тащили, сопровождали крест страшными криками; я не утверждаю, что это было сделано по приказанию Саладина. Когда храм был омыт, Саладин вошел в него и возблагодарил Бога за то, что он передал в его руки свой дом. После того он отправил часть своей армии для осады Тира. Другая же часть оставалась перед Иерусалимом, пока не вышли из города все христиане, которые должны были выйти. Наконец, и сам он отправился к армии, которую послал против Тира.

Далее автор рассказывает историю Палестины в эпоху Третьего крестового похода[1], завоевание Византии латинами, попытку крестоносцев овладеть Египтом во время Пятого похода; и, наконец, останавливается на завоевании Иерусалима Фридрихом II и оканчивает свою хронику возвращением его в Европу (1230 г.). Неизвестные продолжатели довели труд нашего автора до 1275 г.

L'estoire de la conqueste de la Terre d'outremer etc., с. 9–63 (по изданию Гизо).

[1] См. о том ниже.

Жозеф Рено

О ВЗЯТИИ ИЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМ (по произведениям мусульманских писателей). 1187 г.

В 583 г. эгиры (сентябрь 1187 г.) после победы над христианами при Тивериаде и после завоевания почти всех городов Палестины, кроме Иерусалима и Тира, Саладин хотя и решился напасть прежде на Иерусалим, но долго в этом колебался. Наконец, письмо одного мусульманина, находившегося в плену в св. городе, рассеяло его опасения. Письмо состояло из трех стихов, где пленник говорил следующим образом об Иерусалиме:

О властитель, ниспровергший знамена креста!
Сам святой город приходит к тебе с жалобой
на свою несчастную долю:
Все мечети, говорит он, уже очищены; я один,
несмотря на всю славу, остаюсь замаранным грязью.

После этого приглашения Саладин более не колебался. Историк Эмадеддин[1] рассказывает, что к Саладину явился астролог и объявил, что если верить его звезде, то он

[1] Эмадеддин был приближенным секретарем Саладина (родился в Испании в 1125 г. и умер в Дамаске в 1201 г.). Он оставил после себя два сочинения: «Молния Сирия», история завоеваний Саладина в Сирии, Палестине и Финикии, которая дошла до нас только в отрывках, и «Образец красноречия Коса (знаменитого оратора, жившего при Магомете) по поводу завоеваний Иерусалима», то есть история завоевания Иерусалима Саладином.

возьмет Иерусалим, но это будет стоить ему глаза. Он отвечал: «Если мне нужно для того совершенно ослепнуть, то я и тогда пожелаю овладеть городом». Так он оставил окрестности Аскалона и направился к святому городу. Это произошло в середине месяца реджеба, или 21 сентября.

«В то время – говорит *Ибн-Алатир*[1] – в Иерусалиме находились патриарх города, стоявший выше короля, и Балиан, сын Басрана (Ибелин), владетель Рамлы, спасшийся после битвы при Тивериаде и который по своей храбрости и своему сану был близок к королевскому достоинству. Там пребывали и другие воины, успевшие уйти с поля битвы, равно и христиане из Аскалона и соседних городов, подчинившихся власти мусульман. Все предпочитали смерть рабству, все готовы были пожертвовать жизнью, имуществом и семьей для спасения святого города. При приближении мусульманской армии один эмир подошел слишком близко, вследствие чего был схвачен христианами и изрублен вместе со своей свитой, но скоро собралась и вся мусульманская армия. Первые пять дней Саладин занимался изучением местности и приисканием более выгодного места».

Эмадеддин прибавляет, что султан в один из этих дней собрал около себя своих эмиров и сказал им:

«Если Аллах окажет нам милость и дозволит изгнать врага его святого дома, то какой радостью исполнимся мы! С какими благодарениями мы обратимся к нему! Вот уже более 80 лет, как святой город находится во власти неверных, и Аллаху воздается нечестивое поклонение. Давно уже властители мусульманские стараются освободить его; но им не удавались их намерения; Аллах сохранил эту славу для Эйюбитов, чтобы склонить к ним сердце мусульман. Употребим же все усилия к завоеванию Иерусалима. Мечеть Алакса[1], находящаяся там, построена неверными; она была местопребыванием пророков и служит местом покоя святых и целью пилигримства небесных ангелов; там произойдет всеобщее воскрешение мертвых и последний суд; туда стекутся все избранники Господа; там хранится камень недосягаемой красоты, с которого Магомет поднялся на небо: там блистала молния, светились мистерии ночи и выходило пламя, освещавшее вселенную. Между прочими вратами св. города стоят и врата *Милосердия*; кто входит этими вратами, делается достойным рая. Там и трон Соломона, часовня Давида и Силоамский источник, подобный райской реке. Храм Иерусалимский принадлежит к числу тех трех мечетей, о которых Магомет говорит в Алкоране. Нет сомнения, что Аллах возвратит нам его в лучшем виде, потому что ему сделана честь быть упомянутым в той священной книге».

[1] См. о нем выше.

[1] То есть мечеть Омара, построенная на месте храма Соломона.

ЖОЗЕФ РЕНО (JOSEPH REINAUD. Родился в 1795 г.). Французский востоковед Рено получил первое образование в духовной семинарии, затем любовь к изучению восточных языков привела его в Париж, где он учился под руководством знаменитого востоковеда Сильвестра де Саси (1758–1838 гг.). В 1834 г. его назначили в Королевскую библиотеку; а в 1838-м после смерти де Саси он заместил его на кафедре арабского языка в Школе живых восточных языков в Париже. К числу многих работ принадлежит также «Extraits des historiens arabes relatifs aux guerres des croisades» (Par., 1829); оно помещено в «Bibliothèque des Croisades, par Michaud» и составляет том IV этого сборника. Рено хотел представить не только подробный анализ важнейших восточных хроник, относящихся к Крестовым походам, от завоевания Иерусалима Готфридом до изгнания христиан из Палестины, но и перевести те места из них, которые представляют особенный интерес и дополняют собой известия латинских и византийских писателей.

Когда окончены были все приготовления, вслед затем началась и сама осада.

«Иерусалим, – говорит Ибн-Алатир, – был городом весьма укрепленным. Нападение началось с севера, близ ворот Алеуда или Колонны, недалеко от Сионского храма. Именно там находилась ставка султана. Машины были устроены ночью, а приступ произошел на следующий день, 20 реджеба. Франки обнаружили сначала большую храбрость. С обеих сторон смотрели на эту войну как на священную. Не было надобности в убеждении со стороны предводителей для воодушевления войск: все бесстрашно защищали свой пост, все нападали, не думая об отступлении. Осажденные делали вылазки ежедневно и спускались в равнину.

Во время одного приступа был убит знатный эмир, и мусульмане, бросившись вперед, как один человек, для отомщения его смерти, обратили христиан в бегство; потом они приблизились ко рвам укрепления и сделали пролом. Стрелки, расставленные по соседству, сбивали христиан стрелами с укреплений и прикрывали рабочих. В то же время готовили подкоп; когда все было сделано, подложили бревен и зажгли их. Ввиду такой опасности вожди христиан решились сдаться. К Саладину были отправлены важнейшие из граждан, и он им отвечал: «Я поступаю с вами так, как христиане поступили с мусульманами, когда взяли святой город, то есть, я прикажу убить мужчин, а остальное обращу в рабство; одним словом, воздам злом за зло». При таком ответе Балиан, сын Басрана, начальствовавший в Иерусалиме, просил охранной грамоты, чтобы самому вести переговоры с султаном. Его просьба была исполнена. Он явился к Саладину и сделал ему мирные предложения. Саладин оставался непреклонным, и он унизился до просьбы и мольбы. Но увидев, что султан не обращает ни на что внимания, он отложил в сторону кротость и сказал: «Знай же, султан что мы бесчисленны, и одному Богу известно, сколько нас. Жители не хотят бороться только потому, что надеются на сдачу, как то было допущено многим другим. Они не хотят смерти и желают жизни, но если смерть сделается неизбежной, то клянусь Богом: мы умертвим наших жен и детей; мы истребим все имущество, не оставив вам ни одной монеты. Вы не найдете ни женщин для рабства, ни мужчин для цепей. Мы разрушим мечеть Алакса и другие святые места. Мы перережем всех мусульман, которые в числе пяти тысяч находятся у нас в плену. Мы не оставим ни одного вьючного животного. Мы выступим против вас: мы будем драться, как дерутся, защищая жизнь. Много падет ваших на каждого из нас. Мы умрем свободными или со славой восторжествуем». После этих слов Саладин совещался с эмирами, которые подали голос в пользу сдачи на условиях. «Христиане, – говорили они, – должны выйти из города пешими и не уносить с собой ничего, не показав нам. Мы будем рассматривать их как своих пленников, и пусть они выкупаются за определенную цену». Саладин совершенно согласился с этим. Было условлено с христианами, что каждый горожанин, бедный или богатый, заплатит за себя 10 золотых монет; женщины – пять и дети обоего пола – две. Сроком уплаты этой дани назначили 40 дней. После же того все, не взнесшие деньги, будут обращены в рабов. Но, заплатив дань, каждый получает свободу и может идти куда пожелает. Относительно бедных жителей города, число которых было определено приблизительно до 18 тысяч, Балиан обязался внести за них 30 тысяч золотых монет. После заключения таких условий, святой город открыл свои ворота, и мусульманское знамя водрузилось на его стенах. Все это происходило 24 реджеба (начало октября 1187 г.[1])».

Вслед затем Саладин вступил с войсками в Иерусалим.

«Этот день, – говорит Эмадеддин, – был днем торжества для мусульман. Султан приказал устроить за городом палатку для принятия поздравлений от вельмож, эмиров, софи и законников. Сам он восседал скромно, но сохраняя всю важность; радость блистала на его лице, ибо он надеялся снискать великую славу за овладение святым городом. Двери его ставки были открыты для всех, и

---

[1] Из этого следует, что осада Иерусалима Саладином продолжалась всего 4 дня.

он оказывал при этом великую щедрость. Около него стояли чтецы и произносили правила закона; поэты пели свои стихи и гимны. Повсюду читали манифест, объявлявший о таком счастливом событии; трубы звучали; глаза всех были наполнены слезами радости; сердце каждого в уничижении приписывало успехи Аллаху; все уста славословили Бога».

Люди ученые и набожные толпами стекались из соседних стран, чтобы быть свидетелями взятия Иерусалима. Все эти правоверные выражали свою радость каждый по-своему. Историк Эмадеддин, находившийся в Дамаске по болезни, рассказывает, что он при первом известии об осаде Иерусалима вдруг почувствовал себя здоровым и поспешил туда, чтобы разделить всеобщую радость. Он прибыл на следующий день после сдачи. Так как он славился красноречием, то его друзья толпились около него с просьбой написать им письма, которые они желали отправить родственникам и приятелям. В один первый день он написал 70 таких писем. Обстоятельство, особенно возбуждавшее энтузиазм мусульман, по показаниям самих арабских писателей, состояло в том, что день взятия Иерусалима был именно тот самый день, когда, по всеобщему верованию, Магомет чудесно поднялся на небо, сопровождаемый ангелом Гавриилом...

В числе удалившихся из города был также и патриарх; он уносил с собой все золотые и серебряные украшения с Гроба Господня. Видя то, Эмадеддин говорит султану:

«Тут будет вещей больше чем на 200 тысяч золотых монет: мы обеспечили христианам их собственность, но не украшения церквей».– «Пусть их, – отвечал султан,– иначе они обвинят нас в вероломстве; они действуют не по смыслу договора, но за то мы вынудим их восхвалять кротость нашей религии».

Вследствие того с патриарха, как и со всех других, взяли 10 золотых монет. Христиане, имевшие чем заплатить, выходили друг за другом из города. Ибн-Алатир жалуется при этом на жадность эмиров и лиц им подведомственных, которые, вместо того, чтобы представить эти деньги султану, укрыли часть их в свою пользу.

«Если бы они оставались верными долгу,– говорит историк,– то казна была бы полна. В городе считали христиан, способных носить оружие, до 60 тысяч, кроме женщин и детей. Действительно, город был велик и население его увеличилось еще жителями Аскалона, Рамлы и других соседних мест. Толпы наводняли улицы и церкви, едва можно было отыскать себе место. Доказательством такой многочисленности служит то, что весьма многие заплатили дань и получили свободу. Вместе с ними удалились 18 тысяч бедных, за которых Балиан внес 30 тысяч золотых; и несмотря на то, оставалось 16 тысяч христиан, которые по неимению чем выкупиться были обращены в рабство. Этот факт я заимствую из официальных списков, которые не оставляют никакого сомнения. Присоедините к тому большое число жителей, ушедших обманом, не заплатив дани: одни тайно спустились по веревке со стен; другие купили себе мусульманские одежды и вышли без всякой дани. Наконец, некоторые из эмиров объявили многих христиан своей собственностью (то есть жителями принадлежавших им поместий) и взяли их выкуп в свою пользу. Одним словом, в казну попала самая ничтожная часть дани»...

Христиане, удаляясь, имели право идти, куда угодно: одни отправились в Антиохию и Триполь, другие – в Тир; некоторые же пошли в Египет, чтобы в Александрии сесть на суда и отплыть на запад. По свидетельству историка «Александрийских патриархов»[1], Саладин обнаружил при этом случае большое великодушие. Он дал удалившимся конвой с целью охранять их на пути; те же, которые в числе 500 отправились через Александрию, были освобождены от всех расходов. Так как в Александрии не нашлось в то время корабля, готового к отплытию, то они ждали целых шесть месяцев. Саладин приказал доставлять им все нужное и запла-

---

[1] История «Александрийских патриархов» охватывает время от св. Марка до XIII в.; она была писана различными авторами, имена которых большей частью неизвестны.

тил даже за дорогу, чтобы, как он говорил, они остались им довольны. По его же приказанию правитель Александрии и его чиновники оказывали им всевозможное внимание до самого отъезда.

Относительно христиан, оставшихся в Иерусалиме, особенно греческого исповедания, которых вовсе не беспокоили, мы читаем у Эмадеддина, что они сохранили свое имущество под условием взноса ежегодной дани сверх общего выкупа. Только четыре латинских священника получили право оставаться для служения в храме Гроба Господня, не платя притом никакой дани.

«Некоторые из ревностных мусульман,– говорит Эмадеддин,– советовали Саладину разрушить храм, полагая, что если Гробница Мессии будет истреблена и плуг пройдет по тому месту, где стоял храм, то христиане лишатся предлога к пилигримству; но другие предпочитали сохранить этот религиозный памятник, ибо не храм, но Лобное место и гробница привлекали христиан, и потому, если бы землю поднять на небо, то и тогда они не перестали бы стекаться в Иерусалим. Они ссылались также и на то, что калиф Омар в первые века исламизма, овладев святым городом, позволил христианам оставаться и оказал уважение храму Гроба Господня».

После того Саладин занялся возобновлением мечетей и между прочим открыл в Алаксе (мечеть Омара) *мираб*[1], которую тамплиеры застроили стеной и обратили в хлебный магазин, а по словам других – в отхожее место. Саладин отстроил мираб просторно и удобно, чтобы мусульмане могли там предаваться молитве. Там же была поставлена кафедра.

«Мираб,– говорит Эмадеддин,– был очищен: пол покрыли прекрасными коврами; к потолку привесили лампады и читали там слова, нисшедшие с неба (Алкоран). Так возвратилась истина, и ложь была обращена в бегство; Алкоран восторжествовал, Евангелие изгнано. Совершались все наши обряды; молились за калифа и султана; на всех сходило благословение, и печаль удалилась. Скрытое сделалось явным; древние учреждения восстановлены; стихи Алкорана читаются вслух; знаки нашей религии водружены на своем месте. Звучит голос, призывающий на молитву; колокола замолкли. Изгнанная вера возвращается в свое убежище: дервиши, люди набожные, великие и малые, все спешат поклониться Аллаху; с высоты кафедры раздается голос, напоминающий правоверным о дне воскресения и последнего суда».

Последними словами Эмадеддин намекает на церемонию, которая происходила в мечети в первую пятницу по взятии города. Известно, что пятница у мусульман есть, по предписанию, день молитвы; известно также и то, что в этот день после службы проповедник восходит на кафедру, чтобы обратиться к молельщикам с назиданиями. Но вот как говорит о том наш автор, очевидец рассказа:

«Султан, по словам Эмадеддина, не назначил еще никого для проповеди; многие говорили себе: ”Если бы Аллах удостоил меня почетного звания имама! Если бы мне досталось такое счастье на этот день, а после все равно, кто будет имамом за мной”. В пятницу рано утром все спрашивали: ”Кого назначит султан проповедником?” Мечеть была полна; собравшиеся ожидали с нетерпением; глаза всех были устремлены на кафедру, слух напрягался, сердце билось сильнее; слезы лились. Недоставало мест для множества присутствующих; все говорили: ”Счастлив тот, кто дожил до дня восстановления исламизма! Какое дивное торжество! Какое блестящее собрание! Как достославно быть имамом в подобный день! Как знаменито царство Эйюбитов! Найдется ли в странах мусульманских собрание, подобное нынешнему, которое было бы столь почтено Аллахом?”

Наконец, султан повелел кади, Могиэддину Абулмаали Магомету, сыну Цеки, отправить должность *катиба*, или проповедника. Это возвещение покрыло внезапным по́том чело тех, которые ожидали для себя этой же почести. Что касается до меня, то я подал кади черную одежду, полученную мной в дар от калифа. Кади взошел на кафедру; речь, произнесенная им, вызвала наше изумление; обороты его речи были

---

[1] Та часть мечети, которая обращена к Мекке.

находчивы и легки: он переходил от молитвы к убеждению, от убеждения к молитве; он представил все преимущества и святость Иерусалима; говорил об очищении мечети, упомянув коротко о бегстве священников и о молчании колоколов. В своей молитве он помянул калифа и султана и закончил из Алкорана тем стихом, который предписывает правосудие и добрые дела. После окончания проповеди он сошел с кафедры и исполнил молитву в мирабе, начав ее словами: "Во имя милосердного Аллаха!"

После того молился султан; присутствовавшие, став около него рядами, делали обеты за вековечность его славы. Лица всех были обращены к Кибле, в сторону Мекки; руки подняты к небу. Султан слышал, как молились за него»...

После восстановления мираба мечети Алаксы Саладин приказал поместить там следующую надпись золотыми буквами:

«Во имя милосердного Аллаха!

Этот святой мираб был восстановлен, и мечеть Алакса, дело благочестия правоверных, возобновлена повелением слуги и друга Аллаха Иосифа сына Эйюба, победоносного Малек Нассера Саладина, когда Аллах отверз врата святого города, в 583 году. Он молил Аллаха ниспослать ему благодать, силой которой он пребудет к нему благодарным, и сделать его участником своей благости и милосердия».

По свидетельству Эмадеддина, Саладин устроил в церкви св. Анны училище факиров из секты Шафеи. Дом патриарха, близ храма Гроба Господня, был отдан одной общине софи. Султан приписал к обоим этим учреждениям значительные доходы; подобное же было сделано в пользу других мусульманских общин. Саладин устроил в Иерусалиме также училище для юношества.

Bibliotheque des Croisades, par Michaud (Par., 1829, т. IV, с. 204 и след).

ОРДОНАНСЫ ФИЛИППА II АВГУСТА О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ И САЛАДИНОВОЙ ДЕСЯТИНЕ 1188 г.

Ордонанс о долгах крестоносцев

Во имя святые нераздельные Троицы, аминь. Было постановлено государем Филиппом (II), королем Франции, с согласия архиепископов, епископов и баронов своего государства, что епископы и прелаты, монастырские клерики и воины, которые возьмут крест, получат, для уплаты долгов, сделанных ими как у евреев, так и у христиан еще прежде, нежели король принял крест, двухлетнюю отсрочку, считая с наступающего праздника Всех Святых; таким образом, в первый праздник заимодавцы возвратят себе треть своей ссуды; в следующий праздник – другую треть и в третий праздник – последнюю треть. Никто не обязывает уплачивать процентов со дня принятия креста. Если крестоносный рыцарь, законный наследник, сын или зять не крестоносца (вдовы) имеет в живых отца или мать, то его отец или мать для уплаты долгов пользуются тем же узаконенным сроком. Если же их сын или зять, принявший крест, отделен от семьи или если он не рыцарь, или не крестоносец, то им не предоставляется никакой рассрочки. В течение пятнадцати дней от наступающего праздника св. Иоанна Крестителя должники, имеющие земли и доходы, должны представить их в узаконенный срок своим заимодавцам через посредство сюзерена, в области которого состоят те земли и доходы, дабы заимодавцы получили должное им. Сюзерены не могут сопротивляться подобному предоставлению или должны сами обеспечить заимодавца крестоносцев. Крестоносец, который не имеет ни земель, ни доходов, достаточных для покрытия своего долга, обязуется представить поручителей или залогодателей, которые должны уплатить за него в определенные сроки; и если в течение пятнадцати дней от наступающего праздника св. Иоанна Крестителя долг не будет

обеспечен землей или поручительством, то такой крестоносец не пользуется рассрочкой, предоставленной другим крестоносцам. Если клерик или крестоносный воин должен клерику или воину также крестоносцу, то долг отлагается до следующего праздника Всех Святых, но во всяком случае обеспечивается залогом.

Если какой-нибудь крестоносец за восемь дней до Сретения Господня или восемь дней спустя дал своему заимодавцу в обеспечение золото, серебро или хлеб или какую-нибудь другую движимость, то заимодавец не обязуется в этом случае к рассрочке. Закуп годового сбора хлеба, сделанный по определенной цене не крестоносцем, сохраняется во всей своей силе. Если какой-нибудь воин или клерик закладывает на известное число лет свое имущество или свои доходы какому-нибудь крестоносному горожанину, клерику, воину некрестоносному, то заложивший получает в этот год сбор со своих земель или доходов, а заимодавец по истечении срока долгового обязательства удерживает залоги еще на один год для вознаграждения того времени, которое он потерял; во всяком случае, заимодавец удерживает на этот год половину хлебного сбора, если он сам обрабатывал заложенные земли или виноградники. Все торговые сделки, совершенные в течение восьми дней от Сретения Господня, сохранят свою силу. А чтобы крестоносный должник мог воспользоваться рассрочкой, даруемой ему для уплаты долга, он должен дать обеспечение такое же или даже лучше прежнего. Если возникнут споры по поводу обеспечения, то по определению сюзерена, в области которого находится заимодавец, дается новое обеспечение, такое же или лучшее. Если сюзерен не переменит обеспечения, то дело переносится в совет государя той земли. Если какой-нибудь сюзерен или владетель, в области которого находится заимодавец или должник, не захочет исполнить или приказать исполнить то, что предписано относительно рассрочки долга или обеспечения его, несмотря на предостережения митрополита или епископа, не исполнит того в сорок дней, то он может подвергнуться отлучению. Но если сюзерен или государь пожелает доказать в присутствии митрополита или епископа, что он ничем не нарушил прав заимодавца или должника, и что он готов исполнить предписание, то митрополит или епископ не могут его отлучать. Ни один крестоносец, клерик, воин или кто другой не могут быть принуждаемы к исполнению обещанного ими со дня своего отправления до прибытия назад, если только жалоба не была подана до принятия креста.

Ордонанс о Саладиновой десятине

Все те, которые не отправляются в Крестовый поход, обязуются представить в этот год, по крайней мере, десятину со всех своих движимостей и доходов, исключая духовных монастыря Сито (Cistersienses) и ордена шартрезов (Cartusii) или фонтевристов (Fons Eureldinus, близ Сомюра) и прокаженных, но только относительно их собственного имущества. Никто не может налагать руки на коммуны, кроме сюзерена, которому принадлежит коммуна. Во всяком случае, тот, кто имел права на какую-нибудь из коммун, сохранит их попрежнему. Тот, кто имеет право высшего суда в какой-нибудь земле, будет собирать и десятину с той земли. Да будет ведомо, что те, которые платят десятину, должны взносить ее со всей движимости и своих доходов, не вычитая долгов, в которые они могли войти прежде. По взносе десятины они могут уплачивать свои долги из остатка. Все миряне, как военные, так и другие, будут взносить свою десятину под присягой и под страхом анафемы, а клерики – под угрозой отлучения. Некрестоносный воин взносит крестоносному сюзерену, по отношению к которому он считается обязательным вассалом (homo ligius), десятину как со своей собственной движимости, так и с того феода, который получен им от него. Если он не имеет такого феода, то платит своему обязательному сюзерену с одной собственной движимости, а со своих феодов взносит тому, от кого их получил. Если кто не имеет никакого обязательного сюзерена, то он доставляет десятину со своей движимости тому, в чьем феоде

живет. Если какой-нибудь сборщик десятины найдет в имении того, от кого получается десятина, вещи, принадлежащие другому, и если владетель может то доказать, то сборщик не должен удерживать таких вещей. Крестоносный воин, будучи законным наследником, сыном или зятем некрестоносного воина или вдовы, получит десятину со своего отца или матери. Никто не может наложить руки на имущество архиепископов, епископов, капитулов или церквей, стоящих в непосредственной зависимости от них, кроме архиепископов, епископов, капитулов и церквей, находящихся в феодальной зависимости. Епископы, собирающие десятину, взносят ее тем, кому они должны. Всякий крестоносец, который ввиду подати или десятины не захочет уплатить ее, будет принужден тем, кому он должен внести и кто распорядится с ним по своей воле; кто принудит такого силой, не будет отлучен за то. Бог да вознаградит всякого, кто благочестиво внесет свою десятину.

Institutio decimarum.

*КОММЕНТАРИЙ. Ордонансы Филиппа II Августа, относящиеся к Крестовым походам, записаны у его историографа и медика Ригорда в сочинении «De gestis Pholippi Augusti Francorum regis» (*издание Duchesne *«Historiae Francorum scriptores etc.» (Par., 1649, т. V, с. 25 и след.).*

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ФРИДРИХА I БАРБАРОССЫ И САЛАДИНА 1188 г.

I

Фридрих, Божьей милостью император римлян, всегда августейший, великий победитель врагов империи, счастливый покровитель христианства, – *Саладину*, главе (praesidi) сарацин, мужу знаменитому, который по примеру фараона будет вынужден оставить преследование Божьих детей.

Мы получили с живейшим удовольствием грамоту, писанную вами, и наше величество находит ее достойной ответа. Ныне, так как вы осквернили Св. землю и так как защита города Иисуса Христа составляет нашу обязанность как главы империи, то мы извещаем вас, что если вы не оставите немедленно этой земли и не дадите нам должного удовлетворения, то мы, вспомоществуемые святостью Христа, предпримем войну со всеми ее случайностями и отправимся в поход в ноябрьские календы. Мы с трудом поверили бы, что события древней истории могут быть вам неизвестны, а если вы их знаете, то почему вы действуете так, как будто они неизвестны вам? Знаете ли вы, что обе Эфиопии, Мавритания, Скифия, земли, населенные парфянами и запечатленные кровью нашего Красса; что Аравия, Халдея и в особенности Египет, где великий Антоний – о горе! – дозволил поработить себя нечестивой любви Клеопатры; одним словом, что все эти земли зависели от нашей империи? Можете ли вы не знать, что Армения и другие бесчисленные страны подчинялись нашему господству? Короли их, кровью которых так часто обагрялся меч римлян, знали хорошо про то; и вы также с Божьей помощью поймете, что могут наши победоносные орлы, что могут полки многочисленных народов; вы испытаете на себе ярость тех тевтонов, которые ходят в оружии даже во время мира; вы познакомитесь с обитателями Рейна, с юношеством Истрии, которое не знает бегства; с баваром высокого роста; с жителями Швабии, гордыми и хитрыми; с жителями Франконии, всегда осмотрительными; с саксом, который играет мечом; с народами Турингии и Вестфалии; с быстрым брабанцем; с лотарингом, который не знает мира; с беспокойным бургундом, с обитателями Альп; с фризом, который ловко поражает дротиком; с богемцем, который с радостью принимает смерть; с болонами (поляками), более свирепыми, чем звери их лесов; с Австрией, Истрией, Иллирией, Ломбардией, Тосканой, Венецией, Пизой; в день, предназначенный для Рождества Христа, вы узнаете, что мы еще

Фридрих I Барбаросса

можем владеть мечом, хотя, по вашим словам, старость уже удручает нас.

II

Королю, искреннему другу, великому и превознесенному *Фридриху*, королю Германии!

Во имя милосердного Бога, милостью Бога единого, всемогущего, всевышнего, победоносного, вечного, царству которого нет конца. Мы возносим ему вечное благодарение, а милость его над всем миром: мы молим, да ниспошлет благодать свою на своих пророков и в особенности на нашего наставника и своего апостола (nuntium) пророка Магомета, которого он послал для установления истинной религии, долженствующей восторжествовать над всеми прочими религиями. Между прочим, мы сообщаем королю, мужу искреннему, могущественному, великому, другу возлюбленному, королю Германии, что к нам явился некто по имени Генрих, называя себя вашим послом, и представил нам какую-то грамоту, которую объявил вашей грамотой. Мы приказали прочесть грамоту и выслушали его самого и на то, что он сказал на словах, отвечали устно. Но вот и письменный наш ответ. Вы перечисляете нам всех тех, которые в союзе с вами пойдут на нас, и называете их и говорите: «... король такой-то земли и король иных земель, граф такой и граф этакой; и такие-то архиепископы, маркграфы и рыцари». Но если бы мы также захотели исчислить всех, которые служат нам, которые подчиняются нашим повелениям, которые повинуются нашему слову и которые сражаются под нашими распоряжениями, то не было бы возможности поместить всего того в нашей грамоте. Вы приводите имена христианских народов, но народы мусульманские гораздо и гораздо многочисленнее христианских. Между нами и христианскими народами, о которых вы говорите, лежит целое море; а между бесчисленными сарацинами и между нами нет никакого моря и никакого препятствия к соединению. Мы имеем в своем распоряжении бедуинов (Bedevini), которых одних было бы достаточно, чтобы противопоставить нашим врагам; у нас есть туркоманы; если мы их пошлем против своих врагов, они истребят их; мы имеем сельских жителей, которые, получив приказание, мужественно сразятся с людьми, вторгшимися в наши земли для разграбления их и завоевания. Это не все. У нас есть, кроме того, боевые *солдаты* (soldarii, то есть наемники), с помощью которых мы вступили в эту страну, завоевали ее и победили наших врагов. Эти храбрые люди, равно как и все языческие короли (reges paganissimi), не будут колебаться, если мы призовем их, и не станут медлить, если узнают нашу волю. И если, как говорит ваша грамота, вы соберетесь, если вы пойдете на нас, как то прибавляет ваш посол, то и мы пойдем вам навстречу, вспомоществуемые святостью Бога. Нам недостаточно того, что мы завоевали эту приморскую страну (Палестину и Финикию); если будет угодно Богу, мы переплывем моря и с Божьей помощью завоюем ваши земли: ибо, придя сюда, вы бу-

дете должны привести с собой все свои силы и явиться в сопровождении всего своего народа, так что в вашем государстве не останется никого для защиты. Когда Господь в своем всемогуществе даст нам победу над вами, нам ничего не останется, как идти, опираясь на силу Божию и его волю, чтобы овладеть вашими землями. Уже два раза все христиане соединялись против нас, нападая на Вавилонию (Египет): в первый раз они угрожали Дамиетте и во второй раз – Александрии; между тем в ту эпоху христиане еще были владетелями Палестины и Финикии. Но вы знаете, в каком положении и в каком жалком вид христиане возвратились из того и другого похода. Теперь, напротив, эта страна в нашей власти. Господь наделил нас провинциями; он отодвинул наши пределы в ширину и в длину: он отдал нам Египет с прилежащими землями, страну Дамаска, Финикию (maritimam Jerusalem), Палестину (Gesire) с ее замками; страну Эдессы (terram Roasiae) со всем принадлежащим ей и царство Индию (то есть счастливую Аравию) со всем принадлежащим ему: и все это, по милости Бога, находится в наших руках, и князья мусульманские повинуются нам. Если мы дадим приказание им, они не откажутся исполнить его; если мы попросим багдадского калифа (Calephum de Baldac) – да сохранит его Господь – прийти к нам, он встанет с престола своей империи и поспешит нам на помощь. Святостью и могуществом Бога мы овладели Иерусалимом и его страной: в руках христиан остаются три города – Тир, Триполь и Антиохия, которые не замедлят подчиниться нашей власти. Если вы решительно хотите войны и если, с Божией помощью, мы покорим все христианские города, то мы выступим вам навстречу, как о том сказано выше в нашей грамоте. Если же, напротив, вы предпочитаете добрый мир, то отправьте начальникам тех трех городов приказание выдать нам их без всякого сопротивления, а мы возвратим вам святой крест; дадим свободу всем пленным христианам, находящимся в наших владениях; допустим одного вашего священника при Гробе, возвратим аббатства, существовавшие до Первого крестового похода (in tempore paganissimo) и окажем им покровительство; дозволим приходить пилигримам в течение всей нашей жизни и будем иметь с вами мир. Итак, в случае если грамота, доставленная нам Генрихом, есть действительно грамота короля, то мы написали эту грамоту в ответ на то: и да наставит нас Бог своим советом и своей волей!

Беатриса Бургундская, супруга Фридриха Барбароссы

Грамота сия писана в год от пришествия пророка нашего Магомета DLXXXIV. Слава единому Богу! И да сохранит Бог пророка нашего Магомета и его род.

От победоносного царя, возвещателя истины, знамени правды, правителя мира и религии, султана сарацин и язычников, служителя двух святых домов и проч. и проч.

КОММЕНТАРИЙ. Переписка Фридриха I Барбароссы и Саладина была помещена одним из историков Третьего крестового похода Галфридом Виноделом в его путевые записки и таким образом сохранилась для истории. О Галфриде и его сочинениях см. ниже.

Арнольд Любекский

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА I БАРБАРОССЫ. 1189–1190 гг. (в 1212 г.)

Автор, взяв на себя продолжение труда своего предшественника Гельмольда (см. о нем выше), в первых двух *книгах хроники и в начале* третьей *книги до главы 30, рассказывает историю Северной Германии с 1171 и до 1189 г. Описав деяния Генриха Льва, герцога Саксонского, и его борьбу с Фридрихом I Барбароссой, автор останавливается на 1187 г., когда вся Европа была взволнована известием о взятии Иерусалима Саладином. В главе 29 третьей книги описан сейм в Госларе, на котором Фридрих I Барбаросса, принудив своего соперника Генриха Льва удалиться в Англию, принял крест и определил на следующий год в мае выступить в поход.*

30. Когда улыбнулась весна (1189 г.), государь император (Фридрих I Барбаросса), исполненный ревности, отправился в странствование. Прибыв в Регенсбург и заметив большой недочет в войске, он начал сомневаться в возможности предпринимаемого похода. Малочисленность же войска происходила от того, что множество людей всех наций ушло вперед, не дождавшись войска, ибо из любви к странствованию все торопились с уходом. Но император, зная, что по затруднительности пути ему не удастся нагнать тех, которые ушли вперед, составил совет и решился идти по прежде принятому направлению. Отправляясь далее, он прибыл в Австрию. Там встретил его с большой свитой герцог страны, великолепно угостил его вместе с людьми, и тех, которые не отказывались, наделил почетными подарками. Во время пребывания императора в главном городе той страны, а именно в Вене, в войске его безнравственность и разврат дошли до такой степени, что, по определению императора, принуждены были возвратиться домой до 500 распутных женщин, воров и негодяев. Затем император пустился в дальнейшую дорогу и в Троицын день достиг границ Венгрии, где торжествовали этот праздник и отдыхали. Король Венгрии (Бэла, дочь которого за год перед тем вышла замуж за Фридриха Швабского, сына императора) через посланных встретил императора весьма дружелюбно, дал ему свободный проход по стране и дозволил покупать все, что угодно. Он приказал также, когда крестоносцы двинулись в поход, строить везде, где не было дорог, мосты на реках, ручьях и болотах. Когда им-

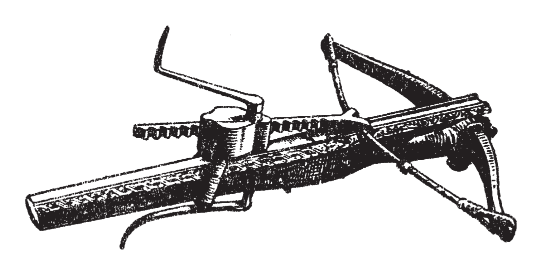
---

АРНОЛЬД ЛЮБЕКСКИЙ (ARNOLDUS LUBECENSIS. Около 1140–1212). Арнольд – аббат бенедиктинского монастыря в городе Любек – родился в Брауншвейге и умер в Любеке. О его жизни мы не имеем никаких известий, кроме тех, которые оставил нам сам Арнольд, вспоминая о своем детстве, а именно: что отец и мать оставили его без внимания, что никто из сильных мира сего не оказал ему никакого покровительства, и он еще ребенком поступил в бенедиктинский монастырь, где и провел не совсем безукоризненно свою юность. Впоследствии, около 1170 г., он достиг звания казначея в монастыре Любека, а потом сделан был его аббатом. В своем предисловии к составленной им «Хронике славян» Арнольд замечает, что им руководило намерение продолжать знаменитый труд Гельмольда, писавшего о том же предмете, и потому он начинает с 1171 г., на котором остановился его предшественник. Арнольд довел свою хронику до 1209 г., когда был убит второй сын Фридриха Барбароссы Филипп I и когда утвердился в звании императора его соперник Оттон IV Вельф. Принадлежа по политическим убеждениям к партии Вельфов, Арнольд везде неблагоприятно отзывается о Гогенштауфенах, и потому смерть Фридриха Барбароссы не произвела на него того впечатления, какого можно было ожидать от немецкого историка, рассказывавшего деяния одного из замечательнейших героев отечественной истории.

Издания: лучшее, полнейшее сделал *Bangertus* (Любек, 1659). Переводы: немецкий (*Laurent*, Berl., 1853) помещен в «Geschichtschr. d. deutsch. Vorzeit. Lief». Исследования: *Wattenbach*. Deutschlands Geschichtsquell, p. 378.

ператор приблизился к Грану, метрополии Венгрии, король со свитой из тысячи человек выступил лично ему навстречу и не только выразил свою преданность и гостеприимство, но и оказал действительные услуги. Во время четырехдневного пребывания императора в Гране оба государя, видя беспокойный характер и необузданность войска, определили, чтобы оно дало клятву в строгом и ненарушимом соблюдении мира. Королева (Маргарита, сестра короля Филиппа II Августа, бывшая замужем за Бэлой III) подарила государю императору весьма красивую палатку, верх которой был покрыт красным сукном и коврами, вырезанными по его ширине и длине, кровать с богато украшенными подушками и дорогим одеялом и, наконец, табурет с подушкой перед кроватью. Моя рука слаба, чтобы описать, как все это было великолепно украшено. А чтобы при этом доставить подарком приятное удовольствие, по ковру бегали один черный и другой белый кролик. После того королева, представившая такие подарки, осмелилась обратиться к императору с просьбой; а именно – она просила, чтобы своим посредничеством он исходатайствовал у короля свободу его брату, которого он держал уже 15 лет в заключении. Действительно, король, принимавший императора с великим уважением и потому не желавший огорчить его чем бы то ни было, не только выпустил своего брата из темницы, но и дал ему 2000 венгров с приказанием предшествовать императору, указывать ему дорогу и исправлять ее. После всего этого король пригласил императора в сам замок Гран, переведя его через реку того же названия, от которой получил свое имя и нижний город, где прежде находился император и замок. Король подарил там императору два амбара, наполненных превосходной мукой. Но он не нуждался в муке и подарил ее бедным. При этом случае, вследствие жадности толпы, три человека задушились в муке. Затем король провожал императора до города Актилы, где он и оставался четыре дня. Оттуда прибыли к городу Скланкемунту (ныне Саланкемен, близ Темешвара), где три дня и три ночи переходили вброд р. Эйцу, причем утонуло три рыцаря. Там же король снабдил войско огромным количеством провианта. Оттуда они явились к р. Сове (ныне Сава), где произведено было перечисление войска, и при этом оказалось 5 тысяч конных и 100 тысяч пеших, хорошо вооруженных людей. В величайшем восторге от такого громадного числа воинов император приказал устроить турнир и посвятил 60 молодых людей из оруженосцев в рыцари для исполнения ими рыцарских обязанностей. Там же он произвел суд, вследствие которого двум купцам были отрублены головы, а четырем служителям, нарушившим клятвенный мир, руки. В этот же день 500 служителей, вышедших на фуражировку, были перебиты ядовитыми стрелами туземцев, называемых сербами. Впрочем, на следующий день явился в лагерь герцог того народа и дал присягу императору, получив от него свою землю в лен. Поднявшись оттуда, они прибыли к р. Марове (ныне Морава). Король венгров доставил к тому месту множество возов с мукой, запряженных двумя волами. Там же король простился с императором и расстался с ним, подарив ему четырех верблюдов, нагруженных дорогими подарками, которые оценили в 50 тысяч марок. А император, выражая свою благодарность, отдал ему все суда, которые следовали за ним от Регенсбурга. В тот же день к императору явился греческий герцог и поднес ему золотой сосуд с двумя ручками и такое множество съестных припасов, что их было достаточно войску на целых восемь дней.

31. В день рождества Иоанна Крестителя (24 июня 1189 г.) они оставили Венгрию и вступили в Болгарию. Три дня нельзя было найти воды, и войско было доведено до крайности. Греческий герцог приказал расчистить для них все узкие дороги, и таким образом в день св. Иакова (30 июня) они подошли к укреплению Равенелле (у монастыря Раванитца, при слиянии Раваницы с Моравой, где турецкая крепость Тьюприйя), лежащему посреди лесов. После тяжелого перехода лесом они вступили, как в Божий рай, в город Листриц, лежавщий на границе Болгарии и Греции. Следуя дальше, они достигли Винополя (ныне Филиппополь), большого, но безлюдного го-

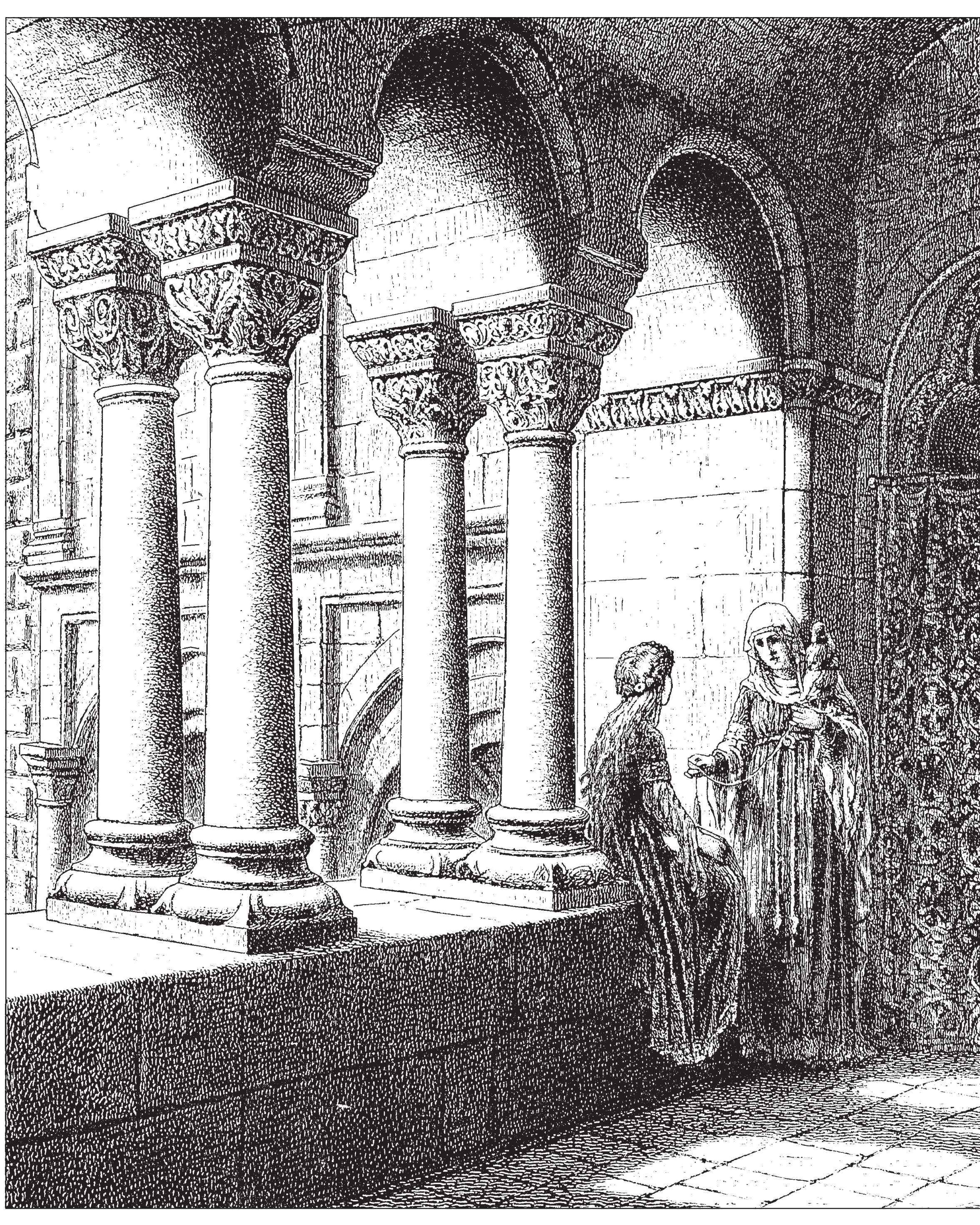


Тяжелый арбалет

рода, в котором, несмотря на то, что войско расположилось по квартирам, почти через дом не было жильцов. Там они простояли 18 недель. Конечно, при всех таких удобствах не обходились без несчастья, ибо всякий Авель всегда найдет своего Каина. А именно: начальник Брандица, лежащего на границе Болгарии и Венгрии, исполненный зависти к служителям Христа, поспешил к константинопольскому королю (Исааку Ангелу) и говорил ему: «Как ты мог дозволить проход через твои владения таким безбожным людям? Они не щадят ни городов, ни местечек и предают все грабежу. Потому будь уверен, что они, прибыв в твою страну, свергнут тебя с престола и овладеют твоим государством». Византиец, поверив ему легко на слово, в страхе приказал захватить посланных императора, а именно – епископа Мюнстерского, графа Роберта Нассауского и коммерария Маркварда с 500 рыцарей. Это обстоятельство напугало жителей страны, и они при появлении пилигримов искали убежища в местах безопасных, оставляя пустыми свои города и деревни.

32. Между тем император, живя в вышеупомянутом городе (Филиппополь), удивлялся продолжительному отсутствию тех, которые были посланы к королю (Исааку Ангелу) с тем, чтобы ему напомнить договор и клятвенное обещание оказывать всякие услуги пилигримам, отправляющимся наказать ненавидящих Бога и отомстить за Св. землю и пролитую кровь служителей Господних. Он обещал доставить им у себя полную безопасность, очистить дороги и разрешить покупку съестных припасов и всего необходимого. Со своей стороны, император соблюдал все, в чем клялся, с такой верностью, что, как мы выше упомянули, не дозволял никому из своих предаваться насилию, грабежу или краже. Прождав долгое время и видя, что все нет его посланных, он начал в гневе опустошать окрестности, приказывая вспахивать плугом землю, на которой стояли разграбленные города и деревни; это он делал с тем намерением, чтобы внушить жителям тем больший страх к себе. При этом войско награбило столько золота, серебра, драгоценных одежд и скота, что кто-то, желая добыть себе любимое им кушанье, заплатил за *одну* курицу *восемь* быков. Но вскоре это изобилие превратилось в такой недостаток, что они, проев все или, лучше сказать, истребив, и забыли о прежнем достатке. Проведя 18 недель в том месте, войско тронулось вперед и прибыло в Адрианополь. Там они оставались 7 недель и туда же возвратились посланные императора с 50 заложниками, выданными Византией для поручительства в сохранении мира и исполнении всех требований императора. По получении заложников войско выступило из Адрианополя в половине поста, и в день Пасхи, который в том году (1190) торжествовался в самое Благовещение, прибыло к проливу Св. Георгия (Дарданеллы). Там они расположились лагерем и праздновали св. Пасху. На другой день, сев на корабли, войско переправилось через пролив. Король же (Исаак Ангел) припас для того такое множество судов, что все войско со всем имуществом могло перебраться на другую сторону в три дня.

33. Переправившись через море, народ Божий, подобно тому как в древности Израиль по избавлении от рабства фараона, воспел гимн на прославление веры Христовой. Имея в своих руках заложников, все надеялись на сохранение мира. Между тем начались по-прежнему споры и драки при покупке и продаже вещей, а затем старые муки голода и лишений! Несколько дней спустя, когда войско еще находилось на Греческой земле, ему встретились турки и задержали его. Сначала христиане не обращали на них внимания, потому что они при своей малочисленности, казалось, не могли им вредить. Но число турок начало



Постройки в Гельнхаузене времен Барбароссы. Часть из них сохранилась, другая восстановлена Г. Кнакфуссом по рисункам Гундесхагена

возрастать с каждым днем, как неизмеримый морской песок, и они кружились около них постоянно. Но народ Божий пел: «Господи, как много у меня врагов! Многие восстают на меня: многие говорят о душе моей: "Нет ему спасения от Бога!" Ты же, Господи, щит, охраняющий меня; ты слава моя» (Псал., 3, 2 и др.). Несмотря на то что неприятель окружал их, как волки овец, они продолжали начатую дорогу. Но едва они тронулись, как тронулся и неприятель. Так они вступили в Романию, пустынную, непроходимую и безводную страну, а их мешки были уже пусты: у них не было больше съестных припасов. Некоторые, еще в эпоху изобилия, наготовили себе медовых хлебов и могли кое-как существовать. Те же, которые не позаботились о том, питались кониной и кореньями или умирали от голода: когда у них не хватало сил идти, они падали лицом на землю, чтобы ожидать мученической смерти во имя Божие. Неприятель бросался на таких и на глазах всех без сострадания умерщвлял. В то же время обнаружился недостаток и вьючных животных, отчасти по отсутствию корма, а также и потому, что их употребили в пищу; вследствие того многие знатные люди, не привыкшие к тягостям похода, принуждены были идти по целым дням пешком и благодарили Бога. Войско же было расположено так, что пешие и слабые люди помещались в центре; а конница, ограждая их от неприятеля, занимала правое и левое крыло. Иногда они сами нападали на врага и умерщвляли его в порядочном числе, однажды до 5000; но и турки не переставали их преследовать. Но «праведный должен много терпеть, Господь же его во всем поддержит», а потому и десница Божия не ослабевала над ними и даже укрепляла их во всем. Они страдали, как наказуемые, но не как смущенные, даже до смерти: им было горестно, но дух бодрствовал в них. Император, хотя и был уверен в коварстве греков, однако отпустил заложников со словами: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим., 12, 19). После того они вошли в обширную пустыню, где два дня пространдали от безводья. В Троицу подошли к Иконию, главному городу турок, и раскинули лагерь около него в садах, где подкрепили себя кореньями, отрытыми в окрестностях, так что души их наслаждались, как в раю.

34. Когда, таким образом, проголодавшийся Божий народ порядочно подкрепил себя пищей и думал, что наконец после тяжких трудов наступит теперь благодетельный отдых и невзгоды войны сменятся радостью мира, сын неправды, сын Саладина, зять султана (Иконийского) приказал сказать императору: «Если ты желаешь иметь свободный проход через мою страну, то должен мне заплатить за каждого из своих по одному византийскому золотому. В противном случае знай, что я нападу на тебя с оружием в руках и самого тебя с твоими людьми или умерщвлю мечом, или заберу в плен». На это отвечал император: «Неслыханное дело, чтобы римский император кому-нибудь платил подать; он привык более требовать от других, чем вносить, получать, но не давать: но так как мы утомлены, то, чтобы мирно продолжать наш путь, я охотно готов заплатить по так называемому *мануилу* (мелкая монета с изображением византийского императора Мануила). Если же он не захочет и предпочтет напасть на нас, то пусть знает, что с большой охотой сразимся с ним за Христа и желаем с любовью к Господу или победить, или пасть». *Мануилы* же принадлежали к разряду самой дурной монеты и не имели в себе ни чистого золота, ни чистой меди, но составлялись из смешанной и ничтожной по цене массы. Посланный возвратился к своему повелителю и передал слышанное. Между тем император собрал умнейших людей в войске и изложил им все дело, чтобы решить сообща, как действовать. Все сказали в один голос: «Вы отвечали превосходно и как то подобает императорскому величию. Знайте, что и мы не думаем об условиях мира, ибо нам ничего не остается, как выбор между жизнью и смертью, победой или потерей дела». Такая твердость весьма понравилась императору. С рассветом дня он поставил войско в боевой порядок. Сын его, герцог Швабский, стал впереди с отборнейшими воинами, а сам император с остальным войском взял на себя

отражать нападение неприятеля на тыл. Правда, воины Христа были сильны более мужеством, нежели числом, но тот, кто воодушевлял мучеников, вдохновил их твердостью. Неприятель терпел поражение со всех сторон, и павшим не было числа: трупы валялись кучами. Вход в город был прегражден множеством павших стен; но одни убивали, другие оттаскивали убитых. Наконец наши ворвались в город и избили в нем всех жителей. Спаслись только те, которые укрылись в замке, стоявшем у города. Победив таким образом неприятеля, они оставались в городе три дня. Тогда султан отправил к императору знатного посла с подарками и приказал сказать: «Ты сделал хорошо, что пришел в нашу страну; если же ты не был принят сообразно с твоими желаниями и высоким достоинством, то это доставляет тебе славу, а нам стыд. Та великая победа составит для тебя вечное воспоминание, а для нас срам и позор. Будь вполне уверен, что все случившееся произошло без моей воли; я лежу больной и не могу справиться ни с собой, ни с другими. Потому прошу тебя, сжалься надо мной, возьми заложников и все, чего потребуешь, но затем оставь город и расположись лагерем по-прежнему в садах». Чтобы кончить это дело скорее, император вместе со своими оставил город, отчасти и потому, что он получил все желаемое, а отчасти и воздух, зараженный трупами убитых, побуждал также удалиться. После заключения мира ратники Христа весело потянулись по своей дороге и не были более преследуемы неприятелем. Они прошли страну Армению и достигли р. *Салеф* (Каликадн), при которой лежит укрепление того же названия.

35. После прибытия на то место государь император по случаю великой жары и грязи от пыли захотел выкупаться в реке и освежиться. Река была не широка, но, стесненная горами, она имела быстрое течение. Между тем как прочие переходили вброд, он, несмотря на возражение многих, пустился верхом вплавь, полагая, таким образом, переправиться на другой берег; но сила течения сбила его и увлекла против желания; таким образом, он был поглощен волнами, прежде нежели окружавшие могли подать ему помощь (10 июня 1190 г.). Это событие опечалило всех и все оплакивали его в один голос: «Кто будет теперь утешать нас во время странствования? Наш защитник умер. Теперь мы будем блуждать, как овцы посреди волков, и никто не защитит нас от их зубов». Так сетовал народ, плача и вздыхая. Сын же императора (Фридрих Швабский) утешал их, говоря: «Хотя мой отец умер, но должно мужаться и не падать духом в печали, тогда явится и помощь от Господа». Так как он во всем держал себя благоразумно, то после смерти отца все подчинились его власти. Затем он собрал около себя всех, которые остались – а многие разошлись,– и отправился к Антиохии. Там встретил его с почетом антиохийский князь и вручил ему город, так что он мог им распоряжаться, как угодно. На город часто нападали сарацины, и потому он не надеялся сохранить его за собой. В то время, когда герцог Фридрих оставался там некоторое время для отдыха, проголодавшееся его войско начало упиваться вином и предалось без меры городским наслаждениям, так что между ними открылась смертность от избытка, бóльшая той смертности, которую прежде причинял недостаток. Между тем как в простом народе умирали многие от невоздержанности, знатные люди погибали от жары. Так скончался Готфрид, епископ Вюрцбургский, муж деятельный и благоразумный, который по милосердию Божию руководил всем этим странствованием, и перешел из здешнего мира в небесную отчизну. Тогда герцог, оставив в Антиохии 300 человек, потянулся с прочими в Аккон (Птолемаида), где он и нашел большую христианскую армию, занятую осадой этого города. Его прибытие воодушевило немцев, находившихся в лагере, хотя он привел с собой всего 1000 человек. Но в то время, когда он готовился вступить в борьбу с неприятелем, его постигла преждевременная смерть (20 января 1191 г.). Так кончилось это предприятие, не принеся, по-видимому, никаких результатов. Некоторые были тем крайне огорчены и говорили, что то, что было несправедливо начато, не может иметь благополучного конца. Но, рас-

суждая так, ты не подумал, что то, что в твоих глазах свет, на деле тьма, как сказал Господь: «Если око твое чисто, то все тело твое светло будет» (Матв., 6, 22); очевидно, в этих словах под глазом разумеется внутреннее зрение, а под телом наружная деятельность. Премудрость учит: «Человек видит то, что находится перед глазами, а Господь взирает на сердца». Если же Бог один видит сердца, а ты только наружность, то как же ты осмеливаешься судить, подобно Божеству, который один знает сокровенное? Впрочем, в настоящем случае есть ясные доводы для суждений, на которые следует обратить внимание; эти евангельские мужи из любви к Христу оставили жен, детей, братьев, сестер, отцов и матерей, дом и двор свой и обрекли свое тело на труды и лишения. Бо́льшая часть из них предприняла странствование с чувством такого благочестия, что пилигрим желал лучше погибнуть исповедником Господа, нежели возвратиться назад. Потому, если этот поход или странствование не достигло желаемой цели, то следует принять в расчет, что пилигримы достигли желаемой короны. Ибо славна перед Господом смерть преподобных его; одному Богу известно, когда и как должна смерть кого-нибудь постигнуть, и он один судит о заслугах каждого человека. Если смерть взяла праведного, то это значит, что он достиг вечного покоя.

В последних главах (36–38-й) этой книги автор говорит коротко об осаде Птолемаиды прибывшими вслед затем Филиппом II Августом и Ричардом Львиное Сердце, о ее взятии, удалении Филиппа Августа в Европу и войне Ричарда с Саладином до заключения мира.

В последних книгах своего труда, от IV до VII, автор, возвратившись к истории Северной Германии, рассказывает о правлении сына Фридриха I Барбароссы Генриха VI и его брата Филиппа I, о их постоянной борьбе с Вельфами до самой смерти последнего, когда его соперник Оттон IV Вельф овладел короной Германии (1209 г.). Этим оканчивается хроника. Но автор еще три раза делает отступление по поводу Крестовых походов: первое – в книге V, единственное описание похода в Палестину, по распоряжению императора Генриха VI; второе – в книге VI, рассказ о завоевании Византии крестоносцами, который не представляет в себе интереса, по сравнению с другими источниками; и третье – в книге VII, в главе 10 – весьма интересные путевые заметки о Египте и Сирии после Фридриха Барбароссы, Гергарда Страсбургского, ездившего на поклон к Саладину в 1175 г. (см. об этом путешествии выше).

Chronica Slavorum. III, 30–35.

Рожер Говеден

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ НА о. СИЦИЛИЯ И ЕГО ДОГОВОР С ФИЛИППОМ II АВГУСТОМ. 1190 г. (в 1202 г.)

Автор этой хроники написал собственно историю Англии, продолжая труд Бэды Преподобного, от 738 г. до начала XIII в., поместив в ней отрывочные известия о других странах, а между прочими – также и о Палестине; первые два Крестовых похода нашли в хронике для себя мало места, зато автор гораздо более заинтересовался Третьим крестовым походом, потому что в нем хотел принять участие английский король Генрих II, а его сын Ричард Львиное Сердце был самым активным участником в нем. Изложив подробно сборы к походу Генриха II с приложением многочисленных документов, актов, писем, договоров его с Филиппом II, а также различных астрологических предсказаний и легенд, автор объясняет, каким образом междоусобие Франции с Англией не позволяли соперникам отправиться в поход до самой смерти Генриха; потом автор останавливается долго на первом времени правления Ричарда I, описывает новые его переговоры с Филиппом II и наконец – поход через Марсель до о. Сицилия, где должны были встретиться оба корабля. По этому случаю автор дает предварительно описание самого острова.

На середине пути между Марселем и Сицилией, надобно знать, лежат два больших острова: тот, который больше, называется Сардинией (Sardena), а другой – Корсикой (Corzege). Около самой Сицилии множество островов; некоторые из них, также как и около Сардинии, вулканические (ardentes). Подле Корсики водятся

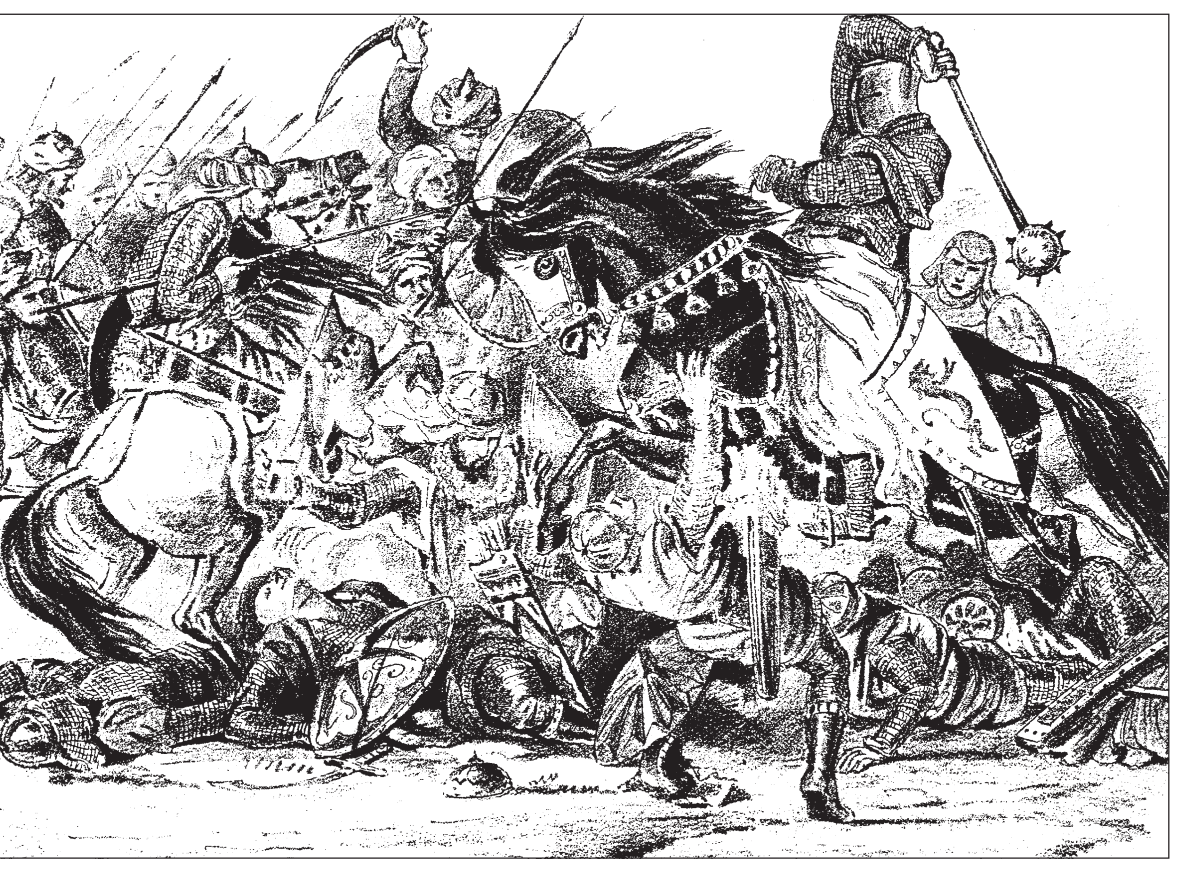
рыбы, которые, выскочив из моря, летают по воздуху; за этими рыбами гонятся множество чаек (falcones), которые преследуют их и ловят для пищи. Мне ручался в справедливости этого тот, кто сам видел; а его показания правдивы: он сидел за столом на палубе и одна из таких летучих рыб упала перед ним на стол. Замечу, что самый большой из островов, окружающих Сицилию, называется Мунтгибель: он до такой степени пылал огнем, что около него высыхало море на большом пространстве и сжигало рыбу; но теперь уже давно погас этот остров заслугами и молитвами блаженной Агафии, девственницы и мученицы. Однажды, когда огонь вылетал из жерла горы Гибель более обыкновенного и начал приближаться к городу Катанам, где почивали святые мощи блаженной Агафии, множество язычников прибыли к ее гробнице, выставили ее покрывало против пожара, и огонь возвратился в море, высушил воду на расстоянии одной мили и сжег рыбу: немногие из них спаслись полусожженными, и от них ведет свое начало та порода, которая и до сих пор остается полусожженною и называется рыбой св. Агафии. Если случится какому-нибудь рыбаку поймать такую рыбу, то он ее немедленно пускает на свободу из уважения к блаженной Агафии и во славу Господа нашего Иисуса Христа, всечудного и преславного о святых своих.

Между тем Роберт из Саблайля, Ричард из Камуиллы и Вильгельм, владетель замка Улера[1], проплыв на корабле Ричарда, короля Англии, между Африкой и Испанией и испытав на пути частые бури, прибыли в Марсель в среду, в восьмой день после Успения Богородицы (22 августа), и вместе с ними весь врученный им флот. Не найдя государя короля, они оставались там восемь дней, занимаясь необходимым исправлением судов. После того они отправились за королем и в день Воздвижения Креста (14 сентября) прибыли в Мессину на о. Сицилия, в пятницу; а в следующее воскресенье приехал туда же и Филипп (II Август), король Франции, 16 сентября; Маргарет эмир (admiralis), Иордан Пинский (del Pin) и другие начальники города приняли его с почестями и отдали ему для помещения дворец Танкреда, короля Сицилии[1].

Когда король Ричард услышал, что его флот прибыл в Мессину (из этого видно, что Ричард один пристал сначала к Южной Италии), он удалился из Салерно 13 сентября и, миновав архиепископские города Амальфи и Концу, прибыл 18 сентября к городу и крепости, называемой Эскала. Вблизи этой крепости находится небольшой остров, на котором, говорят, помещалась школа Лукана, и до сих пор виден там под землей прекрасный покой, где Лукан имел обыкновение заниматься. Следующую ночь король провел в вилле, называемой Лацерарт, что в приорстве Монте-Кассино. 19 сентября король, миновав приорство св. Михаила Иосафатского, прибыл к другому приорству того же ордена, называемому приорством св. Марии, где помещается замок св. Лукеи. 20 сентября король, миновав замок Ламанту, подошел к вилле св. Евфимии. 21 сентября король прибыл в Мелиду, где его с почетом принимали и угощали в аббатстве Св. Троицы. Близ этого аббатства стоит деревянная башня, которую завоевал Роберт Гвискар и овладел после того замком и городом Мелидой. 22 сентября король Англии, выйдя из Мелиды в сопровождении одного только рыцаря, проходил мимо какой-то небольшой виллы и по дороге обратился к одному дому, в котором заметил ястреба; войдя в дом, он взял себе эту птицу; видя, что король не намерен возвращать ее, крестьяне сбежа-

[1] Это были вассалы Ричарда, которые вели флот из Англии в Марсель, куда король отправился через Францию.

[1] Незадолго до появления крестоносцев умер король Сицилии Вильгельм II, последний потомок Гвискара, женатый на сестре Ричарда I, Иоанне; его единственная дочь Констанция была замужем за императором Генрихом VI, сыном Фридриха Барбароссы, которому она и передала свои права на Сицилию и Неаполь; но побочный сын Вильгельма II, Танкред, провозгласил себя королем и начал междоусобную войну. Танкред сначала боялся крестоносцев, ибо Ричард должен был мстить за свою сестру Иоанну, которую он держал в плену, а Филипп был союзником германского императора, мужа ее дочери.

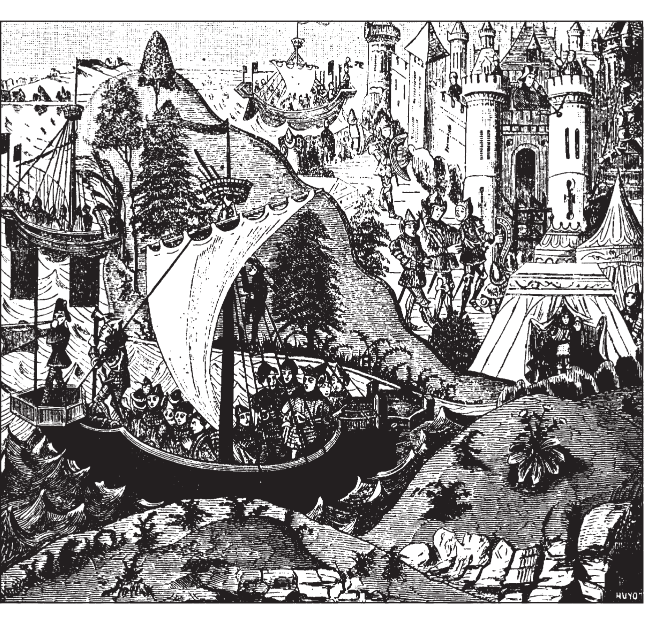


Ричард Львиное Сердце в бою

лись во множестве и напали на него с камнями и дубинами в руках. Когда же один из них обнажил свой нож против короля, Ричард ударил его мечом плашмя, но меч сломался; тогда он, отбившись от других камнями и едва успев ускользнуть из их рук, прибыл в приорство Лабайнарию и, не останавливаясь там, переправился через большую реку Фар-Мескинский (le Far Meschines, Мессинский пролив, который автор называет рекою). Близ каменной башни, поставленной в Сицилии у самого входа в Фар, король провел ночь в палатке. Река же Фар отделяет Калабрию от Сицилии. При входе в Фар, близ Лабайнарии, есть опасное место для моряков, называемое Сциллой, а при выходе другое – Харибда. 23 сентября Ричард, король Англии, прибыл в Мессину, что на о. Сицилия, с многочисленными судами, кораблями и галерами, в такой славе и при таком звуке труб и литавров (buccinum), что жителями овладел страх. Король же Франции со своими людьми, со всеми знатными города Мессины, с духовенством и народом стояли на берегу и изумлялись тому, что видели и слышали о короле Англии и о его могуществе. Когда он пристал, то тотчас же вступил в беседу с королем Франции, и после этого разговора король Франции в тот же день сел на свои корабли с намерением отплыть в Иерусалимскую землю; но едва он вышел из гавани, как поднялся противный ветер, и он с досадой и против воли должен был вернуться в Мессину. Король же Англии поместился в доме Региальда из Мугека, где ему приготовили жилище, за городом, в виноградниках. 24 и 25 сентября король Англии

навещал короля Франции в его помещении и разговаривал с ним о различных предметах. Между тем Ричард, король Англии, отправил послов к Танкреду, королю Сицилии, и успел освободить из-под стражи свою сестру Иоанну, бывшую королеву Сицилии. 28 сентября король Англии вышел навстречу своей сестре Иоанне, которая в тот же день прибыла из Палермо в Мессину на галерах, отправленных Танкредом, королем Сицилии. 29 сентября, то есть в день св. Михаила, король Франции навестил сестру короля Англии в ее доме, увиделся с ней и был тому весьма рад. 30 сентября король Англии переправился через Фар и, овладев укрепленным местом Баниар, 1 октября ввел туда свою сестру Иоанну; оставив ее в Баниаре, он в сопровождении рыцарей и другой многочисленной прислуги возвратился в Мессину. 2 октября король Англии овладел монастырем Гриффоном, местом, укрепленным посреди р. Фар между Мессиной и Калабрией, и сложил там свои съестные припасы, прибывшие к нему из Англии и других его стран; выгнав оттуда монахов и их прислугу, он снабдил прислугу рыцарями и другой стражей. Когда же жители Мессины увидели, что он поместил войско и свою сестру в замке Боар и занял при этом монастырь Гриффон, они начали его подозревать в намерении овладеть всем островом и взволновались. Вследствие того 3 октября произошел раздор между войском короля Англии и жителями Мессины; негодование с обеих сторон возросло до того, что жители заперли городские ворота и сошли со стен в полном вооружении. Войско королевское, заметив то, бросилось с жаром к городским воротам, а государь король на быстром скакуне разъезжал по войску и, желая воздержать его от неистовств, бил палкой всякого, кто попадался под руку, но ничего не мог сделать и наконец вернулся домой; вооружившись, он выехал снова, чтобы прекратить зло, если то будет возможно. Потом, сев в лодку, он отправился во дворец короля Танкреда для совещания с королем Франции о всем случившемся. Между тем вмешательством городских властей ссора прекратилась: обе стороны, положив оружие, разошлись по домам. 4 октября к королю Англии пришли Ричард, архиепископ Мессинский, Вильгельм, архиепископ с Королевской горы, Маргарет эмир, Иордан Пинский и многие другие сторонники короля Сицилии, приведя с собой Филиппа – короля Франции, Регинальда Шартрского, Монассера Лангрского, епископов, Гуго – герцога Бургундии и многих других надежных людей, для заключения мира с королем Англии. Во время их переговоров, когда все было готово для заключения мира, граждане Мессины в огромном числе удалились на горы и замышляли оттуда напасть изменнически на короля Англии; некоторые из них нанесли даже оскорбление Гуго Черному в его помещении, и страшный их крик дошел до слуха короля Англии. Прервав совещание с королем Франции и другими вышеупомянутыми лицами, он приказал немедленно взяться за оружие; а сам с немногими поднялся на крутую гору, которую считали неприступной. Когда он достиг с великим трудом вершины горы, все находившиеся на ней бросились в город, а король преследовал их с мечом в руках. Рыцари и королевские воины схватились жестоко с гражданами у ворот и под стенами и, выдержав удары камней, которыми их осыпали, то врывались в ворота, то отступали; при этом из вассалов короля Англии было убито 5 рыцарей и 20 простых воинов на глазах короля Франции, который не оказал им никакой помощи[1], хотя они были товарищами по странствию. Король Франции и его люди вошли даже в город и с полной безопасностью ходили посреди граждан. Между тем войско английского короля после тяжелых усилий взяло такой перевес, что сбило городские ворота, овладело стенами и, вступив в город, расставило вдоль укреплений по стенам знамена короля Англии. Король Франции в высшей степени оскорбился тем и потребовал снять английские знамена и водрузить его собственные. Король Англии не соглашался сначала, но после во

[1] Автор оставляет необъясненным такое поведение Филиппа II: Танкред успел легко склонить на свою сторону Ричарда потому, что король Франции начал еще прежде замечать в Ричарде намерение отказаться от руки его сестры Алисы.



Английское судно времен Ричарда Львиное Сердце – короля Англии и герцога Нормандии

исполнение воли французского короля приказал убрать свои знамена и передал город на охранение госпитальеров и тамплиеров, пока не будет исполнено все, чего он требовал от Танкреда, короля Сицилии.

8 октября король Франции и король Англии в присутствии графов, баронов, духовенства и народа клялись над мощами святых, что они и их войско во время странствования туда и обратно будут верно охранять друг друга; графы и бароны присягнули также, что они будут твердо и непоколебимо служить. Потом короли, сообразно с волей и желанием всего войска пилигримов (peregrinorum), постановили, чтобы все пилигримы, которые могут умереть на дороге во время своего странствования, могут распорядиться вполне всем, что относится до оружия, лошадей и одежды, которыми пользуются, также и половиной всего состояния, взятого для путевых издержек, но с тем, чтобы ничего не отсылать на родину; подобно тому и клерики при капеллах могут устраивать как угодно вещи, касающиеся капеллы, и все свои книги. Другая же половина должна быть передана в руки Вальтера, архиепископа Руанского, Манассера Лангрского, магистров воинства Тампля и Госпиталя, Гуго, герцога Бургундии, Радульфа Куси, Дрогона Мефо, Роберта Саблейля, Андрея Шавоннь и Гильберта Васкуиля; эту часть они будут употреблять на пользу Иерусалимской страны, когда сочтут то необходимым. Все это короли подтвердили сами лично и обязались соблюдать то на всем пути, как по эту, так и по ту сторону моря, в отношении всех пилигриммов обоего королевства, как тех, которые придут, так и тех, которые уже пришли. Архиепископы и епископы обещали также соблюдать то во всей истине. Магистры Тампля и Госпиталя согласились за свой орден; графы и бароны клялись лично. Сверх того было запрещено играть в какую бы то ни было игру, исключая рыцарей и духовенства, но с тем, чтобы они в течение одного дня или ночи не проигрывали более 20 солидов. Если же рыцари или бароны превысили в проигрыше 20 солидов в течение одного дня или ночи, то они должны внести 100 солидов вышеупомянутым архиепископам, епископам, графам и баронам, которым вверено хранение вышеупомянутых денег для увеличения той казны. Но короли могут играть на сколько им угодно (pro beneplacito suo). В доме королей простые воины могут играть с их дозволения до 20 солидов. И у архиепископов, епископов, графов и баронов их простые воины, получив от них дозволение, могут играть не свыше 20 солидов. Если же простые воины, матросы и другие служители будут пойманы за игрой без позволения, то первые водятся нагими три дня по лагерю и бичуются, если не захотят откупиться от такого вышеупомянутой пеней; то же и в отношении служителей. Моряки же, по их обычаю наказывать, опускаются рано утром в море ежедневно в течение трех дней, если не захотят откупиться от такого испытания вышеупомянутой пеней. Если какой-нибудь пилигрим во время странствования у другого на пути сделает ссуду, то обязуется возвратить. Но относительно того, что было им занято до начала странствования, не отвечает во время похода. Если какой-нибудь матрос или простой воин, или другой кто-либо, исключая духовных и рыцарей, тай-

но убежит от своего господина, то никто не должен его принимать без согласия на то прежнего господина. Если же кто примет такого без согласия на то прежнего господина, то будет наказан по определению вышеупомянутых лиц. И если кто покусится безрассудно нарушить эти постановления столь торжественно утвержденные, то да будет такому ведомо, что его отлучат архиепископы и епископы всего воинства; и нарушители сообразно их состоянию будут подвергнуты наказанию по определению вышеупомянутых лиц. Сверх того короли постановили, что никакой купец, чем бы он ни торговал, не может скупать в лагере ни хлеб, ни муку для перепродажи, если не будет то доставлено ему посторонним. Из этой муки следует напечь хлебов; зерном же не везти, если не сделан хлеб или если зерно не взято для перевоза. Вообще запрещено покупать тесто; также запрещено все покупать в городе или на 1500 шагов от города. Если же кто купит зерном и испечет хлеб, то может приобретать барыша на одну долю унции. Другие же купцы, чем бы ни торговали, могут наживать на десять денариев один денарий. Запрещено скупать битую и живую скотину для перепродажи; должно бить в лагере. Никто не может увеличивать цены на вино после первого ее объявления. Никто не может печь хлеба больше, чем на один денарий. Относительно английской монеты определено, чтобы при всякой продаже один денарий принимался за 4 денария анжуйской монеты. Да будет ведомо, что все вышесказанное было постановлено по определению и волей королей Франции, Англии и Сицилии.

На третий день после взятия Мессины городские власти и правители страны вручили королю Англии заложников в ручательство сохранения мира и обещали сдать ему город, если Танкред, король Сицилии и их господин, не выполнит в скорости всех сделанных ему требований. Ричард же требовал от Танкреда уступки горы св. Ангела со всем графством и другими принадлежностями в пользу сестры своей Иоанны, так как Вильгельм (II), бывший король Сицилии, и ее муж, дал ей то во вдовье владение (indodarium); также золотой престол, который в обычае у королей той страны; а для себя просил золотую столовую доску длиной 12 футов и шириной 1 $^{1}/_{2}$ фута и большую шелковую палатку, в которой могут помещаться 12 рыцарей; также два золотых треножника для поддержки той доски, 24 золотых кубка и столько же серебряных тарелок; 60 тысяч мер хлеба, столько же жита и вина и сто вооруженных галер со всеми принадлежностями и со съестными припасами на два года. Все это требовал король Англии для самого себя, как наследник короля Генриха (II, Плантагенета); Вильгельм, король Сицилии, умирая, завещал ему все вышеупомянутые предметы. На это Танкред, король Сицилии, отвечал следующим образом: «Я дал Иоанне, вашей сестре, перед ее отъездом землю в вознаграждение за вдовий удел, а относительно ваших требований исполню все, что следует по обычаю этой страны». Вследствие того, по совету с лучшими людьми, король Сицилии представил королю Англии 20 тысяч унций золота на требование вдовы, его сестры: другие же 20 тысяч унций – на остальные требования, которые предъявлял Ричард на основании завещания покойного Вильгельма, короля Сицилии, и в приданое за дочерью Танкреда, которая выйдет за Артура, герцога Бретани, племянника Ричарда.

Затем автор приводит, по своему обычаю, несколько подлинных документов: два мирных договора между Ричардом и Танкредом и письмо Ричарда к Папе Клименту с извещением о заключенном мире.

Но прежде, нежели был заключен и утвержден мир между королями Англии и Сицилии, Маргарет эмир и Иордан Пинский, друзья короля Танкреда, которым он вверил охранение Мессины, скрылись ночью, увезя с собой семейства и все имущество в золоте и серебре; но дома, галеры и другие их владения конфисковал король Англии. После того король Англии велел прорыть широкий и глубокий канал по середине того острова, который находился на р. Фар (в Мессинском проливе) и на котором лежал монастырь Гриффон, где охранялись деньги и съестные припасы короля. Канал проходил в длину всего острова – от

Замок Тамворс. XII в.

одного берега до другого; а конец его упирался в Харибду (следует за тем повторение о Сцилле и Харибде того, что уже выше объяснил автор). Пока медлили заключением мира, король Англии укрепил себе место на вершине горы за стенами города Мессины, и этот замок назвали Матегриффон. Обитатели же Гриффона до прихода Ричарда были сильнее всех прочих жителей страны и ненавидели тех, которые приходили из-за гор; так что ни за что стали убивать их, и некому было им помочь. Но когда прибыл король Англии, злоба их укротилась, сила убавилась и они сделались самыми презренными людьми в стране. Рассчитывая, что они могут оскорблять Ричарда, как в прежнее время грабили других, они попали в яму, которую вырыли сами, и разбежались по стране. Английский же народ (Gens autem anglicana) пользовался большим уважением в королевстве Сицилия (по этому случаю автор приводит рассказ об одном старинном пророчестве, предсказывавшем о том, что англичане со временем овладеют королевством Сицилия).

Потом король Англии из любви к Богу и для спасения души своей и своих родственников объявил вечный мир (in perpetuum *vrec*) по всей своей земле, по эту и по ту сторону моря, постановив, что всякий спасшийся от кораблекрушения сохраняет в целости свое имущество; если же кто умрет на корабле, то сыновья, дочери, братья и сестры получают наследство, доказав, что они ближайшие наследники; но если умерший не имеет ни сыновей, ни дочерей, ни братьев, ни сестер, то король получает все движимое имущество (catallum, от capitale – капитал). Это постановление о *вреке* (мире) и утверждение грамоты сделал Ричард, король Англии, во второй год своего правления, в октябре, в Мессине (следует список лиц, скрепивших грамоту). В том же году более 100 тысяч язычников (то есть мусульман), служивших в королевстве Сицилия королю Вильгельму, после его смерти отказались служить королю Танкреду как потому, что Генрих (VI), король Германии, домогался Сицилии, так и потому что Ричард, король Англии, напав на остров, овладел большей его частью. Они удалились в горы с женами, детьми и скотом и теснили христиан, причиняя им великий вред. Но, услышав о мире и согласии между королем Англии и королем Танкредом, они возвратились на службу последнего и, дав ему заложников, разошлись по домам. Обрабатывая землю, как они то делали при короле Вильгельме, язычники оставались на службе у Танкреда.

Следует большое отступление: автор, отложив в сторону сицилийские дела, обращается к рассказу об осаде Птолемаиды христианами, поджидавшими Ричарда и Филиппа II, и отметив несколько других отрывочных событий, как, например, смерть Папы Климента, неудовольствие в Англии против папского лагеря, теснившего народ и т. п., переходит снова к повествованию о Ричарде, в Сицилию.

В том же году (то есть в конце 1190 г.) Ричард, король Англии, по вдохновению свыше, припомнив всю греховность своей жизни, с уничижением сердца созвал в капеллу Регинальда всех архиепископов и епископов, находившихся с ним под Мессиной, и, выйдя к ним нагишом, не устыдился у ног их исповедать Богу в их присутствии всю греховность своей жизни. Отец милосердный Господь, не желающий смерти грешника, но да исправится и живет, воззрел на него оком сострадания, дал ему кающееся сердце и призвал к покаянию; Ричард же воспринял наказание от рук епископов и с того часа сделался богобоязненным, избегал зла и творил добро. О счастлив тот, кто падает с тем, чтобы подняться выше! О счастлив тот, кто после раскаяния не впал в грех!

Следует новое и большое отступление по поводу беседы Ричарда со старцем Иоакимом из Калабрии о том месте Апокалипсиса, где говорится о семи царях, из которых пятеро пало, а двое остались, именно Саладин и Антихрист; после того автор приводит свои собственные соображения об Антихристе, сообщает длинный список князей, стоявших под Птолемаидой, и затем внезапно возвращается к Ричарду, в Мессину, начиная хронику 1191 г.

В феврале (1191 г.) в день Сретения Господня, в субботу, после стола Ричард, король Англии, и многие из его дома вместе с приближенным короля Франции сошлись, по обычаю, за стенами города Мессины, чтобы заняться народными (popularibus, по другим спискам pluribus) играми. На обратной дороге, идя по городу, они встретили какого-то крестьянина, ведшего из деревни осла, навьюченного камышом, который называется также тростью (canna). Король Англии и другие бывшие с ним взяли каждый себе по трости и начали друг на друга нападать. Случилось, что король Англии и Вильгельм из Бара, лучший из рыцарей короля Франции, напали друг на друга и сшиблись тростями, причем ударом Вильгельма было разорвано верхнее одеяние (cappa) Ричарда. Рассерженный король напал на него, так что и он, и лошадь его заметались; пока король старался сбросить его на землю, у него самого перевернулось седло, и он спрыгнул с лошади. Ему подвели другого, более сильного коня, и он снова старался напасть и сбросить Вильгельма, но не мог. Вильгельм припал на шею лошади, и король разразился в угрозах. Тогда Роберт Бретейл, сын Роберта, графа Лейстерского, которого накануне король подпоясал графским мечом отца, наложил руку на Вильгельма, чтобы помочь своему сюзерену; король ему закричал: «Пособи мне и бей его!» Долго еще Вильгельм и король состязались делом и словом. Наконец, король сказал ему: «Убирайся отсюда и берегись, чтобы не попасться мне: я буду вечным врагом и тебя, и всех твоих». Сказав это, он удалился. Вильгельм же, скорбя и сожалея о негодовании короля, обратился к Филиппу, своему государю, прося у него помощи и совета относительно случившегося на улице. На следующий день король Франции пришел от имени Вильгельма к королю Англии и униженно просил мира и прощения, но король не хотел его слушать. После него пришли к королю Англии архиепископ Канторберийский, герцог Бургундии, граф Неверский и многие другие из князей Франции и, пав к его ногам, униженно молили о прощении Вильгельма, но король не хотел слушать их. На третий день Вильгельм удалился из Мессины; его государь, король Франции, не хотел держать его у себя долее против воли короля Англии. Гораздо позже, когда наступило время отъезда, к Ричарду явились король Франции и все архиепископы, епископы, графы, бароны и вожди армии; припав к его ногам, они просили простить Вильгельма, указывая на важность потери столь отличного рыцаря. С большим трудом, но они успели склонить Ричарда дать разрешение Вильгельму возвратиться в мире и обещание не делать зла ни ему, ни его людям, пока они находятся на службе Господней.

После того король Англии дал много кораблей королю Франции и его людям и столь щедро наделил всех рыцарей и простых воинов целой армии, что многие говорили: еще никто из его предшественников не раздал столько в один год, сколько он в один месяц. И должно полагать, что такой раздачей он заслужил благоволение Громодержца, ибо сказано: «Щедрого дателя любит Бог».

В том же месяце, в феврале, король Англии отправил галеры в Неаполь навстречу матери своей, королеве Элеоноре[1], Беренгере, дочери Санхо, короля Наварры, на которой он был намерен жениться, и Филиппу, графу Фландрии, ехавшему вместе с ними. Но мать Ричарда и дочь наваррского короля отправились в Брундизий, где их встретил с почетом Маргарет эмир и другие вассалы короля Танкреда. Граф же Фландрии прибыл в Неаполь и, найдя там галеры Ричарда, отправился в Мессину и отдал себя

---

[1] Alienor, Элеонора Пуату была замужем сначала за Людовиком VII, французским королем, а после за Генрихом II, отцом Ричарда; расстроив брак сына с Алисой, сестрой Филиппа II, она привезла теперь ему другую невесту, Беренгеру.

Печати Ричарда I Львиное Сердце (1189–1199 гг.). Париж. Национальный архив

в распоряжение короля Англии. Но король Франции, оскорбленный тем, устроил так, что граф, оставя Ричарда, перешел к нему.

Следует небольшое отступление по поводу жалоб из Англии на самовластие правителя, оставленного Ричардом на время своего отсутствия:

1 марта (1191 г.) Ричард уехал из Мессины и отправился в Катаны – там покоится святейшее тело блаженной девы Агафии и мученицы – для переговоров с королем Танкредом, который прибыл туда ему навстречу. Когда же король Танкред услышал о прибытии короля Англии, он встретил его и, приняв с должной королю почестью, ввел в город. При посещении ими пещеры блаженной мученицы Агафии, народ и духовенство, хваля и благословляя Господа, соединившего королей союзом, ожидали их у входа в храм. Помолившись на гробе блаженной Агафии, король Англии вместе с Танкредом отправился во дворец и провел там три дня и три ночи. На четвертый день король Сицилии отправил Ричарду большие дары золотом, серебром, конями и шелковыми тканями; но король Англии ничего не принял от него, кроме небольшого перстня, удержанного им в знак дружбы. Король же Англии подарил Танкреду знаменитый меч, который бритты называют *Coliburne*; это был меч Артура, известного короля Англии. Сверх всего, Танкред дал Ричарду четыре больших корабля, называемых *ursers*, и 15 галер. Когда же король Англии уходил, Танкред лично провожал его до Таверня, который отстоит на два больших перехода от Катан. На следующий день, когда Ричард хотел отправиться дальше, Танкред передал ему записку (breve), доставленную ему от короля Франции герцогом Бургундским; в этой записке было сказано, что король Англии – изменник и не соблюдает заключенного мира; если Танкред желает вступить в войну с королем Англии или напасть на него ночью, то люди Филиппа помогут ему истребить Ричарда и его войско. На это король Англии отвечал: «Я не изменник, не был им и не буду; мира, который я заключил с вами, не нарушил и не нарушу, пока жив; притом не могу легко поверить, чтобы король Франции мог таким образом писать обо мне, ибо он мой сюзерен (dominus meus) и клялся быть союзником во время этого странствования». Ему отвечал Танкред: «Вручаю вам подлинные письма, которые он мне прислал через герцога Бургундии, и если герцог Бургундии откажется от того, что он доставил мне их от своего господина, короля Франции, то я готов доказать, ему то через одного из моих герцогов». Получив из рук короля Танкреда эти письма, Ричард возвратился в Мессину. В этот же день и король Франции прибыл в Тавернь, говорил с Танкредом и, проведя там ночь, на следующий день вернулся в Мессину. Король же Англии раздраженный против него, сумрачно смотрел на него, что не обещало мирного расположения, и старался отыскать предлог, чтобы отделиться от короля Франции. На его вопрос, чтó все это значит, Ричард передал ему через Филиппа, графа Фландрии, все, что он слышал от Танкреда, и в доказательство показал ему те письма. Король Франции, видя то и чувствуя себя несправедливым, замолчал, ибо не мог возражать. Но, вернувшись к себе, он объявил: «Теперь я вполне убежден, что король Англии ищет предлога делать мне зло, и все

это выдумка и ложь, я думаю, что он решился на такую выдумку, чтобы отказаться от моей сестры Алисы (Alesia), с которой он клятвенно обручился; но пусть он знает, что если это случится и он женится на другой, то я буду врагом его и всех его людей до конца жизни». Услышав то, король Англии отвечал, что он никогда не женится на его сестре, ибо его отец (Генрих II) знал ее и имел от нее сына, чему он приводил многих свидетелей, готовых подтвердить то всяческим образом. Когда и король Франции удостоверился в том, вследствии многих показаний, то он по совету графа Фландрии и других своих вассалов согласился покончить дело миролюбиво, чтобы предать забвению все происшедшее между ним и королем Англии. Ричард освобождался от всех клятв, обязательств и договоров, заключенных по поводу обручения с Алисой и за то обещал королю Франции уплачивать в течение 5 лет ежегодно по 2 тысячи марок стерлингами (strilin-gorum), и тут же на месте заплатил первые 2 тысячи. После возвращения домой король Англии отпустил на свободу Алису и выдал Жизор и прочее, уступленное в качестве приданого. На этих условиях король Франции дал согласие Ричарду жениться на ком угодно; сверх того, Филипп предоставил и подтвердил хартией, чтобы герцогство Бретань на вечные времена считалось вассальным владением герцога Нормандии и чтобы герцог Бретани был вассалом (homo) герцога Нормандии и относился к нему как ligius (зависимый) к своему сюзерену, а герцог Нормандии дает присягу Франции и за Бретань, и за Нормандию.

Таким образом, в тот день оба короля сделались друзьями и утвердили все свои договоры клятвой и приложением печатей. Того же месяца, марта, 30-го числа, в субботу[1], Филипп, король Франции, отплыл из Мессинской гавани со всем своим флотом и 22 апреля, в субботу на святой неделе, прибыл с войском к осажденной Птолемаиде (Accon). Король же Англии и его войско остались, после отбытия Филиппа в Мессине. В тот же день, когда король Франции удалился из Мессины, прибыла туда королева Элеонора, мать Ричарда, и привезла с собой Беренгеру, дочь Санхо, короля Наварры, на которой король Англии имел намерение жениться. 4 апреля Элеонора возвратилась в Англию через Рим по делу Готфрида, избранного в архиепископы Йорка. Король просил через нее первосвятителя и униженно умолял, чтобы он утвердил избрание Готфрида и посвятил его сам или через другого. После удаления Элеоноры дочь короля Наваррского осталась у Ричарда вместе с его сестрой Иоанной, королевой Сицилии.

Так как 11 апреля умер Папа Климент и был избран Целестин III, то автор по этому случаю делает отступление и рассказывает подробно как избрание нового Папы, так и коронование им Генриха VI императорской короной, а затем снова обращается к Ричарду.

Между тем король Ричард срыл в апреле и разрушил свою крепость Матегриффон, еще до своего отъезда из Мессины, как то обещал Танкреду. В четверг же он вышел со всем своим войском и флотом из Мессинской гавани на 150 больших кораблях и 53 галерах, хорошо вооруженных; но в субботу, в девятом часу дня, подул страшный восточный ветер и рассеял флот. Король с частью кораблей пристал к о. Крит, а потом к Родосу. Большой же корабль, на котором были королева Сицилии и дочь короля Наваррского, вместе со многими приближенными Ричарда и других два судна подошли к о. Кипр; король ничего не знал, что с ними случилось.

Далее автор рассказывает о завоевании Кипра Ричардом, его прибытии под Птолемаиду, об осаде города, его завоевании, возвращении Ричарда, его плене и освобождении, войне с Филиппом II и смерти, наконец, о начале правления Иоанна Безземельного до 1202 г., на котором останавливается хроника. Для истории Четвертого крестового похода у нашего автора особенно замечателен только один эпизод: проповедь Четвертого крестового похода монахом Фулько Нёльи в Англии и его свидание с Ричардом незадолго до смерти короля (см. о том ниже).

Annalium Anglicanorum Libri II. 731–1201.
Под 1190 и 1191 гг.

[1] Если в 1091 г. Пасха была 16 апреля, то 30 марта приходилось в четверг, а не в субботу.

Боаэддин

ОСАДА АКРЫ ХРИСТИАНАМИ. 1189–1191 гг. (до 1235 г.)

Арабский историк, окончив рассказ о взятии Иерусалима Саладином, говорит сначала, как владетель Тира, почти единственного города, оставшегося в руках христиан, отправил в Западную Европу посольство с картиной, на которой представлен был план Иерусалима, посредине которого возвышался храм Гроба Господня, внизу изобразили сам Гроб, а над ним – мусульманский всадник на коне, оскверняющем его нечистотой. Эта картина возилась по всем городам и селениям; ее выставляли на площадях и рынках; народ, возмущаемый таким изображением, устремлялся в Палестину, и вскоре в Тире собралось такое количество пилигримов, что в 1189 г. христиане могли предпринять осаду Акры или Птолемаиды. Но прошло два года, и Саладин так умело распоряжался, что город не сдавался до тех пор, пока в начале 1191 г. не прибыли войска короля Французского Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце, английского короля.

В 587 году эгиры (весной 1191 г.) наступила, наконец, благоприятная погода; море сделалось спокойно и войска с обеих сторон (то есть со стороны христиан, осаждавших Акру, и Саладина, нападавшего на них с тыла, пришли в движение. Саладин видел, как его полки друг за другом возвращались с зимних квартир; христиане также получили большую помощь; между прочим к ним явился и король Франции (Филипп II Август), которым они давно уже грозили нам; он приплыл в субботу 23 реби (20 апреля). Это был король высокого достоинства, весьма уважаемый и один из первых властителей франков; после прибытия он взял на себя начальство над войском. Его сопровождало шесть кораблей, наполненных людьми и съестными припасами. С ним же был привезен огромный белый сокол, страшный на вид и редкий в этой породе; я никогда не видал более красивого. Король весьма любил этого сокола и много его ласкал; но однажды эта птица улетела с его руки прямо в город и была доставлена султану; напрасно король предлагал тысячу золотых за выкуп; ему отказали. Это обстоятельство причинило нам большую радость и казалось хорошим предзнаменованием. Несколько времени спустя в христианскую армию прибыл граф Фландрский по имени Филипп, один из могущественнейших государей Запада. С той эпохи нападения начали делаться сильнее. Во вторник, 9 джумади, когда султан находился еще в Карубе и Шафараме на своих зимних квартирах, христиане приблизились к городу. Саладин поспешил со всеми своими силами для отвлечения их сил; после того, отправив свои

БОАЭДДИН (BOHA-EDDIN, ABOULMAHASSEN IOUSSOUF IBN-SCHEDDAD. 1145–1235). Он родился в Мосуле и, получив воспитание в Багдаде, приобрел себе известность богословскими и юридическими познаниями. После взятия Иерусалима Саладином он посетил этот город, понравился султану и был назначен кади Иерусалима; после смерти Саладина Боаэддин удалился в Алеппо, где и умер. Из его сочинений, дошедших до нас, особенно замечательна «История жизни Саладина», потому что он был очевидцем описываемых событий. В своем предисловии автор говорит: «Так как я имел преимущество быть свидетелем деяний моего господина султана Саладина, защитника веры, сокрушителя христианского богопочитания, знамени правды и виновника взятия святого города, то я увидел себя принужденным поверить всему, что говорилось о героях древности, отдаленность которых делает их баснословными. Я видел такие подвиги, что свидетелю нельзя не описать их; а потому я решился сообщить краткий рассказ о всем, виденном мной и слышанном от очевидцев. Это только малая часть целого; но и это немногое даст понятие об остальном».

Сочинение Боаэддина было издано в арабском оригинале с латинским переводом *Schultens* (Vita et res gestae sultani Saladini. Leyde. 1732) в одном томе in-folio; французский же перевод в извлечениях помещен в «Bibliotheque des Croisades, par Michaud» (Par., 1829, т. VI) и был сделан *Рено*.

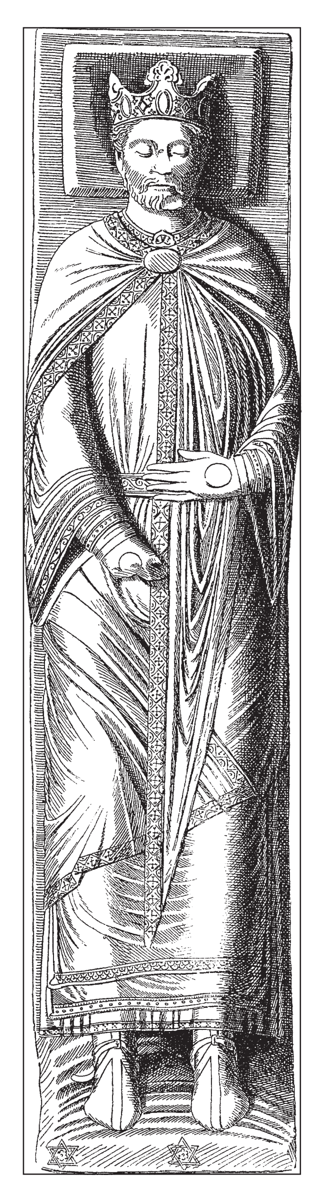
полки по квартирам, он сам остановился на равнине в той палатке, где читал вечернюю молитву и отдыхал. Я был в эту минуту подле него. Вдруг объявляют ему, что неприятель возобновил приступ; тогда он поворотил свою армию назад и оставил ее под оружием на всю ночь, проводя время вместе с нею. Но нападение не прекратилось, почему Саладин разместил свое войско попрежнему, на холме Айадия, в виду города. На следующий день он поразил христиан, идя сам во главе храбрых. Неприятель же, видя такое рвение мусульман, побоялся быть окруженным в своих окопах и прекратил нападение на город.

Между тем гарнизон Акры (то есть мусульманский) пришел в плачевное состояние; враг не давал ему покоя и особенно старался о том, чтобы засыпать рвы; с этой целью он бросал туда все, чту ему попадало под руку, даже трупы и всякую падаль; уверяют, что они кидали туда своих больных, прежде, нежели те успевали умирать. Гарнизон, чтобы отражать неприятеля в столь различных случаях нападения, должен был разделиться на несколько отрядов; одни спускались во рвы, где они рубили трупы на куски, другие тащили крючьями обезображенные части и передавали их на руки третьим, которые уже бросали их в море: один отряд стоял при машинах, другой охранял укрепления. Как бы то ни было, гарнизону приходилось выносить всякого рода тяжести. Городские начальники беспрестанно писали нам жалобы на свои бедствия, которым, может быть, не было подобных и которые, казалось, превышали человеческую силу; но они подчинялись своей судьбе в убеждении, что Аллах благосклонен к тем, которые терпят. Война не прекращалась ни днем, ни ночью. Христиане нападали на город, а султан на христиан; насколько христиане старались беспокоить осажденных, настолько и он тревожил их самих. При этом случае Саладин обнаружил необыкновенную твердость. Однажды к нему явился посланный от имени франков для переговоров, но он отвечал, что франки могут говорить сколько им угодно, он же не имеет им ничего сообщить. В таком положении было дело, когда прибыл король Англии (Ричард Львиное Сердце, имя которого никогда не упоминают арабские писатели, называя его или *королем Англии*, или просто *Англичанин*).

Этот король был страшной силы, испытанного мужества и неукротимого характера; он составил себе большую славу своими прежними войнами, хотя и был ниже короля Франции и достоинством, и могуществом, но зато он был гораздо богаче и более опытен в воинском деле. Его флот состоял из 25 кораблей, наполненных воинами и съестными припасами. На своем пути он овладел о. Кипр. Он прибыл к Акре в субботу, 13 джумади (8 июня 1191 г.).

Такое новое подкрепление вдохновило врагов великой радостью. Франки предались по этому поводу громким ликованиям и ночью зажгли огни. Последнее было сделано с целью устрашить нас: они хотели большим числом огней дать нам понятие о своей многочисленности. Христиане давно уже ожидали короля Англии; мы знали через перебежчиков, что они отложили окончательный приступ до его прибытия – так высоко ценилось ими его искусство и отвага. Действительно, появление короля Англии произвело большое впечатление на мусульман; ими начали овладевать страх и боязнь. Но султан принял и этот удар с самоотвержением; он благоговейно подчинился воле Аллаха; и чего может бояться тот, кто возлагает на него свои надежды? Не следует ли человеку довольствоваться Аллахом, не обращая внимание на прочее?

Флот англичан встретил на своем пути большой мусульманский корабль со съестными припасами и снадобьями, шедший из Берита в Акру; этот корабль, будучи окружен со всех сторон, оказывал продолжительное сопротивление и успел даже сжечь христианский корабль; но, наконец, не имея возможности ни продолжать борьбу, ни спастись на парусах, так как ветер стих, начальник корабля по имени Якус, человек храбрый и добрый воин, приказал пробить топором отверстие, и все было поглощено морем; от всего экипажа спасся только один человек, которого христиане послали в Акру



Ричард I Львиное Сердце (1189–1199 гг.). Статуя с его гробницы в аббатстве Фонтевро

известить о поражении[1]. Это известие причинило нам великую печаль; но султан перенес и новое испытание с обыкновенной твердостью и подчинился воле Божьей с уверенностью, что Аллах не оставит тех, которые ему были верными. Счастливым образом в тот же день Аллах и послал нам утешение. Христиане построили машину в четыре этажа, из которых первый был из дерева, второй из свинца, третий из железа и четвертый из меди; машина своей высотой превышала укрепления Акры и была уже пододвинута на расстоянии пяти локтей от стен или около того, если судить по глазомеру. Осажденные пришли в отчаяние и думали уже сдаться, как Аллах попустил эту машину сжечь. При виде того мы предались радости и воздали хвалу Аллаху.

После небольшого отступления наш автор снова возвращается к главному рассказу.

Между тем приступы не прекращались. Всякий раз, когда осажденные подвергались нападению, они давали сигнал, и наши отвечали им; вслед за тем люди садились на лошадей и отвлекали неприятеля. 19 джумади (половина июня) мы ворвались в укрепления христиан, что доставило некоторое спокойствие городу. Произошел жестокий бой, продолжавшийся до полудня, и обе армии отступили только вследствие усталости. В этот день солнце так палило и жар дошел до того, что многие получили головокружение.

Двадцать третьего мы услышали снова сигнал; воины схватились за оружие и бросились на лагерь христиан; франки немедленно возвратились для защиты с громкими криками и захватили несколько мусульман в своих палатках. Именно при этом случае был убит один человек знатного происхождения, пришедший из глубины Мазандерана, что у берегов Каспийского моря, с целью отличиться в священной войне; он прибыл во время самого боя, и спросив позволения у Саладина пойти в дело, славно принял мученическую смерть. Между тем враг, взбешенный тем, что осмелились вторгнуться в его лагерь, запылал негодованием, выступив стремительно, пехота и конница бросились на нас, как один человек. К счастью, мусульмане устояли. День был ужасный; мы дали доказательство неслыханной твердости. Наконец, неприятель, удивленный такой храбростью и остановленный сопротивлением, которое могло привести в

---

[1] Подробности этого морского дела см. ниже, у христианского писателя-очевидца Галфрида Винодела.

трепет, вступил в переговоры. От них явился посол, которого отвели к Малек Аделю (сыну Саладина); при нем было письмо от короля Англии, в котором он просил о свидании с султаном; но Саладин приказал сказать, что короли не вступают так легко в личные разговоры; надобно условиться предварительно; было бы неблаговидно продолжать разрыв и возобновить войну после того, как они виделись бы друг с другом и вместе ели бы и пили. «Если он желает видеться со мной,– присоединил султан,– то прежде всего необходимо заключить мир; а до того времени ничто не мешает тому, чтобы переводчики были нашими посредниками и передали, что мы скажем друг другу. После заключения же мира, если то будет угодно Аллаху, мы очень легко можем переговорить лично». Война продолжалась и в следующие дни. Каждую минуту мы получали от осажденных письма с жалобами на труды и утомление, которое они испытывают со времени прибытия короля Англии. Между тем этот король захворал и был близок к смерти; в то же время ранили и короля Франции; этот случай дал городу возможность отдохнуть.

Следует отступление с целью объяснить другие причины недеятельности христиан, а именно: внутренние их раздоры. Гвидо потерял свою жену, дочь короля Амальрика, благодаря которой он получил иерусалимский престол; вследствие того на этот престол должен был вступить сын Гумфрида, женатый на второй дочери Амальрика; но Конрад Монферратский, правитель Тира, отнял у него жену и сам женился на ней, провозгласив себя в то же время королем Иерусалима; Ричард Львиное Сердце принял сторону Гвидо, а Филипп Август – сторону Конрада; вследствие этого раздора, когда последний удалился в Тир, король Англии обратился снова к Саладину с мирными предложениями, и отправленный им посол был принят Малек Аделем и Афдалом, сыновьями султана.

Сыновья султана отвечали посланному от короля Англии: «Не всякий, кто захочет, может приблизиться к султану; прежде нужно получить его согласие». Саладин согласился и ему представили посла, который, отдав ему поклон короля Англии, сказал: «Мой государь желает иметь свидание с вами, и если вы дадите ему охранную грамоту, то он явится сюда и лично объявит свою волю; но, быть может, вы предпочитаете избрать на равнине место, лежащее между двух армий, где вы имели бы возможность переговорить вместе о своих делах». Султан отвечал: «Если мы свидимся, то он не поймет моего языка, а я не пойму его, а потому лучше прибегнуть к посредству посла». Но посланец настаивал на своем, и было договорено, что свидание произойдет между королем и Малек Аделем: однако посланный более не показывался. Носился слух, что христианские князья отговорили короля Англии пойти на то свидание, под тем предлогом, что это для него унизительно; прибавляли к этому, что король Франции, имевший власть над ним, положительно ему запретил то. Только уже спустя несколько времени после того посланный короля Англии возвратился для опровержения таких слухов; ему было приказано объявить, что король руководился в этом случае собственной волей, а не волей других. «Я управляю, – говорил король, – но не управляюсь. Если же я не явился на свидание, то только по болезни». Потом посланец, имевший собственно целью достать некоторые предметы, в которых нуждался его государь вследствие своей болезни, продолжал следующим образом: «У наших королей есть обычай делать взаимно подарки даже и во время войны; мой государь в состоянии предложить султану дары; позволите ли вы мне представить их и будут ли они вам приятны, если их передаст посланный?» Малек Адель отвечал: «Подарки будут хорошо приняты, если дозволят и нам отдать тем же». Тогда посланный объявил: «Мы привезли с собой соколов и других хищных птиц, пострадавших немало от переезда, и которые теперь погибают от крайности; не дадите ли вы нам куриц и цыплят для кормления их? Как только те выздоровят, мы отблагодарим султана».– «Скажите лучше, – возразил Малек Адель, – что ваш господин болен (то есть Ричард) и имеет надобность в курицах и цыплятах. Впрочем, за этим дело не станет; он получит их сколько угодно; поговорим о другом».– «Чего же вы желаете?» – продолжал посланный. «Ничего, – отвечал Малек Адель, – вы пришли сюда, так вам и говорить о том, чего вы желаете».

Далее автор описывает все вежливости, которые были сделаны взаимно Ричардом и Саладином; Ричард беспрестанно посылал в лагерь мусульман с каким-нибудь подарком или просьбой прислать ему фруктов, снегу и т. п., что было ему доставляемо; но автор подозревает христиан в намерении разведать при этом расположение лагеря и выждать время, потому что приступы продолжались по-прежнему, и 1 июля христиане так стеснили осажденных, что только ночь помешала им овладеть городом, а диверсия, сделанная Саладином, не удалась.

В этот день (1 июля) было страшное дело: султан скакал на коне по рядам войска, подобно львице, потерявшей свое детище, и кричал «Мусульмане, мусульмане!» с глазами, полными слез. Каждый раз, когда его взоры обращались к городу, он живо себе представлял страдание осажденных; он думал о бедствиях, претерпеваемых воинами; при этой мысли в нем вспыхивал жар, и он возобновлял битву. Весь день он провел без пищи и принял только предписанное медиком питье. Я также не мог устоять против такого утомления и, оставив султана, удалился в палатку, на холме Айядия, откуда можно было видеть все. Сражение прекратилось только ночью.

В это время мы получили от осажденных следующее письмо: «Мы дошли до последней крайности, мы не в состоянии больше держаться; завтра, 8 джумади (2 июля), если вы не явитесь к нам на помощь, мы вступим в переговоры для спасения жизни и оставим город; мы позаботимся о сохранении своей головы». Это известие было самое плачевное; мы были глубоко огорчены. В Акре находились в то время отборные воины Палестины, Сирии и Египта и всех стран мусульманских; там служили храбрейшие из эмиров и знаменитейшие герои исламизма. При чтении того письма султан испытал такую печаль, какой ему еще не случалось; боялись даже за его жизнь, и между тем он не переставал славословить Бога и терпеливо переносить все. Ввиду такой опасности он предписал для отвлечения неприятеля от города напасть на его лагерь. С рассветом дня ударили тревогу; вся армия взялась за оружие, конница и пехота, и мусульмане пошли на приступ; но султан имел небольшой успех. Часть христианской пехоты засела в укреплениях, крепких как стена, и невозможно было дойти до нее. Я слышал от одного, которому удалось пробраться в самый лагерь неприятелей, как он видел какого-то христианина, стоявшего на высоте укреплений; подле него стояли люди, подававшие ему стрелы и камни, которыми он отражал мусульман; твердость его была необычайная; пораженный более полусотней стрел и камней, он не попятился ни на шаг; мы избавились от него, обдав его из горшка нефтью, и он сгорел до тла. Другой уверял меня, что видел, как женщина дралась заодно с мужчинами. Бой длился до ночи.

Вслед затем автор говорит о новых переговорах; Саладин согласился сдать город, кроме гарнизона, и возвратить животворящий крест; но христиане требовали всей Палестины, и султан решился на новый приступ.

После неудачных переговоров Саладин вознамерился попытаться еще раз, созвал свой совет, изложил ему плачевное состояние города и предложил возобновить битву. Мнения были различны; но пока они рассуждали, на стенах города появилось знамя франков, и в то же время поднялись страшные крики со стороны христиан. Был полдень (17 июля 1191 г.). Мусульмане остановились пораженными и на несколько времени ими овладел ужас; казалось, они потеряли рассудок; но затем раздались плач и рыдания; сердце каждого разделяло общее горе по мере веры его и набожности; по духу своей религии мусульмане были удручены этой потерей. Я находился в эту минуту подле Саладина; он был поражен, как мать, утратившая свое детище, и горько плакал; я утешал его сообразно обстоятельствам и говорил, что теперь лучше будет думать о спасении Иерусалима и Палестины.

История жизни Саладина.

Галфрид Винодел

МОРСКОЕ ДЕЛО РИЧАРДА I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ С МУСУЛЬМАНАМИ ПОД АКРОЙ. 1191 г. (около 1200 г.)

Автор, описав отъезд Ричарда Львиное Сердце из Европы в Палестину и его путь по Средиземному морю, рассказывает, как флот английского короля, после овладения Кипром направился к Акре, осажденной крестоносцами, и близ этого города встретил мусульманский корабль (см. описание этого же самого обстоятельства у арабского писателя Боаэддина).

Король, заметив корабль, приказал Петру из Бара, начальствовавшему одной из галер, отправиться узнать, кто на нем. Петр донес, что ему отвечали, будто бы этот корабль принадлежит королю Франции. Ричард тотчас же подошел к кораблю, но, слыша на нем нефранцузский язык и не замечая знака христиан, был изумлен при ближайшем рассмотрении и величиной, и прочностью постройки судна, на котором возвышались три большие мачты. Бока его были выкрашены зеленым и желтым цветами, и он, по-видимому, был наполнен всякого рода провизией. Кто-то видевший в Берите, как его нагружали, уверял впоследствии, что на нем помещалось всякого рода оружие, тяжестью на 100 верблюдов, а именно: пращи, луки, копья и т. п. Кроме того, на нем находилось бесчисленное количество провизии, множество сосудов с греческим огнем и двести штук самых ядовитых змей, предназначенных на погибель христианам. На корабле присутствовали семь эмиров и до 80 отборных турок. Для лучшего осведомления о нем к нему начали приближаться и другие галеры; им отвечали, что это генуэзцы и идут в Тир; но такие ответы вызывали большие подозрения, и один из наших галерных начальников уверял, что корабль – сарацинский, и вызвался доказать то, хотя бы предприятие стоило ему жизни. Король приказал ему следовать на веслах, и, когда галера подошла близко, экипаж корабля на приветствия английских моряков отвечал залпом стрел. Заметив то, король дал распоряжение напасть на корабль; стрелы полетели с обеих сторон. Так как ветер был ничтожен, то ход корабля уменьшился; но наши галеры хотя и окружили его отовсюду, но не могли ничего сделать: так прочна была его постройка, и так упорно и отчаянно защищались сарацины. Наши, не имея сил одолеть противника, начали ослабевать в нападении. Непобедимый Ричард, которого отвага ничем не могла быть охлаждена, кричал изо всех сил: «Неужели вы дадите кораблю уйти, не коснувшись его? О срам! После стольких побед, вы уступаете теперь трусливо! Нельзя отдыхать в виду неприятеля, посланного вам судьбой. Знайте, что вы будете повешены на крестах или наказаны унизительной смертью, если дадите уйти неприятелю». Англичане, почувствовав по нужде отвагу, приблизились к кораблю и, забросив веревки на руль, пытались задержать ход; другие же при помощи этих веревок успели даже перескочить на борт. Турки, сопротивляясь с упорством, перерубили одним руки, другим ноги и голову и побросали

ГАЛФРИД ВИНОДЕЛ (GALFRIDUS DE VINO SALVO, во франц. форме GAUTHIER VINISAUF. Конец XII–начало XIII в.). Сочинение Галфрида об уходе за виноградниками и выделке вина дало ему прозвание Винодела. Он Ричардом Львиное Сердце в Третьем крестовом походе и оставил весьма интересные мемуары под заглавием «Путь Ричарда, короля Англии, в Св. землю, 1170–1194 гг.». В начале этих мемуаров помещен обзор завоеваний Саладина, вызвавших поход в Иерусалим. По живости изложения, уменью наблюдать и превосходно рассказывать труд Галфрида принадлежит к числу самых замечательных памятников эпохи Третьего похода и в то же время служит лучшим изображением рыцарских подвигов Ричарда.

Издания: лучшее у *Gale*. Histor. Angl. scriptores, 247–429 с.; у *Bongurs*. Gesta Dei per Francos, 1150–1172 с., неполное издание и без имени автора. Переводы: англ. у *Bohn.* Antiquarian library, t. VI.

Английский лучник

в море. Англичане, пылая местью, пошли с яростью на приступ, сцепились с кораблем и напали на турок, которые продолжали упорную защиту; воодушевленные отчаянием, они всеми силами давали отпор нападающим. Тогда англичане, бросившись на нос корабля, привели турок в беспорядок; но они, соединившись и став тесно друг с другом посередине корабля, решились храбро умереть или отразить неприятеля. Это были все молодые люди, хорошо вооруженные и привыкшие к военному делу. Долго боролись с обеих сторон; падали и христианские, и мусульманские воины. Между тем турки, сражаясь постоянно с отчаянием, принудили англичан отступить и очистить корабль. Тогда последние, возвратившись на свои галеры, оцепили его со всех сторон и искали нового и более удобного места для приступа. Король, видя опасность, которой подвергались его люди, и невозможность покорить турок, сохранив в то же время корабль с оружием и припасами, которыми он был нагружен, приказал своим галерам разбить корабль своими железными шпорами. Галеры, приступив к такому маневру, ударили изо всей силы в бок корабля и пробили его; он пошел немедленно ко дну. Турки, спасаясь от погибели, бросились в волны, но наши одних перебили, других утопили. Король спас 35 человек, между которыми были эмиры и люди, искусные в построении машин; все же остальные погибли; оружие, змеи и весь груз утонул. Сарацины, смотревшие с высоты соседних гор и бывшие свидетелями такого поражения, отправились, исполненные печали, донести о том Саладину.

Описанием этой морской битвы автор заканчивает вторую книгу и переходит к третьей, которая начинается рассказом о прибытии Ричарда в лагерь под Акрой, где стояли уже два года крестоносцы и куда незадолго перед тем явился Филипп II Август.

Itinerarium Richardi Angl. regis in Terram Sanctam ab a. 1170–1194.

Бернард Казначей

ВЗЯТИЕ АКРЫ И ВОЙНА РИЧАРДА С САЛАДИНОМ. 1191–1192 г. (около 1230 г.)

Когда король Ричард завоевал остров Кипр[1] и захватил в плен императора (одного из Комнинов, бежавшего из Константинополя от жестокостей Андроника и провозгласившего себя императором на о. Кипр), он повелел тамплиерам охранять этот остров и намеревался отдать им его совершенно; они говорили, что не возьмут острова, но будут его охранять. После того король пошел далее по морю и увез с собой императора, его жену и дочь. Таким образом, он прибыл к городу Акре (8 июня 1191 г.). Король Франции (Филипп II) узнал, что приехал король Англии и что он уже женат; хотя это обстоятельство оскорбляло его, но тем не менее он вышел к нему навстречу и был столь веж-

[1] Извлечение из предыдущего у того же автора см. выше.

лив (be si grant cortoisie), что сошел с коня и, как говорят, взял жену короля Ричарда на руки и перенес ее с лодки на берег. После прибытия и король Ричард, и король Франции ежедневно подступали к Акре. При одном таком штурме французам случилось ворваться силой между двух стен; при этом был убит маршал Франции. Осада продолжалась уже более года, и турки терпели большой недостаток в людях и в съестных припасах; они просили Саладина подумать о их освобождении, ибо не могли долее держаться. Саладин понимал хорошо, что осажденные сильно терпели, и это огорчало его. Он просил обоих королей вступить с ним в перемирие, пока он успеет переговорить с жителями города, и дать ему для того один день. В течение этого перемирия был заключен мир на следующих условиях. Саладин сдает Акру королю Франции и обещает выдать ему святой крест и выпустить на свободу по одному христианину за каждого сарацина в городе, а за эмиров и знатных людей дать приличный выкуп. Для возвращения креста и для уплаты выкупа был назначен день. Когда мир был заключен, христиане вступили в Акру и посадили сарацин в темницу. Король Франции получил замок Акры и поставил там свой гарнизон; король Англии поместился в доме тамплиеров. Так была взята и сдалась Акра, в год от воплощения Господня 1191-й (13 июля).

Граждане Акры и те, которые имели там собственность до завоевания города сарацинами, отправились по своим домам и хотели удержать их за собой; но наемные всадники, овладев их собственностью, не возвращали ее, ибо они ничего не желали знать и притом завоевали ее у сарацин. Граждане Акры явились к королю Франции и молили о пощаде, прося не дозволять грабить их, ибо они не закладывали и не продавали своей собственности, но сарацины отняли ее у них; так как Господь Бог возвратил эту собственность христианам, то было бы несправедливо лишить их ее, и просили его именем Бога оказать им защиту. Король сказал, что он сделает это охотно. Он пригласил короля Англии и баронов войска. Когда они собрались, король предложил им, сообразно с просьбой граждан Акры, возвратить им их наследие; потом он говорил им, что они пришли в эту страну не для того, чтобы приобретать дома и наследия, но чтобы помочь стране и вручить ее христианам; а так как они завоевали страну, то он держится того мнения, что по справедливости не следует терять наследия тем, которым оно принадлежит: таков был его совет. Все согласились с этим и объявили, что так должно поступить. Таким образом, оба короля и все прочие постановили, что всякий, кто может доказать надлежащим свидетельством свои права на наследство, получит его. Потом было постановлено, что рыцари, овладевшие домами в Акре, будут жить вместе с теми, которым они принадлежат, и занимать часть дома, пока рыцарям будет то угодно.

Когда наступил тот день, в который Саладин должен был выдать святой крест королю и заплатить выкуп за эмиров, находившихся в Акре, султан просил короля Франции назначить ему другой день, так как он не успел еще приготовить всего; король согласился. Когда наступил и этот день, Саладин опять ничего не прислал, и просил новой отсрочки. Король рассердился, видя, что султан обманывает его таким образом; он назначил ему снова день и объявил, что если он не представит всего, что должен представить, то всем сарацинам, находящимся в Акре, будет отрублена голова. Когда наступил назначенный срок, султан опять ничего не сделал. После того король приказал взять сарацин, кроме эмиров, и отвести их в укрепление Акры, где им отрубили головы. Он пощадил эмиров, потому что война не была еще окончена, и с целью обмена, если попадется в плен какой-нибудь барон. Одну половину этих эмиров держал при себе король Франции, а другую – король Англии. Когда Саладин сдал Акру, он удалился в свою страну и, отправив людей к Аскалону, завоеванному им у христиан, приказал срыть этот город из опасения, чтобы христиане не осадили его. Вскоре после того умер Филипп, граф Фландрии, а Филипп, король Франции, тяжко заболел; но едва он начал выздоравливать, как приказал изготовить галеру, сел

на нее (3 августа), и жив и здоров прибыл во Францию (27 декабря 1191 г.). Вместо себя он оставил герцога Бургундии вместе со своими людьми и со своей казной; некоторые говорили, что граф Филипп, умирая, призвал короля и предложил ему удалиться, так как поклялись его умертвить. Другие же уверяют, что он возвратился по поводу графства Фландрия, которое уходило из его рук и было дано им в приданое за своей племянницей; король боялся, чтобы граф Геннегау не овладел Фландрией. Мы не будем более говорить о короле Франции, который прибыл жив и здоров и вернулся через Рим, посетив апостола; скажем о том, что случилось с королем Англии и баронами, оставшимися в Акре. Королю Ричарду дали знать, что сарацины очистили Иерусалим и что он может легко овладеть городом, если отправится туда без обоза и не останавливаясь. Он известил о том герцога Бургундии и баронов Франции; они же определили идти к Иерусалиму и оставить в Акре сильный гарнизон. Нагрузив корабли съестными припасами, они отправили их к Яффе (Иоппе); оттуда пошли далее и расположились в пяти милях от Иерусалима, при городе, который называется Бетанополис. Там они устроились в боевом порядке и назначили авангард и арьергард: король Ричард стал в авангарде, а герцог Бургундии в арьергарде.

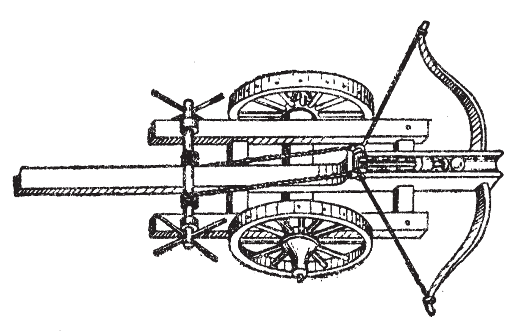
Когда места были распределены таким образом, каждый удалился в свою квартиру. Но герцог Бургундский много размышлял сам с собой и, размыслив, позвал баронов Франции и сказал им: «Господа, вы знаете, что наш государь, король Франции, возвратился, и что цвет его королевства остался здесь, и что король Англии, по сравнению с нами, имеет мало людей; если мы пойдем на Иерусалим и овладеем городом, то не скажут, что мы его взяли, а скажут, что король Англии взял его; это будет великий стыд для Франции и великий упрек, и скажут, что король Филипп убежал и что король Ричард взял Иерусалим, и это послужит навеки упреком Франции». Многие согласились с ним, к его удовольствию, но нашлись и такие, которые не согласились. Герцог Бургундии приказал французам вооружиться и возвратился в Акру. Некоторые из баронов, любившие короля Англии, дали ему знать, что французы возвратились в Акру. Когда король услышал о том, он вернулся в Яффу, снабдил ее людьми и припасами и прибыл в Акру к герцогу Бургундскому. Вскоре после того герцог умер. Между тем Саладин собрал армию и осадил Яффу. Жители Яффы, видя себя осажденными, послали к королю Ричарду просить о помощи, ибо они не могли устоять против такой большой армии. Когда король Ричард услышал о том, он дал знать баронам Франции, что Яффа осаждена, и спрашивал их, пойдут ли они с ним; они отвечали, что пойдут всюду, где святое христианство нуждается в их помощи. После того они устроили свои полки и отправились на помощь Яффе. Король Ричард сказал баронам Франции, чтобы они шли безопасно сухим путем, а он отправится морем, с целью прибыть скорее к замку, пока они будут идти со своей стороны. Король вооружил галеры и отправился в путь со своими людьми; они плыли днем и ночью и таким образом прибыли к Яффе. Когда они были перед Яффой, замок был уже взят, и сарацины вязали христиан, чтобы увести их в свой лагерь. Когда король Ричард увидел, что замок взят, он сошел на берег, повесил щит на шею и в руки взял датскую секиру; овладев замком, он убил всех сарацин, а остальных преследовал до самого лагеря. Перед лагерем он и его люди остановились на холме. Саладин спрашивал своих воинов, почему они бегут; они отвечали, что король Англии был в Яффе, полонил и убил многих из его людей и овладел замком. Саладин спросил, где же он; они отвечали: «Государь, вот он на холме со своими людьми».– «Как! – воскликнул Саладин, – такой король стоит пешим посреди своих людей! Это неприлично». Тогда Саладин отправил ему коня и поручил вестнику сказать, что такое лицо, как он, не должен оставаться пешим посреди своих людей в столь великой опасности. Вестник исполнил все, что приказал ему его властитель. Он явился к королю и предоставил ему коня от имени Саладина. Король поблагодарил его и потом приказал одному из своих воинов сесть

на коня и проехаться перед ним. Всадник дал коню шпоры и хотел его повернуть, но не мог, и конь унес его против воли в лагерь сарацин.

Саладин был весьма пристыжен этим обстоятельством и отправил к нему другого коня. Король Ричард вернулся в Яффу. Саладин не трогался в этот день до следующего утра. Король Ричард за подвиги, которые он совершил там и в других местах, и при замке Даруне, отнятом им от сарацин, наводил страх на всю страну язычников, и иногда случалось, как говорят, когда дети сарацин плакали, матери их говорили: «Молчи, здесь король Англии», и когда какой-то сарацин ехал на борзом коне, который, увидя свою тень, стал пятиться назад, сарацин, пришпорив его, сказал: «Не думаешь ли ты, что король Ричард спрятался в этом кустарнике?» Когда Саладин узнал, что христиане приближаются к Яффе сухим путем, он снял осаду, выступил им навстречу и нашел их перед замком Арсуром. Там они сошлись и сразились. Христиане понесли бóльшую потерю, нежели сарацины, но во всяком случае они отправились в порядке и прибыли в Яффу, где находился король Ричард. В том деле был убит Яков из Авеня, добрый рыцарь. После того случилось, что караван сарацин шел из Египта, в Дамаск. В караване слышали, что Саладин стоит перед Яффой, и потому сарацины двигались без боязни и расположились в пяти милях от Яффы. Королю Ричарду дали знать, что идет богатый караван и что он, овладев им, приобретет большие богатства. Король вооружил своих людей, захватил караван и привел его в Яффу; после того он собрал баронов армии и сказал им, что намерен идти, взять и укрепить Аскалон и что если этот город будет укреплен, то страна найдет в нем гораздо лучшую защиту. Они отправились туда и взяли Аскалон, поставили в нем хороший гарнизон и овладели двумя ближайшими замками: Газой и Даруном. Король Англии и бароны остались там, потому что эта страна считалась здоровее других. Теперь перестанем говорить о заморской стране (Палестине) и скажем об острове Кипр.

После небольшого отступления, где говорится о столкновениях между греками и тамплиерами, оставленными Ричардом на о. Кипр, автор возвращается снова к Палестине и Ричарду.

В это же время случилось, что к городу Тиру прибыл купеческий корабль из страны ассасинов. Маркиз Тира (Конрад Монферратский, носивший титул короля Иерусалимского) имел надобность в деньгах; он послал на корабль и приказал взять на нем столько имущества, сколько будет угодно. Купцы сошли на берег и жаловались маркизу, что их ограбили; они молили именем Бога возвратить принадлежавшее им. Маркиз отвечал, что он лишил их не всего имущества и удерживает для себя только остальное. Но они говорили, что будут жаловаться своему властителю, если он не хочет их удовлетворить; на это маркиз отвечал, что они могут действительно жаловаться. Купцы возвратились, рассказали своему властителю об убытке и жаловались. Когда государь ассасинов услышал то, он потребовал от маркиза возвратить имущество его людей; маркиз отвечал, что не отдаст. Государь ассасинов потребовал вторично того же, говоря, что в противном случае ему будет худо; маркиз отвечал, что не отдаст. Тогда государь ассасинов повелел двум из своих людей идти в Тир, чтобы умертвить маркиза. Они отправились. Прибыв в Тир, они приняли христианство, и один из них поселился у маркиза, а другой у Балиана Ибелина, женатого на королеве Марии и жившего в Тире. Случилось, что вечером маркиза отправилась в баню; маркиз не хотел есть до ее возвращения; видя, что она остается слишком долго, он почувствовал голод. Тогда он сел на коня вместе с двумя рыцарями и отправился на квартиру епископа Бове, чтобы поесть с ним. А епископ поел еще до его прибытия. Тогда он вернулся домой. Въехав в узкую улицу, близ менового двора, он увидел, что с одной стороны и с другой показались два человека. При его приближении они выступили к нему навстречу, и один из них подал письмо; маркиз принял, но другой вытащил нож и ударил его так, что он пал мертвым. Так рассказывают туземцы о его смерти (29 апреля 1192 г.). Говорят, что король Англии



Аркбаллиста

действовал руками ассасинов и что он послал также во Францию умертвить короля Филиппа (II); быть может, что это несправедливо, но королю Франции донесли, будто король Англии имел такое намерение. Король Филипп был очень испуган и приказал охранять себя; долгое время к нему не допускали никого, кто не был хорошо известен. Во время умерщвления маркиза король Англии находился в Акре. Когда он узнал, что маркиз убит, он поспешно сел на коня и явился в Тир, приведя с собой своего племянника, Генриха Шампанского; именно вследствие того и составилось дурное мнение о его участии в убийстве маркиза: ибо маркиз был убит во вторник, а в следующий четверг Ричард женил Генриха Шампанского на вдове маркиза.

Когда граф Генрих отправился из Шампани, он владел вполне (menant et prenant, то есть правил и взимал подати) графством Шампань; удалившись в Палестину, он вручил графство своей матери и отдал его на ее попечение. Она, при своей жизни, отправляла ему доходы с земли и уплачивала его долги, которые он делал купцам, приходившим из Палестины в Шампань. Таким образом, граф Генрих владел своей землей, пока жил, и многие были весьма изумлены, когда впоследствии его преемники были лишены и земель, и графства. У графини оставались сын и дочь. Дочь была замужем за Балдуином, графом Фландрии, который был позже императором Константинополя. А сын после смерти графа Генриха и графини был пожалован в рыцари королем Филиппом, давшим ему графство. Имя его было Тибо; он был женат на сестре королевы Наваррской, сестре английской королевы, жены короля Ричарда. Король Ричард, женив своего племянника, графа Шампани, заметил, что рыцари и пилигримы начали возвращаться в свои земли и что немногие остаются в Св. земле. Тогда он сказал графу Генриху, что желает заключить перемирие с сарацинами, вернуться в свою страну и собрать деньги и людей, чтобы прийти к нему на помощь и поддержать при окончании срока перемирия. Граф ему отвечал, что ему это приятно, если он того хочет, но просил именем Бога не забыть его, ибо он сам видит, в каком положении находится страна. Так как граф Генрих оставался в Палестине, то ему следовало заключить перемирие; он обратился к Саладину. Саладин знал хорошо, что король Англии и пилигримы возвращаются домой и что только потому граф ищет перемирия. Вследствие того он отвечал графу, что он не даст ему никакого перемирия, если король не прикажет срыть Аскалона, Газы и Даруна, которые были им укреплены. Когда король услышал, что владения его племянника должны потерять такую землю, как Аскалон, он сказать графу Генриху: «Прекрасный племянник (biaus neveu), я не могу долее оставаться в этой стране. Срытие Аскалона не может удержать меня; я срою его, чтобы получить перемирие; но с Божьей помощью, если буду жив и здоров, я приведу с собою столько людей, что возвращу Аскалон и всю страну, и вы будете носить корону в Иерусалиме». Таким образом, перемирие было заключено под условием срытия Газы, Даруна и Аскалона (10 августа 1192 г.).

Когда договор был утвержден, Саладин сжалился над владетелями, которые жили еще в Палестине и которых он лишил наследия. Он дал владетелю Сидона хороший город, в четырех милях от Тира, называемый Серфент. Балиан Ибелин, женатый на королеве Марии, получил замок в пяти милях от Акры и зависящие от него земли; замок назывался Лакимонт. Владетелю Каифы была возвращена Каифа. Владетель Цезареи получил Цезарею. Владетель Арсура возвратил себе Арсур и зависящие от него земли. Графу Генриху Саладин отдал Яффу. Впоследствии граф Генрих, имея от

своей жены трех дочерей, выдал их за трех сыновей коннетабля Амори (Hemeri), владетеля Кипра. Старший сын должен был жениться на старшей дочери, когда они оба придут в возраст; и старший из сыновей Амори объявит старшей из дочерей Генриха, что если кто-нибудь из них умрет, то тем не менее старший должен жениться на старшей. Он отдал Яффу королю Кипра вместе со своими дочерьми. Более он не мог ничего дать, ибо его жена имела от маркиза дочь, которая впоследствии, как вы узнаете, была королевой. Король Кипра, получив Яффу, снабдил ее рыцарями, вооруженными людьми и припасами, и сделался ее владетелем.

Когда король Англии заключил перемирие с сарацинами, он приказал изготовить корабли, нагрузить галеры съестными припасами и людьми и посадить на них свою жену и жену императора Кипра, который умер у него в плену, вместе с его дочерью и его людьми. После того он сказал магистру тамплиеров: «Магистр, я знаю, что меня не все любят, и если я переплыву море, и узнают, что я нахожусь там, то мне никаким образом не удастся уйти от того, чтобы меня не убили или не взяли в плен. Потому я прошу вас, дайте мне нескольких из ваших военных братий и вооруженных людей, которые сели бы со мной на галеру. Когда мы будем далеко отсюда, они проведут меня, как брата-тамплиера в мою страну». Говоря правду, король действительно нанес обиду нескольким тамплиерам перед Акрой, когда он туда прибыл, а также и герцогу Австрийскому, о чем я нахожу неприличным говорить в своей книге. Магистр отвечал, что он исполнит его желание охотно, и тайно дал ему рыцарей и вооруженных людей, и они сели на галеру. Король простился с графом Генрихом, тамплиерами и туземцами и взошел на корабль. Вечером он пересел на галеру тамплиеров и простился со своей женой и людьми. Одни пошли в одну сторону, а другие в другую.

L'estoire de la conquest de la Terre d'outre mer etc.,
с. 181–211 (по изданию Гизо).

Боаэддин

РИЧАРД I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ ПОД СТЕНАМИ ИЕРУСАЛИМА. 1192 г. (до 1235 г.)

После взятия Птолемаиды (Акры), Филипп II Август возвратился домой; Конрад Монферратский ушел к себе в Тир; потому войну с Саладином продолжал один Ричард Львиное Сердце, и эта война уже длилась почти целый год от августа 1191 г., когда христиане двинулись вперед из Птолемаиды, и до конца июня 1192 г., когда Ричард решился подступить в первый раз к самому Иерусалиму, где заперся Саладин. Арабский историк, изложив все эти события, останавливается подробно на этом самом торжественном моменте борьбы Саладина с Ричардом.

Четверг, 19 джумади (конец июня 1192 г.) был страшным днем. Утром султан созвал свой совет; там присутствовал и эмир Госсамэддин Абуль-Гаиджиа, тот самый, который защищал Акру в первый год осады; он был нездоров и его посадили. Тут же находился и эмир Маштуб, выдерживавший конец осады Акры, и который, оставаясь долго в плену, только что успел выкупиться. Султан был вне себя, вследствие неизбежной опасности, которая угрожала всем, и не имея силы говорить, он приказал говорить мне за него. Я начал речь и по внушению Аллаха настаивал на необходимости умереть, если то потребуется для спасения святого города; между прочим я сказал следующее: «Наш пророк Магомет, находясь в подобной же опасности, убеждал своих сподвижников пожертвовать жизнью и биться с врагом до последней минуты; вот пример, которому должно следовать. Отправимся в молельню Алаксы (мечети Омара) и дадим клятву перед Аллахом, что мы скорее погибнем, нежели оставим Иерусалим. Кто знает! Быть может, Аллах, тронутый нашим самоотвержением, избавит нас от угрожающей опасности». Все одобрили эти слова; один султан, оставаясь в раздумье,

хранил молчание и казался взволнованным. Видя его в таком настроении, мы также замолчали. Наконец, он заговорил: «Хвала Аллаху, и привет нашему пророку! Вам известно, что в эту минуту вы составляете оплот исламизма и его единственную защиту; вы знаете, что в ваших руках кровь мусульман, их имущество и их семейство; без вас для неприятеля не было бы никакой преграды. Если – чего да избавит Аллах – вы потеряете свое мужество, тогда для нас все кончено; христиане перевернут всю страну и поставят ее вверх дном, как ангел Сигил в день суда закроет книгу человеческих деяний. На вас лежит ответственность; почему я и выбрал вас из всех мусульман, чтобы вы содержались на их счет. Исламизм ждет от вас своего спасения. Вот все, что я хотел вам сказать». Тогда встал Маштуб и говорил: «О наш властитель! Мы твои слуги и рабы. Мы хорошо тебе служили; ты дал нам высокие звания, ты осыпал нас благодеяниями; все, что мы имеем, мы получили от тебя; своего у нас только головы, и они отданы на службу тебе. Именем Аллаха! Никто из нас не поколеблется защищать тебя даже до смерти». Эти слова укрепили Саладина; все эмиры говорили то же самое. Лицо султана прояснилось, сердце его разверзлось, и он приказал дать нам поесть. Таким образом, было решено защищать Иерусалим до конца; но после совета, когда его определения сделались известны, мамелюки султана оказали сильное сопротивление; они собрались с шумом около Госсамэддина и разразились жалобами. «Это определение безрассудно, – говорили они. – Если мы начнем защищать Иерусалим, то произойдет то же, что было при осаде Акры; так мы совсем уроним исламизм; лучше попытать счастье битвы и дойти до общего дела. Если Аллах нам дарует победу, неприятель погиб, и мы лишим его даже и тех мест, которыми он владеет; если же мы будем побеждены, тогда нам не будет дела до Иерусалима и нас успокоят. Притом разве исламизм был менее славен, когда мы не владели этим городом? Если желают, чтобы мы остались здесь, то пусть с нами останется султан или кто-нибудь из его семейства; иначе курды не захотят повиноваться туркам, а турки курдам, и осажденные разделятся между собой». Это обстоятельство причинило султану неописуемое горе. Он придавал огромную цену владению святым городом, цену, которой нельзя постигнуть никаким воображением. Поэтому пусть судят о печали, которую он тогда испытал. Одну минуту он имел мысль запереться самому в Иерусалиме; потом, по представлению своих эмиров, он остановился на том, чтобы оставить в городе одного из своих племянников. Между тем им овладела великая печаль; мы заметили это вечером, когда по обычаю собрались у него; он был задумчив и не так весел, как обыкновенно. После вечерней молитвы, когда было очень поздно и все разошлись, он дал мне знак остаться. Мы провели ночь вместе; я считаю эту ночь, проведенную на службе Аллаху, как самую достопамятную. На следующий день утром я говорю ему: «Мне пришла на ум мысль. Когда находишься в затруднении, следует употребить все возможные средства, чтобы выйти из нее; и когда нет средств земных, необходимо прибегнуть к Аллаху, который всегда готов помочь. Сегодня пятница, день благословенный, когда Аллах исполняет просьбы молящихся; мы находимся теперь в месте самом святом на земле (в Иерусалиме), почему бы султану не очиститься? Почему бы ему не сделать в тайне обильной милостыни? Почему бы не обратиться с горячими обетами к Аллаху и не вручить ему ключ от своих дел, сознаваясь в своем бессилии преодолеть настоящую опасность? Я уверен, что Аллах придет к нему на помощь и исполнит его молитву». Султан, оказалось, имел твердую веру и полное упование. Когда настал час молитвы, мы отправились вместе в мечеть Алакса, где он совершил молитву, распростершись на земле и заливаясь слезами. День закончен был милостыней. Вдруг вечером, когда мы снова собрались у султана, с передовых постов явилась записка, извещавшая, что христианская армия отступает. На следующий день мы узнали, что в ту минуту, когда нужно было решить дело, вожди христианской армии разделились. Французы требовали идти вперед и начать приступ, говоря, что они для

того и пришли сюда, и не хотят возвращаться, не посетив святого города; король Англии отвечал, что все источники в окрестностях города отравлены, что почва Иерусалима крепка и камениста и, образуя одну сплошную скалу, не дозволит копать колодцев. Напрасно французы замечали, что за водой можно ходить к ручью Тэку, на одну парасангу (персидская мера пути) от Иерусалима, и что можно разделить армию на две части: одна будет в деле, а другая пойдет за водой. Король возразил, что это неудобно, ибо во время разделения армии Саладин нападет с одной стороны, а осажденные с другой, и они все погибнут. Тогда франки определили отдать это дело на решение посредников; 300 из предводителей армии выбрали 12 человек, которые опять, в свою очередь, назначили трех посредников. Все эти прения происходили на лошадях и в открытом поле, ибо франки иначе не совещались. Посредники выразили мнение о необходимости отступить; противники смолкли, и христианская армия потянулась к Яффе. Отступление началось утром 21 джумади (начало июля) и произвело всеобщую радость между мусульманами.

История жизни Саладина.

Августин Тьерри

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ О ПЛЕНЕ РИЧАРДА ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ. 1192–1194 гг. (в 1825 г.)

В последнее время своего пребывания в Палестине Ричард узнал о том, что его брат Иоанн, граф Мортен (Безземельный), пользуясь его отсутствием, изгнал поставленного им в Англии наместника Вильгельма Лоншана (Longchamb), а французский король Филипп II Август объявил данную им присягу не враждовать против Англии недействительной. Такие известия из Европы заставили Ричарда, несмотря на клятву не оставлять Св. земли, пока он не съест последнего коня, заключить с Саладином перемирие на 3 года, 3 месяца и 3 дня и поспешить на родину для усмирения брата и противодействия козням соседа своего, Филиппа II.

Достигнув (1192 г.) морем острова Сицилии, Ричард подумал о том, что было бы опасно для него пристать к одному из портов Южной Галлии, потому что большая часть баронов в Провансе находились в родстве с Конрадом, маркизом Монферратским, убитым в Тире, как подозревали, по приказанию Ричарда (см. выше), и также потому что, Раймунд, граф Тулузский, верховный владетель всех приморских стран на западе от устьев Роны, был его личным врагом еще по прежним отношениям, когда Ричард до Крестового похода находился в Аквитании. Опасаясь с их стороны какой-нибудь засады, он вместо того, чтобы переплыть Средиземное море, вошел в Адриатику и, чтобы не быть узнанным, отпустил большую часть своей свиты. На его корабль напали пираты; но он успел, после довольно горячего с ними дела, вступить в переговоры, пересел на один из их кораблей и уже на нем пристал к одной небольшой гавани на Истрийском берегу. Ричард высадился с нормандским бароном Балдуином Бэтюнским, двумя своими капелланами, Филиппом и Ансельмом, несколькими тамплиерами и с небольшим числом прислуги. Надобно было получить охранную грамоту на проезд от владетеля страны, имевшего пребывание в Горице и бывшего, к несчастью, в близкой связи с фамилией маркиза Монферратского. Король послал к нему одного из своих людей с просьбой о пропуске и приказал предложить графу Горица перстень, украшенный большим рубином, купленным в Палестине у пизанских купцов. Этот в то время, знаменитый рубин был узнан графом. «Кто послал тебя просить у меня проезда?» – спросил он у королевского слуги. «Странники, возвращающиеся из Иерусалима». – «Как их зовут?» – «Один называется Балдуин Бэтюнский, а другой, предлагающий вам этот перстень, – Гуго, купец». Граф

внимательно рассматривал этот перстень и некоторое время хранил молчание, но потом вдруг возразил: «Ты говоришь неправду: его зовут не Гуго, а королем Ричардом. Но так как он, не зная меня, хотел почтить своим подарком, то я не хочу его удерживать; отсылаю обратно его перстень и даю полную свободу на проезд».

Удивленный этим для него совершенно неожиданным обстоятельством, Ричард тотчас же отправился в путь: ему в этом нисколько не препятствовали. Но граф Горица послал предуведомить своего брата, владетеля близлежащего города, что король Английский находится в их стране и должен проезжать через его землю. У этого брата состоял на службе нормандский рыцарь по имени Рожер, родом из Аржантона; ему было поручено каждый день посещать все гостиницы, в которых останавливались пилигримы, и присматриваться, не узнает ли он короля английского по речи или по какому-либо другому признаку. Рожеру, если он успеет захватить Ричарда, было обещано полгорода. Нормандский рыцарь производил свои поиски в течение нескольких дней, ходил из дома в дом и кончил тем, что нашел короля. Ричард пытался сначала скрыть свое имя, но доведенный до крайности вопросами норманна, был вынужден сознаться. Тогда Рожер заплакал, заклиная короля бежать, не теряя ни минуты, и предложил ему лучшую свою лошадь; потом он возвратился к своему сюзерену, сказал ему, что слух о прибытии короля был ложен, что он нашел вовсе не его, а отыскал только одного из своих соотечественников, Балдуина Бэтюнского, возвращавшегося из Палестины. Барон, озлобленный тем, что лишился добычи, приказал схватить Балдуина и запереть его в темницу.

В это время король Ричард бежал через немецкие земли в сопровождении Вильгельма Этангского, своего задушевного друга, и одного только слуги, умевшего говорить понемецки, потому ли, что он был природный англосакс, или же оттого, что его невысокое положение в свете внушило ему желание выучиться англосакскому языку, тогда весьма схожему с саксонским наречием Германии и еще не имевшему ни французских слов, ни выражений, ни оборотов. Они путешествовали три дня и три ночи без пищи, почти сами не зная, куда едут, и прибыли в страну, называвшуюся на немецком языке Эстеррейх (Австрия), то есть восточное государство. Это наименование было последним остатком воспоминаний о древней империи франков, в которой эта страна составляла некогда Восточную Марку. Эстеррейх, или Австрия, как называли ее французы и норманны, зависела от Германской империи и находилась под управлением владетеля, носившего титул *герцога* (Here-zog); по несчастью, этот герцог именем Леопольд был тот самый, которого Ричард смертельно обидел в Палестине, приказав сорвать его знамя. Его резиденция была в Вене, на Дунае, куда прибыли король и его два спутника, изнуренные усталостью и голодом.

Слуга, говоривший по-англосакски, отправился в городскую меняльную для промена византийских золотых на местную монету. Он хвастался перед купцами своим золотом и своей особой, принимая на себя важный вид и манеры придворного человека. Граждане, в которых он возбудил подозрение, отвели его к своему судье, чтобы узнать, кто он такой. Он назвался слугой богатого купца, который должен был прибыть в Вену через три дня, и по этому показанию был освобожден. Когда он возвратился в квартиру, занимаемую королем, то рассказал ему свое приключение и советовал как можно скорее ехать; но Ричард, желавший отдохнуть, остался еще на несколько дней. В течение этого промежутка времени слух о его высадке распространился по Австрии, и герцог Леопольд, хотевший отомстить Ричарду за обиду и вместе с тем обогатиться выкупом за подобного пленника, разослал во все стороны лазутчиков и вооруженных людей, чтобы его отыскивать. Они объехали всю страну и не могли ничего открыть; но однажды, когда слуга, бывший уже раз в подозрении, пришел на городской рынок и закупал там припасы, заметили у него за поясом богато вышитые перчатки, употреблявшиеся при дворе знатными особами того времени. Его взяли снова и, чтобы заставить сознаться, подвергли пытке; он рассказал все и назвал гостиницу, в которой жил король

Ричард. Этот дом был тотчас окружен вооруженными людьми герцога Австрийского; они застали короля врасплох и принудили его сдаться. Герцог обошелся с ним почтительно, но приказал запереть его в тюрьму и сторожить избранным воинам днем и ночью с обнаженными мечами.

Как только распространился слух о взятии короля Английского, император, или кесарь всей Германии (Генрих VI), потребовал от герцога Австрийского, своего вассала, выдачи ему пленника под тем предлогом, что одному только императору дозволительно содержать у себя в тюрьме короля. Герцог Леопольд сделал вид, что охотно признал справедливость этого странного рассуждения, но при этом выговорил долю из выкупа. Английский король был тогда перевезен из Вены на берега Рейна, в одну из императорских крепостей, и император отправил к французскому королю радостное послание, доставившее последнему более удовольствия – говорит один историк тогдашнего времени, – нежели подарок из чистого золота и драгоценных камней. Филипп II тотчас же написал императору поздравление и приглашал его стеречь своего пленника с наивозможным старанием, потому что, писал он: «Свет никогда не будет иметь покоя, если подобному крамольнику удастся убежать». Вследствие этого он предлагал заплатить сумму, равную, или даже большую, против того выкупа, который бы дал король Английский, если только император согласится отдать ему Ричарда под присмотр.

Император подвергнул по обыкновению это предложение рассмотрению сейма, или общего собрания владетелей и епископов Германии. Он изложил им основания просьбы французского короля и оправдывал заточение Ричарда в темницу мнимым содействием его в убийстве маркиза Монферратского, обидой, нанесенной знамени герцога Австрийского, и заключением с сарацинами перемирия на три года. За такие преступления следовало, по его мнению, объявить английского короля врагом империи. Собрание решило, что Ричард подлежит имперскому суду по взводимым на него обвинениям, но отказало в выдаче его королю Французскому. Последний, не выждав произнесения над пленником приговора, отправил к нему нарочного и приказал сказать, что он не признает его более своим вассалом, вызывает его и объявляет ему непримиримую войну. В то же время он велел сообщить графу Мортену те же самые предложения, какие некогда делал Ричарду для восстановления его против отца. Он обещал обеспечить за графом Иоанном владение Нормандией, Анжу и Аквитанией и помочь ему завладеть королевской властью в Англии. Взамен всего этого он требовал только, чтобы Иоанн был верным его союзником и женился на сестре его Алисе. Не заключая с королем Филиппом положительного союза, Иоанн начал интриговать во всех странах, подвластных брату, и под предлогом, что Ричард умер, или должен считаться умершим, потребовал присяги в верности от должностных лиц и правителей замков и городов.

Король Английский узнал об этих происках через норманнских аббатов, получивших позволение навещать его в темнице, и в особенности через своего бывшего канцлера Вильгельма Лоншана, личного врага графа Мортена. Ричард принял его как друга, пострадавшего на его службе, и употреблял его для разных переговоров. День, назначенный для суда, настал; король явился как обвиненный перед германским сеймом, собранным в Вормсе (1193 г.). Ему достаточно было только обещать за свой выкуп 100 тысяч серебряных марок и признать себя вассалом императора, чтобы оправдаться от всех обвинений. Это признание себя вассалом, бывшее не более как формальностью, имело в глазах императора значение по поводу его притязаний на всеобщее владычество римских цезарей, в отношении которых он считал себя наследником. Феодальное подчинение Английского королевства Германской империи не могло быть продолжительным, но, тем не менее признание и объявление этого подданства были совершены со всем блеском и торжественностью по обычаям того века. «Король Ричард, – говорит один современник, – отказался от королевства и отдал его императору, как всеобщему верховному владетелю, сюзерену, возложив на него,

в знак передачи свою шапку; император же тотчас возвратил ему королевство в ленное владение под условием уплаты ежегодной дани в 5 тысяч фунтов стерлингов и утвердил его инвеституру пожалованием двойного золотого креста». После этой церемонии император, епископы и германские владетели обещали, поклявшись спасением своих душ, возвратить королю Английскому свободу тотчас же после уплаты им 100 тысяч серебряных марок. С этого дня заточение Ричарда сделалось уже не так стеснительным.

В течение этого времени граф Мортен, продолжая свои интриги, уговаривал английских правителей, архиепископа Руанского и норманнских баронов, присягнуть ему в верности и признать его королем. Большая часть из них отказалась, и граф, чувствуя себя слишком слабым на то, чтобы принудить их исполнить свое желание, отправился во Францию и заключил формальный договор с королем Филиппом. Он объявил себя вассалом этого короля за Англию и за все другие владения своего брата, поклялся жениться на его сестре и уступить ему значительную часть Нормандии, Тур, Лош, Амбуаз и Монтришар тотчас после того, как по его содействию он сделается королем Англии. Наконец, он подписал еще следующее условие: «И если мой брат Ричард будет предлагать мне мир, то я не приму без согласия моего французского союзника даже в таком случае, когда мой союзник заключил бы отдельный мир с означенным моим братом Ричардом».

После утверждения этого договора король Филипп перешел с многочисленной армией норманнскую границу, а граф Иоанн приказал раздавать деньги между остававшимися еще свободными валлийскими племенами, чтобы побудить их к нашествию и оказать тем помощь его приверженцам в Англии. Этот угнетаемый завоевателями народ с радостью посвятил свою национальную ненависть на службу одной из двух партий, разъединявших норманнов; но неспособный к большим предприятиям вне малой страны, где он так упорно защищал свою независимость, он не принес пользы противникам короля Ричарда; притом же последние действовали в Англии малоуспешно. Это обстоятельство побудило графа Иоанна остаться при короле Французском и обратить все свои замыслы на Нормандию. Освобожденная таким образом от бедствий войны Англия, тем не менее, страдала, потому что она была подвергнута огромным налогам на выкуп короля. Королевские сборщики проходили страну по всем направлениям и брали дань со всех сословий общества: с духовных и светских, саксов и норманнов. Все собираемые по частям в провинциях деньги были отсылаемы в Лондон. Рассчитывали, что сумма сбора должна равняться назначенному выкупу; но оказался страшный недочет, происшедший от плутней сборщиков. Так как первый сбор был найден недостаточным, то исполнители королевской власти предприняли вторичный, употребляя, говорят историки, благовидный предлог королевского выкупа для прикрытия своего постыдного воровства.

Прошло уже почти два года с тех пор, как Ричард находился в заключении; он отправлял оттуда посланного за посланным в Англию и в свои континентальные провинции, прося своих уполномоченных приверженцев поспешить выкупом для его освобождения. Он горько жаловался, что друзья его забыли и не хотят сделать для него того, что он сам сделал бы для каждого из них. Он выразил эти жалобы в песне, сочиненной на южно-романском языке, который он предпочитал менее выработанному наречию Нормандии, Анжу и Франции:

Много у меня друзей, но скудно они платят. Стыдно им, что за недостатком выкупа я уже две зимы нахожусь в плену.

Пусть знают мои английские, норманнские, пуатвинские и гасконские люди и бароны, что из-за денег я не оставил бы ни одного из своих бедных товарищей в темнице: говорю это не в упрек им; но я все еще в плену!..[1]

Raynouard. Choix des poesies des Troubadours, t. IV, p. 183.

---

[1] Pro n'ay d'amis, mas paure son li don;
Ancta lur es si per ma rezenson
Soi sai dos yvers pres.

Пока во всей Англии производился вторичный сбор на выкуп короля Ричарда, в Лондон прибыли посланные императора для получения в виде задатка в счет всей суммы денег, уже собранных. Они проверяли количество их весом и мерой и приложили свои печати к мешкам, которые английские моряки перевезли до самых императорских владений на счет и страх короля Английского. Деньги были благополучно доставлены к германскому кесарю, препроводившему из них третью часть герцогу Австрийскому за поимку короля; вслед затем для решения участи этого пленника был собран новый сейм, назначивший сроком его освобождения третью неделю после праздника Рождества Христова, с условием, что он оставит известное число заложников для обеспечения верной уплаты следовавшей еще с него суммы. Король Ричард согласился на все, и довольный его податливостью император хотел вознаградить его подарком. Он пожаловал ему формальную грамоту на ленное владение землями, принадлежавшими ему самому только номинально, именно он дал ему часть Бургундии и области Лионскую, Вьенскую и Провансальскую. «Надо знать, – говорит современник, – что эти земли, пожалованные императором королю, заключали в себе пять архиепископств и тридцать три епископства; но нужно также заметить, что означенный император не имел там никогда никакой власти и что жители никогда не хотели признавать ни одного из назначенных им владетелей».

Когда французский король и его союзник граф Иоанн узнали о решении, принятом императорским сеймом, то начали опасаться, что им не достанет времени для приведения в исполнение своих замыслов до освобождения короля. Вследствие этого они отправили с наивозможной поспешностью к императору послов, предлагая ему 70 тысяч серебряных марок, если он согласится продолжить заточение Ричарда еще на один год, или, если ему будет приятнее, тысячу серебряных ливров за каждый месяц содержания его в плену, или же еще 150 тысяч марок за выдачу пленника под присмотр короля Французского и графа Мортена. Прельщенный такими блестящими предложениями, император хотел изменить своему слову, но члены сейма, давшие клятву верно исполнить свое обещание, воспротивились и, пользуясь своей властью, освободили узника в конце января 1194 г. Ричард не мог ехать ни во Францию, ни в Нормандию, занятую тогда французами, всего безопаснее было для него сесть на корабль в одном из германских портов и направиться прямо в Англию; но тогда продолжалось бурное время года; ему пришлось прождать более месяца в Антверпене, а в течение этого промежутка император снова подвергся искушениям своей жадности: надежда удвоить барыши пересилила в нем боязнь навлечь на себя неудовольствие владетелей, менее его сильных, которых он в качестве верховного властителя имел тысячу средств заставить молчать. Поэтому он решился вторично захватить отпущенного им на свободу пленника; но тайна этой замышляемой измены была недостаточно охранена, и один из заложников, оставленных в руках императора, нашел средство предуведомить короля. Ричард тотчас же сел на судно норманнского купца по имени Алэн Траншмер и ускользнул таким образом от рук тех, которые были посланы с целью схватить его, счастливо высадился в английской гавани Сандвич (1194 г.).

Hist. de la conq. de l'Angl. par les Normands. Par., 1856, т. IV, с. 42–54.

Жозеф Рено

О САЛАДИНЕ И ЕГО СМЕРТИ. 1158–1193 гг.

После возвращения Ричарда, английского короля, из Палестины на родину Саладин, не имея более причины опасаться христиан, отправился провести некоторое время в Дамаске. Он очень любил этот город и надеялся восстановить там свое здоровье, потрясенное боевыми трудами последних лет. Он хотел побыть немного в Дамаске и отправиться далее в Египет, где он не был целых 10 лет. Он выехал из Иерусалима, посетил на дороге Наплузу, Тивериаду и другие завоеванные им местности. После прибытия Саладина в Берит к нему явился на поклон Боэмунд, князь Антиохии. Султана тронуло особенно то, что Боэмунд посетил его по собственному побуждению, без всякого недоверия, без стражи, не требуя охранной грамоты. Чтобы выразить свое удовольствие, султан сделал ему отличный прием и подарил несколько деревень, соседних с его княжеством; прибывшие с ним владетели получили также от султана подарки. Наконец он приехал в Дамаск и был встречен знаками всеобщего восторга. Жители при виде его выразили величайшую радость, и поэты написали по этому случаю множество стихов. Саладин немедленно занялся благосостоянием жителей и искоренил различные злоупотребления. Боаэддин намекает на то, говоря, что «... султан раскинул крыло своего правосудия, и тучи щедрот распространили на всех благодетельный дождь».

Между тем Саладин отправился со своим братом Малек Аделем на охоту. Его отсутствие продолжалось 15 дней; здоровье, по-видимому, восстановилось совершенно и он начал считать себя вне опасности, как вдруг снова заболел и умер. Боаэддин, историк-очевидец, вошел по этому поводу в слишком большие подробности, и мы ограничимся одним извлечением, которое сделал оттуда Абульфеда (арабский историк начала XIV в.).

«В пятницу, 15 сафара (21 февраля 1193 г., или 589 г. эгиры), когда прибыли мусульманские пилигримы из Мекки, Саладин вместе со всем народом вышел к ним навстречу и простудился. По возвращении во дворец он почувствовал чрезвычайную слабость; им овладела желчная лихорадка, и с того времени болезнь получила опасный характер; на четвертый день больному пустили кровь; в девятый он почувствовал озноб во всем теле и впал в бред; в двенадцатый день, когда наступили последние минуты, был позван из мечети имам, чтобы присутствовать при его смерти; над ним прочли обычные молитвы, и он исповедал веру; наконец, на следующий день утром Саладин умер, в среду, 27 сафара (5 марта 1193 г.). Тело его было омыто катибом, или проповедником мечети. В тот же день приступили к погребению, и он был похоронен с обычными молитвами, на том же месте, где умер. Материя, послужившая для погребения, была приобретена на законные деньги. Его старший сын Малек Афдал сделал прием и выслушал сожаления; после он велел построить мавзолей подле главной мечети, на месте дома, принадлежавшего одному человеку, пользовавшемуся хорошей репутацией, и три года спустя, по его приказанию, тело отца было перенесено туда, и он сам шел пешком во главе процессии. Процессия прошла под воротами дворца и направилась к главной мечети. Тело было поставлено перед кафедрой; когда прочли молитвы, его опустили в землю. Сит Альмам, сестра Саладина, раздала при этом случае обильную милостыню бедным».

Боаэддин, бывший в городе в минуту смерти Саладина, говорит, что печаль по нему была всеобщая.

«Этот день,– по его словам, – был самый ужасный, какой когда-либо постигал исламизм. Дворец в Дамаске, город, вся вселенная были удручены горем, которое знает только один Аллах. Я и многие другие охотно отдали бы всю жизнь для спасения султана. Все сердца погрузились в печаль, глаза вымокли от слез, и отчаяние было столь повсеместно, что никому не пришло в голову ограбить город». Он прибавляет далее, что при первом известии о

болезни султана рынки и общественные места опустели, и каждый старался спрятать свое богатство и имущество. На Востоке нет ничего прочного; все зависит от личного характера властителя, и если властитель умирает, то с ним умирает и все остальное.

Жизнь и личность Саладина послужили предметом для многих писателей. Но между всеми арабскими историками подробнее всех о том говорит Боаэддин, хотя он не беспристрастен и везде видит только одну сторону. Мы приведем здесь только те черты из современных свидетельств, которые дополняют известный образ Саладина, каким он является в своей политической жизни.

Саладин родился в Текрите на Тигре и умер 57 лунных лет (55 солнечных), после правления 24 лет в Египте и 19 в Сирии. Арабские писатели изображают его весьма щедрым, причем он лишал себя даже необходимого. Боаэддин утверждает, что его казначей был вынужден в конце втайне от султана откладывать деньги на непредвиденный случай. Когда он умер, в его сокровищнице нашли одну золотую и 47 серебряных монет (что едва составляет 50 франков нынешней монеты). «Вот, – заключает Боаэддин, – это все, что ему осталось от доходов, получаемых в Египте, Аравии, Сирии и части Месопотамии. У такого властителя это обстоятельство могло служить только доказательством его чрезмерной щедрости, потому что кроме того у него не осталось никакого имущества и никакой собственности».

Особенно когда Саладин овладевал новой провинций, он обнаруживал крайнюю расточительность, чтобы расположить в свою пользу большинство. Когда он вступил в Дамаск после смерти Нуреддина, он не взял ничего из его сокровищ для себя и разделил все между эмирами. Абульфараж[1] в своей «Сирийской хронике» приводит одну черту, которая весьма хорошо говорит о различии характера Саладина и Нуреддина. Саладин, говорит он, поручил эмиру Ибн Мокаддаму, одному из тех, которые помогли ему овладеть Дамаском, разделить между прочими эмирами и важнейшими из жителей города сокровища, накопленные Нуреддином: эмир опустил руку и начал с себя, но не смел захватить много. Саладин, удивленный тем, спросил его о причине, и тот отвечал ему, смеясь, что когда-то Нуреддин при разделе изюма, видя, как он много захватывает в руку, заметил, что таким образом не хватит на всех. Тогда Саладин возразил, что скупость придумана для купцов, а не для властителей, и что эмир может брать своей рукой, а если не хватит одной руки, то пусть берет двумя.

Медная монета Юлук-Арслана, эмира Диарбекира, чеканенная в год смерти Саладина (1193 г.)

Саладин, по словам Абульфеды, имел кроткие нравы; он терпеливо выносил противоречие и оказывал снисходительность к тем, которые ему служили. Если что-нибудь его оскорбляло, он не показывал вида. Случилось в то время, когда он сидел, один из мамелюков бросил грубо своей обувью в голову товарища, и башмак упал возле султана, но он отвернулся, как бы не замечая того. В разговоре Саладин был осторожен; его пример внушал то же самое другим, и никто не осмеливался в его присутствии марать честь другого. Боаэддин приводит следующий пример долготерпеливости Саладина. Когда во время своей последней болезни султан спросил теплой воды, ему принесли кипятка; он повторил свою просьбу, и ему подали совсем холодную воду. Саладин, не изменяя своего состоя-

[1] Абульфараж (1226–1286 гг.) – сириец, якобитский епископ в Алеппо, написал на арабском и сирийском языках всемирную историю от сотворения мира до 1284 г.; она издана в 1863 г. с латинским переводом в Оксфорде; издателем ее был известный ученый *Роско* (Roscoe; 1833–1915 гг.).

ния духа, сказал только одно: «Благословенно имя Аллаха! Не могу ли я получить такую воду, какой я спрашивал?» Боаэддин, бывший вместе с кади Фаделем свидетелем этого обстоятельства, говорит, что они не могли без слез на глазах заметить, что всякий обыкновенный человек в подобном случае вылил бы воду на голову бестолкового слуги.

Боаэддин, описывая далее обходительность султана, замечает, что он был чрезвычайно приветлив, встречал с добрым выражением лица и весьма хорошо принимал своих гостей. Он никого не отпускал, не пригласив к обеду; послов мусульманских и христианских угощал совершенно одинаково. Боаэддин присоединяет, что султан особенно любил разговоры со старейшинами отшельников, учеными правоведами и другими достойными людьми. «Он настаивал на том, – продолжает историк, – чтобы мы хорошо обращались с лицами подобного рода. Если представлялось такое лицо, султан принимал его благосклонно, осыпал ласками и не дозволял ему отправиться без знаков его внимания. Он был хороший собеседник, самого приятного характера и даже шутливого. Он знал отлично историю арабов – их приключения, их родословные, и родословные лошадей: имел сведения обо всем, что существует на земле редкого и любопытного; потому беседа с ним была весьма назидательна. Когда кто-нибудь из нас заболевал, он справлялся о его здоровье, о том, как его лечат, что он ест и пьет и как идут его дела. Он не мог смотреть на сироту без сострадания; если сирота имел каких-нибудь родственников, он поручал им ребенка и давал средства к его содержанию и образованию. Если ему попадался навстречу старец, обремененный летами, он плакал от умиления и оказывал ему свою щедрость. Так действовал Саладин, пока Аллах не призвал его на лоно своего милосердия».

Саладин не был равнодушен к семейным радостям: он любил окружать себя семьею и детьми, принимая участие в играх последних. Боаэддин приводит следующий случай: «После заключения мира (то есть с Ричардом), незадолго до смерти, Саладин призвал к себе в Дамаск свою семью и самых младших детей. Одного из них звали Эмиром; он любил его больше всех других, и играть с ним было для него величайшим удовольствием. Христианские послы, явившиеся к нему для свидания, застали его среди подобных занятий. При виде их ребенок, удивленный тем, что эти люди были с бритым подбородком, имели короткие волоса на голове и одевались странно, испугался и заплакал. Султан извинился перед послами, и аудиенция была отложена до следующего дня...»

Саладин был искренно привязан к своей религии и воспитывал в тех же правилах своих детей. Боаэддин сохранил нам наставление, которое султан давал перед смертью своему сыну Дагеру, отправляя его для управления в Алеппо: «О сын мой! Я советую тебе сохранять страх Господень, как источник всего доброго. Питай отвращение к крови; бойся проливать ее и пятнать себя ею; пролитая кровь никогда не засыпает. Заботься о благе подданных и знакомься с их положением. Ты для них одинаково мой служитель и служитель Аллаха. Делай довольными эмиров, вельмож и знатных. Только своим уменьем я достиг настоящей степени могущества. Не питай вражды к кому бы то ни было, ибо мы все смертны. Внимательно исполняй свои обязанности в отношении других; только удовлетворяя их, ты получишь прощение у Аллаха, а в своих отношениях к нему помни, что покаяние может все загладить, ибо Аллах всеблагий и милосердный...»

Саладин, по словам того же Боаэддина, весьма любил правосудие, и не только других принуждал заниматься им, но и сам занимался лично всякий раз, когда то позволяли ему дела. Он заседал в суде два раза в неделю, в понедельник и четверг, окруженный своими кади и законоведами. Для знатного и бедного – для каждого дверь была отперта. И так он поступал в своей столице, равно и в путешествии, принимая подаваемые жалобы и никому не отказывая в просьбе. Если дело требовало продолжительного исследования, он тщательно изучал его, или днем, или ночью, и произносил свой приговор по внушению Аллаха.

Никто не обращался к его правосудию втуне: он был одинаков для членов своей семьи и для всех своих подданных. Армянский купец потребовал его самого в суд и притом несправедливо; он не только не отказался защищать себя, но после суда еще наградил купца за хорошее мнение о нем и о его судьях. Его слава в этом отношении была так распространена, что его тревожили жалобами и просьбами во всякий час дня. Однажды, после долгих занятий общественными делами, он удалился из толпы, чтобы отдохнуть, как вдруг является мамелюк с требованием выслушать его. Саладин просил прийти на следующий день. «Мое дело не терпит отлагательства», – отвечал мамелюк и бросил ему свою просьбу почти в лицо. Султан, не оскорбляясь, поднял прошение и, найдя его справедливым, дал удовлетворение мамелюку. Другой раз, когда он рассуждал со своими вождями, женщина подала ему записку; он приказал ей подождать. «К чему же, – закричала она, – ты считаешься нашим властителем, если не хочешь быть нашим судьей?» – «Она права», – отвечал султан. Оставив немедленно собрание, он вышел к ней и исполнил все, что она требовала.

Мы не достигли бы конца, если бы захотели привести все, что говорят арабские писатели, и особенно Боаэддин, о правосудии Саладина и его благочестии. Боаэддин старался выставить все доблести своего героя и с намерением умалчивал о пороках, которые пятнали его. Потому, следуя показаниям только этого историка, мы составили бы себе весьма неполное понятие о характере и политике Саладина. Всякий раз, когда султаном овладевало честолюбие, он отлагал в сторону всякую правду и умеренность; история его войн представляет тому много доказательств, но вот еще один случай, тем более поразительный, что он относится к последнему году жизни Саладина и не оправдывается даже каким-нибудь жалким предлогом; мы заимствуем его у Ибн-Алатира. «После заключения мира, когда король Англии (Ричард) отправился в свою страну, и мусульмане могли предаться покою, Саладин призвал к себе в Дамаск брата Малек Аделя и сына Малек Афдала, и сказал им: "Вот мы и освободились от франков; с этой стороны нет более никакой опасности. Куда устремить теперь наши силы?" Малек Адель предложил идти на покорение Келата в Великой Армении, владение которой было ему давно обещано, если страна будет завоевана. Малек Афдал, напротив, предлагал напасть на провинции Малой Азии, находившиеся тогда во власти детей Килидж Арслана, прежнего султана Икония. "Эта страна, – говорил он, – более важная, чем Келат, более населенная, более богатая и более легкая для завоевания; кроме того, там лежит дорога, по которой идут христиане, когда они отправляются сухим путем: овладев этой страной, мы загородим проход."– "Какое малодушие, какая близорукость! – прервал султан. – Я беру на себя одного завоевание Малой Азии: а ты, брат, взяв часть армии и одного из моих сыновей, пойдешь покорять Келат. Когда я кончу свое дело, отправлюсь к вам, и мы вместе вторгнемся в Адербеджан по ту сторону Тигра и разрушим древнюю монархию персидских султанов». Нельзя предвидеть, чем кончились бы предприятия Саладина: приготовления были уже сделаны, назначено место для сбора, и в эту самую минуту умирает султан...»

В течение своего правления Саладин встретил только одно упорное сопротивление со стороны христиан, и именно западных. Потому он и считал своими врагами только франков; он называл их врагами Аллаха, и войну с ними – *священной войной*. По словам Боаэддина, говорить об этой войне составляло для него особенное удовольствие. Он охотно покидал семью, детей, дом, чтобы в целости отдаться этой войне. «Лучшее средство понравиться ему, – говорит Боаэддин, – было говорить так же, как он. Вследствие того и я решился поднести ему небольшое сочинение, где говорилось об обязанностях священной войны; я собрал там все стихи Алкорана, которые имеют отношение к этому предмету и все устные предания Магомета, где заключаются намеки на то же. Султан часто читал мой труд и, умирая, передал его своему старшему сыну.

Вот еще один случай, – продолжает Боаэддин, – в котором я был лично заинтере-

сован и который дает высокое понятие о религиозной ревности Саладина. В конце 584 года эгиры (то есть 1188 г., вскоре после взятия Иерусалима), когда мы овладели Каукабом и Саладин распустил свою армию, ему вздумалось посетить Аскалон и приморские места с целью заняться их укреплением. Я сопровождал его на этом пути; дело было зимой; море, страшно волновалось, и, как говорится в Алкоране, "волны поднимались горой". Я в первый раз тогда увидел море, вид его произвел на меня глубокое впечатление; я рассуждал с собой, что, если мне предложат целый мир, то и тогда я не соглашусь сделать даже одной мили по этой стихии; я был готов считать глупцами тех, которые за презренный кусок золота или серебра бесстрашно пускаются в море; одним словом, я склонялся в пользу мнения тех, которые думают, что человека можно объявить умалишенным уже за одно то, что он вверяет себя морю, и не принимать более его свидетельства в суде. Но когда я находился погруженным в такие мысли, султан обернулся ко мне и сказал: "Я хочу тебе сообщить то, что у меня лежит на душе. Если Аллах предаст в мои руки остальные христианские города, я разделю свое государство между детьми, дам им наставления, прощусь с ними и пущусь в это море для покорения островов и западных стран: я не положу оружия, пока останется хоть один неверный на земле, если только не буду остановлен смертью". Эти слова поразили меня до того, что я, забыв мысли, занимавшие меня, сказал султану: "Поистине, нет на земле отваги, душевной славы и ревности к божественной религии, которые могли бы равняться с подобными же качествами султана. Доказательством храбрости его служит то, что его не останавливает нисколько вид этого грозного моря; по отношению же религиозной ревности, султан, не довольствуясь изгнанием христиан из какой-нибудь части земли, как Палестина, стремится очистить от них всю землю". Но, почувствовав снова страх, который мне сначала внушило море, я присоединил: "План султана превосходен; но лучше было бы отправить одни войска, а самому оставаться здесь, чтобы не подвергнуть жизнь опасности; ибо он защита исламизма и его единственная опора". На это султан возразил: "Но я тебя делаю судьею; скажи, какая смерть считается более славной?" Я отвечал, что без сомнения та, которой подвергаются ради Аллаха. "Итак, – прибавил султан, – я был прав, ища себе подобной смерти". Смотрите, как тверда его воля, как чиста его душа. О Аллах, тебе известно, как он был ревностен для защиты религии; ты знаешь, с какой готовностью он жертвовал собой для тебя! И все это он делал в надежде заслужить твое милосердие: будь к нему милосерд!»

Итак, Саладин стремился ни к чему другому, как к покорению Франции, Италии и всего христианского мира. Пусть не думают, что слова, приведенные Боаэддином, были простой угрозой; мы находим те же идеи в ответе Саладина на одно письмо к нему от императора Фридриха Барбароссы (см. о том выше). Все окружавшие Саладина и пользовавшиеся его доверием были заняты той же мыслью. Каждый раз, когда Боаэддин говорил о каком-нибудь городе и стране христианской, он всегда заключал словами: «Да попустит нас Аллах скорее овладеть тем!» В этом отношении не было исключения даже для Константинополя, несмотря на то, что император Исаак Ангел был союзником Саладина...

Особенно замечательно при этом то обстоятельство, что ненависть Саладина к христианам продолжалась только до тех пор, пока они составляли независимую от него нацию. Но победив однажды христиан, он смотрел на них другими глазами. С коптами-христианами в Египте он обращался весьма благосклонно. Еще до Саладина египетские христиане занимали все места по части финансов, раздела земель и т. п.; монастыри были многочисленны и богато наделены; фатимидские калифы не только терпели их, но и оказывали им большое покровительство. Им можно было доверять тем более, что все они были якобиты, то есть секты Евтихия, и непримиримые враги константинопольских греков и западных христиан. Потому в прежнее время они содействовали утверждению мусульман

в Египте. Только мелькиты (то есть империалисты, так называли византийских греков), как приверженцы учения византийских императоров, составляли исключение. Саладин, достигнув власти, из угождения Нуреддину возобновил древние указы против христиан; он приказал им носить особую одежду и пояс; запретил ездить на лошадях и мулах; одни ослы были им разрешены; они не допускались ни к какой общественной должности, не могли громко молиться в церквах и употреблять колокола, ни совершать на улицах процессии в Вербное воскресенье; стены церквей оставались закиданными грязью; кресты сбивались с куполов; самих христиан всячески преследовали, что заставило многих отказаться от религии. Но после смерти Нуреддина Саладин, оставшись полновластным господином, прекратил преследования и возвратил всем свободу. Он не только дал христианам право занимать места, но даже его эмиры, братья, племянники, дети брали христиан на службу и делали их своими управителями, секретарями и поверенными. Такое обращение расположило к нему весьма египетских христиан; и это обстоятельство в соединении с другими чертами его великодушия по отношению к враждебным ему христианам, распространило славу султана на Востоке и Западе. Этим объясняются те великолепные и даже преувеличенные похвалы, которыми осыпают Саладина христианские писатели, и особенно итальянцы; эти похвалы доходят до того, что, может быть, трудно будет найти что-нибудь подобное у самих мусульманских авторов. Вот каким образом выражается о Саладине один христианский писатель, копт, в своей арабской «Истории Александрийских патриархов» (см. о нем выше):

«Саладин при всех своих договорах с франками оставался верным данному слову. Если сдавался город, он давал жителям свободный выход вместе с женами, детьми и имуществом. Относительно пленных мусульман Саладин предлагал христианам выкуп, превышающий их стоимость; если франки отказывались, он обыкновенно говорил: “Я оставляю вам ваших пленных, но обращайтесь с ними столь же хорошо, как я со своими”. Вследствие того многие христиане отсылали ему добровольно мусульманских пленных, и султан щедро вознаграждал их за то. Часто случалось, что осажденные неприятели после взятия города выходили из него в полном вооружении, в панцире, набедреннике и шлеме, одним словом, как бы они шли на битву. Видя их, султан сначала улыбался и потом плакал; он не только не делал им зла, но даже давал конвои для их охранения. Так действовал Саладин по отношению к своим врагам, сообразуясь с предписаниями Пятикнижия: “Если, когда ты сидишь, осел твоего неприятеля пройдет с проклажей, свалившейся на одну сторону, то встань и поправь поклажу на середину”; или со словами Евангелия: “Любите врагов ваших; творите добро ненавидящим вас; благословляйте клянущих вас и молитесь за оскорбляющих вас”; одним словом, он приноровлялся ко многим другим местам подобного же содержания, которые мы опускаем для краткости. Таким образом, Саладин в своих действиях следовал этим обоим законам (то есть Ветхому и Новому Заветам), не зная их, и только по одному Божественному внушению. А потому он и умер спокойно на своем ложе и имел достохвальный конец, как сам, так и все его потомство»...

Но Эмадеддин, секретарь Саладина, восклицает: «С Саладином вымерли великие люди; вместе с ним перевелись и люди достойные; добрые дела уменьшились, злые увеличились, жизнь сделалась труднее; земля покрылась мраком; наш век должен был оплакивать своего феникса, и исламизм лишился последней опоры».

Biblioth. des Croisades, par Michaud, t. IV, c. 360–376.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Взятие Константинополя латинами. 1204 г.

Яков Витрийский

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖА В НАЧАЛЕ XIII в. И ПРОПОВЕДЬ ФУЛЬКО НЁЛЬИ 1200 г. (около 1220 г.)

Вторая книга[1]

В первых пяти *главах этой книги автор представляет общую картину нравственного падения как светского, так и в особенности церковного общества Западной Европы к началу XIII в., и затем подробно останавливается на распущенности нравов и безобразии жизни парижан той эпохи, среди которых суждено было явиться суровому проповеднику Четвертого крестового похода Фулько Нёльи.*

VI. В те худые и мрачные дни, в то время, полное опасности (так автор говорит о последних годах XII и о начале XIII в.), город Париж, поглощенный, как и все прочие города, всякого рода преступлениями и запятнанный бесчисленными пороками, блуждал во мраке, «изменой десницы Всевышнего, которая обращает степи в места удовольствий и пустыню в сад Господа». Париж был городом верным и славным, городом великого короля и походил на рай наслаждений и вертоград утех, полный всякого рода деревьями, распространяя по всему миру благоухание, «откуда хозяин, как из своего сокровища, выносит новое и старое» (Матф., XIII, 52). Этот город был, как фонтан в саду и как «источники живой воды, орошающие земную поверхность, где родится хлеб, который ей свойствен и который составляет утеху царей и распространяет на всю церковь Божию лучи слаще самого лучшего меду». А ныне Париж в своем духовенстве развращен более, нежели в остальном народе: как паршивая коза или больная овца, он портит своим пагубным примером многочисленных путешественников, которые стекаются в него со всех сторон; «он пожирает своих собственных жителей» и влечет их за собой на дно пропасти. Обыкновенный блуд в Париже не считается грехом; падшие женщины, бегая по всем улицам и площадям, завлекали почти силой в свои дома разврата тех клериков, которые проходили перед ними. Если случалось, что клерики отказывались входить туда, то они кричали вслед за ними, называя их содомитянами. Этот постыдный и омерзительный порок, подобный неизлечимой заразе и смертоносному яду, действительно господствовал в городе с такой силой, что мужчины считали особенной че-

[1] См. содержание первой книги этого же автора и извлечение из нее выше.

стью публично содержать одну или нескольких наложниц. В одном и том же доме школа была наверху, а под ней места разврата. В верхнем этаже магистры давали уроки; в нижнем этаже падшие женщины постыдно торговали собой. В одном месте распутницы ссорились между собой или со своими любовниками; в другом клерики диспутировали и громко кричали в жарком споре. Чем кто более был легкомыслен и постыдно расточителен, тем более его восхваляли, и все отзывались о нем как о честном и великодушном человеке. Если кто-нибудь желал, по наставлению апостола (Посл. к Титу, II, 12), жить среди них «целомудренно, праведно и благочестиво», то такого называли жалким скопцом и суеверным ханжей. Почти все парижские схолары (студенты), как местные, так и иностранные, занимались исключительно только тем, чтобы учиться и исследовать что-нибудь новое. Одни занимались единственно для того, чтобы знать, но это одно любопытство; другие, чтобы прославиться, но это тщеславие; наконец, иные учились, чтобы приобретать впоследствии выгоду, но это корыстолюбие и симония. Весьма немногие из них занимались, чтобы получать назидание или назидать других. Они вызывали один другого и спорили между собой не только по поводу различия мнений или для диспута, но даже различие стран возбуждало у них несогласия, ненависть, сильные ссоры, и они бесстыдно преследовали друг друга всякого рода бранью и оскорблениями. Англичан они называли пьяницами и шутами; детей Франции – гордыми, изнеженными и изукрашенными как женщины; они говорили, что немцы на своих праздниках ведут себя неприлично и по-скотски; нормандцев называли тщеславными самохвалами; жителей Пуату – вероломными и льстецами; бургундцев – грубыми и глупыми; бретонцев – легкомысленными и непостоянными, и часто упрекали их за умерщвление Артура (убитого своим братом Иоанном Безземельным, королем Англии). Уроженцев Ломбардии называли скупыми, злыми и неспособными к войне; римлян – мятежными, насильственными и злословными; сицилийцев – жестокими тиранами; жителей Брабанта – кровожадными, поджигателями, разбойниками и хищниками; жителей Фландрии – легкомысленными, расточительными, прожорливыми, мягкими, как масло, и трусливыми. Вследствие подобных оскорблений часто переходили от слов к побоям.

Я не буду говорить о тех учителях логики, перед глазами которых летали беспрестанно «египетские мухи», то есть всякого рода софистические утонченности; никто не мог понимать их высокопарных речей, в которых, как говорит Исайя, не было никакой мудрости. Что касается до докторов богословия, «восседавших на Моисеевом седалище» (Матф., XXIII, 2), то они были напыщены наукой, но их жизнь никого не назидала. Проповедуя и не действуя, они сделались подобны «меди звучащей, или цимбалу звенящему» (I Посл. Коринф., XIII, 1), или каналу, выложенному камнем, который остается всегда сухим, вместо того, чтобы вести воду в сады ароматов. Они не только ненавидели друг друга, но старались угодливостью привлекать к себе учеников от других, искали славы для себя, но не заботились о душевном благе. Прислушиваясь к известным словам апостола: «Если кто епископства желает, доброго дела желает», они множили свои пребенды и домогались мест; но они желали не доброго дела, а отличия, и заботились особенно о том, чтобы «иметь первые места на пиршествах и в синагогах, и чтобы им кланялись в народных сборищах» (Матф., XXIII, 6–7). Между тем как апостол Иаков (III, I) сказал: «Братия мои, немногие делайтесь учителями», они, напротив, так старались о том, чтобы сделаться учителями, что не могли достать учеников иначе, как просьбами и пожертвованиями. Но более безопасно учиться, нежели учить, и скромный слушатель дороже тщеславного и ограниченного учителя. Господь сохранил между ними небольшое число людей честных и богобоязненных, «которые не стояли на пути грешников», не сидели вместе с другими на отравленном седалище.

VII. «Как лилия среди терния» и как роза между крапивой, «как ангел города Пергама, где сатана имеет свой трон, как древо,

которое приносит фимиам и летом распространяет благоухание, как сосуд массивного золота, украшенный всякого рода драгоценными камнями, как олива, приносящая плод, и как кипарис, высящийся до облаков», как небесная труба и арфист Господа, был в то время кантором города Парижа Петр магистр, муж сильный словом и делом, «очищавший одинаково золото и серебро», с весом в речах и подтверждавший важность своего учения правильностью своих нравов. Он начал действовать и учить, как светоч, пылающий и блестящий, как «город, воссевший на горе», как «золотой подсвечник в храме Господнем».

Некто священник Фулько (Нёльи), желая напоить себя в этом чистейшем источнике, смиренно вступил в его школу с табличками и стилем, и часто размышляя о его нравственных и общедоступных словах, собираемых им тщательно из уст своего учителя, он при своих умственных способностях прочно отпечатлевал все в своей памяти. В дни же праздников, возвратившись в свою церковь, он делился со своей паствой тем, что ревностно собирал в течение недели. И так как «он был верен в малом, то Господь поставил его над многим». Действительно, призванный сначала соседними священниками, он проповедовал просто и общедоступно (то есть на народном языке) перед простыми мирянами и излагал слышанное им, как пастырь «который собирает дикие смоквы»; его досточтимый и премудрый учитель, заметив ревность и горячность своего ученика, бедного и непросвещенного священника, воспринявшего благодатно его веру и его благочестие, заставил его проповедовать в своем присутствии и перед многочисленными и весьма образованными схоларами города Парижа в церкви св. Северина. Но Господь дал своему новому сподвижнику столько благодати и силы, что его учитель и все слушавшие, будучи поражены изумлением, утверждали, что Св. Дух говорит в нем и его устами; вследствие того все другие, будучи поражены таким изумлением, как доктора, так и схолары, стекались слушать его простую и новую речь. Один привлекал другого, «как петля идет за петлей», и каждый говорил: «Придите и послушайте священника Фулько, это новый Павел». А сам Фулько, укрепленный Господом и снабженный дарами Духа Святого, как Самсон, вооруженный ослиной челюстью, начал «бороться со зверями в Эфесе» и с помощью Божьей мужественно ниспровергать чудовищные пороки. Однажды, когда многочисленная толпа клериков и народа собралась перед ним на широкой площади города Парижа, называемой обыкновенно *Шампо*, Фулько начал сеять поле Господне, отверз уста, и «Господь исполнил их», как сказано о том в Писании: «Кто щедро даст, сам разживется, и кто упивает добром, сам упьется». Таким образом, Господь открыл ему разум, дабы он уразумел Писание, и дал его речам такую благодать, что многие люди, тронутые и проникнутые уничижением, снимали с себя одежду, разували ноги и, держа в руках розги или ремни, распростирались у его ног, исповедали всенародно свои грехи и предавали вполне себя и свое имущество на его волю и его распоряжение. Он же, принося благодарение Господу, «который может из камней произвесть чад Аврааму», принимал их, обнимая в мире, и говорил воинам, чтобы они никого ни обижали, но «довольствовались своим жалованьем», а ростовщикам и хищникам приказывал возвратить, по возможности, все отнятое ими. Падшие женщины рвали на себе волосы и отрекались от своей мерзости. Другие грешники, отвергнув сатану и его прелести и проливая слезы, являлись к нему с мольбой о прощении. И слово Господне, подобное свету, не только внушало им уничижение, но даже более. Господь через его посредство возвращал здоровье многим больным, угнетенным всякого рода недугами, как то утверждается теми, которые видели все это собственными глазами. Но Фулько воспринял благодать Божию не тщетно и старался с ревностью умножить вверенный ему талант, «лая как пес и ходя вокруг города». Мало того, он прошел «с быстротой и деятельностью своего духа» все королевство Франции и большую часть империи, опрокинул сильным дуновением корабли Тарса, «настаивая вовремя и не вовремя» и «забывая заднее и простираясь

вперед, не удерживая свой меч от пролития крови», но нося его всегда при бедре, переходя от ворот к воротам, проникая через поля, не делая ни для кого исключения; он бился во имя Господа «с оружием правды в правой и левой руке», и так как живая собака лучше мертвого льва, то он не переставал беспрерывным лаем отгонять волков от овчарни, насыщал невежд словом науки, подкреплял угнетенных словом утешения, поддерживал и назидал тех, которые сомневались, словом увещания, тех, которые противились, – словом укоризны, тех, которые заблуждались, – словом строгости, ленивых – словом убеждения, тех, которые начали совращаться, – словом предупреждения. И так как он был сам проникнут живым жаром, то он воспламенял все народы своими немногоречивыми и простыми речами, и не только низшие классы, но даже королей и князей, и никто не смел и не мог ему сопротивляться. Около него собирались толпами из стран отдаленных, чтобы послушать и увидеть чудеса, совершаемые Господом его руками. На носилках приносили больных, ставили их по дорогам и на площадях, где он должен был проходить, чтобы он мог на пути коснуться их своей одеждой и исцелить от недугов. Иногда он сам дотрагивался до них; другой раз, не имея возможности подойти по причине стечения народа, он давал им свое благословение или поил святой водой, которую имел в своих руках. И вера, и благочестие как больных, так и тех, которые их приносили, была такова, что не только заслугами служителя Божия, но также по пламенности духа и по великой вере, не допускающей никакого сомнения, большая часть больных оказались достойными исцеления. Те, которые могли оторвать и сохранить самую малейшую часть его одежды, считали себя счастливыми. А потому, так как многие желали иметь куски его одежды, и народ рвал ее беспрестанно, то Фулько был принужден иметь всегда при себе новый подрясник. Обыкновенно толпа сдавливала его невыносимым образом, и он бил палкой тех, которые приставали к нему более других; чтобы не быть задушенным желавшими его коснуться, он таким образом отгонял их. Хотя ему случалось иногда ранить тех, кого он бил, но они не оскорблялись и не роптали, и даже в избытке своего благочестия и при твердости своей веры целовали собственную кровь, как освященную Божьим человеком.

Однажды, когда кто-то сильно разорвал ему подрясник, он объявил толпе, говоря: «Берегитесь рвать мою одежду, ибо она не благословлена; но вот я благословляю подрясник этого человека». При этом он сделал крестное знамение, и народ в ту же минуту разорвал тот подрясник на тысячи кусков, и каждый сохранил для себя частицу, как священный останок.

Фулько был молотом и для людей корыстных и поражал не только ростовщиков, но и всех тех, которые накопляли богатства по скупости, особенно в те времена, когда поднималась цена на съестные припасы. Он сам часто восклицал: «Корми всякого, кто умирает с голоду; ты сам умрешь, если его не накормишь». Однажды, когда он объявил в своей проповеди, что «люди, проклятые народом и скрывающие свой хлеб», намерены продать его по низкой цене до начала предстоящей жатвы и что в скором времени будет конец дороговизне съестных припасов, все, поверив его словам, как бы в нем говорил сам Господь, поспешили выставить на продажу спрятанный ими хлеб, и таким образом, сообразно его предсказанию, цена на съестные припасы действительно упала. Но он, видя коварных людей и снедаемый горестью, с такой силой вооружился против упорных грешников и против тех, которые медлили обратиться к Господу, что часто проклинал их или показывал вид, что проклинает. Все, опасаясь его проклятий, как грома и молнии, повиновались его приказаниям, и сами же утверждали, что каждый, кого он проклял, доставался в руки дьявола, и что другие падали внезапно на землю, покрытые пеной, как то бывает в падучей болезни.

Утомленный строгостью своего покаяния, нося на себе всегда жесткую власяницу и часто, как говорят, панцирь, будучи сдавливаем толпой, которая теснила его безмерно, Фулько нередко впадал в гнев. Но едва только раздавались его проклятия на тех, которые теснили его и которые ме-

шали ему говорить, ведя разговор сами, как все падали на землю, и внезапно воцарялось глубокое молчание. Бесстыдных священников и их наложниц, которых он называл кобылицами дьявола, он преследовал жестокими укоризнами и такими проклятиями, что они покрывались великим стыдом; указывая пальцем на всех тех, которые вели себя таким образом, он кричал вслед за ними, так что почти все женщины этого рода оставили своих священников.

Одна женщина из благородной фамилии, жившая в деревне, которой она владела, несколько раз предупреждала священника, чтобы он оставил свою наложницу; он отказался, и она ему объявила: «Я не имею никакой власти над вами, но все те жители деревни, которые не считаются клериками, подчинены моему суду». Тогда Фулько приказал представить ему наложницу того священника, обстриг ей волоса и сказал: «Так как ты не хочешь оставить священника, то я желаю поставить тебя священницей».

Один епископ приказал другому священнику оставить или свою служанку, или свой приход, и он, плачась и жалобясь, объявил, что желает лучше отказаться от своей церкви, нежели отпустить наложницу. Таким образом, он оставил церковь, и тогда та женщина, видя, что ее священник остается бедным, ибо он не имел более доходов, пренебрегла им и бросила его, и несчастный потерял все – и свою церковь, и свою наложницу.

Куда бы ни являлся тот поборник Бога, повсюду падшие женщины оставляли дома разврата и обращались к нему. По большей части он выдавал их замуж; других же заключал в монастырь, чтобы там они могли вести правильную жизнь. При этом случае был основан, сначала вне города Парижа и недалеко от него, монастырь св. Антония Цистерцианского ордена, в котором принимали женщин подобного рода. В других местах и других городах, где этот святой человек благословлял источники и колодези, больные стекались толпами, и там были построены часовни и даже госпитали. Господь исполнял его слова таким авторитетом и такой благодатью, что магистры и схолары города Парижа, принося с собой на его проповеди таблички и тетради, записывали за ним с его слов все сказанное им; но эти слова не имели уже столько сил в устах другого и не были столь плодотворны при своем повторении. Молва о его проповеди разнеслась по всей христианской земле, и слава его святости распространилась повсюду.

Сверх того, его ученики, отправляемые им на проповедь, как апостолы Христа, были принимаемы всеми с великим почетом и уважением. Но один из них, считавшийся первым, самый красноречивый и самый деятельный, по имени магистр Петр Руссийский, «сделал пятно на его славе». Действительно, он, который вступил на путь усовершенствования, который проповедовал бедность, начал сам копить богатства и извлекать доходы от проповедей, а потом сделался каноником и канцлером церкви в Шартре; таким образом, тот, кто был должен пролить свет из дыму, выпустил дым из света. И вследствие того он не только сделал презренным свое учение, но и нанес большой вред другим ученикам Фулько.

Между тем как этот святой человек привлекал к Богу ежедневно души многих, он, возложив на свои плечи знамение креста, вознамерился словами и примером приглашать, побуждать и склонять князей, рыцарей и людей всех сословий к тому, чтобы поспешить помочь Святой земле. Сам же он начал собирать деньги милостыней верующих с намерением раздать их бедным крестоносцам как рыцарям, так и всем другим. И хотя он делал такой сбор не в видах корыстолюбия или по какому-нибудь другому худому побуждению, но по неисповедимой воле Божьей, с этой минуты его влияние и его проповедь начали много терять в глазах людей; и по мере того, как увеличивалось количество денег, страх и уважение, внушаемые им, уменьшались. Несколько времени спустя (в 1201 г.) он впал в тяжелую лихорадку, умер в деревне, называемой Нёльи, и был погребен в приходской церкви, которой он сам управлял. Множество народа стекалось к его гробнице из стран соседних и из стран отдаленных; перестройка этой церкви, начатая им самим, была совершенно окончена

из пожертвований пилигримов, приходивших со всех сторон. Еще в начале своего служения Фулько сломал старую церковь против воли всех мирян и обещал своим прихожанам отстроить ее заново, более роскошно и притом без всякого обременения для них.

В последних трех главах второй книги (VIII–X) автор говорит о других проповедниках, которые являлись в то время и из которых иные были истинными служителями религии, а многие обманывали народ (см. продолжение, ниже).

Historia orientalis. Libri III. 622–1219.
Кн. II.

Рожер Говеден

ФУЛЬКО НЁЛЬИ И РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ. 1098 г. (в 1202 г.)

В том же году (то есть когда был избран Иннокентий III, который писал о необходимости нового крестового похода, то есть в 1098 г.[1], жил в Галлии священник по имени Фулько, которого Бог превознес перед очами царей и дал ему власть исцелять слепых, хромых и других угнетенных недугами и изгонять злых духов; он успел обратить к Богу даже развратных женщин, свергнувших с себя, по его настоянию, иго бесстыдства, и уговорил ростовщиков обратить внимание на небесное сокровище, которого ни ржавчина, ни тля не истребляют, ни воры не крадут, и то, что пожирала корысть, разделить между бедными. Он же предсказал королям Франции и Англии, что один из них и вскоре погибнет лютой смертью, если они не прекратят вражды. И так как в то время жатва была обильна, а жнецов мало, то Господь дал ему в помощники для проповеди слова Божия двух мудрых мужей, магистра Петра из ..., владыку Роберта из ..., владыку Евстафия, аббата Флэ и многих других, которые ходили повсюду, проповедуя и скрепляя речь свою чудесами. Между тем Фулько явился однажды к Ричарду, королю Англии, и сказал ему: «Говорю тебе, король, именем всемогущего Бога, выдай как можно скорее замуж трех твоих злейших дочерей, да не постигнет тебя что-нибудь еще худшее. Наложи палец на уста твои; кто говорит правду, будет обвинитель; никто не родится без греха, но блажен, кто мало греховен; а в другом месте сказано: никто без греха не живет». Говорят, король отвечал ему: «Притворщик, солгал ты на свою голову, ибо у меня нет ни одной дочери». Фулько сказал тогда королю: «Нисколько

[1] Предыдущее у этого автора см. выше.

РОЖЕР ГОВЕДЕН (ROGERUS DE HOVEDEN. 1-я половина XII в.– 1202). Рожер родился в местечке Говеден (ныне Howden), в Йоркском графстве. Сначала он был капелланом при дворе Генриха II Плантагенета и одним из самых близких лиц к нему, но после смерти короля в 1189 г. Рожер удалился от дел и, заняв кафедру богословия в Оксфордском университете, взял на себя труд продолжать «Церковную историю» Бэды Преподобного, потому его «Английские анналы в двух книгах» и начинаются с 731 г., когда умер Бэда. Но до 1192 г. «Анналы» Рожера служат копией или переделкой других хроник; впрочем, и эта часть труда замечательна из-за страсти автора вносить все исторические документы в текст, так что его «Анналы» являются вместе превосходным архивом, сохранившим для нас переписку и грамоты многих государственных лиц того времени. «Анналы» Рожера служат главнейшим источником для истории Англии.

Издания: самое полное и единственное сделал *Savile* в своем сборнике «Rerum anglicarum scriptores post Bedam praecipui» (Lond., 1596, c. 230–471). Переводы: англ. *Rilly*. Antiquarian Library by Bohn. (Lond., 1849, в 2 ч., т. 20 и 23). Исследования: *Lappenberg*. Geschichte von England (I, с. LXI и III, 871 с.).

не лгу, ибо ты имеешь действительно трех дочерей: одну зовут *Гордостью*, другую – *Корыстью*, а третью – *Безнравственностью*». Услышав это, король подозвал к себе графов и баронов, которые находились при этом, и обратился к ним со следующими словами: «Послушайте, как разглагольствует этот притворщик, утверждая, что я имею трех злейших дочерей, а именно, Гордость, Корысть и Безнравственность; он дает мне совет выдать их замуж, и я отдаю мою Гордость за гордых храмовников, мою Корысть за корыстных монахов ордена цистерцианцев, и мою Безнравственность за прелатов церковных». О, как недостойно свои пороки прикрывать насмешкой! После того Фулько, оставив короля, начал ходить из города в город, проповедуя слово Божие. Проповедуя таким образом слово Божие, он пришел в город Лизьё (Lexovium , ныне Lisieux, в Нормандии, близ Кана); но клерики этого города, которых упрекал этот муж, исполненный Св. Духа и добрых дел, в зазорной жизни, наложили на него руку и, заковав, бросили в темницу. Но ни оковы, ни заключения не могли его удержать: получив свободу, он прибыл в Кан (Cadomum, ныне Caen) и, проповедуя слово Господне, творил чудеса в присутствии народа. Начальники же замка, думая угодить королю (Ричарду), наложили на него руки и, заковав, бросили в темницу; но, расторгнув оковы и выйдя из темницы, он удалился невредимым и пошел далее с радостью, ибо считал себя удостоенным пострадать за имя Христово. Оставляя замок Кана, он отряс прах от ног своих, свидетельствуя тем против своих притеснителей[1].

Annalium Anglicanorum Libri II.
731–1201 гг. Под 1198 г.

---

[1] См. конец этой хроники, откуда заимствовано извлечение, выше.

ПОСЛАНИЕ ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ III О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ. 1198 г.

Горя пламенным желанием к освобождению Святой земли из рук нечестивых, посоветовавшись с мудрыми людьми, которые хорошо знали обстоятельства времени и места, и с одобрения священной коллегии, мы постановляем, да изготовятся крестоносцы (cruce signati) так, чтобы через год от нынешнего июня к июньским календам следующего года все те, которые предприняли отплыть за море, собрались в королевстве Сицилии, одни, как то следует и подобает, в Брундизии, а другие в Мессине и в других местах, соседних этим обеим гаваням; к тому времени и мы, если Богу угодно, располагаем прибыть туда лично, дабы христианское войско могло нашим советом и помощью спасительно устроиться и идти в поход с Божественным и апостолическим благословением. Пусть позаботятся о приготовлении к тому же самому сроку и те, которые положили отправиться сухим путем. При этом мы предоставляем себе приставить к ним для совета и помощи надлежащего легата с нашей стороны (de nostro latere).

Священники же и прочие клерики, какие случатся в христианском войске, как подчиненные, так и прелаты, пусть тщательно настаивают в своих проповедях и убеж-

---

ИННОКЕНТИЙ III (INNOCENTIUS III. 1160/61–1216). Иннокентий III, в миру – Лотарио ди Сеньи, Папа Римский с 1198 г. После неудачной попытки Ричарда Львиное Сердце и Филиппа II Августа он явился одним из самых ревностных поборников нового Крестового похода и оставил после себя большую переписку по этому предмету с различными лицами. Первое место в переписке занимает его «Предписание похода для освобождения Святой земли»; оно издано вместе с другими его посланиями у *Duchesne*. Historiae Francorum scriptores etc. (Par., т. V, c. 749 и др.).

дениях, поучая всех словом, равно и делом, чтобы они всегда имели перед глазами Божественный страх и любовь, да не скажут или совершат чего, что оскорбляет величие Божие. И если когда-нибудь впадут в прегрешения, то пусть снова воспрянут в истинном покаянии, с уничижением сердца и плоти сохраняя умеренность в пище и одежде, отложив в сторону всякие распри, дабы, снабженные духовными и физическими средствами, они могли тем безопаснее бороться с врагом веры, не думая много о своем могуществе, но возлагая надежду на силу Божию. Клерикам же дозволяем получать свои доходы в течение трех лет, и если они живут при церквах и будут иметь нужду, то могут отдавать свои доходы в залог.

А чтобы такое наше святое повествование не встретило препятствий и не было замедлено, мы строго предписываем всем прелатам церквей, каждому в своей местности, заботливо убеждать и склонять к исполнению данных перед Богом обетов, как тех, которые решились возложить на себя знамение креста, так и прочих крестоносцев и других, которые впоследствии примут крест; и если то окажется необходимым, пусть побуждают к тому личным отлучением от церкви или наложением запрещения на их земли, исключая, однако, те лица, которым встретится препятствие и которые по усмотрению апостолического престола должны будут на основании уважительных причин изменить или отложить свои обеты.

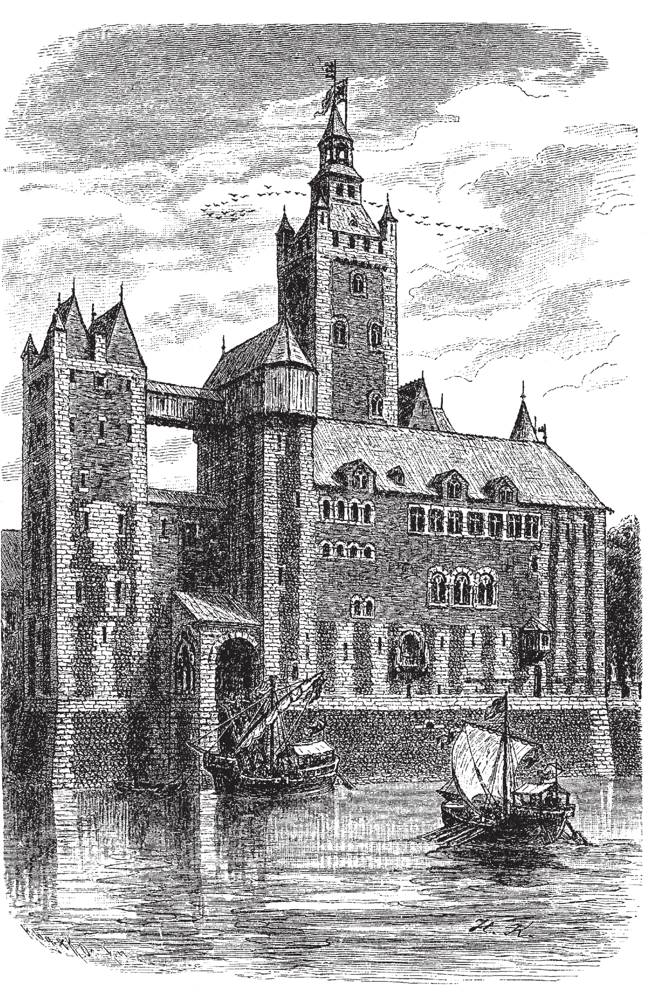
Ко всему этому, дабы в деле Христовом ничего не было упущено из относящегося к тому, мы желаем и повелеваем, чтобы патриархи, архиепископы, епископы, аббаты и другие, на которых возлагается забота о душах, тщательно обращались с крестным словом к своей пастве, заклиная Отцом, Сыном и Духом Святым, единым, истинным, вечным Богом, королей, герцогов, князей, маркграфов, графов, баронов и прочих вельмож, а также городские коммуны (communiones civitatum), коммуны сельские (communiones villarum) и коммуны местечек (oppidorum), чтобы все те, которые сами лично не отправились на помощь Святой земле, поставили соответственное число

Печать Папы Иннокентия III (1198–1216 гг.)

воинов и взяли на себя необходимые расходы на три года, каждый по мере сил своих, во отпущение своих грехов, как то выражено во вселенском послании и как то мы повторим ниже для большего обеспечения.

Мы желаем, чтобы это отпущение распространялось не только на тех, которые доставляют свои корабли, но и на тех, которые позаботятся выстроить суда для этого предприятия. Тем же, которые откажутся – если только могут найтись столь неблагодарные перед Господом Богом нашим, – мы возвещаем несомненно от лица апостольского престола, пусть они знают, что в последний день суда они с трепетом дадут нам ответ в том; впрочем еще прежде того они должны подумать, с какой совестью и с какой уверенностью они могут положиться на единородного Сына Божия Иисуса Христа, ему же все предано в руки, если они откажутся в этом деле служить тому, кто распят за наши грехи, милостью которого они живут, благодатью которого поддерживаются и чьей кровью искупляются.

А чтобы о нас не подумали, что мы возлагаем на плечи людей громадную и невыносимую тяжесть, сами не желая поднять для того даже нашего пальца и походя на тех, которые говорят, как нужно делать, а сами ничего не делают, мы даем и жертвуем на это дело 30 тысяч фунтов, которые мы могли сберечь от своих крайне умеренных и необходимых расходов, сверх корабля, уступленного нами крестоносцам, из Рима и из соседних мест, ассигнуя при этом



Замок Фридриха Барбароссы в Кайзерсверте на Рейне. Восстановлен в XIX в.

3 тысячи марок серебра, оставшихся у нас от благостыни некоторых верных, с тем, чтобы они были с верностью розданы руками блаженной памяти аббата и иерусалимского патриарха и магистров храма и госпиталя, на пользу и необходимое для той земли.

Желая также, дабы другие прелаты церкви и все клерики приняли участие в том же, мы постановили с одобрения всеобщего собора, чтобы все клерики, как подчиненные, так и прелаты, представляли в течение трех лет для вспомоществования Святой земли двадцатую часть церковных доходов, через посредство лиц, которые будут назначены апостолическим усмотрением. Но из этого исключаются те духовные, которые взяли крест или имеют намерение взять и лично отправятся в поход.

Мы же сами и наши братья, кардиналы святой Римской церкви, будем взносить десятую часть сполна; да будет ведомо, что все обязаны к тому под страхом отлучения, так что всякий, кто с умыслом прибегнет к обману, будет отлучен.

Следуя справедливым предписаниям покойного императора (Фридриха I), мы даем особенные преимущества крестоносцам со времени их отправления в поход; они пользуются освобождением от всех поборов, налогов и других тягостей; их лицо и имущество по принятии креста находятся под покровительством блаженного Петра и нашим собственным и состоят под защитой архиепископов, епископов и всех прелатов церкви; кроме того, назначаются еще особые защитники, так что их имущество сохранится в целости и неприкосновенности до тех пор, пока не получится верное известие о их смерти или возвращении, и если кто-нибудь замыслит против них злое, то будет остановлен церковным судом.

Если заимодавцы задержат кого-нибудь из крестоносцев, принуждая внести клятвенно утвержденные проценты, то мы предписываем с такой же строгостью заставлять их отказаться от данной им клятвы и от требования процентов. Если же кто-нибудь из заимодавцев будет вынуждать силой проценты, то мы повелеваем требовать от них возвращения процентов.

Евреев же предписываем принуждать светской властью к возврату процентов, и пока они того не исполнят, всем верным во Христе прекратить с ними всякое сношение под страхом церковного отлучения. Тем же, которые не могут в настоящее время уплатить долгов евреям, князья дают надлежащую отсрочку, дабы их не беспокоили процентами по принятии пути до тех пор, пока не придет положительное известие о их смерти или возвращении. Да будет известно прелатам церкви, что они будут строго наказаны, если окажут невнимание в суде крестоносцам и их семействам. Так как кор-

сары и пираты (cursarii et piratae) весьма много препятствуют помогать Святой земле, полоня и грабя идущих и возвращающихся оттуда, то мы налагаем узы отлучения в особенности на их пособников и укрывателей, и угрожаем анафемой всякому, кто заведомо вступит с ними в торговые сделки, а правителям городов и местечек вменяем в обязанность воздерживать и препятствовать такому нечестию, ибо не останавливать злых людей есть то же самое, что и покровительствовать им: действия тайной шайки обременяют совесть того, кто не противится ее явным преступлениям; мы желаем и повелеваем, чтобы прелаты употребили всю церковную строгость против таких лиц и их владений.

Кроме того, мы отлучаем и подвергаем анафеме тех лживых и нечестивых христиан, которые доставляют сарацинам против самого Христа и христианского народа оружие, железо и корабельное дерево, а также и суда или корабли, или служат кормчими на разбойнических судах сарацин, управляют их военными машинами или дают им какой-нибудь совет или помощь в ущерб Святой земле; имущество таких конфискуется и сами они превращаются в рабов. Предписываем повторять такие приговоры во всех приморских городах по воскресным и праздничным дням, и недра церкви не разверзнутся перед ними, если они не предадут в пользу Святой земли как своего беззаконного стяжания, так и самих себя, чтобы быть наказанными тем же, в чем прегрешили. Если же кому нечем будет заплатить пени, то наказать его так, чтобы это наказание отняло у других смелость к чему-нибудь подобному.

Сверх того запрещаем всем христианам под страхом анафемы ходить в земли сарацин, живущих на Востоке, или плавать на своих кораблях в течение четырех лет, чтобы через то оставалось большее число кораблей для желающих отправляться на помощь Святой земле и чтобы лишить сарацин тех значительных выгод, которые они получают обыкновенно от торговли.

Хотя на различных соборах вообще запрещали турниры (torneamenta) под страхом разных наказаний, но так как в нынешнее время они служат большим препятствием крестоносному делу, то мы запрещаем их строжайше на три года под страхом отлучения.

Так как для исполнения такого предприятия в особенности необходимо, чтобы князья и христианские народы соблюдали мир, то мы по настоянию святого Вселенского собора постановили, чтобы, по крайней мере, в течение четырех лет сохранился всеобщий мир на всей земле христианской и чтобы прелаты церквей склоняли поссорившихся к полному миру или к ненарушимому сохранению перемирия; те же, которые воспротивятся, будут отлучены лично и на их владения наложится строжайшее запрещение, если только обида не будет так велика, что нельзя было бы радоваться миру. Если они не уважут церковного наказания, то им придется бояться, чтобы церковная власть не призвала против них светской власти, как против нарушителей крестоносного дела.

Мы же, вспомоществуемые милосердием всемогущего Бога и авторитетом блаженных апостолов Петра и Павла, властью, которую нам, хотя и недостойно, даровал Бог вязать и решить, всем, кто возьмет на себя труд лично или издержками, даруем полное отпущение их грехов, в которых они исповедались с сокрушенным сердцем, и в воздаяние праведных обещаем вечное спасение как тем, которые приняли не личное участие, но на свой счет и соответственно своему имуществу и званию поставили надлежащих воинов, так и тем, которые, хотя на чужой счет, отправились в поход лично. Мы желаем и соглашаемся, чтобы это отпущение, сообразно помощи и благочестию каждого, распространилось на всех, которые окажут помощь Святой земле из своего достояния или дадут помощь и совет тем, которые благочестиво отправятся на этот подвиг; да послужит оно к их спасению. Аминь.

Expeditionis pro recuperanda terra sancta ordinatio.

Гиббон

ВИЗАНТИЯ ПЕРЕД ЗАВОЕВАНИЕМ ЕЕ КРЕСТОНОСЦАМИ (в 1781 г.)

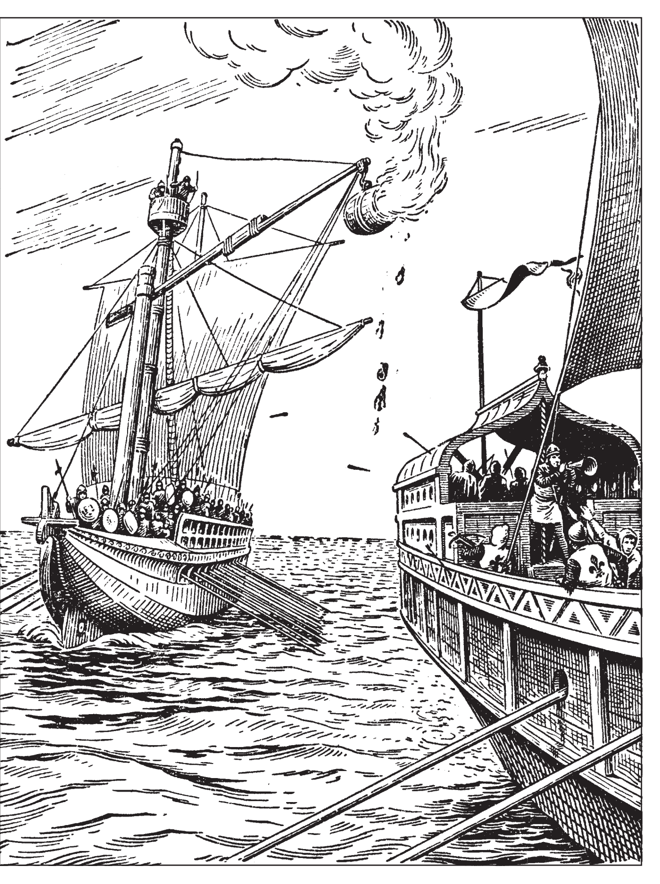
Сто лет, от 1080 до 1180 г., а именно в правление Алексея I Комнина и двух его преемников, Иоанна (1118–1143 гг.) и Мануила (1143–1180 гг.), были лучшей эпохой византийской истории: императоры удачного отражали внешних врагов, держали в страхе самих крестоносцев и смиряли внутренние крамолы. Но весь этот успех основывался на личностях правителей, и достаточно было первых пяти лет после смерти Мануила, чтобы язвы византийского общества, прикрываемые внешним блеском, обнаружились вполне и сделали понятными легкость завоевания империи какой-нибудь горсткой латинов.

Личные выгоды и противоположные страсти смущали иногда братскую взаимную привязанность двух сыновей императора Алексея Великого (Иоанна и Исаака). Честолюбие вынудило Исаака Севастократора бежать и возмутиться; непоколебимость и милости Иоанна Красивого привели его к подчинению. Заблуждения Исаака, отца императоров Трапезунда, были неглубоки и непродолжительны; но Иоанн, старший из его сыновей, навсегда отрекся от религии. Будучи оскорблен действительно или воображаемо императором, своим дядей, он оставил лагерь римлян и перебежал к туркам. В вознаграждение за свое богоотступничество, он получил руку султана, титул *келеби*, или благородного, и обширные владения; потому в XV в. Магомет II хвалился тем, что он происходит из фамилии Комнинов.

Андроник, младший брат Иоанна, сын Исаака и внук Алексея Комнина, представляет собой один из великолепных характеров очерчиваемого нами века, и его похождения могли бы служить предметом весьма оригинального романа. Он заставил полюбить себя трех женщин королевского происхождения, и, действительно, художник, который захотел бы изобразить идеал силы и красоты, мог бы избрать его образцом для себя: он не имел тех приятностей, которые сообщает светскость; но они заменялись в нем мужественностью, высоким ростом, мускулами атлета и воинственным видом. Кусок хлеба и стакан воды составляли часто его ужин, и если ему случалось есть кабана или козу, то они были убиты им самим на охоте и изготовлены его собственными руками. Его увлекательное красноречие умело применяться ко всем обстоятельствам и положениям жизни; он подражал св. Павлу, но только не своим поведением; и, если дело шло о том, чтобы причинить зло, он был смел в составлении планов и отважно приводил их в исполнение. После смерти императора Иоанна он удалился во главе римской армии; проходя по Малой Азии, он блуждал случайно или с намерением в горах, хотя и был в то время еще очень молод; турецкие охотники окружили его, и он оставался некоторое время, добровольно или против воли, во власти их князя. Его доблести и его пороки снискали ему благорасположение его двоюродного брата: он разделял опасности и удовольствия императора Мануила (преемника Иоанна); и между тем как этот последний находился в предосудительных связях с Феодорой, он успел обольстить Евдоксию, сестру этой княжны. Евдоксия, пренебрегая приличиями своего пола и своего звания, с гордостью называла себя наложницей Андроника, и как дворец, так и лагерь были свидетелями ее поведения. Она последовала за ним в Киликию, которая была первым театром его воинской доблести и его неблагоразумия. Он сильно торопился с осадой Мопсуесты: проводил дни в отважных приступах, а ночью предавался музыке и танцам; труппа греческих комедиантов составляла ту часть его свиты, которой он в особенности дорожил. Будучи однажды окружен неприятельским гарнизоном, сделавшим неожиданно вылазку, он своим непобедимым копьем пробился сквозь густые ряды армянских полков. После возвращения Андроника в императорский лагерь, находившийся в Македонии, Мануил принял его при всех весьма дружественно, но наедине дал ему выговор и, чтобы вознаградить или утешить несчастного полководца, дал ему княжества: Нес, Банизебу и Касторию. Евдоксия

сопровождала его повсюду: братья последней, придя в ярость и желая истребить свое кровное бесчестье, напали внезапно на его ставку; Евдоксия советовала ему переодеться в женское платье и спасаться бегством, но отважный Андроник не хотел последовать подобному совету и расчистил себе дорогу посреди своих многочисленных убийц. При этом же случае он обнаружил в первый раз свою неблагодарность и вероломство; вступив в преступные сношения с королем Венгрии и императором Германии, он подошел однажды к ставке императора с мечом в руках и в подозрительное время: выдав сначала себя за латинского воина, он сознался, что хотел отомстить одному смертельному врагу и имел неловкость отозваться с похвалой о быстроте своего коня, с помощью которого, говорил он, можно спастись во всех обстоятельствах жизни. Мануил скрыл свои подозрения; но после окончания похода он приказал схватить Андроника и заключил его в одной из башен константинопольского дворца.

Это заключение продолжалось более 12 лет: не имея сил переносить тишины и лишения удовольствий, он был беспрестанно занят мыслью о бегстве. Однажды он заметил в углу своей темницы обломанные кирпичи; ему удалось расширить проход и открыть сзади темное и забытое убежище. Захватив с собой остаток пищи, Андроник влез туда, заложил проход кирпичами и тщательно уничтожил все следы своего крова. Стражи, делавшие обход в обычный час, были поражены тишиной его темницы, распространили слух, что Андроник спасся, но неизвестно каким образом. В ту же минуту дворцовые и городские ворота были заперты; провинции получили строгое приказание захватить беглеца, а жена его, подозреваемая в содействии к бегству, была заключена в той же самой башне. Ночью она думала, что видит перед собой привидение, но вскоре узнала своего мужа; они делились пищей, и плодом их тайных свиданий, ослаблявших муки их плена, было рождение сына. Бдительность тюремщиков, приставленных к его жене, мало-помалу теряла свою силу, и Андроник успел бежать, но его открыли и привели в Константинополь, обремененного двойной цепью. При всей строгости нового заключения он вторично успел уйти из темницы. Молодой человек, прислуживавший ему, напоил стражу и при помощи воска снял форму с ключей: друзья Андроника прислали ему на дне бочонка поддельные ключи со связкой веревок. Пленник воспользовался всем этим с отвагой и с большим благоразумием; он открыл двери, сошел с башни, укрывался целый день в кустах, а ночью спустился со стен дворцового сада. Его ожидала лодка; он зашел в свой дом, обнял детей, сбил с себя оковы и, сев на бегуна, пустился к берегам Дуная. Когда он прибыл в Анхиалу, город Фракии, один из его неустрашимых приверженцев дал ему лошадей и денег; он переправился через реку, поспешно проехал по степям Молдавии и через Карпатские горы и уже находился близ Галича, города Красной Руси, как внезапно был остановлен шайкой валахов, которые решились препроводить его в Константинополь. Присутствие духа вывело его и из этой новой опасности. Под предлогом естественной нужды он сошел ночью с лошади, и ему позволили отойти в сторону от отряда. Воткнув в землю палку, на которую он будто бы опирался, он повесил на нее свою шляпу и часть своей одежды, бросился в лес, и валахи, обманутые чучелом, дали ему время добраться до Галича. Там его приняли весьма хорошо и препроводили в Киев, местопребывание великого князя: ловкий грек успел скоро снискать расположение и доверие Ярослава: он умел подделываться под нравы всех стран, и туземцы восхваляли его неустрашимость и силу, которую он обнаруживал на охоте за оленями и медведями. Мануил просил русского князя присоединить свои силы к силам империи, чтобы сделать вторжение в Венгрию. Во время этих важных переговоров Андроник оказал услуги императору: он обещал особым договором сохранить ему верность до смерти, и император, со своей стороны, объявил полное забвение прошедшего. Вслед затем он отправился во главе русской конницы от Днепра к берегам Дуная. Несмотря на свои неудовольствия, Мануил всегда любил воинственный и свободный характер Андроника, и со времени на-



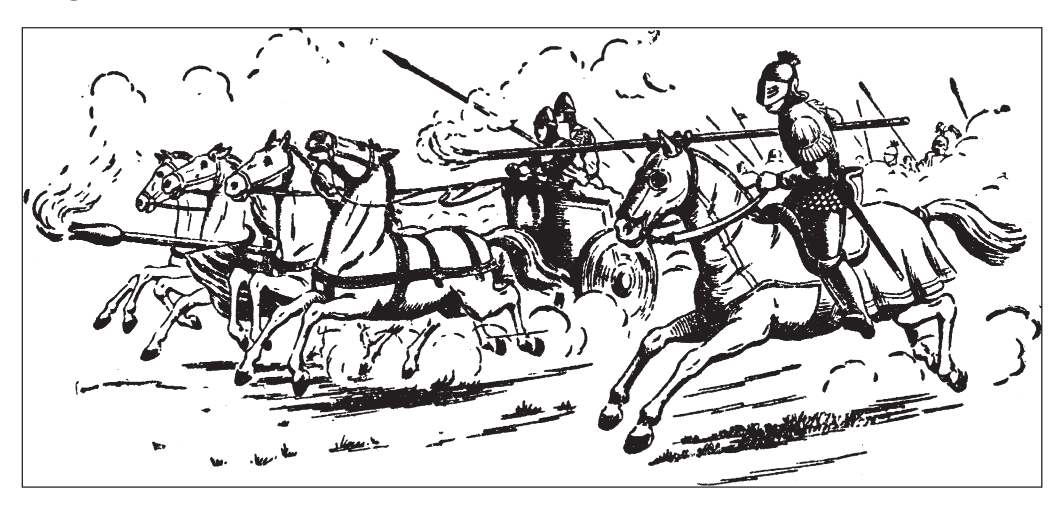
Применение «греческого огня» в морском бою византийскими кораблями (греческий огонь – зажигательный состав, который, предположительно включал серу, селитру, нефть, смолу и другие вещества.)

падения на Землин, где последний отличился, император простил его торжественным образом.

После возвращения Андроника в отечество его честолюбие возгорелось снова, сначала по поводу своего собственного несчастья и наконец в виду несчастья своей страны. Дочь Мануила была слишком слабым препятствием для честолюбивых видов князей дома Комнинов, которые считали себя более достойными престола: она должна была выйти за короля Венгрии, и этот брак был противен надеждам и предрассудкам князей и знатных. Но когда потребовали присяги на верность будущему преемнику, Андроник один поддержал честь римского имени; он не хотел давать незаконной присяги и громко протестовал против усыновления иностранца. Его патриотизм оскорбил императора; но он согласовался с чувствованиями народа, и потому монарх, удаляя его от себя, оказал ему свою немилость почетным образом, ибо вторично поручил ему начальство на границе Киликии, с безотчетным распоряжением доходами острова Кипра. Армяне снова испытали на себе его отвагу. Его небрежность на этот раз не сделалась для него плачевной. Ему удалось обезоружить и опасно ранить одного мятежника, который расстроил все его планы. Вскоре он сделал и другое завоевание, более легкое и более приятное: он обольстил прекрасную Филиппу, сестру императрицы Марии и дочь Раймунда Пуату, латинского князя, правившего Антиохией. Из угождения ей, бросив свой пост, он провел все лето за пиршествами и турнирами: Филиппа, увлеченная любовью, пожертвовала для него своей честью, своим именем и выгодным браком. Гнев Мануила, раздраженного таким семейным бесчестием, прервал наслаждения Андроника: он бросил несчастную принцессу в слезах и раскаянии и, сопровождаемый толпой искателей приключений, отправился пилигримом в Иерусалим. Его рождение, его великая военная слава, ревность, которую он обнаруживал в отношении религии, заставили стараться привлечь его под знамена креста; он очаровал короля и духовенство и получил на берегу Финикии владение Берит. В соседстве с ним жила молодая и прекрасная королева, происходившая из одного с ним народа и одной фамилии, правнучка императора Алексея и вдова Балдуина III, короля Иерусалимского. Она навестила своего родственника и почувствовала к нему любовь. Эта королева называлась Феодора; она была третьей жертвой его обольщений, и ее стыд был еще более оглашен и представлял более соблазна, нежели первых двух. Император, постоянно питавший месть, настоятельно побуждал своих подданных и союзников, которых имел на границе Киликии, схватить Андроника и выколоть ему глаза. Палестина не представляла ему более бе-

зопасности; но Феодора предупредила его и сопровождала в бегстве. Королева Иерусалимская являлась на всем Востоке наложницей Андроника, и двое побочных детей свидетельствовали о ее слабости. Андроник убежал сначала в Дамаск, и при всем своем уважении к религии греков он нисколько не усомнился в чести мусульман, живя с великим Нуреддином и с Саладином, служившим у него. В качестве друга Нуреддина, он ходил в Багдад и к различным дворам Персии; сделав далекий обход вокруг берегов Каспийского моря и через горы Грузии, он утвердил свое местопребывание в Малой Азии, у турок – наследственных врагов соотечественников Андроника. Андроник, его наложница и толпа изгнанников, следовавшая за ним, нашли себе радушный прием во владениях султана Колонии (Цезареи); чтобы доказать ему свою признательность, он делал неоднократные набеги на римскую провинцию Трапезунда; при каждом набеге он приводил с собой большое число пленных христиан со значительной добычей. Рассказывая свои похождения, Андроник любил сравнивать себя с Давидом, который своим продолжительным изгнанием успел уйти из сетей злобы. Но царь-пророк, прибавлял он, ограничивался только тем, что прятался на границе Иудеи, убивал какого-нибудь амалекита и, несмотря на свое печальное положение, грозил корыстному Набалу; его же набеги были обширнее и делали известным его имя и его религию по всему Востоку. По определению церкви Андроник был отлучен от общения с верующими; впрочем, такое отлучение доказывает, что Андроник не отказывался никогда от христианства.

Он успел спастись от всех тайных и явных преследований императора; но плен его наложницы поймал наконец его в сети. Правитель Трапезунда захватил Феодору, иерусалимская королева и ее двое детей были отправлены в Иерусалим, и с того времени странствующая жизнь Андроника сделалась мучительной для него. Он начал умолять о прощении и получил его: ему даже позволили прийти и броситься к ногам своего государя, который удовольствовался покорностью столь гордого князя. Пав ниц перед Мануилом, он оплакивал свой мятеж со слезами и рыданиями и объявил, что не встанет до тех пор, пока какой-нибудь верноподданный не возьмет его за цепь, надетую на его шее, и не притащит к ступеням трона; такое чрезвычайное выражение раскаяния вызвало всеобщее удивление и сочувствие; церковь и император простили ему его грехи и его преступления; но Мануил, продолжавший питать к нему недоверие, удалил его от двора и сослал в Эное, город Понта, окруженный богатыми виноградниками и лежащий на берегу Черного моря. Смерть Мануила и беспорядки по случаю несовершеннолетия его преемника открыли новое поприще для честолюбия Андроника. Император Алексей II (1180–1183 гг.), имевший от роду не то двенадцать, не то четырнадцать лет, не мог обнаружить ни силы, ни мудрости, ни опытности. Императрица Мария, мать его, отдала и себя, и управление своему любимцу по имени Комнину; а сестра молодого императора, называвшаяся также Марией и бывшая замужем за итальянцем, украшенным именем Кесарь, составила заговор и наконец произвела восстание против своей ненавистной мачехи. О провинциях забыли; столица волновалась, и порочность нескольких месяцев ниспровергла труд целого века спокойствия и порядка. Гражданская война возобновилась в стенах Константинополя; обе партии предались кровопролитию на площади дворца, и мятежники, загнанные в церковь св. Софии, выдерживали правильную осаду. Патриарх употребил все, чтобы уврачевать общественное бедствие; самые уважаемые патриоты требовали громко защитника и мстителя своих прав, и все восхваляли таланты и даже добродетели Андроника; в своем изгнании он показывал вид, что помнит те обязанности, которые налагала на него присяга: «Если безопасность и честь императорской фамилии угрожаются кем-нибудь, – говорил он, – то я употреблю в ее пользу все средства, какими могу располагать». Он позаботился о том, чтобы в своей переписке с патриархом и знатными поместить извлечение из псалмов Давида и послание св. Павла, и терпеливо выжидал, когда голос соотечественников призовет его на помощь отчизне. Когда он отправлялся



Применение «греческого огня» в сухопутном бою

из Эноe в Константинополь, его свита, сначала ничтожная, обратилась скоро в многочисленную толпу и наконец сделалась целой армией; все верили его слову, как он говорил о своей религии и о своей верности. Андроник сохранил даже чужеземную одежду, которая своей простотой выказывала его величественный рост и говорила всем о его бедности и его изгнании. Все препятствия исчезали перед ним; он прибыл в пролив Фракийского Босфора; император вышел из гавани, чтобы встретить спасителя империи; ничто не могло оказать ему сопротивления. Забыли всех любимцев, возвеличенных милостями императора, и думали только о нем. Первой заботой Андроника было овладеть дворцом, поздравить императора, заключить в темницу императрицу Марию, наказать ее министра и восстановить порядок и общественное спокойствие. После того он отправился на могилу Мануила; было приказано всем держаться в отдалении; но зрители наблюдали за его молитвой и слышали или думали, что слышат следующее: «Я больше не боюсь тебя, мой непримиримый враг, который преследовал меня, как бродягу, по всем странам земли. Эта могила заключает твои останки, и ты не выйдешь отсюда ранее Страшного суда, когда нас всех воззовет труба. Теперь моя очередь, я стопчу своими ногами и твой прах, и твое потомство». Последовавшие затем жестокости заставляют думать, что он действительно мог иметь подобные мысли; но невероятно, чтобы он высказал свои задушевные мысли уже в первые месяцы своего управления; он прикрыл свои намерения личиной лжи, которая могла обмануть одну толпу. Венчание Алексея II произошло с обычной церемонией, и его вероломный опекун, держа в своих руках тело и кровь Христовы, объявил, что он будет жить и умирать за своего возлюбленного питомца. Между тем его многочисленные приверженцы поддерживали ту мысль, что потрясенная империя должна погибнуть под скипетром дитяти, что государство может спасти один какой-нибудь опытный князь, отважный на войне, искусный в науке правления и наученный превратностью судьбы искусству царствовать, и что все граждане должны принудить скромного Андроника возложить на себя бремя короны. Принудили даже молодого императора присоединить свой голос к всеобщему требованию и просить себе соправителя, который вскоре лишит его высокого звания, будет держать в неволе, и который наконец, оправдает справедливое замечание патриарха, что Алексея II можно считать умершим, лишь только он попадет во власть своего опекуна. Алексей умер после того, как мать его была схвачена и казнена. Тиран, очернив честь императрицы Марии и возбудив против нее народные страсти, приказал обвинить ее и су-

дить за преступные сношения с королем Венгрии. Ее сын, молодой человек, исполненный чести и правоты, выразил свое отвращение к такому преступному процессу и трое из судей поставили совесть выше своей безопасности; но прочие, подчиняясь воле Андроника, без всяких доказательств и не выслушав оправдания обвиненной, осудили вдову Мануила, и сын ее подписал смертный приговор. Мария была задушена, тело ее бросили в море и память ее была оскорблена самым чувствительным образом для женского тщеславия, ибо из ее прекрасного лица сделали самую безобразную карикатуру. После того не замедлили умертвить ее сына: его задавили тетивой лука; и Андроник, недоступный чувству сожаления и угрызениям совести, взглянув на труп этого невинного юноши, грубо толкнул его ногой: «Твой отец, – воскликнул он, – был негодяй, твоя мать распутница и ты сам глупец».

Скипетр Византии был наградой преступлениям Андроника; он правил около трех с половиной лет в качестве опекуна и верховного главы империи. Его управление представляло странную смесь добродетели и порока. Когда он следовал своим страстям, он был бичом своего народа и, возвращаясь к рассудку, он делался его отцом. Он выказал себя справедливым и строгим в делах честного правосудия; уничтожил постыдную и плачевную продажность; умея различать людей, он делал хороший выбор и был довольно тверд, чтобы наказывать виновных, а потому вскоре на всех местах явились достойные люди. До него обыкновенно грабили тех несчастных, которые претерпевали кораблекрушение, и он уничтожил этот бесчеловечный обычай; провинции, столь долгое время угнетаемые и пренебреженные, ожили среди изобилия, и между тем как очевидцы его ежедневных жестокостей проклинали его, миллионы людей, живших вдали от Византии, прославляли счастливое благоденствие его правления. Марий и Тиберий подтвердили собой ту древнюю поговорку, что человек, переходя из изгнания к власти, делается кровожадным. Жизнь Андроника подтвердила справедливость того в третий раз. Он припоминал в своем изгнании всех своих врагов и соперников, которые говорили о нем худо, которые порицали его в несчастье или которые противились его счастью, и надежда на месть была тогда единственным его утешением. Избавившись от императора и его матери, он считал себя обязанным истребить всех, которые ненавидели его или могли его наказать; и ряд душегубств уничтожил в нем всякое сострадание. Чтобы изобразить его кровожадность, нет надобности рассказывает о всех жертвах, погибших от яда или меча, в море или в огне; достаточно указать на то, что неделя, в которую он не пролил крови, называлась *временем счастливых дней* в летописях его жизни. Он старался слагать на законы или на судей часть своих преступлений; но личина спала, и его подданные не могли не узнать наконец виновника своих бедствий. Благороднейшие из греков и в особенности те, которые по своему происхождению или по родству могли предъявить притязание на наследие Комнинов, спасались из логовища этого чудовища: одни бежали в Никею или в Прузию, в Сицилию или на остров Кипр; так как их бегство считалось уже преступлением, то они присоединяли к нему восстания и принимали на себя титул императора. Андроник спасался всякий раз от кинжала и меча своих жесточайших врагов; он покорил и наказал города Никею и Прузию; сицилийцы ограничились разорением Фессалоники; и если мятежники, удалившиеся на остров Кипр, были вне преследований императора, то с другой стороны, такая отдаленность острова была выгодна и для самого Андроника. Его свергнул с престола ничтожный соперник и безоружный народ. Андроник произнес смертный приговор против Исаака Ангела, который происходил по женской линии от Алексея Великого. Исаак решил защищать свою свободу и свою жизнь: умертвив палача, исполнявшего предписания тирана, он убежал в церковь св. Софии. Чернь, любопытная и опечаленная, наполнила мало-помалу храм. Но толпа очень скоро переходит от плача к брани и от брани к угрозам. Начали раздаваться голоса: «Чего мы боимся? Чего мы подчиняемся тирану? Нас целые миллионы, а он один: наше рабство осно-

вано на нашем терпении». С рассветом дня восстание в городе сделалось всеобщим: овладели темницами; самые спокойные или самые раболепные граждане обнаружили готовность защищать свою страну; и Исаак, по числу второй (1185–1195 гг.), был возведен прямо из храма на престол. Андроник, считавший себя в безопасности, находился в то время на восхитительных островах Пропонтиды. Он вступил в малоприличный брак с Алисой, или Агнесой, дочерью Людовика VII, короля Франции, и вдовой несчастного Алексея; его общество, более соответственное его темпераменту, нежели возрасту, составляли молодая жена и одна из самых любимых наложниц. При первом известии о революции он отправился в Константинополь, торопясь наказать виновных смертью; но он был поражен молчанием дворца, шумом города и обнаружил беспокойство, когда заметил, что все его оставляли. Он обнародовал всеобщую амнистию в пользу своих подданных: его подданные смеялись над таким заявлением и говорили, что они не намерены прощать его; он предложил передать корону своему сыну Мануилу; но добродетели сына не могли искупить преступлений отца. Он мог еще спастись морем, но слух о революции распространился по всему берегу; с той минуты, как перестали бояться тирана, никто не оказывал более ему повиновения. Вооруженное судно овладело императорской галерой; и Андроник в оковах и с длинной цепью на шее был привлечен к ногам Исаака Ангела. Его красноречие и слезы сопровождавших его женщин не остановили казни, и вместо того, чтобы осудить Андроника законным порядком на смерть, новый император предоставил его ярости многочисленной толпы граждан, которые по его кровожадности лишились отца, мужа или друга. Они вырвали ему зубы и волоса, выкололи глаза и отрубили кисти рук; чтобы смерть была мучительнее для него, они позаботились оставлять промежутки между различными пытками. Потом посадили его на верблюда и, не опасаясь, чтобы кто-нибудь решился его освободить, возили его с торжеством по всем улицам столицы, и самая последняя чернь с радостью попирала ногами величие этого властителя. Осыпав Андроника бесчисленными ударами и поруганиями, они повесили его за ноги между двух колонн, наверху которых были помещены волк и свинья; и все те, которые могли достать его тело, позволяли себе подвергать его самой скотской и утонченной жестокости. Два итальянца, которым он внушил сожаление или которые были увлечены яростью, вонзили ему два меча и освободили его таким образом от страданий жизни. Во время столь продолжительной и мучительной агонии, он произнес только следующие слова: «Господи, сжалься надо мной; зачем ты хочешь разбить в куски уже и без того разломанный сосуд?!»

The history of the decline and fall of the roman empire. Базель. 1787.

Никита Хониат

ОСАДА И ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНАМИ. 1204 г. (в 1218 г.)

В шестом *отделе своего труда*[1] *автор излагает в трех книгах историю правления Алексея III Комнина (1195–1203 гг.), свергнувшего своего брата Исаака Ангела; первые две книги и семь глав третьей книги посвящены описанию внутренних смут и внешних войн узурпатора до 1203 г., когда крестоносцы Четвертого похода, соединясь с венецианцами, нанесли последний удар Византии.*

8. До сих пор (то есть до вторжения латин) речь моя текла свободно и шла торной дорогой. Теперь же не знаю, что и сказать: какое может быть расположение духа у того, кто должен вспомнить об общественных бедствиях, которыми была удручена царица городов в правление этих *земных ангелов* (автор намекает на фамилию правившей тогда династии Ангелов)? Я желал бы описать по достоинству то тяжкое и пла-

[1] См. предыдущее выше.

чевное зло; но это невозможно, и потому я должен сократить историю, чтобы сделать ее полезнее для потомства вследствие сжатого изложения горестных событий, которое ослабит печаль.

Оставаясь верным обещанию говорить коротко, автор в конце этой главы в нескольких словах упоминает о том, как Алексей III ослепил брата Исаака, но оставил его вместе с сыном Алексеем, еще юношей, на свободе, как Исаак нашел средство послать письмо в Италию к дочери Ирине, бывшей за королем Германским Филиппом I, сыном Фридриха Барбароссы, с жалобой на узурпатора; как молодой Алексей бежал в Италию к своей сестре; как вообще Ангелы дурным управлением восстановили против себя всех, и особенно венецианских купцов, которые были особенно оскорблены, видя, что Ангелы оказывают более покровительства пизанцам.

9. Венецианцы (Beneticoi), имея в виду древние договоры с греками, оскорблялись тем, что их значение перешло на пизанцев и, отдаляясь от нас, они обнаруживали при каждом случае враждебное расположение, особенно когда Алексей (III) по корыстолюбию не хотел уплатить им 200 мин золота, недостававших в займе 15 центенариев того же металла, которые обязался уплатить император Мануил. Еще более желал нам зла венецианский дож (δουζ) Генрих Дандоло (’Εριχοζ Δανοουλοζ), слепой и удрученный временем; он перед всеми ненавидел и враждовал против греков; был человеком хитрым и чрезвычайно дерзким до того, что называл себя мудрейшим из мудрейших, и славолюбием превосходил других. Он считал жизнь хуже смерти, если ему не удастся отомстить оскорблений, нанесенных греками его согражданам, и пересчитывал в уме все бедствия, испытанные его единоплеменниками в правление Ангелов и при Андронике и Мануиле. Но зная, что всякое предприятие обратится на его же голову, если будет задумано против греков одними венецианцами, Дандоло начал помышлять о приобретении союзников и об устранении козней вместе с такими людьми, которые пылают непримиримой ненавистью к грекам и завидуют их благоденствию. В это время (1203 г.) сама судьба послала ему нескольких знатных владетелей, желавших посетить Палестину, и с ними-то он вступил в союз против греков. Это были: Бонифаций – маркграф Монферратский, Балдуин – граф Фландрский, Генрих – граф Сен-Поль, Людовик – граф Блоа (ο χομηζ Πλεηζ Δολοιχοζ) – и многие другие отважные воители, ростом равнявшиеся почти со своими копьями. В течение трех лет в Венеции строились 110 перевозных судов, 60 больших кораблей, 70 плоскодонных; из них один корабль за чрезмерную величину был назван «Космосом» (Вселенная). Когда наступило время, на корабли были посажены 1000 всадников панцирных, 30 тысяч со щитами, умевших владеть всякого рода оружием, и множество стрелков.

В то время, как флот был готов к отплытию, над Византией скопились, как говорится, туча над тучей и волна над волной. Алексей, сын Исаака Ангела, снабженный письмами от Папы Древнего Рима и от немецкого короля Филиппа (I), желавших воспользоваться тем разбойническим набегом для возвращения юноше отеческого престола, явился на тот флот и был принят, ибо не только его именем прикрывалось злодеяние, направленное против греков, но сверх того он мог удовлетворять их корыстолюбие деньгами. Будучи юн не столько годами, сколько умом, Алексей, попав в руки хитрых и коварных людей, обязался и подтвердил клятвенно, что он довершит все, что они не могли бы закончить: он обещал им бездну денег и 50 кораблей для войны вместе с греками против сарацин; но что всего хуже и безумнее, он принял латинскую веру, признал выдуманные преимущества пап и обещал изменить древние постановления греков.

По прибытии флота к Иадаре (Зара) венецианский дож Дандоло приказал осадить этот город за нарушение им, как он говорил, какого-то старинного договора. Между тем греческий император Алексей, уже давно получив известие о движении латин, не делал никаких приготовлений, что собственно составляло и его личную обязанность, и общую обязанность всех; крайняя распущенность в делах государственных нисколько не лучше полного безумия. Евнухи же, бывшие охранителями лесистых

гор, которые сберегались для императорской охоты, как священные рощи или Божий рай, не давали рубить деревьев и грозили тяжким наказанием тому, кто осмелился бы на то с целью строить корабли. Кроме того, главный начальник флота Михаил Стрифн, женатый на сестре императрицы, имел обычай превращать в золото не только рули и якоря, но даже паруса и весла, и лишил греческий флот больших кораблей. Император же не только не наказывал таких бесчестных людей, совершивших гнуснейшие преступления, но даже был к ним благосклоннее, нежели ко всем другим. Сидя спокойно дома, он занимался только тем, что срезывал горы, засыпал долины и выравнивал площади; осмеивал за столом предприятие латинского флота и считал басней те опасности, о которых иные говорили и поставляли на вид. Но когда до него дошли несомненные известия о том, что латины, принудив Иадару к сдаче, пристали к Эпидамну, а жители этого города провозгласили императором Алексея (сына Исаака Ангела), тогда и у императора, как у рыбака в пословице, «палка родила ум» (πληγειζ χομιξεται νοϖν): он приказал поправить 20 судов, сгнивших и проточенных червями, и, обойдя городские стены, дал повеление срыть близлежавшие дома по другую сторону черты. Между тем латинский флот, отплыв из Эпидамна к Корцире, направился оттуда к Константинополю. Западные люди давно уже знали, что Греческая империя есть не что иное, как больная голова с перепоя и опьянелая (χραιπαλην χαι μεφην), а Византия представляет собой Сибарис, прославленный своей роскошью. Совершив удивительно счастливое плавание при тихом и попутном ветре, они подошли к городу, когда никто о том и не знал. Сначала они остановились у Халкедона и оттуда поплыли частью на веслах, а частью на парусах, к лежавшей на востоке Пере (против Византии, с другой стороны Золотого Рога), где, бросив якорь, оставались на кораблях в расстоянии полета стрелы от берега. Легкие же корабли пристали к Скутари. Греки начали бросать с возвышений берега стрелы, которые, не достигая большей частью кораблей, падали в море. Другой отряд расположился у Даматрии с целью удерживать конницу; но и это имело не более успеха: не подходя близко к неприятелю, греки обратили тыл, и одни были убиты, другие едва избежали смерти; особенно вожди, как люди более трусливые. И к чему им было бороться с такими людьми, которых они называли ангелами, хищниками и медными статуями? Они умирали от одного их взгляда.

10. Спустя несколько дней латины, видя, что никто не сопротивляется им с сухого пути, пододвинулись ближе к берегу. Конница отступила далее от моря, а корабли направились в залив. После того одни с суши, другие с моря начали осаждать ту башню, к которой была прикреплена тяжеловесная железная цепь, служившая для поднятия в случае направления неприятельского флота. При этом одни из наших после кратковременного сопротивления бежали, другие были убиты или попали в плен; иные по цепи, как по веревке, спустились на наши корабли; многие же, не успев ухватиться за нее, были низвергнуты в море. Разорвав цепь, неприятельский флот весь двинулся вперед: наши корабли были частью захвачены, а другие, пригнанные к берегу и оставленные своими людьми, были разрушены. Бедствия являлись в столь разнообразных формах, что едва ли чей ум мог бы постигнуть их вполне. Все это происходило в июле, 6711 г. (то есть от сотворения мира; 1203 г. от Р. Х.).

В конце этой главы описаны отдельные стычки в течение первых дней осады; общий приступ латин 17 июля с суши и с моря, когда город был спасен одной храбростью пизанцев и поплатился незначительным пожаром в одной части между Влахерной и монастырем Эвергета; то, как бежал малодушный Алексей в Дебельту на корабле с 10 центенариями золота (10 тысяч золотых) и другими драгоценностями, предоставив семейство и город на произвол неприятеля; глава, тем не менее, заканчивается панегириком Алексею III за добрые качества его души.

Первые три главы следующего, седьмого, *отдела в одной книге, посвященного кратковременному правлению Исаака Ангела, излагают, каким образом после бегства Алексея III греки избрали ослепленного им Исаака; как Исаак вступил в переговоры с латинами и как вожди крестоносцев вошли в Византию вместе с его сыном Алек-*

сеем, принудив отца подписать договор, заключенный ими с последним; затем следует рассказ о неистовствах, произведенных латинами в Византии, о грабежах их и новом пожаре; к этому добавилось несогласие отца с сыном; их произвол и насилия вызвали народное восстание патриотов, во главе которого стал Дука Алексей по прозванию Мурзуфл (то есть: срощенные брови).

4. Было уже 25 января, VII индикта 6712 г. (1204 г.). В главном храме собралось множество народа; сенат, собор святителей и высшего духовенства явились туда же и были вынуждены совещаться об избрании нового императора. Когда от нас требовали высказать свое мнение, мы не хотели согласиться на то, чтобы по свержении императоров можно было избрать другого, имея уверенность, что кто бы ни был избран, он не будет лучше сверженных, как потому, что латинские вожди станут всеми силами защищать Алексея, так и по другим причинам. Но чернь, неблагоразумная, изменчивая и прислушивающаяся к голосу одной страсти, не соглашалась долее переносить господство Ангелов и не хотела разойтись без того, чтобы не был избран новый император. Зная по опыту необузданность толпы, помышляя о своей судьбе и проливая слезы, мы не сопротивлялись более и легко предугадывали будущее. Между тем мятежники начали сами приискивать императора и назначали то одного, то другого из знатнейших фамилий; но, не остановившись ни на ком, они с оружием в руках приступили к городскому начальству и к людям нашего сана и, хватая их за руки, принуждали принять корону. О горе, горе! Что могло быть хуже и ужаснее подобного несчастья? Что могло быть безумнее и смешнее сумасбродств такого собрания? В оправдание выбора приводилось следующее рассуждение: «У тебя есть во что облечься: так будь нашим главой!»

В пятой и последней главе седьмого отдела автор рассказывает, каким образом избрали наконец в императоры ничтожного характером юношу Николая Канаба; как император Алексей решился впустить в город латинские войска, но Мурзуфл захватил Алексея и в темнице задушил, а Николая посадил под стражу и сам себя провозгласил императором.

В первых двух главах и в начале третьей восьмого отдела, посвященного двухмесячному правлению Мурзуфла, автор излагает, какие меры были приняты новым императором к защите города, как он напрасно пытался вступить в переговоры с латинами, и как латины после отчаянного приступа успели овладеть частью укреплений; вследствие того Мурзуфл бежал из города; Феодор Дука и Феодор Ласкарис вступили было в спор за обладание «сокрушавшимся кораблем», и Ласкарис был предпочтен, но, видя равнодушие народа к защите города, и он бежал. После того Византия осталась совершенно беспомощной.

3. После того (то есть как бежал Феодор Ласкарис) неприятель сверх всякого ожидания увидел, что никто не выступает против него с оружием в руках и никто не сопротивляется; напротив, все остается открытым настежь, переулки и перекрестки не защищены, нигде ни малейшей опасности и полная свобода неприятелю. Жители города, передавая себя в руки судьбы, вышли навстречу латинам с крестами и святыми изображениями Христа, как то делается в торжественных и праздничных случаях; но и это зрелище не смягчило души латин, не умилило их и не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частное имущество, но, обнажив мечи, ограбили святыни Господни, и звуком труб возбуждали коней к нападению. Не знаю, с чего начать и чем закончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди! О ужас! Святые образа бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников заброшены в места всякой мерзости! Но, что страшно промолвить и что можно было видеть глазами: божественное тело и кровь Христовы были разлиты и разбросаны по земле. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши; их украшения прятали за пазуху, а из них пили, как из бокалов. О, предтечи Антихриста и предвестники его нечестивых дел, в ожидании которых мы находимся! В те дни, как в древности, Христос был снова раздет и осмеян, и о ризах его метали жребий; недоставало только того, чтобы они пронзили его бок копьем и пролили потоки святой крови. О разграблении главного храма нельзя и слушать равнодушно. Святые налои, затканные драгоценностями

Тюркский воин VIII в., половецкий всадник XIII в. и печенежский наемник византийской конницы XI в.

и необыкновенной красоты, приводившей в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами, вместе с другими великолепными вещами. Когда им было нужно вывезти из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым были обложены кафедры, амвоны и врата, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами: животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но они били их и таким образом оскверняли их калом и кровью священный пол храма.

4. Какая-то женщина, преисполненная греха, рабыня фурий, прислужница дьявола, исчадие ядоносных чар, ругаясь над Христом и восседая на патриаршем троне, пела неприличные песни и, ломаясь, скакала вокруг. После этого нельзя и говорить, что чего-нибудь не делалось или что-нибудь было хуже другого: величайшие преступления были совершены всеми и с одинаковой ревностью. Разве могли пощадить жен, дочерей и дев, посвященных Богу, те, которые не щадили самого Бога? Было весьма трудно смягчить мольбами и умилостивить варваров, раздраженных и исполненных желчи до того, что ничто не могло противостоять их ярости; если кто и делал такую попытку, то его считали безумным и смеялись над ним. Кто сколько-нибудь им противоречил или отказывал в требованиях, тому угрожал нож; и не было никого, кто не испытал в этот день плача. На перекрестках, в переулках, храмах – повсюду жалобы, плач, рыдания, стоны, крики мужчин, вой женщин, грабежи, прелюбодейство, плен, разлука друзей. Благородные покрылись бесчестьем, старцы плакали, богатые бродили ограбленными. Все это повторялось на площадях, в закоулках, храмах, подвалах. Не было места, которое оставалось бы нетронутым или могло бы служить убежищем для страдальцев. Бедствия распространялись повсюду. Боже бессмертный, какая была людям печаль, какое отчаяние! Когда случалось, что морские бури, затмение солнца, кровавый лик луны, изменение в течение звезд где-нибудь и когда-нибудь могли предвещать подобное несчастье?

Подобные жалобы автора и восклицания продолжаются до самого конца главы, и в заключение приводится сравнение взятия Константинополя латинами со взятием Иерусалима Саладином, причем мусульмане пристыдили своим человеколюбием западных христиан.

Последние две главы, 5 и 6-я, заключающие восьмой отдел, могут быть названы плачем, написанным в подражание Иеремиаде, на которую автор ссылается нередко.

В девятом и последнем отделе, довершающем труд автора, говорится о событиях, последовавших за взятием Константинополя латинами, до 1206 г. В первой и в начале второй главы этого отдела автор объясняет, почему он не поступил так, как Солон поступил при Писистрате, а именно: не возмущал граждан в последнее время против императоров, подобно тому мудрецу, который сделал воззвание к афинянам, чтобы они свергли тирана; при этом автор жалуется на то, что «для византийцев всякие убеждения были тщетны, ибо у них уши не имели отверстия к рассудку, и сами они не понимали сладости свободы, как не понимает тот сладости меда, который его не вкушал». Далее, автор выражает свое удивление тому, что взятие Константинополя латинами не было предзнаменовано никакими небесными явлениями, и затем останавливается на рассказе о своей собственной судьбе во время всеобщего разгрома.

2. Скажу несколько слов и о самом себе. Многие из моих друзей в тот печальный и злополучный день укрылись в моем доме, обставленном портиками, оттеняющими его, и потому труднодоступном для неприятеля. А тот прекрасный и обширный дом, который был у меня в Сфоракии, сгорел еще во время второго пожара. Главный храм, соседний с моим домом, мог бы служить лучшим убежищем, но неприятель не оставил ни одного места в покое; не было такой святыни или укрепления, которое было бы в состоянии защитить страдальцев. Куда бы кто ни убежал, его непременно вытаскивали и уводили. Видя такие ужасы, мы начали совещаться, как действовать в подобных обстоятельствах. Был у меня в то время один близкий и домашний человек, родом венецианец, который некогда нашел в моем доме безопасное и готовое убежище для себя и для своей жены со всем имуществом. Он-то и оказался нам в то время весьма полезным. Вооружившись и одевшись в платье наемника, он не допускал грабителей входить в дом, выдавая себя за их товари-

ща, который уже овладел зданием для себя, и разговаривая с ними на своем отечественном языке. Но так как они начали врываться толпами, особенно франки, которые не походили на других ни характером, ни внешностью, и хвалились тем, что они боятся только одног – чтобы не обрушилось на них небо, то венецианец советовал нам удалиться, из опасения, чтобы варвары нас не заковали в цепи, а женщин не обесчестили. Будучи прежде добрым другом и клиентом, а теперь в такое трудное время сделавшись союзником и защитником, он отвел нас в другое место, где жили знакомые нам венецианцы. Мы вышли в небольшом числе; венецианец тащил нас за руки, как будто своих пленников; лица наши были печальны и одежды плохие.

3. Но когда мы снова пришли в ту часть города, из которой прежде бежали и которая досталась на долю франков, нас оставили все слуги, рассеявшись в разные стороны, и мы должны были посадить себе на плечи детей, которые не могли еще ходить. Грудного младенца пришлось нести на руках и так идти по всему городу. Дней пять спустя по взятии города мы пустились в дорогу в субботу. По-видимому, это последнее обстоятельство было не случайным, но волей Провидения. Тогда наступала зима, и время родов моей жены было уже близко. По словам Христа, следовало всегда молиться, чтобы наше бегство не начиналось в субботу и не пришлось бы зимой: «Горе в те дни беременным». Так как собрались взглянуть на нас друзья и родственники, то мы шли по закоулкам, подвигаясь кучей, как муравьи; нам попадались навстречу войска, дурно вооруженные; с боку на седлах висели мечи[1], а за поясом торчал нож. Одни были отягощены добычей, другие обыскивали проходивших пленных, не скрывается ли у них под рубищем драгоценная одежда и нет ли за пазухой золота или серебра. Иные пристально всматривались в красивых женщин, как бы желая их схватить для себя. Вследствие того, боясь за честь наших женщин, мы поставили их в середине, как в овчарне, а девицам приказали вымазать себе лицо грязью, как они прежде покрывали его румянами, с тем, чтобы замазать яркий цвет щек; красота могла, как огонь ночью заманивает путника, привлечь к себе сначала зрителей, потом возбудить в них страсть и, наконец, понудить к похищению; а латины считали для себя все дозволенным.

Эта глава заканчивается большим отступлением по поводу рассказа, каким образом, несмотря на те предосторожности, какой-то варвар отнял дочь у одного старика, как наш автор вмешался в это дело и успел убедить похитителя возвратить свою жертву отцу.

4. Когда мы вышли из города, все возблагодарили Бога и с рыданиями оплакивали потерю имущества. Я же, пав ниц, вопрошал стены, к чему они продолжают стоять, почему они также не плачут и не обрушатся в прах! Если те, для кого вы построены, говорил я стенам, погибли от огня и меча, то к чему же вам дольше стоять? Кого после этого придется вам защищать и укрывать? Быть может, вы замышляете в день гнева Господня погубить наших врагов, когда Бог поднимет десницу на притеснивших нас и ногами попрет Запад, как о том пророчествовал Давид? И ты, о царица городов, обширнейший город, город великого царя (то есть Константина), скиния Всевышнего, гордость и хвала служителей его, утеха чужеземцев, повелительница повелительниц городов, песнь песней, почесть почестей и редкое зрелище редкостей, кто разлучит нас с тобой, как милых детей разлучают от их любимой матери? Что с нами будет? Куда обратимся? Чем утешимся, отлученные от твоей груди и исторгнутые из твоей утробы? Когда мы узрим тебя снова не такой, какова ты ныне, обширное пепелище, юдоль плача, попранная войсками, обращенная в ничто и поруганная, но прославленной и невредимой, почитаемой даже теми, которые теперь угнетают и раздражают тебя, кормящей добрых людей и снедающей богатства властителей, как то было в прежние времена?

Автор продолжает в том же духе, впадая все более и более в риторику, до самого конца главы.

[1] Из этого можно заключить, что автор принял за войско партии купцов латинских, которые следовали за главной армией.

Штурм Константинополя крестоносцами в 1204 г. С рисунка XVI в. во Дворце дожей в Венеции

5. Изливая таким образом душу свою в печали, мы продолжали идти, плача и орошая землю слезами. Если нам удастся когда-нибудь возвратиться, то это будет делом руки Всевышнего, который укрепляет малодушных, облекает их в одежды спасения и наделяет их туникой ликований. Впереди нас шел вселенской церкви архипастырь; он не имел на себе ни сумы, ни пояса с золотом, без посоха, необутый, в одной тунике, настоящий апостол Евангелия или, скорее, второобраз Христа; но он спускался с нового Сиона, сидя на жалком осленке, а не восходил на него с торжеством. Так мы дошли до Силимбрии, где окончилось наше странствование; наша семья не претерпела насилий благодаря великому милосердию Господа и его вечной и всесовершенной щедрости; никто из нас не попал в оковы, не был связан, не

осыпан побоями, как многие из наших, от которых требовали денег. Один Бог нас питал, который заботится о пище всякого в свое время, кормит и воронят, взывающих к нему, и богато одевает полевую лилию, которая не ткет и не сеет. Но поселяне и чернь наносили нам, византийцам, много оскорблений по дороге, и с иронией называли нашу наготу и нищенский вид *равенством* (ισοπολιτειαν); бедствие соседей нисколько не делало их благоразумнее. Многие нечестивцы даже благодарили Бога, что им удалось нажиться общественным достоянием, проданным за ничтожную цену. Им еще не пришлось видеть в своих домах прожорливых латин; они еще не испытали их ярости и того презрения, которое латины питают к грекам.

Таково было наше положение и всех тех, которые были с нами одинакового состояния и образованности. Между тем низкая чернь и уличная сволочь обогащалась через разграбление святыни, которую распродавали латины. Враги же предались пиршествам и увеселениям, имея при этом в виду особенно осмеять и надругаться над греческими обычаями; так, они ходили по улицам, надев на себя, без всякой нужды, широкие одежды, а шеи лошадей украсили полотняным головным убором; белые ленты, которые развешивались по плечам, они привязывали к мордам животных, и с таким убранством разъезжали по городу. Другие носили перья (δοναχαζ, палочки для письма), чернильницы (δοχεια μελανοζ) и держали в руках тетради, как бы желая осмеять наших писателей. Большинство же забавлялось тем, что сажало на лошадей задом наперед обесчещенных ими женщин, завязав им волоса в узел и откинув их назад; кроме того, они украшали лошадей женскими головными уборами и локонами, и целые дни бражничали и пили, угощаясь лакомствами и дорогими явствами: другие же объедались отечественными блюдами, как-то: лопатки бычачины, отваренные в горшке, гороховая каша с свиным салом, приправленная чесноком, и соус, приготовленный из различных острых соков. После раздела добычи они не делали никакой разницы между святыней и обыкновенными предметами, но обращали все для своего употребления, без всякого уважения к Божеству и религии, так что пользовались образами Спасителя и святых как стульями и скамьями.

6. Когда они начали разделять по жребию провинции и города, то при этом обнаружили бессмыслие, чтобы не сказать глупость, людей надутых изумительным чванством. Смотря на себя как на царей царствующих и как бы держа в своей деснице вселенную, латины разослали по греческим провинциям людей для того, чтобы разделить их по жребию на основании годовых доходов. В этот дележ вошли даже владения других народов: так в число жребиев была включена Александрия, знаменитый город, лежащий на Ниле; Ливия, простирающаяся до Нумидии и Кадикса; далее парфяне, персы, земля восточных иберов, Ассирия, Гиркания и другие восточные страны, орошаемые великими реками. Не были забыты и страны, лежащие на севере: они были разделены также по жребию. Один выхвалял свои города, их доходы и луга для прокормления лошадей; другой говорил о процветании всякими благами доставшейся ему доли; иные спорили за раздел городов; иные же менялись городами и переделывали границы. Многие весьма желали отправиться для завоевания Икония. Городские же ворота и часть цепи, охранявшей гавань, они послали со многими кораблями в Сирию к своим землякам, извещая вместе с тем о взятии города. Но когда настало время избрания императора, все собрались для совещаний в храм св. апостолов. Сначала, вследствие какого-то отечественного обычая, они приказали поставить в ряд четыре чаши, по числу четырех кандидатов; одна из чаш содержала в себе бескровную жертву, другие же были оставлены пустыми. Эти чаши были вручены стольким же священникам с тем, чтобы каждый при имени того или другого князя взял чашу в руки и подал ее кандидату. Императорская власть должна была достаться тому, кто получит чашу с телом и кровью Господней. Но после, когда венецианскому дожу Дандоло показалось более удобным назначить императо-

ра посредством избрания, то из франков и лангобардов (то есть французов и итальянцев) взяли пятерых знатных и столько же из венецианцев, и по большинству голосов выбор пал на Балдуина, графа Фландрии. Но для всех было очевидно, что Дандоло действовал так в этом случае с хитрым намерением и с большим искусством. Будучи, как слепец, исключен из числа кандидатов, он желал, по крайней мере, чтобы власть досталась тому, кто более податливого характера и с меньшим честолюбием; при этом он обратил внимание также и на то обстоятельство, чтобы собственное государство избранного было как можно более отдалено от пределов Венеции, так, чтобы в случае ссоры он не мог подвинуть вдруг войско из своих земель или вообще удобно теснить нападениями и оскорблять венецианцев. Он знал, что такую опасность представляет маркграф Бонифаций, родом из Лангобардии (Ломбардии, Lampardian), страны приморской, откуда легко попасть и в греческие провинции, и еще легче причинить зло венецианам. Руководясь такими расчетами, без сомнения, нелепыми, этот Дандоло, хотя и слепой, но провидящий многое и во мраке глазами ума, отвергнул маркграфа Бонифация и предпочел ему с согласия франков и венецианцев Балдуина, уроженца отдаленной Галлии; а известно, что пределы Галлии и Венеции отстают друг от друга так же, как пределы Венеции от греческих провинций. К этому присоединилось и то, что Балдуин был привязан к нему всем сердцем, чтил его как отца и не был столь опытен, как маркграф. Балдуин не имел еще 33 лет от роду; впрочем, он был человек благочестивый и скромный, и во все время отсутствия своей жены не поднимал даже глаз на женщин; любил предаваться хвалениям Богу; помогал угнетенным нуждой; противоречивших ему выслушивал беспристрастно, а что главное – два раза в неделю приказывал объявлять, чтобы никто не смел проводить ночь в его дворце, кто покушался на честь чужой жены.

Последние главы (7–17-я) этого отдела, завершающего собой весь труд, содержат историю кратковременного правления первого латинского императора Балдуина I, внутренние раздоры при нем и внешние войны с болгарами; в войне с этим народом Балдуин попал в плен; автор рассказывает его погибель (1205 г.) и оканчивает свой труд вступлением на императорский престол его брата, Генриха I (1206 г.).

Ἱστορια.– Кн. III шестого отдела и следующие до конца.

Никита Хониат

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ВИЗАНТИЯ ПЕРЕД ВЗЯТИЕМ ЕЕ КРЕСТОНОСЦАМИ. 1204 г. (в 1218 г.)

Автор этого небольшого сочинения, которое, вероятно, составляло приложение к его основному историческому труду, в первой главе говорит о предмете, не имевшем отношения к главной теме, а именно: о наружности нового латинского патриарха из венецианцев, Фомы, которого «тело жиром своим превосходило откормленного борова» и т. д. Но со следующей главы, коснувшись вообще жадности латин, он описывает подробно все памятники, которыми была украшена Византия и которые погибли от руки завоевателей.

2. С первого дня, как говорят, латины, сгорая корыстолюбием, изобрели новый способ грабежа, не испытанный никем из тех, кто до того времени грабил Константинополь. Вскрыв гробницы императоров, помещенные в храме Героев (Ἡρψοζ), построенном при главной церкви Учеников Христа, они разграбили там все, что нашли, и набили себе пазуху с неслыханной дерзостью золотыми украшениями, алмазами и чистейшими драгоценными камнями. Приступив к трупу Юстиниана, остававшемуся неприкосновенным в течение нескольких столетий, они хотя и смотрели на него с изумлением, но все же не удержались от того, чтобы не содрать с него украшений. Потому справедливо говорили, что западные люди не щадят ни живых, ни мертвых,

и без всякого различия ни для кого не делают исключения. Несколько времени спустя они разобрали завесу главного храма, которая ценилась в несколько тысяч мин чистейшего серебра, потому что была заткана золотом.

3. Но несмотря на такие подвиги, они продолжали нуждаться в деньгах – корыстолюбие варваров ненасытно, – а потому и обратили внимание на медные статуи и бросили их в огонь. Так, *Юнона* из меди, статуя необыкновенной тяжести, воздвигнутая на Константинопольской площади, была разбита на куски и перелита; четыре быка едва могли перевезти ее голову в главный дворец. Другая статуя, *Парис Александр*, протягивающий золотое яблоко раздора Венере, была также низвергнута со своего пьедестала.

4. Кто не изумлялся, всматриваясь в изумительную работу барельефов той *четырехгранной Пирамиды* (μηχανημα), которая была столь высока, что не могла бы спорить только с самыми большими колоннами, рассеянными по городу? Там изображались певчие птицы, приветствующие весну своим звучным пением, труды землепашца, свирель и дойник, блеющие овцы, прыгающие ягнята; потом, море с бесчисленным множеством рыб: одни попались в сеть, другие успели вырваться и нырнуть на дно; в другом месте нагие амуры, стоя группами, по двое, по трое, друг против друга, перекидывались яблоками и хохотали; на самой вершине этой пирамиды, на ее острие, помещалась женская статуя, которая от ветра поворачивалась на все стороны, почему и называлась флюгаркой (ανεμοδουλιον, то есть послушная ветру). Это удивительное произведение искусства было отдано на переливку, равно как и другая статуя *Всадника*, стоявшая в Тавре на пьедестале, имевшем форму стола. Этот героический памятник колоссальных размеров был принимаем некоторыми за Иисуса, сына Навина, на том основании, что всадник протягивал руку к закату солнца, как сделал то Иисус при Габаоне, желая остановить солнце; но большая часть полагала, что эта статуя изображает Беллерофонта, воспитанного в Пелопоннесе и сидящего на Пегасе; ибо этот конь, сообразно преданию о Пегасе, не имел на себе узды и не чувствовал на себе всадника, так как он несся

НИКИТА ХОНИАТ (NICHTAZ CWNEIATOZ. Середина XII в.). – 1213. Он родился в городе Хоне, или Колоссеях, во Фригии. Получив воспитание в Константинополе, Никита занимал впоследствии различные высокие должности и достиг наконец звания логофета (канцлера). В эпоху взятия Константинополя латинами Никита находился на месте действия, был очевидцем катастрофы и сам едва успел спасти свою жизнь благодаря счастливому случаю. Потеряв во время эмиграции жену, он вступил снова в брак и удалился на жительство в Никею, где и провел остаток жизни, посвященный им на описание плачевных событий, которые ему пришлось пережить. Никита оставил после себя большую хронику, ʽΙστορια, в девяти отделах, разделенных на 20 книг, она охватывает собой 88 лет византийской истории, от смерти Алексея I Комнина в 1118 г. и до смерти Балдуина I, латинского императора, в1206 г. Сверх того Никита написал, как бы в дополнение той хроники, особый трактат Περι Κονσταντινουπολεωζ, с обстоятельным описанием памятников древнего искусства, которыми были украшены площади Византии до завоевания ее латинами и которые погибли от варварства победителей в 1204 г.

Издание: лучшее помещено в «Corpus scriptorum historiae Byzantinae» (Боннское издание Нибура. 1828–1855 г., в 48 т.), и составляет XXI том этого собрания с греческим текстом и латинским переводом. Описание же памятников Византии под заглавием «Narratio de statuis antiquis» издано *Вилькеном* (Лейпциг, 1830). Переводы: «Хроника» имеет старинный французский перевод *Cousin* (Par., 1685); а описание статуй переведено на немецкий *Вилькеном* в его «Geschichte d. Kreuzzuge. V.» (Leipz., 1829); и франц. у *Buchon*. Collect. des chroniques nationales franc. (Par., 1824–1829, в 47 т.) первая серия, т. III. Исследования: *Dronke*. De Niceta Acominato et Zonara (Кобленц, 1839).

и при помощи ног, и при помощи крыльев. Было древнее предание, дошедшее до нас и переходившее из уст в уста, а именно, что под левым копытом одной из передних ног этого коня скрыли изображение человека, которого одни принимают за венецианца, другие же за какого-то латина не из союзных грекам или из болгар. Потому нога была прикреплена несколькими гвоздями с тем, чтобы нельзя было похитить того, что находилось под ней. И конь, и всадник были оба разбиты на куски и брошены в огонь; при этом нашли и ту медную фигурку, скрытую в лошадиной ноге и завернутую в шерстяную ткань. Но так как латины мало заботились о том, что изображала надпись под ней, то и бросили ее вместе с прочим в огонь.

5. Эти варвары не пощадили и других статуй в Гипподроме и, враждуя с изящным, истребили множество удивительных произведений; все это было перелито ими в монету, великое обратилось в ничтожное, и то, что было воздвигнуто с огромными расходами, уступило место презренным деньгам. Таким образом погибла и статуя *Геркулеса Триеспера* (трехвечерний – один из эпитетов этого героя), великолепно исполненная и стоявшая в Кофине; на нем была накинута львиная шкура с головой; как ни мертвен металл, но глаза статуи смотрели как живые, и из уст его как будто вырывался крик, которым он хотел разогнать праздную толпу, собравшуюся около него. Геркулес сидел без колчана и лука; не было даже и палицы; правая нога и правая рука были протянуты вперед, как только можно; левая же нога пригнута и на нее оперлась левая рука: на руке лежала голова, отягченная печалью; герой оплакивал свою злосчастную судьбу и жаловался на труды, которыми его хотел обременить Эвристей, не потому, чтобы он нуждался в его трудах, но из зависти и злоупотребляя своей властью. Геркулес был изображен с широкими плечами и грудью, с курчавыми волосами, толстым задом, мускулистыми руками и, как я полагаю, в том же самом размере, в каком отлил Геркулеса из меди Лизимах (Лизипп), свой первый и последний труд. Величина статуи была такова, что шнурок, обведенный около его пальца мог опоясать человека, а берцовая кость была с человеческий рост. И этого-то Геркулеса не пощадили варвары, хотя они силу ставят выше всех добродетелей, приписывают ее себе и гордятся ею.

6. Вместе с этой статуей они истребили группу *Осла*, выступающего с ревом, и идущего за ним погонщика; Август Кесарь поставил ее в Акциуме, называемом у греков Никополисом, в воспоминание того случая, когда он вышел ночью отыскивать войско Антония и встретил человека с ослом; на вопрос, кто он и куда идет, погонщик отвечал: «Меня зовут *Никоном* (победитель), а моего осла *Никандром* (победитель мужей); иду же я в лагерь Кесаря».

7. Не была пощажена и другая группа *Свиньи и Волчины*, которые вскормили Рема и Ромула; для мелкой медной монеты этот древнейший и уважаемый памятник был отдан в переливку. Туда же пошли и следующие группы: *Человека, сражающегося со львом*; *Иппопотама*, который заканчивался чешуйчатым хвостом; *Слона*, потрясающего хоботом, и *Сфинксов*, которые спереди имели вид красивых женщин, а сзади походили на страшных чудовищ; вообще их наружность была замечательна, ибо хотя они ступали ногами, но неслись при помощи крыльев и смеялись над быстротой птиц. Погиб и невзнузданный *Конь* с уставленными ушами, он ржал и весело подскакивал; погибла и *Сцилла*, из боков которой выходили чудовища, бросившиеся на корабль Улисса и пожравшие его спутников.

8. В Гипподроме же помещался медный *Орел*, новое изображение Аполлония Тианского[1] и изумительное орудие его чар. Когда он прибыл в Византию, его просили спасти от змей, преследовавших византийцев. Вследствие того, совершив какие-то нечестивые обряды, которым следуют служители демонов, он поместил орла на колонне, очаровывавшего души всех, и убеждал смотреть на него как можно долее; действительно, глядевшие на орла не могли сойти с места, как те, которые слушали пение си-

[1] Один из языческих философов II в. от Р. Х., хотевший поддержать падавшую религию преобразованием ее.

рен. Орел имел распущенные крылья, как бы готовясь лететь; но змей, обвив его кольцами, не позволял подняться и пытался головой ужалить его в крыло. Однако ядовитое пресмыкающееся ничего не могло сделать, ибо орел, сжав его в когтях, не допускал до того, и змей, казалось, более коченел, нежели боролся с птицей, чтобы достигнуть его крыла. Таким образом, чудовище начинало издыхать и яд его застыл, между тем как орел, по-видимому, с торжествующим видом, но без победного крика намеревался подняться и унести с собой змея: о том можно было судить по его веселому выражению и смерти чудовища. Те, которые видели этого змея, сказали бы, что его мучения могли устрашить всех других змей Византии и заставить их укрыться в норы. Изображение этого орла было замечательно не только по одному вышесказанному мной, но и вследствие того, что на крыльях орла были обозначены линиями двенадцать часов дня, и по ним всякий, знавший то, мог узнавать время, если лучи солнца не были закрыты облаками.

В главах 9 и 10 автор описывает статую Елены *и статую какой-то* неизвестной женщины*, которая на воздухе держит одной рукой коня за ногу вместе с всадником. Но все, что говорится об Елене, относится не к статуе, а к историческим воспоминаниям о взятии Трои, которые опять напомнили автору взятие Византии и дали ему повод к риторическим упражнениям.*

11. За этой статуей (то есть женщины, держащей на воздухе коня за ногу с всадником), близ того восточного столба ристалища, который называется Красным (’Ρουσιοζ) помещались статуи, воздвигнутые в честь возниц, прославившихся своим искусством править: неопределенно, одним движением руки, они давали урок другим, а именно: не советуя спускать вожжи у столба и указывая на необходимость подтянуть их изо всей силы, чтобы, приблизившись к столбу, заставить противника описать большой круг и таким образом остаться позади, несмотря на всю быстроту его коней и собственное искусство править колесницей.

12. Хотя я не имел в виду описывать всего, но считаю необходимым присоединить еще описание одного каменного пьедестала удивительной работы и представлявшего превосходное зрелище. На этом пьедестале помещалось животное, которого всякий, без сомнения, принял бы за быка, если бы у него не был хвост так короток и не отвисла бы шея, как то бывает у египетских быков; притом копыто этого животного нераздвоенное. Этот бык в своей пасти душил другое животное, тело которого было покрыто столь толстой чешуей, что оно казалось непроницаемым. Первого принимают некоторые за *василиска*; второго же, которого он душит, – за *аспида*. Другие же полагают, что это – нильский иппопотам и крокодил. Впрочем, это все равно. Укажу только на одну особенность их борьбы, а именно, что они оба и наносят удары, и принимают, и уничтожают, и уничтожаются, одерживают верх и уступают; оба вместе и побеждают, и побеждаются: действительно, тот, которого считают василиском, распух с головы до пят, и тело его было зеленее цвета лягушки, ибо яд разлился повсюду и покрыл все смертью; припав на колени, с закатившимися глазами, чудовище казалось безжизненным, и зритель принял бы его за мертвого, если бы его не поддерживали ступни, которые держались сами собой. Другое же животное, стиснутое в зубах первого, едва шевеля хвостом, с разинутой пастью, старалось вырваться, но не могло, ибо его плечи и передние лапы были заключены в пасти и сжаты зубами. Так наносили они друг другу смерть, боролись, оба побеждали и оба гибли. Мне же при этом приходило на мысль: такой бой на жизнь и смерть может быть изложен не только при помощи искусства и в виде борьбы одних свирепых животных, но он повторялся и между многими народами, которые наносили войну нам, грекам: все они погибли во взаимной вражде, терзая друг друга, и погибли по воле Христа, который рассеивает народы, жаждущие войны, не терпит кровопролития и дает праведному попрать аспида и василиска, и льва, и дракона.

Περι Κονσταντινουπολεωζ. 1–12.

Жофруа Виллардуэн

О ЗАВОЕВАНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. 1198–1204 ГГ. (ОКОЛО 1210 Г.) ИЗВЛЕЧЕНИЕ

Год 1198-й[1]. Знайте, что в 1198 г. от воплощения нашего Господа Иисуса Христа при Иннокентии III, апостоле Рима (Папе), при Филиппе (II), короле Франции, и Ричарде, короле Англии, жил во Франции святой человек, имя которого было Фулько Нёльи. Нёльи лежит между Ланьи-на-Марне и Парижем, а он был священником и управлял городским приходом. И этот Фулько, о котором я вам говорю, начал проповедовать слово Господне во Франции и по другим окрестным землям. И наш Господь делал через него много чудес. Знайте также, что слава этого святого человека распространилась до того, что дошла до апостола Рима, Иннокентия, и апостол отправил послов во Францию и поручил тому мужу проповедовать крест от имени его власти. И после того он отправил еще своего кардинала господина Петра Капуанского, принявшего крест, и прислал через него следующее отпущение грехов: всякий, кто вступит в крестоносцы и отправит службу Богу один год на Востоке, будет освобожден от всех грехов, которые он совершил и в которых исповедовался. Так как это отпущение было весьма обширно, то оно тронуло сердца людей, и многие взяли крест.

Год 1199-й. На следующий год после того, как этот муж Фулько проповедовал таким образом слово Божье, случился турнир в Шампани, в замке, именуемом Экри (Aicris, замок на р. Aisne), и милостью Божьей случилось так, что Тибо, граф Шампани и Бри, взял крест вместе с Людовиком, графом Блоа и Шартра; и было это перед началом адвента (время приготовления у католиков перед Рождеством). И знайте, что этот граф Тибо был молодой человек и имел не более 22 лет, и граф Людовик не имел более 27 лет. Оба эти графа были племянниками короля Франции и также

[1] (An. 1198). Sachiés que mille cent quatre-vinz et dix-huit cens aprés l'Incarnation nostre seingnor Jesus-Christ, al tens Innocent III, apostoille de Rome, et Philippe roy de France, et Richart roy d'Engleterre, ot un saint homme en France, qui ot nom Folques de Nuilly. Cil Nuillis siest entre Lagny sor Marne et Paris; et il ere prestre, te tenoit la parroiche de la ville. Et cil Folques dont je vous di, comença à parler de Dieu par France, et par les autres terres entor. Et nostres sires fist maint miracles por luy. Sachiée que la renomée de cil saint homme alla tant, qu'elle vint à l'apostoille de Rome Innocent, et l'apostoille envoya en France, et manda al prodome que il en penchast des croiz par s'autorité, etc.

ЖОФРУА ВИЛЛАРДУЭН (VILLERHARDOUIN. Ок. 1155 – ок. 1213). Маршал Шампани (Geoffroy de Ville-Harduin, maréchal de Champagne) родился в епархии города Троа, между Бар и Арсис-на-Обе. Отец Жофруа Вильгельм был маршалом Шампани и имел еще одного сына Иоанна и трех дочерей. В 1108 г. Жофруа после смерти отца наследовал ему в его звании маршала Шампани и поступил ко двору графа Генриха, связавшего скоро судьбу своего небольшого графства с Иерусалимским королевством. Во время похода Ричарда Львиное Сердце граф Шампани, вручив родовое владение младшему брату Тибо, отправился в Палестину и при помощи Ричарда получил титул иерусалимского короля; но в 1197 г. он погиб в Птолемаиде, и его брат Тибо вступил в управление графством Шампань. Неудивительно потому, что Тибо как брат иерусалимского короля скорее других изъявил готовность к новому походу в Палестину и что в его графстве нашлось много желающих принять крест. Несмотря на преждевременную смерть Тибо, его спутники и вместе с ними наш автор присоединились к Балдуину Фландрскому, женатому на сестре Тибо, и отправились в поход, закончившийся завоеванием Константинополя. Во время похода и самой осады города Жофруа принимал участие во всех важных делах, а потому хорошо знал происходившее в лагере. После утверждения латинов в империи Жофруа получил звание маршала Романии и пережил

двоюродными братьями, а с другой стороны – племянниками короля Англии. Вместе с этими двумя графами взяли крест два высоких барона Франции, Симон Монфор (тот самый, который позже играл важную роль в Альбигойских войнах) и Рено Монмирель. Великая слава прошла по земле, когда эти два высоких мужа возложили на себя крест.

Далее автор приводит длинный список епископов, графов, баронов, рыцарей, принявших крест вместе с Тибо и Людовиком, и в числе их упоминает самого себя, как маршала Шампани.

Год 1200-й. В начале поста следующего года, в самый день Пепла (le jour que on prent cendres, то есть в среду первой недели поста) принял крест Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, в Брюгге и графиня Мария, его жена, которая была сестрой графа Тибо Шампанского.

Снова следует длинный список их спутников и краткое описание двух сеймов в Суассоне и Компиене; на последнем крестоносцы избрали шестерых послов, в числе которых находился и наш автор, и дали им полномочие заключить с кем-нибудь договор о перевозе их в святую землю на кораблях. Эти послы сочли за лучшее отправиться прямо в Венецию.

Год 1201-й. Дож Венеции (li dux de Venise) по имени *Генрих Дандоло*, человек весьма мудрый и весьма сильный, оказал им большие почести, и не только он, но и другие граждане приняли их радушно. И когда они представили грамоты своих государей (Тибо Шампанского, Людовика Блоа и Балдуина Фландрского), все чрезвычайно изумились тому делу, по которому они пришли в их землю. Грамоты были доверительные, и графы просили верить их послам, как им самим лично, и обязывались исполнить все, что пообещают те шестеро. И дож отвечал им: «Господа, я просмотрел ваши грамоты: мы видим, что ваши государи принадлежат к числу могущественнейших людей из тех, которые не носят короны, и они просят нас верить вам во всем, что вы ни скажете, и считать твердым то, что вы сделаете: скажите же, чту вам угодно». И послы отвечали: «Государь, мы желаем, чтобы вы собрали свой совет, и перед вашим советом мы вам скажем, о чем вас просят наши государи, если угодно, завтра». И дож сказал им, что он просит их отложить то на четыре дня, и тогда он соберет совет свой, и они могут сказать, в чем состоит их просьба.

Они переждали эти четыре дня, которые им были назначены. Войдя во дворец богатый и прекрасный, они нашли дожа и его совет собравшимися в особом покое и изложили свое поручение следующим образом: «Государь, мы пришли к тебе от имени высоких баронов Франции, которые приняли знамение креста, чтобы отомстить оскорбление, нанесенное Иисусу Христу, и завоевать Иерусалим, если то Бог попустит; и так как они знают, что никто не имеет столь великого могущества, как вы и ваш народ, то они и просят вас, Бога ради, сжалиться над заморской землей и отомстить за оскорбления Иисуса Христа; каким бы образом они могли иметь у вас корабли и прочее необходимое?» – «А на каком усло-

---

правление Балдуина I. Его мемуары, начиная с 1198 г., были им доведены до 1207 г., когда уже царствовал преемник Балдуина I, Генрих. Но его имя долго сохранялось на Востоке, благодаря подвигам его племянника Жофруа Виллардуэна (сына Иоанна), который смог завоевать себе Ахаию, где долгое время правило его потомство.

Мемуары маршала Шампани и Романии «О завоевании Константинополя» принадлежат к числу древнейших памятников французской литературы и считаются одним из лучших исторических произведений Крестоносной эпохи, которое было написано светским пером, что составляло большую редкость в то время.

Издания: лучшее сделано Историческим обществом Франции под редакцией *Paulin Paris* «De la conqueste de Constantinoble, par joffroi de Villehardouin et Henri de Valenciennes» (его продолжатель), Paris, 1838. См. исследование о Виллардуэне и его времени в диссертации *Медовикова* «Латинские императоры в Константинополе».

вии?» – возразил дож.– «На всяком условии, – отвечали послы, – какое бы вы им ни предложили, лишь бы они могли выполнить». – «Конечно, – сказал дож, – нам предлагают важное дело, и они, по-видимому, имеют в виду большое предприятие. Мы вам дадим ответ через восемь дней, и не удивляйтесь очень, если срок так велик, ибо следует много подумать о деле столь важном».

По истечении срока, назначенного дожем, они возвратились во дворец. Все слова и речи, которые были там сказаны, я не могу вам передать, но заключение было следующее: «Господа, – сказал дож, – мы вам предоставим то, что мы определили в совете, в ожидании согласия нашего великого совета и всей республики (le commun de la terre), и вы переговорите друг с другом, можете ли то принять. Мы дадим вам перевозных судов для доставки четырех тысяч пятисот лошадей, девяти тысяч оруженосцев, четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пехотинцев; и все эти люди обеспечиваются съестным на девять месяцев. Все это будет сделано на том условии, чтобы нам заплатили за каждую лошадь четыре марки и за каждого человека две марки; и все те условия мы исполним в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, отправляясь на службу Богу и христианству, куда бы то ни было. Вышесказанное составляет сумму в восемьдесят пять тысяч марок. И сверх того мы поставим от себя пятьдесят галер из любви к Богу, с тем условием, что в течение всего похода, от всех завоеваний, которые мы сделаем на море или на суше, половина нам, а половина вам. Теперь вы подумайте, можете ли вы это исполнить и согласитесь ли».

Послы вышли, сказав, что они переговорят друг с другом и ответят завтра. Они совещались и проговорили всю ночь; согласившись на предлагаемое, они явились на следующий день к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор»; а дож ответил, что он поговорит со своими людьми; и как они то найдут, о том даст им знать. На следующий день, который был уже третьим днем, дож, человек мудрый и могущественный, созвал свой великий совет, а совет состоял из сорока лиц, мудрейших в стране. Своим умом и талантом, который был у него весьма велик и весьма хорош, он сделал то, что все похвалили и одобрили его предложение. Сначала он созвал сто человек, потом двести, потом тысячу, пока все не приняли и не похвалили; наконец, он созвал, по крайней мере, 10 тысяч в церкви св. Марка, красивейшей из всех, какие существуют, и приказал им выслушать обедню Св. Духа и молить Бога, чтобы он просветил их относительно просьбы послов, и все весьма охотно исполнили его приказание.

Когда окончилась обедня, дож отправил к послам и предложил им просить уничиженно у народа, чтобы он согласился на утверждение договора. Послы явились в церковь. На них смотрели многие, а особенно те, которые их не видали. Жофруа Виллардуэн (наш автор), маршал Шампани, обратился с речью, одобренной предварительно другими послами, и сказал: «Господа, самые высокие и самые могущественные бароны Франции прислали нас к вам с мольбой о том, чтобы вы сжалились над Иерусалимом, порабощенным турками, чтобы вы, ради Господа Бога, согласились сопутствовать им для отомщения оскорблений, нанесенных Иисусу Христу; обратились же они к вам, ибо знали, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы и ваши люди; они повелели нам припасть к вашим ногам и не подниматься, пока вы не согласитесь на их просьбу и не сжалитесь над Святой землей, лежащей за морем».

Тогда шесть послов стали на колени, проливая обильные слезы: и дож, и все другие воскликнули в один голос и подняли руки высоко и говорили: «Мы согласны, мы согласны!» И затем поднялся столь великий шум и гром, что, казалось, земля должна была провалиться. И когда этот великий шум и это великое сочувствие, которому подобного не видел никто, успокоилось, добрый дож Венеции, человек мудрый и сильный, взошел на кафедру, говорил народу и сказал так: «Господа, посмотрите на честь, которую сделал вам Бог, когда лучшие люди в мире оставили без внимания все

другие народы и искали вашей помощи для того, чтобы вместе с вами совершить столь важное дело как избавление нашего Господа из рук неверных!» Слова, сказанные дожем, были столь хороши и прекрасны, что я не умею вам их передать. Так кончилось дело; и на следующий день начали заниматься изготовлением грамот, и они были составлены и подписаны. Когда все было совершено, уже тогда сделалось известным, что поход будет направлен в Вавилонию (в Египет, к городу Каиру, называвшемуся в то время Вавилоном), потому что с этой стороны можно было туркам более повредить, нежели откуда-нибудь. Между тем было положено, что в день св. Иоанна, через год, а именно в 1202-й от воплощения Иисуса Христа, бароны и пилигримы должны прибыть в Венецию и корабли для них будут изготовлены. Когда грамоты были составлены и приложены печати, их отнесли к дожу в главный дворец, где собирался великий совет и малый совет. И когда дож вручил эти грамоты послам, он преклонил колено со слезами и клялся над святыми сохранить верно договор, начертанный в грамотах; то же сделал его совет, состоявший из сорока членов. И послы клялись сохранить договор именем своих государей и сами дали присягу на верность. Знайте, что при этом было много пролито слез сочувствия. И после того обе стороны отправили послов в Рим к апостолу Иннокентию для утверждения того договора, что он и исполнил весьма охотно. Послы заняли в городе 2 тысячи марок серебра и дали их герцогу как задаток, чтобы начать вооружение кораблей; затем они простились и отправились в свою страну. После нескольких дней пути послы прибыли в Плаценцию, город Ломбардии; оттуда Жофруа Виллардуэн, маршал Шампани, и Алар Жакеро направились прямо во Францию, а другие пошли в Геную и Пизу, чтобы узнать, не сделают ли они чего-нибудь в пользу заморской земли (Палестины).

Далее автор рассказывает, как он возвратился из Венеции в Шампань с радостным известием о заключенном договоре с Венецией, и нашел графа Тибо больным; как вскоре после того 22-летний граф скончался в том же году (1201); как крестоносцы предлагали заменить его герцогу Бургундскому и многим другим, но все отказались; и как, наконец, это предложение было принято Бонифацием, маркизом Монферратским, которого избрали предводителем похода. Затем, под годом 1202-м, автор описывает, каким образом, между Пасхой и Троицыным днем, одни крестоносцы отправились через горы в Венецию, а другие сели во Фландрии на корабли и поплыли туда же через Гибралтар; но, замечает автор, последние не сдержали своего слова и, не заходя в Венецию, отправились прямо к берегам Сирии.

Год 1202-й. Что касается пилигримов, отправившихся сухим путем, то большая их часть уже прибыла в Венецию. Балдуин Фландрский был также там и многие другие. В это время приходит известие, что многие пилигримы направились иными дорогами в другие гавани; это обстоятельство встревожило крестоносцев, ибо вследствие того они не могли бы выполнить договора и заплатить венецианцам условленной суммы. Они держали совет и определили отправить надежных послов навстречу пилигримам и Людовику, графу Блоа и Шартра с целью убеждать их и умолять сжалиться над заморской Святой землей и вместе напомнить им, что для них только одна дорога через Венецию.

Для того посольства были избраны граф Гуго Сен-Поль и Жофруа, маршал Шампани, и они поехали в Павию, в Ломбардии. Они нашли там графа Людовика с большим числом хорошо вооруженных рыцарей и пехотинцев; их убеждениями и их мольбой большая часть пилигримов, имевших намерение пойти иными путями в другие гавани, отправились на Венецию; это, однако, не помешало многим пойти другими дорогами в Апулию. Между последними находились Виллен Нёльи, один из лучших рыцарей на свете, Генрих Ардильер, Ренар Дампиер, Генрих Лонгшамп, Жилль Тразеньи, непосредственный вассал (hom lige) Балдуина графа Фландрии и Геннегау, который дал ему из своих денег 500 фунтов, чтобы он шел вместе с ним в поход. Вместе с ними ушло множество рыцарей и пеших людей, имена которых не записаны. Это обстоятельство причинило большой ущерб тем, которые отправились в Венецию, и было причиной большого для них несчастья, как вы можете то увидеть из последующего.

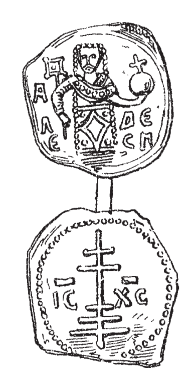
Таким образом, граф Людовик и другие бароны пошли на Венецию и были приняты там с великим торжеством и великой радостью и расположились на острове Св. Николая вместе с прочими пилигримами. Народ был все отличный и прекрасный. Никогда и никто не видел в таком и множестве подобных людей. И венецианцы продавали им в изобилии все, что было нужно для лошадей и для людей. И корабли, изготовленные ими, были так хорошо оснащены и снабжены, что никогда еще народ христианский не видел ничего более богатого и превосходного: число галер и кораблей было в три раза больше, нежели сколько было нужно для пилигримов. О как жаль, что прочие, отправлявшиеся в другие гавани, не явились сюда! Христиане восторжествовали бы непременно, и земля турок была бы порабощена. Венецианцы исполнили все свои обязательства и даже сверх того; они убеждали графов и баронов сдержать условия и с их стороны, и внести им деньги, так как они готовы к отплытию.

Вследствие того произведен был сбор денег в войске пилигримов, и нашлось довольно таких, которые не могли заплатить за перевоз, и бароны собрали только то, что могли. Таким образом, они внесли деньги за перевоз, но эта сумма оказалась весьма недостаточной, а потому бароны сошлись вместе и рассуждали так: «Господа, венецианцы исполнили совершенно свои обязательства и сделали даже больше; но нас собралось здесь не столько, чтобы заплатить сполна перевозную плату, ибо многие отправились в другие гавани; а потому пусть каждый из нас пожертвует всем своим имуществом, лишь бы только выполнить заключенные условия; лучше оставить здесь все свое состояние, нежели не доплатить, потерять то, что уже внесено, и не сдержать слова; если эта армия разойдется, завоевание Святой земли останется невозможным». Вследствие этих слов произошло великое разногласие между большей частью баронов и других людей, и последние говорили: «Мы заплатили за свой перевоз и отправимся охотно, если они хотят нас везти; если же не захотят, то мы удалимся и отправимся искать перевоза в другом месте». Они рассуждали таким образом потому, что им хотелось, чтобы армия была распущена. Другие же говорили: «Мы желаем лучше пожертвовать всем своим состоянием и отправиться в поход бедными, нежели распустить армию, ибо, если Богу будет угодно, он вознаградить нас».

Тогда граф Фландрии и граф Людовик, и Бонифаций Монферратский, и граф Гуго Сен-Поль, и все те, которые были на их стороне, начале собирать все, что имели, и занимать, сколько могли. При этом вы могли бы увидеть, сколько было отнесено во дворец дожа прекрасных золотых и серебряных сосудов для уплаты долга. И когда они заплатили все это, тем не менее 34 тысячи марок серебра недоставало до условленной суммы. Этим обстоятельством были весьма обрадованы те, которые скрыли свое имущество и не желали платить: они надеялись, что вследствие того армия будет распущена. Но Бог не допустил того.

После всего этого дож говорил своему народу: «Господа, эти люди не могут нам больше платить, и то, что они уже заплатили, нам принадлежит вполне на основании договора, которого они не в состоянии исполнить. Но мы не должны пользоваться своим правом с такой строгостью, чтобы не навлечь осуждения на себя и на нашу землю. Потребуем у них одной услуги. Король Венгрии отнял у нас Цару (Jadres, город в Далмации на небольшом острове Адриатического моря; у древних – Jadera) в Славонии, один из укрепленнейших городов в свете, и мы при всем нашем могуществе не будем в состоянии завоевать ее без помощи этих людей. Предложим им помочь нам в том и мы отстрочим в их пользу тридцать тысяч марок серебра, которые они нам должны, пока Бог дозволит нам сражаться вместе с ними». Это предложение было представлено баронам: многие воспротивились желая распущения армии, но, несмотря на все то, предложение было принято и утверждено.

Вслед затем, в воскресенье все собрались в церкви св. Марка: там было много народа, как туземцы, так и большая часть баронов и пилигримов. Перед началом большой обедни дож Венеции по имени Генрих



Слева: монета Алексея V Мурчуфла (1204 г.) *Справа:* печать Балдуина I, императора Латинской империи

Дандоло взошел на кафедру, и сказал народу «Господа, вы вступили в союз с лучшими людьми во вселенной и за самое великое дело, какое когда-нибудь предпринималось. Я уже стар и слаб, и нуждаюсь в покое, и страдаю телесными недугами; но тем не менее я вижу, что между вами нет никого, кто мог бы править и распоряжаться, как я, ваш государь. Если вы дадите свое согласие, чтобы я взял крест для управления вами и для руководства, то я оставлю на своем месте сына, и он будет править землей, а я пойду жить и умирать вместе с вами и с пилигримами». И когда крестоносцы услышали то, они закричали в один голос: «Мы вас молим, именем Бога исполнить обещанное, сделать то и отправиться вместе с нами!»

Весь народ той земли и пилигримы были чрезвычайно тронуты этим предложением и залились слезами, видя перед собой этого доброго старца, который имел столько причин оставаться дома спокойно, как вследствие своих преклонных лет, так и потому, что он потерял зрение – а глаза у него были прекрасны – от раны, полученной им в голову; и при всем том, он обнаруживал такую бодрость и отвагу. Ах, как мало походили на него те, которые во избежание опасности отправились в другие гавани! Сойдя с кафедры, он отправился к алтарю, стал на колени со слезами, и ему нашили крест на парадную его шапку из бумажной материи (grant chapel de coton): он желал, чтобы все видели этот крест. И венецианцы начали также принимать крест, соперничая друг с другом, и многие приняли в этот день, но все же их было немного. Наши пилигримы были весьма обрадованы тем, что дож возложил на себя крест, как на его мудрость, так и за отвагу, которой он отличался. Таким образом, как вы то слышали, дож сделался крестоносцем. После того начали изготовлять корабли, и галеры, и суда, чтобы принять на них баронов; сроком же для отправления был назначен ближайший сентябрь (1202 г.).

Между тем случилось, послушайте, одно из величайших чудес и самое неожиданное происшествие, о каком когда-либо вы могли слышать. В это время в Константинополе был императором некто по имени Исаак (Jursac); у него был брат Алексей, которого он выкупил у турок из плена. Этот Алексей схватил своего брата императора, выколол ему глаза, и вследствие этой измены, как вы слышали, сделался императором. Он держал его долго в темнице вместе с его сыном Алексеем. Этот сын убежал из темницы и на корабле прибыл в приморский город Анкону, а оттуда отправился к королю Германии Филиппу (сын Фридриха Барбароссы), который был женат на его сестре. После того он явился в Верону, в Ломбардии, и поселился в этом городе. Там он нашел довольно пилигримов, отправлявшихся в армию, и те, которые помогли ему убежать, советовали теперь следующее: «Государь, – говорили они, – посмотрите, близ нас находится в Венеции армия, состоящая из лучших и лучших рыцарей в мире, идущих за море; по-

просите их, чтобы они сжалились над тобой и над твоим отцом, который претерпел, лишившись своего наследия. И если они согласятся тебе помочь, ты сделаешь им все, чего они пожелают. Есть надежда на то, что они сжалятся». И он сказал, что исполнит то весьма охотно и что совет этот хорош.

Таким образом, он выбрал послов и отправил их к маркизу Бонифацию Монферратскому. И когда бароны увидели их, то весьма изумились и отвечали послам: «Мы хорошо понимаем, что вы говорите; мы отправим вместе с ним одного из наших к королю Филиппу, к которому он удалился; если он согласится помочь нам в завоевании Святой земли, то и мы ему поможем возвратить свою землю, которую, как мы знаем, несправедливо отняли у него и его отца». Таким образом, были отправлены послы в Германию к константинопольскому принцу (al valet de Constaninopol; *valet* означает вообще младшего или молодого человека, не имеющего права носить оружие; отсюда происходит новейшее слово «валет»).

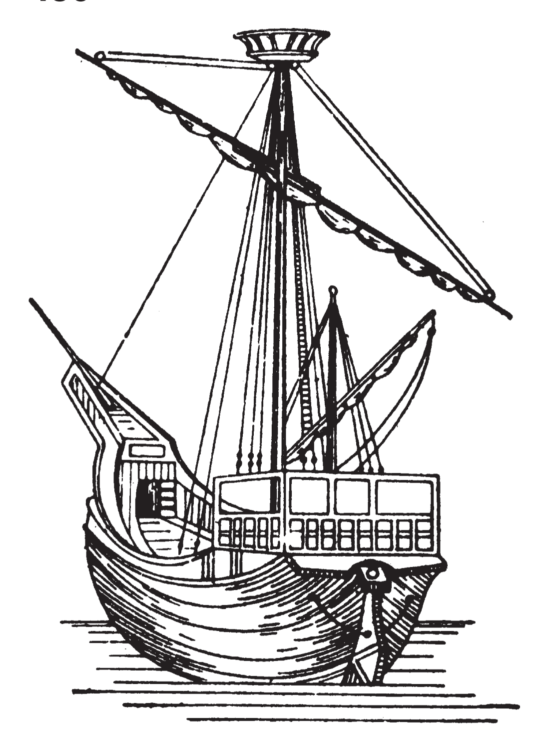
Незадолго перед тем, о чем мы говорили, пришло в армию известие, весьма опечалившее баронов, что Фулько, святой человек, который первым проповедовал Крестовый поход, кончил жизнь и умер.

Далее автор говорит о прибытии в лагерь немецких пилигримов, увеличивших собой силы армии, потом рассказывает, как в день св. Ремигия венецианцы и часть крестоносцев, кроме Бонифация Монферратского, сели на суда и в день св. Мартина (10 ноября 1202 г.) прибыли к городу Царе; затем следует описание самой осады и скорого взятия Цары, где союзники решились перезимовать, в ожидании весны следующего года.

Пятнадцать дней спустя (после взятия Цары) прибыл в лагерь маркиз Бонифаций Монферратский, остававшийся позади, и Матвей Монморанси, и Петр Бражекель, и многие другие знатные люди. Еще пятнадцать дней спустя явились и послы из Германии от короля Филиппа и от константинопольского принца. Тогда бароны и дож Венеции сделали собрание в квартире последнего. Послы говорили им и сказали следующее: «Господа, нас прислал к вам король Филипп и сын константинопольского императора, брат его жены. Господа, – говорил король, – я пошлю вам брата и отдам его в руки Бога, который да хранит его от смерти, и в ваши руки. Так как вы предприняли поход именем Бога для восстановления права и справедливости, то вы должны, если можете, возвратить несправедливо отнятое наследие, и если вы это исполните, то вам будут предложены условия самые выгодные, какие когда-либо предлагались, и самые богатые для завоевания Святой земли. Во-первых, если Бог поможет вам возвратить его наследие, то он подчинит всю Романскую империю (Восточную) Риму, от которого она отделилась. Потом он знает, что вы пожертвовали всем своим для похода и что вы бедны; а потому он даст вам 200 тысяч марок серебра и съестные припасы для всей армии – от мала до велика. И он отправится лично с вами в Вавилонскую землю (в Египет) или, если вы сочтете то за лучшее, отправит 10 тысяч человек на свое иждивение. Служба их продолжится один год; а в течение всей своей жизни он будет содержать на свой счет 500 рыцарей в святой земле для ее охранения. Господа, – говорили послы, – мы имеем полномочие утвердить этот договор, если вы хотите принять его со своей стороны. И знайте, что столь выгодные условия еще никогда и никому не предлагались. Кто от всего этого откажется, у того нет большой охоты к завоеваниям».

И крестоносцы говорили, что они об этом порассудят между собой. На следующий день созвано было собрание, после открытия начали рассуждать.

Сделанное предложение было оспариваемо с различных сторон: говорил аббат монастыря Во (Vaux), ордена цистерцианского, и все те, которые желали раздора в армии; они объявили, что никогда не согласятся на то, ибо им предлагают войну с христианами, а они отправились в поход с другой целью; они желали идти в Сирию. Другая же сторона возражала им: «Добрейшие господа (Bel Seignor), в Сирии мы ничего не можем сделать, как то видно на других, которые бросили нас и отправились из других гаваней. И знайте, что если Святая земля когда-нибудь будет возвращена,



Вооруженный неф XIII в.

то не иначе, как со стороны Вавилонии (Египта) или Греции. И если мы откажемся от того договора, то покроемся стыдом навсегда».

Таким образом, в лагере возникло несогласие, и не удивляйтесь, если миряне не могли сойтись друг с другом, ибо и белые монахи Цистерцианского ордена были несогласны между собой. Аббат монастыря Ло (Los), муж весьма святой и благоразумный, вместе с другими аббатами, державшими его сторону, проповедовал повсюду и убеждал всех именем Бога держаться вместе и принять сделанное предложение: ибо только этим средством можно лучше всего завоевать Святую землю. А аббат Во и его сторонники сильно осуждали то и говорили, что все это не будет хорошо; лучше идти в Сирию и сделать, что можно.

Тогда явились маркиз Бонифаций Монферратский, Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, граф Людовик, граф Гуго Сен-Поль и говорили, что они принимают сделанное им предложение и что им будет стыдно, если они откажутся от него. Так они отправились в квартиру дожа, призвали послов и скрепили условия, о которых мы слышали выше, клятвой и приложением печатей. Оказалось, что со стороны французов было не более двенадцати человек, давших клятву, и больше того не могли найти. Между принявшими условия были маркиз Монферратский, граф Балдуин Фландрский, Людовик, граф Блоа и Шартра, и граф Гуго Сен-Поль и восемь других, которые держались их стороны. Так был заключен договор, изготовлены грамоты и назначен срок прибытия в лагерь принца (царевича Алексея), а именно в 15-й день после Пасхи.

Далее автор описывает зимнюю стоянку крестоносцев под Царой, во время которой обнаруживались часто несогласия между ними и попытки к бегству, значительно ослаблявшие армию, и затем переходит к началу следующего, 1203 г., когда крестоносцы перед своим отплытием из Цары в Константинополь отправили к Папе посольство для утверждения их договора с царевичем Алексеем.

Год 1203-й. После совещания друг с другом бароны решились отправить посольство в Рим к апостолу (Папе), ибо он выразил им свое неудовольствие за взятие Цары; и они выбрали послами двух рыцарей и двух клериков, каких они считали годными для этого дела. Те два клерика были Невелон, епископ Суассона, и Иоанн Нойонский, канцлер Балдуина графа Фландрии; а рыцари – Иоанн из Фриеза и Роберт из Бове. Они клялись над святыми, что исполнят верно поручение и возвратятся в лагерь.

Трое сдержали свое слово, а четвертый, именно Роберт, поступил дурно: он не мог сделать ничего хуже, нарушил клятву и вместе с другими ушел в Сирию. Но остальные трое поступили хорошо и исполнили свое поручение, как то приказали бароны, и сказали апостолу: «Бароны умоляют вас простить за взятие Цары, к чему они были вынуждены по отсутствию тех, которые ушли в другие гавани; иначе они не могли держаться, и теперь просят вас, как своего доброго отца, дать им свои предписания, которые они готовы исполнить». И апостол отвечал послам, что ему хоро-

Дама под защитой рыцаря. Аллегорическая миниатюра. Рукопись из Национальной библиотеки в Париже

шо известно, как они должны были вести себя по ошибке других, что он сжалился над ними и шлет теперь свое благословение баронам и пилигримам и разрешает их как своих детей; и он приказал им и просил их поддержать армию, ибо знал хорошо, что без нее невозможно оказать услуг Господу: и он дал полномочие Невелону, епископу Суассона и Иоанну Нойонскому вязать и решить пилигримов, пока не придет в лагерь его кардинал.

Так проходили дни и начался Великий пост; в это время стали изготовлять корабли, чтобы к Пасхе отплыть. После нагружения кораблей накануне Пасхи пилигримы выступили из города в гавань; между тем венецианцы разрушили городские стены и башни. В это время случилось обстоятельство, весьма огорчившее армию, а именно, один из ее великих баронов по имени Симон Монфор заключил договор с королем Венгрии, неприятелем крестоносцев, ушел к нему и оставил армию. За ним последовал Гвидо Монфор, его брат, Симон Нофл, аббат монастыря Во из ордена цистерцианского и многие другие. Вскоре после него удалился из армии и другой высокий вассал – Энгерран из Бове и Гуго, его брат, вместе со своими людьми, которых им удалось увлечь. И эти люди ушли из армии, как вы то слышали. Для армии это составило великий ущерб, и стыд для тех, которые покинули ее.

После того корабли и суда вышли в море, и было определено отправиться к гавани Корфу, острову Восточной империи, и кто прибудет первый, подождет других, пока не соберутся все, что и было исполнено. Но прежде, нежели дож и маркиз вышли на галерах из гавани Цары, туда прибыл Алексей, сын императора Исаака Константинопольского, присланный Филиппом, королем Германии, и он был принят с великой радостью и великой почестью. И дож дал ему столько галер и кораблей, сколько то было нужно. И так они вышли из гавани Цары и при попутном ветре прибыли в Дураццо.

Затем автор описывает весь переезд крестоносцев от Дураццо до самого Константинопольского пролива, где они, по совету Дандоло, пристали к азиатскому берегу и расположились лагерем в виду Константинополя; император Алексей делает им выгодные предложения с условием немедленно удалиться в Палестину; но крестоносцы требуют возведения на престол законного государя; таким образом, переговоры не закончились ничем, и крестоносцы решились приступить к осаде города (конец июня 1203 г.).

На следующий день (после прекращения переговоров с греками) крестоносцы, отслушав обедню, собрались для совещания: и совещались они, сидя верхом на лошадях, в открытом поле. Вы могли бы видеть там прекрасных коней и множество всадников на них; а совет шел о том, как начать и вступить в борьбу. Говорили также и о многих других предметах; но в заключение было определено, чтобы граф Балдуин Фландрский вел авангард, потому что у него было много отличных людей – и стрелков, и арбалетчиков, больше чем у кого-нибудь другого (затем следует перечисление остальных пяти отрядов и их предводителей; последним шестым отрядом командовал Бонифаций Монферратский).

Назначили также и день, чтобы сесть на суда и высадиться на другом берегу с решимостью жить или умереть. И знайте, что это было одно из самых сомнительных дел, какое когда-либо предпринималось. После того епископы и духовные говорили народу и убеждали его исповедаться и составить духовное завещание, так как никому неизвестна воля Божья. И во всей армии это было исполнено охотно и с благочестием. Назначенный срок наступил. И рыцари вступили на корабли со своими конями, вооруженные с головы до ног, в шлемах с забралами; лошади были покрыты и оседланы, а прочие люди, не столь привыкшие к военному делу, сели на большие корабли; галеры также были все вооружены и убраны. Случилось же это в одно прекрасное утро, вскоре после солнечного восхода. А император Алексей выжидал их в боевом порядке и с великой силой на противоположном берегу. И затрубили в трубы. К каждой галере был привязан корабль, чтобы ему было легче продвинуть ее вперед. Никто не спрашивал, кому надобно было высаживаться прежде. Как кто мог, так и выходил. Рыцари бросились с судов в море в полном вооружении, с опущенными забралами и мечом в руке, и по пояс были в воде; так же поступили стрелки, пехотинцы и арбалетчики, каждый отряд, где ему случилось пристать. И греки показали вид, что намерены им сопротивляться; но когда дело дошло до рукопашного боя, они обратили тыл, побежали и предоставили им берег. И знайте, что никогда еще никакая гавань не была взята с такой славой. Тогда моряки открыли корабельные двери и перебросили мосты, и начали перетаскивать лошадей. А рыцари стали садиться на них и располагаться в боевом порядке, как то следовало.

Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, предводительствовавший авангардом, выступает вперед, а другие отряды за ним, каждый на своем месте. И шли они так до самого того места, где стоял император Алексей; и он повернул в Константинополь и бросил свою палатку. Наши люди нашли там довольно добычи. Между тем бароны определили, что они расположатся у гавани перед башней Галатой, к которой примыкала цепь, препятствовавшая кораблям проникнуть во внутреннюю гавань Константинополя. И наши бароны видели, что если они не возьмут этой башни и не разорвут этой цепи, то они погибли, и им будет худо. Потому они провели ночь перед башней и в еврейском квартале, называемом Станор, где они нашли много хороших и богатых домов и удобно переночевали. На следующее утро находившиеся в башне Галате и прибывшие из Константинополя на помощь в барках сделали вылазку; наши же люди бросились немедленно к оружию. Их собрал Яков из Авеня, вместе со своими пешими людьми. И знайте, что схватка была большая, и Яков был ранен мечом в лицо и едва не погиб. Но один из его рыцарей по имени Николай из Лоленя сел на коня и поспешил на помощь к своему сюзерену: он действовал так хорошо, что заслужил величайшую похвалу. По всей армии поднялись крики, и наши сбежались со всех сторон; они их разбили, весьма многих убили

и взяли в плен, так что некоторые не возвращались в башню, сели на свои барки, и много их утонуло; те же, которые убежали и бросились в башню, были преследуемы столь близко, что не успели запереть за собой ворот. Самая главная борьба произошла у ворот; крестоносцы взяли их силой, сломали и при этом многих убили и взяли в плен.

Так они овладели замком Галатой и Константинопольской гаванью. Велика была радость армии, и она восхваляла Бога; жители же города пали духом. На следующий день корабли, суда и галеры вступили в гавань. Тогда армия совещалась о том, как поступить: напасть ли на город с моря или с суши. Венецианцам очень хотелось, чтобы были устроены лестницы на кораблях и чтобы приступ был веден со стороны моря. Французы же говорили, что они не умеют действовать так хорошо на море, как венецианцы, но за то, сидя на лошади, в своем вооружении, они будут более полезны на сухом пути. Положено было, что венециане нападут с моря, бароны и их армия со стороны суши. Сам приступ был отложен на четыре дня.

В пятый день вся армия взялась за оружие. Отряды двинулись в назначенном порядке от гавани ко дворцу Влахерны; а корабли шли вдоль берега до самой середины гавани, где впадает речка, которую нельзя перейти иначе, как по каменному мосту. Но греки сломали его, и бароны трудились целый день и целую ночь над починкой. Наконец мост был готов, и отряды перешли по нему утром один за другим в предназначенном порядке. Так они подступили к городу, и никто не вышел оттуда, чтобы стать против них. И это было великим чудом, так как на одного человека в армии приходилось в городе двести.

Далее автор описывает те меры, которые были приняты крестоносцами для защиты лагеря, небольшие отдельные стычки и приготовления ко всеобщему приступу с суши и моря: приступ с суши совершенно не удался; но за то венецианцы успели овладеть несколькими приморскими башнями; тогда император Алексей делает вылазку со всеми своими силами; но греки и крестоносцы долгое время стояли друг против друга и никто не смел начать нападения; наконец, по неизвестным причинам для автора, император внезапно возвратился в город, а на следующий день к ним пришло другое, еще более неожиданное известие о бегстве императора.

Но посмотрите, какое совершилось чудо Господне! В ту же ночь император Алексей Константинопольский захватил из своих сокровищ сколько мог, взял с собой всех тех, которые пожелали уйти, убежал и оставил город. Жители же города были сначала весьма удивлены, а потом отправились в темницу, где находился император Исаак, которому были выколоты глаза. Его облачили в императорские одежды, отвели в главный дворец Влахерну, посадили на высокий трон и подчинились ему как своему государю. И тогда, по желанию императора Исаака, назначили послов и отправили их в армию, и возвестили сыну Исаака и баронам, что Алексей бежал, и на престол возведен император Исаак. Когда принц узнал о том, он сообщил полученное им известие маркизу Бонифацию Монферратскому, а маркиз – баронам армии. И когда все собрались в палатку сына императора Исаака, он рассказал им ту новость. Услышав то, они выразили несказанную радость, какой никогда не видывали в мире, и все воздали благочестиво хвалу Господу Богу за такую быструю помощь и за такое избавление от крайности, в которой они находились. И потому можно справедливо сказать, что никто не в состоянии повредить тем, кому Господь пожелает оказать помощь.

Между тем начинало рассветать, и войско взялось за оружие; все вооружались, ибо не очень верили грекам. Но в то же время появились новые вестники, по одному и по двое вместе, и рассказывали ту же самую новость. После совещания баронов и графов с дожем Венеции были отправлены в город послы для разузнания, в каком положении находится дело. Если сообщенное известие справедливо, то послы должны требовать от отца подтверждения тех условий, которые они заключили с сыном, или, в противном случае, они не отпустят царевича в город. Послами были избраны: от одних Матвей Монморанси, а от других Жофруа, маршал Шампани, а от дожа Венеции два венецианца. Таким образом, по-

слы были отведены к городским воротам, и им открыли ворота, и они пошли пешком, а греки (li Grè) расставили от ворот до дворца Влахерны англичан и датчан (наемников), вооруженных секирами; там они нашли императора Исаака одетым столь богато, что напрасно кто-нибудь захотел бы видеть человека одетого с большей роскошью. Императрица, его жена, весьма красивая дама, сестра короля Венгрии, находилась подле него; других же знатных людей и знатных дам, разукрашенных донельзя, было такое множество, что не представлялось возможности повернуться; и все те, которые за день перед тем стояли против него, теперь явились к его услугам.

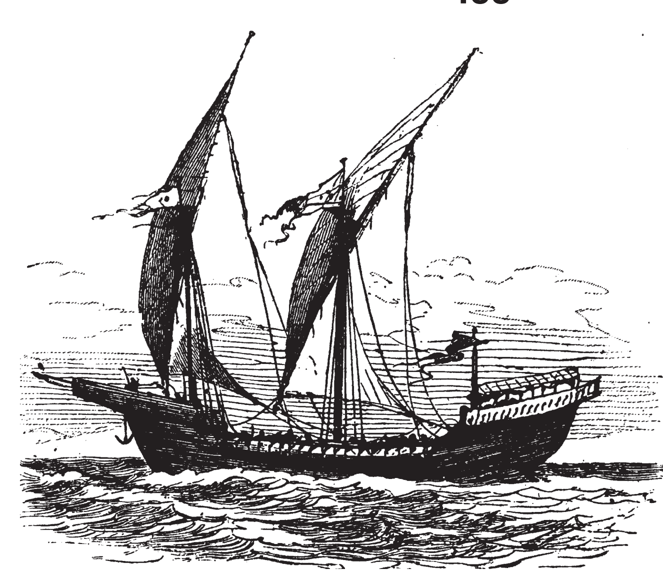
Послы предстали перед императором Исааком, и император, и все прочие оказали им большое почтение, и послы говорили, что они желают переговорить с ним наедине от имени сына и баронов армии. И он встал и пошел в отдельный покой, взяв с собой императрицу, своего камергера, драгомана и четырех послов. По согласию со своими товарищами Жофруа Виллардуэн, маршал Шампани, говорил императору Исааку: «Государь, ты видишь, какую услугу мы оказали твоему сыну и как мы выполнили перед ним заключенное с ним условие. Но он не может вступить в город, пока сам не выполнит условий со своей стороны. Он просит теперь, как ваш сын, чтобы вы утвердили его договор с нами в той форме и тем же способом, как он то сделал сам». – «Какой это договор?» – спросил император. «Нижеследующий, – отвечал посол, – во-первых, поставить всю Романскую империю в зависимость от Рима, от которого она отделилась. Потом, дать войску 200 тысяч марок серебра и съестных припасов на год, всем от мала до велика; отправить 10 тысяч человек на своих кораблях и содержать их на свой счет в течение года; и, наконец, иметь в Святой земле 500 рыцарей, которые охраняли бы ее, на своем иждивении, до самой смерти. Вот договор, заключенный нами с вашим сыном и скрепленный клятвой и печатями как его, так и Филиппа, короля Германии, вашего зятя. Мы желаем теперь, чтобы и вы также утвердили этот договор».– «Конечно,– отвечал император,– условия договора весьма велики, и я не вижу, как возможно их исполнить; но вы оказали такую услугу и мне, и ему, что если бы вам отдать всю империю, то и это было бы сообразно с вашей услугой». Много было сказано и других речей, но все это кончилось тем, что отец утвердил договор, заключенный его сыном клятвой и золотыми печатями. Грамота была вручена послам; простившись с императором, они возвратились в армию и передали баронам о совершенном ими деле.

После того бароны сели на лошадей и отвели царевича с великой радостью в город к его отцу, и греки открыли им ворота и приняли их с великим торжеством и восторгом. Радость отца и сына была необычайна, так как они давно уже не виделись, и от столь великой бедности, после тяжкого изгнания, были снова столь возвеличены, прежде всего помощью Бога, а потом крестоносцев. Торжество было велико и в Константинополе, и в армии у пилигримов, вследствие славы и победы, дарованной им Богом. На следующий день император и даже его сын просили графов и баронов именем Бога расположиться на другой стороне гавани, близ Стенона, говоря, что если они останутся в городе, то это повлечет за собой столкновение между ними и греками, и город может быть разрушен. И бароны говорили, что они уже оказали им столь много услуг, что не откажут теперь в этой просьбе. Затем они переправились на другую сторону гавани и поселились там в мире и спокойствии, пользуясь изобильно всякого рода съестными припасами.

Вы легко себе представите, что многие из армии захотели видеть Константинополь, и богатые дворцы, и высокие церкви, которых там так много, и великие сокровища, которых не найдешь ни в одном городе в таком огромном количестве. Я не говорю о различных святынях: в одном этом городе их столько, сколько в остальном мире. Греки и французы сохраняли во всем великое согласие и торговали между собой. По общему приговору французов и греков было решено, чтобы короновать нового императора в праздник св. Петра. Как решили, так и сделали. Коронация происходила с теми

же почестями, как то делалось у греков во все времена. Потом начали уплачивать сумму, должную армии, и каждому возвратили то, что он дал венецианцам за переезд. Новый император часто ходил навещать баронов в армию и оказывал им всевозможные почести. И он должен был так действовать, ибо они оказали ему большие услуги. Однажды он зашел отдельно в квартиру Балдуина, графа Фландрии и Геннегау, куда были позваны дож Венеции и старейшие бароны. И он обратился к ним с речью и сказал: «Господа, я считаю себя императором Божьей и вашей милостью: вы оказали мне такую услугу, какой никто еще не оказывал христианскому человеку. Но знайте, что многие показывают мне наружное расположение, а внутренне ненавидят меня. Греки оскорблены особо тем, что я возвратил свое наследие вашими силами: срок же вашего удаления близок. Вы заключили союз с венецианцами только до праздника св. Михаила: в такое короткое время я не могу выполнить своих условий, и притом, если вы меня оставите, я потеряю и государство, и жизнь, ибо греки ненавидят меня из-за вас. Но сделаем вот что: останьтесь здесь до марта, я продолжу ваш союз с венецианцами до Михайлова дня следующего года и заплачу венецианцам, а вам буду доставлять все необходимое до Пасхи. К тому же времени я успею так укрепиться в стране, что мне нечего будет бояться. Между тем при помощи доходов со своих земель, я заплачу вам должное по договору и успею изготовить корабли, чтобы идти с вами, или послать других, как мы условились о том. У нас же останется свободным целое лето для похода».

Бароны отвечали, что они поговорят об этом друг с другом, хотя и были вполне уверены в справедливости слов императора и в том, что его предложение было выгодно как для него самого, так и для них, однако они не могли ни на что решиться, не посоветовавшись с армией; они обещали ему, посовещавшись, дать ответ. После того император Алексей расстался с ними и возвратился в Константинополь, а они вернулись в армию, назначили на следующий день совещание и пригласили всех баронов, предводителей армий и большую часть рыцарей. И когда они собрались, предложение императора было отдано им на обсуждение.



Неф XIII в.

Затем автор рассказывает, как после жарких прений крестоносцы согласились принять новое условие и провести зиму под стенами Константинополя с целью упрочить положение нового императора; как император Алексей, по совету крестоносцев и сопровождаемый частью их армии, прошелся по своей империи; как во время его отсутствия вследствие ссоры между греками и латинами произошел в Константинополе ужасный пожар, из-за которого у византийцев появилась ненависть к пришельцам; как, наконец, Алексей возвратился из похода к началу ноября 1203 г., изменившись совершенно в своих отношениях к латинам. Это последнее обстоятельство заставило крестоносцев отправить к Алексею посольство и требовать объяснений.

Для этого посольства были избраны Конон Бетюнский, Жофруа Виллардуэн, маршал Шампани, и Милес Брабантский; а дож Венеции отправил трех знатнейших мужей из своего совета. Послы сели на коней, подпоясались мечами и подъехали вместе ко дворцу Влахерне. Знайте, что они шли на большую опасность и на большое приключение при известном вероломстве греков. Спешившись у дверей, они вошли во дворец и увидели императора Алексея и императо-

ра Исаака, его отца, сидящими на двух престолах рядом друг с другом; близ них восседала императрица, мачеха Алексея и сестра короля Венгрии, прекрасная и добрая дама. Они были окружены множеством высоких людей, и их свита походила на двор богатейшего властителя.

Посовещавшись с прочими послами, начал говорить Конон Бетюнский, муж весьма мудрый и красноречивый: «Государь, мы пришли к тебе от имени баронов армии и дожа Венеции; ты знаешь, что они оказали тебе услуги, как то известно всякому и очевидно само по себе. Вы и ваш отец клялись им исполнить условия заключенного договора, как они изображены в грамотах. Вы не исполнили их, как то следовало бы вам. Они убеждали вас несколько раз, и мы теперь снова убеждаем в присутствии ваших баронов соблюсти договор, составленный между ними и вами. Если вы то исполните, все пойдет хорошо. Если же нет, то знайте, что с этого часа и на будущее время они не считают вас ни государем, ни другом, позаботятся о себе как могут, а вас предуведомляют, что не причинят зла ни вам, ни кому другому, пока не получат ответа, и не прибегнут ни к какой измене, ибо и на своей родине они не привыкли иначе поступать. Теперь вы слышали, что мы вам сказали: посоветуйтесь и поступите, как заблагорассудится вам». Греки были чрезвычайно изумлены и при виде такого оскорбления говорили, что еще никто и никогда не осмеливался огорчать таким образом константинопольского императора в собственных его покоях. Император Алексей и другие, бывшие с ними до тех пор в лучших отношениях, выразили послам свое неудовольствие. Во дворце поднялась большая тревога, и послы, вернувшись к воротам, сели на лошадей. Когда они выехали за ворота, не было ни одного из них, который не считал бы себя счастливым и не изумлялся своему избавлению от опасности: греки были близки к тому, чтобы схватить их и умертвить. Возвратившись в армию, они рассказали баронам о всем случившемся. Так началась война, и всякий вредил другому как мог и на сухом пути, и на море. Греки и франки схватывались несколько раз; но, благодаря Богу, греки претерпевали всегда большую потерю, нежели франки. Война продолжалась долго, до глубокой зимы.

Затем автор подробно описывает стратегию греков, которые пустили брандеры, чтобы сжечь флот крестоносцев, но венецианцы успели искусно оттолкнуть их и поплатились всего одним купеческим кораблем из Пизы.

Пока все это происходило, греки, видя сокрушенный разрыв императора с франками, составили против него изменнический заговор. При дворе находился грек, которого император любил более прочих и который именно рассорил его с франками. Имя его было Мурзуфл (Morchuflex). По совету с другими в полночь, когда император Алексей спал у себя, его собственная стража вместе с Мурзуфлом и его сообщниками схватила его в постели и бросила в темницу. Мурзуфл по совету других греков надел на себя пурпуровую обувь, принял титул императора и короновался в храме св. Софии. Но послушайте, была ли когда-нибудь и кем-нибудь совершаема столь ужасная измена! Когда император Исаак услышал, что его сын схвачен, а Мурзуфл коронован, им овладел такой страх, что он заболел и вскоре умер. Император же Мурзуфл два-три раза приказывал отравить сына, но Богу было не угодно, чтобы он умер: тогда он удавил его. Но Мурзуфл распустил слух, что он умер своей смертью, похоронил его с почестями, как императора, и притворился весьма опечаленным. Но убийство не могло укрыться: греки и французы узнали скоро, что было совершено убийство, как вы о том слышали. Тогда бароны армии и дож Венеции собрались для совещания, на котором присутствовали епископы и все духовенство, и представители апостола (Папы): последние доказывали баронам и пилигримам, что тот, кто совершил такое убийство, не имеет права на власть, и те, которые согласятся на то, будут сочтены соучастниками преступления; сверх того, они отказываются от повиновения Риму. «Почему мы вам объявляем,– говорило духовенство,– что война правильна и справедлива, и если вы имеете прямое намерение завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то

получите отпущение грехов, как дал вам то апостол всем, которые исповедуются и умрут». Знайте, что эти слова служили большим подкреплением для баронов и пилигримов. Война между франками и греками сделалась ужасной и нисколько не утихала; напротив, она усиливалась, и не проходило дня без схватки на сухом пути или на море.

Следует описание отдельных стычек, которые повторялись беспрерывно в течение всей зимы 1203/04 г.; наконец, в 1204 г. крестоносцы решились сделать последний и самый отчаянный приступ со стороны моря в ближайший понедельник.

Год 1204-й. В то же самое время и император Мурзуфл расположился со всем своим войском перед тем местом, на которое был направлен приступ, и раскинул там свои пурпуровые палатки. Так продолжалось дело до самого утра в понедельник, когда все наши на судах, кораблях и галерах явились вооруженными; жители же города чувствовали нынешний раз страх более обыкновенного. Наши чрезвычайно изумлялись тому, что никого не было видно ни на стенах, ни на башнях. Тогда начался изумительный и отчаянный приступ: каждый корабль устремлялся к назначенному ему месту; крики были так велики, что, казалось, земля распадется. Приступ продолжался долго, пока наш Господь не поднял сильного ветра, называемого *Boire*: этот ветер пригнал суда и корабли ближе к берегу, и два корабля, связанные вместе, из которых один назывался «Пилигрим», а другой «Парадиз», подошли к одной башне с двух сторон так близко, что лестница «Пилигрима» достала башню. В ту же минуту один венецианец и один французский рыцарь по имени Андрей из Урбуаза, взошли на башню, а за ними и другие люди; находившиеся же в башне были поражены и бежали.

Рыцари, помещенные на перевозных судах, увидев то, бросились на берег, приставили лестницы к стенам, поднялись наверх силой и овладели другими четырьмя башнями. Вслед за ними начали и другие бросаться с кораблей, судов и галер как ни попало, овладели тремя воротами, вступили в них, пошли далее и прямо поскакали к ставке императора Мурзуфла. Он же устроил свои полки впереди палаток. Греки, увидев перед собой всадников на лошадях, смешались, и сам император бежал по улицам во дворец Буколеон (в противоположной стороне города, на берегу Пропонтиды). При этом вы увидели бы, как наши били греков и овладевали их лошадьми, мулами и прочим имуществом. Убитых и раненых оказалось столько, что им не было ни конца, ни меры. Большая часть знатных греков бросилась к воротам Влахерны; настал уже вечер, и наши, утомясь борьбой и избиением войск императора, начали собираться на большой площади, находившейся внутри Константинополя. Они решились расположиться вблизи стен и башен, которыми они овладели, и никак не думали, что им удастся завоевать город ранее месяца: так много было в Константинополе церквей, дворцов и народа. Все было сделано сообразно с тем решением.

Таким образом, они расположились перед стенами и башнями в виду своих кораблей. Граф Балдуин Фландрский поместился в пурпуровой ставке императора Мурзуфла, которую он оставил в порядке, а брат его Генрих стал перед дворцом Влахерны. Бонифаций, маркиз Монферратский и его люди расположились в ближайшем квартале города. Таким образом была размещена вся армия, как вы то слышали, и Константинополь был взят в понедельник после Вербного воскресенья (le lundi de Pasque florie). Людовик, граф Блоа и Шартра, томился всю зиму четырехдневной лихорадкой и не мог участвовать в осаде. Знайте, что это обстоятельство причинило большой ущерб армии, так как он был отличный рыцарь и пролежал больным на корабле. В эту ночь войско, чрезвычайно утомленное, отдохнуло. Но император Мурзуфл не отдыхал: он созвал всех своих людей и объявил, что идет напасть на франков; но он не сделал так, как сказал, и самыми отдаленными от армии улицами прибыл к Золотым воротам и бежал из города. И за ним бежали все, кто мог; и о всем этом ничего не знала армия.

В эту ночь перед ставкой Бонифация, маркиза Монферратского, не знаю кто, из

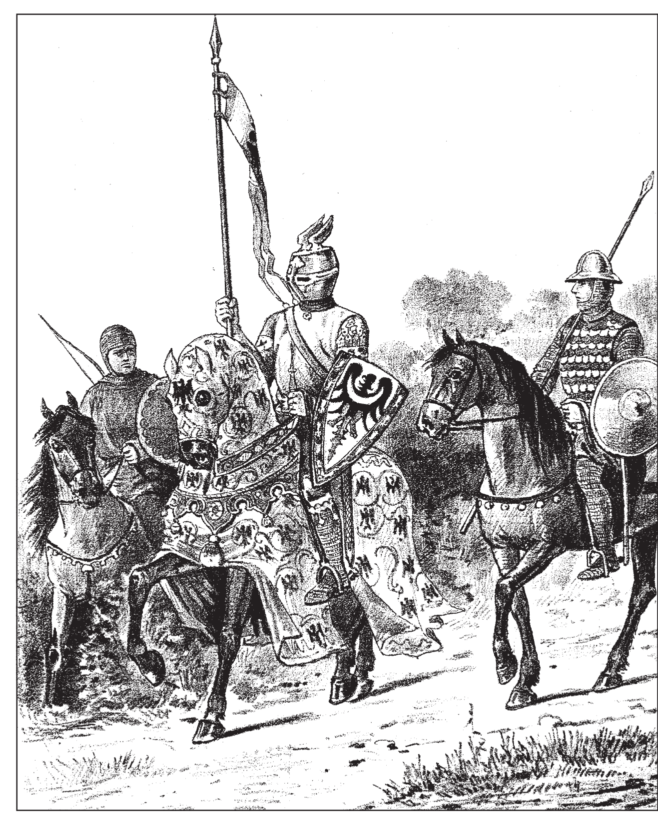
боязни, чтобы греки не напали на нас, поджег квартал, отделявший их от греков. И город начал страшно гореть и был охвачен пламенем: и горел всю эту ночь и до вечера следующего дня. Это был третий пожар в Константинополе со времени прибытия франков: и при этом сгорело домов более, чем сколько находится в трех самых больших городах королевства Франции. По прошествии ночи, когда наступило утро следующего дня, во вторник вся армия, и конные, и пешие, вооружилась, и каждый занял свое место. Выходя из своих ставок, они думали, что им предстоит такая битва, какой они еще не имели; о бегстве же императора они ничего не знали. Между тем никто не выходил им навстречу. Маркиз Бонифаций Монферратский шел все утро прямо на Буколеон. При его появлении все находившиеся там сдались под условием сохранения жизни. В том замке укрылись знатнейшие дамы в мире, а именно: сестра короля Франции, бывшая императрицей, и сестра короля Венгрии, которая также была императрицей, с ними было много и других знатных дам. Я не говорю о сокровищах, найденных в этом дворце, ибо их находилось там столько, что не было им ни конца, ни меры. В то же время дворец Влахерна сдался Генриху, брату графа Балдуина Фландрского, и на тех же самых условиях. Сокровища, находившиеся в нем, не были нисколько меньше того, что было найдено в Буколеоне. Оба они снабдили те замки своими людьми для охранения сокровищ. Другие же разошлись по городу и собирали добычу; добыча же была так велика, что вам никто не в состоянии был бы определить количества найденного золота, серебра, сосудов, драгоценных камней бархата, шелковых материй, меховых одежд и прочих предметов. Но Жофруа Виллардуэн, маршал Шампани, свидетельствует вам по совести и по истине, что в течение многих веков никогда не находили столько добычи в одном городе.

Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно для всех. Таким образом, армия пилигримов и венециан разместилась по квартирам, и все радовались о чести и победе, которую даровал им Бог, и вследствие которой они перешли от бедности к богатству и наслаждениям. Между тем в этом торжестве и в этой радости, ниспосланной Богом, прошли Вербное воскресенье и великая Пасха. И нам следовало восхвалять нашего Господа Бога: имея все вместе не более 20 тысяч вооруженных людей, мы с Божьей помощью овладели населением в 400 тысяч или более и притом в городе, отлично защищенном, городе великом и закрытом со всех сторон. После того раздался клич по всей армии от имени Бонифация Монферратского, предводителя войска, от имени баронов и дожа Венеции, а именно чтобы все снесли и собрали свою добычу, сообразно данной присяге и под страхом отлучения; местом же сбора назначены были три церкви, отданные на хранение французам и венецианцам, самым честным, каких только могли найти. И тогда каждый начал приносить свою добычу и складывать вместе.

Некоторые приносили добросовестно, другие же нет, ибо им не дозволяла того жадность, этот корень всех зол: так уже сначала они отделили свое дело от общего и укрыли вещи; но с того времени и Бог начал их любить менее других. О, всеблагий Боже! Пока они вели себя хорошо и честно, до тех пор и Господь покровительствовал им и их делу и возвысил их над прочими, но гораздо чаще добрые трудятся для злых. Между тем добыча была собрана вся и разделена пополам между франками и венецианами, как они в том клялись. Сделав этот раздел, наши уплатили из своей части 50 тысяч марок серебра, чтобы покрыть свой долг венецианцам; остальная же сумма до 100 тысяч была роздана следующим образом: а именно, двое пеших получили столько же, сколько один конный, и двое конных – сколько один рыцарь. Знайте, что никогда ничего не совершалось более славного: как было предписано, так все было и выполнено, и добыча не была утаена; с теми же, которые удержали что-нибудь поступлено было строго, и многих из них повесили. Так, граф Сен-Поль приказал повесить одного из своих рыцарей с монетой на шее, которую он скрыл и как его в том обвиняли. Было много и других как из высшего,

так и из низшего класса, которые не доставили добычи и удержали ее в противность справедливости. Как велика была добыча, сделанная в Константинополе, о том можно судить уже потому, что, помимо скрытого и не считая доли венецианцев, наши получили по крайней мере 400 тысяч марок серебра и более 10 тысяч всякого рода сбруй. Таким образом была разделена добыча, сделанная в Константинополе, как вы о том слышали.

После того наши составили собрание и вместе с войском совещались, как поступить относительно того, что было уже ими определено прежде (а именно – относительно разделения империи). После долгих прений назначили день, в который будут наименованы 12 человек для избрания императора. И не могло быть иначе, чтобы при этом не явилось множество претендентов и завистников, ибо сделаться константинопольским императором было бы великой честью. Но главное соперничество происходило между Балдуином, графом Фландрии и Геннегау, и маркизом Бонифацием Монферратским; все говорили, что будет избран один из двух. Видя это, благоразумные люди в армии, державшие сторону того или другого, рассуждали сообща и говорили так: «Господа, если изберут одного из этих двух высоких лиц, то другой придет в такую зависть, что уведет с собой всех своих людей, и так мы потеряем страну, как некогда едва не утратили Иерусалима, когда после завоевания его избрали Готфрида Бульонского. И граф св. Эгидия (li cuens de Sain Gille, то есть Раймунд Тулузский) почувствовал при этом такую зависть, что убедил прочих баронов и всех других оставить армию. Много людей ушло, и если бы не помог Бог, то земля была бы потеряна. А потому и нам следует беречься, чтобы не случилось чего подобного. Постараемся удержать их обоих, чтобы при избрании одного, с помощью Божьей, и другой остался бы с нами. Пусть избранный уступит своему совместнику все земли в Турции по ту сторону пролива с островом Критом, а совместник пусть сделается его вассалом. Так мы удержим обоих». Соответственно такому решению и было поступлено: соперники добродушно согласились на такое условие. Наконец, наступил день собрания, и избрали 12 человек, шесть с одной стороны и шесть с другой. И они поклялись над святыми, что изберут по совести того, кто окажется более достойным и кто будет лучше править империей. Таким образом, определили 12 человек. В назначенный день они собрались в богатом дворце, где стоял дож Венеции, и который был красивейшим зданием в мире.



Германский рыцарь XIII в.

Туда собралось множество людей, чему нельзя и удивляться, ибо каждый хотел видеть, кого выберут. Те 12 избирателей были призваны и отведены в богатейшую капеллу, находившуюся во дворце. Их совещание продолжалось до тех пор, пока они не согласились между собой. Невелону, епископу Суассонскому, принадлежавшему к их числу, было поручено говорить за всех. Потом они вышли к баронам и дожу Венеции. Вы можете себе представить, что на

них все смотрели с любопытством, желая знать результат выборов. И епископ сказал следующее: «Господа, мы согласились, благодаря Бога, относительно избрания императора; и вы клялись считать того императором, кто будет нами избран, и помогать ему, если кто окажет сопротивление. Ныне же, в час рождения Господа нашего, мы объявляем: избран Балдуин, граф Фландрии и Геннегау». Тотчас же раздался по всему дворцу радостный крик, и бароны отвели его в церковь; при этом Бонифаций Монферратский предупреждал всех других и оказывал ему всевозможные почести. Так был избран Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, императором, и коронование его назначили через три недели после Пасхи. Между тем многие занялись приготовлением богатых одежд к тому торжеству, и им было из чего сделать.

Во время коронования маркиз Бонифаций Монферратский женился на императрице, вдове императора Исаака и сестре короля Венгрии. В эти же дни умер знатный барон армии Одо, шампанец из Шамплита; оплакиваемый братом своим Вильгельмом и прочими друзьями, он был погребен с большой церемонией в церкви св. Апостолов.

Между тем приблизился день коронования, и император Балдуин был венчан радостно и с почетом в церкви св. Софии, в год от воплощения Господня 1204-й. Нечего говорить о восторге и празднестве, на котором присутствовали бароны и рыцари, сколько их было; и маркиз Бонифаций Монферратский, и граф Людовик приветствовал Балдуина как своего государя. После великого торжества коронования его отвели в процессии в богатый дворец Буколеон, богаче которого нельзя видеть. И когда кончились праздники, он занялся делами.

Бонифаций, маркиз Монферратский, потребовал исполнения договора, а именно уступки ему земель в Турции по ту сторону пролива, с о. Критом. Император знал, что он обязан отдать ему эти владения и соглашался на то охотно. И когда маркиз увидел, что император так благодушно намерен исполнить условия договора, он начал просить у него в обмен на те земли королевство Фессалоникское (Македонию), потому что оно ближе к пределам владений короля Венгрии, на сестре которого он был женат. Много переговаривались об этом деле, но кончилось тем, что император уступил. Бонифаций дал ему присягу, и все войско исполнилось великой радостью; ибо маркиз был отважнейший рыцарь на свете и любим всеми за свою щедрость. Таким образом, как вы то слышали, маркиз Монферратский остался в завоеванной земле.

В конце мемуаров автор дает историю новой Латинской империи в Константинополе до 1207 г.

De la conqueste de Constantinople. 1198–1204 гг.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Осада Дамиетты 1217–1220 гг.

Журден

О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ ДЕТЕЙ. 1212 г. (в 1810 г.)

Заморский поход, предпринятый около 1212 г. и состоявший из детей, хотя и не принадлежал к числу самых замечательных событий истории Крестовых походов, но тем не менее является чем-то чрезвычайным. Что учреждения, внушаемые духом религии и предназначенные к распространению нашего богопочитания или к увеличению его блеска, не всегда находили предохранительные меры против порчи, свойственной всякому человеческому делу, это составляет истину, подтверждаемую многочисленными примерами; но чтобы фанатизм или дух злобы мог иметь достаточно силы для того, чтобы погасить в детях естественное сознание своей слабости и лишить их своей подпоры, чтобы внушить им известную последовательность идей, настойчивость в решимости, согласие, требуемое для всякого предприятия, соединенными силами нескольких лиц, этому можно поверить с трудом, хотя воспоминание о подобном факте сохранилось у многих историков. Кому известен вкус Средних веков к чудесному и кто читал одно неполное изложение Крестовых походов новейшими историками, тот прежде всего почувствует наклонность отнести поход детей к баснословным приключениям; а потому необходимо собрать вместе все свидетельства, заслуживающие доверия, чтобы внушить веру в подобный факт.

В этом оригинальном событии надобно различать следующие различные обстоятельства: время, когда оно совершилось, средства, которые подготовили его, места, бывшие свидетелями факта, и его исход. Хотя критика не имеет достаточных средств, чтобы определить с точностью каждый из этих пунктов, однако средневековые хроники доставляют нам показания довольно обширные, чтобы удовлетворить благоразумную любознательность.

ЖУРДЕН (JOURDAIN. 1788–1818). Известный французский востоковед Журден составил себе славу сочинением «La Perse, ou tableau de l'histoire, du gouvernement. de la religion etc» (1814, 5 vol.). Вышеприведенное письмо служило ответом Мишо на его вопрос по этому предмету и помещено в «Eclaircissement», к т. II «Истории Крестовых походов» Мишо (с. 476 и след., издание 1854 г.).

Пастух Этьен призывает детей идти в Крестовый поход

Относительно времени современные историки помещают этот Крестовый поход под 1212 г. и не позже 1213 г. Если некоторые отодвигают его на десять лет назад или ставят вперед на двенадцать лет, то это очевидная ошибка.

Относительно места, где зародилось и было исполнено подобное предприятие, крестоносцы, как кажется, принадлежали к двум народностям и составили два отряда, следовавшие по двум противоположным направлениям. Одни, отправясь из Германии, перешли Саксонию, Альпы и прибыли к берегам Адриатики; Франция доставила другой отряд, который, собравшись в окрестностях Парижа, проник через Бургундию и прибыл в Марсель, где предназначалось сесть на корабли.

Для возбуждения этого юношества и чтобы привести его в движение, были употребляемы всякого рода обаяние, обольщение и рассказы о чудесах. По словам Винцента из Бове, в то время рассказывали, что Горный Старец, воспитывавший *Арсакидов* с самого нежного их возраста, держал у себя в плену двух клериков и возвратил им свободу с тем условием, чтобы они доставили ему мальчиков из Франции. Потому думали, что эти дети, обманутые лживыми видениями и обольщенные обещаниями тех двух клериков, возложили на себя знамение креста. Возбудителем Крестового похода детей в Германии был некто Николай, родом из Алеманнии. Он уверил массу детей при помощи ложного откровения, что засуха в этот год будет так велика, что пучины моря обратятся в сушу, и толпа детей явилась в Геную с намерением отправиться в Иерусалим прямо по высохшему дну Средиземного моря.

Состав этих отрядов вполне соответствовал мерам обольщения. Там находились дети всякого возраста, всякого звания, даже обоего пола; некоторые из них имели не более двенадцати лет; они проходили по городам и деревням без вождей, без руководителей, без всяких запасов; с пустым кошельком. Напрасно их родные, друзья старались удержать, указывая им на безумие подобного похода: плен, на который их осуждали, удваивал их ревность; сломав ворота или пробив стены, они успевали ускользнуть и присоединялись к своим толпам. На вопрос о цели странствования они отвечали, что идут посетить святые места. Хотя пилигримство, начатое при подобных условиях и обозначившееся всякого рода преувеличениями, должно было служить поводом скорее к соблазну, чем к назиданию, тем не менее, однако, нашлись люди столь мало благоразумные, чтобы видеть в этом знак всемогущества Божия. Мужчины, женщины оставляли дома и поля и присоединялись к толпам бродяг, думая идти путем спасения; другие доставляли им деньги и припасы, полагая тем помогать душам, вдохновленным Богом и руководимым чувством живейшего благочестия. Сам Папа, узнав о их шествии, говорил, вздыхая: «Эти дети служат нам упреком за то, что мы погрузились в сон, между тем как они летят на защиту Святой земли». Если люди дальновидные в среде духовенства открыто порицали этот поход, то их осуждение прини-

малось за безверие и скупость, и потому для избежания общественного презрения благоразумие было осуждено на молчание.

Между тем события доказали, что все предпринимаемое человеком без помощи разума и обсуждения не приводит к счастливому результату; и вскоре, говорит один современник, вся эта толпа исчезла, quasi evanuit universa. Но при этом нужно строго отличать судьбу крестоносцев немецких и французских, хотя, быть может, часть последних также направилась в Италию.

Достаточно было надеть на себя крест, чтобы быть допущенным к Крестовому походу; если в походах, устроенных светской и духовной властью, вся бдительность церквей и прелатов не могла устранить безнравственных людей, то какие люди должны были попасть в сборище, образовавшееся без всякого надзора и в составе которого большинство членов, подобно блудному сыну, бежало из родительского дома, чтобы предаться на просторе самым преступным наклонностям. А потому нас не должен удивлять рассказ Готфрида, монаха, о том, что к немецким пилигримам примешивались воры и исчезали, ограбив их обоз и похитив приношения, которыми наделяли их верующие. Один из таких воров, будучи узнан в Кёльне, окончил свои дни на виселице. К этому первому несчастью присоединились тысячи других бедствий, бывших неизбежным результатом отсутствия предусмотрительности в крестоносцах. Утомление от продолжительного пути, жар, крайность, погубили бóльшую часть. Из прибывших в Италию, одни рассеялись по деревням, были ограблены жителями и обращены в рабство; другие, в числе 7 тысяч, явились под Генуей: сначала сенат дозволил им оставаться в городе шесть или семь дней; но, подумав впоследствии о бесполезности предприятия, боясь, что такое множество людей произведет голод, и в особенности опасаясь того, что император Фридрих II, восставший против Папы и объявивший войну генуэзцам, воспользуется этим случаем, чтобы произвести какое-нибудь смятение, сенат приказал крестоносцам удалиться из города. Впрочем, со времен Бизарро (писавшего историю Крестовых походов в XVI в.) утвердилось мнение, что республика даровала права гражданства многим немецким юношам, знаменитым по своему происхождению, впоследствии они приобрели такое значение, что вступили в сословие патрициев; и от них, присоединяет тот же историк, ведут свое начало многие фамилии, существующие даже в наше время, и между которыми в особенности славится дом Вивальди. Другие, осознав слишком поздно свое заблуждение, отправились обратно в свою сторону; и эти крестоносцы, которые недавно шли многочисленными толпами, с пением гимнов, назначенных для их воодушевления, возвращались поодиночке, лишенные всего, с больными ногами, испытывая все муки голода и осмеиваемые населением городов и сел; при этом погибли многие молодые девушки.

Французские крестоносцы имели почти такую же участь: ничтожная часть возвратилась, а остальные погибли в волнах или сделались предметом спекуляции для двух марсельских купцов. Гуго Феррей и Вильгельм Порк – таковы были их имена – вели с сарацинами обширную торговлю, значительную ветвь которой составляла продажа мальчиков. Им представился самый благоприятный случай; они предложили пилигримам, прибывшим в Марсель, перевезти их на Восток без всякого вознаграждения, и предлогом к такому великодушию выставили свое благочестие. Это предложение было принято с радостью, и семь кораблей с пилигримами отплыли к берегам Сирии. После двух дней плавания, когда этот флот находился в виду острова Св. Петра, близ Скалы Уединения, поднялась жестокая буря, и море поглотило два корабля со всеми их пассажирами. Остальные пять достигли Александрии, и молодые крестоносцы были все проданы сарацинам или торговцам рабов. Калиф купил для себя сорок юношей, которые еще прежде вступили в различные ордена, и воспитал их тщательно в одном уединенном месте: двенадцать из них погибли мучениками, не желая отказаться от своей религии. По словам одного из клериков, воспитанного калифом и получившего впоследствии свободу, никто из юношей не при-

нял магометанства; все, оставаясь верными религии отцов, с твердостью продолжали исповедовать ее в уничижении и рабстве. Гуго и Вильгельм, составив позже план по умерщвлению Фридриха II, были открыты и погибли постыдной смертью вместе с тремя сарацинами, своими сообщниками; таким образом, они нашли в своем жалком конце справедливую награду за измену.

Впоследствии Папа Григорий IX построил церковь на острове Св. Петра в честь претерпевших кораблекрушение и назначил двенадцать каноников для службы в ней. Там показывали место, где были погребены трупы, выброшенные морем на берег. Что касается до тех крестоносцев, которые пережили все бедствия и остались в Европе, то Папа не хотел освободить их от обета, за исключением нескольких старцев или расслабленных; все остальные обязаны были предпринять пилигримство в зрелом возрасте или откупиться милостыню.

Таков был исход Крестового похода детей; два составителя хроник называют его весьма справедливо: *expeditio nugatoria expeditio derisoria*.

Lettre à M. Michaud.

Яков Витрийский

ОСАДА ДАМИЕТТЫ КРЕСТОНОСЦАМИ. 1218 г. (в 1219 г.)

Описание осады Дамиетты крестоносцами составляет главную часть содержания третьей книги нашего автора, в отношении которой первые две[1] *составляют введение. Но автор прежде, нежели приступил к самому делу, в начале книги записал в свою летопись обширное письмо иерусалимского патриарха к Папе Иннокентию III; в этом письме патриарх, сообразно предписанию Папы, представляет весьма интересную и обстоятельную картину Саладиновой монархии после смерти ее основателя в начале XIII столетия, говорит о характере и нравах детей Саладина, их междоусобиях и в заключение приводит описание их владений в отношении физическом и экономическом. Затем, приступив к рассказу Шестого крестового похода, предпринятого иерусалимским королем Иоанном Бриеннем и Андреем, королем Венгрии, автор говорит о их неудачных попытках на сухом пути по направлению к Иерусалиму, за которыми прошел 1217 г.; Андрей Венгерский, видя одни неудачи, вернулся домой, но зато в Аккон прибыли новые силы, а именно: флоты немецких городов, которые дали возможность Иоанну Бриенню в 1218 г. нанести удар в самый центр ислама, а именно напасть на Египет.*

В год от воплощения Господня 1218-й, в мае начали прибывать в гавань Аккон (Птолемаиду) суда из провинции Кёльна и несколько других судов из провинций Бреме-

[1] См. анализ и извлечение из двух предыдущих выше.

ЯКОВ ВИТРИЙСКИЙ (JACOBUS DE VITRIACO. Ок. 1180–1244). Епископ Аккона (Acconensi deinde Tusculanus episcopus) принадлежит к числу замечательнейших писателей Крестоносной эпохи по той наблюдательности, с которой он излагает виденное им в странах чужеземных. Будучи уроженцем города Витри, около Парижа, он обратил на себя внимание Папы Иннокентия III и по его поручению проповедовал в 1210 г. поход против альбигойских еретиков. Его имя сделалось столь известным, что жители города Аккона, в Палестине, избрали его своим епископом. В новом звании он обнаружил большую деятельность на пользу Св. земли, писал несколько раз в Европу, возбуждая западные народы к походу в Иерусалим, и сам принимал участие в войнах с неверными. Наконец, Яков Витрийский решился быть историком виденного им и оставил нам в трех книгах «Восточную историю»; в прологе он сам объясняет причины, побудившие его взяться за такой труд. В первой книге автор является в роли путешественника и описывает Восток в отношении этнографическом и культурном; во второй книге он представляет картину

на и Трира. Таким образом, все приготовлялись к приведению в исполнение того плана, который был утвержден в Риме на Латеранском соборе государем Папой Иннокентием (III), блаженной памяти, и который состоял в том, чтобы направить воинство Христово на владение Египта. Вследствие того, в течение мая и после Вознесения Господня вооруженные корабли, галеры и другие перевозные суда изготовились к отплытию, и Иоанн, король Иерусалима, патриарх, епископы Никосии и Аккона, Леопольд, герцог Австрийский, три военных ордена и множество христиан вышли все вместе из гавани Аккона. Местом сбора была назначена Башня Сына Господня, иначе называемая Башней Пилигримов; но когда король, герцог и магистры трех военных орденов приплыли к тому месту, подул сильный северный ветер, и армия Господня, пустившись вперед на парусах, явилась в третий день перед гаванью Дамиетты; она не делала высадки и два дня выжидала главных предводителей. Между тем знатнейшие люди в армии собрались близ портика храма, чтобы обсудить, как действовать в этом случае. Некоторые предлагали возвратиться назад, но наконец, сообразно советам архиепископа Никосии и по всеобщему желанию, мы высадились перед гаванью Дамиетты под предводительством вождя Сарепонта и вступили на неприятельскую землю без всякого пролития крови и прежде, нежели успели прибыть со своими галерами главные вожди, следовавшие за нами. В тот же день, около девятого часа (три часа пополудни) явились наконец и они, приветствуя нас и выражая свое изумление по тому случаю, что мы уже были заняты размещением своих палаток. Те же, которые промедлили долее перед Башней Пилигримов, шли по нашим следам и прибыли к Дамиетте только в шестой день после нашего отправления из Аккона. Было много и таких, которые не успели в свое время окончить сборов и отплыли позже; одни из них долгое время боролись с встречным ветром, а другие, скитаясь по морю в течение четырех недель и даже больше, пристали, наконец, с большим трудом. Архиепископ Реймса и епископ Лиможа, оба удрученные годами, остались в Акконе. Этот последний заплатил скоро свой долг природе; а первый, сев на корабль вместе с крестоносцами, чтобы возвратиться домой, умер в пути.

Во время нашей высадки, как я о том только что говорил, какой-то фриз, поставив правое колено на землю, а левой рукой потрясая стальное зеркало рабыни, пустил им в сарацина, игравшего на берегу, и поразил его насмерть. Навстречу нам выступило только небольшое число сарацин. Один из них пал вместе с лошадью, другие обратились в бегство, и мы беспрепятственно раскинули лагерь между морским берегом и р. Нилом. Господь сделал для нас и другое чудо, не менее важное. В минуту нашего прибытия мы могли черпать пресную воду в Ниле у самого его слияния с морем, впоследствии нам часто случалось

нравственного упадка западного общества; и, наконец, в третьей излагает историю Пятого крестового похода, или осады Дамиетты. Многие полагают, что эта третья книга не принадлежит нашему автору и составляет письмо Оливера Схоластика, написанное им своим согражданам, жителям Кёльна, которые играли важную роль при взятии Дамиетты; но автор положительно упоминает в своем прологе о третьей книге, и, кроме того, ее содержание во многих местах буквально сходится с сохранившимся письмом Якова из Витри в Лотарингию, где он описывает также взятие Дамиетты.

Так как Дамиетта скоро была отнята у христиан, и западные народы совершенно охладели к Крестовым походам, то Яков Витрийский, огорченный неудачами, сложил с себя звание епископа, удалился в Италию и умер там епископом Тускулана и кардиналом Римской церкви.

Издания: книги I и II изданы у *Bongars*. Gesta Dei per Francos, I, 1047–1145 с.; книга II – у *Gretser.* Hortus crucis, III. Переводы: франц. у *Guizot*. Coll. XXII, с предисловием.

находить одну соленую воду даже выше, поднимаясь до того здания, которое отстоит от Дамиетты почти на одну милю.

Несколько времени спустя после прибытия христиан произошло солнечное затмение, почти полное. Хотя такие явления бывают почти всегда при полнолунии и по причинам весьма естественным, ибо и Господь сказал (Лук., XXI, 25): «И будут знамения в солнце и в луне», мы объясняли это затмение к невыгоде сарацин, полагая, что оно должно предвещать поражение тех, которые верят в силу луны и приписывают большое значение ее росту и убыли. У Квинта Курция сказано, что когда Александр Македонский, этот молот вселенной, переправился из Греции в Азию для борьбы с Дарием и Пором, случилось лунное затмение в то самое время, когда он строил войско в боевом порядке; Александр объяснял это обстоятельство в пользу греков и к невыгоде персов, и, удвоив таким образом храбрость своих людей, повел их в битву и победил Дария.

Посреди течения Нила стояла башня, которую следовало нам взять, чтобы переправиться через реку. Фризы, нетерпеливые по своему нраву, бросились с другой стороны, отняли стада у сарацин и, желая утвердиться лагерем на противоположном берегу, стали крепко и вступили в борьбу с сарацинами, которые вышли из города для отражения их. Но они должны были из повиновения возвратиться, ибо наши князья считали неудобным оставить в тылу башню, занятую язычниками и наполненную агарянами (арабами). Между тем герцог Австрийский и госпитальеры св. Иоанна изготовили на двух судах две лестницы. Немцы и фризы укрепились на третьем корабле и построили небольшую башню на вершине мачты, не приставляя к ней лестницы. Ими предводительствовал и управлял граф Адольф из города Монса, муж благородный и могущественный, брат кёльнского архиепископа, который умер перед Дамиеттой еще до взятия этой башни. Лестницы герцога и госпитальеров были приставлены во время празднования дня св. Иоанна Крестителя, в первое последовавшее воскресенье; и сарацины сделали страшные усилия к сопротивлению. Лестница госпитальеров была сломана и пала вместе с мачтой и теми воинами, которые стояли на ней; лестница герцога была одинаково разбита и почти в тот же самый час; отважные рыцари, которые стояли на ней, облеченные в полное вооружение, пали только своим телом, но их души, увенчанные славой мученичества, поднялись к небу. Египтяне, исполнившись радости, разразились великим смехом и великими криками, били в барабан и трубили в трубы; в то же время христиане были поражены горем и печалью. Между тем корабль тевтонов, бросив якорь между башней и городом, причинял большой вред египтянам при помощи своих стрелков и в особенности вредил тем из неприятелей, которые занимали мост, перекинутый с башни в город. Со своей стороны неприятели сильно нападали на этот корабль как из города, так с башни и моста, и бросали в него греческим огнем. Наконец, этот огонь занялся; христианам предстояла опасность сгореть, и те, которые защищали корабль, работали с жаром и успели потушить пожар; после того этот корабль, унизанный стрелами внутри и извне, на башне, построенной вверху мачты, и в своих снастях, был наконец отведен на прежнее место к величайшей чести христиан. Другой корабль тамплиеров, снабженный такими же укреплениями и державшийся во время приступа постоянно возле башни, имел существенные повреждения.

Видя тогда, что мы не можем овладеть башней ни при помощи своих камнеметательных орудий, которые мы напрасно употребляли в дело в течение многих дней, ни посредством обложения ее, так как река имела большую глубину; ни голодом, ибо город был близок к ней; ни посредством подкопов, так как вода доходила до самых стен; но в то же время, действуя на глазах Господа и повинуясь ему, как своему строителю, мы взяли два корабля у немцев и фризов, не без труда связали их вместе, прикрепив надежно друг к другу при помощи бревен и канатов, с тем, чтобы они не могли качаться; и потом поставили на этих кораблях четыре мачты и столько же рей (те перекладины, которыми укрепляются паруса). На вершине мачт мы поместили башню, твердо укрепленную при помощи реек и прочных плетенок, чтобы она

могла выдерживать действие неприятельских машин. Башня была обита медью извне и сверху для предохранения ее от греческого огня; а под башней мы построили лестницу, которая была привязана и вместе привешена толстыми канатами и которая выдавалась на тридцать локтей впереди носа. Окончив все эти различные работы в короткое время и весьма счастливо, мы пригласили знатнейших людей в армии посмотреть, нет ли каких-нибудь недостатков, которые могли бы быть восполнены деньгами или человеческим искусством; когда же нам отвечали, что еще никогда не было видано такой деревянной работы на воде, то мы сочли полезным подвергнуть ее испытанию. Между тем мост, которым проходили враги из города в башню, был почти совершенно разрушен машинами, действовавшими постоянно против него.

В шестой день недели, которая предшествует празднику св. Варфоломея, мы вышли с босыми ногами и с полным благочестием вместе со всеми своими соотечественниками с целью совершить процессию в честь св. креста. Помолившись уничиженно о помощи свыше, чтобы отклонить от дела Господня всякое чувство ревности и тщеславия, мы пригласили к участию в своем предприятии людей всех наций, какие только находились в нашей армии, хотя число немцев и фризов было совершенно достаточно, чтобы наполнить корабли и управлять их движением. В день св. Варфоломея (24 августа), что пришлось в пятницу, вода в Ниле сильно прибывала, но несмотря на все препятствия со стороны течения, мы успели, не без больших затруднений и даже опасности, подвести свою машину с того места, где она была отстроена, к самой башне. Корабль, помогавший нам в этом предприятии, выступал впереди, идя на парусах. Между тем духовенство оставалось на берегу с босыми ногами и обращало к небу свои мольбы. Когда мы достигли земли, наш двойной корабль не мог быть направлен к западному берегу; поднявшись вперед, мы пристали к северной стороне и успели наконец укрепить наши канаты и якоря, несмотря на силу течения, которое пыталось оттолкнуть нас. Враги устроили над городскими башнями шесть машин, и даже более, чтобы действовать против нас; но уже в начале одна из этих машин была разбита и доведена до бездействия; другие после нескольких ударов... (пропуск в манускрипте): но некоторые бросали в нас беспрепятственно камни, падавшие градом. Корабль, стоявший впереди и у подножия башни, был вне всякой опасности. Греческий огонь, бросаемый на близком пространстве, с высоты башни, расположенной на реке, и издалека, с городских башен, падал на него подобно молнии, и мог внушить ужас. Однако, усердно работая, мы успели потушить его уксусом и песком. Между тем патриарх распростерся во прахе перед древом креста, и все духовенство, облеченное в ризы, стояло с босыми ногами на берегу и поднимало крики к небу.

Рыцарь XIII в. в одежде крестоносца. По миниатюре из рукописи XIII в. Лондон. Британский музей

В это время защитники башни при помощи копий успели вымазать маслом верхнюю часть лестницы, потом покрыли ее «грече-

ским огнем», и она немедленно воспламенилась; христиане, стоявшие наверху, прижались к одному месту, чтобы спастись от огня, и обременили своей тяжестью один конец лестницы, так что подвижной мост, прилаженный впереди, опустился. Знаменосец герцога Австрийского упал с лестницы, и сарацины захватили знамя. Христиане, стоявшие на берегу, сошли с лошадей, распростерлись на земле с мольбами к небу, и их крепко стиснутые руки и исказившиеся черты лица свидетельствовали об отчаянии, испытываемом ими за тех, которые подвергались стольким опасностям на столь глубокой реке... (пропуск в манускрипте) и всего христианства. При таком доказательстве живейшего благочестия народа, когда все поднимали руки к небу с мольбами, Божественное милосердие дозволило поднять лестницу; слезы верующих потушили пламя, и наши, возвратив себе свои силы, напали на защитников башни и мужественно бились мечом, копьем, палицами и всяким другим оружием. Какой-то юноша из епархии Люттиха вступил первый на башню. Другой фриз, весьма молодой, держа в руке цеп, который он изготовил для битвы, связав его накрепко веревкой, поражал этим оружием направо и налево и, опрокинув того воина, который держал желтое знамя султана, овладел этим знаменем. Другие тотчас последовали за первыми и восторжествовали над врагами, которых они считали столь твердыми и столь страшными, пока они сопротивлялись. О, неизреченное милосердие Божие! О, восторг невыразимой радости христиан! После горя и печали, после слез и рыданий, какую мы увидели радость, какое торжество! Мы запели «Te Deum laudamus; Benedictus Dominus Deus Israel» и другие благодарственные песнопения; мы повторяли тысячу раз громогласно хвалы Господу, и обильные слезы слились с восторгами сердца.

Между тем сарацины, удалившись в нижнюю часть башни, подложили огонь извне и сожгли всю обшивку; наши, хотя и были победителями, но не могли вынести такого страшного пожара и возвратились на свою лестницу. Мост, который был поставлен в нижней части нашей машины, обрушился и упал к подножию башни в глубину вод, которые окружали его со всех сторон; тогда победители приступили с железными молотами к небольшой двери башни, а находящиеся за нею сарацины защищали ее со своей стороны. Между тем те два связанные корабля оставались неподвижными. Большая часть перевязок лестницы перервалась, и канаты, державшие твердо те корабли вместе, были протерты в различных местах от ударов, наносимых им машинами. Христиане оставались в таком опасном положении от девятого часа пятницы до десятого часа следующей субботы. Но канат, которым была прикреплена лестница, оставался нетронутым, равно как и та небольшая башня, в которой сидели стрелки и люди, предназначенные для ее защиты и метания камней. Наконец, сарацины, бывшие в башне, просили вступить в переговоры и сдались герцогу Австрийскому под условием сохранения жизни: другие же спасались ночью, выскакивая из окон своей узкой темницы, но большая часть их утонула или была убита на воде. В плен взято было около ста человек.

Затем автор описывает целый ряд схваток между мусульманами и христианами, которые были усилены прибытием к ним нового отряда римлян под предводительством епископа Альбано, папского легата. Христиане после взятия башни на реке стараются переплыть Нил, чтобы приступить к осаде самой Дамиетты, но мусульманский гарнизон в течение нескольких месяцев пресекает все их попытки, и только в конце декабря 1218 г., в ночь на праздник св. Агаты, усилия крестоносцев увенчались успехом.

В ночь на праздник св. Агаты, девы и мученицы, когда собрались верующие, которые должны были сделать переправу через реку на следующий день, ветер и дождь много увеличили затруднение и опасность такого предприятия; но Бог, не допуская своих людей подвергнуться испытанию сверх сил, обратив взор на лагерь своих служителей и возобновив чудеса своего могущества, сделал легким и приятным то, что при обыкновенном ходе событий было бы трудно и даже невозможно. В полночь Господь поразил султана и его сатрапов столь великим страхом, что они, возложив всю надежду на бегство, оставили ла-

герь, о чем не знали ни мы, ни египтяне, которых они построили в боевой порядок для сопротивления нам. Какой-то апостат, который уже давно оставил христианскую веру и сражался вместе с султаном, приблизившись к берегу, закричал по-французски: «Что вы медлите? Почему остаетесь на месте? Султан ушел». При этих словах он просил принять его на небольшое судно христиан, чтобы тем засвидетельствовать истину своих слов, и отдался в наши руки. С рассветом, когда в христианских молельнях началась обедня, отправляемая в день того праздника песнопением «Gaudeamus omnes in Domino», то известие пришло к легату, королю и всем другим. Вследствие того, пока египтяне были заняты бегством, наши, соперничая друг с другом, перешли весело реку, не встретив никакого препятствия со стороны неприятеля и не пролив ни одной капли крови. Но дно реки было весьма илисто и глубина вод до того затруднила переправу на неприятельский берег, что лошади с трудом добрались до него, несмотря на то, что всадники предоставили им свободу и сняли с них седла. Тамплиеры вскочили первыми на лошадей, подняли свое знамя и, двинувшись с несколькими братьями госпиталя св. Иоанна и небольшим числом светских рыцарей, пустились вскачь по направлению к городу и были остановлены только у лагеря язычников; встретив там около 120 человек, они немедленно изрубили их. Мужественный король Иерусалима, сопровождаемый магистром и братьями госпиталя вместе с графом Неверским, бросившись преследовать неприятельскую армию и возвратившись без всяких результатов, встретил у городских ворот несколько человек проклятого племени, намеревавшихся сопротивляться ему, и напал на них с яростью, хотя и имел малочисленную свиту. Он обратил их в бегство и опрокинул, принудив столь могущественных людей показать тыл и искать спасения в городе; он преследовал их без устали своим победоносным мечом до самых городских ворот. Между тем братья госпиталя св. Иоанна и граф Неверский, не давая себе никакого отдыха и собрав несколько из наших, пустились с обнаженным мечом преследовать многочисленный отряд неприятелей по дороге, которая ведет в город Танис, одних умертвили, а других принудили броситься в воду. «Секира не прославится без секущего его, ни пила без того, кто ею пилит» (Ис., X, 15).

Какое чудо может быть сравнено с этим или поставлено рядом, кроме того, о котором мы читаем в книге Царств по поводу Бенадаба, царя Сирии, собравшего все свои войска и осадившего Самарию? Господь поразил его таким страхом, что он оставил лагерь и обратился в бегство. И точно так же, как тогда, прокаженные, стоявшие у ворот, известили самаритян о бегстве сирийцев, так и теперь один прокаженный, по крайней мере, душой, а именно апостат, о котором я уже говорил, явился объявить нашим о бегстве египтян. И как тогда народ самаритянский овладел добычей в лагере сирийцев, так и теперь наша армия захватила палатки и богатства беглецов; и братья госпиталя, будучи победителями вместе с прочими христианами, взяли себе их щиты, шлемы, железные крючья и все небольшие суда, которые они нашли на реке, ниже упомянутого здания. Большое число неприятельских воинов, покинув своих жен и детей, испуганные неожиданной переправой нашей армии, ушло из Дамиетты; самый же город был вскоре обложен нами со всех сторон и осажден с сухого пути. Наша армия была в то время разделена на два отряда: один оставался на песке, чтобы охранять как берега реки, так и гавань; другой же предназначался для осады города, который был весьма хорошо укреплен. Необходимость заставила нас также построить мост на быстрых водах р. Нила, который невозможно переходить вброд; но чем более мы нуждались в этом мосте, тем более он нам стоил расходов и трудов. Наконец, с Божьей помощью, мы устроили такой мост на прочных кораблях, которые были установлены в одну линию через реку, и таким образом мы, уничтожив гибельное для нашей армии разделение, заперли проход по реке своим врагам. Вследствие того город был обложен со всех сторон, и наша армия могла беспрестанно сообщаться с обоими берегами реки, соединенными при помощи того моста.

Небрежность и малодушие нескольких христиан, имя которых известно Господу, были причиной того, что враги, восстановив

силы и свою отвагу и вспомоществуемые Нуреддином (султаном Алеппо, внуком Саладина), который явился к ним с войском из Алеппо и с многочисленной свитой, овладели тем пунктом, на котором мы совершили столь чудесный переход. Таким образом, осаждая город, мы увидели самих себя осажденными и преданными величайшим опасностям; если бы Божественная премудрость вперед не внушила нам мысли о необходимости охранения при помощи немцев и фризов того лагеря, который мы устроили сначала между морем и рекой, то гавань была бы отнята у нас, и все наше предприятие подверглось бы большой опасности. Но чтобы чудо нашей переправы явилось во всем своем блеске и было приписано одному Богу, сарацины удвоили свое безумие. В субботу на рассвете, перед воскресеньем, когда поют: «Oculi mei semper ad Dominum», и когда мы не ожидали столь важной опасности, неприятель приблизился к нам толпой и бросился в наши окопы; но при помощи Божьей он был отбит и испытал значительную потерю в конных и пеших людях.

После того автор делает отступление и рассказывает, как в начале 1219 г. мусульмане, владевшие Иерусалимом, срыли все его укрепления и намеревались разбить Гроб Господень, но были удержаны от того своим уважением к Иисусу Христу, предписываемым Кораном. По этому поводу автор распространяется о Магомете и его учении и говорит, что мусульман следует называть только еретиками, но не сарацинами (под этим словом в то время разумели язычников). Затем он снова обращается к рассказу об осаде и борьбе с армией Нуреддина в начале 1219 г.

В Вербное воскресенье того же года (1219) наши враги после того, как они угрожали нам своим предприятием, в котором они должны были погибнуть сами или истребить нас, сделали ужасное приготовление; двинувшись с многочисленной армией конных и пеших людей, они пошли на нас и напали со всех сторон на наши окопы, в особенности же на мост тамплиеров и герцога Австрийского, который соединился с ними для защиты вместе со своими немцами. Отборные мусульманские всадники спешились и дали кровавую битву христианам; с обеих сторон было много убитых и раненых; наконец неприятели бросились на мост и сожгли одну его часть. Тогда герцог Австрийский приказал своим оставить мост и предоставить свободный проход тем, которые желали бы двинуться дальше; но неприятель не осмелился идти вперед, из страха перед нашими всадниками, которые построились в боевой порядок с целью помогать защищавшим окопы. В течение всего этого времени неустрашимые женщины приносили сражавшимся воду, камни, вино и хлеб; священники не переставали молиться, перевязывали раны христианам и благословляли Господа. В этот день нам не было дано носить других пальмовых ветвей, кроме арбалетов, луков и стрел, копий, мечей и щитов; так мы были сдавлены и страшно измучены, от восхода солнца до двенадцатого часа (то есть до вечера), теми, которые пришли погубить нас в надежде на освобождение своего города. Но, наконец, они были обращены в бегство и отступили, с немалыми потерями.

Время весенней переправы наступило. Герцог Австрийский должен был вернуться домой после того, как он верно сражался полтора года за Христа, с благочестием, уничижением, преданностью и великодушием: помимо прочих своих расходов, он дал ордену тевтонских рыцарей для войн как общественных, так и частных, большое число лошадей. Полагают, что он подарил двести марок и даже больше для покупки земли и пятьсот марок золота на постройку нового замка тамплиерам. Сверх того, герцог Австрийский дал пятьсот марок серебра в пользу того же самого замка, чтобы вывести его стены и башни.

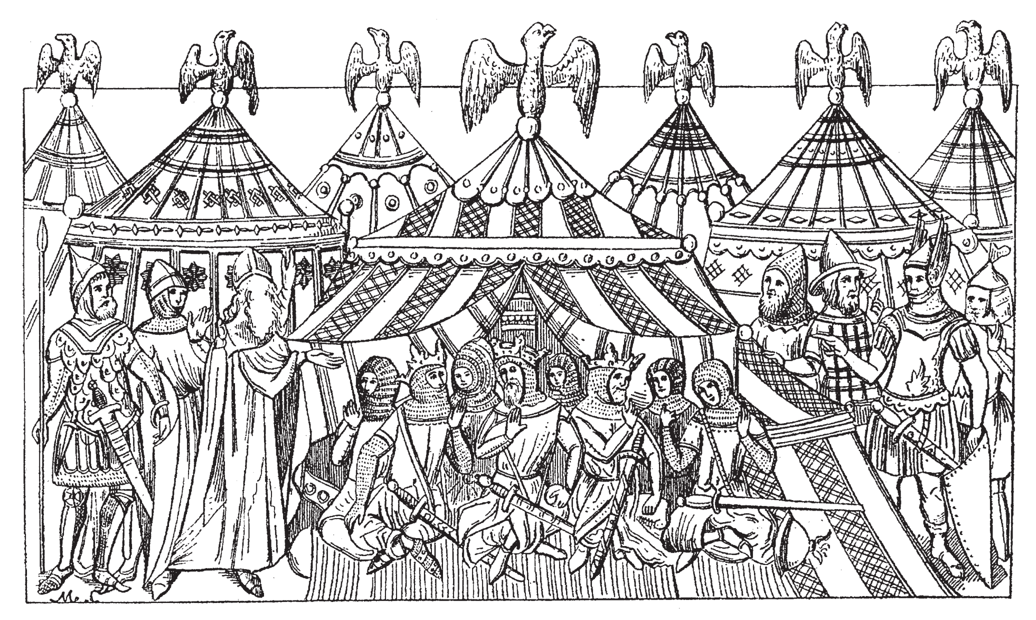
В начале мая пилигримы стали возвращаться толпами, предоставляя нас на жертву величайшим опасностям. Но наш милосердный и всеблагий Отец, наш руководитель и наша опора, щит всех тех, которые возлагают на него свою надежду, и кому легко даровать победу как с большим, так и с малым числом людей, и Иисус Христос не допустили неверных напасть на нас до прибытия новых пилигримов, которые стеклись толпами и оказали нам помощь, в которой мы так нуждались. Съестные припасы и лошади, доставленные нам по воле Божьей в изобилии, распространили радость в войске верующих.

Вероломные враги после того, как мы, сражаясь, испытали большие потери, в день Вознесения Господня напали на нас, по своему обычаю, с суши и моря. Они возобновляли несколько раз подобные попытки, но не могли ничего сделать нам. Часто они приближались к самому нашему лагерю, чтобы вызвать наших, и если им удавалось причинить нам зло, то и мы платили им тем же. Однажды наши пешие люди захватили труп вероломного врага, облекли его в оружие, как живого человека, установили на ногах, привязав к туловищу отрубленную голову за волосы, выставили труп за лагерем, почти на расстоянии полета копья от сарацин, которые разъезжали по равнине. При виде этого семь сарацин выехали вперед и бросились к трупу, желая вызвать тем христиан, но заметив вскоре, что голова отрублена и держится одними волосами, они отступили перед христианами, которые собрались, чтобы напасть на них.

Далее автор описывает в том же роде многочисленные стычки, которые происходили между христианами и мусульманами под стенами Дамиетты, – от мая до начала ноября 1219 г.; вспомогательная армия Нуреддина не могла принудить христиан снять осаду, а между тем христиане успели довести город до самого отчаянного положения.

К тому времени (то есть к ноябрю 1219 г.) город Дамиетта, доведенный до отчаяния сверх всякого вероятия или описания, как продолжительностью осады, так мечом, голодом и страшной чумой, возложил всю свою надежду на мир, который был обещан султаном. Голод дошел до того, что не было никаких съестных припасов, кроме порченого хлеба. В Египте зерно сохраняется недолго вследствие мягкости грунта, на котором оно произрастает; впрочем, выше Дамиетты и в окрестностях Вавилона (Каира) оно сохраняется целыми годами при помощи какого-то искусства. Мы слышали, что в ту эпоху одна айва продавалась в Дамиетте за одиннадцать византинов. Голод распространил между жителями различного рода болезни; между прочими неудобствами, которые они должны были переносить, ночью их поражала такая слепота, что они не могли ничего видеть. Султан утешал их ежедневно ложными обещаниями и таким образом удерживал от сдачи. Они завалили изнутри все ворота, чтобы никто не мог перейти к нам и сообщить, до какой степени бедствия они были доведены. Если кому удавалось уйти потаенным проходом или спуститься с высоты башни при помощи веревок, то его распухшее и истомленное голодом тело говорило нам красноречиво о той степени бедствия, до которой были доведены его соотечественники. Сарацины, нападавшие на нас из своего лагеря и из окрестности, начали равномерно испытывать недостаток в хлебе и корме. Нил, который обыкновенно поднимается от праздника св. Иоанна Крестителя до Воздвижения Креста и заливает в это время всю равнину, не достиг нынешний раз своей обычной высоты, к которой привыкли египтяне, и мы полагаем, что вследствие того большая часть земель осталась ненаводненной и потому не могла быть в свое время ни обработана, ни засеяна.

Тогда султан, опасаясь дороговизны припасов и голода и желая в то же время удержать за собой Дамиетту, заключил со своим братом Конрадином (Маиск-Аль-Муадам-Шарфеддин, племянник Саладина и владетель Дамаска и Иерусалима) договор, в силу которого они должны были возвратить нам св. крест, отнятый у нас Саладином, св. город Иерусалим, всех пленников, которые окажутся в живых во владениях Вавилона (Каира) и Дамаска, дать нам сверх того достаточную сумму денег для возведения стен Иерусалима, наконец восстановить нам в целости королевство Иерусалимское, удержав за мусульманами только два замка, Крак и Монреаль, за которые султан предложил платить дань в течение всего перемирия. Эти два замка, расположенные в Аравии, держали в своей зависимости еще семь других твердынь, и сарацинские купцы равно, как и пилигримы, отправлявшиеся в Мекку или возвращавшиеся оттуда, всегда проходили мимо этих замков; но кто владел Иерусалимом и кто имел бы при этом силу и добрую волю, тот мог сделать много зла обитателям этих укреплений и разорить их виноградники и поля.



Испанский лагерь. По миниатюре из рукописи конца XIII в. Мадрид, библиотека Эскуриала

Король, французы, граф Лейстер и немецкие вожди стояли упорно на том, чтобы все эти предложения были приняты, как полезные, по их мнению, для христианства; и, конечно, нет ничего удивительного в том, ибо они согласились бы принять условия гораздо менее выгодные, которые им предлагались прежде, если бы не воспротивились другие, по своему великому благоразумию. С другой стороны, папский легат, патриарх, все итальянские вожди и многие опытные мужи восстали с успехом против заключения подобного договора, доказывая с основанием, что прежде всего следует овладеть городом Дамиеттой.

Между тем султан тайно ввел в город большое число пеших людей, которые прошли по болотам; 240 человек между ними обратились в бегство; но пока христиане спали... (пропуск в манускрипте) вечером в воскресенье, после праздника Всех Святых (1 ноября 1219 г.) они вступили; наконец, наш караул поднял тревогу, они были преданы смерти, и мы захватили более трехсот пленников.

Ноября 5-го дня (1219 г.), когда Спаситель правил миром на земле, а епископ Альбано отправлял должность легата апостолического престола, город Дамиетта был взят вследствие наших усилий и нашей бдительности, без всякого договора о сдаче, без сопротивления, без насилия, грабежа и приступа, чтобы всякому было очевидно, что такая победа могла быть приписана одному Сыну Божию, который внушил своему народу мысль вступить в Египет и распространил свою власть над этой страной. Пока мы занимали город на глазах самого вавилонского султана, этот последний, по своему обычаю, не осмелился проникнуть за наши окопы, чтобы напасть на сподвижников Христа, которые были готовы защищаться. В то же время вода в реке значительно поднялась и наполнила наши рвы. Султан, придя в замешательство, сжег свой лагерь и бежал. Бог, собравший в третий день воду под небесами, сам отвел своих воинов по морю к гавани Дамиетте и доставил их туда в мае в третий день недели. В феврале и точно так же в третий день недели он перевел их через реку, чтобы осадить город. Мы можем сравнить Дамиетту, некогда потопленную землетрясением, «с трехлетней юницей, которая громко вопиет» (Ис., XV, 5). Мы называем ее юницей по причине ее распущенности нравов. Она имела в изобилии рыбу, птиц,

паствы, хлеб, сады и огороды; она вела обширную торговлю, занималась морским разбоем, утопала в наслаждениях и грехах и погибла в геенне. Но час суда настал... (пропуск в манускрипте). При третьем землетрясении жители погибли, но город остался в целости. Дамиетта была прежде осаждаема греками и латинами, которые оставили свое предприятие. В этот третий раз Царь царствующих и Господь господствующих предал ее в руки своих служителей, ведомых Иисусом Христом, который живет, царствует, повелевает и торжествует, который наводняет и оплодотворяет Египет, «и овладеет смущение теми, которые расчесывают лен и выделывают висон» (Ис., XIX 9).

За этим следует лирическое обращение к городу Дамиетте, в котором автор упрекает его за грехи, бывшие причиной его падения; и к жителям города Кёльна, которых автор приветствует как главных героев успеха всей осады:

Возрадуйся ты, страна Кёльна, воздай хвалы Богу, приди в восторг, ибо руки твоих обитателей, твои военные машины, твои воины и твое оружие, твои припасы и твои сокровища содействовали успеху этого похода более, нежели все остальное Германское королевство. И ты, Кёльн, город святых, сады которого дали у себя отпрыск лилиям девственниц, розам мучеников, фиалкам исповедников веры, преклони колено для прославления благочестия твоих дев и вознеси громогласно твои бесконечные благодарения!

Далее автор говорит об одной арабской книге, в которой предсказывалось взятие Дамиетты, о прибытии послов из различных стран с поздравлениями; описывает отчаянное положение жителей, измученных голодом; рассказывает, как победители разделили между собой богатства и предались пьянству и всяким порокам, как, несмотря на то, они успели овладеть соседним городом Танисом и как, в начале 1220 г., Конрадин испытал неудачу под Дамиеттой и выместил ее на Палестине. После такого отступления автор снова возвращается к крестоносцам.

По возвращении того времени года (то есть весной 1220 г.), когда короли обыкновенно отправляются на войну, Иоанн, король Иерусалима, оставил лагерь верующих, приводя многочисленные предлоги к извинению своего удаления и обещая скоро возвратиться назад; но он забыл прошлое и предался будущему, между тем как Господь разверз свою длань и наполнил гавань Дамиетты всякого рода богатствами, винами, хлебом и маслом; сверх того в Дамиетту прибыло большое число пилигримов и лошадей, как бы для того, чтобы еще более обвинить короля за то, что он не продолжал предприятия, начатого столь счастливо.

Вместе с этим шестым транспортом пилигримов явились архиепископы Милана и Крита, епископы Генуи и Реджио и послы короля Фридриха (II, Германского), которые доставили грамоты от него с золотыми печатями и возвестили о его прибытии. Также прибыл епископ Бресчии и многие итальянские рыцари. Легат, видя во всем этом особенную благодать Божественного милосердия, которое доставило все средства к обеспечению успехов дальнейшего похода, был снедаем горестью и печально смотрел на то, как бесполезно терялось время и упускались благоприятные обстоятельства. Вследствие того все знатные были призваны к совещанию, и сначала легат, а за ним архиепископ Милана и прочие епископы употребили все свои усилия, чтобы склонить к походу против султана, который стоял лагерем на берегах Нила на расстоянии одного дня пути от Дамиетты; но рыцари, посовещавшись, отвергли все эти предложения, оправдывая свой отказ главным образом тем, что король Иерусалима удалился самовольно и что между ними не было ни одного князя, который был бы в состоянии руководить народом Божиим и которому люди различных наций хотели бы повиноваться. Таким образом, все решились оставаться в покое, и через то возросли бедствия в нашем лагере. В июле прибыл граф Матвей из Апулии, ведя за собой восемь галер, из которых две были вооружены для нападения на христиан: он успел захватить их во время своего переезда.

Historia Orientalis. Libri. III. 622–1219.
Кн. III.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Возвращение Иерусалима. 1227–1228 гг.

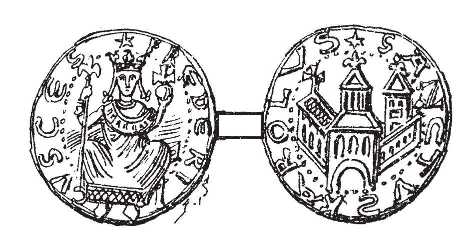
Фридрих фон Раумер

БОРЬБА ФРИДРИХА II С ГРИГОРИЕМ IX, ПЕРЕД ПОХОДОМ ИМПЕРАТОРА В ПАЛЕСТИНУ. 1227–1228 гг. (в 1857 г.)

Император Фридрих II Гогенштауфен, женившись на Иоланте, дочери и наследнице иерусалимского короля Иоанна Бриеннского, обязался еще в 1225 г. договором в Санжермано с Папой Гонорием III предпринять Крестовый поход в Палестину не позже августа 1227 г. 18 марта в 1227 г. скончался Гонорий III, а место его занял 80-летний, но энергичный племянник Иннокентия III, кардинал Гуголино, принявший имя Григория IX. Фридрих II действительно начал делать все приготовления к отъезду, но, встретив в обществе большое равнодушие, с трудом собрал деньги и людей, однако при всем том сел на корабль и отправился в Палестину. Необыкновенно жаркое лето причинило императору болезнь, и после 3 дней плавания он возвратился назад в Пуццеоли, где намеревался ваннами подкрепить свое здоровье. Между тем собранное им войско рассеялось, и главная статья Санжерманского договора должна была остаться неисполненной.

Когда Папа Григорий IX, находившийся в то время (сентябрь 1226 г.) в своем поместье Ананьи, получил известие о внезапном возвращении Фридриха II в Южную Италию, он не мог сдержать своего гнева и досады, и в силу Санжерманского договора отлучил императора от церкви 29 сентября 1227 г. Для оправдания такого решительного поступка он изложил подробно в окружном послании те отношения, в которых находился папский двор к Фридриху.

«Судно св. Петра, – писал Папа, – плывет по необъятному морю, или, лучше сказать, оно брошено на произвол всякой непогоды. Буря и волны одолевают его с такой силой, что гребцы и кормчий, обливаемые потоком дождя, едва переводят дыхание, едва могут избегнуть Харибды, едва уходят от Сциллы. Случится ли судну с попутным ветром на всех парусах торопиться в гавань, как налетает шквал в противоположном направлении, и волны, кружась, отбрасывают его снова в море. Но вода только заливает его, а не топит: ибо Господь, поселившийся на этом судне и пробужденный криками своих учеников, изгоняет злых духов, начинает повелевать морем и ветрами, и наступает тишина. Главным образом это судно одолевается бурями четырех родов: первая буря та, что вероломная шайка язычников стремится удержать в своей власти землю, орошенную кровью Христа; далее, ярость тиранов стремится к уничтожению свободы церкви; безумие еретиков хочет разодрать нераздельные ризы Спасителя; наконец, коварные козни лжебратьев поражают и наносят раны сердцу



Монета Фридриха II (1215–1250 гг.)

верующих, и церковь в то время, когда она думает вскормить на груди своей сына (Папа намекает прямо на Фридриха II, воспитанника Иннокентия III), готовит себе огнь, змиев или *василисков*[1], которые ищут своим ядовитым укусом истребить все на свете. Чтобы умертвить чудовище подобного рода, уничтожить силу врагов и укротить ярость волн, Римская церковь отдаляет ныне из недр своих императора Фридриха; она его приняла из утробы матери, вскормила своей грудью, носила на руках своих, исторгнула из рук тех, которые посягали на его душу, с чрезвычайными усилиями и пожертвованиями вырастила его и возвела в королевское достоинство (в Неаполе), а потом поставила на вершине императорского величия: и все это церковь сделала в надежде найти в нем посох защиты и опоры в преклонном возрасте. Но Фридрих заплатил церкви такой неблагодарностью!

Без разрешения Папы, без его согласия он сам по собственному побуждению принял в Германии крест, и когда Гонорий (III) пригласил его венчаться императорской короной, в противность прежнему обычаю, по которому короли обыкновенно сами просили Папу о том через знатное посольство, Фридрих повторил свой обет и даже настаивал на том, чтобы и он, и все пилигримы были отлучены от церкви, если не предпримут в условленный срок похода. Но он три раза находил предлоги к отсрочке предприятия, и Гонорий три раза, вместо того, чтобы отлучить его, соглашался на промедление за новые обещания и новые клятвы. К нему питала доверие церковь; ему доверяли пилигримы, стекавшиеся радостно и большими толпами в Брундизий. Но они не нашли там обещанных приготовлений, ни съестных припасов или прочего необходимого для похода; а так как император противозаконно отложил отплытие на самое жаркое время, то вследствие того появились болезни, похитившие самых лучших бойцов. Наконец, когда было упущено время, Фридрих отправил-

[1] Regulos, перевод с греч. βαζιλιζχος; Папа прибегнул к игре слов: василиск, то есть змей, и уменьшительное от βαζιλευς, царек; говоря так, Папа опять подразумевал Фридриха II.

ФРИДРИХ ФОН РАУМЕР (FRIEDRICH FON RAUMER. родился в 1781 г.). Это один из замечательных немецких историков. Сын агронома, Раумер родился близ Дессау. Окончив курс юридических наук в Галле, он вступил на судебное поприще и до 1811 г. занимался службой. Тогда же Раумер успел составить себе литературное имя следующими трудами: «Sech Dialoge über Krieg und Handel» (Berl., 1806); «Das Brittische Besteuerungssystem» (Berl., 1810 и др.). Две работы – «Речь Эсхина и Демосфена о венце» (Berl., 1811) и «Генеалогические таблицы арабов и турок» (Heidelb., 1811) – доставили ему кафедру в Бреславском университете. Новые труды – «Handbuch merkwürdiger Stellen aus den lateinschen Geschichtschreibern Mittelalters» (Bresl., 1813), то есть «Ручная книга замечательных мест из латинских средневековых историков», где Раумер издал в латинском подлиннике небольшие отрывки из исторических писателей Средних веков до конца XIII в.; и «Herbstreise nach Venedig» (Berl., 1816, 2 vol.) – сделали Раумера профессором политической экономии и истории в Берлинском университете, где он и читал лекции до 1861 г. Там же Раумер написал свой очередной труд, который принес ему славу – «История Гогенштауфенов и их времени», изданный в Лейпциге в 6 томах в 1823–1825 гг.; третье и последнее издание: Berl., 1857. Первая книга первого тома посвящена исключительно Востоку – от разделения Феодосием империи, 395 г., до смерти Готфрида Бульонского, 1100 г. Вторая книга делает подробный обзор истории

ся в поход, но через несколько дней возвратился, забыв при этом свои обеты, клятвы, наказание и само дело Христа, и предался обычным увеселениям в своем государстве. Так пало великое предприятие, так обманулся цвет верующих в своих надеждах; но мир не был обманут ничтожными и пустыми предлогами, за которыми укрывался император.

Нам больно то, что вскормленник церкви, возвеличенный ею сын, столь презренным образом погрузился в бездну стыда и срама, без войны и борьбы с неприятелем; а судьба несчастных пилигримов и заброшенной Святой земли лежит еще более у нас на сердце. Итак, чтобы не уподобиться немым псам и не дать мысли, что мы людей чтим более Бога, мы произнесли отлучение над императором. Впрочем, уповая на милосердие Божие, которое никому не желает погибели, мы надеемся, что это спасительное средство откроет ему духовные очи. Принеся покаяние, он, возлюбленный нами с первых дней своей юности, легко найдет у нас прощение: но в случае упорства его ожидают тягчайшие наказания, чтобы он понял, что заповедь Господня стоит выше произвола императора»...

Еще до получения этого послания Фридрих II отправил к Папе епископов города Реджио и Бари и Райнольда Сполетского с тем, чтобы они рассказали ему все дело и оправдали его; но Григорий IX или не верил словам, или считал открытую вражду лучше сомнительной дружбы, или наконец просто хотел следовать более своим прежним планам, нежели новым соображениям, и 11 ноября, а потом в день Рождества 1227 г. подтвердил произнесенное им отлучение. Фридрих, которого, конечно, встревожило первое отлучение Папой, разосланное по всем концам христианского мира, не сдался однако, ибо ему не удалось легко и скоро примириться со своим соперником, и со своей стороны разослал грамоту с опровержением; после объяснения предшествовавших событий, он продолжает следующим образом:

«Я не прибегал к пустым предлогам, как в том меня упрекает Папа, и без всякого дурного намерения не отправился в поход, но именно потому что – Бог тому свидетель – меня постигла тяжкая болезнь. Это служит оправданием моего последнего промедления, а все прежние условия, отсрочки и т. п. не требуют новых для себя оправданий, ибо Папа, этот строгий блюс-

---

Германии в первой половине XI в. до Второго крестового похода Конрада III, 1146 г. Наконец, в третьей книге изложена история Палестины – от Готфрида Бульонского до конца Второго крестового похода и смерти Конрада III, 1152 г. Второй том посвящен истории Германии – от вступления Фридриха I Барбароссы до смерти его сына Филиппа I (1152–1209 гг.). Третий том продолжает историю Германии, прерывая правление Фридриха II нападением татаро-монголов (1209–1241 гг.). Четвертый том заканчивает историю Германии при последних Гогенштауфенах; автор останавливается на казни Конрадина и смерти Людовика IX Святого (1241–1270 гг.). Пятый и шестой тома составляют самую важную часть всего труда, где автор весьма обстоятельно излагает государственность Германии в XII и XIII вв., ее экономические условия, интеллектуальное развитие, образ жизни и нравы, наконец рассказывает о положении церковного общества, его отношении к мирянам, о монастырях и т. д.

К другим замечательным трудам относятся: «Geschichte Europas seit dem Ende des XV Jahrh», 1832–1850. Bänd. I–IX; «Briefe aus Paris und Frankreich» (Leipz.,1830, 2 vol.); «Vorlesungen über die alte Geschichte» (Leipz., 1847., 2 vol.); «Die Vereinigten Staaten von Nordamerica», 1845., 2 vol.; «Briefe aus Frankfurt und Paris» (Berl., 1849, 2 vol.). Последний труд автора находится в зависимости от той политической позиции, которую он занимал во время последней революции в Германии, когда Берлин избрал его членом во Франкфуртский парламент, а Иоанн, викарий империи, отправил его в Париж послом от Германского сейма.

титель, согласился на них и принял их во внимание. Упоминая о том злоумышленно, он может обмануть только незнающих, но не найдет в том справедливого основания упрекать меня. Мое же частое повторение обетов и мое настоящее слово свидетельствуют только о твердости и неизменности моего намерения; но скоро само дело рассеет всякое сомнение и ясно обнаружит: действительно ли у Папы так лежит на сердце благосостояние Святой земли преимущественно перед всем прочим или они более всего думают о том, как погубить меня?

Я сознаюсь неохотно, но и не могу скрыть, что надежда обманула как многих, так и меня. По-видимому, приближается конец мира, ибо любовь, всем управляющая и все содержащая, начинает иссякать, и не только в побочных ручьях, но в самом своем источнике, не только в отпрысках, но и в самом дереве и в его корне. Разве несправедливое отлучение папами графа Тулузского (во времена альбигойских войн) и других князей не подавило их до того, что они впали в рабство? Разве не Иннокентий III побудил английских баронов к восстанию против их короля Иоанна (Безземельного), как против врага церкви? Но когда смирившийся король подчинил постыдным образом и себя, и свое государство Римской церкви, Папа, желая с нечестивой жадностью насладиться муками страны, предал всякому поруганию и даже смерти тех самых баронов, которых прежде поддерживал и возбуждал, отложив при этом в сторону всякий стыд перед людьми и всякий страх перед Богом. Вот римский образ действия, и я испытал его на самом себе. Под сладкими речами, где мед льется на мед, масло на масло, чтобы тем обольстить и склонить, скрывается ненавистный кровопийца, и римский двор – неужели это истинная церковь! – называя себя моей матерью и кормилицей, она действует, как мачеха, и потому может быть названа началом и корнем всякого зла. Ее послы ходят постоянно по всем землям и вяжут, решают, наказывают произвольно; при этом они имеют в виду не сеять и возрастать истинные семена слова Божия, но, как волки в овечьей шкуре, стремятся поработить освобожденных, потревожить миролюбивых и повсюду выжимать деньги. Они не щадят ни св. церквей, ни убежище убогих, ни жилище праведных, которые созданы нашими предками в простоте и благочестии их сердца. Та первая церковь, которая произвела на свет стольких угодников, была основана на бедности и невинности, и другого основания, кроме Господа нашего Иисуса Христа, никто не может ни найти, ни положить. Теперь же, когда латинская церковь утопает в богатстве, опирается на него, зиждется им, надобно опасаться, чтобы не обрушилось все ее здание! Если Римской империи, предназначенной к охранению христианства, будут угрожать враги и неверные, император схватится за меч и будет знать, чего требуют его честь и звание; но если отец всех христиан, преемник апостола Петра, наместник Христов, забыв, что мы спасли одного из его преемников от рук Оттона (IV, Вельфа), возбудит против нас врагов повсюду: на чтó мы должны тогда надеяться? Что начать? Разве в наше время люди, отвергнутые и неблагородные, не простирают своих грязных рук к королевским и императорским титулам? Папы хотят перевернуть весь мир, чтобы видеть у ног своих императоров, королей и князей. Теперь и мы знаем, чего Папа добивается от нас, и от подданных не сокрыто, насколько они могут рассчитывать на помощь церкви, если они вздумают отречься от повиновения законной власти. А потому весь мир должен соединиться к ниспровержению этой неслыханной тирании и к уничтожению всеобщей опасности: ибо никто не избежит погибели, если забудет или опустит помочь несправедливо угнетенному; знай: если огонь обхватил стену соседа – дело идет о тебе (tua res agitur)».

Так выражал император, в порыве негодования и сознавая свои силы, те убеждения, которые в нем сложились и укрепились; они стояли в прямом противоречии с основоположениями господствовавшей церкви, и потому речь могла идти не о примирении, а о перемирии на время. На дне всего продолжал господствовать разрыв, и через все события той эпохи тянется непре-

Оттиск печати Фридриха II (1215–1250 гг.). С акта в городском архиве Франкфурта-на-Майне

рывно борьба *за независимость государства от церковной власти*. Этот мотив слышится везде, и император не хотел, да и не мог, обойти задачу своего времени. Каковы бы ни были мнения отдельных личностей об этом предмете, борьба представлялась ему возвышенной и задача в высшей степени важной: дело шло не о каком-нибудь второстепенном, личном недоумении или о ничтожном споре за право, которое легко было бы устранить перестановкой слов, но о предмете, который должен был иметь влияние на судьбу целого человечества, подготовить и установить будущее грядущих веков.

При прямом противоречии показаний историков трудно вполне удовлетворительно разъяснить в ссоре Папы с императором тот второстепенный факт, из которого Папа делал обвинительный пункт, а Фридрих II приводил его в свою защиту, а именно: болезнь императора. Но, приняв в соображение многое из предыдущего и последующего, мы можем прийти к следующим, в высшей степени правдоподобным заключениям. Император, оставаясь верным своему слову, желал похода, но под условием иметь к тому достаточную силу и полную уверенность в успехе; а потому, в случае недостаточных средств к войне, он, отложив в сторону фанатизм и религиозную ненависть, весьма охотно вступил бы даже в переговоры с мусульманами, если бы только мог этим путем достигнуть желаемой цели. Но против такого умеренного взгляда на дело восстали все те, которые считали вечную войну с неверными первой обязанностью христианина. Фридрих не хотел и не мог разделять такое убеждение даже и тогда, когда крестоносцы собрались в Брундизи и Гидрунте, сверх всякого ожидания, в большом числе. К сожалению, большинство их было весьма невоинственно и, сверх того, нуждалось во всем; кораблей, съестных припасов и денег было недостаточно, несмотря на то, что император позаботился о всем этом сверх того, к чему его обязывали договоры с Папой. Его противники, сознавая все это и видя, что открывшиеся в войске болезни были естественным последствием жаркого времени, тем не менее, однако, утверждали, что император имел намерение приказать отравить Людовика VI, туринского ландграфа, между тем как такое преступление, помимо всякой нравственности, не могло иметь никакой цели и было бы простым безумием. Не более основательно было сомнение в собственной болезни Фридриха, в высшей степени вероятной при том положении дел; он сам свидетельствовал о ней торжественно, и по-видимому, сами папские послы подтверждали ее. Что императору его болезнь была кстати, при ежедневном уменьшении численности его армии, что, может быть, он и без болезни возвратился бы под тем или другим предлогом – это совершенно другой вопрос. Если Григорий отвечал и на него утвердительно, то в таком случае ему не следовало обвинять императора в публичной лжи, через что ссора могла бы только принять весьма дурной оборот. Притом по Санжерманскому договору Фридрих II сам себя осуждал на отлучение без всяких оговорок, если только он не отправится в Палестину в августе 1227 г., он считался бы отлученным даже прежде, нежели Григорий успел бы издать свою буллу; Фридрих должен был обвинять одного себя, что этот необдуманный договор не оставлял ему ни-

какого исхода и не допускал никакого извинения, но осуждал безусловно. А потому Григорий сделал ошибку, произнеся отлучение не в силу одного договора, но приводя специальные доводы тому, на что он имел полное право; между тем он без всякой нужды коснулся извинений императора и провозгласил их ложью. Потому император был вправе считать себя оскорбленным, и дело пошло не о том, что могло бы его извинять, а о том, справедливо ли то, на что император сослался.

В пользу Фридриха говорила та искренность, с которой он действовал на пользу Крестового похода, как прежде, так и ныне. Так, он отправил послом к египетскому султану архиепископа Палермо; граф Фома из Аквино и Ацерры еще осенью 1227 г. благополучно прибыл в Палестину с частью пилигримов; все вассалы землевладельцы государства были приглашены доставить к весне или людей, или деньги. Несмотря на все это Папа запретил всем прелатам и духовным под страхом отлучения доставлять что бы то ни было императору; таким строгим и несвоевременным запрещением Папа восстановил против себя и мирян, которые и без того были мало расположены к его духовной власти, и благочестивых защитников Крестового похода. Даже некоторые из духовных считали несправедливым повиноваться в этом случае Папе, другие же просто боялись императора, а многие, желавшие воспользоваться тем распоряжением Папы, увидели себя в затруднительном положении, когда Фридрих объявил папскую буллу ничтожной и вместе с тем приказал отобрать у них их наложниц, ссылаясь при этом на необходимость следовать строго в этом отношении предписаниям церкви. Вскоре и сам Папа почувствовал на себе всю тяжесть вражды с императором.

Еще весной 1227 г. Фридрих, помогая жителям Рима, страдавшим от голода, отправил в их пользу значительный груз с хлебом и другими различными средствами, чем доказал им свое расположение. В настоящую же минуту посол императорский, Роффрид Беневентский, с согласия сената и народа, прочел громогласно на Капитолии оправдательное письмо Фридриха, и через то увеличил еще более число его приверженцев. У могущественной фамилии Франджипани, которая никогда не была расположена к папам, император купил их имение и отдал им же в лен безденежно. Вследствие того, Франджипани стали во главе друзей императора и громко порицали поступок Папы. Когда же Григорий, не обращая на то ни малейшего внимания, во второй день Пасхи, 27 марта 1228 г., еще раз произнес в церкви св. Петра отлучение над императором, освободил его подданных от присяги и лишил его владений в Апулии, сначала раздался ропот, потом крики, брань и хула, так что Папа, с трудом избежав личных оскорблений, должен был бежать через Риети в Перуджию.

В это же время Фридрих торжественно отпраздновал в Бароли Пасху; до него дошли слухи, что граф Фома Ацеррский одержал победу и что султан Дамаска Моаттам умер. Вследствие того император повелел маршалу Ричарду сесть на суда с 500 рыцарей и сделал все приготовления к собственному отплытию. В народном собрании под открытым небом, так как ни одно здание не могло вместить в себе всех присутствовавших, были обнародованы и клятвой подтверждены следующие пункты, как последние распоряжения императора: «Все сословия и подданные обязуются жить мирно и по закону. Герцог Райнольд Сполетский назначается наместником. Если император умрет в походе, то ему наследует старший сын Генрих, а потом Конрад; если же не будет их, ни других родственников по мужской линии, то власть переходит к законным дочерям».

Устроив, таким образом, все внутри, приготовив флот и войско, Фридрих внезапно лишился императрицы Иоланты, вследствие ее болезни от родов. Но это обстоятельство не удержало Фридриха от исполнения его намерений; он сел на корабль 28 июня 1228 г., и после благополучного плавания пристал сначала к Кипру, а потом, 7 сентября, высадился в Акконе.

Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zer. Leipz. 1857. III, 184–192.

Матвей Парижский

ПОХОД ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА II В ПАЛЕСТИНУ. 1228–1229 гг. (в 1259 г.)

Автор одного из первоклассных исторических произведений Средних веков – «Великой истории Англии» – составил громадный сборник замечательных событий, связанных между собой только одним хронологическим порядком и относящихся не только к истории Англии, но и к судьбам других стран, начал свою хронику с 1066 г., когда Вильгельм Нормандский завоевал Англию (см. начало этой хроники, от 1066 г. до 1088 г., и о ее авторе выше), и остановился на 1259 г. Проходя год за годом, автор достигает 1228 г. и записывает сначала королевские указы о правильном весе и мере, потом рассказывает о смерти одного барона Рожера Тони, который по настоянию брата, опоздавшего приехать вовремя, снова ожил, чтобы объяснить ему, какие муки его ожидают за участие в турнирах; затем следуют заметки о вновь избранных епископах на различные престолы; далее внесена булла Григория IX, отлучающая императора Фридриха II от церкви, и ответное письмо отлученного; рассказано о восстании жителей Рима против Папы, сочувствовавших императору[1]*; о победе герцога Тулузского над войсками французского короля – эпизод из Альбигойских войн; о смерти Стефана, архиепископа Кентерберийского; о вторжении жителей Валлиса в Англию и неудаче, испытанной при этом английским королем Генрихом III. Таким образом, мало-помалу, автор достиг июня 1228 г., и потому от дел валлийских перешел прямо к походу Фридриха II в Палестину.*

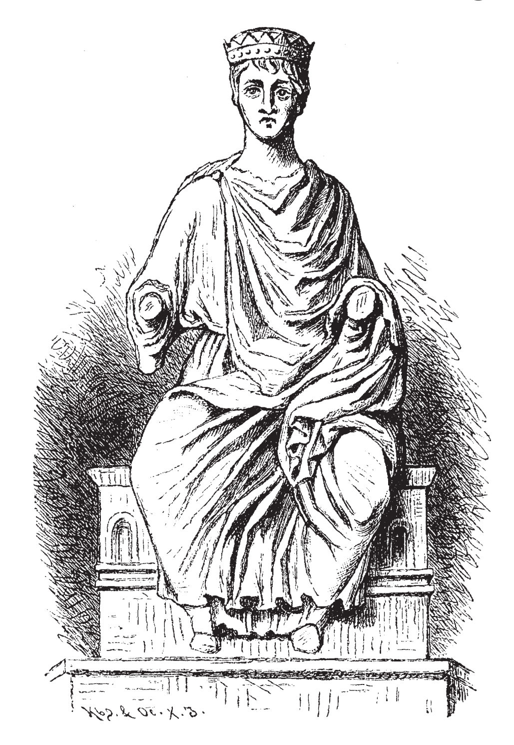
1228 г. В том же году (то есть когда валлийцы сделали нападение на Англию) император Фридрих (II) отправился по Средиземному морю, чтобы исполнить данный Богу обет странствования. Он пристал к Аккону (Птолемаида) накануне дня Рождества блаженной Девы Марии (7 сентября). Духовенство и тамошний народ вышли навстречу и приняли его с почестью, как то и подобало столь великому государю. Но, зная, что он отлучен Папой, они не хотели иметь с ним сообщения и не целовались с ним, не садились за один стол: все предлагали ему дать Папе удовлетворение и вступить в единение церкви. Иоанниты и тамплиеры оказали ему все знаки уважения, став перед ним на колени; они обнимали его колени, и вся армия верующих, собравшаяся под Акконом, воздала славу Господу по случаю посещения ее императором в надежде, что от него будет спасение Израилю. Тогда император, обращаясь ко всему войску, горько жаловался ей на римского первосвятителя, произнесшего над ним несправедливый приговор, и уверял, что его поход на помощь Св. земле был только им отложен по поводу тяжкой болезни, которая его задержала, и многих других дел, важных для всего христианства. Между тем вавилонский султан (Египетский), узнав о прибытии Фридриха в Сирию, отправил к нему многочисленные и богатые дары золотом, серебром, шелковыми тканями, бриллиантами, верблюдами, слонами, медведями, обезьянами и другими удивительными предметами, которых мы не видим на Западе. Во время своей высадки под Акконом император был встречен вождями и руководителями христианской армии – герцогом Лимбургским, иерусалимским патриархом, архиепископами Назаретским, Цезарейским и Нарбоннским, английскими епископами Винчестерским и Эксетерским, великими магистрами Иоаннитского ордена и тамплиеров, которые стали во главе 800 рыцарей и около 10 тысяч пеших людей, собравшихся туда со всех концов вселенной. Пилигримы, воодушевленные одинаковым энтузиазмом, укрепили Цезарею и другие замки самым удовлетворительным образом. Им оставалось восстановить укрепление в Иоппе и затем отправиться к св. городу. Император, получив сведения о состоянии Палестины, одобрил план пилигримов: они изготовили все необходимое для похода, и армия тронулась вперед с торжеством, предводительствуемая самим императором. Они прибыли благополучно к Иоппе за 17 дней до декабрьских календ (13 ноября). Но все запаслись весьма мало провиантом, так как

---

[1] Эти последние события из борьбы Фридриха II с Папой изложены на основании показаний нашего автора и других источников у Раумера (см. выше). Они случились еще в 1227 г., но автор заносит их в хронику под 1228 г., вероятно, не по ошибке, а потому что папская булла и письмо императора достигли Англии только в 1228 г.

нельзя было, идя сухим путем, обременить животных так, чтобы достало пропитания для людей и лошадей на большое время. В гавани Аккона были заготовлены корабли с этой целью; но в минуту отправления флота с грузом, назначенным для содержания армии, поднялась буря, расходились страшные волны, и пилигримы Христовы остались без съестных припасов целых семь дней. В то время многие боялись, чтобы Господь в своем гневе не стер с лица земли своего народа. Но несказанное милосердие Божие, которое никого не испытует сверх его сил, смягчилось воплями и слезами верующих. Бог повелел ветрам и морю остановиться, и настала тишина. Действительно, вскоре многочисленный флот, ведомый Богом, пристал к Иоппе и выгрузил огромное количество хлеба, ячменя, вина и всякого рода продуктов, так что войско не чувствовало более недостатка ни в чем, пока не укрепило вышеназванного города; а эта мера была вызвана обстоятельствами.

В этом же году (1228) в Англию прибыл архиепископ Великой Армении с целью посетить останки угодников и святые места Английской земли, как им было уже совершено в других государствах. Он представил духовным и прелатам церкви письмо от государя Папы, в котором Папа просил принять его с уважением и обходиться с ним почтительно. Явившись в Сент-Альбанс, чтобы помолиться первому мученику Англии (св. Альбану, замученному при Диоклетиане в 303 г.), он был встречен с почетом самим аббатом и всем монастырем. Там он остановился, утомленный странствованием, с целью подкрепить себя и своих спутников, и начал через переводчиков расспрашивать с любопытством о церемониях, обрядах и роде жизни в Англии, рассказывая, в свою очередь, изумительные особенности Востока. В разговоре один из монахов, сидевший подле него, спросил, празднуют ли в его стране зачатие блаженной Марии; он отвечал: «Да, празднуют, и вот на каком основании: она была зачата после того, как ангел объявил о том Иоакиму, который сетовал, живя в пустыне. То же должно сказать о зачатии блаженного Иоанна Крестителя, и по той же причине;



Фридрих II (1215–1250 гг.). Статуя, некогда установленная возле Римских ворот в Капуе. Впоследствии была сброшена и повреждена. Позже помещена в Капуанский музей

относительно же зачатия Господа, возвещенного ангелом Марии, которая зачала от Духа Святого, никто из верующих не может и сомневаться».

Итак, эти три зачатия празднуются в Армении, как он уверял в том и подтверждал вышеизложенными доводами. Между прочим, его спросили также о знаменитом Иосифе, о котором часто толкуют в народе; он жил во время страстей Спасителя, говорил с ним и до сих пор живет, как свидетель христианской веры. Архиепископ отвечал на это подробным изложением дела; а по его словам, один антиохийский рыцарь, находившийся в его свите в качестве переводчика и известный Генриху Спигурнелю одному из друзей аббата, перевел все сказанное им и передал на *французском* языке (из этого видно, что в XIII столетии язык господствующего класса в Англии был еще французский):

«Мой владыка знает хорошо этого человека, еще перед самым отправлением его в западные страны Иосиф обедал за столом архиепископа, который и прежде часто видал его и говаривал с ним». Тогда его спросили, что же произошло между этим Иосифом и нашим Господом Иисусом Христом, и он продолжал: «Во время страстей, когда Иисус Христос, схваченный евреями, был отведен в преторию к Пилату для суда, и евреи яростно обвиняли его, Пилат, не найдя никакой причины предать его смерти, сказал им: ”Возьмите его и судите по вашему закону”; но так как евреи все более и более неистовствовали, то Пилат, по их требованию, освободил Варраву, и предал Иисуса на распятие. Когда евреи влекли Иисуса из претории, *Картафил*, придверник претории Понтия Пилата, воспользовался минутой, когда он проходил дверью, и с презрением ударил его кулаком в спину, сказав при этом с насмешкой: ”Иди же, Иисус, иди скорее: чего ты ждешь?” Иисус обратился к нему и, взглянув строго, сказал: ”Я иду, а ты *будешь ожидать,* пока я снова не приду”: или, как позже передал то евангелист: ”Сын человеческий идет, по сказанному о нем в Писании, а ты подождешь моего прибытия”. И этот Картафил, которому было во время страстей Господних около 30 лет, живет и до сих пор, находясь в том ожидании, как сказал Спаситель. Всякий раз, когда он достигает ста лет, на него находит неизлечимая болезнь, похожая на обморок, потом он выздоравливает, возвращается к жизни и видит себя в том же возрасте, какой он имел в эпоху страданий Христа, так что о нем можно справедливо сказать вместе с псалмопевцем: ”Моя юность возобновляется, как юность орла”. Когда католическая вера распространилась повсюду после крестной смерти Господа, этот Картафил был крещен и получил имя Иосифа от Анании, который крестил блаженного апостола Павла. Обыкновенно он проживает в обеих Армениях и других восточных странах, обращаясь с епископами и другими прелатами церкви. Это человек благочестивый и набожный, говорит мало и неохотно, и беседует только с епископами и благочестивыми людьми, которые предлагают ему вопросы. Тогда он начинает рассказывать о старых делах и о том, что происходило в эпоху страдания и воскресения Христа. Он говорит и о свидетелях этого воскресения, то есть о тех, которые сами воскресли вместе с Христом, пришли в святой город и являлись многим; о символе апостолов, их разлуке и проповеди; и при этом он никогда не улыбается и не произносит легкомысленных слов, которые могли бы вызвать осуждение или упрек, ибо он всегда в слезах и страхе Господнем, помышляя с трепетом о пришествии Иисуса Христа, который придет среди грома и молний судить мир; он боится испытать на себе гнев в день Страшного суда, сознавая, что он заслужил справедливую месть Господню, надсмеявшись над ним, когда он шел на страдание. Множество людей приходят к нему из отдаленных стран и находят удовольствие в том, чтобы взглянуть на него и побеседовать с ним; если это люди достойные уважения, он отвечает коротко на вопросы, предлагаемые ими. Он отказывается от всяких подарков и довольствуется пищей самой умеренной и самой простой одеждой. Однако он имеет надежду на спасение, потому что совершил грех по незнанию, и на основании того, что сказал Спаситель в своей молитве: ”Отче, прости им, ибо они не ведают, что творят”. Сам Павел, прегрешивший по неведению, заслужил благодать. То же должно сказать о Петре, который отрекся от Господа по непостоянству или по страху. Но Иуда, предавший Спасителя неправдой или корыстью, растерзал свои внутренности и, повесившись, кончил свою жалкую жизнь без всякой надежды на спасение. Рассуждая так, Картафил не теряет надежды на милосердие Божие и на возможность получить прощение за свой проступок»[1].

Архиепископу предлагались еще и другие вопросы о ковчеге Ноя, который, говорил он, как остановился, так и теперь еще стоит на горах Армении; спрашивали и о многих других предметах. Он на все отвечал утвердительно, свидетельствуя о спра-

---

[1] Весь этот рассказ так напоминает живущую и до сих пор легенду о «вечном жиде», что нельзя не признать в нем ее древнейший источник.

ведливости таких рассказов; а так как это было лицо уважаемое, правдивость которого подтверждалась письмом от Папы, то его слова произвели впечатление на слушателей и его рассказы, по-видимому, носили на себе печать истины. Впрочем, это все такие предметы, которых никто не может заподозрить в выдумке; притом это было подтверждено знаменитым рыцарем и доблестным воином Ричардом Аргентинским, который вместе с другими лично посещал, как благочестивый пилигрим, восточные страны, и впоследствии умер епископом.

Далее следует еще небольшое отступление о смерти двух епископов в Англии и о приглашении, которое получил Генрих III, король Английский, в начале 1229 г., от владетелей Аквитании, Гаскони, Пуату и Нормандии, чтобы явиться во Францию и напасть на французского короля.

1229 г. Около того же времени (то есть когда Генрих III получил то приглашение) Папа Григорий (IX), негодуя на то, что император Римский (Фридрих II) отправился в Св. землю, будучи отлученным и мятежным, был крайне недоволен тем, что он желал покаяться и удовлетворить церковь, чтобы войти в ее единение. Потому, видя его упорство и неповиновение, Папа решил свергнуть его с императорского престола и возвести на его место другого, который был бы для св. престола сыном мира и послушания. Но так как я не мог навести других справок относительно достоверности этого факта, то и помещаю здесь письмо графа Фомы, которому император, отправляясь в поход, поручил вместе с другими управление и защиту империи. Его письмо, писанное по этому поводу и отправленное к императору в Сирию, было доставлено мне пилигримом, достойным всякой веры:

«Великому государю Фридриху (II), Божией милостью императору римлян и Августу, могущественному королю Сицилии, *Фома*, граф Ацерры, его преданный вассал, желает здравия и победы над врагами!

После вашего отплытия, пресветлейший государь, римский первосвятитель Григорий, открытый враг вашего величества, собрал многочисленную армию, во главе которой поставил Иоанна Бриеннского, бывшего короля в Иерусалиме, и других именитых воителей. Он вступил с оружием в руках на вашу землю и землю ваших вассалов и, в противность закону христианскому, решил победить вас вещественным мечом, не имея возможности как того желал, поразить вас мечом духовным. Поименованный Иоанн, собрав многочисленное рыцарство из Франции и соседних земель, домогается быть императором, если только ему удастся вас свергнуть и платить жалованье своим войскам из апостолической казны. Иоанн и другие вожди римских войск вошли таким образом с вооруженной силой на вашу территорию и во владения ваших вассалов. Они предают огню здания и деревни, обращают все в добычу, уводят стада, всячески мучат своих пленных и вынуждают их внести за себя выкуп. Они не различают полов; кто находится вне церкви или кладбища, делается их жертвой; они овладевают бургами и замками, не обращая внимания на то, что вы служите Христу. Если кто-нибудь заговорит об императоре, то Иоанн Бриеннский замечает, что кроме него нет другого императора. Ваши друзья, пресветлейший император, приходят в ужас от всего этого, и особенно духовенство вашей страны, которое спрашивает, по какому праву и с какой совестью римский святитель действует подобным образом и идет войной на христиан, когда Спаситель сказал Петру, намеревавшемуся ударить мечом вещественным: "Положи меч твой в ножны: ибо кто поднимет меч, от меча и погибнет". В то же время все удивлялись, что тот, который почти ежедневно отлучает от церкви разбойников, поджигателей и других палачей христианства, дает теперь согласие на подобные покушения и подкрепляет их своим авторитетом. Позаботьтесь, могущественный император, я вас умоляю, о собственной безопасности и о вашем достоинстве: ибо ваш враг, Иоанн Бриеннский, занял все гавани по морю и снабдил их лазутчиками и вооруженными людьми с тем, чтобы в случае вашего возвращения захватить вас и посадить в темницу; да сохранит вас от того Бог!»

Следует большое отступление по поводу драки студентов в Париже с жителями, которая повлекла за собой временное закрытие университета, и по поводу вопроса о назначении нового архиепископа Кентерберийского: Папа не утверждает избранного английским духовенством и назначает другого, который обязался согласиться на сбор десятины, чтобы помочь Папе в борьбе его с императором.

В этом же самом году (1229) наш Господь Иисус Христос, спаситель и утешитель рода человеческого, осыпал милостью своих людей. Благодаря молитвам вселенской церкви он возвратил христианам вообще и императору Фридриху в особенности святой город Иерусалим и всю землю, которую Господь, Сын Божий и наш Искупитель, освятил своей кровью. Действительно, Господь оказал милость своему народу и возвысил смиренных; народы были отомщены, и сарацины разделились вследствие междоусобий. В ту эпоху вавилонский султан был до того занят внутренними войнами, что не мог устоять против новых нападений и принужден был заключить с императором перемирие на 10 лет, уступив христианам Св. землю без всякого кровопролития. Читатель же, желающий ближе познакомиться с этим благодеянием Божеского милосердия, может прочесть нижеследующее письмо императора римлян (Фридриха II), которое он послал к королю Английскому Генриху (III), приложив золотую печать:

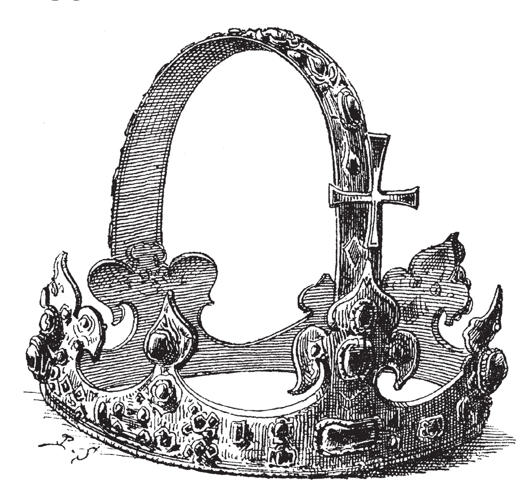
«*Фридрих*, Божьей милостью император римлян и Август, король Иерусалима и Сицилии, своему возлюбленному другу Генриху (III), королю Англии привет и искреннюю любовь!

Да возрадуются и восторжествуют все о Господе, и те, сердце которых право, да превозносятся! Бог, желая доказать свое могущество, не гордится ни конями, ни колесницами. Так и ныне он составил себе славу малым числом людей, да познают все, что он славен величеством, грозен блеском, дивен советом в делах детей человеческих, изменяет времена своим соизволением и может сделать из всех народов один народ; в небольшое число дней он доставил чудом, а не человеческой храбростью, успех походу, который с давних времен не могли привести к окончанию многие князья и сильные мира, несмотря на их многочисленность, громадность сил, страх, который они внушали, и средства, которыми располагали. Но чтобы не мучить дольше ваше любопытство многословием, я желаю доложить вашей милости (sinceritati), что мы возложили все наше упование на Бога и были уверены, что его Сын, Иисус Христос, на служение которому мы с таким самоотвержением жертвовали телом и душой, не покинет нас в столь отдаленных и неизвестных странах; напротив, мы имели убеждение, что он наделит нас советом и спасительной помощью чести своей ради, славы и хвалы. Мы отправились из Аккона с полной доверенностью к его имени, 15-го дня прошедшего ноября, и прибыли благополучно в Иоппе с намерением восстановить укрепление этого города, как то было необходимо, с тем, чтобы открыть, как нам, так и всему христианскому народу не только самый легкий, но и самый короткий и безопасный доступ к св. городу Иерусалиму. В то время, когда мы находились в Иоппе с верой и надеждой на Бога и занимались тщательно возобновлением замка, как того требовали обстоятельства и дело Христа, и пока мы и все пилигримы заботливо трудились над предприятием, послы от нас к вавилонскому султану, и от него к нам ходили взад и вперед беспрерывно. Султан же этот и другой султан, его брат по имени Ксафат держались подле города Газы с многочисленной армией и отступили от нас на один день пути. С другой стороны, в городе Сихеме, называемом обыкновенно Неаполем (Наплуза) и расположенном в долине, султан Дамаска, их племянник, держал наготове бесчисленное множество конницы и пехоты и находился от нас и от христиан равномерно на один день пути. После долгих прений с обеих сторон о возвращении Св. земли Иисус Христос Сын Божий смотрел с высоты небес на наше благочестивое терпение и терпеливое благочестие и, сострадая в своем милосердии к нам, устроил так, что вавилонский султан возвратил нам св. город Иерусалим, это место, где ступала нога Христа, это место, где почитатели истинной веры поклоняются Отцу в духе и истине. Желая довести до ва-

шего сведения все подробности этой уступки, я извещаю вас, что не только возвращен нам сам город, но и вся страна, которая лежит между Иерусалимом и Иоппе, так что на будущее время пилигримы могут свободно посещать Гроб Господень и возвращаться без всякой опасности. При этом заключены следующие условия: а именно, сарацины этой страны, оказывая большое уважение в Иерусалиме тому храму, к которому они часто делают странствование для молитвы и отправления своих обрядов, получают от нас право свободного доступа туда на будущее время, но мы оставили за собой определение их числа; кроме того, они должны являться туда без оружия, не жить в городе, но за городом, и по окончании молитвы немедленно удаляться. Далее, они уступают нам город Вифлеем и всю землю между этим городом и Иерусалимом, город Назарет и всю землю между Назаретом и Акконом; также всю провинцию Торон, весьма широкую, пространную и чрезвычайно полезную для христиан; наконец, город Сидон, или Саид, с окрестностями и прилегающей страной. Владение последним городом будет тем более важно для христиан, что до сих пор сарацины извлекали из него большие выгоды для себя. Действительно, Сидон представляет собой превосходную гавань, откуда все отправляется в Дамаск и из Дамаска очень часто в Вавилон (Каир), как то – оружие и необходимые съестные припасы. Хотя по договору нам дозволено отстроить город Иерусалим так, как того не было до сих пор, равно и замок в Иоппе, Цезарее, Сидоне и замок св. Марии Тевтонской, который начали строить братья этого ордена на горе, соседней Аккону, и чего они до того времени не могли никогда выполнить, но сам султан обязался не строить никакого здания, ни замка, пока не окончится срок перемирия, заключенного с нами на 10 лет. Это перемирие было подтверждено клятвой с обеих сторон, в 18-й день февраля, в воскресенье, когда Христос, Сын Божий, воскрес из мертвых и когда ему поклоняются во всей вселенной в память того воскресения. Поистине казалось, что этот день для нас и для всех сиял так, как он сиял во время пения ангелов: "Слава в вышних Богу и на земле мир, к человекам благоволение". Признавая столь великое благодеяние и честь, которую даровал нам Господь в своем милосердии, несмотря на наше ничтожество, и в противность ожиданиям многих, к вечной своей славе, и желая лично в самом святом месте принести ему в жертву нашего агнца лобзания, мы вступили в Иерусалим вместе с прочими пилигримами, которые верно исполнили свое служение Христу, в субботу, 17 марта. Немедленно, и как то подобает католическому императору, мы благоговейно преклонились перед св. Гробом; на следующий день мы венчались короной, которую всемогущий Господь вознамерился дать нам с высоты своего трона, возвеличив нас чудесным образом над всеми князьями мира и допустив до столь важного достоинства, которое нам, впрочем, принадлежало и прежде, как титул, и все это для того, чтобы все знали, что рука Господа участвовала в этом деле. А так как все дела его милосердны, то последователи православной веры да поведают и расскажут всему миру, что тот, кто благословен во все века, посетил, искупил свой народ и утвердил для нас звучную трубу спасения в доме своего отца Давида. Наконец, перед оставлением св. города Иерусалима мы предположили возобновить самым великолепным образом его башни и стены и желаем этим заняться с такой заботой и старанием, что и в наше отсутствие работы будут продолжаться так, как бы мы находились на месте. А чтобы наше письмо дышало до конца радостью, чтобы конец его соответствовал началу и чтобы новый восторг овладел вашей царственной душой, мы прибавляем в заключение, что султан обязался в непродолжительном времени возвратить нам всех пленных, которые еще не отданы, подобно тому как он должен был сделать по договору, заключенному между ним и христианами в эпоху падения Дамиетты (1219 г.), равно и других, взятых в плен с того времени.

Дано в святом городе Иерусалиме, 17-го дня марта, в год Господень 1229-й.

Вот форма золотой печати императора: с одной стороны – его изображение и вокруг надпись: *Фридрих, Божией милостью*



Императорская корона. Позолоченное серебро. Украшена драгоценными камнями. XIII в.

император Римский и Август. Над правым плечом изображения императора надписано: *Король Иерусалимский*; а над левым: *Король Сицилийский*. На другой стороне изображен город, представляющий Рим, и вокруг написано: *Рим, столица мира, держит бразды вселенной*. Императорская печать была несколько больше папской.

Когда, как мы сказали уже выше, христианская армия вступила в Иерусалим, патриарх и подведомственные ему епископы очистили храм Господень, церковь Гроба, св. Воскресения вместе с другими церквами и почитаемыми местностями города, вымыли пол и стены св. водой, сделали процессии и пели гимны и песнопения. Наконец, все места, оскверненные прикосновением неверных, были возвращены Богу. Но пока отлученный от церкви император оставался в стенах города, ни один из прелатов не хотел служить обедни. Наконец, Галтер из братии ордена проповедников, родом англ, человек благочестивый, разумный, скромный и хорошо сведущий в Священном Писании, получивший от Папы назначение говорить проповеди крестоносцам, чем он составил себе славу и что он исполнял некоторое время, отслужил обедню в загородных церквах. При этом он еще более воспламенил благочестие верующих и расположил их окончательно к служению Богу, умершему на кресте. После того все прелаты, значительные и незначительные, и остальное духовенство получили свои церкви и прежние владения: все были в восторге от божественных даров, которые превзошли их ожидания, и занялись единодушно вместе с прочими пилигримами постройкой городских стен и исправлением с большими издержками рвов, башен и укреплений. Так трудились не только в св. городе Иерусалиме, но и в прочих городах и замках этой земли, которую наш Господь Иисус Христос освятил божественными стопами и ознаменовал своей преславной кровью. Восторг христиан был так велик, что, казалось, утехи неба сошли на землю.

Но когда, благодаря Бога, все дела были устроены таким образом, сатана, этот старый мастер расколов и несогласий, пришел в зависть и внушил то же чувство обитателям той страны, и преимущественно тамплиерам и иоаннитам, которые, завидуя славе императора, сделались еще более дерзкими, опираясь на ненависть, которую питал к нему Папа. Они уже знали, что Папа сделал нападение на императора с оружием в руках. Желая, чтобы последний великий успех был приписан исключительно им, которые получают со всего христианства несметные богатства, предназначаемые исключительно на защиту Св. земли, но вместо того поглощаемые ими для себя и исчезающие в какой-то бездонной пропасти, тамплиеры и иоанниты вероломно и изменнически дали знать вавилонскому султану, что император имеет намерение отправиться к реке, в которой Христос был крещен Иоанном Крестителем; что он пойдет пешком в шерстяном одеянии, сопровождаемый немногими и тайно, для смиренного поклонения в тех местах следам Христа и его Предтечи, которого не затмил величием ни один сын женщины; и, наконец, что султан может при этом или схватить, или умертвить императора, как то ему вздумается. Султан, получив это извещение и заметив, кроме того, что письмо запечатано известной ему печатью, проклял вероломство и измену христиан, и в особенности тех из них, которые носят духовную одежду и знак

креста; призвав двух своих самых близких и благоразумных советников, он сообщил им все дело, показал письмо, при котором висела еще печать, и при этом воскликнул: «Вот какова верность христиан!» При виде этого письма его советники отвечали ему после долгого и зрелого размышления: «Государь, между нами заключен теперь добрый мир: нарушение его будет делом постыдным; чтобы пристыдить христиан, пошлите это письмо с висящей при нем печатью к самому императору. Вы сделаете из него себе большого приятеля, ибо услуга, подобная настоящей, немаловажна». Приняв этот совет, султан отправил письмо к императору и сообщил ему все подробности тех козней, о которых мы говорили. Между тем, как все это происходило, император, которого уже успели предупредить лазутчики, деятельные и ловкие, сначала колебался, не смея верить, что его единоверцы могли устроить против него такие козни. Но в минуту его нерешительности к нему прибыл посланный султана и доставил письмо, не оставлявшее никакого сомнения относительно той измены. Император, довольный тем, что ему удалось уйти из расставленных сетей, благоразумно затаил свое неудовольствие до того времени, когда настанет час мести, и вместе с тем сделал все приготовления, необходимые для возвратного пути в свое государство. Таково было происхождение ненависти между императором с одной стороны и тамплиерами и иоаннитами – с другой: впрочем иоанниты в этом деле были менее виновны и преступны, нежели тамплиеры. С той поры сердце императора было связано с сердцем султана неразрывными узами дружбы и любви. Они заключили между собой тесный союз и посылали друг другу дорогие подарки. Между прочим обратил на себя особенное внимание слон, препровожденный султаном императору. Тамплиеры, иоанниты и их сообщники, узнав, что странствование императора к р. Иордан отложено, поняли, вследствие того и по другим признакам, что их хитрость не имела никакого успеха. Тогда они склонили на свою сторону иерусалимского патриарха, который, говорят, написал следующее письмо с целью обесславить императора:

«*Герольд*, патриарх Иерусалимский, всем верным во Христе шлет привет о Господе!

Если вполне разобрать, от начала до конца, образ действия, которому следовал император в нашей заморской стране, и как чудовищно он поступал во вред делу Христову и с презрением к христианской вере, то во всей его особе, с пят до конца волос на голове, нельзя будет найти ничего разумного. На самом деле, он явился сюда отлученным от церкви, ведя за собой едва сорок рыцарей, и то без всяких средств; без сомнения, он рассчитывал пособить своей нищете за счет жителей Сирии. По прибытии на Кипр он захватил Иоанна Ибелина без соблюдения всяких приличий и с ним вместе его детей, которых он пригласил будто бы для рассуждения о делах Св. земли и позвал их к себе, обедать. Затем, он же задержал короля (Кипрского), как пленника, несмотря на то, что этот был приглашен им же самим, и таким образом, насилием и обманом он наложил руки на его государство. После того он явился в Сирию. Вначале император обещал на словах наделать чудес; но между тем как его хвастовство обольщало сердца простых людей, он отправил немедленно послов к вавилонскому султану для мирных переговоров. Это обстоятельство сделало его презренным в глазах султана и его язычников, особенно потому, что они хорошо знали ничтожные силы императора, которых нечего им было опасаться. Между тем он отправился с христианской армией к городу Иоппе под предлогом заняться его укреплениями, а на деле, чтобы находиться ближе к султану и тем удобнее вести переговоры о мире или перемирии. Чем же это кончилось? После долгих и тайных совещаний, не посоветовавшись ни с кем из туземцев, он объявил неожиданно, что мир с султаном заключен. Никто еще не знал содержания этого мира или перемирия, как император уже поклялся соблюдать его условия. Насколько этот договор пагубен и до какой степени он изменяет интересам христианства, вы можете судить сами, рассмотрев те из его параграфов, которые я счел полезным доставить вам в копии. Император, гордясь своим сло-

вом, ограничился только тем, что дал свое слово султану и получил взамен то же самое. Между прочим он возвестил, что святой город сдан ему, и он войдет в него накануне того воскресенья, когда поют: «Очи мои» и т. д. На следующий день он вступил в церковь Гроба, в противность всем правилам и обычаям, так как он был отлучен, и возложил корону на голову, к явному ущербу чести и величества императорского; между тем сарацины продолжали удерживать в своих руках храм Господень и храм Соломона, а закон Магомета, как и прежде, был дозволен публично, к немалому стыду и горю пилигримов. Потом, в следующий понедельник, император, обещавший несколько раз укрепить город, оставил город на рассвете дня, ни с кем не простившись, между тем как братья тамплиеры и иоанниты предлагали ему свое посильное содействие, если он, сообразно обещанному, займется укреплением города. Но он, мало заботясь об исправлении зла и видя, что овладение Иерусалимом было делом неважным, так как город в настоящем его положении не мог ни защищаться, ни сопротивляться, ограничился одними разговорами и в тот же день отправился в Иоппе вместе со своими людьми. В следующее воскресенье, когда поют: «Возрадуйся, Иерусалиме», он прибыл в Аккон, где склонил жителей на свою сторону, дав им некоторые привилегии, чтобы тем заслужить их расположение. Знает Бог, к чему он действовал так, но последствия обнаружили все. Когда наступило время плавания, все пилигримы, малые и большие, считая свой обет исполненным, так как они посетили св. Гроб, вознамерились, по общему согласию, оправиться назад. Но так как мы не заключали никакого перемирия с султаном Дамаска, то и видели в этом то, что пилигримы бросили Св. землю на произвол судьбы. Находясь в таком опасном положении, мы решились для общего блага устроить конницу на счет денег, которые составляли благочестивые пожертвования блаженной памяти французского короля. Император, узнав о том, дал нам знать, что он удивляется нашим приготовлениям, так как у него заключено перемирие с султаном Вавилона. Мы ему отвечали, что железо еще остается в ране, ибо с султаном Дамаска нет мира, ни перемирия, и оба эти султана имеют различные мнения по этому предмету. Далее мы говорили, что, несмотря на вавилонского султана, султан Дамаска может нам причинить еще много зла. На это император отвечал, что, сделавшись раз королем Иерусалима, он не может позволить вооружения конницы без своего согласия или совета. А мы ему в ответ на это говорили, что, к нашему величайшему сожалению, мы не можем, не подвергая опасности своей души, обращаться к нему по этому или по какому-нибудь другому делу, ибо он отлучен от церкви. На этот раз император оставил нас без ответа; но на следующий день он созвал через глашатая всех пилигримов, находившихся в Акконе, приглашая их собраться за городом, прелаты же и духовные получили особые письма, в которых они созывались на морской берег. Император явился туда лично и начал горько жаловаться на нас, причем клевета следовала за клеветой. Потом он напал на великого магистра тамплиеров, человека всеми уважаемого, и старался различными обвинениями, ни на чем не основанными, публично очернить его славу; он хотел на других свалить свои собственные промахи, которые были слишком для всех очевидны. В заключение он прибавил, что к ущербу его власти и к великому неудовольствию мы позволяем себе содержать на своем жалованье конницу. Вследствие всего того он приказал всем рыцарям, к какой бы нации они ни принадлежали, немедленно оставить Св. землю, если им дороги их жизнь и имущество, прибавив сверх того графу Фоме, которого он намеревался оставить наместником в Палестине, чтобы он телесно наказывал всякого, кто останется, несмотря на запрещение, но так, чтобы наказание одного сделалось страшным уроком для многих. Объявив таким образом свою волю, он не принял никаких извинений и, не выслушав ответа на все сказанные им низости, удалился. Немедленно, по его приказанию, у городских ворот были поставлены стрелки с приказанием выпускать тамплиеров из города, но не впускать назад. Сверх того, он распорядился поместить

Турнир в XIII в. Резьба по слоновой кости. Крышка шкатулки. Равеннская библиотека

стрелков у входа в церкви на всех возвышенных местах города, особенно у моего дворца и у дома тамплиеров. Знайте же, что он никогда не показывал такой вражды и сарацинам, ни такой ненависти и озлобления. Ввиду такой явной вражды с его стороны мы сочли за лучшее собрать прелатов и пилигримов и отлучить от церкви всех тех, которые будут поддерживать императора словом или делом против церкви, тамплиеров и других духовных и пилигримов. Но император, придя оттого еще в большую ярость, приказал строго охранять все входы и запретил допускать с съестными припасами ни к нам, ни к тем, которые были вместе с нами; везде были расставлены стрелки, не щадившие ни нас, ни тамплиеров, ни пилигримов. К довершению своих злых умыслов, узнав, что некоторые из ордена проповедников и миноритов собрались в Вербный день в известное место для проповедания слова Божия, он приказал стащить их с кафедр, волочить по земле и бичевать, как разбойников. Но, видя, что он ничего не выигрывает от нашего осадного положения, он предложил наконец мир; мы отвечали, что не хотим и слышать о мире, если он прежде того не удалит своих стрелков и не возвратит нам свободы и имущества в том виде, как то было до его вступления в город. Он кончил тем, что уступил; но так как обещанное не было выполнено, то мы и наложили на город запрещение. Тогда, видя, что его злоба встречает себе отпор, он не хотел даже оставаться в Св. земле. Желая разорить нас вконец, он тайно приказал снести на корабли весь запас оружия, который хранился с давнего времени в Акконе для обороны Св. земли, и бóльшую его часть отправил своему другу султану Вавилона. Потом он отправил на Кипр нескольких рыцарей с поручением исторгнуть у его жителей значительную сумму серебра; но, что превышало всякую меру, он истребил все суда, какие только мог достать. Узнав о том, мы сочли за лучшее постараться отклонить его от такого намерения. Но он, смеясь над нашими представлениями и угрозами, отправился тайно в день апостолов Иакова и Филиппа (30 июня) через слободу, отделенную от города, к гавани. Там, сев на судно и не простившись ни с кем, он отплыл к Кипру, оставив Иоппе совершенно беззащитным. Наконец, он уехал; дай Бог, чтоб и не возвращался! Наместники султана немедленно запрети-

ли бедным христианам и сирианам выходить за городские стены; таким образом, множество пилигримов должны были приостановиться отправлением. Вот те злодеяния – есть много и иных хорошо всем известных, их мы предоставляем рассказать другим, – которые были совершены императором к вреду Св. земле и собственной душе: дай, Господи, нам, в твоем милосердии, облегчение наших нужд. Будьте здоровы!»

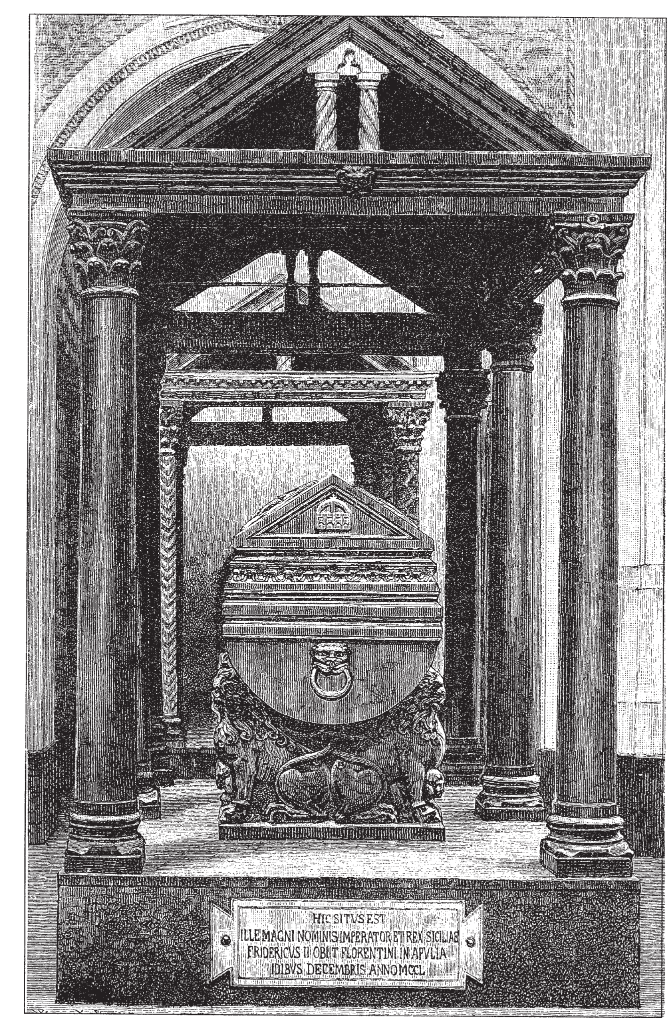
Это письмо, дойдя до Запада, запятнало имя императора и лишило его дружбы многих людей. Папа обнаружил тогда тем большую ревность к низложению его и тем большую жадность получить себе деньги, которые ему были обещаны (то есть для войны с Фридрихом II).

Около того же времени в Англию прибыл Стефан, капеллан государя Папы и нунций при английском короле. Он явился для сбора десятины, которую обещали государю Папе послы вышеупомянутого короля в Риме, для поддержания предпринятой войны против императора римлян (Фридриха II). Папа получил сведение относительно многих ненавистных и противных христианскому закону поступках вышепоименованного императора. Он изложил их письменно и обнародовал при помощи апостолических посланий в различных странах света. Главным образом, Папа упрекал его в том, что он, будучи отлученным, вошел в церковь св. Гроба в Иерусалиме; собственноручно короновался там перед главным алтарем: воссел в короне на патриарший стул и говорил перед народом, прикрывая свои низости и обвиняя Римскую церковь в том, что она была несправедлива к нему; далее, он упрекал ее с наглостью и дерзостью в ненасытной корысти и симонии; потом вышел из церкви, сопровождаемый своими телохранителями, и, не имея при себе никого из лиц духовных, шел так с короной на голове до самого дома иоаннитов. К этому Папа присоединял: «Император дал в своем дворце, в Акконе, пир сарацинам и заставил христианских женщин танцевать и играть перед ними. Утверждают даже, что все это сопровождалось постыдным развратом. Он заключил договор с султаном; но никто, кроме него, не знал условий заключенного мира. Теперь довольно ясно доказано, насколько то можно судить по его внешним поступкам, что он предпочитает закон магометанский нашей вере, во многих случаях он даже следует обрядам того служения. В грамоте, которой они обменялись с султаном и которую по-арабски называют mosepha, было договорено, что во время перемирия он, Фридрих, будет помогать султану против всех христиан и сарацин, и султан обязывается со своей стороны к тому же. Он ограбил каноников св. креста в Акконе и лишил их доходов, которые они получали с гавани. Он же лишил имущества архиепископа Никосии на Кипре. Светской властью он оказал покровительство епископу в Сирии, который был поставлен отлученным еретиком и преследуем патриархом. Он же лишил каноников св. Гроба всех приношений, делаемых этому Гробу, патриарха – приношений на Голгофе и Лобном месте, и каноников храма – доходов с этого храма. За все это брат во Христе Галтерий отлучил его в Иерусалиме, и вместе с ним его сообщников. В Вербный день он постыдным и насильственным образом согнал с кафедры братьев ордена проповедников, дерзко обошелся с ними и заключил в темницу. За несколько дней до страстей Христовых он запер патриарха, епископов Винчестерского и Экзетерского, также и тамплиеров в их домах и, видя свое бессилие, удалился со срамом».

Опираясь на такие и им подобные доводы, государь Папа объявил недействительным все распоряжения императора в Св. земле и старался возбудить против него войну, при этом он уверял, что для веры христианской будет весьма полезно и справедливо лишить императорского достоинства столь жестокого преследователя религии; он вызвал страшное гонение против своей матери-церкви, и это преступление было ненавистнее всего остального; он овладел ее замками, землями и владениями и, как общественный враг, держит их в своих руках по настоящее время.

Около этого времени, когда Стефан, капеллан и нунций государя Папы, изложил перед королем Англии, в чем состоят же-

лания Папы и предмет его посольства, король созвал в Вестминстере, в то воскресенье, когда поют: «Милосердие Господа» и т. д., архиепископов, епископов, аббатов, тамплиеров, иоаннитов, графов, баронов, церковных ректоров и всех своих вассалов, чтобы они явились в назначенный день и в назначенное место для выслушивания вышеупомянутого требования (то есть десятины для войны Папы с императором) и для постановления определения, сообразно с обстоятельствами. Когда все сошлись, как клерики, так и миряне, и их подчиненные, Стефан прочел громогласно в присутствии всего собрания послание государя Папы, которым требовалась десятина со всего движимого имущества в Англии, Ирландии и Валлисе, обязательная для светских и духовных, с целью поддержать Папу в его войне с императором Римским Фридрихом (II). Он писал в этом письме, что предпринял эту войну один во имя вселенской церкви, которую император, отлученный и мятежный, старался истребить, как то доказано несомненным образом; что средства св. апостольского престола недостаточны для усмирения императора и что Римская церковь, вынужденная необходимостью, молить своих детей о помощи, которая дозволила бы ей привести к желаемому концу войну, во многих отношениях начатую с успехом. Наконец, в заключение государь Папа старается убедить всех членов Римской церкви, как прирожденных детей ее, матери всех церквей, помочь ей всеми силами, имея в виду, что если она – чего Боже избави – погибнет, то и члены пропадут вместе с головой. Таковы были доводы, изложенные ясно в послании государя Папы. После того Стефан убеждал всех присутствовавших дать их согласие, указывая на честь и выгоды, которые достанутся на долю тех, которые исполнят требование Папы. Но король Англии, в котором все надеялись найти опору и защиту (против папских притязаний), оказался, как того и можно было ожидать от него, тем водяным растением, которого концы колют всякого, кто доверится им. Он, как мы сказали выше, обязался через тех, которые действовали от его имени в Риме, заплатить десятину: ему нельзя было отпереться от своих слов, а потому он молчал, и его молчание было принято за одобрение. Но графы, бароны и все светские отказались решительно от взноса десятины, не желая предавать своих ленов и светских владений на жертву Римской церкви. Епископы, аббаты, приоры и другие прелаты церкви после трех-четырех дней рассуждения и сильного ропота, согласились, наконец, опасаясь, подвергнуться отлучению в случае сопротивления апостолическому предписанию. Согласившись против воли, они кончили бы это дело и выдали бы только такое количество серебра, которое не отяготило



Гробница Фридриха II в соборе Палермо

бы их слишком, если бы, как уверяют, Стефан Сеграв, тогдашний советник короля, человек, любивший одного себя, и сердце которого всегда было склонно ко злу, не заключил симонического договора с нунцием Стефаном и не устроил бы так, что десятина была вытребована сполна, к неисчислимому вреду для церкви и государства. После того нунций Стефан показал всем прелатам доверительное письмо Папы, которым он назначил его заведовать сбором десятины. Этот сбор должен был делаться не по той таксации, которая была недавно установлена для взимания двадцатой доли для приобретения от короля привилегий, но по новой оценке имущества, более удобной и выгодной для государя Папы; а именно, этот сбор должен был производиться с доходов, извоза, найма плугов[1], приношений, десятин, корма животных, производств земли и приобретенных имуществ, как церковных, так и других, под какими бы названиями они ни существовали; притом не допускалось никаких скидок, и ни под каким предлогом не принимались в соображения ни долги, ни расходы. Это же доверительное письмо уполномочивало Стефана отлучать сопротивляющихся и прекращать богослужение в церквах. На основании того Стефан в каждом графстве назначил своих агентов и отлучил всех тех, которые осмелятся сами или через других препятствовать сбору десятины или оценке имущества посредством стачки, укрывательства или другого обмана. А так как это дело не допускало никаких промедлений, то Стефан потребовал под страхом отлучения от всех прелатов и других, чтобы они внесли ему вдруг всю требуемую сумму, или сделав заем, или другим способом приобретя деньги, так, чтобы он мог, не выжидая конца операции сбора, удовлетворить Папу; а после они могут возвратить свое, когда будет собрана десятина. Он говорил, что государь Папа обременен такими огромными долгами, что он решительно не знает, каким образом кончить предпринятую войну. После того собор разошелся, впрочем, не без сильного ропота.

Тогда Стефан немедленно разослал письма епископам, аббатам, приорам и монастырям всех орденов с приказанием под страхом отлучения препроводить ему к назначенному дню сумму серебра, хорошей новой монетой полного веса, достаточную для того, чтобы государь Папа мог удовлетворить своих кредиторов и чтобы они сами спаслись от отлучения. Этот человек был до того неумолим в своих требованиях, что требовал десятины даже с плодов следующей осени, которых можно было ожидать. Прелаты, не имея других средств, продавали чаши, сосуды, раки и другие священные предметы; иные же отдавали их в залог и делали займы. Стефан имел при себе проклятых ростовщиков, которые выдавали себя за негоциантов и прикрывали свою постыдную деятельность именем торговли; они-то и снабжали серебром тех, которые находились в нужде и угнетались взысканиями Стефана. Он не давал никому пощады, угрожал всякому, и те, которые успели достать серебро за большие проценты, делались потом жертвой ростовщиков и претерпевали страшные убытки. Англия разражалась в то время такими проклятиями, что нельзя было повторять их вслух; ропот был на устах всех; каждый говорил: «О, если бы этот сбор не пошел впрок тем, для которых его делают!» Желание народа исполнилось, ибо «худо приобретенное не приносит пользы». Но с этой эпохи Англию точили ультрамонтаны (то есть загорные люди, живущие за Альпами; их называли также *ломбардами*; и эти два выражения сделались тождественными с именем ростовщика), которые хотя и называли себя торговцами, но в сущности были безбожными ростовщиками, которые старались поймать в свои сети всех, кого угнетали поборы римского двора. Вследствие всего того, Стефан, капеллан государя Папы, а на деле человек, стригший себе серебряное руно, оставил в Англии ненавистную память о себе. Райнульф, граф Честерский, один воспротивился с энергией; он не хотел предать свою землю рабству и не позволил ни

---

[1] В Средние века существовал особого рода промысел отдачи на прокат плуга бедным крестьянам, которые не имели средств приобретать сельские орудия в собственность.

одному духовному или клерику в своем лене платить десятины; между тем Англия, Валлис, Шотландия и Ирландия были вынуждены к тому. При этом оставалось утешиться только тем, что и заморские государства, даже самые отдаленные, не были изъяты от этого побора. Когда все эти громадные богатства достигли рук Папы, он щедро наделил ими Иоанна Бриеннского и других вождей своей армии, что принесло великий вред императору, ибо, пользуясь его отсутствием, они разорили его замки и укрепления.

Далее автор заносит в виде замечания различные мелкие события: посвящения в епископы, смерть замечательных прелатов; неудавшиеся сборы баронов Англии сделать высадку во Франции; смерть одного ростовщика в Бретани и жестокий поступок графа со священником, который не хотел похоронить ростовщика, как отлученного за лихоимство, и т. д. После того автор снова обращается к своему предмету.

В этом же самом году Фридрих, император римлян, возвратив христианству Св. землю и заключив с вавилонским султаном мир на 10 лет, подтвержденный клятвенно с обеих сторон, сел на корабль в день Воздвижения Св. Креста (14 сентября), чтобы, переехав Средиземное море, возвратиться в свое государство. Но, узнав, что Иоанн Бриеннский выжидает его в гаванях, он опасался пристать к берегу без предосторожностей; чтобы не попасться в плен, он направился к одному верному месту, послав туда наперед лазутчиков, которые и ввели его в гавань невредимо. Высадившись благополучно в Сицилии, но с небольшим числом людей, он узнал, что его противники успели уже покорить многие из его замков и укреплений, что Папа держит на жалованье войско, которое он осыпает золотом и богатствами; и что, наконец, его враги, не встречая себе препятствий, свободно передвигаются по землям империи и опустошают их. Между тем при первом известии о его прибытии законные вассалы императора толпами начали собираться около Фридриха, сообразно той клятве, которая связывала их с императором. При их помощи и поддерживаемый новыми подкреплениями, он бестрепетно напал на врагов и начал мало-помалу завоевывать у них свои утраченные земли и свои замки.

Автор заключает хронику 1229 г. и переходит к последующим годам, излагая исключительно важнейшие события истории Западной Европы до 1240-х гг., когда появление татаро-монголов, имевшее огромное влияние на судьбу Палестины, заставило его снова обратиться к судьбам Св. земли.

Historia major Angliae, seu Chronicon ab a. 1066–1259.
Под годом 1228 и 1229.

Матвей Парижский

МОНГОЛЫ И ЗАВОЕВАНИЕ ИЕРУСАЛИМА ХОРЕЗМИЙЦАМИ. 1244 г. (в 1259 г.)

Автор под 1238 г. своей хроники рассказывает сначала различные внутренние события английской истории: брак Симона Монфора с сестрой короля Генриха III; восстание против него баронов; смерть королевы Шотландской; прибытие константинопольского императора в Англию; ссору папского легата с оксфордскими студентами; наконец, он упоминает о смерти египетского султана, покровителя христиан и друга Фридриха II, и по данному поводу говорит, что в этом же году явились в Европе в первый раз мусульмане проповедниками Крестового похода по случаю нападения на Переднюю Азию татаро-монголов.

1238 г. Около этого времени к королю Франции прибыло торжественное посольство от сарацин, и особенно от Горного Старца, чтобы известить его и рассказать ему сущую правду о том, как с северных гор спустилось чудовищное и кровожадное племя людей, как оно наводнило собой пространные и богатые земли Востока, опустошило Великую Венгрию и повсюду разослало грозные письма и посольства. Их предводитель называет себя посланником Всевышнего, которому предназначено усмирить мятежные народы. Эти варвары от-

личаются огромной головой, несоответствующей остальному телу; пищей им служит сырое мясо и даже мясо людей. Они отличные стрелки; умеют переплывать всякие реки в кожаных ладьях, которые они носят с собой; при громадном росте они обладают страшной силой; безбожны и неумолимы; их язык не походит ни на одно из известных нам наречий. Они весьма богаты всякого рода скотом; лошади их быстры и могут в один день пробежать пространство трех дней пути; будучи отлично вооружены спереди, они не носят никакого вооружения сзади, так как им запрещено бегство. Их предводитель, человек свирепый, называется Кааном (то есть хан). Они обитают в северных странах и спускаются то с Каспийских гор, то с гор соседних; их называют *татарами* (или монголами) от названия р. Тар. Будучи слишком многочисленны, к несчастью рода человеческого, они как бы выходят из земли кипучим ключом: они уже и прежде делали нападения, но в нынешнем году распространились с необыкновенной яростью. Вследствие того жители Готии (Скандинавии) и Фризии, опасаясь нападения варваров, не приходили по обычаю в Англию во время ловли сельдей, чем они обыкновенно нагружали свои корабли в Ярмуте. А потому в этот год селедку отдавали задаром, вследствие отсутствия вывоза; и в странах самых отдаленных от моря можно было купить за одну серебряную монету (pro uno orgenteo) от сорока до пятидесяти штук и самых свежих. Сарацинский посол, знатный человек и знаменитого происхождения, явился к королю Франции с поручением от восточных князей известить о случившемся и просить у западных народов помощи для отражения неистовства татар. Этот же посол поручил одному из сопровождавших его сарацин отправиться к королю Англии, рассказать ему о всем происшедшем и передать ему, что если сарацины не остановят вторжения варваров, то они опустошат весь Запад, а поэт сказал: «Если горит дом соседа, то подумай о своем доме». Посланный просил потому, чтобы в столь крайнем и важном для всего мира положении христиане поддержали сарацин и помогли им отразить общего врага. Епископ Винчестерский, принявший крест и присутствовавший случайно на этом свидании, ответил весьма умно: «Оставим собак грызть друг друга и взаимно истреблять; а когда придет наш черед, мы вступим в борьбу с теми из Христовых врагов, которые переживут, и очистим лицо земли от них; да подчинится весь мир единой Католической церкви, и да будет едино стадо и един пастырь!»

Этим отрывочным известием о появлении татаро-монголов в Азии и ограничивается автор под 1238 г.; затем он обращается к внутренним событиям европейской истории последующих 1239–1241 гг., останавливаясь преимущественно на борьбе Генриха III с английскими баронами и Фридриха II с Папой. Упомянув под

МАТВЕЙ ПАРИЖСКИЙ. Ум. в 1259 г.). Он принадлежит к числу первоклассных исторических писателей, живших в Средние века. Получив свое воспитание в монастыре св. Альбанса, одном из центров католического просвещения в Англии, он принял монашество в 1217 г., из чего можно заключить, что ему было тогда не менее 20 лет. Его ученость и искусство каллиграфа и иллюминатора обратили на него внимание аббата; потому, когда около 1240 г. умер монастырский историограф *Рогер Вендовер*, писавший хронику Англии от завоевания ее норманнами в 1066 г., продолжение этого труда было возложено на Матвея Парижского. В 1247 г. он был приглашен к королю Генриху III присутствовать при торжестве по случаю доставления из Палестины чаши с кровью Христовой, и король поручил ему как знаменитому литератору составить описание всего праздника. В том же году Иннокентий IV отправил его в Норвегию к Гакону V для устройства дел одного монастыря того же Бенедиктинского ордена; при этом Людовик IX Святой поручил Матвею пригласить Гакона участвовать в Крестовом походе и принять под свое начальство весь флот. Последнее время Матвей предавался исключительно своим литературным трудам и довел хронику Вендо-

1241 г. о взятии Фридрихом II в Италии города Фаэнцы, державшего сторону Папы, автор вторично обращается к татаро-монголам.

1241 г. Во время всех этих событий это племя бесчеловечное, неистовое, варварское, необузданное и беззаконное, известное под названием татар, дерзко напало на земли христиан с севера, произвело страшные опустошения и возбудило в целом христианстве страх и ужас. При своей неслыханной кровожадности они обратили почти в пустыню Фризию, Готию, Польшу, Богемию и бо́льшую часть обеих Венгрий, принудив к бегству и умертвив князей, прелатов и жителей городов и сел. Вот те письма, писанные в центр Европы, по которым можно судить о том разрушительном происшествии. В них говорилось следующее:

«*Генрих*, милостью Божьей, граф Лотарингский, палатин саксов, своему тестю и государю, любимому и вечно любимому, знаменитому владетелю, герцогу Брабантскому; свидетельствует о своей ревности и готовности служить ему как угодно!

Несчастья, предсказанные в Писании издревле, не иссякли и теперь и в наказание за наши грехи появляются отовсюду. На самом деле, народ кровожадный и бесчисленный, племя неистовое и беззаконное вторглось и заняло соседние нам страны. Они достигли даже Польши, ограбив предварительно другие страны и истребив их народы. По этому случаю я получил уведомление и просьбу как от частных лиц, так и от нашего любезного брата, короля Богемии, поспешно вооружиться и прийти на помощь и защиту верных. Действительно, теперь нет уже никакого сомнения, что эта татарская нация намерена через неделю после Пасхи кровожадно ворваться в Богемию и опустошить ее, если королю не будет оказана заблаговременная помощь. Так как горит дом у соседа, а соседняя нам земля подверглась разграблению и часть ее уже опустошена, то мы просим со слезами помощи и совета у Бога и у своих соседей, наших братьев, во имя вселенской церкви. Всякое промедление будет опасно, и мы молим вас настойчиво спешить, как можно скорее, нам на помощь, ибо дело идет столько же о вашем избавлении, сколько и о нашем; соберите многочисленную конницу, храбрую и отважную: ваши вассалы поставят вам ее; держите ее всегда наготове, в ожидании, когда мы пошлем вторично дать знать. А мы через содействие своих прелатов и братьев проповедников и миноритов объявим повсюду Крестовый поход, так как дело идет о Боге распятом, молебствия и посты и призовем к священной войне всех обитателей страны. Заметим при этом, что значительная часть этой проклятой нации с другой армией, соединенной с ними, опустошает Венгрию с неслыханным варварством; в руках короля этой страны, как уверяют, осталась самая ничтожная часть его владений. Одним словом, церковь и население северных стран угнетены и подавлены бедствия-

---

вера до 1259 г. После хроника была продолжена *Вильгельмом Рисгангером до конца правления Генриха III (1273 г.).*

Этот труд трех монахов св. Альбанса в своем соединении носит общее название – «Великая история Англии, или Хроники от 1066 г. до 1259 г.», но обычно он известен под авторством Матвея Парижского, как лучшего из них и более талантливого писателя. В Матвее Парижском особенно поражает его беспристрастие в делах церковных; он до того не щадит пап и их легатов, что многие из позднейших писателей сомневались в подлинности его сочинения и думали, что в XVI в. протестанты с умыслом исказили «Хронику» Матвея своими вставками. Труд Матвея не менее замечателен как богатый сборник подлинных документов, писем, грамот и т. п., которые без него не дошли бы до нас; в «Хронике» помещено до 200 таких документов.

Об изданиях, переводах и критике его «Хроники» см. выше; остаются неизданными: географический атлас, составленный рукой Матвея и помещенный на первых листах манускрипта его «Хроники», «Малая история Англии» – сокращение предыдущей и жизнеописания некоторых святых.

ми всякого рода до того, что еще никогда от начала мира эти земли не претерпевали столь великих зол.

Дано в год благодати 1241-й, в день, когда поют: “Возрадуйся, Иерусалиме!”

Таково же было содержание письма, отправленного герцогом Брабантским епископу Парижа. Почти в тех же выражениях писал и архиепископ Кёльнский королю Англии. Вот почему, вследствие этих тяжких бедствий и несогласия, горестного для церкви, между императором и Папой, предписаны были во многих странах посты и молитвы со щедрой раздачей милостыни, дабы Господь, поправший своих врагов и торжествующий руками и слабых, и сильных, сжалился над своим народом и низринул гордыню татар.

В то время, когда этот бич гнева Господня угрожал народам, королева Бланка, мать короля Французского (Людовика IX Святого), женщина уважаемая и любимая Богом, воскликнула при получении этих известий: «Где вы, король Людовик, мой сын?» Он подбежал и ответил: «Что с вами, мать моя?» Тогда она с плачем и вздохами, как женщина, но с большей твердостью, нежели обыкновенные женщины, говорила ему, помышляя о предстоящей опасности: «Что теперь делать, мой сын, при этом печальном событии, ужасный слух о котором распространился между нами? Ныне всем нам и всей святой церкви угрожает вторжение татар». На эти слова король отвечал, хотя и печальным голосом, но вдохновленным свыше: «О мать моя, да подкрепят нас небесные утешения! Если эта нация нападет на нас, то или мы отправим этих татар в тартар (ад), откуда они вышли, или они откроют нам дорогу на небо». Он как бы хотел этим сказать: «Или мы их отразим, или, в противном случае, мы отойдем к Богу, как исповедники Христа и мученики». Эта замечательная и благородная речь воодушевила не только французское рыцарство, но и жителей соседних стран. Император, узнав об этом вторжении, писал в следующих выражениях христианским владетелям и в особенности королю Английскому:

«*Фридрих* (II), император римлян и Август и проч., королю Англии привет!

В настоящее время происходят события, которые занимают столько же Римскую империю, имеющую обязанность распространять Евангелие, сколько и остальные государства вселенной, исповедующие христианскую веру; как ни поздно пришли к нам известия о том, но мы не можем не сообщить их вам. Какой-то народ, вышедший уже давно из последних пределов земли, прибыл из стран южных; долгое время скрываясь в жарком поясе и обоженный солнцем, он направился потом к Северу; овладев силой всей страной, это племя долгое время оставалось там и множилось, как желуди. Это народ варварский и по происхождению, и по образу жизни; не знаю, откуда явилось их название *татары*, от их ли происхождения, или от места, в котором они жили; по-видимому, божественное Провидение держало их до настоящего времени с целью наказать ими и исправить Божий народ: но да не послужит то к падению всего христианства! Это вторжение сопровождалось общественными бедствиями; всеобщее разорение было последствием его, и плодоносные земли, по которым прошла эта нечестивая нация, остались опустошенными. Не щадя ни возраста, ни пола, ни достоинства, они стремятся к уничтожению всего рода человеческого; уверенные в своем могуществе и надеясь на свою многочисленность, татары желают одни господствовать на всей поверхности земли. Предав грабежу и смерти все страны, которые они могли только завидеть, оставив позади себя бесконечные пустыни, они прибыли в землю, густо населенную куманами (половцами). Там татары, этот народ, не щадящий жизни и привыкший к своим лукам, стрелам и дротикам более, нежели мы к своему оружию, руки которых более мощны и изведаны, нежели у других народов, рассеяли тот народ и покорили его; меч татар обагрился в крови тех, которые не успели бежать. Но такое соседство не могло внушить более благоразумия и осторожности русским (rutheni); враг был вовсе не так далеко, чтобы они, не видав прежде никогда такого народа, не пришли в ужас от приближавшегося пожара и не приняли мер про-

тив набега татар, или вообще не подумали бы о своем спасении. Между тем варвары явились внезапно с целью грабить и истреблять. Когда этот неистовый народ, бросающийся с быстротой гнева Божия или молнии, напал на них, город Киев (Cleva), один из самых больших городов этой страны, был уже осажден и взят приступом, и все то знаменитое государство, жители которого были перерезаны, было предано грабежу и опустошению. Такая участь должна была бы заставить венгров, соседних им, подумать о мерах предосторожности; но венгры, по своей небрежности, не подумали о защите.

Далее автор рассказывает о завоевании Венгрии татаро-монголами и о приближении их к границам империи.

Теперь ужас и страх, внушаемый неистовством этих завоевателей, должен овладеть сердцем каждого; подавляющая нас необходимость, близко угрожающая опасность заставляют подумать о мерах к отражению врага. Всеобщее истребление мира и в особенности христианства требует поспешной помощи, ибо эта свирепая и беззаконная нация не знает человеколюбия. Между тем она следует за повелителем, которого чтит и послушно уважает, называя его богом земли. Это – люди малорослые, но сильные; широкоплечие, с мощными руками и ногами, мускулистые, неустрашимые и всегда готовые броситься в опасность по одному слову предводителя. Лицо их широкое, глаза скошенные; они издают пронзительный крик, вполне выражающий свирепость их сердца. Они одеваются в недубленую кожу и прикрываются воловьей шкурой или шкурой ослов и лошадей, нашитой на железный обруч; таково их вооружение, которое они употребляют до настоящего времени. Но, о чем мы не можем говорить без сожаления, они успели теперь облечься в лучшее вооружение, пользуясь добычей, отнятой у христиан, чтобы к нашему стыду мы истреблялись собственным оружием: так хочет гнев Божий! Теперь они ездят на лучших лошадях, лучше едят и одеваются менее дико. Эти татары – отличные стрелки; они носят с собой искусно изготовленные меха, при помощи которых безопасно и скоро переправляются по рекам и болотам. Говорят, что их лошади, когда недостает фуража, питаются древесной корой, листьями и корнями трав; они ведут лошадей за собой, и, несмотря на то, их лошади в случае нужды обнаруживают легкость и быстроту. Я предвидел и предсказывал эти бедствия, я часто писал к вашему величеству и извещал через послов как вас, так и других христианских государей; я убеждал их сохранять между собой мир и просил прекратить раздоры, вредные республике Христовой; я говорил, что необходимо с поспешностью подняться всем, чтобы остановить успехи этого народа, готового броситься на нас, ибо стрела ранит не так опасно, когда предвидеть ее. Нашим врагам остается только радоваться, видя, как несогласие разделяет христианских государей и расчищает им дорогу.

Император, пользуясь этим случаем, обращается с упреками к Папе, который враждует с ним, молит все христианские народы собраться воедино «для низвержения татар в тартар» и в заключение перечисляет все народы, которые могли бы соединиться вместе для борьбы с общим врагом.

Так, сойдутся вместе *Германия*, бурная и пылкая на войне; *Франция*, мать и вскормленница отважного рыцарства; *Испания*, воинственная и неустрашимая; плодоносная *Англия*, богатая героями и мощная своим флотом; *Алеманния*, славная мужественными витязями; *Дакия* (Дания), искусная в морских боях; неукротимая *Италия*; *Бургундия*, не знающая моря; *Апулия*, которая не может терпеть покоя; острова морей Адриатического, Греческого и Тирренского, *Крит, Кипр, Сицилия*, доставляющие непобедимых мореходов; кровожадная *Ирландия*; острова и страны, соседние океану; живой *Валлис*; болотистая *Шотландия*; ледяная *Норвегия*; одним словом, все знатные страны Запада, управляемые королями, пошлют избранное воинство, которое выступит под знаменем животворящего креста, креста, который наводит страх не только на мятежных людей, но и на неистовых демонов.

Монголы

Дано во время обратного движения, после сдачи и разорения Фаэнцы, в 13-й день июля».

Таково было содержание письма, с которым император, в своей заботе об общественном деле обратился к различным государям, меняя только титул и некоторые слова в самом содержании. В письме, адресованном к королю Франции, следующее место весьма раздражило его: «Я удивляюсь, – писал Фридрих, – что дальновидность французов не может лучше других раскрыть хитрости Папы и не видит его намерений. Действительно, его ненасытное властолюбие стремится подчинить себе все государства верных. Папа берет за образец английскую корону, которую он поверг к своим стопам, и теперь, чтобы поработить своей воле императорское величество, он осмеливается в своей дерзости объявлять самые наглые притязания».

По всей Европе и даже в странах сарацинских распространился странный слух, и по поводу того явились самые противоречивые мнения. На самом деле, были люди, которые утверждали, что император сам с умыслом поднял этот бич народов, татар; что то велеречивое письмо служило только прикрытием самых черных замыслов; что Фридрих в своих дерзких замыслах домогался власти над вселенной и уничтожения христианской веры по примеру Люцифера, или антихриста. Его упрекали за одно место письма, которое было несогласно с истиной. Там сказано, что татары, неизвестные прочим людям, вышли из южных стран, находящихся в жарком поясе; но это, очевидно, сказка, ибо мы никогда не слыхали, чтобы татары проходили по южным странам или восточным. Подозревали даже более: что тайные действия татар обходились не без сношения их с императором; никто не мог открыть их козней и планов, ибо они умеют скрывать свой язык и научились переменять вооружение. Если кто-нибудь из них попадется в плен, то величайшие мучения не могут исторгнуть у пленника их замыслов и планов. Известно, что все пространство мира делится на шесть климатов, а именно: индийский, эфиопский или мавританский, иерусалимский, греческий, римский и франкский, и что на всей поверхности земли обитаемой нет такого отдаленного угла, куда не проникали бы купцы, как о том сказал поэт: «Неутомимый купец доходит до конца Индии»; как же могло случиться, что эти татары при своей многочисленности оставались до сих пор никому неизвестными? Откуда явилось между ними такое согласие в замыслах и такая печальная тайна о их существовании? Говорят, что это гирканы и скифы (Sicii), столь любящие проливать кровь и живущие по горам и в ущельях севера, ведут жизнь свирепую и поклоняются горным духам в определенное время. Эти-то татары в союзе с куманами были приглашены императором и напали на короля венгров и других владетелей в империи с целью, утомив их войной, заставить искать убежища у императора и дать ему присягу, за что император окажет им помощь. Действительно, когда все это случи-

лось, неприятель удалился. Но я далек от мысли, чтобы подобное злодеяние могло гнездиться в сердце одного человека.

После того автор снова оставляет татаро-монголов и рассказывает внутренние события европейской истории, и опять преимущественно те, которые относятся к борьбе Генриха III с баронами Англии, и Фридриха II с Папами, под годами 1232 и 1243-м. Но дойдя до 1244 г., автор возвращается к татаро-монголам по поводу просьбы венгерского короля к Фридриху II о помощи против завоевателей под условием ленной присяги императору; рассказав коротко, что Фридрих II изгнал татаро-монголов и освободил Венгрию, автор записывает брак побочной дочери Фридриха с одним греческим князем Ватаком, что еще более восстановило Папу против императора, ибо Ватак в его глазах был еретик. После того автор обращается, наконец, к Палестине и говорит о том влиянии, которое произвело на ее судьбу вторжение татаро-монголов в Переднюю Азию.

1244 г. Между тем татары, изгнанные из Венгрии, не имея возможности вынести удара, нанесенного им силами императора, оставили северные страны и с быстротой направились на Восток. В то время, когда они опустошали со свирепостью владения Персии, другой народ, весьма кровожадный и бесчеловечный, населявший страны, соседние Черному морю и признававший над собой власть вавилонского султана, известный под названием *хорезмийцев*, старался избежать бури, угрожавшей ему от вторжения варваров. Явившись к вавилонскому султану, они настойчиво требовали у него места для поселения. Султан, понимая, что в случае отказа хорезмийцы добудут свое мечом, отвечал им: «Недалеко от нас обитает народ, который мы называем христианами; они живут в приморских странах, враждебны нашему закону, неприязненны нам и угрожают вступить с нами в еще более ожесточенную борьбу. Самое драгоценное для них место – Иерусалим. Идите же мужественно на них, выгоните их и овладейте их жилищами. Победив христиан, вы обогатитесь драгоценными добычами, приобретете вволю земель с замками и городами, и тогда вы рассчитывайте вполне на мое покровительство». Тогда хорезмийцы, воодушевленные такой речью, напали сначала на Иерусалим и произвели страшное опустошение между христианами, как мы подробно узнали о том из писем владетельных лиц.

«*Фридрих* (II)[1], Божьей милостью император римлян и Август, король Иерусалима и Сицилии, Ричарду, графу Корнваллийскому, своему любезному брату, привет и уверения в искренней дружбе!

В Риме был слышен голос, рыдания и вопли. Молва признала этот голос за предвещание наших бедствий; но бедствия не приходят поодиночке. Действительно, многочисленные удары грома, разразившиеся в окрестностях Иерусалима, предвещали близость бури, кровавое истребление верующих во Христа, плачевную утрату Гроба Господня, наконец опустошение св. города, и все это случилось в наше время. Молния сверкнула, но вместо того, чтобы привести за собой росу или капли дождя, она заволокла тучами небо и залила нас потоком бедствий. Действительно, в ту минуту, когда любовь и долг веры воодушевляли христиан, переживших избиение от руки хорезмийцев, к тому, чтобы отомстить злодеям за то бедствие, и когда вожди и самый последний воин требовали восстановления чести, патриарх Иерусалимский, желая один воспользоваться славой победы и считая, вероятно, других князей недостойными его сообщества, явился проповедником похода Господня, раздражал и без того пылкие сердца своих слушателей и воспалил в них благочестивую ревность, которая на этот раз была неуместна; не дождавшись благоприятной минуты – а это главное тре-

---

[1] После удаления Фридриха II из Палестины в 1229 г. Иерусалим управлялся 10 лет его наместниками; но в 1239 г. закончился срок перемирия с султаном, и мусульмане снова овладели Св. землей. Вследствие того начались новые попытки отдельных частных лиц к возвращению Гроба Господня; самую удачную из таких попыток сделал брат Генриха III, Ричард Корнваллийский, племянник Ричарда Львиное Сердце. В 1240 г. он успел второй раз овладеть Иерусалимом и на следующий год возвратился в Европу, предоставив св. землю на жертву междоусобий партии Фридриха II с патриархом и орденами. В таком положении нашли Иерусалим хорезмийцы, когда они подступили к нему в 1244 г.

Монголы: тяжеловооруженный всадник XIII в., конный лучник XII–XIII вв. и простолюдинка

бование законов войны, – христианская армия, составленная из соединенных сил заморского рыцарства, напала за два дня до праздника св. Луки Евангелиста (16 октября) на хорезмийцев, которые предвидели такое нападение и изготовились к битве; в этом деле, начатом при таких неблагоприятных обстоятельствах, едва несколько человек со стороны христиан успели спастись от смерти или плена. Другие, но в весьма небольшом числе, освободились после и бежали; при том это были люди, которых отвага не увлекла в самый центр боя, где с треском ломалось оружие и сыпались удары. Из всех баронов Св. земли, из всего рыцарства Иерусалимского королевства, из целого монастыря ордена храмовников, выславших 300 братьев, из 200 иоаннитов и из всего немецкого ордена св. Марии – о бедствие! – не спасся никто, кроме патриарха, барона Монфорта, знаменосца королевства, начальствовавшего передовым отрядом, четырех рыцарей и небольшого числа прислуги тамплиеров, 19 иоаннитов и только трех оруженосцев тевтонских братьев. Вот все, кто возвратился, и то благодаря счастью или бегству. Именитые люди, как епископ св. Георгия и владетель Каифы, легли на поле битвы под смертоносными ударами. Галтерий, граф Иоппе, был смертельно ранен. Архиепископ Тирский, переживший свои раны, был заключен в темницу. Все это я узнал из писем, которые дошли до меня из монастыря немецкого ордена св. Марии. Такое плачевное событие должно возбудить тем большую печаль и огорчение в нашем сердце и в сердцах всех христианских князей, и пролить потоки слез, потому что этому поражению предшествовали ошибки, а беспечность последовала за ним. Действительно, духовный орден тамплиеров, гордыня которых питается изнеженностью туземных баронов Св. земли, предались самообольщению и своей безумной и вероломной войной заставили вавилонского султана обратиться с просьбой о помощи к хорезмийцам, несмотря на союз, заключенный нашим именем с султаном по согласию с монастырем и магистрами орденов иоаннитского и немецкого св. Марии; действуя таким образом, тамплиеры могут быть обвинены не только в очевидном промахе, который можно сделать по простоте ума, ибо они, ожидая найти постоянство в изменчивости варваров и верность в вероломстве, призвали к себе на помощь против вавилонского султана и хорезмийцев султана Дамаска и Крака, противных ему и по религиозному различию, и по намерениям; неужели для погашения пожара нужно лить масло? Кроме того, тамплиеры были до унижения снисходительны к тем двум султанам, как нас уверили в том некоторые из духовных, а именно: те султаны и их люди были ими приняты с торжеством в самом монастыре ордена тамплиеров и совершали свои предосудительные обряды и мирские празднества, призывая имя Магомета. Между тем они никаким образом не могли совершенно уничтожить в себе привязанность к своим единоверцам и затаенную ненависть к нам одним обещанием союза с нами, и последствия скоро доказали, что султаны были более врагами, чем союзниками. Действительно, за исключением султана Шамеля, убежавшего с поля сражения с 5 человеками, которого султан Дамаска послал на помощь против вавилонского султана и который не надеялся быть хорошо принятым со стороны последнего, все другие до султана Крака, показав вид, что они намерены принять участие в битве, перешли на другую сторону, к которой и прежде были расположены сердцем, и не участвовали в битве, даже не обнаружили подобного намерения. Ко всему этому, крайняя беспечность – последнее несчастье, когда дело идет о спасении, – довершила нашу опасность и грозила окончательным разорением. Нам, как людям православным, тяжело писать без огорчения, что главы православия вовсе не думают о мерах к исправлению такого печального зла и не сетуют, подобно нашим предкам, о столь горестных событиях; но что еще хуже, мы не обращаем вовсе внимания на свои раны и не торопимся уврачевать их, как будто бы дело идет не о христианах и не о христианской вере. Господь поразил нас, а мы и не горюем; со всех сторон горят кровли наших домов, а мы и не спешим за водой; напротив, каждый радуется бедствиям другого.

Затем император описывает эти бедствия, останавливаясь преимущественно на вторжении татаро-монголов и вражде к нему римских пап, которые продолжали вооружать против него итальянские города.

Впрочем, я не считаю, что нам следует относиться к этому делу (завоеванию Палестины), как к отчаянному и осужденному на смерть, и не думать более о возможных и должных средствах. Я со своей стороны не отказываюсь от того, и даже обещая свои услуги тем охотнее, что секира уже лежит при корне дерева, полагаю, что мне и всем христианским государям должно поспешить на помощь; но мне необходимо, чтобы Италия была умиротворена и чтобы наши права, которыми пользовались предки в империи и королевстве, были вполне восстановлены; тогда только наши крылья получат всю силу при целости своих перьев и могут поднять нас безопасно в воздушное пространство.

Дано в Фоджи, 27 декабря, 3 индикта».

Но вот что было причиной того плачевного избиения христиан, о котором говорилось выше и которое произошло в самом св. городе Иерусалиме. Когда хорезмийцы неожиданно напали на патриарха и жителей города, эти последние бросились поспешно со своими семействами в город Иоппе, чтобы найти там убежище. Но коварные хорезмийцы, желая вернуть беглецов с тем, чтобы поймать их в свои сети и умертвить, распустили на укреплениях города знамена христиан, обратившихся в бегство. Вследствие того те христиане, которые спрятались за городом, видя то, пустились в погоню за беглецами, желая оказать им братскую услугу, и, догнав их на лошадях, приглашали возвратиться, уверяя, что христиане, оставшиеся в городе, успели счастливо восторжествовать над неприятелем и радостно водрузили свои знамена на стенах. Когда христиане возвратились назад и вошли с полной уверенностью в город, тот народ, вооруженный с ног до головы и снабженный всякого рода оружием, бросился на христиан, ничего не ожидавших, и всех их истребил мечом. При известии об этом избиении, те из наших, которые уцелели в своих замках, собрали сильную и многочисленную армию и решились потребовать отчета от убийц и отомстить им кровавым образом. Между ними завязалась упорная битва, но, по несчастью, горестному навсегда, христиане были поражены, как то явствует из вышеприведенного письма. Впрочем, павшие, раненые и сохранившие жизнь бегством, хотя и в малом числе, заставили неприятеля дорого заплатить за победу, как он сам сознавался после сражения. Бой продолжался без отдыха от начала дня до позднего вечера, когда сделалось так темно, что нельзя было никого узнавать, и потому сражающиеся принуждены были разойтись[1].

За этим автор приводит в подлиннике письмо великого магистра иоаннитов Вильгельма Шато-Нёв, из которого он почерпнул свой краткий рассказ об избиении христиан в Иерусалиме и о поражении их при Газе, после чего Иерусалим навсегда уже остался в руках неверных и после битвы при Газе подчинился египетским султанам.

Далее автор обращается к внутренним событиям Европы и излагает их погодно до 1259 г., которым и завершается его хроника; только под годами 1248–1254-м поход Людовика IX Святого в Палестину заставляет его на время возвратиться к истории Крестовых походов.

Historia major Angliae, seu Chronicon ab a 1066–1259. Под годом 1244-м.

---

[1] Эта битва хорезмийцев с христианами и их мусульманскими союзниками происходила при Газе в середине октября 1244 г.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ЛЮДОВИКА IX СВЯТОГО

Завоевание Аккона мусульманами. 1248–1291 гг.

Жан Жоанвиль

ПЕРВЫЙ ПОХОД ЛЮДОВИКА IX СВЯТОГО В ЕГИПЕТ, ЕГО ПЛЕН И ОСВОБОЖДЕНИЕ. 1248–1254 гг. (между 1304 и 1314 гг.)

Посвящение от автора

Благороднейшему, превосходнейшему и могущественнейшему королю *Людовику*[1], сыну короля Франции, Наварры, Шампани и Бри, графу Палатину – *Жан, сир Жоанвиля*, сенешаль Шампани; да наградит вас по моим молитвам Иисус кроткой и всецельной любовью и спасением:

[1] То есть Людовику X Сварливому (1314–1316 гг.), правнуку Людовика IX Святого и сыну Филиппа IV Красивого. Так то выражено в только что открытых и лучших манускриптах, между тем в прежних рукописях этот Людовик назывался сыном Людовика IX, почему и полагали, что переписчик ошибся: думали, что автор посвятил свое сочинение самому Людовику IX Святому, сыну Людовика VIII и писал по поручению его матери Бланки, которая ниже названа вдовой Людовика, что невероятно.

Благороднейший и могущественный государь, вам известно, что я писал по поручению покойной вашей матери[1], моей прекраснейшей дамы, да простит ей Бог, а поручила она мне потому, что в то время питала ко мне большую любовь, а также и потому что ей было известно, как я любил и верно служил вышеупомянутому королю, св. Людовику, и следовал за ним во многие места и города. Она меня просила и молила убедительнейше, как только могла, чтобы я написал и составил книжку и рассказ о достойных и святых делах государя короля св. Людовика. Я обещал то почтительнейше и исполнил, как мог. Так как вы, превосходнейший и могущественный государь, старший сын и наследник, вступивший на престол после смерти отца, то я вам и посылаю эту книжку, зная, что никому из живущих более вас она не должна принадлежать. Да воспользуетесь вы и все прочие, которые ее прочтут или послушают, как другие станут читать, подражая деяниям и примерам, находящимся в ней; и да почтим и исповедуем Бога нашего творца.

[1] То есть Иоанны, королевы Наваррской, жены Филиппа IV Красивого (ум. в 1304 г.).

ИСТОРИЯ СВЯТОГО ЛЮДОВИКА, IX ЭТОГО ИМЕНИ, КОРОЛЯ ФРАНЦИИ, НАПИСАННАЯ ЖАНОМ, СИРОМ ЖОАНВИЛЯ, ВЕЛИКИМ СЕНЕШАЛЕМ ШАМПАНИ

Пролог

Во имя святой, державной Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, аминь! Я, *Жан, сир Жоанвиля*, великий сенешаль Шампани, писал и предавал памяти жизнь и святые дела и слова достойной и святой памяти государя св. Людовика, короля Франции, как то видел и слышал в течение целых 6 лет (1248–1254 гг.), сопровождая его в святом походе и пилигримстве за море (то есть в Египетском походе) и после того при нашем возвращении. Книжка же эта делится на две части. Первая часть говорит и поучает, как государь король Людовик Святой жил и правил Бога ради и нашей матери святой церкви и к выгоде и пользе своего государства. Вторая часть гласит о его великих рыцарских и военных подвигах, как они совершались друг за другом, чтобы тем назидать и воспитывать всякого, кто будет читать о них или слушать читанное другими. Из всего этого можно видеть и ясно разуметь, что не было человека в его время, от начала царствования и до конца, который жил бы так праведно и свято, как он. При всем том, мне кажется, что для него сделали не довольно, ибо не причислили его к лику мучеников за те страдания, которые он перенес во время своего крестового пилигримства, в течение шести лет, которые я провел в его сообществе. Подобно тому, как наш Господь Бог умер за человеческий род (l'umain lignage) *на кресте*, и добрый король св. Людовик умер *крестоносцем* в Тунисе. А так как никакое благо не может быть предпочтено мудрости души, то по этой причине я начну с первой части, которая говорит о его поучениях и святых словах и потому составляет духовную пищу.

Первая часть

Первая часть, *занимающая в издании Петито всего 20 страниц размером $^1/_8$ бумажного листа, из 340 страниц всей книги, сообразно сказанному автором в прологе, представляет собой сборник анекдотов и изречений Людовика IX, заимствованных из различных периодов его жизни и ничем не связанных между собой, кроме общей цели автора передать характер своего героя.*

ЖАН СИР ЖОАНВИЛЬ (JEHAN JOINVILLE. Ок. 1224–1318). Жан сир Жоанвиль[1] великий сенешаль Шампани (grand seneschal de Champagne) происходил из самой знаменитой фамилии в Шампани; его дядя принимал участие в завоевании Константинополя латинами, а отец оказал большую услугу королевскому дому при защите Троа, когда почти все бароны Франции восстали, пользуясь малолетством Людовика IX. Жоанвиль по обычаю того времени был отдан на воспитание ко двору своего сюзерена Тибо IV, графа Шампани. Веселый нрав юноши и его открытый характер расположили к нему графа, который после смерти старого Жоанвиля пожаловал его сына сенешалем. Когда в 1245 г. заговорили о Крестовом походе, Жану было 22 года, и он, по-видимому, едва только знал короля. Жоанвиль был уже женат и имел двух детей; он заложил все свое имущество, нанял 10 рыцарей и последовал за королем, с которым разделял все труды и опасности во время похода в Египет и Палестину и вместе с которым возвратился домой. Во Франции Жоанвиль сохранил расположение Людовика IX и делил свое время между двором короля и своего графа. Когда в 1268 г. король созвал баронов для вторичного похода в Палестину, Жоанвилль отказался сопровождать его, ссылаясь на то, что его вассалы много пострадали от похода в Египет. При Филиппе III Жоанвиль пользовался тем же почетом; но Филипп IV Красный

---

[1] Замок Жоанвиль стоит на р. Марна, в верхнем ее течении, на юго-востоке от Вассы.

Вторая часть

Начало второй части *посвящается отдельным событиям первого периода правления Людовика IX до похода в Египет, преимущественно его феодальным войнам с вассалами; рассказав последнюю войну Людовика IX с английским королем Генрихом III, который вступил в союз с французским графом де ла Марша, автор обращается к Крестовому походу Людовика IX.*

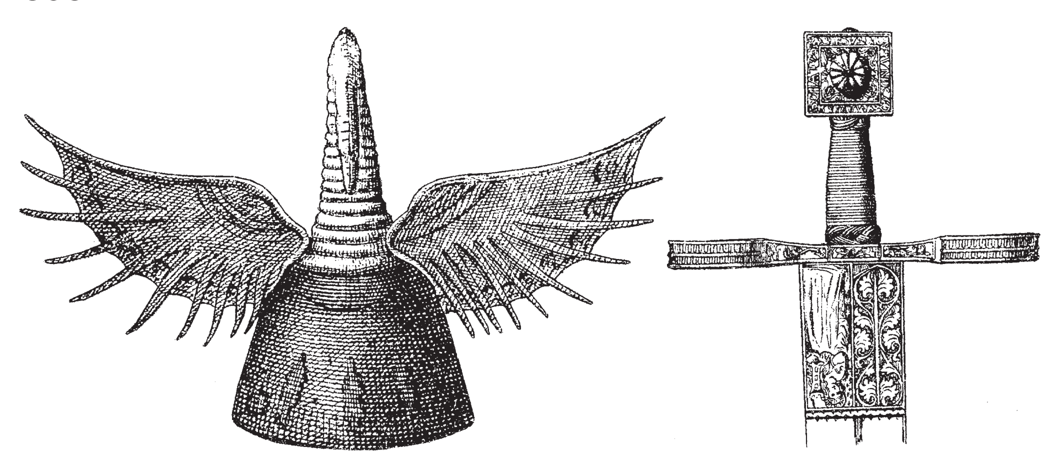
После этих дел (то есть войн с баронами) случилось королю впасть в тяжкую болезнь в Париже (1243 г.) и он был в таком состоянии, что одна из дам, которая смотрела за ним во время болезни, сочтя его умершим, хотела покрыть ему лицо и объявила, что он умер. Но, по Божественному соизволению, другая дама, стоявшая с другой стороны кровати, не потерпела, чтобы лицо короля было таким образом закрыто и чтобы его похоронили, и утверждала постоянно, что он еще жив. Пока спорили эти дамы, наш Господь проявился в нем и возвратил ему язык. И добрый король потребовал, чтобы ему принесли крест, что и было исполнено. И когда добрая дама, его мать (Бланка) узнала, что он заговорил, она обрадовалась так, что не могла быть более рада. Но, увидев его крестоносцем, она была поражена, как будто бы он умер.

Но несмотря на то, добрый король принял крест и вместе с ним Роберт граф Артоа, Альфонс граф Пуатье, Карл граф Анжу, впоследствии король Сицилии; все трое были братья короля (далее следует список других графов и баронов, принявших крест). В их обществе находился и я, *Жан Жоанвиль*, как двоюродный брат мессира (господина) Гоберта Апрмонтского и его братьев; мы переплыли море на небольшом судне, нанятом нами вместе. Нас было 20 рыцарей, из которых десятерых содержал я, и он столько же. И было это после Пасхи в год благодати тысяча CCXLVIII (1248). А до своего отправления я созвал своих вассалов и подданных в Жоанвиле, и они пришли ко мне накануне самой Пасхи, в тот самый день, когда родился мой сын Иоанн, сеньор Анкарвилля, от первой жены, сестры графа Гранпре. Всю неделю я устраивал праздники и пиры с моим братом владетелем Вокелура и с находившимися там богатыми людьми той страны, и после говорили они, что мы хорошо ели, пили и распевали, и все были рады со своей стороны. Когда же наступила пятница, я сказал им: «Господа, да будет вам известно, что я отправляюсь за море. Не знаю, возвращусь ли я или нет. Потому, если найдется кто-нибудь,

---

был мало к нему расположен, хотя его жена Иоанна, королева и графиня Наварры, продолжала оказывать ему прежнее доверие и поручила управление графством. В 1315 г. Жоанвиль восстал открыто против короля, обременявшего Францию налогами, и только смерть Филиппа IV спасла его от мести. При сыне Филиппа IV Людовике X Сварливом Жоанвиль, имея от роду более 80 лет, решился по просьбе матери короля Иоанны Наваррской написать мемуары, или «Историю святого Людовика, IX этого имени, короля Франции». Эти мемуары составляют самый лучший памятник древней французской прозы, потому что имеют некую прелесть наивного рассказа, в котором безыскусственно отразился дух времени и характер писавшего человека, в отличие от ученой латинской литературы духовных. Произведение Жоанвиля – первый образчик живого национального языка. Мемуары, разделяясь на две части, содержат в себе собрание всего, что было примечательно в глазах Жоанвиля в правлении Людовика IX, и только Крестовый поход в Египет рассказан им связно от начала и до конца.

Издания: первое и лучшее сделал *Du Cange* в 1668 г., присоединив к нему большое число специальных исследований о нравах, законодательстве и обычаях XIII в.; из позднейших изданий, с примечаниями *Paulin Paris*, самое удовлетворительное сделал *Firm. Didot* (Par., 1858). Переводы: немецкий *von Driesch* (Trier, 1853), с критическим исследованием текста.



Шлем Хайме I Завоевателя (слева), короля Арагонского (1213–1276). Эфес меча Фердинанда III (справа), короля Лиона (1230–1252)

кого я оскорбил и кто желал бы пожаловаться на меня, то пусть он выступит вперед. Я хочу удовлетворить такого, как имею обычай всегда так поступать с теми, которые жалуются на меня и на моих людей». И таким образом я поступал, как то знают все в той стране и на моих землях. А чтобы не иметь споров, я верил всему, что они представляли, без возражений. Делал же я то для того, потому что не желал отнимать и одного денария несправедливо. Для своих расходов я заложил своим друзьям большое количество земель, так что у меня осталось не более 1200 ливров поземельного дохода. Госпожа же мать моя еще жива и в качестве вдовы пользовалась большей частью моего имущества. Я отправился с 10 рыцарями, как то сказано выше, и с тремя знаменами. И рассказываю я все это, чтобы вы видели, что если бы не помощь Божия, то я не перенес бы такой тяжести в течение 6 лет, которые я провел в странствовании по святым местам...

Знайте, что перед своим отправлением король потребовал всех баронов Франции в Париж и приказал им дать присягу и клятву (foy et hommage) в том, что они сохранят верность его детям и не предпримут ничего дурного во время его пилигримства в заморскую страну. Он потребовал к себе также и меня. Но я, не будучи его подданным[1], вовсе не хотел давать присяги при том я не имел намерения оставаться дома. Когда же я хотел отправиться и пуститься в дорогу, я послал за аббатом Шеминона, которого считали в то время разумнейшим из всего ордена белых, чтобы примириться с ним. Он снарядил меня, подвязал шарфом и вложил в руки посох. И после того я отправился из Жоанвиля и больше не входил в него до самого возвращения из пилигримства в Св. землю. Прежде всего я совершил странствование в соседние местечки, а именно, в Блекур к св. Урбану, и другие, находившиеся поблизости Жоанвиля; ходил же я пешком, босоногий и в рубашке. И когда я возвращался из Блекура к св. Урбану, мне пришлось проходить мимо замка Жоанвиля, и я не смел обернуться к Жоанвилю, опасаясь испытать слишком большую грусть; и сердце мое почувствовало жалость, ибо я там оставлял своих двух детей и удалялся от своего прекрасного замка Жоанвиля, страстно любимого мной. И меня повлекли дальше граф Салебрюль, мой спутник, и мои люди и рыцари, и мы обедали в Фонтень-Аршевек, перед Донжё. И там аббат св. Урбана – да будет к нему милостив Бог – дал мне и моим рыцарям

---

[1] Жан Жоанвиль был француз, но не хотел давать присяги французскому королю, потому что по феодальному праву считал себя вассалом графов Шампани.

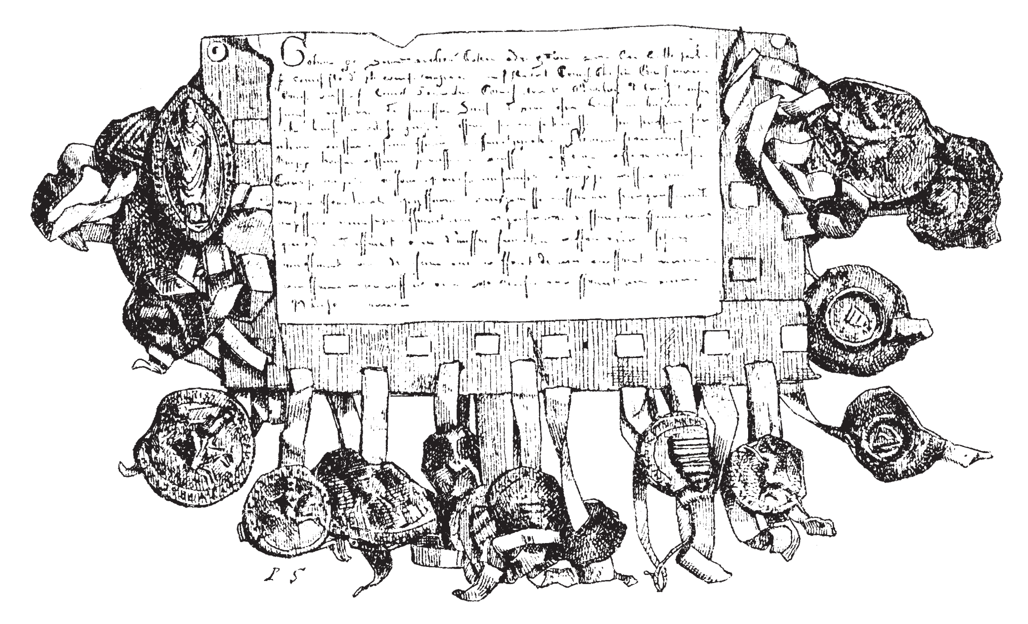
прекрасные подарки. И потом мы простились с ним и пошли прямо к Озонну; там мы поместили себя и вооружение на суда на Соне до Лиона, а наши лошади и боевые кони были ведены под уздцы вдоль берегов реки. И когда мы прибыли в Лион, там мы вошли в Рону, чтобы плыть к Арлю. Припоминаю, что под Роной мы встретили замок Рош-Пюи, разрушенный королем, потому что владетель (sire) этого замка по имени Рожье пользовался дурной славой за то, что он разгружал и грабил всех проходивших мимо купцов и пилигримов. В (1248 г.) сели мы на корабль в Марселе, при этом открыли борт, чтобы ввести наших лошадей. Когда же мы все взошли, борта были снова заколочены и забиты, как будто бы из корабля хотели сделать винную бочку; а в море борта бывают в воде. Тотчас хозяин корабля закричал своим людям, которые находились на носу: «Все ли готово? Можем ли отправляться?» И они отвечали, что совершенно готово. Когда же вошли священники и клерики, их отвели на верх корабля и приказали им славословить Бога, дабы он нас всех благополучно препроводил. И все запели прекрасную песнь: «Veni creator spiritus» до самого конца. И во время пения моряки подняли, с Богом, паруса. Ветер раздул их, и скоро мы потеряли из виду землю, так что видели около себя одно море и небо; с каждым днем мы удалялись от того места, из которого выехали. И при этом я желал бы сказать, что тот весьма безумен, кто знает, что он отнял что-нибудь у другого, имеет на душе смертный грех, и, несмотря на то, пускается на такую опасность. Ибо, засыпая вечером, никто не уверен, что он не очутится к утру на дне морском.

Далее автор описывает, как у африканских берегов они не могли продвигаться вперед и все оставались в виду одной горы; как по совету священника они избавились от этих чар процессией и наконец прибыли к о. Кипр, где нашли Людовика IX, поспевшего раньше приехать и озабоченного заготовлением съестных припасов, чтобы как можно скорее отплыть в Египет.

Во время пребывания короля на Кипре великий хан (татарский) отправил к нему посольство, которое говорило ему ласково и приветливо, хотя он того и не требовал. Между прочим хан Татарии поручал сказать ему, что он совершенно готов к его услугам и поможет ему завоевать Святую землю и освободить Иерусалим из рук сарацин и язычников. Король благосклонно принял это посольство и отправил от себя послов к тому хану Татарии, которые и оставались там два года. Король препроводил к хану Татарии палатку в виде часовни и богато убранную. Палатка была обтянута пурпуром. Сделал же он это, чтобы посмотреть, нельзя ли склонить хана Татарии к нашей вере. Он украсил палатку изображением Благовещения Девы Марии Богородицы. И эту палатку отвезли двое из братии миноритов, знавшие сарацинский язык; король послал их с тем, чтобы они убеждали и наставляли их для уверования в Бога. После возвращения они явились к королю, думая найти его в Акре; но он был в Цезарее. Тогда они вернулись во Францию. Весьма любопытно было бы рассказать, как были приняты другие послы, отправленные королем к варварам; я слышал их рассказы королю, и они сами мне рассказывали о том по моей просьбе. Но я не буду передавать этого теперь, чтобы не прервать изложения главного предмета.

Вы должны знать, что во время моего отправления из Франции я имел дохода не более 1200 ливров: и я взял на себя содержание десяти рыцарей с тремя знаменами, как о том мной сказано выше. Когда же я прибыл к о. Кипру, у меня оставалось после уплаты за корабль всего 240 ливров золотом и серебром. И многие из моих рыцарей говорили мне, что они меня оставят, если я не достану денег. Тогда моя смелость несколько поколебалась, но я продолжал надеяться на Бога. Добрый король, св. Людовик, узнав о моем неприятном положении, послал за мной, взял меня к себе и дал 800 ливров. И я возблагодарил Бога, ибо имел теперь денег больше, чем нужно.

Затем автор делает отступление с целью представить состояние Востока во время прибытия Людовика IX в Египет и говорит о войне между египетским султаном и султаном Дамаска, которая совпала с прибытием крестоносцев к берегам Египта; египетский султан находился



Грамота Людовика IX. Окружена печатями вельмож, также подписавших ее. Париж. Национальный архив

потому в это время в Сирии. Объяснив это обстоятельство, автор описывает сам переезд Людовика с Кипра в Египет и высадку крестоносной армии вблизи Дамиетты: наш автор был в числе первых, вступивших на берег; сарацины сопротивлялись слабо и бежали; наконец, подошла галера, везшая знамя Сен-Дени, и оно было благополучно перенесено на берег. Король остался последним.

Когда добрый король св. Людовик узнал, что знамя Сен-Дени на берегу, он оставил судно, бывшее уже близко от берега, и не хотел ждать, чтобы оно совершенно подплыло, и потому бросился в море в противность убеждениям находившегося при нем легата и очутился по плечи в воде. Так он вышел с щитом на шее, шлемом на голове и с мечом в руке. Подойдя к своим людям, он увидел сарацин с той стороны и спросил, что это за люди. Ему отвечали, что турки и сарацины. Он хотел броситься на них один; но приближенные удержали его и заставили подождать, пока все люди не займут своих мест и не вооружатся.

Тогда сарацины отправили посла к своему султану Куллону (Неджмеддин) возвестить о прибытии короля и посылали три раза. Но не было никакого ответа, ибо султан был болен. Тогда сарацины оставили город Дамиетту, полагая, что султан умер. Король, узнав о том, выслал вперед одного из своих рыцарей до самой Дамиетты. И вскоре рыцарь возвратился к королю и донес ему, что султан действительно умер, а сарацины бежали, и он сам даже был в их домах. Тогда король позвал легата и всех прелатов армии, и они пропели «Te Deum laudamus» до самого конца. После того он сел на коня, затем и все его люди; и мы отправились расположиться перед Дамиеттой. Турки, получив неверное известие, удалились слишком поспешно и не сломали мостов, построенных ими на судах, что могло бы нам причинить большое неудовольствие. Зато они повредили нам в другом отношении: подложив огонь в нескольких местах рыночной площади (la Soulde), где находились все товары и ценные вещи, все это они сожгли с намерением, чтобы мы не могли двинуться далее. Это было то же самое, если бы кто-нибудь завтра поджег малый мост в Париже, от чего да избавит нас Бог.

Но мы можем сказать самим себе, какую милость оказал нам Господь, наш создатель,

оградив нас от опасности и от смерти при нашей высадке, когда мы радостно бросились на своих врагов, сидевших на лошадях; какую большую милость доставил нам всеблагий Господь, предав в наши руки Дамиетту, без малейшей опасности для нас. Мы никогда не овладели бы ею, если бы не принудили к тому голодом. Милость велика, мы можем это сказать, и всякий то видит ясно. Король Иоанн (Бриеннский, в 1219 г.) при наших предшественниках взял некогда Дамиетту голодом. Но я сомневаюсь, чтобы благий Господь мог сказать о нас то же, что он сказал о сынах Израиля, когда он извел их в Обетованную страну. Упрекая их, он говорил: «Et pro nihilo habuerunt Terram desiderabelem», и так далее. А сказал он так, потому что они забыли его, несмотря на все его милости. Он спас их, избавил от пленения фараонского и дал им землю обетования. Так он скажет после и о нас, когда мы забудем его, и как то будет объяснено ниже.

Начну с самого короля, который созвал всех баронов и прелатов и по прибытии их спрашивал у них совета: как поступить с имуществом, которое они нашли в городе Дамиетте, и каким образом его раздать. Патриарх (Фулько Иерусалимский), находившийся там, говорил первым и сказал: «Государь, мне кажется, было бы полезно, если бы вы удержали за собой весь хлеб, жито, рис и другие съестные припасы; а чтобы город не был разграблен, объявите по войску, что все движимое должно быть доставлено в дом легата под страхом отлучения». Все бароны и другие согласились с тем, и так было поступлено. Оказалось, что все снесенное в дом легата не превышало ценностью 6 тысяч ливров. И когда все было собрано в доме легата, король и бароны отправили за именитым выборным мессиром Жаном Валери. И когда он явился, король сказал ему, как он поступил по совету баронов, и что легат одолжит ему 6 тысяч ливров, во что оценено все имущество, снесенное в его дом; а он употребит эти 6 тысяч, где то окажется нужным и более выгодным. «Государь,– отвечал ему выборный,– я благодарю вас всенижайше за честь, которую вы оказываете мне; но не сердитесь, я не приму этого предложения. С помощью Божьей я никогда не откажусь от добрых древних обычаев, которых держались наши предшественники в Св. земле. При овладении каким-нибудь неприятельским городом или при взятии большой добычи одна треть найденного в городе принадлежит королю, а две трети – пилигримам. Король Иоанн при взятии Дамиетты (1219 г.) крепко держался этого обычая. И, как я слышал от старых людей, король Иерусалимский, предшествовавший королю Иоанну, соблюдал этот обычай без малейшего отступления. Но подумайте, не предпочтете ли вы вручить мне две части хлеба, жита, риса и других вещей, удержанных вами, и я с большей охотой раздам все это пилигримам, во славу Божью». Королю не понравился этот совет, и так дело осталось. Но многие были весьма недовольны королем за то, что он нарушил добрые старые обычаи[1].

Королевские люди, устроившись удобно и разместившись в городе Дамиетте, начали закладывать свое имущество купцам, которые следовали за армией с хлебом и товарами и продавали им все необходимое по самой дорогой цене. Слух о том распространился по чужим странам, и издалека начали свозить съестные припасы в армию; все это причинило великое зло и ущерб. Бароны, рыцари и другие, которым следовало сохранять свое имущество и беречь его на черный день, давали друг другу пиры и наслаждались обилием яств. Простой же народ наносил оскорбления женщинам и девицам. А королю приходилось давать удовлетворение всем жаловавшимся на его людей и начальников. Сам добрый король говорил мне, что на полет камня от его палатки были устроены дома разврата (bordeaux), содержимые его людьми. Было много и других зол, каких никогда прежде не видывали в армии.

---

[1] Людовик IX впервые попытался снять препятствие, которое всего более вредило военным предприятиям того времени: армия не имела своей казны и своих поставщиков; каждый заботился о себе сам и потому каждый имел свою долю в добыче; в случае же частной непредусмотрительности обедневшие становились бременем для войска. Людовик IX хотел уничтожить это зло, но оно было так тесно связано с духом феодализма, что попытка короля вызвала оппозицию..

Бланка Кастильская и Людовик IX Святой. Париж. Музей Клюни

Далее автор описывает различные действия турок, которые тревожили крестоносцев, остававшихся на месте весьма долго, до самого конца 1249 г., поджидая прибытия брата Людовика IX, Альфонса Пуату. Наконец, Альфонс прибыл в декабре 1249 г., и тогда состоялось совещание о том, куда идти. Многие предлагали напасть на Александрию, но брат короля, граф Артоа, настаивал на необходимости овладеть Каиром говоря, что «для умерщвления змеи нужно раздавить ей голову». Мнение графа было принято, и войско, оставив королеву Маргариту с гарнизоном в Дамиетте, тронулось далее вверх по рукаву Нила, постоянно сталкиваясь с мусульманами; наконец, 19 декабря крестоносцы подошли к городу Мансуре, отделявшемуся от них каналом Ашмуном; по ту сторону канала стояла мусульманская армия под начальством Сцецедуна (Факреддин), которого пожаловал в рыцари император Фридрих II. Султан Неджмеддин умер незадолго до этого времени, а на престол вступил его сын Туран-шах. Затем следует описание самой осады Мансуры: христиане строят машины, стоя на берегу, противоположном крепости, и стараются под их прикрытием навести мост через канал; мусульмане со своей стороны перевозят отряды и беспокоят христиан с тыла, употребляя все усилия, чтобы уничтожить осадные работы христиан.

Однажды вечером (это было уже в начале 1250 г.) турки подвели машину, которую они называют камнеметательницей (la perriere); она могла причинять страшное зло, и установили ее против нашей башенной машины (chaz chateilz), которую сторожил в эту ночь Готье де Кюрель вместе со мной. Из своей машины они бросили на нас в изобилии греческий огонь (feu gregois), вещь самую ужасную, какую когда-либо я видел. Когда добрый витязь Готье, мой товарищ, заметил этот огонь, он закричал и сказал нам: «Мы погибли безвозвратно; если они подожгут нашу машину, то и мы сгорим; если же мы ее оставим, нам будет стыдно. Я же думаю, что нас теперь никто не может спасти, кроме Господа Бога; а потому советую всем, каждый раз, когда они пустят в нас греческим огнем, бросаться на локти и на колени и взывать к всемогущему Богу о помиловании». Лишь только турки бросили огонь в первый раз, мы легли на локти и на колени, как то нам советовал добрый человек. И упал огонь в этот раз между наших двух машин, на место, которое вырыли наши люди, чтобы отвести реку в сторону. Этот огонь был потушен немедленно человеком, которого мы имели при себе на такой случай. По наружности этот огонь был таков, что издалека представлялся величиной с винную бочку и сзади имел хвост в несколько фут. Он производил такой шум, как будто бы молния падала с неба, и представлялся мне огромным драконом, летящим по воздуху; свет его был так силен, что в нашей армии делалось светло, как днем, таково было его пламя. В эту ночь они три раза бросали греческий огонь из камнеметательницы и четыре раза при помощи арбалета с башни. И всякий раз, когда наш добрый король святой Людовик видел как они бросают огонь, он кидался на землю и протягивал руки, поднимая лицо к небу. И он взывал громким голосом к нашему Господу и говорил, плача, со слезами: «Господи (beau sire), Иисусе Христе, спаси меня и людей моих!» И поверьте мне, его добрые молитвы и просьбы послужили нам в помощь. Кроме того, всякий раз, как огонь падал перед нами, он посылал к нам одного из своих камергеров (chambellans), чтобы узнать, в каком мы положении и не истребил ли нас огонь.

Далее следует описание других случаев, более удачных для сарацин и несчастных для крестоносцев: турки успели сжечь главные осадные орудия христиан.

Видя это (то есть истребление своих машин), король и все его люди были весьма смущены, и король созвал своих баронов, чтобы посоветоваться, как действовать. И увидели они совершенную невозможность перебраться на другую сторону к сарацинам: ибо наши не могли с такой поспешностью строить, как те разрушали. Тогда мессир Гумберт из Божё, коннетабль Франции, сказал королю, что к нему явился какой-то бедуин и сказал, что если ему дадут 500 византийских золотых, то он покажет нам хорошее место для перехода вброд на лошади. Король отвечал, что совершенно согласен на это, но пусть коннетабль проверит истину его показания; но этот человек не хотел показывать брода до тех пор, пока ему не дадут обещанные деньги. Тогда король распорядился, чтобы герцог Бургундский и богатейшие люди из Палестины, бывшие в согласии с ним, остались охранять лагерь против сарацин; а он сам вместе с тремя братьями, графом Пуатье, графом Артоа и графом Анжу, впоследствии королем Сицилии, как я уже сказал о том, и со своими конными людьми пойдут посмотреть и испытать брод, который им укажет бедуин. Назначили для того первый день поста, и когда он наступил, мы сели на лошадей и отправились к месту брода, все в полном вооружении. На пути некоторые ехали слишком близко к берегу, а земля была вязкая и рассыпалась, так что они оборвались в реку вместе с лошадьми и утонули. И король, заметив то, указал на них другим, чтобы они остереглись и не упали. Между прочими обвалился и утонул мессир Жан Орлеанский, мужественный витязь, несший знамя армии. Когда мы подъехали к броду, на другой стороне реки стояло по крайней мере 300 конных сарацин, охранявших проход. Вступив в реку, мы нашли брод хорошим и дно крепким и, направившись вверх по реке, успели перебраться на другой берег, благодарение Богу, без всякой опасности. Когда же сарацины завидели нас, они ускакали с великой поспешностью.

До отправления, король определил, чтобы тамплиеры составляли авангард, а граф Артоа, его брат, вел второй отряд. Но едва граф Артоа переправился через реку вместе со своими людьми и заметил, что сарацины бегут перед ними, он пришпорил лошадей и пустился вслед за сарацинами. Но авангард стал удерживать графа Артоа, который не смел отвечать ему из страха перед Фулько Нельским, державшим его лошадь под уздцы. Но мессир Фулько не расслушал того, что тамплиеры говорили графу, ибо он был крепок на ухо, и закричал громким голосом: «Ура, ура!» (or à eulx, or à eulx). Тамплиеры, видя то, считали бы себя пристыженными и обесславленными, если бы они допустили графа Артоа идти вперед. Тогда они изо всей силы пришпорили коней и, следуя за бежавшими сарацинами, ворвались вслед за ними в город Мансуру (Massourre) и далее на поля, раскинувшиеся перед Вавилоном (Каиром). Когда они хотели повернуть назад, турки, пользуясь узкими улицами, начали осыпать их стрелами и камнями. При этом были убиты граф Артоа, сир Куси по имени Рауль и многие другие рыцари, в числе 300. А тамплиеры, как говорил мне сам магистр (le maiste capitaine), потеряли до 280 (quatorze vingts) вооруженных и конных людей. В то же время я, мои всадники и пешие люди увидели слева огромное число турок, изготовлявшихся к бою, и немедленно бросились на них. Преследуя их, я заметил одного рослого сарацина, садившегося на коня, между тем как другой всадник держал коня под уздцы. Пока сарацин брался за седло, чтобы сесть, я пронзил его мечом так глубоко, что он пал мертвым на месте. Когда его всадник увидел, что господин погиб, он бросил его и коня и напал на меня сзади, ударив своим мечом между плеч с такой силой, что я сунулся на шею лошади, а он меня схватил так крепко, что мне не было возможности обнажить свой меч, которым я был подпоясан. Но я успел овладеть другим мечом, висевшим на седле и принесшим мне в ту минуту большую пользу. Заметив, что я держу меч в руках, он извлек свой, за который я ухватился, и отступил от меня.

Следует описание других отдельных схваток передового отряда, в котором находился наш автор, подвергая несколько раз свою жизнь опасности; горстка христиан рассыпалась по полю, окруженная многочисленной армией, и совершенно погибла бы, если бы к тому времени не переправился вброд сам король и не поспешил к ним на помощь.

Вдруг вижу я: идет король и с ним его люди; они спешат при страшном громе труб, рогов и рожков. Король остановился на одном возвышении вместе со своей пехотой, желая им что-то сказать. И уверяю вас, что я никогда не видел такого прекрасного воина; он казался выше всех. На голове у него был чудный позолоченный шлем и в руке меч немецкой работы. Когда он остановился, его рыцари увидели, что другие всадники и люди короля схватились с турками: они бросились также вперед вместе с прочими. И знайте, что в этот раз были совершены такие подвиги с обеих сторон, каких еще не видали никогда во все время заморских походов (veage d'oultre mer, то есть Крестовых). И никто не стрелял из луков, арбалетов и других метательных орудий, но бились телом к телу, поражая палицами, мечом, древками копий и перемешавшись друг с другом. Я только смотрел и выражал сожаление со своими рыцарями, что мы не участвовали в деле вместе с прочими, хотя мы были покрыты ранами наравне с другими. Но вот ко мне является мой оруженосец, убежавший вместе с моим знаменем; он подвел мне одного из моих горячих боевых коней, и я тотчас сел на него и стал рядом с королем. Там же был мессир Жан Валери, который видел, что король хочет удариться в битву: и он ему советует взять направо, к реке, на случай опасности, чтобы иметь возможность получить вспомоществование от герцога Бургундского и его армии, которая охраняла лагерь, оставленный нами на другой стороне реки; а также и с той целью, чтобы наши люди могли освежиться и испить воды. Жара же была чрезмерная. Король приказал созвать своих баронов, рыцарей и других людей совета, находившихся в битве с турками. И когда они явились, он спрашивал, что теперь делать. И многие отвечали, что добрый рыцарь, мессир Жан Валери, находившийся с ним, давал весьма хороший совет. Тогда по совету того Валери, признанному многими за хороший, король удалился вправо к реке. И вот приходит мессир Гумберт из Божё, коннетабль Франции, и говорит королю, что его брат, граф Артоа, окружен в одном доме в Мансуре и чудесно защищается: но при всем том ему нужна помощь и он просит короля пособить ему. И король сказал: «Коннетабль, поспешайте вперед, я последую за вами». И я, Жоанвиль, говорю коннетаблю, что желаю быть одним из его рыцарей и отправлюсь за ним, за что он меня поблагодарил от всего сердца. И немедленно каждый из нас дал шпоры и помчался на Мансуру, в пыл битвы с турками. И многие из наших отделились от других и скакали врозь, рассеявшись между силами турецкими и сарацинскими.

Вот вскоре является один из пехотинцев к коннетаблю, с которым был и я, и говорит, что король окружен турками и находится в великой опасности. Мы перепугались и почувствовали великий страх: ибо между нами и тем местом, где турки окружили короля, стояло, по крайней мере, тысяча или тысяча двести турок, а нас было всего шесть человек. Тогда я говорю коннетаблю, что так как мы не имеем возможности проникнуть через массу турок, то лучше обойти их сверху. Так мы и сделали. По дороге нам встретился ров между нами и сарацинами. И знайте, что если бы они обратили внимание на нас, то мы были бы все немедленно перерезаны; но они поджидали короля и другие главные отряды; притом они приняли нас за своих. Таким образом, мы прибыли к реке и, проходя между ею и дорогой, увидели, что король отступил вверх по реке, а турки подводят новые отряды. И турецкие войска сразились с королевскими у самой реки, и было то зрелище достойное сожаления: ибо большая часть наших, которые были послабее, задумали перейти на другую сторону, к лагерю, где находился герцог Бургундский; но это было невозможно, так как их лошади много уже трудились и потеряли силу, и ко всему тому была страшная жара. Спустившись ниже вдоль реки, мы увидели, что вода была вся покрыта пиками, копьями, щитами, людьми и лошадьми, которые погибали и тонули. Когда мы увидели печальную участь, постигшую наших людей, я сказал коннетаблю, что нам следует остаться у реки для охранения небольшого плота, который там находился. «Ибо, – прибавил я, – если мы бросим это место, то они нападут на

короля с этой стороны; если же они окружат наших с двух сторон, то нам будет уже слишком худо». Так мы и остались. И будьте уверены, что добрый король совершил в этот день столь великие подвиги, каких я не видел еще ни в одном сражении. Тогда говорили, что если бы не он, то в тот день мы все пропали бы и погибли. Но я думаю, что его доблесть и мощь были наполовину увеличены всемогуществом Божьим. Он устремлялся всюду, где опасность угрожала его людям, и наносил удивительные удары мечом и палицей. И однажды мне рассказывали сир де Курсене и мессир Жан де Селене, что в этот день шесть турок приблизились к королю, схватили его коня за узду и хотели увести его силой. Но доблестный принц защищался из всех сил и с такой отвагой поражал всех шестерых врагов, что успел сам освободиться. Когда многие увидели, что он совершает такой подвиг и столь отважно защищается, они сами воодушевились, оставили охраняемый ими проход и поспешили к королю на помощь.

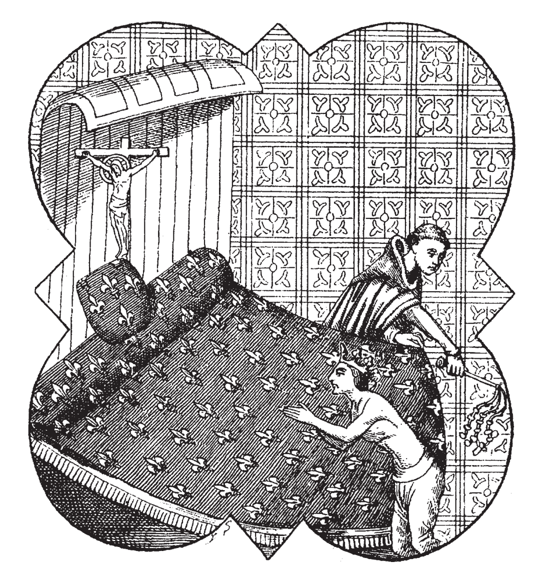
Затем автор приводит отдельные рассказы о других частных подвигах, которые были совершены в виду его, пока он продолжал охранять вышеупомянутый плот, отражая нападения турок.

Пока мы таким образом охраняли плот, добрый граф Суассона, когда мы возвратились на место, отогнав дальше негодных турок, начал шутить со мной и сказал мне: «Сенешаль, оставим этих каналий кричать и лаять. О сегодняшнем дне мы оба, и вы, и я, будем рассказывать в замке перед дамами».

К вечеру, около солнечного заката, коннетабль мессир Гумберт из Божё привел к нам пеших арбалетчиков короля и стал перед нами. И мы сошли с лошадей и расположились за арбалетчиками. Видя это, сарацины разбежались и оставили нас в покое. Тогда мне говорит коннетабль, что мы хорошо поступили, охраняя таким образом плот. И сказал он мне, чтобы я смело шел к королю и не оставлял его, пока он не вернется в палатку. И я отправился к королю. Едва только я явился к нему, как прибыл мессир Жан Валери и просил его от имени сира Шатильона дать ему арьергард. Король согласился на это весьма охотно. После того король отправился в свою палатку, снял с головы шлем и взял у меня мою железную каску, как более легкую, чтобы освежиться. Когда мы ехали таким образом вместе, к королю приблизился брат Генрих, приор монастыря Роннэ, перебравшийся за реку, и которому целовала руку вся армия. Он спросил у короля: какие известия о его брате, графе Артоа? И король отвечал, что все благополучно, то есть он хотел сказать, ему известно, что брат находится в раю. И приор брат Генрих, прося его рассказать о смерти графа Артоа, говорил ему: «Сир, ни одному королю Франции не доставалась такая честь, как вам. Вы и ваши люди с великой отвагой перешли эту реку, чтобы сразиться с неприятелем; и вы сражались так, что изгнали его и овладели полем битвы и машинами, которыми они воевали изумительным образом. Наконец, вы остаетесь даже на ночь в неприятельских квартирах и палатках». И добрый король отвечал, что Бога должно благодарить за все, что он дает. И затем начали падать обильные слезы из его глаз, и многие знатные лица были весьма опечалены и разжалоблены, видя, что он так плачет и восхваляет Бога за все, что он принудил его перенести.

Окончив таким образом описание первой битвы в понедельник на первой неделе поста, автор сначала говорит, как они провели ночь, постоянно отражая попытки турок возвратить утраченные ими машины. Потом он описывает вторую, не менее отчаянную битву в пятницу на той же неделе: христиане удержали позицию и простояли таким образом до самой Святой, претерпевая ужасные бедствия от чумы, которая открылась в лагере, и от дороговизны, ибо турки пресекли всякое сообщение армии по воде с Дамиеттой: на Пасхе бык продавался за 80 ливров, баран стоил 30 ливров, одно яйцо – 12 денариев и т. д. Вследствие того король велел отступить за канал и с великим трудом и потерями соединился с другой частью своей армии, которой командовал герцог Бургундский; но это соединение не могло спасти от бедствий голода и заразных болезней.

Когда добрый король, св. Людовик, смотрел на все эти бедствия, он, протягивая руки, поднимал лицо к небу и благословлял Господа за все дарованное им. Но,



Духовник Людовика IX производит бичевание короля. По миниатюре XIV в.

видя, что ни он сам, ни его люди не могут оставаться более без того, чтобы не погибнуть, он приказал приготовиться ко вторнику вечером на Фоминой неделе (5 апреля) возвратиться в Дамиетту. И приказал от своего имени мореходам на флоте изготовить корабли, взять всех бедных и отвести их в город. В то же время он предписал Иосцелину из Корванта и другим своим мастерам и механикам перерубить канаты, державшие мост между нами и сарацинами (на канале Ашмуне). Но ничего не было сделано, и это причинило нам большой вред. Когда я увидел, что все готовятся идти в Дамиетту, я также сел на свой корабль, и со мной два рыцаря, которые оставались при мне с прочей свитой. И под вечер, когда сделалось весьма темно, я приказал своему кормчему поднять якорь и плыть по течению. А он отвечал, что не смеет, ибо между нами и Дамиеттой стоят большие суда султана, которые захватят нас и умертвят. Между тем мореходы короля развели большой огонь, чтобы принять и отогреть бедных больных на галерах, которые поджидали корабли, стоя на берегу реки. Пока я убеждал своих моряков мало-помалу подвигаться вперед, я увидел при свете огня сарацин, ворвавшихся в наш лагерь и убивавших больных на берегу. Мои моряки подняли якорь и хотели потихоньку спускаться, но вдруг являются другие моряки, которые должны были взять бедных больных, и замечают, что тех умерщвляют сарацины, поспешно обрезают якорные канаты и так зажимают мое маленькое судно, что я ожидал каждую минуту пойти на дно. Избавившись от этой опасности, весьма великой, мы начали плыть по течению. Видим: король, страдавший одинаковой болезнью с войскам и покрытый вередами, и с ним другие, которых мы оставили; королю предлагают сесть на большие суда для безопасности, но он говорит, что желает лучше умереть, чем оставить свой народ. Нас зовут и кричат, чтобы мы остановились, и пускают в нас стрелы из арбалета с целью заставить подплыть к берегу; но король не согласился, и нас отпустили. При этом я поведаю вам, каким образом взяли короля в плен и как он после сам мне рассказывал о том. Он оставил своих людей и свой отряд и вместе с мессиром Жофруа из Сержина стал в отряде мессира Готье Шатильонского, составлявшем арьергард. И король сидел на небольшом бегуне, покрытом шелковой попоной. И он, как я потом слышал, не покидал своих людей, равно как и добрый витязь мессир Жофруа из Сержина, который проводил короля до маленького местечка, называемого Казель (Мение), где король и был взят в плен. Но прежде, нежели турки могли овладеть им, король говорил, что мессир Жофруа из Сержина защищал его так, как добрый слуга охраняет от мух кубок своего господина. Всякий раз, когда сарацины приближались, мессир Жофруа отражал их мечом и копьем, и сила его, отвага и храбрость удваивались; своими ударами он отгонял турок от короля. Так достигли они Казеля, где и остановились в доме одной горожанки, бывшей из Парижа. Там все считали короля на дороге к смерти и не надеялись, чтобы он мог пережить этот день.

Вдруг является к королю мессир Филипп Монфорт и говорит ему, что он отправится повидаться с эмиром (l'admiral) султана, с которым он еще прежде переговаривался о перемирии: если королю угодно,

то он снова пойдет к нему. И король просил его исполнить то и обещал согласиться на все, чего они захотят. Тогда монсеньор Филипп Монфорт отправляется и идет к сарацинам, которые сняли с головы чалмы (toailles). И сир Монфорт снял со своего пальца перстень в уверение перемирия; и между тем как он уговорился на том же основании, как и прежде, один негодяй и изменник по имени Марсель начал громко кричать нашим людям: «Господа рыцари, сдавайтесь все, король вам приказывает то через меня, и прекратите борьбу». При этих словах все испугались; и каждый выдал сарацинам свое оружие. Когда эмир увидел, что сарацины ведут королевских людей пленными, он сказал мессиру Филиппу Монфорт, что ему не нужно перемирия, ибо он видит, что все его люди взяты сарацинами. И мессир Филипп, видя, что все королевские люди взяты, был весьма изумлен. Он очень хорошо знал, что хотя он и был парламентером, но тем не менее будет задержан, и не видел, к кому бы обратиться. В языческой земле есть весьма дурной обычай: когда султан и какой-нибудь король той страны посылают парламентеров для заключения перемирия и кто-нибудь из государей умрет, то посол, в случае, если перемирие не было еще заключено, объявляется пленником; от кого бы он ни был, от султана или от короля.

Между тем вы должны знать, что мы, находившиеся на кораблях на реке в надежде пробраться в Дамиетту, были не более счастливы, как и те, которые оставались на берегу. Нас также взяли, как вы то увидите ниже. В то время, когда мы плыли, поднялся такой страшный противный ветер от Дамиетты, что он изменил течение, и мы не могли идти вниз; пришлось вернуться к сарацинам. Правда, король оставил многих рыцарей для охранения больных на берегу, но это нисколько не принесло нам пользы: они все разбежались. На рассвете нас принесло к тому месту, где стояли корабли султана, препятствовавшие провозу съестных припасов из Дамиетты в лагерь. Заметив нас, они подняли страшный шум и начали бросать в нас и в конных людей, стоявших на другом берегу реки, пуки греческого огня, и, казалось, звезды падают с неба. Когда мои моряки попали снова в течение и хотели плыть дальше, мы увидели тех всадников, которых король оставил для охранения больных: они бежали к Дамиетте. Ветер же поднялся крепче прежнего и выбросил нас на один из берегов реки. А на другом берегу находилось огромное количество наших кораблей, взятых и захваченных сарацинами, и мы не смели туда подойти. И видим мы ясно, что турки умерщвляют на них людей и бросают в воду. И видим также, что они таскают с судов, захваченных ими, ящики и сбрую. Так как мы не хотели приблизиться к сарацинам, то они грозили нам и пускали в нас стрелы. Тогда я надел на себя кирасу, чтобы избежать ран. А между тем на корме нашего корабля мои люди начали кричать мне: «Сир, сир, наш кормчий из-за угроз сарацин хочет нас высадить на берег, где мы будем убиты». Тогда я встал, так как я был болен, и обнажил свой меч, грозил умертвить их, если они вздумают плыть далее и отвести меня к сарацинам. И они мне отвечали, что не пойдут далее; я предпочел бы быть выкинутым за борт, нежели выйти на берег, потому что я видел, как убивают наших людей. Они послушались меня. Но вскоре против нас вышли четыре галеры султана, на которых было 10 000 человек. Тогда я созвал своих рыцарей и просил их посоветовать мне, что делать, сдаться ли тем, которые плывут на галерах, или тем, которые находятся на берегу. И все мы были согласны, что лучше сдаться галерам, ибо в таком случае нас оставят всех вместе, нежели тем, которые стоят на берегу и разлучат нас друг с другом; притом на берегу мы можем попасться в руки бедуинов. На этот совет не соглашался один из бывших со мною клерик; он говорил, что мы должны сами лишить себя жизни, чтобы отправиться в рай. Но мы не хотели этому верить, ибо страх смерти слишком сильно овладел нами.

Когда я увидел, что приходится сдаться, я схватил бывшую со мной шкатулку с драгоценностями и святыню и бросил все в реку. И мне сказал один из моряков, что если я не позволю ему сообщить, что я родственник короля, то они нас всех убьют. И я ему отвечал, что он может говорить все,

что ему угодно. Между тем подъехала первая из четырех галер, перерезала нам путь и бросила якорь близ нашего корабля. В это время Бог послал мне – так я верю – какого-то сарацина, который был из владений императора и имел на себе короткие штаны из грубого полотна; он достиг нашего корабля вплавь и, бросившись ко мне, сказал: «Сир, если вы мне не поверите, вы погибли; вам необходимо для спасения удалиться с корабля и броситься в воду; они не заметят вас, ибо заняты исключительно мыслью об овладении кораблем». Он перебросил мне веревку с их галеры на палубу моего корабля, и я вскочил в воду, и сарацин со мной: я в нем очень нуждался, он меня поддерживал и свел на галеру. Я же был очень слаб от болезни, так что шел, шатаясь, и утонул бы без него на дне реки.

Меня втащили на галеру, в которой находилось около восьмидесяти человек, кроме тех, которые взошли на мой корабль, и этого бедного сарацина, державшего меня на руках. Вскоре меня перенесли на берег, и все бросились, желая перерезать мне горло, чего я и ожидал: каждый кто меня убил бы, считал бы это за великую честь. Но сарацин, уведший меня с корабля, не выпускал меня из рук и закричал им: «Родственник короля, родственник короля!» А я уже чувствовал нож у горла и опустился на колени на землю. Но Бог меня спас от опасности при помощи того бедного сарацина, который отвел меня в укрепление, где были сарацины. И когда я явился к ним, они сняли с меня мою кирасу и из сострадания ко мне, видя меня больным, набросили мне на плечи пурпуровое покрывало с зеленой каймой, которое подарила мне госпожа моя мать. А один из них принес белый ремень, которым я подпоясался сверх покрывала; другой же сарацинский рыцарь одолжил мне шапку, которую я надел на голову. И тотчас у меня застучали зубы, как от великого страха, испытанного мной, так и от болезни. Я попросил пить, и пошли принести мне воды в горшке. Но едва я взял воду в рот, чтобы проглотить, как она вся вышла вон ноздрями. Один Бог знает, в каком жалком положении я находился в то время! Я рассчитывал скорее на смерть, нежели на жизнь, ибо у меня была опухоль в горле. И когда мои люди увидели, что вода вышла у меня ноздрями, они начали плакать и печалиться. И сарацин, спасший меня, спрашивал моих людей, чего они плачут. И они объяснили ему, что я осужден на смерть, так как имею опухоль в горле, которая меня задушит. И этот добрый сарацин, постоянно показывавший сожаление ко мне, подошел поговорить с одним из сарацинских рыцарей, который сказал ему, что он меня вылечит и даст мне одно питье, от него я вылечусь в два дня; так то и случилось: я вылечился скоро при помощи Божьей и того питья.

Лишь только я вылечился, как эмир султанских галер послал за мной, чтобы узнать, действительно ли я родственник короля, как то говорили. И я ему отвечал, что нет. И он меня спросил, как же это так? Я отвечал, что мне посоветовал это один моряк, опасаясь, что сарацины, взявшие нас в плен, убьют всех. И эмир мне заметил, что совет был очень хорош. Ибо иначе они нас перебили бы и бросили в воду. Тогда эмир снова спросил меня, не знаю ли я императора немецкого Фридриха (то есть II, Гогенштауфена, которого автор называет Ferry d’Almaigne), который жил в то время, и не в родстве ли я с ним. И ему сказал правду, а именно, я слышал, что госпожа моя мать была его двоюродной сестрой. И эмир мне отвечал, что за это он меня любит еще больше. И когда мы там ели и пили, он приказал позвать ко мне одного горожанина из Парижа. Когда горожанин увидел, что я ел, он воскликнул: «О сир, что вы делаете?» – «А что я делаю?» – отвечал я. И горожанин напомнил мне именем Бога, что я ем в пятницу. И я тотчас бросил посуду, из которой ел, назад. Видя это, эмир спросил у спасшего меня сарацина, который был постоянно со мной, почему я перестал есть. И он сказал: потому что сегодня пятница, о чем я не подумал. И эмир заметил, что Бог не оскорбится этим, ибо я это сделал не сознательно. И знайте, что легат, бывший при короле, часто спрашивал меня, зачем я пощусь, когда я так болен, между тем как при короле, кроме меня, нет никого из важных лиц, и говорил, что я делаю худо. Я постился вовсе не потому, что был пленником, и каждую пятницу не ел ничего, кроме хлеба и воды.

В следующее воскресенье после того, как я был взят, эмир вывел нас из укрепления к реке для соединения с теми, которые были взяты на судах. И когда я пришел туда, вижу, что вытащили моего капеллана, мессира Жана, со дна галеры, и он тотчас же упал в обморок. Сарацины убили его немедленно предо мной и бросили в реку. Его клерика, потерявшего все силы от болезни, свирепствовавшей в войске, сарацины ударили молотом по голове и убили; а потом бросили в реку, вслед за его учителем. Точно так же они поступали и с другими пленными: как только кого-нибудь вытаскивали со дна галеры, где находились пленные, сарацины, видя, что кто-нибудь очень нездоров или слаб, убивали такого и бросали в воду; и так они обращались с бедными больными. Видя эту тиранию, я заметил им через моего сарацина, что они поступают дурно и в противность предписаниям Саладина язычника, говорившего, что не должно ни убивать, ни умерщвлять человека, а дать ему от своего хлеба и соли. А они отвечали мне, что эти люди никуда не годятся и не могут ничего делать, до того они больны. После того они подвели ко мне всех моих моряков и объявили, что они все ренегаты (regniez). И я им сказал, что они отреклись от веры не по убеждению, а от страха смерти, и потому лишь только вернутся в свою страну, как обратятся к своей вере. И на это отвечал мне эмир: «Саладин говорил, что еще никогда не видели, чтобы христианин сделался хорошим сарацином, или сарацин хорошим христианином». После того эмир приказал мне сесть на коня, и мы поехали рядом. Он перевел меня по мосту до того места, в котором находился св. Людовик и его пленные люди. При входе в большую палатку мы нашли писца, который записывал имена пленников для султана. И мне пришлось объявить свое имя, которого я не хотел скрывать, и оно было записано вместе с другими. При входе же в палатку тот сарацин, который меня сопровождал и спасал на галере, сказал мне: «Сир, я не могу следовать далее за вами, извините меня. Я поручаю вам этого ребенка, держите его при себе всегда за руку, иначе, я знаю, сарацины убьют его». Ребенка звали Бартоломей

Слева: Людовик Святой. Со статуэтки XIII в., представлявшей собой часть запрестольного украшения в церкви Сен-Шапель. *Справа:* Маргарита Прованская, супруга Людовика IX. Со старинного рисунка, изображающего ее статую в церкви Пуасси, ныне не существующую

Монфокон, сын сеньора Монфокона из Бара. Когда мое имя было записано, эмир ввел нас, меня и того ребенка, в палатку, где находились бароны Франции и более 10 тысяч других лиц вместе с ними. И когда я вошел, все выразили такую громкую радость, что ничего нельзя было расслышать за шумом, который они подняли. Они считали меня погибшим.

Затем автор расписывает различные эпизоды из своего заключения, говорит о попытках неприятеля принудить сначала баронов, а потом и короля, выдать ему последние христианские владения в Палестине; мусульмане, встретив отказ, угрожают королю пыткой, но, видя, что все их усилия напрасны, решаются вступить с королем в переговоры на более умеренных условиях.

Когда сарацины увидели, что они не могут победить короля угрозами, они снова обратились к нему и спрашивали, какую он согласен дать сумму сверх сдачи Дамиетты. И король отвечал, что если султан

захочет взять умеренный выкуп, то он обратится к королеве (Маргарите, которая оставалась в Дамиетте), чтобы она заплатила за его людей. И сарацины спрашивали его, почему он хочет снестись с королевой. И он отвечал, что имеет на это достаточную причину, ибо королева считается его дамой и подругой. Тогда советники султана пошли к султану и спросили, сколько он потребует с короля. После того они вернулись к королю и сказали ему, захочет ли королева заплатить миллион византийских золотых (dix cens mille desans d'or), что составляло тогда 500 тысяч ливров [1], и прислать их королю для этого дела? И король потребовал от них клятвы в том, что султан даст слово освободить его, если королева заплатит ему 500 тысяч ливров. Они вернулись к султану и спрашивали, согласен ли он на такие условия и даст ли слово. И потом представили они королю, что султан согласен и дает клятву. Как только сарацины присягнули и поклялись исполнить все и освободить его, король обещал им со своей стороны, что он охотно внесет выкуп 500 тысяч фунтов за освобождение своих людей, а за себя лично сдаст султану Дамиетту: король не желает торговать своим телом и ни за какие деньги не согласится получить освобождения. Когда султан узнал волю короля, он сказал: «Клянусь Кораном, щедр и великодушен этот француз, если не хочет выторговать ничего из такой большой суммы: я соглашаюсь на то, что с него требовали. Но скажите ему, – заметил султан, – что я скидываю из его выкупной суммы 100 тысяч ливров, и пусть он заплатит только 400 тысяч».

После заключения такого договора автор описывает, как король и его люди отправились вместе с султаном к Дамиетте для сдачи города; как на пути произошло восстание мамелюков, вследствие которого султан был умерщвлен, и мамелюки, уничтожив договор с христианами, возобновили угрозы и требовали новых условий. Король обнаружил такую твердость, несмотря на все лишения, что мамелюки должны были довольствоваться прежними условиями и даже сделали Людовику IX весьма оригинальное предложение.

Вы должны знать, что, когда мамелюки (les chevaliers de la Haulcqua) умертвили своего султана, эмиры приказали трубить и ударить в барабаны перед палаткой короля. И сказали королю, что они по взаимному совещанию, выразили живейшее желание сделать короля султаном Вавилона (Каира). И однажды спросил меня король, не думаю ли я, что ему следовало бы принять царство Вавилонское, если бы ему предложили. И я отвечал, что он поступил бы неразумно, имея в виду то, что они уже умертвили своего государя. И несмотря на то, король сказал мне, что он не отказался бы. И знайте, что это не случилось бы никогда, ибо эмиры говорили между собой, что король самый гордый из всех христиан, каких они когда-либо знали. А говорили они так потому, что он, выходя из дома, брал с собой всегда крест и клал знамение креста на все свое тело. И говорили сарацины, что если бы Магомет принудил их столько страдать, сколько Бог заставил терпеть короля, то они никогда не почитали бы его и не уверовали бы в него. Как только условия эмиров с королем были клятвенно утверждены, было тотчас же постановлено: на следующий день, в праздник Вознесения Господня, Дамиетта будет сдана эмирам, а король и все пленные получат свободу. И наши четыре галеры бросили якорь у моста перед Дамиеттой; там же сделали для короля палатку, в которую он сошел.

Автор описывает далее, как вошли мусульмане в Дамиетту, какие они совершили там неистовства, несмотря на договор, и как они, овладев Дамиеттой, не хотели освобождать ни короля, ни его людей, вознамерились умертвить их и уже повезли назад в Каир, но были удержаны корыстью: они боялись с их смертью потерять выкупную сумму. Вследствие всего этого крестоносцы провели целый день в ожидании смерти и без всякой пищи.

[1] Византийский золотой стоил 10 солидов (су), и солид того времени равнялся 19 су (то есть одному франку, без одного су); таким образом византийский золотой стоил на новейшие деньги около 9 $^{1}/_{2}$ франка, и миллион византийских золотых = 9 миллионам с половиной франков. В одном же ливре, как видно из слов Жоанвиля, заключалось 2 византийских золотых.

Таким образом, по соизволению Бога, который никогда не забывает своих служителей, эмиры (побуждаемые корыстью) определили, когда уже день склонялся к вечеру, дать нам свободу и снова поворотили нас к Дамиетте. Наши четыре галеры пристали к берегу реки. Тогда мы просили высадить нас на берег. Но они не соглашались отпустить нас, не дав нам поесть. И говорили сарацины: стыдно будет эмирам выпустить нас из плена натощак. Тотчас привезли из армии съестное (de la viande), а именно ломти сыру, засушенного на солнце, чтобы не развелись в нем черви, яиц, сваренных за четыре или пять дней до того. А для оказания почета нашим особам они раскрасили яйца в различные цвета.

Дав нам поесть, они высадили нас на землю. И мы пошли навстречу королю, которого сарацины вывели из павильона на берегу реки, где они его содержали. Короля окружили, по крайней мере, 20 тысяч пеших сарацин, подпоясанных мечами. Случались так, что на реке перед королем стояла генуэзская галера, на которой не видели никого, кроме какого-то дурака: когда король подошел к самой галере, он начал свистать. Тотчас выскочили из-под палубы человек восемьдесят арбалетчиков с арбалетами и стрелами наготове. Как только сарацины увидели их, они бросились бежать, подобно испуганным овцам, и с королем осталось всего двое или трое. Генуэзцы (les Genevois) перебросили доску на берег и приняли к себе короля, графа Анжу, его брата, впоследствии короля Сицилии, монсеньора Жофруа из Сержина, мессира Филиппа Немурского, маршала Франции, магистра Троицы и меня. А граф Пуатье остался пленником у сарацин, пока король не заплатит 100 тысяч ливров, которые он обязался внести до отплытия.

По этому поводу автор описывает подробно, с какими трудами Людовик успел занять необходимую для выкупа брата сумму, и затем в заключение говорит о тех страданиях, которые перенесла королева Маргарита, жена Людовика IX, остававшаяся все это время в Дамиетте.

Выше вы видели и слышали о тех великих преследованиях и бедствиях, которые были перенесены за морем добрым королем св. Людовиком и всеми нами. Знайте также, что и добрая дама королева спаслась не без того, чтобы иметь во всем этом свою долю, весьма тяжелую для сердца, как вы то увидите сейчас. За три дня до родов к ней пришло известие, что король, ее добрый супруг, взят в плен. От этого известия она так расстроилась телесно и впала в такую немощь, что ей наяву казалось постоянно, будто вся комната наполнена сарацинами, собравшимися ее умертвить. И она бесконечно кричала: «Помогите, помогите!», между тем как там не было ни души. И из боязни, чтобы не погиб плод, носимый ею в утробе, она приказала одному рыцарю стоять всякую ночь у ее постели и не спать. Это рыцарь был человек старый и ветхий и имел от роду лет восемьдесят, и даже больше. И каждый раз, как она вскрикивала, он жал ее за руку и говорил: «Дама моя, не беспокойтесь, я с вами, не бойтесь». И прежде нежели эта добрая дама родила, она удалила из комнаты всех, кроме того старого рыцаря, и бросилась перед ним на колени, и просила его сделать ей одно одолжение. И рыцарь дал ей клятвенное обещание. И королева сказала: «Господин рыцарь, я прошу вас по данной вами мне клятве, если сарацины овладеют городом, отрубите мне голову прежде, нежели они смогут захватить меня». И рыцарь ей отвечал, что он исполнит ее просьбу и что даже он сам имел на этот случай мысль поступить таким образом.

Вскоре королева родила в Дамиетте сына по имени Жан, а по прозванию Тристан, ибо он родился в печали (tristesse) и нужде. И в самый день, как она родила, ей сказали, что жители Пизы, Генуи и вся бедная община, находившаяся в городе, намерены бежать и оставить короля. Королева позвала их всех к себе и просила: «Господá, именем Бога умоляю вас не оставлять этого города; ибо вы знаете, что в таком случае государь король и все находящиеся с ним погибнут. По крайней мере, если вам неугодно так поступить, то сжальтесь над бедной и исхудалой женщиной, которая лежит перед вами, прошу вас, подождите, пока я встану». И отвечали ей все, что это невозможно, ибо они умрут с голода в этом

городе. И она говорила, что никогда они не умрут с голода, что она скупит все съестное, какое только найдется в городе, и будет содержать их на счет короля. Она так и сделала, скупила все, что могла найти. И в короткое время, прежде нежели она встала, ей стоило содержание этих людей 360 тысяч ливров, и даже больше. И при всем том доброй даме пришлось встать до срока и отправиться в Акру, ибо Дамиетту нужно было сдать туркам и сарацинам.

Знайте все, что король, претерпев такое множество бедствий и взойдя на корабль, не нашел там ничего: ни одежды, ни кровати, ни ложа. Пришлось ему лежать шесть дней переезда до Акры на матрацах. И у короля не было никаких одежд, кроме двух, которые приказал ему сшить султан из черного шелка, обшитого зеленым и серым, с золотыми пуговицами. Пока мы были в море и шли в Акру, я сидел постоянно возле короля, ибо он был болен. И тогда мне рассказывал король, как его взяли и каким образом он достал с Божьей помощью выкуп за себя и за нас. И я рассказал ему, как меня взяли на реке и как сарацин спас мне жизнь. Король мне заметил, что я много обязан нашему Господу, который избавил меня от столь великой опасности. Между прочим, добрый святой король страшно сожалел о смерти графа Артоа, своего брата. Однажды он спросил, что делает его брат, граф Анжу, и жаловался, что он ни одного дня не пробыл в его обществе, хотя они ехали на одной галере. И ему сказали, что он играет за столом с мессиром Готье Немурским. Услыхав то, он встал и пошел, шатаясь, ибо был очень слаб от болезни. И подойдя к ним, он схватил кости и стол и бросил в море, рассердился на брата за то, что он так занялся игрой и не хотел помнить ни смерти брата, графа Артоа, ни того, что Господь спас нас от опасности. А мессир Готье Немурский поплатился еще больше, ибо король вместе со столом бросил в море и все его деньги.

При этом я желаю рассказать о некоторых бедствиях и несчастьях, которые постигли меня в Акре, от них меня избавили наш Господь Бог и благословенная Дева Мария. Говорю же я об этом, чтобы побудить всех, которые то услышат, иметь доверие к Богу и терпение во всех бедствиях и несчастьях, и Господь поможет им, как он и мне помог. Прежде всего скажу, что, когда король прибыл в Акру, жители города вышли к нему навстречу с процессией и в великой радости. И вскоре король послал за мной и приказал мне, если я дорожу его любовью, присутствовать всегда за его утренним и вечерним столом, пока он не решит, возвращаемся ли мы во Францию или остаемся там. Я поместился в Акре у одного тамошнего священника, куда меня устроил епископ и где я был тяжко болен. Из всех моих людей у меня остался один слуга, все же другие были больны, как и я. Иногда не было души, которая дала бы мне хоть раз в день напиться воды. А для большого своего удовольствия я видел ежедневно из окошка комнаты, как проносили мимо меня в церковь до 20 покойников для погребения. И всякий раз, когда я слышал пение «Libera me», я принимался плакать горючими слезами, моля Бога о пощаде, чтобы он сохранил меня и моих людей от язвы, которая господствовала в городе; так то и случилось[1].

Далее и до конца своих мемуаров автор описывает пребывание короля в Палестине и возвращение их во Францию; потом говорит о последних годах правления Людовика IX точно так же отрывочно, как и в начале, приводя отдельные факты и анекдоты; опускает поход его в Тунис, потому что «он сам не участвовал в этом походе», и подробно сообщает о его смерти, увещании детям и канонизации.

Еще прибавлю несколько слов к чести доброго короля святого Людовика. А именно, когда я находился в своей часовне в Жоанвиле, случилось однажды, что он предстал предо мной с ликующим лицом. Я был очень обрадован видеть его у себя в замке и сказал ему: «Сир, когда вы отправитесь отсюда, я

[1] В одном из вариантов к мемуарам нашего автора это место рассказано гораздо подробнее, а именно: автор приводит целую историю своего единственного слуги и говорит о тех бедствиях, которые он испытал от крайней бедности из-за бесчестности магистра тамплиеров, получившего от него деньги на хранение, а отдавшего ему только половину.

провожу вас в другой дом, который стоит у меня в Шевилльоне». И он мне отвечал с улыбкой: «Сир Жоанвиль, клянусь, что я отсюда не уйду, ибо я уже здесь». Когда я проснулся, то подумал, что было бы приятно Богу и ему, если я его помещу в этой капелле. Это было весьма скоро исполнено мной. Я поставил алтарь и предписал служить ежедневно обедню в честь Бога и монсеньора св. Людовика. О всем этом я рассказал монсеньору Людовику, его сыну, чтобы получить от него частицу мощей монсеньора св. Людовика для своей капеллы в Жоанвиле, и сделать тем угодное Богу и монсеньору св. Людовику: пусть те, которые увидят его алтарь, почувствуют тем большее к нему благоговение.

Да ведают все читатели этой маленькой книжки и твердо веруют, что рассказанное мной истинно, как я то сам видел или узнал от него самого. Все же прочее, о чем я свидетельствую понаслышке, примите, если заблагорассудите, в добрую сторону, молясь Господу, чтобы он молитвами монсеньора св. Людовика соблаговолил ниспослать нам все необходимое для души и тела. Аминь.

Histoire de Saint Loys, IX du nom,
roy de France.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ЛЮДОВИКА IX СВЯТОГО О ПОХОДЕ В ЕГИПЕТ (в 1250 г.)

Людовик, Божьей милостью, король французов, своим любезным и верным прелатам, баронам, рыцарям, жителям городов и местечек и всем обитателям королевства Франции, которые получат настоящее письмо, шлет свой привет!

Чести и славы ради святого имени Господа мы считаем себя обязанными оповестить вас о том, что нас постигло.

После взятия Дамиетты, которую Господь наш Иисус Христос в своем неизреченном милосердии предал во власть христиан, и о чем вы должны уже иметь сведение, как о достославном событии, мы держали великий совет и отправились из этого города 20-го дня прошедшего ноября вместе с нашими сухопутными морскими силами, идя против сарацин, собравшихся и расположившихся лагерем возле города Мансуры. Во время этого перехода мы подвергались частым нападениям неприятеля, который был постоянно поражаем: особенно один раз мы убили у них множество людей.

В то же самое время мы узнали, что султан Египта умер; что прежде, нежели он закрыл глаза, послали за его сыном, находившимся на Востоке, приглашая его немедленно отправиться в Египет; что султан приказал своей армии присягнуть его сыну и что до прибытия этого принца поручил вести войну одному из своих эмиров Факардину. Подойдя, мы уверились в истине этих известий.

Нам было невозможно напасть на сарацин при этом городе, ибо рукав Нила, называемый Танис (Ашмун), отделяясь от главного течения реки, протекал между их армией и нашей. Таким образом, мы устроили свой лагерь между Нилом и Танисом. Когда в том месте сарацины снова напали на нас, мы истребили многих из них мечом и еще большее число отбросили в реку.

Так как рукав Нила, называемый Танис, не может быть перейден вброд, то мы начали строить плотину для переправы нашей армии. В течение нескольких дней мы сделали огромную работу, издержали несметные суммы и подвергались величайшим опасностям. Сарацины противопоставляли нашему предприятию всякого рода препятствия и в ответ на наши машины устроили свои; деревянные башни, воздвигнутые нами на плотине, были ниспровергнуты или сожжены греческим огнем. Мы уже потеряли всякую надежду на сооружение плотины, как нам явился перебежчик из сарацинской армии и указал вблизи брод, где христианская армия могла бы переправить-

Печать регентства во Франции во время Седьмого крестового похода

ся через реку. Посовещавшись с нашими баронами и главными вождями армии в понедельник, на первой неделе поста, мы определили на следующий день, во вторник, рано утром отправиться к назначенному времени, а часть войск оставить для охранения лагеря. На следующий день, прибыв к тому броду, мы перешли реку, не без опасностей; это место оказалось более глубоким, нежели как нам то сказали. Нашим лошадям пришлось переправляться вплавь и подниматься на берег крутой и скалистый.

Совершив переход, мы направились против машин, устроенных сарацинами для разрушения нашей плотины. Наш авангард бросился к машинам; многие были убиты и в том числе некоторые из эмиров. Но с той минуты начался беспорядок в нашей армии; наши, рассеявшись по лагерю неприятелей, достигли Мансуры, умерщвляя всех попадавшихся им на пути; наконец сарацины заметили их неблагоразумие, воодушевились, окружили наших со всех сторон и стеснили их. В этом деле мы потеряли большое число баронов, рыцарей, тамплиеров и госпитальеров, достойных всякого сожаления. Там же пал наш возлюбленный и знаменитый брат, граф Артоа, потеряв здешнюю смертную жизнь. Мы должны скорее радоваться тому, нежели сожалеть, ибо мы уверены, что он заслужил мученический венец и теперь обитает в небесном отечестве.

Пользуясь этим беспорядком, сарацины бросились на нас со всех сторон, осыпали тучей стрел и рубили нас до девятого часа вечера, между тем как мы не имели ни одной метательной машины для отражения их, часть наших рыцарей пала и большинство лошадей было убито или изранено; но с Божьей помощью мы удержали за собой поле битвы и собрали свое войско.

Мы расположились лагерем у машин, отнятых нами у неприятеля, и поставили мост для сообщения с остальной армией, оставленной на другом берегу реки. На следующий день многие из наших получили приказание перейти к нам и поместиться вблизи лагеря: сарацинские машины были разрушены, и мы устроили на мосту перила, чтобы можно было без опаски переходить с одного берега на другой.

В следующую пятницу сарацины, соединив все свои силы с намерением истребить нас, напали на наш лагерь с беспримерной яростью. Вспомоществуемые Божественным Провидением, мы устояли, отбили их нападение и многих из них умертвили. Через несколько дней сын султана, возвратившись с Востока, явился в Мансуру; сарацины, с восторгом встретили его барабанным боем, как своего государя, и силы их увеличились войском, прибывшим вместе с султаном.

С того времени, не знаю, по какому-то суровому приговору Божества, все наши дела совершенно неожиданно изменили свой ход: заразные болезни истребляли людей и лошадей; не было никого, кто не оплакивал бы умерших или умирающих друзей. Христианская армия погибла и уменьшилась наполовину. Недостаток в съестных припасах доходил до того, что многие умирали голодной смертью. Суда, отправляемые из Дамиетты, не могли доходить до нас, ибо галеры и сарацинские суда останавливали их на Ниле. Враги, овладев большей частью нашего флота, захватили, несмотря на все усилия наших, два каравана шедших к нам со съестными припасами и оружием.

Полнейший недостаток в средствах к существованию и прокормлению породил в нашей армии отчаяние и печаль. Угнетенные страданиями от голода и болезни, мы были принуждены оставить лагерь и отступить к Дамиетте, своему последнему убежищу. Но так как участь людей не зависит

от их воли, но от того, кто направляет их стопы и располагает ими по приговору Провидения, сарацины, соединив все свои силы, напали на нас 5 апреля со всех сторон. Божеским попущением и во искупление своих грехов мы попались в их руки и вместе с нами наши любезные братья, графы Пуату и Анжу, и все те, которые следовали берегом, и никто не ушел; нас бросили в темницу, при этом многие из наших погибли, и много было пролито крови. Из отправившихся водой бóльшая часть также попались в плен; многие были перерезаны, и целые корабли с больными сожжены без всякого сожаления.

Мы уже находились несколько дней в темнице, когда султан предложил нам перемирие. Он требовал настоятельно и с угрозами, чтобы мы, не отлагая, сдали Дамиетту со всем в ней находящимся и заплатили им за все расходы от начала войны. После долгих переговоров мы сошлись на десятилетнем перемирии со следующими условиями.

Султан должен возвратить свободу нам и тем, которые пришли с нами в Египет, равно как и всем христианам, из какой бы страны они ни были, и которые были захвачены со времени правления Кимеля (Камиля), его деда, заключившего мир с императором (Фридрихом II). Султан соглашался на то, чтобы христиане Св. земли удержали в мире за собой все части Иерусалимского королевства, которыми они владели до нашего прибытия. Со своей стороны мы обязались сдать Дамиетту и заплатить 800 тысяч византинов за выкуп пленных и на покрытие военных издержек. Мы дали слово также освободить всех сарацин, взятых в плен со времени нашей высадки в Египет, и тех, которые находились в плену в Иерусалимском королевстве со времени заключения мира с императором. Сверх того было условлено, что все наше имущество, оставляемое по уходе из Египта, будет вверено охранению султана, пока не представится случая к перевозу его во Францию. Больные христиане в Дамиетте и те, которые останутся некоторое время, чтобы продать свое имущество, могут оставаться в городе известный срок и потом беспрепятственно возвратиться в свою страну сухим путем или морем. Султан обязан дать конвой тем, которые пожелают немедленно отправиться в Иерусалимское королевство.

Таким образом, мы заключили перемирие с султаном и скрепили его обоюдной клятвой. Уже султан шел со своей армией к Дамиетте, где все условия договора должны были исполниться, как Бог попустил совершиться великому событию. Несколько сарацинских воинов, поддерживаемых большинством в армии, бросились на султана утром, когда он встал из-за стола, и нанесли ему тяжелые раны. Они умертвили его сабельными ударами в то время, когда он бросился из палатки, ища спасения; и все это произошло в присутствии многих эмиров и множества сарацин. После такого убийства множество воинов, пылавших яростью, вошли в нашу палатку, желая, как того опасались многие из наших, умертвить нас вместе с прочими христианами. Но милосердие Бога укротило их ярость: они ограничились требованием немедленного исполнения договора, заключенного с султаном. После многочисленных угроз было угодно Господу, этому отцу всякого милосердия, утешителю страждущих, готовому удовлетворить мольбам просящих, чтобы мы утвердили этот договор и получили клятву сарацин, которую они нам дали по закону своей религии. В то же время мы определили срок освобождения пленных и сдачи Дамиетты.

Не без сожаления мы заключали этот договор сначала с султаном, а потом с его войском; но мы наверное знали, что не было никакой возможности удержать Дамиетту в наших руках. Таким образом, по совету баронов Франции мы предпочли для пользы христианства сдать город, который нельзя было защищать, нежели подвергнуть опасности жизнь наших рыцарей и воинов. В назначенный день эмиры приняли от нас Дамиетту и освободили нас, наших двух братьев, графов Бретани, Фландрии, Суассона, баронов, рыцарей как королевства Франции, так и королевств Иерусалимского и Кипрского. Точное исполнение ими этой части договора заставило нас надеяться, что они освободят и всех других христиан, находившихся в их власти.

Окончив это важное дело, мы оставили Египет, назначив поверенных для приема пленных христиан и для сохранения имущества, которое не могло быть взято с нами по малочисленности остававшихся у нас кораблей. После прибытия в Акру, думая постоянно о христианах, оставшихся в плену, мы отправили за ними новых поверенных с кораблями с тем, чтобы они в то же время доставили нам наше имущество, а именно: военные машины, палатки и другие предметы; но эмиры долгое время задерживали поверенных и на их просьбу об исполнении условий договора отвечали одними обещаниями. Наконец, заставив их прождать несколько месяцев, они вместо 12 тысяч христиан, которых следовало освободить, передали поверенным около 400, из которых многие должны были внести за себя деньги. А из вещей, оставленных нами в Дамиетте, они ничего не хотели возвратить.

Но после перемирия, заключенного и утвержденного клятвой, всего ужаснее было то, что нам рассказывали наши поверенные и некоторые из пленных, заслуживающие доверия. Сарацины выбрали нескольких молодых христиан, вывели их, как жертву, и, подняв над их головой меч, принуждали отказаться от религии. Многие по слабости сделались отступниками; другие геройски оставались верными, несмотря на все мучения; нет сомнения, их кровь возопиет ко Господу в пользу христианского народа; они будут нашими ходатаями перед строгим судьей и принесут нам больше пользы в небесном отечестве, нежели сколько они могли бы быть полезными, оставаясь с нами на земле.

Многие больные, оставшиеся в Дамиетте, были умерщвлены; и мы потеряли надежду на точное исполнение договора, хотя сами со своей стороны все исполнили верно.

По заключении перемирия мы думали, что палестинские христиане будут спокойны, по крайней мере, до истечения срока перемирия; и мы намеревались возвратиться во Францию, даже сделали все приготовления к отплытию. Но, видя из случившегося ясно, что эмиры не боятся нарушать клятву, мы совещались с баронами Франции, прелатами, тамплиерами, госпитальерами и тевтонами, а также и с баронами Иерусалимского королевства. Бóльшая их часть считала наш отъезд окончательным падением Св. земли при том расслаблении и крайности, в которых она находится ныне. Они говорили нам, что христианские пленники, оставшиеся в Египте, погибнут и потеряют всякую надежду на освобождение. А потом они полагали, что наше присутствие здесь может принести некоторую пользу и что с Божьей помощью мы будем в состоянии содействовать освобождению пленных и удержанию тех мест, которыми еще владеют христиане в Иерусалимском королевстве; главным образом они рассчитывали на то, что султан Дамаска находится в войне с египтянами и, как уверяют, пойдет мстить за смерть египетского султана. Обдумав все это внимательно и из сострадания к несчастьям Св. земли, на помощь которой мы явились, желая в то же время пособить нашим бедным пленным, несчастье которых мы разделяли сами, мы, несмотря на стремление многих покинуть эту опустошенную страну, предпочли отложить свой отъезд и пробыть несколько времени в Сирии, нежели бросить дело Христа и оставить пленных без всякой надежды.

Мы отправляем во Францию своих возлюбленных братьев, графа Пуатье и графа Анжу, для утешения нашей любезной матери и нашего королевства.

Пусть все, которые носят христианское имя, примут участие в нашем предприятии; и в особенности вы, духовные, кого, по-видимому, Господь избрал, чтобы подавать пример самоотвержения и отваги. Наши враги, сверх богохульства, которое они изрыгают в нашем присутствии, бьют крест розгами и топчут его ногами. Воспряньте же, воины Христовы, соединитесь вместе, изготовьтесь к отмщению оскорблений, нанесенных вашему Богу: последуйте примеру отцов, которые отличились между всеми народами горячностью своей веры и исполнили всю вселенную своей славой. Мы предшествовали вам на этом поприще; теперь идите вы, последуйте за нами и полу́чите награду, хотя и явитесь поздно. Хозяин в Евангелии обращается одинаково хорошо и с последними работниками своего

вертограда, и с первыми. Изготовьтесь, и пусть те, которым Бог внушит такое благородное желание, отправятся в апреле или в мае следующего года; те же, которые не поспеют, могут воспользоваться второй экспедицией около Иванова дня.

Дело требует поспешности, и всякое промедление становится пагубным. Прелаты и все верные Христа, помогите нам у Всевышнего жаром своих молитв; прикажите делать то же самое во всех подведомственных вам местах, дабы они могли исходотайствовать для нас у Божественного милосердия те блага, которых мы недостойны по своим грехам.

Дано в Акре, в год Господень 1250-й, в августе.

Epistola Ludovici IX regis (talliae de captione et liberatione sua ad subditos suos in regno Franciae constitutos.

«Письмо Людовика IX, короля Галлии, о своем плене и освобождении, к своим подданным, пребывающим в королевстве Франции» помещено в сборнике Бонгара *«Gesta Dei per Francos» (Hannov., 1611, с. 1196–1200).*

Макризи

ЕГИПЕТСКИЙ ПОХОД ЛЮДОВИКА IX СВЯТОГО. 1249–1250 гг. (около 1400 г.)

Арабский историк излагает судьбу династии Эйюбитов, а именно потомства Саладина, в виде хроники, по годам, и доходит таким образом до времени правления египетского султана Неджэддина, при котором Людовик IX сделал высадку при устьях Нила. В ту эпоху султан Египта находился в войне с султаном Дамаска; услышав о приближении неприятеля, он прекратил войну и, несмотря на тяжкую болезнь, поспешно возвратился в Египет в апреле 1249 г. и приказал эмиру Факреддину стать перед Дамиеттой и воспрепятствовать высадке христиан.

В пятницу, 21-го дня луны зефира, в год эгиры 647-й (4 июня 1249 г.) прибыл флот французов в два часа дня; на нем находились бесчисленные войска, предводительствуемые Людовиком (IX), сыном Людовика, короля Франции: франки, владевшие Сирией, присоединились к французам. Весь флот расположился у берега в виду лагеря Факреддина. Король Франции до открытия неприязненных действий отправил через глашатая письмо к султану Неджмеддину; оно было выражено следующим образом:

«Вам не безызвестно, что я считаюсь государем тех, которые исповедуют религию Христа, как вы повелеваете повинующимися закону Магомета; ваше могущество не внушает мне никакого ужаса, и каким образом оно могло бы мне внушить что-нибудь подобное? Я заставлял трепетать мусульман Испании и гнал их перед собой, как пастух стадо баранов; я истреблял храбрейших из них и обременял оковами их жен и их детей; теперь они стараются расположить меня к миру и отвратить мое оружие дарами. Воины, стоящие под моими знаменами, покрывают собой равнины, и конница моя не менее страшна. Вы имеете одно

МАКРИЗИ. 1372–1442. Из сочинений арабского писателя, родившегося в Каире, особенно замечательны два: «Историческое и географическое описание Египта» и «Путь к познанию правления царей». В последнем произведении автор написал историю эйюбитских султанов Египта, преемников Саладина, потом султанов из мамелюков-багаритов, от 1250 до 1382 г., и начало правления последней династии мамелюков-черкесских.

Отрывки из последнего сочинения, относящиеся к походам Людовика IX, переведены на французский язык *Кардонем* и изданы у *Petitot* «Collection compléte des mémoires relatifs à l'histoire de France» (Par., 1819, т. III, с.3 и след.). Полный французский перевод сделан *Quatremère* (Par.,1842).

средство отвратить бурю, угрожающую вам: примите к себе священников, которые наставят вас в религии христианской; обратитесь к ней и почтите крест, иначе я буду преследовать вас повсюду, и Бог решит, кто из нас, вы или я, останется владетелем Египта».

Неджмеддин при чтении этого письма не мог воздержаться от слез и приказал своему секретарю кади Боаэддину написать следующий ответ:

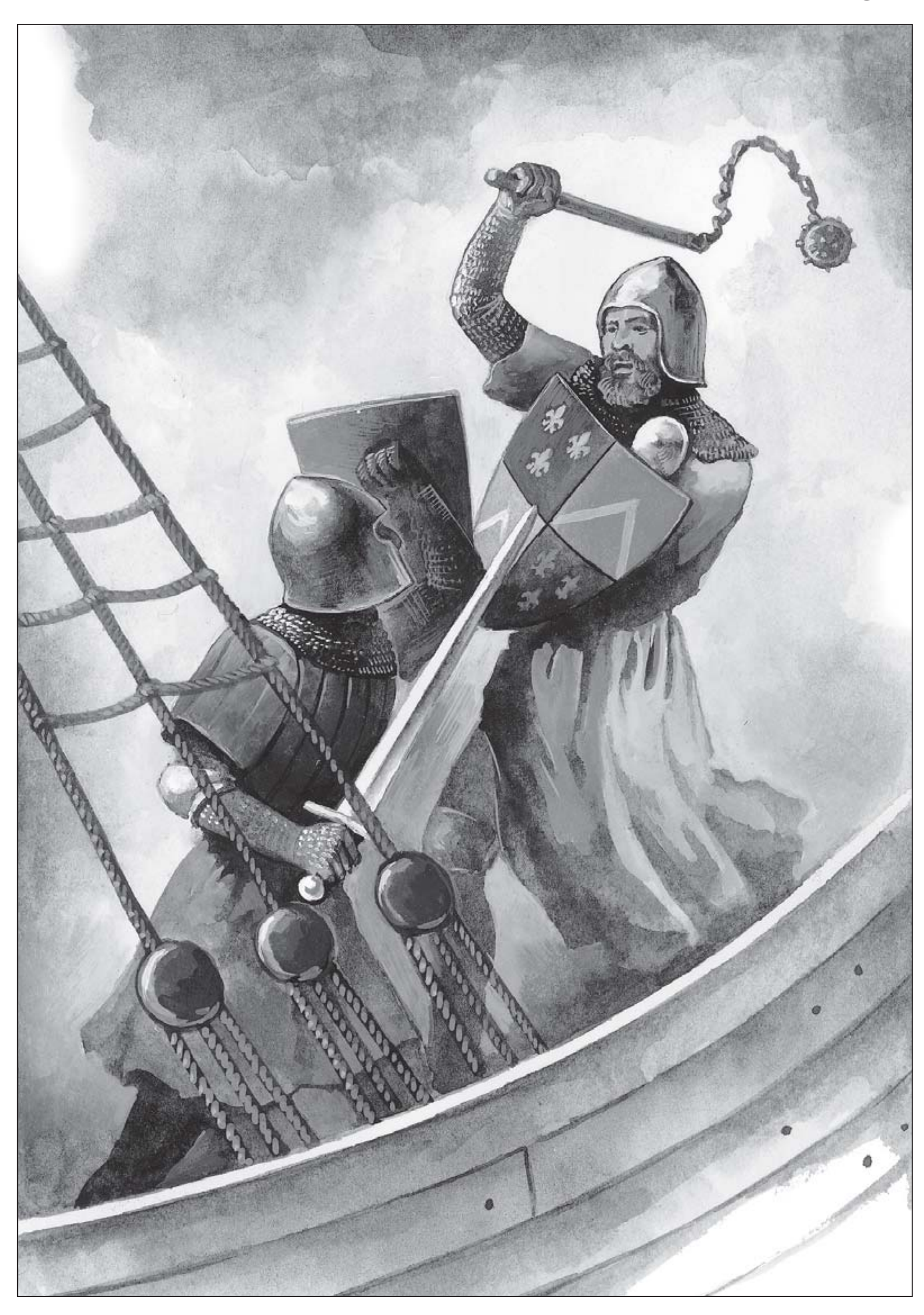
«Во имя всемогущего и милосердного Бога, да будет его благословение над нашим пророком Магометом и над его друзьями. Я получил ваше письмо; оно исполнено угроз, и вы хвалитесь огромным числом своих воинов; или вы не знаете, что мы умеем владеть оружием и что мы наследовали храбрость наших предков? Еще никто не отважился напасть на нас без того, чтобы не испытать на себе нашего превосходства. Припомните наши победы над христианами; мы их изгнали из страны, которой они владели; сильнейшие города пали под нашими ударами. Приведите себе на память тот стих Алкорана, где говорится, что «те, которые несправедливо сражаются, погибнут»; и другой, где сказано: «Сколько раз многочисленнейшие войска были поражены горсткой солдат!» Бог покровительствует правде, и мы не сомневаемся в том, что он защитит нас и сделает тщетными ваши горделивые замыслы».

В субботу французы сделали вылазку на том самом месте, где находился лагерь Факреддина; они раскинули красную палатку для короля; мусульмане сделали некоторые попытки не допустить их на берег; эмир Неджмеддин и эмир Саримеддин были убиты в схватке. В начале ночи эмир Факреддин снялся с лагеря вместе со своей армией и, перейдя мост, который ведет на восточный берег Нила и где находится Дамиетта, направился по дороге в Ашмун-Тани (Мансуру). Вследствие такого его движения французы овладели западным берегом реки. Ничто не может изобразить отчаяния жителей Дамиетты, когда они увидели эмира Факреддина, как он удалялся от их города и предоставил их на жертву ярости христиан; они не осмелились выжидать неприятеля и с поспешностью бежали в ту же ночь. Образ действия мусульманского предводителя был тем менее извинителен, что гарнизон города состоял из большого числа людей и притом из храброго колена Бени-Кенане, и что сам город был более в состоянии выдержать теперь осаду, нежели прежде, когда его обступили франки, в правление султана Эльмеликула Камиля; несмотря на язву и голод, франки могли тогда овладеть городом только после 16 месяцев осады.

В воскресенье утром (6 июня 1249 г.) французы явились перед городом; удивленные отсутствием жителей, они опасались какой-нибудь засады; но вскоре, удостоверившись в бегстве жителей, они, не обнажая меча, овладели городом и всеми его укреплениями. При известии о взятии Дамиетты в Каире произошло всеобщее смятение; с горем помышляли о том, как такой успех увеличит силу и отвагу христиан; неприятель видел, как малодушно бежала перед ним мусульманская армия, и захватил в свои руки бессчисленное множество оружия всякого рода и припасов, военных и съестных. Болезнь султана, увеличивавшаяся с каждым днем и препятствовавшая ему действовать в таких критических обстоятельствах, довершила отчаяние египтян; никто не сомневался, что царство сделается скоро добычей христиан.

Султан, негодуя на малодушие гарнизона, осудил 50 главных начальников удавить; напрасно они ссылались на отступление эмира Факреддина; султан отвечал им, что они заслужили смерть уже тем, что оставили Дамиетту без его приказания: один из таких начальников, осужденный погибнуть вместе с сыном, молодым человеком редкой красоты, просил казнить его прежде сына; султан отказал ему в этой милости, и отец имел горе видеть умерщвление сына на своих глазах.

После этой казни султан повернулся к эмиру Факреддину: «Какое сопротивление оказал ты,– спросил он раздраженным голосом,– и какую битву ты дал? Ты не мог устоять одного часа против франков: следовало иметь более твердости и мужества». Начальники армии боялись при гневе султана за жизнь Факреддина; они дали понять эмиру, что готовы умертвить своего повелителя. Факреддин отказался согласиться на то и после говорил им, что султан может



Абордажная схватка. Гравюра IV в.

прожить всего несколько дней; но если он захотел бы их потревожить, то они всегда могут отделаться от него.

Неджмеддин, несмотря на свое печальное положение, распорядился своим отъездом в Мансуру; он сел на военный корабль (по-арабски, собственно на машинный корабль, то есть с бойницами и греческим огнем) и прибыл туда в среду, 25 зефера (9 июня 1249 г.). Прежде всего он укрепил этот город, и вся армия была занята такой работой. Суда, которыми начальствовал султан, еще до своего отправления, явились нагруженные войском и припасами всякого рода; все способные носить оружие стали под его знамена; арабы прибыли в большом числе.

В то время, когда султан делал все эти приготовления, французы усилил меры к защите Дамиетты и поместили там многочисленный гарнизон.

В понедельник, в последний день луны ребиуль-эвель (12 июля 1249 г.), в Каир доставили 36 пленных христиан из тех, которые охраняли лагерь от набега арабов, и между ними было 2 рыцаря. В 5-й день той же луны привели тридцать семь; в 7-й – двадцать два и в 16-й (20, 22 и 30 июня) – сорок пять, между которыми было три рыцаря.

Различные христианские князья, владевшие берегами Сирии, сопровождали франков, и их владения оставались незащищенными. Жители Дамаска воспользовались этим обстоятельством, чтобы осадить Сидон; после некоторого сопротивления этот город должен был сдаться; слух об овладении Сидоном произвел великую радость в Каире: этим утешались из-за потери Дамиетты.

Каждый день брали в плен французов: в 18-й день луны диемазиль-эвель (29 августа 1249 г.) их взяли 50 человек.

Болезнь султана увеличивалась, и враги отчаялись в его выздоровлении; он страдал в одно и то же время фистулой и язвой в легких; наконец, он умер в ночь на понедельник, в 15-й день луны (22 ноября), назначив своим преемником сына Туран-шаха, Неджмеддину было 44 года от роду, и правил он 10 лет; он первый учредил воинство из рабов или *мамелюков-багаритов* (рабов морских), названных так потому, что они помещались во дворце, который был построен этим султаном на о. Расудахе, напротив Старого Каира. Впоследствии это воинство овладело престолом Египта.

Едва он умер, как султанша Шегерет-Эддур, его жена, позвала к себе полководца Факреддина и евнуха Диемаледдина; она возвестила им смерть султана и просила помочь ей нести бремя правления в столь трудные времена; все трое определили держать в тайне смерть султана и действовать его именем, как бы он еще жил; о смерти же его обнародовать только по прибытии Туран-шаха, к которому были отправлены вестники.

Несмотря на все предосторожности, французы узнали о смерти Неджмеддина: их армия немедленно оставила равнины Дамиетты и расположилась при Фарискуре (на восточном берегу Нила, в 13 милях от Дамиетты); суда, нагруженные военными и съестными припасами, поднимались по Нилу и доставляли все необходимое в изобилии.

Эмир Факреддин послал письмо в Каир, чтобы предуведомить жителей Каира о приближении французов и убеждать их пожертвовать жизнью и имуществом для защиты отечества. Это письмо было читано с кафедры главной мечети, и народ отвечал на него стонами и рыданиями; все были в смущении и ужасе: смерть султана, которую подозревали, увеличивала замешательство; самые малодушные замышляли оставить город, который, по их мнению, был не в состоянии противиться французам; самые отважные, напротив, пошли к Мансуре, чтобы соединиться с мусульманской армией.

Во вторник, в первый день луны рамадана (7 декабря 1249 г.), произошли небольшие стычки между отдельными отрядами обеих армий; однако это не помешало французской армии расположиться при Шармесахе (в 43 милях от Дамиетты); в понедельник, в 7-й день той же луны (13 декабря 1249 г.), она подошла к Бермуну (в 12 милях от Мансуры).

В воскресенье, в 13-й день той же луны (19 декабря 1249 г.), христианская армия появилась перед Мансурой; между ней и египетским лагерем протекал рукав Аш-

Рыцарь, приносящий оммаж королю. Миниатюра конца XIII в. из Кассельской лицевой рукописи Вильгельма Оранского

мун, Назир-Дауд, князь Карака (Крака), стоял на западном берегу Нила с несколькими отрядами; французы очертили свой лагерь, окопали его глубоким рвом и обвели палисадом; потом они выдвинули машины, чтобы метать камни в египетский лагерь; флот их прибыл в то же самое время, и начали сражаться на сухом пути и на воде.

В среду, в 15-й день той же луны (21 декабря 1249 г.), шесть перебежчиков явились в лагерь мусульман и известили, что христианская армия начинает нуждаться в съестных припасах.

В день байрама (первый день луны шеваля, который приходился в четверть 6 января 1250 г.) взяли в плен одного князя, и успех был различен; мусульмане особенно старались брать в плен, чтобы получать сведения о враге, и употребляли для него всякого рода военные хитрости. Один воин из Каира придумал всунуть голову в дыню, которую он выдолбил внутри, и таким образом приблизился вплавь к лагерю французов; христианский воин не подозревая хитрости, бросился в Нил, чтобы поймать дыню, тогда египтянин, отличный пловец, потащил его за собой и привел к своему предводителю.

В среду, в 7-й день луны шеваля (12 января 1250 г.), мусульмане овладели большим судном, на котором находилось сто воинов, предводительствуемых значительным лицом. Через неделю, в четверг, в 15-й день той же луны, французы вышли из лагеря, и вся их кавалерия тронулась; произошла небольшая схватка, и со стороны французов осталось на месте 40 рыцарей с лошадьми.

В пятницу (14 января) в Каир отвели 67 пленных, между которыми находилось три значительных лица. В четверг, в 22-й день той же луны (27 января) загорелось большое судно у французов, что было принято за счастливое предзнаменование для мусульман.

Изменники показали французам брод на канале Ашмун; 1400 всадников переправились и неожиданно напали на лагерь мусульман во вторник, в 5-й день луны зилькаде (8 февраля 1250 г.), во главе их стоял брат короля Франции. В то время эмир Факреддин был в бане; он вышел поспешно, сел на коня без узды и седла в сопровождении нескольких рабов; неприятель окружил его со всех сторон; рабы малодушно оставили своего господина и он очу-

тился посреди французов; напрасно он защищался, ему пришлось пасть под ударами. После убиения Факреддина французы отступили к Джедиле; вслед затем вся их конница подошла к Мансуре, сбила ворота и ворвалась в город. Мусульмане бежали направо и налево; король Франции проник до самого дворца султана, и победа, казалось, была уже на его стороне, как явились мамелюки-багариты[1], предводительствуемые Бибарсом, и вырвали победу у христиан; они с яростью напали на них и принудили отступить. Между тем пододвинулась французская пехота, чтобы перейти через мост; если бы ей удалось такое предприятие, то поражение египетской армии и потеря города Мансуры были бы неизбежны. Ночь разделила обе стороны; французы в беспорядке отступили к Джедиле, оставив на месте 1500 убитых; они окружили лагерь стеной и рвом; их армия была разделена на два отряда, из которых менее значительный расположился на канале Ашмун, а самый многочисленный – на главном рукаве Нила, который протекает мимо Дамиетты.

Тогда пустили голубя в Каир, сначала в тот момент, когда французы овладели лагерем Факреддина, и у него под крылом было письмо, возвещавшее об этом несчастье жителям: эта печальная новость повергла город в отчаяние, увеличенное прибытием беглецов; ворота Каира оставались всю ночь открытыми для приема их. Второй голубь с известием о победе над французами восстановил спокойствие в городе; радость сменила прежнюю печаль; все поздравляли друг друга со счастливым событием и давали публичные празднества.

Едва Туран-шах узнал о смерти отца Неджмеддина, как немедленно выехал из Хусн-Кейфа (на р. Тигр); он оставил город в сопровождении 50 всадников в 15-й день луны рамадана и прибыл в Дамаск к концу той же луны. Получив присягу от всех правителей городов в Сирии, он отправился далее в 27-й день луны шеваля по дороге в Египет; известие о его прибытии ободрило мусульман; смерть Неджмеддина не была еще обнародована, служба у султана шла своим чередом; ему приготовляли стол, как бы живому, и все приказания давались от его имени. Государством управляла султанша, и в своем уме она находила средства для всего; узнав о прибытии Туран-шаха в Салиех, она отправилась туда и вручила ему верховную власть. Новый султан хотел явиться во главе войска и пошел в Мансуру, куда и прибыл в 6-й день луны залькаде (8 февраля 1250 г.).

Суда, отправляемые из Дамиетты, доставляли в лагерь французов всякого рода продовольствия в изобилии; в Ниле вода была в то время самая высокая (ошибка: потому что вода в Ниле поднимается на большую высоту в сентябре). Туран-шах приказал построить много судов и перевез их совсем готовыми в соседний канал Мегале; там они были спущены на воду, получили экипаж и стали в засаду. Когда небольшой флот французов появился перед устьем канала Мегале, мусульмане вышли и бросились на французов. Пока оба флота сражались, другие египетские суда прибыли из Мансуры и напали на французов; напрасно они пытались бежать; в этом деле было убито или взято в плен до тысячи христиан. Следствием такой победы было то, что 52 судна, наполненные продовольствием, были отняты, и плавание по Нилу и сообщение лагеря с Дамиеттой прервано; в войске христиан открылся страшнейший голод. Мусульмане окружили французов со всех сторон, так что они не могли ни идти вперед, ни отступить.

В первый день луны зильгиге (7 марта 1250 г.) французы захватили семь судов, но люди, находившиеся на них, имели счастье убежать. Несмотря на все превосходство египтян на Ниле, французы попытались еще раз отправить груз из Дамиетты, но его перехватили, и 32 судна были взяты и отведены в Мансуру в 9-й день луны зильгиге (16 марта); эта новая потеря довершила их бедствия: они предложили султану перемирие и отправили послов для переговоров. Эмир Зейнеддин и кади Бедреддин были назначены для сношения с ними. Французы предлагали сдать Дами-

[1] При Людовике IX отряд мамелюков состоял еще не более как из 800 человек

етту с условием, чтобы им возвратили Иерусалим и некоторые местности Сирии. Это предложение было отвергнуто и переговоры прекратились.

В пятницу, в 27-й день луны зильгиге (1 апреля 1250 г.), французы сожгли все военные машины и деревянные постройки, а вместе повредили почти все свои суда.

В 648 году эгиры, в ночь на вторник, в 3-й день луны мугаррема (5 апреля 1250 г.), вся французская армия снялась с лагеря и направилась по дороге в Дамиетту; несколько судов, сохранившихся у них, спустились в то же время по Нилу. В среду на рассвете мусульмане, заметив отступление христиан, преследовали их и тревожили нападениями: главное дело было при Фарискуре; французы были разбиты и обращены в бегство; 10 тысяч осталось на поле битвы, а другие говорят – 30 тысяч; более 100 тысяч пехотинцев и служителей были обращены в рабство; лошади, мулы, палатки и другие сокровища составили богатую добычу; со стороны же мусульман убито всего 100 человек. Мамелюки-багариты под предводительством Бибарса Эльбондукдари особенно отличились в этом деле. Король Франции, сопровождаемый несколькими князьями, удалился на небольшой холм; он сдался под условием сохранения жизни евнуху Джемаледдину-Мухсуну-Эльзалиги; на него наложили железную цепь, отвели в таком виде в Мансуру и заключили в доме Ибрагима бен-Локмана, секретаря султана, под стражей евнуха Сагила; брат короля был взят в то же время и отведен в тот же дом; султан доставлял им средства к существованию.

Многочисленность пленных начинала затруднять; султан приказал Сейфеддину умертвить их; каждую ночь этот жестокий раб мстительности своего властелина выводил 300 или 400 человек из темницы и, отрубив им голову, бросал их в Нил; таким образом погибло 100 тысяч французов.

Султан, отправившись из Мансуры, прибыл в Фарискур, где и приказал построить великолепную палатку: в то же время он приказал поставить на Ниле деревянную башню и, освободившись от жестокой войны, предавался там разврату.

Победа, одержанная им, была слишком блестяща, чтобы не вразумить собой народы, подчинявшиеся ему; он писал эмиру Джемаледдину бен-Агмуру, правителю Дамаска, собственноручное письмо, следующего содержания:

«Хвала Всемогущему, который обратил нашу печаль в радость; ему одному мы обязаны победой; милости, которыми он осыпал нас, бесчисленны, а последняя из них самая драгоценная. Возвести народу Дамаска или скорее всем мусульманам, что Бог даровал нам полную победу над христианами в то самое время, когда они замышляли нашу погибель. В понедельник, в первый день этого года, мы открыли нашу сокровищницу и роздали наши богатства войску вместе с оружием; мы призвали к себе на помощь колена арабов, и бесчисленное множество людей стояло под нашими знаменами. В ночь со вторника на среду наши враги снялись с лагеря и вместе с обозом отправились к Дамиетте. Несмотря на мрак ночи, мы преследовали их: 30 тысяч человек остались на месте, не считая погибших в Ниле. В ту же реку мы побросали бесчисленное множество пленных. Их король удалился в Миниех; он молил нас о милосердии, и мы даровали ему жизнь и оказали почести, должные его сану. Дамиетту снова взяли».

Вместе с письмом султан отправил шапку короля, которая свалилась с него во время битвы; она была пурпуровая, обшитая серым мехом; правитель Дамаска надел королевскую шапку на голову и в ней читал всенародно то письмо. Какой-то поэт по поводу этой шапки написал следующие стихи: «Шапка француза была бела как бумага; наши сабли окрасили ее в неприятельскую кровь и изменили цвет».

Мрачная и уединенная жизнь, которую вел султан, раздражала умы всех, он держал при себе нескольких любимцев, приведенных им из Хусн-Кейфа; их он облек в высшие государственные должности, отнятые у старых слуг его отца; особенно он обнаруживал непримиримую ненависть к мамелюкам-багаритам, хотя они так много содействовали последней победе; его разврат истощил казну, и чтобы наполнить

ее, он вынудил султаншу Шегерат-Эддур отдать ему отчет в богатствах Неджмеддина, его отца. Испуганная султанша просила защиты у мамелюков-багаритов; она представила им свои заслуги, оказанные государству в затруднительные времена, и неблагодарность Туран-шаха, который обязан ей своей короной. Эти рабы, и без того раздраженные против Туран-шаха, не колеблясь, приняли сторону султанши и решились умертвить властителя. Для приведения в исполнение своего замысла они избрали то время, когда он бывает за столом. Бибарс нанес ему первый удар саблей, который он отразил рукой, но пальцы его были отрублены. Он убежал в башню, построенную им на берегу Нила и находившуюся близко от палатки. Заговорщики преследовали его и, увидев ворота запертыми, подожгли башню. При этом присутствовала вся армия; но так как Туран-шаха вообще ненавидели, то никто не принял его стороны. Напрасно он кричал сверху, что отказывается от престола и возвратится в Хусн-Кейф; заговорщики были непреклонны. Наконец, пламя обхватило башню, и он бросился в Нил; но его одежда зацепилась, и он повис на некоторое время; находясь в таком положении, он получил несколько сабельных ударов и упал в воду, где и утонул. Таким образом, железо, огонь и вода собрались вместе, чтобы лишить его жизни. Его тело оставалось три дня на берегу Нила, и никто не осмеливался предать его погребению. Посол багдадского калифа выхлопотал себе такое право и похоронил его.

Этот жестокий султан, вступая на престол, задушил своего брата, Адил-шаха; четыре мамелюка-багарита взяли на себя такое поручение. Это братоубийство не осталось безнаказанным, и те же самые четыре мамелюка более других настаивали на его погибели. Этим султаном окончилась фамилия Эйюбитов (потомков Саладина), которые владели Египтом 80 лет, при 8 правителях.

После умерщвления Туран-шаха, султанша Шегерет-Эддур была провозглашена властительницей Египта; она была первой рабыней, правившей в этой стране. Одни говорят, что она была турчанка, а другие считают ее армянкой. Султан Неджмеддин купил ее и любил столь страстно, что водил ее с собой на войну и никогда не покидал. Она имела от этого султана одного сына по имени Камель; он умер в детстве. Эмир Азеддин-Аибег, родом туркоман, был назначен предводителем войск; имя султанши помещалось на монетах.

Эмир Абу-Али договаривался с королем Франции о выкупе и сдаче Дамиетты. После различных прений было определено, что французы очищают Дамиетту, а король и все пленные, находящиеся в Египте, освобождаются под условием внести наличными деньгами половину суммы, которая будет назначена для выкупа. Король Франции приказал правителю Дамиетты сдать город; но он отказался повиноваться, и нужно было новое приказание. Наконец, этот город подчинился мусульманам, оставаясь одиннадцать месяцев в руках неприятеля. Король заплатил 400 тысяч золотых, как за себя, так и за королеву, своего брата и других князей, бывших с ним. Все франки, взятые в плен при султанах Годил-Камиле, Салих-Неджмеддине и Туран-шахе, получили свободу; их было числом 12 100 человек и 6 женщин. Король со всеми французами перешел на западный берег Нила и сел на корабль для отплытия в Акру в субботу (7 мая 1250 г.).

Поэт Эссагиб-Гиеманеддин бен-Мартруб по поводу удаления короля написал следующее:

«Передайте королю Франции, когда вы его увидите, эти стихи, начертанные другом правды:

Смерть служителей Мессии была наградой, ниспосланной вам Богом.

Вы пристали к Египту, рассчитывая им овладеть; вы вообразили себе, что эта страна населена трусами; о вы, барабаны, наполненные ветром!

Вы думали, что минута погибели мусульман наступила, и эта ложная мысль закрыла от ваших глаз все препятствия.

По своему прекрасному характеру вы бросили своих воинов на равнинах Египта, и могила разверзлась под их стопами.

Что осталось от шестидесяти тысяч, которые вас сопровождали? – убитые, раненые и пленные!

Пусть Бог чаще внушает вам подобные намерения; они причинят погибель христианству, и Египту нечего будет бояться его неистовства.

Без сомнения, ваши духовные предсказывали вам победу; их предсказания ложны.

Примите в соображение лучше следующий, более верный оракул:

„Если жажда мщения побудит вас вернуться в Египет, то будьте уверены, что дом Локмана[1] еще стоит на месте, что цепь готова и евнух не дремлет"».

Путь к познанию правления царей.

[1] Поэт намекает на подробности плена Людовика IX, см. выше.

Готфрид Болье

ВТОРОЙ ПОХОД ЛЮДОВИКА IX СВЯТОГО И ЕГО СМЕРТЬ. 1269–1270 гг. (в 1274 г.)

Автор, будучи неотлучно при Людовике IX в качестве его духовника, последовательно описывает в XXXVI главах всю жизнь короля и таким образом доходит до последнего события его царствования, а именно до Второго крестового похода, окончившегося в Тунисе.

XXXVII. *О предположении вторичного пилигримства в Св. землю.* Хотя святой король был уже один раз совершенно обманут в своих надеждах на распространение христианской веры, но тем не менее, слушая рассказы о бедствиях, отчаянии и ежедневных опасностях Св. земли, он вознамерился в конце своих дней предпринять что-нибудь решительное на служение Богу, и в чем не легко было бы ему воспрепятствовать. Им овладела благочестивая мысль отплыть для борьбы с опасностями, которым подвергалась Св. земля, если то будет угодно Богу, и он начал прилагать к тому все свое старание. К всеобщему удивлению, король стал, сколько мог, уменьшать расходы по своему дому. Однако он не хотел поспешно приступать к этому делу под влиянием побуждений одного своего сердца. Вследствие того он уничиженно и благоговейно совещался через тайного посла с первосвятителем Папой Климентом (IV, ум. в 1268 г.); Папа, как муж мудрый, сначала опасался и долго обсуждал дело, но наконец благосклонно согласился и одобрил благочестивое предположение. Кроме того, он отправил во Францию по этому же делу и по просьбе короля своего легата Симона, пресвитера-кардинала церкви св. Цецилии.

XXXVIII. *Каким образом король второй раз принял крест.* Возымев намерение принять крест, Людовик созвал в Париже прелатов, князей, баронов, рыцарей и множество других людей. Собрав их вместе, король католический сам в присутствии легата сделал преславное и убедительное обращение к присутствующим; он воодушевлял их к отомщению оскорблений, нанесенных Спасителю в Св. земле, и к заботам о завоевании наследия христиан, которые по нашим грехам находилось столь долгое время в руках неверных. Так рассуждал благочестивый король о всем этом и о прочем, что относится к тому же делу. Когда и легат произнес свою речь, король первым принял крест с великим благоговени-

---

ГОТФРИД БОЛЬЕ (GAUFRIDUS DE BELLOLOCO, ПО ФРАНЦ.: GEOFFROI DE BEAULIEU. XIII в.). Этот монах принадлежал к ордену предикаторов и был духовником Людовика IX. Он сопровождал короля во всех походах, и написанное им произведение «Жизнь Людовика IX» послужило главным источником для позднейших историков.

Она издана у *Duchesne*. Historiae Francorum scriptores, t. V, c. 444 и т. д.

Печать королевы Франции
Бланки Кастильской

ем, а за ним три его сына и множество графов, баронов и рыцарей; крест принял и как те, с которыми король переговорил уже о том тайно, так и другие, сердца которых тронул сам Бог.

XXXIX. *О том, как он заботливо приготовлялся к походу.* Каким горел он жаром после взятия креста, как старался убедить к тому же вельмож богатыми подарками и обещаниями, как нетерпеливо ускорял сборы к походу, изготовлял корабли,– о всем этом могут свидетельствовать те, которые с ним разделяли его заботы. При первом случае он пустился в дорогу и в назначенное время прибыл в гавань Эг-Морт (portum Aquarum-Mortuarum, ныне Aigues-Mortes), но там он испытал величайшую досаду и тоску вследствие обмана мореходов и отсутствия судов, которые не были приготовлены к обещанному времени. Таким образом, он сел на корабль гораздо позже, нежели думал.

XL. *О намерении идти в Тунис.* Когда все корабли, какие только посылали, собрались по условию у Сардинии, все вожди армии явились к королю, и на общем собрании было решено идти на завоевание царства Туниса (regnum Tunicii) прежде, нежели они отправятся в Св. землю или Египет. Мы полагаем, что здесь следует объяснить причины, побудившие короля составить такой план, ибо многие выразили по этому поводу изумление и поднимали ропот: казалось, что следовало бы идти прямо на помощь Святой земле.

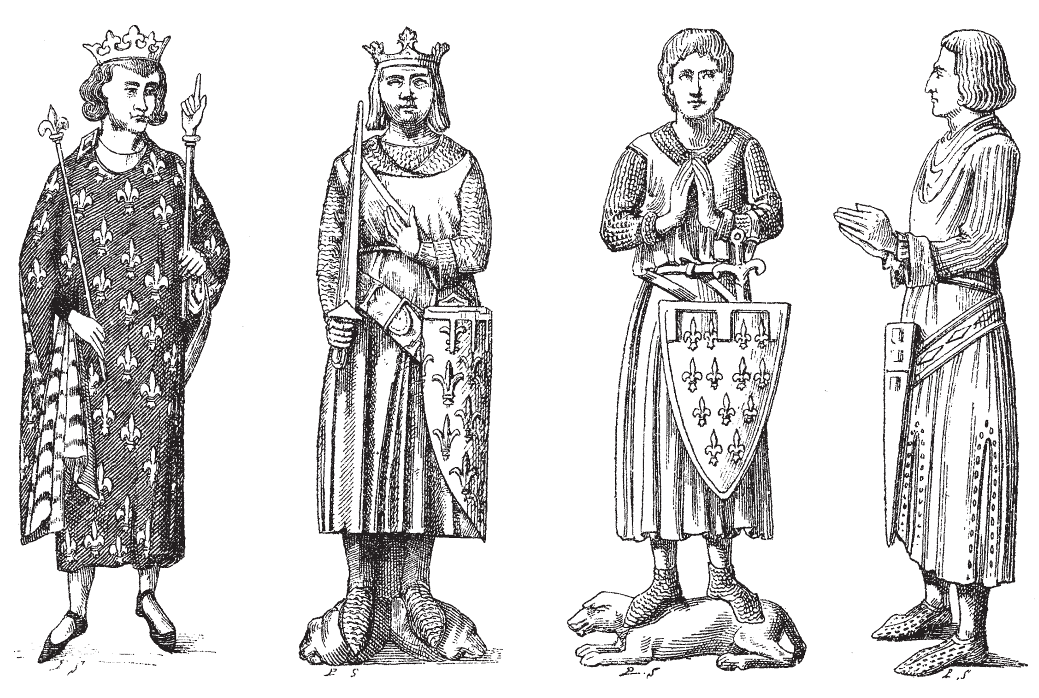
XLI. *Причины, по которым король согласился идти на Тунис.* Еще прежде, нежели король принял вторично крест, к нему часто являлись послы от владетеля Туниса, и наш король равным образом часто отправлял своих послов к нему. Владетель же Туниса давал почувствовать через людей, заслуживающих веры, что он имеет большую склонность к христианской религии и очень легко мог бы сделаться христианином, если бы к тому представился приличный случай и если бы можно было то сделать, не уронив своей чести и не опасаясь мщения сарацин. Вследствие того католический король, горя желанием пособить ему, говорил однажды: «О если бы я мог дожить до того, чтобы сделаться восприемником такого крестника». Под влиянием такой надежды он намеревался отправиться в Каркассону и Нарбонну, как будто с целью посетить свои владения, а на деле ему хотелось быть поближе к тому месту, если Бог внушит владетелю Туниса исполнить то, что он обещал. При этом мне не следует умолчать, что в тот самый год, когда благочестивый король Людовик должен был в последний раз отплыть за море, владетель Туниса отправил к нему торжественное посольство; в праздник св. Дионисия король с большой церемонией крестил в самой церкви св. Дионисия известного еврея, сам принял его от купели вместе с вельможами и при этом желал, чтобы те послы были свидетелями такого торжественного крещения. После того, призвав их, он говорил им с большой любовью: «Скажите от меня вашему повелителю, что я столь пламенно желаю спасения его души, что согласился бы провести все дни жизни моей в сарацинской темнице и не видеть солнечного света, лишь бы только ваш государь и ваш народ

от чистого сердца сделались христианами». О благочестивая речь и достойная быть принятой! О слово по истине католическое и преисполненное веры и благодати! Король католический желал бы благоговейно, чтобы та христианская вера, которая во времена блаженного Августина и других православных отцов процветала в Африке и преимущественно в Карфагене, процветала бы снова в наше время и распространилась ко славе и чествованию Иисуса Христа. Таким образом король размышлял, что если столь многочисленное и знаменитое войско вдруг явится перед Тунисом, то едва ли владетель его может другой раз представить своим сарацинам такой удобный предлог для крещения, которое спасет от смерти как его самого, так и всех, кто пожелает обратиться в христианство; при таком положении дел он может вместе с тем сохранить за собой свои владения. Сверх того королю дали понять, что если бы владетель Туниса воспротивился, то будет весьма легко завоевать этот город, а вместе с ним и всю землю. Королю напоминали, что Тунис, наполнен золотом, серебром и несметными богатствами, тем более, что с давнего времени он никем не был завоеван. Таким образом, являлась надежда, что если с Божьей помощью Тунис будет взят христианами, то в его сокровищницах можно почерпнуть много средств для возвращения Св. земли. Между тем до сих пор из страны Туниса султан Вавилона (Каира) получал большую помощь конницей, оружием и воинами ко вреду Св. земле. Наши бароны полагали, что если этот ядоносный корень будет совсем вырван, то все христианство и Св. земля получат от того большую пользу. А так как было писано, что «где одно служит для другого, то это одно и то же», и так как поход в Тунис предпринимался для расширения чести имени Христова и в особенности для вспомоществления св. земле и на ее пользу, то такое предприятие не казалось противоречащим данным обетам креста, и даже оно оставалось тем же самым делом; ибо этот поход служил поддержкой и приготовлением к более скорому возвращению Св. земли. Если же исход этого предприятия был не тот, какого ожидали верующие, то мы должны приписать то, по таинственному приговору Господню, самим себе и своим грехам.

XLII. *О прибытии короля в Тунис.* Таким образом, сев на суда, мы пристали беспрепятственно к берегам Африки в виду Туниса и раскинули свои палатки близ Карфагена. Вскоре наши мужественно и победоносно овладели всем местом, где стоял тот знаменитый Карфаген, и его окрестностями. При этом было умерщвлено много сарацин и добыты съестные припасы и все прочее, необходимое для войска. Стычки происходили ежедневные и побоище было великое; но все это и тому подобное я предоставляю изложить тем, которые умеют лучше меня писать о военных подвигах.

XLIII. *О приключившейся там смертности.* Христианское войско простояло там в палатках около 4 месяцев, и последовала великая смертность людей как по причине дурной погоды и почвы, так и вследствие недостатка здоровых деревьев и пресной воды. При этом погибли многие рыцари и благородные бароны: между ними скончался светлейший граф Ниверноа, Иоанн, сын благочестивого короля, смерть которого потрясла Людовика. Но король в своем благоразумии и твердости скоро утешился относительно этой последней смерти, насколько то было возможно.

XLIV. *О благочестивой и оплакиваемой кончине благочестивого короля, и как он держал себя, умирая.* Вскоре после того, в этом же самом лагере, сам король, блаженной и преславной памяти, Богом возлюбленный, людям милый, после всех своих трудов для веры, после столь тяжких лишений, понесенных им неутомимо на пользу религии и распространения церкви, волей Господа, пожелавшего кончить счастливо его труды и славно воздать за них, впал в беспрерывную лихорадку и слег в постель, совершив над собой благоговейно все таинства церкви в здравом и ясном уме. Когда мы совершили миропомазание и читали семь псалмов с литанией, он сам говорил стихи псалмов и, поминая святых на литании, благочестиво взывал к их заступничеству. При очевидном приближении последнего часа он не заботился ни о чем,



Французский королевский дом. *Слева направо:* Людовик Святой, по миниатюре XIII в. – Париж, Национальный архив; Карл Анжуйский (1220–1285 гг.), брат Людовика IX; Пьер, граф Алансонский (ум. в 1283 г.), сын Людовика IX; Роберт, граф Клермонский (ум. в 1317 г.), сын Людовика IX, – статуи с гробниц в Сен-Дени

как только о делах, касающихся Бога и прославления веры Христовой; так, когда ему было уже тяжело говорить, несмотря на то, этот муж, полный божества и поистине католический, в нашем присутствии сказал: «Будем стараться ради имени Бога о том, чтобы католическая вера могла быть проповедана и насаждена в стране Туниса. О, кто мог бы быть способным для отправления туда проповедником!» И он назначил для того монаха из ордена предикаторов, который уже бывал там и был известен владетелю Туниса. Вот каким образом довершал свою жизнь истинный почитатель Бога и постоянный ревнитель веры христовой, исповедуя таким образом истинную религию. Когда же его телесные силы и дар слова стали ослабевать, он не переставал, насколько мог, призывать имена своих святых, в особенности же блаженного Дионисия, главного патрона своего королевства. В этом положении, мы слышали, как он несколько раз лепетал конец того гимна, который поется в честь блаженного Дионисия, а именно: «Молим, Господи, дай нам именем твоей любви, узреть блага мира и не трепетать пред его бедствиями». Эти слова он повторял много раз. Также часто он произносил начало молитвы к св. апостолу Иакову: «Будь, Господи, святителем и стражем твоего народа», и поминал других святых. Наконец, когда наступил последний час, слуга Христов, протянувшись в форме креста на ложе, посыпанном пеплом, отдал свой блаженный дух Создателю, и именно в тот самый час, когда и Сын Божий испустил дух на кресте для спасения мира. Без сомнения, о такой христианской и счастливой кончине следует плакать, но следует и радоваться (далее – длинное рассуждение о том, почему должно радоваться и почему должно плакать). Отошел же он к Господу в день после праздника св. Варфоломея (25 августа), в девятом часу дня (по нашему, в третьем пополудни), в год Господень 1270-й.

XLV. *О прибытии короля Сицилии к Тунису.* Заметим, что в тот самый час, когда дух блаженного короля оставил тело, и даже в ту самую минуту светлейший король Сицилии (Карл Анжу), брат преславного короля Франции, пристал к гавани по Божескому устроению и вступил в наш лагерь. Его прибытие утешило немало наши сердца, удрученные скорбью по случаю смерти короля, и радость наша была велика о явившейся к нам помощи. В то же время присутствие столь победоносного государя немало поразило сердца сарацин, которые могли воодушевиться известием о кончине короля.

XLVI. *О том, как его кости были удержаны в лагере.* Святые кости его тела, по воле нового короля Филиппа (III), я и другие, назначенные для того, должны были немедленно проводить во Францию, а именно в церковь блаженного Дионисия, где король назначил место своего погребения, если ему придется умереть в этой земле до утверждения в ней христианства. Но после, посоветовавшись с королем Сицилии, Филипп удержал при себе святые останки в надежде, что заслугами его святого отца войско будет иметь хороший успех и предохранится от несчастья.

XLVII. *О перенесении сердца его и внутренностей в Сицилию.* Впрочем, когда тело его было отварено и отделено от костей, благочестивый король Сицилии просил и получил от своего племянника, короля Филиппа, сердце и внутренности покойного. После того он приказал с большими почестями перенести эти останки в Сицилию и укрыть в одном знаменитом кафедральном аббатстве близ Палермо с торжественной процессией всего духовенства и народа. Когда мы, возвращаясь из Туниса и проходя мимо Палермо, посетили то прекрасное аббатство, слышали от многих людей, заслуживающих веры, что там произошло много чудес после перенесения туда святых останков. Но с какой почестью, благоговением и почитанием были встречаемы кости его, которые нес с собой король Филипп, возвращаясь из Туниса! Духовенство и народ стекались везде процессией для того, чтобы взглянуть или прикоснуться до того помещения, в котором неслись драгоценные останки, когда король проходил через Сицилию, Калабрию, священный город Рим, Витербо, где тогда происходило совещание кардиналов по случаю выбора Папы, Болонию и другие города Ломбардии; все, находившиеся при короле, могут о том свидетельствовать.

XLVIII. *О прибытии священных костей во Францию.* Если верующие народы в чужих землях встречали святые останки с такими почестями и процессиями, то кто может рассказать, с какими благочестивыми и слезными процессиями стекался отовсюду народ и духовенство и как благоговейно принимал эти останки, когда светлейший король вступил вместе с костями отца в королевство Францию?

XLIX. *О погребении его в церкви св. Дионисия.* Наконец, прибыв во Францию к св. Дионисию, где, как мы сказали, король назначил место своего погребения, мы предали погребению его святые кости в собрании прелатов, баронов и многочисленного духовенства, в присутствии его сына, короля Филиппа, рядом с его благочестивейшим отцом Людовиком (VIII). Филипп же, лучший сын лучшего отца, всегда сохранял верно и благочестиво память о нем при жизни и при смерти.

Был же он погребен в год Господень MCCLXXI (1271-й), в пятницу, перед Троицыным днем.

Vita Ludoviei Noni, regis Francorum.

Вильгельм Трипольский

БИБАРС, МАМЕЛЮКСКИЙ СУЛТАН. 1260–1273 гг. (в 1273 г.)

В первой главе дается краткий обзор мусульманских государств – после низвержения Эйюбитов и пленения Людовика Святого в 1250 г. до возведения на престол Каира бывшего предводителем мамелюков Бибарса Бондогара в 1260 г.

II. *О процветании нынешнего султана и о его имени.* Этот султан (Бибарс, принявший по вступлении на престол имя Малек-Эльвегер-Бондогар), можно сказать, в военном искусстве не уступал императору Юлиану (Juliano Caesare), а своими злодеяниями не был ниже Нерона. Он успел подчинить себе пять государств, в которых царствовал и правил единовременно: царство Египет; королевство Иерусалимское, где некогда господствовали Давид и Соломон; царство Сирию со столицей Дамаск; царство Алеппо, в земле Эмат и царство Аравию, страну детей Моава и Аммона. Этот султан уже погубил 280 своих эмиров и друзей, по двое, по трое или по четыре вместе, под тем предлогом, что они будто бы хотели его умертвить. Тем же, которые остались в живых, он внушил такой страх, что они не осмеливались перейти из одного дома в другой, ни говорить друг с другом, ни называть себя приятелем кого-нибудь. Чтобы всех заставить трепетать перед собой, он, переодевшись, разъезжал с немногими, с четырьмя, пятью или семью спутниками, и когда думали, что он в Египте, он ездил по Азии, и наоборот; так что немногие, и даже никто, кроме своих, не могли знать, где он находится со своими приближенными. И если кому случится увидеть его и узнать, он запрещал говорить: «Вот султан» или кланяться ему: все должны были молчать, как бы глаза у них были закрыты, и пока он не проехал, никто не дерзал говорить: «Султан здесь или там». И не вздумай кто-нибудь спросить: «Где находится султан?» Он приказал умертвить одного несчастного за то, что тот при встрече с ним сошел с лошади, стал на колени, преклонил голову и поклонился ему, так как он узнал султана, шедшего со своей небольшой свитой; спутников же умерщвленного он отпустил с миром, ибо они его не узнали.

Когда он тайно готовился идти в пилигримство ко гробу Магомета в Мекку (Медину), один из его эмиров (admirallus), друг его и человек домашний, подошел к нему и почтительно просил взять его с собой в святое странствование. Султан спросил: «Откуда ты знаешь, что я должен странствовать?» Несчастный ответил: «Повелитель, я расспрашивал и узнал, что вы намерены отправиться в дорогу». По приказанию тирана его тотчас вывели на площадь, где собралось множество народа, вырезали ему язык и перед всеми объявили: «Так наказывается каждый, кто осмеливается проникнуть в тайны султана».

Этот султан легко клянется, присягает и обещает, но держит слово только тогда, когда хочет. Правду он любит в других, но сам не краснеет оттого, что в нем царствует коварство; хвалится тем, что превосходит всех своей силой и славой, и не признает никого выше себя. Он сознается, что Магомет был велик, но утверждает, что сам он совершил более великие дела и совершит еще большие. Наше могущество (то есть христиан) и наше воинство он осмеивает,

---

ВИЛЬГЕЛЬМ ТРИПОЛЬСКИЙ (GUILLELMUS TRIPOLITANUS. Родился в 1201 г.). Он был одним из знаменитых миссионеров на Востоке и папским нунцием; родился в городе Триполе. Папа посылал его в Татарию, и, возвратившись из путешествия, Вильгельм составил в виде отчета «Книгу о состоянии сарацин после возвращения короля Людовика (IX) из Сирии», которая была им представлена Папе Григорию X (1271–1276 гг.); но она до сих пор не издана, и только отрывок из нее помещен в сборнике *Duchesne*. Historiae Francorum scriptores etc. (Par., т. V, с. 432 и след.). Мы привели его в целости, исключая небольшую первую главу.

Печать Папы Александра IV (1254–1261 гг.)

говоря: «Против нас ходил король французов, король Англии и даже император Римский и Германский, но они рассеялись, как облака от ветра. Пусть придет, пусть придет король Карл (король Сицилийский, Карл Анжу, брат Людовика IX Святого), и с ним вместе грек и турок! Мы обогатимся их добычей и в войне прославимся победой».

III. *О зле, которое он причинил государю Эдуарду.* Султан, видя, что не может ничего сделать оружием против государя Эдуарда (Odoardus, английский принц Эдуард, сын Генриха III и спутник Людовика IX Святого в его походе в Африку), который явился с 300 человек для защиты Св. земли, прибегнул к хитрости, как побежденный, и призвал к себе одного эмира, научил его притвориться другом Эдуарда и его врагом. Эмир вступил в дружбу с Эдуардом через посредство посла, которого он отправил к нему и представлял как человека вполне надежного. Этот посол сделался домашним и самым близким человеком у Эдуарда и входил к нему во всякое время, не возбуждая никаких подозрений. Но однажды ночью он вошел к нему и, застав его одного с переводчиком, поразил своего господина и друга. Принц был ранен, но, поддержанный Божественной силой, сам ударил убийцу кинжалом, обмазанным ядом, и убил. Через несколько дней Эдуард, сверх ожиданий своих друзей, выздоровел.

Султан был очень раздражен против наших и говорил, что они не держат слова, как те древние и могущественные христиане (первые крестоносцы). Он упрекал их в тех пороках и преступлениях, которые сам ненавидел и не терпел: в чужом глазу видя сучок, он не видел в своем бревна. Он уверял, что если бы они возвратили ему всех сарацинских пленных, как он намерен освободить христиан, и как к тому обязались обе стороны, то он не взялся бы за оружие; мир и дружба сделались бы прочны и не последовали бы убийства и опустошения.

IV. *О том, что султан делал хорошо.* Султан же ненавидел вино и распутных женщин, говоря, что они делают людей сильных слабыми и женственными, а потому, вот уже пять лет со времени указа, в его владениях нельзя найти ни кабака, ни распутного дома; и если кто пьет вино, то по секрету. Когда ему замечали, что его предшественники содержали на сборе с кабаков и распутных домов 5 тысяч наемников, он отвечал: «Я предпочитаю иметь немного трезвых солдат, нежели большое число таких, которые хуже женщин и сражаются во имя Венеры и Бахуса, а не в честь Марса, бога войны, и доблестных людей».

Султан одобряет брак; у него четыре жены, из них четвертая молодая христианка, родом из Антиохии; он возит ее всюду за собой. Содержания же наложниц не одобряет и ненавидит все противоестественное. Он требует и предписывает, чтобы все его подданные жили в мире и по правде: к христианам, живущим в его государстве, благосклонен и особенно к монахам горы Синая и других провинций; едва только он услышит о их распрях, как немедленно произносит суждение и оканчивает их спор. Весьма охотно выслушивает он и оказывает почтение своим духовным, называемым *факирами* (focora): между ними был один, особенно привязанный к своему суеверию, а не к Богу, – Фекит эль-Кодре. Он пользовался таким расположением султана, что назывался его верным пророком. Он был враг и преследователь христиан и евреев; но расположение султана изменилось в ненависть: ему вырвали глаза, и он погиб среди мучений по тайному приказанию султана.

Если бы султан захотел, он мог бы сделать христианам более зла; но Бог умеряет его могущество. От него зависит овладеть без сопротивления многими городами и укреплениями христианскими, как-то: Сидоном, Беритом, Библосом, Тортозой (Антарад), Маргатом и, может быть, даже Тиром и Триполем; но он говорит, что из милости и сострадания он не желает более угнетать христиан, насколько то возможно и пока они то не заслуживают. Впрочем это дело известное почитателям Христа, что он ничего не желает так, как овладеть Акрой, этой главой, убежищем и оплотом христиан. А потому он старался убедить некоторых из наших, что он милостив к христианам, чтобы дать хорошее о себе понятие в Акре и внушить ее жителям доверие, а потом улучшить минуту и овладеть городом без сопротивления. Христианам сознался в том один сарацин.

Султан показывал себя весьма приверженным к своему пророку Магомету; не довольствуясь первым пилигримством к его гробу, он не успокоился до тех пор, пока не сходил снова и возвратился оттуда к празднику блаженной Марии Магдалины в год Господень 1273-й, когда все это было мной писано.

V. *О смерти султана*. В этом именно году, как говорят сарацинские мудрецы, астрологи и математики, султан умрет и после его смерти вступит на престол другой мамелюк (Turchus), который также умрет в течение первого года своего управления. Затем воспрянет владычество Христа, крестоносное знамя разовьется и торжественно пройдет до Цезареи Каппадокийской, и будет в то время великое землетрясение. Но о том знает один истинный Бог.

Сарацинам известен их близкий конец из одной их науки; они твердо в то верят и говорят, ссылаясь на свидетельство Магомета. Магомет же сказал: «Сарацины будут как странники». И мудрецы их толкуют это, говоря, что мусульмане кончат свое существование тогда, когда они разделятся на три части: одна часть падет от меча, другая спасется бегством в пустыню и погибнет; третья же примет христианскую веру.

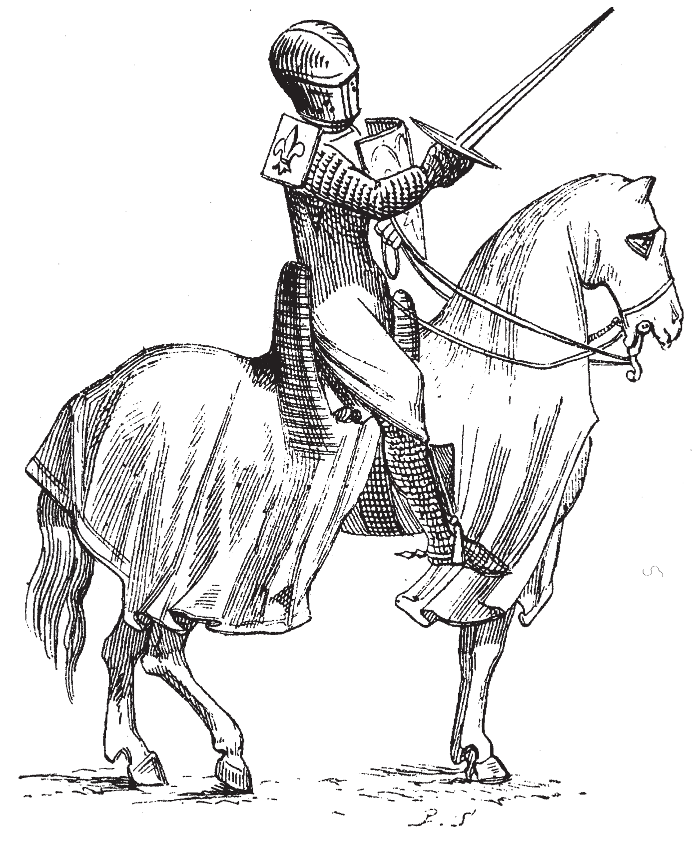
Fragmentum ex Libro de statu Saracenorum,
post Ludovici Regis de Siria reditum.

Абул Магассен

ВЗЯТИЕ АКРЫ МУСУЛЬМАНАМИ. 1291 г. (в XV в.)

Автор, описав падение Эйюбитов в Египте и деяния первых двух мамелюкских султанов, Бибарса и Келауна, приступает к рассказу о последней битве мусульман с христианами, которая окончилась взятием Акры при сыне Келауна, Малек-Ашрафе.

Осада Акры началась в четверг, 4 реби (начало апреля 1921 г.). Там бились воины, собравшиеся со всех сторон, и энтузиазм мусульман был так велик, что волонтеры далеко превосходили числом регулярное войско. Против города было выдвинуто множество машин; часть их была отнята в прежнее время у франков; между ними иные были так велики, что могли бросать громадные камни. Мусульмане сделали пролом во многим местах. Во время осады король Кипра явился на помощь городу; в ночь по его прибытии осажденные зажгли костры в знак своей радости, но он оставался в городе всего три дня, и, видя отчаянное положение осажденных, боялся разделить с ними опасности и удалился. Между тем приступы не прекращались. Вскоре христиане потеряли всякую надежду; кроме того, около того времени они разделились между собой и еще более сделались слабыми. С каждым днем осаждавшие имели новый успех; наконец, в пятницу, 17 джумади (в половине мая), при рассвете дня, когда все было изготовлено ко всеобщему приступу, султан вместе с войском сел на коня; бой барабанов сливался со страшными криками. Приступ начался с восходом солнца: христиане скоро обратились в бегство



Рыцарь конца XIII в. Реконструкция Виолле-де-Люка по рукописи из Национальной библиотеки в Париже

и мусульмане вошли в город с оружием в руках. Это было в третьем часу дня (то есть после восхода солнца). Христиане бежали к гавани, и мусульмане преследовали их, умерщвляя и обращая в пленников. Посреди Акры возвышались четыре башни, принадлежавшие тамплиерам, госпиталитам и тевтонам: христианские рыцари решили защищаться. Но на следующий день, в субботу, несколько воинов и волонтеров мусульманских бросились на дом тамплиеров и на одну из их башен, и те предложили сдаться; последовало согласие, и султан обещал безопасность; в знак того им дано было знамя, которое они и выставили наверху башни; но едва были открыты ворота, как мусульмане бросились туда в беспорядке и начали грабить башню и оскорблять укрывавшихся там женщин; тогда тамплиеры снова закрыли ворота и, напав на отрезанных таким образом мусульман, изрубили их. Знамя султана было сброшено; война возоб-

---

АБУЛ МАГАССЕН. XV в. Его сочинение «Книга блестящих звезд, султанов Египта» имеет важное значение для истории Крестовых походов, потому что оно было составлено по современным свидетельствам, не дошедшим до нас.

Извлечение из этой «Книги» во французском переводе сделано *Рено* (см. о нем выше) и помещено в «Biblioth des Croisades», par Michaud, t. IV.

новилась; осадили башню; бились всю субботу. Когда в воскресенье тамплиеры снова предложили сдаться, султан обещал им жизнь и свободу идти, куда им будет угодно: они вышли, но были перерезаны в числе 2 тысяч человек; такое же число было захвачено в плен, а женщин и детей, находившихся у тамплиеров, отвели в палатку султана. Султан был вынужден нарушить данное слово тем, что тамплиеры умертвили не только мусульман, вошедших в башню, но и эмира, посланного для прекращения беспорядков, и сверх того отрубили ноги всем вьючным животным, находившимся в башне, чтобы сделать их негодными для работы; вот что возбудило гнев султана. Между тем те из христиан, которые еще держались, узнав о поступке с их братьями, решили умереть с оружием в руках и не хотели слышать о сдаче: их ожесточение было так велико, что они сбросили с высоты башен пятерых мусульман, попавших в их руки; наконец, когда башня была подкопана и христианам предложили сдаться под условием жизни, мусульмане приблизились для овладения укреплением, но башня внезапно обрушилась, и они были все погребены под ее развалинами.

Когда окончилась борьба, султан приказал поставить в стороне людей, избежавших смерти, и их умертвили всех до последнего; число таких было весьма велико. Самое удивительное было то, что всевышний Аллах устроил так, что город был взят в пятницу, в третьем часу дня, когда и христиане вошли в город при Саладине. Христиане, овладев тогда Акрой, обещали жизнь осажденным, и потом убили всех; Аллах попустил теперь, чтобы султан точно так же принял сдачу христиан и потом умертвил их. Вот как Аллах наказывает в конце всякое вероломство!..

Автор рассказывает далее, как все остальные города христиан, а именно Тир, Тортоза и Берит, сдались мусульманам без малейшего сопротивления при одном только известии о падении Акры.

После того султан отправился в Дамаск. День его прибытия в город был днем торжества. Улицы были увешаны коврами; жители соседних стран собрались на это зрелище. Перед ним ехали верхом пленные христиане с цепями на ногах. Одни воины султана несли опрокинутые знамена христиан, другие же имели на пиках воткнутые головы неприятелей. Этот день был истинным праздником, великим днем. Султан провел в Дамаске около месяца в ожидании того, чтобы его войска заняли христианские владения. Когда все было кончено, он отправился со своей армией в Каир. Вступление его в столицу было еще более блестяще; народ сбежался в огромном числе; можно было подумать, что весь Египет соединился в одном городе, чтобы присутствовать при таком зрелище.

Книга блестящих звезд, султанов Египта.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Марин Санудо

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «СЕКРЕТНОЙ КНИГИ КРЕСТОНОСЦЕВ О НОВОМ ЗАВОЕВАНИИ И СОХРАНЕНИИ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ» (между 1306 и 1321 гг.)

Автор в начале «Секретной книги крестоносцев» прилагает краткое изложение того, как он 24 сентября 1321 г., поднес свой труд Папе, прочел ему некоторые отдельные места, на что Папа ему заметил: «Теперь уже сделалось поздно; оставьте мне рукопись; мы посмотрим ее и потом пришлем за вами». Таким образом, заключает автор, книга осталась у Папы.

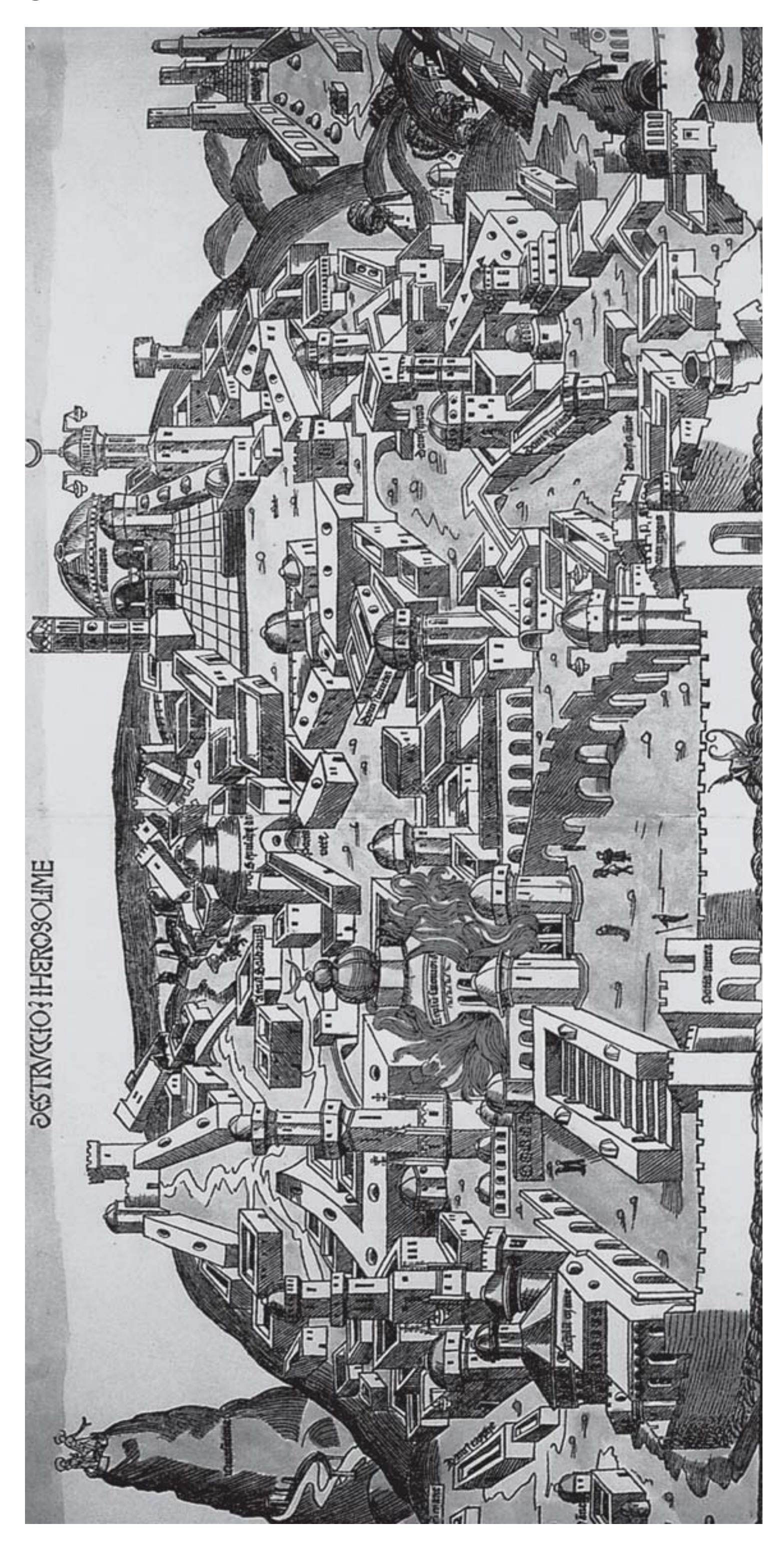
Далее автор прилагает два свои послания: одно, написанное по-латыни, обращено к Папе, а другое, на французском языке того времени, к французскому королю Филиппу IV Красивому. Из них особенно замечательно последнее, ибо оно вкратце заключает существенные черты плана, составленного автором к новому завоеванию Палестины.

Послание к Филиппу IV Красивому

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Бога живого! Аминь! Марин Санудо по прозванию Торселль, венецианец, нижайше и преданнейше приветствует королевское величество (Royale Maieste) и представляет вам при сем *Книгу и карты*[1] для завоевания и удержания в своей власти Святой земли и стран к ней прилежащих. Он утверждает, что Вашему Высокому Величе-ству нет ничего легче, как сделаться властителем вселенной и вместе по-

---

[1] Автор присоединил к своей «Книге» несколько карт и планов, а именно: всего Земного круга (Orbis terrarum), Палестины, Египта, Иерусалима и Птолемаиды (см. первую из них у нас в приложении, «Карта Земного круга»). Карта была составлена самим автором «Секретной книги» для объяснения ее текста, и в первый раз издана Бонгаром в его сборнике: «Gesta Dei per Francos» (Hannov., 1611). Критический разбор картографических работ Марина Санудо можно найти у *Santarem* «Essai sur l’histoire de Cosmographie et de la Cartogrpahie pendant le moyen age etc.» (Par., 1849, т. I, с. 131 и след.). Мы ограничились в своей копии одним общим очертанием берегов и нанесением важнейших подробностей, чтобы дать тем более ясное и точное понятие о том представлении земной поверхности, которое господствовало в эпоху Крестовых походов. Оригинал чрезвычайно испещрен и только с величайшим трудом распознаются в нем отдельные части. Как видно на самой карте, в то время центром земли принимали Иерусалим и около него обводили круг, составляющий воображаемые предметы безграничного Океана; Европа, Азия и Африка лежали, как остров посреди океана, и делились на три части протяжением Средиземного моря к Индийскому морю, которое выступало вперед Аравийским и Персидским заливами.



Иерусалим в огне

пасть в рай, чего не мог достигнуть и Александр (Македонский), хотя и был властелином всего мира. Но для того необходимо исполнить нижеследующие предписания и указания:

Primo, пусть Ваше Величество (que Vostre haulte Seigneuerie) озаботится прежде всего изготовлением к заморскому походу или по тому способу, который предложен мной, или иначе и как то заблагорассудится Вашему Величеству: если в настоящую минуту нельзя собрать достаточного числа людей, то на первый раз нужно сделать самое малое, а именно снарядить 10 галер, хорошо вооруженных, с 250 человек на каждой для охранения моря; а 300 всадников и тысячу отборной пехоты отправить для обороны Армении; ибо было бы великим стыдом и потерей для всего христианства, если утратится эта страна.

Secundo, позаботьтесь при содействии нашего святого отца Папы отправить своих вестников вместе с его вестниками по всему христианству, объявив, что Святая земля есть общее достояние верных христиан, и каждый из них будет там принят: соответственно тому, что кто пожертвует, он будет иметь там свою часть, и всякое приношение, сделанное с этой целью, сохранится в месте верном и безопасном и не может быть затрачено ни на что другое, кроме священного похода.

Tertio, не будет ли благоугодно Вашему Величеству вступить в дружбу и компанию с дожем и республикой Венецианской (avecques le Duc et commun de Venise).

Quarto, назначьте за себя начальником армии (capitaine de l'ost) того, кто покажется вам способным к тому, и пусть он следует предписаниям «Книги», которую я представляю Вашему Величеству.

Если Ваше Величество исполните все это, то я не сомневаюсь, что с Божьей помощью король Роберт, король Фридрих Сицилийский и император Константинопольский окажут вам повиновение во всем, что сообразно с благоразумием. Этим путем вы завоюете Святую землю и другие страны, к ней прилежащие; и весь остальной мир будет не в состоянии противиться Вашему Величеству, как то вы можете усмотреть из прилагаемой «Книги» и чертежей.

Относительно первого пункта: если ктонибудь скажет, что вооружение слишком ничтожно, то знайте, что с Божьей помощью оно совершенно достаточно для настоящего предприятия, ибо там, на о. Кипре, Родосе и других островах Романии, найдется до 10 галер, хорошо вооруженных и готовых во всякое время выйти в море вместе с вашими. Сверх того, упомянутые острова могут поставить еще 10 галер на короткое время. Далее, там часто сходится большое число купеческих кораблей, которые по

МАРИН САНУДО (MARINUS SANUDO, или SANUTUS, родился во 2-й пол. XIII в.). Это потомок того самого Марка Санудо, венецианского патриция, который вел переговоры с Бонифацием маркизом Монферратским об уступке о. Крита в пользу Венеции; откуда Марк распространил владение республики по другим островам Эгейского моря и удержал власть над ними в руках своей фамилии; это обстоятельство дало случай Марино Санудо часто посещать Восток и изучить его положение в последнюю эпоху Крестовых походов. Сам Марин родился в приходе св. Севера в городе Ривоалти. Его прозвание *Torsellus* было дано ему за музыкальный инструмент, который он ввел в церквях Венеции; форма этого инструмента неизвестна. В течение своей жизни Санудо отправлялся пять раз в Палестину; путешествовал по северу и бывал в славянских землях. В его время пало окончательно господство христиан на Востоке и закончились Крестовые походы. Изучив на месте положение дел, Санудо пришел к убеждению, что завоевание Палестины – предприятие весьма легкое, если приступить к нему без религиозного фанатизма, а с хорошим знанием военного и морского искусства. С этой целью он написал свое ученое рассуждение под заглавием «Liber secretorum fidelium Crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione», то есть «Секретная книга крестоносцев о новом завоевании и сохранении Святой земли» – названо же оно

временам будут в состоянии вооружить еще 10 галер; это послужит в пользу и самих купцов, потому что с Божьей помощью море таким образом сделается безопасным. Острова Кипр и Родос могут поставлять для Армении постоянно по 350 всадников, и другие христиане, видя то, окажут со своей стороны помощь. Таким образом, Армения, Кипр, Родос и другие будут хорошо защищены и охраняемы, а для султана возможность вторжения уменьшится, и вследствие того он потерпит большой ущерб. Вместе с тем все народы франкских христиан, доведенных до отчаяния тем, что ничего не было сделано, снова возымеют большую надежду и щедро будут давать из своего имущества, чтобы помочь Святой земле. Если же будут медлить, то христиане придут в отчаяние, и все христианство подвергнется большой опасности; особенно это справедливо в отношении заморских христиан, если Ваше Величество не поспешите благосклонно на помощь (n'y met briment remede et aide).

Первая книга

В *первой* книге автор ограничивается изложением предварительных мер, которые, по его мнению, должны были предшествовать наступательному движению на мусульман; эта книга состоит из пяти отделов, из которых каждый подразделяется на несколько глав. В шести главах первого отдела автор говорит о необходимости подорвать финансы султана через открытие сообщения с Индией помимо его владений, а именно, через земли татар, через разведение сахара, шелковичного червя и т. д. в Европе и через запрещение вывозить из Европы на Восток металлы, хлеб и строевой лес. В последних четырех отделах автор еще подробнее развивает план замышляемой им полной блокады мусульманских берегов Средиземного моря, приглашая светскую власть устроить с этой целью флот и прося церковь употребить в дело свое нравственное влияние; в то же время он обращает внимание на Армению, как хороший базис для военных действий и торговый путь в Индию помимо владений султана. Но самую важную часть «Секретной книги крестоносцев» составляет вторая ее книга, где автор переходит от косвенных мер к прямым средствам завоевания и сохранения в своей власти Палестины.

Вторая книга

Во имя Господа нашего Иисуса Христа Сына Бога живого. Аминь!

«Боже, ущедри нас и благослови нас, просвяти лице твое на нас и помилуй нас, чтобы мы познали на земле путь твой, во

так потому, что автор считал необходимым сохранить в тайне те меры, посредством которых легко будет достигнуть цели. Он начал писать ее в 1306 г. и окончил в 1321-м, во время своего пребывания в Германии. В 1321 г. Санудо поднес свое произведение Папе, а потом королю Франции, Англии и Сицилии, присоединив к тексту 4 географические карты. Эта книга не имела никакого практического применения, именно потому что она была выше идей и средств государственных людей того времени; но тем не менее она служит одним из важных доказательств необыкновенного успеха образованности в эпоху Крестовых походов, особенно если сравнить проповеди первых крестоносцев с этим ученым трактатом и вместе историческим источником для ознакомления с внутренним бытом Западной Европы в конце крестоносной эпохи.

Издания: у *Bongars* «Gesta Dei per Francos» (Hannov., 1611, II, с. 1–282, с картами автора). Переводов, насколько нам известно, до сих пор не существует ни на одном языке. Исследования: *Kunstmann* «Studien uber Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhange seiner ungedruckten Briefe» – помещено в «Abhandlungen der histor. Classe der konigl bayer. Akad. der Wissenschaften» (VII, 1855, с. 697–819., с приложением анализа содержания «Секретной книги»).

всех народах спасение твое. Да исповедуются Тебе люди божии, да исповедуются Тебе все люди. Да возвеселятся и да возрадуются народы, ибо Ты судишь людей правотой и наставляешь народы на земле. Да исповедаются Тебе люди Божии, да исповедаются Тебе все люди. Земля дала плод свой: благослови нас, Боже, Боже наш. Благослови нас, Боже, и да убоятся Его все концы земли». Псал. 66.

Слава Отцу, и проч. Господи, помилуй! Христе, помилуй! Господи, помилуй!

Отче наш.

Начинается пролог ко второй книге

К прославлению того же Господа нашего Иисуса Христа, взываю и молю присноблаженную Деву Марию, Матерь Его, блаженных апостолов Петра и Павла, блаженного Иоанна Крестителя и евангелиста и св. Марка, блаженного Георгия и Николая и все воинство небесное, да просят Бога, чтобы он ниспослал мне благодать к собранию в этой части всего, что относится к чести и славе Его имени, и да возможет она удостоиться внимания Вашей Святости (то есть Папы), и послужит к утверждению и распространению христианской веры. Хотя для смиренного слуги божьего было бы слишком дерзновенно обращаться так к Всевышнему Богу, но вера и благочестие обращавшегося безукоризненны. Ваши святые предшественники всегда устремлялись к возвращению Святой земли, и пусть все знают, что и Ваша Святость домогаетесь того же, чего следует домогаться всякому благочестивому христианину. Я, *Марин Санудо* по прозванию Торселль, сын господина Марка Санудо, прихода церкви св. Севера в городе Ривоалти, из венециан, хорошо размыслив, решился написать вторую книгу о делах Святой земли, еще в 1308 г. от Р. Х. в декабре; она составляет приложение и служит усилением и подтверждением первой книги о средствах и пути к овладению Святой землей во славу Божию и для чести святой церкви и Вашей Святости. Писать же ее я начал в год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1312-й, в декабре, в городе Клярансе.

Начинается книга вторая,

содержащая в себе пути и средства, которыми может быть просто и удобно завоевана Святая земля; делится же она на четыре части.

Часть первая
объясняет состав и устройство христианской армии и имеет четыре главы.

I. *О том, что необходимо избрать наместника* (capitaneus); *какие его условия; скольких он должен иметь советников и как действовать.* Таким образом, если все то (то есть меры, предложенные автором в первой книге) составляет основу к потрясению власти Вавилонского (Каирского) султана через запрещение сноситься с врагами Креста, что противно и правилам Евангелия, и к возвращению Святой земли, то затем следует приступить ко второму и также вышеупомянутому делу: а именно, прекратить сношения сухим путем и держать на море, как сказано, десять или семь галер, которые не пропускали бы ничего ни туда, ни оттуда; Ваша милость предпишет все это и со святительской мудростью, по вдохновению Святого Духа, распорядится, как и когда предписанное выполнять. Когда Ваша Святость сделает свое распоряжение на окончательную погибель султана, то на второй или на третий год запрещения торговых сделок, которые заключались, в противность правилам св. церкви, с его землями, следует избрать человека деятельного, богобоязненного, пользующегося доброй славой, благоразумного и осторожного, щедрого, мужественного и твердого, любящего творить правду и который бы соблюдал выгоды христианской общины, ставя их выше своей пользы; он должен снискать расположение и дружбу венециан с тем, чтобы их вовлечь в свое дело и найти в них помощь и совет. Такому наместнику (capitaneo) будут содействовать во всем 15 тысяч пехоты и 300 всадников, но так, чтобы выбытый человек заменялся другим. Это войско должно содержаться на жалованье у церкви, вместе с кораблями, провиантом и прочим, необходимым для войны, как то следует. Наместник же, которому поручается предприятие, должен быть один, ибо

всякое благоустроенное дело требует одной головы. Этот наместник ведет то войско в прибрежные места Египта: там он овладевает определенной местностью и утверждает свое местопребывание, соответственно инструкции, которая ему будет дана людьми опытными. Там же он содержит свой флот, как морской, как и речной, чтобы иметь возможность делать набеги когда и куда захочет.

Во второй главе автор советует на основании опытности и морского искусства венецианцев составить флот исключительно из них или вообще из какой-нибудь одной нации, «ибо, – говорит он, – национальные различия и несходство нравов, вследствие усилий дьявола, завидующего счастью, могут приводить к вооруженному смятению».

III. *О приготовлении флота, провианта и других вещей, необходимых для похода, равно и о снискании дружбы татар.* По исполнении всего этого необходимо, чтобы наместник и его люди на счет церкви и для ее пользы позаботились о составлении большого флота, и особенно речного, съестных припасов и прочего необходимого для тех, которые явятся с Запада. Тогда, если то будет угодно Вашей Святости, может начаться *проповедь Креста*, на второй или на третий год; при этом мужественный и многочисленный народ, прибыв туда, найдет там и провиант, и убежище, и корабли для нападения на неприятеля, который к тому времени утратит свою силу и на сухом пути, и на море. Египтом же можно овладеть по следующему способу: вступив в союз с *черными христианами из Нубии* и других стран Верхнего Египта, они должны напасть на врага со своей стороны, а в то же время пусть выступят *татары* из стран Сима и из Сирии; почему полезно вести дружбу с татарами и заботливо поддерживать ее подарками, ласками и обоюдными приветствиями. Таким образом, пишущий все это ни малейше не сомневается, что с Божьей помощью в четыре или пять лет по приступлении к этому второму приему земля Египетская подчинится вашему господству, и Ваша Святость будет иметь возможность вручить ее тому или другому лицу или нескольким лицам. И весьма правдоподобно то, что по завоевании Египта Обетованная земля не устоит и сама подчинится вашей власти; да и другие земли, прежде принадлежавшие франкам, освободившись от ига сарацин, подчинятся вашему господству: ибо, *по усекновении корня ветви неизбежно высыхают*.

IV. *О величине издержек на содержание упомянутого войска из 15 тысяч пехоты и 300 человек конницы, и о рациональном употреблении их.* Если Вашей Святости благоугодно знать, до чего дойдут в год издержки на содержание вышеупомянутых 15 тысяч пеших и 300 конных людей, их кораблей, на съестные припасы и другие необходимые вещи, равно и расходы на поддержание дружбы с татарами, то я отвечу на все это самым положительным образом: в три года оно обойдется в 2 миллиона 100 тысяч флоринов[1] (florenum, золотая монета, которую начали чеканить во Флоренции в 1252 г., и которая, по Дю-Канжу, равнялась 24 цератам, а 8 цератов составляли одну унцию; следовательно, флорин имел вес 3 унции; на одной стороне монеты изображался цветок лилия (flos), откуда происходит и ее название, а на другой стороне лик св. Иоанна Крестителя), считая флорин в два венецианских гроша (gpossus); а именно, 600 тысяч флоринов ежегодно на жалованье упомянутым пешим и конным людям, их содержание и другие расходы с целью сохранения дружбы с татарами, причем необходимо один год приравнивать к другому. На флот, дерево, железо и другие материалы, необходимые для постройки жилищ и военных работ, также для ремонта лошадей, которые могут на службе погибнуть или пасть – 300 тысяч золотых флоринов на все три года. Таким образом, итог расходов на три года будет равняться 2 миллионам 100 тысячам флоринов, то есть 700 тысяч флоринов ежегодно, считая впредь с того года, когда христиане овладеют в Египте какимнибудь приморским местом, где они могли бы устроить себе жилище и пристанище, так чтобы Ваша Святость могла извлечь большую пользу и из земель египетских, и его

---

[1] В подлиннике: *XXI vicibus CM. flor.*, то есть 21 раз 100 тысяч флор.

вод. О провианте же и кораблях для тех, которые будут приходить с Запада, следует позаботиться сверх того, о чем Ваша Святость и отдаст особый приказ. Если Ваша Святость пожелает знать, нельзя ли сделать этого дела с меньшим числом людей и с меньшими издержками, то я почтительно отвечу на это следующее: принимая в соображение, что военное предприятие требует полного обеспечения, какое только возможно, и что не должно щадить никаких издержек для того; полагая, что Ваша Святость в состоянии вынести такие издержки, и видя, как необходимы люди для обороны укрепления, чтобы иметь силу на море и на реках, я смело утверждаю, что тот, кто будет преобладать на пресных водах и свободно плавать по ним, с горсткой людей и в короткое время подчинит себе всю землю. А причина того заключается в том, что бóльшая часть Египта растянута по реке Нилу; это – страна продолговатая и узкая, так что не нужно иметь много сил, чтобы держать ее в своих руках, если только кто овладеет руслом реки.

Часть вторая

заключает как опровержение того пути для церковного флота, который предлагается некоторыми, так и очевидное доказательство пользы морского похода на Египет, и имеет десять глав.

I. *О том, что церковное войско никаким образом не должно идти сухим путем.* Из всего вышесказанного и вышеписанного следует, что нет необходимости для войска следовать сухим путем, как то некогда сделали наши достославные предки. Сухим путем не следует идти, потому что в этом случае войску угрожают многие опасности; дорога длинная и трудная; встречаются различные государства и многообразные препятствия; сверх того, большой недостаток в съестных припасах и прочем необходимом для войска. Быть может, кто-нибудь скажет, что поход брата Петра по прозванию Пустынник и Готфрида Бульонского, совершенный сухим путем, удался счастливо; на это отвечаю: их поход был благоприятствуем не человеческой предусмотрительностью и силами, но божественной помощью, и имел счастливый исход вследствие высшей благодати.

В последующих 9 главах этой части автор подробнее развивает доводы в пользу первоначального овладения Египтом, чтобы сделать из него базис для дальнейших военных операций; опровергает тех, которые считали лучшим путем Армению или Кипр, и при этом то ссылается на исторические примеры, почерпнутые им из похода Людовика IX Святого, то объясняет свою мысль аллегориями, сравнивая весь Восток с крепостью, для которой Египет служит главными воротами, или называя Египет деревом, под сенью ветвей которого покоится весь остальной Восток.

Вся последующая третья *часть в 4 главах посвящена подробному объяснению, почему для христиан необходимо при устьях Нила устроить военную колонию, наподобие того, как устроилась Венеция при устьях По; история Венецианской республики доставляет автору множество доказательств его основной мысли, как несокрушима сила города, владеющего устьем реки, прорезывающей глубоко материк.*

Четвертая и последняя часть второй книги составляет самый важный отдел всего сочинения, в котором автор успел развернуть во всем блеске свою разнообразную ученость и практическую опытность, приобретенную им долгими странствованиями и личным знакомством с восточными странами.

Четвертая часть,

содержащая в себе изложение способа, средств и вероятных доводов в пользу счастливого исхода предприятия,
и доказательства того, что мусульмане и еретики не будут
в состоянии защитить страны; состоит же эта часть из 29 глав.

I. *О некоторых доводах против успеха христианского войска и опровержение их.* На все вышесказанное, быть может, кто-нибудь возразит: «Приведенные примеры из истории Венеции действительно убеждают нас, что достаточно указанного числа войска для овладения приморской частью Египта и что оно может хорошо держаться там; но из этого не следует, что христиане тем самым могут нанести вред сарацинам или покорить их и победить тем или

другим способом. Во-первых, если ты захочешь идти вверх по Нилу с твоим вооруженным флотом, то знай, что река местами до того узка, что неприятель может с того или другого берега забросить огонь на твои корабли, и тем самым сжечь флот вместе с экипажем (cum gente). Во-вторых, сарацины опустят в реку Нил цепи, сделают запруды (stellatae), набьют сваи (pallotae) или построят мост на судах, как то было сделано у Франколина в округе Феррары; им же все это исполнить тем легче, что они могут укрепить конец моста на одном берегу, а на другом будут держать его наготове для спуска по течению, когда то потребуется, и притом на обоих берегам им можно содержать стражу. Таким образом, когда христиане приблизятся со своим флотом к их цепям или мостам, они отпустят мост с одного берега, и течением реки он сам прижмет христианские суда к берегу; между тем сарацины, стоящие на берегу, могут весьма удобно перерезать весь экипаж. На все это я имею ответ; начнем с первого пункта: ваше войско будет настолько предусмотрительно и заботливо, чтобы иметь при себе все необходимое для потушения огня, и притом этот огонь, когда его только что бросили, легко уничтожается; и так это вовсе не мешает христианам делать свои нападения. Относительно второго пункта скажу, что если сарацины изготовят цепи, запруды и сваи, то им же придется вследствие того содержать большую стражу и немалое число людей для охранения цепи, запруд и свай, притом на обоих берегах и во многих пунктах, особенно же в рукавах Дамиетты и Раксета, ибо они весьма широки. Но, несмотря на все то, христиане могут смело идти на эти цепи, сваи и мосты вместе со своими кораблями и подъемными машинами (arganis); нужно только избегать времени полноводья и сильного течения; наместник, как человек благоразумный, дождется такого времени, когда настанет мелководье, или когда подуют столь сильные ветры с моря и погонят воду его в рукава Нила, так что течение, и без того медленное, почти совершенно останавливается; тогда, пользуясь этим же самым ветром, попутным для себя, он пошлет вперед лучшие из своих кораблей и самые тяжелые, чтобы удар был сильный, и они вместе с подъемными машинами, на всех парусах, двинутся вверх по течению; толчок, данный ими, будет так действенен, что они пробьют мосты, цепи и сваи, повалят их и разбросают по сторонам; затем они могут плыть куда им угодно и с Божьей помощью овладеют всей рекой; так христиане уже делали, как я слышал, около Дамиетты. При этом надобно иметь в виду то, что когда армия Вашей Святости, состоящая из 15 тысяч пехоты и 300 всадников на жалованье, овладеет берегом, то еще до окончания года около нее соберется до 5 тысяч людей без жалованья, которые навезут туда съестных припасов и других необходимых для войска вещей, а потом можно сказать, что всего будет до 20 тысяч человек; при таком же числе, с Божьей помощью, нельзя сомневаться в добром успехе вашего войска.

В следующих главах (II–IV) автор опровергает другие возражения своих противников, доказывая, что султан не может отвести Нил в Океан (то есть через Черное море), чтобы таким образом не уничтожить значения устьев Нила, и что население Египта и Сирии хотя и многочисленно, но непривычно к морскому делу. Главы V–VIII посвящены описанию устройства судов более удобной конструкции для предстоящей войны и особенного вооружения людей применительно к характеру новой борьбы с неверными. Затем автор переходит к подробной смете содержания армии.

IX. *О том, как наместник должен распределить войско и в каком порядке и размере будет выдаваться ему провиант.* Сверх вышесказанного Вашей Святости почтительнейше докладывается о необходимости того, чтобы наместник христианского воинства или его вождь получил от Вашей Святости строгую инструкцию и чтобы ему было вменено в непременную обязанность заботиться особенно о распределении (ad ordinandum) своих людей: наместник или вождь должен разделить как получающих жалованье, так и находящихся по другим делам в войске, на тысячи, сотни, полусотни и десятки; каждый такой отряд получает начальника или главу, которому дается такая власть, чтобы он в глазах всех занимал место на-

местника Вашего Высочества. Но и этого недовольно: необходимо с такой же заботливостью печься о всеобщем продовольствии, как о тех, которые получают жалованье, так и о тех, которые будут сочтены достойными того по своему крайнему и недостаточному положению; особенно следует обращать внимание на то, чтобы тайно и преступно не обкрадывалось войско. Также я считаю хорошим и полезным делом для обеспечения войска, если наместник и его совет допустят, чтобы на каждой галере, кроме общей раздачи, была допускаема продажа всего необходимого в поход, особенно же по части продовольствия и одежды, но по таксе (cum lucro justo); никто не может заниматься такой торговлей, кроме получивших на то дозволение от наместника и его совета. Кредит (credentia) при продаже вещей соразмеряется со средствами лица; после же при получении жалованья делается расчет так, чтобы никто не был обманут или притеснен. Вся выручка от подобной продажи обращается в общую пользу армии, во всем же прочем должно следовать специальным инструкциям. *В военном деле выше всего строгий порядок.*

X. *О количествах выдаваемого провианта, как венециане продовольствуют своих наемников; о числе людей, сроках, весе и мере и о том, что следует по справедливости.* Надобно знать, что в день на человека отпускается полтора фунта сухарей (panis biscocti, откуда слово «бисквит»); в месяце следует считать 30 дней. Таким образом, будет недоставать в году 5 дней с четвертью, зачисляя сюда и високосный год. Сверх того нужно знать, что *секстарий* (sextarius, вроде нашего четверика) сухарей весит до 90 фунтов, а из хорошей муки даже – 105 фунтов: таким образом, у венециан всегда остается в экономии $^1/_6$ часть (15 фунтов). Вследствие того на содержание каждого в год, то есть в 365 дней с $^1/_4$, приходится – считая секстарий в 90 фунтов – 6 секстариев, 7 фунтов и 10 $^1/_2$ унции... Каждому служащему на жалованье отпускается в день по одной мере вина весом в $^1/_4$ фунта; если фунт помножить на 70, то получим меру, называемую во народе *бигонцием* (bigontium, бочонок); а 4 бигонция составляют одну венецианскую *амфору* (amphoram, бочка). Таким образом, у венециан в год на человека требуется один бигонций, 21 фунт в $^1/_4$ и $^1/_{16}$ долю фунта. Кроме того, на каждого человека отпускается по одной унции сыра ежедневно, что в год составляет всего 30 фунтов и $5^1/_4$ унции; и на 30 дней соленой свинины 3 фунта и 3 унции, что в год составляет 39 фунтов и шесть унций с четырьмя скрупулами (sagiis) на человека. Также получает в день каждый из служащих на жалованье сороковую часть одной *квартаролы* (quartalorae) бобов или других овощей, по венецианскому способу меры. А чтобы дать понятие об этой мере, скажу, что 4 квартаролы составляют одну четвертку, а четыре четвертки – один венецианский секстарий. Три венецианских секстария образуют одну *солму* (solma) в Апулии как овощей, так и хлеба. Таким образом, в год придется на человека овощей полсектария, $1^5/_{40}$ и $^1/_4$ от $^1/_{40}$.

Далее автор, на основании рассчета по содержанию одного человека, представляет расчеты на содержание 100, 1000, 10 тысяч, и 100 тысяч человек при помощи простого умножения; объясняет способ раздачи поименованного провианта по дням постным и скоромным, и говорит о рыночной цене продуктов того времени.

При всем этом особенно важно знать значение мелкой венецианской монеты: венецианский серебряный *грош* (grossus) = 32 малым венецианским *денариям*[1], так что $7^1/_2$ гроша составляют 20 малых *солидов*, а 20 солидов венецианскими грошами = 32 фунтам; остальные цифры можно получить через умножение. По этой монете секстарий сухарей в 90 фунтов веса стоит $32^1/_2$ солида и фунт придется в $4^1/_3$ денария. Если на человека положить полтора фунта сухарей в день, то это будет стоить 6 $^1/_2$ денария; в 30 дней, считая 45 фунтов на человека выйдет 16 солидов и 3 денария. Амфора вина полагается ценой в 15 фунтов и 15

---

[1] Венецианский денарий равняется $1^1/_2$ сантимам французской монеты (сто сантимов составляют франк); см. *Cibrario*. Econ. polit. du moyen age, trad. par Barnand, II, c. 232.

солидов, что на венецианские гроши делает 9 солидов, 10 грошей и 4 денария; бигонций вина будет стоить 3 фунта, 18 солидов и 9 денариев; по этому расчету фунт вина = $13^1/_2$ денария. В день человеку нужно $^1/_4$ фунта вина (кварта), что стоит $3^3/_8$ денария; в месяц же – на 3 гроша и $5^1/_4$ денария.

Такой же подробный расчет автор приводит для свиного мяса и бобов, а затем приводит итог всего суточного содержания человека.

Таким образом, весь расход на содержание одного человека обойдется, считая хлеб, вино, солонину, сыр и бобы, в день на $12^4/_5$ денария (около 5 копеек серебра); в 30 дней – 12 грошей (около 1 рубль 50 копеек серебра)...

В последующих главах, от XI до XXVIII, автор останавливается на подробных наставлениях относительно всевозможных предметов, необходимых для предпринимаемого похода на Восток: так, он говорит о числе и конструкции судов, которая могла бы придать им ловкость и быстроту движения; о времени срубки корабельного леса и способах сушки его; о нагрузке перевозных судов; об особенностях климата в Египте; об устройстве больниц; о солдатских женах; о странах, в которых можно набирать готовых моряков; о численности экипажа и его составе, гребцах, музыкантах, инженерах и т. д.; о жалованье; об оружейных фабриках и постройке машин; о вторжениях в неприятельскую землю сарацин и еретиков (то есть греков); дает подробное описание Египта и Армении; объясняет, как после утверждения в Египте следует приступить к завоеванию Палестины, склонив на свою сторону татар; и наконец, в последней, XXIX, главе приводит целый ряд назиданий во вкусе того времени:

XXIX. Всякая милость и всякий дар от Бога нисходят и без него нет добра. Человек может и знает настолько, насколько то дано ему Богом. Нет сомнения, что вождь и предводитель войска нуждаются в благодати свыше. Во-первых, нужен быстрый ум и великое попечение; быстрый же ум тот, который приводит к хорошей цели. Во-вторых, требуется широкая щедрость, но с сохранением должного порядка; в-третьих, не пренебрегать врагами, но ко всему присматриваться и прислушиваться тщательно, нет ли в чем какого вреда или опасности: в-четвертых, беречь своих людей и как можно менее ставить их в опасность; сражение принимать только тогда, когда на твоей стороне будут больше преимущества; в-пятых, заботиться о всем необходимом, и в особенности о провианте, ибо по недостатку хлеба много хороших дел было проиграно. В-шестых, любить людей более, чем вещи. В-седьмых, решать вопросы по своему соображению, но так, чтобы причина такого решения была ясна сама собой. В-восьмых, сострадать к другим и не делать никому того, чего не желаешь себе; особенно заботиться о том, какие корабли примут на себя перевоз необходимых вещей. В-девятых, не упускать важных дел из-за малых. В-десятых, обращать все внимание на обеспечение людей и какие люди живут на вашей земле; о голодных заботиться больше, чем о сытых. В-одиннадцатых, живительное, хорошее и прочное начало приводит к доброму концу. В-двенадцатых, любите больше общее благо, нежели собственное; тем возвеличился Рим; и делайте, что можете по разуму, а не по силе. Во-тринадцатых, всех благосклонно выслушивать, а после решить с немногим. В-четырнадцатых, вознаграждать добрых и наказывать злых: этим распространилась власть римлян; ибо доброе имя лучше многих богатств. В-пятнадцатых, служителей святой церкви уважать и оказывать им должное уважение; даже и с купцами обращаться хорошо и благосклонно их принимать; за все же ниспосылаемые и ниспосланные милости благодарить Бога, восхвалять и благословлять. Аминь!

Во имя Господа нашего Иисуса Христа Сына Бога живого и истинного: Аминь.

Важные замечания:

скромность есть мать всех добродетелей, а наглость – мать всех пороков;

неблагодарность есть палящий ветер, иссушающий источник благочестия, тростник милосердия и реки благодати;

у кого нет сострадания, тот ничего не имеет;

Златоуст сказал: «Мудрость состоит не в том, чтобы знать слово Божие, но по слову Божию жить»;

скупость есть источник всех зол;

терпение — высшая добродетель;

что лучше золота? – Яспис. А ясписа? – Смысл. А смысла? – Разум. А разума? – Уменье... Храбрость без рассудка есть меч в руках безумного;

Аристотель, подходя к горе, на просьбу учеников сказать им мудрое слово, произнес: «С плачем и уничижением вступил я в мир, живу со страхом и удаляюсь смущенным в полном невежестве».

Вашей великой власти, Господом Богом дарованной, *Марин Санудо* по прозванию Торселл, себя и своих всенижайше и всепреданнейше поручает.

Третья книга

Третья книга и последняя посвящена автором почти исключительно историческому изложению дела и состоит из 15 частей. В первых двенадцати излагается история Палестины, начиная с библейских времен и до изгнания крестоносцев из Азии после взятия Птолемаиды в 1291 г.; это – простая компиляция, за исключением 12-й части, где автор говорит о последнем периоде борьбы с мусульманами как современник. Часть 13-я знакомит с обычаями татар и их историей; в 14-й части предлагается подробное описание Палестины, и только в последней, 15-й части автор, возвратившись к своему главному предмету, снова говорит о средствах к утверждению власти христиан на Востоке с той целью, чтобы из несчастных уроков прежних крестоносцев извлечь правила того, чему должны следовать и чего необходимо избегать:

Часть пятнадцатая

содержит средства к удержанию Святой земли в своей власти, в противоположность вышеизложенным порокам и заблуждениям, и состоит из 25 глав.

I. *О том, как необходимы военная дисциплина и постоянные воинские упражнения.* В предыдущих частях (в историческом очерке Палестины и всех Крестовых походов от Готфрида Бульонского до взятия Птолемаиды мусульманами) изложены те разнообразные недостатки в нравах и военной дисциплине, от которых так тяжко пострадал христианский народ в Земле обетованной. Но понесенное наказание вразумляет; испытанные бедствия в прошлом спасают от будущих; неудачи научают извлекать пользу; опасности указывают на средства против них; из заблуждений мы выводим законы жизни и порядка. Прежде всего, мы замечаем, что верные всего более грешили в отношении военной дисциплины, ибо крестоносцы (crucesignati) часто и весьма несправедливо вызывали сарацин, остававшихся спокойными, и эти при своей многочисленности разрушали дома, крепости и города. В минуту же крайности христиане не умели скрыть того и отправить послов с мирными предложениями, помня Христовы слова: «Какой царь, идучи на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостоять идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, когда тот еще далеко, пошлет посольство просить о мире» (Лука, XIV, 31, 32). Особенно так нужно поступать, когда имеешь перед собой врага и деньгами более богатого, и находчивее в хитрости, и свирепее в жестокости, и сильнее оружием и средствами. Такова воля Божья, что иногда должно смиряться по грехам, и тут было бы глупо заноситься и не искать мира, как то мы видим на примере Иоакима и Седекии, и на примере второго латинского короля (говоря так, наш автор начинает пользоваться своим историческим очерком судеб Палестины в библейскую эпоху и эпоху Крестовых походов). Случалось и так, что наши в небольшом числе решались бороться с превосходными силами неприятеля, и даже по взятии города не успевали бежать; вследствии того Бендокдар (мусульманский вождь) по завоевании Антиохии, говорят, сказал некоторым из христиан: «О, христиане, вы глупы и слишком неразумны, ибо не умеете вовремя ни сражаться, ни хранить мира, ни искать спасения в бегстве». Потому по завоевании Палестины, если желают спокойно владеть ею, необходимо, между прочим, заботиться о военной дисциплине и о постоянных воинских упражнениях: пусть всенародно постановят, чтобы читали в школах избранные места из сочинений Вегеция[1]: «De re militari» (о военном деле),

---

[1] Римский писатель IV в. и современник императора Валентина II.

а также и из других подобных ученых; как древние римляне, так и военные, предназначающие себя для битв, должны постоянно упражняться в действии оружием, чтобы, когда нужно, быть предусмотрительными и осторожными в опасности: «В каждом сражении, – говорит Вегеций, – не многочисленность, но искусство и обучение доставляют победу». Так Амуций Руф, подавленный численным превосходством даков, приказал нескольким, когда они увидят, что завязалось дело, показаться сзади на холме и прозвучать в рог; действительно, неприятель, подозревая большое число, обратился в бегство. Необходимо поставить под страхом наказания, чтобы все жители Святой земли, или королевства Иерусалимского занимались не менее одного раза в неделю упражнениями в метании пращей и стрельбе из лука, будут ли они в городе или в лагере. Так, Давид предписывает во второй книге Царств сынам иудейским обучаться луку, ибо он услышал, что царь Саул и Ионафан были ранены стрелками; и великий патриарх Иаков сказал: «Я взял страну аморрейскую мечом и луком моим». Сципион Африканский думал, что для победы необходимо, чтобы во всяком сражении принимали участие стрелки, которые тревожили бы неприятеля, обстреливая его издалека. Если же он иногда любил упражняться длинными копьями, чтобы все однообразно и в одно и то же время действовали ими, то потому что это оружие оказывалось весьма часто полезным в бою. Точно так же для защиты Обетованной земли народ христианский должен обучаться ловкости и всеми мерами избегать праздности, ведущей ко всем порокам. Иезекииль восклицал, говоря иудеям: «Беззаконие сестры твоей, Содомы, гордость в сытости хлеба» (16, 49). Искусство владеть оружием подчинило Риму вселенную, как о том говорит Вегеций: «Что возмогла бы малочисленность римлян против множества галлов и испанов, хитрости африкан и благоразумия греков! Опытность в каждом деле придает смелости; малочисленное войско, но обученное, способно к победе, а грубая масса – к бегству». Пусть никто не думает, что излишне заниматься военным делом для поддержания правды и защиты отечества. Иероним говорил Бонифацию (римскому префекту Африки V в.): «Не думай, что тот неугоден Богу, кто занимается военным делом». Этим занимался и св. Давид, и многие другие праведные того времени; этим же занимались и те, которым блаженный Иоанн Креститель на их вопрос, что делать, отвечал: «Никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лука, III, 14). Говоря так, он вовсе не запрещал военного дела тем, которым советовал довольствоваться своим жалованьем.

II. *О том, как полезно в борьбе с неприятелем скрывать свои планы.* По словам одного поэта: «Ты потерял случай отомстить врагу, если он то заметил», следует и благоразумным полководцам таить от неприятеля свои намерения. Потому, когда у Метелла Пия спрашивали, что он имеет в виду сделать завтра, он отвечал: «Если бы моя туника могла о том проведать, то я сжег бы ее». Порций Катон, полагая, что завоеванные им города Испании могут со временем в надежде на свои стены возмутиться, писал к каждому поодиночке, угрожая войной, если стены не будут срыты, и приказал отдать письмо всем в один день; вследствие такого секретного образа действия каждый город думал, что это приказание дано ему одному, и повиновался, не имея возможности соединиться с другими... Подобные примеры наставляют нас, сколько приносит вреда врагу, и себе пользы, умение полководца держать свой план в тайне. Этим отлично пользуются татары: о них говорят, что они никому не позволяют ни войти в свой стан, ни выйти, чтобы неприятель не проведал их замыслов. Не так действовали крестоносцы по взятии Дамиетты (1219 г.): обнаружив свой план, они были побиты и взяты в плен, а Дамиетта сдалась. И жители Птолемаиды, не умея прибегнуть к хитрости и скрыть свой план, были также истреблены (1291 г.).

Следующие главы, от III до XVI, посвящены автором исчислению различных хитростей воинского дела, которые он подкрепляет беспрерывно примерами из древней истории, указывая на Александра Македонского, Митридата, Ификрата, Аннибала, Катона, Мария, Сципиона, Помпея,

Цезаря, Энаминонда, даже Астиага и др. Сверх того он учит, как лучше устраивать лагерь, выбирать место для сражения, ставить пикеты, тревожить неприятеля, отступать в порядке, делать засады, не пересекать отступления неприятелю, чтобы не внушить ему отчаяния, как вести осаду и др. Затем автор переходит к внутреннему устройству будущего Иерусалимского королевства, и начинает с советов самому королю:

XVII. *О том, как после завоевания Обетованной земли избрать единого короля.* По завоевании Обетованной земли следует поставить короля, который повелевал бы всеми, благоразумно и по правде управлял подданными, изгонял и устрашал неприятеля, как о том гласит Святое Писание: «Когда придешь в землю, которую Господь, Бог твой, обещал дать тебе, и овладеешь ею и населишь ее, поставь царя (regem), которого изберет тебе Господь, Бог твой» (Второзак., XVII, 14). Сказано, именно, одного царя, а не многих, как и выше мы сказали: одного наместника (capitaneus), чтобы тем благоприятствовать миру и единству. Больше всего надобно опасаться несогласий, что легко может случиться по довершении победы, вследствие различия языков, стран, характера и нравов. Когда-то Вавилонский султан сравнивал себя со змеем, у которого много хвостов и одна голова, почему он легко может тащить за собой свои хвосты; христиан же он называл змеем с одним хвостом и многими головами, почему хвост не знает, чьей фантазии (appetitus) должно повиноваться; и Христос сказал: «Никто не может служить двум господам» (Матв. 6, 24). Итак, следует избрать одного, но не всякого, а кого изберет Господь, Бог твой, кто ненавидит неправду, славится добродетелями, ищет полезного, гнушается злым: да будет вторым Давидом, кого все единогласно помазали в Сионе... Да будет вторым Соломоном, на лицо которого хотела взирать вся земля... Да будет, наконец, как Иосиф, который направил свой народ к покаянию, перенес всякие неправды и в те дни укрепил благочестие. Таков должен быть король Иерусалима, чтобы народ христианский возрастал в нем и доблестью, и числом. Прекрасно сказал по этому случаю поэт Антиклодий: «Порядок, в мире слагается по образцу короля; и жизнь правителя больше значит для нравов людей в государстве, чем сами законы».

Таким был возлюбленный избранник Божий Готфрид (герцог Бульонский); а преемники его сделались данниками султана Египетского и Дамасского.

XVIII. *О том, как король должен воздерживаться от всякого излишества и суеты.* Как выше мы изложили в нескольких главах пользу военной дисциплины, так теперь нам остается сказать несколько о добрых нравах. Читая внимательно предыдущее (первые 12 частей третьей книги), мы часто замечаем, что крестоносцам недоставало того и другого. Чтобы сказать коротко, что народ слагается по образцу короля: «Каков правитель страны, таковы и ее обитатели», говорит Екклесиаст. И выше мы читали, что «порядок в мире слагается по образцу короля». Постановленный король да не считает себя несвязанным никакими законами, и да повинуется свыше данным заповедям. Сделавшись королем, он не должен увеличивать числа своих лошадей; необходимое число их и всадников для защиты государства не запрещается, но предосудительна в этом отношении та роскошь, которую обнаружил Соломон, державший, как говорят, 40 тысяч жеребцов для колесниц, 12 тысяч верховых и 20 тысяч всадников. Подобное тщеславие запрещается, как тягостное подданным и ненавистное по себе. Таким числом лошадей законодатель дал понятие и об остальном, в чем Соломон превзошел все: на его стол ежедневно выходило 30 мер лучшей муки и 40 простой; десять откормленных быков, 20 луговых и 100 баранов, не считая оленей, коз и дичи. Он заказал двести круглых щитов из чистого золота и 300 продолговатых для пышности царского дома; их употребляла стража, возлежа у дворцовых ворот... А как все было обременительно для подданных, можно прочесть в Святом Писании, III книга Царств, 12, когда народ восклицал его сыну Ровоаму: «Твой отец положил на нас тягчайшее иго; убавь его нам несколько, и мы послужим тебе». Когда же он отвечал противное и угрожал еще больше, то потерял десять колен и причинил распадение царства. К чему королю служит излишнее воо-

ружение и излишние воины? Когда Платон увидел Дионисия, тирана сицилийского, окруженным телохранителями, то спросил его: «Какое ты сделал зло, что тебе нужно охранять себя такой стражей?». — «Одна, – говорил Сенека Нерону в своем сочинении “De clementia”, – неодолимая защита – любовь граждан». Пусть заметят эти князья и бароны: если не прилично королю увеличивать число лошадей и всадников для одного блеска, то еще менее дозволено им увеличивать у себя число собак, соколов, обезьян и других редких зверей. Но еще хуже они погрешают тем, что больше привязываются к плутам, нежели к проповедникам истины. Они говорят: дело знатных увеселяться скоморохами и охотой для отдыха, птицами и игрой в кости. Но кто не знает, что все это одно только легкомыслие? Философ Фемистокл говорил: «Правительственные люди (magistratus) должны воздерживаться от игр и всяких пустых увеселений, чтобы кто не подумал, что само государство пустилось в игру».

В следующих главах, от XIX до XXIV, автор говорит подобным же образом о других качествах короля, о воздержании, правосудии, щедрости, уважении к закону и милосердии, приводя постоянно примеры хорошего или дурного из Библии и светской истории; наконец, в последней XXV главе приводится краткий очерк всей третьей книги, как вывод из всего предыдущего.

Liber secretorum fidelium Crucis super Terrae Sanctae recuperation et conservatione.

Фридрих Вилькен

ОБ УСТРОЙСТВЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА (в 1807 г.)

Устройство Иерусалимского королевства было чисто феодально-аристократическое, как оно уже выработалось во Франции. Государство, начиная с первой минуты своего существования, состояло уже из многих владений, которые связывали между собой совокупная защита страны и признание одного общего верховного главы. Этому главе были предоставлены права, бóльшие тех, которыми пользовался король Франции. Он был государем в полном смысле этого слова, только в небольшой местности, которая была предоставлена ему лично, как и французский король властвовал единственно в своих доменах, в одном герцогстве Франции.

Корона была наследственна в том же порядке, который соблюдался вообще в ленных государствах. Избрание короля высшими духовными и светскими баронами имело место только в том случае, когда король не оставлял ни потомства, ни родственников, которые могли бы или хотели сделать притязания на наследство. Подобные при-

---

ФРИДРИХ ВИЛЬКЕН (FRIEDRICH WILKEN, XIX в.). Он был профессором истории в Берлинском университете при самом его основании. Его «История Крестовых походов» в 7 томах (Лейпциг, 1807–1832) принадлежит к числу самых капитальных произведений средневековой исторической науки XIX столетия. До Вилькена крестовая эпоха была предметом или восторгов, или безусловных порицаний, смотря по личному настроению автора. Вилькен первый изучил Крестовые походы научным образом, и, несмотря на давность времени и успехи в дальнейшей разработке материалов, труд Вилькена, как целое, не имеет до сих пор ничего равного себе для истории Крестовых походов. Главная заслуга Вилькена состоит в том, что он первый обратил внимание на восточных писателей и сопоставил их с западными. См. подробный разбор труда Вилькена у *Зибеля* в его «Geschiehte des ersten Kreuzzugs» (Bonn., 1841, с. 168 и след.).

тязания могли быть выводимы из отношений к последнему правителю, и кто стоял ближе к нему, тот имел и бóльшие права; но мужская линия предпочиталась, однако, женской и в одних степенях, хотя бы представители последней были старше представителя первой. Само государство было нераздельно, и потому не могло, как другие лены, подвергаться делению между лицами с одинаковыми правами. После смерти короля тот, кто казался ближайшим наследником, собирал вассалов короны для изложения перед ними своих прав, давал им обещание исполнить все, что касается его, как ленного государя, и требовал от них присяги на подданство. Если его права признавались ясными и основательными, тогда вассалы являлись к нему и предлагали дать со своей стороны присягу, но по исполнении того же самого королем. Так опасались насилия власти, что сначала король давал обязательство и только после него вассалы. Затем приносили св. Евангелие, и пока король держал на нем руку, один из его вассалов читал ему следующую присягу: «Государь, вы клянетесь над св. Евангелием, как христианин, всей своей законной властью (de tout votre Iegal posir, то есть *pouvoir* – защищать, сохранять, помогать и покрывать против всех живущих смертных, contre toutes gens qui vivre et mourir puissent) поддерживать и исполнять все обычаи, распоряжения и определения королевства; признать все постановления и льготы, дарованные вашими предшественниками, и всякий раз, когда возникнут по такому делу споры, отдавать их на решение вашей палаты (court). Наконец, этой же присягой вы обязуетесь в отношении всех охранять и соблюдать справедливость». После того король садился на свое кресло, и вассалы друг за другом давали ему присягу. Если государство поручалось опекуну, то сверх того требовалось от него защищать всеми законными мерами питомца, а крепости и замки его вручать только таким лицам, которые были бы баронами и вассалами короны. Король должен быть коронован патриархом в Иерусалиме, в храме св. Гроба. Впоследствии, когда Иерусалим был отнят (1187 г.) у христиан, Тир избрали местом коронования, если Иерусалим не находился снова в руках христиан. Если место иерусалимского патриарха не было занято, то коронование совершал архиепископ Тирский, как первый архиепископ королевства, вместо же его – архиепископ Цезареи, а если и это место оставалось незанятым, то епископ Назарета.

Король должен был являться на коронацию в одежде дьякона, с подстриженными волосами (la tete deschevelèe) в сопровождении государственных чинов, сенешаля, коннетабля, маршала и шамбеллана, вместе с их подчиненными. Прежде, нежели он получал корону, он должен был дать клятву в том же, в чем клялся перед своими вассалами, и короновавший прелат, надевая на него корону, давал ему такую же присягу и представлял его собравшемуся народу как короля. После славословия и обедни, во время которой король сидел с благоговением на кресле перед алтарем, короля подводили двое из высшего духовенства к алтарю, и прелат мазал его святым елеем и вручал ему пять знаков королевского достоинства: кольцо, как символ верности, меч для защиты правды и веры, корону, как символ достоинства, скипетр в знак карательной власти, и шар, изображающий собой область королевства. После того он обращался к новому королю с приветствием. Король целовал всех присутствующих прелатов и, вкусив св. причастия, снимал корону с головы. Прелат, венчавший его, брал, наконец, государственное знамя из рук коннетабля, кропил короля св. водой и передавал ему знамя. Король возвращал его опять коннетаблю.

По исполнении всего этого король в сопровождении той же свиты, с которой явился, шествовал в Храм Господень и приносил на алтарь, на котором Господь был подан Симеону, свою корону с тем, чтобы ее выкупить каким-нибудь приношением, подобно тому, как был представлен сам Спаситель и выкуплен жертвоприношением. Оттуда он отправлялся в дом храмовников, где со своими баронами и всеми, кто желает принять участие, торжественно обедал, причем граждане Иерусалима прислуживали. Жителям св. города было предоставлено

право прислуживать королю и его баронам за обедом того дня, в который он носил всенародно корону на голове.

В присяге, которую давал король торжественно, излагались обязанности, принимаемые им на себя вместе с короной. Он был защитник своей церкви и наблюдал за тем, чтобы никто не нарушил прав, приобретенных ею от него или от его предшественников; особенно он обязывался строго выполнять те обязанности, которые возлагались на него как на ленного государя по отношению к вассалам; на нем же лежала обязанность защищать государство и подданных от внутренних и внешних врагов. В исполнении этих обязанностей ему должны были содействовать как патриарх и бароны королевства, так и должностные лица – сенешаль, коннетабль и маршал. Королю вменялось также в обязанность в важных случаях призывать для совещания патриарха, баронов королевства и важнейших из рыцарей. Совершеннолетие короля должно было, по правилу, начинаться с истечением 25-летнего возраста, чему, впрочем, не всегда следовали.

Поземельные владетели большей части Обетованной земли были непосредственные (les barons) и посредственные (les homes dou Royaume) вассалы; их отношения между собой и к королю, как к верховному сюзерену (segneur), определялись условиями ленного права. В своих владениях они имели те же права и ту же власть, какую имел король в своих доменах, ибо коронная земля, или государство, было само баронством. Степени их определялись почти так же, как и в других феодальных аристократических странах. Статуты (ассизы) Иерусалимского королевства различают положительно три главных класса вассалов, а именно: высших баронов, которые были непосредственными вассалами короля; простых баронов, которые получали свой лен от высших, и, наконец, таких, которые были вассалами простых баронов (les barons, les homes dou Royaume и les homes liges).

Знатнейшими вассалами короны были следующие три могущественных князя: князь Антиохии и графы Эдессы и Триполя. Мы знаем о их отношениях к королю немного больше того, что они были его вассалами и признавали то в действительности. Из противодействия этих баронов иерусалимским королям, которые даже уступали им в могуществе, по крайней мере, князю Антиохии, нельзя заключать, что они не признавали его своим сюзереном, как ничего не доказывает сопротивление, например, графов Шампани королям французским: никто не видит в подобных случаях доказательства того, что эти графы не были вассалами французских королей. В ту эпоху (XIII столетие), когда владетель Ибелина (см. о нем ниже) старался восстановить обычаи (usages) Иерусалимского королевства не было уже никакой надежды возвратить Антиохию и Эдессу, и потому ему казалось напрасным трудом заниматься исследованием прав короны над этими землями. Вероятно, в тех случаях, где король был в состоянии приводить в действительность свои права, мерилом отношений таких баронов к короне служило обычное ленное право Французского королевства. Если заключать по аналогии с другими феодальными странами, то каждый из тех трех баронов должен был являться на суд, в котором присутствовали другие двое под председательством короля.

При некоторых оттенках феодального права в отдельных бароииях мы можем с точностью определить только те отношения, которые преобладали и которым следовали собственно в Иерусалимском королевстве, и, несмотря на то, мы будем чувствовать при описании таких отношений между сословиями недостаток в полноте известий.

Права вассалов. Как король был господином и властителем в местах, которые ему принадлежали лично, так и бароны распоряжались в земле, которая была поручена им для защиты; как король был председателем высшего суда, на который он собирал своих вассалов, так и бароны первенствовали в судах, на которые являлись их люди; как король, так и они, получив город, предоставляли его жителям право иметь свой суд; как король чеканил монету, так и бароны имели то же самое право. В судах этих баронов дарственная грамота

верховного сюзерена, скрепленная одной его печатью, не имела никакой силы; и никто не мог основывать свои права на лен, зависящий от барона, на подобной грамоте, если такое лицо не доказывало вместе, что оно в течение определенного времени действительно владело этим леном с согласия ближайшего сюзерена. Подобная дарственная грамота должна была даваться ближайшим сюзереном и быть скреплена его печатью. Только те, которые не имели собственного суда, должны были предоставлять свои грамоты ближайшему сюзерену, имевшему суд, и скреплять их его печатью. Теми же правами пользовались патриарх, архиепископы и епископы королевства, ибо их церкви имели свои лены.

Ограничения прав вассалов. Эти бароны были прежде всего ограничены в том отношения, что они, получив свои лены от короля через доставление им значка, не могли произвольно ни другому передавать их, ни отчуждать продажей в целости или по частям, и были, как относительно передачи, так и относительно продажи, связаны известными условиями. Напротив того, король, обязанный своим государством одному Богу, мог по своей воле раздавать в лен из своих земель монастырям, церквям, коммунам и мирянам и при этом имел право налагать ленные обязанности или освобождать от них. Его наследники или преемники не смели ни под каким предлогом уничтожать таких его распоряжений. Во-вторых, власть баронов над их подданными была ограничена также и в том отношении, что их вассалы и граждане, жившие в их городах, замках и бургах, обязаны были повиновением королю наравне с непосредственными вассалами и гражданами королевства, и потому ленные владетели давали королю ленную присягу, а граждане присягали ему на верность, если он того от них требовал. Во всем прочем второстепенные вассалы стояли к своим баронам в тех же отношениях, в каких находились бароны к королю.

Запрещение соединять несколько ленов в одних руках. Так как могло часто случаться, что один человек получал свои лены от различных сюзеренов, то по обычаю утвердилось следующее правило; обязательства по первому лену имели предпочтение перед обязательством по ленам последующим. Каждый мог присоединять к лену, по которому он был обязан лично службой, другие лены с тем же условием, но он должен был уважать обязательства своей прежней присяги (homage) и по другому лену заменять личную службу поставкой рыцаря. Он мог даже помогать своему прежнему сюзерену против другого, если только последний не присутствовал лично в войске: в последнем случае он имел обязанность удалиться и прислать сюзерену своих людей. А чтобы предотвратить соединение многих служебных ленов в одних руках, что вредило государству, нуждавшемуся в большом числе воителей при многочисленности окружавших врагов, такие служебные лены после смерти вассала, соединившего их, разделялись между его мужскими родственниками, если он имел таковых и если они стояли с ним в одинаковой степени родства. Старший выбирал первым и за ним другие по степени возраста. Если число ленов превышало число мужских родственников, то допускались к делению даже родственницы. Между ними способ раздела был тот же, как и между родственниками... Но лены, не несшие на себе службы, доставались без всякого раздела ближайшему наследнику покойного, ни братья, ни сестры его не имели в том никакой доли...

Опека. Если законный наследник был малолетен, тогда назначалась опека. Опекунское управление за малолетнего, по общему положению Иерусалимского права, принадлежало тому из совершеннолетних родственников, который в случае смерти своего питомца имел злой умысел опекуна на жизнь питомца, его воспитание и охранение отделялось от опеки. Если малолетний был второстепенным вассалом, то забота о его воспитании возлагалась на одного из родственников; если же он был барон и имел вассалов, то последние обязывались охранять его жизнь и замки. Только в одном случае отступали от того правила: если малолетний получал лен при жизни отца и матери, то его родители имели прежде всех право опеки и воспитания...

Совершеннолетие. Совершеннолетие для молодого человека начиналось только по исполнении 25 лет, а у женщин – после 12 лет. Ленный владетель или владетельница должны были по достижении этого возраста просить сюзерена перед судом о снятии с них опеки, и сюзерен, удостоверившись в их летах, должен удовлетворить их просьбу, но под условием, чтобы мужчина был или сделался рыцарем, а женщина выбрала себе храброго мужа, который мог бы отправлять военную службу. Тому, кто не был рыцарем, давался известный срок для приобретения этого звания. Если сюзерен не был убежден в законности возраста, то претендент должен был то доказать клятвенными показаниями двух христианских свидетелей или свидетельниц.

Замужество. Незамужним, получавшим лен или опеку, выбор мужа не вполне предоставлялся на их свободу; даже в случае произвольного выбора они лишались своих прав при жизни мужа. С другой стороны, они не могли оставаться незамужними, и до 60 лет обязывались, по востребованию сюзерена, выходить замуж. Если дама сама предоставила сюзерену дать ей мужа, то он обязывался требовать у своего совета, чтобы он назначил в течение 14 дней трех рыцарей, из которых та дама сделает свой выбор; если же сюзерен промедлит, то она может выйти замуж, не спросясь сюзерена...

Вдовство. Вдова (feme franche) барона получала свой вдовий удел (doaire) – половину его лена и половину всего движимого и недвижимого имущества. Сюзерен не мог принуждать вдову выйти замуж, но и она не могла выбрать себе мужа без согласия сюзерена и того лица, который получил другую половину лена или имел ее в своей опеке. Если же она получала вместе с вдовьим уделом и опеку над другой половиной или над каким-нибудь другим леном, то права сюзерена возвращали всю силу. Вдове предоставлялось, однако, ограничиваться одним вдовьим уделом, а опеку вручить самому сюзерену. Права вдовы на свой удел ограничивались доходом с него. Все, что оставалось от рыцаря сверх его лена, шло на покрытие его долгов; если же того было недостаточно, то вдова и наследник брали на себя остальное пополам.

Вручение лена. Те, которые получали лен, какой бы то ни было, от самого иерусалимского короля, становились перед ним на колени, клали свои руки в его и говорили следующие слова: «Sire, je deviens home lege de tel fie et Vous promet je a garder et a sauver conver contre tous ceaux et toutes gens qui vivre et morir puissent» (Государь, я становлюсь вашим вассалом по такому-то лену, и обещаю вам хранить и защищать его против всех тех людей, которые могут жить и умирать). Сюзерен отвечал на это: «Во имя Господа, я принимаю вас своим вассалом; верность и сохранение ваших прав обеспечивают и мои права». После того он давал вассалу поцелуй верности. Таким образом, сюзерен и вассал клялись взаимно выполнять свято обязанности и обоюдный долг. Вследствие того итальянские юристы феодального права сравнивали отношение сюзерена и вассала с отношениями супругов. Нарушение присяги имело такие же дурные последствия как для вассала, так и для сюзерена.

Обязанности вассала по отношению к сюзерену. Заключаемый договор возлагал на вассала следующие обязанности по отношению к его сюзерену: а) он не должен ни сам поднимать руку на своего сюзерена, ни допускать к тому другого, насколько то будет в его власти; b) не должен вести против него войну, если того не потребует сюзерен, которому он дал прежде присягу; с) обязан защищать сюзерена от брани и оскорблений со стороны кого бы то ни было и ни в каком случае самому не содействовать нарушению чести или прав и собственности своего сюзерена; а следовательно, не присваивать себе принадлежащего ему, исключая случаев судебного приговора; d) дочерей и сестер сюзерена, пока они живут незамужними в его доме, и его жену по мере сил ограждать от всяких покушений на их честь и еще менее позволять то себе самому; е) давать советы сюзерену по совести и по правде, когда он попросит о том; f) напротив, никому не помогать советом во вред своему сюзерену; g) являться на суд вассалов по призванию сюзерена

для определения права или для его защиты и вообще содействовать отправлению правосудия; h) доброхотно исполнять все повинности, в особенности же военную, по первому требованию сюзерена и так долго, пока он того желает, но не свыше года; наконец, вассал обязан представлять себя заложником за сюзерена, если нужно тем его освободить от неприятельской темницы, и ручаться за него перед своими единоверцами; если же в сражении сюзерену угрожает опасность, то спасать его от смерти или плена, посадив снова на коня, или уступив ему своего в том случае, если конь сюзерена пал.

Обязанности сюзерена по отношению к вассалам. Те же самые обязанности имел и сюзерен по отношению к своим вассалам, если только они были совместны с его высоким положением. Так, он не мог быть обязан представлять себя в залог за пленного вассала, но тем не менее он был должен охранять его от всякого личного оскорбления, защищать его собственность и честь, удовлетворять в ленных правах и помогать ему против других. Сюзерен не мог без приговора суда вассалов заключить своего вассала или лишить лена. Если вассал представил себя заложником, то на сюзерене лежала священная обязанность освободить его при первой возможности и вознаградить за все убытки, по его показанию, не выражая при этом ни малейшего сомнения. Пока вассал не был удовлетворен, сюзерен не имел права требовать от него нового залога или поручительства.

Извещение о ленных обязанностях. Действительному исполнению вассальных обязанностей должно было предшествовать со стороны сюзерена известное извещение (semonce). С обеих сторон доверяли, что сюзерен без нужды не будет извещать вассалов и что вассалы не прибегнут к уловкам, чтобы уйти от своих обязанностей. В извещении, которое сюзерен делал им через своего герольда (banier) или через трех человек, из которых один представлял его самого, а другие двое – суд вассалов, или, наконец, посредством грамоты, обозначались характер службы, время, место и продолжительность. В крайних случаях сюзерен мог требовать немедленного сбора. Если вассал медлил с исполнением своих обязанностей, то герольду верили, что он исполнил свое поручение, пока вассал не доказал противного клятвой. Тот, кто получил повышение и на службу не явился, считался вероломным. Если вассал имел достаточное основание к отказу от службы, то он должен был представить то немедленно герольду; если же он получил письмо, то письменно изложить свое обвинение.

Освобождение от ленных обязанностей. Вассал, достигший 60 лет или страдавший явным телесным недостатком, делавшим его неспособным к личной службе, совершенно освобождался от личного исполнения ленных обязанностей. Но в первом случае вассал должен был, по востребованию сюзерена, представлять ему своего коня и вооружение.

Последствия нарушения ленной верности. Сюзерен или вассал, не исполнивший своего долга или своих обязанностей, считался вероломным (foi menti) и через то терял на время или навсегда выгоды заключенного им договора. Король Иерусалимский стоял, как верховный сюзерен, в таком отношении не только к своим непосредственным вассалам, но и к вассалам своих баронов. Всех соединяла одна связь, основанная на чести и верности. Потому было так много неопределенного в ленном праве, между тем как законодательство нашего времени старается заботливо установить все посредством строгих формул. Но справедливый и честный ум различает, без тонких определений закона, правду от неправды.

Вероломный вассал лишался своего лена, смотря по проступку, на год, пожизненно или вечно, то есть для себя и своего потомства.

Первое наказание относилось к вассалам, которые не являлись на судебную ленную службу или другие обязанности, кроме военной службы, отказ от которой вел за собой пожизненное лишение лена. Последнее наказание падало также на тех, которые не давали присяги на полученный им лен в течение одного года и одного дня или не явились на ленный суд по обвинению в убийстве или

в нанесении смертельной раны. И другие менее тяжкие преступления, в которых не было измены, подвергались такому же наказанию. Но на вечную потерю лена осуждались впавшие в ересь, отказавшиеся от христианства и преступившие против лица и собственности сюзерена (traison). К последнему обстоятельству относились не только телесные оскорбления, которые мог нанести вассал сюзерену или его близкому родственнику, но также и то, если он выступал против него с оружием, выдавал его неприятелю, содействовал его убийству или грабежу, продавал свой лен и без дозволения сюзерена сдавал город, крепость или бург, вверенный его охранению, до истощения съестных припасов.

Если сюзерен не исполнял своих обязанностей или нарушал права, честь или собственность вассала, то последний освобождался от ленной повинности в отношении своего сюзерена, и притом, если сюзерен совершил вероломство, то в течение всей его жизни, а при меньшем проступке – пока он пренебрегал своими обязанностями. Если, например, кто-нибудь требовал своих денег, то он мог не исполнить ленных обязанностей до тех пор, пока не будет удовлетворен. Но вассал, заключенный без суда своим сюзереном, освобождался от всяких повинностей и верности в отношении его, хотя на сюзерене оставались все его обязанности. Вассал сюзерена, который был сам вассалом, делался через то зависимым от того, кому его сюзерен был обязан своим леном.

Прекращение ленного договора. Ленный договор мог быть прекращен сюзереном, если вассал сам уничтожал его своими проступками. Но за то вассал мог освободиться от договора или возвращением лена, или передачей его, с согласия сюзерена, своим наследникам... Но тем не менее прежний вассал оставался навсегда обязанным сохранять верность и уважение к своему бывшему сюзерену и освобождался от одних ленных повинностей...

Препоручение лена. Так как в Святой земле было много рыцарей, которые стояли в различных отношениях к своему западному отечеству и были потом вынуждены делать частые путешествия, то вассалам Иерусалимского королевства предоставлялось, с разрешения сюзерена или по определению суда, отказаться на известное время от ленных повинностей, и в таком случае вассал препоручал свой лен сюзерену (comandoit son fie). Во все это время сюзерен вполне пользовался препорученным леном, и ни он, ни его преемники не были обязаны в течение одного года и одного дня возвращать опять такой лен удалившемуся вассалу или, в случае его смерти, его наследникам. За то сюзерен обязывался охранять лен от всякого постороннего завладения. Но тот, кто оставлял свой лен, не препоручив его сюзерену, рисковал потерять свое владение в пользу того, кто успел его захватить, и сюзерен мог за такую отлучку взять лен себе на один год и один день...

Связь сюзерена со своими вассалами и вассалов между собой. При нарушении ленных прав и обязанностей все, соединенные узами взаимной верности, стояли один за другого и все – за одного. Если сюзерен нарушал свои обязанности в отношении вассала, то все совассалы отказывались помогать ему; если же вассал не исполнил своего долга и не соблюл верности, то вассалы принуждали его возвратиться на путь долга, и даже его собственные вассалы восставали против него. Таким образом, ленный порядок вещей мог существовать и быть полезным только при честности и искренности членов общества; но едва только исчезали верность, честность и честь, являлось на сцену самолюбие и кулачное право, и те самые средства, которые предназначались для поддержки оскорбленного, делались предметом злоупотреблений. Укоризны, которые так часто произносятся против ленного быта, относятся именно к эпохи перерождения членов феодального общества.

Вассалы имели два способа для надзора за соблюдением ленного права и обязанностей. Во-первых, они были членами ленного суда (Assises) и произносили приговоры или являлись свидетелями. Во-вторых, если сюзерен самовластно распоряжался, отказывал в суде и не исполнял судебных приговоров, или вассал нарушал свои обязан-

ности и повиновение суду; в обоих этих случаях вассалы были принуждены силой принудить как сюзерена, так и вассала, исполнить свой долг, ибо сообразно присяге на них лежала одинаковая обязанность, как соблюдать повиновение своему сюзерену, так и охранять законы и обычаи Иерусалимского королевства (les Assises et les Usages Royaume).

Потому, если сюзерен заключил одного из вассалов без судебного приговора, то все *перы* (pairs от *лат*. pares – равные, то есть совассалы) заключенного были обязаны, по требованию его родственника, идти к сюзерену, требовать освобождения и ходатайствовать, чтобы он был представлен на суде. Если сюзерен отказывал им без уважительных причин, то вассалы обязывались силой оружия освободить заключенного, но при этом они не могли действовать, если бы сюзерен лично защищал вход в темницу. Не имея права по долгу верности биться лично с сюзереном, они в таком случае отказывали ему в повиновении, пока он не удовлетворит их просьбу. Таким же образом они поступали и тогда, когда сюзерен лишал кого-нибудь лена или одной части его. Они сначала оповещали своего сюзерена и требовали представить вассала на суд, и, в случае отказа, или вводили его силой во владение, или, в случае невозможности, сами отказывались от повиновения...

Как вассалы принуждали сюзерена к исполнению обязанностей, подобно тому они смотрели строго за тем, чтобы их совассалы не нарушали ленных обязанностей, и даже подвассалы принуждали к тому же своего сюзерена. Если вассал по приглашению своего сюзерена не являлся на суд без всяких достаточных причин, то его подвассалы имели обязанность требовать от него, чтобы он явился в 14-дневный срок на суд сюзерена, куда они его сопровождали и поддерживали. Они должны были вытребовать от сюзерена обеспечение для его лица; и тот не мог им отказать, или иначе они стали бы поддерживать своего ближайшего сюзерена в упорстве не являться на суд. Но если вассал в 14-дневный срок не являлся, то подвассалы оставляли его и переходили на сторону верховного сюзерена. Точно так же они были обязаны, в случае вражды их ближайшего сюзерена с его верховным сюзереном, требовать от первого, чтобы он в 14 дней прекратил все неудовольствия судом, и в случае отказа брать сторону верховного сюзерена. Со своей стороны, сюзерен обязывался в 14-й день вручить им те лены, которые они утратили вследствие разрыва со своим сюзереном. Если сюзерен медлил, то подвассалы имели право возвращаться к своему непосредственному сюзерену и помогать ему до тех пор, пока они не будут вознаграждены за свою потерю.

Но другое и главное средство восстановления прав и сохранения законов и обычаев королевства составлял ленный суд, собиравшийся около сюзерена и известный под названием Верхней палаты (la haute Court), и суд горожан, или Нижняя палата (la baisse Court, или la Court des bourgois). Обе палаты действовали на основании составленных еще в первое время существования Иерусалимского королевства законов и на основании обычаев (Assises et Usages), как они были записаны при Готфриде Бульонском, и кодексе феодального права, известного под названием «Letre dou Sepoulcre» (Письма Гроба Господня), или «Livre des Assises et des bons usages dou voiame de Iherusalem» (Книга судебных приговоров и добрых обычаев Иерусалимского королевства).

Geschichte der Kreuzzuge, nach
morgenlandischen und abendland. Berichten.
Leipz., 1807, I, 314–375.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЛОГ И ЭПИЛОГ К «ПИСЬМАМ ГРОБА ГОСПОДНЯ», ИЛИ АССИЗАМ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА 1099 г. (около 1250 г.)

Книга Жана Ибелина

ГЛАВА I

Запись начинается

Книга ассиз

и добрых обычаев Иерусалимского королевства, которые были постановлены и изложены письменно герцогом Готфридом Бульонским, избранным тогда, по общему согласию, королем и сюзереном упомянутого королевства, и по определению патриарха Иерусалимского, который сам был тогда только что избран и посвящен, и по совету других королей, и князей, и баронов, которые жили после герцога Готфрида.

Когда[1] святой город Иерусалим был завоеван у врагов креста и возвращен в руки и во власть верных во Иисусе Христе, в год от воплощения Господня 1099-й, во одну из пятниц, пилигримами, которые двинулись в поход для завоевания его, по слову креста проповеданного убеждениями Петра Пустынника, князья и бароны, завоевавшие город, избрали королем и господином Иерусалимского королевства герцога Готфрида Бульонского; он принял власть, но не хотел быть ни коронован, ни помазан на упомянутое королевство, потому что не желал носить золотую корону там, где царь царей, Иисус Христос, Сын Божий, носил в день страдания терновый венец. Обратив большое внимание и сильно стремясь к тому, чтобы поставить свое королевство на степень благосостояния и чтобы его вассалы, и его народ, и всякого рода люди, прибывающие и остающиеся в упомянутом королевстве, были охраняемы, управляемы, содержимы, руководимы и судимы (gardés et gouvernés, tenus et maintenus, ménés et justisiés à dreit et à raison) по праву и по разуму, он избрал, по совету патриарха святого города и церкви Иерусалимской, и по совету князей и баронов, и старейшин, мужей сведущих, каких он мог тогда иметь для расспроса и разузнавания у жителей различных земель, каковы были обычаи в их земле. И когда те, которых он выбрал для этой работы, успели все разузнать и разведать, они написали, изложили все то письменно и принесли написанное к герцогу Готфриду. Он собрал патриарха и других вышепоименованных, показал им и дал прочесть перед ними написанное. После же, по их совету и согласию, он соединил из всего написанного, что им показалось пригодным, и отсюда

[1] Quant la sainte cité de Jerusalem fu conquise sur les ennemis de la Croiz et remise el poier des feauz Ihesu Crist, en l'Incarnation de M. çt LXXXXVIII, par un vendredi, par les pelerins qui se murent à venir conquerre la par le preeschement de la croiz, qui fu preeschiée par l'enortement de Pierre li Ermites, et que les princes et les barons, qui l'orent esleu à rei et à seignor dou roiaume de Jerusalem le duc Godefroi de Buillon, etc.

ЖАН ИБЕЛИН (JEAN D'IBELIN, XIII в.) Граф Яффы (comte de Jaffa), принадлежал к одной из знатнейших фамилий в Палестине, в то же время был первоклассным юристом феодального права. Жан Ибелин[1] принимал участие в первом Крестовом походе Людовика IX Святого. В своем прологе Ибелин объясняет причины, побудившие его взяться за труд составления сборника ассиз, или иерусалимских законов, подлинник которых погиб при взятии Иерусалима Саладином в 1187 г.[2] Когда, 100 лет спустя после смерти Ибелина владения христиан на Восток ограничивались одним о. Кипром, ассизы продолжали действовать в Никосии, столице Кипрского королевства; но при разнообразии сборников и их противоречии необходимо было установить один из них,

[1] Ибелин, замок в Палестине, давший свое имя одной из знатнейших фамилий Иерусалимского королевства, к которой принадлежал и наш автор.

[2] Жан Ибелин собрал ассизы только одной Верхней палаты.

образовались *ассизы* и *обычаи*, которых должно держаться и употреблять в Иерусалимском королевстве и которыми его вассалы, и его народ, и всякого рода другие люди, отправляющиеся, приходящие и пребывающие (alanz et venans et demorans) в его королевстве, должны быть управляемы, охраняемы, содержимы, руководимы и судимы на основании права и обычая упомянутого королевства.

ГЛАВА II

О том,
каким образом герцог Готфрид учредил две светские палаты: одну, Верхнюю палату, которой он сам был председателем и судьей; и другую, Палату граждан, называвшуюся также Палатой виконта.

Герцог Готфрид учредил две светские палаты: одну, *Верхнюю палату* (la Haute Court), которой сам был председателем и судьей; а другую, *Палату граждан* (la Court de la Borgesie), в которой он поставил одного из баронов (un home) на свое место, чтобы он был председателем и судьей, а называли его виконтом (Visconte; наместник). Судьями же Верхней палаты он назначил своих баронов-рыцарей, которые обязывались ему верностью на основании данной ими присяги; а Палату граждан составил из жителей города, самых честных и умных, какие только нашлись. И члены (jurès) Палаты граждан дали клятву, что будут судить по книге ассиз Палаты граждан. И постановил он, что сам король и его бароны, и их вассалы и все рыцари будут являться на суд в Верхнюю палату, а другие, которые не захотят судиться в Верхней палате, пусть идут в Палату граждан; граждане же все будут судимы Палатой граждан; распри граждан не могут и не должны быть разбираемы и судимы иначе, как в Палате граждан. Все это было таким образом установлено по общему согласию короля, его баронов и граждан; так и после этот порядок сохранялся и поддерживался в том королевстве. Ассизы же и обычаи обеих палат походили одни на другие не во всем, ибо высокие бароны и те, которые обязаны королю верностью, и король им, также их вассалы, и рыцари, не должны быть судимы, как граждане; и граждане, равно как и чернь, и простой народ не могут быть судимы, как рыцари. И было постановлено, что во всех городах и других местах королевства, где будет отправляться суд, должны находиться виконт, судьи и Палата граждан для управления народом, его руковождения и суда по ассизам и обычаям, установленным для Палаты граждан. Готфрид и другие государи и короли вышеупомянутого королевства, следовавшие за ним, роздали своим высоким баронам в королевстве баронии, сеньории, судебные палаты, за что они обязались служить им лично и поставлять известное число всадников; служба же, которую они были обязаны своему королю, как то было до завоевания земли (то есть Саладином, до 1187 г.), будет объяснена в конце этой книги.

как официальный кодекс. В 1368 г. король Кипра Петр II Лузиньян составил с этой целью комиссию, которая остановилась на «Книге Жана Ибелина»; таким образом, с того времени труд Ибелина из простого литературного памятника сделался официальным судебным кодексом, который сохранял свою силу до 1489 г., когда Кипром овладели венецианцы. Венецианцы оставили побежденным их прежнее законодательство, но, видя, что древнее законодательство испорчено позднейшими вставками, они определили в 1531 г. повторить работу 1368 г. и назначили комиссию для просмотра всех ходивших тогда по рукам манускриптов. Комиссия очистила труд Жана Ибелина, перевела его на итальянский язык и один экземпляр оставила в Никосии, а другой препроводила в библиотеку в Венецию. В 1570 г. турки овладели Кипром, и ассизы после почти 500-летнего существования прекратили свои действия и погибли бы совершенно, если бы Венеция не сохранила для себя другого экземпляра. Этот-то экземпляр, уцелевший в венецианской библиотеке, и послужил оригиналом для последующих изданий «Книги Жана Ибелина».

ГЛАВА III

О том,
как ассизы и обычаи Иерусалимского королевства были несколько раз исправляемы герцогом Готфридом и другими королями и государями, которые были после него.

После того, как ассизы, по вышесказанному, были составлены и обычаи утверждены, герцог Готфрид и короли и государи, следовавшие за ним в этом королевстве, несколько раз исправляли их. Всякий раз, как они что-нибудь видели и узнавали, что было бы хорошо то или другое присоединить или уничтожить в ассизах и обычаях королевства, они тотчас же это и делали, по совету с патриархом Иерусалимским, баронами, высокими вассалами королевства и с мудрейшими людьми, каких они могли найти, рыцарями, духовными и мирянами. И при каждом случае король королевства, если ему было то удобно, собирал в Акре патриарха и вышеупомянутых лиц и приказывал расспрашивать у людей сведущих, являвшихся со всех концов мира, об обычаях их земель; и те, которым было это поручено, излагали слышанное ими письменно и потом представляли королю; и король показывал патриарху и вышеупомянутым лицам, и, по их совету и согласию, ассизы и обычаи королевства увеличивались или уменьшались: что оказывалось хорошим, то вносилось, и наоборот. Некоторые из королей по нескольку раз отправляли вестников в различные страны света для исследования и разузнавания обычаев тех земель и для исправления, по возможности и по совести, ассиз и обычаев королевства. И они делали поправки, совещались с вышеупомянутыми лицами, так, как им казалось то хорошо. И так они делали много раз в течение многих лет, пока ассизы и обычаи не стали лучшими и самыми удобными, по возможности и по совести, как для короля, так и для его баронов, рыцарей, пилигримов и всякого рода людей, входящих, выходящих и пребывающих в королевстве, чтобы управлять, охранять, держать, руководить, вести и судить хорошо по правде, закону и достоинству каждого.

ГЛАВА IV

О том,
как явились к королю Иерусалимского королевства сирияне, просили его и молили позволить им судиться по обычаю сириян.

После того как герцог Готфрид и другие следовавшие за ним государи и короли вышеупомянутого королевства установили ассизы и обычаи и устроили две палаты, как о том было сказано прежде, эти ассизы, обычаи и норовы (usages, costumes) были переписаны, каждое отдельно, большими заглавными буквами, первая же буква вначале позолочена, а рубрики (то есть содержание главы) написаны красным. И так были отделаны и те, и другие ассизы, как Палаты граждан, так и Верхней палаты; к каждой хартии прикладывалась печать и подпись короля, патриарха и иерусалимского виконта; назывались же эти хартии «Письмами Гроба Господня» (Lettres dou Sepulcre), потому что они были положены в Гроб, в большом ковчеге (huche). И когда иной раз происходил спор в палате о какомнибудь обычае или ассизе и нужно было посмотреть написанное, то открывали этот ковчег в присутствии девяти лиц. А именно, при этом должен был находиться король или кто-нибудь из его баронов на его месте, и два его вассала, и патриарх или приор

Издания: лучшее и последнее помещено в сборнике Французской академии наук «Recueil des historiens des croisades. Lois» (Par., 1841, т. I) с критическим предисловием *Беньо* (Beugnot). Отдельное издание сделал *V. Foucher* с двумя текстами: старофранцузским и итальянским, по манускрипту венецианской библиотеки «Assise duroyaume de Jérusalem etc.» (Rennes., 1839, т. I в двух частях). Исследования: у *Вилькена*, в т. I «Истории Крестовых походов», вся глава 14 и *Beilage III* (см. извлечение из этой главы 14 выше).

Гроба на его месте, и два каноника, и виконт Иерусалима и два члена Палаты граждан. Таким-то образом те вышеупомянутые ассизы, обычаи и норовы были установлены и сохраняемы. И после того явился к королю вышеупомянутого королевства народ сирийский (le peuple des Suriens, то есть туземцы) и просил его, и молил дозволить им управляться обычаями сириян, и чтобы у них был свой начальник (chevetaine) и свои члены палаты, и чтобы они могли решать возникающие между ними распри по своим обычаям. И он учредил такую палату (то есть сирийскую), исключив из нее ведения дела крови, когда кто-нибудь лишался жизни или члена, и дела Палаты граждан; такие дела ему угодно было разбирать и решать в его присутствии или в присутствии виконта. И председатель новой палаты был назван на их арабском языке *раис* (rays); и назначили других членов в нее. В других же местах королевства Палата сирийская имела своих членов, но без раиса; место его занимал *бальи*. Перед ним разбирались дела сириян, к нему приходили и присяжные (les jurès) той палаты составляли определение, как бы в присутствии раиса, который был тем же, чем и висконт. И с того времени, таким образом, управлялись сирияне в королевстве, как все то объяснено выше.

ГЛАВА V

О том,
что государь, глава Иерусалимского королевства, и бароны, и прочие вассалы, заседающие в палате и суде, должны знать ассизы и обычаи вышенареченного королевства.

Так как мне кажется справедливым и разумным (droit et raison), чтобы государь, глава Иерусалимского королевства, и бароны, и прочие знатные люди, заседающие в палате и суде (qui ont court et coins et justice), знали ассизы и обычаи вышенареченного королевства, и чтобы государь, прежде, нежели получить от Господа помазание и посвящение в короли, клялся сохранять их во всей силе и поддерживать в своем государстве, и чтобы его вассалы и вассалы его вассалов сделали то же самое; и так как бароны, обязанные быть судьями в своих судах, должны судить справедливо по ассизам и обычаям, то с этой целью я и начал составлять эту «Книгу», хотя в то же время я сам вполне сознаю, что не имею в себе ни довольно ума, ни знания для исполнения такого дела. Но тем не менее я питаю доверие и надежду на всемогущество Бога Отца, на премудрость Бога Сына и на милость Духа Святого, который даст мне и смысл, и благодать к совершению предпринятого мной, на основании всего того, что я видел, узнал и запомнил из слов мудрейших людей своего времени, с которыми я беседовал об ассизах и обычаях вышенареченного королевства, и о тяжбах вышеупомянутой палаты (Верхней). Я сам научился действовать, основываясь на том, что я видел, как они действовали и поступали. И молю Святую Троицу, да ниспошлет она мне благодать Духа Святого, и да возмогу составить сию «Книгу» с таким совершенством, чтобы она послужила к чести Бога, на пользу мой души (de m'arme) и правительству народа Иерусалимского королевства, живущего по справедливым ассизам и справедливым обычаям вышенареченного королевства; и на пользу души и тела всех тех, которые прочитают эту книгу или послушают, как другие будут читать. Я прошу, умоляю и заклинаю именем Бога, чтобы сказанным мной не злоупотребили и не нарушили чьих-либо прав; пусть пользуются моей книгой по справедливости, для защиты другого, смотря по своим обязанностям. Мое намерение состояло в том, чтобы этой книгой наставить всех тех, которые будут должны и получат право исправить ее, иное опустить, иное уничтожить.

Как мне думается, прежде, нежели говорить в этой книге об ассизах, об обычаях и тяжбах в Верхней палате вышенареченного королевства, я должен сказать о короле, который считается главой королевства, и объяснить, где он должен короноваться и что при этом делает патриарх, который возлагает корону на голову и венчает его, и когда он носит корону на голове, и что затем делает патриарх и все прочие люди королевства после того, как он будет короно-

ван; и как поступают бароны и другие знатные люди, заседающие в палате и суде, и судьи, и адвокаты (les plaideors), пока король еще не коронован. Итак, я начну свою книгу с того, что я слышал о короле и прочем вышесказанном.

Эти 5 глав составляют пролог к «Книге Ибелина»; с 6-й главы и до последней, 272-й, восточный юрист приступает к изложению всего кодекса феодального права: сказав сначала о короле, его венчании и т. д., он долго останавливается на объяснении устройства Верхней палаты и процедуры ее дел; определяет точно обязанности сюзерена и вассалов, и особенно подробно говорит о так называемом semonce*, то есть оповещении вассалов сюзереном об исполнении ими той или другой обязанности, ибо это оповещение составляло краеугольный камень феодального здания (см. объяснение* semonce *выше); последние главы, начиная с 251-й, посвящены сначала (а именно всего 5 глав, 251–255-я) предмету в то время весьма маловажному, а именно* виланам *(vilains, чернь, низкие люди), то есть массе населения, стоявшей вне феодального общества; потом он переходит к описанию придворных чинов, коннетабля, маршала и т. д. и исчислению церквей, подчиненных главным метрополиям, вассальных баронств Иерусалимского королевства, городов, имеющих Палаты граждан и суды; наконец, две последние главы представляют огромный список, в котором обозначено, сколько рыцарей и пехоты должны поставлять светские вассалы и, в случае крайности, даже церкви – так, патриарх Иерусалимский ставил 500 пехоты, капитул Гроба 500; монастырь Иосафата 150; гора Сион 150; Масличная гора 50; Храм Господень 50; Мария Латинская 50; город Иерусалим 500; Акра 500; Тир 100 и т. д. Последняя глава 273 служит эпилогом, как первые 5 составляли пролог.*

ГЛАВА CCLXXIII

Вот
последняя глава этой «Книги».

Вы видели выше ассизы и обычаи Иерусалимского королевства, как положил им основание Готфрид Бульонский, который был первым иерусалимским королем, хотя он и не хотел носить золотой короны; но об этом мы сказали в прологе к этой книге (в гл. I). Он царствовал один год. После него правил Балдуин, его брат, 18 лет. Он был первый латинский король, носивший корону Иерусалимского королевства, умер в Египте, был отнесен в Иерусалим и погребен на Лобном месте, перед Голгофой, возле брата Готфрида; на его гробнице написали следующие стихи:

Rex Baldewinus, Judas alter Machabeus,
Spes patrie, vigor ecclesie, virtus utriusque;
Quem formidabant, cui dona, tributa ferebant
Cedar et Egyptus, Dan ac homicida Damascus.
Proh dolor! in modico clauditur hoc tumulo[1]

После него был коронован Балдуин Бургский по прозванию Жало (Aguillon), и он правил 18 лет[2], ведя добрую и хорошую жизнь, и при смерти сделался каноником Гроба. После него был коронован Фулько, зять вышеупомянутого Балдуина; он правил 12 лет и умер под Акрой, охотясь за зайцем, и был отнесен в Иерусалим. И после него правил Балдуин (III), его сын, 20 лет. И после него правил Амальрик, его брат, 11 лет. И после него правил Балдуин (IV), его сын, Прокаженный, 11 лет; и он при своей жизни короновал малолетнего Балдуина (V), который был сыном маркиза. При жизни всех этих семи королей, что составляет 86 лет, ассизы были составлены и утверждены. До завоевания этой земли (Саладином, в 1187 г.) ими пользовались как нельзя лучше; мы же имеем о них довольно скудные сведения, и то, что знаем, знаем по слуху и по обычаю. И мы считаем ассизом то, что мы видим употребляется как ассиз; нам говорят, что это ассиз и что неизвестно, отменен ли он или нет, но говорят всегда по совести и по разумению. Ассизами пользовались лучше и вернее в прежнем Иерусалимском королевстве до завоевания этой земли (до 1187 г.), где находились ассизы, как о том сказано в прологе к книге: *по завоевании же земли все было потеряно*

---

[1] «Король Балдуин, второй Иуда Маккавей, надежда отечества, опора церкви, доблесть обоих, которого боялись, которому несли дары Цезарь и Египет, и Дан, и человекоубийца Дамаск. О горе! Он скрыт в этой скромной могиле».

[2] Хронологические указания Ибелина не всегда верны, или ошибались его переписчики: 18 вместо 13 (1118–1131 гг.).

(et après la terre perdue, fut tot perdu)[1]. Но старые люди передали нам достаточно свои юридические познания. Король Амальрик (II, король Иерусалима и Кипра)[2], о котором мы читаем в «Книге завоевания» (Livre dou Conquest)[3], что он выкупился из темницы в Дамаске, и который был бедным принцем (up povre vallet), прошел все должности в государстве, от шамбеллана до коннетабля, и был впоследствии королем обоих королевств (Иерусалима и Кипра), и обоими управлял до самой смерти хорошо и благоразумно; он знал обычаи и ассизы лучше всех, как о том свидетельствуют видевшие его, и многие из них сохранил на память. Но мессир Рауль Тивериадский (Raou de Thabarie) был еще ловчее (soutil) его, так что вышеупомянутый король весьма просил мессира Рауля, до своей ссоры с ним, чтобы они оба вместе и другие два вассала снова написали ассизы, и говорил король, что он много знает и много помнит, так что мало бы чего недоставало. Мессир Рауль отвечал, что он своих познаний не сообщит ни одному гражданину или писателю из низшего класса. Если же я в чем-нибудь из сказанного мной ошибся или чего-нибудь не понял, то прошу всех, кто прочтет мою книгу, помолиться нашему Господу, чтобы он, в своем нежном милосердии, привел и меня самого, и всех христиан к истинному раскаянию, правой вере, полному покаянию и честному концу. Аминь.

Livre des assises et des usages dou roiaume de lherusalem.– Изд. Beuqnot, Recueil des histor.

[1] На основании этого замечания полагают, что настоящий текст ассиз времен Готфрида погиб при взятии Иерусалима Саладином в 1187 г.

[2] Амальрик II был братом Гвидо Лузиньяна и наследовал ему на о. Кипре; но по удалении Рачарда Львиное Сердце, когда поставленный им король Генрих Шампанский умер, вдова его, Изабелла, вышла в третий раз замуж за Амальрика II и доставила ему титул короля Иерусалимского (1196–1210 гг.).

[3] Ни один историк не упоминает о плене Амальрика; а сочинение, приводимое Ибелином, остается до сих пор неизвестным.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ «ПИСЕМ ГРОБА ГОСПОДНЯ», ИЛИ АССИЗ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЕВСТВА. 1099 г.

I

Ассизы Верхней палаты (около 1250 г.)

Собиратель ассиз Верхней палаты, живший в XIII столетии, посвящает первые пять глав своего сборника на пролог, в котором объяснено происхождение ассиз Иерусалимского королевства и причины, побудившие ученого юриста взяться за свой труд (см. о том выше). Последующие затем 268 статей, за исключением последней статьи, а именно, по общему числу 273-й, заключают в себе самый полный сборник феодального права и феодальных учреждений, сложившихся в Западной Европе и видоизмененных под влиянием особого положения латинских колонистов на Востоке. Эти ассизы служат весьма важным дополнением историков того времени, обращавших внимание на политическую и военную сторону предприятия крестоносцев, между тем как в ассизах отразился весь внутренний мир феодального общества, перенесенного на новую почву.

Самую важную часть ассиз, как феодального памятника (см. обзор их содержания выше), составляют те главы, в которых определяются отношения сюзерена к вассалам, права сюзерена и права вассалов, основанные на обоюдном договоре и потому влекущие за собой обязанности как для сюзерена, так и для его подданных. Объяснив случаи, в которых вассал может поднять оружие против своего сюзерена, и какие должны были при этом соблюдаться формальности (гл. CCXI), составитель ассиз весьма долго останавливается на одном из важнейших прав сюзерена, а именно на праве оповещения *(droit de semonce)[1] своих вассалов, и посвящает одному этому вопросу целых 16 параграфов (от CCXII до CCXXVIII), из которых мы увидим, что иерусалимские ассизы не были кодексом закона в нашем смысле этого слова, но скорее юридическим сборником, который давал и судье, и подсудимому советы не только как поступать в известном случае, но и как выражаться, как вести следствие и т. п. Это скорее мемуары юриста из его судебной практики, нежели положительное законодательство.*

[1] См. объяснение этого права выше.

ГЛАВА CCXII

О том,

каким образом сюзерен должен оповещать своего вассала или вассалку о явке на суд, если на них есть жалоба; и когда их оповестят, и они пришлют извинение, как следует проверять их извинения, и через кого; и если они не явятся в назначенный день или их извинение не будет засвидетельствовано, то противник должен жаловаться своему сюзерену, и как сюзерен обязан поступить.

Если кто-нибудь жалуется сюзерену на одного из его вассалов (homes) по какому бы то ни было делу, сюзерен по ассизу и обычаю Иерусалимского королевства не может и не должен оповещать (semondre) о явке на суд иначе, как своей собственной особой. Если же сюзерен оповещает кого-нибудь из своих вассалов через посредство других трех, своих же вассалов, чтобы он явился к нему на суд по делу, в котором на него жалуются, извещаемый отвечает: «Я извиняюсь (je suis essoignes), потому что не могу явиться»; и если ему при этом назначают день и час явки на суд, и он извиняется, что в этот час и день ему невозможно явиться, то в первый раз ему должно верить на слово. Но если сюзерен оповещает его письмом или через знаменосца (banier), и он будет извиняться, то он должен изложить свое извинение (essoine) перед сюзереном через своего нарочного... Если же истец (le clamant) несколько дней спустя скажет сюзерену, что он не верит, чтобы обвиненный был оповещен, и будет просить и умолять о своем удовлетворении, сюзерен обязуется снова послать с оповещением о явке на суд обвиненного. И если тот снова извиняется и истец объявит, что он не верит ему, сюзерен должен послать трех из своих вассалов, одного на место себя и двух от палаты, и они должны убеждать его явиться в палату по такому-то делу и назвать его при этом по имени и объявить, по какому делу. И если он скажет, что извиняется и не может идти, то они должны отвечать, что противник не верит, а что они пришли от сюзерена и от палаты убеждать его идти в суд или в противном случае пусть он им докажет свое извинение, как то следует по ассизу и обычаю Иерусалимского королевства. И он должен сделать одно из двух: идти по требованию сюзерена или дать установленную на этот случай клятву. И он должен клясться над святыми, что он извиняется в невозможности идти на суд, если он то сделает, то на этот раз ему должно поверить. Если же он иначе поступит и не пойдет на суд, то его извинение признается незаконным, и он проигрывает свое дело, как о том сказано в этой книге, а именно, что тот, кто не удовлетворяет права, сам теряет его. После нескольких дней, если истец услышит, что подсудимый принес извинение и не явился и подтвердил свое извинение клятвой, то он должен прийти к сюзерену и сказать ему: «Сир, я вызываю на суд такого-то – и называет его при этом по имени, – день назначенный прошел; он представил извинение, а я вам говорю, что я не верю; вы послали за ним, как то вам следовало, но я не верю тому, чем он извиняется; и потому я вас прошу и умоляю удовлетворить меня, как вы то должны, и жалуюсь на него точно так же, как и прежде». И сюзерен должен в третий раз послать за ним трех своих вассалов от себя и от палаты, и с ними вместе врача (un fiscien) или хирурга (un selorgien), смотря по выставляемой обвиненным отговорок; врач должен быть также его обязательным вассалом (hom lige) и дает клятву в том, что он освидетельствует подсудимого. Если же между такими вассалами не найдется ни одного врача, то посылается другой, который дает клятву показать по совести. И те три вассала должны убеждать подсудимого от имени сюзерена явиться на суд по такому-то делу, и назвать его по имени, и сказать, в чем состоит дело. Если же он опять будет извиняться, то те три вассала от палаты, представляющие собой сюзерена, должны ему сказать: «Покажите причину отговорки этому врачу (le miege)». И он должен согласиться на то, а доктор обязан пощупать ему пульс (taster son pos) и посмотреть его урину. Если же его отговорка по части хирурга, то подсудимый обязывается показать ему свою рану в присутствии тех трех вассалов, отправленных сюзереном. И если

врач скажет, подтвердив свое показание клятвой, что подсудимый извиняется законно, то его нельзя трогать, пока он остается в своем доме и говорит, что он не может явиться на суд. Но если врач или хирург не признают причины отсрочки для явки на суд, то он должен идти, или с ним поступят как с вассалом, отказавшимся удовлетворить суд: он теряет свое дело, как о том было сказано в этой книге, а именно, что тот, кто не удовлетворяет права, сам теряет его (home qui defaut de venir faire le dreit la pert).

ГЛАВА CCXIII

Если
сюзерен оповещает какого-нибудь вассала о предстоящей ему службе, а вассал лишен своего лена или чего-нибудь другого, что захватил сюзерен без определения и без ведома палаты, или сюзерен должен был утвердить за ним лен, как то было обещано перед палатой, и не исполнил того, то каким образом вассал может не принять оповещение, пока сюзерен не утвердит его в лен, или не возвратит должного, способом выше определенным.

Если кто-нибудь лишен (est merme) части своего лена (son fie), которую удерживает за собой сюзерен без определения и без ведома палаты, или дело будет идти о том, чтобы сюзерен утвердил в лен вассала, как то требовалось от него перед палатой, а сюзерен вместо того оповестит его о какой-нибудь службе, которую он обещал исполнить, и вассал не захочет ни принять оповещения, ни отправить службу сюзерену, то он должен сказать тому, кто оповещает: «Я не признаю того, чтобы я был должен принять это оповещение, прежде, нежели мой сюзерен возвратит мне удержанное из моего лена без определения и без ведома палаты, так как в ее собрании я получил то – при этом говорится, что именно получено, – и не хочу принимать, если палата не разберет дела...» И после того он должен предстать перед сюзереном и сказать ему: «Сир, вы меня оповестили о такой-то службе – и назвать при этом, о какой именно, – вы же без определения и без ведома палаты задерживаете такую-то часть моего лена – и сказать, именно какую, – и я требовал от вас возвращения этой части перед вашей палатой, а вы до сих пор мне не отдали ее и не представили палате причины, по которой вы можете не возвращать принадлежащего мне, а потому и я не признаю того, чтобы я должен был принять ваше оповещение, пока вы не возвратите должного мне по лену и удержанного без определения и без ведома палаты, или пока не скажете причины, которая будет признана в палате уважительной; и я не приму никогда вашего оповещения, если палата не предпишет и не скажет, почему я должен: ибо я обязан перед вами службой по своему лену, а меня лишили в этом лене части, которой я от вас и требовал перед вашей палатой – и сказать, именно какой части, – а так как я обижен, то потому и не обязан вам службой, и не хочу быть обязан по вышеизложенной причине, если палата не предпишет того. И палате я буду повиноваться, сохранив за собой право протеста (sauf mon retenaill)». Таким образом, вассал прикроет себя повиновением палате; а прикрыв себя этим способом, мне кажется, он не должен ни принимать вышеупомянутого оповещения, ни отправлять требуемой службы, пока палата не сделает своего распоряжения. И, мне кажется, сюзерен не может думать, что палата предпишет принять оповещение, пока он не возвратит должного вассалу, как того требовал последний перед палатой, или пока сюзерен не объяснит палате, почему он не должен возвращать.

В последующих главах, 214–216, автор ассиз рассматривает с такими же подробностями другие случаи, когда вассал может не принять оповещения от сюзерена, и различные обстоятельства, какие могут при этом происходить, как, например, крайнюю опасность сюзерена со стороны неприятеля, и как в этом случае поступать, смерть одного из оповещающих на пути, и изменит ли это законность оповещения и т. д. Затем автор приступает к перечислению различного рода служб, которые могут требоваться сюзереном от вассала.

ГЛАВА CCXVII

О том,
какого рода бывают службы тех, которые обязаны являться на службу к сюзерену лично, и в каком месте служба должна быть отправляема.

Я намерен упомянуть теперь о тех родах службы, которую обязаны нести вассалы перед своим сюзереном, кому они должны служить лично за лены, полученные от него, когда он сам оповещает или через других, как то следует: 1) вассал должен являться по оповещению на коне и в оружии во всякое место королевства, куда сюзерен позовет сам или через других, и на всякую службу, как бы на войну, если оповещение было сделано как следует; и оставаться на службе, как то определено в оповещении, до одного года: на основании ассиза и обычая Иерусалимского королевства нельзя оповещать более как на один год. И тот, кто обязан служить лично или поставить рыцаря или пешего воина, должен отправлять службу во всем королевстве, если оповещение было правильно; 2) если вассал призван в палату, то он должен ходить с поручением к тому или к той, кого сюзерен укажет, если только это не его противник, или если дело не касается его самого, ибо никто не может показывать против себя, и к тому не может принудить ни сюзерен, ни кто другой; 3) вассал должен делать показания в палате, если то прикажет сюзерен; 4) должен отправиться к убийце, если сюзерен предпишет идти от имени палаты; 5) должен, по приказанию сюзерена, присутствовать при освидетельствовании нанесенных им ударов, по поводу которых он обвинен перед палатой; 6) должен ходить по всему королевству с оповещениями от палаты, когда сюзерен прикажет; 7) должен исполнять всякие поручения сюзерена по всему королевству; 8) должен ходить на раздел земли и воды, по приказанию сюзерена; 9) должен заниматься следствиями, когда потребуют того от сюзерена; 10) должен ходить на осмотр земель или другого чего, если сюзерен прикажет от имени палаты; 11) должен исполнить всякую службу, которую должны нести члены палаты, когда сюзерен распорядится.

И все эти роды службы вассалы обязываются исполнять во всем королевстве и во всех местах, куда сюзерен ходит или не ходит, если оповещение было сделано законным порядком. Вне же пределов королевства вассал должен отправляться и служить сюзерену только в трех случаях: 1) по случаю брака сюзерена или его детей; 2) для защиты его чести и веры; 3) когда его владение в очевидной опасности, или для общего блага всей страны. И тот или те, кого сюзерен оповестит сам или через других законным порядком, относительно трех последних случаев службы, получат достаточное содержание (estauveurs), пока они будут на службе: всякий знает, что у вассала нет средств за пределами своей земли... И женщина, если она имеет лен, на котором лежит обязанность личной службы, должна служить сюзерену тем, что выходит замуж по оповещению своего сюзерена, если он оповестит ее, что она должна вступить в брак; когда же она вступит в брак, то ее муж (baron) обязуется исполнять все вышеупомянутые роды службы.

Глава 218 служит сокращением предыдущих глав о формах оповещения.

ГЛАВА CCXIX

О том,
что сюзерен не должен оповещать вассала о службе, если не имеет в том надобности, и вассал не должен без причины отговариваться от службы в случае оповещения.

Сюзерен не должен ни сам, ни через других оповещать о службе, если не имеет в том нужды. И вассал не должен отговариваться в случае оповещения о службе, если не имеет на то уважительной причины. Если же кто-нибудь из них, сюзерен или вассал, поступит иначе, то он сделает не то, что следует, и не сохранит своей верности к другому, как то должно.

В последующих главах, 220–226, отчасти повторяется вышесказанное о формах оповещения, отчасти же дополняется новыми соображениями в таких случаях, когда нужно решить вопрос о том, как поступить, если вассал может сам явиться на службу, а его лошадь заболела, или если оповещающие не застанут вассала дома и т. п.

ГЛАВА CCXXVI (bis)

О том,
какой службой обязан вассал сюзерену, если он переступил известный возраст или носит на себе следы очевидного увечья.

Есть ассиз и обычай, по которому все рыцари, переступившие возраст *шестидесяти* лет (по другим манускриптам – *сорока* лет, что невероятно и составляет ошибку переписчика), или изувеченные очевидным образом, освобождаются от личной службы; и если такой извинится тем, что он переступил возраст, то сюзерен получает от него коня и оружие взамен личной службы всякий раз, когда пожелает оповестить.

ГЛАВА CCXXVII

О том,
каким образом, когда и через кого сюзерен оповещает женщину, которая имеет лен, несущий на себе личную службу, чтобы она выбрала мужа, и если она, будучи оповещенной, не выберет, то какую пеню налагает на нее сюзерен.

Когда сюзерен оповещает или приказывает оповестить законным порядком женщину о том, чтобы она выбрала мужа (baron), если владеет леном, несущим личную службу, или девицу, которой достался подобный лен, то он должен предложить ей на выбор трех баронов и при том таких, которые равнялись бы по знатности ее прежнему мужу. И он должен оповещать в присутствии двух или более вассалов, или через своих трех вассалов, из которых один представляет его самого, а двое – от палаты. И тот, кто представляет его, обязан сказать так: «Госпожа, я предлагаю вам от имени такого-то сюзерена – и называет его – трех баронов, такого-то, такого-то и такого-то – и называет их – и оповещаю, что вы должны в такой-то день – и назначает время – взять одного из трех мной названных в мужья». И это он повторяет в их присутствии три раза... И когда женщина оповещена и не выбрала в назначенный срок одного из трех в мужья, то она должна явиться к сюзерену и изложить причину отказа.

ГЛАВА CCXXVIII

О том,
каким образом женщина, получившая оповещение об избрании мужа и переступившая возраст, может отказаться от оповещения, и сюзерен не имеет права наказать ее.

Если сюзерен оповещает или приказывает оповестить законным образом женщину об избрании мужа, владеющую леном, обязанным личной службой, и переступившую возраст, то она должна прийти к сюзерену или послать, кто ее замещает, и в присутствии совета сказать: «Сир, вы приказали оповестить госпожу такую-то – и называет ее – о службе, которую она должна нести вам лично, как женщина, пользующаяся леном от вас; на это, сир, она отвечает вам, а я за нее, следующим образом: “Она не принимает вашего оповещения и не хочет принять, если палата не предпишет, – и говорит, почему, – потому что она считает себя освобожденной от личной службы, на которую она обязана, как женщина, – и говорит, каким образом. – Во-первых, и прежде всего, ей известно, что есть ассиз и обычай Иерусалимского королевства и Кипрского, по которому люди, несущие личную службу и переступившие 60 лет, освобождаются от службы”... *Я не полагаю*, чтобы сюзерен мог ожидать от палаты, чтобы та предписала такой женщине принять оповещение об избрании мужа.

В следующих главах автор продолжает рассматривать другие случаи в отношении женских вассалов к сюзерену и вообще говорит о значении лена; только в конце он посвящает несколько слов относительно управления виланов, живших в лене, и праве сюзерена на их личность. Затем последние главы ассиз посвящены статистическому описанию Иерусалимского королевства, исключительно с военной стороны, то есть по отношению числа войска, которое должны были поставлять королю духовные и светские вассалы и города. Самая последняя глава исчисляет иерусалимских королей, при которых издавались ассизы (см. о том выше).

II

Ассизы Палаты граждан (между 1173 и 1183 гг.)

ГЛАВА I

Здесь
начинается книга «De Justitia et Jure»; она толкует о правде и праве, а прежде всего о том, каким человеком должен быть виконт и какими людьми должны быть присяжные в палате, какими людьми они не должны быть и как они должны управлять и судить всех мужчин и всех женщин, и всякое дело об убийстве, грабеже, продаже, купле, займе, домах, землях, виноградниках, конных и пеших людях, и о всех вещах, которые будут им представлены на рассмотрение.

В начале этой книги мы должны сказать о правосудии и праве. И прежде всего следует заботиться о том, чтобы каждый мужчина и каждая женщина пользовались своим правом, ибо в римском законе (en Latin) правосудие определяется следующим образом: «Justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi»[1] *Constans*, то есть твердым, следует быть в верности и правосудии, ибо тот, кто тверд в вере и правосудии, жив будет и не умрет. И римский закон говорит: «Justus ex fide vivit», то есть, праведный верою живет. Равным образом, правосудие должно быть вечно, то есть, беспрерывно, ибо и Давид говорил: «Justitia Dei manet in saeculum saeculi», то есть правосудие Божие продолжается во все дни. А потому по долгу чести и правды мы должны заботиться прежде всего, чтобы воздать должное каждому мужчине и каждой женщине.

ГЛАВА II

Здесь
говорится о том, каким человеком должен быть сюзерен и какие необходимы ему качества, чтобы справедливо судить всех.

[1] Правосудие есть твердая и постоянная воля сохранять за каждым его право (Institutionum l, I, t. l. l. 1).

Кто хочет судить и творить правду, должен прежде всего сам бояться и любить Бога; а ни один человек не может ни бояться, ни любить Бога, если он не имеет веры; если же он имеет веру, то будет иметь в себе истину и правду, ибо сказано в Писании: «Fideli omnia cooperantur in bonum», то есть верному человеку всякое дело к добру. Итак, кто хочет другому творить правду, должен иметь всегда в себе страх и любовь Господню, и только тогда может судить и творить правду. И надобно быть очень правым и хорошо сведущим тому, кто хочет судить чужие проступки. Ибо много берет на себя всякий, кто решается судить мужчину или женщину: он должен обратить внимание на всю жизнь и нравы каждого и каждой; и сверх того ему следует принять в соображение и все добрые их поступки. А, наконец, он должен помнить, что как он судит людей, так и его будут судить люди, ибо в Евангелии сказано: «Quocumque enim judicio judicabitis jidicabimini»[1].

ГЛАВА III

Здесь
говорится о виконте города, назначаемом вместо короля для выслушивания подающих жалобы, и как он должен держать себя на службе королю.

Виконт города (le baully de la vile или le Visconte, городской глава), на котором лежит забота охранять людей, должен прежде всего иметь ум и справедливость, чтобы поддерживать всех тех, которые будут приходить к нему. И пока город находится в его власти, он обязан жить по закону и по разуму. Антонин и другие римские императоры говорили: «Quamvis... legibus vivere volumus»[2], то есть, хотя мы не связаны законом, но живем по закону. Так должен поступать и виконт города для своей чести и для спасения своей души: чтобы его добрая слава послужила примером хорошего для тех, которые ниже его.

[1] Ибо каким судом судите, таким судимы будете (Матф. VII, 1).

[2] Licet enim legibus soluti sumus, attamen legibus vivimus. *Instit.* l. II. t. XVII. l. 8.

ГЛАВА IV

Здесь
говорится о том, какого человека должен король назначать бальи или виконтом, и каким образом и как он обязан творить правду и предписывать присяжным палаты произносить приговоры на основании жалобы истца и ответов подсудимого.

Владетель города должен, по совету горожан, назначать виконтом палаты такое лицо, которое любит Бога и верит в него и будет творить правду всем тем, которые явятся с жалобой. Ибо, когда виконт восседает на своем месте в палате он должен выслушивать кротко и с приятным лицом как жалобу истца, так и ответы подсудимого. После того виконт должен приказать присяжным (jurés) рассудить истца и обвиненного на основании слышанного ими. И когда дело будет решено, виконт должен удовлетворить того, кто выиграл тяжбу. А затем виконт обязан взыскать то, что следует владетелю.

ГЛАВА V

Здесь
говорится о том, как должен поступать виконт, чтобы приносить пользу, и что он теряет, когда действует не так, как то следует.

Виконт не может и не должен благоприятствовать в палате никому и кривить, ни по злобе личной какому-нибудь мужчине или женщине, ни по обещанию того или другого. Если же он сделает что-либо подобное и будет то доказано и узнано присяжными, то он будет наказан и по мере проступка, лишен звания виконта и изгнан из королевства; все же его имущество достается в руки владетеля города.

ГЛАВА VI

Здесь
говорится о том, как виконт должен поступать с худыми обычаями, и как он должен поддерживать своей честностью хорошие обычаи.

Виконт не должен вводить худых обычаев в землю, и если он это сделает, то присяжные не должны терпеть того и обязаны сказать сюзерену, а сюзерен обязан лишить его звания, и если он не обязательный вассал (hom lige), изгнать из города в течение 8 дней (по другим манускриптам – 8 лет, что невероятно). Ибо виконт обязан клятвой хорошие обычаи поддерживать, а дурные истреблять для чести Бога, для пользы земли и для спасения своей души.

ГЛАВА VII

Здесь
говорится о том, какие люди бывают присяжными и для кого они назначаются.

Присяжные[1] должны быть законными людьми и любящими Бога, творить правду нелицеприятно, *как сказано в законе*: «Ut amicus verétatis fiat», то есть да будет другом правды; ибо все падает на его душу, если он говорит неправду. Они должны давать лучшие советы– какие могут, всякому и всякой, кто к ним обратится.

ГЛАВА VIII

Здесь
говорится о том, что присяжные могут делать и чего не могут; если же они делают последнее, то их должно изгнать из общества присяжных.

Присяжные ни в какой тяжбе не должны быть адвокатами (avocas, ce esta avantparliers) и судьями. И если кто это сделает, то должен быть исключен из общества других присяжных, и теряет голос в палате, ибо римский закон повелевает: «Ut in una eademque causa nullus esse debeat advocatus et judex».

ГЛАВА IX

Здесь
говорится о том, как должны вести себя присяжные в палате и как они не должны отклоняться от прямого пути.

---

[1] Обыкновенно их было 12.

Присяжные, когда они сидят в палате, обязаны слушать и внимать истцу и ответчику и хорошо слушать; и по выслушивании всего должны произносить приговор по совести без всякой лжи. Via recta debet incedere et non declinare ad dexteram vel ad sinistram, aeque judicans magnum et parvum, quia non est personarum acceptio apud eum, et cetera. То есть, судьи должны идти прямой стезей истины и правосудия и не должны уклоняться ни направо, ни налево, и одинаково должны судить как большого, так и малого, как бедного, так и богатого; и все, которые так действуют, считаются друзьями Бога, ибо они творят правду, как то предписано законом и ассизом.

ГЛАВА X

Здесь
говорится о том, что присяжные не имеют права давать советы, ни выслушивать что-нибудь в то время, когда они заседают на своих местах.

Присяжные не должны и не могут поддерживать или давать советы ни одному мужчине и ни одной женщине, пока они заседают на своих местах; они не должны сообщать тайн палаты ни одному человеку в мире, даже своему отцу. Если же они сделают это, то их следует лишить чести и изгнать из земли на один год и на один день.

ГЛАВА XI

Здесь
говорится о том, что могут сделать присяжные, а именно примирить двух поссорившихся до начала тяжбы в суде.

Присяжные, если заблагорассудят, имеют столько власти, что могут помирить своих соседей, которые рассорились, и даже других, но прежде, нежели они пожаловались друг на друга. И они должны предупреждать ссору, насколько то им возможно, быть всеобщими советниками и постоянно заботиться о сохранении прав своего сюзерена всеми мерами. Итак, присяжные могут примирить двух человек прежде, нежели начнется между ними тяжба; но если тяжба началась, то присяжные не могут быть примирителями, потому что они уже знают, кто выиграет дело – истец или ответчик. И судья должен хорошо помнить, что *actor* значит истец (le clamant) и *reu* – ответчик (le respondant).

ГЛАВА XII

Здесь
говорится, как должно поступить с теми присяжными, которые, несмотря на свое предназначение разбирать дела и помогать вдовам, сиротам и всем, кто спросит их совета, не захотят советовать, когда их попросят о том в палате.

Если случится, что сирота мужского или женского пола, или несовершеннолетний ребенок, или вдова будут просить, называя по имени или вообще двух присяжных из палаты о совете, то разум повелевает дать им такой совет и притом наилучший. И если случится, что какой-нибудь присяжный, названный по имени одним из вышеназванных лиц, объявит в присутствии прочих присяжных, что он не пойдет давать совет, то разум повелевает прежде всего исключить такое лицо из общества присяжных, лишить его навсегда права быть членом палаты, не выслушивать его показаний, не доверять ему и заставить ответить перед сюзереном, как отвечает вассал, нарушивший верность. Ибо он ясно доказал свое вероломство, отказавшись дать совет или сказать правду тому или той, которые его просили о том. И знайте: хорошо, что нет ни одного из 12 присяжных, который не был бы клятвенно обязан подать совет всякому, кто его попросит, хотя бы то против его отца или матери. И это справедливо и разумно (et ce est dreit et rason), ибо присяжные для того и учреждены, чтобы творить суд и давать советы всем, кто будет их просить о том.

В следующих двух главах (XIII и XIV) автор приводит ассизы из церковного права, почти единственные во всем Иерусалимском законодательстве.

Затем он снова возвращается к светскому обществу и излагает свой предмет в следующем порядке: главы 16–26 – о лицах, которые могут вести тяжбу, и о различных предметах тяжбы; в главах 28–42 помещены гражданские законы о правах на собственность и преимущественно поземельную; в главах 43–49 помещена вставка, которая не относится к Палате граждан, и должна была составить особый кодекс, а именно кодекс морских законов (см. ниже); в главах 50–60 – о ссуде и правах кредитора; в главах 67– 86 – о поручителях при займе и вообще о кредите; это самая обработанная часть из всего Иерусалимского законодательства; в главах 87–105 – о найме лиц, домов, садов и проч.; в главах 106–110 – о складочных местах; в главах 111–113 – о торговых компаниях; в главах 114–118 – о договорах между частными людьми; в главах 119–136 – о гражданском судопроизводстве; в главах 137–157 – о свидетельстве в суде, заменившем судебную дуэль; в главах 158–183 – о брачном договоре; в главах 184–207 – о завещании; в главах 208–212 – о рабах и отпущенниках; в главах 213–243 – о различных предметах, о даре, об обещаниях, об ответственности отца за долги сына, о судебных правах женщины, о продаже, об ответственности доктора и ветеринара и т. д.; в главах 242, 243 – о таможенном тарифе королевства; в главах 244–304 заключается уголовное законодательство, еще весьма несовершенное, но уже свидетельствовавшее об успехе латинских колоний на Востоке, ибо в Западной Европе, где существовала одна судебная дуэль, не могло быть никаких идей об уголовной процедуре. Таким образом, полный кодекс ассиз Палаты граждан состоял из 304 глав.

III

Морские законы Иерусалимского королевства (между 1162–1173 гг.)

ГЛАВА I[1]

Здесь
сказано о том, как установил законы король Амори[2] для руководства мореходам, кораблям и судам.

Знайте точно, что если купцы имеют тяжбу (contrast) с мореходами за то, что они выбросили за борт корабля их имущество по причине худой погоды или почему-нибудь другому, то разум повелевает судиться им в Морской палате (la cort de la mer), ибо в ней не допускаются судебные поединки, как доказательство правоты; а в Палате граждан допускаются пытки и поединки, если тяжба идет о предмете свыше одной марки серебра. Вот почему все такие дела решаются в Морской палате (la cort de la chaene, то есть цепной суд; Морские палаты учреждались в портовых городах, где гавань преграждалась цепью, откуда и название самой палаты), если только дело не идет о грабеже, убийстве или измене; все подобное решается в Палате граждан в том случае, когда не будет заключено особого условия между спорящими сторонами, quia contrahentium pacta de jure teneri debent, то есть все договоры, которые не противны закону, должны быть соблюдаемы.

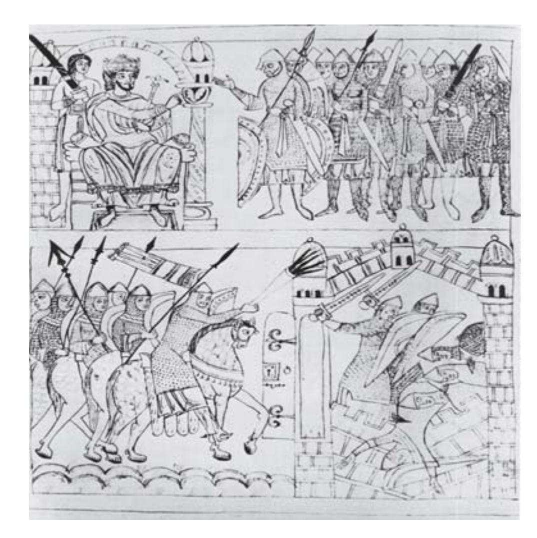
ГЛАВА II

Здесь
говорится о человеке, который нанял корабль для перевоза своего имущества в известное место, а оно было отвезено в другую сторону.

Если кто-нибудь нанимает другого доставить 20 или 100 византинов (besans – золотая монета в 9 $^1/_2$ франка) за море, например, на о. Кипр, и договаривается с ним уступить ему за то часть своей прибыли; а между тем тот, кто получает эту сумму, предпримет другое плавание, то есть поедет не в ту сторону, в которую условились, и случится так, что корабль разобьется или византины будут утрачены, то в таком случае разум повелевает, чтобы мореход уплатил владетелю те византины, ибо он своевольно отправился туда, куда не было условлено. И если случится, что мореход получит барыш от своего плавания, то он должен уступить часть его владетелю имущества (cire de l'aver), как то предписывают право и ассиз.

[1] Так как морской кодекс был включен составителем XII в. в число ассиз Палаты граждан, то первая глава занимает в самом сборнике место главы XLIII (см. о том выше).

[2] Амальрик I был шестым королем Иерусалима и правил в 1162–1173 гг.



Часть расписанных окон Сен-Дени (близ Парижа), сейчас утерянных. Они были разрисованы в XII в., и эти репродукции отображают сцены из первого Крестового похода. Справа на обеих иллюстрациях находятся сельджуки, которых средневековый художник изобразил сильно похожими на европейцев, что являлось обычной практикой для того периода. Однако на одной из фигур в каждой иллюстрации была сделана попытка точно воспроизвести доспехи, носимые сельджуками в эру Крестовых походов

ГЛАВА III

Здесь
говорится о том обстоятельстве, когда приходится выбросить имущество в море, по случаю бурной погоды, чтобы облегчить корабль или судно, подверженное опасности.

Если случится, что корабль или судно встретится с бурей, и люди выбросят в море товары, одежду и имущество, чтобы облегчить корабль и спасти жизнь, то разум повелевает, чтобы они, немедленно по прибытии в спасительную гавань, прежде всего показали, чего стоит корабль или судно со всем своим такелажем и вещами, находящимися на корабле, кроме собственной одежды, которая будет на их плечах. Но если на них будут золотые серьги, кольца, серебряные пояса, то все это должно быть оценено на византины, вместе с прочим имуществом, рабами и рабынями. И знайте, что имущество, брошенное в море, не должна быть оценяемо свыше того, чего оно стоило, но считая все расходы, сделанные на него (o ces avaries); точно так же и имущество, представленное в гавани, оценивается по цене своего места. Ибо оценка по тому месту, куда прибыл корабль, была бы несправедлива: случайным образом, в том месте одна вещь в это время имеет цену, а другая не имеет. Положим, я купил что-нибудь за 20 византинов, и могу теперь получить за ту вещь 100, а другой купил за 100 и получил только 20; таким образом, при оценке потери, если каждому дать свою часть, одни много выиграют, ибо их имущество в этом месте имеет высокую цену, а другой понесет все убытки крушения: это несправедливо. Вот почему закон и ассиз предписывают, чтобы и выброшенное и представленное было оценено по тому, что стоило прежде. И когда выброшенное и представленное будет оценено, по показаниям купцов, лоцмана (noclier) и мореходов, закон и ассиз повелевают после того, чтобы присяжные Морской палаты сообразили потерю на каждые 100 византинов, то есть определили, сколько потеряно на 100 византинов. И если не поверят хозяину корабля, а именно, что выброшено не столько, сколько показано, то палата призывает лоцмана и честнейших из моряков и приказы-

вает им клясться над святыми; и после того, на основании их показаний, каждый берет на себя свою долю потери: таково право и смысл ассиза земли королевства Иерусалимского.

ГЛАВА IV

Здесь
говорится о том случае, когда мореходы условились предпринять плавание, и, получив задаток, раскаялись.

Если случится, что мореходы условились с хозяином корабля предпринять плавание и взяли половину жалованья в задаток и потом раскаялись, то разум повелевает, чтобы они возвратили судохозяину взятые ими деньги вдвойне; и если они уже отправляли какую-нибудь службу на корабле, например, стерегли его или нагружали, то за это не получат ничего, ибо они нарушили условие. И если мореходы откажутся о службы именно в ту минуту, когда корабль должен выступить, и хозяин второпях должен будет нанять других, более дорогих, или потерпит другой убыток, то по праву они обязуются уплатить ему убыток, имеющий произойти вследствие того. Точно так же, если хозяин наймет мореходов для плавания и потом раскается, то все, что он им выдал, остается по праву в их пользу. И если он предпримет другое плавание, а не то, для которого нанял, более отдаленное или близкое, то мореходы не обязаны, если не хотят, следовать за ним, и должны, по праву и по ассизу, быть рассчитаны; quia illa particula solito ex conventione totum debitum in se portat.

ГЛАВА V

Здесь
говорится о худом христианине, который везет в сарацинскую землю запрещенный товар, и как должно поступить с ним правосудие.

Если случится, что мореход или купец, кто бы то ни был, везут запрещенный товар (aver devee) в землю сарацин, как-то: вооружение, коней, железные подковы, копья, арбалеты, шлемы, железные или стальные полосы, то он может быть представлен в Морскую палату мореходами или купцами, бывшими там, и которые видели, как он продавал и доставлял сарацинам те запрещенные вещи; если же доставленное им таким образом превышало ценой одну марку серебра, то все его имущество отбирается владетелем земли, а он присуждается Палатой граждан к повешенью за шею, но после того, как присяжные морской палаты получат удостоверение в его измене от свидетелей (les garans): таково право и смысл ассиза.

ГЛАВА VI

Здесь
говорится о том случае, когда кто-нибудь найдет корабль для перевоза по морю своих вещей, и на дороге корсары отнимут все, как у него, так и у других, или корабль разобьется и все погибнет.

Если случится, что кто-нибудь наймет другого для перевоза его имущества по морю с целью барыша и на риске в отношении моря и людей, и корсары встретятся и отнимут все, или буря разобьет корабль, и все погибнет, то разум повелевает, чтобы хозяин корабля не отвечал ни за что и ничего не уплачивал. Но если судохозяин прибудет благополучно на место, и уже на берегу вступит в ссору и убьет кого-нибудь, и владетель земли отнимет у него все, что он имеет, то право повелевает ему вознаградить людей за все, что он принял от них, ибо несправедливо, чтобы люди, нанявшие его с хорошей целью, лишились имущества по его ошибке и глупости. Он сделал зло, пусть он же и отвечает. Если же судохозяин взялся доставить товар сохранно на берег, то ассиз и право повелевают ему возвратить все в случае потери. И если ему нечем заплатить, то Морская палата сажает его в темницу; и когда он будет посажен в темницу, тот или та, за кого его сажают, обязаны доставить вперед на 7 дней хлеба и воды (aigue), если не заблагорассудят дать что-нибудь больше; таково право и смысл ассиза.

Страница из «Книги Страшного суда» Вильгельма Завоевателя. XI в.

ГЛАВА VII

Здесь

говорится об имуществе, выброшенном в море и найденном впоследствии на дне или на берегу реки, и какую часть получает тот, кто найдет вещи на дне, и тот, кто найдет их на воде.

Купцы, пускающиеся в море, или другие люди в случае бури выбрасывают свое имущество и платье за борт; и если кто найдет то плавающим на воде, то нашедший получает по праву половину, а остальное возвращается владетелю. Но если вещи будут найдены на дне моря, то нашедший получает одну треть, потому что вещи, оставаясь на дне морском, ожидают своего владетеля. И если владетеля не окажется, то его доля отходит к господину той земли. И если корабль ударится о берег, вследствии сильного ветра или в тихую погоду, или погибнет другим каким-нибудь образом, то имущество, находящееся на нем, должно сохраниться в пользу того, кому оно принадлежало. Но где бы корабль ни разбился, у берега или в открытом море, руль и малая мачта должны принадлежать владетелю земли; ибо блаженной памяти король Амори дал такое право по всему Иерусалимскому королевству. Inde enim consueverunt bona prodire exempla, unde quondam per actorem omnium animarum celitus saluberrima sunt tradita documenta. То есть: отсюда обыкновенно получали начало добрые примеры, которые некогда творец мира дал добрым душам, как доброе небесное наставление.

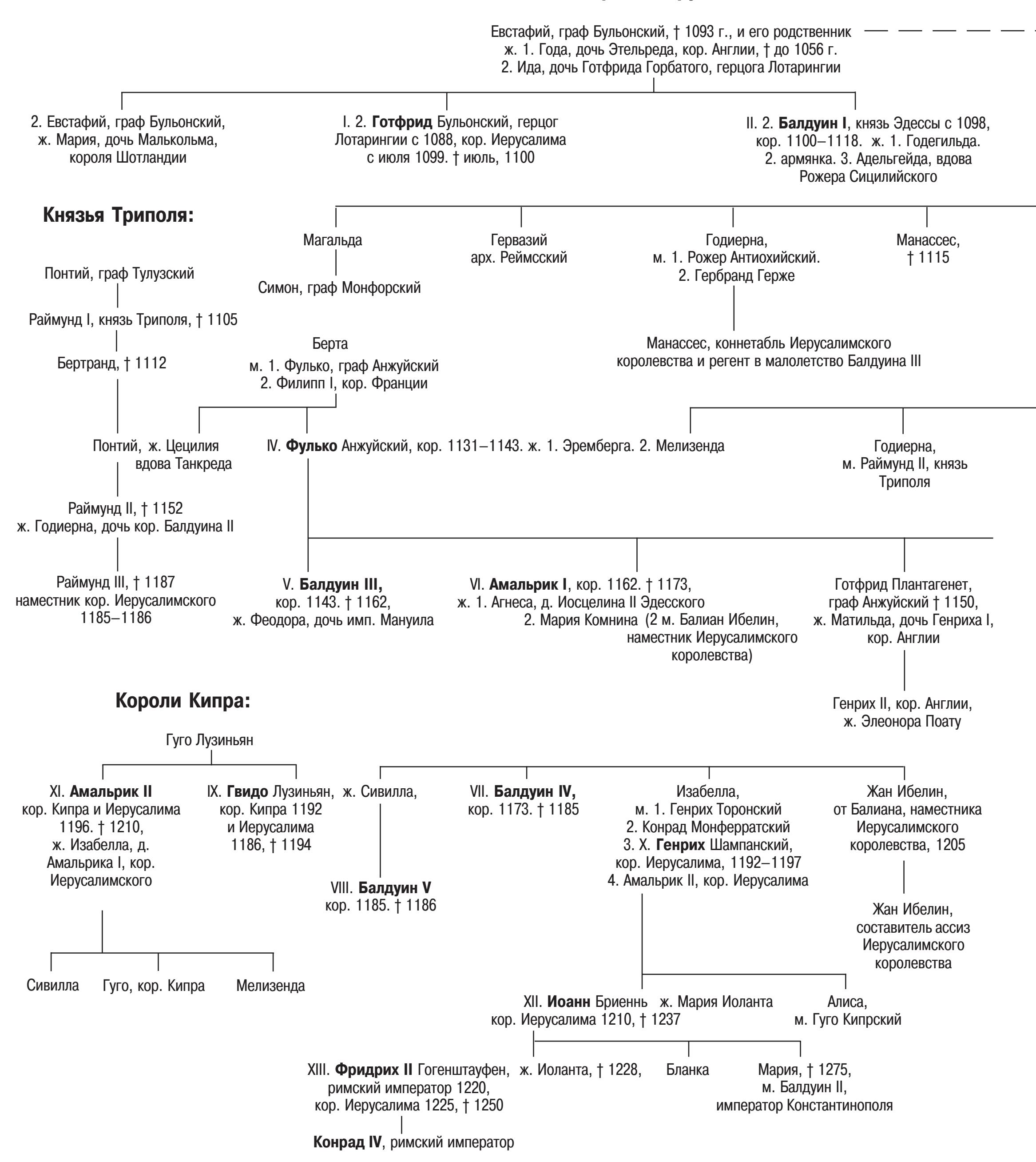
КОММЕНТАРИЙ. «Письма Гроба Господня», или Ассизы Иерусалимского королевства (Lettres dou Sepulcre, или Assises du royaume de Ierusalem) составляли законодательство латин, поселившихся в Палестине (см. о их происхождении и дальнейшей судьбе текста выше). Древний текст их

погиб в 1187 г. при взятии Иерусалима Саладином; но они были хорошо известны каждому на память, и сначала в Акре, до 1291 г., а потом на Кипре после изгнания христиан из Азии, ассизы продолжали свое действие. Но при таком способе сохранения ассиз, они подверглись изменениям и толкованиям, а потому уже в XIII столетии явились в Палестине юристы, которые взяли на себя труд изложить письменно то, что держалось одной памятью. Из таких составителей сборников особенно замечателен Жан Ибелин; но он ограничился одними ассизами Верхней палаты и притом изложил их с комментариями и в форме юридических мемуаров. Неизвестный составитель ассиз Нижней палаты трудился еще до завоевания Иерусалима, между 1173 и 1182 гг., и потому текст приводимых им ассиз сжат и краток, ибо он мог иметь перед глазами подлинные ассизы; но он не ограничился главной своей задачей, и поместил 7 глав ассиз Морской палаты, чему мы и обязаны их сохранением. Превосходное издание одного морского кодекса с переводом и примечаниями находится у Pardessus «Collect. des lois maritimes», t. I, c. 270 и след.

Ассизы Иерусалима служат важным дополнением историков того времени, обращавших внимание на внутреннюю сторону жизни латинских колоний на Востоке. Сверх того, они составляют главное средство к изучению вообще феодального быта, ибо латины, хотя и видоизменили многое в феодальном праве под влиянием новых обстоятельств, но тем не менее главнейшие основы феодального быта, сложившегося в Западной Европе, нашли в них себе отражение и древнейшее письменное свидетельство.

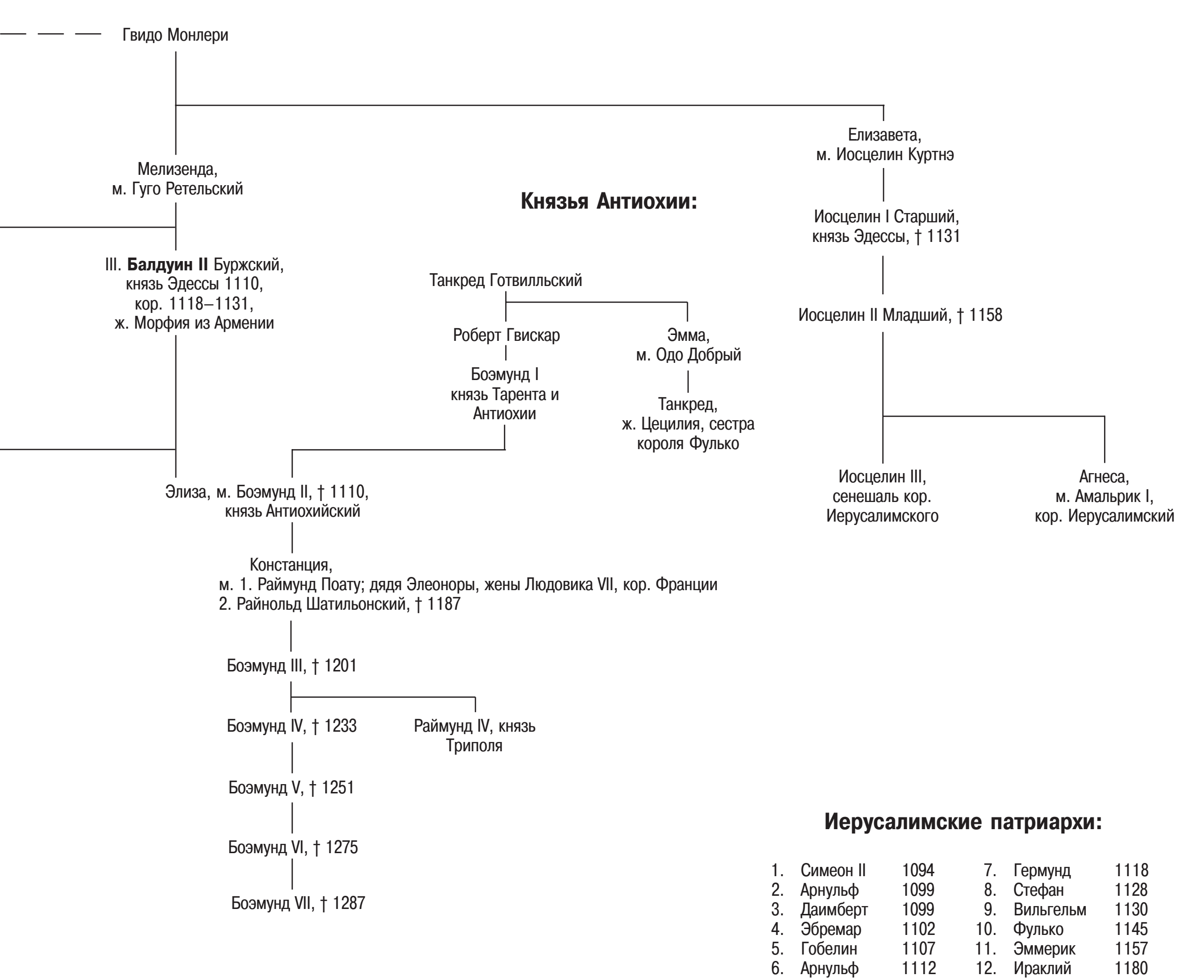
РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА ЛАТИНСКИХ

в XII и



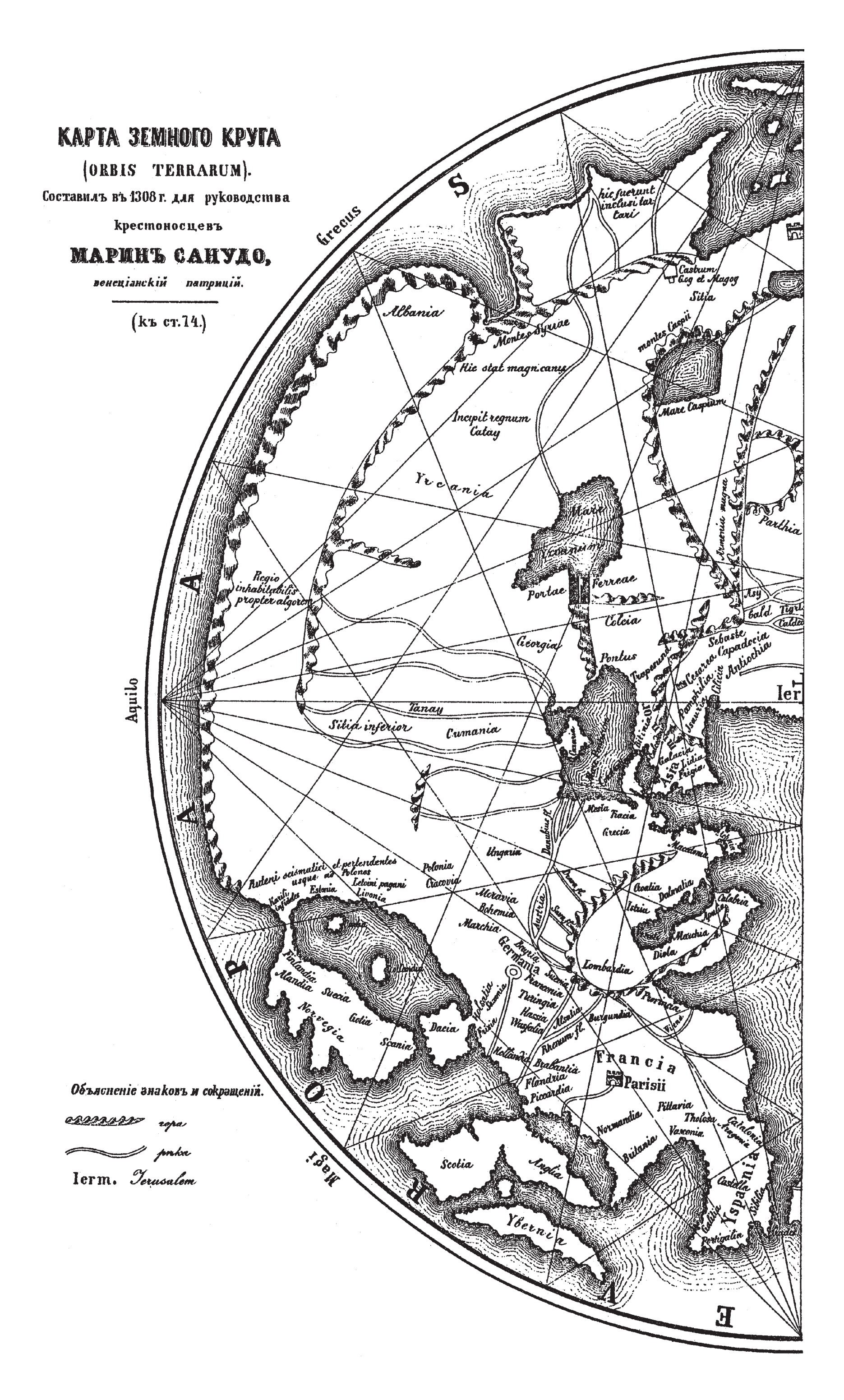
КОРОЛЕЙ И КНЯЗЕЙ ПАЛЕСТИНЫ

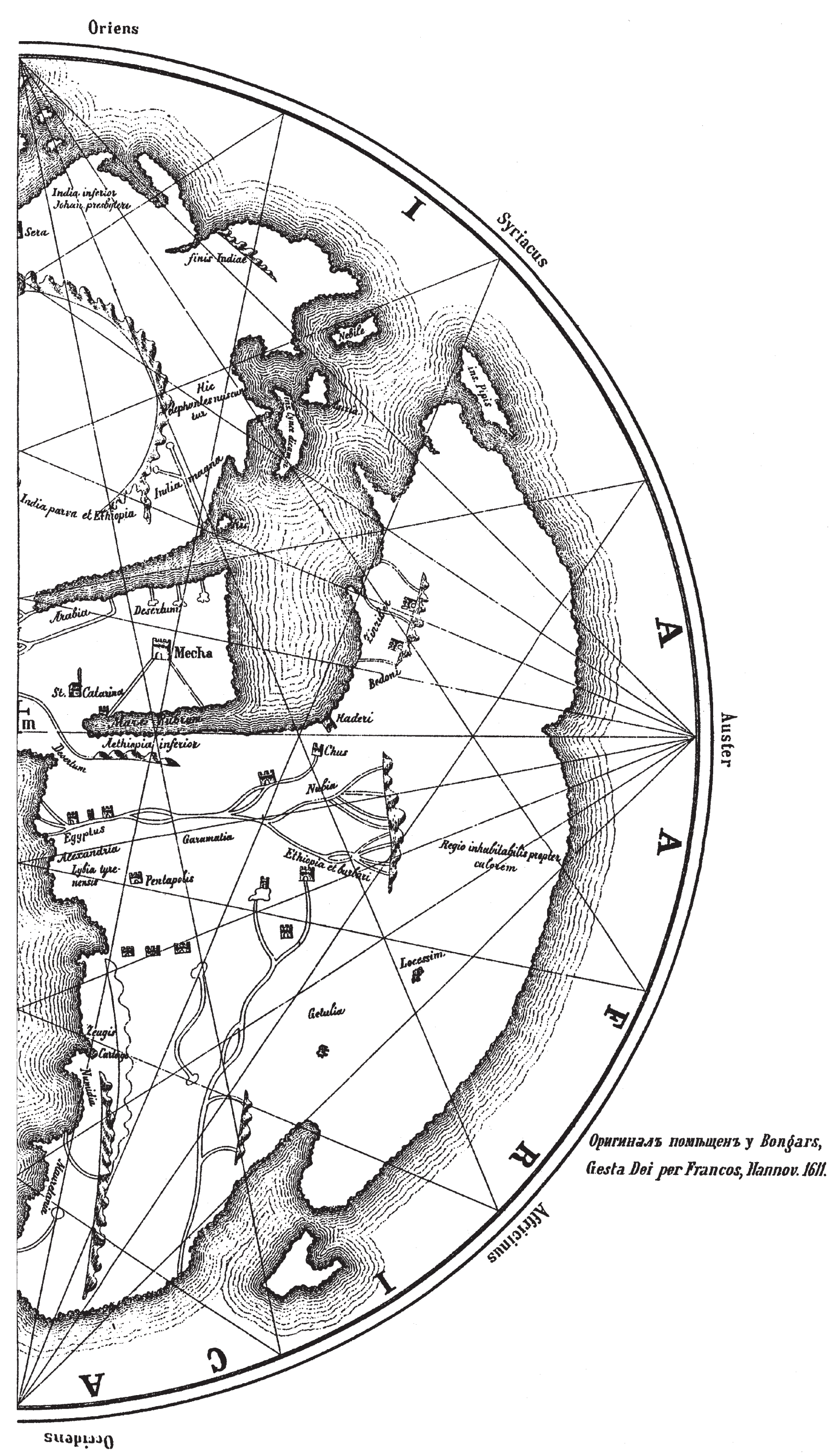
XIII вв.



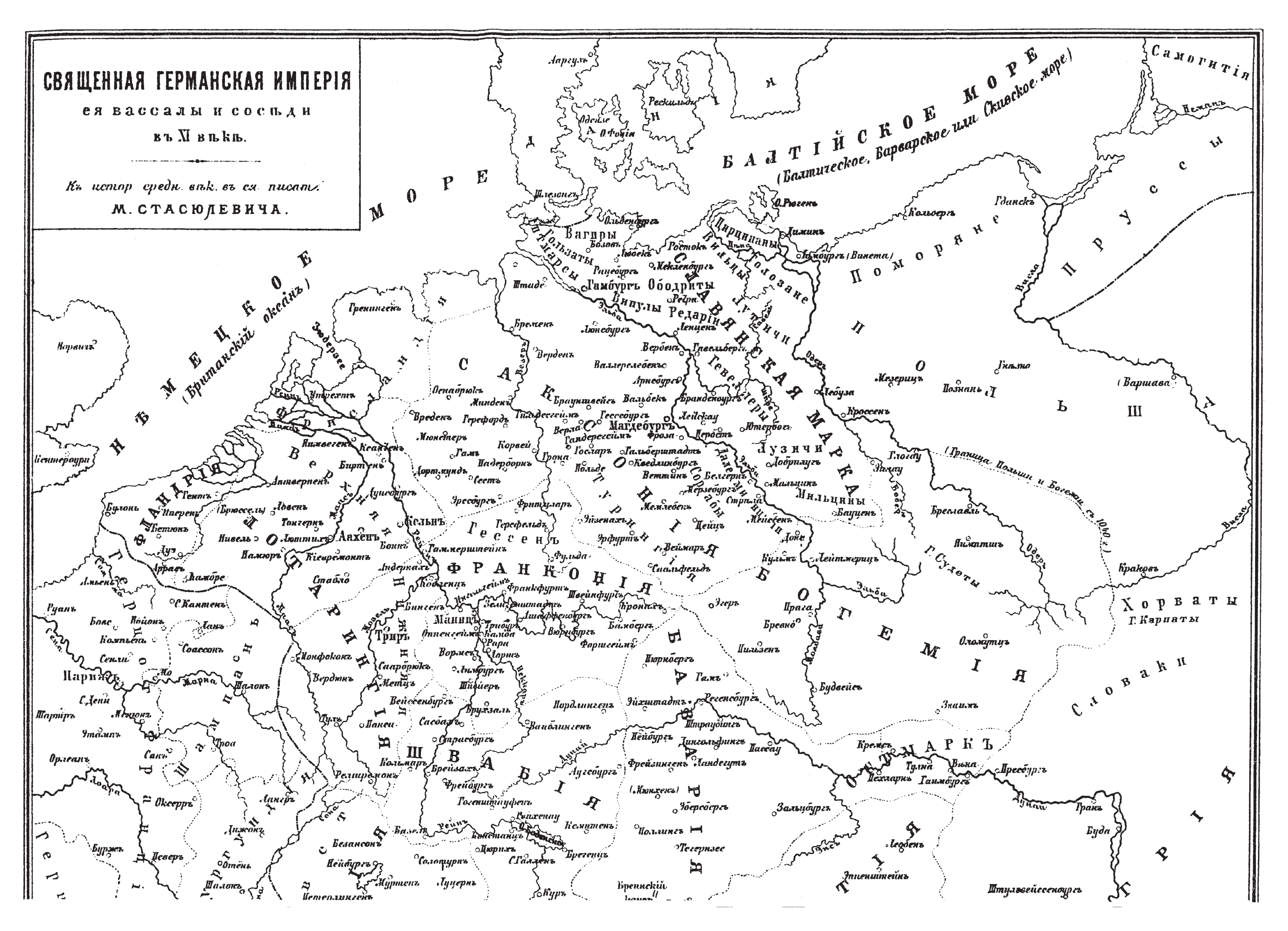
Иерусалимские патриархи:

1.	Симеон II	1094	7.	Гермунд	1118
2.	Арнульф	1099	8.	Стефан	1128
3.	Даимберт	1099	9.	Вильгельм	1130
4.	Эбремар	1102	10.	Фулько	1145
5.	Гобелин	1107	11.	Эммерик	1157
6.	Арнульф	1112	12.	Ираклий	1180

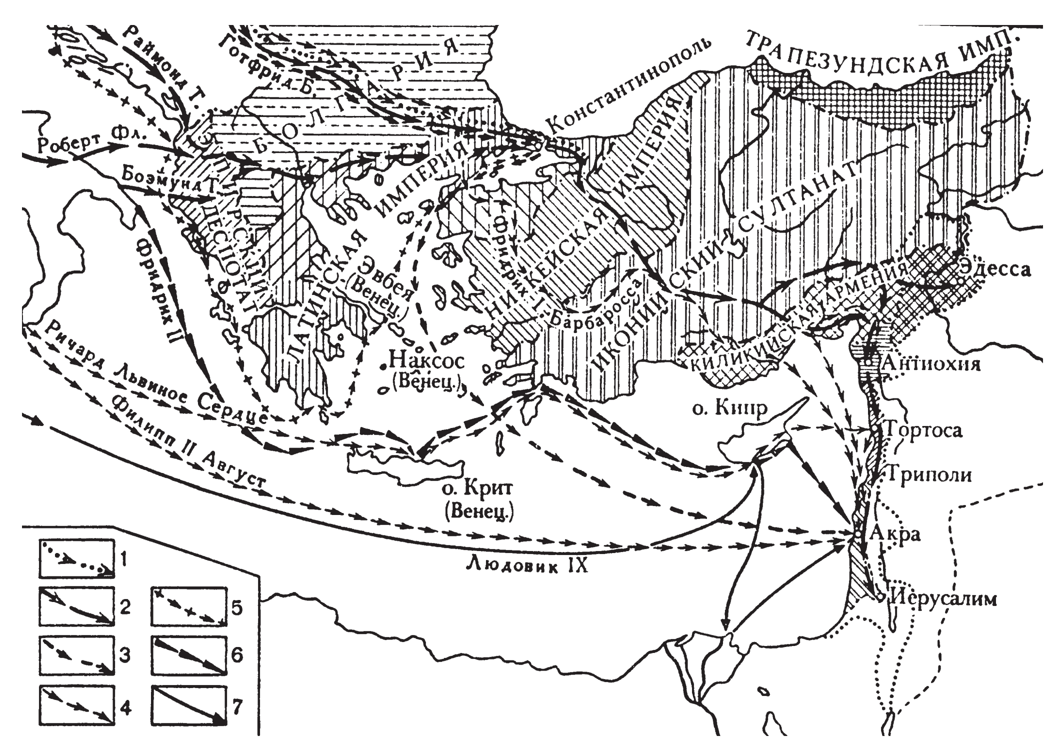

КАРТА ЗЕМНОГО КРУГА
(ORBIS TERRARUM).
Составилъ въ 1308 г. для руководства
крестоносцевъ
МАРИНЪ САНУДО,
венеціанскій патрицій.
(къ ст. 74.)
Объясненіе знаковъ и сокращеній.
гора
рѣка
Ierm. Jerusalem
Grecus
Aquilo
Magi
Albania
Montes Syriae
Hic stat magni canis
Incipit regnum Catay
Yrcania
Regio inhabitabilis propter algorem
Mare Caspium
Portae Ferreae
Colcia
Georgia
Pontus
Parthia
Sebaste
Capadocia
Antiochia
Tanay
Sitia inferior
Cumania
Mesia
Tracia
Grecia
Ungaria
Polonia
Cracovia
Livonia
Estonia
Moravia
Bohemia
Marchia
Austria
Lombardia
Istria
Croatia
Dalmatia
Macedonia
Calabria
Germania
Burgundia
Francia
Parisii
Flandria
Piccardia
Normandia
Britania
Pittaria
Tholosa
Vasconia
Catalonia
Castella
Ispania
Portigalia
Scotia
Anglia
Ybernia
Norvegia
Suecia
Gotia
Scania
Dacia
Finlandia
Ier
S
A
A
P
O
R
V
E



Оригиналъ помѣщенъ у Bongars, Gesta Dei per Francos, Hannov. 1611.


СВЯЩЕННАЯ ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРІЯ
ея вассалы и сосѣди
въ XI вѣкѣ.
Къ истор средн. вѣк. въ сх. писат.
М. СТАСЮЛЕВИЧА.
НѢМЕЦКОЕ МОРЕ
(Британскій океанъ)
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
(Балтическое, Варварское или Свѣвское море)
СЛАВЯНСКАЯ МАРКА
САКСОНІЯ
ФРАНКОНІЯ
ЛОТАРИНГІЯ
БАВАРІЯ
ШВАБІЯ
БОГЕМІЯ
ОСТМАРКЪ
ФЛАНДРІЯ
Поморяне
Пруссы
Хорваты
Словаки
Самогитія

СОСТАВЪ
св Римской Имперіи
1 Саксонія, съ Турингіею и Славянскою Маркою или Нордальбингіею
2. Франконія, съ Гессеномъ.
3 Верхняя и Нижняя Лотарингія
4. Фрисландія
5. Фландрія
6. Швабія или Алеманнія.
7. Баварія и Остмаркъ
8. Каринтія съ Истріею и Краиною
9 Королевство Бургундское
10. Ломбардія
11. Итальянскія герцогства: Тусція, Камерино, Сполето, Беневентъ, Салерно, Апулія, Калабрія и Остр Сицилія
12. Вассальныя владънія: Венгрія, Богемія и Польша
Адріатическое море
Корсика
Сардинія
О. Сицилія
Герцог Камерино
Герцог Сполето
Герц. Беневентъ
Герцог Салерно
Апулія
Кампанія
Ломбардія
Прованс
Истрія
Краина
Сирмія
Далматы
Сербія
Рим
Равена
Генуя
Павія
Милан
Верона
Венеція
Неаполь
Салерно
Марсель
Арль



Крестовые походы (XII–XIII вв.):
1 — поход бедноты (1096 г.); путь крестоносцев: *2* — в Первом крестовом походе (1096–1099); *3* — во Втором крестовом походе (1147–1149); *4* — в Третьем крестовом походе (1189–1192); *5* — в Четвертом крестовом походе (1202–1204); *6* — в Шестом крестовом походе (1228–1229); *7* — в Седьмом крестовом походе (1248–1254). Границы государств указаны на начало XIII в., после Четвертого крестового похода. *(На схеме не указаны пятый и восьмой крестовые походы.)*

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ XII–XIII вв.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

История Иерусалимского королевства до взятия Эдессы. 1095–1147 гг.

ISBN 5-89173-099-5

Научно-популярное издание

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ
Крестовые походы (1096–1291 гг.)

Составитель М. М. Стасюлевич

Главный редактор *Н. Л. Волковский*. Редактор *И. В. Петрова.*
Технический редактор *И. В. Буздалева.* Корректор *И. С. Миляева.*
Компьютерная верстка *Е. М. Петровой.* Компьютерная графика *О. И. Орлова*

Подписано в печать 15.05.2001. Формат 70×100 $^1/_{16}$. Печать офсетная.
Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 37,0. Усл. печ. л. 47,73. Тираж 5000 экз. Зак. № .

ЛР ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.
Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23.
E-mail:polygon@spb.cityline.ru

ЛР ИД № 066236 от 22.12.98 г.
ООО «Фирма «Издательство «АСТ»,
129075, Москва, Звездный бульвар, 21

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6»,
193144, С.-Петербург, ул. Моисеенко, 10.